

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXVII-й.

ОКТАБРЬ.

1896 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ:

I. Императрица Александра Феодоровна въ своихъ воспоминаніяхъ.	5—80	смаго. Гл. XV. Пер. В. В. Тихошукъ.	209—225
II. Императоръ Николай I въ 1830—1831 гг. (Изъ зап. графа А. X. Бенкендорфа). Сообщ. Н. К. Шильдеръ	65—96	XII. Изъ бумагъ В. Г. Теплякова А. Ф. Шидловскаго.	227—236
III. Алексій Петровичъ Ермоловъ (Материалы для біографіи, его расклым и перепіска)	97—120	XIII. Записная книжка „Русской Старины“: Вспомогательное письмо князя Н. Репнина о сложении вдовинки съ помѣщичьихъ крестьянъ (стр. 61).—По поводу толковъ объ освобожденіи крестьянъ въ 1830 году. Сообщ. Д. П. Студеникинъ. (130) Письмо С. С. Уварова — М. М. Сперанскому. Сообщ. акад. А. Ф. Вычкова. (158). — Страницка изъ академической жизни 1750 г. Сообщ. акад. К. С. Веселовскій (170) — Театральныя впечатлѣнія В. П. Аскоченскаго, самимъ имъ описанныя (192).— Указъ Сенату о наследованіи имущества послѣ О. П. Ководавлева. (208) — Императоръ Николай на Кавказѣ въ 1837 г. (226).	
IV. Черкискій заговоръ о побѣгѣ на Амуръ и на острова Восточнаго Океана. Н. Оглобина.	121—129	XIV. Библиографическій указатель книгъ и статей по русской исторіи	237—240
V. Павелъ Александровичъ Гвоздевъ и его стихотворенія	131—134	XV. Библиографическ. листокъ (на оберткѣ).	
VI. Д. П. Руничъ и поэтъ Байронъ	135—138		
VII. Императоръ Александр I и гр. Арифельдъ 1811—1812 гг. Оконч.	139—157		
VIII. Лазарь Карно въ Варшавѣ въ 1816 г. Г. А. Воробьева.	159—169		
IX. Я. М. Гротъ и П. А. Плотневъ. (Изъ переписки) В. Дачикова.	171—191		
X. Густавъ IV и вел. княжна Александра Павловна. 1784—1796 гг. Оконч. Барова Н. В. Дризенъ.	193—207		
XI. Записки Михаила Чайков-			

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Императрицы Александры Феодоровны на 39 году жизни.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ внд. 1896 г.

*Можно получить журналъ за нѣсколько годъ, см. 4 стран. обертки.

Премъ во дѣлакъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3и по полудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Висоцкаго утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,
Большая Подълесная, 39

1896.

X-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го октября 1896 г.

Библиотека "Руниверс"

Библиографическій листокъ.

„Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“. Томъ девяносто пятый, С.-Петербургъ, 1895 г. Изданы подъ редакцію Г. Ѳ. Карпова и Г. Ѳ. Штендмана.

Разсматриваемый нами томъ „Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“ служитъ продолженіемъ изданія „Памятникомъ дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ державами иностранныхъ“. Въ общемъ онъ содержитъ въ себѣ дипломатическія сношенія древней Россіи съ Ногайскою и Крымскою ордами и съ Турціею за время правленія великаго князя Василія III и обвиняетъ собою время съ 18-го апрѣля 1508 по 2-е августа 1521 года.

Что касается цѣли сношеній съ ордами, то главная цѣль со стороны Василія Іоанновича состояла въ томъ, чтобы добиться заключенія союза противъ литовскаго великаго князя ¹⁾, а со стороны крымскаго царя — чтобы освободить изъ московскаго плѣна крымскаго царевича Абдиль-Легифа²⁾ и получить помощь противъ Астраханскаго царства.

Великій князь Василій III въ 1508 году апрѣля 18-го посылаетъ посольство съ княземъ Темиремъ къ пагайскимъ и мурзамъ о возобновленіи взаимныхъ сношеній и союза противъ общаго непріятеля, литовскаго великаго князя: „послать князь великій въ Нагай князя Темира Яхшенна къ Асану князю и къ инымъ княземъ и мурзамъ зъ грамотами для литовскаго дѣла; а грамоты съ ними посланы отворчатые зъ большими печатми. А что къ нимъ князь великій въ грамотахъ своихъ писалъ, то къ нимъ съ Темиремъ и словомъ приказывалъ. А писаны грамоты по-татарски“.

Грамоты къ князьямъ и мурзамъ нагайскимъ почти всѣ одного содержанія ³⁾, съ некоторыми лишь вариациями. Въ грамотѣ князю Асану, между прочимъ, читаемъ: „И Божья воля съ сталася, отца нашего великаго князя Ивана въ животѣ не стало; а на конѣ государствѣхъ былъ отецъ нашъ государемъ, а Божьею волею на тѣхъ государствѣхъ нимъ мы государемъ“. И далѣе: „Литовской (т. е. великій князь Сигизмундъ I) зати вашего Шягъ-Ахмета царя поималъ, а хочеть его убить; а намъ Литовской недругомъ ся учинилъ; ино Литовской какъ пнѣи вамъ недругъ, такъ и мнѣ недругъ, и вы бы со мною били на своего и на моего

недруга на Литовского и на всякого моего недруга заодить; а мнѣ бы есте пошли на своего и на моего недруга на Литовскую землю и на недругу бы есте ему свою чинили, какъ вамъ Богъ пособитъ“.

Въ наказѣ князю Темирю Василій Іоанновичъ даетъ слѣдующую инструкцію: „и Темирю отъ великаго князя Асану князю и мурзамъ поклонѣ правити, а молвити: Князь великій Василій Іоанновичъ всеа Русіи велѣтъ тебѣ поклонигися. Да грамоту подати, да и поминковъ подати... И Темирю молвити: толко вы учините государю нашему передо мною правду на томъ, что вамъ со государемъ съ нашимъ съ великимъ княземъ быти въ правдѣ и въ дружбѣ, и на своего и на его недруга Литовского быти вамъ съ нимъ заодить, и изъ вамъ дамъ правду на томъ, что государь нашъ вамъ даетъ правду на томъ, что съ вами въ правдѣ и въ дружбѣ будетъ, а на вашего и на своего недруга на Литовского съ вами будетъ заодить“.

Ногайскіе князья и мурзы, съ своей стороны, подъ различными предлогами, посылаютъ своихъ посланцевъ къ великому князю: съ предложеніемъ услугъ, союза противъ короля и крымскаго юрта и съ разными просьбами. Такъ, 9-го мая, пріѣхалъ Иванъ-ча Москвитинъ, а съ нимъ „пріѣхалъ къ великому князю изъ Нагай отъ Янъ-Магмета мурзы человекъ его Исень-Бахтия зъ грамотою“. Въ этой грамотѣ: „Изъ далніе земли ближнею мыслью отъ Янъ-Магмета мурзы Василью князю много много поклонѣ. Послѣ поклона вѣдомо бы было: напередъ того съ отцомъ и зъ дядею да такъ и взимокъ бывалъ, и мы потомужъ Исень-Бахтия паробка своего послали есма, какъ гораздо посмотрятъ сами вѣдаютъ, они бы тамо поздорову были, а мы бы здѣ поздорову были, а добра бы много было, дай Боже такъ“.

Объ окончаніи этого посольства сказано: „А отпустилъ князь великій того Янъ-Магметова человекъ Исень-Бахтия вмѣстѣ съ асторокавскими послы, а толмача съ ними послалъ одного до Новогорода до Нижнего, корми имъ давати, Дениска Максимова: а пропуская грамоты по городомъ и въ Казань ко царю писаны во ординскихъ тетрачахъ“.

Для ознакомленія читателей съ крымскими и дѣлами, мы остановимся на посольствѣ отъ царя Менгли-Гирея къ великому князю Василью Іоанновичу съ княземъ Магмедшей съ товарищами. Говоря текстуально, — „встрѣчали ихъ (Магмедшу съ товарищами) отъ великаго князя околичней Костянтинъ Григорьевъ Заболотцкой да съ нимъ дѣакъ Лука Семеновъ и благовѣщенскіе паперти на лѣстницѣхъ на нижней, что сходять на площадь“. Послѣ приѣма пословъ и полученія грамоты, великій князь „Магмедшу князя и всѣхъ пословъ звалъ къ себѣ, да руку на нихъ клалъ, да и о здоровіи ихъ самихъ спросилъ и зсти ихъ звалъ. И того дни и ѣли у великаго князя“.

¹⁾ Сигизмундъ (Жигимондъ) I Казиміровичъ, король польскій и великій князь литовскій, недругъ московскаго великаго князя; въ большинствѣ случаевъ называется просто „литовскій“ или „литовской“.

²⁾ Пасынокъ крымскаго царя Менгли-Гирея, сынъ цариды Нуръ-салтанъ.

³⁾ „А къ Агашу мурзѣ, Емгурчесеву сыну, послана съ Темиремъ такова зъ грамота, слово въ слово, какъ и къ Алатъ-мирзѣ“.

Императрица Александра Фёдоровна

на 39^{мъ} году жизни.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го января 1870 г.

1896.

ОКТАВРЬ.—НОЯВРЬ.—ДЕКАВРЬ.

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ВОСЬМОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза“, Бол. Подъяч., 39.

1896.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1897 годъ.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный историческій журналъ «**РУССКАЯ СТАРИНА**», вступая въ 1897 году въ двадцать восьмой годъ своего существованія, остается въ будущемъ вѣрнѣе своей первоначальной программѣ—разрабатывать русскіе историческіе матеріалы и знакомить читателей съ историческими дѣятелями Русской земли. Независимо отъ строгой разработки чисто историческаго матеріала, на страницахъ «**РУССКОЙ СТАРИНЫ**» читатели найдутъ, личные записки и мемуары частныхъ лицъ, освѣщающіе дѣятельность лицъ историческихъ и современной имъ эпохи.—Для того же, чтобы читатели «**РУССКОЙ СТАРИНЫ**» имѣли возможность слѣдить за вновь выходящими историческими сочиненіями и статьями помѣщаемыми въ періодическихъ изданіяхъ, съ 1894 г. введенъ особый библиографическій указатель.

Программа изданія остается прежняя и будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Семейныя хроники; 3) Записки и воспоминанія; 4) Очерки и разсказы; 5) Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 6) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 7) Переписка замѣчательныхъ лицъ, автобіографіи, замѣтки и дневники; 8) Историческіе разсказы и преданія; 9) Челобитныя и разные документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 10) Мемуары и разсказы иностранцыне, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 11) Народная словесность; 12) Архивныя документы; 14) Родословія.

Редакція не считаетъ нужнымъ перечислять статьи находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благоклонномъ участіи которыхъ успѣхъ нашего изданія можно считать вполне обеспеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками.

Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Н. Дубровинъ.

Лица, не бывшія подписчиками въ 1895 и 1896 гг., если пожелаютъ получить двѣ части Записокъ В. А. Инсарскаго, которыя были напечатаны въ 1894 и 1895 гг., приплачиваютъ 1 р.

Войсковыя части могутъ выписывать «РУССКУЮ СТАРИНУ» чрезъ редакцію «Досугъ и Дѣло».

РЕДАКЦІЕЙ ОТПЕЧАТАНЫ И ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

ЗАПИСКИ С. Н. ГЛИНКИ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Въ отдѣльной продажѣ цѣна 3 руб.

Для подписчиковъ «Русской Старины» на 1897 г., подписавшихся до 1 февраля, уступаются за 1 р. 50 к.

БАРОНЪ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ КОРФЪ

ВЪ ПИСЬМАХЪ КЪ НЕМУ РАЗНЫХЪ ЛИЦЪ.

М. Л. Песковскаго.

Цѣна 1 рубль безъ пересылки.

Подписчики на «Русскую Старину» за пересылку ничего не платятъ.

== Иногородные подписчики адресуютъ свои требованія и высылаютъ деньги непосредственно въ главную контору, въ Петербургъ, Фонтанна, 145. Кроме того, подписка принимается въ Москвѣ, Кіевѣ, Варшавѣ, Харьковѣ, Одессѣ и другихъ провинціальныхъ городахъ при главныхъ книжныхъ магазинахъ. ==

За своевременную и аккуратную доставку журнала редакція принимаетъ на себя полную отвѣтственность только въ томъ случаѣ, если подписка сдѣлана непосредственно чрезъ Петербургскую контору «Русской Старины».

ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ТЕОДОРОВНА ВЪ СВОИХЪ ВОСПОМИНАНІЯХЪ.

Императрица Александра Теодоровна родилась 1-го іюля 1798 г. и скончалась 19 октября 1860 г., на 62-мъ году отъ роду. Вскорѣ послѣ ея кончины и именно въ 1861 году была издана брошюра подъ заглавіемъ „A la mémoire de l'impératrice Alexandra Fëodorovna“, посвященная памяти въ Возѣ почившей государыни. Деньги, вырученныя отъ продажи этой книги, предназначались на содержаніе православной церкви въ Ниццѣ, сооруженной на пожертвованіе русскихъ, проживавшихъ въ этомъ городѣ, причѣмъ весь иконостасъ былъ пожертвованъ императрицею Александрою Теодоровною, предшедшею въ Ниццѣ всю зиму 1857 года. Считаемъ уместнымъ привести выдержки изъ вышеназванной брошюры, мало извѣстной русскимъ читателямъ, и затѣмъ помѣстить на страницахъ журнала воспоминанія императрицы, къ сожалѣнію оканчивающіяся 1820-мъ годомъ. Ред.

Нѣмѣ императрицы Александры Теодоровны тѣсно связано съ именемъ ея августѣйшаго супруга, императора Николая I, съ которымъ ее соединяла до конца жизни самая искренняя, самая горячая привязанность, которому она была утѣшеніемъ и поддержкою во всѣхъ трудныхъ минутахъ его жизни.

Юная принцесса Шарлотта прусская, будущая императрица Россіи, съ раннихъ лѣтъ выказывала замѣчательную отзывчивость къ горю и страданіямъ близкихъ, свидѣтельствовавшую о добротѣ и нѣжности ея любящаго сердца. Глубокое впечатлѣніе произвела на нее въ молодости скорбь ея матери, королевы прусской Луизы,

одной изъ самыхъ достопамятныхъ женщинъ, скорбь, вызванная политическими событіями 1805—1809 годовъ, разбившими сердце королевы и сведшими ее преждевременно въ могилу. Въ эту эпоху, королева Луиза, читая однажды письмо своей дочери Шарлотты, писанное къ отцу въ Кенигсбергъ, была глубоко тронута чувствами, выраженными принцессой.

— Дорогое и благородное дитя! воскликнула она съ умиленіемъ, какъ нѣжно она любить насъ, какъ трогательно и съ какою искренностью она умѣетъ выразить свои чувства! Между тѣмъ она кажется иногда холодной и равнодушной, точно такъ какъ ея отецъ, который не можетъ излить своихъ чувствъ словами, но у котораго въ груди бьется горячее сердце. Она на видъ равнодушна, но въ то же время полна любви и сочувствія! Это придаетъ ей видъ величія и сообщаетъ всей ея фигурѣ что-то внушающее. Ежели Господь сохранитъ ее, я предчувствую для нея блестящую будущность ¹⁾.

Эти слова оказались пророческими.

15-го декабря 1809 года королева Луиза совершила свой вѣздъ въ Берлинъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія; рядомъ съ нею, въ коляскѣ, сидѣла принцесса Шарлотта. Заслышавъ радостные клики народа, привѣтствовавшаго ея супруга, королева была потрясена ими до глубины души.

— Боже мой, какая божественная музыка! воскликнула она, обращаясь къ дочери;—для меня она такъ же полна гармоніи, какъ священные звуки органа: весь городъ кажется мнѣ сегодня обширнымъ храмомъ. Дорогая Шарлотта, слушай эти радостные крики и звонъ колоколовъ съ благоговѣніемъ; нѣтъ ничего священнѣе, нѣтъ ничего драгоцѣннѣе и пріятнѣе для монарха, какъ радостные возгласы его народа, слышащаго ему навстрѣчу. Тотъ, кто хочетъ заслужить это, долженъ отвѣчать любовью на любовь своего народа, долженъ имѣть сердце, способное раздѣлять его страданія и радости, главное—онъ долженъ быть съ людьми человѣкомъ; помни это, дочь моя, и если тебѣ когда нибудь суждено носить корону, вспомни этотъ торжественный часъ ²⁾.

¹⁾ Mühlbach, Napoleon und Königin Louise, т. III, стр. 160.

²⁾ Тамъ же, т. IX, стр. 215—220.

Безъ сомнѣнія, событія этой памятной для Пруссіи эпохи оставили глубокій слѣдъ въ душѣ молодой принцессы, которая, вступивъ на русскій престолъ, исполнила завѣтъ матери и относилась къ императорской семьѣ и къ русскому народу съ той же любовью, какую доблестная ее мать питала къ своей странѣ и къ своему народу. Трудно передать словами, чѣмъ была императрица Александра Θεодоровна для своей царственной семьи, раздѣляя въ теченіе двадцати девяти лѣтъ радости и горе могущественнаго монарха, которому въ теченіе жизни довелось испытать не мало тревоженій, пришлось быть на вершинѣ могущества и силы, испытать въ свое время и превратности судьбы. — Когда смерть сразила его во цвѣтѣ лѣтъ, императрица, горячо любившая своего супруга, готова была послѣдовать за нимъ въ могилу, но онъ завѣщалъ ей на смертномъ одрѣ «жить, чтобы служить утѣшеніемъ» для семьи.

Утѣшать и облегчать страданія близкихъ—таково было дѣйствительно всю жизнь назначеніе императрицы Александры Θεодоровны.

Россія и вся Европа знаютъ, съ какимъ обожаніемъ относился императоръ Николай Павловичъ къ своей августѣйшей супругѣ. Онъ любилъ праздновать день ея ангела. Однажды, въ день тезоименитства государыни, въ Петергофѣ, по выходѣ изъ церкви, императоръ сталъ во главѣ кавалергардскаго полка, шефомъ котораго была государыня. Какъ простой генералъ онъ командовалъ полкомъ во время парада, отдавъ вонскія почести своему шефу,—императрицѣ,—смотрявшей на войска съ одной изъ дворцовыхъ террасъ. Небо, въ началѣ дня безоблачное, покрылось между тѣмъ тучами; но окончаніи смотра, императоръ подошелъ къ террасѣ и подобно рыцарю, съ глубокимъ почтеніемъ, склонилъ голову предъ императрицею, развелъ руки и, поднявъ глаза къ небу, какъ бы желая этимъ сказать: «я сдѣлалъ все, что могъ, и не моя вина въ томъ, что ненастная погода омрачила праздникъ, начатый столь блистательно».

Императрица Александра Θεодоровна, чуждая всякаго личнаго честолюбія, далекая отъ желанія властвовать, стремившаяся только дѣлать добро и пользоваться своимъ вліяніемъ для того, чтобы помогать ближнимъ, чтобы облегчать ихъ страданія, поставила себѣ

задачею жизни благотворительность во всѣхъ ея видахъ, которая практиковалась ею съ утонченною деликатностью, служившею какъ бы отголоскомъ прекрасныхъ качествъ ея души.

Эти чувства отражались въ ея спокойномъ, ясномъ взглядѣ, который омрачался только при воспоминаніи объ огорченіяхъ, испытанныхъ ея матерью, и о томъ страхѣ и тревогѣ, которыя ей самой довелось испытать въ день восшествія на престолъ императора Николая Павловича.

Кротость и доброта, свойственныя императрицѣ, не исключали въ ея характерѣ твердости, которою она была одарена отъ природы. Она никогда не спѣшила отвѣтить на вопросъ, предложенный ей о какомъ нибудь важномъ предметѣ, памятуя всегда о томъ значеніи какое имѣютъ слова, сказанныя монархами; въ такихъ случаяхъ она сосредоточивалась на мгновение, чтобы обдумать вопросъ, и то, что могло казаться нерѣшительностью, было въ ней признакомъ рѣдкаго качества. Люди, не знавшіе императрицы близко, не имѣли понятія о твердости, которая скрывалась подъ этой кажущейся нерѣшительностью; принявъ же извѣстное рѣшеніе, государыня болѣе не измѣняла его и дѣлала распоряженіе съ видомъ твердой рѣшимости, придававшимъ чертамъ ея лица и походкѣ характеръ величія и твердости. Она не любила повелѣвать, и не разъ говорила, что слова Befehl (приказаніе) и befehlen (приказывать) понятны ей только въ устахъ императора.

Неизмѣнная въ своихъ привязанностяхъ, императрица никогда не мѣнялась по отношенію къ людямъ, почему либо заслужившимъ ея благоволеніе, и, встрѣчаясь съ ними, находила всегда одно изъ тѣхъ удачныхъ, простыхъ словъ, шедшихъ прямо отъ сердца, которыя оставались надолго памяты, вызывая подчасъ у нихъ слезы умиленія.

Въ одинъ изъ своихъ послѣднихъ выѣздовъ изъ дворца, императрица отправилась взглянуть на памятникъ, поставленный императору Николаю I, въ виду Исаакіевскаго собора; отсюда она проѣхала къ графу Владиміру Фодоровичу Адлербергу, который пользовался въ свое время полнымъ довѣріемъ покойнаго императора. Бесѣда съ императрицей произвела на семидесятилѣтняго старца такое глубокое впечатлѣніе, что онъ говорилъ

впослѣдствіи одному изъ своихъ друзей, что «изъ всѣхъ наградъ, полученныхъ имъ за службу покойному императору, самой драгоцѣнной для него наградой было посѣщеніе императрицы».

Какъ часто пользовалась государыня своимъ вліяніемъ, чтобы испросить у императора помилованія или облегченія участи тѣмъ молодымъ людямъ, которые были увлечены своими страстями на ложный путь и должны были платиться долгими годами заключенія за минуту увлеченія!

Врожденная доброта побуждала императрицу оказывать благодѣянія съ удивительною деликатностью и заботливостью о нравственномъ чувствѣ просящаго. Ничто не можетъ лучше характеризовать эту деликатную заботливость, какъ слова, сказанныя ею молодому чиновнику, на обязанности котораго лежало принимать прошенія бѣдныхъ, поступавшія въ ея канцелярію, и навѣщать ихъ.

Освѣдомившись о нравственныхъ качествахъ этого молодого человѣка, императрица призвала его къ себѣ, желая лично переговорить съ нимъ, съ участіемъ разспросила его о личныхъ его дѣлахъ и прибавила:

— На васъ возлагается трудная, подчасъ неблагодарная обязанность; не забывайте однако никогда, что вы имѣете дѣло съ несчастными, выслушивайте ихъ просьбы, памятуя объ ихъ нуждахъ. Я знаю, что эта задача будетъ иной разъ не легкая, но не забывайте, что вы дѣлаете при этомъ доброе дѣло и исполняете долгъ, достойный похвалы.

Узнавъ о пожарѣ, уничтожившемъ нѣсколько домовъ на Черной рѣчкѣ¹⁾, императрица послала немедленно довѣренное лицо для раздачи погорѣльцамъ щедраго пособія, приказавъ разузнать объ убыткахъ, понесенныхъ каждой семьей, и раздать имъ пособіе лично «не говоря—отъ кого оно прислано».

Во время пребыванія императрицы въ Ниццѣ, тамъ находился одинъ молодой русскій офицеръ Г..., котораго доктора послали для поправленія здоровья на югъ; онъ страдалъ болѣзнію легкихъ. Узнавъ о стѣсненныхъ его обстоятельствахъ, государыня поручила одному изъ своихъ приближенныхъ навѣстить его и вручить ему нѣкоторое

¹⁾ Пожаръ этотъ былъ, кажется, въ 1855 году. Р е д.

пособіе; нѣсколько дней спустя, она направилась, во время прогулки въ экипажѣ, къ виллѣ Ф., въ которой молодой офицеръ занималъ скромную комнату, и съ участіемъ разспрашивала его о ходѣ болѣзни, весною же доставила ему возможность отправиться въ Соденъ, гдѣ врачи совѣтывали ему провести лѣто. Прибывъ между тѣмъ въ Вильдбадъ, императрица поручила одному изъ своихъ приближенныхъ побывать въ Соденѣ и освѣдомиться о здоровьи этого офицера. Получивъ отвѣтъ, что на его выздоровленіе нѣтъ никакой надежды, и желая доставить больному утѣшеніе свидѣться передъ смертью съ матерью, государыня не только уплатила за обратный проѣздъ его въ Россію, но распорядилась еще написать отъ ея имени русскому консулу въ Штеттинѣ, прося его оказать свое содѣйствіе молодому Г..., возвращавшемуся въ Петербургъ. Такимъ образомъ больной имѣлъ утѣшеніе умереть на рукахъ матери; это было осенью 1857 года.

Въ то же время, въ Ниццѣ жила одна молодая женщина, разбитая параличемъ, которую врачи послали туда изъ Тифлиса. Императрица оказала ей не только матеріальную помощь, но до мельчайшихъ подробностей разузнала о ея положеніи, о мебелировкѣ ея комнаты, гдѣ, «ей необходимо имѣть, — говорила она, — кушетку, на которой ей было бы удобно сидѣть при ея параличномъ состояніи», и послала ей такую кушетку, сказавъ: «теперь она можетъ удобнѣе отдохнуть». Когда молодая женщина стала собираться обратно въ Тифлисъ, то государыня написала намѣстнику Кавказа, прося его оказать во всемъ свое содѣйствіе больной.

Сознавая, что для страждущихъ нужна не одна матеріальная помощь, что для нихъ дорого и неоцѣнимо вниманіе и участіе къ ихъ положенію, императрица, живя въ Ниццѣ, часто посылала освѣдомляться отъ своего имени о здоровьи тѣхъ больныхъ, которые въ ея матеріальной помощи не нуждались, посылала имъ цвѣты и оказывала разные другіе знаки вниманія, оставивъ о себѣ неизгладимое воспоминаніе.

Память о ней въ этомъ прелестномъ побережьи Средиземнаго моря увѣковѣчена также сооруженіемъ превосходной православной церкви, которая своимъ бѣлымъ куполомъ, сверкающимъ на этомъ далекомъ отъ Россіи берегѣ, навсегда будетъ напоминать импера-

трицу Александру Θεодоровну, пожертвовавшую въ нее весь иконостась.

Оказывая много благодѣяній, государыня всегда тщательно старалась скрыть, что эти благодѣянія дѣлаются ею; истина открывалась иногда только по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ. Такъ, на примѣръ, по смерти одного изъ ея секретарей, когда разсматривались его бумаги и счета, была обнаружена цѣлая переписка по поводу одной молодой гувернантки, на леченіе которой была употреблена государыней весьма значительная сумма денегъ. Чтобы дать понятіе о размѣрахъ ея благотворительности, достаточно будетъ сказать, что по смерти государыни, по бумагамъ ея оказалось, что ею тратилось ежегодно двѣ трети ея личныхъ суммъ на пенсія, раздаваемые вѣнущимъ и больнымъ, на содержаніе богадѣльни, учрежденной ею на Васильевскомъ островѣ, на случайныя пособія, оказанія ею по случаю пожаровъ или иныхъ бѣдствій, и на разныя другія пособія и милостыни.

Мы уже говорили о томъ, что императрица никогда не забывала людей, пользовавшихся ея довѣріемъ и уваженіемъ. Возвращаясь изъ Ниццы въ Россію, въ іюль 1860 г., она осведомилась въ Берлинѣ о своихъ бывшихъ учителяхъ и профессорахъ. Всѣ они уже умерли, кромѣ одного, по фамиліи Гарнишъ, который былъ въ то время ректоромъ въ одномъ маленькомъ прусскомъ городѣ. Ему было въ то время уже 80 лѣтъ; императрица пригласила его къ себѣ и долго бесѣдовала съ нимъ. Часъ спустя, она говорила одной изъ своихъ фрейлинъ:

— Я до сихъ поръ глубоко растрогана; я только что видѣлась съ однимъ изъ моихъ бывшихъ учителей. Онъ былъ тронутъ не менѣе меня. Мы вспоминали то время, когда были оба молоды, и когда оба мечтали о свободѣ Германіи. Поручаю вамъ, по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, напомнить мнѣ о моемъ старикѣ Гарнишѣ.

Императрица послала ему изъ Петербурга въ подарокъ прекрасный вызолоченный кубокъ, работы Сазикова, на которомъ было изображено два вида Кремля, при рескриптѣ, въ коемъ говорилось, что въ память радости, испытанной ею при свиданіи съ нимъ, она посылаетъ ему вещь, на которой изображены «два вида зданій той страны, которая сдѣлалась моимъ вторымъ отечествомъ». Отпуская

чиновника, которому было поручено передать этот рескрипт по назначенію, государыня сказала ему: «Поспѣшите отправить его, ибо Гарнишъ такъ старъ, что можетъ умереть до его полученія». Однако старый Гарнишъ пережилъ свою бывшую ученицу.

Живя за границею для поправленія здоровья, императрица постоянно выражала сожалѣніе по поводу того, что многіе русскіе бываютъ вынуждены жить въ чужихъ странахъ для своего здоровья, и находила, что жить вдали отъ родины—большая жертва, которая ложится тяжелымъ бременемъ на страну. Подъ влияніемъ этихъ мыслей, она отвѣтила рѣшительнымъ отказомъ на просьбу своего августѣйшаго сына, который умолялъ ее подчиниться совѣтамъ врачей и поѣхать вторично за границу въ 1860 г.

Она объявила, что хочетъ ожидать въ кругу своихъ рѣшенія своей участи и провести послѣдніе дни жизни въ томъ дворцѣ, который напоминалъ ей столько лѣтъ счастья, откуда ей была видна «красивая Нева и золотой шпигъ Петропавловскаго собора, гдѣ покоились останки того, кого она любила и который далъ ей такъ много счастья». Императрица желала, чтобы память о ней сохранилась во дворцѣ какъ залогъ счастья для другихъ.

— Я желаю, писала она собственноручно за нѣсколько дней до своей кончины, чтобы мои комнаты въ Зимнемъ не стояли долгое время пустыя и чтобы черезъ годъ послѣ моей смерти онѣ были предназначены для кого либо изъ новобрачныхъ въ царской фамиліи, которые, поселившись въ нихъ, будутъ пользоваться, надѣюсь, тѣмъ же семейнымъ счастьемъ, какимъ пользовалась въ нихъ я.

Эти слова, начертанныя императрицей Александрой Теодоровной собственноручно, свидѣтельствуютъ какъ нельзя лучше о томъ, какую доброту, деликатность и любовь было преисполнено ея сердце.

Перев. съ франц. В. В. Тимошукъ.

**Воспоминанія императрицы Александры Теодоровны съ
1817 по 1820 г.**

1817 годъ.

По прїѣздѣ моемъ въ Россію, я была встрѣчена на границѣ свитою, состоявшею изъ престарѣлой княгини Волконской и дѣвнцы Варвары Ушаковой, оберъ-мундшенка графа Захара Чернышева, гофмейстера г. Альбедилля, камергера князя Василя Долгорукова и камеръ-юнкера г. Солмогуба. Я не говорю о моихъ впечатлѣніяхъ, о грусти, испытанной мною, когда я покинула предѣлы моего перваго отечества, это входитъ въ область моего частнаго дневника, а настоящее должно представить собою нѣчто въ родѣ мемуаровъ. (Замѣтка: я выѣхала изъ Берлина 1 (13) іюня, а прибыла въ Павловскъ 19-го іюня).

Мой женихъ, великій князь Николай Павловичъ, встрѣтилъ меня у пограничнаго шлагбаума, съ обнаженной шпагой, во главѣ войска. Мое путешествіе совершалось медленно по невозможнымъ дорогамъ и при невыносимой жарѣ. Въ Чудлейгѣ (на Чудовской станціи) 17-го іюня, я много плакала при мысли, что мнѣ придется встрѣтиться съ вдовствующей государыней, рассказы о которой меня напугали. 18-го іюня, вечеромъ, въ Касковѣ, я очутилась въ объятіяхъ моей будущей

A mon arrivée en Russie, je fus reçue à la frontière, par une cour, composée: de la vieille princesse Wolkhonsky, de deux demoiselles d'honneur, la comtesse Catherine Schouwalow et M-elle Barbe Ouschakow, du comte Zakhar Czernyschew, grand échauson, de M-r Albedyll, mattre de la Cour, du prince Basile Dolgorouky, chambellan, et de M-r Sollohub, gentilhomme de la Chambre.—Je ne parle pas de mes impressions, de ma douleur de quitter la frontière de ma première patrie. Cela appartient à mon journal intime, et ceci doit représenter une espèce de Mémoires.

Mon promis, le Grand Duc Nicolas me reçut au Schlagbaum de la frontière, l'épée tirée, à la tête de soldats.

Mon voyage se fit lentement, par des chemins et des chaleurs insoutenables!—A Tschoudleigh, le 17 Juin, je pleurai beaucoup de l'idée de devoir faire la connaissance, le lendemain, de l'Impératrice Mère, dont on m'avait fait peur. Ce fut le 18 Juin, à Kaskowo, au soir, que je me trouvai pressée dans les bras de ma future belle-mère, qui me

свекрови, которая отнеслась ко мнѣ такъ нѣжно и ласково, что сразу завоевала мое сердце. Императоръ Александръ и Михаилъ (Павловичъ) также выѣхали мнѣ на встрѣчу. Императоръ привѣтствовалъ меня съ тѣмъ изяществомъ и въ тѣхъ сердечныхъ и изысканныхъ выраженіяхъ, которыя ему одному были свойственны. Я нашла вдовствующую государыню гораздо моложе, стройнѣе и лучше сохранившеяся, нежели привыкла видѣть женщину лѣтъ подь 60. (Ей было въ то время 58 лѣтъ). На слѣдующій день я продолжала, съ невыразимымъ чувствомъ, путешествіе, и проѣхала черезъ Гатчину и вдоль ограды Царско-Сельскаго парка; меня сопровождалъ отрядъ лейбъ-казаковъ, что, прибавляю въ скобкахъ, доставляло мнѣ истинно дѣтское удовольствіе. Мы подѣхали къ Павловску, который на первыхъ же порахъ произвелъ на меня самое благопріятное впечатлѣніе, благодаря прекраснѣйшей погодѣ. Мой экипажъ остановился у собственнаго садика ея величества вдовствующей государыни, которая прижала меня къ своему сердцу. Императоръ Александръ поцѣловалъ меня; я узнала тетюшку Антуанету Виртембергскую и ея дочь Марію; тутъ вдругъ ласковый голосъ произнесъ, обращаясь ко мнѣ: «А для меня вы не имѣете и взгляда!» и вотъ я бросилась въ объятія къ императрицѣ Елисаветѣ, которая тронула меня своимъ радушиемъ привѣтствіемъ, безъ всякихъ

reçut avec une tendresse si caressante, qu'elle gagna, dès les premiers instants, mon cœur. L'Empereur Alexandre et Michel étaient venus, de même, à ma rencontre. L'Empereur me reçut avec cette grâce et ces paroles cordiales et choisies, qui n'appartiennent qu'à lui.

Je trouvai l'Impératrice Mère beaucoup plus jeune, plus svelte et mieux conservée, que je n'étais habituée de voir des femmes de près de 60 ans. (Elle avait alors 58 ans.).

Le lendemain, avec un sentiment inexprimable, je continuai mon voyage, en passant par Gatschina, en longeant le jardin de Zarskoe Selo, escortée par des Cosaques de la garde, ce qui par parenthèse me faisait un plaisir d'enfant.

Nous nous approchâmes de Pawlowsky, qui dès le premier abord, me fit une impression dès plus favorables, par le plus beau temps du monde. Ma voiture s'arrêta au coin du petit jardin privé de l'Impératrice Mère, qui me serra contre son cœur. L'Empereur Alexandre m'embrassa; je reconnus la tante Antoinette de Wurtemberg (et) sa fille Marie, lorsqu'une douce voix me dit: «N'avez-Vous donc point un regard pour moi?» — et je me jetai au cou de l'Impératrice Elisabeth, qui me toucha par sa bienveillante réception, sans exagérations, sans ostentation de grands sentiments. Toute la cour était placée, je crois, dans ce petit jardin, mais

преувеличеній, безъ всякихъ показныхъ излишнихъ чувствъ. Весь Дворъ былъ, кажется, собранъ въ садикъ, но я ничего не различала; помню только прекрасныя розы въ полномъ цвѣтѣ, а особенно бѣлыя, которые тѣшили мой взоръ и какъ бы пріивѣтствовали меня. Мнѣ представили нѣкоторыхъ, но я оказалась въ состояніи обдумывать и отдать себѣ отчетъ въ своихъ чувствахъ только когда наконецъ очутилась одна въ прелестномъ помѣщеніи мнѣ отведенномъ. Только что я усѣлась предъ зеркаломъ, чтобы заняться туалетомъ, какъ вошла ко мнѣ безъ церемоній какая-то пожилая женщина и проговорила по нѣмецки:—«Вы очень загорѣли, я пришлю вамъ огуречной воды умыться вечеромъ».

Эта дама была пожилая, почтенная княгиня Ливенъ, которую я впоследствии искренно полюбила, но признаюсь, эта первая фамиллярная сцена показалась мнѣ весьма страшною. Такъ какъ фургоны съ моею кладью еще не прибыли, то мнѣ пришлось ѣздить на большой обѣдъ въ закрытомъ платьѣ, весьма впрочемъ изящномъ, изъ бѣлаго гроденаппа, отдѣланномъ блядами, и въ хорошенькой маленькой шляпкѣ изъ бѣлаго крепа съ султаномъ въ перьевъ марабу. То была самая новѣйшая парижская мода. Въ длинной галлерей, ведущей въ церковь и наполненной нарядною публикою, я увидѣла въ амбразурѣ окна Цецилію, и, ни у кого не спрашиваясь, бросилась къ ней;

je ne voyais rien; je me rappelle seulement, que les belles roses en fleurs, les blanches surtout, réjouirent mes yeux, comme si elles me souhaitaient la bienvenue.

On me présenta quelques personnes, mais ce ne fut, que lorsque je me trouvai seule, dans mon charmant appartement, que j'eus la faculté de penser, et de me sentir!—A peine établie devant mon miroir, pour faire ma toilette, qu'une vieille femme entra sans façons, et me dit en allemand: «Vous êtes bien hâlée, je Vous enverrai de l'eau de concombres, pour Vous laver ce soir». — Cette dame était la vieille respectable princesse Lieven, que j'aimai sincèrement depuis,—mais j'avoue, que cette première scène familière me parut fort extraordinaire. Comme mes fourgons n'étaient point arrivés, je fus forcée de paraître au grand diner, en robe montante, bien élégante cependant, en gros-de-Naples blanc, garnie de blondes, et un joli petit chapeau en crêpe blanc et touffes de marabouts (tout ce qu'il y avait de plus nouveau en fait de modes de Paris).

Ce fut dans la longue galerie, qui conduit à l'Eglise, remplie de monde paré, que je découvris Cécile, dans l'embrasure d'une fenêtre, et moi, sans demander la permission, je me jettai sur elle, toutes deux fon-

мы обѣ распякались, не выдавшись цѣлыхъ три года! Говорятъ, что это проявленіе нѣжности не только не возбудило неудовольствія, но даже тронуло большинство присутствовавшихъ. Сколько разъ впоследствии мнѣ говорили о моемъ первомъ появленіи въ этой галлерей; юную принцессу осматривали съ головы до ногъ и нашли, повидному, не столь красивой, какъ предполагали; но всѣ любовались моею ножкой, моею легкостью походки, благодаря чему меня даже прозвали «птичкой».

Императоръ Александръ представилъ мнѣ кавалеровъ, въ числѣ которыхъ я нашла не мало знакомыхъ мнѣ еще со времени войны 1813 и 1814 гг. Дамы, представленныя мнѣ вслѣдъ затѣмъ вдовствующею государынею, были для меня все новыя лица: m-lle Нелидова Екатерина Ивановна, какъ образецъ воспитанницъ Смольнаго, поразила меня своею некрасивою наружностью, отсутствіемъ изящества. Графиня Орлова Анна Алексѣевна произвела на меня пріятное впечатаніе предупредительностью своего обращенія, и мнѣ показалось, что ей было жаль меня,—юной принцессой, бывшей вновь и столь чуждой всей величественной обстановкѣ! Мы обѣдали въ большой четырехугольной залѣ. Я помню, что императоръ указалъ мнѣ на княгиню Варвару Долгорукую и на княгиню Софію Трубецкую какъ на двухъ молодыхъ женщинъ, самыхъ красивыхъ при Дворѣ и

dant en larmes: nous ne nous étions pas vues depuis trois ans!—On dit, que loin de déplaire, cette marque de sensibilité toucha la plupart du monde.—Combien de fois depuis, on me parla de ma première apparition dans cette galerie, on examina de pied en cape cette nouvelle jeune Princesse; je crois, qu'on ne me trouva pas si jolie, qu'on l'avait cru, mais on admira mon pied, ma démarche légère, qui fit, que plusieurs personnes me nommèrent «птичка».

L'Empereur Alexandre me présenta les cavaliers, parmi lesquels je trouvai beaucoup de connaissances du temps de la guerre de 13 à 14. Mais les dames, présentées par l'Impératrice Mère, furent toutes de nouvelles figures pour moi. M-elle Nélidow, Catherine Iwanowna, comme échantillon des demoiselles de la Communauté, me parut étonnante de laideur, de disgrâce, et de mauvaise odeur. La comtesse Orlow, Анна Алексѣевна, me fit une impression agréable, par ses manières obligeantes, et il me semblait, qu'elle avait pitié de moi,—de cette jeune Princesse, si neuve, si étrangère sur ce sol imposant.

On dina dans la grande salle carrée. Je me rappelle, que l'Empereur me montra deux jeunes femmes, comme les plus jolies, et les plus recherchées: la princesse Barbe Dolgorouky, et la princesse Sophie Troubétskoy.

наиболѣе пользующихся успѣхомъ. Вечеръ проведенъ былъ въ семейномъ кругу; моему старшему брату Вильгельму, сопровождавшему меня, едва минуло 20 лѣтъ и онъ только что пересталъ расти. Меня сопровождали изъ Пруссіи графиня Трухзеэ, въ качествѣ оберъ-гофмейстерини, графиня Гаакъ, рожденная Таунценъ, и моя добрая Вальдерметъ, бывшая моею гувернанткой съ 1805 г.

19-го іюня 1817 г. совершился мой торжественный въѣздъ въ Петербургъ; мы позавтракали въ деревнѣ Татариновой, близъ заставы, и тамъ обѣ императрицы сѣли вмѣстѣ со мною и обѣими принцессами Вюртембергскими въ золоченое но открытое ландо; меня посадили по ту сторону, на которой была разставлены войска, т. е. по лѣвую сторону отъ обѣихъ императрицъ. Я чрезвычайно обрадовалась, когда увидѣла опять войска гвардіи, а особенно полки Семеновскій, Измайловскій и Преображенскій, знакомые мнѣ еще по смотру, произведенному въ Силезіи, близъ Петерсвальдена во время перемирія въ 1813 г.

Увидѣвъ кавалергардовъ, стоявшихъ возлѣ Адмиралтейства, я вскрикнула отъ радости, такъ они мнѣ напомнили дорогихъ монхъ берлинскихъ тѣлохранителей. Я не думала тогда, что буду современемъ шефомъ этого полка. Поднявшись по большой парадной лѣстницѣ Зимняго дворца, мы направились въ церковь, гдѣ я впервые приложилась ко кресту. Затѣмъ съ балкона мы смотрѣли на про-

La soirée se passa en famille. Mon frère Guillaume, qui m'accompagnait comme frère aîné, n'avait que 20 ans, et a à peine achevé sa croissance. Mes dames Prussiennes étaient: la comtesse Truchsees, comme grande maîtresse, et comtesse Haak, née Tauentziehen, et ma bonne Wildermeth, qui avait été ma gouvernante depuis l'année 1805.

Le 19 Juin se fit mon entrée solennelle à Pétersbourg.

On déjeuna dans une campagne Tatarinow, près de la barrière, et c'est là que les deux Impératrices se placèrent avec moi et les deux Princesses de Wurtemberg dans un landau doré, mais ouvert; on me mit du côté des troupes, à la gauche des deux Impératrices. J'eus grande joie à revoir les régiments Sémenowsky, Izmaylowsky, et Préobrajensky, que je connaissais d'une revue en Silésie, près de Peterswaldau, pendant l'armistice de 1813.

En voyant les Chevaliers-gardes, placés près de l'Amirauté, je jettai un petit cri de plaisir, parcequ'ils me rappelaient mes chers Gardes du corps de Berlin. Je ne pensais point alors, que je deviendrais un jour le Chef de ce régiment. On monta le grand escalier de parade du Palais d'hiver; on se rendit à l'église, où je baisai pour la première fois la

хожденіе войскъ, что совершилось не особенно удачно, какъ я узнала впоследствии. Съ этого же балкона показывали меня народу—балконъ этотъ болѣе не существуетъ; онъ былъ деревянный. Я познакомилась съ вѣсколыми статсъ-дамами. Графиня Литта показала мнѣ еще красавицей,—она была блѣолицая, пухленькая, съ дѣтскою улыбкою. Престарѣлая графиня Пушкина была набѣлена и нарумянена, съ разрисованными жилами, и все это дѣлало ея старое лицо еще болѣе некрасивымъ.

Я полюбовалась новымъ моимъ помѣщеніемъ, мебларованнымъ и драпированнымъ совершенно заново великолѣпными тканями. Съ этого дня вплоть до 24-го іюня я, когда оставалась одна, не переставала плакать—ужь очень для меня была тягостна перемѣна религій—она сжимала мое сердце! На слѣдующій день былъ большой обѣдъ у вдовствующей государыни, а затѣмъ мы заключились въ уединеніе. Священникъ Муссовскій, знакомившій меня съ догматами греческой церкви, долженъ былъ подготовить меня къ принятію св. тайнъ; онъ былъ прекрасный человекъ, но далеко не краснорѣчивъ на нѣмецкомъ языкѣ. Не такой человекъ былъ нуженъ, чтобы пролить миръ въ мою душу и успокоить ея смятеніе въ подобную минуту; въ молитвѣ однако-же я нашла то, что одно можетъ дать спокойствіе, читала прекрас-

сгоix;—puis on regarda défilér les troupes, ce qui ne réussit pas très bien, à ce que j'appris par la suite. Du haut de ce même balcon, on me montra au peuple: ce balcon n'existe plus—il était construit en bois.

Je fis la connaissance de plusieurs dames d'honneur: la comtesse Litta, que je trouvai belle encore, blanche, potelette, avec un sourire d'enfant;—la vieille comtesse Pouschkine, peinte en blanc, rose et lilas, ce qui rendrait sa vieille face encore plus laide.

J'admirai mon bel appartement, meublé et drapé tout à neuf, avec de magnifiques étoffes.

Depuis ce jour, jusqu'au 24 Juin, je ne fis que pleurer, dès que je me trouvais seule; le changement de religion me coutait tant, et m'oppressait le coeur; on resta en retraite depuis le lendemain, où il y eut encore un grand diner chez l'Impératrice Mère.

Le prêtre Mouzowsky, qui m'enseignait les dogmes de l'Eglise Grécque, et qui devait me préparer à ma première Communion, était un brave homme, mais bien peu éloquent en allemand. Ce n'était pas l'homme qu'il me fallait, pour donner la paix à l'âme, pour tranquilliser mon coeur, dans un moment pareil. Mais je trouvais dans la prière, ce qui seul peut donner la paix; je fis de bonnes lectures pieuses; je ne pensai plus aux choses terrestres et, seulement occupée du bonheur de rece-

ныя назидательныя книги, не думала о земномъ и была преисполнена счастіемъ приобщиться въ первый разъ святыхъ тайнъ! 24-го іюня я отправилась въ церковь; ввелъ меня туда императоръ. Съ грѣхомъ пополамъ прочла я символъ вѣры по-русски; рядомъ со мною стояла игуменья въ черномъ, тогда какъ я была одѣта вся въ бѣломъ, съ маленькимъ крестомъ на шеѣ; я имѣла видъ жертвы; такое впечатлѣніе произвела я на всю нашу прусскую свѣту, которая съ состраданіемъ и со слезами на глазахъ взирала на участіе бѣдной принцессы Шарлотты въ церковномъ обрядѣ, естественно странномъ въ глазахъ протестантовъ. (Конfirmaція моей невѣстки, цесаревны, совершалась совершенно при иныхъ условіяхъ: она нашла здѣсь прекраснаго священника, который объяснилъ ей слово за словомъ всѣ догматы и обряды нашей церкви, къ которымъ она къ тому же имѣла время привыкнуть въ двухъ-мѣсячное пребываніе въ Россіи. Со мною же все это производилось быстро, все совершилось и окончилось въ какихъ нибудь шесть дней).

Съ той минуты, какъ я приобщилась св. тайнъ, я почувствовала себя примиренною съ самою собою и не проливала болѣе слезъ. На слѣдующій день, 25-го іюня, совершилось наше обрученіе. Я впервые надѣла розовый сарафанъ, брильянты и немного поддурманилась, что ока-

voir, pour la première fois de ma vie, la sainte Communion, je me rendis à l'église, le 24 Juin, conduite par l'Empereur. Je dis tant bien que mal, ma protestation de foi, en russe. A côté de moi était placée une abbesse, toute en noir, tandis que moi, vêtue de blanc, avec la petite croix au cou, j'avais l'air d'une victime—impression, que je produisis sur toute notre suite prussienne, qui, les larmes dans les yeux, voyait avec un sentiment de compassion, leur pauvre Princesse Charlotte, paraître dans cette cérémonie, si mystique et étrange aux yeux des protestants. (La Confirmation de ma belle fille, la Цесаревна, fut bien autre chose; elle avait trouvé ici un excellent prêtre, qui lui expliqua, mot à mot, la protestation de foi et les cérémonies de notre Eglise, aux quelles elle avait du reste déjà eu le temps de s'habituer, pendant quatre mois de séjour. Mais pour moi, tout cela vint si vite, et se succéda et se pressa dans l'espace de six jours).

Depuis le moment, que je reçus le saint Sacrement, je me sentis en paix avec moi-même, et je ne pensai plus aux larmes.

Le lend main, 25 Juin, se firent mes fiançailles, où je mis, pour la première fois de ma vie la robe russe, en rose, des diamants, et un peu de rouge sur les joues, ce qui m'alla très bien. La femme de chambre de l'Impératrice Mère, Яковлева, m'habilla; son coiffeur me coiffa.—Cette cérémonie fut suivie d'un grand diner, et d'un bal de polonaises.

залось мнѣ очень къ лицу; горничная императрицы, Яковлева одѣла меня, а ея парикмахеръ причесалъ меня; эта церемонія сопровождалась обѣдомъ и баломъ съ полонезами. Меня возили по улицамъ Петербурга каждый вечеръ; свѣтлыя ночи показались мнѣ необычайными, но пріятными. Городъ не произвелъ на меня величественнаго впечатлѣнія, за исключеніемъ вида на Неву изъ комнатъ императрицы Елисаветы. Мы обѣдали ежедневно въ саду Эрмитажа или въ прилегающихъ къ нимъ галлерейхъ. Признаюсь, все было для меня ново и я чувствовала себя настолько вновь въ этихъ новыхъ мѣстахъ, что мысль моя была этимъ болѣе поглощена, нежели глаза; все было для меня смутно. Помнится мнѣ, что когда великій князь Константинъ (Павловичъ) пріѣхалъ изъ Варшавы, я нашла его весьма некрасивымъ, хотя я, будучи ребенкомъ, видѣла его въ Берлинѣ въ 1805 году.

Приближалось воскресенье, 1 (13) іюля,—день нашей свадьбы. Мой женихъ становился все нѣжнѣе и съ нетерпѣніемъ ожидалъ дня, когда назоветъ меня своей женой и поселится въ Аничковскомъ дворцѣ. Наканунѣ 1-го іюля, который былъ въ то же время и днемъ моего рожденія, я получила прелестные подарки, жемчугъ, брильянты; меня все это занимало, такъ какъ я не носила ни одного брильянта въ Берлинѣ, гдѣ отецъ воспиталъ насъ съ рѣдкой простотой.

On me faisait promener par les rues de Pétersbourg, chaque soir. Les nuits claires me parurent fort extraordinaires, mais agréables. La ville ne me fit pas une impression grandiose, excepté le coup d'oeil sur la Néva, des chambres de l'Impératrice Elisabeth.

On dinait tous les jours au jardin de l'Hermitage, ou dans les galeries atténantes. J'avoue, que tout était si neuf pour moi, et que moi même, je me sentais si neuve dans ces nouveaux lieux,—mon âme était beaucoup plus occupée que mes yeux,—tout était un peu confus pour moi. Je me rapelle que le Grand duc Constantin arriva alors de Varsovie; je le trouvai bien laid, quoique je l'eusse vu déjà, comme enfant, à Berlin, l'année 1805.

Le Dimanche approchait, le 1 (13) Juillet, où devaient être célébrées nos noces! Mon promis fut de plus en plus tendre, et impatient de me nommer sa femme, et d'habiter Anitschkow; la veille du 1-er, qui était aussi mon jour de naissance, on me donna de charmants cadeaux, des perles, des diamants; je m'amusais de tout cela, car je n'avais pas porté un seul diamant à Berlin, où mon père nous éleva dans une simplicité rare.

Съ какимъ чувствомъ проснулась я поутру 1-го іюля! Мои прислужницы—прусачки убрали мою кровать цвѣтами, а добрая Вильдерметъ поднесла мнѣ букетъ изъ роскошнѣйшихъ бѣлыхъ розъ. Я не хочу здѣсь распространяться о своихъ личныхъ впечатлѣніяхъ, но въ этотъ день невозможно пройти ихъ молчаніемъ. Меня одѣли на половину въ моей комнатѣ, а остальная часть туалета совершилась въ Брильянтовой залѣ, прилегавшей въ то время къ спальнѣ вдовствующей императрицы. Мнѣ надѣли на голову корону и кромѣ того безчисленное множество крупныхъ коронныхъ украшеній, подъ тяжестью которыхъ я была едва жива. Посреди всѣхъ этихъ уборовъ, я приколола къ поясу одну бѣлую розу. Я почувствовала себя очень, очень счастливой, когда руки наши наконецъ соединились; съ полнымъ довѣріемъ отдавала я свою жизнь въ руки моего Николая, и онъ никогда не обманулъ этой надежды! Остальную часть дня поглотилъ обычный церемоніаль, этикетъ и обѣдъ. Во время бала, происходившаго въ Георгіевскомъ залѣ, я получила письма изъ Берлина, отъ отца и отъ родныхъ.

Мы спустились по парадной лѣстницѣ, сѣли въ золотую карету со вдовствующей государыней; конвой кавалергардовъ сопровождалъ насъ до Аничковскаго дворца. Я въ первый разъ увидѣла этотъ прекрасный

Avec quel sentiment je me réveillai le matin du 1-er de Juillet! Mes femmes prussiennes avaient entouré mon lit de fleurs; ma bonne Wildermeth me donna un bouquet des plus belles roses blanches. Je ne veux pas parler trop ici de mes propres émotions, mais ce jour là, c'est impossible de les passer sous silence. On me para à demi dans ma chambre, mais le reste de la toilette et la coiffure se firent dans la chambre des diamants de la couronne, alors attenante à la chambre à coucher de l'Impératrice Mère. On mit la couronne sur ma tête, et outre cela, une quantité innombrable de grandes pierres de la couronne, sous le poids desquelles je me sentais mourir. Au milieu de tout cet étalage, je fixai une seule rose blanche naturelle, à ma ceinture. Je me sentis bien heureuse, lorsque nos mains se joignirent; je remettais ma vie, avec tant de confiance, entre les mains de mon Nicolas,—et lui, ne trompa jamais cet espoir!

Le reste de la journée se passa avec les cérémonies, étiquette, et repas d'usage. Au bal même de la salle de St. Georges, je reçus des lettres de Berlin, de mon père, des miens.

On nous fit descendre l'escalier de parade; on nous fit monter en carrosse doré, avec l'Impératrice Mère, une escorte de Chevaliers-Gardes nous suivait jusqu'au Palais Anitschkow.

дворецъ.—Наверху у лестницы, императоръ Александръ и императрица Елисавета встрѣтили насъ съ хлѣбомъ-солью. Статсъ-дамы присутствовали при моемъ раздѣваньи; мнѣ надѣли утреннее платье изъ брюссельскихъ кружевъ на розовомъ чахлѣ; ужинали мы въ семейномъ кругу съ нѣкоторыми изъ старѣйшихъ приближенныхъ: графомъ Ламсдорфомъ, княгиней Ливенъ и нашими прусскими дамами.

На слѣдующій день, вдовствующая государыня прѣехала къ намъ первая, императоръ привезъ великодушныя подарки. Мы радовались, словно дѣти, удовольствію выѣхать впервые послѣ свадьбы въ коляскѣ вмѣстѣ, и сдѣлали визиты императрицамъ, великому князю Константину (Павловичу) и тетушкѣ принцессѣ Виртембергской. Свадебныя празднества, различные балы, *baise-mains*,—все это прошло для меня словно сонъ, отъ котораго я пробудилась лишь въ Павловскѣ, безконечно счастливая тѣмъ, что очутилась наконецъ въ деревнѣ!

Образъ жизни въ Павловскѣ показался мнѣ особенно пріятнымъ; такъ какъ я привыкла съ дѣтства сообразоваться съ привычками другихъ, то мнѣ и въ голову не приходило жаловаться на то, что я должна обѣдать, гулять и ужинать при Дворѣ, болѣе или менѣе заботясь о своемъ туалетѣ. Впослѣдствіи, я часто слышала, что другія жаловались

Je vis donc pour la première fois ce bon palais!

Au haut de l'escalier, l'Empereur Alexandre et l'Impératrice Elisabeth nous reçurent avec le pain et le sel. Les dames à portraits assistèrent à mon déshabillé. On m'endossa un négligé en dentelles de Bruxelles sur rose.

On soupa en famille, avec quelques vieux attachés, comme: Lammsdorf, la comtesse Lieven, et mes dames prussiennes.

Le lendemain, l'Impératrice Mère arriva la première;—l'Empereur Alexandre—avec des cadeaux magnifiques. Nous eûmes un plaisir d'enfants, de sortir ensemble, en calèche, pour la première fois comme mariés, pour faire nos visites: aux Impératrices, au Grand duc Constantin, à la tante de Wurtemberg.

Des fêtes de noces, diners, bals, *baise-mains*, etc., tout cela se passa comme dans un rêve pour moi, dont je ne me réveillai qu'à Pawlowsky, toute heureuse de me trouver à la campagne.

J'y trouvai le genre de vie fort agréable, parce-que j'étais habituée, dès mon enfance, à me gêner d'après les habitudes des autres; il ne me vint pas en tête de me plaindre, de ce que je devais diner, promener et souper avec la cour, plus ou moins toujours en toilette. Plus tard, j'entendis souvent les autres s'en plaindre, et quelquefois nous nous sentions des velléités d'indépendance, c'est à dire d'un chez soi.

по этому поводу, впрочемъ иногда и мы сами чувствовали нѣкоторое желаніе быть независимыми, т. е. имѣть свой собственный уголъ. Но въ то время, какъ я уже замѣтила, подобная мысль меня не беспокоила. Напротивъ, а чувствовала даже признательность къ свекрови за ея нѣжныя ласки. Мнѣ ее описывали за особу весьма требовательную по отношенію къ дочерямъ, которыя почти и пошевелиться въ ея присутствіи будто бы не смѣли, но ко мнѣ императрица Марія Феодоровна относилась иначе, повидимому, мой характеръ поправился ей. Я держала себя вполнѣ естественно, была весела, откровенна, жива и рѣзва, какъ подобаешь молодой дѣвушкѣ, тогда какъ великія княжны держали себя чопорно въ ея присутствіи и даже въ обществѣ; все въ нихъ было строго соразмѣрено, ихъ манера держать себя въ обществѣ, разговаривать, кланяться, и это, я полагаю, было гораздо совершеннѣе монихъ тогдашнихъ манеръ. Я думаю и даже знаю навѣрное, что задѣвала при Дворѣ нѣкоторыхъ лицъ недостаткомъ вниманія къ нимъ, а оно вѣдь, по ихъ мнѣнію, обязательно должно было сводиться къ извѣстному количеству фразъ, повторяемыхъ ежедневно. Что касается меня, то я проходила иногда слишкомъ скоро мимо этихъ лицъ, ибо они наговяли на меня скуку, и, наоборотъ, останавливалась слишкомъ долго передъ молодежью, передъ юными фрейлинами, которыя внушали мнѣ гораздо менѣе страха. Но мало-по-малу всѣ привыкли къ монимъ манерамъ, видя мое неизмѣнное ко всѣмъ благоволеніе, проистекавшее отъ добраго сердца, и мнѣ простили маленькія отступленія отъ эти-

Mais alors, comme je l'ai dit, cette idée ne me vint pas. Bien au contraire, je me sentais reconnaissante des bontés tendres, des caresses de ma belle mère. On me l'avait dépeinte, comme très exigeante envers ses filles, qui osaient à peine remuer devant elle, mais pour moi, elle fut toute autre. Je crois, que mon naturel lui plut: je me donnais telle que j'étais: gaie, franche, vive, enjouée comme une jeune fille,—tandis que les grandes duchesses étaient roides devant elle, et même devant le monde, toutes dressées d'après une forme, dans la manière de faire cercle, de causer, de faire des révérences, ce qui était assurément bien supérieur à ma tournure d'alors; je crois, je le sais même, que je blessai plusieurs personnes, par mes manières, pas assez prévenantes ou polies, qui selon elles consistaient dans une certaine quantité de phrases, répétées chaque jour. Pour moi, je glissais quelquefois trop vite devant ces figures, qui m'ennuyaient, et je faisais trop longue halte devant la jeunesse, les jeunes demoiselles d'honneur, qui m'en imposaient beaucoup moins. Mais peu à peu on se fit à mes manières, en voyant ma bienveillance générale, qui venait d'un bon coeur, et on me pardonna

кета ради врожденныхъ мнѣ изящества и живости. Маман очень забавлялась, глядя, какъ я похищаю вишни, чего не простила бы прежде своимъ дочерямъ, но меня она баловала снисходительностью. Старушка Ливень даже замѣтила мнѣ какъ-то: «Вы—любимица вдовствующей государыни!»

Вообще замѣчали, что императрица никогда прежде не была столь ласкова и снисходительна къ своимъ дочерямъ какъ теперь ко мнѣ. Однако не слѣдуетъ думать, чтобы она мнѣ отъ времени до времени не дѣлала выговоровъ, а иногда не давала мнѣ совѣтовъ, которые для меня оказывались чрезвычайно полезны. Единственный случай, когда она насъ однажды побранила, былъ, помнится мнѣ, когда она встрѣтила насъ въ парѣ въ кабриолетѣ и спросила,—гдѣ мы катались? Мы отвѣчали, что ѣдемъ изъ Царскаго, отъ императрицы Елисаветы. Тогда она сдѣлала намъ замѣчаніе, что намъ слѣдовало предварительно спросить позволеніе сдѣлать этотъ визитъ; признаюсь это мнѣ показалось даже страннымъ! Но со-временемъ она позабыла объ этомъ выговорѣ, и мы могли ѣздить въ Царское, не спрашивая ни у кого позволенія.

По воскресеньямъ въ Павловскѣ танцовали; въ прочіе дни играли въ *petits jeux* или ужинали въ томъ или другомъ шале или па-

les petits manques contre l'étiquette, en faveur de la grâce de mes mouvements, et la gentillesse de ma vivacité. Maman s'amusait beaucoup à me voir voler des cerises, ce qu'elle n'aurait pas pardonné autre fois, à ses enfants; elle me gâtait par son indulgence,—la vieille Lieven me dit: «Oh! Sie sind das Herzblatt der Kaiserinn Mutter!»—On faisait généralement la remarque, qu'avec aucune de ses filles, elle n'avait été aussi caressante, et aussi indulgente. Cependant, il ne faut pas croire, que de temps en temps, elle ne me donna des reprimandes, ou bien des conseils. Son assistance et ses conseils me furent d'une grande utilité.—Le seul point, sur lequel nous fûmes grondés une fois, je me rapelle, c'est lorsqu'elle nous rencontra au jardin, en carrick; elle demanda: «Où avez Vous promené?»—Nous repondîmes, que nous revenions de Zarskoe Selo, de chez l'Impératrice Elisabeth. Alors elle nous fit la singulière remarque, que nous aurions dû lui demander auparavant sa permission, pour faire cette visite. J'avoue, que ceci me parut assez singulier; aussi, avec le temps oubliat-elle cette semonce, et nous pûmes aller et venir à Zarskoe, sans demander l'avis de personne. On dansa tous les dimanches à Pawlowsky; on jouait aux petits jeux les autres jours, ou bien on allait souper dans tel ou tel chalet ou pavillon du jardin, ce qui me plaisait fort; l'été fut heureusement fort beau.

виллонѣ, что мнѣ очень нравилось. Къ несчастію, брата моего, Вильгельма, который очень веселился, укусила собака, принадлежавшая къ сворѣ великаго князя Михаила, который тутъ-же, на мѣстѣ, приказалъ ее застрѣлить, но тѣмъ не менѣе докторъ Вилліе, изъ предосторожности, прижегъ я вырѣзалъ брату ранку на ногѣ. Это было весьма не-приятное происшествіе. Когда брату стало лучше, его выносили въ садъ и даже въ гостиную, а потомъ раны его и совсѣмъ зажили.

Маман находила Вильгельма чрезвычайно любезнымъ въ обществѣ; онъ танцевалъ, игралъ и веселился, какъ подобало молодому человѣку; и вотъ императрица журила своихъ сыновей—Николая и Михаила за то, что они усаживались въ углу съ вытянутыми, скучающими физіономіями, точно медвѣди или марабу (?). Правда, у моего Николая лицо было слишкомъ серьезно для 21 года, особенно когда онъ посѣщалъ общество или балы. Онъ чувствовалъ себя вполне счастливымъ, впрочемъ какъ и я, когда мы оставались наединѣ въ своихъ комнатахъ; онъ бывалъ тогда со мною необычайно ласковъ и нѣженъ.

Я уже называла дамъ, состоявшихъ при мнѣ; кромѣ нихъ нашъ Дворъ составляли: маршалъ Кирилль Нарышкинъ, шталмейстеръ генералъ Ушаковъ, два адъютанта: Фредериксъ (женатый на Цециліи, моей подругѣ дѣтства), и В. Адлербергъ, который женился двѣ недѣли послѣ

Mon frère Guillaume, qui s'amusait fort bien aussi, fut malheureusement mordu par un chien, qui appartenait aux écuries de Michel. Celui-ci fit tuer le chien sur place, mais cela n'empêcha pas, que par précaution, le docteur Wyllie ne lui brûla et coupa les plaies à la jambe; ce fut là un fâcheux contretemps. Quand il fut mieux, on le portait au jardin, et même au salon, et enfin les blessures guérèrent tout à fait.

Maman trouvait Guillaume aimable dans le monde, dansant, jasant, s'amusant, comme un jeune homme doit le faire; et alors elle attaquait ses fils Nicolas et Michel, de «ce qu'eux se mettaient dans un coin, avec des physionomies ennuyées et longues, comme des ours ou des marabouts». C'est vrai, que mon Nicolas prenait un visage bien philosophe pour ses 21 ans, dès qu'il se trouvait dans un cercle, et surtout au bal. Lui, comme moi, nous n'étions véritablement heureux et contents, que lorsque nous nous trouvions seuls dans nos chambres, et lui, bien bien amoureux et tendre.

J'ai nommé les dames, que j'avais auprès de moi. Excepté celles-ci notre cour était composée: d'un maréchal, M-r Cyrille Naryschkine, d'un écuyer, le général Ouschakow, de deux aides de camp.: le colonel Free-derichs, marié à Cécile, mon amie d'enfance, et le comte Adlerberg, qui se maria, quinze jours après nous, à m-elle Marie Nélidow. Tout ce monde demeurait à Pawlowsky, par la grâce de l'Impératrice Mère.

насть на дѣвицѣ Маріи Нелидовой. Всѣ они по милости вдовствующей императрицы жили въ Павловскѣ. Приблизительно въ это время пріѣхалъ изъ Берлина князь Анто́въ Радзивилль и не мало способствовалъ приятному препровожденію вечеровъ своею веселостью; онъ умѣлъ придумывать разныя забавы, шарады въ лицахъ, музыкальные вечера, домашніе спектакли. Дворъ переѣхалъ въ Петергофъ; короткое пребываніе передъ тѣмъ въ Царскомъ Селѣ сблизило меня съ императоромъ Александромъ; это было для меня истиннымъ счастьемъ! Я привыкла съ самаго ранняго дѣтства любить его, преклоняться передъ нимъ, и эти чувства, походившія до нѣкоторой степени на обожаніе, съ годами превратились въ глубокую и искреннюю дружбу.

Мимолетныя тучки только укрѣпляли еще болѣе эту дружбу; но я расскажу объ этомъ послѣ, теперь это было бы преждевременно.

И такъ Дворъ отбылъ въ Петергофъ. Николай повезъ меня отъ Стрѣльвы по нижней дорогѣ; я поминутно вскрикивала отъ радости при видѣ моря, старыхъ деревьевъ, растущихъ по берегу, и фонтановъ въ паркѣ! Однимъ словомъ, я была въ восторгѣ, и это мѣсто произвело на меня съ перваго взгляда гораздо большее впечатлѣніе, нежели Павловскъ и Царское. Празднества удались, какъ нельзя лучше, иллюминація 22-го іюля мнѣ чрезвычайно понравилась. День ангела вдовствующей государыни былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и днемъ рожденія моего

Le prince Antoine Radziwill arriva de Berlin dans ce temps à peu près; il contribua à l'agrément des soirées, par son aimable gaité, qui trouvait le moyen de mettre tout en train: charades en action, musique, spectacles de société, etc., etc.

On partit pour Péterhof; mais avant cela, un court séjour à Zarskoe Selo me rapprocha de l'Empereur Aléxandre, ce qui fut un vrai bonheur pour moi; j'étais habituée à l'aimer, à l'admirer, depuis ma tendre enfance, et ces sentiments, qui tenaient un peu de l'adoration, se changèrent avec les années, en amitié profonde et véritable! Des nuages passagers ne firent qu'augmenter et raffermir cette amitié,—mais j'en parlerai plus tard; c'est encore trop tôt.

On partit donc pour Péterhof. Nicolas me fit prendre le chemin d'enbas, depuis Strélna; je ne cessais de pousser de petits cris de joie, en découvrant la mer, les vieux arbres si près du rivage, les fontaines au jardin. Enfin, je fus ravie, et cet endroit me fit tout d'abord, bien plus d'effet, que Pawlowsky et Zarskoe Selo.

Les fêtes réussirent très bien; l'illumination au 22 Juillet (3 Août). me plut infiniment. Ce jour de nom de l'Impératrice Mère était en mē-

отца; поэтому сердце мое въ этотъ день превсполнилось воспоминаніями о родительскомъ домѣ. Нѣсколько дней спустя Дворъ отправился въ Ораніенбаумъ, гдѣ былъ сожженъ великолѣпный фейерверкъ. Мы занимали въ Петергофѣ правый деревянный флигель почти цѣликомъ—его отдѣляли заново для насъ, новобрачныхъ; все было изящно и свѣжо и обито шелковыми обоями. Одна только спальня, задрапированная темно-зеленымъ бархатомъ, произвела на меня мрачное и тяжелое впечатлѣніе. Въ этой самой комнатѣ, три года спустя, я захворала и такъ тяжело, что никогда послѣ того духа у меня не хватало снова поселиться въ этой комнатѣ. Мы совершали прогулки, поѣздки, экскурсіи моремъ въ Кронштадтъ, гдѣ императоръ производилъ смотръ флоту. Многочисленное общество, въ которомъ дамы отличались болѣе нарядами, нежели красотою, а кавалеры были скорѣе натянуты, чѣмъ любезны, было однако веселое: присутствіе императора Александра, очарованіе, которое онъ умѣлъ придать всему, что ни предпринималъ, наэлектризовывали весь Дворъ. Нѣсколько лѣтъ спустя все это измѣнилось совершенно въ обратную сторону, о чемъ я вспоминаю съ грустью; тѣмъ не менѣе это правда, и я расскажу объ этомъ въ свое время.

Я помню, что однажды императоръ взялъ самъ ружье, далъ по ружью

me temps le jour de naissance de mon père; aussi mon coeur fut tout rempli ce jour là par les souvenirs de la maison paternelle. Quelques jours après, la cour se rendit à Oranienbaum, pour y voir brûler un magnifique feu d'artifice. Nous occupions à Péterhof l'alle en bois, presqu'en entier: on l'avait arrangé à neuf pour nous autres, jeunes mariés, et tout cela était élégant et frais, en tentures de soie. Une seule chambre nous fit, dès l'entrée, une mauvaise et triste impression: c'était la chambre à coucher, drapée en velours vert foncé, ce qui faisait un effet lugubre et sombre.

Dans cette même chambre, trois ans plus tard, je tombai malade, et si dangereusement malade, que jamais depuis je n'eus le courage d'habiter le même appartement.

On fit des promenades, des excursions par eau, à Kronstadt, où la flotte fut inspectée par l'Empereur. La société, nombreuse en fait de dames—plus élégantes, que jolies, en fait d'hommes—plus serrés à quatre épingles, qu'aimables, fut cependant gaie. La présence de l'Empereur Alexandre, le charme qu'il savait donner à tout se qu'il entreprenait, ne manquaient pas d'électriser la cour. Quelques années plus tard, ce fut tout autre chose, et presque le contraire, ce qui est plus fâcheux à dire, mais pas moins une vérité. J'en parlerai, quand le moment sera venu.

каждому изъ братьевъ и приказалъ командовать имъ ружейные приемы, что весьма позабавило присутствующихъ. По вечерамъ мы съ Николаемъ катались неоднократно верхомъ. Однажды мы пили чай на «собственной дачѣ», куда отправились верхомъ; по дорогѣ мы повстрѣчали Кавалергардскій полкъ, шедшій на маневры, и маманъ сдѣлала намъ потомъ замѣчаніе, что насъ долженъ бы былъ сопровождать генералъ Ушаковъ, такъ какъ мы слишкомъ юны, чтобы ѣздить верхомъ только вдвоемъ.

За празднествами послѣдовали маневры; они происходили между Петергофомъ и Ораниенбаумомъ. На нихъ присутствовали иногда императрицы, и обѣ принцессы Виртембергскія и я, прѣзжая въпятеромъ въ ландо; но такъ какъ мнѣ приходилось сидѣть между двумя величествами, то я не испытывала никакого удовольствія отъ зрѣлища, которое при иныхъ условіяхъ было бы для меня большимъ удовольствіемъ. Я помню маленькую сцену, происшедшую какъ-то между обѣими императрицами, первую изъ тѣхъ, какія мнѣ довелось видѣть въ этомъ родѣ. Князь Меншиковъ, исполнявшій обязанности сопровождавателя и императорскаго ваген-мейстера, повезъ насъ какъ-то по довольно плохой дорогѣ; лошади запутались и коляска неожиданно покатила назадъ, довольно устрашающимъ образомъ. Маманъ закричала, чтобы открыли

Je me rappelle, qu'un jour, il prit un fusil, en donna à ses trois frères, et ordonna à de leur commander l'exercice du fusil, ce qui divertit tous les assistants.

Nicolas et moi, nous montâmes à cheval plusieurs fois, le soir; on prit un jour le thé à собственная дача, et nous deux, nous nous y rendimes à cheval; nous rencontrâmes le régiment des Chevaliers-Gardes, qui se rendait aux manoeuvres, et Maman nous fit, après cela, la remarque, que nous aurions dû être accompagnés du général Ouschakow, et que nous étions trop jeunes, pour monter à nous deux, seuls, à cheval.

Les manoeuvres suivirent les fêtes; elles eurent lieu entre Péterhof et Oranienbaum. Les Impératrices, les deux Princesses de Wurtemberg, et moi, à cinq dans un landau, nous y assistions quelquefois; mais comme j'étais assise, moi, entre les deux Majestés, je ne trouvais aucun plaisir, à ce qui, sans cela, en aurait été un si grand pour moi. Je me souviens d'une petite scène entre les deux Impératrices, la première que je vis dans ce genre. Le prince Menschikow, qui faisait les fonctions d'accompagner, et de directeur de l'équipage impérial, nous mena par une route un peu mauvaise, sur une hauteur; les chevaux s'embarrassèrent, et le carrosse recula, d'une manière inattendue et un peu effrayante. Maman cria d'ouvrir la portière et sortit d'une manière précipitée; l'Impératrice

дверцы и торопливо выскочила; императрица Елисавета послѣдовала за нею; то же сдѣлали и мы. Едва ступивъ на землю, маман подошла къ императрицѣ Елисаветѣ, взяла ее за руку и голосомъ, повидимому исполненнымъ самаго горячаго участія, промолвила:—«Вы испугались, милое дитя мое? какъ вы себя чувствуете?», а (царствующая) императрица ей отвѣчала,—что она «ничуть не испугалась, а напротивъ того, вы испугались». Маман повторила опять свое, а императрица принялась снова защищаться. Я не знала какъ себя тутъ и держать! Когда мы снова усѣлись въ экипажъ, я замѣтила, что императрицѣ Елисаветѣ было неловко, что я присутствовала при этой сценѣ, и, какъ бы себѣ въ извиненіе, она сказала мнѣ, когда мы остались одні, будто вдовствующая императрица къ несчастію нерѣдко сваливаетъ на нее то, что въ дѣйствительности пугаетъ ее самое, а она этого терпѣть не можетъ. Я ничего на это не отвѣчала, но обсудивъ мысленно это происшествіе, нашла, что если за маман и водилась подобная слабость, то все же вина въ недоразумѣніяхъ ложится на императрицу Елисавету: своимъ ѣдкимъ и обидчивымъ тономъ она только затагивала сцену, которая могла-бы пройти незамѣченной, прояви императрица Елисавета большую ласковость. Какъ-бы то ни было, это послужило мнѣ урокомъ.

По возвращеніи въ Павловскъ, мы вернулись къ прежнему образу

Elisabeth la suivit, et nous autres fîmes de même. Voilà, à peine à terre, que Maman s'approcha de l'Impératrice Elisabeth, lui prit le main, et d'une voix, qui devait prouver le plus grand intérêt, lui dit: «Ma chère enfant, Vous avez eu peur; comment Vous sentez Vous? Vous avez eu si peur!» Et l'Impératrice—de lui répondre, qu'elle n'était pas le moins du monde effrayée, que bien au contraire «C'est Vous qui avez été effrayée»,—et cela d'un ton aigre,—et Maman à recommencer ses phrases, et l'autre à se défendre. Je ne sus, quelle mine faire! Lorsqu'on fut en place, je remarquai, que l'Impératrice (régnante) était embarrassée, de ce que moi j'eus été présente à une scène pareille, et comme pour s'excuser, elle me dit, lorsque nous fûmes seules, que malheureusement l'Impératrice Mère faisait souvent de la sorte, de l'accuser de ce qui, au fond, l'avait effrayé elle même, et qu'elle ne pouvait pas supporter ce genre. Je ne répondis rien, mais je ne manquai pas de faire mes réflexions, et je trouvais, que si chez Maman c'était une petite faiblesse, le tort pourtant me semblait du côté de l'Impératrice (régnante), qui par son ton aigre et piqué, faisait durer cette scène, qui au contraire, aurait passée vite et inaperçue, si elle y avait mis un peu de douceur. Tant il y a, que cela me servit de leçon.

Revenus à Pawlowsky, le train de vie continua de même. Bientôt je dus

жизни. Вскорѣ я должна была прекратить верховныя поѣздки, такъ какъ однажды за обѣдней, когда я старалась выстоять всю службу не присаживаясь, я упала тутъ-же на мѣстѣ безъ чувствъ. Николай унесъ меня на рукахъ; я этого и не почувствовала вовсе и вскрикнула, только когда мнѣ дали понюхать летучей соли, и я пришла въ чувство. Этотъ случай, въ первую минуту напугавшій присутствующихъ, былъ какъ бы предвѣстникомъ моей беременности, которой я сама едва вѣрила; это извѣстiе обрадовало всѣхъ! Говорять, будто на томъ мѣстѣ, гдѣ я упала, нашли обсыпавшіеся лепестки розъ, вѣроятно изъ моего букета, и это нашимъ дамамъ показалось очень поэтичнымъ.

Начались приготовленія къ поѣздѣ въ Москву, гдѣ Дворъ долженъ былъ поселиться на зиму. Дѣлалось это съ цѣлю поднять духъ древней столицы, истребленной въ 1812 г. отъ пожара. Передъ отъѣздомъ, мы возвратились въ Анничковскій дворецъ, въ которомъ почти не жили еще вовсе. Мы устроили тамъ маскированный вечеръ для нашего всегдашняго Павловскаго общества; всѣ были замаскированы съ головы до ногъ. Маман—волшебницею, императрица Елисавета Алексѣевна—летучею мышью, я—индiйскимъ принцемъ, съ чалмой изъ шаля, въ длинномъ ниспадающемъ верхнемъ платьѣ и широкихъ шароварахъ изъ восточной ткани. Когда я сняла маску, мнѣ наговорили массу комплиментовъ. Талья у меня тогда оставалась еще довольно тонкая, хотя я пополнила и особенно похорошѣла въ началѣ беременности.

cesser de monter à cheval, car à une messe où je m'efforçais de rester debout, je tombai évanouie comme roide morte. Nicolas m'emporta dans ses bras; je ne savais de rien; je jettai un cri, lorsqu'on me donna des sels à sentir et je repris mes sens. Cet accident, qui effraya les assistants au premier instant fut, comme l'annonce de ma grossesse, à laquelle moi-même je croyais à peine, et cette nouvelle réjouit tout le monde. On dit, qu'à la place où j'étais tombée, après m'avoir emportée, on trouva des feuilles de roses effeuillées, de mon bouquet apparemment, ce qui parut très poétique aux dames.

On commença à faire des préparatifs pour le voyage de Moscou, où la cour devait se fixer pour tout l'hiver. C'était pour relever l'esprit des habitants de cette vieille capitale, qui l'année 1812 avait péri par les flammes.

Avant de partir, nous retournâmes à Anitchkow, que nous avions à peine habité; nous y donnâmes une soirée masquée, rien que pour la société de Pawlowsky. Tout le monde était masqué jusqu'aux dents: Maman, en magicienne; l'Impératrice Elisabeth en chauve-souris; moi en prince Indien, en turban de shawls, long habit flottant, et large pantalon d'étoffe orientale. Quand j'eus ôté le masque, on me fit force compliments. J'avais

Мы покинули Петербургъ 18-го сентября. По предписанію докторовъ, пробыли мы въ дорогѣ изъ-за меня 12 дней. Порядочно таки долго! Впослѣдствіи я слышала, будто императрица Екатерина, будучи великой княгиней, на этотъ путь и по той же причинѣ употребила шесть недѣль. Я страдала тошнотами и испытывала отвращеніе къ нѣкоторымъ блюдамъ и запахамъ, но вообще чувствовала себя какъ нельзя лучше, а длинное это путешествіе совершила весьма пріятно, такъ какъ ѣхала съ мужемъ, и мы не мало ребячились; къ тому-же мой братъ Вильгельмъ былъ еще съ нами. Въ Клинѣ мы дождались прибытія вдовствующей государыни и (императора) Александра. Ихъ императорскія величества не совершали торжественнаго въѣзда въ Москву; всякій изъ насъ добрался туда самъ по себѣ ночью, а на слѣдующій день ихъ величества и прочіе члены царской фамиліи показались народу и съ большой церемоніей, въ полномъ парадѣ, направились въ соборы. Добрый народъ встрѣтилъ своего государя съ безмѣрнымъ восторгомъ. Жители Москвы, много выстрадавъ во время войны и при занятіи города французами и доказавъ единодушно свой патриотизмъ, не взирая на постигавшія ихъ бѣдствія, вполне заслуживали то отеческое

la taille encore très fine, et cependant je prenais plus de quarrure, et j'avais particulièrement bonne mine au commencement de cette grossesse.

Nous quittâmes Pétersbourg le 18 Septembre.

Par ordonnance des médecins, on resta en chemin, à cause de moi, 12 jours. Ce fut long, par exemple! depuis j'ai entendu dire, que l'Impératrice Catherine II, comme Grande Duchesse, avait employé six semaines à faire cette même route, et à cause de la même raison. Je souffrais de nausées, qui me donnaient des dégouts pour telle odeur, ou tel plat; du reste je me portais à merveille, et je m'amusai durant cette longue expédition, parceque je voyageais avec mon mari, et que nous faisions mille enfantillages; et puis mon frère Guillaume était encore des notres. A Klin nous attendimes l'arrivée de l'Impératrice Mère et de l'Empereur. Leurs Majestés Impériales ne firent aucune entrée publique; chacun arriva de son côté et la nuit à Moscou. Ce fut le lendemain que les Majestés, et les autres membres de la famille Impériale, se montrèrent au peuple, en allant, en grande cérémonie, et en grande tenue, aux Cathédrales. Le bon peuple de Moscou reçut son Souverain avec un enthousiasme immense. Après avoir tant souffert pendant la guerre et durant l'occupation des français, après avoir prouvé un patriotisme si unanime, malgré tous les désastres, qui étaient tombés sur eux, les habitants de Moscou méritaient une attention aussi paternelle, que celle, que l'Empereur Alé-

вниманіе, которое выказалъ къ нимъ императоръ Александръ, поселяясь среди нихъ; правда и народъ, и вельможи съумѣли вполне оцѣнить это вниманіе.

Проснувшись поутру, я подошла къ окну и, когда увидѣла великолѣпное зрѣлище, открывающееся на Москву, которая разстлалась, словно панорама у моихъ ногъ, то сердце мое забилось: я поняла Россію и стала гордиться тѣмъ, что принадлежу ей! Къ несчастью, пашапа получила за день до пріѣзда въ Москву извѣстіе о смерти одного изъ своихъ братьевъ. По случаю этого траура, Дворъ и городъ не давали никакого празднества вплоть до 12-го декабря, дня рожденія императора. Мнѣ пришлось пролежать въ постели, а затѣмъ на кушеткѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней; настолько утомили колѣнопреклоненія мои ноги, я даже съ трудомъ могла двигать ими.

Въ то-же время я принялась серьезно за уроки русскаго языка; въ учителя мнѣ былъ данъ Василій Андреевичъ Жуковскій, въ то время уже извѣстный поэтъ, но человѣкъ онъ былъ слишкомъ поэтичный, чтобы оказаться хорошимъ учителемъ. Вмѣсто того, чтобы корпѣть надъ изученіемъ грамматики, какое-нибудь отдѣльное слово рождало идею, идея заставляла искать поему, а поэма служила предметомъ для бесѣды; такимъ образомъ проходили уроки. Поэтому русскій языкъ я постигала плохо, и, несмотря на мое страстное желаніе изучить его, онъ

xandre leur montrait, en venant s'établir au milieu d'eux; mais aussi, le peuple comme les grands, savait apprécier cette attention.

En me réveillant le matin, en m'approchant des fenêtres, en découvrant la magnifique vue sur toute la ville de Moscou, qui se déployait comme un panorama à mes pieds, j'eus un véritable saisissement au coeur; je compris la Russie—je me sentis fière de lui appartenir.

Malheureusement, Maman reçut la nouvelle de la mort d'un de ses frères, l'avant-veille de l'arrivée à Moscou. A cause de ce deuil, la cour et la ville ne donnèrent aucune fête, jusqu'au 12 Décembre, jour de la naissance de l'Empereur.

Je dus garder le lit, et puis la couchette, durant quelques jours, tellement les gémissements fatiguèrent mes jambes, que je pouvais à peine me remuer.

Je commençai à m'occuper sérieusement des leçons de la langue russe; on m'avait donné comme maître Василій Андреевичъ Жуковскій, poète déjà fameux,—trop poète pour être bon maître. Au lieu de rester à étudier la grammaire, un mot donnait une idée; l'idée faisait chercher un poème; le poème donnait le sujet d'une conversation, et ce fut ainsi que se passaient presque toutes les leçons; aussi j'appris très mal le Russe,

оказывался на столько труднымъ, что я въ продолженіе многихъ лѣтъ не имѣла духу произносить на немъ цѣльныхъ фразъ.

Братъ мой все еще гостилъ у насъ; по вечерамъ, нашъ маленькій Дворъ собирался въ моемъ кабинетѣ; мы читали или играли.

Я познакомилась съ двумя дамами, которыя часто бывали на этихъ вечерахъ, Кутузовою — женою того, который сопровождалъ моего жениха въ Англію, въ качествѣ ментора; другою-же была княгиня Трубетцкая, молодая женщина моихъ лѣтъ, красавица собою, умница и очень осторожная, хотя и бывшая замужемъ за некрасивымъ старикомъ, обожавшимъ ее впрочемъ.

Графиня Орлова (Анна Алексѣевна), съ перваго-же дня моего приѣзда въ Петербургъ, выказала мнѣ столько дружескаго состраданія и жалости (такъ какъ молодая принцесса, оторванная отъ семьи, въ новой для нея странѣ и среди новаго міра, казалась ей вполне достойной сочувствія), что это сразу приобрѣло ей мое расположеніе. Я часто выдавалась съ нею въ Москвѣ; ей былъ пожалованъ императорскій портретъ для ношенія 12-го декабря 1817 г., и хотя она была еще очень молода и притомъ чуть-ли не самая богатая изъ русскихъ аристократокъ, но не пожелала выйти замужъ.

Я бывала часто у императрицы Елисаветы, которая относилась ко мнѣ въ то время весьма дружественно.

qui malgré mon désir extrême, me paraissait tellement difficile, que le courage d'articuler des phrases entières me manqua durant bien des années.

Mon frère était encore des notres. Le soir notre petite cour se réunissait dans mon cabinet: on faisait la lecture, ou bien l'on jasait. Je fis connaissance de deux dames, qui furent souvent de ces soirées: madame Koutouzow, femme de celui, qui avait accompagné mon promis en Angleterre, comme Mentor; l'autre était la princesse Troubetzkoy, jeune femme de mon âge à peu près, jolie comme un coeur, sage et prudente dans sa conduite, quoique mariée à un homme laid et vieux, mais qui l'adorait.

La Comtesse Orlow (Анна Алексѣевна) me montra dès les premiers jour de mon arrivée à Pétersbourg, tant de pitié amicale, tant de *com mis ération*, parce que cette jeune Princesse, loin de sa famille, dans un pays et un monde tous nouveaux, lui paraissait si intéressante,— que cela lui gagna mon coeur dès le premier instant. Je la vis souvent à Moscou; elle reçut le portrait le 12 Decembre 1817. Quoique jeune encore et la plus riche grande dame du pays, elle ne voulut jamais se marier. J'allais souvent chez l'Impératrice Élisabeth, qui me montrait beaucoup d'amitié alors.

Моя кузина Марія Вюртембергская также часто посѣщала насъ. Мы обѣдали или проводили вечера у мамы; по воскресеньямъ бывалъ обѣдъ, на который приходилось являться въ платьяхъ со шлейфами, и такой-же парадный вечеръ, на которомъ можно было умереть съ тоски.

Подъ рождество, при нашемъ маленькомъ Дворѣ случилось событіе, о которомъ я должна упомянуть въ нѣсколькихъ словахъ: нашъ маршалъ К. А. Нарышкинъ дѣлалъ ежеминутно неприятности моему мужу: за малѣйшую шутку онъ сердился до того, что то зеленѣлъ, то желтѣлъ отъ злости. Кромѣ того, онъ пытался не разъ дѣлать великому князю неумѣстныя замѣчанія даже на мой счетъ. Человѣкъ въ высшей степени желчный, онъ иногда впадалъ въ змѣиную злость; всѣ ненавидѣли его и удалялись при его приближеніи... Однимъ словомъ, я чувствовала, что не могу быть покойной, пока этотъ человѣкъ будетъ при нашемъ Дворѣ. Имѣть въ такомъ маленькомъ кружкѣ постоянно вождя себя человѣка, который кляузничаетъ, говорить съ злымъ умысломъ колкости—было невыносимо, и хотя многіе принимали въ немъ участіе, но у меня хватило характера поставить на своемъ и добиться того, чтобы онъ оставилъ это мѣсто. Я думаю, меня за это осуждали и находили характеръ мой не достаточно покладистымъ, но я сознавала, что это

Ma cousine, Marie de Wurtemberg, venait aussi beaucoup chez nous.

Nous allions ou diner, ou passer la soirée chez Maman; le Dimanche, il y avait ordinairement grand diner en robes à queues, et soirée de même, où l'on avait envie d'avalier sa langue par ennui.

Vers Noël, se passa un événement à notre petite cour, que je dois mentionner en peu de mots.

M-r Cyrille Aléxandrowitsch Naryschkine, notre Maréchal, faisait à chaque instant des scènes à mon mari; pour la moindre des plaisanteries il se fâchait, au point de devenir vert et jaune de fureur. Outre cela, il avait essayé plusieurs fois de faire des remarques déplacées au grand Duc, même à mon sujet. Son caractère éminemment billieux, se rendait parfois méchant comme une vipère; les gens le détestaient, on fuyait son approche... enfin, je sentais qu'aussi longtemps que cet homme resterait à notre cour, je ne pourrais avoir l'âme en paix. Dans un si petit cercle, avoir un homme tous les jours près de soi, qui tripotait, qui lançait des méchancetés, avec des intentions malicieuses... Non! ce n'était pas tenable; et quoique bien des personnes s'intéresserent en sa faveur; j'eus la force de caractère d'y résister, et de désirer qu'il quitte cette place. Je crois, qu'on me blâma, et qu'on pensa, que cette jeune Princesse devait avoir le caractère peu accommodant;—mais je sentais que la

вопросъ слишкомъ важный; тутъ дѣло шло о мирѣ, о спокойствіи въ нашемъ домѣ: я исполнила свой долгъ и никогда въ этомъ не раскаивалась. Послѣдствія доказали, что характеръ у меня былъ довольно покладистый. Жена Нарышкина, Марія Яковлевна, столь же красивая сколько кроткая и добрая... Нарышкинъ покинулъ нашъ Дворъ и на его мѣсто былъ назначенъ гр. Моденъ...

Въ это время Аркачевъ былъ самымъ главнымъ совѣтникомъ при императорѣ. Онъ былъ необходимъ ему и работалъ съ нимъ ежедневно. Черезъ его руки проходили почти всѣ дѣла. Этому человѣку боялись, его никто не любилъ и я никогда не могла понять, какимъ способомъ онъ сумѣлъ удерживаться въ милости императора Александра до самой его кончины.

Другою личностью, пользовавшеюся особою милостью и дружбою императора, былъ кн. Александръ Николаевичъ Голицынъ. — Проведя молодость бурно, онъ отличался въ послѣдствіи особою набожностью. Таково же было и настроеніе императора. Великія событія 1812, 1813 и 1814 гг. глубоко потрясли его умъ; до той поры онъ былъ суетенъ и легкомысленъ въ дѣлѣ религіи. Ханжа г-жа Крюднеръ повліяла на него въ томъ же смыслѣ, почва была хорошо подготовлена и принесла плоды. Кромѣ того, съ кн. Голицынымъ императора связывала, съ мо-

chose était par trop importante: il y allait de la paix, de la tranquillité de notre ménage; je fis mon devoir, et je ne m'en repentis jamais. La suite prouva, que j'étais assez accommodante par caractère.

Sa femme, Марія Яковлевна, aussi jolie que douce et bonne... Mr Naryschkine quitta notre cour, et on nomma le comte Modène à sa place...

A cette époque Araktschéew était le factotum principal de l'Empereur; il lui était indispensable; il travaillait tous les jours avec lui; c'est par lui que passaient presque toutes les affaires. On craignait cet homme; il n'était aimé de personne, et je n'ai jamais pu comprendre, pourquoi il sut soutenir sa faveur jusqu'à la fin des jours de l'Empereur Alexandre.

Un autre individu, très fort dans les bonnes grâces et dans l'amitié de l'Empereur Alexandre, était le prince Alexandre Golitzyne. Celui-ci, après avoir mené joyeuse vie dans sa jeunesse, commençait à donner dans la dévotion, depuis peu d'années. Telle était aussi la disposition d'âme de l'Empereur. Les grands événements des années 12, 13, et 14 avaient fait profonde impression sur son esprit, qui jusque là avait été frivole et léger en matière de religion. La sainte madame Krüdener avait aussi travaillé dans ce sens; le terrain était préparé,—et porta ses fruits. Outre cela,

лодых лѣтъ, давнишняя дружба; князь состоялъ камергеромъ при его Дворѣ, когда Александръ былъ еще только великимъ княземъ, и первый пыталъ ко второму вполне искреннюю и непреходящую привязанность. Я чувствовала себя пріятнѣе въ обществѣ Голицына, нежели Аракчеева, который говорилъ только по-русски и внушалъ мнѣ какой-то инстинктивный страхъ. Въ то время много говорили о военныхъ поселеніяхъ, основанныхъ всего какой нибудь годъ назадъ по мысли самого государя; осуществленіе этой затѣи было возложено на Аракчеева и производилось далеко не съ кротостью, а напротивъ того—грубымъ и жестокимъ образомъ, что вызывало неудовольствіе въ бѣдныхъ крестьянахъ. По пути намъ попадались тамъ и сямъ жители нѣкоторыхъ деревень, колѣнопреклоненные и умолявшіе о томъ, чтобы не измѣняли ихъ положенія (т. е. не обращали бы въ военныхъ поселянь).

Въ концѣ декабря братъ покинулъ меня. Я проводила его съ грустью и почувствовала новый приливъ тоски по поводу разлуки съ отцомъ, братьями и сестрами—то была ужасная минута! Но переживъ ее, я еще болѣе сблизилась съ моимъ Николаемъ, почувствовала, что въ немъ одномъ имѣю поддержку и опору въ новой моей родинѣ, а нѣжность его вполне вознаградила меня за все мою утраченное. Мы читали

une longue amitié le liait depuis sa jeunesse au prince Golitzyne, qui avait été chambellan à sa cour de Grand'Duc, et lui portait un attachement réel et inaltérable. Je me sentais plus à l'aise avec le prince Golitzyne, qu'avec Araktschéew, qui ne parlait que russe, et m'inspirait une certaine frayeur instinctive.

On parlait alors beaucoup des colonies militaires, instituées depuis un an à peine, dont l'idée venait de l'Empereur, mais l'exécution, étant confiée à Aракчеевъ, ne se faisait pas avec douceur, mais au contraire avec des moyens durs et cruels, et mécontentait les pauvres paysans. En chemin nous avons trouvé par ci par là, des habitants de quelques villages, à genoux, pour implorer, qu'on ne changeat pas leur sort.

A la fin de Décembre mon frère me quitta. Je le vis partir avec une douleur si forte, qu'elle réveilla toute ma mélancolie, d'avoir quitté père, frères et soeurs. Ce fut un moment affreux. Mais une fois passé, je me rapprochai encore d'avantage de mon Nicolas;—je sentis n'avoir que lui pour appui, pour soutien dans ma nouvelle patrie, et sa tendresse me dédommagea amplement de tout ce que j'avais perdu.

Nous fîmes des lectures ensemble: Corinne et Malek Adel,

вмѣстѣ: «Коринну» и «Малекъ Аделя» и я съ наслажденіемъ вспоминаю объ этой мирной жизни въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ, предшествовавшихъ моимъ родамъ!

1818 годъ.

Мы выѣзжали очень мало; при Дворѣ не было ни одного вечерняго собранія, но часто давались обѣды. По воскресеньямъ обѣдали обыкновенно у шатап въ платьяхъ со шлейфами и на вечеръ появлялись опять въ томъ же костюмѣ; вечеръ проводили у нея въ бесѣдѣ и въ игрѣ въ макао. Признаюсь, вечера эти ужасно мнѣ наскучали по сравненію съ воскреснымъ препровожденіемъ времени въ Берлинѣ, гдѣ мы рѣзвились, болтали и оживленно веселились, и я теперь съ трудомъ могла скрывать свою скуку. Общество на этихъ собраніяхъ бывало ужасно древнее, въ стилѣ рококо: старыя, полуслѣпыя сенаторы, вельможи времени императрицы Екаторины, находившіяся въ отставкѣ лѣтъ по двадцати или тридцати!

Въ мартѣ мѣсяцѣ императоръ уѣхалъ въ Варшаву, гдѣ долженъ былъ произойти первый сеймъ со времени учрежденія новаго Царства Польскаго и съ тѣхъ поръ какъ ему была дарована конституція. Рѣчь, произнесенная императоромъ при открытіи сейма, надѣлала не мало шуму;

et je me souviens avec bonheur de ces paisibles mois, qui précédèrent mes couches.

1818 г.

On alla très peu dans le monde. La cour ne donna pas une fête le soir, mais beaucoup de diners. Le Dimanche ordinairement on dînait en robes à queues, chez Maman, et le soir, dans le même costume, on revenait pour faire cercle, et pour jouer au macao. Ceci, je l'avoue, m'ennuyait tellement, en comparaison des dimanches à Berlin, où l'on fêlait, et jasait, et s'amusait tout particulièrement, — que j'avais de la peine à cacher mon ennui. La société de ces réunions était aussi terriblement vieille et rococo: de vieux sénateurs, à moitié aveugles, de grands seigneurs du temps de l'Impératrice Cathérine, retirés du service depuis 20 ou 30 ans.

L'Empereur Alexandre partit au mois de Mars, pour Varsovie, où devait se tenir la première Diète, depuis l'organisation du nouveau royaume de Pologne, et depuis qu'on lui avait accordé une constitution.

упомяну я о ней лишь затѣмъ, чтобы напомнить, какъ нѣкоторыя слова этой рѣчи громко отозвались въ русскихъ сердцахъ, возбуждая ложныя надежды. Отголосокъ этотъ былъ настолько силенъ, что давалъ себя чувствовать и много еще лѣтъ спустя, а отчасти оказался причиною даже мятежа, сопровождавшаго восшествіе на престолъ моего Николая. Эти политическіе вопросы занимали меня тогда весьма мало: надежда сдѣлаться матерью всецѣло переполняла мое сердце. Эта минута, наконецъ, наступила!

На святой недѣлѣ, когда колокола своимъ перезвономъ славословили праздникъ Воскресенія, въ среду, 17-го апрѣля 1818 г., въ чудный весенній день, я почувствовала первые приступы родовъ въ 2 часа ночи. Призвала акушерку, затѣмъ вдовствующую государыню: настоящія боли начались лишь въ 9 часовъ, а въ 11 часовъ я услышала крикъ моего перваго ребенка!

Никсъ (в. к. Николай Павловичъ) цѣловалъ меня и плакалъ, и мы поблагодарили Бога вмѣстѣ, не зная даже еще послалъ-ли Онъ намъ сына или дочь, но тутъ подошла къ намъ шатап и сказала «это сынъ». Мы почувствовали себя еще болѣе счастливыми при этомъ извѣстіи, но помнится мнѣ, что я ощутила нѣчто важное и грустное при мысли, что этому маленькому существу предстоитъ нѣкогда сдѣлаться императоромъ!

Le discours, tenu par l'Empereur à l'ouverture de cette première Diète, fit tant de bruit, que je n'en parlerai, que pour rappeler, que plusieurs paroles de ce discours retentirent avec fracas dans bien des coeurs russes, en donnant de fausses espérances. Et l'écho en fut si violent, qu'il se fit ressentir encore bien des années après, et qu'il fût en partie la cause des désordres révolutionnaires à l'avènement de mon Nicolas.

Ces sortes de questions politiques m'occupaient bien peu dans ce temps là, où les espérances de devenir mère remplissaient seules mon âme. Ce moment arriva enfin! Dans la semaine de Pâques, tandis que les cloches sonnaient encore pour cette grande fête de la Résurrection le Mercredi, 17 Avril 1818, par la plus belle journée de printemps, je sentis les premiers indices à 2 heures dans la nuit; on fit appeler la sage femme, puis l'Impératrice Mère; les véritables douleurs commencèrent à 9 heures seulement, et à 11 heures j'entendis le premier cri de mon premier enfant. Niks m'embrassait et fondait en larmes, et nous remercions Dieu ensemble, sans savoir encore s'il nous avait donné un fils ou une fille, lorsque Maman s'approcha de nous, en nous disant. «C'est un fils». Le bonheur en redoubla, et pourtant je me rappelle, que je sentis quelque chose de grave et de mélancolique, en pensant, que ce petit être serait un jour Empereur.

Шесть недѣль послѣ родовъ прошли для меня самымъ пріятнымъ, спокойнымъ и однообразнымъ образомъ; я видалась въ это время съ весьма немногими. Княжна (Софія) Трубецкая приходила иногда вечеромъ почитать вслухъ часть или два. На нашихъ маленькихъ вечерахъ, до моихъ родовъ, бывала также г-жа Кутузова. Вечеромъ наканунѣ великаго событія, у меня еще были гости до 10 часовъ, а въ 2 часа ночи почувствовала я первые признаки приближавшихся родовъ.

Во время крестинъ, (совершившихся 29-го апрѣля въ Чудовомъ монастырѣ), нашему малюткѣ было дано имя Александръ; то былъ прелестный ребеночекъ, бѣленькій, пухленькій, съ большими темно-синими глазами; онъ улыбался уже черезъ шесть недѣль. Я пережила чудную минуту, когда понесла новорожденнаго на рукахъ въ Чудовскую церковь, къ гробницѣ св. Алексѣя.

Вскорѣ Москва сдѣлалась сіяющею и оживленною. Императоръ возвратился изъ Польши и изъ поѣздки въ Одессу и Крымъ и вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ принцъ Филиппъ Гессенъ-Гомбургскій, посланный отъ имени австрійскаго императора въ Варшаву. Онъ настолько понравился государю и такъ сошелся съ нимъ, что императоръ пригласилъ принца сопровождать его въ путешествіи.

Mes six semaines de couches relevailles passèrent de la manière la plus agréable, et la plus calme et uniforme. Les personnes, que je voyais durant mes couches étaient peu nombreuses. La princesse Troubetzkoy venait quelquefois le soir, me faire la lecture, pendant une heure ou deux; madame Koutouzow appartenait aussi à nos petites soirées, mais avant mes couches. La veille du grand événement j'avais encore du monde chez moi, jusqu'à 10 heures. Et la nuit, à 2 heures, les premiers indices d'accouchement se firent sentir.

Au baptême ¹⁾, le 29 Avril, notre petit reçut le nom d'Alexandre. C'était le plus délicieux petit enfant qu'on put voir, blanc, potelé, grands yeux d'un bleu foncé, souriant déjà à 6 semaines.

Ce fut encore un beau moment pour moi, lorsque je portai mon nouveau né, sur mes bras, à l'Église de Чудовъ, et au tombeau de St. Alexis.

Bientôt Moscou devint brillant et animé. L'Empereur revint de Pologne, et d'un voyage à Odessa et en Crimée; à sa suite le Prince Philippe de Hesse-Hombourg, envoyé par l'Autriche à Varsovie, et qui plaisait et convenait si bien à l'Empereur, qu'il l'invita à l'accompagner durant son voyage. Bientôt après j'eus le bonheur d'aller à la rencontre de mon

¹⁾ Le baptême se fit à l'église de Чудовъ.

Вскорѣ я имѣла счастье выѣхать на встрѣчу моему отцу въ маленькое помѣстье Нарышкиныхъ, въ Кунцово. На слѣдующій день я разцѣловалась съ братомъ Фрицемъ. Въѣздъ отца въ Москву совершился верхомъ. Изъ оконъ покоевъ шатап я любовалась на блестящій поѣздъ, проѣзжавшій вдоль древнихъ зубчатыхъ стѣнъ Кремля. Я впала въ какой-то блаженный экстазъ! Сердце мое трепетало отъ радости, и я не знала какъ достаточно благодарить Бога! Пребываніе короля въ Москвѣ продолжалось не болѣе 10—12 дней; были она весьма утомительны, ибо прогулки по городу, обѣды, балы и иллюминаціи быстрочередовались, и мы едва успѣвали переодѣваться. Затѣмъ мало-по-малу вся пріятная компанія направилась въ Петербургъ.

Ихъ императорскія и королевскія величества и высочества съѣхались снова въ іюні мѣсяцѣ въ Царскомъ Селѣ. Тамъ устраивались катанья въ двадцати дрожкахъ, которыя слѣдовали другъ за другомъ, съ императоромъ Александромъ во главѣ; ужины происходили въ различныхъ павильонахъ сада — было вечернее собраніе въ эрмитажѣ, другое собраніе на островѣ, посреди пруда, и еще въ Павловскѣ у вдовствующей государыни. Потомъ состоялся торжественный въѣздъ короля прусскаго въ Петербургъ съ выстроенымъ войскомъ и множествомъ парадныхъ экипажей. Все это настолько походило на мой прошло-

père, au petit château de Kuntzow, des Naryschkines. Le lendemain j'embrassai mon frère Fritz. L'entrée de mon père se fit à cheval. Du haut des fenêtres de Maman, au Kremlin, je vis tout ce cortège brillant, qui longeaient ses antiques mur crennelés. J'étais dans une espèce d'extase de félicité. Mon coeur bondissait de joie! je ne pouvais assez remercier le bon Dieu!

Le séjour du Roi à Moscou ne dura guère que 10 à 12 jours, qui furent bien fatiguants, puisque les courses en ville, les diners, les bals et illuminations se succédaient si rapidement, qu'on avait à peine assez de temps pour faire ses toilettes. Puis, toute cette bande joyeuse se transporta à Pétersbourg, a u f u r e t à m e s u r e. Les Majestés et les Altesses Impériales et Royales se rencontrèrent à Zarskoe Selo, au mois de Juin. On y fit des promenades, dans une vingtaine de drojkis, qui se suivaient, conduits par l'Empereur Alexandre. On soupaît après cela dans différents pavillons du jardin: un soir à l'Hermitage, un autre sur l'île, au milieu du lac, puis une autre fois à Pawlowsky, chez l'Impératrice Mère.

Puis, l'entrée solennelle du Roi de Prusse à Pétersbourg eut lieu, avec grand appareil de troupes et d'équipages. Tout cela ressemblait tellement à mon entrée de l'année passée, à la même époque, que je croyais rêver. Seulement, en passant devant Anitschkow, en voyant notre petit

годнѣй вѣздъ, что я словно сонъ переживала. Только проѣзжая мимо Аничкова дворца и увидѣвъ въ одномъ изъ оконъ, на рукахъ у няни, маленькаго Сашу, настоящее оказалось самымъ пріятнымъ образомъ, и глаза мои наполнились слезами. При выходѣ изъ экипажа у Казанскаго собора, императоръ подавъ мнѣ руку и, замѣтивъ мое смущеніе, сказалъ мнѣ на ухо:

«Этихъ душевныхъ волненій не слѣдуетъ стыдиться, они пріятны Господу!»

Мой отецъ занялъ заново для него отдѣльныя комнаты въ Зимнемъ дворцѣ, которыя составляли прежде покои императора Павла. Мы ужинали въ семейномъ кругу у него, въ фонарѣ, обращенномъ къ большой площади. На этихъ ужинахъ однѣ только дамы сидѣли за столомъ, а мужчины ужинали стоя. Я была внѣ себя отъ радости, что находилась близъ отца и брата Фрица. Дядя мой, принцъ Карлъ Виртембергскій, также пріѣхалъ въ свитѣ короля. Затѣмъ начались празднества: смотры, парадъ, приемы, балы, ватанья по островамъ, посѣщенія институтовъ. Послѣднія занимали особенно много времени, такъ какъ императрица доставляла удовольствіе показывать ихъ медленно и обстоятельно, останавливаясь на каждомъ шагѣ, чтобы объяснить королю что и почему. Она обыкновенно шествовала подъ руку съ моимъ отцомъ, императрица Елисавета съ королевскимъ принцемъ, а моя рука доставляла

Sascha à une fenêtre, sur les bras de sa bonne, je fus rappelée d'une manière bien douce au présent, et mes yeux se remplirent de larmes. En descendant de voiture à l'église de Kazan, l'Empereur m'offrit son bras; il remarqua mon émotion, et me dit à l'oreille: «Ce sont de ces mouvements de l'âme, dont on ne doit pas rougir, car ils doivent être agréables à notre Seigneur».

Mon père occupa des chambres tout nouvellement arrangées pour lui, au Palais d'hiver, qui autrefois avaient été l'appartement de l'Empereur Paul. Nous soupâmes en famille, chez lui, dans la lanterne du côté de la grande place. Je me sentais folle de plaisir, d'être ainsi auprès de Papa, et de mon frère Fritz. Mon Oncle, le Duc Charles de Mecklembourg était aussi venu à la suite du Roi.

Les fêtes recommencèrent. Revues, parades, réceptions, bals, promenades aux îles, visites aux Instituts. Ces dernières prenaient beaucoup de temps, parce que l'Impératrice Mère se plaisait à les montrer lentement, et en détail, en s'arrêtant à chaque instant, pour expliquer longuement au Roi, le comment et le pourquoi. Elle donnait le bras à mon père, l'Impératrice Elisabeth marchait avec le Prince Royal, et moi, je tombai ordinairement en partage à l'Empereur, qui en paraissait en-

лась на долю императору, который казался въ восторгѣ отъ этого и по этому поводу высказывалъ тысячу пріятныхъ, любезныхъ и лестныхъ вещей, приводившихъ меня въ самое прекрасное настроеніе. Вдругъ, во время этихъ празднествъ и удовольствій, однажды мой Николай послѣ парада заболѣлъ—онъ возвратился домой, дрожа отъ лихорадки, блѣдный, весь позеленѣвшій, чуть не падая въ обморокъ. Я испугалась; его уложили въ кровать, а на слѣдующій день обнаружилась корь. Болѣзнь была довольно легкая и шла обычнымъ чередомъ. Я ухаживала за мужемъ, но отъ времени до времени появлялась и на празднествахъ.

Петергофскій праздникъ, справляемый всегда 22-го іюля, былъ на сей разъ отпразднованъ 1-го іюля, по случаю пребыванія короля моего отца. Поутру была отслужена обѣдня у насъ, въ Аничковомъ дворцѣ, затѣмъ мы отправились въ Петергофъ; день былъ великолѣпный. Фонтаны, зелень, море и небо, все вмѣстѣ увеличивало красоту этого мѣста, которое съ перваго раза понравилось и королю и всѣмъ прочимъ путешественникамъ. На слѣдующій день, вдовствующая государыня возила насъ на «собственную дачу», которая меня особенно привлекала своею густою листвою и своей маленькой уединенной часовней, располагая душу къ молитвѣ.

Всю жизнь жила во мнѣ склонность къ меланхоліи и мечтательности. Послѣ развлеченій свѣтской жизни, я любила углубляться въ самое

chanté, et me disait à ce propos mille choses obligeantes, aimables et flatteuses, qui me mettaient de la plus belle humeur.

Mais voilà, au milieu de ces fêtes et de ces plaisirs, qu'un beau jour mon Nicolas tombe malade; après une parade il rentre à la maison, frissonnant de fièvre, pâle et livide,—presque défaillant; je m'effraye, on le couche dans son lit, et le lendemain la rougeole se déclare. La maladie fut assez légère et eut son cours ordinaire.

Je le soignais, mais cependant, de temps en temps je paraissais aux fêtes.— Celle de Peterhof, qui avait toujours lieu le 22 Juillet, fut célébrée cette année-là, le 1 Juillet, à cause du séjour du Roi mon père. Le matin il y eut messe chez nous, à Anitschkow, puis on partit pour Péterhof, par une belle journée. Les fontaines, la verdure, la mer et le ciel se réunirent pour relever la beauté de l'endroit, qui plut aussi tout d'abord à mon frère, et à tous les autres voyageurs.

Le lendemain, l'Impératrice Mère nous mena à Собственная дача, qui par ses ombrages touffus, avec sa petite chapelle solitaire, me charmait tout particulièrement, en invitant l'âme à se recueillir, et à rêver. Toute ma vie j'eus ce penchant un peu mélancolique et rêveur: après les dissipation du monde, je me plaisais à rentrer en moi-même, et la belle

себя и въ такія минуты природа оказывалась для меня столь-же необходимою, какъ хорошая проповѣдь, и болѣе всѣхъ проповѣдей въ мірѣ вѣщала мнѣ о Богѣ и о чудныхъ благодѣяніяхъ, оказываемыхъ Имъ своимъ созданіямъ!

Прошло еще нѣсколько дней, и мой отецъ покинулъ насъ; мы провожали его до Гатчины. Тамъ я простилась съ дорогимъ и добрымъ отцомъ съ грустью, но съ общаніемъ и надеждою увидѣться съ нимъ на слѣдующій годъ. Едва возвратившись въ Аничковъ дворецъ, я захворала,—у меня тоже оказалась корь; на пятый день я почувствовала себя особенно дурно, у меня разболѣлась грудь, но нѣсколько пивовокъ, въ-время поставленныхъ, облегчили моя страданія, и выздоровленіе пошло быстро. Нашего маленькаго Сашу удалили; онъ жилъ въ Таврическомъ дворцѣ подѣ покровительствомъ вдовствующей государыни. Мой братъ и принцъ Гессенъ-Гомбургскій облегчили и значительно оживили періодъ моего выздоровленія своимъ присутвіемъ и своею любезностію.

Принцъ Филиппъ по истинѣ былъ очень малъ; человекъ свѣтскій и въ то же время храбрый и опытный воинъ, онъ обладалъ искусствомъ смѣшнить, никогда не забываясь и не позволяя себѣ никакихъ вольностей. Судьба не разъ еще сталкивала насъ при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ, и онъ всегда былъ для насъ тѣмъ же преданнымъ другомъ и любезнымъ собесѣдникомъ. Онъ пріѣзжалъ вторично въ Рос-

nature m'était alors nécessaire, comme un bon sermon,—et bien plus que tous les sermons du monde, elle me parlait de Dieu, et de ses miraculeux bienfaits envers ses créatures.

Quelques jours encore, et mon père nous quitta; on l'accompagna à Gatschina; c'est là que je dis adieu à ce cher et bon Papa, non sans attendrissement, mais avec la promesse et l'espoir de le revoir l'année prochaine.

A peine revenue à Anitschkow, je tombai malade, et la rougeole se déclara le cinquième jour; je me sentais très souffrante, ma poitrine me faisait mal, mais quelques sangsues, appliquées à temps, soulagèrent le mal, et la guérison alla vite. On avait éloigné notre petit; il logeait au Palais de la Tauride, sous la protection de l'Impératrice Mère. Mon frère, et le Prince Philippe de-Hesse-Hombourg allégèrent et égayèrent beaucoup ma convalescence par leur présence et leur amabilité. Le Prince Philippe fut vraiment charmant; homme du monde, et militaire brave et expérimenté, il possédait l'art de faire rire, sans jamais s'oublier, sans dire des choses trop lestes. Le sort nous réunit encore bien des fois, dans des circonstances bien différentes, et toujours il fut le même pour nous—ami dévoué et homme aimable.

сію ко двю нашей коронаці въ 1826 г. Въ третій разъ императоръ австрійскій прислалъ его во время турецкой войны въ главную квартиру, и я видѣла его тогда въ Одессѣ въ 1828 г. Четвертый разъ онъ былъ въ Варшавѣ, во время нашей коронаціи польскою царскою короною въ 1829 г.

Братъ мой и принцъ Филиппъ покинули насъ, наконецъ, и разумѣется гораздо скорѣе, нежели я того желала; мы отправились проводить остальную часть лѣта въ Павловскѣ, но не надолго, такъ какъ императоръ и обѣ императрицы собирались вскорѣ уѣхать за границу. Маман радовалась этому путешествію, имѣвшему цѣлю посѣтить трехъ ея дочерей въ ихъ резиденціяхъ; первую по списку предполагалось посѣтить великую княжну Екатерину Павловну, королеву Виртембергскую; Анна Павловна, принцесса Оранская, проживала въ Брюсселѣ, а Марію Павловну, супругу наслѣднаго герцога Веймарскаго, предстояло посѣтить послѣднюю. Императоръ долженъ былъ отправиться въ Ахенъ на политическій конгрессъ, на которомъ обѣщалъ присутствовать и отецъ мой. Михайлъ (Павловичъ) находился уже въ Германіи, собираясь посѣтить Англію и Италію; поѣздка эта имѣла воспитательную цѣль и должна была завершить его образованіе. Константинъ (Павловичъ) за-

Il revint la seconde fois en Russie, pour notre couronnement, en 1826. Puis la troisième fois, ce fut pour la guerre de Turquie, que l'Empereur d'Autriche l'envoya au quartier général, et je le vis alors à Odessa, en 1828;—la quatrième fois, à Varsovie, pour notre couronnement, en 1829.

Mon frère et lui nous quittèrent enfin, certes beaucoup trop tôt, selon mes vœux.

Nous allâmes passer le reste de l'été à Pawlowsky, mais pas pour longtemps, car l'Empereur et les deux Impératrices se trouvaient à la veille de leur départ pour l'étranger. Maman se faisait une fête de ce voyage, dont le but était de visiter ses trois filles, dans leurs différentes résidences. La Grande Duchesse Catherine, devenue Reine de Wurtemberg, était la première sur la liste; Anne, Princesse d'Orange, se trouvait à Bruxelles,—et Marie, Grande Duchesse héréditaire de Weymar, faisait la clôture. L'Empereur devait se rendre à Aix-la-Chapelle, pour un congrès politique, auquel mon père, de son côté, promettait d'assister.

Michel se trouvait déjà en Allemagne, pour faire en Angleterre et en Italie un voyage instructif, qui devait achever son éducation. Constantin occupait à Varsovie la place, qu'il garda jusque'à la malheureuse catastrophe de l'année 1830.

нималъ въ Варшавѣ тотъ постъ, который сохранилъ вплоть до несчастной катастрофы 1830 г. Итакъ, мы съ Николаемъ оказывались единственными членами императорской фамилии, пребывавшими въ Петербургѣ. Намъ были даны инструкціи касательно того, что слѣдовало дѣлать въ высокаторжественные дни.

Первый случай, когда мы принесли себя въ жертву отечеству, былъ день св. Александра Невскаго; въ тотъ день мы присутствовали въ полномъ парадѣ на архіерейской службѣ и на завтракѣ у митрополита. То было чистымъ испытаніемъ для меня, бѣдной женщины, всю жизнь не имѣвшей достаточно силъ, разъ приходилось выставлять длинныя церковныя церемоніи. Помню, что я испугалась собственнаго лица, по возвращеніи съ этой утомительнѣйшей церемоніи. Завитые мои волосы совсѣмъ распустились, я была мертвенно блѣдна и вовсе не интересна въ розовомъ глазетовомъ сарафанѣ съ токомъ, шитымъ серебромъ, на головѣ.

Маманъ разрѣшила своему сыну провести нѣсколько дней въ Гатчинѣ для охоты. Мы съ радостью приготовились воспользоваться этимъ позволеніемъ и провели въ Гатчинѣ время весьма пріятно въ тѣсномъ кружкѣ, который составляли оберъ-церемоніймейстеръ князь Яковъ Лобановъ, сынъ его, флигель-адъютантъ князь Александръ Лобановъ, графъ Рибозьеръ и нашъ маленький Аничковскій Дворъ. Мнѣ чрезвычайно понравилась эта жизнь въ загородномъ замкѣ и охота; всѣ

Nicolas et moi, nous nous trouvions donc être les seuls membres de la famille Impériale, présents à Pétersbourg. On nous avait donné des instructions pour ce que nous devons faire les jours de fêtes. La première occasion, où nous nous exécutâmes pour la patrie, fut la Saint Alexandre, où nous assistâmes en grande tenue, à la messe d'Archevêque, et au déjeuner chez le Métropolitain. Ce fut une véritable exécution pour moi, pauvre femme, qui manquait toute ma vie de forces, dès qu'il fallait se tenir debout à des cérémonies d'église; je me rappelle, que je fus effrayée de ma mine, au retour de cette terrible fatigue, — les cheveux, qui avaient été bouclés, tous défrisés, pâle comme un spectre, et nullement à mon avantage, — dans une robe à queue, en glacé d'argent rose, et avec une toque brodée d'argent sur la tête.

Maman avait permis à son fils de passer quelque jours à Gatschina, pour y chasser. Nous ne demandions pas mieux que d'en profiter, et ce fut un temps fort agréable que nous y passâmes, avec une petite société, composée du prince Jacques Lobanow, grand mattre de la Cour, son fils Prince Alexandre, aide de camp de l'Empereur, m-r de Ribeaupierre, et notre cour d'Anitschkow. Je m'amusai à merveille de cette vie de

были веселы, любезны, каждый по своему, разговорчивы и всё раз-
стались довольные друг другомъ.

Ко времени этого пребывания въ Гатчинѣ относится мое знакомство съ графомъ Рибопьеромъ, который, несмотря на частыя отлучки, всегда былъ для меня другомъ, а впоследствии любезнымъ чтецомъ. Мы были какъ нельзя болѣе довольны графомъ Моденомъ, заступившимъ мѣсто Кирилла Нарышкина; онъ отличался изысканными манерами стариннаго версальскаго Двора, былъ добельзя вѣжливъ даже въ шуткахъ, услужливъ безъ низкопоклонства и умѣлъ устраивать все, какъ нельзя лучше. Его можно было упрекнуть развѣ въ излишней обидчивости. Мнѣ, женщинѣ наименѣе взыскательной и честолюбивой, судьба судила всю жизнь быть окруженной людьми подозрительными и обидчивыми. Я, неизмѣнно желавшая всѣмъ лишь добра и думавшая какъ бы сдѣлать пріятное другимъ, напротивъ того нерѣдко имѣла несчастье оскорблять и дѣлать непріятное людямъ, на которыхъ считала возможнымъ вполне полагаться; мнѣ пришлось не мало прожить, прежде чѣмъ я приобрѣла знаніе людей,—науку весьма полезную, но составляющую плодъ многихъ неудачъ и разбитыхъ заблужденій!

Въ городѣ сезонъ баловъ начался рано и открылся баломъ въ Аничковскомъ дворцѣ 3-го (15-го) октября, въ день рожденія моего брата, наслед-

château et de chasses; on fut gai, on fut causant, on fut aimable, chacun à sa manière, et on se quitta, contents les uns des autres. Ce fut de ces jours, que data ma connaissance et ma relation amicale avec m-r de Ribeaupierre, qui quoique souvent absent, fut cependant pour moi, en toute occasion, un aimable ami, et un complaisant lecteur dans la suite.

Nous étions on ne peut plus content du comte Modène, depuis qu'il avait remplacé Cyrille Naryschkine; tournure distinguée de la vieille cour de Versailles; bon ton, même en plaisantant; complaisant, sans être bas, arrangeant tout à merveille, on ne pouvait lui reprocher qu'un peu de susceptibilité. M o i, la personne la moins prétentieuse et ambitieuse, que ait jamais existée, j'ai eu le sort d'être presque toute ma vie entourée de personnes soupçonneuses ou susceptibles; m o i, qui ne voulais que du bien, ne désirais que d'obliger les autres, j'eus bien souvent le malheur de choquer et désobliger, au contraire, des personnes, dont j'avais cru être sûre; il m'a fallu vivre longtemps, pour acquérir la connaissance des hommes—science si utile, et pourtant ordinairement le fruit de bien de mécomptes, de bien d'illusions évanouies.

En ville la saison des bals commença de bonne heure, et fut ouverte par un bal à Anitschkow—notre premier bal, le 3 (15) Octobre, jour de naissance de mon frère, le Prince Royal. Ce fut un événement

наго принца. Это было событіемъ для нашего Аничковскаго дворца, такъ какъ то былъ нашъ первый приемъ въ Петербургѣ, и меня впервые тогда увидѣли исполняющею обязанности хозяйки дома! Ко мнѣ были снисходительны, очень хвалили нашъ балъ, нашъ ужинъ, нашу любезность; это явилось какъ бы поощреніемъ, которое дало намъ охоту принимать и веселить людей у себя. Когда человекъ молодъ и красивъ, когда самъ любишь танцовать, не трудно угодить всѣмъ безъ особенныхъ напряженій.

Тутъ кстати упомянуть о семействѣ Кочубей. Оно находилось въ отсутствіи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и только въ 1818 году графъ и графиня Кочубей и красивая ихъ дочь Nathalie были мнѣ представлены въ Павловскѣ, причемъ папа и императоръ отозвались объ этой семьѣ самымъ лестнымъ образомъ. Вскорѣ я сама почувствовала къ нимъ расположеніе; ихъ я посѣщала всего охотнѣе и мы приглашало ихъ чаще другихъ. Графъ обладалъ въ высшей степени изысканными манерами и свѣтскостью въ обращеніи, отличавшей людей прошлаго вѣка, жившихъ при Екаторинѣ II и при ея Дворѣ и бывавшихъ въ ея интимномъ кругу. Графъ имѣлъ счастье, будучи еще весьма молодымъ человекомъ, сопровождать императрицу въ качествѣ камеръ-юнкера въ ея путешествіи въ Крымъ (въ 1787 году); ему было тогда всего 18—19 лѣтъ. Въ то время, какъ я познакомилась съ нимъ, онъ состоялъ, ка-

pour notre palais Anitschkow, car ce fut la première fois, que nous devions recevoir la société de Pétersbourg, — le première fois, qu'on me vit faire les honneurs de chez moi! — On fut indulgent. On loua beaucoup notre bal, notre souper, notre politesse, et ce fut très encourageant, pour nous donner l'envie de recevoir et d'amuser le monde chez nous! Quand on est jeune et jolie, quand on aime soi-même à danser, on contente facilement, sans beaucoup de frais.

C'est ici le moment de parler de la famille Kotschoubey. Elle avait été absente durant quelques années, et ce fut en 1818 seulement, que le comte, la comtesse, et leur jolie fille, Nathalie, me furent présentés à Pawlowsky. Très recommandés par Maman et par l'Empereur, je me sentis bientôt portée vers eux par moi-même, et ce fut chez eux, que j'allais le plus volontiers, et ce furent eux, que nous invitations le plus souvent.

Le comte possédait au plus haut degré la distinction des manières, et le parfait bon ton, qui distinguent les personnes du siècle passé, celles qui ont vécu du temps de Catherine II, et à sa cour, et dans son cercle particulier. Lui, par exemple, comme tout jeune homme, avait eu le bonheur d'accompagner l'Impératrice Catherine, à son voyage en Crimée (1787) comme gentilhomme de la chambre, âgé de 18 ou 19 ans, tout

жется, министромъ внутреннихъ дѣлъ; у нихъ было нѣсколько танцевальныхъ вечеровъ, но вскорѣ я должна была перестать танцевать, такъ какъ почувствовала себя беременной и даже съ приступами тошноты встрѣтила мою свекровь на лѣстницѣ при ея возвращеніи изъ Германіи. Какъ интересны были ея рассказы о ея путешествіи, удовлетворившемъ ее во всѣхъ отношеніяхъ!

Императоръ Александръ, возвратившійся незадолго до пріѣзда матери, которую видѣлъ за время путешествія въ Ахенъ и Брюссель, проявлялъ братскую доброту къ Николаю и ко мнѣ; онъ заходилъ къ намъ довольно часто по утрамъ, и его политическіе разговоры были въ высшей степени интересны. Возвратясь наканунѣ новаго года, маман 1-го января 1819 года уже присутствовала на выходѣ и въ церкви. Она сознавалась, что нѣсколько утомлена, но ей никогда не дѣлалось дурно, какъ намъ, бѣднымъ, слабымъ женщинамъ.

1819 г.

Точно также, она оказалась въ состояніи присутствовать 6-го января на всѣхъ церемоніяхъ водосвященія и шествовать пѣшкомъ за про-

au plus. Je crois, qu'il était ministre de l'Intérieur au moment, où je fis sa connaissance.

Ce fut donc chez moi, que se donnèrent plusieurs soirées dansantes, mais bientôt je n'osai plus danser, car je crus être grosse, et ce fut avec des nausées, que je reçus ma belle Mère, au bas de son escalier, au moment de son retour d'Allemagne. Combien intéressantes furent les relations de son voyage, qui l'avait contenté sous tous les rapports.

L'Empereur Alexandre, revenu peu de temps avant sa mère, qu'il avait vue, durant son voyage, à Aix la Chapelle et à Bruxelles, fut bien fraternellement bon pour Nicolas et pour moi; il venait assez souvent me voir le matin, et ses conversations politiques étaient du plus haut intérêt.

Arrivée la veille du nouvel an, Maman parut cependant à la sortie et à l'église, le 1 Janvier 1819. Elle avoua être un peu fatiguée, mais jamais elle ne se trouvait mal, comme nous autres, pauvres faibles femmes.

1819 г.

De même elle fut en état d'assister, le 6 Janvier, à toute la cérémonie de la bénédiction des eaux et de suivre la procession à

пессіей. Я имѣла честь вести ее подъ руку и приходила въ восторгъ отъ прекрасной погоды,—такъ какъ былъ только градусъ мороза—отъ солдатъ, словомъ отъ всего, потому что все это было мнѣ въ диковинку; вѣдь мнѣ всего было только 20 лѣтъ.

Уже тогда дѣлались предположенія насчетъ зимнихъ празднествъ, но вдругъ извѣстіе о кончинѣ королевы Виртембергской Екатерины Павловны повергло все семейство въ горе и трауръ. Никогда я не забуду той ужасной минуты, когда императору Александру пришлось объявить объ этой жестокой потерѣ матери, возвращавшейся съ прогулки, ничего не подозревавшей и не мало удивленной появленіемъ у себя императора въ неурочное время. Мы были въ сосѣдней комнатѣ и могли слышать печальный разговоръ; императрица и не хотѣла и не могла понять, что Екатерина Павловна умерла, и только восклицала хриплымъ голосомъ:—«Како не умерла, вѣтъ, вѣтъ, она не умерла!»

Понятно, что императрицѣ трудно было освоиться съ мыслию, что красивой и блестящей Екатерины Павловны, съ которой она недавно еще рассталась въ Германіи, уже не было на свѣтѣ! Мы окружали шапачъ нашими попеченіями, нашими ласками; императоръ сталъ относиться къ ней съ удвоенною вѣжностью и предупредительностью и благодаря этому она имѣла силы перенести свое горе и возвратиться къ обычнымъ занятіямъ, отнимавшимъ у нея болѣшую часть дня.

pied; j'eus l'honneur de lui donner le bras, enchantée de ce spectacle, du beau temps (il n'y avait qu'un degré de froid), des soldats, de tout enfin, parceque c'était nouveau pour moi et (parce) que j'avais 20 ans.

On faisait des projets de fêtes pour l'hiver, lorsque, comme un coup de foudre, la nouvelle de la mort de la Reine Cathérine de Würtemberg vint jeter la famille dans la douleur et le deuil. Ce fut un moment affreux, que je n'oublierai de ma vie, lorsque l'Empereur Alexandre dut annoncer cette cruelle perte à sa mère, qui, revenant à la maison et ne se doutant de rien, fût étonnée de trouver chez elle l'Empereur, à une heure inaccoutumée; nous nous trouvions dans la pièce voisine, et pouvions entendre cette triste conversation, et comme elle ne voulait, ne pouvait comprendre, que Cathérine fut morte. Elle s'écriait avec une voix rauque: «Cato n'est pas morte, non! non! elle n'est pas morte». Je crois bien, qu'elle ne pouvait saisir, que cette belle et brillante Cathérine, qu'elle venait de quitter en Allemagne, ne fut plus de ce monde.

Nous entourâmes Maman de nos soins, de nos caresses; l'Empereur redoubla de tendresse et d'attentions, et ce fut grâce à cela, qu'elle eut la force de vaincre sa douleur peu à peu, et de revenir à ses occupations, qui lui prenaient la plus grande partie de la journée.

Странные слухи ходили по поводу причинъ, вызвавшихъ смерть королевы Екатерины Павловны; имя принца Павла Виртембергскаго провозносилось шепотомъ, рассказывали о балѣ, который онъ задалъ въ Парижѣ въ тотъ день, когда пришло туда извѣстiе о ея кончинѣ. На самомъ дѣлѣ она скончалась отъ рожи на головѣ, проболевъ всего сутки.

Зима прошла скучно и тяжело для меня; когда я не ѣздила къ маман, то оставалась дома одна съ преданною моею подругою Цецилией, въ то время, какъ мужъ мой игралъ у себя въ à la guette съ нѣсколькими офицерами или ѣздилъ верхомъ съ Михаиломъ (Павловичемъ) въ манежѣ. По утрамъ я брала уроки у Жуковскаго, или урокъ музыки и пѣнiя и писала письма въ Берлинъ, имѣя обширную корреспонденцію, и съ особымъ нетерпѣнiемъ ожидала весны, чтобы возвратиться въ деревню.

Наконецъ эта желанная минута настала, я могла вновь пользоваться прогулками, часто присаживалась съ Цецилией въ саду, гдѣ мы читали вмѣстѣ. Будучи обѣ беременны, мы тяжело выступали по хорошенькимъ дорожкамъ Павловскаго парка и обѣ посмѣивались надъ своими фигурами. Этой же весною, если не ошибаюсь, прiѣзжалъ сюда молодой графъ Вильгельмъ Гохбергъ, близкiй родственникъ великаго герцога Баденскаго. Онъ ѣздилъ отъ одного Двора къ другому, чтобы устроить

On débita d'étranges bruits sur les causes de la mort de la Reine Cathérine; le nom du Prince Paul de Würtemberg fut prononcé à voix basse; on parlait d'un bal, qu'il donna à Paris le jour, où la nouvelle du décès lui parvint. Le fait est, qu'elle mourut d'une hérézypèle à la tête, qui l'emporta en moins de 24 heures.

L'hiver passa lentement et lourdement pour moi; quand je n'allais pas chez Maman, je restais seule à la maison avec Cécile, ma fidèle compagne, tandis que mon mari jouait chez lui, au jeu de guerre, avec quelques militaires, ou qu'il montait à cheval, avec Michel, au manège. Le matin je prenais des leçons chez Жуковский, ou bien j'avais un maître de piano, de chant,—ou j'écrivais des lettres à Berlin, ayant une énorme correspondance à soigner.

J'attendais le printemps avec grande impatience, pour retourner à la campagne; il arriva enfin, ce moment désiré, je pus jouir des promenades; je m'établissais avec Cécile souvent pour lire ensemble; grosses toutes deux, nous cheminions lourdement les jolis sentiers de Pawlowsky, riant de nos deux figures.

Ce même printemps, si je ne me trompe, arriva ici, le jeune comte Guillaume de Hochberg, proche parent du Grand Duc de Bade. Il voya-

передачу по наслѣдству баденскихъ владѣній въ пользу семейства Гохбергъ, такъ какъ у царствовавшаго великаго герцога не было мужскаго потомства и страна должна бы была достаться, кажется, во владѣніе Баваріи. Эта вѣтвь семейства Гохбергъ, впрочемъ законная, не пользовалась титуломъ принцевъ по причинѣ неравнаго брака, заключеннаго отцомъ графа.хлопоты графа увѣнчались успѣхомъ, и по смерти великаго герцога баденскаго, брата императрицы Елисаветы, маркизъ Леопольдъ Гохбергъ сдѣлался великимъ герцогомъ баденскимъ.

Въ іюні мѣсяцѣ, бригада моего мужа, состоявшая изъ полковъ Измайловскаго и Егерскаго, выступила въ лагерь, въ Красное Село, и посѣдовала туда за мной великимъ княземъ. Маман, которой принадлежала прелестная красносельская дача, помѣстила меня въ маленькомъ домицкѣ, который сама нѣкогда занимала, при жизни императора Павла, во время военныхъ маневровъ. Этотъ маленькій домицкъ понравился мнѣ, я поселилась въ немъ на три недѣли, которыя пролетѣли для меня слышкомъ скоро,—такъ нравилась мнѣ эта военная жизнь.

Я проводила утро у себя или въ прогулкахъ, остальную часть дня просяживала въ палаткѣ моего мужа; близость хорошенъкой Дудергофской горы съ ея дикою долиной не мало способствовала нашимъ удовольствіямъ, въ сущности довольно невиннымъ.

geait d'une cour à l'autre, pour y négocier la succession de Bade en faveur de la famille Hochberg. Le Grand Duc n'ayant pas de successeur mâle, le pays serait tombé en partie à la Bavière, je crois. Cette branche de Hochberg, légitime d'ailleurs, ne portait pas le titre de princes, à cause d'une mésalliance du père. La négociation réussit, et à la mort du Grand Duc (frère de l'Impératrice Elisabeth), le Marcgrave Léopold de Hochberg devint Grand Duc de Bade.

Au mois de Juin la brigade de mon mari (composée du régiment d'Izmailowsky et des Chasseurs) entra au camp, près du village de Krasnoyé Sélo. J'y suivis mon Grand Duc. Maman, à qui appartenait la belle possession de Красное Село, me logea dans une fort petite maison, qu'elle avait occupée une fois en sa vie, du temps de l'Empereur Paul, pour le temps de manoeuvres militaires. Cette petite maison me plut, et je m'y installai pour trois semaines, et ces trois semaines passèrent trop vite pour moi, tellement me plaisait cette vie militaire. Je passais les matinées chez moi, ou bien à promener; le reste de la journée je m'installai dans la tente de mon mari. Le voisinage de la jolie montagne de Duderhof, avec son vallon sauvage, augmentait mes plaisirs bien innocents à la vérité.

Il m'a toujours fallu peu de chose pour me contenter; si je me trou-

*

Мнѣ немного требовалось, чтобы быть довольной, — разъ я могла быть съ моимъ мужемъ, мнѣ не нужно было ни празднествъ, ни развлеченій; я любила жизнь тихую и однообразную, даже уединенную; по моимъ вкусамъ я любила простоту и была домохозяйкою. Но когда нужно было выѣзжать въ свѣтъ, то я предпочитала ужъ скорѣе веселиться, нежели скучать, и находила балъ веселѣе вечерняго собранія съ придворными людьми, натынутыми и церемонными. Зато многие любовно отзываются обо мнѣ, будто вся моя жизнь прошла въ танцахъ, хотя я предпочитала хорошій лѣтній вечеръ всѣмъ баламъ въ мѣрѣ, а задушевную бесѣду осенью, у камелька, — всѣмъ зимнимъ нарядамъ.

Я была въ послѣднемъ періодѣ беременности; поэтому всякая другая прогулка въ окрестностяхъ была тягостна для меня, но все обошлось безъ малѣйшаго приключенія, безъ малѣйшаго испуга. Мы наслаждались нашей независимостью, такъ какъ въ Павловскѣ надобно было жить при Дворѣ, и какъ ни была добра къ нимъ шаша, но придворная жизнь и близость Двора были неизбежны съ нею, а мы оба не знали то, что называется Дворомъ.

Тогда же (въ бытность мою въ Красномъ, лѣтомъ 1819 г.), императоръ Александръ, отобѣдавъ однажды у насъ, сѣлъ между нами обоими и, бесѣдуя дружески, переимѣнилъ вдругъ тогъ я, сдѣлавшись весьма

vais seulement près de mon mari, je ne demandais ni fêtes, ni distractions; la vie paisible et uniforme, même solitaire, me convenait; mes goûts étaient simples et casaniers. Mais quand la vie du grand monde était nécessaire, — alors j'aimais plutôt à m'amuser qu'à m'en nuire, et je trouvai un bal plus gai, qu'une soirée de gens de cour, roides et cérémonieux. Pour cela on a eu la bonté de prétendre, que toute ma vie s'était passée à danser, — tandis que je préférais une belle soirée d'été à tous les bals du monde; — une douce causerie en automne au coin de la cheminée, à toutes les toilettes d'hiver.

J'étais grosse à pleine ceinture; donc, toute promenade dans les environs était une entreprise pour moi; mais tout se passa sans le moindre accident, sans la moindre frayeur. Nous jouissions de notre indépendance, car à Pawlowsky il fallait vivre à la cour et, toute bonne que Maman fut pour nous, la vie de la cour, l'entourage d'une cour, étaient chose inévitable avec elle, et tous deux, nous avions en nous l'horreur de tout ce qui était la cour.

Ce fut alors (à Krasnoyé Sélo, l'été 1819) qu'un jour l'Empereur Alexandre, ayant dîné chez nous, s'assit entre nous deux, et causant familièrement, changea tout d'un coup de sujet, et devenant sérieux commença en termes suivans à peu près à nous dire: «qu'il avait été satis-

серьезнымъ, сталъ въ слѣдующихъ приближеніяхъ говорить намъ, что онъ «остался доволенъ поутру командованіемъ надъ войсками Николая и вдвойнѣ радуется, что Николай хорошо исполняетъ свои обязанности, ибо на него со-временемъ ляжетъ большое бремя, такъ какъ императоръ смотритъ на него, какъ на своего наследника, и это произойдетъ гораздо скорѣе, нежели можно ожидать, такъ какъ Николай заступитъ его мѣсто еще при жизни».

Мы сидѣли словно окаменѣлые, широко раскрывъ глаза, и не были въ состояніи произнести ни слова. Императоръ продолжалъ:

— Кажется, вы удивлены, такъ знайте же, что братъ Константинъ, который никогда не хлопоталъ о престолѣ, порѣшилъ нынѣ, тверже чѣмъ когда либо, формально отказаться отъ него, передавъ свои права брату своему Николаю и его потомкамъ. Что же касается меня, то я рѣшилъ отказаться отъ лежащихъ на мнѣ обязанностей и удалиться отъ міра. Европа теперь болѣе чѣмъ когда-либо нуждается въ государяхъ молодыхъ, вполне обладающихъ энергіей и силой, а я уже не тотъ, какимъ былъ прежде, и считаю долгомъ удалиться во-время. Я думаю то же самое сдѣлаетъ и король прусскій, передавъ свою власть Фрицу.

Видя, что мы готовы разрыдаться, онъ постарался утѣшить насъ, и въ успокоеніе сказалъ намъ, что это случится не тотчасъ, и пожалуй

fait ce matin, de la manière dont son frère s'acquittait de son commandement militaire, qu'il se jouissait doublement de voir Nicolas remplir bien ses devoirs, puisque sur lui réposerait un jour un grand poids, qu'il le regardait comme son remplaçant, et cela beaucoup plus tôt, qu'on ne pouvait présumer, puisque cela arriverait encore de son vivant».

Nous étions assis comme deux statues, les yeux ouverts, la bouche muette.

L'Empereur continua: «Vous semblez étonnés, mais sachez, que mon frère Constantin, qui ne s'est jamais soucié du trône, est plus que jamais décidé à y renoncer formellement en faisant passer ses droits à la succession sur son frère Nicolas et sur ses descendants. Pour moi même, je suis décidé à me défaire de mes fonctions, et à me retirer du monde. L'Europe a plus que jamais besoin de souverains jeunes et dans toute l'énergie de leurs forces; pour moi, je ne suis plus ce que j'ai été, et je crois que c'est de mon devoir, de me retirer à temps; je crois que le Roi de Prusse fera de même, et mettra Fritz à sa place».

Nous voyant prêts à sangloter, il tâcha de nous consoler, de nous rassurer, en disant, que cela n'arriverait pas incessamment, que des années passeraient, avant qu'il ne mette son projet à exécution, et il nous laissa

пройдемъ еще нѣсколько лѣтъ прежде, нежели будетъ приведенъ въ исполненіе этотъ планъ; затѣмъ онъ оставилъ насъ однихъ. Можно себя представить, въ какомъ мы были состояніи. Никогда ничего подобнаго не приходило мнѣ въ голову, даже во снѣ. Насъ точно громомъ поразило; будущее показалось намъ мрачнымъ и недоступнымъ для счастья. Это была минута памятная въ нашей жизни!

Послѣдній мѣсяцъ моей беременности я провела возлѣ свекрови, но такъ какъ не могла ходить вслѣдствіе опухоли и боли въ ногахъ, то меня усаживали днемъ въ бесѣдкѣ у Розоваго павильона, гдѣ, растянувшись на кушеткѣ, я могла дышать воздухомъ, не двигаясь съ мѣста.

Послѣ долгаго ожиданія, 5-го августа, я почувствовала, наконецъ, нѣкоторыя боли, но рѣшила объ этомъ не говорить и каталась даже два раза въ линейкѣ; вечеромъ, когда я ужинала вдвоемъ съ m-ше Вильдерметъ, вдовствующая императрица прислала мнѣ камеръ-пажа сказать, что она разложила большой пасьясъ и что такъ онъ сошелся, то я должна разрѣшиться въ ту же ночь. Я приказала отвѣтить, что чувствую себя превосходно. Дѣйствительно, я легла и немного задремала; но вскорѣ наступили серьезныя боли. Императрица, предупрежденная объ этомъ, явилась чрезвычайно скоро, и 6-го августа 1819 года, въ

seuls, on peut s'imaginer dans quel état. Jamais l'ombre d'une idée pareille ne nous était venue en tête, pas même en rêvant.

Nous nous sentions comme touchés par la foudre; l'avenir nous paraissait sombre et comme fermé au bonheur! Ce fut un moment mémorable dans notre vie.

Le dernier mois de ma grossesse fut donc passé par moi auprès de ma belle-mère; mais ne pouvant plus marcher, par suite d'enflures et de douleurs aux pieds, elle m'installa durant le jour, dans un pavillon, près du pavillon des roses, où, étendue sur une couchette, je pouvais respirer l'air pur, sans bouger de ma place. Après une longue attente enfin, le 5 Août, je crus ressentir des espèces de douleurs, mais je me gardai bien d'en parler; je fis même deux promenades en ligne; le soir, pendant mon souper, en tête à tête avec M-elle de Wildermeth, l'Impératrice Mère m'envoya un Page de la Chambre, pour me dire, qu'elle venait de faire la grande patience, et que d'après le résultat je devais accoucher le même soir; je fis répondre, que je me portais à merveille; en effet, je me couchai et sommeillai un peu,—mais bientôt, les douleurs devenant sérieuses, on avertit l'Impératrice, qui arriva étonnamment vite, et le 6 Août 1819, entre 2 et 3 heures de la nuit, je fus délivrée heureusement d'une fille. Cette petite Mary ne fut pas très

третьемъ часу ночи, я родила благополучно дочь. Рожденіе маленькой Мари было встрѣчено ея отцомъ не съ особенной радостью; онъ ожидалъ сына; впоследствии онъ часто упрекалъ себя за это и, конечно, горячо полюбилъ дочь. Едва успѣла я оправиться отъ родовъ, какъ Дворъ шапан переѣхалъ въ Гатчино, куда мы послѣдовали за немъ съ обоими дѣтьми. Мой мужъ и Михаилъ (Павловичъ) ненавидѣли Гатчинскій дворецъ, вспоминая проведенныя въ немъ скучныя зимы 1810, 1811 и 1812 г.г., посвященныя исключительно воспитанію. Вдовствующая императрица рѣшилась покинуть Петербургъ даже на зимнее время и избрала Гатчино, какъ мѣсто, гдѣ для молодыхъ людей не могло представляться никакихъ развлеченій, почему эта мѣстность и представлялась особенно удобной для завершенія образованія младшихъ сыновей.

Я нашла Гатчинскій дворецъ дѣйствительно скучнымъ, но собранія въ такъ называемомъ арсеналѣ показались мнѣ весьма пріятными по своей простотѣ въ сравненіи съ другими мѣстами. Всевозможныя игры, размѣщенныя въ разныхъ отдѣленіяхъ арсенала, — иѣкогда это былъ просто сарай, — доставляли намъ развлеченія. Я попробовала тутъ впервые скатиться съ деревянной горы стоя. Наша добрая шапан радовалась, видя меня въ своемъ домѣ такой веселой и юной. Наше всегдашнее общество было немногочисленно; по воскреснымъ днямъ оно увеличивалось пріѣзжими изъ города.

bien reçue par son père, qui attendait un fils; il s'est souvent reproché ce sentiment, et certes il n'en a pas moins aimé tendrement cette fille par la suite.

A peine remise de mes couches, la cour de Maman se transporta à Gatschina; nous l'y suivimes, avec nos deux enfants. Mon mari et Michel avaient ce château de Gatschina en horreur, à cause des hivers ennuyeux de 10, 11 et 12, uniquement consacrés à leur éducation. L'Impératrice Mère s'était décidée à quitter Pétersbourg, même en hiver, et avait choisi Gatschina, comme endroit, propre à n'offrir aucune distraction à de jeunes imaginations, et par là apte à achever et consolider l'éducation de ses fils cadets.

Je trouvai le château triste en effet, mais les réunions à l'Arsenal me parurent fort agréables, vu le peu de roideur qui y existait, en comparaison des autres localités. Différents jeux, placés dans différents compartiments de cet arsenal soit-disant, qui autrefois avait été une remise, donnaient de l'animation; j'essayai, pour la première fois, de glisser debout d'une montagne en bois. Notre bonne Maman se réjouissait de me voir aussi gaie et jeune, chez elle.

La société habituelle n'était pas considérable; pour les dimanches il y avait plus de monde, qui venait de la ville. Le 14 Octobre, jour de

14-е октября, день рожденія императрицы, былъ день торжественный и утомительный. Наканунѣ были танцы, и я познакомилась съ Александромъ Бенкендорфомъ, котораго видѣла мелькомъ въ Москвѣ. Я много слышала о немъ во время войны еще въ Берлинѣ и Добберанѣ; всѣ превозносили его храбрость и сожалѣли о его безалаберной жизни, въ то же время посмѣивались надъ нею. Меня поразила его степенная наружность, вовсе не соотвѣтствовавшая установившейся за нимъ репутаціи повѣсы. Я могла бесѣдовать съ нимъ по-нѣмецки, что для меня было вдвойнѣ удобно, такъ какъ я все еще чувствовала стѣсненіе и нѣсколько затруднялась говорить по-французски въ Россіи, гдѣ почти всѣ изъяснялись на этомъ салонномъ языкѣ изящно и изысканно. Въ то время мало еще говорили по-русски, тогда какъ въ настоящее царствованіе на нашемъ національномъ языкѣ говорятъ и чаще и болѣе правильно, а это очень хорошо, ибо вполне естественно.

Маманъ часто приглашала графа и графиню Литта; трудно было встрѣтить болѣе красивую и бѣлолицую старушку, нежели графиня Литта; она блистала въ юности при Дворѣ Екатерины II своей красотой и въ качествѣ племянницы князя Потемкина. Рожденная Энгельгардтъ, по первому мужу графиня Славронская, она вышла впоследствии замужъ, по любви, за графа Литта, итальянца по происхожденію, который

naissance de l'Impératrice Mère, fut un jour de gala et de fatigue. La veille on dansa, et je fis connaissance avec Alexandre Benkendorf, que je n'avais fait qu'entrevoir à Moscou. J'avais beaucoup entendu parler de lui, durant les guerres, à Berlin, à Doberan. On vantait sa bravoure, et on déplorait sa folle vie, tout en riant. Son extérieur posé me frappa, par ce qu'il ne répondait nullement à sa réputation de mauvais sujet.

Je pouvais causer en Allemand avec lui, ce qui m'était doublement commode, car j'avais toujours encore un peu de difficulté et d'embarras, en parlant français, ici, où presque tout le monde s'énonçait avec élégance et recherche dans cette langue des salons; dans ce temps là on entendait peu de conversations russes, tandis que sous le règne actuel, on jase plus généralement, plus correctement notre langue nationale, ce qui est bien, car c'est naturel.

Le comte et la comtesse Litta étaient souvent invités par Maman; on ne pouvait voir une plus jolie et blanche vieille femme, que cette comtesse Litta, qui avait brillé dans sa jeunesse, à la cour de Cathérine II, par sa beauté, et par son titre de nièce du prince Potemkine. Née Engelhardt, mariée au comte Skawronsky en premières noces, elle épousa plus tard Litta, par amour; lui, Italien de naissance, entra au service de Russie, et de sa femme en même temps, car il était

поступилъ одновременно на службу къ Россіи и къ своей женѣ, такъ какъ онъ оказывался ея покорѣннѣйшимъ слугою и первымъ повѣреннымъ по ея дѣламъ, и дѣйствительно умѣлъ ихъ вести.

Въ концѣ октября мы перѣехали изъ Гатчины, и обычный зимній образъ жизни вступилъ въ свои права.

Эта зима была довольно весела, но неособенно блестяща. Признаки новой беременности испортили мнѣ все, хотя я и не была въ ней вполнѣ увѣрена. Я очень мало интересовалась политикой; императоръ, напротивъ того, съ неослабнымъ интересомъ слѣдилъ за европейскими дѣлами. Священныи союзъ, мысль прекрасная и идеальная, былъ результатомъ его сокровеннѣйшихъ убѣжденій въ долгъ христіанской вѣры. Люди набожные и мистически настроенные утвердили его въ этихъ мысляхъ, доказавъ ему, на основаніи священнаго писанія, будто онъ предназначенъ судьбою сдѣлаться и пребыть умиротворителемъ Европы и бойцомъ за правое дѣло противъ революціоннаго принципа. Этими лицами были: вначалѣ г-жа Крүднеръ, а впоследствии Кошелевъ и добрый князь Александръ Голицынъ.

1820 г.

Весною мужъ мой покидалъ меня почти всегда въ одно и то же время, для осмотра, въ качествѣ генераль-инспектора по инженерной

son très humble serviteur et premier homme d'affaires, et qui s'entendait véritablement en affaires.

À la fin d'Octobre Gatschina fut abandonnée, et le train d'hiver commença. Ce fut un hiver assez gai, mais pas très brillant. Des frayeurs d'une nouvelle grossesse me gâtèrent tout, sans en être sûre pourtant.

Je me souciais fort peu de la politique. L'Empereur Alexandre, par contre, s'occupait avec un intérêt constant des affaires de l'Europe. La Sainte Alliance, idée belle et idéale, était le resultat de sa conviction la plus intime et basée sur sa foi chrétienne. Des personnes dévotes et mystiquement religieuses, le fortifiaient dans ces idées, en lui prouvant par l'Écriture Sainte, qu'il était prédestiné par la Providence à devenir et à rester le pacificateur de l'Europe, et le champion de la bonne cause contre le principe révolutionnaire.

Ces personnes étaient: Madame de Krüdener au commencement, plus tard: M-r de Koschewlew, et le bon prince Alexandre Nicolayewitsch Golitzyne.

1820 г.

Au printemps, mon mari me quittait presque toujours à la même époque, pour faire un voyage d'inspection, comme Chef du Génie, des forteresses de Dünabourg et de Bobrouisk, ou Réval, Riga, etc. etc.

части, крѣпостей — Динабургской и Бобруйской или Рижской, Ревельской и т. п. Это бывало въ маѣ, во время переезда на дачу; я (теперь) пробыла короткое время въ Гатчинѣ и Царскомъ Селѣ, а затѣмъ поселилась въ Павловскѣ у шашан. Весна была ужасная, холодная и скучная; зелень появилась только въ юнѣ. Императоръ Александръ, столь добрый ко мнѣ, былъ, однако, для меня причиною большого огорченія. Оставаясь всегда самой собою, т. е. дѣйствуя безъ расчета и показывая себя такою, какова я была на самомъ дѣлѣ, въ надеждѣ быть понятой, я не уразумѣла подозрительнаго характера императора — недостатка, вообще присущаго людямъ глухимъ. Не будучи положительно глухимъ, императоръ съ трудомъ могъ разслушать своего визави за столомъ, и охотивѣ разговаривалъ съ глазу на глазъ съ сосѣдомъ. Ему казались такія вещи, о которыхъ никто и не думалъ, будто надъ нимъ смѣются, будто его слушаютъ затѣмъ только, чтобы посмѣяться надъ нимъ и будто мы дѣлаемъ другъ другу знаки украдкою отъ него. Эта подозрительность доходила до того, что становилось прискорбно видѣть подобныя слабости въ человѣкѣ съ прекраснымъ сердцемъ и умомъ. Я расплакалась, когда онъ сдѣлалъ мнѣ подобныя замѣчанія и выговоры, и чуть не задохнулась отъ слезъ, но затѣмъ между нами не пробѣгало

C'était en Mai, temps de déménagement à la campagne, petit séjour à Gatschina et Zarskoé, puis établissement à Pawlowsky, chez Manman. Ce fut un horrible printemps, froid, triste, la verdure parut en Juin.

L'Empereur Aléxandre, si bon pour moi, fut pourtant la cause d'un grand chagrin. Moi, toujours trop moi, c'est à dire agissant sans calcul et me donnant telle, que j'étais, dans l'idée d'être comprise, je n'avais pas compris la caractère soupçonneux de l'Empereur, qualité inhérente aux sourds.

Sans être précisément sourd, il avait de la difficulté à entendre son vis-à-vis à table, et causait plus volontiers à deux. Il s'imaginait voir des choses, aux quelles personne n'avait pensé: qu'on se moquait de lui, qu'on l'imitait pour rire, qu'on se faisait des signes, que lui ne devait pas remarquer. Enfin, de telles niaiseries, que cela faisait peine de trouver des petites choses pareilles chez un homme aussi distingué par le coeur et l'esprit. Je pleurai tellement lorsqu'il me fit ses remarques et reproches, que j'en suffoquai presque. Mais depuis, jamais il n'y eut plus un nuage entre nous; il crut à ma bonne foi, à mon amitié pour lui, qui

уже ни малѣйшаго облачка; онъ повѣрилъ моему чистосердечію и моеѣ дружбѣ къ нему, граничившей скорѣе съ восторженнымъ обожаніемъ, чѣмъ съ насмѣшкою. Мы называли его въ нашихъ интимныхъ письмахъ просто ангелъ, а не императоръ, и, разумѣется, онъ не могъ бы найти людей болѣе преданныхъ ему, чѣмъ Николай и я.

Волненіе, причиненное мнѣ этими маленькими сценами, было, однако, настолько сильно, что оно подѣйствовало на мое здоровье; и мнѣ пришлось пустить кровь гораздо ранѣе, нежели за время прежнихъ беременностей. Дурная погода во время пребыванія въ Красносельскомъ лагерѣ также дурно повліяла на меня; я пріѣхала въ Петергофъ къ 25-му іюня съ опухшими ногами и съ страшной мигренью, которая продолжалась три дня и сопровождалась приливами къ головѣ, вследствие чего я не могла появляться ни на обѣдахъ, ни на маленькихъ балахъ. Императоръ однажды вечеромъ навѣстилъ меня и поцѣловалъ мою ногу, когда я лежала въ кровати, и это весьма меня разсмѣшило. Двѣ ночи спустя, я была при смерти; судороги, случившіяся со мною 27-го іюня, въ то время, какъ я впала въ безчувствіе, были, повидимому, причиною смерти ребенка, который родился въ Павловскѣ 10-го іюля. Я провела обычныхъ шесть недѣль въ деревянномъ Константиновскомъ дворцѣ довольно тоскливо, во пользуясь самымъ заботливымъ уходомъ со стороны мужа

tenait de l'adoration. et allait jusqu'à l'exaltation, -- et certes pas à de la moquerie.

Nous le nommions dans nos lettres: *А н г е*, tout court, au lieu de dire l'Empereur, et il ne pouvait certes trouver deux êtres plus dévoués que Nicolas et moi. L'émotion, causée par ces petites scènes, fut cependant si vive, que ma santé s'en ressentit; je dus être saignée beaucoup plus tôt, que dans mes autres grossesses. Le mauvais temps, au camp de Красное Село, me fit du mal aussi; j'arrivai à Peterhof pour le 25 Juin, avec des pieds enflés; une migraine affreuse, qui dura trois jours, avec des coups à la tête, me rendit incapable de paraitre aux diners et petits bals. L'Empereur vint me voir un soir, et baisa mon pied au lit, ce qui me fit rire. Deux nuits après (le 27 Juin), je fus à la mort; des convulsions, tandis que j'étais sans connaissance, furent apparemment cause de la mort de mon enfant, dont j'accouchai à Pawlowsky, le 10 Juillet 1820.

Ce fut à la maison Constantin, palais en bois, que je passai les six semaines tristement, mais si bien soignée par mon mari, et par l'Impératrice Mère. C'était alors les romans de Walter-Scott, qui faisaient fureur, et Nicolas m'en fit lecture. Je fus très faible, très pâle, et fort

и вдовствующей императрицы. Въ то время производили фуроръ романы Вальтеръ Скотта, и Никсъ читалъ мнѣ ихъ. Я была очень слаба, очень блѣдна и интересна (какъ рассказывали), когда я появилась вновь при Дворѣ. Со стороны нѣкоторыхъ, а именно Орлова и Бенкендорфа, я была встрѣчена косыми взглядами и минами. Чтобы утѣшить меня въ горѣ, что я произвела на свѣтъ мертваго ребенка, мнѣ пообѣщали зимой поѣздку въ Берлинъ. Дѣйствительно, три года прошло уже со времени моего замужества, и было вполне естественно сдѣлать маленькій визитъ отцу и предпринять, если возможно, лѣтомъ 1821 г. лѣченіе для восстановления моего здоровья. Я за два года родила троицхъ дѣтей.

intéressante (on prétend), quand je reparus à la cour. Quelques figures et regards m'accueillirent (entre autres ceux d'Orlow et de Benkendorf).

Pour me consoler dans mon chagrin, d'avoir mis au monde un enfant mort, on me promit Berlin pour l'hiver. En effet, trois ans s'étaient passés depuis mon mariage, et il était naturel de faire une visite à mon père, et une cure pour ma santé, si possible, pour l'été 1821. J'avais eu trois enfants dans deux ans.

Всеподданнѣйшее письмо князя Николая Репина о сложеніи недоимокъ съ помѣщичьихъ крестьянъ.

31-го іюля 1831 г. Черниговъ.

Всемилостивѣйшій Государь! При тягостныхъ событіяхъ отечества нашего, обращающихъ на себя всепечительное вниманіе Вашего Императорскаго Величества, не дерзнулъ бы я обременять Васъ симъ новымъ представленіемъ моимъ, если бы не вынужденъ къ тому былъ крайнимъ положеніемъ малороссійскихъ губерній и не побужденъ къ сему священной волею Вашего Императорскаго Величества, чтобы правда невозбранно достигала до подножія престола Вашего.

Я ручался Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, въ первыхъ дняхъ сего года, что никакіе происки людей злонамѣренныхъ не могутъ нарушить законнаго порядка въ Малороссіи, и что здѣшнее дворянство, гордясь принадлежать Вамъ, какъ Государю твердому, справедливому и дѣятельному, уповаеъ на милосердіе Ваше и въ Васъ единомъ находить залогъ благоденствія и спокойствія отечества. Я утверждалъ тоже, что малороссійскіе казаки, племя народа воинственнаго, съ восторгомъ вооружатся на защиту отечества,—и къ счастью моему, событія истекшаго полугодія оправдали ручательство мое. Но въ то же время, Всемилостивѣйшій государь, исполнилъ я долгъ правды и чести, обращая отеческое вниманіе Вашего Императорскаго Величества на тягостное положеніе малороссійскихъ поселянъ, а чрезъ то и дворянства, и въ отношеніи моемъ генералу Бенкендорфу отъ 19-го января не льстилъ яко царедворецъ, но смѣло говорилъ, что побужденіе мѣстнаго начальства къ платежу податей, не соразмѣрныхъ съ силами поселянина, а тѣмъ болѣе недоимокъ за годы не урожайные и общихъ несчастій—возрождаютъ ропотъ на правительство, и наконецъ что нищета и скорбь,

производятъ часто въ простолюдинахъ тѣ же преступныя дѣйствія, которыя возникаютъ отъ пагубныхъ заблужденій людей ложно образованныхъ.

Ваше Императорское Величество услышали мольбу подданнаго, истинно Вамъ приверженнаго, казакамъ простили милліоны и уменьшили ихъ подати на будущее время. Отеческое желаніе Ваше исполнилось: полъ-милліона подданныхъ Вашихъ счастливые и съ радостнымъ восторгомъ благословляютъ священное Имя Ваше; казеннымъ крестьянамъ предстоитъ тоже надежда милосердія чрезъ предоставленіе господина министра финансовъ. Въ сложеніи же недоимокъ съ помѣщичьихъ крестьянъ Комитетъ г.г. Министровъ положилъ рѣшительно отказать, но взысканіе сіе производить съ нѣкоторою умѣренностію и снисхожденіемъ, не опредѣливъ однакожъ мѣру сего снисхожденія, слѣдственно дѣлая сіе невозможнымъ для мѣстнаго начальства, обвиняемаго тѣмъ же положеніемъ Комитета г.г. Министровъ въ упущеніи и послабленіи.

Трудно мнѣ, Всемилостивѣйшій Государь, оправдывать себя и подчиненныхъ мнѣ, ибо на сіе положеніе Комитета г.г. Министровъ послѣдовало уже высочайшее Вашего Императорскаго Величества утвержденіе и сверхъ того г. министру финансовъ угодно было сдѣлать изъ ходатайства моего о нуждахъ общихъ дѣло частное, но я измѣнилъ бы Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, и отечеству, если бы умолкъ, предвидя стоишь шесть сотъ тысячъ Вашихъ подданныхъ и разрывъ той связи народа, на коей обезпечено доселѣ спокойствіе Имперіи.

Основываясь на свѣдѣніяхъ положительныхъ и на коренныхъ государственныхъ законахъ, осмѣливаюсь я изложить оправданіе наше въ прилагаемой у сего запискѣ ¹⁾, но здѣсь Всемилостивѣйшій Государь представляю на благоуваженіе Вашего Императорскаго Величества важнѣйшую причину испрашиваемаго мною милосердія.

Прежніе малороссійскіе земледѣльцы (посполитые) мало чѣмъ различествовали отъ казаковъ, и коль скоро пріобрѣтали собственность, поступали въ сіе сословіе, покуда пользовались правомъ вольнаго перехода до 1783 года; но въ сіе время поработены оны проясками тогдашнихъ царедворцевъ, клеветовъ ихъ и нѣкоторыхъ малороссійскихъ старшинъ, пожертвовавшихъ счастіемъ родины для собственной корысти. Каждый шестидесяти-лѣтній поселянинъ пользовался всеми выгодами свободы, и память разказовъ объ оной есть главнѣйшая причина ропоту крестьянъ на ихъ помѣщиковъ и зависти казакамъ. Но сіи вредныя для общаго спокойствія чувства не усугубятся ли въ помѣщичьихъ крестьянахъ, когда увидятъ они милосердіе Вашего Императорскаго Величества, оказанное казакамъ, и попеченіе правительства о собратіяхъ

¹⁾ Записки этой, къ сожалѣнію, въ редакціи не имѣется.

ихъ, казнѣ принадлежащихъ! Они почувствуютъ всю строгость тягостнаго взысканія податей и недоимокъ. Не покажется ли имъ рабство ихъ еще несносиѣе прежняго? не станутъ ли они проклинать своихъ владѣльцевъ, служащихъ для нихъ какъ будто преградю отеческому милосердію Вашего Императорскаго Величества ко всѣмъ вѣрноподданнымъ Вашимъ? Наконецъ отобраніемъ дворянскихъ имѣній въ опекуное управленіе, и, въ слѣдствіе закона, не только удаленіемъ помѣщиковъ изъ ихъ владѣній на многіе годы, но и запрещеніемъ слушаться ихъ распоряженій, не разрушаетъ ли само правительство слабую связь здѣшнихъ владѣльцевъ съ ихъ крестьянами?

Министръ внутреннихъ дѣлъ, уповаю, донесетъ Вашему Императорскому Величеству, что распоряженіе о взысканіи недоимокъ по объѣмъ малороссійскимъ губерніямъ сдѣлано мною еще 18 числа истекшаго мѣсяца, слѣдственно я не умедлилъ исполнить высочайше утвержденное положеніе Комитета г.г. Министровъ, но признаюсь Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, что я долго колебался обременять Ваше Императорское Величество съ сими предстательствомъ моимъ, боясь чтобы оное по заключенію г. министра финансовъ не почлось искательствомъ собственныхъ выгодъ. Но совѣсть моя не укоряетъ меня въ сей подлости ни передъ Богомъ, ни передъ Вами, ни передъ честію. Я рѣшаюсь исполнить долгъ вѣрности ходатайствуя въ послѣдній разъ у милосердія Вашего Императорскаго Величества о помощи порученнымъ управленію моему, съ тою откровенностію правды, которую я всегда дерзалъ имѣть въ донесеніяхъ моихъ Вашему Императорскому Величеству.

Можетъ быть иные осудятъ меня за сію дерзость, но могу ли я страшиться послѣдствій, предавъ судьбу и честь мою въ непосредственную защиту Вашего Императорскаго Величества! Справедливость Ваша, Всемилостивѣйшій Государь, взвѣситъ сорокалѣтнюю службу мою, непоколебимую во время оной вѣрность Отцу, Брату и Вамъ. Терпѣніе, съ которымъ она побуждала меня переносить многія оскорбленія; правда, съ которою осмѣливался всегда налагать донесенія мои; безкорыстіе въ мѣстахъ, въ коихъ зависѣли отъ распоряженій моихъ многіе миліоны; отчужденіе себя отъ всякихъ промисловъ и связей, неразлучныхъ съ высшими званіями въ государствѣ, наконецъ единое упованіе на справедливость и защиту Вашу—Вы взвѣсите все сіе, Всемилостивѣйшій Государь, съ обвиненіемъ меня и, уповаю, Ваше Императорское Величество удостовѣритесь, что я никогда не ограждалъ отъ дѣйствій и силы закона, напротивъ былъ всегда ревностнымъ блюстителемъ общаго порядка.

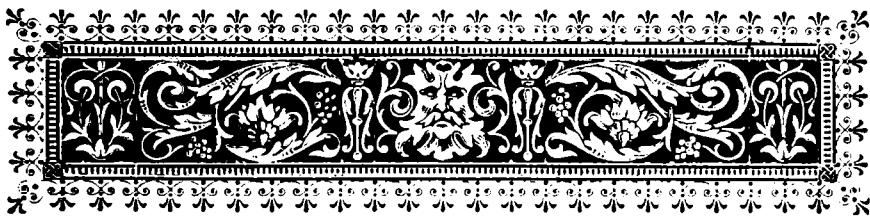
Та же справедливость и прозорливость Ваша, Всемилостивѣйшій Государь, оправдаетъ жену мою, о коей я съ гордостію скажу, что жизнь ея не безполезна отечеству, и Ваше Императорское Величество легко

удостоверитесь, что если расчестъ недоимку крестьянами ея невыплаченную по числу душъ, то они ничѣмъ болѣе другихъ виновны и что г. министр финансовъ ошибается, почитая помѣщицею владѣтельницу 13 тысячъ душъ крестьянъ, но изъ коихъ 5000 совершенно нищихъ, недающихъ ей ни одной копѣйки доходу, 3000 едва усмиренныхъ мятежниковъ Нижегородской губерніи и 5000 скудныхъ, и которые получила она отъ родителей своихъ въ наслѣдство съ двумя милліонами восемью стами тысячъ долгу.

Тяжко мнѣ обременять Ваше Императорское Величество частнымъ дѣломъ въ то время, когда благотворное сердце Ваше скорбитъ объ испытаніяхъ, судьбами Всевышняго на отечество наше посылаемыхъ. Но я вынужденъ къ тому Всемилостивѣйшій Государь, ибо оправдавъ себя, могу только вновь приобрѣсти довѣріе Вашего Императорскаго Величества, лишавшись коего, бесполезнымъ уже буду для службы и части государства, порученной надвору моему,—напротивъ совершенно вреднымъ.

Не могу помыслить, чтобы сіе несчастіе было для меня невозвратно, и если польза государства побудитъ Ваше Императорское Величество смѣнить меня въ мѣстѣ, нынѣ мною пятнадцать лѣтъ занимаемомъ, то милосердіе Ваше, Всемилостивѣйшій Государь, навѣрно не откажетъ мольбы моей употребить меня на защиту отечества въ степени хотя гораздо низшей той, на которую возвысила меня благодать Вашего Императорскаго Величества. Истинно русскіе должны нынѣ окружить престолъ Вашъ и съ вѣрностію и съ восторгомъ принести въ жертву отечеству жизнь, достояніе и честолюбіе,—смѣло скажу, что таковымъ я былъ и до конца дней моихъ пребуду.

Императоръ Николай I въ 1830 — 1831 г.г.

(Изъ записокъ графа А. Х. Бенкендорфа).

1830 годъ.

Пріѣздъ Галиль-паши.—Новые кадетскіе корпуса.—Поѣздка государя въ Новгородскія военныя поселенія и Москву.—Варшавскій сеймъ и рѣчь императора Николая.—Приглашеніе государя княгинею Чарторижскою въ ея имѣніе Пулавы.—Путешествіе въ южныя военныя поселенія.—Возвращеніе въ Варшаву.—Окончаніе засѣданій Варшавскаго сейма.—Возмущеніе въ Севастополѣ.—Холера въ Оренбургѣ.—Юльская революція.—Путешествіе въ Финляндію.—Прерваніе сношеній съ Франціею.—Признаніе Луи-Филиппа королемъ французскимъ.—Поѣздка въ военныя поселенія.—Холера въ Москвѣ.—Болѣзнь государя.—Карантинъ въ Твери.—Бельгійская революція.—Начало польской революціи.—Рѣчь государя на разводѣ.—Временное правительство въ Варшавѣ.—Посылка манифеста въ Варшаву и письма къ генералу Хлюницкому.

В

ъ исходѣ января 1830 года пріѣхалъ въ Петербургъ, чрезвычайнымъ посломъ Оттоманской Порты, Галиль-паша, одинъ изъ любимцевъ султана. Цѣлю его миссіи было дать наглядное доказательство добраго согласія, возстановленнаго между обѣими державами, и вмѣстѣ съ тѣмъ изъяснить всю признательность его поведителя за великодушіе и умѣренность, явленныя нашимъ государемъ при заключеніи мира, котораго надежность упрочивалась его условіями, устранявшими всякій поводъ къ разрыву.

Галиль-паша, высадившійся въ Одессѣ, встрѣченъ былъ тамъ, а впоследствии и въ Петербургѣ, со всѣми почестями, подобавшими его сану. Въ столицѣ, его и всю его свиту помѣстили въ прекрасномъ домѣ, на полномъ казенномъ содержаніи. Государь принялъ его въ публичной аудіенціи, съ обычнымъ блескомъ нашего Двора, въ Георгіевской

загѣ. Простой и благородный въ своемъ обращеніи, посолъ всѣмъ очень понравился. Были только непріятно поражены его костюмомъ, въ которомъ капризъ султана замѣнялъ живописное національное одѣяніе турокъ длинною безобразною мантиею, а азіатскую чалму—пунцовою фескою съ кисточкою. Галиль-пашѣ самому, казакось, было неловко и какъ-то совѣстно въ этомъ нарядѣ, не мало способствовавшемъ къ отдаленію турокъ отъ султана, который, вмѣсто того, чтобы въ эту критическую минуту исвать сближенія съ фанатическимъ своимъ народомъ, какъ-бы нарочно оказывалъ презрѣніе къ народнымъ обычаямъ и даже одеждѣ.

Галиль-паша, подобно Хозреву-мирзѣ, объѣздили всѣ общественныя заведенія въ столицѣ, присутствовалъ ежедневно при разводѣ, являлся также въ театрахъ и въ домахъ частныхъ лицъ и вообще остался очень доволенъ сдѣланнымъ ему приемомъ; но въ особенности былъ тронутъ милостями государя, который, вручивъ ему богатые дары для султана, осыпалъ и его самого, вмѣстѣ съ чиновниками его свиты, щедрыми подарками.

До этой эпохи кадетскіе корпуса находились только въ обѣихъ столицахъ. Государь, въ виду увеличивающейся охоты къ просвѣщенію и потребности въ немъ, опредѣлилъ умножить число этихъ заведеній и учредить корпуса еще въ Новгородѣ, Полоцкѣ и пр. Въ Полоцкѣ онъ предназначилъ для сей цѣли зданія, принадлежація, въ прежнее время, іезуитамъ и ихъ школъ, а въ Новгородѣ ¹⁾ одну изъ штабъ-квартиръ военныхъ поселеній. Въ прочихъ городахъ, гдѣ предполагалось учредить кадетскіе корпуса, немедленно было приступлено къ возведенію для нихъ новыхъ зданій. Этотъ знакъ монаршей попечительности произвелъ самое благопріятное впечатлѣніе во внутреннихъ губерніяхъ, обрадовавъ родителей возможностью воспитывать своихъ дѣтей близи себя.

1-го марта государь отправился со мною въ военныя поселенія гренадерскаго корпуса. Осмотрѣвъ тамъ нѣсколько полковъ, также госпитали и нѣкоторыя возводимыя сооруженія и отблагодаривъ, по возвращеніи въ Новгородъ, генераловъ, онъ вдругъ, вмѣсто того чтобы ѣхать по улицѣ, ведущей къ Петербургу, велѣлъ своимъ санямъ повернуть на Московскій трактъ. Я чрезвычайно удивился такой внезапной перемѣнѣ, а онъ, позабавившись моимъ смущеніемъ, рассказалъ, что еще изъ Петербурга выѣхалъ съ этимъ намѣреніемъ, но сообщилъ о немъ одной лишь императрицѣ, чтобы сохранить свой маршрутъ въ совершенной тайнѣ и тѣмъ болѣе удивить Москву. Мы употребили

¹⁾ Не въ самомъ Новгородѣ, а въ 20-ти верстахъ оттуда. Н. Ш.

на переѣздъ туда мѣше 34-хъ часовъ и остановились у Кремлевскаго дворца въ 2 часа ночи. И тамъ, и въ цѣломъ городѣ, всё, разумѣется, спали, и появленіе наше представилось разбуженной придворной прислугѣ настоящимъ сновидѣніемъ. Съ трудомъ можно было допроситься свѣча, чтобы освѣтить государеву комнату. Онъ тотчасъ пошелъ безъ огня въ придворную церковь—помолиться Богу и по возвращеніи оттуда, отдавъ мнѣ приказанія для слѣдующаго дня, прилегъ на диванъ. Я послалъ за оберъ-полиціймейстеромъ, который прискакалъ перепуганный моимъ неожиданнымъ прїѣздомъ и совершенно остолебѣлъ, когда услышалъ, что надъ моею комнатою почиваетъ государь. Комендантъ, гофмейстеръ, шталмейстеръ, полицейскіе чиновники стали появляться одинъ за другимъ, съ лицами крайне меня смѣшившими, и не дали мнѣ заснуть цѣлую ночь. Братъ императрицы, принцъ Альбертъ, сопровождавшій государя въ военныя поселенія и прїѣхавшій въ древнюю столицу за сутки до насъ, удивился еще болѣе другихъ, когда проснувшись узналъ, что въ Москвѣ находится государь.

Въ 8 часовъ утра я велѣлъ поднять на дворцѣ императорскій флагъ, и вслѣдъ за тѣмъ кремлевскіе колокола возвѣстили москвичамъ прїбытіе къ нимъ царя. Еще гулъ колоколовъ не замолеъ, а уже народъ и экипажи со всѣхъ сторонъ устремились ко дворцу; началась толкотня, давка; всё другъ друга поздравляли съ нечаянною радостью; всё были въ восторгѣ и удивленіи. На дворцовой площади происходило такое волненіе, что можно было-бы принять его за бунтъ, если-бъ на всѣхъ лицахъ не изображалось благоговѣнія и радости, свидѣтельствовавшихъ, напротивъ, о народномъ счастіи. Въ 11-ть часовъ государь вышелъ изъ дворца пѣшкомъ, въ Успенскій соборъ; всё головы обнажились, загремѣло многотысячное ура, и толпа до того сгустилась, что военный генераль-губернаторъ князь Д. В. Голицынъ и я насилу могли слѣдовать за государемъ, да и самъ онъ, при всѣхъ усиліяхъ народа раздаваться передъ нимъ, едва могъ подвигаться впередъ. Только на какой нибудь аршинъ очищалось вокругъ него мѣста; онъ безпрестанно останавливался и, чтобы пройти двѣсти шаговъ, раздвѣляющихъ дворецъ отъ собора, употребилъ, конечно, десять минутъ. На паперти ожидали его митрополеть и духовенство съ крестами; при видѣ ихъ, народные клики тотчасъ смолкли. Выслушавъ краткое молебствіе и приложившись къ ракамъ св. угодниковъ и образамъ, государь вышелъ въ двери противоположныя тѣмъ, которыми вошелъ, и направился къ старому дворцу. И здѣсь встрѣтили его такое-же стеченіе народа и такія-же трудности добраться до Краснаго крыльца, ступени котораго были заняты сплошными рядами дамъ. Дойдя до верху, государь обернулся и благосклонно поклонился толпѣ, отвѣтившей на сію царскую милость

новыми, долго не умолкаемыми криками. Потомъ онъ поѣхалъ въ Экзерциргаузъ, окружаемый вездѣ такими-же толпами.

Время пребыванія въ Москвѣ государь провелъ съ обыкновенною своею дѣятельностью. Цѣлыя утра онъ проводилъ въ посѣщеніи общественныхъ заведеній, училищъ, госпиталей, въ приѣмѣ купцовъ и фабрикантовъ и въ осмотрѣ произведеній мануфактурной промышленности, все болѣе и болѣе развивавшейся въ Москвѣ. Къ обѣденному столу были приглашаемы высшіе сановники и старые слуги царскіе, доживавшіе свой вѣкъ въ отставкѣ. Вечеромъ онъ являлся въ театрѣ и на балахъ въ Дворянскомъ собраніи и у военнаго генераль-губернатора. Такъ мы провели шесть дней, которые были для Москвы постояннымъ праздникомъ, а для сердца государя—истинною наградою за лежавшее на немъ бремя и за чистую его любовь къ своему народу.

13-го марта, въ полночь, мы снова сѣли въ сани и 15-го, въ 2 часа по полудни, государь былъ въ Зимнемъ дворцѣ, промчавшись 700 верстъ въ 38 часовъ.

Уже нѣсколько лѣтъ не былъ собираемъ въ Царствѣ Польскомъ народный сеймъ. Государь, какъ строгій исполнитель даннаго слова, не захотѣлъ долѣе отлагать созваніе этого сейма, установленнаго данною императоромъ Александромъ конституціею. Велѣвъ, вслѣдствіе того нунціямъ явиться въ Варшаву къ половинѣ мая, онъ и самъ сталъ готовиться къ поѣздкѣ туда. Мы выѣхали изъ Петербурга 2-го мая, опять по тракту на Динабургъ (Двинскъ), куда государя постоянно влекло сочувствіе къ работамъ, производившимся столько лѣтъ подъ личнымъ его надзоромъ въ бытность его генераль-инспекторомъ по инженерной части. Употребивъ два дня на осмотръ этихъ работъ, нѣсколькихъ полковъ 1-го корпуса и резервныхъ батальоновъ, онъ продолжалъ свой путь на Ковно и Остроленку и прибылъ въ Варшаву 9-го числа по утра. Коляска наша остановилась у дверей цесаревича въ ту минуту, когда онъ готовился выйти къ разводу.

На слѣдующій день мы опять поскакали назадъ въ Пултускъ, на встрѣчу императрицы, которую упредили тамъ нѣсколькими минутами. Отобѣдавъ въ Пултускѣ, всѣ вмѣстѣ поѣхали въ Варшаву. Здѣсь повторился весь образъ жизни прошедшаго года. Вообще въ Царствѣ ничего не измѣнилось, кромѣ развѣ того, что были еще недовольствія самою властію цесаревича. Всякая надежда поляковъ на переимѣну къ лучшему исчезла, даже многіе изъ русскихъ, окружавшихъ цесаревича, приходили довѣрять мнѣ свои жалобы и общій ропотъ. Я держался на сторожѣ противъ этихъ откровеній; но они были такъ единодушны и такъ искренны, что невольно пробудили во мнѣ чувство состраданія къ полякамъ, а еще болѣе къ трудному и жестокому поло-

женію государя. Цесаревичъ въ личномъ обращеніи своемъ съ нимъ всегда представлялся почтительнымъ и покорнымъ подданнымъ; но въ сношеніяхъ съ министрами и даже въ разговорахъ съ своими приближенными онъ нисколько не таилъ постоянной оппозиціи. Малѣйшее противорѣчіе его досадовало, даже похвалы государя кому-либо изъ мѣстныхъ чиновниковъ, военныхъ или гражданскихъ, тотчасъ возбуждали горькіе пересуды, нерѣдко и неудовольствіе его брата, противъ этихъ самыхъ чиновниковъ, награжденныхъ по собственному его представленію. Можно было тогда-же предугадать близость реакціи и бунта, если-бы жалобы скрывались въ тайнѣ; но онѣ высказывались совершенно явно.—На государя всѣ смотрѣли какъ на надежду лучшей будущности, и возрастающее благосостояніе края служило важнымъ перевѣсомъ тѣмъ неприятностямъ и униженіямъ, отъ которыхъ терпѣли отдѣльныя личности, а не нація. Въ этомъ отношеніи, даже самые раздраженные изъ числа недовольныхъ, отдавали справедливость правительству. Прибытіе государя, императрицы, множества иностранцевъ и нунціевъ утишили ропотъ, по крайней мѣрѣ во внѣшности, и Варшава приняла блестящій и очень оживленный видъ. Балы и праздники слѣдовали одинъ за другимъ, со всею роскошью и со всѣмъ веселіемъ богатой столицы. Черезъ недѣлю послѣ своего прибытія государь велѣлъ открыть сеймъ съ строгимъ соблюденіемъ всѣхъ формъ, опредѣленныхъ конституціею. Цесаревичъ, засѣдая въ камерѣ нунціевъ, въ качествѣ депутата отъ Прагскаго предмѣстія, привезъ съ собой туда и меня посмотрѣть на эту «нелѣпную шутку», какъ онъ громко называлъ сеймъ, къ крайнему неудовольствію поляковъ. Князь Адамъ Чарторыжскій, депутатъ отъ сената, произнесъ довольно длинную рѣчь, которая въ сущности была похвальнымъ словомъ императору Александру, какъ восстановителю Польши и виновнику ея благоденствія. Себя самого онъ называлъ дестнымъ именемъ «друга» покойнаго монарха, о которомъ въ слѣдующемъ году не устыдился сказать, передъ тѣмъ-же собраніемъ, что обманывалъ его всю свою жизнь. Потомъ камера нунціевъ избрала депутацію (въ составъ ея былъ избранъ и цесаревичъ), чтобы вмѣстѣ съ депутаціею отъ сената представиться царю и довести до его свѣдѣнія, что оба государственныхя сословія готовы его принять.

Государь съ императрицею пришли въ тронную залу, за ними слѣдовали Дворъ и вся военная свита, а галлерей были наполнены почетнѣйшими дамами. По занятіи всѣми своихъ мѣстъ, государь открылъ собраніе рѣчью, заслужившею общее одобреніе. Всѣ любовались величественною его осанкою и звонкимъ голосомъ и казались исполненными самой ревностной къ нему привязанности. Однимъ изъ первыхъ предметовъ, къ обсужденію которыхъ камера нунціевъ приступила въ тотъ-

же день, было предложеніе, единогласно принятое, воздвигнуть народный памятникъ императору Александру. Маршалъ сейма далъ большой обѣдъ всѣмъ почетнѣйшимъ сановникамъ, находившимся въ Варшавѣ, и всѣмъ нунціямъ. На немъ присутствовалъ и государь. Здоровье его было провозглашено при единодушныхъ кликахъ, и это пиршество совершилось со всевозможнымъ приличіемъ и всѣми признаками сердечной преданности. Прекрасные балы нѣсколько разъ соединяли все высшее варшавское общество въ Лазенкахъ, а императорская фамилія удостоила также своимъ присутствіемъ балъ, данный графомъ Замойскимъ, предсѣдателемъ государственнаго совѣта Царства. Все по виду казалось спокойнымъ, а между тѣмъ въ камерѣ нунціевъ уже зарождалась оппозиція. Толковали о протестѣ передъ царемъ противъ самоуправныхъ дѣйствій и противъ преувеличенныхъ издержекъ на войско. Стали образовываться партіи, но ни въ чемъ еще не обнаружилось никакого непріязненнаго чувства противъ особы монарха.

Государь призналъ за благо явить новое доказательство своей добросовѣстности, отстранивъ даже и тѣнь какого нибудь вліянія съ его стороны на работы сейма. Вслѣдствіе того, онъ оставилъ на все время ихъ продолженія Варшаву и самые предѣлы Царства. Императрица уѣхала въ Фишбахъ въ Силезіи, гдѣ ожидалъ ее прусскій королевскій домъ, а государь отправился въ Брестъ-Литовскій.

За станцію до Пулавъ, мѣстопребыванія старой княгини Чарторыжской и обыкновеннаго средоточія всѣхъ недовольныхъ и всѣхъ польскихъ интригъ, какой-то человѣкъ во фракѣ явился передъ государя, съ приглашеніемъ, именемъ княгини, остановиться у нея. Такой странный образъ приглашенія побудилъ государя къ отказу, выраженному впрочемъ въ вѣжливыхъ формахъ. Противъ самыхъ Пулавъ надо было переѣзжать черезъ Вислу на паромѣ. Мы увидѣли, что на противоположномъ берегу стоитъ много людей, и когда переѣхали, то княгиня сама подошла повторить государю свое приглашеніе. Государь, стоя, несмотря на палашее солнце, безъ фуражки, извинялся тѣмъ, что не можетъ медлить въ пути, такъ какъ цесаревичъ ожидаетъ его на ночлегѣ. Старуха, которая выглядѣла настоящею сказочною вѣдьмою, продолжала настаивать и на повторенный отказъ громко сказала: «Ахъ! вы меня жестоко огорчили, и я не прошу вамъ этого во вѣкъ». Государь поклонился и уѣхалъ. Какъ не малозначительна, сама по себѣ, была эта сцена, она обратилась, однако-же, въ одну изъ причинъ, ускорившихъ безразсудную польскую революцію. Постоянная ненависть княгини къ Россіи еще болѣе усилилась и ея раздраженіе не осталось безъ вліянія на слабыя польскія головы.

Вечеромъ мы пріѣхали въ Седлецъ, гдѣ цесаревичъ на слѣдующее утро представлялъ государю уланскую дивизію польской арміи. Далѣе

въ Луцкѣ, государь сдѣлалъ смотръ одной дивизіи литовскаго корпуса и продолжалъ свой путь, черезъ Старый Константиновъ, въ Елисаветградъ, гдѣ были собраны кирасирская и уланская дивизіи поселенныхъ войскъ, состоявшихъ подъ начальствомъ графа Витта. Здѣсь-же Галицъ-паша, возвращавшійся въ Константинополь по исполненіи своей миссіи, ожидалъ государя и присутствовалъ при ученіи этой конницы, одинаково превосходной какъ по выправкѣ всадниковъ, такъ и по красотѣ лошадей. Оттуда государь поѣхалъ въ Александрію близъ Бѣлой Церкви, гдѣтнее пребываніе старушки графини Браницкой, которая сдѣлала августѣйшему своему гостю приемъ, вполне соответствовавшій ея несметнымъ богатствамъ. Государь жилъ въ отдѣльномъ большомъ домѣ, убранномъ какъ дворецъ. Меня помѣстили въ пегольскомъ павильонѣ, а обѣдъ подавали въ великолѣпной залѣ посреди сада, наполненной драгоценнѣйшими статуями и бронзами. Сады, паркъ и все остальное отличалось тою-же роскошью. Въ окрестностяхъ Александріи было собрано и осмотрѣно до 30-ти резервныхъ эскадроновъ и дивизій, участвовавшихъ въ турецкой войнѣ. Потомъ мы поѣхали въ Козелецъ, для осмотра 2-й драгунской дивизіи. Полки ея оказались въ отличномъ состояніи; государь маневрировалъ съ драгунами и въ пѣшемъ и въ конномъ строю, что составляетъ истинное ихъ назначеніе. Этотъ родъ войска былъ пересозданъ императоромъ Николаемъ, постоянно старавшимся возвратить ему прежнюю его важность. Изъ Козельца мы перенеслись въ Кіевъ, гдѣ массы народа ждали государя у воротъ Печерской лавры и провожали до Соборной церкви. Утромъ онъ осмотрѣлъ нѣсколько резервныхъ батальоновъ, а вечеромъ удостоилъ своимъ присутствіемъ балъ, данный ему кіевскимъ дворянствомъ, въ обширномъ помѣщеніи на Подолѣ. Отсюда мы поѣхали въ Ходію, гдѣ государь остановился въ домѣ одного богатаго помѣщика и провелъ три дня въ подробнѣйшемъ осмотрѣ 2-го корпуса, только что возвратившагося изъ-за Дуная. Этотъ корпусъ болѣе всѣхъ пострадалъ отъ войны, моровой язвы и вредоноснаго климата; государю хотѣлось видѣть его въ томъ именно положеніи, въ какомъ онъ находился послѣ двухъ тяжелыхъ кампаній; почему и укомплектованіе его, уже вполне подготовленное, было отложено до окончанія смотра. Мы не могли довольно удивиться воинственному и опрятному виду этихъ войскъ, испытанныхъ въ бояхъ; артиллерія была даже въ блестящемъ состояніи, 2-я гусарская дивизія—въ очень порядочномъ, наконецъ пѣхота могла назваться образцовою; но всего этого оставалось менѣе шестой части: кавалерійскіе полки имѣли въ своемъ составѣ только до 200 человекъ, нѣкоторые изъ пѣхотныхъ—еще менѣе. Государь поблагодарилъ генераловъ, офицеровъ и солдатъ за ихъ усердную и храбрую службу, пожаловалъ имъ денежныя и другія награды, разго-

варивалъ со многими изъ солдатъ, навѣстилъ больныхъ и оставилъ всѣхъ въ восторгѣ отъ монаршихъ милостей и щедротъ.

На обратномъ отсюда пути нашемъ въ Варшаву, цесаревичъ ожидалъ государя въ Брестъ-Литовскомъ и представилъ ему на смотръ 2-ю дивизію литовскаго корпуса, съ принадлежавшею къ нему гренадерскою бригадою. Выправка этихъ войскъ не оставляла ничего желать; но въ моральномъ отношеніи они менѣе другихъ внушали къ себѣ довѣрія, бывъ, какъ я уже сказалъ, составлены исключительно изъ уроженцевъ возвращенныхъ отъ Польши губерній и имѣя во главѣ своей нѣсколько генераловъ и множество штабъ и оберъ-офицеровъ изъ поляковъ.

Во время отсутствія нашего изъ Петербурга, возвратилась въ Кронштадтъ эскадра адмирала Гейдена, участвовавшая въ Наваринской битвѣ и блокировавшая потомъ Дарданеллы. Она привела съ собою, въ видѣ трофеевъ, два корвета: турецкій и египетскій, и заслужила общее одобреніе англійскихъ и французскихъ моряковъ, которые осыпали похвалами состояніе нашего флота и, въ особенности, искусное крейсерство контръ-адмирала Рикорда, въ опасное зимнее время, у Дарданеллъ. Такимъ образомъ, государь уже пожиналъ нѣкоторые плоды отъ стараній своихъ объ улучшеніи нашего флота. Въ Средиземномъ морѣ осталась небольшая эскадра изъ трехъ фрегатовъ и нѣсколькихъ легкихъ судовъ.

Мы прибыли въ Варшаву 7-го іюня и на другой день государь отправился въ Ловичъ, на встрѣчу императрицѣ. Я имѣлъ честь сопровождать его, и мы ѣхали одни, безъ свиты, по краю, который нѣсколько мѣсяцевъ позже, отвергъ этого самаго монарха, ввѣрившагося теперь такъ смѣло преданности своихъ подданныхъ и радовавшагося ихъ благосостоянію, плоду трудовъ его предшественника и его собственныхъ!

Въ Варшавѣ я нашелъ мою сестру, княгиню Ливенъ, съ ея мужемъ, отлучившимся временно съ посольскаго своего поста въ Лондонъ для принесенія государю своихъ почтительныхъ чувствъ. Сестра моя, умомъ своимъ и любезностію, успѣла при этомъ случаѣ еще болѣе возвыситься и при Дворѣ, и въ публикѣ свою давнишнюю репутацію.

Черезъ недѣлю послѣ нашего возвращенія въ Варшаву, государь закрылъ сеймъ, кончившій всѣ свои занятія. Въ средѣ его образовалась довольно сильная оппозиція, которая даже отвергла проектъ закона, очень интересовавшій государя, объ ограниченіи удобства къ брачнымъ разводамъ; впрочемъ, все это было прикрыто виѣшними изъясненіями преданности и довѣрія къ монарху, удалившими всякое подозрѣніе о разладѣ между трономъ и народнымъ представительствомъ. Все окончилось, по виду, миролюбиво, хотя въ сущности довольно холодно.

За нѣсколько дней до нашего выѣзда изъ Варшавы, пришло туда

извѣстіе, что населеніе одного изъ севастопольскихъ предмѣстій, состоявшее болѣею частію изъ матросовъ съ ихъ семействами, взбунтовавшись по случаю мѣръ начальства отъ чумы, открывшейся въ тамошнемъ портѣ и проникнувшей до Одессы, отважилось на самыя преступныя дѣйствія и даже убило коменданта Столыпина. Генералъ-губернаторъ графъ Воронцовъ, лично поспѣшивъ на мѣсто, умѣлъ съ обыкновенною своею храбростію и распорядительностію, возстановить порядокъ и обратять бунтовщиковъ снова къ должной покорности. Главныя зачинщики были подвергнуты строгимъ наказаніямъ, и указанныя государемъ мѣры положили предѣлъ возобновленію на будущее время подобныхъ безпорядковъ. Часть черноморскихъ экипажей, участвовавшихъ въ возмущеніи, была переведена въ Архангельскъ и Кронштадтъ и замѣнена командами изъ балтійскаго флота. Чума-же, благодаря энергіи и неутомимой попечительности графа Воронцова, не перешла границы Новороссійскаго края и вскорѣ совсѣмъ прекратилась.

Императрица, съ братомъ своимъ принцемъ Карломъ, уѣхали въ Петербургъ тремя днями прежде государя, который оставилъ Варшаву 21-го іюня, въ полночь. Не совсѣмъ довольный собою и еще менѣе довольный своимъ старшимъ братомъ, онъ чувствовалъ неловкость положенія русскаго монарха въ Царствѣ Польскомъ; чувствовалъ все зло либеральной и преждевременной организаціи этого края, которую охранять присягнулъ самъ; понимая всю тяжесть характера цесаревича, считалъ однако-же присутствіе его въ Польшѣ необходимымъ, въ видѣ перевѣса притязаніямъ польской аристократіи; наконецъ, всю свою надежду полагалъ единственно на будущее и какъ бы страшился дать себѣ полный отчетъ въ настоящемъ положеніи этой важной части его огромной державы. Впрочемъ ничто не указывало на вѣроятность близкаго взрыва, и, напротивъ, видимое матеріальное благосостояніе казалось надежѣйшимъ оплотомъ общественнаго спокойствія. Время могло устроить все неприятое въ личномъ положеніи государя и, говоря вообще, онъ остался не совсѣмъ недоволенъ своею поѣздкою и подвластною ему націею, всѣмъ обязанною русскимъ царямъ.

Едва мы возвратились опять спокойно въ Петербургъ, какъ вдругъ новое событіе, новая забота дали почувствовать государю, что онъ не избавился отъ напастей, преслѣдовавшихъ его со дня вступленія на престолъ. На предѣлахъ имперіи, въ Оренбургской губерніи, незадолго передъ тѣмъ показалась холера. Эта страшная болѣзнь, извѣстная у насъ дотогдѣ только по имени и по описаніямъ производимыхъ ею опустошеній, тѣмъ болѣе должна была навести ужасъ, что никто не зналъ и не могъ указать противъ нея ни медицинскихъ средствъ, ни полицейскихъ мѣръ. Общее мнѣніе было, однако-же, на сторонѣ каранти-

новъ и оцѣпленій, какъ-бы противъ чумы, и въ этомъ смыслѣ правительство тотчасъ приняло всѣ нужны мѣры, съ тою дѣятельностію, которую твердая воля государя умѣла влгать во всѣ его распоряженія. На всѣ указанные пункты были направлены войска и изъ нихъ, равно какъ и изъ мѣстныхъ жителей, образованы чумныя кордоны, для предохраненія отъ этого бича внутреннихъ губерній и обѣихъ столицъ.

Государь еще не имѣлъ дотолѣ времени посѣтить Финляндію и, не желая долѣе отлагать этого давнишняго своего намѣренія, приказалъ мнѣ изготовиться въ путь. 30-го іюля вечеромъ, я явился на Елагинъ островъ, въ дорожномъ нарядѣ и не мало удивился, встрѣтивъ во дворцѣ г. Бургоена (Bougeois), французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, выходящаго изъ государева кабинета, въ сильномъ волненіи и въ слезахъ. «Что съ вами?»—спросилъ я, я едва онъ успѣлъ отвѣтить, что въ Парижѣ вспыхнула революція, какъ меня позвали въ кабинетъ. Государь только что получилъ извѣстіе о знаменитыхъ іюльскихъ дняхъ, о слабости, оказанной Карломъ X и его сыномъ, наконецъ объ отличномъ поведеніи королевской гвардіи. Бурбоны въ третій разъ падали съ престола, не покусившись удержать его за собой, хотя-бы малѣйшимъ дѣйствіемъ личнаго мужества. Воспользовавшись ихъ малодушіемъ, Людовикъ-Филиппъ похитилъ тотъ тронъ, къ низверженію котораго его отецъ нѣкогда такъ ревностно способствовалъ. Государь жестоко негодовалъ на слабость и оплошность законной линіи и на коварство и вѣроломство Людовика-Филиппа. За отсутствіемъ графа Нессельрода, временно уволеннаго для поправленія здоровья къ Карлсбадскимъ водамъ, нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ въ эту эпоху временно управлялъ зять мой, князь Ливенъ, на котораго легло все бремя первыхъ распоряженій.

Между тѣмъ эти событія не остановили нашей поѣздки въ Финляндію. Мы отправились въ дрожкахъ, —экипажѣ, въ которомъ императоръ Николай всегда ѣзжалъ по Финляндіи. Сидя вдвоемъ въ этой легкой повозкѣ, мы, разумѣется, говорили только о Парижскихъ происшествіяхъ и о послѣдствіяхъ, которыя они могутъ имѣть для остальной Европы. Помню какъ, разсуждая о причинахъ этой революціи, я сказалъ, что, съ самой смерти Людовика XIV, французская нація, болѣе испорченная чѣмъ образованная, опередила своихъ королей въ намѣреніяхъ и потребности улучшеній и перемѣнъ; что не слабы Бурбоны шли въ главѣ народа, а что самъ онъ влачилъ ихъ за собою, и что Россію наиболѣе ограждаетъ отъ бѣдствій революціи то обстоятельство, что у насъ, со времени Петра Великаго, всегда впереди націи стояли ея монархи; но, что по этому самому не должно слишкомъ торопиться ея просвѣщеніемъ, чтобы народъ не сталъ, по кругу своихъ понятій,

въ уровень съ монархами и не посягнуть тогда на ослабленіе ихъ власти.

За нѣсколько станцій до Выборга, дрожки сломались, и мы вынуждены были пересѣсть въ запасныя, менѣе покойныя и еще менѣе прочныя, чѣмъ первыя.

Въ Выборгѣ мы остановились у православнаго собора, на паперти котораго ожидали государя губернаторъ и всѣ власти. По осмотрѣ имъ укрѣпленій, госпиталей и не многихъ казенныхъ зданій, украшающихъ этотъ городокъ, мы, переночевавъ въ немъ, на слѣдующій день пустились далѣе и вскорѣ очутились въ новой Финляндіи, т. е. въ той ея части, которая была завоевана императоромъ Александромъ. Здѣсь, ѣзда на маленькихъ почтовыхъ лошадакахъ, поставляемыхъ крестьянами въ натурѣ, по заведенной между ними очереди, часто почти совсѣмъ безъ упряжи, далеко не безопасна. Надо имѣть своего кучера, свои возжи и сбрую; кромѣ того, эти лошади приучены спускаться съ горъ во всю прыть, что грозитъ безпрестанною опасностію удариться о камни и сломать себѣ шею. Впереди насъ ѣхалъ, въ маленькой одноколкѣ, мѣстный исправникъ, который при каждомъ спускѣ поднималъ надъ головою шляпу, въ знакъ того, чтобы государевъ кучерь сдерживалъ лошадей. Потомъ его одноколка улетала съ ужающею быстротою и мы точно такъ-же стремительно уносилась за нею, вопреки всѣмъ усиліямъ нашего Артамона, дивившагося, что ему не удастся совладать съ такими кляченками. На одной изъ станцій, государь пересѣлъ въ простую крестьянскую тележку, а я поѣхалъ въ слѣдъ за нимъ, въ такой-же. Въ нѣсколькихъ верстахъ въ сторону отъ большой дороги находятся тѣ приморскія гранитныя скалы, изъ которыхъ добыли колонны, украшающія Казанскій и Исаакіевскій соборы и изъ которыхъ въ это время вымачивали огромный монолитъ для памятника императору Александру. Тропинка, которою мы туда слѣдовали, вела, казалось, прямо ко входу въ адъ. По окраинамъ ея находились: густой лѣсъ изъ старыхъ, обросшихъ мхомъ елей, перегнившіе стволы, опрокинутыя или вывороченныя съ корнями деревья, мѣстами скалы, частію уже истлѣвшія отъ времени. Глухой шумъ, казавшійся сначала завываніемъ бури, все возрасталъ по мѣрѣ того, какъ мы углублялись въ эту пустынную мѣстность; потомъ мы разслышали стукъ желѣза о камень, а наконецъ, еще болѣе приближаясь, были оглушены невыразимымъ трескомъ отъ одновременныхъ ударовъ въ приставленные къ скалѣ ломы нѣсколькихъ огромныхъ молотовъ, которыми рабочіе отдѣляли монолитъ отъ гранитной массы. Весь этотъ народъ, пришедшій сюда изнутри Россіи, остановился на минуту, чтобы прокричать государю ура! и потомъ снова привѣяться за свое дѣло. Подъ вечеръ мы прибыли въ Гельсингфорсъ, гдѣ государь, бывъ встрѣченъ у русской церкви генералъ-губернаторомъ графомъ

Закревскимъ со всѣми властями, русскими и финляндскими, помѣстился въ приготовленномъ для него генераль-губернаторомъ домѣ.

Гельсингфорсъ, созданный императоромъ Александромъ, увеличенный послѣ Абовскаго пожара перенесеніемъ туда университета, наконецъ обращенный въ столицу великаго княжества и въ мѣстопробываніе всѣхъ высшихъ начальственныхъ лицъ и мѣсть, въ нѣсколько лѣтъ, благодаря сверхъ того выгодному своему положенію у глубокаго залива и превосходной якорной стоянкѣ, уже успѣлъ сдѣлаться значительнымъ городомъ и украситься многими прекрасными зданіями. Государь осматрѣлъ ихъ всѣ въ подробности.

Во время развода Финскаго стрѣлковаго батальона, составленнаго изъ мѣстныхъ уроженцевъ, но обученнаго на русскій ладъ, площадь и всѣ окна на нее были полны народа.

На другой день мы поѣхали на катерѣ въ Свеаборгъ. Шведскіе короли истощили свою казну на эту крѣпость, видя въ ней надежнѣйшій оплотъ противъ завоевательнаго духа Москвитянъ: они работали лишь въ нашу пользу! Теперь Свеаборгъ есть убѣжище для нашего флота, арсеналь для нашей арміи и неодолимая твердыня, которая даже и въ несчастныхъ обстоятельствахъ всегда будетъ для насъ ключемъ Финляндіи.

Государь осматрѣлъ сперва этотъ второй Гибралтаръ во всѣхъ его частяхъ, потомъ нѣсколько батальоновъ расположенной въ Финляндіи пѣхотной дивизіи, которыми остался однако же не слишкомъ доволенъ. Обѣдали мы на линейномъ кораблѣ, привезшемъ князя Меншикова и остановившемся вблизи Гельсингфорскаго набережной. Видъ съ этого корабля, обнимавшій весь новый городъ, Свеаборскую крѣпость, близъ лежащія шхеры и все пространство гавани,—былъ очарователенъ.

Сердечный пріемъ, сдѣланный государю всѣми классами населенія, быстрое возростаніе столицы, наконецъ общій видъ довольства не оставляли сомнѣнія въ выгодахъ благаго и отеческаго устройства, даннаго этому краю. Прежніе навыки, преданія и семейные союзы не могли не поддерживать еще до нѣкоторой степени симпатической связи его со Швеціею; но матеріальные интересы и управленіе, столько-же либеральное, сколько и національное, уже производили свое дѣйствіе, и все общаю Россіи въ финляндцахъ самыхъ вѣрныхъ и усердныхъ подданныхъ.

Государь вернулся въ Петербургъ очень довольный своимъ путешествіемъ и остановился на Елагинѣ, гдѣ ожидала его императрица.

Продолжая негодовать на революцію, низведшую Карла X-го съ престола его предковъ, видя притомъ, что во Франціи власть перешла совершенно въ руки демократів и что самъ Людовикъ-Филиппъ является лишь игрой въ рукахъ Лафаетовъ, Лафитовъ и ихъ единомышлен-

никовъ, государь призналъ за благо прервать прежнія ближайшія связи съ Франціей. Онъ запретилъ поднимать на французскихъ судахъ въ русскихъ портахъ трехцвѣтное знамя; велѣлъ нашимъ подданнымъ немедленно выѣхать изъ Парижа и изъ Франціи и постановилъ впускать французскихъ подданныхъ въ Россію не иначе какъ съ строжайшимъ разборомъ, а за находящимися уже въ Россіи имѣть самый бдительный надзоръ. Только велѣно было торговыя сношенія оставитъ на прежнемъ основаніи и еще не отзывать изъ Франціи нашего посла и нашихъ консуловъ.

Дѣла не могли, однако-же, долго продолжаться на такомъ основаніи и ясно было, что придется или совсѣмъ расторгнуть всѣ связи съ Франціей, или-же признать новаго ея монарха. Къ послѣднему сердце государя вовсе не лежало. Между тѣмъ Англія, Австрія и Пруссія, равно какъ и всѣ прочіе европейскіе кабинеты успѣли признать Людовика-Филиппа: онъ былъ королемъ французовъ на самомъ дѣлѣ и одно лишь поддержаніе его власти могло противопоставить законную преграду якобинскимъ замысламъ той партіи, которая возвела его на престолъ и теперь громко требовала войны. Отдѣлиться отъ своихъ союзниковъ и отъ всей Европы черезъ непризнание Людовика-Филиппа—значило оскорбить всѣ кабинеты и возбудить противъ себя личную вражду новаго короля. Кромѣ того, Карлъ X-й и слабый его сынъ торжественно отреклись отъ своихъ правъ на французскую корону и предоставили ее младенцу-герцогу бордоскому. Поддерживать права послѣдняго, при всей ихъ законности, значило поддерживать какой-то призракъ. Франція не хотѣла этого младенца, а самъ онъ, по своимъ лѣтамъ и по всѣмъ обстоятельствамъ, находился внѣ возможности чего-либо помогать. Разрывъ съ Франціей долженъ былъ нанести вредъ нашей торговлѣ, нарушить общій миръ, расторгнуть нашъ союзъ съ первостепенными державами, и, не бывъ вынуждаемъ народною честью, противорѣча интересамъ имперіи, возбудить сильное неудовольствіе, тѣмъ болѣе, что у насъ всѣ порицали злополучные декреты Карла X-го, сдѣлавшіеся причиною парижской революціи, а малодушное поведеніе падшаго короля лишало его того сочувствія, которое обыкновенно сопутствуетъ несчастію.

Итакъ, послѣ долгой внутренней борьбы и гласно заявленнаго отвращенія къ новому монарху Франціи, нашему государю не оставалось ничего инаго, какъ покориться силѣ обстоятельствъ и принести личные чувства въ жертву сохраненію мира и, отчасти, общественному мнѣнію. Императоръ Николай впервые принудилъ себя дѣйствовать вопреки своему убѣжденію и не безъ глубокаго сокрушенія и досады призналъ Людовика-Филиппа королемъ французовъ.

Мы жили въ то время въ Царскомъ Селѣ. Государю, недовольному самимъ собою, нужно было развлечься, и мы отправились въ военныя

поселенія. Весь гренадерскій корпусъ былъ собранъ лагеремъ у Книжева Двора. Государь, расположившись въ палаткѣ насупротивъ лагеря, сдѣлалъ большой парадъ, а на другой день ученье и маневры. Потомъ мы поѣхали по полковымъ штабамъ и наконецъ въ Старую Руссу. Французскій повѣренный въ дѣлахъ Бургонь сопровождалъ государя въ этой поѣздкѣ; онъ не могъ довольно надвинуться всему что онъ видѣлъ, въ особенности-же общему довольству, замѣченному имъ въ Старой Руссѣ и въ нѣсколькихъ многолюдныхъ селеніяхъ, черезъ которыя мы проѣзжали.

На возвратномъ пути, мнѣ позволено было заѣхать въ мою эстляндскую мызу Фаль, гдѣ проводила дѣтнее время моя семья. Но едва я пробылъ тамъ три дня, какъ прискакалъ курьеръ съ извѣстіемъ, что государь уѣхалъ въ Москву, гдѣ открылась холера, и велитъ мнѣ тотчасъ за нимъ слѣдовать. Я былъ въ восхищеніи отъ героической рѣшимости моего царя и спустя два часа послѣ полученія извѣстія уже летѣлъ по почтовой дорогѣ. Прибывъ въ Петербургъ, я заѣхалъ въ Царское Село за приказаніями императрицы и поспѣшилъ въ Москву. А тамъ, пріѣхавъ вечеромъ, немедленно явился къ государю съ выраженіемъ благодарности моей за память ко мнѣ въ минуту столь тяжкую для отеческаго его сердца. Онъ былъ, какъ всегда, спокоенъ и благодушенъ. Его пріѣздъ оживилъ, но не удивилъ добрыхъ москвичей, которые, среди ужаса таинственной заразы, предчувствовали, что ихъ не покинетъ царь. Когда онъ появился передъ народомъ, презрѣвъ опасность, чтобы пособить ему—общій энтузіазмъ достигъ крайнихъ предѣловъ и всѣмъ казалось, что сама болѣзнь должна уступить его всемогуществу. Было рѣшено оцѣпить Москву для охраненія отъ заразы прочихъ губерній и Петербурга; все исполнилось безъ затрудненій, и покорность народа, одушевленнаго благодарностію, не знала границъ. Холера, однако-жъ, съ каждымъ днемъ усиливалась, а съ тѣмъ вмѣстѣ увеличивалось и число ея жертвъ. Лакей, находившійся при собственной комнатѣ государя, умеръ въ нѣсколько часовъ; женщина, проживавшая во дворцѣ, также умерла, несмотря на немедленно поданную ей помощь. Государь ежедневно объѣзжалъ публичныя заведенія, презирая опасностію, потому что тогда никто не сомнѣвался въ прилипчивости холеры. Вдругъ, за обѣдомъ во дворцѣ, на который было приглашено нѣсколько особъ, онъ почувствовалъ себя нехорошо и принужденъ былъ выйти изъ-за стола. Вслѣдъ за нимъ поспѣшилъ докторъ, столько-же ислуганный какъ и мы всѣ, и хотя черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся къ намъ съ приказаніемъ отъ имени государя не останавливать обѣда, однако никто, въ смертельной нашей тревогѣ, уже болѣе не прикасался къ кушанью. Вскорѣ за тѣмъ показался въ дверяхъ самъ государь, чтобы насъ успокоить; но между тѣмъ его тошнито, трясла лихорадка и откры-

лись всё первые симптомы болѣзни. Къ счастью, сильная испарина и данныя во время лекарства скоро ему пособили и не далѣе какъ на другой день все наше безпокойство миновалось.

Десять дней проведены были въ неутомимой, безпрерывной дѣятельности. Государь самъ наблюдалъ, какъ по его приказаніямъ устраивались больницы въ разныхъ частяхъ города, отдавалъ повелѣнія о снабженіи Москвы жизненными потребностями, о денежныхъ вспомошествованіяхъ немущимъ, объ учреженіи пріютовъ для дѣтей, у которыхъ болѣзнь похитила родителей; безпрестанно показывался на улицахъ; посѣщалъ холерныя палаты въ госпиталяхъ и только, устроивъ и обезпечивъ все, что могла человѣческая предусмотрительность, 7-го сентября выѣхалъ изъ своей столицы. Вечеромъ мы пріѣхали въ Тверь и остановились во дворцѣ, который нѣкогда былъ занимаемъ великою княгинею Екатериною Павловною, съ супругомъ ея, принцемъ Георгіемъ Ольденбургскимъ, во время бытности его тамошнимъ генераль-губернаторомъ. Здѣсь врачъ принялъ насъ въ особо приготовленной комнатѣ и окурить, согласно съ существовавшими тогда правилами, хлоромъ; послѣ чего дворецъ и маленькій его садъ оцѣпили часовыми, для совершеннаго отдѣленія его отъ города; а насъ, во исполненіе собственной воли государя, желавшаго дать примѣръ покорности законамъ, засадили въ карантинъ и развѣднили отъ всего міра. Свиту государеву составляли, кромѣ меня, графъ П. А. Толстой, бывшій нѣкогда моимъ начальникомъ въ парижскомъ посольствѣ, генераль-адъютанты—Храповицкій и Адлербергъ, флигель-адъютанты—Кокоскинъ и Апраксинъ и доктора—Арендтъ и Енохинъ. Всѣхъ насъ размѣстили въ томъ-же дворцѣ. Утромъ занимались бумагами, которыя ежедневно присылались изъ Петербурга и Москвы, а потомъ прогуливались по саду, впрочемъ очень худо содержимому. Государь стрѣлялъ воронъ, я подметалъ дорожки. За этими забавами слѣдовалъ прекрасный обѣдъ для всего общества вмѣстѣ, послѣ котораго расходились по своимъ комнатамъ до вечера, соединявшаго опять всѣхъ на государевой половинѣ, гдѣ играли въ карты. Такъ мы, до возвращенія въ Царское Село, провели 11 дней въ этой тюрьмѣ, хотя очень спокойной и удобной, но тѣмъ не менѣе жестоко намъ надѣвшею.

Между тѣмъ пришло извѣстіе о бельгійской революціи, изгнавшей изъ Брюсселя принца Оранскаго; братъ его, принцъ Фридрихъ, пытался было снова овладѣть Брюсселемъ, но продержавшись тамъ лишь нѣсколько дней, покинулъ городъ и весь край на жертву революціи, представлявшей, собственно, одно постыдное и смѣшное подражаніе парижской.

Примѣръ былъ опасенъ. Въ Брюсселѣ, какъ и въ Парижѣ, побѣда осталась на сторонѣ революціи; тамъ, какъ и тутъ, законность должна

была преклониться передъ безпорядкомъ, и монархія передъ демократическими идеями. Умы разгорячались, и легкость успѣха въ этихъ двухъ странахъ не могли не ободрить и не внушить новой отваги людямъ злонамѣреннымъ. Варшава была переполнена такими. Обезьянство французскимъ доктринамъ, увлекшее слабыя польскія головы въ первую революцію и приведшее Польшу къ первому ея раздѣлу, возобновилось и теперь въ томъ-же духѣ и послужило сигналомъ къ возстанію.

Уже за нѣсколько времени передъ тѣмъ замѣчались разныя проявленія революціонныхъ замысловъ въ варшавской школѣ подпрапорщиковъ. Цесаревичъ, бывъ неоднократно о томъ предваренъ, сначала не давалъ вѣры этимъ извѣтамъ, а впоследствии хотя и учредилъ слѣдственную комиссію, но сія послѣдняя дѣйствовала чрезвычайно слабо. Несмотря на подозрительный свой характеръ, цесаревичъ не хотѣлъ предполагать, чтобы нашлись преступники въ числѣ тѣхъ, которыхъ называлъ свои ми, а подпрапорщики помѣщенные на жительство возлѣ сада его Бельведера, имъ сформированные, обученные и, такъ сказать, воспитанные, были для него такими въ полномъ смыслѣ.

25-го ноября, вечеромъ, пришло къ государю извѣстіе, что 17-го числа, вечеромъ-же, Варшава сдѣлалась театромъ кровавыхъ сценъ. Описывалось, какъ нѣсколько подпрапорщиковъ, ворвались въ Бельведерскій дворецъ, изранили президента полиціи Любовицкаго и убили генерала Жандра, прискакавшаго предварить цесаревича о грозящей ему опасности; какъ цесаревичъ самъ едва успѣлъ отъ нихъ скрыться заднимъ ходомъ и сѣсть на лошадь. Только когда русская гвардейская кавалерія поспѣшила на помощь ему, убійцы бѣжали изъ Бельведера; какъ между тѣмъ, весь городъ пришелъ въ волненіе и народъ, бросившись въ арсеналъ и выломавъ всѣ двери въ немъ, захватилъ всѣ находившіяся тамъ склады оружія. Далѣе, что 4-й линейный полкъ, саперный батальонъ и гвардейская конно-артиллерійская батарея, уже заранѣе подготовленные бунтовщиками, тотчасъ стали на ихъ сторону, а поспѣвшіе къ волновавшимся сборищамъ, для возстановленія порядка, военный министръ графъ Гауке, начальникъ пѣхоты графъ Станиславъ Потоцкій, генералы—Цементовскій, Трембицкій, Брюмеръ и Новицкій, пали жертвами ярости своихъ соотчичей; что русскіе полки Литовскій и Волынскій и съ ними часть польскихъ гвардейскихъ гренадеръ, въ польской походной амуниціи, ждутъ на площади приказаній цесаревича; что Конно-Егерскій полкъ польской гвардіи съ нѣсколькими ротами армейскихъ гренадеръ сохранили вѣрность и въ ночь присоединились къ тремъ русскимъ кавалерійскимъ полкамъ, находившимся при цесаревичѣ, наконецъ, что весь городъ открыто бунтуетъ и никакихъ мѣръ не принято для его усмиренія.

Государь тотчасъ прислалъ за мною и, когда я явился, далъ мнѣ

прочестъ рапортъ цесаревича. Между тѣмъ, не теряя ни минуты, онъ уже успѣлъ отдать всѣ нужныя приказанія. 1-й корпусъ, подъ командою П. П. Палена, получилъ приказаніе двинуться къ границамъ Царства, а барону Розену, начальнику Литовскаго корпуса, велѣно взять то направленіе, какое укажетъ цесаревичъ.

На другое утро, государь, по обыкновенію, присутствовалъ при разводѣ и съ окончаніемъ его, ставъ въ середину экзерциргауза, вызвалъ къ себѣ генераловъ и офицеровъ. Всѣ и изъ покорности, и изъ любопытства поспѣшили столпиться вокругъ лошади, на которой онъ сидѣлъ. Тутъ государь громко и внятно передалъ подробности печальныхъ Варшавскихъ событій и, сообщивъ объ опасности, которой подвергался его братъ и о принятыхъ уже мѣрахъ, заключилъ слѣдующими словами: «Въ случаѣ нужды, вы, моя гвардія, пойдете наказать измѣнниковъ и возстановить порядокъ и оскорбленную честь Россіи. Знаю, что я во всѣхъ обстоятельствахъ могу полагаться на васъ!» Въ продолженіе рѣчи государя, вниманіе слушателей все болѣе и болѣе напрягалось, и кружокъ ихъ вокругъ него все становился тѣснѣе; но при послѣднихъ словахъ всѣ, такъ сказать, налегли на него; каждый хотѣлъ лично выразить ему свою любовь и преданность; всѣ были въ слезахъ, и единодушное «ура!» стоявшихъ въ ружьѣ солдатъ сопровождало государя до выхода его изъ экзерциргауза. Эта сцена произвела неописуемое впечатлѣніе: старые и молодые, генералы и офицеры и даже солдаты, всѣ были глубоко тронуты, и государь при этомъ случаѣ легко могъ удостовѣриться въ питаемомъ къ нему восторженномъ чувствѣ.

На слѣдующій день пришло второе донесеніе цесаревича, въ которомъ онъ увѣдомлялъ, что къ нему присоединилась вся русская гвардейская артиллерія, расположенная въ окрестностяхъ Варшавы; что пребывшія вѣрными войска стоятъ биваками близъ Бельведера; что впрочемъ, городъ въ полномъ возстаніи и учреждено временное правительство, главные дѣятели котораго: князь Чарторыжскій и профессоръ Виленскаго университета Лелевель, въ качествѣ депутатовъ отъ народа, нагло явились къ нему, цесаревичу; наконецъ, что онъ ихъ принял и, вслѣдствіе объясненій съ ними, разрѣшилъ остававшимся при немъ частямъ польской арміи возвратиться въ Варшаву. Это снисхожденіе поддержало и скрѣпило бунтъ, давъ возможность принять въ немъ участіе всей польской арміи, большая часть которой еще выжидала, по крайней мѣрѣ по виду, дальнѣйшихъ указаній цесаревича. Въ замѣнъ того, депутаты обѣщали ему, со всѣми русскими войсками, свободный проходъ до границъ Царства. Такимъ образомъ завершилось начальствованіе цесаревича въ Польшѣ и окончательно утвердилась безразсудная и столь бѣдственная для самаго края, революція. Генералъ Хлопицкій былъ назначенъ диктаторомъ.

Вслѣдствіе нашей слѣпой вѣры въ духъ поляковъ и въ ихъ минимую благонамѣренность и благодарность за благодѣянія императора Александра—артиллерійскіе парки въ Царствѣ были переполнены запасами, полки имѣли двойной комплектъ обмундирования и вооруженія; крѣпость Замость была богато снабжена орудіями; въ польскомъ банкѣ лежали значительныя суммы. Не трудно, слѣдственно, было полякамъ тотчасъ удвоить свою армію, снабдивъ ее всѣмъ нужнымъ для войны, а намъ, такимъ образомъ, приходилось сражаться противъ собственнаго нашего оружія, вложеннаго великодушіемъ и благороднымъ довѣріемъ въ руки лютейшихъ нашихъ враговъ.

Принявъ всѣ мѣры къ сосредоточенію достаточныхъ силъ для подавленія мятежа, государь рѣшился, однако-же, истощить всѣ средства къ образумленію своихъ заблудшихъ подданныхъ безъ кровопролитія. Онъ отправилъ состоящаго при немъ польскаго флигель-адъютанта Гауке въ Варшаву, съ манифестомъ, открывавшимъ націи возможность испросить себѣ прошеніе, съ письмомъ къ Хлопицкому, которому давалъ разныя повелѣнія касательно участи вдовъ измѣннически убитыхъ генераловъ съ приказомъ польской арміи собраться въ полномъ составѣ у Плоцка.

Хлопицкій и нѣкоторые другіе лица, сохранявшіе еще рассудокъ, страшась предстоящей борьбы, совѣтовали вступить въ переговоры, но партія якобинцевъ, предводительствуемая Лелевелемъ, честолюбіе Черторыжскаго, мечтавшаго быть избраннымъ на тронъ Польши, и толпа безумцевъ, увлекаемыхъ только личными своими страстями, одержали верхъ. Повелѣнія и предложенія государя были отвергнуты. Единственная уступка, которой могъ добиться Хлопицкій, состояла въ согласіи послать депутацію въ Петербургъ, но не для изъявленія покорности и раскаянія, а для настоянія объ удовлетвореніи всѣхъ домогательствъ Польши и о присоединеніи къ ней нашихъ Литовскихъ губерній. Польскій министръ финансовъ князь Любецкій, человекъ очень умный, видя въ этой миссіи единственное средство къ спасенію своей жизни, такъ искусно умѣлъ повести дѣло, что выборъ быть представителемъ этой депутаціи палъ на него. Онъ взялъ себѣ въ товарищи сеймоваго депутата Езерскаго.

Когда эти господа явились въ Петербургъ, то монархъ, чтобы отстранить всякую мысль, что имъ была допущена какая-либо депутація отъ мятежниковъ, не соизволилъ принять ихъ вмѣстѣ. Призвавъ къ себѣ одного Любецкаго, въ качествѣ своего министра, но и то въ присутствіи великаго князя Михаила Павловича и еще нѣсколькихъ другихъ свидѣтелей, онъ много и очень строго говорилъ о варшавскихъ мерахъ и не допустилъ Любецкаго произнести ни одного слова касательно его миссіи. Миѣ поручено было переговорить въ томъ-же духѣ съ Езер-

скимъ, котораго государь принялъ нѣсколько дней позже, не официально и при мѣ. Любецкому онъ велѣлъ остаться въ Петербургѣ, а Езерскому позволилъ возвратиться въ Варшаву, уполномочивъ его передать тамъ все имъ слышанное, по письменному мною составленному изложенію. Это было послѣднимъ средствомъ, которое государь, въ великодушіи своемъ, хотѣлъ еще испытать, для избавленія мятежныхъ своихъ подданныхъ отъ ужасовъ войны и отъ наказанія за дальнѣйшее неповиновеніе. Бумага оканчивалась слѣдующими словами: «Первый пушечный выстрѣлъ, сдѣланный поляками, убьетъ Польшу.»

Напрасно Езерскій, по прибытіи въ Варшаву, усиливался изобразить народному собранію все безуміе сопротивляться вооруженною рукою могуществу Россіи. Корифей революціи заглушили его благоразумный голосъ. Рѣшена была война. Вскорѣ Польша присоединила къ сему объявленіе, что ея царь низложенъ съ престола. Такимъ образомъ сами Поляки развязали руки государю. Онъ могъ поступать съ ними не какъ съ подданными, а какъ съ врагами.—Хлопицкій, потерявъ надежду образумить своихъ соотечественниковъ, сложилъ съ себя диктаторство, которое было передано князю Радзивилу, человѣку бездарному и неопытному въ военномъ дѣлѣ. Поляковъ ободряли въ ихъ возстаніи общія демагоговъ и надежды на помощь Франціи. Либеральные журналы нѣмецкіе и англійскіе поощряли и разжигали ихъ своими напыщенными возгласами о свободѣ и національной самостоятельности. Галиція и Познань рукоплескали Варшавскому движенію, какъ-бы предвидя въ немъ и собственное свое возрожденіе, а европейскіе кабинеты улыбались этой новой помѣхѣ Россіи на пути возрастающаго ея могущества. Сосѣди-же наши, какъ Австрія, такъ и Пруссія, еще не видя въ событіяхъ Царства Польскаго близкой опасности для самихъ себя, не принимали мѣръ, чтобы воспрепятствовать своимъ польскимъ подданнымъ оказывать содѣйствіе, и людьми и деньгами, общей ихъ оличіемъ.

Цесаревичъ, съ оставшимся при немъ отрядомъ русской гвардіи, возвратился въ предѣлы Россіи и съ глубокимъ сокрушеніемъ ожидалъ, куда государь заблагоразсудитъ его употребить.

Назначенный главнокомандующимъ дѣйствующею арміею, графъ Дибичъ, дѣятельно занимался приготовлениями къ предстоящей кампаніи, несмотря на время года столь для нея невыгодное. Ожидавшія нашу армію, въ самомъ началѣ кампаніи, затрудненія отъ снѣговъ и переправъ не могли не благоприятствовать неприятелю. Гвардейскій корпусъ, подъ начальствомъ великаго князя Михаила Павловича, также выступилъ въ походъ. Фельдмаршалъ оставилъ Петербургъ въ половинѣ декабря. Армія наша перешла границы имперіи и вступила въ предѣлы Царства, 25-го января 1831 г.

1831 годъ.

Походъ въ Польшу.—Графъ Дибичъ.—Его дѣйствія подъ пражскими укрѣпленіями.—Его кончина.—Холера въ Петербургѣ.—Кончина цесаревича Константина Павловича.—Безпокойства въ Петербургѣ.—Появленіе государя на Сѣвной площади.—Холера и бунтъ въ Новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ.—Императоръ Николай въ военныхъ поселеніяхъ.—Взятіе Варшавы.—Верховный судъ въ Польшѣ.—Привезеніе тѣла цесаревича Константина Павловича въ Петербургъ.—Поездка государя въ Москву.—Преобразование въ Польшѣ.—Польскія знамена и конституціонная хартія въ Оружейной палатѣ.—Поездка въ Троицко-Сергіевскую лавру и Ярославль.—Кончина княгини Ловичъ.

Было полное основаніе опасаться, что распущенное въ Царствѣ знамя польской независимости, потрясетъ вѣрность литовскаго корпуса, котораго болѣе половины офицеровъ и солдатъ были уроженцы Западныхъ губерній. И дѣйствительно, одинъ капитанъ покусился было совратить свою роту, но не успѣвъ увлечь ее къ переходу границу для присоединенія къ бунтовщикамъ, бросился туда одинъ: пуля унтеръ-офицера той-же роты положила его на мѣстѣ. Нѣсколько другихъ офицеровъ и одинъ подпрапорщикъ успѣли дезертировать къ непріятелю; но масса войскъ явно выказывала свое негодованіе противъ такой измѣны и старалась усиленнымъ рвеніемъ омыть падавшее на нихъ подозрѣніе. Несмотря на то, государь призналъ нужнымъ перевести нѣкоторыхъ офицеровъ, въ особенности же высшихъ чиновъ, въ другіе корпуса и замѣнить ихъ выбранными изъ всѣхъ полковъ гвардіи.

Еще болѣе поводовъ къ опасеніямъ давали губерніи, возвращенныя Россіи при двухъ послѣднихъ раздѣлахъ Польши.

Первыя достигшія туда извѣстія о Варшавскомъ бунтѣ удивляли и испугали даже самыхъ ревностныхъ патріотовъ. Первымъ движеніемъ дворянства было заявить о его вѣрности и преданности русскому престолу. Адресы о томъ приходили въ Петербургъ одинъ за другимъ, но не казались правительству достаточнымъ ручательствомъ для ослабленія принятыхъ имъ мѣръ предосторожности.

Прежде всего обращено было вниманіе на губерніи Витебскую и Могилевскую, и именной высочайшей указъ ввелъ въ нихъ русскіе законы и весь административный порядокъ великороссійскихъ губерній. Главною цѣлью такой мѣры было доказать полякамъ, что эти старинныя наши завоеванія навсегда и нераздѣльно присоединены къ составу имперіи и что отторгнуть ихъ Польшѣ можно-бы было лишь по сокрушеніи нашей власти.

Въ февралѣ войска наши, въ побѣдномъ своемъ шествіи, уже нахо-

дѣлись передъ Прагою. 13-го числа послѣдовалъ рѣшительный бой, заставившій польскую армію отступить подъ защиту пражскихъ орудій. Въ Варшавѣ распространился общій ужасъ. Мостъ черезъ Вислу былъ покрытъ бѣгущими; безпорядокъ сдѣлался общимъ; мятежная столица уже видѣла себя на краю гибели и выбирала депутацію для поднесенія побѣдителя ключей и испрошенія помилованія. Еще одно усиліе, чтобы овладѣть Прагскими укрѣпленіями, Варшава была-бы наша и революція окончена. Но въ эту рѣшительную минуту звѣзда фельдмаршала Дибича померкла. Онъ заколебался, велѣлъ войскамъ построиться въ колонны для атаки, повелъ ихъ, но потомъ самъ остановилъ ихъ порывъ и такимъ образомъ задержалъ побѣду, а съ нею и развязку дѣла. Онъ утратилъ свою славу и изъ экспедиціи, которой слѣдовало быть однимъ громовымъ ударомъ, брошеннымъ рукою могущественнаго владыки Россіи на слабыхъ мятежниковъ маленькаго Царства Польскаго, развилъ продолжительную и кровавую войну. Съ этого времени, убѣдившись самъ, но уже поздно, въ неизвѣнительной своей ошибкѣ и тщетно искавъ ее поправить, Дибичъ потерялъ всю энергію и то, можетъ быть преувеличенное, довѣріе, которое питалъ къ своимъ дарованіямъ. Въ упомянутую выше минуту, когда онъ велъ свои колонны на Прагскія укрѣпленія, одинъ генералъ далъ ему совѣтъ приостановить нападеніе, чтобы избѣжать кровопролитія, и онъ имѣлъ слабость его послушаться. Дибичъ никогда не хотѣлъ назвать этого генерала по имени и тайну свою унесъ въ гробъ; но на смертномъ одрѣ сказалъ графу Орлову: «Мнѣ дали этотъ пагубный совѣтъ; послѣдовалъ ему, я провинился передъ государемъ и Россією. Главнокомандующій одинъ отвѣчаетъ за всѣ свои дѣйствія.» Заслуженная Дибичемъ укоризна глубоко отозвалась въ благородномъ сердцѣ его, преданномъ государю и Россіи, и погасила его твердость и таланты. Думаешь, что совѣтъ, остановившій карательный мечъ, поднятый имъ надъ крамольною Варшавою, принадлежалъ цесаревичу Константину Павловичу. Видь этого города, гдѣ цесаревичъ жилъ и начальствовалъ въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, гдѣ образовались его связи и устроился его бракъ, гдѣ укрѣпились всѣ его привычки, видь этого города въ минуту грозящаго ему бѣдствія могъ тронуть сердце цесаревича и внушить ему мысль о спасеніи Варшавы. Если точно имъ данъ былъ этотъ совѣтъ, то онъ понесъ жестокое наказаніе въ горестяхъ и униженіи, не перестававшихъ съ тѣхъ поръ его преслѣдовать и низведшихъ его вскорѣ въ гробъ, вдали отъ сбереженной имъ Варшавы.

Холера, свирѣпствовавшая въ войскахъ, дѣйствовавшихъ въ Царствѣ Польскомъ, одною изъ послѣднихъ почти жертвъ своихъ избрала фельдмаршала Дибича, подготовленнаго, такъ сказать, къ этой болѣзни терзавшимъ его раскаяніемъ и неудачами нашихъ военныхъ операцій.

Онъ страдалъ всего лишь нѣсколько часовъ и испустилъ духъ въ присутствіи графа А. Ѳ. Орлова, только что прибывшаго въ армію, съ порученіемъ государя ободрить фельдмаршала и, вмѣстѣ, указать погрѣшности, которыя были замѣчены въ его дѣйствіяхъ и которыя самъ онъ слишкомъ хорошо чувствовалъ. Онъ умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ, послѣ блестящаго поприща, омраченнаго единственно этой кампаніей. Армія и Россія почти обрадовались его смерти, приписывая ему одному срамъ столь продолжительной борьбы противъ польской революціи. Государь и всѣ ближе знавшіе Дибича оплакали въ немъ человѣка прямодушнаго, ревностнаго слугу царскаго и доблестнаго, преданнаго гражданина. Онъ былъ замѣненъ вызваннымъ съ Кавказа фельдмаршаломъ Паскевичемъ.

Въ то время какъ смерть Дибича остановила наши военныя дѣйствія, какъ мятежъ болѣе и болѣе распространялся въ нашихъ западныхъ губерніяхъ и какъ въ Литвѣ онъ былъ усиленъ и поддержанъ вторгнувшимися туда корпусомъ Гельгуда, въ С.-Петербургѣ вдругъ впервые появилась холера.

Государь изъ Петергофа, гдѣ имѣла пребываніе императорская фамилія, тотчасъ поспѣшилъ въ столицу, для принятія первыхъ мѣръ противъ этого грознаго бича. Онъ велѣлъ устроить больницы во всѣхъ главнѣйшихъ пунктахъ города; назначилъ окружныхъ начальниковъ для надзора за ними и для подаванія пособія немущамъ и въ особенноти осиротѣлымъ отъ болѣзни; наконецъ, приказалъ немедленно вывести кадетскіе корпуса въ Петергофъ. Послѣ всѣхъ этихъ распоряженій, государь самъ возвратился въ Петергофъ и приказалъ мнѣ явиться къ нему на другой день.

Вечеромъ этого дня, на пути уже моемъ въ Петергофъ, встрѣтилъ меня фельдъегерь, который, остановивъ коляску, подалъ мнѣ записку отъ князя Волконскаго, требовавшаго, именованъ государя, неотложнаго моего прибытія. Нѣсколько удивленный сими, такъ какъ пріѣзда моего въ Петергофъ уже и безъ того ожидали, я, однакоже, велѣлъ погонять лошадей и вскорѣ домчался до маленькаго домака, занимаемаго государемъ. Первые попавшіяся мнѣ лица, были два доктора императрицы. Ихъ озабоченный видъ крайне меня испугалъ. Едва я успѣлъ, на вопросъ мой, услышать, что императрицѣ сейчасъ пускали кровь, какъ вышелъ государь, весь въ слезахъ, я, схвативъ меня за руку, увлекъ въ свой кабинетъ. Здѣсь, въ такомъ волненіи какъ мнѣ никогда не случилось его видѣть, онъ передалъ мнѣ полученное имъ извѣстіе, что рать его, Константинъ Павловичъ — скончался отъ холеры.

Послѣ упомянутаго выше сраженія подъ Прагою, Константинъ Павловичъ сталъ дуться на Дибича и, въ одномъ изъ припадковъ своего неудовольствія, оставилъ армію и уѣхалъ въ Бѣлостокъ, который,

впрочемъ, долженъ былъ скорѣе также оставить, по случаю вторженія Хлопицкаго. Тогда онъ съ супругою своею сперва укрылся въ Минскѣ, а потомъ, при дальнѣйшемъ распространеніи мятежа, переѣхалъ, въ сопровожденіи какихъ нибудь двадцати жандармовъ и части государева черкесскаго конвоя, въ Витебскъ. Здѣсь, въ раздумьи о томъ, что ему дѣлать, не рѣшаясь отправиться по зову брата въ Петербургъ, чувствуя всю неловкость своего положенія, онъ чувствовалъ себя самымъ несчастнымъ человѣкомъ. Бывъ, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль русскимъ императоромъ, онъ не видѣлъ теперь, во всемъ обширномъ Русскомъ царствѣ, ни одного угла, гдѣ-бы могъ преклонить голову! Душевное уныніе сообщило его тѣлу воспримчивость къ холерѣ. Прострадавъ лишь нѣсколько часовъ, онъ скончался 15-го іюня. Когда я прочелъ печальныя подробности этой внезапной кончины, государь сказалъ мнѣ, что, желая дать очевидное доказательство живаго участія, пріемлемаго имъ въ положеніи несчастной вдовы цесаревича, онъ сейчасъ отправляетъ меня къ княгинѣ Ловичъ, съ изъявленія ей своего собогѣзнованія и съ приглашеніемъ пріѣхать въ Петербургъ, при тѣлѣ ея мужа, котораго она не рѣшалась оставить. Чувствуя себя, при выѣздѣ изъ города, совершенно здоровымъ, я вышелъ изъ государева кабинета, больнымъ. Относя это единственно къ печальнымъ ощущеніямъ отъ неожиданной вѣсти о кончинѣ цесаревича, я пошелъ въ свои комнаты, чтобы распорядиться приготовленіями къ предстоящей поѣздкѣ; но едва успѣлъ, кончивъ ихъ, прилечь, какъ во мнѣ открылись всѣ признаки холеры. Прибывшій въ эту минуту изъ Петербурга врачъ государевъ Арендтъ, прибѣжавъ ко мнѣ, испугался при видѣ перемѣны въ моемъ лицѣ. Послѣ данныхъ имъ лекарствъ и горячей ванны, откуда меня вынули безъ чувствъ, мнѣ сдѣлалось нѣсколько легче. Тотчасъ взяты были всевозможныя предосторожности для охраненія царскаго жилища отъ привезенной мною заразы, а въ Витебскъ послали, разумѣется, другаго. Но государь, въ ту же еще ночь навѣстилъ меня и потомъ, въ теченіе слишкомъ трехъ недѣль, каждый день удостоивалъ меня своимъ посѣщеніемъ и продолжительною бесѣдою, предметы которой представляли, впрочемъ, обыкновенно мало отраднаго. Графъ Толстой, командовавшій резервною арміею, все еще не могъ сладить съ Гелгудомъ и другими шайками, наводившими Литовскія губерніи; армія наша въ Царствѣ Польскомъ, измученная холерою, безпрестанными передвиженіями и страшными жарамы того лѣта, упала духомъ. Наконецъ холера въ Петербургѣ, возрастая до ужасающихъ размѣровъ, напугала всѣ классы населенія и въ особенности простонародіе, которое всѣ мѣры для охраненія его здоровья, усиленный полицейскій надзоръ, оцѣпленіе города и даже уходъ за пораженными холерою въ больницахъ, начало считать преднамѣрен-

нымъ отравленіемъ. Стали собираться въ скопища, останавливать на улицахъ иностранцевъ, обыскивать ихъ для открытія носимаго при себѣ мнимаго яда, гласно обвинять врачей въ отравленіи народа. На послѣдокъ, возбудивъ сама себя этими толками и подозрѣніями, чернь столпилась на Сѣнной площади и, посреди многихъ другихъ безчинствъ, бросилась съ яростію разсвирѣпѣвшаго звѣря на домъ, въ которомъ была устроена временная больница. Всѣ этажи въ одну минуту наполнились этими бѣшенными, которые разбили окна, выбросили мебель на улицу, изранили и выкинули больныхъ, приболотили до полусмерти больничную прислугу и самымъ безчеловѣчнымъ образомъ умертвили нѣсколькихъ врачей. Полицейскіе чины, со всѣхъ сторонъ тѣснимые, прятались или ходили между толпами переодѣтыми, не смѣя употребить своей власти. Наконецъ военный генераль-губернаторъ графъ Эссенъ, показавшійся среди сборища, равномерно не успѣлъ восстановить порядка и также долженъ былъ укрыться отъ изступленной толпы. Въ недоумѣніи, что предпринять, городское начальство собралось у графа Эссена, куда прибылъ и командовавшій въ Петербургѣ гвардейскими войсками, графъ Васильчиковъ. Послѣ предварительнаго совѣщанія, послѣдній привелъ на Сѣнную батальонъ Семеновскаго полка, съ барабаннымъ боемъ. Это хотя и заставило народъ разойтись съ площади въ боковыя улицы, но нисколько его не усмирило и не заставило образумиться. На ночь волненіе нѣсколько стихло, но все еще городъ былъ далекъ отъ обыкновеннаго порядка.

Государь, по донесенію о всемъ происшедшемъ въ Петербургѣ, велѣвъ, чтобы къ утру всѣ наличныя войска были готовы выступить подъ ружье, а военныя власти собрались бы у Елагинскаго моста, прибылъ самъ изъ Петергофа на пароходѣ «Ижора» въ сопровожденіи князя Меншикова. Бывъ пораженъ видомъ унылыхъ лицъ всѣхъ начальниковъ, онъ, по выслушаніи подробныхъ ихъ разсказовъ, приказалъ прежде всего приготовить себѣ верховую лошадь, которая не пугалась бы выстрѣловъ, и потомъ, взявъ съ собою Меншикова, поѣхалъ въ коляскѣ на Сѣнную, гдѣ лежали еще тѣла павшихъ наканунѣ и которая была покрыта сплошною массою народа, продолжавшаго волноваться и шумѣть. Государь остановилъ свою коляску въ серединѣ скопища, всталъ въ ней, окинулъ взглядомъ тѣснившихся около него и громовымъ голосомъ закричалъ «на колѣни!» Вся эта многотысячная толпа, снявъ шапки, тотчасъ припала къ землѣ. Тогда, обратясь къ церкви Спаса, онъ сказалъ: «Я пришелъ просить милосердія Божія за ваши грѣхи; молитесь Ему о прощеніи; вы Его жестоко оскорбили. Русскіе-ли вы? Вы подражаете французамъ и полякамъ; вы забыли вашъ долгъ покорности мнѣ; я съумѣю привести васъ къ порядку и наказать виновныхъ. За ваше поведеніе въ отвѣтъ передъ Богомъ — Я.

Отворить церковь: молитесь въ ней за упокой душъ невинно убитыхъ вами». Эти мощныя слова, произнесенныя такъ громко и внятно, что ихъ можно было слышать съ одного конца площади до другого, произвели волшебное дѣйствіе. Вся эта сплошная масса, за мигъ передъ тѣмъ столь буйная, вдругъ умолкла, опустила глаза передъ грознымъ повелителемъ и въ слезахъ стала креститься. Государь, также перекрестившись, прибавилъ: «Приказываю вамъ сейчасъ разойтись, идти по домамъ и слушаться всего, что я велѣлъ дѣлать для собственнаго вашего блага».—Толпа благоговѣнно поклонилась своему царю и послѣшила повиноваться его волѣ.

Порядокъ былъ восстановленъ, и всѣ благословляли твердость и мужественную радѣтельность государя. Въ тотъ же день онъ объѣхалъ всѣ части города и всѣ войска, которыя, изъ предосторожности отъ холеры, были выведены изъ казармъ и стояли въ палаткахъ по разнымъ площадямъ. Вездѣ онъ останавливался и обращалъ по нѣсколько словъ начальникамъ и солдатамъ: вездѣ его принимали съ радостными кликами и появленіе его водворяло повсюду тишину и спокойствіе. Въ тотъ же день онъ назначилъ своихъ генераль-адъютантовъ князя Трубецкаго и графа Орлова въ помощь графу Эссену, распредѣлялъ между ними многочислѣннѣйшія части города и велѣлъ составить особую комиссію подъ своимъ предсѣдательствомъ, для слѣдствія и суда надъ зачинщиками народнаго буйства и главными въ немъ участниками. Состояніе моего здоровья, впрочемъ, лишь черезъ нѣсколько недѣль позволило мнѣ пріѣхать въ городъ, а до тѣхъ поръ работа была подготавлиаема генераломъ Перовскимъ и директоромъ моей канцеляріи—Фокомъ.

Къ вечеру государь возвратился въ Петергофъ, гдѣ изъ предосторожности приготовлены были въ Монплеzirъ, для него и сопровождавшихъ его лицъ, ванны и другое платье. Съ тѣхъ поръ онъ, во все продолженіе болѣзни, бывалъ въ Петербургѣ отъ двухъ до трехъ разъ въ недѣлю и каждый разъ объѣзжалъ тамъ улицы и лагери.

Но холера не уменьшалась; весь городъ былъ въ страхѣ; несмотря на значительное число вновь устроенныхъ больницъ, ихъ становилось мало, священники едва успѣвали отпѣвать трупы, умирало до 600 человекъ въ день. Эпидемія похитила у государства и у службы много людей отличныхъ. Инженеръ-генералъ Опшерманъ умеръ въ нѣсколько часовъ, въ твердой увѣренности, что его отравили стаканомъ воды, до того симптомы болѣзни походили на дѣйствіе яда. Графъ Станиславъ Потоцкій страдалъ нѣсколько болѣе. На каждомъ шагу встрѣчались траурныя одежды и слышались рыданія. Духота въ воздухѣ стояла нестерпимая. Небо было накалено какъ-бы на далекомъ югѣ, и ни одно облачко не застигало его синевы, трава поблекла отъ страшной засухи—вездѣ горѣли лѣса и трескалась земля. Дворъ переѣхалъ изъ Петер-

гофа въ Царское Село, куда переведены были и кадетскіе корпуса. Но за исключеніемъ Царскаго Села, холера распространилась и по всѣмъ окрестностямъ столицы. Народъ страдалъ отъ препонъ, которыя полагались торговлѣ и промышленности. Правительство должно было работать за всѣхъ, подавая руку помощи нуждавшимся, предупреждая безпорядки и заботясь о народномъ продовольствіи.

Наконецъ зараза проникла и въ Новгородскія военныя поселенія. Несмотря на всѣ перемѣны, внесенныя въ нихъ императоромъ Николаемъ, сѣмя общаго неудовольствія, возвращенное между поселянами коренными основами первоначальнаго ихъ образованія и стѣснительнымъ управленіемъ Аракчеева, еще продолжало въ нихъ корениться. Прежніе обыватели этихъ мѣстъ, оторванные отъ покоя и независимости сельскаго состоянія и подчиненные строгой дисциплинѣ и трудамъ военнымъ, покорялись и той и другимъ лишь противъ воли. Введенные въ нихъ составъ солдаты, скучая однообразіемъ безпрестанной работы и мелочными требованіями, были столь-же недовольны своимъ положеніемъ какъ и прежніе крестьяне. Достаточно было одной искры, чтобы вспыхнуло общее пламя безпокойства. Холера и слухи объ отравѣ послужили къ тому лишь предлогомъ. Военные поселяне, возбуждая другъ друга, дали волю давнишней своей ненависти къ начальству и бросились съ яростію на офицеровъ и врачей. Всѣ округи огласились общемъ воплемъ, требовавшимъ смерти офицеровъ и отравителей; всякій, кто не могъ спастись отъ нихъ скорымъ бѣгствомъ, былъ безпощадно убиваемъ, и одно только поселеніе 1-го Карабинернаго полка не приняло никакого участія въ этихъ звѣрскихъ кровопролитіяхъ. Резервные батальоны тѣхъ полковъ, которые такъ мужественно дрались въ Польшѣ, равнодушно смотрѣли на совершавшіяся въ ихъ глазахъ неистовства, и хотя не уклонялись прямо отъ повиновенія, но очень вяло исполняли приказанія своихъ начальниковъ. Уже люди злонамѣренные начинали являться для направленія этого гнуснаго возстанія, уже эмиссары старались возбудить окрестныхъ помѣщичьихъ крестьянъ противъ ихъ владѣльцевъ. Въ Старой Руссѣ народъ бросился на помѣщеніе полиціи, умертвилъ городничаго, нанесъ жестокіе побои прочимъ полицейскимъ чиновникамъ, разбилъ питейные дома и въ торжествѣ бѣгалъ по опустѣлымъ улицамъ. Генералы собрали батальоны, но не отваживались идти на бунтовщиковъ, въ опасеніи, что приказанія ихъ останутся неисполненными. Все, что еще оставалось на сторонѣ законной власти, было погружено въ уныніе и бездѣйствовало.

Но, среди произведенныхъ безчинствъ, поселяне сами испугались всего ими совершеннаго и рѣшились послать депутацію къ государю. Нѣкоторые изъ числа ихъ повѣренныхъ были остановлены за станцію до Царскаго Села, другіе прошли прямо въ Петербургъ. Государь по-

желалъ видѣть этихъ людей и приказалъ графу Орлову привести ихъ въ Ижору, куда взялъ и меня съ собою. Когда они предстали передъ его величествомъ, то онъ велѣлъ всѣмъ стать на колѣни, строго изобразилъ имъ всю гнусность ихъ поступковъ и всю тягость заслуженнаго ими наказанія. — «Ступайте домой — заключилъ онъ — и скажите вашимъ, что я пришлю моего генераль-адъютанта Орлова, чтобы провѣдѣсти строжайшее разысканіе и принять надъ вами начальство. Смотрите-же слушаться его».

Орловъ вслѣдъ затѣмъ поѣхалъ въ поселенія. Его твердость, присутствіе духа и значеніе, которое давала ему присылка отъ высочайшаго имени, ободрили начальниковъ и утвердили повиновеніе въ колебавшихся солдатахъ.

Но государь хотѣлъ самъ все лично видѣть и потушить въ его началѣ бунтъ, угрожавшій самыми опасными послѣдствіями. Онъ отправился въ поселенія совершенно одинъ, оставя императрицу въ послѣднемъ періодѣ ея беременности и въ смертельномъ безпокойствѣ, по случаю этой отважной поѣздки. Постоянный рабъ своихъ царственныхъ обязанностей, государь исполнялъ то, что считалъ своимъ долгомъ, ничто, лично до него относившееся, не въ силахъ было остановить его.

Онъ пріѣхалъ прямо въ округъ военныхъ поселеній и предсталъ передъ собранными батальонами, запытавшими себя кровью своихъ офицеровъ. Лицъ ему не было видно; всѣ преступники лежали распростертыми на землѣ, ожидая безмолвно и трепетно монаршаго суда. Повторивъ сказанное ихъ депутатамъ, государь приказалъ вывести изъ рядовъ главныхъ виновныхъ и предать ихъ немедленно военному суду. Все было исполнено съ слѣпою покорностію. Одному батальону, еще болѣе другихъ осквернившему себя злодѣянiami и также лежавшему лицомъ къ землѣ, государь тутъ же велѣлъ выйти изъ эзерциргауза и идти немедленно, въ полномъ его составѣ, въ Петербургъ, гдѣ людей размѣстятъ по крѣпостямъ, подвергнуть суду и выключать изъ списковъ. Весь батальонъ поднялся, повернулся направо и пошелъ, въ величайшемъ порядкѣ, къ мѣсту своего назначенія. Ни одинъ солдатъ не отважился даже попросить позволенія проститься съ семьей или взять что-нибудь изъ своего имущества.

Потомъ государь обратился къ начальникамъ, отдалъ имъ приказанія о составѣ военно-судныхъ комиссій и о дальнѣйшихъ распоряженіяхъ для востановленія порядка. Старорусскіе жители также хотѣли просить себѣ помилованія, но государь, наиболѣе противъ нихъ раздраженный, отозвался, что его ногъ не будетъ въ ихъ преступномъ городѣ и что ихъ разберетъ также военный судъ.

Между тѣмъ обнаружившіяся на дѣлѣ пагубныя послѣдствія суще-

ствования военныхъ поселеній, почти у воротъ столицы, и глубоко укоренившася въ поселеніяхъ неудовольствія къ своему положенію, не могли не обратить на себя особеннаго вниманія. Явилась необходимость измѣнять начала устройства поселеній и уничтожить этотъ духъ братства и совокупныхъ интересовъ, который изъ двѣнадцати гренадерскихъ полковъ составлялъ какъ бы отдѣльную и притомъ вооруженную общину, разъединенную и отъ арміи, и отъ народа. Но какъ послѣ случившагося надлежало избѣгать малѣйшей уступки, то ко всѣмъ перемѣнамъ было приступлено уже позже и при томъ болѣе въ видѣ наказанія. Одинъ 1-й Карабинерный полкъ, въ награду за свое поведеніе, остался на прежнемъ своемъ положеніи; во всѣхъ прочихъ велѣно дѣтей поселянъ, причислявшихся прежде къ своимъ полкамъ, распредѣлять безъ разбора по полкамъ армейскимъ; убить въ гренадерскихъ полкахъ пополяить рекрутами изъ всѣхъ губерній; отдѣлять солдатъ отъ поселянъ, оставляя первыхъ только на жительствѣ у послѣднихъ, какъ вообще въ деревняхъ, и обложить поселянъ денежными сборами. Впослѣдствіи помѣщенія двухъ гренадерскихъ полковъ были заняты двумя гвардейскими кавалерійскими полками, квартировавшими прежде въ Варшавѣ, а помѣщеніе третьяго отведено подѣ кадетскій корпусъ.

Изъ этой поѣздки, составлявшей столь блестящую страницу въ царствованіи императора Николая,—онъ успѣлъ возвратиться ко времени разрѣшенія августѣйшей своей супруги. Богъ обрадовалъ его рожденіемъ сына, Николая. Послѣ всѣхъ испытанныхъ напастей, это радостное событіе было первымъ свѣтлымъ проблескомъ и какъ бы началомъ новой, лучшей эпохи въ его жизни. Въ прошедшемъ все было омрачено печалью и бѣдствіями, надъ будущимъ висѣла, казалось, такая же черная туча. Война въ Польшѣ, бунтъ въ Западныхъ губерніяхъ, страшная смертность въ столицахъ, мятежъ на Сѣвной и въ военныхъ поселеніяхъ,—все это мало обѣщало хорошаго. И вдругъ все измѣнилось: съ каждымъ курьеромъ стали приходять, одна за другою, лишь добрыя вѣсти.

Донесеніе о блестящемъ и кровопролитномъ занятіи Варшавы фельдмаршаломъ Паскевичемъ было прислано съ флигель-адъютантомъ княземъ Суворовымъ, который засталъ государя въ Царскомъ Селѣ. За два дня до того получены были отъ фельдмаршала его приказъ и диспозиція для штурма Варшавы, и легко представить себѣ, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидался дальнѣйшія извѣстія, въ какомъ безпокойствѣ провели эти двое сутокъ тѣ, которымъ было извѣстно настоящее. Окружавшая Царское Село цѣпь, остановила Суворова. Государь самъ къ нему выѣхалъ и привезъ его въ торжествѣ во дворецъ. Какъ всегда, первымъ движеніемъ великаго нашего монарха было возблагодарить Бога. Въ нѣсколько минутъ дворецъ наполнился людьми, и всѣ были внѣ себя отъ радости.

Когда съ паденіемъ Модлина и Замосья, все Царство было покорено и вездѣ возстановилось спокойствіе, государь пожаловалъ фельдмаршалу титулъ князя Варшавскаго и осыпалъ щедрыми наградами всѣхъ героевъ мнужшей войны. Въ Царствѣ было учреждено, подѣ начальствомъ князя Паскевича, временное правительство, съ приобщеніемъ къ его составу тѣхъ немногихъ поляковъ, которые, бывъ менѣе другихъ замѣшаны въ подавленномъ бунтѣ, могли и захотѣли вступать въ новое управленіе. Польская армія была расформирована, какъ недостойная служить царю послѣ измѣны своей; вмѣстѣ съ тѣмъ былъ уничтоженъ польскій военный мундиръ, а небольшому числу сохранившихъ долгъ вѣрности данъ русскій.

Гвардейскій корпусъ, столь мужественно подвизавшійся въ эту войну, получилъ повелѣніе немедленно возвратиться въ Петербургъ. Гренадерскій корпусъ отправился къ мѣстамъ своего расположенія, а всѣ прочія войска, за изытіемъ 2-го и 3-го корпусовъ, возвратились въ наши предѣлы. Австрія и Пруссія, не мало затрудненныя многочисленными шайками поляковъ, которыя, избѣгая нашего преслѣдованія, перешли въ ихъ владѣнія, принуждены были прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ, по случаю мятежнаго духа этихъ выходцевъ. Много польскихъ генераловъ и офицеровъ разсѣялось по разнымъ странамъ и понесли свою ненависть и вопль противъ Россіи въ Парижъ, Лондонъ, Бельгію и даже въ Америку. Изъ солдатъ послѣдовало за ними очень небольшое число, масса же ихъ осталась въ Галиціи и Познанской области, гдѣ занялась земледѣліемъ и ремеслами. Изъявившимъ желаніе возвратиться въ Царство, это было позволено, въ силу общей амнистіи, дарованной государемъ всѣмъ, не принадлежавшимъ къ числу главныхъ дѣятелей мятежа. Срокъ для сего возвращенія былъ дважды продолженъ; но почти всѣ офицеры предпочли скитаться по лицу Европы, гдѣ они были всюду встрѣчаемы безразсудною симпатіей. Франція, въ особенности, снабжала этихъ эмигрантовъ деньгами и средствами къ переѣздамъ, а Германія привѣтствовала ихъ съ распростертыми объятіями. Но вскорѣ безлутное ихъ поведеніе, наклонность къ возбужденію смуть и особливо безумное мотовство, ослабивъ то участіе, которое они успѣли впушить на первыхъ порахъ, заставляли смотрѣть на нихъ, какъ на гостей безпокойныхъ и опасныхъ и забыть ихъ дѣло или даже осуждать его.

Въ Царствѣ былъ учрежденъ верховный судъ надъ главными виновниками мятежа. Разряды ихъ были опредѣлены со всею снисходительностью, для возможнаго уменьшенія числа осужденныхъ. Всѣ остальные, не подошедшіе подѣ разряды, были прощены и каждому было разрѣшено пользоваться прежними его правами гражданства и собственности.

Пока все это происходило въ Польшѣ—въ Петербургъ привезли тѣло цесаревича Константина Павловича, которое было погребено въ Петропавловскомъ соборѣ, со всѣми подобавшими высокому его сану почестями. Княгиня Ловичъ, сопровождавшая брѣнные останки своего супруга до Петербурга, была принята государемъ и императрицею съ самыми искреннимъ радушіемъ и помѣщена въ Елагинскомъ дворцѣ, а послѣ въ Царскомъ Селѣ. Болѣзненная, печальная, убитая судьбою, неумолчно оплакивавшая того, который возвелъ ее на степень невѣстки царской и не переставалъ до конца своихъ дней питать къ ней самую нѣжную привязанность и дружбу, она не хотѣла никого видѣть и заключилась въ своей скорби. Только для меня сдѣлано было исключеніе, такъ какъ въ послѣднее время я состоялъ въ постоянной перепискѣ съ цесаревичемъ и притомъ жилъ въ одномъ изъ флигелей того дворца, который она занимала. Я нашелъ, что умъ и сердце ея сохранили всю прежнюю теплоту и живость; но постигшій ее ударъ и несчастіе горячо любимой ею отчизны сильно подѣйствовали на ея нервы и разстроили воображеніе. Она съ жаромъ заступалась за образъ дѣйствія своего покойнаго супруга и старалась, если не оправдать, то по крайней мѣрѣ ослабить безразсудство и неблагодарность своихъ соотечественниковъ. Вся ея бесѣда свидѣтельствовала о сильномъ волненіи, въ конецъ разрушавшемъ остатокъ жизненныхъ силъ, уже истощенныхъ слабымъ сложеніемъ.—Вскорѣ княгиня пала жертвой нервическаго недуга. Подобно императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, она не могла пережить своего супруга.

Бѣдствія, цѣлый годъ тяготѣвшія надъ Россіею, окончились. Не было больше ни войны, ни бунтовъ, ни холеры. Государь, поспѣшившій прежде раздѣлить съ Москвою угрожавшую ей опасность, пожелалъ теперь снова видѣть древнюю столицу въ ту минуту, когда, съ возстановленіемъ міра и спокойствія, исчезли всѣ опасенія.

11-го октября, мы прибыли въ Кремль, а черезъ три дня пріѣхала туда императрица съ наследникомъ, къ общему восторгу жителей. Площадь передъ дворцомъ съ утра до ночи кипѣла народомъ, надѣявшимся увидѣть кого-нибудь изъ членовъ императорской фамиліи хоть въ окошко. При ихъ выѣздахъ, толпа бѣжала имъ на встрѣчу и сопровождала радостными криками ихъ экипажи. Государь, посѣщая съ обычною своею дѣятельностью общественныя заведенія, работалъ между тѣмъ неуслышно надъ преобразованіемъ управленія Царства Польскаго и надъ сляніемъ западныхъ нашихъ губерній, въ отношеніи къ ихъ законамъ и обычаямъ, съ великороссійскими. Дано было новое направленіе Виленскому университету и другимъ мѣстнымъ училищамъ, введеніемъ въ нихъ преподаванія русскаго языка, какъ основы всего ученія. Бездомное и вѣчно безпокойное сословіе шляхты было отдѣлено, въ правахъ

и привилегіяхъ своихъ, отъ истиннаго дворянства и обращено въ нѣчто среднее между помѣщикомъ и землевладѣльцемъ. Наконецъ, присутственныя мѣста и должностныя лица, вмѣсто прежнихъ польскихъ своихъ названій, получали тѣ же, какъ и въ Россіи.

Въ это пребываніе Двора въ Москвѣ, привезли туда всѣ знамена и штандарты бывшей польской арміи, и государь приказалъ поставить ихъ въ Оружейную палату, въ числѣ трофеевъ, скопленныхъ тутъ вѣками. Тамъ же, на полу, у подножья императора Александра, была положена и хартія, нѣкогда имъ пожалованная Царству Польскому и самимъ же имъ въ послѣдній годъ царствованія оплаканная, какъ актъ великодушія, столь же предосудительный для политической будущности Царства, сколько оскорбительный для самолюбія Русской имперіи.

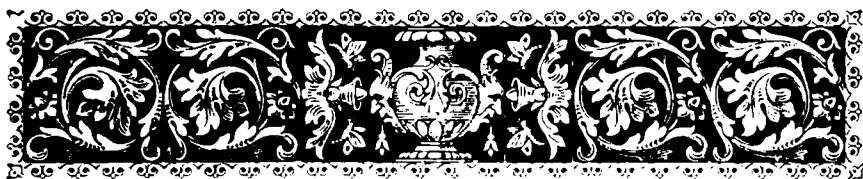
Государь оставилъ императрицу на нѣсколько дней, чтобы съѣздить въ Ярославль. На пути туда, мы ночью посѣтили знаменитую Троицко-Сергіевскую Лавру. Архимандритъ съ братією встрѣтили насъ у Святыхъ воротъ съ зажженными свѣчами. Несмотря на 12° мороза, государь пошелъ съ непокрытою головою черезъ дворъ и корридоры, въ ту древнюю и великолѣпно-украшенную церковь, гдѣ нѣкогда, въ польскую осаду, иноки, ослабленные трудами защиты, голодомъ и ранами, собрались въ ожиданіи конечнаго штурма и неминуемой смерти, для причащенія въ послѣдній разъ св. тайнъ,—а вмѣсто того послѣдовало неожиданное отступленіе непріятели. Воспоминанія этой сцены, древность зданія, посвященнаго молитвѣ, окружавшій насъ мракъ, разсѣиваемый лишь свѣтомъ свѣчей, едва достаточнымъ, чтобы видѣть золото и драгоценныя камни на иконахъ,—все это вмѣстѣ произвело во мнѣ глубокое и благоговѣйное умиленіе. Монахи проводили государя обратно до его саней, и, поѣхавъ далѣе, мы около обѣда прибыли въ Ростовъ, гдѣ все народонаселеніе высыпало передъ соборомъ. Помолвившись въ немъ, государь остановился въ отведенномъ для него домѣ одного изъ значительнѣйшихъ мѣстныхъ купцовъ, отъ котораго, послѣ разспросовъ о торговлѣ этого города, принявъ и обѣдъ, подаанный съ привычнымъ русскимъ хлѣбосольствомъ. Вечеромъ мы пріѣхали въ Ярославль, коего улицы были усеяны народомъ и дома ярко освѣщены. Общій восторгъ выразился здѣсь еще явственнѣе, чѣмъ въ Москвѣ. Государь уже давно находился въ своихъ комнатахъ, а крики все не умолкали, возобновляясь иногда съ большею еще силою. Пришлось наконецъ выслать сказать, что государь усталъ отъ дороги и хочетъ спать: только тогда толпа разошлась, но съ ранняго утра она снова уже стояла подъ его окнами—Государь посѣтилъ соборъ и общественныя заведенія, въ томъ числѣ и Демидовскій лицей, этотъ благородный памятникъ щедрости русскаго вельможи. Украшеніе города, нивелировка Волжской набережной, фабрики шелковыхъ и льняныхъ надѣлій и прекрасный Спас-

скій монастырь— обратили на себя его особенное вниманіе. Дворянство дало для него балъ въ своемъ общественномъ домѣ, въ которомъ помѣщается Приказъ общественнаго призрѣнія и училище для немущихъ дѣтей обоюга пола. Осмотрѣвъ все и отдавъ соотвѣтственныя нуждамъ и потребностямъ приказанія, государь возвратился въ Москву, гдѣ пробылъ до 25-го ноября. Большіе концерты въ Дворянскомъ собраніи и вечера у императрицы и у военнаго генераль-губернатора дали высшей публикѣ возможность насладиться высочайшимъ лицезрѣніемъ, и ихъ величества восхитили всѣхъ своимъ благодушіемъ и свойственною имъ привѣтливостью, передъ которой исчезали принужденность этикета и различія сана.

Государь отправился изъ Москвы, вмѣстѣ съ императрицею и проводилъ ее до ночлега въ Твери. Оттуда я сѣлъ съ нимъ въ открытыя, какъ всегда въ его поѣздкахъ, сани, и мы проѣхали, нигдѣ не останавливаясь, до Царскаго Села. Близъ Новгорода холодный проливной дождь пробилъ насъ до костей и остался нашимъ спутникомъ на всю ночь. Нужно было имѣть крѣпкое здоровье, чтобы остаться здоровымъ послѣ этой поливки. Но государь спѣшилъ въ Царское Село для отданія послѣдней чести скончавшейся княгинѣ Ловичъ. Весь Дворъ былъ тамъ собранъ, и тѣло ея предали землѣ въ тамошней римско-католической церкви, избранной ею самою для послѣдняго своего обиталища.

Сообщилъ Н. Шильдеръ.

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ ЕРМОЛОВЪ.

(Материалы для біографіи, его рассказы и переписка).

I.

Въ ополченіи.

Въ февраль 1855 года, по обнародованіи манифеста о сборѣ государственнаго ополченія А. П. Ермоловъ былъ въ одно время избранъ начальникомъ ополченій въ четырехъ губерніяхъ: С.-Петербургской, Московской, Смоленской и Калужской. Этого мало, русскіе во всей имперіи, помышляя о спасеніи отечества, вспоминали забытаго героя.

Ермоловъ, давній житель Москвы, не могъ отвѣчать дворянамъ петербургскимъ, смоленскимъ и калужскимъ ничѣмъ болѣе, какъ только искреннѣйшею благодарностію за честь ему сдѣланную.

Въ Москвѣ же были для него минуты восхитительной радости и повторились прежнія печали.

Тамъ, какъ только полученъ былъ манифестъ, общій голосъ нарекъ Ермолова начальникомъ московскаго ополченія. Еще по этому говору, московскій военный генералъ губернаторъ, графъ А. А. Закревскій, предупредилъ его, что это избраніе едва-ли будетъ пріятно государю ¹⁾.

Ермоловъ 14-го февраля отвѣчалъ Закревскому.

«Благодарю васъ покорнѣйше за сообщеніе мнѣнія вашего по предмету настоящихъ выборовъ, и со всею искренностію отвѣчаю вамъ.

¹⁾ Въ молодости они были большими друзьями, что свидѣтельствуетъ ихъ переписка, напечатанная въ 73-мъ и 78-мъ томѣхъ „Сборника Императорскаго русскаго историческаго общества“.

«Не знаю, можно-ли избрать меня по носимому мною званію; но если я буду удостоенъ избранія московскаго дворянства, я не долженъ уклоняться отъ службы наравнѣ съ каждымъ дворяниномъ, не имѣя передъ лицомъ закона никакихъ особенныхъ правъ и не давая мѣста сужденію, еще менѣе негодованію, если-бъ даже не утверждень былъ въ званіи начальника губернскаго ополченія, въ какое я могу быть избираемъ. Легче всего могутъ найтись люди способнѣйшіе и находящіеся въ бездѣйствіи. Двадцать четыре года вышедши изъ службы по приказанію, я не былъ употребленъ на службу дѣятельную, а теперь ни мало не удивлюсь и не приму къ сердцу, если, какъ и прежде, не признанъ буду за годнаго. Впрочемъ, благодарю Бога, я доволенъ совершенно моимъ положеніемъ, ничего не желаю и, конечно, искать не буду.

«Вотъ моя исповѣдь почтеннѣйшему графу, и никому другому не скажу иначе».

15-го февраля, въ собраніи московскаго дворянства, Ермоловъ былъ единогласно избранъ въ начальники московскаго ополченія. Это произвело взрывъ общаго восторга: зала оглушилась криками: «ура!» дамы, находившіяся на хорахъ, кричали, хлопали, махали платками. Нѣкоторые изъ бывшихъ въ собраніи тотчасъ поскакали къ Ермолову, съ извѣстіемъ объ избраніи и съ поздравленіями.

Тогда же М. П. Погодинымъ было составлено письмо для поднесенія Ермолову отъ московскаго дворянства. Вотъ это письмо.

Генералъ!

«Московское дворянство, призываемое священнымъ голосомъ Царя, ополчается на защиту православной вѣры, на помощь притѣсненнымъ братьямъ, на охраненіе предѣловъ отечества. Оно проситъ васъ принять главное начальство надъ его вѣрными дружинами и смѣетъ надѣяться, что вы уважете его торжественное избраніе. Самъ Богъ сберегалъ васъ, кажется, для этой тягостной години общаго испытанія. Идите-жъ, генералъ, съ силами Москвы, въ которой издревле отечество искало и находило себѣ спасеніе; идите принять участіе въ подвигахъ дѣйствующихъ нашихъ армій. Пусть развернется предъ ними наше старое, наше славное знамя 1812 года! Всѣ русскіе воины обрадуются увидѣть опять въ своихъ рядахъ вашу бѣлую голову и услышать ваше любимое имя, неразлучное въ ихъ памяти съ именемъ Суворова, отъ котораго вы получили первый георгіевскій крестъ, и съ именемъ Кутузова, которому служили правою рукою въ незабвенномъ Бородинскомъ сраженіи. Непріатели вспомнятъ Кульмъ, Лейпцигъ и Парижъ, а съ магометанскихъ ихъ союзниковъ довольно и Кавказа, гдѣ до сихъ поръ еще не умолкнутъ въ ущеліяхъ отголосокъ вашихъ побѣдъ. Да благословитъ васъ Богъ и поможетъ вамъ, вмѣстѣ съ достойными сподвижниками, доказать скорѣе ослѣпленной Европѣ, что святая Русь останется неизмѣнно

святою Русью, и что русскіе, несмотря ни на какія опасности, несмотря ни на чьи угрозы, не позволяютъ никогда никому прикасаться безъ позволенія къ ихъ заветнымъ святынямъ: церкви, престолу и отечеству».

Это письмо было читано въ дворянскомъ собраніи, но не было поднесено Ермолову.

Въ тотъ же день, 15-го февраля, графиня Ростопчина прислала къ нему стихи:

Народный голосъ—голосъ Бога,
Онъ громко нынѣ вопіетъ:
Вставай Ермоловъ: Русь зоветъ!
Тебѣ знакома вѣдь дорога...
Съ единодушнымъ увлеченьемъ
Тебя назначила молва,
И надъ московскимъ ополченьемъ
Вождемъ поставила Москва!
Возьми рукой неослабѣвшей
Твой старый мечъ, Европы страхъ:
Герой, въ покое посѣдѣвшій,
Помолодѣешь ты въ бояхъ!
Вставай!.. Когда по всей Россіи
Извѣстенъ будетъ выборъ нашъ,
Шатры восплещутъ боевые
Хвалою откликнется палашъ!..
Вставай! честь русскаго народа
Его врагамъ припомни,
И пусть двѣнадцатаго года
Великіе вернутся дни! *)

На это Ермоловъ отвѣчалъ также стихами:

Не неизвѣстнаго поэта
Читалъ я добрыя слова;
По звукамъ лестнаго привѣта
Васъ прямо назоветъ молва..
Вы поминули годъ возстанья,
Дни нашей славы, дивный вѣкъ,
Когда, услыша гласъ призванья,
Явился русскій человекъ.
Вы правы, можетъ тамъ заблгн...
Но нашъ не позабылъ народъ,
Когда Москву имъ хоронили,
Двѣнадцатый свершился годъ!
И нынѣ чтутъ мои сѣдины,
Въ воспоминаванье старины,
И люди памятной години,
И ихъ достойные сыны.

*) Стихотворенія графини Ростопчиной, изд. 2-е, 1857 г. т. 2 стр. 337 и 433.

Но горделивыми мечтами,
 Повѣрьте я не увлеченъ...
 Давно я удрученъ годами.
 Отъ дѣла битвы отлученъ!
 Давно заржавѣлъ мечъ мой бранный,
 Ослабла дрожащая рука,
 И пиръ кровавый, пиръ желанный
 Едва-ль по силамъ старика!

15-го же февраля написаны были еще другіе стихи въ честь Ермолова.

Когда на Русь, въ года печали,
 Воссталъ кичливый злой полякъ,
 Тогда Пожарскаго избрали,
 И побѣжденъ былъ злобный врагъ.
 Когда великій вожьъ французовъ
 Коварно вдругъ на Русь напалъ,
 Тогда избранныкъ нашъ Кутузовъ
 Его со срамомъ вспять погналъ.
 И нынѣ въ тяжкую годину,
 Какъ Западъ весь на насъ возсталъ,
 Вести народную дружину
 Всеобщій гласъ тебя избралъ.
 Возстань! ударь, герой маститый,
 Враговъ Россіи поражай,
 И мечъ свой, лаврами обвитый,
 Достойнымъ внукамъ передай.

Не долго Ермоловъ былъ въ ополченіи. По положенію объ этомъ войскѣ, при начальникѣ губернскаго ополченія назначенъ былъ только одинъ адъютантъ. Бывшему главнокомандующему это казалось не достаточнымъ: онъ просилъ опредѣлить къ нему еще хоть одного адъютанта. Военный министръ не умѣлъ доложить такъ, чтобы ничтожное желаніе стараго героя было исполнено; и потомъ въ официальномъ отвѣтѣ своемъ не ловко и круто выразился, что просьба его признана излишнею. Старикъ обидѣлся и поступилъ такъ-же круто и неовко, какъ съ нимъ поступили. («Точно,—писалъ онъ,—самъ я, размысливъ о дѣлѣ, вижу, что просилъ являшняго; а это показываетъ, что я уже старъ, сдѣлался неразуменъ: прошу—чего не должно, поступаю—какъ не слѣдуетъ»). Письмо свое онъ заключилъ просьбой уволить его, какъ неспособнаго, отъ начальствованія надъ ополченіемъ. Таковъ и всегда былъ Ермоловъ. Къ капризу его, какъ и прежде случалось, не свизошли, и онъ тотчасъ былъ уволенъ отъ командованія.

Оставляя должность начальника, онъ объявилъ, 29-го мая 1855 года, приказъ по московскому ополченію:

«По всеподданнѣйшему докладу о тяжкой и не безопасной моеи

болѣзнь, его императорское величество всемилостивѣйше соизволилъ уволить меня отъ исправленія должности начальника московскаго ополченія. Удостоенный благоволенія и довѣренности дворянства нѣсколькихъ губерній, съ горестію принимаю я невозможность исполненія обязанности дворянина, и не менѣе прискорбно мнѣ, что я не могу имѣть честь быть сотрудникомъ гг. начальниковъ дружинъ и гг. офицеровъ государственнаго подвижнаго ополченія Московской губерніи. О чемъ и сообщаю къ ихъ свѣдѣнію».

Послѣ того опять все замолкло о Ермоловѣ...

Сообщилъ Мих. Макс. Поповъ.

II.

Разсказы Алексѣя Петровича Ермолова ¹⁾.

Императоръ Александръ былъ увѣренъ, что Алексѣй Петровичъ Ермоловъ принадлежалъ къ тайнымъ мистическимъ обществамъ. Меллеръ-Закомельскій, былъ пріятелемъ Алексѣя Петровича и называлъ его: «братъ Алексѣй» и такъ называлъ его императоръ Александръ, говоря съ нимъ объ Алексѣѣ Петровичѣ. Разъ за обѣдомъ въ Царскомъ Селѣ государь (какъ и часто прежде дѣлалъ) сталъ спрашивать Меллера о «братѣ Алексѣѣ» ²⁾ и потомъ сталъ дѣлать знаки, проводя по тѣлу обѣими руками отъ плечъ внизъ. Меллеръ-Закомельскій не понималъ, что это означало. Послѣ обѣда императоръ подошелъ къ нему и сказалъ:

— Ты давеча не хотѣлъ понять моихъ знаковъ.

— Я рѣшительно ихъ не понимаю, ваше величество.

— Не притворяйся; ты очень хорошо знаешь, что братъ Алексѣй стоитъ въ мантии, а ты и Закревскій на колѣняхъ передъ нимъ и цѣлуете край его одежды.

¹⁾ Разрѣшеніемъ напечатать предлагаемыя вниманію читателей интересныя разсказы Алексѣя Петровича и его переписку редація обязана просвѣщенному вниманію вышншихъ владѣтелей его архива: племянницѣ камеръ-фрейлинѣ Ихъ Величествъ Екатеринѣ Петровнѣ Ермоловой и ея брату генералъ-лейтенанту Григорію Петровичу Ермолову. Редація считаетъ долгомъ выразить имъ глубокую благодарность отъ имени всѣхъ, кому дорого прошлое нашего отечества и дѣятельность такого человека каковымъ былъ Алексѣй Петровичъ, полной біографіи котораго, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не имѣется.

Р е д.

²⁾ Который тогда былъ въ Грузіи.

Кутузовъ очень любилъ Алексѣя Петровича, такъ что всѣ называли его: *L'enfant gâté du général*. Въ 1812 г., императоръ Александръ, зная военныя способности Ермолова, приказалъ писать ему обо всемъ, что найдетъ достойнымъ замѣчанія, не рапортами, а простыми письмами. Когда Кутузовъ отправлялся принять главное начальство надъ войсками, императоръ далъ ему письма Алексѣя Петровича въ оригиналѣ, говоря: *«lisez ceci pour Vous orienter»*. Съ тѣхъ поръ Кутузовъ былъ съ Ермоловымъ учтивѣе, нежели когда либо, но подъ этой учтивостью чувствовалась холодность.

Во время Бородинской битвы Барклай-де-Толли находился во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ была опасность. На другой день онъ говорилъ А. П. Ермолову: «я вчера искалъ смерти».

Въ 1812 г., во время пребыванія Наполеона въ Москвѣ, былъ у насъ двойной шпионъ, капитанъ-исправникъ изъ Дорогобужа, потому что онъ доставлялъ также извѣстія Наполеону о нашей арміи. Свѣдѣнія на запросы Наполеона составляли Беннигсенъ и А. П. Ермоловъ. Это продолжалось до тѣхъ поръ пока Коновницынъ (храбрый, но недальновидный человѣкъ) имѣлъ неосторожность похвастаться, что мы все знаемъ, что дѣлается въ Москвѣ. Тогда шпионъ отказался туда возвратиться, такъ какъ кромѣ его были въ нашей арміи и другіе, которые могли на него указать.

Коленкуръ, бывший посланникомъ при нашемъ Дворѣ, вѣроятно увѣрилъ Наполеона, что покореніе Россіи не представитъ большихъ затрудненій. Это можно заключить изъ того, что при отказѣ мира въ Москвѣ и вообще при всякой неудачѣ въ 1812 г., Наполеонъ всегда къ нему обращался со словами: *«et bien m-r le gouverneur de St-Petersbourg?»*

Во время осады Измаила Суворовъ приказывалъ казакамъ ловить орловъ и пускать ихъ подъ полу палатки, во время обѣда. Орелъ взлеталъ и, ударясь о невысокій верхъ палатки, разумѣется падалъ на столъ. «Это, господа, значить, говаривалъ при этомъ Суворовъ присутствующимъ, что я Измаиль падеть».

Въ 1812 г. Платовъ очень сильно кутилъ; Барклай за это на него сердился, а Ермоловъ безуспѣшно старался его останавливать. Князь Багратионъ, который его болѣе зналъ, нежели Алексѣй Петровичъ, взялся его унять.

-- Вы съ нимъ не умѣете сладить,—говорилъ онъ,—посмотрите я ему намекну на возможность графскаго титула, и онъ уймется.

Такъ и случилось. Послѣ разговора съ Багратиономъ, Платовъ пересталъ пить, но по прїѣздѣ каждаго курьера изъ Петербурга онъ приходилъ къ Ал. П. Ермолову, тогда начальнику главнаго штаба, съ вопросомъ: что новенькаго? Выслушавъ всѣ новости, онъ всякій разъ спрашивалъ: «а еще ничего?» Такъ продолжалось довольно долго; но такъ какъ о графскомъ титулѣ не было и помину, то онъ опять запилъ. Тогда Барклай-де-Толли отправилъ его изъ арміи и назначилъ на его мѣсто барона Розена. Платовъ уѣхалъ въ Москву и, найдя тамъ знакомыхъ, жилъ весело; но не разъ случалось, что народъ, видя его праздность—упрекалъ за то, что онъ не въ арміи.

Когда Кутузовъ ѣхалъ въ армію, то взялъ съ собою Платова и сдѣлалъ это тѣмъ охотнѣе, что могъ поступить вопреки распоряженія Барклая. Кутузовъ возвратилъ и барона Толя, также удаленнаго Барклаемъ. Свѣтлѣйшій часто говорилъ, что когда былъ начальникомъ кадетскихъ корпусовъ, онъ умѣлъ отличить способности Толя, когда тотъ былъ ребенкомъ и теперь, когда былъ назначенъ главнокомандующимъ всѣми арміями, Кутузовъ, для поддержанія собственныхъ словъ, всячески возвышалъ Толя, человѣка впрочемъ умнаго.

Платовъ не понималъ карты, если она не была обращена къ нему сѣверомъ—т. е. если онъ не глядѣлъ на нее со стороны Петербурга. Это не мѣшало ему быть замѣчательнымъ военнымъ человѣкомъ и начальникомъ казаковъ.

Багратионъ былъ также человѣкъ мало образованный, но гениальная вѣрность его взгляда и врожденныя военныя способности дѣлали недостатокъ образованія нечувствительнымъ.

А. П. Ермоловъ говорилъ, что во всю свою жизнь онъ зналъ у насъ только одного истиннаго главнокомандующаго—Беннигсена. Недостатокъ его состоялъ въ томъ, что онъ не могъ обойтись безъ хорошаго дежурнаго генерала, ибо не умѣлъ заботиться ни о продовольствіи, ни о прочихъ матеріальныхъ нуждахъ арміи. Но какъ военачальникъ (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) онъ былъ человѣкъ истинно гениальный.

Много рассказывали о злодѣйскихъ поступкахъ Фигнера съ плѣнными французами. Поводомъ къ этому поведенію было слѣдующее: Фигнеръ съ своимъ партизанскимъ отрядомъ приступомъ взялъ церковь, занятую французами. Когда послѣ дѣла онъ въ нее взомель, то увидѣлъ, что въ алтарѣ жилъ французскій офицеръ. Изъ образовъ была

сдѣлана кровать, на которой онъ спалъ съ своей любовницей, крестьянской дѣвушкой имъ взятой. Въ алтарѣ лежало нѣсколько тѣлъ крестьянскихъ дѣвочекъ лѣтъ 11—12-ти изнасилованныхъ французами до смерти. Фигнеръ и безъ того религіозно-экзальтированный, при видѣ этихъ злодѣйствъ, подошелъ къ престолу и, положивъ на него руку, поклялся не щадить жизни ни одного непріятели.

Когда Карамзинъ жилъ въ Царскомъ Селѣ, императрица Елисавета Алексѣевна говаривала: «Мой мужъ, всякій день, въ 7 часовъ по утру слушаетъ лекція русской исторіи».

Въ 1809 г. въ Молдавіи командовалъ арміей фельдмаршалъ князь Прозоровскій, нѣкогда храбрый кавалерійскій офицеръ, человекъ ограниченный и воображавшій много о своихъ военныхъ способностяхъ, которыхъ онъ впрочемъ не имѣлъ. Критикуя, напр., кампанію въ Пруссіи Бенингсена противъ Наполеона онъ говаривалъ: «если бы я тамъ командовалъ, мои передовые казачьи разъѣзды были бы на Рейнѣ». Онъ любилъ въ лагерѣ давать обѣды, отъ которыхъ умѣлъ отдѣлываться только Кутузовъ, за нѣсколько дней до обѣда сказывавшійся больнымъ. За обѣдомъ князь Прозоровскій рассказывалъ свои подвиги.

Въ 1812 г., вскорѣ по назначеніи Ермолова начальникомъ главнаго штаба, государь прислалъ къ нему флигель-адъютанта съ з а п р о с о мъ о томъ, гдѣ назначена главная квартира. Алексѣй Петровичъ отвѣчалъ, что онъ въ собственныя руки Государя доставитъ запечатанный конвертъ. До тѣхъ поръ это дѣлалось небрежно; мѣсто для главной квартиры назначалась за 5 дней впередъ и могло сдѣлаться извѣстнымъ непріятели.

Въ 1815 году императоръ Александръ за обѣдомъ у себя, гдѣ было много иностранцевъ, превозносилъ англійскую кавалерію, бывшую въ то время въ Парижѣ. Алексѣю Петровичу показалось это обиднымъ. «Англійская кавалерія,—сказалъ онъ,—на корабляхъ въ нѣсколько часовъ перѣехала проливъ, на берегу нашла заготовленный въ обиліи провіантъ; оттуда до Брюсселя сдѣлала два небольшие перехода (Ватерлоо близко отъ Брюсселя) и потомъ пришла сюда. Въ нашей же кавалеріи, въ дивизіи генерала Винцингероде, которая здѣсь на лицо, есть лошади и люди, и ихъ не мало, которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ провожали посла графа Головкина въ Китай, были въ прошломъ году здѣсь, отсюда отправились въ Гамбургъ, оттуда въ Малороссію, гдѣ, простоявъ только три недѣли на квартирахъ, пришли обратно сюда».

Во время Лайбахскаго конгресса, Каподистрія говоритъ Ермолову, что его долго интриговало, для чего австрійскій императоръ часто записался съ императоромъ Александромъ—такъ какъ онъ замѣчалъ, что эти разговоры имѣли неблагопріятное вліяніе на Александра I. Однажды, войдя скоро послѣ выхода австрійскаго императора въ комнату, гдѣ они говорили, Каподистрія увидалъ разбросанные пакеты, которыхъ форма ему показалась подозрительною. Онъ узналъ потомъ, что это были поддѣльные письма, нарочно нѣсколько замаранные и съ поддѣльными штемпелями: Меттернихъ высылалъ ихъ, чтобы ложными доносами пугать императора Александра, показывая ему силу тайныхъ обществъ—въ особенности карбонаріевъ.

Однажды въ разговорѣ съ А. П. Ермоловымъ императоръ Александръ разсказалъ ему всю исторію тайныхъ обществъ,—переходы ихъ изъ одного въ другое, тайную между собою связь и проч. Онъ говорилъ очень долго и подробно о массонахъ, иллюминатахъ и проч. и объяснялъ какъ окончательно образовались карбонары. Вліяніе страха на умъ императора было очень замѣтно. Такъ онъ говорилъ съ увѣренностью, что карбонары сдѣлали французскую революцію, послали Наполеона въ Египетъ и потомъ оттуда его вызвали.

III

Письма П. X. Граббе.—А. П. Ермолову ¹⁾.

1.

12-го декабря 1829 г. г. Яссы.

Милостивый государь, Алексѣй Петровичъ. Возвратясь послѣ оконченной войны, благодаря Бога, цѣлъ и здоровъ, первый мой долгъ воз-

¹⁾ Павелъ Христофоровичъ Граббе, получивъ воспитаніе въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, поступилъ на службу въ 1805 году въ артиллерію и участвовалъ въ кампаніяхъ 1805, 1806 и 1807 годовъ. Въ 1808 году, молодой Граббе, уже замѣченный начальствомъ какъ отличившій офицеръ, былъ назначенъ военнымъ агентомъ въ Мюнхенъ, а съ открытіемъ отечественной войны 1812 года, состоялъ при тогдашнемъ военномъ министрѣ Борялафъ-де-Толли. За отличную храбрость и распорядительность, выказанныя П. X. Граббе въ сраженіяхъ подъ Витебскомъ и Смоленскомъ, онъ былъ удостоенъ ордена св. Георгія 4-го класса, и вслѣдъ затѣмъ принималъ дѣятельное участіе въ сраженіяхъ подъ Бородинымъ, Тарутиннымъ, Малоярославцемъ, Вязмою и Краснымъ.

Возвратившись въ 1815 году изъ Франціи и произведенный черезъ годъ въ полковника, П. X. Граббе былъ назначенъ командиромъ сначала Лубен-

дать дань глубокаго почтенія и возобновить изъясненіе неизмѣнной признательности къ незабвенному моему начальнику, котораго отецкая заботливость и нестоимое снисхожденіе украсили столько лучшихъ лѣтъ прошедшей моей молодости. Примите же и теперь, достойнѣйшій Алексѣй Петровичъ, снисходительно эти строки, какъ изліяніе сердца, вамъ постоянно преданнаго, отъ человѣка, котораго одна изъ повелительнѣйшихъ потребностей, одно изъ благодѣяній, котораго наиболѣе просить у Провидѣнія—есть увидѣть васъ, хотя на короткое время, услышать этотъ голосъ, эти слова, душу уловляющія, которыми я нѣкогда имѣлъ счастье услаждаться.

Ни слова не скажу здѣсь о минувшей войнѣ, одной изъ многотруднѣйшихъ, дабы неслишкомъ обременить письмо. Самъ лично, въ тѣсномъ моемъ значеніи, я былъ довольно счастливъ, не въ отношеніи отличій, которыми меня не балуютъ, но по употребленію, которое изъ меня иногда дѣлали.

Въ Яссы пріѣхалъ я по случаю назначенія моего начальникомъ штаба войскъ, въ Молдавіи расположенныхъ, назначеніе хотя пріятное по отношенію моему съ корпуснымъ командиромъ г-мъ Ридигеромъ,

скаго гусарскаго полка, потомъ Сѣверскаго конно-егерскаго полка. Съ открытіемъ турецкой кампаніи, полковникъ Граббе находился въ составѣ войскъ, расположенныхъ въ Малой Валахіи; здѣсь, исправляя должность начальника штаба и, въ то же время, командуя авангардомъ и кавалеріею отряда, онъ участвовалъ во многихъ блистательныхъ дѣлахъ противъ турокъ, за что и награжденъ чиномъ генераль-маіора, орденомъ св. Владиміра 3-й ст. и золотую саблю съ надписью „за храбрость“.

Съ открытіемъ войны противъ польскихъ мятежниковъ, назначенный исправляющимъ должность начальника штаба 1-го пѣхотнаго корпуса, генераль-маіоръ Граббе съ отличіемъ участвовалъ въ дѣлахъ подъ Минскомъ и Калушинымъ, гдѣ контуженъ въ бедро, а также въ штурмѣ Варшавы; за сраженіе же подъ Остроленкою удостоенъ ордена св. Георгія 3-го класса.

Въ 1838 году Павелъ Христофоровичъ перенесъ свою боевую дѣятельность на Кавказъ, гдѣ, въ званіи командующаго войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи, снискалъ почетную извѣстность въ рядахъ славной кавказской арміи. Удостоенный званіи генераль-адъютанта, П. Х. Граббе оставилъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, Кавказъ, но потомъ снова былъ вызванъ къ боевой дѣятельности и участвовалъ въ Венгерской кампаніи.

Въ 1862 году Павелъ Христофоровичъ былъ призванъ на высокой военно-административный постъ: онъ былъ назначенъ наказнымъ атаманомъ Войска Донскаго, въ 1866 году возведенъ въ графское достоинство, и затѣмъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Онъ скончался 17-го іюля 1875 г.

Доблестная семидесятилѣтняя служба графа Павла Христофоровича, участіе его почти во всѣхъ войнахъ, веденныхъ Россіею въ царствованіе трехъ императоровъ, въ соединеніи съ рыцарскимъ характеромъ и горячимъ отношеніемъ къ дѣлу службы, снискали ему въ рядахъ нашей арміи громкое имя и почетную извѣстность.

Ред.

но которое основаніе имѣю почитать временнымъ и ожидать болѣе прочнаго.

Удостоите же нѣкотораго воспоминанія человека, который съ чувствами глубочайшаго почтенія и преданности остается навсегда вашего высокопревосходительства, милостиваго государя, или лучше—моего благодѣтеля Алексѣя Петровича покорнѣйшій слуга Павелъ Граббе.

2.

15-го февраля 1840 г. Ставрополь.

Это письмо, глубокоуважаемый Алексѣй Петровичъ, вручить вамъ гвардейскаго генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Милутичъ ¹⁾ одинъ изъ самыхъ отличныхъ офицеровъ арміи. Съ умомъ, украшеннымъ положительными свѣдѣніями, онъ соединяетъ практической взглядъ и не на одни военные предметы. Къ тому же примѣрной храбрости, благороднѣйшихъ чувствъ, онъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ мнѣ полезенъ и пріятель. Приласкайте его и разспрашивайте о чемъ хотите. Онъ столько знакомъ со всѣмъ, что здѣсь происходитъ, что передать вамъ изустно хорошо и подробнѣе, нежели позволило бы то письменное изложеніе. Онъ разскажетъ вамъ также о семейномъ моемъ бытѣ, гдѣ онъ былъ принятъ по достоинству.—Онъ скромнень и даже нѣсколько застѣнчивъ: вамъ нужно будетъ его ободрить. За этимъ у васъ дѣло не станетъ.

Пребываніе г-на Головина ²⁾ въ Петербургѣ не только не приноситъ пользы, но крайней мѣрѣ лишн, но запутываетъ только и затрудняетъ дѣла. Съ того времени я въ непрерывной полемикѣ съ Петербургомъ по самымъ важнымъ вопросамъ военнымъ и гражданскимъ (*des questions vitales*). Ему почти во всемъ отказываютъ и недостаточное вниманіе къ нему отражается на дѣла и лица. Нѣсколько уже недѣль я провожу въ тяжкой и неприятной работѣ, отъ которой равнодушіе къ пользамъ службы, столь обыкновенное, могло бы меня избавить, но преданность и любовь къ государю и Россіи не позволяютъ мнѣ уклоняться отъ моего долга, хотя бы это возбудило уснувшія неприязни и повлекло за собой для меня неприятности.

Съ г. Головинымъ я продолжаю быть въ самомъ пріязненномъ отношеніи и не хочу вѣрять по крайней мѣрѣ умысленному противо-дѣйствію мнѣ. (*Mais sans aller pourtant jusqu'à la duperie*). Что ка-

¹⁾ Нынѣ графъ Дмитрій Алексѣевичъ, членъ государственнаго совѣта.

²⁾ Евгенія Александровича, главнокомандующаго на Кавказѣ.

сается до Раевского, я вынужденъ этого военнаго вывести на чистую воду, иначе надобно было бы допустить много важнаго и не-исправамаго вреда. Говоря языкомъ картежныхъ игроковъ, онъ играетъ на свои и вовсе не думаетъ ни о чемъ другомъ. Юношу вашего ожидаю ¹⁾. Душой преданной П. Граббе.

3.

28-го февраля 1841 г. с. Блотовца.

Довольно, кажется, далъ я вамъ отдохнуть отъ однообразныхъ писемъ деревенскаго жителя. Теперь начинаю бояться, чтобы скромный уголокъ, мною въ вашей всеобъемлющей памяти занимаемый, не достался другому лицу или предмету во владѣніе—въ такомъ случаѣ эти строки должны служить мнѣ вмѣсто протеста. Эти приказныя выраженія дадутъ вамъ, быть можетъ, поводъ подозрѣвать, что я отъ скуки въ деревнѣ занялся тяжбами. Нѣтъ, кромѣ этой одной, вашему рѣшенію подлежащей, я вовсе ихъ не имѣлъ и не имѣю, что, говорятъ, довольно рѣдко въ этомъ краѣ. Вамъ забавно должно показаться, что я даже ни во что не вхожу по управленію, въ намѣреніи при себѣ еще жену мою, мать такого большаго семейства, приучить и приохотить безъ меня заниматься дѣлами. Служба или то, что еще я службы непреклоннѣе, она (смерть), неотвратимая, могутъ каждую минуту отозвать меня и тогда я, безъ опасенія за будущность моего семейства, могу оставить все (отъ этого в сего голова не закружится) въ рукахъ если еще не искусныхъ, то по крайней мѣрѣ привычныхъ. Жена двадцатью годами меня моложе.

Не вы одни, я самъ смѣюсь этому странному вступленію письма, которымъ такъ, безъ доклада и безъ спроса, ввожу васъ въ среду моего семейства и даже въ порядокъ хозяйства. Теперь уже дѣлать нечего, останемся въ немъ. И о чемъ иномъ можетъ писать къ вамъ житель хутора, въ цѣлую зиму никогда и ни къ кому не выѣзжавшій и почти ни когда кромѣ своихъ никого не видѣвшій? и то и другое безъ малѣйшаго сожалѣнія, ибо выбора мало, чтобы не сказать, что его вовсе нѣтъ. Зато послѣ ничѣмъ незамѣнимыхъ, всегда живыхъ, часовъ семейнаго шума, что въ молчаніи кабинета перечитано, пересмотрѣно, перечувствовано, повѣрено, умирено, замѣчено, то стѣбитъ, конечно, впечатлѣній даже блестящихъ, но гораздо чаще пустыхъ дней, въ такъ называемомъ большомъ свѣтѣ проводимыхъ. Эти ощущенія принадлежать не

¹⁾ Сына Алексѣя Петровича.

легкому письменному, но болѣе строгому перу и не прозрачной почтовой бумагѣ. Изъ нихъ составила бы порядочная, если не по содержанию, то по толщинѣ—книга.

Но скоро наступитъ и для меня время оставить все это, чтобы везти старшаго сына, оканчивающаго свой пятнадцатый годъ, въ необходимый Петербургъ, для открытія юношѣ удобнѣйшей точки, съ которой бы выпустить его на опасной бѣгъ, *course au clocher*, жизни. Мнѣ предстоитъ разыгрывать роль отца, снискивающаго для своего дѣтища благосклонныхъ взглядовъ чуждыхъ судей, цѣнителей его познаній и способностей.

Это напоминаетъ мнѣ любезнаго Льва Васильевича Давыдова въ этой роли, въ послѣднюю мою бытность въ Петербургѣ. И я соберусь съ силами и рѣшимостью быть такимъ же несноснымъ и неотступнымъ, какимъ видѣлъ его. Это мой идеалъ. Никому не было спасенія ни проходу, и прекрасный, добрый государь наслѣдникъ не зналъ, какъ отъ него отдѣлаться и, кажется, уступилъ его настоятельнымъ преслѣдованіямъ. Великій князь Михайлъ Павловичъ отсутствію обязанъ былъ спасеніемъ отъ его гоненій. Обнимайте за меня, Алексѣй Петровичъ, этого яраго, неутомимаго отца; пусть онъ пріѣдетъ посмѣяться въ свою очередь надо мною.

Ваше письмо отъ 16-го декабря дошло до меня вечеромъ въ послѣдній день протекшаго года. Оно было для меня утѣшительнымъ заключеніемъ одного изъ лучшихъ годовъ моей жизни. Въ спутники остальныхъ лѣтъ я избираю самыя возвышенныя впечатлѣнія и привязанности. Судите поэтому какъ дороги для меня выраженія вашего во мнѣ участія и признанія. П. Граббе.

4

7-го апрѣля 1841 г. Ставрополь.

Два дня тому, достойнѣйшій Алексѣй Петровичъ, получилъ я ваше письмо отъ 24-го марта и 400 руб. асс. для молодаго Горскаго. Онъ уже обмундированъ и отправленъ къ генералу Зассу на Лабу. Всѣ ваши приказанія на его счетъ съ точностію исполнены.

Не смѣйте, благодѣтель моихъ лучшихъ лѣтъ, надѣ дѣйствіями моими въ адѣшнемъ краѣ. Кому лучше васъ извѣстно, по какимъ причинамъ цѣлый рядъ пораженій этого непріятели можетъ еще не вести къ окончательному покоренію. Что вмѣстѣ съ тѣмъ нужны работы по обширному плану, исполненіе которыхъ требуетъ времени и терпѣнія.

Добрую волю имѣю и это вѣковое дѣло надѣюсь и на мою долю нѣсколько подвинуть, если здоровье не измѣнится и непрятности не выгонять.

Въ эту минуту положеніе мое тягостно. Жена послѣ родовъ вотъ уже три недѣли почти въ отчаянномъ положеніи. Между тѣмъ я долженъ отправиться въ экспедицію, оставить жену въ этомъ положеніи, восемь человѣкъ дѣтей и весь домъ безъ всякаго родственнаго надаора. Богу извѣстно чѣмъ это кончится!

Сохраните мнѣ вашу необходимую для меня пріязнь и вѣрте постоянной преданности вашего П. Граббе.

5.

16-го декабря 1845 г. хуторъ Тимчиха.

Трудно и неловко послѣ многолѣтняго молчанія приняться за первое письмо. Но не могу и не хочу долѣе молчать, чтобы за неудовольствіемъ не послѣдовало и совершенное забвеніе, что быть можетъ уже и случилось. Но въ нашемъ взаимномъ отношеніи, вашемъ—благодѣтель, начальника рѣдкаго, потомъ могу-ли сказать, почти друга; въ моемъ—вами въ нѣжной молодости взысканнаго благодареніями, одобреніемъ, примѣромъ столь высокаго образца, самымъ лестнымъ сближеніемъ, тогда отеческимъ, потомъ дружескимъ—для васъ это молчаніе не замѣтно и, если вами замѣчено, то это новое доказательство вашего снисхожденія; для меня же—оно тяготитъ меня какъ упрекъ, тяжело выговорить, почти какъ упрекъ въ неблагодарности и неразуміи, ибо кто можетъ не дорожить перепиской съ Ермоловымъ? Если сердитесь, то вы сами строже этого ничего не выдумаете, но вы уже не сердитесь—я знаю въ вашей душѣ уголокъ, мало кому извѣстный, вами тщательно отъ свѣта скрываемый, въ которомъ таятся сокровища, всегда полное доброты и нѣжнаго снисхожденія для немногихъ, между которыми я занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ свое время.—Такъ-ли Алексѣй Петровичъ?—А это просто была лѣнь, общая знакомая.

Но о чемъ можетъ писать къ вамъ добровольный отшельникъ, зарывшійся въ деревнѣ, въ Малороссіи, занятый почти исключительно обязанностями отца большаго семейства, важными и утѣшительными для него, но безъ занимательности для всякаго другаго. Впрочемъ, счастье ваше, что я пишу къ вамъ зимой, иначе не миновать бы вамъ идиллическаго описанія красиваго мѣстоположенія, пріятнаго моего

пріюта, теплаго неба Малороссіи, полного счастья, которое я почти догонялъ на этотъ разъ верхомъ, въ ежедневныхъ скачкахъ съ моими старшими мальчиками черезъ поля и доли. Все это продолжалось до самаго декабря и прекратилось внезапнымъ нашествіемъ зимы со всѣмъ ея причетомъ.

Мы остаемся и зиму въ деревнѣ, да и вообще не располагаемъ, я могъ бы сказать, и не можемъ ее оставить безъ новыхъ какихъ либо обстоятельствъ. Празнывъ на дѣйствительную службу нашелъ бы меня совершенно здоровымъ и столько же готовымъ, но чѣмъ я долѣ здѣсь остаюсь, тѣмъ менѣе онъ становится вѣроятнымъ, ибо продолжительное отсутствіе мое, безъ сомнѣнія, толкують не въ мою пользу, если вообще не вовсе меня забыли. Но я не имѣю средствъ для поѣздокъ въ Петербургъ, чтобы освѣжать себя въ памяти, тѣмъ менѣе могу прожить тамъ, даже въ какомъ-бы то ни было городѣ. Спѣшу прибавить, что въ этомъ не могу обвинять никого кромѣ себя, ибо содержанія, мною получаемого при собственныхъ, хотя небольшихъ, средствахъ, было-бы достаточно вездѣ, если-бы я не былъ окруженъ большимъ семействомъ,—восемь человекъ дѣтей, съ учителями и съ гувернанткой. Но во время болѣзни моей жены, пятеро уже были опредѣлены въ казенныя заведенія самымъ милостивымъ образомъ и сходно съ моимъ желаніемъ. Остальныхъ также готова была взять на свое попеченіе великодушная императрица, а жену для излеченія отправить съ докторомъ за границу.—Но по ея выздоровленіи, для сохраненія дѣтямъ матери, вовсе не постигающей возможности разлуки съ ними, я собралъ ихъ опять всѣхъ около себя.—Оттого только мнѣ иногда трудно, но зато сколько утѣшенія и отрады!—Привычка къ занятіямъ пріятно наполняетъ все остальное отъ семейства время.

Вотъ вамъ, Алексѣй Петровичъ, кажется довольно полный отчетъ въ моемъ положеніи, котораго выгодныя и слабыя стороны вы проникните однимъ взглядомъ. Покуда небо хранитъ здоровье въ моей дѣтской колоніи какъ доселѣ, будьте увѣрены, что мнѣ хорошо.

Отзовитесь хоть однимъ словомъ на это первое посланіе всегда и всей душой преданнаго и признательнаго вамъ Павла Граббе.

6.

31-го марта 1846 г. хуторъ Тимчиха.

Недавно получилъ я ваше письмо отъ 8-го прошедшаго мѣсяца, напомнившее мнѣ пріятнѣйшимъ образомъ всѣ прежнія, лучшихъ лѣтъ

моей жизни ваши письма, которыя по постояннымъ къ вамъ чувствамъ моимъ никогда не должны были измѣниться.

Въ положеніи моемъ ничто не перемѣнилось. Все та же тихая, занятая жизнь, ни для кого кромѣ собственнаго семейства и то мало полезная, но столько, однако, сколько отъ меня зависитъ. Относительно жизни служебной, вы пишете точно какъ будто отъ меня зависитъ выборъ новаго поля служенія. Нѣтъ, любезный Алексѣй Петровичъ, я кажется сбить съ большой дороги, побочныхъ же никогда не зналъ и не знаю. Честолюбіе мое вѣдно никогда не было велико или было особеннаго рода, потому что ничтожество переношу съ полнымъ душевнымъ спокойствіемъ и терпѣніемъ. Не сержусь даже, а смѣюсь въ случаяхъ, гдѣ немного, отъ временъ моей дѣятельности мнѣ принадлежавшее, другому присвоивается. Напримѣръ,—вы недавно могли прочесть въ журналахъ обнародованное, будто новое, учрежденіе, о назначеніи капитала для вознагражденія линейныхъ казаковъ за убитыхъ, раненыхъ и загнанныхъ при преслѣдованіи горцевъ лошадей. Это все существуетъ съ 1840 года. Я захватилъ тогда у возмущившихся черкеевцевъ 50 тысячъ барановъ и вырученныя за нихъ деньги обратилъ на этотъ предметъ, получивъ на то одобреніе начальства. Капиталъ и положеніе, мною составленное, безъ самаго дѣйствительнаго измѣненія теперь выданы за новые. Но тогда о Кавказѣ не печатали. Многое то же можно сказать о реляціяхъ, въ которыхъ описаны новыми и недоступными разными путями мѣста, будто прежде неизвѣстные и непройденные. Въ Анди и Мехельтѣ по взятіи Ахульго и покореніи Черкесъ были наши пристава; впоследствии они возмущились.

Возвращаясь изъ Ахульго въ 1839 году чрезъ Гимры и осмотрѣвъ мѣсто сраженія подъ начальствомъ Алексѣя Александровича Вельяминова; съ его собственнымъ описаніемъ въ рукахъ, я въ официальномъ донесеніи упомянулъ, какъ знаменать этотъ подвигъ и въ заключеніе прибавилъ, что съ этой стороны имъ початы горы.

Сердиться было бы смѣшно, но смѣяться можно всѣмъ недобрымъ и съ успѣхомъ, къ сожалѣнію, незнакомымъ продѣлкамъ залопдавшаго честолюбія. Впрочемъ никто не сотретъ медали за 1839 годъ, развѣ истребленіемъ носящихъ ее, въ кровавыхъ неудачахъ.

Мой девизъ былъ:

Да возвеличится Россія
И сгинуть наши имена.

Этотъ девизъ остается и теперь моимъ и останется, если-бы случилось еще быть допущеннымъ къ общественной дѣятельности. Страхъ люблю въ другихъ, когда дарованіе честолюбиво; оно непрерывно и долѣе тогда полезно государю и отечеству. Но съ дарованіемъ или безъ него, честолюбіе есть самый тревожный спутникъ жизни и врагъ

душевнаго спокойствія. Отъ него надобно лечиться какъ отъ тяжкаго недуга.

Прочитавъ этотъ безсвязный отрывокъ исповѣди отшельника, вы вѣрно вывели заключеніе, что онъ выжилъ изъ ума, выдохся и ни на что боже негоденъ, развѣ няньчить дѣтей, что я и дѣлаю, да устраиваю парники, сажаю деревья, хлопочу о разведеніи огромнаго огорода, плодоваго сада, увеличеніи и безъ того большаго парка, постройкѣ мостиковъ на искусственномъ ручьѣ, удачно созданномъ изъ болота, расположеніи цвѣтниковъ, удобреніи табачныхъ плантацій и пр. А тихіе и занятые досуги кабинета! а домашній каминъ! Приведется ли мнѣ еще посидѣть съ вами передъ вашимъ каминомъ, если вы, при всегдашнемъ пренебреженіи къ удобствамъ жизни, не забыли устроить его въ вашемъ домѣ.

У насъ уже весна и мои ежедневныя скачки верхомъ съ двумя старшими сыновьями начались опять съ прежнимъ удовольствіемъ и съ чувствомъ несломленной еще силы и полнаго здоровья. Порадуйте меня тѣмъ же и о себѣ.

Что опять затѣяли неугомонные поляки! Изъ исторіи Польши можно извлечь всѣ отрицательныя правила, какъ не должны себя вести правительства и народы, ни въ періоды могущества, ни въ несчастіи.

Позвольте обнять себя преданному вамъ Павлу Граббе.

7.

17-го ноября 1849 г. С.-Петербургъ.

Опять огромный промежутокъ въ перепискѣ, въ которой Алексѣй Петровичъ не потребуеть отъ меня оправданія; опять и затрудненіе съ чего начать, что описать, о чемъ умолчать; и того и другаго, особенно послѣдняго, въ восемь мѣсяцевъ непрерывной, иногда не безуспѣшной дѣятельности, набралось много. Начну съ того, что ближе къ сердцу, съ изъясненія моей глубокой признательности за отеческія ласки сыну моему, въ бытность его въ Москвѣ, вами оказанныя. Этотъ эпизодъ останется навсегда въ его благодарной памяти и послужитъ къ его умственному и душевному образованію, несмотря на его краткость.

Посольство въ Константинополь было чрезвычайно пріятно и столько же счастливо. Въ пятнадцать дней борьбы противъ вліянія Англіи, представителемъ которой я нашелъ тамъ одного изъ упорнѣйшихъ противниковъ Россіи, Стратфорда Каннинга, все было одолено, над-

менность встрѣчена была достоинствомъ и гордостью,—слава Богу, есть за кого, за Россію, которой имѣлъ я честь быть тамъ представителемъ. Дипломатическимъ тонкостямъ и мелочамъ противопоставлены были важность тогдашняго положенія Европы, истинныя пользы самой Англіи, ненадежность ея расчетовъ въ случаѣ войны Россіи съ Турціей, опытомъ прошедшаго и нынѣшнимъ взаимнымъ положеніемъ обѣихъ имперій до очевидности выставленная; даже личное униженіе къ скорому возраженію неискускаго, хотя весьма опытнаго и умнаго противника моего, все вмѣстѣ послужило къ вразумленію турковъ, до того уступавшихъ увлеченію и далеко зашедшихъ. Устрашенные, они тѣмъ поспѣшнѣе дали согласіе на все, и даже болѣе чѣмъ здѣсь отъ меня требовано было. Личная благодарность въ Варшавѣ за то изъявленная была полная и лестная.

Скоро потомъ я отправленъ былъ въ Венгрію. Русскій Богъ великъ! война кончилась скоро и во-время. Я послѣдній оставилъ Венгрію. Переговоры съ Коморномъ, по желанію императора австрійскаго, княземъ Шварценбергомъ мнѣ переданнаго, тайно шли черезъ меня и, доведенные до желаемыхъ условій, переданы для заключенія австрійцамъ. Самолюбіе ихъ удовлетворено, и потому капитуляція нарушена не была, какъ это непростительно сдѣлано ими было съ прежними.

Въ Вѣнѣ сдѣланъ былъ мнѣ лестный приѣмъ. Тамъ собрались къ тому времени главные дѣятели въ послѣднихъ происшествіяхъ: славный старикъ Радецкій, молодецъ Іеллашичъ, Гайнау, заклятый врагъ вашъ, благородный Гессъ. Со всѣми я сблизился различно, съ Іеллашичемъ до пріязни, Радецкій вездѣ и на обѣдахъ, даже у императора, не соглашался итти передо мною, и мы входили всегда рука въ руку. Безъ сомнѣнія, желали этимъ приѣмомъ загладить неловкости и недоразумѣнія, въ продолженіе войны въ разныхъ случаяхъ возникшія и невыгодныя впечатлѣнія. На третій день по сдачѣ Коморна императоръ, чрезъ флигель-адъютанта графа Солтыка, прислалъ мнѣ при обязательномъ рескриптѣ свой орденъ Леопольда 1-й степени.

Самъ вижу, что записался. На долго-ли останусь здѣсь—не знаю. Теперь у меня здѣсь два сына, которые удерживаютъ, но шестеро дѣтей съ матерью притягиваютъ въ Малороссійскую деревню. Полагаю зиму посвятить первымъ, остальное время другимъ, если не опредѣленно свыше иначе. Душею вашъ Павелъ Граббе.

Ъ.

23-го апрѣля 1853 г. ночью. С.-Петербургъ.

Что могу въ короткомъ письмѣ высказать вамъ изъ всего, что тѣснится и рвется изъ сердца и изъ головы, послѣ непонятныхъ проис-

шествѣй, въ послѣднее время меня постигшихъ я отчасти конечно вамъ извѣстныхъ? Ясно для меня только одно, что мнѣ, лишенному почти всѣхъ матеріальныхъ вознагражденій за цѣлую жизнь, не всегда безъ успѣха службѣ посвященную, должно стараться скрыть остальные дни, мнѣ еще предоставленные, гдѣ нибудь въ удаленіи отъ какого-то страннаго преслѣдованія, ничѣмъ неотвратимаго. Я располагаю на дняхъ съѣздить въ маіоратъ недалеко отъ Ковно, гдѣ, съ привычною мнѣ въ такихъ дѣлахъ неловкостію, устроить какъ съумѣю болѣе исправную чѣмъ доселѣ уплату очень скромнаго дохода; потомъ, возвратясь въ Петербургъ, поднять мое семейство, четырехъ дочерей и малолѣтняго сына, и уѣхать съ ними въ Полтавскую деревню, откуда въ установленное время просить увольненія отъ службы. Думаю, что поѣдемъ на Москву и тогда удастся отвести душу предъ тѣмъ, кто украсилъ и ободрилъ мою молодость, и съ участіемъ выслушаетъ на сказку похожую былъ первыхъ лѣтъ моей старости. До тѣхъ счастливыхъ минутъ, въ которыхъ Провидѣніе, надѣюсь, мнѣ не откажетъ, обнимаю васъ покуда заочно. Глубоко вамъ преданный П. Граббе. Письма ваши я получилъ.

9.

2-го января 1856 г. Ревель.

Маленькое созданіе, homunculus, стоящее передъ вами и, пока вы читаете эти строки, пожарающее васъ глазами, есть то, что братъ вашъ Александръ Михайловичъ Каховскій называлъ во время оно *à la mode domestique*,—адъютантъ мой. Но это не все, онъ замѣчательный портретистъ акварелью и получилъ званіе художника. Я согласился дать ему отпускъ съ тѣмъ, чтобы онъ привезъ мнѣ вашъ портретъ и имѣ написанный. Принесите мнѣ эту жертву, позволивъ ему часа два посидѣть у васъ во время вашихъ занятій. Онъ мастеръ своего дѣла.

Наканунѣ Рождества мнѣ удалось вырваться изъ Петербурга. Откланиваясь у императрицы, я сошелся съ Назимовымъ, онъ порадовалъ меня доброю вѣстію о вашемъ здоровьѣ. При этомъ важномъ условіи я готовъ васъ поздравить съ новымъ годомъ. — Каковъ-то онъ будетъ для Россіи! Приготовленія непріятеля для Балтики огромны, но болѣе страшны, только не для него, нашъ предводитель въ Финляндіи. Здѣсь, въ Ревелѣ, я на его слѣдахъ и потому могу себѣ позволить судить о немъ. Непостыжима слѣпота петербургскихъ его защитниковъ. Они принадлежатъ наиболѣе министерству иностранныхъ дѣлъ. Тамъ болтовня часто принимается за способность. Но въ этотъ важный пері-

*

одъ судьбы Россіи такая ошибка страшна, едва не сказалъ, преступна! Она принадлежитъ длинному ряду тѣхъ ошибокъ, которыя довели насъ до настоящаго роковаго положенія и угрожаютъ еще усилить его.

Въ Ревельскомъ портѣ собралось теперь, по уходѣ флотовъ, столько иностранныхъ судовъ, сколько въ мирное время никогда вмѣстѣ не бывало, между ими прекрасный американскій купеческій пароходо-фрегатъ. Они снабдили насъ главною потребностію этого края, солью, болѣе чѣмъ на годъ.

Что вамъ скажу о себѣ? Береговая оборона Ревеля непріателемъ была лучше оцѣнена, чѣмъ своими. Въ нынѣшнемъ году еще усилию ее. Болѣе трехсотъ орудій съ усиленнымъ полетомъ снарядовъ сосредоточатся на пространствѣ рейда, гдѣ можетъ построиться флотъ непріятельскій. Займусь также на случай десанта сухопутной обороной по системѣ отдѣльныхъ фортовъ, съ промежуточными, между каждыхъ двухъ, элементами для резервовъ, во второй линіи, — все въ отдаленіи отъ крѣпости. — Тотлебенъ, съ которымъ я сошелся дружбою, не только одобрилъ это, но жалѣлъ, что, по недостатку въ началѣ средствъ, не могъ такъ-же поступить въ Севастополѣ, и не довольно далеко началъ сооружать наружныя укрѣпленія, уступивъ непріятелю выгодную мѣстность, которую слѣдовало самимъ занять.

Сію минуточку читаю въ приказѣ, что Лидеръ назначенъ главнокомандующимъ на югъ. Дай Богъ счастья!

Обнимаю васъ отъ всей души П. Граббе.

10.

9-го апрѣля 1856 г. Ревель.

Съ глубокою грустью прочелъ я ваше письмо, Алексѣй Петровичъ не вашею рукою написанное и безъ вашей подписи. Стараюсь сохранить надежду, что ослабленіе зрѣнія только временное и уступить леченію, для котораго въ Москвѣ должно быть столько средствъ. Портретъ мой по вашему желанію отправляю, единственный какой былъ. Онъ принадлежитъ еще первому періоду живописи Никитина.

Возможность въ нынѣшнемъ году обнять васъ занимаетъ первое мѣсто въ небольшомъ числѣ пріятныхъ ожиданій, предоставленныхъ мнѣ при настоящей внезапной перемѣнѣ обстоятельствъ. Это можетъ случиться, если вспомнить обо мнѣ при предстоящей коронаціи. Тогда готовьтесь отстаивать противъ меня всѣ углы вашего дома отъ наступательныхъ предиріятій, послѣ исключительно оборонительныхъ, на которые родъ минувшей войны осуждалъ меня.

Вы пишете мнѣ о Давыдовѣ, но съ первой минуты когда Ахиллъ явился ко мнѣ, онъ меня уже не оставлялъ въ качествѣ ординарца и любезнаго мнѣ по памяти Дениса, по образованію и благороднымъ свойствамъ челоуѣка. Какъ Никитинъ адъютантъ-живописецъ, такъ Ахиллъ какъ ординарецъ-пѣвицъ оживлялъ мой военный дворъ. Мы не придумаемъ покуда, что съ нимъ дѣлать, а заниматься имъ, всегда однимъ изъ самыхъ любезныхъ мнѣ людей, я никогда не перестану. — Вы говорите о вашихъ сыновьяхъ—они мнѣ родные по душѣ и въ семействѣ моемъ не одинъ Николай раздѣляетъ эти чувства.

Каждый день я ожидаю упраздненія моего штаба, отчасти уже начатаго. Что со мною будетъ—не знаю. Теперь готовъ даже, не краснѣя, на совершенный покой, если признанъ буду лишнимъ. Съ глубокимъ умилениемъ обнимаю васъ.

11.

18-го февраля 1860 г. с. Блотноца.

Вчера за вечернимъ чаемъ, въ полномъ присутствіи наличнаго семейства: двухъ сыновей, двухъ дочерей и двухъ племянницъ, обрадовало меня, Алексѣй Петровичъ, письмо ваше отъ 21-го до 30-го января. Всегда многозначительныя, письма ваши для меня въ особенности, а въ настоящемъ удаленіи отъ свѣта еще того болѣе, становятся радостнымъ проществіемъ.

Заслуженный выговоръ сыновьямъ за проѣздъ чрезъ Москву, не явившись къ вамъ, засталъ здѣсь одного немирнаго. Николай, мѣсяцъ тому, уѣхалъ на Кавказъ, а немирный оставляетъ меня сегодня, на дняхъ туда же и кабардинецъ, подавшій переводъ въ Сѣверскій драгунскій полкъ для сослуженія съ братомъ; останусь одинъ съ женскою частію семейства. Конечно, мои драгуны, какъ и весь этотъ полкъ не мальплакестскіе драгуны, dragons pour boire, но если это радуетъ отца, то вмѣстѣ возбуждаетъ за нихъ, бѣдовухъ, и опасенія. Надо видѣть ихъ даже дома; Михаилъ недавно одинъ, безъ собакъ, убилъ матераго волка, добивъ его прикладомъ, немирной сѣумѣлъ подъ Петербургомъ, близъ Охты, наткнуться на разбойника, спасти проѣзжаго и связаннаго доставить въ полицію! На какихъ лошадяхъ они у меня ѣздятъ, и съ какихъ кручь они скачутъ, на нихъ страшно смотрѣть! Хотя и самъ я былъ не совсѣмъ осторожный ѣздокъ.

Сыновья спѣшать къ предстоящей экспедиціи, кажется, для покоренія абадзеховъ.

Странно мнѣ при первомъ извѣстїи показалось, чтобы это сильное племя, такъ себѣ, pour le roi de Prusse, изъ платонической нѣжности къ г-ну Филиппону, стало его умолять принять ихъ въ свои объятїя, не прибѣгая къ привычному для нихъ пороку. А сколько изъ этого было шуму, и не одного шуму!

Что вамъ сказать о себѣ? отрѣшенный, безъ сожалѣнїя о томъ, отъ служебной дѣятельности на всѣхъ ея путяхъ, я отказался отъ всякой другой и совершенно уединился въ свой домашнїй бытъ. Сосѣди, нѣкоторые изъ нихъ прїятные, навѣщаютъ меня, или вѣрнѣе сказать, мое семейство, и прощаютъ, быть можетъ, не безъ осужденїя, что самъ я не отдаю никому визита. Вы конечно угадываете, что сельское хозяйство занимаетъ меня не настойчиво, а преимущественно въ отношенїи крестьянъ, сколько это возможно, гораздо прежде преднамѣренныхъ и ожидаемыхъ преобразованїй. Но мысль не всегда обращается въ такой тѣсной рамѣ; она уносится иногда на просторъ, въ даль прошедшаго, скользить по загадочному настоящему и смиряется предъ непроницаемостью всѣмъ общаго будущаго.

21-го февраля. Первые два тома исторїи 1812 года г. Богдановича хотя выражаютъ личныя свойства автора, его добросовѣстность, умѣренность и правдивость, не отнимутъ, кажется, у будущаго историка этой эпохи возможность, пользуясь его-же матеріалами и новыми, которые вѣроятнo отыщутся и явятся, написать новую исторїю, болѣе откровенную, строгую и полную. Ожидая третью часть, едва-ли не труднѣйшую, какъ еще болѣе обильную ошибками, личностями и промахами. — Два дѣла подъ Тарутинимъ описаны въ первыхъ двухъ особенно неудовлетворительно: первое, 22-го сентября, важно какъ положившее предѣлъ наступательнымъ дѣйствїямъ непрїятеля и порядкомъ, съ которымъ были встрѣчены и отражены обходныя движенїя Себастьяни на правый нашъ флангъ. Вы обѣдали у Милорадовича, когда калужскїе депутаты пришли благодарять его, и не безъ удивленїя слышали не только приличный, но и связанный его отвѣтъ, чѣмъ рѣчь его обыкновенно не отличалась. Второе, la déboute du matin, какъ называли дѣло 8-го октября французы, остается очень темно и невразумительно. Описавъ неясно ошибочное направленїе разныхъ частей войскъ нашего праваго фланга и послѣдствїя отъ того, авторъ вовсе умалчиваетъ о происшедшемъ на лѣвомъ флангѣ, назначенїе котораго наступленїемъ съ фронта удерживать Мюрата, чтобы дать время обойти и отрѣзать съ его лѣваго, было остановлено непостижимымъ отозванїемъ Милорадовича въ самомъ началѣ дѣла, въ главную квартиру, отъ чего войска остались безъ начальника. Между тѣмъ пѣхотная колонна поляковъ, выступившая изъ д. Гремячево, первымъ движенїемъ авангарда была отрѣзана и спѣшила, далеко сзади нашей кавалерїи, по большой

дорогѣ, присоединиться къ своимъ. Замѣтивъ это, я подскочилъ къ Ил. Вас. Васильчикову, тогда начальнику кавалеріи авангарда, и донесъ ему объ этомъ. Вмѣсто распоряженія онъ пренебрежительно отвѣтилъ мнѣ, что здѣсь кажется всѣ командуютъ, на что я возразилъ ему: «нѣтъ генералъ, здѣсь кажется никто не командуетъ» и поскакалъ къ отступающей колоннѣ. Никто ее не преслѣдовалъ, пока явилась донская батарея, смѣло подъѣхавшая безъ прикрытія къ самой дорогѣ и осыпавшая поляковъ картечью, безъ большого однако вреда, по причинѣ самой близости и глубины дороги; достигши лѣска, поляки вразсыпную бросились туда и снались въ глазахъ нашей неподвижной кавалеріи. Я видѣлъ отчаяніе г. Бенигсена отъ хода всего дѣла, и когда онъ подъѣхавъ спросилъ, гдѣ Милорадовичъ, на котораго онъ особенно надѣялся, отвѣчалъ ему, что онъ отозванъ, отъ чего и наступленіе остановилось. А этотъ день могъ быть далеко рѣшительнѣе и честнѣе. Выраженіе странное, но полагаю, справедливое. Многое для меня и теперь осталось непонятнымъ. Въ заключеніе скажу однако, что трудъ г. Богдановича нахожу очень заслуживающимъ уваженія.

Грустно мнѣ будетъ, когда и послѣдній мой сынъ Михаилъ на дняхъ меня оставитъ, привыкши въ продолженіе прошедшихъ двухъ лѣтъ видѣть около себя, то всѣхъ вмѣстѣ и Мосоловыхъ, то одного или двоихъ изъ нихъ.

Оканчивая это длинное письмо, мимоходомъ замѣчу, что печать на вашемъ конвертѣ вовсе не была похожа на вашу обыкновенную, всегда опрятную и щеголеватую. Это вѣроятно будетъ и съ моею, хотя употреблю отличный сургучъ и стараніе чисто запечатать. Видно, долго еще, несмотря на благонамѣренность свыше, мы не выберемся изъ глубокой и грязной колѣи, въ которую издавна завязли.

Еще одно: если вы замѣтили, что я пишу ваше имя безъ предшествующаго эпитета, то это потому, что нашъ языкъ хотя молодъ и еще на наковальнѣ, но по ложному и неразборчивому расточенію лучшихъ словъ, назначенныхъ для выраженія глубокихъ и истинныхъ чувствъ, они такъ уже избиты и опошлены, что предпочитаю называть просто ваше имя и отчество, до того впрочемъ знакомое всѣмъ и значительное, что безъ прибавленія даже вашей фамиліи, всякій понимаетъ о комъ говорятъ и что подразумѣваютъ. Этого никто ни дать, ни отнять не можетъ. Не знаю у насъ никого изъ живыхъ, кто раздѣлялъ-бы съ вами это преимущество. Всею душой вашъ П. Граббе.

IV.

Два письма М. И. Богдановича А. П. Ермолову.

1.

9 ноября 1858 г.

Пользуясь отъѣздомъ въ Москву Д. Д. Давыдова, принявшаго на себя трудъ доставить вашему высокопревосходительству мое письмо, осмѣливаюсь просить васъ удостоить меня присылкою свѣдѣній, относящихся къ дѣламъ при Вязьмѣ, Красномъ и Березинѣ. Всякая строка, отъ васъ полученная, будетъ служить для меня достовѣрнымъ историческимъ памятникомъ. Имѣя въ виду изобразить истину—и только одну истину—обращаюсь къ вамъ, представителю славной эпохи 1812 года.

2.

10-го февраля 1859 г. С.-Петербургъ.

Не могу выразить вамъ, глубокоуважаемый Алексѣй Петровичъ, какъ обрадовало меня письмо ваше, доставленное мнѣ вашимъ сыномъ Николаемъ Алексѣевичемъ. Свѣдѣнія, полученные отъ вашего высокопревосходительства, будутъ основаніемъ всего того, что скажу о нашей народной эпопеѣ: называю такъ войну 1812 года потому, что хотя не прошло и полувѣка со времени борьбы Россіи съ Наполеономъ, однакоже сія борьба справедливо приняла въ понятіяхъ всѣхъ и cadaго характеръ событія чудеснаго. Скажу вамъ, удостоивающему вниманія нынѣшнія мои занятія, что, со всѣмъ желаніемъ представить въ настоящемъ видѣ событія, столь близкія каждому русскому, нерѣдко сомнѣваюсь въ успѣхѣ; въ такія минуты перечитываю ваши благосклонныя строки и осмѣливаюсь помышлять, что достаточно тѣхъ драгоценныхъ свѣдѣній, сообщеніемъ которыхъ вы удостоили меня, для приданія моей книгѣ великаго достоинства въ глазахъ всякаго изъ русскихъ. Не лишите меня и впредь вашего вниманія и будьте увѣрены, что я лучше умѣю чувствовать, нежели выразить мою къ вамъ признательность.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НЕРЧІНСКІЙ ЗАГОВОРЪ О ПОВѢГЪ НА АМУРЪ И НА ОСТРОВА ВОСТОЧНАГО ОКЕАНА.

(Очеркъ изъ жизни XVII в.).

I.

Въ XVII вѣкѣ Россія владѣла Амуромъ около 40 лѣтъ, (съ 1650-хъ до 1689-хъ годовъ) и за это время понесла ради этого брая массу жертвъ, не приобрѣтя почти никакихъ выгодъ. Немалые доходы съ Амурса, шедшіе въ государеву казну, всѣ ушли на громадныя расходы по владѣнію краемъ. Большихъ суммъ стоила уже одна сложная организація и медленное передвиженіе цѣлаго корпуса — «Даурскаго полка», подъ начальствомъ воеводы околыничаго Федора Алексѣевича Головина. Полкъ прибылъ въ Нерчинскъ въ 1689 г., т. е. наканунѣ заключенія съ Китаемъ мирнаго договора объ уступкѣ Амурса, и такимъ образомъ оказался бесполезнымъ для своей прямой задачи...

Едва ли не единственнымъ результатомъ сорокалѣтняго обладанія Амуромъ слѣдуетъ признать значительный подъемъ матеріальнаго благосостоянія въ населеніи Восточной Сибири. Массы промышленныхъ, служилыхъ и гулящихъ людей, побывавшихъ на Амурѣ и по своей волѣ, и по наряду отъ правительства, возвращались оттуда съ большими богатствами, добытыми и чистыми промыслами надъ звѣремъ и проч., и нечистыми вымогательствами, и прямымъ грабежемъ амурскихъ инородцевъ. Самъ «даурскій передовщикъ» Ерофѣй Хабаровъ вернулся въ Сибирь съ колоссальнымъ для того времени богатствомъ, сильно однако

пороаставшимъ послѣ вынужденной поѣздки въ Москву и другихъ мытарствъ этого предприимчиваго человека... Другіе же «амурщики» были счастливыѣ Хабарова и успѣвали сохраннно вывезти съ Амура свою добычу и на родинѣ пустить ее въ оборотъ. Именно къ этому времени относится возникновеніе многихъ промышленныхъ и торговыхъ фамлій Восточной Сибири, просуществовавшихъ очень долго.

Понятно, какъ заразительно дѣйствовали примѣры этихъ счастливецѣвъ и какую массу подражателей они вызывали. Какъ стихійно было это движеніе на Амурь—достаточно ясно изъ моего очерка «Бунтъ и побѣгъ на Амурь воровскаго полка М. Сорокина» ¹⁾. Этотъ случай относится къ 1655—56 г.г., т. е. къ самому началу знакомства русскихъ съ Амуромъ. Но такіе случаи, только въ меньшихъ размѣрахъ, бывали много разъ и позже. И не только въ періодъ русскаго владѣнія Амуромъ, но и послѣ Нерчинскаго договора 1689 года Амурь продолжалъ неудержимо привлекать къ себѣ русскихъ людей, уходившихъ туда болѣе или менѣе значительными партіями. Китайскія власти всегда косо смотрѣли на этихъ незнакомыхъ пришельцевѣвъ, но ничего подѣлать не могли съ своимъ слабыми военными силами и ограничивались жалобами русскому правительству.

Въ силу договора, русская пограничная администрація добросовѣстно и зорко слѣдила за нарушителями добрыхъ сосѣдскихъ отношеній и старалась по мѣрѣ возможности пресѣкать попытки русскихъ людей пробраться на Амурь. Очень часто по чьему-нибудь наговору возникали тогда совершенно пустыя «и з м ѣ н и я д ѣ л а» о чьей-нибудь попыткѣ якобы бѣжать на Амурь, какъ, напримѣръ, любопытное дѣло о мнимой «измѣнѣ» прапорщика Даурскаго полка Петра Разички, производившееся въ 1687 г. ²⁾. Хотя оно происходило еще до Нерчинскаго договора, но смыслъ его отъ того не измѣняется.

Дѣло возникло во время пребыванія Даурскаго полка въ Иркутскѣ. Воеводѣ О. А. Головину сдѣлалъ доносъ прапорщикъ полка полковника Антона Фансмалимберка Василій Кучюмовъ на прапорщика того же полка Петра Разичку, будто послѣдній во время пребыванія полка въ Тобольскѣ, въ 1686 году, говорилъ какъ-то на площади, «что онъ хочетъ великимъ государямъ и з м ѣ н и т ь—о т ѣ х а т ь въ Китайское государство...» Въ другой разъ Разичка будто говорилъ, «что онъ останется въ Даурахъ: тамъ-де жить привольнѣе!..» Тотъ же В. Кучюмовъ обвинялъ еще Разичку «въ продажѣ государева пороху».

По приказу окольногочаго Головина произведенъ былъ большой «сыскъ» о Разичкѣ по доносу Кучюмова. Сыщики допрашивали товарищей ихъ

¹⁾ См. въ „Русской Старинѣ“ 1896 г., № 1-ый.

²⁾ „Сибирскаго приказа“ столбецъ № 984.

по полку Франмалымберха и начальныхъ людей и рядовыхъ другихъ полковъ изъ Даурскаго корпуса. Никто не подтвердилъ доноса Кучюмова, и Разичка былъ оправданъ съ большимъ торжествомъ для него. Въ грамотѣ Головину отъ 13-го октября 1687 г. читаемъ: «а по розыску измѣны на П. Разичку и пороховой продажи не явилось. И мы, великіе государи, указали, а бояря наши приговорили: извѣтчику В. Кучюмову за ложной извѣтъ въ измѣнномъ дѣлѣ и въ продажѣ пороху учинить жестокое наказанье—бить кнутомъ на козлѣ нещадно, а П. Разичку прислать къ намъ, великимъ государямъ, къ Москвѣ». Зачѣмъ именно вызывали его въ Москву—не сказано, но очевидно, что для Разички эта командировка была наградомъ за перенесенныя сгряданія во время розыска по ложному извѣту товарища.

II.

Но самое существованіе ложныхъ извѣтовъ объ «амурщикахъ» достаточно свидѣтельствуетъ, что тутъ не было дыму безъ огня, что дѣйствительно въ то время нерѣдко возникали попытки сибирскихъ служилыхъ и гулецкихъ людей бѣжать на Амуръ и тамъ поселиться окончательно. Съ фактомъ такой попытки встрѣчаемся, напримѣръ, въ «сыскѣ» о Нерчинскомъ заговорѣ 1699 г. ¹⁾

Изъ сыска, произведеннаго въ 1700 г. нерчинскимъ воеводою стольникомъ Иваномъ Самойловичемъ Николаевымъ, обнаружались очень серьезныя размѣры заговора, преслѣдовавшаго государственную измѣну. Въ «скопѣ» участвовало до 300 нерчинскихъ казаковъ, промышленныхъ и гулящихъ людей, а по нѣкоторымъ даннымъ болѣе 400 человекъ. Но этого мало: кромѣ нерчинцевъ, въ «скопѣ» съ ними и «въ воровской думѣ» было до 300 человекъ изъ сосѣдняго Удинскаго острога—казаковъ и гулящихъ людей, дѣятельно сносившихся «воровскими грамотками» съ нерчинскими «амурщиками...»

Заговорщики замыслили полное отдѣленіе отъ «государевыхъ воеводъ»: они хотѣли сначала «на Амуръ гулять», а затѣмъ идти на море «острова искать» и «сами хотѣли тутъ жить...» Словомъ, «воровскія думы» были широкія и не могли не встревожить воеводу Николаева, когда онъ 2-го апрѣля 1700 г. неожиданно выслушалъ «извѣтъ» промышленнаго человека Гордѣя Попова, который равнѣе и самъ былъ «въ злой думѣ» съ заговорщиками—«про ту ихъ всю думу звалъ

¹⁾ „Сибирскаго приказа“ столбецъ № 1.346.

и самъ итти съ нами хотѣлъ», но потомъ счелъ за благо выдать товарищей головою воеводѣ...

Гордѣй Поповъ разсказалъ воеводѣ, что 1-го апрѣля, въ понедѣльникъ на святой недѣлѣ, онъ подходилъ ко двору боярскаго сына Никиты Мары и слышалъ, какъ на дворѣ Мара поносилъ Николаева «матерною бранью» и грозился по его адресу такъ: «кликну-де молодежь—а муршиковъ и велю-де разорвать столбника и воеводу Ивана Самойловича Николаева по клоку до смерти!..»

Поповъ вошелъ въ избу на дворѣ Мары, гдѣ проживалъ должникъ извѣтчика — гулящій человекъ Иванъ Запеска (онъ же Южаковъ). Вскорѣ туда же пришли Мара и сосѣдъ его по двору казачій пятидесятникъ Агапихъ Плотниковъ, которому Мара повторилъ ту же угрозу по адресу Николаева. На это Запеска замѣтилъ Марѣ: «за чинаущихъ-де васъ много, а совершающихъ мало!..» Другихъ подобныхъ рѣчей Поповъ не слыхалъ, такъ какъ «при немъ большаи говорить они опасались».

Выслушавъ этотъ словесный извѣтъ Попова и записавши его, воевода Николаевъ тотчасъ же разослалъ гонцовъ по всеѣмъ «занимкамъ», гдѣ проживали не участвовавшіе въ заговорѣ боярскіе дѣти, казаки и другіе служилые люди, съ требованіемъ, чтобы все они «на-скоро» ѣхали въ городъ. Въ тотъ же день онъ арестовалъ оговоренныхъ Поповымъ людей и посадилъ ихъ въ тюрьму.

Къ 15-му апрѣля все вызванные воеводою служилые люди собрались въ городѣ, и только 17-го апрѣля Николаевъ смѣло взялся за свой страшный розыскъ съ пытками—«при всеѣхъ гражданахъ», очевидно «въ поученіе» имъ: «дабы впредь инымъ не повадно было такъ воровать...»

Воевода Николаевъ пыталъ заговорщиковъ жестоко, напримѣръ Агапихъ Плотниковъ «пытанъ и клещами жень, а на пыткѣ ему было 80 ударовъ да 3 стряски...» Когда и послѣ этого страшнаго истязанія воевода не добился отъ страдальца новыхъ показаній, онъ хотѣлъ приступить къ новой пыткѣ, но самъ же долженъ былъ засвидѣтельствовать въ «смыскѣ» (все приговоры въ этомъ «смыскѣ» писаны рукою самого воеводы), что новой пытки не могли дать Плотникову, такъ какъ-де «за пыточною болѣзнью распрашивать невозможно...»

Первымъ былъ допрошенъ боярскій сынъ Никита Мара и, какъ человекъ привлеченнаго сословія, сначала безъ пытки. Мара отвергалъ весь извѣтъ Гордѣя Попова: Николаеву онъ-де ничѣмъ не грозилъ и убивать его не собирался. никакихъ «амурщиковъ» не знаетъ и ни о какихъ заговорахъ ихъ не слыхалъ... Но послѣ первой пытки (10 ударовъ) Мара сознался, что дѣйствительно говорилъ тѣ рѣчи противъ

Николаева, которая передаетъ извѣтчикъ, но больше ни въ чемъ не сознавался. Но вторая пытка (20 ударовъ) заставила Мару высказать больше: подь «амурщиками» онъ разумѣлъ коннаго казака Василья Пѣшкова съ товарищами, которые собирались убить воеводу и ограбить казну государеву—оружіе, порохъ и проч. Неудовольствіе противъ воеводы началось съ тѣхъ поръ, какъ въ августѣ 1699 г. онъ «сажалъ въ тюрьму» Агапита Плотникова (за что—не объяснено): съ этого-то времени у нихъ и «зачался умыслъ бунтовской...»

Агапиту Плотниковъ еще до пытки сознавался, что Мара говорилъ вышеуказанныя «воровскія рѣчи», но объяснялъ, что Мара въ тотъ вечеръ «былъ в рост мѣлю», да и про себя Агапиту показало, что приходилъ къ Марѣ «о Христѣ радоваться—пьяной», да у Мары выпилъ еще пива «2 чашки коптогайныя» (?). Но послѣ Плотниковъ сознавался, что къ Марѣ «приходилъ въ разумѣ—недобре пьянъ», а Поповъ настаивалъ, что Плотниковъ совсѣмъ не былъ пьянъ. Во всякомъ случаѣ отъ Плотникова могли добиться только того, что раньше онъ не слышалъ отъ Мары такихъ «воровскихъ рѣчей» и теперь не придалъ имъ никакого значенія и не донесъ о нихъ потому, что и Мара, и онъ самъ были пьяны... И послѣ страшной пытки Агапиту говорилъ тѣ же рѣчи.

Третье, оговоренное Поповымъ лице—гулящій человекъ Заплеска (Южаковъ) послѣ пытокъ (18 ударовъ и т. д.) сознался, что слышалъ отъ Мары тѣ «воровскія рѣчи» и отвѣчалъ ему такъ, какъ передаетъ Поповъ, но что будто бы никакихъ замысловъ о бунтѣ не слышалъ и никакихъ «амурщиковъ» не знаетъ.

Однако, Мара уже проговорился объ амурщикѣ Васильѣ Пѣшковѣ и этого было достаточно для воеводы, чтобы открыть и остальныхъ главныхъ «заводчиковъ» и всѣ ихъ замыслы.

III.

Конный казакъ Василій Пѣшковъ и былъ главою заговора. Одинъ изъ главныхъ заговорщиковъ, промышленный человекъ Федотъ Лебединой прямо показывалъ: «а зачала сь-де та амурская злая дума отъ Васьки Пѣшкова...» И большинство другихъ заговорщиковъ называли Пѣшкова своимъ «атаманомъ». Эта «дума» зародилась въ немъ болѣе 3-хъ лѣтъ назадъ: все это время онъ вербовалъ единомышленниковъ и къ моменту открытія заговора насчитывалъ ихъ въ Нерчинскѣ и уѣздѣ до 400 человекъ... Понятно, самъ Пѣшковъ на вопросахъ

упорно отказывался отъ приписываемой ему товарищами роли атамана и послѣ пытокъ сознался лишь въ томъ, что былъ въ числѣ «заводчиковъ бунта...»

Были и другіе кандидаты на атаманство — казакъ Яковъ Пономаревъ и «полковой отставной стрѣлецъ» Алексѣй Дубровинъ. Однако, роль Пономарева мало выяснена сыскомъ, за то о Дубровинѣ собрано немало свѣдѣній, ясно показывающихъ, что это былъ одинъ изъ крупныхъ дѣятелей заговора и серьезный соперникъ Пѣшкова по видамъ на атаманство. Многіе заговорщики увѣрили, что «атаманомъ у нихъ быть хотѣлъ Алешка Дубровинъ», въ чемъ однако самъ Дубровинъ на допросѣ не сознавался.

Но главное, въ чемъ обвинялся товарищами Дубровинъ, это поѣздка его въ Удинскій острогъ «для совѣщанія» съ тамошними заговорщиками-казаками о времени и обстоятельствахъ побѣга на Амурь. Дубровинъ сознался, что былъ въ Удинскѣ якобы по своимъ дѣламъ, но увѣрялъ, что никого тамъ подзывать къ побѣгу «не смѣлъ, потому что, будучи онъ тамъ, ни у какихъ людей охоты къ тому побѣгу не слыхалъ...» Однако, другіе участники заговора рѣшительно говорятъ не только о большой склонности удинцевъ къ побѣгу, но и о существованіи прямыхъ переговоровъ о побѣгѣ между ними и нерчинцами, и именно черезъ посредство Дубровина. Нерчинцы особенно потому имѣли «большую надежду» на удинскихъ казаковъ, что тѣ «за прежнія свои бунтовства ¹⁾ опасаютца жестокаго наказанія..»

Недаромъ и воевода Николаевъ не повѣрилъ словамъ Дубровина и въ собственноручной помѣтѣ на допросѣ его пишетъ: «вора Алешку Дубровина про удинскихъ (казаковъ) допросить, чтобъ довѣдатца сущей правды: не подзывалъ ли онъ кого, будучи въ Удинску, къ побѣгу?...» Дубровина пытали («на пыткѣ дано ему 55 ударовъ да 4 стряски»), но онъ мужественно выдержалъ муку и болѣе «ни въ чемъ не виновался...»

Другіе участники заговора рассказали начало подробностей о замыслахъ удинскихъ казаковъ. Нерчинцы совѣтовали удинцамъ пробираться въ Нерчинскъ небольшими партіями и «тайно—въ наймѣхъ (наймнтахъ) у торговыхъ людей». Но удинцы предпочитали дѣйствовать открыто и рѣшительно. Они собирались дожидаться прохода богатаго каравана купчины Григорья Боква съ товарищи, нагнать караванъ въ Читинскомъ острогѣ и ограбить его. Затѣмъ на ограбленныхъ купеческихъ судахъ плыть въ Нерчинскъ и, соединившись здѣсь съ нерчинскими заговорщиками, «сильно» взять государеву казну—пушки, ружья, порохъ

¹⁾ См. мое „Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа“, ч. I, ст. 187, 188, 195, 367.

и проч., ограбить воеводу Николаева, боярскихъ дѣтей и другихъ «пожиточныхъ» служилыхъ и промышленныхъ людей, не участвующихъ въ заговорѣ. Изъ Нерчинска предполагали тронуться на Амуръ по рѣкѣ Шилкѣ, разоря дорогою русскія заимки, беря здѣсь хлѣбныя и другіе припасы, скотъ и проч.

IV

Кромѣ Удинска, нерчинскіе заговорщики свосились еще съ казаками Аргунскаго острога, приглашая ихъ примкнуть къ амурскому движенію. Нерчинцы совѣтовали аргунцамъ ограбить возвращающійся изъ Китая богатый караванъ торговыхъ людей Михаила Остафьева съ товарищи и на добытыя средства идти на соединеніе съ нерчинцами. Но переговоры съ аргунцами еще не были закончены, когда нерчинскій заговоръ сталъ извѣстенъ правительству.

У нерчинцевъ было рѣшено поднять знамя бунта весной, дождавшись удинскихъ казаковъ. Но если бы послѣдніе замедлили, или что-нибудь помѣшало имъ во-время тронуться въ путь, нерчинцы рѣшили и одни двинуться на Амуръ, безъ удинцевъ.

Въ Нерчинскѣ заговорщики собирались «на думу» въ избѣ казака Ивана Чмутина—одного изъ главныхъ дѣателей заговора. Всѣ главные заговорщики до указа государя были «перекованы и посажены въ тюрьму». Одинъ изъ нихъ Иванъ Нечаевской изъ-подъ караула бѣжалъ. Воевода послалъ въ погоню за нимъ казаковъ коннаго Михаила Гантимурова (изъ извѣстной фамиліи «статскихъ князцовъ») и пѣшаго Семена Тумана. Но имъ не удалось поймать бѣглеца, и куда онъ скрылся—осталось неизвѣстнымъ.

Всѣхъ заподозрѣнныхъ въ заговорѣ воевода допрашивалъ съ пытками, и многіе сначала запирались, но потомъ во всемъ сознавались болѣе или менѣе и выдавали своихъ товарищей. Одно только изъ заподозрѣнныхъ воеводою лицъ осталось пока не допрошеннымъ во время сыска и именно вслѣдствіе его высокаго положенія. Это былъ воеводскій товарищъ Николаева—нерчинскій «подъячій съ приписью» Лука Кочмаревъ... Его имя ни разу не встрѣчалось въ «сыскныхъ и пыточныхъ рѣчахъ» нерчинскихъ заговорщиковъ: никто изъ нихъ не только не указывалъ на воеводскаго товарища какъ на своего единомышленника, но даже вообще ни разу не упомянулъ имени Луки Кочмарева. Но у воеводы, очевидно, были какія-то свои подозрѣнія противъ Кочмарева, съ которыми онъ несомнѣнно не ладилъ...

Въ дѣйствительности же, кромѣ боярскаго сына Никиты Мары, въ заговорѣ никто больше не участвовалъ изъ служилой аристократіи Нерчинска. По составу заговорщиковъ это было чисто народное движеніе, вызванное къ жизни вполне естественными причинами, а не вздутое какъ либо искусственно, напримѣръ враждою Кочмарева къ Николаеву и т. п.

V.

Какіе же планы были у нерчинскихъ «амурщиковъ»?— Часть ихъ— незначительное и рядовое меньшинство— мечтало только о побѣгѣ на Амуръ и дальше не простирало своихъ плановъ. Здѣсь, на Амурѣ, они собирались устроиться на постоянное и самостоятельное житье. Нѣкоторые говорили, что они «хотѣли въ Албазинѣ городъ строить», т. е. въ томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то стоялъ русскій городъ Албазинъ, уничтоженный по Нерчинскому договору 1689 г.

Но большинство амурщиковъ, и въ томъ числѣ Василій Пѣшковъ и всѣ главные «заводчики бунта», смотрѣли на Амуръ какъ на временную станцію и какъ на путь, который необходимо пройти, чтобы достигнуть моря и лежащихъ на немъ острововъ. Именно здѣсь, на одномъ «богатомъ островѣ» Восточнаго океана В. Пѣшковъ съ товарищи мечтали зажить самостоятельную жизнью свободной общины...

В. Пѣшковъ говорилъ на смыскъ, что онъ собирался «приплывши до моря, сыскавъ островъ богатой, и на томъ островѣ людей побить и самъ тутъ съ своими прибранными людьми хотѣлъ жить».

Онъ говорилъ, что про «богатой островъ» на морѣ «слыхалъ у прежнихъ амурскихъ старыхъ казаковъ...» Среди заговорщиковъ нашлось даже одно лицо, побывавшее уже раньше на тѣхъ островахъ, куда стремились нерчинцы. Это былъ вышеупомянутый Федотъ Лебединой: «въ прежніе годы онъ тамъ, на островахъ, бывалъ съ амурскими вольными казаками». Именно Ф. Лебединой «вѣжемъ у нихъ хотѣлъ быть до острова на морѣ...»

По всей вѣроятности, промышленному человѣку Федоту Лебединому пришлось побывать «съ амурскими вольными казаками» именно на о. Сахалинѣ и на ближайшихъ Курильскихъ и Японскихъ островахъ. Такимъ образомъ, открытіе русскими о. Сахалина слѣдуетъ отнести еще къ 3-й четверти XVII вѣка.

Заговорщики понимали, что ихъ задачѣ— пробраться на морскіе острова—могутъ серьезно помѣшать катайцы, владѣвшіе съ 1689 г.

всѣмъ теченіемъ Амура. Но нерчинцевъ это препятствіе не останавливало, и они собирались обмануть китайцевъ именемъ «великаго государя». Нѣкоторые говорили на сыскѣ: «а мимо китайскихъ береговыхъ по Амуру городовъ хотѣли они проплыть къ морю обманомъ, такъ что назватца будто отъ великаго государя послы за море они посланы, и тому бы-де китайцы повѣря, ихъ пропустили безъ задержанія». Изъ этихъ словъ видно, что амурщики собирались только воспользоваться для своихъ цѣлей именемъ «великаго государя», но о дѣйствительной службѣ ему и не помышляли...

Пройдя китайскіе города на Амурѣ, они собирались, «приплывши на устьѣ Амура, у моря зимовать, и такожъ какъ и прежніе (т. е. вольные амурскіе) казаки жить, и на иноземцовъ въ походы ходить, и разорять (ихъ). А какъ бы-де зима прошла и имъ бы на другое лѣто итти по морю на островъ, и островъ сыскавъ, и на томъ островѣ иноземцевъ побить и сами хотѣли тутъ жить...» Планъ истребленія «иноземцевъ» на островѣ еще разъ говорить, что амурщики готовили тотъ островъ для себя, а никакъ не для «великаго государя»: интересы послѣдняго требовали не полнаго истребленія инородцевъ, а напротивъ полнаго сохраненія ихъ для неукоснительнаго обложенія ихъ «ясакомъ» на пользу «государевой казны»... Амурщики же собирались «сами жить» на островѣ и надѣялись прожить безъ помощи ясака, а потому и не дорожили сохраненіемъ инородцевъ...

Но всѣмъ этимъ широкимъ планамъ нерчинскихъ амурщиковъ не суждено было сбыться, благодаря измѣнѣ товарищескому дѣлу торговаго человѣка Гордюшки Попова... Какой приговоръ вынесла Москва нерчинскимъ заговорщикамъ и какому наказанію были подвергнуты главные «заводчики»—изъ «сыска» воеводы И. С. Николаева не видно, а другіе документы по этому дѣлу мнѣ неизвѣстны, если только они существуютъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что общее амурское движеніе среди нерчинцевъ затихло послѣ воеводскаго розыска и погрома, и можетъ быть только отдѣльными лица или маленькія партіи изъ бывшихъ «амурщиковъ» пробовали впоследствии попытать счастья на Амурѣ и морскихъ островахъ и, конечно, только гибли тамъ безслѣдно и безрезультатно для себя и своихъ единомышленниковъ.

Н. Оглоблинъ.

По поводу толковъ объ освобожденіи крестьянъ въ 1830 году.

I.

Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ Закревскаго губернатора отъ 4 мая 1830 года.

До свѣдѣнія его императорскаго величества дошло, что съ нѣкотораго времени люди неблагонамѣренные или развратные начали, подобно прочимъ прежнимъ примѣрамъ, разсѣвать слухи о намѣреніи правительства дать крестьянамъ свободу.

Хотя ваше превосходительство въ высочайшемъ манифестѣ, 12 мая 1826 года изданномъ и 13 того же мѣсяца отъ Правительствующаго Сената опубликованномъ, имѣете уже полное руководство къ дѣйствіямъ вашимъ по предмету сему, — однако-жъ его величеству угодно было высочайше повелѣть мнѣ, поставить вамъ снова въ непремѣнную обязанность преслѣдовать строжайшимъ образомъ всѣхъ тѣхъ, кои подобныя ложныя слухи распространять будутъ, принимая вмѣстѣ и самыя дѣятельнѣйшія мѣры къ прекращенію и малѣйшихъ признаковъ неповиновенія крестьянъ помѣщикамъ ихъ. Его величество, пребывая въ непреложныхъ правилахъ о сохраненіи тѣхъ отношеній, въ коихъ крестьяне находятся къ помѣщикамъ ихъ, поставляетъ въ особенную обязанность вашего превосходительства опровергать всѣ толки, сему не сообразныя.

II.

Секретный циркуляръ управляющаю министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Федора Энгеля губернаторамъ по тому же предмету 22 декабря 1830 года.

Г. генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ сообщилъ мнѣ, что до свѣдѣнія государя императора неоднократно доходили нелѣпыя толки, распространяемые въ губерніяхъ неблагонамѣренными, или вѣроятнѣе, глупыми людьми о переходѣ крестьянъ изъ владѣнія помѣщиковъ въ казну и тому подобныя; что таковыя толки тѣмъ болѣе требуютъ вниманія, что, распространяясь въ мѣстахъ, подверженныхъ холерѣ, они еще болѣе возмущаютъ легковѣрныхъ и тревожатъ малодушныхъ, и что его императорское величество высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ обратить особенное вниманіе на сіе обстоятельство и предписать циркулярно гг. предводителямъ дворянства, чтобы они старались благоразумными и скромными мѣрами открывать источники таковыхъ толковъ, и по долгу своего знанія сколь можно содѣйствовать къ прекращенію ихъ въ самомъ началѣ.

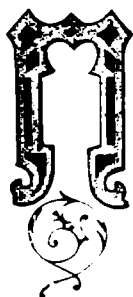
Сообщилъ Г. И. Студенкинъ.

Павелъ Александровичъ Гвоздевъ

и

ЕГО СТИХОТВОРЕНІЯ.

Номѣщая три стихотворенія П. А. Гвоздева, редакция, къ сожалѣнію, имѣеть о немъ очень мало біографическихъ свѣдѣній. Извѣстно, что онъ воспитывался въ инженерской школѣ, имѣлъ отличныя способности и былъ любимцемъ великаго князя Михаила Павловича за находчивость, смѣлость, остроуміе и умѣнье отпарировать его шутки. При каждомъ посѣщеніи школы, первыми словами великаго князя было: «цозвать ко мнѣ маленькаго Гвоздева».

Еще будучи въ школѣ, онъ написалъ слѣдующій отвѣтъ М. Ю. Лермонтову на его стихи «На смерть Пушкина»:

Зачѣмъ порывъ свой благородный
Ты имъ навязъ, младой поэтъ?
Вгляни какъ этотъ міръ холодный
Корою льдяною одѣтъ!
Напрасно звукъ души печальной
Какъ эхо порванной струны
Раздался въ пѣснѣ погребальной...
О вѣтъ! Поэтъ! твоей страны
Сердца покрыты зимней вьюгой,
Ихъ чувства холодны какъ ледъ,
Ихъ души мертвы въ кольчугѣ,
Имъ недоступенъ твой полетъ!..
Напрасно лирою печальной
Ты имъ воспѣлъ удѣлъ Творца
Слезы не кануло прощальной
На гробъ убитаго пѣвца—

*

Пѣвца Кавказа, русской славы...
 Имъ пѣснь твоя, какъ судъ кровавый,
 Для нихъ она, какъ грозный мечъ;
 Не могъ ты въ ихъ душѣ презрѣнной
 Свободной истинной зажечь
 Огонь высокій и священный.

Не позналъ ихъ бездушный свѣтъ
 Порыва благородной мести:
 Ихъ души алчныя, поэтъ,
 Горять въ и . . . , низкой лести;
 Твой стихъ свободнаго пера
 Обидѣлъ гордое тщеславье,
 И стаа врань у ногъ Царя
 Какъ милость ждуть твое безславье...
 Но ты гордись, молодой пѣвецъ,
 Предъ кознями ихъ адской злобы:
 Не расплести имъ твой вѣнецъ
 Пускай отвернутся хотъ гробы,

Не ты ль сказалъ: «есть грозный судъ!»
 И этотъ судъ—есть судъ потомства,
 Сей судъ прочтеть ихъ приговоръ
 И на листѣ, какъ вѣроломство,
 Онъ впишетъ имя ихъ въ позоръ.

Слб. 22 февраля 1837 г.

Однажды, въ не классное время Павелъ Александровичъ читалъ раз-
 валясь книгу. На замѣчаніе воспитателя, онъ отвѣтилъ, что теперь не
 классное время и сидѣть свободно можно. Воспитатель сказалъ ему еще
 что-то, а Гвоздевъ ему вслѣдъ въ полголоса: «подлецъ». Это слово было
 тотчасъ же доведено до свѣдѣнія директора, но П. А. отперся, и всѣ това-
 рищи его поддержали. Когда же директоръ призвалъ его къ себѣ въ ка-
 бинетъ и сталъ его убѣждать признаться не какъ директору, а какъ
 отцу родному, и далъ честное слово сохранить его признаніе въ тайнѣ—
 Гвоздевъ чистосердечно признался. Начальникъ не исполнилъ даннаго
 слова и донесъ куда слѣдуетъ. Павла Александровича разжаловали въ
 солдаты и отправили на Кавказъ.

Къ этому времени относится слѣдующее его стихотвореніе:

Я жертвой палъ людей ничтожныхъ,
 Ихъ сердце грустно разгадалъ,
 Коварство чувствъ и ласкъ подложныхъ
 Въ душѣ ихъ горько прочиталъ!
 Не вѣрю въ ихъ руки пожатье,
 Не вѣрю и словамъ людей;

Въ ихъ ласкахъ ядъ, въ устахъ проклятыя
 Въ нихъ жало смертносныхъ змѣй...
 Кто вѣшалъ съ злобой самовластыя
 Бразды печали надъ челоми?
 Кто наложилъ печать несчастья
 И радость затанулъ узломъ?
 Кто душу съ пылкими страстями
 Въ сосудъ холодный обратилъ,
 И жизнь кровавыми слезами
 Съ улыбкой черствой отравилъ?..
 Вы, дѣти жалкаго разврата,
 Позоръ для имени Творца!
 Готовые за шелехъ злата
 Продать и брата, и отца!
 Вы, люди рабской клеветы
 Расторгли святость близкихъ узъ,
 Попрали счастье паче,
 Мигъ жизни обратили въ грузъ...
 Но не страшусь громы несчастья;
 Нѣтъ! Участь злая не сразитъ;
 Въ душѣ осталась твердость власти,
 Пусть грянетъ громъ, и какъ гранитъ
 Перенесу ударъ я рока,
 И не поникну я главою
 Передъ губительной судьбой,
 И не уняжусь до порока.
 Да, я возстану противъ зла
 Всѣхъ бѣдствій жизни лютой...
 Ужель безсмертная душа
 Падеть предъ смертною минутой?!.

Сиб. 20-го марта 1837 г.

Черезъ годъ Гвоздевъ былъ произведенъ въ офицеры, вышелъ въ отставку и поступилъ на службу въ канцелярію къ брату Александру Александровичу Гвоздеву, который тогда служилъ у князя А. С. Меншикова по морскому вѣдомству и былъ его любимцемъ ¹⁾. Впрочемъ, Гвоздевъ—поэтъ былъ плохимъ чиновникомъ, но увлекался поэзіею и писалъ стихи, надъ чѣмъ часто подшучивалъ и князь Меншиковъ. Изъ такихъ стихотвореній въ редакцію доставлено только одно помѣщаемое ниже:

Изъ Байрона.

Есть въ жизни нѣтъ: непостижимо
 Она свилась еще съ другой,—

¹⁾ Впоследствии А. А. Гвоздевъ былъ директоромъ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

И мечь судьбы неотразимой
Не разлучить ихъ межъ собой.

Есть призракъ: эти очи
Свой взоръ покоили на немъ;
Имъ въ сновидѣньяхъ темной ночи
Онъ отражался свѣтлымъ днемъ.

Есть голосъ: въ немъ какъ звукъ рая
Дрожить аккордомъ пѣснь любви,
И херувимовъ пѣснь святая
Слаба предъ звуками любви.

Есть образъ: нѣжный его глянecъ
Въ ланитахъ скромностью горитъ;
Но юный пурпура румянецъ
Безъ словъ, но много говорить.

Есть и уста: а ихъ лобзанья
Въ свои уста переливалъ
И шопотъ робкаго признанья
Я съ поцѣлуями вливалъ.

Есть грудь: когда къ ней съ нѣгой страстной
Склонился судоржно glavой,
Съ улыбкой взоръ, какъ день прекрасный—
Блестѣлъ алмазною слезой.

Есть сердце—сердцу услажденье;
Имъ вѣетъ радостью печаль,
И ихъ взаимное биенье
Не раздѣлитъ ни смерть, ни даль.

Есть двѣ души: во души эти,
Какъ два спаянныя звена,
И разлучатся въ этомъ свѣтѣ
Иль обѣ вдругъ, нѣтъ ни одна!..

П. А. Гвоздевъ скончался въ 1851 году отъ разлитія желчи.

Д. П. Руничъ и поэтъ Байронъ.

Письмо Д. П. Рунича къ издателямъ „Русскаго Инвалида“

23-го апрѣля 1820 г. С.-Петербургъ.

Читая всегда съ сердечнымъ удовольствіемъ издаваемые вами милостивые государи листы, и по цѣлѣ и содержанію истинно-полезныя и любопытныя, не могу удержаться чтобъ не изложить въ письмѣ семъ чувствъ, возбужденныхъ во мнѣ статью о англійскомъ стихотворцѣ лордѣ Байронѣ, переведенною изъ парижскаго журнала «Conservateur», и помѣщенною въ 92 № почтеннаго и заслуженнаго «Русскаго Инвалида».

Признаюсь, мнѣ и грустно и досадно стало встрѣтить статью сію въ «Рускомъ Инвалидѣ»:—она въ немъ такъ не уместна, какъ белена между розами! Рускій добродушный, правдивый Инвалидъ, не французскій журналъ Des Dames & des Modes, не англійская Morning-Chronicle, и не нѣмецкая Немезисъ. Вѣра и отечество, храбрость и великодушіе, вотъ предметы достойныя рускаго воина! Что къ нимъ относится, то только ему и мило и любовно, ибо ему извѣстно по наслѣдству отъ прадѣдовъ и дѣдовъ, что благосостояніе его родины, на сихъ только, выдержавшихъ всѣ обуреванія житейскаго моря, твердыхъ и основано. Что ему нужны до ядовитыхъ, заразительныхъ мечтаній французскихъ, англійскихъ и германскихъ поэтовъ, филологовъ и философовъ! Онъ знаетъ, что жизнь его, дѣятельность и всѣ способности, принадлежать Богу, государю и отечеству; держится сего стариннаго правила и во время мира—вкушаетъ плоды мира, въ семейственной и гражданской жизни, а во время брани—сражается и побѣждаетъ.

Листы ваши всегда отличались извѣстiями о вѣрѣ русскихъ, объ ихъ подвигахъ человѣколюбія, объ ихъ мужествѣ, преданности къ престолу и военныхъ и гражданскихъ доблестяхъ. Итакъ, могутъ ли съ толико назидательными для возрастающихъ сыновъ благословенной Россіи примѣрами и образцами стать наравнѣ критическія сужденія французскаго журналиста-философа объ англійскомъ безбожникѣ стихотворцѣ, имѣющемъ по мнѣнію самого французскаго критика: мрачную и свирѣпую душу и изуродованный самолюбіемъ разумъ, воспламененные и освѣщенные адскимъ огнемъ!

Сверхъ того позвольте, милостивые государи, спросить, какая можетъ заключаться польза для русскихъ и вообще для человѣчества въ томъ вѣдѣніи или увѣдомленіи, что въ Англии, или Америкѣ, или Австраліи есть чудовища, въ ожесточенномъ невѣрiи сплетающія желѣзныя системы и поэмы, цѣлю коихъ есть то, чтобъ представить преступленіе страстию и необходимою потребностію великихъ душъ. Что тутъ великаго, изящнаго, полезнаго? Не философія ли это ада? Къ чему же служить повѣстка о такой новой философіи, въ такое время, когда бѣдное человѣчество и безъ того довольно уже отравлено подобными поэзіями и философіями. Что подумать, когда ядовитыя мечты распространителя вельзевуловой логики, хотя и признаются пагубными, со воѣмъ тѣмъ уважаются какъ изящное произведеніе, а творецъ ихъ называется истиннымъ поэтомъ.

О чемъ кто не слышитъ, того и знать не желаетъ; любопытство прокладываетъ дорогу въ сердце самому ужаснѣйшему богоотступству и злодѣяніямъ. Изъ тысячи человѣкъ, влюбившихся по слуху въ Вольтера, конечно десять не читали бы его, когда-бъ труба не такъ громко трубила и газеты и журналы не такъ много говорили о семь патриархѣ невѣрiя. Кого не увлекало любопытство?

«Инвалида» вашего читаютъ многія тысячи всякаго возраста и состоянія людей. Изъ статьи о Байронѣ всякій узнаетъ мнѣніе сего стихотворца, узнаетъ какими онъ одушевлялся понятіями. Увидить,—а это очень важно—что въ ученomъ свѣтѣ онъ почитается и славнымъ, и гениемъ и повтомъ, несмотря на то, что гений его уподобляется блеску зловреднаго метеора; что талантъ его обольщаетъ душу, не успокаивая и не убѣждая ее, и что въ твореніяхъ его находятся одни только блуждающіе огни, мерцающіе надъ глубокою пропастью!

Кто заразится бреднями Байрона, — такой погибъ на вѣки; подобныя впечатлѣнія, особенно въ юныхъ сердцахъ, съ трудомъ изглажи-

ваются. Поэзія Байроновъ и приписываемое имъ достоинство гениевъ и истинныхъ поэтовъ родятъ Зондовъ и Лувелей! Горе человѣку тому, говоритъ Спаситель, имъ же соблазнъ приходитъ. Горе тому, кто соблазнитъ единого изъ сихъ меньшихъ. Кого публично похвалами превозносятъ, тому и подражать хочется, кто слыветъ гениемъ,—на того и походить всякъ желаетъ.

Вы скажете можетъ быть на это, что хвалится только гениіи и поэзія Байрона, а философія его осуждается и представляется такою какою есть. Но что значить хвалить способности убійцы потому, что онъ съ особливимъ искусствомъ, проворствомъ и сноровкою людей рѣжетъ и убиваетъ;—тогда когда о убійствѣ и убійцѣ развѣ только съ содраганіемъ и отвращеніемъ говорить должно! Убійца, каковъ бы онъ ни былъ, есть извергъ. Итакъ, какую пользу для человѣчества, просвѣщенія и благосостоянія обществъ принесетъ извѣстіе о смертоубійцѣ, который, какъ сказано выше, съ особливимъ искусствомъ людей рѣжетъ и убиваетъ. Не то-ли же самое сказать слѣдуетъ о гениіи Байрона? Стихотворческій духъ его показываетъ, говорятъ, истиннаго поэта—высокое достоинство, не спорно, но стихотворенія его исполнены смертоноснаго яда, такой философія, которую изрыгаетъ одинъ только адъ. Итакъ, прославлять поэзію лорда Байрона есть то же что выхвалять и превозносить убійственное орудіе, изощренное на погибель человѣчества.

Простите меня, милостивые государи, что я такъ жарко вооружился противъ гевія и поэзіи англійскаго лорда-стихотворца, у котораго вѣроятно довольство, праздность и желаніе чѣмъ нибудь прославиться вскружили голову, и который, талантъ, отъ Бога ему данный, обратилъ въ ножъ противу себѣ подобныхъ. Такое употребленіе таланта не заслуживаетъ чести, приписываемой гению, и достоинства имѣть не можетъ, особенно между христіанами. Всякій изъ нихъ, безъ сомнѣнія, пожалѣетъ о поэтѣ, воспламененномъ адскимъ огнемъ, и прибѣгнетъ, конечно, къ источнику любви и милосердія, отъ котораго единственно пристокаетъ свѣтъ, дабы онъ просвѣтилъ мракъ всякой обольщенной адомъ души безбожника или атеиста; но на произведенія такого духа смотрѣть будетъ съ ужасомъ и отвращеніемъ!

Я не могъ остаться равнодушнымъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о вредѣ, который что либо соотечественникамъ моимъ причинять можетъ, какъ бы онъ отдаленнымъ ни казался. Думая впрочемъ, что ревность къ благу отечества должна одушевлять насъ во всѣхъ отношеніяхъ и случаяхъ, какъ бы они маловажными ни казались, по сему и сообщаю вамъ мои замѣчанія. «Русскому Инвалиду» свойственно возвѣщать согражданамъ своимъ, храбрымъ воинамъ и мирнымъ гражданамъ торжество вѣры надъ невѣріемъ, великодушія надъ злобою, безкорыстія надъ

личностию, добродѣтели надъ порокомъ. Вотъ предметы, достойные вниманія русскихъ! Что имъ нужды до романтической чувствительности и нѣжности французскихъ трубадуровъ, мрачной поэзіи англичанъ и человѣконенавистной философіи нѣмцевъ! Мы имѣемъ свѣтъ истинный, просвѣщающій и освѣщающій всякаго человѣка. Будемъ держаться сего свѣта, не обращая и вниманія нашего на чадныя факелы лжеистиннаго разума, какой бы онъ ни былъ, англійскій, французскій, греческій или санскритскій.

Императоръ Александръ I и графъ Армфельдъ.

(1811—1812 г.г.)¹⁾.

IX.

Событія 1813 и 1814 гг. Ненависть Армфельда къ Наполеону и опасенія за будущую судьбу Европы. Отношенія Армфельда къ императору Александру и заботы о будущей судьбѣ Польши.

ай вамъ Господь всего хорошаго для наступающаго года, а главное увѣренность въ томъ, что дикій звѣрь будетъ побѣжденъ!» Такъ поздравлялъ Армфельдъ письмомъ своего стараго друга Ерѣнстрема съ новымъ 1813-мъ годомъ. «Для насъ начался счастливо этотъ годъ, — писалъ онъ нѣсколько дней спустя, — ибо есть большая надежда на окончательное сверженіе Наполеона. Дай Богъ, чтобы въ продолженіе наступающаго года этотъ шарлатанъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе показывалъ себя въ своемъ настоящемъ свѣтѣ, и дай Богъ, чтобы освобожденная Европа поняла наконецъ, до какой степени всѣ умы были помѣшаны и воображеніе всѣхъ отуманено!»

Горячее желаніе Армфельда исполнилось; раньше даже окончанія этого года, въ самый канунъ 1814 года Блюхеръ направился по Рейну и вступилъ во Францію; послѣдніе дни кровавой власти Наполеона приходили къ концу. Однимъ изъ искреннихъ желаній Армфельда было ознаменовать чѣмъ нибудь изгнаніе французовъ изъ Россіи. Поэтому, когда въ 1814 году онъ приказалъ построить для себя и своихъ склепъ въ церкви Халико, находящейся въ его Оминской вотчинѣ, то согласно

¹⁾ См. „Русскую Старину“ сентябрь 1896 года.

его желанію была сдѣлана надъ входомъ уснальниці слѣдующая надпись: «Этотъ склепъ начатъ и оконченъ въ тотъ самый достопримѣчательный годъ, когда императоръ Александръ I, Богомъ избранный и благословенный, освободивъ Европу отъ безчестія и гнета, вернулъ ей законный порядокъ и тишину».

Между тѣмъ и для него насталъ, наконецъ, одновременно съ мало-по-малу водворяющимся спокойствіемъ на всемъ свѣтѣ, также миръ послѣ бурно проведенной жизни. Подъ гнетомъ тяжелыхъ физическихъ страданій, онъ сталъ давно понимать, что и его поприще приходитъ къ концу. Однако же наружное спокойствіе характеризовало послѣдній годъ жизни барона, по крайней мѣрѣ сравнительно съ предыдущими годами. Вдали отъ главнаго мѣстоудѣйствія, гдѣ происходили крупныя событія того времени, ему представлялось менѣе случаевъ принимать въ нихъ личное участіе, какъ дѣлалъ онъ въ самомъ началѣ всемірной войны.

Разстояніе, которое отдаляло Армфельда отъ Александра I способствовало тому, что роль ближайшаго совѣтника императора отчасти прекратилась, а долгое отсутствіе государя было причиной того, что управленіе дѣлами Финляндіи не имѣло болѣе прежняго реформаторскаго характера какъ до начала войны.

Въ февралѣ 1813 года Армфельдъ писалъ Ерѣнстрему: «Я одновременно хочу и не хочу ѣхать въ армію—время года, траты, здоровье, все говоритъ мнѣ не ѣхать, но зато мои принципы всегда берутъ верхъ надъ остальными соображеніями и остаются побѣдителями — когда требуется, чтобы я умеръ на своемъ посту». 1-го марта онъ былъ уже готовъ къ путешествію; однако его стало беспокоить его здоровье, онъ чувствовалъ, что постарѣлъ и ослабѣлъ. Къ тому же онъ сталъ сильно сомнѣваться, будутъ ли довольны его прїездомъ въ главную квартиру. «Я отложилъ свою поѣздку по многимъ причинамъ, — писалъ онъ въ апрѣлѣ, — и на этомъ основаніи рѣшился во избѣжаніе непріятностей спросить у государя, какого рода будутъ его приказанія. Въ главной квартирѣ всѣ такъ озлоблены на каждаго, кто туда прїѣзжаетъ, что простое приглашеніе туда прїѣхать зрителемъ меня пугаетъ». Однако никакія приказанія не приходили изъ главной квартиры. Государь находилъ присутствіе Армфельда болѣе необходимымъ въ Петербургѣ, чѣмъ въ Вильнѣ.

По окончаніи похода, императоръ, встрѣтись съ Армфельдомъ лично объяснилъ ему тѣ причины, которыя заставляли его не вызывать барона въ главную квартиру ¹⁾. Армфельдъ былъ принужденъ къ вели-

¹⁾ Армфельдъ пишетъ Ерѣнстрему 3-го августа 1814 г.: «Онъ удостоилъ дать мнѣ отчетъ, почему я не былъ вызванъ въ главную квартиру; причины,

кому своему сожалѣнію, поквннуть мечты объ участіи въ предстоящемъ походѣ; хотя въ общемъ воспоминаніи о главной квартирѣ въ Вильнѣ, Дриссѣ и Смоленскѣ въ 1812 году, не должны были заставить его сожалѣть о томъ, что онъ игралъ лишь тамъ роль пассивнаго зрителя. «Зачѣмъ мнѣ рыскать повсюду какъ вѣчный жидъ?—писалъ онъ дочери въ маѣ 1813 года, — когда все идетъ превосходно безъ моей помощи; я не хочу въ мои годы замскивать!» ¹⁾).

Такимъ образомъ ему пришлось остаться въ Петербургѣ. Лѣтніе мѣсяцы онъ проводилъ на дачѣ, купленной имъ въ Царскомъ Селѣ. Въ июлѣ, октябрѣ и ноябрѣ онъ сдѣлалъ непродолжительное путешествіе по Финляндіи. Въ ноябрѣ ему было суждено въ послѣдній разъ видѣть свое дорогое Омине ²⁾). Вскорѣ послѣ возвращенія своего въ Петербургъ онъ заболѣлъ той мучительной болѣзнію, которая послѣ девяти мѣсяцевъ завершила его существованіе. Въ теченіе 1813 года графиня Армфельдъ жила въ Швеціи, и прибыла въ Петербургъ тогда, когда у мужа ея показались первые припадки тяжелаго недуга. Послѣдній годъ жизни Армфельда не прошелъ бездѣятельно, даже физическія страданія не могли уменьшить въ немъ жажды къ работѣ или умѣрить жизненные силы его необыкновеннаго ума ³⁾). Онъ работалъ постоянно, сидя у своего письменнаго стола, пользуясь тѣми минутами, когда болѣзнь не приковывала его къ постели. Дѣловыя бумаги, политическія статьи составлялись Армфельдомъ въ такомъ же количествѣ какъ прежде. Жена его съ безпокойствомъ смотрѣла на его неутомимую дѣятельность даже въ минуты самыхъ тяжелыхъ страданій. Частыя

заставившія его дѣйствовать такъ, не подлежатъ никакому обсужденію». Обстоятельство это послужило поводомъ къ слуху, будто Армфельдъ въ неименности у Александра I.

¹⁾ Ерѣнстрему онъ писалъ, 22-го апрѣля 1813 года. «Если бы намъ было суждено приблизиться къ Франціи, и если бы началась настоящая война—тогда я хотѣлъ бы принять въ ней участіе, т. е. быть на театрѣ войны; въ такомъ случаѣ я непременно бы пригласилъ моего стараго товарища, въ Верелѣ, ѣхать со мной, и, быть можетъ, намъ еще удалось бы обонимъ сдѣлать что нибудь хорошее».

²⁾ Тогда стояли тяжелыя времена для Финляндіи. Армфельдъ выказалъ большую щедрость своему народу въ Омине, понизивъ цѣны на хлѣбъ въ своемъ имѣніи и приказавъ вернуть крестьянамъ обратно тотъ излишекъ денегъ, который былъ заплаченъ ими раньше за муку.

³⁾ Въ письмѣ къ своей дочери Армфельдъ говоритъ о своей жадѣ къ дѣятельности, которая съ ранняго дѣтства не покидала его. «Я никогда не могъ обойтись безъ этой дѣятельности, и въ головѣ моей постоянно рождались новыя мысли и новыя проекты, надъ исполненіемъ которыхъ я съ жаромъ работалъ». И дѣйствительно оно было такъ: вся жизнь его свидѣтельствуетъ объ этомъ и вполне оправдываетъ его собственную о себѣ характеристику.

бумаги, оставшіяся послѣ его смерти и написанныя имъ во время его болѣзни, не лишены также нѣкотораго интереса. Онъ слѣдилъ съ одинаковымъ вниманіемъ какъ и прежде за политическими и военными событіями, которыя совершались послѣ изгнанія французовъ изъ Россіи. Онъ ни минуты не сомнѣвался въ томъ, что «всемирный тиранъ» оканчиваетъ свое поприще, и дѣлалъ все, что было въ его силахъ, чтобы скорѣй пришелъ этотъ желанный всѣми конецъ. Сначала Армфельдъ боялся, что Александръ I не воспользуется всѣми выгодами, которыя были на его сторонѣ, и въ концѣ 1812 года онъ писалъ Ерѣнстрему: «Да хранитъ Господь нашего императора и да поможетъ Онъ ему до конца исполнить свою задачу! Я не страшусь за то, что онъ заключитъ миръ съ Бонапартомъ, но я боюсь одного, что ежели въ виду совокупности счастливыхъ обстоятельствъ на долю его выпадетъ роль распорядителя судьбы Европы, то онъ, благодаря своей скромности и своей привычкѣ къ лишеніямъ, не совершитъ того высокаго полета, который слѣдовало бы въ этомъ случаѣ предпринять. Это моя единственная забота въ данную минуту, и единственное за что я опасаюсь»¹⁾. Въ двухъ слѣдующихъ письмахъ къ тому же самому Ерѣнстрему Армфельдъ возложилъ еще въ концѣ 1812 года ту политическую программу, которой ему хотѣлось, чтобы слѣдовалъ императоръ; впоследствии онъ всячески старался и устно и письменно вселить въ государя свой образъ мыслей.

Эти письма имѣютъ нѣкоторый историческій интересъ и приводятся здѣсь въ выпискахъ.

Армфельдъ писалъ 29-го ноября 1812 года: «Я хочу, во-первыхъ, чтобы Александръ I далъ поалакамъ ихъ политическое существованіе (*existence politique*) и объявилъ бы себя и своихъ преемниковъ королями Польши. (Кутузовъ издалъ *ordre du jour*, какъ собственно должны держать себя въ Польшѣ, и этотъ самый *ordre du jour* великолѣпенъ). Во-вторыхъ, я хотѣлъ бы, чтобы устроилось временное правленіе въ Германіи, для того чтобы дать форму этому государству и истребить всѣ воспоминанія о «*Confederation du Rhin*», создавъ вмѣсто этого «*Confederation d'Allemagne*» какъ болѣе самостоятельную естественную и менѣе опасную. Въ третьихъ, я желаю, чтобы Швеція была вознаграждена за Финляндію, и сдѣлалась бы морской силой, дабы въ будущемъ она не могла давать Россіи какихъ либо заботъ. Въ четвертыхъ я не желалъ бы, чтобы стали прямо вмѣшиваться въ дѣла Франціи, но помогли

¹⁾ Несмотря на это, Армфельдъ находилъ что «*des preliminaires*» во всѣхъ трактатахъ равнялись «*geure à mort*» для Наполеона» и что это были вовсе не одні только фразы, такъ какъ въ сердцѣ и въ головѣ императора этотъ принципъ глубоко вкоренился. Въ этомъ случаѣ государь похожъ на всѣхъ кроткихъ людей, когда ихъ въ концѣ концовъ выводятъ изъ терпѣнія (Армфельдъ Ерѣнстрему 16-го декабря 1812 года).

бы Бурбонамъ деньгами, дабы они могли снова вступить на престолъ своихъ предковъ. Въ пятыхъ, желательно бы было водвореніе папы въ Италиі и законнаго короля въ Неаполѣ, одинаково какъ возстановленіе мальтійскаго ордена; все это должно бы представить собой предварительныя операціи. Дальнѣйшее развитіе подобныхъ мыслей сѣдуетъ оставить до другаго раза; впрочемъ я говорилъ уже съ его королевскимъ высочествомъ объ этомъ, и по всей вѣроятности мы только одни съ нимъ придерживаемся этихъ воззрѣній».

14-го декабря 1812 года. «Я совершенно откровенно высказалъ мое мнѣніе насчетъ Наполеона и нахожу, что истребленіе того акта, который призналъ Наполеона и его родъ царскимъ, вопреки справедливости и закону,—совершенно необходимо. Въ душѣ своей Александръ I убѣжденъ, что я правъ, но къ несчастію изъ находящихся здѣсь, я одинъ придерживаюсь подобнаго мнѣнія. Наслѣдный принцъ шведскій также служить для этого помѣхой; онъ хочетъ истребить Наполеона, но не родъ его. Вѣнскій дворъ того же мнѣнія, не желая быть въ родствѣ съ эрцгерцогиней, любовницей корсиканскаго искателя приключеній. Несмотря на всѣ эти обстоятельства, я не теряю надежды побѣдить. Забытъ отдать должную справедливость барону Штейну, который придерживается моихъ воззрѣній. Мы не далеки отъ той минуты, когда должно настать возрожденіе Польши; когда наша армія вступитъ въ Варшаву, тогда можетъ быть и коронація, и т. д. Нахожу, что однимъ штрихомъ пера невозможно рѣшить судьбу Германіи. Уничтожить Рейвскій союзъ, измѣнить распоряженія, сдѣланныя французами, все это возможно тотчасъ же сдѣлать, но съ такимъ огромнымъ количествомъ принциповъ дать странѣ форму и порядокъ,—это вещь невысказанная. Германія должна сама посредствомъ конфедераціи, покровительствуемой государемъ, получить право обсудить свое положеніе, утвердить его и окончательно рѣшиться на что нибудь. Эта идея вовсе не гигантскихъ размѣровъ, мой другъ; она основана на глубокомъ знаніи того современнаго духа, который царитъ въ этой странѣ, и тѣхъ немногихъ разумныхъ головъ, которыя разработали этотъ планъ въ теченіе современныхъ европейскихъ событій. Если же Германія не будетъ самостоятельной націей, то никогда нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что Франція не злоупотребитъ своимъ вліяніемъ на материкѣ. Пруссію и Данію слѣдовало бы вычеркнуть изъ числа европейскихъ государствъ; послѣднее обстоятельство было бы вполнѣ справедливо, ибо Европа обязана этимъ двумъ государствамъ двумъ третямъ своихъ несчастій ¹⁾. Я самъ однако придерживаюсь того мнѣнія, что намъ не

¹⁾ Еще въ другомъ письмѣ Армфельдъ говоритъ, что названныя государства, находящіеся въ союзѣ съ Наполеономъ, должны бы исчезнуть. „Если Наполеонъ падетъ, тогда политика всего міра получитъ должную форму“.

слѣдуетъ заниматься дѣлами Франціи; пускай она дѣлаетъ какъ ей заблагоразсудится, хотя кончится все несомнѣнно тѣмъ, что Бурбоны снова вступятъ на окровавленный престолъ, который тиранія и пороки еще болѣе запятнали».

23-го декабря 1812 года. «Мнѣ не удалось еще получить отъ государя необходимую декларацію, въ которой было бы заявлено о потерѣ Наполеономъ своего сана; однако я все-таки не покидаю этой надежды, хотя мало кто меня въ ней поддерживаетъ. Если можно было бы имѣть политическій трактатъ, служащій основаніемъ этому проекту, и если бы онъ былъ еще подкрѣпленъ обстоятельствами, могущими въ дипломатическомъ отношеніи склонить на его сторону, тогда это обстоятельство помогло бы навѣрное уничтожить извѣстнаго дипломата, такъ какъ мы вообще чрезвычайно систематичны. Скажите, хватило бы у васъ, мой другъ, духа на подобную диссертацию?»

Ерѣнстремъ, который относительно Наполеона и всего того, что касалось общаго разрушенія, произведеннаго деспотизмомъ тирана, былъ одного мнѣнія съ Армфельдомъ, — не заставлялъ повторять себѣ одного и того же два раза. Армфельду приходилось уже неоднократно прибѣгать къ перу Ерѣнстрема для разработки своихъ политическихъ и газетныхъ статей. Благодаря политическимъ статьямъ и частнымъ письмамъ къ Армфельду, государь былъ уже знакомъ со способностями Ерѣнстрема ¹⁾. Послѣдній, руководясь идеями Армфельда, составилъ политическую меморію, съ цѣлью представить ее императору. Армфельдъ получилъ эту работу въ январѣ 1813 года и, найдя ее «превосходной», показалъ ее даже сэру Давернуа. Между прочимъ Армфельдъ былъ убѣжденъ въ томъ, что Штейнъ, который, съ минуты отъѣзда государя изъ Петербурга, сдѣлался главнымъ политическимъ совѣтникомъ Александра I, согласится со всѣми пунктами этой статьи, кромѣ конечно возстановленія Польши.

Государь находился въ это время уже въ арміи. Въ апрѣлѣ 1813 года Армфельдъ послалъ ему статью—быть можетъ ту самую, которую составилъ Ерѣнстремъ, хотя всего вѣроятно, что она прошла черезъ редакцію барона, такъ какъ въ ней проявляются съ большою живостью уже извѣстныя всѣмъ идеи Армфельда. Въ этой меморіи живыми красками описывается, какъ власть Наполеона нарушила счастье и спокойствіе всего человѣчества; какъ сильно Европа ненавидѣла современнаго Атиллу, власть котораго имѣла источникомъ французскую революцію; его нельзя было признать равнымъ съ другими коронованными лицами въ Европѣ, сравненіе было немислимо даже съ тѣми изъ владычельныхъ лицъ, которыя были принуждены пожертвовать своихъ

¹⁾ Смотри Ерѣнстремъ. Записки II, 652.

дочерей мнотаврамъ, подобно современнымъ Ифигеніямъ. Слѣдовало объявить «la restauration complète du corps politique de l'Empire». Швеція же взаменъ потерянной Финляндіи и ради тѣхъ услугъ, которыя она оказала, дать Норвегію; Данію наградить какою нибудь владѣніемъ въ Германіи и одновременно вернуть ей отнятыя у нея англичанами колоніи и флотъ. По возвращеніи Бурбоновъ во Францію, можно было бы считать порядокъ возстановленнымъ и революцію завершенной; очень важнымъ обстоятельствомъ представлялось бы также дать на обсужденіе французамъ выборъ ихъ будущаго управленія, послѣ того какъ они покончатъ расправу съ бывшимъ своимъ тираномъ».

Побѣды Наполеона при Люценѣ и Бауценѣ въ 1813 году доказывали, что силы его не были еще надломлены, и что время «реставраціи» еще очень далеко. Въ началѣ іюля 1813 года былъ заключенъ миръ, и Австрія дѣлала видъ, что играетъ роль посредника. Все это сильно озабочивало Армфельда; онъ видѣлъ, что надежды его относительно судьбы Европы стали рушиться. «Мое настроеніе мрачное, мысли мои черныя, надеждъ на будущее никакихъ»—писалъ онъ въ іюлѣ 1813 года. Глѣвъ его былъ обращенъ главнымъ образомъ на Австрію и на ея нерѣшительныя дѣйствія. «Макіавелли—нравственное и благородное существо въ сравненіи съ Метернихомъ.— говорилъ Армфельдъ,— и съ тѣми бандитами, которые орудуютъ имъ, а среди нихъ и Гентцъ». Больше всего Армфельдъ боялся хитрости Наполеона при переговорахъ.— «Драться съ Бонапартомъ не опасно,— писалъ баронъ,— но вести съ нимъ переговоры—это смерть, онъ именно во время такихъ переговоровъ и перемирія развиваетъ свои адскія средства и употребляетъ при этомъ всю безнравственность, изъ которой онъ самъ и общая испорченность сдѣлали государственную силу. Я съ грустью смотрю на участь нашего добраго монарха, но благодарю Бога, что не пришлось мнѣ присутствовать при этомъ несчастіи, такъ какъ не въ моихъ силахъ было бы предупредить его—причемъ вѣроятно бы я сломалъ себѣ шею и повредилъ бы Финляндіи. Болѣе чѣмъ когда либо, я ищю для себя лично спокойствія; для меня оно необходимо. Заниматься общественными дѣлами я болѣе не намѣренъ, если на Петербургскомъ горизонтѣ покажется французскій посоль».

Однако гордость Наполеона способствовала окончанію мирныхъ переговоровъ въ Прагѣ. Австрія открыто присоединилась къ коалиціи. Наслѣдный принцъ шведскій прибылъ еще въ началѣ лѣта въ Германію и принялъ команду сѣверной арміей. Въ августѣ 1813 года началась снова кровавая война, окончившаяся въ пользу союзниковъ, сраженіемъ при Лейпцигѣ 16—19-го октября. Трудно описать тѣ разнородныя мысли, которыя одна за другой не переставали волновать Армфельда, въ теченіе крупныхъ европейскихъ событій. Непреодолимая

горячая ненависть его къ корсиканцу увеличивалась съ каждымъ днемъ, распространяясь на все бонапартовское отродіе и на жену его, не симпатичную Марію-Луизу, и на сына его, мѣшавшаго восстановленію законной династіи ¹⁾. Политика Вѣнскаго кабинета также сильно злила Армфельда, въ особенности, когда она коснулась его благодѣтельница королевы Каролины. «Законная неаполитанская королева — писалъ онъ, — не имѣетъ права пріѣхать въ Вѣну, и на границѣ Австріи ей былъ указанъ путь въ Венгрію. Вниманіе къ поваренку Мюрату зашло слишкомъ далеко, когда такъ поступаютъ со своей belle mère и теткой, единственной дочерью Маріи, Терези, оставшейся въ живыхъ ²⁾».

Наконецъ униженный, поруганный народомъ, за-одно съ которымъ онъ купилъ свою военную славу, Наполеонъ былъ принужденъ въ апрѣлѣ 1814 года отправиться на Эльбу. Современники горько шутили надъ содержаніемъ, которое было назначено ему послѣ отреченія его отъ престола.

«Окончилось наконецъ трагическое зрѣлище, в какомъ странномъ образомъ все случилось! — писалъ Армфельдъ своей дочери въ маѣ 1814 года; — узнаемъ здѣсь руку Провидѣнія. Тотъ, который игралъ когда-то такую роль, какъ низко упалъ онъ сразу! Какое удовлетвореніе моему самолюбію, что я ни разу въ жизни не находилъ въ этомъ человѣкѣ ни одного таланта и ни одного качества!»

Даже побѣда надъ человѣкомъ, который въ глазахъ Армфельда былъ тираномъ всего человѣчества, не уменьшила ни ненависть, ни горечь противъ него. Среди всѣхъ политическихъ событій въ Европѣ, для Армфельда паденіе Наполеона было несомнѣнно самымъ важнымъ изъ всѣхъ событій; однако, рядомъ съ этимъ, были еще два вопроса, близкіе его сердцу: во-первыхъ, судьба и будущность Польши, а во-вторыхъ, по-

¹⁾ Армфельдъ находилъ неестественнымъ, что у Наполеона родился сынъ «On dit que les monstres n'engendrent pas» — говорилъ онъ. Однажды въ виду того, что послѣ паденія Наполеона, обращено было слишкомъ много вниманія на его сына, Армфельдъ воскликнулъ съ досадою: „Нахожу, что для спокойствія всей Европы слѣдовало бы не жалѣть нѣсколькихъ порошковъ мышьяку и дать этому мальчишкѣ».

²⁾ Въ письмѣ къ Ерѣстрему, Армфельдъ шутитъ по поводу путешествія королевы Каролины, которая была изгнана изъ Сициліи слѣдующимъ образомъ: «Къ несообразностямъ этого вѣка можно причислить пріѣздъ доброй королевы изъ Неаполя въ Константинополь. Grand Seigneur привялъ ее очень любезно, и она продолжала свой путь черезъ Черное море, чтобы ѣхать въ Россію... Я не удивлюсь, если увижу въ одинъ прекрасный день китайскаго императора въ Або; и если онъ тамъ сталъ бы искать Конфуція, т. е. чело-вѣка съ талантами и умомъ послѣдняго, то не нашелъ бы подобнаго ему; однако, если бы онъ нуждался въ обыденныхъ конфуціяхъ, то три-четверти академіи могли бы предложить ему свои услуги».

короніе Норвегіи для Швеціи, и положеніе, которое Карль-Іоаннъ приобрѣлъ во время всемірной войны.

1-го мая 1814 года Армфельдъ писалъ Ерѣнстрему: «Лѣщу себя надеждой, что 1-го іюня польская корона возложена будетъ на голову того, который болѣе всѣхъ достоинъ носить ее. Какое счастье для поляковъ и для остальныхъ народовъ, которымъ суждено имѣть конституціонное правленіе и одновременно быть подвластнымъ русскому государству!»

Армфельдъ рассказываетъ, что Александръ I, встрѣтивъ въ Парижѣ польскаго патріота Костюшку и услышавъ отъ него, что онъ не желаетъ возвратиться въ свое отечество, «пока оно вновь не сдѣлается Польшей», отвѣтилъ будто бы ему слѣдующее: «въ такомъ случаѣ вы можете возвратиться на вашу родину теперь». Поляки приняли съ неописаннымъ восторгомъ это извѣстіе и съ чувствомъ любви смотрѣли на Александра I.

Армфельдъ сознавалъ однако-же, что Польшей и Финляндіей нельзя было бы управлять одинаковымъ образомъ, и потому боялся организаціи будущаго королевства на финляндскій образецъ ¹⁾.

«Мѣстное управленіе въ Варшавѣ, по примѣру Финляндіи, было бы величайшей бессмыслицей», — говорилъ Армфельдъ. Будущность Польши была вопросомъ, который главнымъ образомъ обсуждался въ послѣдніе дни жизни Армфельда, между нимъ и только-что возвратившимся императоромъ. Несмотря, однако, на то, что вопросъ былъ въ ту пору отложенъ, Армфельдъ продолжалъ надѣяться на хорошіе результаты. «Судьба Польша рѣшится только тогда, когда государь прибудетъ въ Вѣну въ сентябрѣ мѣсяцѣ, — писалъ баронъ 3-го августа 1814 г. — Мнѣ кажется, что монархъ рѣшилъ въ душѣ своей, хотя какъ-то неясно и неопредѣленно выражается, но разъ плачь у него въ головѣ, можно поручиться за его осуществленіе. Мнѣ никогда не приходилось встрѣчать болѣе твердой воли и рѣшимости, когда вопросъ касается важныхъ дѣлъ». Вѣнскій конгрессъ, состоявшійся въ апрѣлѣ 1815 года, какъ извѣстно, рѣшилъ судьбу Польши. Она стала королевствомъ, и Александръ I далъ ей въ тотъ же годъ собственный для нея уставъ, и короновалъ себя королемъ Польши. Армфельду не суждено было дожить до этого событія, подготовленія къ которому такъ сильно поглощали его мысли.

¹⁾ 10-го августа 1814 г. онъ писалъ Ерѣнстрему. «Что меня болѣе всего огорчаетъ, это организація Польши по столь плохому административному образу. Такъ какъ мнѣ поручено сообщить Огнискому всѣ необходимыя свѣдѣнія (что, конечно, между нами), то я постараюсь дать ему понятъ всѣ недостатки организаціи, какъ мѣстнаго управленія Финляндіи, такъ и нашего комитета».

X.

Послѣдніе дни жизни Армфельда. — Отношенія его къ императору Александру. — Дѣятельность по дѣламъ Финляндіи. — Кончина.

Несмотря на всѣ ужасы войны, продолжавшіеся еще въ Германіи и во Франціи, дѣла Финляндіи шли своимъ порядкомъ, хотя подчасъ и не такъ мирно, но безъ крупныхъ или замѣтныхъ измѣненій. О Финляндіи и главныхъ правителяхъ ея, Армфельдъ судилъ одинаково въ послѣдній годъ своей жизни, какъ онъ дѣлалъ это и раньше. Болѣзнь и подчасъ вынужденная бездѣятельность не способствовали тому, чтобы онъ сталъ снисходительнѣе смотрѣть на государственныя совѣты въ Або, или на тѣхъ, которые противились перенесенію столицы Финляндіи изъ Або въ Гельсингфорсъ ¹⁾. Несогласіе, царствовавшее между финскими патриотами, сильно озабочивало Армфельда, и въ письмѣ его, написанномъ во время послѣдняго пребыванія его въ Финляндіи, онъ выражаетъ слѣдующую замѣчательную мысль, применимую ко всѣмъ временамъ равно, какъ и къ нашему. «Мелкія государства, — говоритъ онъ, — достигаютъ прочности и самостоятельности лишь съ помощью единства, въ томъ случаѣ конечно, если они не страдаютъ отъ революціоннаго духа, въ такомъ видѣ они разрываютъ другъ друга на части, и достаточно бываетъ дуновенія самаго слабого вѣтерка, чтобы отнять у нихъ всякое подобіе на государство. Но, — прибавляетъ онъ, — какимъ образомъ заставить бѣшеныхъ собакъ кусаться съ разборомъ?»

Армфельдъ могъ съ гордостью сказать: «Если каждый финляндецъ ²⁾

¹⁾ Армфельдъ писалъ Ерѣнстрему, 18-го сентября 1813 г. „Кавермы въ Або продолжаютъ. Я знаю, что многіе, между прочимъ и Труиль, работаютъ усиленно надъ ними, и что Аминовъ защитникъ этой идеи, но пока генералъ-губернаторъ стоитъ твердо на своемъ мѣстѣ, они ничего не могутъ сдѣлать“.

²⁾ Онъ объявилъ весной 1813 г., что въ Петербургѣ образовался „comité secret“ состоящій изъ проживающихъ въ столицѣ финляндецевъ, которые будто бы собирались просить государя объ измѣненіи финляндскаго управленія и сблизиться съ „la mère patrie“, а главнымъ образомъ удалить тѣхъ лицъ, которые въ данную минуту имѣютъ вліяніе въ Финляндіи. «Ладау, Сиренгпортенъ и Егерторпъ состоятъ членами этого комитета, и есть еще одинъ, котораго мнѣ, впрочемъ, противно назвать, но который все-таки написалъ государю, жалуясь на то, что все идетъ скверно; онъ далъ переводчику перевести свое письмо, а этотъ послѣдній не изъ молчаливыхъ. Господи, какъ это все противно и мерзко, и какое это даетъ страшное понятіе нашему монарху о нашей національности! Но въ общемъ, всѣ эти обстоятельства не представляютъ большой опасности, такъ какъ они сами сдѣлаются жертвами своей собственной интриги и имъ же самимъ станетъ стыдно“ Оказалось, вполнѣдствіи, что названный тайный комитетъ не имѣлъ никакого вліянія, и по видимому, Армфельдъ преувеличивалъ его значеніе. Въ слѣдующихъ письмахъ Армфельдъ говоритъ, что „le comité secret“ остался съ носомъ (Ерѣнстрему).

сдѣлалъ бы столько для своего отечества, сколько я сдѣлалъ для моего. то онъ могъ бы сказать, что онъ сдѣлалъ много; можетъ быть они встрѣчали болѣе препятствій для совершенія добра, чѣмъ приходилось встрѣчать мнѣ на этомъ свѣтѣ».

Въ минуты скорби и печали—а моменты эти повторялись все чаще и чаще, чѣмъ ближе подходилъ его жизненный конецъ,—Армфельдъ говорилъ въ другомъ тонѣ. Въ февралѣ 1814 года, онъ писалъ: «Что касается до моего доброжелательства и неустаннаго труда, то, надѣюсь, никто не отниметъ у меня этихъ заслугъ, но несмотря на это, что удалось мнѣ до сей минуты совершить? и что могу я сдѣлать въ будущемъ? Все становится препятствіемъ для постояннаго и прочнаго счастья Финляндіи... Какимъ способомъ побѣдить ненависть и зависть русскихъ и излечить моихъ соотечественниковъ отъ ихъ недовкости и ихъ сонливости?»¹⁾ Какъ было сказано раньше, политическіе вопросы и законо-проекты были отложены въ сторону; однако Армфельдъ ожидалъ многого отъ возвращенія императора въ столицу. Онъ счастливъ былъ тѣмъ, что государь, вернувшись въ Петербургъ, относился милостиво и благосклонно какъ и прежде къ Финляндіи. Одновременно съ текущими вопросами, Армфельдъ обращалъ большое вниманіе на вопросы, касающіеся улучшенія матеріальнаго положенія Финляндіи. Нѣсколько писемъ, сохранившихся среди его бумагъ и адресованныхъ къ секретарю хозяйственнаго департамента Бэскеру, показываютъ до какой степени Армфельдъ интересовался подобными вопросами. Затѣмъ, переписка съ лучшимъ его другомъ губернаторомъ Шернвалемъ также свидѣтельствуетъ о томъ, что баронъ съ интересомъ вращался въ этой области. Въ этихъ письмахъ встрѣчается изложеніе проекта о соединеніи Саймы съ Финскимъ залвномъ посредствомъ канала; осуществленіе подобнаго проекта способствовало бы несомнѣнно улучшенію быта Выборгской губерніи, которая прежде была «первой» и самой промышленной губерніей во всей Финляндіи. Проектъ этотъ осуществился позже, хотя снемъ еще въ 1800 годахъ проектировалъ Делагарди²⁾. Армфельду хотѣлось также улучшить бытъ пустынныхъ мѣстностей на сѣверѣ Финляндіи. «Я убѣжденъ въ томъ,—говорилъ онъ,—что не существуетъ мѣста на земномъ шарѣ, ни даже пустоши, гдѣ бы человѣкъ, если бы онъ пожелалъ трудиться, не нашелъ бы средствъ, данныхъ ему Богомъ, для того чтобы извлечь пользу для своей страны»³⁾. Баронъ хотѣлъ, чтобы въ сѣ-

¹⁾ Шернвалю 20-го декабря 1812 г.

²⁾ Смори Кнорингъ. „Старая Финляндія“ стр. 18.

³⁾ 18-го мая 1815 г. онъ продолжаетъ: „Въ Норвежской Лапландіи, напри- мѣръ, есть растеніе вродѣ мха, которое вывозится въ Англію и служитъ составомъ для краски. Вѣроятно и между нашимъ мхомъ найдется полезный и съ одинаковыми качествами, но кому до этого дѣло?“

верной Финляндіи занялись бы льнянымъ, коноплянымъ промысломъ и прядильными фабриками, «можно добиться хорошихъ результатовъ въ сѣверной Финляндіи, — говорилъ онъ, — а въ южной Финляндіи заняться скотоводствомъ. Все это вмѣстѣ взятое могло бы пополнить тѣ пробѣлы, которые существуютъ у насъ въ другихъ отрасляхъ. Обсудите этотъ вопросъ и посмотрите, не найдется ли какой-нибудь способъ, чтобы разбудить нашъ вѣчно спящій хозяйственный комитетъ!»

Въ качествѣ канцлера университета въ Або, Армфельду были поручены одновременно заботы объ умственномъ просвѣщеніи Финляндіи. Онъ нѣхотя принялъ на себя эту обязанность, несмотря на единогласный выборъ всего университета. Судя по его письмамъ, онъ не нашелъ удовольствія въ своихъ стремленіяхъ въ этой средѣ, находя, что самоуправство царствовало между ученой братіей. Бывали минуты, когда Армфельду хотѣлось, какъ онъ самъ выражался, «дѣйствовать противъ того, чтобы хорошо вознагражденные дѣлнцы развивали негодныхъ гражданъ». Подканцлеръ университета епископъ Тенгстрёмъ не пользовался довѣріемъ Армфельда; онъ находилъ, между прочимъ, что помѣщеніе государственнаго совѣта въ одномъ и томъ же зданіи съ университетомъ вредило послѣднему ¹⁾. Устройство экономической части университета встрѣтило, благодаря щедрости Александра I, гораздо менѣе препятствій, нежели въ борьбѣ со шведской бѣдностью. Въ это время распределены занятія консисторіи, сооружены новыя постройки, сдѣланы коллекціи въ помощь естественнымъ наукамъ и увеличены ботаническіе сады. По инициативѣ Армфельда былъ предложенъ проектъ изданія университетомъ періодическаго журнала на латинскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «Acta Academica Aboensis». Кромѣ этого предлагалось еще издавать журналъ на шведскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «Чтеніе для Финляндіи». По поводу этого, въ рукописяхъ, изъ коихъ мы почерпнули свѣдѣнія, касающіяся Абокаго университета во времена Армфельда ²⁾, говорится слѣдующее: «ожидается лишь разрѣшеніе императора Александра I». Однако изъ этихъ плановъ ни одинъ не осуществился. Не суждено было также финляндскому университету усовершенствоваться, какъ хотѣлъ Армфельдъ. Вопросы эти встрѣтили массу препятствій, и о нихъ, послѣ смерти барона, перестали даже говорить. Впослѣдствіи

¹⁾ Ерѣнстрему 25-го іюля 1812 г. 15-го мая 1813 г.

²⁾ Это собственноручная статья (не подписанная) секретаря фонъ-Гаргмана, находящаяся среди бумагъ Армфельда; въ ней налагаются разные проекты, относящіеся къ улучшенію университета, какъ напримѣръ, расширеніе практическаго курса юридическихъ наукъ, организованіе клиники и родильнаго дома при университетѣ, устройство стипендій для научныхъ путешествій молодыхъ студентовъ и пр.

былъ издавъ журналъ подь заглавіемъ: «Чтеніе для финновъ», но журналъ этотъ былъ издаваемъ частнымъ лицомъ ¹⁾.

Среди заботъ и занятій самаго разнообразнаго характера, поглощавшихъ живой умъ Армфельда, замѣтно приближался конецъ его бурной и богатой событіями жизни. Грустныя мысли, тяжелыя картины и откровенныя признанія все чаще и чаще всплывали наружу: «Моя веселость исчезаетъ—пишетъ Армфельдъ весной 1813 года—и мысль быть въ тягость себѣ и другимъ крайне унизительна». Все сильнѣе и сильнѣе проглядываетъ у него желаніе покинуть общественную жизнь. «Съ каждымъ днемъ я все болѣе и болѣе убѣждаюсь въ томъ, что нельзя строить и полагаться на человѣческіе расчеты; нѣтъ ничего вѣрнаго на свѣтѣ, кромѣ смерти и превращенія въ прахъ, а это случается раньше даже, чѣмъ человѣкъ умираетъ». Когда Армфельда въ ноябрѣ 1813 г. постигъ первый припадокъ той болѣзни, которая въ продолженіе 9-ти мѣсяцевъ мучила его и, наконецъ, уложила въ гробъ, онъ писалъ своей дочери: «Иду быстро къ концу, и слава Богу! Отчего Господь не пожелалъ, чтобы я раньше покончилъ свое земное поприще! Развѣ я еще не выпилъ всю чашу до дна?» ²⁾ Жена Армфельда пріѣхала въ Петербургъ тотчасъ послѣ первыхъ припадковъ его болѣзни и съ большимъ усердіемъ ухаживала за больнымъ. Она нашла своего мужа сильно измѣнившимся, постарѣвшимся и раздражительно нервнымъ. Въ концѣ іюня доктора нашли положеніе барона безнадежнымъ ³⁾ и перевезли его на дачу въ Царское Село, гдѣ сначала перемѣна воздуха какъ будто благотворно повліяла на него. «Твоя мать сильно надѣется на мое выздоровленіе,—писалъ онъ дочери,—но опытъ запрещаетъ мнѣ смотрѣть на что-либо въ розовомъ цвѣтѣ. Къ тому же Провидѣніе, рѣшающее нашу судьбу, постановило надо мной свой приговоръ. Да будетъ же Его святая воля!.. Дорогая моя, наши планы рухнули, вѣроятно свиданіе на этомъ свѣтѣ уже не

¹⁾ Извѣстнымъ Готландомъ (1864). Въ его журналѣ упомянуто о всѣхъ проектахъ, касающихся университета во времена Армфельда.

²⁾ Долго нельзя было поставить діагнозъ болѣзни Армфельда: онъ страдалъ постояннымъ кровотеченіемъ и получилъ, наконецъ, водяную. Однако, онъ рѣдко лежалъ въ постели и, несмотря на большія страданія, выѣзжалъ изъ дому подышать воздухомъ, когда опухоль ногъ и всего тѣла позволяла ему дѣлать эти прогулки.

³⁾ Ребиндеръ Ерѣнстрему, 20-го іюня 1814 г. (библиотека въ Упсалѣ). Письмо это не лишено интереса. Ребиндеръ пишетъ: «Смерть его, быть можетъ, будетъ несчастіемъ для Финляндіи, особенно, если она случится до возвращенія императора въ столицу. Какое обширное поле откроется тогда для нашихъ мелкихъ интригановъ, готовыхъ всегда схватиться за первый попавшійся случай, чтобы показать себя и служить своимъ мелкимъ интересамъ въ ущербъ крупной, общественной пользѣ».

будеть намъ дано!» Армфельдъ не видался со своей дочерью со дня переселенія своего изъ Швеціи въ 1811 году; къ ней онъ до послѣдней минуты своей жизни сохранялъ какое-то обожаніе; ей онъ повѣрялъ всѣ вопросы религіознаго характера. Въ этой жизни, полной самыхъ разнообразныхъ событій, въ сердце Армфельда не могли глубоко вкорениться религіозныя идеи. Однако, отъ своей набожной матери онъ научился христіанскому ученію, которое не покидало его во все время его жизни. Взглядъ его на жизнь, никогда не лишанный идеализма, способствовалъ тому, что онъ никогда не могъ быть воспримчивъ къ анализу и вообще ко всему матеріальному, какъ многіе изъ его современниковъ и какъ, впрочемъ, все то столѣтіе, въ которомъ онъ жилъ. «Я не святой, не ханжа, не лицемеръ, — писалъ онъ, но среди массы моихъ недостатковъ, страстей и неудачъ, я все-таки сознаю, что единственная наша надежда и единственное утѣшеніе—это Богъ, и все, что не касается Его святаго ученія и правды, все—только ложь и пустота».

Какъ ребенокъ радовался Армфельдъ яркому солнцу и свѣжей зелени, окружавшей его дачу, и спокойной почти деревенской жизни, которую онъ велъ послѣднія недѣли своей жизни. Въ эти послѣдніе дни, Армфельду было суждено еще разъ испытать великую радость,—возвращенія императора Александра I въ столицу и то участіе и милость, которую государь оказывалъ своему умирающему другу. Мысль о томъ, чтобы приготовить Александру I достойную встрѣчу и показать ему признаки благодарности Финляндіи, занимала Армфельда еще задолго до возвращенія императора въ Петербургъ. Сначала былъ возбужденъ вопросъ о томъ, отправить-ли изъ Финляндіи депутацію въ Петербургъ для поздравленія и увѣренія въ признательности государю; говорили будто-бы генераль-губернаторъ Штейнгель имѣлъ намѣреніе предложить генерала Спренгпюртена въ главные депутаты ¹⁾.

Къ великой радости Армфельда, этотъ проектъ остался безъ послѣдствія въ виду императорскаго указа, отклонявшаго всякія встрѣчи. Въмѣсто того, Армфельдъ предложилъ построить въ Або православную церковь на средства Финляндіи и тѣмъ доказать доброму монарху

¹⁾ Этотъ проектъ сильно возмутилъ Армфельда: „Какъ можно—писалъ онъ—благодаря своей безтактности и легкомыслію желать осрамить цѣлую націю! Что до меня касается, то я сильно обиженъ и не намѣренъ скрыть этого отъ графа Штейнгеля“. (Ервнстрему 23-го іюля).

Говорилось также, что депутація эта хотѣла воспользоваться случаемъ, и просить у государя разрѣшенія не переносить столицу изъ Або въ Гельсингфорсъ. Епископъ Тенгстрёмъ, собирався представить по этому поводу императору меморію. Эти планы сердили Армфельда, несмотря на то, что онъ былъ убѣжденъ въ ихъ неосуществимости.

свою благодарность ¹⁾). Ревностно преданся Армфельдъ этой идее, сущность которой не была совсѣмъ обдуманна и по всей вѣроятности не нашла бы сочувствія въ Финляндіи. Впослѣдствіи онъ долженъ былъ самъ покинуть эту мысль.

Въ концѣ іюля 1814 года, послѣ полутора годоваго отсутствія, императоръ возвратился наконецъ въ столицу. Не будучи въ состояніи лично явиться къ государю, Армфельдъ привѣтствовалъ его письмомъ. Онъ горько жаловался на свою болѣзнь, которая мѣшала ему видѣть монарха.

«Если ваше императорское величество удостоите вспомнить то чувство уваженія и безграничной преданности, которыя я питаю къ вашему императорскому величеству, и увлеченіе, съ которымъ я предсказывалъ бессмертную славу, которой Провидѣніе украситъ Васъ,—писалъ Армфельдъ,—тогда Вы поймете мои страданія, и какъ тяжело мнѣ нести мое бремя». Въ этомъ письмѣ онъ просилъ у государя позволенія лично представить ему отчетъ, касающійся финляндскихъ дѣлъ и управленія этой страны ²⁾. Онъ увѣрялъ государя, что лучшая и бблшая часть финляндскаго народа была болѣе предана русскому монарху, нежели кому-нибудь изъ шведскихъ королей. Затѣмъ, онъ писалъ: «Опасность, которой подвергались ваше император-

¹⁾ Слѣдующее письмо къ Шернвалю рисуетъ мысли Армфельда. «Долго обдумывая этотъ вопросъ, мнѣ пришла въ голову мысль, что вамъ, финнамъ, слѣдовало бы хоть чѣмъ и нибудь ознаменовать на вѣки столь славную эпоху, выказывая одновременно благодарность нашему доброму монарху. О медаляхъ, намятникахъ, празднествахъ и т. д., онъ и слышать не хочетъ, я теперь, болѣе чѣмъ когда-либо. Александръ I приписываетъ благополучный исходъ войны исключительно одному Богу, и принимаетъ лишь тогда приношенія и изъявленія радости, когда послѣдвія носятъ релігіозный характеръ. Поэтому, мнѣ кажется, что намъ слѣдуетъ предложить постройку православнаго храма въ Або, который будетъ напоминать не только о великихъ событіяхъ, но и о великомъ подвигѣ императора, одержанномъ съ помощію Божіей. На камнѣ у этой церкви слѣдуетъ сдѣлать надпись, которая могла бы передать потомству всю правду безъ прикрасъ. Я думаю, что проектъ этотъ встрѣтитъ несомнѣнно сочувствіе государя, ибо, когда вдовствующая императрица узнала о немъ, то сказала: «Идея прекрасная, узнаю въ ней Армфельда». Постарайтесь, мой другъ, растолковать это нашимъ соотечественникамъ! Если вамъ это удастся, то является еще одно препятствіе, а именно, средства для постройки этого памятника. Крестьянъ слѣдуетъ избавить отъ сбора на такое предпріятіе, ибо, кромѣ расхода, ихъ будетъ возмущать обстоятельство, что они жертвуютъ на чужую релігію. Слѣдовательно, сборъ долженъ распространяться на дворянъ, духовенство (!) и мѣщавъ; всѣхъ слѣдуетъ таксировать по ихъ состоянію, положенію и мѣрѣ патриотизма».

²⁾ Такой отчетъ былъ у него уже готовъ и онъ называлъ его «своимъ политическимъ духовнымъ завѣщаніемъ».

ское величество во время войны, вызвала столько же слезъ, сколько горячихъ молитвъ и искреннихъ пожеланій». Письмо свое онъ кончаетъ намекомъ на сильное его желаніе покинуть административную деятельность. «Отъ милости и правосудія» онъ ждалъ позволенія удалиться, и считалъ, что жизнь его зависитъ отъ царскаго слова. Вскорѣ по слѣдствіи своего приѣзда въ столицу, императоръ приказалъ узнать о здоровьѣ Армфельда. Генераль-адъютантъ Чернышевъ былъ посланъ за точными свѣдѣніями къ барону. Когда государь дня два спустя принималъ супругу Армфельда за царскимъ столомъ, онъ сказалъ ей, что при первомъ случаѣ навѣститъ ея больного мужа. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени императоръ поѣхалъ къ Армфельду и часто потомъ повторялъ свои посѣщенія. Въ первый разъ, когда Александръ I удостоилъ его своимъ визитомъ, онъ до мельчайшихъ подробностей разсказывалъ ему весь ходъ войны и переговоровъ, и объяснилъ Армфельду причину, почему не вызывалъ его впоследствии въ армию; далѣе государь говорилъ о дѣлахъ Финляндіи, прося барона повременить со своей отставкой, и назначилъ время для обсужденія финляндскихъ дѣлъ. Наконецъ императоръ объявилъ Армфельду, что намѣренъ пріѣзжать раза два въ недѣлю въ Царское Село на дачу барона и совместно съ нимъ заниматься дѣлами, касающимися Финляндіи. Послѣ перваго раза совместной ихъ работы, Армфельдъ писалъ своимъ близкимъ и находилъ, что часы, проведенные съ государемъ, были самыми счастливыми моментами въ его угасающей жизни. «Третьяго дня—писалъ онъ—его императорское величество началъ работу со мной и съ Ребиндеромъ, и вообразите себѣ, она происходила здѣсь, у меня на дому, и въ моей собственной гостиной; это не только милостиво и благосклонно съ его стороны, но въ одно и то же время чрезвычайно удобно для меня. «Масса уголовныхъ дѣлъ рѣшены, ибо съ нихъ мы и начали. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что нашъ обожаемый монархъ хочетъ сдѣлать все возможное для блага нашего отечества. Если не ошибаюсь, онъ желаетъ, чтобы мы и въ будущемъ сохранили наши преимущества. Впрочемъ, все это выяснится тогда, когда государь вернется съ конгресса». Еще 17-го августа, т. е. за два дня до смерти Армфельда, государь провелъ у него цѣлыхъ два часа.

19-го августа, въ тотъ самый день, когда Густавъ III, 42 года тому назадъ, былъ покрытъ славой ¹⁾, скончался его вѣрный другъ. Смерть его, хотя всѣми ожидаемая, пришла тѣмъ не менѣе неожиданно. Еще въ самый день своей кончины, онъ могъ безъ посторонней помощи дви-

¹⁾ Въ этотъ достопамятный день Густавъ III совершилъ переворотъ въ государственномъ управленіи.

гаться и сидѣть на своемъ балконѣ. Но въ сумерки, совершенно негаданно, подкрался нежеланный гость, и смерть подкосила замѣчательнаго государственнаго дѣятеля. Графиня, которая въ эту минуту, по просьбѣ своего мужа, писала Ерѣнстрему, вбѣжала въ комнату мужа, гдѣ послѣ тяжелой агоніи, продолжавшейся всего десять минутъ, онъ испустилъ послѣдній вздохъ. Онъ умеръ 57 лѣтъ, 4-хъ мѣсяцевъ и 19-ти дней.

Выносъ тѣла барона въ церковь и погребеніе его было обставлено большими почестями. Императоръ приказалъ своему генераль-адъютанту и статсъ-секретарю Финляндіи позаботиться о приготовленіяхъ къ погребенію, дабы достойно почтить память покойнаго его друга. 23-го августа 1814 года, въ финской церкви, находящейся въ Петербургѣ, собрались для отпѣванія тѣла Армфельда всѣ его родственники, находящіеся въ столицѣ соотечественники, а также русскіе сановники, и представители иностранныхъ державъ. Вся церковь была обставлена необыкновенной роскошью. Войска занимали шпалерами тѣ улицы, по которымъ должна была проѣхать печальная колесница съ тѣломъ покойнаго. Пасторъ финской церкви Манделинъ произнесъ прекрасную проповѣдь и надгробное слово (по-нѣмецки), впоследствии напечатанныя. Изъ Петербурга тѣло было отправлено въ Финляндію. Здѣсь оно должно было покоиться въ только что законченномъ фамильномъ склепѣ церкви Халико. Тѣло Армфельда было перевезено въ его отечество на русскомъ военномъ суднѣ, прибывшемъ въ Або 4-го сентября; здѣсь совершенно было погребеніе, не виданное въ городѣ Або, чуть-ли не со дня похоронъ въ Свеаборгѣ фельдмаршала Еренсверда. Когда гробъ, въ которомъ покоились останки государственнаго дѣятеля, вынесли съ корабля, данъ былъ салютъ и вторили ему церковныя колокола. Войска стояли шпалерами; члены государственнаго совѣта, весь университетъ и представители всѣхъ сословій провожали колесницу до городскихъ воротъ. Войска парадировали у воротъ города, сдѣлавъ нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ.

Финляндія горько оплакивала смерть своего главнаго вождя. Александръ I съ грустью вспоминалъ о потерѣ преданнаго вѣрнаго друга.

По этому поводу статсъ-секретарь Ребиндеръ писалъ: «Потеря, постигшая насъ всѣхъ, не можетъ быть ничѣмъ замѣнима... Миѣ лучше, чѣмъ кому-либо другому, извѣстны качества и недостатки покойнаго Армфельда, и я спокойно могу сказать, что первыя имѣли громадный перевѣсъ надъ послѣдними. Его уже нѣтъ среди насъ, и достоинства его только теперь могутъ быть оцѣнены, такъ какъ справедливость отдають лишь тѣмъ, которые болѣе не существуютъ».

Жизнь Армфельда началась во время Семилѣтней войны Фридриха Великаго и окончилась съ паденіемъ Наполеона. Эти два великихъ человѣка, глубоко впечатлѣлись въ памяти Армфельда. Еще юношей,

онъ съ уваженіемъ стоялъ передъ лицомъ Фридриха II и тщетно ловилъ взглядъ изъ «Бранденбургскихъ очей».

Совершеннолѣтнимъ, онъ стоялъ лицомъ къ лицу къ первому консулу Французской республики и съ пренебреженіемъ смотрѣлъ на него; когда же послѣдній сдѣлался императоромъ французовъ, то паденіе его стало главной цѣлью жизни Армфельда. При дворѣ Густава, въ Версалѣ, въ Вѣнѣ, при итальянскомъ дворѣ, Армфельдъ имѣлъ случай видѣть «l'ancien régime» въ его настоящемъ блескѣ. Онъ самъ, по его мнѣнію, сдѣлался жертвой французской революціи. Въ изгнаніи ему удалось свидѣться со многими лицами, принадлежавшими къ блестящему двору Людовика XVI и Маріи Антуанеты. Послѣ же того, какъ онъ за-одно съ ними бѣжалъ отъ республики, ему довелось ѣсть тяжелый хлѣбъ эмигранта, и, бродя по Европѣ какъ бездомный, онъ успѣлъ присвоить себѣ всѣ воззрѣнія французскихъ переселенцевъ. Въ молодости своей, онъ въ Петербургѣ и въ Фридрихсгамѣ встрѣтился съ повелительницей Россіи, съ Великой Екатериной. Храбро сражался онъ въ послѣдствіи противъ ея войска, защищая собственное отечество. Съ ужасомъ стоялъ онъ передъ тѣломъ Павла I, а потомъ съ благодарностью принималъ отъ лица своихъ соотечественниковъ нескончаемыя милости побѣдителя Финляндіи—императора Александра I.

Армфельдъ сохранилъ въ своей памяти всѣ ужасы шведской революціи 1772 года, которые упрочили тронъ Густава III; во всѣхъ превратностяхъ судьбы, онъ слѣдовалъ за обожаемымъ монархомъ, до той минуты, пока ему не пришлось стоять у кровью облиятаго смертнаго одра его повелителя. Онъ долженъ былъ быть въ послѣдствіи свидѣтелемъ изгнанія сына Густава и всего рода его изъ Швеціи. Онъ видѣлъ, какъ сынъ той же самой революціи, которую онъ такъ сильно ненавидѣлъ, намѣревался вступить на тронъ, принадлежащій роду Вазовъ. Швеція смотрѣла на Армфельда то какъ на друга Густава III, то клеймила его названіемъ измѣнника, обозначая это имя на позорномъ столбѣ; то наконецъ снова давала ему его прежнее мѣсто въ обществѣ, покрывая его почестями, званіемъ и всякими доблестями! И вдругъ мы видимъ его опять въ изгнаніи, на чужой землѣ, гдѣ онъ получаетъ болѣе обширное поле для своей дѣятельности, чѣмъ въ своемъ отечествѣ. Въ Финляндіи, Помераніи и въ Норвегіи Армфельдъ храбро сражался за свою родину и былъ свидѣтелемъ расторженія союза трехъ государей при Аустерлицѣ. Въ Россіи онъ нѣкоторое время сопровождалъ армію во время войны 1812 года.—Въ сраженіяхъ, въ изгнаніи, при дворахъ императоровъ и королей, въ общественныхъ и тайныхъ совѣтахъ, касающихся современныхъ вопросовъ, въ будорагахъ красавицъ—вездѣ Армфельдъ чувствовалъ себя какъ дома. Мѣнялось лишь мѣсто дѣйствія: изъ Стокгольма въ Неаполь, изъ Саволакса въ Вѣну,

изъ Парижа въ Калугу, изъ Лабихау въ Петербургъ. Современныя событія и разныя случайности играли, конечно, роль въ этихъ рѣзкихъ перемѣнахъ; но они, главнымъ образомъ, зависѣли отъ тѣхъ странностей, которыми обладалъ Армфельдъ. Онъ меньше чѣмъ кто-либо другой принадлежалъ къ «тихимъ и спокойнымъ жителямъ страны». Онъ въ сущности не искалъ приключеній, но съ жаромъ бросался, благодаря какому-нибудь страстному вдохновенію, въ разныя предпріятія, часто не думая даже о послѣдствіи. Въ его плодovitомъ мозгу рождалась для великихъ предпріятій вѣчно новыя идеи, которыя перегоняли одна другую. Возбужденное постоянно воображеніе представляло ему всегда неудачу невысказанной. Мнѣніе свое онъ высказывалъ съ необыкновенной откровенностью, не щадя лицъ; о своемъ противникѣ онъ часто отзывался слишкомъ строго и несправедливо. Его языкъ и перо были настоящимъ оружіемъ, но съ которымъ онъ подчасъ обращался такъ неосторожно, что они становились опаснѣе для него самого, нежели для другихъ. Богатство и разнообразіе его проектовъ приводило его часто на арену политическихъ интригъ. Источникомъ удачъ и неудачъ всей жизни Армфельда были, главнымъ образомъ, его необузданная поспѣшность и поступки подъ впечатлѣніемъ минуты. Для его противниковъ представлялся всегда случай вредить его неосторожностью. Жизнь Армфельда доказываетъ, что многіе изъ его необдуманнхъ поступковъ не остались безнаказанными; можно даже сказать, что жестокія сужденія послѣ его смерти представляютъ собой что-то роковое. Многое было сказано о немъ несправедливаго и имѣющаго характеръ личныя неприязней, но зато онъ самъ, благодаря вспыльчивости своего нрава, также не стѣснялся въ выраженіяхъ, направленныхъ противъ его враговъ. Есть люди, которые никогда не старятся, или вѣрнѣе сказать, умъ которыхъ никогда не созрѣваетъ, и ни счастье, ни несчастье не могутъ исправить ихъ—къ ихъ числу принадлежалъ и Армфельдъ—такъ отзывался о немъ его родственникъ и современникъ графъ Яковъ Делагарди ¹⁾. «Мнѣ 50 лѣтъ — писалъ Армфельдъ въ 1812 году, своему другу Ерѣнстрему—но сердце и голова моя, какъ у 15-ти-лѣтняго юноши».

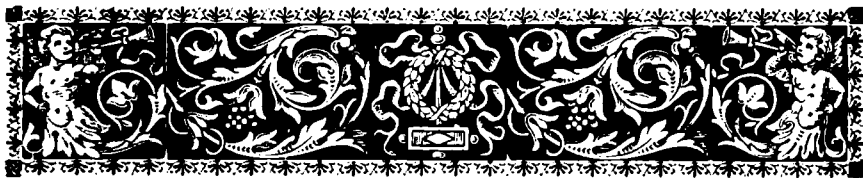
¹⁾ De la Gardie. Arch. XIX: 256.

Собственноручное письмо С. С. Уварова—М. М. Сперанскому.

1 декабря 1819 г. С.-Петербургъ.

Съ душевнымъ удовольствіемъ получилъ я прекрасное письмо вашего превосходительства изъ Иркутска отъ 18 сентября и пріятнымъ долгомъ поставлю воспользоваться отправленіемъ Пекинской Миссіи для доставленія вамъ нѣсколько книгъ. Вы найдете между ними первые два тома новаго собранія Академическиххъ путешествій. Къ описанію Камчатки будетъ принадлежать дополнительный томъ, содержащій любопытныя извѣстія, частію препровожденныя ко мнѣ отъ достойнаго Рикорда. Первая часть путешествія Лепехина выходитъ изъ печати. Сверхъ того вы найдете еще нѣсколько новостей какъ то—записки (здѣсь запрещенныя) Аббата Жоржеля... о Россіи. Вообще литература бѣднѣетъ каждый день. Политика все поглощаетъ, всѣ умы устремлены къ предметамъ, входящимъ въ ея кругъ. Какъ радостно для русскаго, любящаго свое отечество, чувство общей признательности къ вашимъ трудамъ и къ вашему усердію! Письмо ваше ко мнѣ содержитъ наилучшій обѣтъ всѣхъ благомыслящихъ. Дай вамъ Богъ довольно твердости духа и силъ тѣлесныхъ, чтобъ окончить великое дѣло вами начатое!—впрочемъ *in magnis et tentasse sat est...* Сія мысль утѣшаетъ и меня въ скромномъ, но многотрудномъ кругу моихъ обязанностей. Борьба со всѣмъ окружающимъ и даже съ самимъ собою есть девизъ челоуѣка на поприщѣ жизни гражданской и даже моральной. Конечно, борьба не всегда удачная, но для совѣсти своей всегда необходимая—даже и отдохнуть слаще послѣ бурной службы гражданской—отдыхать съ друзьями всѣхъ столѣтій, живыми и мертвыми, съ вами, съ Цицерономъ и съ Монтанемъ. Позвольте мнѣ издалика сказать: *Moete animo sic itur ad astra!*—Говоря недавно о Сибири, случилось мнѣ сказать, что исторія Сибири дѣлится на двѣ только эпохи: 1-я отъ Ермака до Пестеля—2-я отъ Сперанскаго до XX...—Это моя мысль и мое убѣжденіе. Я смѣю ласкаться надеждою, что я, нѣкоторымъ образомъ, содѣйствую вамъ въ великомъ предпріятіи вашемъ! Основаніе и распространеніе восточныхъ языковъ должно произвести и распространеніе здравыхъ понятій объ Азіи въ ея отношеніяхъ къ Россіи. Вотъ поприще огромное. еще не озаренное лучами разума—новое поле славы неприкосновенной—источникъ новой національной политики, долженствующей спасти насъ отъ дряхлости преждевременной и отъ Европейской заразы.—Карамзинъ пишетъ, но не печатаетъ еще IX томъ «Исторіи».—Примите увѣреніе душевной моей преданности и непоколебимаго почтенія.

Сообщилъ академикъ А. Ѡ Бычковъ.

Лазарь Карно въ Варшавѣ въ 1816 году¹⁾.

I.

Со времени консульства Бонапарта Лазарь Карно, нѣкогда, при директоріи, военный министр, держался вдали отъ власти, не будучи въ состояніи согласовать своихъ республиканскихъ убѣжденій съ новымъ положеніемъ вещей и деспотичными наклонностями Наполеона. Удалившись отъ тревоги политической жизни, онъ хотя отдался, въ качествѣ члена академіи наукъ, математическимъ работамъ, но какъ истинный патріотъ въ душѣ сочувствовалъ новому герою въ его побѣдоносныхъ походахъ по Европѣ. Когда не-

¹⁾ На страницахъ краковскаго двухнедѣльника «Swiat», (Краковъ, 1895) сообщено г. Алкаромъ (псевдонимъ известнаго польскаго историка) нѣсколько новыхъ, весьма любопытныхъ, данныхъ о Лазарѣ Карно, великомъ организаторѣ побѣдъ, внуку котораго былъ такъ недавно президентомъ французской республики. Съ любезнаго разрѣшенія автора мы считаемъ полезнымъ познакомить съ ними русскихъ читателей, такъ какъ данныя эти касаются пребыванія Карно въ предѣлахъ нашего обширнаго отечества.

Исслѣдованія причинъ появленія Карно въ бывшей столицѣ Польскаго королевства и пребыванія его въ этомъ городѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ подтвердили тотъ фактъ, что, подобно французскимъ патріотамъ, великій организаторъ побѣдъ первой французской революціи, — благодаря талантамъ, предусмотрительности, энергіи и мужеству котораго Франція одержала въ продолженіе девятнадцати-мѣсячной кампаніи двадцать семь генеральныхъ побѣдъ, выиграла сто двадцать важнѣйшихъ сраженій, получила девяносто одну тысячу плѣнныхъ, приобрѣла сто шестнадцать крѣпостей и укрѣпленныхъ городовъ, двѣсти тридцать редутовъ, три тысячи восемьсотъ орудій, семьдесятъ тысячъ ружей, тысячу девятьсотъ килограммъ пороху и девяносто знаменъ, — сдѣлался жертвою приговора, изложеннаго въ декретѣ Людовика XVIII, отъ 24-го іюля 1815 года. Послѣ продолжитель-

счастливыя обстоятельства въ 1814 году побороли непобѣдимаго до тѣхъ поръ полководца и когда Франція очутилась на краю пропасти, Карно забылъ о личныхъ обидахъ и поспѣшилъ на приглашеніе Наполеона, встать во главѣ защитниковъ, находившагося въ опасности, Антверпена.

По возвращеніи съ острова Эльбы Наполеонъ снова обратился къ патриотизму Карно и, сдѣлавши его перомъ Франціи, поручилъ ему портфель министра внутреннихъ дѣлъ. Послѣ сраженія при Ватерлоо Карно былъ призванъ въ члены временнаго правительства—ему было поручено Наполеономъ заняться приготовленіемъ защиты Парижа. Вторичное вступленіе союзныхъ войскъ въ Парижъ и возвращеніе Людовика XVIII рѣшили участь Карно и повлекли за собою его изгнаніе.

На другой день по изданіи суроваго королевскаго декрета, отъ 24-го іюля 1815 года, одинъ изъ братьевъ Карно отплавилъ къ лорду Веллингтону ноту, напоминавшую ему содержаніе статьи парижской конвенціи, касавшейся вступленія союзныхъ войскъ въ столицу Франціи. Ею обезпечивалась не только личная и имущественная неприкосновенность, но даже рекомендовалось воздержаніе отъ всякой политической реакціи.

Командующій англійскими войсками, полагая, что къ нему обращается самъ генераль Карно, отвѣтилъ на это письмо холодно: что ему прискорбно слышать о приказаніи, касающемся генерала, но что онъ ничѣмъ не можетъ помочь въ этомъ дѣлѣ. Сравнительно бѣльшаго добился братъ Карно отъ графа Каподистрія, уполномоченнаго императоромъ Александромъ дать просителю отвѣтъ.

Русскій министръ сообщалъ, что его монархъ былъ непріятно удивленъ, прочитавши въ изгнанныческомъ листѣ фамилію Карно, но что въ виду объявленнаго уже приказанія трудно было бы добиться его отъѣзда. Однако же замѣтилъ, что генераль Карно не подлежитъ ни суду, ни изгнанію изъ отечества и что на случай отъѣзда императора изъ Парижа будутъ приняты мѣры къ обезпеченію личной неприкосновенности назначеннаго въ ссылку.

наго скитанія по Европѣ, этотъ необыкновенный человекъ, наконецъ, нашелъ въ Варшавѣ сердечное гостепримство и пріютъ на нѣсколько мѣсяцевъ.

Объ этомъ эпизодѣ изъ жизни Карно не сохранилось подробностей.

Только въ 1863 году сынъ «великаго Карно», Лазарь-Ипполитъ, бывший въ 1848 году министромъ народнаго просвѣщенія, отецъ убитаго въ 1894 году президента республики, Сади Карно, издалъ обширное сочиненіе: «Memoires sur Carnot», составленное по рукописнымъ замѣткамъ и письмамъ своего отца, при чемъ самъ, какъ товарищъ его по изгнанію и свидѣтель его занятій и сношеній въ Варшавѣ, описалъ подробно бѣгство Карно изъ Франціи, временное его пребываніе въ Брюсселѣ, путешествіе по Европѣ и причины, которыя побудили изгнанника остановитъ свой выборъ на столицѣ Царства Польскаго.

Надежды эти не оправдались. Бурбонская реакція вопарилась на всемъ пространствѣ Франціи. При крикахъ «vive le roi!» скатывались сотнями головы республиканцевъ на эшафотахъ. Мщеніе было направлено главнымъ образомъ противъ тѣхъ, коихъ считали убійцами несчастнаго Людовика XVI.

Такимъ образомъ, при всеобщемъ волненіи и возбужденіи политическаго фанатизма Лазарь Карно не могъ ожидать улучшенія своей участи. Графъ Каподистрія, отъ имени императора Александра, предлагалъ ему гостеприимство въ Россіи, прибавляя, что государь съ удовольствіемъ предложилъ бы ему соотвѣтственное положеніе въ рядахъ русской арміи.

Каподистрія принялъ горячее участіе въ выдачѣ Карно русскаго паспорта на выѣздъ изъ Франціи. Такой же паспортъ обѣщанъ ему и отъ прусскихъ властей; изъ нихъ содѣйствовалъ этому извѣстный Юстусъ Грюнеръ, начальникъ прусской военной полиціи.

Во время приготовленій къ отъѣзду, Карно внезапно получилъ приказаніе явиться безотлагательно въ подпрефектуру d'Estampes, гдѣ ему выдали новый паспортъ, съ допискою: «Compris dans l'ordonnance royale du 24 Juillet» и съ отмѣткою: «выданъ по приказанію его сіятельства министра полиціи отъ 6-го сентября, съ тѣмъ, чтобы Карно удалился въ Блуа и тамъ оставался подъ надзоромъ до рѣшенія его участи палатами».

Друзья Карно узнали, что въ Блуа господствовало такое возбужденіе въ народѣ, что можно было ожидать кровопролитныхъ сценъ, подобныхъ тѣмъ, которыя только-что происходили на югѣ Франціи, гдѣ народъ, поднятый реакціонерами, «далъ знать себя» республиканцамъ. Л. Карно не оставалось ничего болѣе какъ покинуть Францію. Въ одинъ изъ воскресныхъ дней, со двора деревенскаго Plessis двинулись два экипажа. Одинъ, направлявшійся въ сторону Блуа, долженъ былъ увозить генерала Карно, другой же, двигавшійся къ Парижу—его братьевъ. Все это дѣлалось для того только, чтобы обмануть вниманіе полиціи.

Вмѣсто того, чтобы своротить въ сторону Парижа, генералъ выбралъ дорогу на Мелюнь. Ему сопутствовалъ несовершеннолѣтній его сынъ Лазарь-Ипполитъ, который съ тѣхъ поръ долженъ былъ раздѣлять въ изгнаніи участь своего родителя, вмѣстѣ съ вѣрною служанкою Жозефиною. Русскій паспортъ защищалъ генерала отъ возможныхъ преслѣдованій со стороны городскихъ властей. Однако же, въ видахъ предосторожности, Карно былъ снабженъ еще третьимъ паспортомъ, выданнымъ на имя лонскаго купца Розанда, и этотъ только предъявлялъ въ пути.

Путники прибыли въ Ватиньи (Wattignies), пограничную француз-

скую мѣстность, прославленную мужествомъ Карно, когда онъ, сражаясь противъ коалиціи, отразилъ непріятельское нападеніе и спасъ республику. Возмущенный людскою несправедливостію отецъ показалъ сыну мѣсто, съ котораго нѣкогда такъ дѣятельно управлялъ обороною Франціи.

20-го октября путешественники пріѣхали въ Брюссель, который въ то время былъ сборнымъ пунктомъ для республиканцевъ и наполеонистовъ, уходившихъ отъ преслѣдованія Бурбоновъ. Французскія власти, обезпокоенныя такимъ собраніемъ въ сосѣднемъ государствѣ недовольныхъ новымъ порядкомъ вещей, потребовали удаленія ихъ изъ Бельгіи.

Не ожидая исполненія этого требованія, Карно съ сыномъ и служанкою добровольно оставили Брюссель и направились въ Вѣну, куда и пріѣхали 19-го декабря 1815 года.

Пробываніе изгнанниковъ въ придунайской столицѣ продолжалось едва одни сутки. Не взирая на строжайшее вѣжливое пріиманіе путниковъ, можно было ожидать розысковъ со стороны энергичной и подозрительной австрійской полиціи. Тогда путники направились въ Краковъ, который въ то время, въ силу постановленія вѣнскаго конгресса, оставаясь послѣднимъ кусочкомъ «свободной, независимой и нейтральной Рѣчи Посполитой», находился подъ покровительствомъ трехъ, подѣлившихъ между собою страну, державъ, окруженный тройнымъ кордономъ войскъ русскихъ, прусскихъ и австрійскихъ, по требованію которыхъ, каждый, въѣзжающій въ городъ, обязанъ былъ показывать свой паспортъ и предъявлять свои вещи для тщательнаго осмотра.

Послѣ того какъ были пройдены эти три кольца, таможенныя власти республики обдирали путешественника, требуя оплаты каждаго предмета, подлежащаго таможенной пошлинѣ.

Во время такого осмотра одинъ изъ стражниковъ сталъ внимательно всматриваться въ Карно и, вдругъ приблизившись къ нему, сказалъ чистымъ французскимъ языкомъ:

— Vous ne pouvez pas me reconnaitre, mais je vous reconnais bien, moi! Vous m'avez donné un sabre d'honneur, que j'ai conservé.

Это былъ старый польскій солдатъ, который нѣкогда служилъ подъ французскими знаменами.

Въ послѣдній день 1815 года путешественники оставили Краковъ и направились въ столицу Царства Польскаго.

II.

1816 годъ не обѣщаль счастья. Чувствительный холодъ началъ изрядно давать чувствовать себя изгнанникамъ, не особенно обеспеченнымъ теплою одеждою. Плохо подкованныя лошади падали на скольз-

комъ, покрытомъ выбоинами трактъ. Населеніе, по случаю праздника новаго года, отказывалось отъ всякой помощи въ необходимыхъ случаяхъ, когда, напримѣръ, дорожная повозка завязала въ снѣгу. Изгнанники были принуждены искать пріюта въ бѣдной деревенской хатѣ и среди темной ночи углубляться дальше въ глухіе сосновые лѣса, пробираясь сквозь вѣтви деревьевъ, нагибающіяся подъ тяжестью снѣга. Кое-гдѣ высились голыя стѣны домовъ и торчали трубы, — картина разрушенія, послѣдній слѣдъ сожженныхъ во время непріятельскаго похода деревенекъ на безграничномъ пространствѣ, покрытомъ снѣжною пеленою. За развалинами, нѣкогда оштукатуренныхъ, домиковъ тянулись непрерывно, уничтоженные огнемъ и грабежемъ, деревенскія хаты.

«По обѣимъ сторонамъ тракта, — пишетъ Карно, — которымъ мы здѣсь проѣзжали, тянулся рядъ однѣхъ лишь сосенъ. Невозможно было ѣхать ночью изъ-за волковъ, которые въ эту пору года могли бы быть для насъ небезопасными, да, наконецъ, и лошади нашего кучера не перенесли бы такого труднаго путешествія. Вслѣдствіе сего мы въ сумерки останавливались въ первой лучшей хатѣ... Но что это была за страшная берлога! Бѣднѣйшая, грязная изба служила помѣщеніемъ содержателя заѣзжаго дома, жидка, съ длинною бородою, въ халатѣ съ бѣднымъ, исхудалымъ лицомъ, крайне несимпатичнымъ для мѣстнаго поселеннаго — жертвы отравы, каковую ему подастъ этотъ шинкаръ подъ вѣдомъ водки.

«Послѣднія войны и частыя передвиженія войскъ повсюду оставили свои слѣды. Постой русскихъ солдатъ, новыхъ владѣтелей этой части края, истребилъ остатки запасовъ бѣдныхъ поселянъ. Мы часто достигали мѣстъ подобныхъ стоянокъ и тогда намъ трудно было пробраться къ своей повозкѣ, особенно ночью, въ то время когда наши лошади нѣли минутный отдыхъ. Насъ дѣйствительно предупреждали, что мы будемъ терпѣть недостатокъ, но дѣйствительность превзошла всякія ожиданія! Таковы были вообще всѣ польскія деревеньки».

6-го января 1816 года наши изгнанники достигли, наконецъ, Варшавы. Какое поражающее противорѣчіе ослѣпило ихъ глаза! Послѣ безлюдныхъ окрестностей они очутились вдругъ среди великолѣпнаго города, съ широкими улицами, украшенными длиннымъ рядомъ дворцовъ, среди толпившагося на Краковскомъ предмѣстьи люда и летавшихъ стрѣлою по гладкой поверхности утопаннаго снѣга санокъ.

Направились въ гостиницу француза Шово (Chovot), на Медовой улицѣ. Карно, оставивъ инкогнито, объявилъ хозяину гостиницы и полиціи свою настоящую фамилію. Возница, по имени Николай, изумленный такою перемѣною купца Розанда въ извѣстнаго генерала Карно, сдѣлался предметомъ общаго любопытства. Его окружали повсюду, пытая о подробностяхъ путешествія.

Прибытіе Карно въ Варшаву занимало всѣхъ жителей. Слѣзили видѣться съ нимъ даже такіе, которые, по своимъ убѣжденіямъ, менѣе всего принадлежали къ сторонникамъ демократическаго строя французской республики. Особенно громко выражали свое почтеніе гостю состарѣвшіеся польскіе патриоты, которые нѣкогда принимали дѣятельное участіе въ республиканской эпопеѣ, и младшіе товарищи ихъ, участники войны ниспровергнутаго героя Франціи.

Въ числѣ сихъ послѣднихъ находился генералъ Викентій Красинскій ¹⁾.

— На которомъ году своей жизни вы начали общественную дѣятельность?—спросилъ разъ Красинскій Карно.

— На сороковомъ безъ малаго—отвѣтилъ спрошенный.

— Мнѣ въ настоящее время тридцать шесть лѣтъ, но я могъ бы пойти по вашимъ слѣдамъ.

«Красинскій—пишетъ Карно—былъ настоящимъ французомъ благодаря своей живости, сердечности и горячимъ чувствамъ. Жена его, урожденная княжна Радзивилль ²⁾, отличалась высокими качествами сердца и выдающимся воспитаніемъ. Преждевременная ея смерть подѣйствовала удручающимъ образомъ на моего отца. Сынъ ихъ—Сигизмундъ, въ то время прекрасный ребенокъ, позднѣе сталъ великимъ народнымъ поэтомъ» ³⁾.

На первыхъ порахъ своего пребыванія въ Варшавѣ Карно былъ одинаковъ со всѣми, но со временемъ онъ сгруппировалъ около себя кружокъ заслуживающихъ довѣрія лицъ, съ которыми исключительно дѣлился своими симпатіями и при посредствѣ которыхъ продолжалъ свои ученые занятія.

По временамъ собирались у него старые патриоты: Домбровскій, вождь польскихъ легионовъ, военный министръ Віельгорскій, сынъ друга Жанъ-Жака Руссо и Мабли, ветеранъ Соколяницкій, солдатъ республиканской арміи, военный писатель и археологъ; почтенный предсѣдатель севата Островскій, князь Гедройцъ съ семьєю, чистосердечно любящею Францію, наравнѣ со своею родиною; умный Любелкій, впоследствии министръ финансовъ, Круковецкій, личность нѣсколько загадочная, каштелянша Поланецкая, почтенная дама и очень красивая, несмотря

¹⁾ Графъ Викентій Красинскій, генералъ-отъ-кавалеріи, генералъ-адъютантъ, членъ совѣта управленія въ Царствѣ Польскомъ и членъ русскаго Государственнаго Совѣта, человекъ высокообразованный, авторъ нѣсколькихъ сочиненій, родился въ 1788 г., † въ 1858 году. Г. В.

²⁾ Скончалась въ 1822 году. Въ костелѣ имянія Красинскихъ Опногура (Цѣхановскаго уѣзда, Плоцкой губерніи) воздвигнуть въ память ея великолѣпный мраморный монументъ.
Г. В.

³⁾ Родился въ 1811 году, въ Парижѣ, умеръ тамъ же въ 1859 году.

на бѣлыя волосы, покрывавшіе ея чело. Генералъ Карно часто бывалъ въ ея салонахъ, гдѣ происходили остроумные разговоры, чуждые всякой партійности. Во главѣ стоялъ Станиславъ Потоцкій, прозванный за своей ораторскій талантъ княземъ краснорѣчія. Въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія онъ посвятилъ себя дѣламъ народнаго образованія. Кромѣ того онъ былъ покровителемъ наукъ и искусствъ и счастливымъ переводчикомъ Винкельмана. Товарищескія чувства, коими онъ отличался, дѣлали его любимцемъ лучшаго общества.

«Я оскорбилъ бы чувство благодарности, — пишетъ Карно, — если бы не вспомнилъ о генералѣ Станиславѣ Малаховскомъ и его семьѣ, сильно пострадавшей отъ преслѣдованія судьбы... Угасла она преждевременно. Самый младшій изъ трехъ сыновей, Юліанъ погибъ смертію богатыря во главѣ отряда коспираторовъ, во время войнъ за независимость, старшій Густавъ, будучи дѣятельнымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и доказавши, что онъ имѣетъ способности полководца, дипломата и оратора, умеръ въ изгнаніи. Старшая изъ дочерей Каролина, предметъ поклоненія всѣхъ, которые были въ состояніи цѣнить ея умъ и сердце, завяла какъ подрѣзанный цвѣтокъ въ Южной Франціи, гдѣ искала спасенія отъ грудной болѣзни.

«Желая удовлетворить національное чувство поляковъ, императоръ Александръ довѣрилъ намѣстничество въ край одному изъ ихъ соотечественниковъ, генералу Заюнчеку, товарищу по оружію Косцюшко, рыцарю кампаніи 1812 года. Но конституціонная хартія нивожидила до очень малыхъ размѣровъ вліяніе этой личности на судьбу края, когда братъ императора, великій князь Константинъ, главнокомандующій польскихъ войскъ, взялъ почти совершенно въ свои руки управленіе.

«Мой отецъ сдѣлалъ ему визитъ и былъ принятъ съ большимъ радушіемъ. Разговоръ ихъ вращался около военного искусства, наукъ, а также и политики. Константинъ выказалъ при этомъ большія познанія.

«Онъ не былъ лишень отъѣнка добродушія, но былъ пасмуренъ, фантастиченъ, временами положительно страненъ, не уважалъ конституціи, данной странѣ императоромъ.

— *Constitution c'est confusion* — говаривалъ онъ неоднократно. — Что касается меня, я знаю только одну военную дисциплину. Если бы императоръ, мой братъ и повелитель, прислалъ мнѣ приказаніе разстрѣлять здѣсь двадцать человекъ: я не разстрѣлялъ бы ни 19, ни 21, а только 20.

III.

Новая конституціонная хартія, дарованная Царству Польскому, обезпечивала ему свободу печати, свободу личности, равно какъ всегдаш-

нее народное представительство. Она допускала до права выбора каждаго владѣльца земской собственности дворянина, или не дворянина; допускала къ выборамъ фабрикантовъ и крупнѣйшихъ купцовъ; словомъ, всѣхъ тѣхъ, которые на парламентскомъ языкѣ именуется интеллигенціею, не говоря уже о духовенствѣ, профессорахъ, учителяхъ и артистахъ выдающагося таланта.

Если бы эта хартія, по мнѣнію Карно, выполнялась съ строгою послѣдовательностію въ теченіе болѣе продолжительнаго времени, то демократизмъ могъ бы развиться съ пользою для страны, вмѣсто того, чтобы заниматься волненіемъ умовъ. Но всѣ вольности, признанныя за страною, понемногу ослабѣвали и послѣдовательно уступали мѣсто иному порядку. Да, наконецъ, и аристократія, которая представляла въ то время всю Польшу менѣе заботилась о либеральной идеѣ, чѣмъ о возстановленіи польской народности. Все, что только клонилось къ этой цѣли, имѣло въ ней усердныхъ защитниковъ. Рассказывали о письмѣ императора Александра къ Огинскому, касающемся возстановленія Польши въ прежнихъ ея границахъ, съ возвращеніемъ къ ней присоединенныхъ провинцій. Передавали о его визитѣ къ Косцюшко. «Чего хочешь?» спросилъ Александръ народнаго героя, и когда тотъ указалъ ему на картѣ рѣку Днѣпръ—императоръ сказалъ: «будете его имѣть».

Вмѣстѣ съ тѣмъ говорили, съ нѣкоторымъ опасеніемъ, о словахъ монарха, сказанныхъ одной дамѣ полькѣ.

— Правда ли, ваше величество,—спросила она,—что вы соедините Литву съ новымъ Царствомъ Польскимъ?

На это императоръ, съ ироническою улыбкою, отвѣтилъ:

— Не только Литву, но и всю Россію.

Этотъ двусмысленный отвѣтъ былъ принятъ за выраженіе дѣйствительныхъ намѣреній императора.

«Какъ бы то ни было—говоритъ Карно,—но современная Польша была оживлена ожиданіемъ лучшаго и напрягала всѣ силы къ своему возрожденію. Мой отецъ, желая чѣмъ-нибудь отблагодарить за сердечный приемъ, какой находилъ въ ней повсюду, пригласилъ въ Варшаву много способныхъ рабочихъ, съ цѣлю введенія новыхъ отраслей труда въ край, и составилъ проектъ основанія школы искусствъ и ремеселъ на манеръ существующей въ Шалонѣ, во Франціи; но эти проекты, встрѣтивши разныя препятствія, не вышли изъ предѣловъ бумажной программы.

«Литература жила по большей части воспоминаніемъ о прошломъ. Трагедія Фелинскаго «*Barbara Radziwiłłówna*» достигла необыкновеннаго успѣха. Юліанъ Урсинъ Нѣмцевичъ, товарищъ по оружію, неволѣ

и изгнанію Косцюшко, приготавливалъ «*Spiewy historyczne*», къ которымъ варшавскія дамы подбирали иллюстраціи и музыку.

«Въ эту же эпоху появился первый польскій романъ «*Malwina*», принадлежащій перу княгини Виртембергской, сестры князя Адама Чарторыйскаго. Національный характеръ тамъ обрисованъ рыцарскими чертами, а поэтический вымыселъ далъ возможность автору перечислить имена, пріятнѣйшія для народнаго честолюбія. Сочиненіе это, какъ и слѣдовало ожидать, надѣлало необыкновеннаго шума въ салонахъ мѣстной аристократіи.

«Зима 1816 года прошла въ Варшавѣ очень весело. Съ пробужденіемъ надежды на лучшее будущее молодежь закружилась въ водоворотъ забавъ. Балы слѣдовали за балами, давая возможность показываться на нихъ въ пышности народныхъ нарядовъ. Втянули въ этотъ водоворотъ забавъ и моего отца. Въ частныхъ кружкахъ окружали его и слушали съ большимъ вниманіемъ его рассказы о нашей славѣ и нашихъ несчастьяхъ. Бременами раздавался національный польскій гимнъ одновременно съ республиканскою французскою пѣснью.

«Симпатія поляковъ къ моему отцу не ограничивалась только словами». Дѣлали ему, разумеется, деликатнымъ образомъ великодушныя предложенія, о которыхъ генералъ Карно такъ писалъ своему брату:

«Ты спрашиваешь меня о подробностяхъ денежныхъ предложеній, сдѣланныхъ мнѣ въ Варшавѣ. Дѣло было такъ. Одна изъ ложъ вольныхъ каменщиковъ записала въ мою пользу субсидію, которая сразу принесла значительную сумму, (цифры я не знаю). Я не хотѣлъ ее принять, хотя не имѣлъ возможности подтвердить письменно мой отказъ... Другое значительное вспомошествованіе мнѣ было предложено генераломъ Красинскимъ, маршаломъ сейма. Онъ просилъ меня принять на время моего изгнанія часть его земельной собственности, съ годичнымъ доходомъ—8.000 франковъ. Это—маіоратъ, данный ему Наполеономъ и закрѣпленный управленіемъ Царства.

— Это будетъ—говорилъ графъ Красинскій—возвратъ моего долга Франціи, въ которой я составилъ свою военную карьеру.

«Очень благодарилъ его, но жертвы этой не принялъ.

«Графъ Пацъ, одинъ изъ богатѣйшихъ здѣшнихъ магнатовъ, тоже готовъ былъ жертвовать мнѣ доходы со своихъ значительныхъ имѣній, но я и ему отказалъ.

«Трудно выразить гостепримство, которымъ я пользовался во время своего пребыванія въ Польшѣ.

«Хотя и въ другихъ мѣстахъ я былъ предметомъ всеобщаго вниманія, но его ни въ чемъ нельзя сравнить съ тою сердечною и огромною симпатіею, какою была мнѣ удѣломъ въ Польшѣ, гдѣ почитали меня какъ бы другомъ и товарищемъ по несчастію.

«Еще какой-то французъ, проживающій въ Варшавѣ, узнавъ о моихъ ничтожныхъ средствахъ, обратился ко мнѣ съ просьбою — взять чашечку его сбереженій».

Во время своего пребыванія въ Варшавѣ Карно узналъ, что положеніе его во Франціи значительно ухудшилось. Палата депутатовъ согласилась на безсрочное изгнаніе всѣхъ конвенціонистовъ, заслуживающихъ по ея мнѣнію наказанія. Это было только начало придворокъ къ изгнанникамъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ де-Вобланъ (de Vaublanc) поспѣшилъ дать королю къ подписи указъ, исключавшій изъ числа членовъ французскаго института многихъ ученыхъ, въ числѣ ихъ даже и главнѣйшихъ его основателей: Лаканала, Монжа, Грегуара, такъ-что имя генерала Карно очутилось не въ дурной компаніи...

IV.

Разказы интересовавшихся судьбою Карно о тѣхъ оваціяхъ, предметомъ которыхъ онъ былъ въ Варшавѣ, страшно дразнили его противниковъ. Они не ограничивались порицаніемъ его заслугъ. Какой-то генеральный прокуроръ изъ Ліона, прославившійся впоследствии въ качествѣ члена министерства, подготовившаго паденіе династіи Бурбоновъ, распустилъ молву, что напалъ на слѣды обширнаго заговора, во главѣ котораго будто бы предполагали стать Таллейранъ, Карно и Фуше, съ цѣлью низложенія царствующей династіи.

Братъ генерала Карно Фёленъ (Félines) былъ арестованъ. Его держали подъ замкомъ двѣ недѣли, перерыли всю корреспонденцію, но, не найдя предполагаемыхъ слѣдовъ заговора, -- выпустили на волю.

Одинъ англійскій дневникъ, даже не сочувствующій республиканцамъ, рассказавши всю эту исторію, прибавилъ. «Когда спросили генерала Карно-Фёленъ: получаетъ ли письма отъ брата? онъ отвѣтилъ, что вопросъ этотъ излишенъ, ибо письма, которыя приходили по почтѣ, были, по всей вѣроятности, открыты въ черномъ кабинетѣ...»

Сопоставленіе извѣстія о заговорѣ, будто бы открытомъ во Франціи, со словами Карно, сказаннымъ генералу Красинскому — «qu'il préférerait avoir pour maître un grand Turc, qu'un Bourbon» ¹⁾, заставляетъ думать, что въ головахъ противниковъ Бурбоновъ существовали тогда замыслы произвести во Франціи политическій переворотъ.

¹⁾ Слова эти сохранены на обложкѣ рукописной книжечки со стихами Карно, подаренной имъ женой Викентія Красинскаго. На обложкѣ той же книжки находится многозначительная отиѣтка Викентія Красинскаго, что пребываніе Лазаря Карно въ Варшавѣ связывалось съ политическою цѣлью — предложеніемъ французской короны великому князю Константину Павловичу.

Очень можетъ быть, что и Карно, изъ чувства величайшей благодарности къ императору Александру, единственному великодушному побѣдителю Франціи, не видѣлъ невозможности въ пожертвованіи ея короны брату императора, великому князю Константину, по крайней мѣрѣ, въ первыя минуты по своемъ приѣздѣ въ Варшаву... Изъ дальнѣйшихъ замѣтокъ самого Карно видно, что понятіе, какое онъ себѣ составилъ о характерѣ великаго князя по ближайшемъ ознакомленіи съ послѣднимъ, было далеко не въ пользу русскаго главнокомандующаго польскими войсками. Отсюда—трудно допустить, чтобы подобный замыселъ могъ осуществиться.

Живой умъ Карно искалъ разнообразнѣйшихъ занятій. Занимаясь политикою и посѣщая дружескія собранія онъ находилъ еще достаточно времени для поэтическихъ вдохновеній.

Карно слагалъ въ Варшавѣ безпретенціозныя стихи въ стилѣ и духѣ, свойственномъ до-романтической эпохѣ.

Свѣтлый и поэтическій взглядъ на міръ въ душѣ человѣка, который пережилъ одинъ изъ самыхъ кровавыхъ эпизодовъ въ исторіи человечества и самъ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ дѣятелей этого эпизода, тѣмъ болѣе останавливаетъ на себѣ вниманіе и заслуживаетъ сочувствія, что недостатки тайно терзали честолюбиваго республиканца и, наконецъ, принудили его оставить городъ, въ которомъ, возвращаясь съ великолѣпныхъ собраній, блистающихъ пышностію и избыткомъ, онъ находилъ скромную, часто нетопленную комнатку въ гостиницѣ и болѣе чѣмъ скромное пропитаніе для себя, для своего сына и вѣрной служанки Жозефины.

Суровость и измѣнчивость климата тоже заставляли думать о другомъ, болѣе скромномъ мѣстѣ пребыванія, хотя бы въ сосѣднемъ прусскомъ государствѣ. Возникли равнымъ образомъ и опасенія вслѣдствіе сразу происшедшаго осложненія въ пріятельскихъ дотогѣ отношеніяхъ съ великимъ княземъ Константиномъ. Тогда были начаты переговоры съ представителемъ прусскаго правительства въ Варшавѣ. Канцлеръ Гарденбергъ увѣрилъ Карно, что онъ найдетъ въ Пруссіи гостепримство и пріютъ вездѣ, гдѣ только будетъ имѣть намѣреніе поселиться.

Въ августѣ 1816 года изгнанники оставили Варшаву и удалились въ Силезію.

Лазарь Карно поселился сначала въ Берлинѣ, но такъ какъ это было неприятно французскому правительству, то затѣмъ переѣхалъ въ Магдебургъ, гдѣ и умеръ на рукахъ сына 2-го августа 1823 года. Тѣло его было погребено въ Магдебургѣ и только въ наше время, по ходатайству внука его, президента французской республики Сади Карно, императоръ Вильгельмъ II возвратилъ его Франціи, и нынѣ прахъ Лазаря Карно покоится въ Пантеонѣ.

Г. А. Воробьевъ.

Страничка изъ академической жизни 1750 года.

Извѣстно какую дѣятельную роль въ успѣхахъ науки въ прошломъ столѣтїи исполняла частная переписка между учеными разныхъ странъ, и какихъ она достигла размѣровъ въ Западной Европѣ, восполняя собою то, чего ей не доставляла еще такъ мало развитая въ ту пору періодическая печать. Кто-бы могъ въ то же время представить себѣ тѣ тѣсныя предѣлы, въ которыхъ была заключена такая переписка для русскихъ ученыхъ. А вотъ фактъ изъ архива Академіи Наукъ.

Профессоръ Степанъ Крашенинниковъ, авторъ знаменитаго «Описанія Камчатки», подалъ 16 ноября 1750 г. въ канцелярію Академіи Наукъ рапортъ слѣдующаго содержанія:

«Сего Ноября 13 дня получилъ я письмо изъ Упсалы отъ Шведскаго Архіатера и Ботаника Господина Линнея, которымъ онъ проситъ, чтобы имѣть съ нимъ переписку объ ученыхъ дѣлахъ, касающихся до ботаники. Того ради отъ Канцеляріи Академіи Наукъ почтительнѣе прошу указу, имѣть ли мнѣ съ реченнымъ господиномъ Линнеемъ желаемую имъ переписку или нѣтъ; а съ письма, которое ко мнѣ прислано и которое прочтено будетъ въ нынѣшнемъ собранїи, при семъ прилагаю копію».

По выслушанїи этого рапорта канцелярія журнальнымъ опредѣленїемъ 16-го ноября постановила:

«Оному господину профессору Крашенинникову корреспонденцію съ помянутымъ господиномъ Архіатеромъ Линнеемъ имѣть дозволить и какіе ему будутъ потребны изъ ботаническаго саду травы и семена, которыхъ здѣсь достаточно, то пересылать съ требованїемъ, напротивъ того и отъ него какія будутъ для онаго ботаническаго сада потребны травы и семена, а помянутое присланное отъ него, Линнея, оригинальное письмо ему, г-ну профессору Крашенинникову, отдать въ Конференцъ-Архиву профессору Вивсгейму, оставя у себя съ онаго письма копію».

Сообщилъ академикъ К. С. Веселовскій.

Я. К. Гротъ и П. А. Плетневъ.

(Ихъ взаимныя отношенія и переписка) ¹⁾.

Заданные въ прошломъ и нынѣшнемъ году матеріалы для біографіи Я. К. Грота даютъ много новыхъ свѣдѣній не только объ этомъ замѣчательно ученомъ дѣятелѣ, но и объ извѣстномъ его другѣ П. А. Плетневѣ, и о многихъ другихъ выдающихся лицахъ сороковыхъ годовъ. Первые два тома дружеской переписки заканчиваются 1846 г.; они составляютъ лишь начало полного собранія сочиненій Я. К. Грота, издающагося на особую сумму, назначенную въ Божѣ почившимъ императоромъ Александромъ III, августѣйшимъ ученикомъ покойнаго академика.

Яковъ Карловичъ Гротъ родился въ 1812 г. въ С.-Петербургѣ. Четырехъ лѣтъ онъ лишился отца и остался на попеченіи матери, нѣмки по происхожденію, но любившей все русское. Вотъ что пишетъ онъ Плетневу о первыхъ годахъ своей жизни: «Маменька рассказывала мнѣ о моемъ дѣтствѣ. Вотъ нѣкоторыя черты. Я любилъ ее нѣжнѣе всѣхъ другихъ дѣтей. Когда отецъ бралъ меня на руки, я начиналъ бить ногами и кричалъ: «я хочу къ маменькѣ». Когда она уходила со двора, я былъ неутѣшенъ отъ боли и тоски, рыдалъ, прислонялся головой къ подушкѣ стула и засыпалъ; въ такомъ положеніи она заставляла меня по возвращеніи. Когда она днемъ закрывала глаза, чтобъ подремать, я

¹⁾ Въ „Русской Старинѣ“ 1883 г. № 1, стр. 215—250 были напечатаны краткія біографическія свѣдѣнія о покойномъ академикѣ Я. К. Гротѣ по поводу пятидесятилѣтія его служебной дѣятельности. Нынѣ, пользуясь выходомъ его біографіи и двухъ томовъ переписки съ П. А. Плетневымъ, считаемъ не лишнимъ напомнить читателямъ о почтенномъ ученомъ и о бывшемъ вице-президентѣ Академіи Наукъ.

Р е д.

умолялъ ее: откройте глаза, боясь, что она умретъ, и стараясь удалить даже всякую мысль о возможности этого: воображеніе мое было тогда сильно поражено смертію старшаго брата Александра, котораго я видѣлъ покойникомъ. Итакъ, чувствительность и плаксивость были двѣ главныя черты моего характера въ дѣтствѣ. Я былъ немилудчъ: когда кто-нибудь приходилъ къ намъ, я со слезами кричалъ: гости пришли, объясняя горе свое тѣмъ, что маменька со мной не будетъ играть, и иногда уползая подь стулъ. И послѣ, любя занятія, рисуя, клея, выдумывая разные надписи и т. п., я часто просилъ не ходить въ гости, потому что дома веселѣе. Я былъ большой лакомка, даже жаденъ; однакожь, когда намъ дарили деньги, я не покупалъ себѣ сластей, а только просилъ у Розы и Кости ⁽¹⁾ удѣлять часть того, что они себѣ купили; самъ же говорилъ, что «это слишкомъ дорого; стану я на это тратить деньги». Когда меня звали къ ужину, я спрашивалъ: есть-ли пироги или каша? и когда говорили, что нѣтъ, то продолжалъ свою работу, отказываясь отъ ужина. Двухъ лѣтъ я совершенно свободно говорилъ по-русски; когда у насъ гостила тетка (по отцу), то мы слышали нѣмецкій языкъ и непримѣтно выучились ему. По-французски маменька при насъ часто разговаривала съ своей старшей сестрой; мы любили ихъ передразнивать, произнося въ носъ выдуманные звуки. Разъ маменька и тетка, готовя сестрѣ сюрпризъ къ именинамъ, говорили при мнѣ по-французски, чтобъ я ихъ не понималъ. Онѣ чрезвычайно удивились, когда я на другой день объявилъ имъ, что знаю, о чемъ онѣ говорили—хотать подарить сестрѣ ножницы и наперстокъ. Шести лѣтъ маменька начала меня учить читать, но я не показывалъ большой охоты сидѣть за уроками; оттого для маменьки былъ сюрпризъ, когда я поднялъ съ полу бумажку и началъ разбирать ее; повторивъ нѣсколько разъ тотъ же опытъ, я скоро превзошелъ ея ожиданія. Лѣтъ трехъ я получилъ подругу въ играхъ, маленькую Феклу, дочь купленной въ домъ крѣпостной женщины Василысы. Скоро я такъ подружился съ этой дѣвочкой, что когда она долго уходила, я и по ней плабалъ, какъ по маменькѣ... Надобно въ дополненіе сказать и о нѣкоторыхъ дурныхъ качествахъ, на примѣръ, жадности, отъ которой я не разъ бывалъ боленъ, и вспыльчивости, которая, при малѣйшемъ противорѣчій, заставляла меня подымать руку и не щадить моихъ собесѣдниковъ. Но послѣ всякаго такого выраженія гнѣва слѣдовало самое умильное раскаяніе, заставлявшее меня часто бросаться къ ногамъ и со слезами просить прошенія у того, кого я обидѣлъ. Вообще я былъ нетерпѣливо страстенъ въ желаніяхъ; захотѣвъ чего-нибудь, не давалъ покоя домашнимъ, пока не буду удовлетворенъ,

¹⁾ Сестра и братъ Якова Карловича.

и показывалъ особенную живость въ принятіи впечатлѣній: когда обманывались наши дѣтскія надежды несостоявшеюся прогулкою или другимъ чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ, другіе слегка жалѣли, а плакалъ неутѣшно. Животныхъ любилъ необыкновенно. Когда мы переезжали съ Крестовскаго, гдѣ одинъ годъ провели лѣто, я умолялъ, чтобъ взяли съ собою въ городъ двухъ привязавшихся ко мнѣ собакъ. Мы сѣли въ лодку, онѣ стояли на берегу; мои просьбы остались тщетными; я рыдалъ какъ будто о потерѣ человѣка» ¹⁾).

Вотъ какъ объяснялъ Яковъ Карловичъ такіа привязанности: «между невинными наслажденіями дѣтства одно изъ живѣйшихъ есть общеніе съ животными. И я испыталъ это удовольствіе во всей полнотѣ. Когда душа еще не пришла въ ясное сознаніе, еще остается какъ бы слитою съ природою и еще дремлютъ высшія силы человѣка, рѣзко отличающія его отъ животныхъ, въ этомъ возрастѣ я въ каждой твари видѣлъ брата, я живо, нѣжно сочувствовалъ всякой ея радости и всякому страданію, и воспоминаше объ этой дѣтской симпатіи до сихъ поръ еще отзывается въ моей душѣ любовью къ животнымъ» ²⁾).

«Все, что я тогда читалъ,—говоритъ Я. К. Гротъ, продолжая свою автобіографію,—всѣ книжные герои, которые тогда волновали ребяческую душу, во всей своей прелести живутъ въ моемъ воспоминаніи. Даже нѣкоторыя картинки неизгладимо остаются въ немъ. Всего прочее тѣ образы, которые трогали сердце. Я часто дивлюсь, какъ живо дѣтское воображеніе: всѣ происшествія и лица, которые я тогда узнавалъ, рисовались въ душѣ, какъ будто дѣйствительно виданныя. Оттого я и чувствовалъ такую страсть къ рисованію, что самоучкою выучился довольно порядочно срисовывать и разцвѣчивать красками предметы съ натуры» ³⁾).

Десяти лѣтъ Яковъ Карловичъ былъ отданъ сначала въ Лицейскій пансіонъ, а затѣмъ и въ Царскосельскій лицей. Благодаря пріобрѣтенному уже знанію языковъ и филологическимъ способностямъ, онъ блестяще окончилъ курсъ, хотя сознается, что много надѣялся на удачу, и «она меня спасала, когда я лѣнился. Математикѣ я преданъ былъ страстно, пока не дошелъ до высшихъ частей ея; тутъ, благодаря безтолковому преподаванію, охота къ ней прошла» ⁴⁾).

Однимъ изъ отраднѣйшихъ лицейскихъ воспоминаній было для Якова Карловича посѣщеніе А. С. Пушкина. «Въ то время, какъ я былъ еще въ младшемъ курсѣ,—сообщаетъ онъ въ своей автобіографіи,—весною 28-го или 29-го года, онъ однажды навѣстилъ насъ. Мы

¹⁾ Переписка Грота съ Плетневымъ, II, 506 и сл., 513 и сл.

²⁾ Тамъ же, II, 330

³⁾ Тамъ же, I, 492 и сл.

⁴⁾ Тамъ же, II, 540.

слѣдовали за нимъ тѣсною толпой, ловя каждое слово его. Пушкинъ былъ въ черномъ сюртукѣ и бѣлыхъ лѣтнихъ панталонахъ. На лѣстницѣ оборвалась у него штрипка; онъ остановился, отстегнулъ ее и бросилъ на полъ; я съ намѣреніемъ отсталъ и завладѣлъ этою драгоценностью, которая послѣ долго хранилась у меня. Изъ разговоровъ Пушкина я ничего не помню, да почти и не слышалъ. Я такъ былъ пораженъ самымъ его явленіемъ, что не умѣлъ даже и слушать его, да притомъ, по всегдашней своей застѣнчивости, шелъ позади другихъ».

Въ свободное время Яковъ Карловичъ занимался въ Лицеѣ итальянскимъ языкомъ, участвовалъ въ журналахъ лицействъ и написалъ траги-комедію «Мидасъ», которую и разыгралъ вмѣстѣ съ товарищами. Преподаватели Кошанскій и Тилло поощряли литературныя попытки Грота. Также благосклонно относился къ нему и профессоръ Шудльгинъ, преподававшій исторію, но онъ оказалъ Якову Карловичу плохую услугу, рекомендовавъ его, не спросясь, предсѣдателю комитета министровъ князю Кочубею. Благодаря этому, Якову Карловичу шесть лѣтъ пришлось прослужить въ различныхъ канцеляріяхъ, пока онъ убѣдился, до какой степени чужда ему чиновничья дѣятельность. «Дни уходятъ,— заноситъ онъ въ свой дневникъ,— не оставляя ни въ умѣ, ни въ сердцѣ прочныхъ слѣдовъ, зато они оставляютъ по себѣ толстыя кupy исписанной веленовой бумаги; будетъ мнѣ чѣмъ похвастать, показывая внуку или сыну шкафы государственной канцеляріи; съ какою гордостью скажу: сочинять не сочинялъ, а писывалъ».

Нѣкоторымъ утѣшеніемъ для Якова Карловича была въ это время дружба съ однимъ изъ сослуживцевъ Д. С. Протопоповымъ. «Мы вступили въ комитетъ министровъ,— рассказываетъ Яковъ Карловичъ,— почти въ одно время—я только что изъ Лицея, онъ изъ Московскаго университета. Противоположность нашихъ внѣшнихъ качествъ, при одинаковости внутренняго основанія, скоро сблизила насъ тѣсно. Онъ не имѣлъ никакого свѣтскаго образованія, не зналъ языковъ, былъ безъ всякихъ знакомствъ въ такъ называемомъ порядкомъ обществѣ, застѣнчивъ и неловокъ, къ тому же серьезенъ и разсудителенъ. Я, какъ лицейскій, имѣлъ нѣкоторый лоскъ свѣтской образованности, былъ живъ и довольно неоснователенъ; но мы оба равно стремились къ истинѣ, къ знаніямъ, дорожили духовнымъ усовершенствованіемъ и любили заниматься. Мы стали часто видѣться, спорили, бранились и переписывались, хотя жили въ томъ же городѣ и ежедневно сходились въ канцелярію. Онъ меня полюбилъ со всею нѣжностію брата. Я, какъ гордая красавица, принималъ иногда довольно холодно его изъясненія, но онъ продолжалъ любить меня по-прежнему и не сердился на меня, когда я иногда съ дѣтскимъ упрямствомъ противорѣчилъ его зрѣлымъ сужденіямъ. Я училъ его по-французски и при этомъ показывалъ часто непроститель-

ную строгость и нетерпѣніе; но онъ все сносилъ съ кротостію, даже съ неограниченнымъ повинновеніемъ. Впослѣдствіи, когда я жилъ на дачѣ у Корфа, мы оба писали свой дневникъ и отчетъ въ знаніяхъ, какія приобрѣтали. Все это, и мои, и его бумаги, хранятся у меня, какъ дорогой для меня памятникъ нашего знакомства и первыхъ лѣтъ моей жизни на свѣтѣ»¹⁾).

Занимаясь въ это же время шведской гимнастикой, для укрѣпленія слабого здоровья, подъ руководствомъ шведа Паули, Яковъ Карловичъ увлекся его разсказами о Швеціи, выучилъ шведскій языкъ и взялъ отъ Паули поэмъ Тегнера «Сага о Фригіофѣ», которую вскорѣ и началъ переводить на русскій языкъ. Съ этихъ поръ Яковъ Карловичъ чувствуетъ влеченіе къ Сѣверу. Пользуясь вакаціями 1837 г., онъ со своимъ товарищемъ А. Д. Комовскимъ ѣдетъ на Иматру и въ Гельсингфорсъ, подвергаясь при этомъ серьезной опасности на морѣ. Въ 1838 и 1839 г.г., онъ, для поправленія здоровья, снова отправляется на воды въ Гельсингфорсъ, хотя и предполагалъ раньше ѣхать на югъ.

Между тѣмъ страсть къ филологіи развивалась своимъ путемъ. Яковъ Карловичъ изучаетъ и англійскій языкъ. Переведя въ 1837 г. поэмъ Байрона «Мазена», онъ черезъ бывшаго лицеиста М. Д. Деларю, хотѣлъ помѣстить переводъ въ «Современникѣ», издававшемся, по смерти Пушкина, профессоромъ и ректоромъ С.-Петербургскаго университета П. А. Плетневымъ. Отсюда возникаетъ знакомство и очень быстрое сближеніе Якова Карловича съ Плетневымъ, который недавно лишился своего лучшаго друга въ лицѣ великаго поэта, а черезъ два года лишился и жены. Яковъ Карловичъ, съ своей стороны, питалъ симпатію къ Плетневу даже еще ранѣе личнаго знакомства: «Твою статью о Шекспирѣ въ литературной газетѣ... я очень помню»,—пишетъ онъ Плетневу,—«потому что читалъ ее съ большимъ наслажденіемъ... кажется мы еще не были знакомы, и я опять почувствовалъ сильную симпатію къ тебѣ, какъ всегда, когда читалъ что-нибудь твое или видѣлъ тебя. Это впечатлѣніе въ подобныхъ случаяхъ всегда повторялось съ той самой поры, когда я, бывъ еще въ лицей, увидѣлъ тебя впервые у рѣшетки тамошней ограды, когда ты изъ патріотическаго института, проводившаго лѣто въ Царскомъ Селѣ, пришелъ однажды навѣстить Вистингаузена»²⁾).

Эта дружба длилась до самой смерти Плетнева и выражалась въ аккуратнѣйшей перепискѣ при всякой разлукѣ, которая и наступила въ 1840 г. Рѣшивъ отдаться учено-педагогической дѣятельности, Яковъ Карловичъ, благодаря отчасти стараніямъ Плетнева, былъ сначала

¹⁾ Переписка, II, 640.

²⁾ Тамъ же, II, 572.

причисленъ къ финляндскому статсъ-секретариату, а затѣмъ опредѣленъ профессоромъ русскаго языка и исторіи въ Александровскомъ Гельсингфорскомъ университетѣ.

Въ теченіе переписки Яковъ Карловичъ, строго слѣдившій за своимъ нравственнымъ совершенствованіемъ, непрестанно читавшій Евангеліе, «*Du perfectionnement de soi-même*» de Gerando, «Подраженіе Христу» Оомы Кемпійскаго и пр., приобрѣтаетъ нравственный авторитетъ въ глазахъ Плетнева, несмотря на то, что моложе послѣдняго на 20 лѣтъ. «Я не вполне сосредоточиваюсь,—пишетъ Плетневъ,—отъ непрерывнаго прлива мелкихъ хлопотъ, еще болѣе отъ разочарованія и, наконецъ, отъ физической усталости, неминуемо овладѣвающей тѣломъ послѣ дѣятельности столькихъ лѣтъ. Должности не хочу я бросить потому, чтобы, пока не кончатся воспитаніе Оли (дочери), быть здѣсь привязаннымъ по необходимости. Разочарованіе мое относится вообще ко всему, что нѣкогда я любилъ пламенно и что не удовлетворило моимъ юношескимъ ожиданіямъ; разумѣю—всѣ помыслы, всѣ чувства филантропическія. Это, однако же, не значить, что я пересталъ для нихъ жить: бывають часто минуты, въ которыя я возвращаюсь ко всему этому. И вотъ почему я благодарю тебя и навсегда прошу не переставать благотворно дѣйствовать на ослабѣвающія мои умственныя и физическія силы. Теперь, чѣмъ далѣе поступаю я въ жизнь, тѣмъ нужнѣе мнѣ такая подпора, какъ ты»¹⁾).

Третьимъ лицомъ въ союзѣ Якова Карловича съ Плетневымъ была извѣстная въ педагогическомъ мірѣ А. О. Ишимова, воспитательница дочери Плетнева, и Яковъ Карловичъ на предложеніе расширить ихъ дружескій кругъ, выразился такъ: «Довольно и того, что нашлось какъ-то три человѣка, которые совершенно понимаютъ другъ друга; искать еще четвертаго есть мысль дерзкая и несбыточная»²⁾).

Назначеніе Якова Карловича въ Гельсингфорскій университетъ состоялось 3-го апрѣля 1841 г. по высочайшему повелѣнію, на основаніи рекомендацій и печатавшихся въ «Современникѣ» статей Грота о Финляндіи. Однако, финляндскіе профессора, хотя ни одинъ изъ нихъ не могъ бы проэкзаменовать Якова Карловича по предметамъ назначенной ему кафедры, были оскорблены нарушеніемъ университетскихъ традицій и весьма недовѣрчиво встрѣтили вступленіе Якова Карловича въ ихъ среду. Насколько это было тяжело для него—можно судить по слѣдующимъ его словамъ: «Вчера, во вторникъ, я много плакалъ. Поутру встрѣтилъ я одного изъ профессоровъ, моего пріятели и брата»³⁾ Лилле, очень хорошаго человѣка. Онъ повторилъ мнѣ, что

¹⁾ Тамъ же, I, 544.

²⁾ Тамъ же, I, 561.

³⁾ По брудершафту.

я нахожусь въ весьма затруднительномъ положеніи по обязанности за-сѣдать въ консисторіи и факультетѣ, что это—необыкновенное и оскорбительное нарушение ихъ формъ, и что наконецъ на меня смотрятъ съ неудовольствіемъ и даже съ подозрѣніемъ. Онъ прибавилъ, что мнѣ, по незнанію дѣлпроизводства и законовъ, чрезвычайно трудно будетъ участвовать въ разсужденіяхъ консисторіи. Я пошелъ къ Цигнеусу и тутъ, несмотря на присутствіе его брата, не могъ совладать съ собой и далъ волю слезамъ, едва удержаннымъ на улицѣ. Добрый Цигнеусъ утѣшалъ меня, какъ могъ; но слово подозрѣніе жгло мою внутренность. Отъ него я пошелъ, чтобы посоветоваться къ Тенгстрему—не засталъ его; потомъ къ Рейну ¹⁾; тутъ опять плакалъ долго; онъ подтвердилъ слова Лилле, но самъ отдавалъ мнѣ справедливость и советовалъ требовать въ консисторіи назначенія комитета для сочиненія инструкціи. Я успокоился. Послѣ обѣда въ 4 часа пошелъ къ Тенгстрему; и онъ изъявилъ мнѣ много довѣренности ²⁾.

Старательно выполняя затѣмъ свои профессорскія обязанности, Яковъ Карловичъ вооружилъ противъ себя и студентовъ, вражда которыхъ къ Россіи еще не остыла, такъ какъ они были всего лишь первымъ поколѣніемъ, выросшимъ на почвѣ завоеванной Фынляндіи. Не разъ возникали враждебныя демонстраціи противъ Якова Карловича, но онъ всегда выходилъ изъ затрудненій со свойственной ему твердостью и тактомъ. Одинъ изъ этихъ случаевъ онъ описываетъ такъ: «На лекціи напелъ я у себя необыкновенное множество студентовъ, между которыми не было почти ни одного изъ обыкновенныхъ слушателей. Я догадался, что они хотѣли заупрямиться, если-бъ я хотѣлъ заставить ихъ читать. Однако-жъ я подошелъ къ передней скамьѣ и спросилъ, что значить это множество. Сидѣвшій съ краю сказалъ: «Мы пришли слушать вашу лекцію». Тогда я тотчасъ взошелъ на кафедру и сказалъ: «По поводу того, что вижу, долженъ я объяснить, что введенныя мною разговорныя лекціи основывались на взаимномъ согласіи, при чемъ было объявлено, что если пожелаютъ опять прежняго порядка, то я буду читать и съ кафедры, но этого желанія никто не изъявлялъ. Теперь, вида передъ собою столько чловѣкъ, не участвовавшихъ въ томъ согласіи, а, разумѣется, буду читать съ кафедры». Вслѣдъ за этимъ выбралъ я для чтенія «Олеговъ щить». Какъ это вступленіе, такъ и потомъ разборъ этихъ стиховъ, историческій и филологическій, произнесены были мною съ такою твердостью и непринужденностью, которыхъ, конечно, не ожидали мои слушатели, думавшіе озадачить меня.

¹⁾ Всѣ лица, упоминаемые здѣсь, были профессорами Александровскаго университета.

²⁾ Цереписка, I, 320.

Между тѣмъ во время лекціи пришло еще нѣсколько студентовъ, чего обыкновенно не бываетъ. Отъ «Олегова щита» перешелъ я къ «Цыганамъ»... Я увидѣлъ, какъ необходимость и противодѣйствіе могутъ вдохновлять: я говорилъ такъ, какъ-будто особенно готовился къ этой лекціи. Кончивъ ее, не считая нужнымъ вступать въ дальнѣйшія объясненія и ушелъ. Но завтра думаю сказать нѣсколько серьезныхъ словъ о причинахъ введенія новой методы¹⁾.

Кромѣ того Яковъ Карловичъ заноситъ еще въ свой дневникъ 4-го декабря: «вчерашній день, послѣдній въ этомъ терминѣ, былъ буренъ. Послѣ кандидатскаго экзамена я пошелъ (къ Барановскому) на русскій и скоро замѣтилъ, что экзаменовавшіеся сговорились не отвѣчать мнѣ. Тогда я рѣшился привести дѣло въ полную ясность, и просто началъ экзаменовать. Вдругъ одинъ изъ прежнихъ упрямцевъ, Гунерусъ, выступилъ и сказалъ:—Позвольте мнѣ для себя и товарищей моихъ взять смѣлость напомнить, что мы не признаемъ ни за кѣмъ инымъ права экзаменовать, какъ за профессоромъ Барановскимъ... Въ ту же минуту, ничего не отвѣчая, я всталъ и сказалъ:—Экзаменъ конченъ. Какъ ваша фамилія?—Потомъ вышелъ вмѣстѣ съ Барановскимъ. Было нѣсколько слушателей. Въ факультетской комнатѣ, куда я пошелъ и гдѣ еще продолжался кандидатскій экзаменъ, всѣ профессора приняли очень къ сердцу это происшествіе и всѣ согласно съ годованіемъ осуждали Гунеруса.

«Вошелъ ректоръ и началъ оспаривать мое право экзаменовывать. Я сказалъ, что это дѣло особое, а теперь рѣчь можетъ быть только о поступкѣ студента. Хотѣли нарядить комиссію дисциплины и посадить студента въ карцеръ. Наконецъ, послѣ многихъ толковъ, я согласился кончить дѣло тѣмъ, чтобы экзаменовавшіеся, послѣ обѣда въ 5 часовъ опять явились на прежнее мѣсто и чтобы тамъ виновный при всѣхъ попросилъ у меня извиненія.

«Въ исходѣ 5-го часа заѣхалъ я къ Теслеву (губернатору) и рассказалъ ему случившееся, чтобы предупредить слухи, но просилъ считать дѣло конченнымъ. Оттуда въ университетъ. Ректоръ и Лилле ждали меня въ канцеляріи. Когда они все приготовили, мы пошли въ аудиторію. Стоя у стола, по другую сторону котораго сталъ я, ректоръ со слезами говорилъ о неприятомъ и опасномъ поведеніи студентовъ въ этомъ терминѣ. Потомъ объявлялъ онъ, что Гунерусъ будетъ здѣсь просить у меня извиненія и тѣмъ кончится дѣло, которое иначе могло бы имѣть самыя дурныя послѣдствія. Но тутъ всѣ присутствовавшіе студенты, кромѣ экзаменовавшихся и чловѣкъ двухъ другихъ, вдругъ вышли. Я усомнился, могу ли принять прошеніе извиненія въ такомъ случаѣ.

¹⁾ Тамъ же, 626 и сл.

Ректоръ испугался, сталъ увѣрять, что онъ не могъ предупредить этого, и я согласился выслушать слова Гунеруса, на которыя отвѣчалъ обыкновенными терминами. Послѣ того сказалъ я ректору, что лучше бы было, если-бъ онъ воротилъ вышедшихъ, потому что я собирался сказать имъ нѣсколько словъ. Онъ выбѣжалъ, закричалъ имъ и они пришли.

«Я сказалъ приготовленное объясненіе, и мы всѣ вышли. Я оставилъ Барановскаго одного докончить экзаменъ, прерванный поутру»¹⁾.

Въ концѣ концовъ однако Яковъ Карловичъ приобрѣлъ всеобщія симпатіи въ Гельсингфорсѣ, хотя и мало посѣщалъ общество, занятый кромѣ лекцій и чисто журнальныхъ статей, спеціальными трудами по разработкѣ системы спряженія русскихъ глаголовъ и биографіей Державина. Когда гѣтомъ 1842 года въ Гельсингфорсѣ пріѣхала повѣстеса графиня Растопчина, стихи которой давно нравились Якову Карловичу, то вотъ что онъ пишетъ: «Наконецъ познакомился я съ Растопчиной. Она мнѣ очень понравилась. Ея живое болтовство, въ которомъ такъ много видно начитанности, такъ много неосновательности, очень мило; игра физіономіи и жесты, особливо маленькаго пальчика, придають ей еще болѣе прелести. Фанфаронства ни мало»²⁾.

Что же касается финскихъ литературныхъ дѣателей, то послѣ Рунеберга Яковъ Карловичъ съ наибольшей любовью отзывался о Ленротѣ. «Онъ,—пишетъ Яковъ Карловичъ въ 1840 г.,—живетъ въ хорошей части города, но въ бѣдномъ красномъ домишкѣ на дворѣ. Ласково встрѣченный имъ, я увидѣлъ въ немъ человѣка среднихъ лѣтъ съ огненными глазами, съ добродушной улыбкой, съ лицомъ почти багровымъ отъ загара, съ приемами неловкими и вовсе не свѣтскими, онъ одѣтъ былъ грубо, въ длинномъ сюртукѣ изъ темно-синяго толстаго сукна, но его обращеніе и рѣчь такъ безыскусственны и просты, что я тотчасъ полюбилъ его отъ сердца. Онъ самъ, кажется, и не подозрѣваетъ въ себѣ никакого достоинства, и всякаго считаетъ выше себя.

«При нашемъ приходѣ сидѣлъ онъ у стола, заваленнаго тетрадами, мелко исписанными; въ одну изъ нихъ переписывалъ онъ набѣло собранныя имъ въ народѣ лирическія пѣсни, изъ которыхъ онъ уже напечаталъ часть, составившую порядочную книгу. Вотъ главное занятіе его жизни, когда онъ свободенъ отъ дѣлъ по званію врача. Прежде онъ странствовалъ неутомимо и собиралъ пѣсни: теперь онъ съ тѣмъ же непреклоннымъ усердіемъ просиживаетъ цѣлые дни въ своей убогой комнаткѣ и собранное приводитъ въ порядокъ, переписываетъ, печатаетъ. Я дѣлалъ вопросы ему о разныхъ лицахъ и предметахъ, упоми-

¹⁾ Тамъ же, II, 926 и сл.

²⁾ Тамъ же, I, 554.

наемыхъ въ его путевыхъ замѣткахъ, и онъ на все отвѣчалъ съ большимъ участіемъ. Вдругъ я замѣтилъ на стѣнѣ небольшую арфу мля, называя ее по-фински—кантелу, изъ простаго некрашенаго дерева. Когда я о ней заговорилъ, Ленротъ тотчасъ же взялъ ее и, положивъ на колѣни, по обычаю финновъ, началъ играть на ея мѣдныхъ и желѣзныхъ струнахъ разныя чухонскія арія. Потомъ онъ сталъ выносить изъ другой комнатки цѣлыя токи тетрадей съ народными пѣснями, изъ которыхъ многія остаются еще вчернѣ, какъ онъ писалъ ихъ съ голоса крестьянъ, другія же перебѣлены имъ; третьи написаны рукою самихъ пѣвцовъ, изъ коихъ не малое число умѣетъ писать прямо, четко и часто даже красиво; это искусство приобрѣтають они самоучкой, доставая, гдѣ только можно, прописи. Ленротъ, во время своихъ странствованій, самъ часто изготовлялъ для нихъ такія прописи: у него хорошій почеркъ. Теперь всѣ финны не только внутренней Финляндіи, но и Архангельской губерніи, уже знаютъ его и нерѣдко получаетъ онъ отъ тамошнихъ поселенъ письма и пѣсни, иногда съ просьбою напечатать ихъ, если онъ годятся. Онъ издаетъ на финскомъ языкѣ листокъ «Пчела» (Mehiläinen). Оттуда и нѣзъ рукописныхъ тетрадей прочелъ онъ мнѣ, съ букввальнымъ шведскимъ переводомъ, разныя чрезвычайно любопытныя пѣсни, которыя обшачалъ достать и на письмѣ. Между разговоромъ и этими чтеніями, ему вдругъ вздумалось (въ 12 часовъ дня) понтъ насъ чаемъ. Онъ взялъ съ своего комода маленькій самоварчикъ и вынесъ его куда-то; потомъ самъ же принесъ его, но уже съ кипяткомъ на старое мѣсто и налилъ три стакана чаю, отъ котораго я, однако же, по обыкновенію, отказался. Мы ему замѣтили, что довольно странно пить около обѣденнаго времени чай; онъ отвѣчалъ, улыбаясь, что ѣсть и пить, когда случится, зачастую вовсе не обѣдаетъ и довольствуется ужиномъ, а днемъ, сидя за работой, пьетъ чай. Тутъ онъ сѣлъ вондъ своего самоварчика, выдвинулъ изъ комода верхній ящикъ, въ которомъ показались обломки и крохи разнаго хлѣба и, вынувъ кусокъ выборскаго кренделя, принялся убирать его съ чаемъ. Онъ видимо обрадовался, когда я сказалъ ему, что всеподданнѣйшая просьба Війляйна напечатана по-русски и что вскорѣ я это пришлю ему, вмѣстѣ съ переводомъ мѣсть изъ Калевалы (онъ скоро ѣдетъ въ свою сѣверную Финляндію). Меня же особенно обрадовало то, что онъ знаетъ и читаетъ по-русски, ошибаясь только въ удареніяхъ. Когда мы собрались идти, онъ подалъ мнѣ недавно отпечатанный первый томъ финскихъ лирическихъ пѣсенъ, прося принять въ знакъ памяти, но черезъ минуту взялъ назадъ и сдѣлалъ надпись: «Nerra Gröttille (это дательный падежъ по-фински) pöyrimmästi kokoojalta»¹⁾). Послѣднія два слова остаются пока тайной для меня.

¹⁾ Отъ всекорнѣйшаго собирателя

Тогда я вынулъ изъ кармана двѣ-три изъ своихъ статей и вручилъ ему въ оплату. «Такъ вотъ вашъ Ленротъ»—сказалъ я Цигнеусу, сходя съ нимъ по лѣстницѣ.—«Въ полномъ смыслѣ финнъ,—отвѣчалъ онъ,—и тѣломъ и душой. То-то и пріятно видѣть, что онъ весь безраздѣльно отдался своему любимому занятію и ни въ чемъ не измѣняетъ себя». Въ самомъ дѣлѣ онъ даже тѣлодвиженіями и приемами настоящій чухна: когда онъ говоритъ, то часто киваетъ головой и поводитъ рукой, какъ эти добрые финны, которыхъ вамъ, можетъ быть, случилось встрѣчать на станціяхъ въ Выборгской губерніи. Вотъ какіе есть люди въ Финляндіи: они еще не оторваны отъ лона матери природы и, живя въ бѣдности, не зная ни въ чемъ роскоши, богаты только внутреннимъ достоинствомъ, и ничего, кромѣ этого, не ищутъ»¹⁾.

Получивъ отъ Якова Карловича изданный имъ юбилейный альманахъ Александровскаго университета, Ленротъ написалъ любопытное русское письмо Якову Карловичу, объясняясь въ такомъ родѣ: «Въ первыхъ я одолжительнѣе благодарю тебя за «Альманахъ», который я давно уже получилъ и прочиталъ, такъ русскій, какъ и шведскій экземпляръ его. Мнѣ казались подлинно русскія стихи любопытнѣе, нежели переведенные, хотя «Сѣверная Пчела» и нѣкоторые другіе рецензенты утверждаютъ что-то противное. Но имъ не можно разсуждать безпристрастно, особенно о такой статьѣ, какая графа Соллогуба, которая нисколько не жалѣетъ о нихъ. Собака, которую бьютъ, вскрикаетъ,—сказываютъ по пословицѣ и проч.»²⁾.

Возвращаясь къ автобіографическимъ чертамъ переписывавшихся, мы должны сказать, что въ письмахъ Плетнева ихъ весьма мало. «Первыя лѣта моей жизни, — пишетъ онъ, — такъ безцвѣтны, что я самъ ихъ не помню. Выросъ я между чужими. Всегда мнѣ чужды были забавы и удовольствія моихъ товарищей. Единственная потребность, господствовавшая въ душѣ моей, была любовь: ребенкомъ я любилъ тѣхъ изъ дѣтей, которыя были хорошенькія. Это странное врожденное стремленіе къ красотѣ до сихъ поръ меня преслѣдуетъ. Я хотѣлъ первоначально поступить въ Медицинскую академію. Но одинъ родственникъ отговорилъ меня. Когда я рѣшился идти въ Педагогическій институтъ, то всѣ нашли это очень выгоднымъ. Хотя между товарищами почитали меня отлично хорошимъ ученикомъ, но я былъ всегда лѣнивъ, не любилъ ничего учить особенно наизусть; всякое дѣло откладывалъ и надѣялся на удачу, которая къ удивленію не измѣняла мнѣ. Даже въ институтѣ я ничего основательно не узналъ. На экзаменахъ попадалось мнѣ все что-то легкое. Одной математикѣ учился я нѣсколько

¹⁾ Переписка, I, 4—6.

²⁾ Тамъ же, II, 873.

времени со страстью, особенно стереометрѣн. Только опредѣлившись учителемъ исторіи и арифметики въ Екатеринбургскій институтъ, почувствовалъ я необходимость заниматься внимательно. Въ короткое время я такъ постигнулъ способъ преподавать успѣшно и занимательно исторію, что Шторхъ, послѣ присутствія на моемъ урокѣ написалъ императрицѣ Маріи Феодоровнѣ: «Madame, j'ai trouvé un trésor dans notre Institut—c'est m-r Pletneff»¹⁾.

Затѣмъ по множеству лицъ, съ которыми Плетневъ входилъ въ сношенія, какъ педагогъ и журналистъ, переписка его пестритъ свѣдѣніями о многихъ замѣчательныхъ современникахъ. Онъ собирался когда нибудь издать записки своей жизни. «Послѣднее, — пишетъ онъ, мнѣ завѣщалъ Пушкинъ у Обухова моста во время прогулки за нѣсколько дней до своей смерти. У него тогда было какое-то высоко-религіозное настроеніе. Онъ говорилъ со мною о судьбахъ Р о м ы с л а, выше всего ставилъ въ человѣкѣ качество благоволенія ко всѣмъ, видѣлъ это качество во мнѣ, завидовалъ моей жизни и вытребовалъ обѣщаніе, что я напишу свои мемуары»... «Ты мой Гротъ, — пишетъ Плетневъ въ другой разъ о томъ-же, — точно основатель для меня мирнаго общежитія, которому начало положилъ Пушкинъ въ послѣдній годъ своей жизни. Любимый со мною разговоръ его, за нѣсколько недѣль до его смерти, все обращенъ былъ на слова: «Слава въ Вышнихъ Богу, я на землѣ миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе». По его мнѣнію я много хранилъ въ душѣ моей благоволенія къ людямъ; оттого и самыя литературныя ссоры мои не носятъ характера озлобленія. А я, слушая его и чувствуя, что еще далеко мнѣ до титула ч е л о в ѣ к а благоволенія, бралъ намѣреніе дойти до того. Тутъ смѣнилъ ты Пушкина—и уже сильнѣе подѣйствовалъ на мое преобразование»²⁾.

Въ данный періодъ П. А. Плетневъ былъ приближенъ уже, какъ педагогъ, ко Двору, и занимался чтеніями по русской литературѣ съ великой княжной Ольгой Николаевной. Насколько живо интересовало великую княжну чтеніе лучшихъ литературныхъ произведеній, показываетъ описываемый Петромъ Александровичемъ слѣдующій случай: «Погода была ужасная, — пишетъ онъ, — но я все-таки отправился въ Царское Село. Великая княжна Ольга Николаевна едва вѣрjala глазамъ, что я прибылъ въ такое время. Мы отправились въ кабинетъ ея маменьки, которую нашли разсматривающею продажныя для женскаго туалета вещи. Ея величество мнѣ сказала, не хочу ли я чего купить? Я отвѣчалъ, что уже не для кого теперь. Мы начали «Руслана и Людмилу», что понадобилось по предстоящей оперѣ сего самаго сюжета. Очень вра-

¹⁾ Тамъ-же, II, 530.

²⁾ Тамъ-же, I, 495 и сл. II, 731.

вится. Начали входить, начиная съ вашего канцлера ¹⁾, всѣ сыновья одинъ за другимъ и тѣмъ прерывали наше чтеніе, такъ что великая княжна Ольга Николаевна въ нетерпѣніи воскликнула при послѣднемъ: «Что это, шатап, сколько у васъ сыновей!» Они всѣ меня слушали съ видимымъ любопытствомъ». Въ слѣдующій разъ: «У государыни дочиталъ «Руслана и Людмилу». Опять всѣ дѣти къ ней собрались, а тутъ и государь пожаловалъ. Онъ шутилъ со мною, что чтеніе отъ нихъ перерывается; но (прибавилъ стариковскимъ голосомъ и принявъ такую же мяну) старуху мнѣ надо старику навѣщать: вотъ маленькому-то сынку сегодня ужъ десять годковъ (день рожденія великаго князя Михаила Николаевича)» ²⁾.

Послѣ бракосочетанія въ 1846 г. великой княжны Ольги Николаевны Петръ Александровичъ пишетъ: «Третьяго дня великая княгиня Ольга Николаевна прислала мнѣ третій подарокъ ³⁾, самый дорогой для меня, хотя и ничего незначущій для постороннихъ. Это стоечка бронзовая, на которой ея часы обыкновенно висѣли на письменномъ столѣ ея. вещь эту она такъ любила, что одну въ 18 лѣтъ ни разу не замѣнила другою. Ей извѣстно было, что и я находилъ эту вещь самую милою, какъ свидѣтельницу нашихъ занятій столько лѣтъ. Теперь, оставляя Петербургъ, она прислала ее мнѣ, какъ бы желая заставить меня безпрестанно думать и вспоминать о времени, проведенномъ нами вмѣстѣ» ⁴⁾.

Въ университетѣ Петръ Александровичъ читалъ лекціи, обыкновенно обдумавъ лишь предметъ чтенія, но не построеніе фразъ; онъ пишетъ по этому поводу Гроту: «Мнѣ радостно слышать, что ты почувствовалъ превосходство преподаванія изустнаго передъ книжнымъ. Я всегда находилъ, что одно первое только и законно въ профессорскомъ званіи. Изустное преподаваніе, или профессорская импровизація, часто приводитъ импровизатора къ открытіямъ, подобнымъ вдохновенію. Книжныя мысли выбиваютъ часто изъ души столь новыя идеи, что никогда не добрался бы до нихъ самъ творецъ въ тиши кабинета. Со мною подобное случилось въ послѣдній разъ. Сосредоточивая вниманіе слушателей на трехъ эпохахъ развитія мысли, т. е. на открытіи языка, письменъ и книгопечатанія, вдругъ почувствовалъ я, что въ наше время совершилось для мысли нѣчто равносильно-важное предыдущимъ случаямъ: это періодическія изданія. Франція и Англія уже почувствовали всю необхятность силы, все благо и всю гибель этого новаго властелина, поднявшагося надъ всѣми видоизмѣненіями могущества.

¹⁾ Наслѣдникъ цесаревичъ, впоследствии императоръ Александръ II.

²⁾ Переписка, I, 598 и сл., 617.

³⁾ Первый былъ брильянтовый перстень, а второй—мраморная ваза.

⁴⁾ Переписка, II, 807.

Нѣтъ доктрины, которой бы, наконецъ, нельзя было навязать человечеству помощію періодическаго изданія, вѣдомаго равномѣрно, но неослабно» ¹⁾).

Плетнева, какъ ректора, очень цѣнилъ министръ графъ Уваровъ за его умѣнье успокаивать студенческія волненія. «Въ этотъ день,—пишетъ Петръ Александровичъ 11-го сентября 1846 г.,—пришлось мнѣ ораторствовать передъ вновь принятыми студентами, которые выгнали изъ аудиторіи инспекторскаго помощника Вакара за то, что онъ, по приказанію попечителя, вошелъ къ нимъ отмѣчать, кого нѣтъ на лекціи. Я имъ изъяснилъ, что все, производимое ими въ стѣнахъ аудиторіи, я беру на мой счетъ, какъ ректоръ; а что, по короткому времени, ни мнѣ, ни имъ, нельзя быть недовольными другъ другомъ,—и потому они должны пока держаться перваго моего имъ совѣта—сохранять въ поступкахъ то достоинство, которое на нихъ возлагаетъ званіе студентовъ. Говорятъ, будто они изумлены были столь неожиданнымъ тономъ искренности и спокойствія моего» ²⁾).

Въ предотвращеніе недоразумѣній, онъ иногда заходилъ на лекціи профессоровъ, причемъ замѣчаетъ: «Устралова преподаваніе совершенно мужицкое. Ни слогу, ни одушевленія!» ³⁾. И вообще Петръ Александровичъ не жалуется профессоровъ. «Я не говорю, что чиновникъ лучше профессора,—разъясняетъ онъ Гроту,—только послѣдній (въ которомъ бы должно быть все хорошо по его ремеслу) чаще бываетъ неспособенъ—отъ избытка знаній и отъ недостатка умственнаго пищеваренія» ⁴⁾. Петръ Александровичъ относится скептически даже къ популярнѣйшему профессору Московскаго университета Грановскому и, навывая занкой, не признавалъ за нимъ и дара краснорѣчія. Высказывается онъ такъ, сообщивъ Гроту о его диспутѣ: «Прибавляю о Москвѣ слѣдующую новость изъ письма Коштова. Была промоція Грановскаго (вѣроятно въ доктора). Тема диссертация: «Существованіе города Винеты». Зала полна студентами. При вступленіи на кафедру дефендента (Грановскаго) оглушительныя раздались рукоплесканія. Шевыревъ, какъ факультетскій оппонентъ, сталъ возражать и—уничтожать его. Зашикали: у него навернулись слезы. Бодянской, другой оппонентъ, срѣзалъ Грановскаго. Опять зашикали. Разбѣшенный Бодянской сталъ говорить грубости и дерзости. Шумъ умножился. Деканъ вставъ объявилъ, что дефендентъ довольно выказалъ свои знанія, и кончился диспутъ». Гротъ отвѣчаетъ на это: «Промоція Грановскаго была въ магистры (по московскому выговору Герца). Мнѣ жаль Шевырева; къ нему неспра-

¹⁾ Тамъ-же, II, 563.

²⁾ Тамъ-же, II, 821 и сл.

³⁾ Тамъ-же, I, 494.

⁴⁾ Тамъ-же, I, 130.

ведливы: онъ очень добросовѣстенъ и усерденъ; бѣда только въ натянутости его рѣчи и вообще въ аффектаціи. Бодянский возражалъ прежде Шевырева и къ увеличенію досады слушателей вынулъ изъ кармана цѣлую кипу бумажекъ, на которыхъ написаны были возраженія. Когда зашумѣли, онъ обратился къ присутствовавшимъ и грубо спросилъ: чѣмъ я не угодилъ? (или кому?) Онъ (по словамъ Герца) одноглазый, кривоногий, въ обращеніи мужикъ и деспотъ»¹⁾

Однако Плетневъ очень сочувственно отнесся къ будущему знаменитому профессору, тогда еще юному учителю 2-й московской гимназій, Каэтану Андреевичу Коссовичу. Онъ былъ письменно рекомендованъ Плетневу, съ цѣлью сотрудничанья въ «Современникѣ», директоромъ тверской гимназій Кошшинымъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «у меня есть юноша-другъ Коссовичъ, явленіе чудное, изучающій языки, какъ ѣдятъ калачи. Онъ мнѣ читалъ нѣсколько уже прелюбопытныхъ драмъ и отрывковъ съ санскритскаго: я хочу вамъ ихъ доставлять иногда, буде желаете (?). Онъ былъ моимъ домашнимъ другомъ, когда былъ учителемъ греческаго языка въ моей гимназій; теперь онъ переташенъ во 2-ю московскую гимназію на тотъ же предметъ. Онъ удивляетъ Москву своимъ языковѣдѣніемъ; онъ изучилъ, кромѣ новыхъ, греческій, латинскій, еврейскій, арабскій и наконецъ санскритскій; человѣкъ, какихъ мало родитъ скупая нынѣшняя почва человѣчества; онъ вовсе не педантъ, вовсе не пахнетъ ученостью, но сидитъ и пожираетъ все, откапываемое повсюду. Живостью онъ очень похожъ на нашего Пушкина. Строгановъ и Московскій университетъ загораживаютъ ему ученую дорогу, хотя всѣ его уважаютъ невольно; главный его недостатокъ въ томъ, что онъ чуждъ ученаго педантизма, шутитъ и смѣется языкомъ либерала надъ пѣдотомъ и кр о в ѣ ю педантовъ-профессоровъ, учитъ, какъ бы играя, и изумляетъ наблюдателей успѣхами своихъ учениковъ. Къ стыду ученаго русскаго міра этотъ человѣкъ—учитель гимназій, тогда какъ нѣтъ въ Москвѣ просвѣщеннаго и любознательнаго дома, гдѣ бы имя его не отзывалось чудно, и когда съ университетскихъ кафедръ съ уваженіемъ говорятъ объ ученыхъ трудахъ его».

Плетневъ заинтересовался и Кошшинъ присылаетъ ему болѣе подробныя свѣдѣнія: «спѣшу вамъ отвѣчать о Коссовичѣ по вопросамъ вашимъ: онъ сынъ униатскаго священника, уроженца Вильны; учился первоначально у ксендзовъ въ коллегіи, въ Витебскѣ; поступилъ потомъ въ тамошнюю гимназію; по окончаніи курса, почти пѣшкомъ и даже почти босякомъ прибылъ въ Москву и втерся на казенное содержаніе въ университетъ; кончилъ курсъ кандидатомъ; но странно, что его здѣсь не помяли и не оцѣнили: голоса и противъ него, и за него были такъ не-

¹⁾ Тамъ-же, II, 458, 415, 420.

умѣренно громки, что почти равносильны. Онъ вынесъ въ университетѣ только уваженіе Шевырева, опредѣленное, окончательное, ибо обстоятельства ихъ сблизили домашнимъ образомъ; о прочихъ профессорахъ можно сказать, что они смотрѣли на него разня ротъ, какъ на явленіе странное, и скорѣе сумасшедшимъ, нежели гениальнымъ считали его. Все прекрасное его: и богатство памяти, и любовь страстная къ языкознанію, и громкая проповѣдь его о томъ, что учить не умѣютъ, и живые примѣры неимоверныхъ успѣховъ его собственныхъ учениковъ,—наконецъ рѣчь его, отрывистая, рѣзкая, и безпечность, съ какой нерѣдко забывалъ, какой сегодня день, или есть ли у него на шеѣ галстухъ,—все это слилось въ хаосъ понятій объ этомъ человѣкѣ.

«Вышедъ изъ университета, сблизясь со многими родителями хорошихъ фамилій, будучи осыпанъ ласками и доходами за private уроки, онъ естественно пожелалъ получить мѣсто въ Москвѣ; но графъ (С. Г. Строгановъ) былъ уже предупрежденъ и отказалъ въ этомъ; онъ около двухъ лѣтъ оставался безъ мѣста, ибо въ губернію ѣхать не хотѣлъ, а между тѣмъ внести сумму за воспитаніе было ему не изъ чего; деньги у людей подобныхъ ему не держатся; часто онъ занималъ 200 р. за огромные проценты, а первые 300, которые найдутся въ карманѣ, отдавалъ бѣдному студенту. Вотъ очеркъ его старой московской жизни.

«Наконецъ графъ предложилъ ему ѣхать въ Тверь, на греческій языкъ, или внести немедленно сумму за воспитаніе: онъ пріѣхалъ въ Тверь.

«Графъ мнѣ сказалъ, опредѣляя его: я вамъ даю Коссовича, знающаго дѣло, какъ профессоръ, но примите мѣры: онъ у васъ и двухъ мѣсяцевъ, думаю, не останется; это польская голова, предприимчивая, странная и проч.

«Онъ пріѣхалъ, и я скоро полюбилъ его; онъ былъ ласковъ, какъ ребенокъ, и преданъ какъ сынъ; я взялъ его къ себѣ въ домъ, безъ всякихъ видовъ для моихъ дѣтей, ибо они еще были малы, а просто люблю его. Онъ пробылъ у меня не два мѣсяца, а около 4 лѣтъ, и графъ уже насильно перевезъ его въ Москву. Онъ двинулъ у меня въ гимназін не только греческій языкъ, но все языкознаніе; у меня онъ изучилъ и еврейскій, и арабскій языки, и почти наполовину санскритскій, которымъ теперь предпочтительно занятъ. Въ Москвѣ полюбили его всѣ любящіе истинное достоинство люди; профессора же университета съ уваженіемъ ему кланяются и тянутъ руку, но всячески загораживаютъ ему дорогу къ университету; предубѣждаютъ противу него графа, льстятъ ему и вредятъ ему, чѣмъ только могутъ. Кажется, кончится тѣмъ, что онъ оставитъ ученую службу и посвятитъ себя чистому ученому служенію, если дозволить только средства, ибо

онъ уроковъ частныхъ не любить изъ видовъ, а кабинетъ его набить вольными слушателями—даромъ; но вѣдь этимъ не проживешь»¹⁾).

Плетневъ былъ всегда покровителемъ молодыхъ талантовъ, но особю симпатіею его были молодые поэты. Онъ поощрялъ первые шаги студентовъ Плещеева, А. Н. Майкова и др. Самъ онъ уже давно оставилъ стихи, но побуждаетъ къ нимъ Грота. «Конечно,—возражаетъ послѣдній,—твой благопріятный отзывъ можетъ побудить меня къ тому, чтобы я чаще прежняго выражалъ свои мысли стихами; но вотъ бѣда: сочиненіе стиховъ прерываетъ правильный и спокойный ходъ практической жизни, увлекая насъ къ усиліямъ, которыя заставляютъ забывать все прочее. Такъ и эти двѣ дорожныя пьесы²⁾ стояли мнѣ перочиннаго ножика, забытаго въ Выборгѣ, и одной калоши, которая неприятно свалилась съ ноги версты за 70 передъ Выборгомъ»³⁾).

Но въ началѣ литературной дѣятельности Гротъ больше писалъ стихами, чѣмъ прозой, и по поводу его замѣчательнаго перевода «Саги о Фритіофѣ» Плетневъ вступилъ въ длинный споръ съ нимъ относительно усовершенствованія русскаго гекзаметра болѣе частымъ введеніемъ спондеевъ и діарезы. «Жуковский,—сообщаетъ при этомъ Плетневъ,—писалъ и пишетъ размѣромъ древнихъ по чутью, не учась. Оттого легко и найдешь ты у него разваливающіеся на двое стихи, какіе приводишь ты въ письмѣ. Но повторяю: это не особая система ученія, а отсутствіе его. Несмотря на эту неправильность, чтеніе стиховъ его, въ которыхъ теорія подмѣчаетъ явные ошибки, поэтическому уху и эстетическому вкусу гораздо болѣе нравятся, нежели Мерзлякова и прочихъ ученыхъ, знавшихъ всю подноготную о древнемъ метрѣ. Разореніе Трои, Ценксъ и Гальціона, Аббадона, при всей огромности своей и ошибкахъ переводчика противъ законовъ древняго гекзаметра, могутъ быть прочитаны однимъ духомъ съ начала до конца. Правильные же стихи много ученаго никакъ не вынесешь и на полстраницѣ. У Гвидяча другое дѣло. Онъ былъ человекъ безъ музыкальнаго чутья и совсѣмъ неумѣвшій ладить со словами въ стихѣ. Мудрено ли, что все вычитавъ о правильности и разнообразіи древняго гекзаметра, онъ не умѣлъ въ свой гекзаметръ внести ни того ни другаго, борясь со словами и смысломъ и радуясь, если удавалось ему помирить ихъ какъ-нибудь... Баратынскій съ роду не учился ни хореймъ, ни ямбама,—а посмотри, кто нѣжище его формируетъ ихъ. Востоковъ въ изученіи метровъ собаку съѣлъ—настоящій нѣмецъ, а что у него за безвкусные стихи по самымъ метрамъ»⁴⁾).

¹⁾ Тамъ же, II, 946—948.

²⁾ Шестнадцатипятному стихотворцу и г-ну С. Н. (обращены къ поэту Николаевскому).

³⁾ Тамъ же, II, 847, 848.

⁴⁾ Тамъ же, I, 299.

Упоминаемый здѣсь В. А. Жуковскій вступилъ въ это время въ новую жизнь: въ 1840 г. онъ женился 56 лѣтъ на девятнадцатилѣтней дочери художника Рейтерна. «Невѣста,—пишетъ Плетневъ,—какъ узнали по ея письму къ кому-то, не только влюблена въ Жуковскаго, но считаетъ себя недостойной этого счастья, которое послалъ ей Богъ. За два года передъ симъ у Жуковскаго мелькнула мысль, когда онъ смотрѣлъ на нее, что только одна она могла бы составить его счастье, какъ жена. Послѣ никогда онъ объ этомъ не думалъ. Въ нынѣшнее пребываніе его въ Дюссельдорфѣ, отецъ и мать ея впервые замѣтили, что онъ что-то думаетъ про ихъ дочь. Наконецъ, онъ имъ рѣшился сказать. Они не противились, но опредѣлили, чтобы онъ самъ переговорилъ съ нею. Два мѣсяца не было у него духу приступить къ этому. Однажды, гуляя съ нею въ саду, онъ вынулъ маленькіе часы и, показывая ей, сказалъ: видите вы эти часы? Они измѣряютъ время, слѣдовательно и жизнь. Хотите ли вы ихъ принять отъ меня, а съ ними и время, и жизнь мою?—Вмѣсто отвѣта она повисла на его шеѣ и уже цѣловала его... Разъ, шутя, онъ, бывъ только съ ея матерью и съ нею, сказалъ, что для прочихъ будетъ первую выдавать за жену свою, а вторую за дочь, — невѣста такъ разсердилась, что онъ насилу выпросилъ у нея прощенія. Если она ведетъ себя умно, онъ зоветъ ее Эльзой; когда она шалитъ, онъ уже называетъ ее Бетси,—а когда она задурочится, онъ кричитъ только: Bête» ¹⁾). Въ 1846 г. Жуковскій пишетъ Плетневу о своемъ счастьи: «Я думаю и очень думаю (и какъ же не думать) о будущемъ моего семейства—но хлопотливость объ этомъ болѣе и болѣе утихаетъ въ моемъ сердцѣ. Мѣсто ея тревогъ заступаетъ болѣе и болѣе надежда на помощь свыше, не философическая, отвлеченная надежда, а живая надежда, которая руками хватается за крестъ, а глазами видитъ Того, Кто на крестѣ» ²⁾).

О поэзіи Лермонтова Плетневъ не высказывается въ письмахъ, а въ «Героѣ нашего времени» хвалитъ лишь Белу, другіе эпизоды романа шокируютъ его моральными воззрѣніями ³⁾). По поводу смерти поэта онъ высказываетъ слѣдующій приговоръ: «Видно, что этотъ человекъ не дорожилъ жизнью и не нашелъ въ ней источника высшей дѣятельности. Богъ знаетъ, молодость ли тому причиной или неясность идеи высокаго назначенія человека?» ⁴⁾).

Собственная литературная дѣятельность Плетнева въ сороковыхъ годахъ вся ограничивается неблагодарной и спѣшной работой для «Со-

¹⁾ Тамъ же, I, 127.

²⁾ Тамъ же, II, 772.

³⁾ Тамъ же, I, 189, 212

⁴⁾ Тамъ же, I, 376.

временника», который все-таки пришлось передать въ 1846 г. въ другія руки. Яковъ Карловичъ не разъ пеняетъ Плетневу, что онъ не берется ни за какой солидный трудъ при тѣхъ счастливыхъ условіяхъ, въ какихъ находится по личнымъ своимъ отношеніямъ; Гротъ даже обзываетъ своего друга литературнымъ канцеляристомъ. «Ты... освобождаешься отъ «Современника», выиграешь особенно въ томъ отношеніи, — пишетъ онъ, — что не будешь рабомъ срочныхъ занятій. Обремененный ими, ты, откровенно говоря, сдѣлаешься въ литературѣ канцеляристомъ... Канцелярская очистка составляетъ для тебя нынѣ (и давно уже) главную заботу въ твоей дѣятельности, и эта забота мѣшаетъ тебѣ наслаждаться тѣмъ, что составляетъ сущность литературной жизни. Литературнымъ канцеляристомъ, — разъясняетъ Гротъ, — называю я тебя не за разборы твои (вспомни, какъ я былъ доволенъ ими, особенно составляя указатель «Современника»), а вообще за характеръ твоей литературной дѣятельности, какъ она до сихъ поръ была. При изданіи журнала что было твоею главною заботою? Печатаніе, чтеніе корректуры (самъ ты составлялъ только, по большей части, тощенькую библиографію), — следовательно все больше канцелярская работа. Получивъ какую-нибудь новую статью, рѣдко ты чувствовалъ любопытство тотчасъ же ознакомиться съ нею, обыкновенно съ равнодушіемъ отлагалъ до чтенія корректуры, и такимъ образомъ она оставалась тебѣ неизвѣстною иногда на цѣлый годъ и болѣе. Положимъ, что это происходило по причинамъ естественнымъ и извинительнымъ, но все-же это было, и я искалъ слова для охарактеризованія такого неправильнаго положенія дѣлъ»¹⁾.

Въ заключеніе Яковъ Карловичъ дѣлаетъ справедливый выводъ, что Плетневъ неспособенъ къ ученой дѣятельности: «Недостатокъ энергіи, въ которомъ ты обвиняешь себя, — пишетъ онъ, — не то ли означаетъ, что ты, собственно, не рожденъ для ученыхъ трудовъ? Ты добрый и практически благоразумный человѣкъ, судишь чрезвычайно здраво, одаренъ рѣдкою способностью чувствовать и оцѣнивать изящное, сердцемъ въ высшей степени мягкимъ и склоннымъ къ самой нѣжной привязанности; но дала ли тебѣ природа средства къ напряженной ученой дѣятельности — вотъ въ чемъ я сомнѣваюсь. Отсюда и недостатокъ истиннаго участія — при всей доброй волѣ — въ чужихъ трудахъ, даже людей самыхъ близкихъ къ тебѣ; отсюда и возможность бросать время на такія бесплодныя дѣла, какъ напримѣръ, переписка, часто лишняя разумной цѣли и оправдывающаго ее содержанія. Кто глубоко проникнутъ убѣжденіемъ о предлагаемыхъ ему трудахъ, тотъ не станетъ расточать и мгновеній — не только часовъ и дней. Могло бы показаться, что я не долженъ такъ откровенно говорить съ тобою о самомъ тебѣ, но я считаю источникомъ пол-

¹⁾ Тамъ же, II, 831, 862 и сл.

нѣйшаго для человѣка счастья — истину во всѣхъ видахъ и примѣненіяхъ, а слѣдовательно и самопознаніе. Отъ болѣе или менѣе вѣрнаго понятія о самомъ себѣ зависитъ и болѣе или менѣе правильное употребленіе силъ нашихъ, слѣдовательно, степень нашего наслажденія жизнью. Если я ошибаюсь, тѣмъ лучше: ты почувствуешь мою ошибку и тѣмъ все-таки ступишь шагъ впередъ въ самоизученіи, а я охотно откажусь отъ своего мнѣнія, какъ скоро увижу, что оно ошибочно» ¹⁾). Плетневъ необыкновенно кратко отвѣчалъ на это: «Ты совершенно правъ, что я не рожденъ для ученыхъ трудовъ. Да и вообще мнѣ тягостенъ всякій усиленный трудъ. Не получивъ хорошаго воспитанія, не будучи приученъ къ систематической дѣятельности, я всегда оставался игрушкою мгновенія. То, что не важнаго и удалось мнѣ сдѣлать, было слѣдствіемъ счастливыхъ знакомствъ, которыми, впрочемъ, скажу къ чести своей, я всегда дорожилъ и постоянно искалъ. Но и это не могло далеко подвинуть меня, потому что я не носилъ никакого запаса къ исполненію предпріятій. Не зная хорошо ни одного иностраннаго языка, не терпя усидчивости за дѣломъ, я все исполнялъ кое-какъ. Со времени знакомства моего съ тобою, я долженъ бы былъ уже переродиться. Но и тутъ весь внутренній переворотъ мой ограничился только болѣзненнымъ сознаніемъ, что я нечтожизнѣе существо, а прямой активной перемѣны во мнѣ не послѣдовало. Я мыслю, понимаю и соображаю правильно, но все тѣмъ и оканчивается. Итакъ, я ни въ какомъ отношеніи не могу обидѣться твоею характеристикю, потому что глубоко и давно сознаю справедливость ея. Это, конечно, не оправданіе для будущаго: могъ бы еще я перереботать многое въ себѣ — но думаю, что безъ особой Божіей помощи ничего не удастся. Конечно, и приводя это чаще себѣ на мысль, я уже сдѣлаю что-нибудь: только это не будетъ то полное преобразованіе, въ которомъ настоятъ такая надобность. Ты же долженъ обходиться со мною, какъ съ мягкимъ ребенкомъ, котораго исправить вѣрнѣе мягкостью и любовью, нежели строгостью и гнѣвомъ. Всегда мнѣ гораздо стыднѣе тѣхъ, которые ставятъ меня въ положеніе неблагодарнаго, нежели тѣхъ, которыя излишествомъ своего катонизма сами показываются передо мною не вовсе правыми» ²⁾).

Быть можетъ, такое смиреніе было навѣяно на Плетнева поразившей его Гоголевскою «Перепискою съ друзьями». Гоголя вообще онъ не любилъ, какъ человѣка, отзываясь, что «онъ упрямъ, какъ малороссійскій быкъ и самолюбивъ, яко сатана»; а въ другомъ письмѣ: «Талантъ Гоголя удивителенъ, но его заносчивость, самонадѣянность и такъ сказать самопоклоненіе бросаютъ непріятную тѣнь на его характеръ» ³⁾).

¹⁾ Тамъ же, II, 859.

²⁾ Тамъ же, II, 865 и слѣд.

³⁾ Тамъ же, I, 174, 563.

Однако «Переписка», эта «высочайшая книга нравственности», по выраженію Плетнева, заставила его безусловно преклониться передъ Гоголемъ. «Начнемъ-ка, помолясь Богу, — пишетъ онъ Гроту, — мы съ тобой литературу новую, живую, насущно-необходимую, истинную, по образу и подобию той, что я усматриваю въ письмахъ Гоголя. Это не искусство, а ощущеніе. Помнишь того шведа, что любилъ сочинять письма? То былъ умный сочинитель, а Гоголь — трепетный жилецъ, вопіющій не о законахъ извѣщества, а о томъ, что благо, душеспасительно и неизбежно, да вопіющій не ораторомъ, а какъ велѣлъ Христосъ поучать земнородныхъ. Да, я чувствую, что съ этой книгой въ Европѣ станутъ вести лѣтосчисленіе появленія въ мірѣ русской литературы. До сихъ поръ мы бродили около жизни, а онъ въ нее врѣзался» ¹⁾).

В. Лачиновъ.

¹⁾ Тамъ же, II, 860, 866.

Театральныя впечатлѣнія В. И. Аскоченскаго, самимъ имъ описанныя.

(Шутка).

Въ лѣто 7370 (1863 г.) Декабрѣ въ пятый на десять день, вечеру сушу, егда благочестивѣи христіане стекахуся во храмы, всеобщаго ради бденія, всекозненнѣи присноборющій мя бѣсъ Зефеусъ воздвиже на мя прещипаніе и веліе искушеніе сотвори ми, соблазнивъ мя грѣшнаго и окаяннаго, азъ-же худѣи пріявъ во ушию свою наущеніе бѣсовское, оставихъ домъ свой и текохъ въ позорницу и внидохъ и сѣдохъ на мѣстѣ, еже купяхъ цѣною трехъ сребрениць, и видахъ множество многое юношей, старцевъ, женъ и дѣвъ позора ради. И възграша всякая согласія мусскійская и свирели, и посвистели, и бубны, и домры, и скрипичи, и цѣвничы и всякое струнное гуденіе и тимпаномъ бысть веліе удареніе, яко мноу храмишъ поколебати. Изыдоша-жъ блудницы нечестивыя, плясавицы меракія, дщери Иродовы, невѣсты сатаны и начаша ногами своимъ скакати, и главами помавати и бедрами потрясати. Ногамъ-же ихъ бысть подыатіе веліе, искушенія ради очесъ чловѣческихъ. Людѣ-же неразумніи, видяще таковая, въ веселіи руками плескаху. Посемъ-же нечестивѣи врази нѣкую игру мерзопакостную творихъ, божицу латинскую воображающе и нѣкоего глаголемаго пророка, въ ризахъ бѣлыхъ одѣянна, каменіемъ многочестнымъ украшенна, въ измечтанныхъ сапозехъ обувенна, на царство венчающе, тимпаномъ гудящимъ и кимпаномъ звенящимъ и пѣнію многу и козлосованію и кличу неподобну бываему. Изыде-же нѣкая жена, мати того пророка творящеса, поуще и възывающе скорбными гласы и лицедраніе и рукъ ломаніе творяще и мещущеса ово во едину, ово во нну страну. Людѣ-же неразумніи, видяще таковая, горше первыхъ руками своимъ плескаху. По мноземъ-же нѣкіи, сѣдшу пророку тому на мѣстѣ своемъ, блудницамъ-же окрестъ его скачущимъ и служащимъ ему, и вземъ чашу вина исполнену, воспѣ нѣсню бѣсовскую. И се внезапно.—Оле, чуда неслышаннаго! Изыде изъ земли огонь и куреніе дыма и сотворися громъ и трясъ неописанный и потрясеса храмина и распадеса даже до основанія своего и погребѣ пророка того и любодейцы его, и клеветы его и вся чтущія его и вся кланяющася ему и отыдоша ко отцу своему сатанѣ во огонь вѣчный, во тьму кромешную, въ сѣру кипучую, въ муку неизглаголанную. Людѣ-же неразумніи, видяще таковая, бываемая аки бѣсы рукоплещуще, извеся языки своя неистовымъ кличемъ вопіяхъ: «Тамберликъ, Тамберликъ!» Тамберлика нѣкоего скомороха и пѣвца бѣсовскаго величающе и честь ему воздающе. Азъ-же многогрѣшнѣи, познавъ суету прелести таковыя и видѣвъ яко поруганъ бѣхъ, отъ бѣса бѣжахъ изъ позорницы дому своему плакати о содѣянныхъ грѣсехъ своихъ.

ГУСТАВЪ IV

и

ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВНА,

1794—1796 г.г.

VIII ¹⁾.

ервая остановка короля была въ Выборгѣ. Здѣсь, въ присутствіи короля, герцога-регента и трехъ государственныхъ чиновъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ брачныхъ переговорахъ, былъ свѣренъ и подписанъ слѣдующій протоколъ, составленный еще 30-го сентября 1796 года, въ Петербургѣ:

«Его величество король, во время пребыванія своего въ столицѣ Россіи, бывъ принятъ у ея императорскаго величества, имѣлъ случай ежедневно встрѣчаться съ великой княжной Александрой и, серьезно привязавшись къ ней, почелъ за счастье получить руку ея. По полученіи согласія на то императрицы и августѣйшихъ родителей ея, императрица возбудила вопросъ, дозволено ли будетъ будущей королевѣ шведской исповѣдывать свою религію, обрядамъ которой она будетъ всегда предаваться въ тишинѣ и уединеніи. По этому поводу возникли переговоры, и сватовство едва не приостановилось. Его величество пожелалъ вновь лично переговорить съ императрицей, съ невѣстой и съ августѣйшими родителями ея. Исходъ послѣднихъ переговоровъ былъ настолько благоприятный, что оставалось лишь назначить день обрученія и приготовить все къ отъѣзду королевы въ Швецію, который самой императрицей

¹⁾ См. «Русскую Старину» 1896 г. сентябрь.

былъ рѣшенъ по осени, на что его величество и его королевское высочество изволили согласиться. День обрученія былъ назначенъ въ четвертъ 11 (22) сентября. Архіепископъ былъ призванъ, чтобы по обрядамъ православной церкви дать благословеніе великой княжнѣ. Кольца готовы и гравированы. Церемоніаль и списокъ лицъ, долженствующихъ присутствовать при ономъ, составлены.

«Въ 6 часовъ вечера была назначена церемонія и въ тотъ самый моментъ, когда всѣ уже должны были съѣзжаться во дворецъ, отъ императрицы былъ присланъ министръ, графъ Марковъ, къ королю съ требованіемъ отъ него и съ менинаго обѣщанія на свободное вѣроисповѣданіе великой княжны, съ совершеніемъ всѣхъ обрядовъ по законамъ православной церкви.

«Графъ Марковъ получилъ въ отвѣтъ, что его величество уже неоднократно давалъ честное слово и обѣщаніе императрицѣ, высоконарѣченной невѣстѣ и ея родителямъ, что онъ никогда не пожелаетъ стѣснять свободу вѣроисповѣданія своей будущей супруги. Его величество добавилъ, что не ожидалъ, чтобы у императрицы могло родиться сомнѣніе, и обѣщаль сдѣлать все по желанію ея императорскаго величества. Черезъ нѣсколько времени, графъ Марковъ вернулся снова, настаивая на томъ, чтобы его величество письменно передалъ императрицѣ данное имъ обѣщаніе; ея императорское величество была бы вполне удовлетворена слѣдующими словами: *Libre exercice de sa religion*. По этому поводу послѣдовало совѣщаніе между его величествомъ и его королевскимъ высочествомъ герцогомъ, послѣ чего его величество собственноручно начерталъ слѣдующія строки:

«Ayant déjà donné ma parole d'honneur à Sa Majesté Imperiale que Madame la Grande Duchesse ne serait jamais gênée dans Sa conscience en se qui regarde sa religion et Sa Majesté m'en ayant paru contente, je suis assuré qu'Elle ne doute nullement, que je connais assez les lois Sacrées que cet engagement m'impose pour que tout outre écrit ne soit entierement superflu. Le 11 (22) Septembre 1796. Signé: Gustaf-Adolph.

«Графъ Марковъ былъ посланъ съ подобною запискою во дворецъ. Императрица не удовольствовалась этимъ и, несмотря на то, что означенные переговоры длились около 3-хъ часовъ, въ продолженіе которыхъ невѣста и вся царская фамилія, бывшіе тутъ, ждали ее, прислала сказать, что она нездорова и не въ состояніи въ этотъ вечеръ принять короля. На другой день императрица приняла у себя его величество и герцога, но разговоръ, происходившій при этомъ, не измѣнилъ то непріятное и фальшивое положеніе, въ которое были поставлены дѣла по случаю происшедшей наканунѣ катастрофы. Переговоры между его величествомъ и родителями высоконарѣченной невѣсты происходили въ

присутствіи его королевскаго высочества герцога въ теченіе того же дня, но окончились по-прежнему безъ всякаго результата. При совѣщаніи, назначенномъ съ русскимъ посломъ въ этотъ же самый день у князя Зубова, императрица приказала графу Остерману объявить, что пока не разъяснятся всѣ происшедшія наканувъ недоразумѣнія, дальнѣйшіе переговоры, касающіеся трактата, прекращаются.

«Дѣйствительно, въ теченіе двухъ послѣдующихъ дней никакихъ переговоровъ не было. Король въ продолженіе этого времени не встрѣчался съ императрицею. Между министрами замѣчалось стараніе возстановить прежнія отношенія. Со стороны русскихъ предлагалось королю снова обратиться письменно къ ея величеству, но шведы не согласились на это. Затѣмъ было предложено, чтобы король въ письмѣ къ своему опекуну, его высочеству герцогу, поручилъ ему поправить дѣла по собственному его усмотрѣнію, но и этотъ проектъ былъ отклоненъ. Наконецъ, императрица рѣшила совершенно порвать отношенія и запретила своимъ министрамъ вести какіе-либо переговоры. Последнее распространилось на всѣхъ пословъ, причастныхъ къ этому дѣлу. Однако, сильно обострившіяся отношенія между обѣими націями, вражда, которая съ каждымъ днемъ возрастала, наконецъ, забота объ обратномъ путешествіи короля позднимъ осеннимъ временемъ,—все это, вмѣстѣ взятое, породило великія опасенія, которыя надлежало серьезно обсудить. Его королевское высочество и министры стали указывать королю на опасное положеніе, въ которомъ находились его величество и Швеція въ случаѣ объявленія войны, и тотъ ужасъ, который овладѣвалъ всѣми при мысли, что день совершеннолѣтія монарха могъ бы быть ознаменованъ кровопролитіемъ.

«Герцогъ и министры совѣтовали королю не останавливаться передъ такимъ второстепеннымъ вопросомъ и прибавить требуемыя слова къ данному уже имъ обѣщанію, дабы не обострить тѣмъ отношенія, настолько тяжелыя, что продолжительность подобнаго состоянія поведетъ къ оскорбленію одной изъ сторонъ. Его высочество и министры имѣли основаніе надѣяться, что въ болѣе интимныхъ разговорахъ короля съ великой княжвой, между ними уже существовало то довѣріе, которое необходимо между лицами, вступающими въ бракъ. Когда же дѣло зашло такъ далеко, что, получивъ согласіе августѣйшихъ родителей, молодая чета въ ихъ присутствіи нѣсколько разъ обняла другъ друга, рѣшеніе это не могло болѣе измѣниться; иначе, вызванное тѣмъ оскорбленіе повело бы къ удовлетворенію. Всѣ эти соображенія, рядомъ съ политическимъ положеніемъ Швеціи, когда она совершенно одна, безъ всякаго союзника, находилась въ обостренныхъ отношеніяхъ къ Франціи, вмѣсто того, чтобы имѣть въ ней защиту противъ могущественнаго сосѣда и миліонъ пятьдесятъ тысячъ рублей субсидіи (уже обѣщанной) и возоб-

новить почти что подписанный трактатъ на 8 лѣтъ съ Россіей,—все это рушилось теперь и грозило войной. Однако, представленные королю доводы и опасенія склонили его величество, ради блага отечества, еще разъ обратиться къ императрицѣ и упросить ее вновь начать переговоры. Аудіенція была назначена королю, и императрица согласилась начать совѣщанія.

«Самыя краснорѣчивыя слова и доказательства были употреблены министрами, чтобы спасти короля и отечество изъ того тяжелаго положенія, въ которое они были поставлены тѣмъ, что его величество отказался прибавить слова, требуемыя императрицей, и безъ которыхъ она не согласилась на бракъ. Наконецъ, было рѣшено поступить слѣдующимъ образомъ:

«Его высочество герцогъ, по праву опекуна, приказалъ своимъ посланцамъ принять и подписать тайный договоръ, представленный русскими посланцами и въ которомъ великой княжнѣ разрѣшалось свободное вѣроисповѣданіе и совершеніе обрядовъ. Этотъ договоръ вмѣстѣ съ трактатомъ должны были быть подтверждены его королевскимъ высочествомъ герцогомъ. Подтвержденіе же документа самимъ королемъ могло лишь совершиться въ день его совершеннолѣтія, для чего былъ предложенъ двухмѣсячный срокъ. Его величество заявилъ въ свою очередь, что по полученіи отвѣта отъ стокгольмской консисторіи и отъ г. архіепископа, которые, онъ надѣялся, дадутъ удовлетворительный отвѣтъ, онъ тотчасъ же поспѣшитъ дать собственное подтвержденіе. Если же, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, консисторія откажетъ великой княжнѣ въ свободномъ вѣроисповѣданіи, и она не пожелаетъ вступить въ бракъ, то его величество согласится уничтожить трактатъ. Его королевское высочество, вмѣстѣ съ министрами, отличаясь качествами, присущими всей шведской націи, забывающей себя ради блага отечества, утѣшаютъ себя тѣмъ, что сдѣлали все возможное, дабы вывести своего монарха и свою страну изъ самаго ложнаго и затруднительнаго положенія. Тайный договоръ и трактатъ были, вслѣдствіе того, тотчасъ подписаны. Подтвержденіе же его королевскаго высочества появилось 24 часа спустя послѣ подтвержденія ея императорскаго величества»¹⁾.

Между тѣмъ, Стедингъ вернулся въ Петербургъ²⁾ и въ двухъ послѣднихъ своихъ донесеніяхъ (барону Рейтергольму) рассказывалъ, что дѣлалось съ тѣхъ поръ при русскомъ дворѣ³⁾.

¹⁾ Свѣрено, Выборгъ, 2-го октября 1796 г. Подписали: Карлъ, Рейтергольмъ, Куртъ Стедингъ, фонъ-Эссенъ (Стокг. кор. арх.).

²⁾ Онъ провожалъ короля до границы.

³⁾ Этими донесеніями опровергается предположеніе Екатерины II, что Стедингъ въ силу обстоятельствъ напѣталъ Рейтергольму и перешелъ на сторону Флеминга (см. „Сб. Ист. Об“. IX, 320).

«Я вернулся сюда съ воскресенья, опечаленный разлукой съ вами, испытывая усталость человѣка, который лихорадочно работалъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль. Я знаю, что и тебѣ не легче моего, и увѣряю, что я думаю о тебѣ такъ же, какъ о себѣ самомъ. Впрочемъ, мое путешествіе было вполнѣ благополучно, мы ѣхали съ г. Кутузовымъ почти все время въ одной каретѣ, и если я провелъ время не особенно пріятно, то я обязанъ этимъ своему настроенію. Во время пути мнѣ выказывали всевозможную вѣжливость, но это не могло утѣшить меня въ потеряхъ, которыя меня постигли во всѣхъ отношеніяхъ. Г. Кутузовъ видѣлъ императрицу въ день своего пріѣзда и отдалъ ея величеству письмо короля и его королевскаго высочества. Послѣднимъ были очень довольны, отъ другого же ожидали болѣе сердечности. Слишкомъ большая сдержанность, даже въ королѣ, когда она проявляется въ возрастѣ столь наклонномъ къ чувствительности и вѣжности, часто принимается за сухость сердца и холодность. Вѣрно только одно, что обстоятельства никогда не сложатся такъ благопріятно, какъ это было до несчастнаго четверга, доставившаго намъ столько мученій. Я скажу, что въ этомъ дѣлѣ дорогâ каждая минута. Каждое потерянное мгновеніе для сближенія при настоящемъ положеніи дѣлъ только увеличитъ неудовольствіе и поведетъ къ еще большому отчужденію. Ты также, конечно, чувствуешь справедливость этой мысли и постараешься, чтобы ее поняли.

«Засвидѣтельствуй, королю и его королевскому высочеству мою преданность. Я еще не исполнилъ приказаній принца, которыя онъ мнѣ далъ, отдавая письма для его высочества великаго князя и великой княгини. Графъ Остерманъ уѣхалъ въ свое финляндское имѣніе. Я тщетно разыскивалъ на другой день по пріѣздѣ графа Безбородко. Когда я, наконецъ, вчера утромъ увидѣлъ его, то онъ обѣщалъ извѣстить меня относительно того, пожелаетъ ли великій князь принять меня въ Гатчинѣ или прикажетъ, чтобы я прислалъ ему тѣ письма, которыя мнѣ поручено передать. Я искалъ также князя Зубова, но не нашелъ его. Графъ Марковъ принялъ меня очень любезно. Я увѣренъ, что онъ питаетъ самыя благія намѣренія по отношенію къ нашимъ дѣламъ, и было бы очень несправедливо сомнѣваться въ этомъ. То же самое я думаю и о баронѣ Будбергѣ, который передастъ тебѣ это письмо. Онъ возвращается въ Стокгольмъ въ качествѣ путешественника, вѣроятно съ отвѣтомъ императрицы на письмо короля. Онъ расскажетъ тебѣ лучше, чѣмъ я могъ бы это сдѣлать въ письмѣ, обо всемъ, что здѣсь происходитъ, и о чемъ интересно узнать. Я слышалъ, что здѣсь очень мало говорятъ о насъ. Мнѣ кажется, что это происходитъ оттого, что публикѣ мало извѣстно, въ какомъ положеніи находятся дѣла обоихъ дворовъ. Эта неизвѣстность продолжится недолго, и я надѣюсь, что все устроится такъ, какъ мы этого желаемъ.

«Прежде чѣмъ это письмо придетъ къ тебѣ, ты уже увидишь барона Будберга, и онъ расскажетъ тебѣ обо всемъ, что было послѣ отъѣзда короля. Самъ же я, послѣ моего возвращенія, не видѣлъ никого изъ императорской фамилии и вообще никого, кромѣ министровъ. Марковъ принялъ меня очень любезно, и мы разговаривали съ нимъ, повидимому, съ полной откровенностью и дружельюбіемъ. Но мнѣ не трудно было замѣтить, что онъ недоволенъ и нѣсколько упалъ духомъ. На него нападаютъ со всѣхъ сторонъ. Въ публикѣ его бранятъ и приписываютъ ему неблагопріятный оборотъ, какой приняли дѣла. Графы Остерманъ и Безбородко, которые раньше не любили его и были очень задѣты тѣмъ, что переговоры велись помимо нихъ, теперь порицаютъ его дѣйствія. Онъ долженъ былъ пережить нѣсколько непріятныхъ минутъ съ императрицей и княземъ Зубовымъ, хотя онъ далеко не одобрялъ всѣхъ поступковъ послѣдняго, не имѣя, впрочемъ, мужества возражать ему, въ виду его вліянія. Въ довершеніе всего, король также высказалъ ему недовольство въ тотъ день, когда онъ откланивался его величеству. Онъ замѣтилъ, что не пользуется его расположеніемъ, и не скрылъ отъ меня этого наблюденія. Онъ сказалъ также, что все, что дѣлалъ или писалъ, все это было сдѣлано и написано по приказанію или подъ диктовку самой императрицы. Я вполнѣ вѣрю его словамъ, такъ какъ онъ слишкомъ уменъ, чтобы не почувствовать неумѣстности нѣкоторыхъ выходовъ императрицы, которыя поставили насъ въ затруднительное положеніе, продолжающееся и до сихъ поръ. Марковъ въ послѣднюю зиму говорилъ иногда, что думаетъ отправиться путешествовать для поправленія здоровья, теперь онъ говорилъ объ этомъ больше и даже съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ. Онъ прибавилъ, что императрица и князь Зубовъ часто принимаютъ его, такъ какъ они почти не въ состояніи обходиться безъ него. Императрица считаетъ даже нужнымъ говорить о немъ въ обществѣ, и въ день коронаванія, во время игры съ г.г. Кобенцелемъ и Уитвортомъ, она спросила перваго, не видѣлъ ли онъ г. Маркова. Тотъ отвѣчалъ, что г. Марковъ, по причинѣ нездоровья, принужденъ оставаться дома. Императрица замѣтила, что она вдвойнѣ огорчена этимъ, потому что, быть можетъ, его отсутствіе при дворѣ и въ такой день общество приметъ, какъ политическую болѣзнь. Она совершенно не понимаетъ, почему возникли подобные слухи, тѣмъ болѣе, что она никогда не была болѣе довольна г. Марковымъ, чѣмъ въ настоящее время, и что все, сдѣланное имъ, было совершенно по ея точному приказанію. Изъ всего этого я заключаю, мой добрый другъ, что намъ теперь невыгодно быть нелюбезными съ г. Марковымъ и порывать съ нимъ совсѣмъ, такъ какъ, видя, что отъ насъ ему нѣтъ никакой выгоды, онъ перейдетъ на противоположную сторону и тогда, конечно, можетъ очень повредить намъ. Графъ Безбородко всегда

принадлежалъ къ числу индифферентныхъ. Я долго говорилъ съ нимъ; онъ надѣется, что все пойдетъ хорошо. Онъ полагаетъ, что произошло лишь недоразумѣнiе, а если дѣло и проиграно, то онъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что не принималъ въ немъ никакого участiя, и отвѣтственность за это должна пасть на князя Зубова и на г. Маркова. Графъ Остерманъ полагаетъ, что все испорчено, такъ какъ не спросили его совѣта. Впрочемъ, онъ очень расположенъ къ намъ, а вниманiе, которое ему выказали, и приемъ, которымъ удостоилъ его король, заставили его забыть обиду, причиненную тѣмъ, что послѣ его рожденiя ему не сдѣлали визита. Князь Зубовъ чрезвычайно вѣжливъ со мною. Онъ полагаетъ, желаетъ и надѣется, что все устроится къ лучшему. Какой бы оборотъ ни приняли дѣла, онъ все равно будетъ въ выигрышѣ. Если бракъ устроится, ему достанутся и выгоды, и слава. Если же, наоборотъ, дѣла пойдутъ дурно, онъ получитъ командованiе во время войны и все, что съ этимъ соединено. Но если дѣла пойдутъ хорошо, то и всѣмъ намъ будетъ хорошо, если же, наоборотъ, они пойдутъ дурно, то дѣлать нечего, и намъ должно быть совершенно безразлично, что думаютъ о насъ. Великая княжна Александра постоянно грустна. Ее заставили выйти и танцовать въ день рожденiя императрицы, но лица, видѣвшiя ее, рассказывали мнѣ, что она была очень печальна и едва удерживалась отъ слезъ. Когда госпожа Ливенъ пытается ее утѣшить, она говоритъ, что это она причина ея несчастiя, потому что расхваливала ей достоинства короля и говорила о его любви къ ней. Во время посѣщенiя короля въ ея комнату помѣстили прекрасную люстру, и, говоря, она проводитъ цѣлыя часы, глядя на нее. Когда однажды эту люстру хотѣли унести, чтобы исправить въ ней что-то, она воспротивилась этому и сказала, что не должны лишать ее этого послѣдняго утѣшенiя. Впрочемъ, общество настроено хорошо и вполнѣ въ нашу пользу. Оно очаровано чрезвычайной учтивостью короля, его благороднымъ и скромнымъ поведенiемъ и въ восторгѣ отъ добродушия, привѣтливости и доброты его королевскаго высочества. Наконецъ, если Богъ намъ поможетъ и если король сдастся на желанiя своихъ подданныхъ и лицъ, которыя дѣйствительно озабочены его счастиемъ, то мы отступимъ лишь для того, чтобы затѣмъ скорѣе достигнуть цѣли, и спокойствiе Швеции будетъ надолго обезпечено съ этой стороны».

Между тѣмъ, по прибытiи короля въ Швецію ему былъ представленъ, 10-го октября 1796 г., протоколъ Стокгольмской духовной консисторiи, слѣдующаго содержанiя:

«На вопросъ вашего величества, можетъ-ли ея императорское высочество, великая княжна Александра Павловна, которую ваше величество изволили избрать себѣ въ невѣсты и получили на то согласiе императрицы, совершать въ спокойствiи и уединенiи моленiе по обра-

дамъ православной церкви, въ собственныхъ своихъ апартаментяхъ, не причиняя этимъ никакого вреда и, одновременно, не принимая участія въ обрядахъ лютеранской церкви, и чрезъ это получить полное спокойствіе духа, безъ отреченія отъ своей вѣры, согласно закону о вѣротерпимости, изданному королемъ Густавомъ III-мъ и утвержденному всѣми сословіями,—осмѣлюсь я, архіепископъ, и стоогольмская консисторія, дать слѣдующій отвѣтъ.

«Законъ, изданный 24-го января 1731 года покойнымъ отцомъ вашего величества и утвержденный сословіями, гласитъ такъ: свободное исповѣданіе вѣры дозволяется во всемъ государствѣ. Оно даетъ право всякому шведу вступать въ законный бракъ съ женщиной, исповѣдующей другую христіанскую религію, съ условіемъ, что дѣти, рождающіяся отъ такого брака, будутъ принадлежать и воспитываться въ духъ лютеранской церкви. Законъ этотъ также указываетъ на то, чтобы всякіе обряды иностранныхъ вѣроисповѣданій совершались у себя въ уединеніи. Этотъ законъ совершенно ясенъ, права эти не могутъ опровергаться, ибо ни одно изъ нихъ не вредитъ законамъ церкви или государству.

«Если вѣротерпимость не переходитъ границъ, то нельзя ожидать, опасности для лютеранской религіи. Предоставляя примѣненіе подобнаго закона высокому разуму вашего величества, мы считаемъ всё, что совершили нашъ долгъ и исполнили нашу обязанность.

«Вся шведская нація чувствуетъ себя спокойной, подъ властью монарха, столь набожнаго, мудраго и добраго, разумное рѣшеніе котораго поступитъ на благо и счастье отечеству.

«Вотъ все, что мы можемъ отвѣтить, прося ваше величество быть увѣреннымъ въ великой преданности нашей, которая до послѣдней минуты нашей жизни будетъ пребывать въ насъ».

Но оборотная сторона медали была иная. Дѣло въ томъ, что архіепископъ упецкій г. фонъ-Троилъ, подписавшій вмѣстѣ съ другими только что приведенный протоколъ, по существу окончательно расходился съ его заключеніемъ. Два дня спустя послѣ рѣшенія консисторіи и именно 4 (15) октября, г. фонъ-Троилъ писалъ герцогу-регенту.

«Такъ какъ ваше королевское высочество не могли дожидаться въ Петербургѣ отвѣта, даннаго мною и стоогольмскою консисторіею, на вопросъ, сдѣланный королемъ: можетъ-ли ея высочество великая княжна Александра, которую король избралъ своей невѣстой и получилъ на то согласіе ея величества императрицы всероссійской, на основаніи закона о свободномъ отправленіи вѣры, изданномъ 24-го января 1731 года, исповѣдывать эту религію по законамъ православной церкви, то вопросъ этотъ не можетъ быть окончательно рѣшенъ, вслѣдствіе того, что утвержденіе короля зависитъ отъ отвѣта, даннаго мною и конси-

сторію на вопросъ о свободномъ вѣроисповѣданіи. Осмѣлюсь представить вашему королевскому высочеству тѣ серьезныя опасенія, которыя смущали насъ во время обсужденія вышеозначеннаго вопроса. Я напелъ, что вопросъ этотъ такого рода, что положительный отвѣтъ на него не могъ быть данъ мною и консисторію. Свободное вѣроисповѣданіе касалось лишь шведскихъ подданныхъ, но не шведской королевы. Приложение этого закона къ королевѣ можетъ привести къ большимъ затрудненіямъ. Эти затрудненія, на ряду со многими другими, поставили насъ въ невозможность дать свое согласіе. На милостивое письмо вашего высочества ко мнѣ послѣдовалъ отрицательный отвѣтъ, въ виду самыхъ ужасныхъ послѣдствій для страны. Всякій шведъ содрогнулся бы при мысли, что чрезъ это могла возникнуть вражда между обоими государствами: возгорѣлась-бы война, проливалась-бы кровь и перестала течь только тогда, когда слабѣйшая изъ сторонъ пала подъ тяжестью невзгодъ. Не осмѣлюсь скрыть отъ васъ опасенія, высказаннаго консисторію по поводу продолжительнаго пребыванія короля и вашего высочества въ Петербургѣ, въ надеждѣ на полученіе удовлетворительнаго отвѣта.

«Что оставалось дѣлать при такихъ условіяхъ? Послѣ долгихъ и утомительныхъ обсужденій, въ теченіе которыхъ каждый выказалъ усердіе и преданность королю и своему отечеству, было рѣшено: ни совѣтовать, ни отсовѣтовать, а предоставить примѣненіе законоположенія о вѣротерпимости высокой мудрости его величества.

«Всемиловѣйшій герцогъ! въ наше время было бы непозволительно выказывать нетерпимость къ иновѣрію. Любовь къ ближнему, даже къ тому, кто исповѣдуетъ различную съ нами религію, есть главное основаніе христіанскаго ученія. Но здѣсь является вопросъ скорѣй политическій, нежели теологическій.

«Мнѣ и консисторіи было приказано дать отвѣтъ; мы не нашли возможнымъ рѣшить вопросъ столь щекотливый, къ которому законы не примѣнимы, и потому представили его на усмотрѣніе великой мудрости короля.

«Я согрѣшилъ бы противъ короля и отечества, противъ присяги и собственной совѣсти, если не успѣшилъ бы изложить тѣ причины, которыя не позволяютъ намъ дать согласіе на свободное вѣроисповѣданіе нашей будущей королевы, надѣясь черезъ это не заслужить немилости короля, такъ какъ, высказывая мои мысли, я руководствуюсь только преданностью монарху, любовью къ отечеству, боязнью за послѣдствія и наконецъ личными убѣжденіями.

«Чтобы узнать отношеніе этого вопроса къ основнымъ законамъ государства, необходимо разобрать законъ, изданный въ Норкёпингѣ въ

1604 году; послѣдній есть основной законъ, уважаемый каждымъ шведомъ и заслуживающій вниманія короля. Я не стану разсматривать этотъ вопросъ подробно, такъ какъ онъ не принадлежитъ къ моей компетенціи, позволю себѣ однако коснуться лишь того, что можетъ повліять на образъ мыслей народа въ вопросѣ о религіи. Подданные (?) короля интеллигентны, но большинство не интелегентно.—У первыхъ возникаетъ забота, у послѣднихъ—безпокойство, а у тѣхъ, которые относятся болѣе ревностно къ религіи—злоба.

«Шведъ рождается съ мыслию: одинъ Богъ, одинъ король; уваженіе къ Богу и преданность къ королю у него нераздѣльны. Первое основано на второмъ и укрѣплено убѣжденіемъ, что король вѣритъ въ того Бога, въ котораго и онъ вѣритъ и поклоняется ему одинаково. На этомъ зиждется преданность къ королю и довѣріе къ нему; если же у короля будетъ супруга не лютеранскаго вѣроисповѣданія, то тотчасъ же возникнетъ вопросъ: въ кого же вѣритъ она. Такъ какъ православная церковь отвергаетъ, что Духъ Святой исходитъ отъ Сына, то непросвѣщенная масса тутъ же скажетъ: если православная церковь не признаетъ Духа Святаго Богомъ, то значить королева не поклоняется тому самому Богу, какъ король и его подданные. Православная религія требуетъ поклоненія святымъ. Я знаю, какъ на это смотреть болѣе интеллигентные, даже изъ принадлежащихъ къ православной церкви. Но какимъ способомъ объяснить это народу? Онъ съ ужасомъ относится къ поклоненію святымъ, называетъ это идолопоклонствомъ; что же онъ подумаетъ и что скажетъ, когда узнаетъ, что королева поклоняется имъ? Большинство народа желаетъ своему отечеству добро, стремится къ тишинѣ и спокойствію, но между нами найдутся такіе, которые думаютъ иначе, иные изъ легкомыслія, другіе изъ неудовольствія, неизбежно встрѣчающееся даже при самомъ мудромъ правленіи; другіе опять, съ цѣлью возбудить безпокойство въ отечествѣ, низвергнуть короля, власть и основные законы констатации. Всякій знаетъ, что образъ жизни при дворѣ занимаетъ умы во всѣхъ слояхъ общества, слухи о немъ доходятъ и до народа, разумѣется съ преувеличеніями и видоизмѣненіями и жетолкованіями. Кто же пзъ насъ не будетъ страшиться за послѣдствія?

«Наступитъ скоро то время, когда король приметъ на себя бразды правленія. Молва объ его набожности, нравственности и любви къ своей религіи распространилась по всей землѣ и утвердила въ сердцахъ народа преданность и любовь къ молодому монарху. Я часто былъ свидѣтелемъ тѣхъ слезъ умиленія, которыя проливалъ народъ, призывая благословеніе Господа Бога на короля своего. Да сохранитъ Господь отъ того, чтобы слезы умиленія у его вѣрныхъ подданныхъ не превратились бы въ слезы горести. Клянусь передъ Богомъ, который од-

нажды будетъ судить меня, что я увѣренъ въ томъ, что народъ шведскій съ неудовольствіемъ приметъ извѣстіе, что королева его не исповѣдуетъ ученіе Лютера. Неудовольствіе это вызоветъ недовѣріе къ королю и сомнѣніе въ его собственной вѣрѣ; затѣмъ послѣдуетъ охлажденіе къ особѣ короля, и какая ужасная мысль для каждого вѣрнопопданнаго, что день, всѣми ожидаемый, какъ день великой радости, сдѣлается днемъ скорби и печали.

«Надѣюсь, что найдется еще возможность предупредить это несчастіе. Да поможетъ Господь, въ рукахъ котораго сердце короля, вашего королевскаго высочества и императрицы всероссійской,—отклонить рѣшеніе, могущее быть пагубнымъ для короля и для отечества. Я нахожу совершенно естественнымъ, что ея величество императрица всероссійская, изъ уваженія къ своей націи, не позволитъ, чтобы будущая супруга короля у себя же на родинѣ приняла лютеранскую вѣру. Столь просвѣщенная и мудрая царица, связанная узами дружбы съ королемъ, не станетъ настаивать на томъ, чтобы король и его будущая супруга подверглись охлажденію своихъ подданныхъ, на преданности которыхъ основано ихъ счастье. Она приняла сама, изъ уваженія къ своему народу, православное вѣроисповѣданіе. Двѣ великія княжны сдѣлали тоже самое ¹⁾. Развѣ измѣнить она теперь своему великодушію и не согласится съ тѣми доводами, которые говорятъ, что вѣру ея, великая княжна Александра, вѣзжая въ Швецію, должна принять ту вѣру, которую исповѣдуетъ ея супругъ, нашъ король, вмѣстѣ съ своими поданными. Августѣйшіе родители ея, великій князь и великая княгиня, по всѣмъ вѣроятіямъ, дадутъ на то свое согласіе. Еще менѣе сомнѣваемся мы въ томъ, что великая княжна Александра откажется принять нашу вѣру, въ виду той сильной привязанности, которую она, несомнѣнно, питаетъ къ своему будущему супругу, и не пожелаетъ причинить ему горе и подвергнуть его опасности. Все вышесказанное настолько естественно, что оно иначе не можетъ быть принято лицами столь великодушными какъ ея величество императрица всероссійская, великимъ княземъ, великой княгиней и великой княжной Александрой.

«Позвольте и мнѣ, всемилостивѣйшій герцогъ, сказать вамъ, что то же уваженіе, которое выказываетъ русская нація и русская императрица своей религіи, ожидаетъ и шведская нація отъ короля и отъ вашего королевскаго высочества.

«Во имя Господа Бога, Царя всѣхъ царей, передъ престоломъ котораго и земные властители будутъ нѣкогда стоять, прошу ваше коро-

¹⁾ Вѣроятно великая княгиня Марія Феодоровна, супруга цесаревича Павла Петровича, и великая княгиня Елисавета Алексѣевна, супруга великаго князя Александра Павловича.

левское высочество, ради блага короля, отечества и вашего собственного спокойствія, принять въ соображеніе все мною вышесказанное и довести до свѣдѣнія дорогой для насъ особы короля, котораго вопросъ этотъ такъ близко касается. Дай Богъ, чтобы рѣшеніе ваше принесло благосостояніе его величеству, счастье королевѣ и спокойствіе нашему отечеству.

«Я буду горячо молиться Господу, отъ котораго исходитъ всякое благословеніе. Онъ поможетъ намъ, приведетъ насъ къ благополучному концу и избавитъ отъ войны, самаго ужаснаго несчастія для нашего отечества. Моя обязанность говорить правду. На требованіе короля высказать мое мнѣніе по данному вопросу, я выразилъ правдиво и добросовѣстно свои мысли, въ надеждѣ, что ваше королевское высочество, отецъ нашъ, примете во вниманіе все мною вышесказанное».

Между тѣмъ 1-го ноября (старого стиля) должно было праздноваться совершеннолѣтіе Густава-Адольфа. Этому событію предшествовали различныя перемѣны во внутреннемъ управленіи Швеціи, которыя могли существенно измѣнить отношенія этой страны къ Россіи. Прежде всего не знали, какому богу молиться: въ то время, какъ старыя кумиры пали, новыя только нарождались и едва были видимы на горизонтѣ. Король, еще въ Петербургѣ обнаружившій необыкновенную твердость характера и самостоятельное сужденіе, по возвращеніи въ Стокгольмъ не скрывалъ своей неприязни къ дядѣ-опекуну и совѣтнику его Рейтергольму. Можно было предугадать, тѣмъ кончится это нерасположеніе и предупредить развязку: регентъ и его помощникъ благоразумно подали въ отставку. Послѣдняя королею была однако принята различно. Рейтергольму онъ не отказалъ, причѣмъ «даже не оставилъ за нимъ жалованья, какъ его о томъ просили». Что-же касается герцога Зюдерманландскаго, то на просьбу его удалиться, молодой король отвѣчалъ уклончиво и умно. «Я не могу вамъ этого дозволить,—сказалъ онъ,—вы слишкомъ сильны, чтобы удалить васъ отъ себя. Я не люблю дѣлать власть съ кѣмъ-либо, и вамъ слѣдуетъ остаться, чтобы видѣть какъ я буду царствовать одинъ». Минута эта, какъ слѣдуетъ быть, наступила 1-го ноября. Описывая торжества по этому поводу, Будбергъ замѣчалъ, что «жесткость и принужденность короля исчезли, и онъ замѣтно доволенъ, что не чувствуетъ болѣе надъ собой опеки». Одновременно улучшились и отношенія новаго правительства къ Россіи. Шведы сначала немного беспокоились насчетъ того, какъ относится петербургскій кабинетъ къ паденію прежнихъ любимцевъ, и пытали по этому поводу генерала Будберга и барона Эссена. Но русскій посолъ отвѣчалъ, что «хотя не имѣетъ относительно этого положительныхъ приказаній, но слишкомъ хорошо знаетъ принципы ея императорскаго величества и смѣло можетъ увѣрить, что она не предполагаетъ виѣшиваться во внутреннее

управленіе страны и никогда не захочетъ имѣть вліяніе на тѣ измѣненія, которыя король признаетъ необходимымъ сдѣлать, но что, безъ сомнѣнія, она не можетъ смотрѣть равнодушно на опасность, грозящую личности тѣхъ, которые заботились о сближеніи Швеція съ Россіей». Эссенъ, котораго также выспрашивали, приметь-ли онъ дѣятельное участіе въ судьбѣ своего друга ¹⁾, «благоразумно отвѣчалъ, что онъ болѣе преданъ общественному дѣлу, чѣмъ личностямъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ Будбергъ узналъ изъ вѣрнаго источника, что предводитель дворянства Вахтмейстеръ ²⁾, который, казалось, не одобрялъ союза съ Россією, «убѣдился въ настоящее время въ необходимости заключить таковой», а съ другой стороны, «король разговаривалъ съ герцогиней Зюдерманландскою, барономъ Вреде и др. о красотѣ великой княжны Александры и о своемъ къ ней расположеніи».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, желая оказать особое вниманіе Россіи, король избралъ генералъ-лейтенанта Клингспора для извѣщенія императрицы о своемъ вступленіи на престолъ. Посольство Клингспора было встрѣчено живѣйшимъ участіемъ какъ съ русской такъ и съ шведской стороны. «Со времени назначенія этого генерала, — сообщалъ Будбергъ графу Маркову, — повидимому не сомнѣваются болѣе въ успѣхѣ порученнаго ему дѣла, и онъ самъ говорилъ мнѣ, что король, слѣдуя совѣту, который я далъ его величеству, обращается къ императрицѣ какъ нѣжный сынъ къ матери въ отправляемомъ съ нимъ письмѣ». Одновременно удвоилось и вниманіе шведскаго общества къ русскому представителю въ Стокгольмѣ. «Расположеніе умовъ и вообще все, что здѣсь дѣлается, — писалъ Будбергъ, — доказываетъ, мнѣ кажется, что король сердечно желаетъ союза съ Россією. Ко мнѣ относятся съ почтеніемъ и съ 11-го числа этого мѣсяца меня даже приглашаютъ къ ужинамъ, которые даются при дворѣ. Я тѣмъ болѣе долженъ цѣнить этотъ знакъ расположенія, что имъ не пользовался ни одинъ изъ моихъ предшественниковъ, за исключеніемъ графа Штакельберга». Но по странному совпаденію, въ тотъ день, когда Клингспоръ покинулъ Стокгольмъ (³/₁₆ ноября) императрица Екатерина II была поражена апоплексическимъ ударомъ, отъ котораго на слѣдующія сутки умерла. Клингспоръ получилъ извѣстіе о смерти ея въ дорогѣ, и письмо, съ которымъ былъ посланъ, передалъ императору Павлу I. Новый императоръ принялъ его самымъ лучшимъ образомъ «и самъ-ли онъ преувеличилъ выраженія любезности къ нему, или-же шведскій посланникъ придалъ этимъ выраженіямъ слишкомъ широкое толкованіе, только онъ заключилъ, что не будетъ особенно затруднительно отело-

¹⁾ Тайнаго совѣтника Рейтергольма.

²⁾ Его прочли въ министры внутреннихъ дѣлъ на мѣсто барона Рейтергольма.

нить русскій дворъ отъ рѣшенія, которое Екатерина II объявила столь категорически».

Эти иллюзіи онъ сообщалъ Густаву IV и его министрамъ и такимъ образомъ укрѣплялъ короля въ системѣ непомерныхъ и неопредѣленныхъ требованій. Само собою разумѣется, что подобное недоразумѣніе должно было окончиться разочарованіемъ, и оно ихъ ждало дѣйствительно на порогѣ новыхъ событій. Начать съ того, что Павелъ I отправилъ въ Стокгольмъ возвѣстить о восшествіи своемъ на престолъ камергера графа Головкина ¹⁾. При отъѣздѣ его изъ Петербурга, императрица Марія Ѳеодоровна, до сихъ поръ еще лелѣвшая «мечты, какъ относительно намѣреній короля, такъ и относительно его характера и общаго положенія дѣлъ», поручила послу передать королю о ея къ нему расположеніи и въ то же время, «уполномочила его кланяться Густаву-Адольфу отъ великой княжны Александры». Между тѣмъ графъ Головкинъ мало подходилъ къ серьезности возложеннаго на него порученія. Это былъ весьма любезный, общительный и образованный человекъ, но «настолько же свѣтскій, насколько неопытный въ дѣлахъ». Къ этому слѣдуетъ прибавить «свойственную ему въ значительной степени—вѣтреность и чрезвычайное стремленіе придать дѣламъ видъ нѣкотораго успѣха, чтобъ тѣмъ возвыситься передъ государемъ». Тѣмъ не менѣе на первыхъ порахъ дѣла его шли отлично. Россія была одушевлена дѣйствительнымъ желаніемъ породниться со шведскимъ королевскимъ домомъ и придти къ нему на помощь въ случаѣ войны съ Даніей. Что-же касается Швеціи, то она могла только радоваться своимъ дипломатическимъ успѣхамъ при новомъ русскомъ императорѣ. Во-первыхъ, Клингспоръ увѣрилъ свое правительство, что религіозныя сомнѣнія короля разсѣются вполне передъ единодушнымъ стремленіемъ русскаго двора идти на встрѣчу шведскимъ интересамъ и забыть предубѣжденія покойной императрицы. Во-вторыхъ, Павелъ обѣщалъ Клингспору, буде состоится бракъ великой княжны, доставить Швеціи, въ видѣ приданнаго, Норвегію. При этомъ будто-бы обѣщано было вознаграждать Данію шведскими землями въ Германіи съ добавкой значительной суммы денегъ. Осуществленіе этого плана было подкрѣплено обѣщаніемъ императора, въ случаѣ надобности, отправить противъ Даніи пятьдесятъ тысячъ войска. Обѣ стороны были совершенно согласны, «пока

¹⁾ Г. Чумиковъ (Рус. Арх. 1887, I), относитъ посольство Головкина къ послѣднимъ днямъ царствованія Екатерины II. Это не вѣрно. Самая дѣла посольства—возвѣстить шведскому правительству о восшествіи на престолъ новаго русскаго императора, — должна была указать исторнику на дѣйствительное время побѣды Головкина въ Швецію.

держались на почвѣ общихъ выраженій и разсужденій, нѣкоторымъ образомъ научныхъ. Густавъ-Адольфъ выражалъ желаніе свое вступить въ бракъ съ великою княжною; правда, что онъ прибавлялъ при этомъ условіе не уклоняться отъ исполненія законовъ королевства — въ томъ смыслѣ какъ онъ желаетъ ихъ толковать. Графъ Головкинъ, который добивался успѣха во что бы то ни стало, принялъ обѣщаніе короля и, не обращая вниманія на условія, ограничивающія смыслъ этого обѣщанія, пришелъ къ заключенію, что слѣдовало только его умоломочить вести это дѣло, чтобы окончить его благополучно». На этомъ онъ возвратился въ Петербургъ и въ самыхъ пылительныхъ краскахъ описывалъ императору расположеніе шведскаго двора. «Недоразумѣніе могло отъ этого только рости, а переговоры—приближаться къ печальной развязкѣ». Между тѣмъ императрица Марія, увлеченная кажущимся успѣхомъ, настаивала на томъ, чтобы Головкинъ былъ вновь посланъ въ Стокгольмъ продолжать переговоры. Но, замѣчаетъ хроникеръ,—Павелъ I не раздѣлялъ безусловно иллюзіи своей супруги. «Онъ не могъ не видѣть, что дѣло все-таки не подымается и что ни въ Петербургѣ, ни въ Стокгольмѣ не расположены къ уступкамъ. Не было возможности избрать средину: надо было получить отъ Густава-Адольфа категорическое «да» или «нѣтъ». Впрочемъ, когда Головкинъ коснулся спорнаго, щекотливаго пункта переговоровъ, король показалъ ему письмо архіепископа Трояля къ его дядѣ герцогу, сталъ доказывать и невозможность и опасность брака, если королева не будетъ принадлежать къ лютеранскому вѣроисповѣданію. Заявленіе короля было тотчасъ-же передано Головкинымъ своему двору, и русскій посланникъ вскорѣ послѣ того отозванъ. Съ своей стороны Павелъ, потерявъ всякую надежду на благополучный исходъ брачныхъ переговоровъ, далъ повясть Клингспорту, что считаетъ бесполезнымъ его дальнѣйшее пребываніе при русскомъ дворѣ. Клингспоръ возвратился въ Швецію въ апрѣлѣ 1797 г. ¹⁾. Такимъ образомъ вторая дѣятельная попытка русскаго и шведскаго дворовъ сблизиться другъ съ другомъ окончилась неудачей.

Баронъ Н. В. Дризенъ.

¹⁾ Рус. Арх. 1887, I. 91.

Указъ Правительствующему Сенату о порядкѣ наслѣдованія имущества послѣ скончавшагося министра внутреннихъ дѣлъ О. П. Козодавлева.

5 сентабря 1819 г.

Въ воздаяніе усердной службы покойнаго Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Козодавлева и оказанныхъ имъ Государству заслугъ, при долговременномъ прохожденіи возложенныхъ должностей, желая исполнить послѣднюю его ко Миѣ просьбу, предъ кончиною его принесенную, касательно устройства участи оставшейся послѣ него супруги, повелѣлъ Я Министру Финансовъ состояшій по Опекувскому Совѣту здѣшняго воспитательнаго дома долгъ, на недвижимомъ родовомъ имѣніи покойнаго, принять на счетъ Государственнаго Казначейства, а имѣніе то, освободивъ отъ онаго долга, снять съ него запрещеніе.

Очистивъ такимъ образомъ родовое имѣніе отъ лежащаго на немъ долга, и обеспечивъ тѣмъ наслѣдниковъ его съ сей стороны, Я признаю справедливымъ, во уваженіе заслугъ его и принесенной Миѣ просьбы, оставить все то недвижимое родовое имѣніе въ пожизненномъ владѣніи вдовствующей его супруги, съ тѣмъ чтобъ она не могла ни продать онаго, ни заложить, а послѣ нея обращено было-бы оное по законному порядку въ родъ покойнаго. При томъ на слѣдующую, по законамъ седьмую часть, супругѣ его выдѣлить нынѣ же въ полное ея владѣніе, Тихвинскую его деревню, которая есть отдѣльная отъ прочаго имѣнія, въ Рязанской губерніи состоящаго, и по числу душъ, равно какъ по доходу съ оной не превышаетъ седьмой доли изъ всего недвижимаго имѣнія.

Все здѣсь изъясненное поручаю Правительствующему Сенату привести въ должное исполненіе.

Записки Михаила Чайковского ¹⁾.

(Мехметъ-Садымъ паши).

XV.

Переходъ на лѣвый берегъ Вислы.—Холера въ Завихвостѣ.—На квартирахъ въ Сольтѣ.—Экспедиція въ Камень.—Генералъ Хржановскій.—Оборона Вислы.—Генералъ Шептицкій.—Засада и встрѣча съ неприятелемъ въ Павловской Волѣ.—Пани Вендорфъ и ея спутницы.—Олатовъ.—Генералъ Ружицкій.—Ночное нападеніе.

Мы выступили въ новую экспедицію въ слѣдующемъ порядкѣ: Ружицкій съ первымъ эскадрономъ пошелъ къ старому Замостью той дорогой, по которой шелъ съ корпусомъ Хржановскій; второй и третій эскадроны съ огромнымъ обозомъ свернули влѣво, въ лѣса, къ Янову. Мы вышли изъ мѣстечка въ полночь и, миновавъ гласисъ и форпосты, раздѣлились такимъ образомъ, что шпионы, коихъ было не мало, могли только донести, что весь полкъ съ обозомъ выступилъ изъ крѣпости. Мы шли медленно и только на слѣдующій день къ вечеру прибыли къ старому Замостью. Второй и третій эскадроны и обозъ были подъ командою Михаила Грудзинскаго, а Антонъ Выговскій былъ посланъ въ Завихвостъ впередъ, чтобы приготовить лодки для переправы. Грудзинскому было приказано, дойдя до берега Вислы, тотчасъ начать переправу.

Мы простояли въ старомъ Замостьи до ночи, не бывъ никѣмъ потревожены.

На разсвѣтѣ мы оставили нашъ бивуакъ и вышли проселками на дорогу, шедшую въ Яново, куда мы прибыли благополучно и гдѣ намъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1896 г. сентябрь.

сообщили о счастливой переправѣ нашего обоза черезъ Вислу. На пятый день показались наносные пески, свидѣтельствовавшіе о близости Вислы, какъ вдругъ мы замѣтили позади насъ съ сотню донцовъ; половина нашего эскадрона разсыпалась по сторонамъ дороги съ цѣлью наблюдать за ними, а Ружицкій послалъ разузнать, что дѣлается на берегу рѣки. Оказалось, что наши повстанцы достали только двѣ лодки, но Грудзинскій былъ такъ распорядителемъ, что весь обозъ и два эскадрона были уже переправлены въ Завиховость, и лодки ожидали насъ; мало того, забывая о нашей безопасности, онъ былъ такъ предусмотрителемъ, что приказалъ разставить вѣхи въ тѣхъ мѣстахъ рѣки, гдѣ были отмели.

На каждую лодку тотчасъ было посажено по взводу, остальному же полу-эскадрону велѣно было спрятаться и ожидать гдѣ либо на берегу рѣки. Отъ донцовъ не трудно было уйти, но въ это время, на разстояніи не болѣе тысячи шаговъ отъ насъ, показалось еще нѣсколько эскадроновъ русской кавалеріи съ орудіями. Тогда Ружицкій бросился съ нашими двумя эскадронами вплавъ въ томъ мѣстѣ рѣки, гдѣ были разставлены вѣхи; это произвело въ Вислѣ такое волненіе, что на ней появились даже бѣлые барашки. Русская артиллерія открыла огонь, цѣлясь въ насъ; казалось, что насталъ нашъ послѣдній часъ: лошади какъ челны носились по гребнямъ волнъ, то взлетая съ ними кверху, то ныряя въ воду, вокругъ насъ свистѣли пули, падамъ градомъ въ рѣку, гремѣли орудія, въ мѣстечкѣ раздавались крики и весь берегъ былъ усыянъ людьми; на валъ крѣпостцы вышелъ гарнизонъ, состоявшій изъ одной пѣхотной роты и одного орудія. Наступившія послѣ заката солнца сумерки еще болѣе увеличили ужасъ и безъ того страшнаго зрѣлища. Наконецъ мы достигли берега, не потерявъ ни одного человека; только у одной лошади, подъ казакомъ моего взвода, были прострѣлены уши, но раны оказались неопасныя.

Въ Завиховость свирѣпствовала холера; не знаю кто помѣстилъ насъ въ огромный домъ, гдѣ были устроены конюшни, или мы сами заняли его, но размѣстившись тутъ мы узнали что этотъ домъ служилъ покойницей для холерныхъ больныхъ и что въ сосѣднихъ избахъ былъ холерный лазаретъ. Услыхавъ объ этомъ, мы поспѣшили оставить этотъ домъ и выйти изъ мѣстечка. Возлѣ почты стоялъ нашъ обозъ и эскадроны, а въ почтовомъ домѣ три хорошенькія дочери почтмейстера угощали Ружицкаго и офицеровъ чаемъ и сухарями. Позабывъ о томъ, что намъ слѣдовало обсушиться, мы подѣли къ столу и принялись пить чай, забывъ даже о холерѣ. Однако Ружицкій не заботѣлъ долѣе оставаться въ Завиховость; какъ только начало свѣтать, мы двинулись далѣе, по дорогѣ въ Солець.

Въ Солець насъ встрѣтилъ адъютантъ генерала Хржановскаго и

передалъ приказаніе, чтобы мы расположились на квартирахъ въ этомъ мѣстечкѣ. Адъютанту велѣно было взять нашъ обозъ и отвезти его въ Гнѣворово, гдѣ находилась главная квартира генерала Хржановскаго. Ружицкій послалъ съ своей стороны къ генералу съ рапортомъ Яна Омединскаго, которому это доставило случай повидаться съ его дядюшкой, генераломъ Длусскимъ, командовавшимъ кавалеріей въ корпусѣ Хржановскаго.

Омединскій нашелъ Хржановскаго еще болѣе азвительнымъ, нежели онъ былъ въ Замостьи; между ними произошелъ, въ присутствіи генерала Длусскаго, слѣдующій разговоръ.

— Г. майоръ, по вашимъ словамъ, вы маневрировали цѣлыхъ три дня и побѣждали непріятеля, — сказалъ генералъ; чертовское — счастье! Но неужели вы полагаете, господа, что съ однимъ слѣпымъ счастьемъ можно побѣдить русскихъ? Хотя бы такихъ полковъ какъ вашъ было и триста, съ русскими ничего не подѣлаешь, ихъ не побѣдишь. Собирайтесь, панъ, поѣзжайте обратно въ полкъ.

И Омединскому было приказано немедленно выѣхать изъ Гнѣворова.

Ежели бы дурное расположеніе духа генерала Хржановскаго вытекало изъ сознанія, что начатая война не политична, противна логикѣ вещей и несвоевременна, это могло бы служить ему оправданіемъ и можно было бы признать справедливость его словъ, въ особенности теперь, когда у поляковъ, съ Божьей помощью, начинается развиваться политическій смыслъ; но Хржановскій этимъ смысломъ не былъ одаренъ, и хотя онъ состоялъ во время послѣдней турецкой кампаніи при штабѣ графа Дибича, но совершенно не зналъ славянъ, такъ какъ по польскому обыкновенію не обращалъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія; онъ былъ къ нимъ пристрастенъ и, не будучи ярымъ католикомъ, все-таки видѣлъ за Дунаемъ однихъ схизматиковъ, а не католиковъ, смѣялся надъ сближеніемъ съ ними русскихъ. Онъ не понималъ славянскихъ стремленій Россіи, хотя былъ ея сторонникомъ; по моему это былъ просто ремесленникъ военнаго дѣла, болѣе ничего. Быть можетъ онъ не имѣлъ никакого понятія о славянахъ, о которыхъ поляки впервые получили болѣе правильныя свѣдѣнія отъ эмигрантовъ и въ особенности отъ агентовъ князя Адама Чарторыйскаго. Къ Хржановскому можно было примѣнить пословицу: *ex libro doctus, ex capite stultus* ¹⁾. Онъ имѣлъ званія, но не умѣлъ ими воспользоваться, выказать ихъ, примѣнить къ дѣлу; у него выходило все неудачно, и это еще болѣе озлобляло безъ того злобнаго генерала. — Онъ относился ко

¹⁾ То есть человекъ, черпающій всю свою мудрость изъ книгъ, но самъ по себѣ глупый.

всѣмъ недоброжелательно и несочувственно и не могъ удержаться, чтобы не сказать какой нибудь колкости и неприятности всякому, кому улыбалась удача; этимъ объясняется его непріязненное отношеніе къ Ружицкому и ко всему нашему полку.

Три недѣли простояли мы въ Солецѣ, занимаясь ученьями и приводя себя въ порядокъ; вмѣстѣ съ тѣмъ мы успѣвали и повеселиться и потанцовать. Какъ только окрестные жители Солецъ убѣдились, что Бердичевскіе казаки не дикари, что они лепечутъ по-французски, танцуютъ не только мазурку, но и французскую кадрили и не прочь полюбовничать съ дѣвцами и поухаживать за барынями, какъ они стали сѣзжаться въ Солецъ какъ бы на воды—точно Висла имѣла въ этой мѣстности цѣлебную силу морскихъ купаній. Краковянки, матери, жены, сестры и дочери мѣстныхъ жителей, устремились теперь въ Солецъ для свиданія съ родными; такимъ образомъ желанія дѣвицъ и любопытство женщинъ были удовлетворены, а мы въ одно и тоже время служили и веселились.

По ту сторону Вислы лежало село Камень, принадлежавшее помѣщику Бржезовскому, бывшему правительственнымъ комиссаромъ въ Люблинѣ, у котораго была жена, дочь и красавица падчерица. Подъ Камнемъ расположился лагерьмъ дивизіонъ драгунъ Квинбургскаго полка, подъ командою майора барона Толя. Въ одного изъ его офицеровъ влюбилась падчерица Бржезовскаго и назначила ему свиданіе. Бржезовскій пріѣхалъ повѣрить свою бѣду Ружицкому, своему давнишнему знакомому и пріятелю. Ружицкій былъ того мнѣнія, что единственное средство помочь горю—взять драгунъ въ плѣнъ, съ этой цѣлью въ ту же ночь выступило полтора эскадрона нашихъ казаковъ и рота пѣшихъ егерей.

Посреди Вислы былъ островокъ; кавалерія переправилась на него вплавъ, а егеря переѣхали туда на лодкахъ; такъ какъ до противоположнаго берега отъ острова было недалеко, и Висла была въ этомъ мѣстѣ такъ мелка, что ее можно было перейти вбродъ, то кавалеристы посадили позади себя каждый по егерю, а мы переправились такимъ образомъ черезъ рѣку. Наше предпріятіе увѣчалось успѣхомъ; драгуны, почти всѣ до одного, вмѣстѣ съ лошадьми были взяты въ плѣнъ.

Ружицкій не участвовалъ въ этомъ нападеніи. Часовъ около десяти въ Солецъ неожиданно пріѣхалъ генераль Хржановскій; онъ былъ чрезвычайно утомленъ, напился чаю и легъ спать, объявивъ, что на слѣдующій день произведетъ смотръ полку.

Полкъ маневрировалъ, производилъ кавалерійское ученіе по-эскадронно и по-взводно, по всѣмъ правиламъ польскаго воинскаго устава, и выполнялъ труднѣйшія построенія рысью и въ галопъ. Хржанов-

скій утверждалъ, что наши казаки—старые солдаты, служившіе въ русской кавалеріи, и что мы называемъ ихъ повстанцами только желая придать себѣ больше значенія; онъ видимо былъ доволенъ, улыбался и заявилъ, что надобно не менѣе трехъ дѣтъ, чтобы вымуштровать кавалерію такъ, какъ вымуштрованы наши казаки, и то имѣя дѣло съ понятливыми солдатами и офицерами, прошедшими школу и знающими свое дѣло.

Генералъ объявилъ, что мы назначены въ составъ обсервационнаго корпуса генерала Шептицкаго, который долженъ быть уже въ Тарловѣ съ прочими отрядами, назначенными въ этотъ корпусъ. Мы выступили на слѣдующій день въ Тарлово, гдѣ и застали генерала Шептицкаго съ двумя батальонами пѣхоты Литовско-Волынскаго полка, подъ командою полковника Квятковскаго, изъ Познани, съ батальономъ 12-го линейнаго, полка подъ начальствомъ маіора Нидецкаго, и однимъ взводомъ Надвислянскій кавалеріи, подъ командою поручика Шумлянскаго.

Въ числѣ офицеровъ Литовско-Волынскаго полка былъ Ипполитъ Блотницкій, преданный другъ семейства князей Чарторыйскихъ, человекъ въ высшей степени образованный и доблестный; онъ былъ съ дѣтства моимъ закадычнымъ другомъ. Въ то время онъ исполнялъ должность адъютанта полковника Квасницкаго.

Нашъ новый начальникъ—Шептицкій былъ человекъ весьма почтенный и добродушный; онъ прославился какъ храбрый офицеръ во время наполеоновскихъ войнъ, но—былъ конь да уходился; онъ былъ уже старъ и, желая угодить всѣмъ и каждому, предоставлялъ подчиненнымъ дѣйствовать по ихъ собственному усмотрѣнію; спрашивалъ всякаго, какъ онъ намѣренъ поступить, и говорилъ: «дѣлайте какъ хотите, лишь бы было хорошо».

Наши резервные лошади и вещи были немедленно отправлены въ Новое Место, а резервъ зашелъ въ Килечки, имѣяе князя Михаила Радзивилла, временнаго начальника польскаго войска. Въ Тарловѣ мы простояли нѣсколько дней, расположившись подлѣ риги. Тутъ мы увидѣли въ полномъ составѣ корпусъ, оставленный генераломъ Хржановскимъ для того, чтобы охранять переправу черезъ Вислу. Онъ состоялъ всего на всего изъ 4 батальоновъ пѣхоты по 600 человекъ въ каждомъ, изъ нашего полка, въ которомъ было 300 человекъ и 30 кавалеристовъ; при томъ надобно замѣтить, что у насъ не было ни одной пушки, а генералъ, командовавшій этимъ корпусомъ, хотя и былъ, какъ я уже сказалъ, человекъ почтенный и преданный патріотъ, но не былъ въ состояніи проявить никакой распорядительности.

Корпусъ генерала Ридигера былъ уже въ Юзефовѣ, на правомъ берегу Вислы; корпусъ этотъ состоялъ, какъ намъ доподлинно было извѣстно, изъ 20 батальоновъ пѣхоты, 8 полковъ кавалеріи,

4 полковъ драгунъ, 4 полковъ конныхъ егерей, 4 полковъ донцовъ и 10 батарей артиллеріи по 6 орудій въ каждой¹⁾). Между тѣмъ полковникъ Ржевускій перешелъ Вислу съ однимъ полкомъ драгунъ, полкомъ казаковъ, батальономъ пѣхоты и батареей артиллеріи и окопался на лѣвомъ берегу у Павловской Воли; мостъ былъ наведенъ у Юзефова. Тогда только Хржановскій спохватился и сформировалъ обсервационный корпусъ, который долженъ былъ не допускать переправы черезъ рѣку перешедшаго уже на ту сторону отряда, который былъ гораздо сильнѣе и многочисленнѣе самого обсервационнаго корпуса. Приказъ, отданный Хржановскимъ, кончался слѣдующей громкой фразою: «въ случаѣ ежели бы генераль Ридигеръ перешелъ со своимъ корпусомъ или хотя бы съ частью его на лѣвый берегъ Вислы,—отбросить его обратно на правый берегъ!»

Такъ забавлялся Хржановскій, составляя планы военныхъ дѣйствій, а поляки кричали про него, что хотя онъ строгъ и грубъ, но зато уменъ, и что только онъ одинъ и годенъ въ военные министры. Отдавъ этотъ приказъ, онъ испугался при мысли, что генераль Ридигеръ вздумаетъ, пожалуй, перейти Вислу подъ Яновымъ и напасть на его корпусъ. Поэтому онъ направился поспѣшно къ Варшавѣ, оставивъ рѣку безъ всякой обороны; если бы его спросили, какимъ образомъ онъ обезпечалъ оборону береговъ Вислы, то онъ навѣрно отвѣтилъ бы на это:—«Я оставилъ тамъ 300 казаковъ Бердичевскаго повстанья, пусть ихъ охраняютъ переправу!»

Впослѣдствіи мы узнали отъ генерала Длусскаго о новой причинѣ недоброжелательства къ намъ генерала Хржановскаго. Въ то время когда мы еще стояли въ Сольцѣ, насъ посѣщали офицеры кракусы; проѣзжали Карль Сенкевичъ и Адольфъ Добровольскій, наши старинные знакомые и земляки, которыхъ мы приняли очень гостепріимно и радушно. Нашъ полкъ, начиная отъ Ружицкаго и кончая послѣднимъ солдатомъ, былъ чрезвычайно монархиченъ, былъ такъ сказать преданъ династіи Ягеллоновъ и желалъ видѣть на польскомъ престолѣ князя Адама I (Чарторижскаго).

Во время пирушки въ честь гостей шла оживленная бесѣда, которая сопровождалась тостами. Станиславъ Дунинъ, несмотря на свои 80 лѣтъ, человекъ весьма пылкій и увлекающійся, какъ и подобало впрочемъ бывшему гусару, закричалъ:—«пустили бы насъ въ Варшаву, такъ мы разнесли бы всѣхъ этихъ ясновельможныхъ на пикахъ и провозгласили бы нашего Адама королемъ такъ, какъ наши предки провозгласили королемъ Михайла Вишневецкаго; мы не набрались ума отъ своихъ королей, но теперь поступимъ благоразумно и спасемъ Польшу».

¹⁾ Авторъ приводитъ неточныя цифры, полученныя имъ по слухамъ. Р е д.

Всѣ рукоплескали старику Дуинну и обнимали его, даже самъ Карлъ Сенкевичъ, единственный полякъ, бывшій въ нашемъ лагерьѣ, находилъ что въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго и что было бы хорошо, если бы дѣло этимъ кончилось.

Наши гости отправились въ Варшаву, а кракусы въ Гнѣворово, гдѣ съ самыми хорошими намѣреніями рассказали все это генералу Хржановскому. Выслушавъ ихъ, онъ нахмурился и пробормоталъ: «они были бы не прочь сдѣлать это, но должны сначала позаботиться объ оборонѣ Вислы, потому уже могутъ идти въ Варшаву». Генераль Длусскій слышалъ все это и передалъ намъ слова Хржановскаго впоследствии, когда мы уже эмигрировали изъ Россіи.

Генераль Хржановскій не былъ приверженцемъ аристократіи, но не былъ также и монархистомъ и въ особенности не былъ сторонникомъ Ягеллоновъ. Несмотря на всю его ученость, этотъ вопросъ былъ для него недоступенъ, онъ былъ для него тарабарской грамотой. Это былъ человѣкъ такого страннаго склада ума и характера, что относился ко всему недоброжелательно, съ ненавистью, поэтому онъ не игралъ и не могъ играть никакой политической роли, несмотря на то, что графъ Владиславъ Замоискій, который чрезвычайно его цѣнилъ, постоянно давалъ ему видныя назначенія, впрочемъ будучи увѣренъ, что онъ далеко не пойдетъ и не займетъ ничье мѣсто.

Въ Сандомирскомъ и Краковскомъ округахъ стоялъ въ то время резервный отрядъ кавалеріи, въ коемъ было: 9 эскадроновъ старыхъ полковъ, 4 эскадрона вновь сформированныхъ полковъ, 2 эскадрона кракусовъ, около 2-хъ эскадроновъ, составленныхъ изъ какихъ то студентовъ, молодежи и т. п., 7 эскадроновъ старой кавалеріи, отдѣлившейся отъ корпуса Дверницкаго, одинъ эскадронъ Литовско-Русскій, одинъ Надвислянской, два Подольскихъ. Въ одномъ эскадронѣ не доставало сѣделъ, въ другомъ стремянъ, въ нѣкоторыхъ не было полного комплекта людей, и по этой причинѣ генераль Вейсенгофъ держалъ ихъ на мѣстѣ согласно приказанію, полученному имъ изъ Варшавы въ то время, когда генераль Скржинецкій уже болѣе не командовалъ войсками. У насъ было еще два полка пѣшихъ егерей-кракусовъ (пятый и шестой полкъ), которые все время стояли въ Кельцахъ. Что за умные люди были въ Варшавѣ, когда тамъ не стало Скржинецкаго, можно себя представить, судя по двумъ приказамъ, нами оттуда полученнымъ.

Первымъ приказомъ, подписаннымъ генераломъ Крюковскимъ, намъ воспрещалось принимать въ полкъ охотниковъ, кромѣ какъ изъ Кіевскаго воеводства. Второй приказъ того же Крюковскаго былъ отвѣтомъ Ружицкому и Людовику Стецкому. У Стецкаго въ отрядѣ было 70 человѣкъ казаковъ 2-го казацкаго полка, а во всемъ полку было не болѣе 30 лошадей; мы же имѣли нѣсколько десятковъ лошадей лишнихъ въ

резервѣ. Стецкій просилъ отдать его солдатъ Ружицкому, а Ружицкій просилъ разрѣшенія отдать лишнихъ лошадей Стецкому; имъ отвѣтили: «когда у Стецкаго будутъ деньги, и онъ купитъ лошадей, тогда и посадить на нихъ своихъ казаковъ, а до тѣхъ поръ пусть они ходятъ пѣшкомъ. А когда Ружицкій достанетъ охотниковъ-кѣвлянъ, тогда и посадить ихъ на своихъ лошадей, а до тѣхъ поръ пусть лошади его падутся въ ожиданіи всадниковъ». Я вполне увѣренъ, что редакція этого отвѣта принадлежитъ генералу Хржановскому. Я тогда удивлялся и до сихъ поръ не могу понять, почему Ружицкій и Стецкій, зная варшавскія власти и генераловъ, не помѣнялись людьми и лошадьми сами, а спрашивали разрѣшенія этихъ господъ. Если бы имъ удалось, безо всякаго позволенія, разбить непріятеля и вытѣснить его изъ края, навѣрно они не получали бы за это благодарности и похвалы, ихъ подвигъ признали бы только совершившимся фактомъ. Къ сожалѣнію таковы обычаи поляковъ.

Въ Тарловѣ собрался совѣтъ для обсужденія дальнѣйшаго образа дѣйствій; на немъ присутствовалъ и комиссаръ Бржезовскій. Вѣдныи генераль Шептинскій не зналъ что дѣлать? Рѣшить этотъ вопросъ дѣйствительно было не легко. Полковникъ Квятковскій молчалъ, заявивъ, что готовъ исполнять приказаніе начальства; начальникъ штаба полковникъ Жадера высказался за переправу черезъ рѣку, Гротусъ предлагалъ уйти въ лѣсъ; генераль Шептинскій предложилъ, но не приказалъ отступить къ Свенто-Кржижскимъ горамъ. — «Тамъ въ Новомъ Мѣстѣ живетъ генеральша, она дастъ намъ хорошии совѣтъ, — сказалъ онъ, и выведетъ насъ изъ затруднительнаго положенія». Только Ружицкій и князь Гедройцъ, литовскій партизанъ, прикомандированный къ штабу Гротуса, были того мнѣнія, что надобно искать встрѣчи съ непріятелемъ. Генераль подумалъ и сказалъ:

— Такъ идите, господа, ищите съ нимъ встрѣчи, а я подожду тутъ.

Этимъ приказаніемъ онъ и ограничился; комиссаръ Бржезовскій сѣлъ въ бричку и удралъ въ Варшаву, намѣреваясь вывести тамъ отечество изъ бѣды точно такъ, какъ онъ разстроилъ въ Сольцѣ любовную интригу своей падчерицы. Ружицкій съ Гедройцемъ стали совѣтоваться, какъ бы встрѣтиться и сразиться съ Ржевускимъ, а въ ригѣ случилось въ это время маленькое приключеніе, имѣвшее свои послѣдствія.

Въ ригѣ спалъ богатырскимъ сномъ Викентій Будзинскій, а Шашкевичъ загналъ туда стадо гусей и направилъ ихъ прямо на Будзинскаго, — новый способъ будить людей. Разбуженный гусями, которые гоготали и махали крыльями, Будзинскій выхватилъ саблю изъ ноженъ и зарѣзалъ ихъ болѣе десяти штукъ. Въ этомъ не было ничего особеннаго, но Шашкевичъ приукрасилъ это приключеніе и рассказывалъ,

что когда гуси напали на Будзинскаго, то онъ въ первый моментъ испугался и запросилъ пощады; когда же осмотрѣлся и увидѣлъ, что это были не русскіе, а гуси, то безъ всякой жалости сталъ рубить ихъ саблею. Мы много смѣялись по этому поводу.

Въ это время забилъ тревогу и дали намъ знать, что у опушекъ лѣса показались донцы; мы вскочили на лошадей и помчались на встрѣчу непріятелю, но не нашли его, а увидѣли генерала Шептицкаго, сидѣвшаго уже въ экипажѣ, повернувшись къ Свенто-Кржижскимъ горамъ, куда онъ хотѣлъ скрыться, въ случай если бы донцы дѣйствительно появились возлѣ нашего лагеря. Но благодаря Бога этого не случилось, поэтому онъ остался въ Тарловѣ, а наши три эскадрона и двѣ роты пѣшихъ егерей Сандомірскаго полка отправились, подъ командою Гедройца, въ ночную экспедицію противъ Ржевускаго, нашего стараго пріятеля и чуть не земляка.

Дѣло предполагалось серьезное. Сабли, стремена и лошадиныя копыта были обвязаны пучками сѣна, велѣно было идти, соблюдая величайшую тишину; но Будзинскій, проѣзжая лѣсомъ, по которому онъ и раньше ѣхалъ, увѣрялъ, что онъ то и дѣло слышитъ, какъ кто то тихо проситъ пощады; это страшно раздражало его.

Конечнымъ пунктомъ нашей экспедиціи была назначена Павловская Воля; мы узнали отъ мѣстныхъ жителей, что въ тотъ день, въ этой деревнѣ рано утромъ былъ Ржевускій со своимъ стряпомъ, старался разузнать, чтѣ дѣлается въ окрестностяхъ, пилъ кофе, закусывалъ и любовался прелестными очами жены эконома.

Павловская Воля была расположена на небольшой возвышенности, на берегу рѣчки и была отдѣлена отъ окоповъ, за которыми стояло войско Ржевускаго, прудомъ и болотистымъ пространствомъ, которое тянулось на три версты. Дорога отъ Павловской Воли до русскаго лагеря пролегла по длинной греблѣ, на которой былъ мостъ, длиною по меньшей мѣрѣ въ 150 шаговъ; за мостомъ было болото, а за нимъ огородъ, засѣянный картофлемъ, фасолью и хмѣлемъ; за огородами была пажить, перерѣзанная небольшими полосками пахотной земли, которая тянулась до самой рѣки; между прудомъ и окопами русскаго войска, ближе къ пруду, находилась довольно большая сушильня для льна и конопли. Берега Вислы были покрыты кустарникомъ и осокой; въ деревнѣ, влѣво отъ гребли стоялъ хорошенкій домикъ съ огородомъ, а направо, на пригоркѣ, огромная рига съ четырьмя воротами.

Мы пришли въ деревню ночью; на всѣхъ дорогахъ были разставлены караулы, чтобы никто не могъ выйти изъ села; въ ригу вступило десять эскадроновъ (?) нашей кавалеріи, которые стали передъ каждымъ воротами по два взвода, фронтомъ къ воротамъ; два взвода подъ командою Грудзинскаго и прочіе офицеры вошли въ сушильню. Пѣшіе

егеря засѣли въ фасолѣ и хмѣлѣ; имъ было приказано пропустить отрядъ Ржевускаго на мостъ и тогда только выйти изъ засады, стрѣлять и разрушать мостъ; полкъ-эскадрона Грудзинскаго долженъ былъ придти на помощь и взять въ плѣнъ тѣхъ, кому удалось бы прорвать цѣпь стрѣлковъ; десять эскадроновъ, стоявшіе на коняхъ въ ригѣ и готовые ежеминутно выступать, должны были броситься на непріятеля изъ четырехъ воротъ, прогнать его и взять въ плѣнъ; два казака прикрывшись снопами, забрались на крышу, чтобы обзрѣвать мѣстность и доложить, что будетъ видно.

Къ наступленію дня все было готово. Едва взошло солнце, какъ казаки, сидѣвшіе на крышѣ, закричали: «вдугъ!»

Впереди шелъ авангардъ донцовъ, за нимъ взводъ донцовъ съ офицеромъ, далѣе еще одинъ взводъ, также подъ командою офицера; позади его два донца рядомъ, за ними, шагахъ въ пятнадцать, Ржевускій со своимъ штабомъ, наконецъ, три взвода драгунъ и взводъ донцовъ, составлявшихъ арьергардъ.

У егерей навѣрно была водка въ манерахъ: они подпили, заснули и пропустили авангардъ отряда, но кто-то изъ этихъ несчастныхъ проснулся въ тотъ самый моментъ, когда два донца, ѣхавшіе предъ Ржевускимъ, доѣхали до моста и поровнились съ зарослью фасоли; эти два донца были убѣленные сѣдинами старцы, по всей вѣроятности еще остатки кавалеріи Платова или Денисова; они такъ приглянулись проснушемуся егерю, что онъ выстрѣлилъ въ нихъ; одинъ изъ донцовъ свалился съ лошади, а егеря въ безпорядкѣ бросился на мостъ. Ржевускій отступилъ; наши взводы выскочили изъ риги, убили нѣсколькихъ донцовъ и драгунъ, въ томъ числѣ одного драгунскаго офицера, и взяли въ плѣнъ 18 чловѣкъ донцовъ съ офицеромъ. Грудзинскій выскочилъ изъ сушильни, напалъ на отрядъ Ржевускаго съ фланга, и погналъ къ лагерю; три раза ударялъ онъ самого Ржевускаго по плечу саблею, но не могъ выбить его изъ сѣдла, а только разорвалъ ему мундиръ. Одинъ донецъ вонзилъ Грудзинскому саблю между реберъ съ такою силою, что у нея отлетѣла рукоятка. Мы устремились на греблю на помощь Грудзинскому, но егеря уже успѣли разобрать мостъ, а по ту сторону его завязалась кровавая битва; изъ лагеря подоспѣлъ свѣжій отрядъ донцовъ, и отрядъ Грудзинскаго былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ; Викентій Рудзинскій, сражаясь съ донцами, упалъ съ лошади, донцы схватили его и унесли въ лагерь. Между тѣмъ третьему эскадрону было приказано переправиться чрезъ рѣку въ томъ мѣстѣ, гдѣ она впадала въ Вислу, что онъ и исполнилъ моментально, а прочіе два эскадрона настлали мостъ досками и переходили черезъ него. Унтеръ-офицеръ третьяго эскадрона, Визовскій, подъ которымъ была превосходная лошадь, вооруженный двустволкою, найденною имъ въ кустахъ, подскакалъ къ отряду, коимъ коман-

довалъ Будзинскій, и выстрѣлилъ изъ двустволки; солдаты закричали: «стрѣляютъ дробью» и обратились въ бѣгство, бросивъ Будзинскаго, котораго Визовскій посаждалъ передъ собою на лошадь и привезъ къ намъ; между тѣмъ наши эскадроны бросились въ атаку и выручили отрядъ Грудзинскаго, потерявшаго всего пять лошадей; мы преслѣдовали непріятеля до самыхъ окоповъ и отбѣжали отъ нихъ только тогда, какъ по насъ открыли огонь изъ орудій.

У насъ было нѣсколько человѣкъ раненыхъ, впрочемъ неопасно, и убито пять лошадей. Будзинскій былъ еще живъ, но истекалъ кровью отъ ранъ; онъ получалъ тридцать(?) ударовъ никою, двѣ пули и два удара саблей; мы не думали, что онъ доживетъ до вечера; докторъ Терлецкій, осмотрѣвъ его раны, отправилъ его въ Тарлово.

Грузинскому вынули изъ раны остріе сабли, засѣвшее между ребрами въ глубину по крайней мѣрѣ на три дюйма, но этотъ человѣкъ, обладавшій желѣзной волей, велѣлъ сдѣлать перевязку и, не сходя съ коня, продолжалъ нести служебныя обязанности.

Послѣ этой стычки егеря заняли Павловскую Вою, а мы стали bivакомъ за деревней, на пригоркѣ, на дорогѣ, ведущей въ Солецъ.

Ржевускій цѣлыхъ четыре дня не показывался изъ окоповъ и не высылалъ ни одного отряда, а когда наши разъѣзды приближались къ окопамъ, то въ нихъ стрѣляли изъ орудій. На противоположномъ берегу, въ русскомъ лагерѣ каждый вечеръ играла музыка. На пятый день намъ донесли, что Ридигеръ оставилъ первоначальное намѣреніе перейти Вислу у Юзефова и идетъ вдоль берега, намѣреваясь перейти рѣку по всей вѣроятности у Янова, гдѣ онъ не ожидалъ встрѣтить никакого препятствія и не предполагалъ присутствія войска, охраняющаго переправу.

Ружицкій тотчасъ послалъ объ этомъ донесеніе Шептицкому, но офицеръ, на котораго было возложено это порученіе, вернулся съ извѣстіемъ, что генералъ отступилъ со своимъ войскомъ къ Свято-Кржижскимъ горамъ, испугавшись выстрѣловъ изъ орудій, коихъ раскаты доносились до Тарлова, а полученнаго имъ извѣстія, что весь корпусъ генерала Ридигера перешелъ на лѣвый берегъ Вислы, занялъ Солецъ и двинулся къ Тарлову. Въ то время какъ мы узнали все это отъ офицера, къ намъ явились два перебѣжчика изъ русскихъ драгунъ, оба киевлянина, а одинъ изъ нихъ казакъ изъ отряда Яна Тарновскаго, котораго узналъ Омецинскій; они сообщили намъ, что Ржевускій въ ту же ночь собирается на разсвѣтѣ напасть на нашъ обозъ, но съ противоположной стороны, отъ Солецъ, что они были посланы на развѣдки и имъ привязано ожидать отрядъ въ селѣ Гнойницѣ; что объ ихъ побѣгѣ не могутъ такъ скоро узнать, а слѣдовательно не могутъ замѣнить и

плана нападенія. Они говорили такъ толково, что нельзя было имъ не вѣрить.

Вечеромъ, поужинавъ и накормивъ лошадей, мы зажгли бивачные огни. Ружицкій поручилъ маіору Гедройцу пройти лѣсомъ въ Опатово, а наша кавалерія направилась къ деревнѣ, указанной перебѣжчиками, и стала передъ ней развернутымъ фронтомъ.

Мы прождали часа два; люди засыпали сидя на коняхъ, несмотря на то, что мы постоянно развѣзжали передъ фронтомъ и позади него и будили ихъ. Наконецъ, въ деревнѣ залаяли собаки; было такъ темно, что нельзя было различить даже бѣлаго коня Барановскаго, но до нашего слуха доносился топотъ лошадей, двигавшихся въ самомъ стройномъ порядкѣ; мы слышали, что они проходили передъ фронтомъ нашего отряда и скорѣе представляли себѣ въ воображеніи нежели видѣли въ дѣйствительности, что мимо насъ мелькали какія-то тѣни. Ружицкій сталъ на лѣвомъ флангѣ и, лишь только топотъ коней нѣсколько стихъ, онъ крикнулъ: «Слава Богу»; весь фронтъ повторилъ за нимъ «Слава Богу!» и повесся съ мѣста въ карьеръ. Проскакавъ нѣкоторое разстояніе, мы почувствовали, что наши ноги вонзились въ тѣло людей и лошадей. Впослѣдствіи оказалось, что мы атаковали колонну, шедшую по шесть человекъ въ рядъ, и хотя наше нападеніе было произведено энергично, но намъ было приказано не преслѣдовать непріятеля, что впрочемъ было и немисливо при совершенной темнотѣ. Мы остановились и наши казаки, по мѣрѣ возможности, построились во фронтъ; чтобы различать другъ друга, они повязали себѣ на правую руку бѣлые платки. Мы имѣли дѣло съ русскимъ эскадрономъ драгунъ и двумя сотнями донцовъ. Впослѣдствіи мы узнали, что Ржевускій остался съ двумя полками донцовъ и четырьмя эскадронами драгунъ въ Тарловскихъ лѣсахъ, а пѣхота и орудія были переправлены на правый берегъ и подъ командою Ридигера пошли къ Янову. Мостъ въ Юзефовѣ не былъ наведенъ, а весь матеріалъ, заготовленный для этого моста, который былъ уже на половину сооруженъ, былъ спущенъ по рѣкѣ къ Янову. Генералъ Хржановскій могъ похвастать, что онъ своими распоряженіями не допустилъ переправы войска въ Юзефовѣ и отбросилъ на правый берегъ русское войско, бывшее уже на лѣвомъ берегу. Флоріанъ Ржевускій ушелъ въ Тарловскіе лѣса, гдѣ между нимъ и генераломъ Гедройцемъ, бывшимъ въ этихъ лѣсахъ съ двумя ротами егерей Сандомірскаго полка, началась партизанская война съ постоянными маршами и контрмаршами. Это напоминало игру въ шахматы; отрядъ Ржевускаго былъ сильнѣе, но состоялъ изъ одной кавалеріи. У Гедройца была пѣхота, славные егеря; онъ былъ въ родномъ краѣ и зналъ мѣстность какъ свои пять пальцевъ. У обоихъ были свѣжія силы, оба они были умны, хитры и въ военномъ дѣлѣ травленные зайцы.

Гедройць имѣлъ за собою болѣе нежели шестидесятилѣтнюю боевую опытность, сражался подъ знаменами Костюшки и Наполеона, позднѣе, однимъ изъ первыхъ вступилъ въ ряды повстанцевъ, сражавшихся въ лѣсныхъ чащахъ Литвы, и уже покрылъ себя славой въ стычкахъ подъ Замостьемъ, подъ Богомольцемъ и въ набѣгахъ, совершенныхъ съ храбрымъ майоромъ Бабскимъ. Старикъ привыкъ дремать стоя и даже на ходу, что замѣняло ему сонъ. Хладнокровіе, осторожность, привычка не довѣрять на слово мѣстнымъ жителямъ и необычайная, неусыпная дѣятельность создала ему славу прекраснѣйшаго предводителя партизанскихъ партій. Флоріанъ Ржевускій, украинецъ, сынъ степей, съ молодости служившій въ гусарахъ, завзятый кутила и гуляка, всегда готовый на самый смѣлый подвигъ, былъ во цвѣтъ лѣтъ; тридцати лѣтъ съ небольшимъ онъ уже имѣлъ чинъ полковника и былъ такимъ же отважнымъ партизаномъ какъ и Гедройць; подъ его командой были донцы, люди рожденные для партизанской войны.

Ружицкій, не зная и не вѣдая, гдѣ находился генералъ Шептицкій, а равно и Хржановскій, и не получая отъ нихъ никакихъ приказаній, предоставленный своимъ собственнымъ силамъ, въ первый моментъ рѣшился идти прямо въ Варшаву. Наша колонна уже вытянулась въ этомъ направленіи. Надобно было послѣдовать первому рѣшенію, такъ какъ оно всегда бываетъ наилучшее, и пойти въ Варшаву; какъ знать, можетъ быть все кончилось бы тогда иначе, и на польскій престолъ возсѣлъ бы Адамъ I. Но видно, поляки не хотѣли добра Польшѣ, и Господь не былъ за нихъ; зато нечистая сила не дремала, а извѣстно, что гдѣ дьяволъ самъ не сможетъ, тамъ онъ бабу пошлетъ.

Мы уже направились въ Варшаву, когда намъ попалась на встрѣчу цѣлая вереница экипажей, бричекъ и телегъ, нагруженныхъ прекраснымъ поломъ. Это была пани Вендорфъ, супруга майора конныхъ егерей, жившая близъ Солецъ, въ прелестной мѣстности, на самомъ берегу Вислы. Ея шель уже четвертый десятокъ, она была чрезвычайно высока ростомъ и полна, истый геркулесъ въ юбкѣ; она добровольно взяла на себя обязанность покровительствовать вдовамъ и сиротамъ воиновъ, павшихъ на полѣ брани, а также женамъ, сестрамъ, дочерямъ и даже матерямъ тѣхъ, кто шель защищать отечество и искать славы въ бояхъ. Не одинъ вечеръ провели мы у пани Вендорфъ во время нашей стоянки въ Солецѣ, любезничая и ухаживая за дѣвцами, танцуя вальсы и мажурки съ бѣдными сиротками, которыхъ мы отъ всего сердца старались утѣшить и развлечь. Пани Вендорфъ была нетрусливаго десятка и не испугалась бы русскихъ войскъ, если бы это были гусары, уланы или хотя бы драгуны, но донцы—это, по ея словамъ, ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга,—варвары, которые знаютъ только свою кагайку и не принимаютъ вѣжливаго обхожденія. Узнавъ, что это за люди, она рѣшила

искать убѣжища въ Свето-Кржижскихъ горахъ и отправилась туда одновременно съ корпусомъ, шедшимъ для подкрѣпленія генерала Шептицкаго; поэтому ей было извѣстно то, чего мы не знали, а именно, что Шептицкій находился уже въ Опатовѣ, по пути въ Новый Шлюпъ.

Она съумѣла убѣдить Ружицкаго, что долгъ военнаго обязывалъ его разыскать корпусъ, къ которому онъ принадлежалъ, и что какъ полякъ онъ не могъ оставить другого поляка безъ помощи, въ жертву неприятелю.

Мы свернули на дорогу къ Опатову, оставивъ намѣреніе идти въ Варшаву; надобно сознаться, что глядя на спутницъ пани Вендорфъ, никто изъ насъ не пожалѣлъ о рѣшеніи начальника; мы позабыли о королѣ, котораго намъ слѣдовало охранять, и любовались на прекрасныхъ полякъ, которыя могутъ дать отечеству такъ много прекрасныхъ защитниковъ. Въ послѣдующіе два дня нашъ дальнѣйшій походъ напоминалъ собою настоящую майовку¹⁾; закуски и обѣды на мягкой муравѣ, подъ тѣнью деревьевъ, на берегу ручейковъ, въ тѣнистыхъ рощицахъ, ночлеги подъ открытымъ небомъ, лѣсни, музыка, даже танцы; а сколько при этомъ было томныхъ взглядовъ и нѣжныхъ словъ, проникавшихъ въ душу. И теперь еще, на старости лѣтъ, вспоминая объ этомъ переходѣ, я оживляюсь, чувствую себя помолодѣвшимъ и забываю всѣ свои невзгоды.

Только на третій день, подъ вечеръ, дошли мы до Опатова, гдѣ застали генерала Шептицкаго. Онъ выѣхалъ намъ на встрѣчу, но на лицѣ этого почтеннаго человѣка было замѣтно величайшее смущеніе и тревога. Онъ признался Ружицкому, что наканунѣ послалъ своего начальника штаба, полковника Жадера съ донесеніемъ въ Варшаву о томъ, что нашъ полкъ, будучи окруженъ въ Павловской Волѣ превосходными силами русскихъ войскъ, погибъ до послѣдняго человѣка, такъ что не осталось никого въ живыхъ, кто бы могъ сообщать подробности этого пораженія. Ему донесли объ этомъ очевидцы, вполнѣ достойные вѣры. Почтвенный старецъ плакалъ отъ радости, видя, что мы живы и здоровы, но его безпокоила мысль, что скажутъ объ его рапортѣ въ Варшавѣ; онъ увѣрялъ, что насъ сравнятъ со спартанцами, защищавшими Термопилы, а Ружицкаго— съ Леонидомъ. Несмотря на всю свою доброту, онъ можетъ быть въ душѣ не разъ пожалѣлъ о томъ, что мы не погибли, такъ какъ это спасло бы его отъ шекотливаго положенія.

Происшедшая при этомъ сцена была весьма комична: съ одной стороны, воскресшій изъ мертвыхъ полкъ, а съ другой—почтвенный, добрый генералъ, который радовался тому, что видѣлъ насъ въ живыхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ бы не прочь видѣть всѣхъ насъ, до единого,

¹⁾ Майская прогулка за городомъ.

мертвыми ради спасенія своей генеральской чести и чувствовалъ себя не особенно пріятно отъ посѣщенія прекраснаго поля и отъ страха, какъ бы донцы не напали на Опатово. Находясь въ столь затруднительномъ положеніи, генералъ былъ окончательно убитъ извѣстіемъ, привезеннымъ однимъ офицеромъ Сандомірскаго полка, о пораженіи маіора Гедройца, который со своими двумя ротами былъ взятъ въ плѣнъ. Прибывшій офицеръ съ 25 солдатами также едва не попалъ въ плѣнъ, но имъ удалось бѣжать.

Дѣло было такъ. Послѣ семидневныхъ стычекъ между отдѣльными отрядами, Ржевускій прибѣгнулъ къ слѣдующей хитрости: онъ приказалъ нагрузить нѣсколько возовъ овсомъ, водкой и другими припасами и отправить ихъ подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ дощцовъ лѣсами, въ сторону Солецъ, по самымъ непроходимымъ дорогамъ, дѣлая видъ, что отправку этого обоза хотятъ скрыть и что благополучной его доставкѣ придають большое значеніе; между тѣмъ конвойнымъ было приказано нарочно просыпать по пути слѣдованія обоза овесъ, чтобы было замѣтно по какой дорогѣ онъ прошелъ. Мѣстные жители и шпіоны увѣдомили маіора Гедройца объ отправкѣ обоза, и онъ пошелъ со всей своей командой за нимъ слѣдомъ съ цѣлью имъ овладѣть; цѣлыхъ два дня выслѣживали они обозъ, и только на третій день подъ вечеръ нагнали его и увидѣли, что обозъ, свернувъ съ дороги, вступилъ въ густую заросль, гдѣ и сдѣлалъ привалъ; волы были выпряжены и спокойно паслись тутъ же. Гедройць приказалъ осмотрѣть заросль и, такъ какъ въ ней не оказалось войска, то онъ напалъ на обозъ; нѣсколько дощцовъ изъ конвойныхъ разбѣжались, а остальные сдались въ плѣнъ; когда ихъ стали допрашивать, то они показали, что, отставъ отъ главнаго отряда, они заблудились въ лѣсу и, видя, что въ немъ разбѣжались конные егеря, боялись останавливаться въ селахъ, чтобы не возбудить бдительности непріятели; блуждая, такимъ образомъ, они попали въ эту чащу и сами не знаютъ, гдѣ они находятся. Они говорили все это такъ правдоподобно, что ихъ словамъ нельзя было не повѣрить. Егеря были голодны, истомились отъ жажды и, добравшись до водки и до съѣстныхъ припасовъ, изрядно угостившись и тѣмъ и другимъ, а послѣ закуски ихъ стало клонить ко сну, что было весьма естественно послѣ столькихъ бессонныхъ ночей, проведенныхъ въ постоянныхъ маршахъ и контр-маршахъ. Даже часовые дремали, въ то время Ржевускій совершенно неожиданно напалъ со всѣхъ сторонъ на лагерь съ цѣлымъ полкомъ донцовъ: нападающіе были храбры, энергичны, а наши казаки полусонные и полупьяные; Гедройць съ его двумя ротами былъ взятъ въ плѣнъ, только 26 человекъ успѣли спастись бѣгствомъ. Ржевускій обошелся съ Гедройцемъ очень вѣжливо; за столомъ и въ экипажѣ ему было предоставлено первое мѣсто. Храбрый латвинъ никогда еще не пользовался

такимъ почетомъ. Его тотчасъ перевезли на другой берегъ Вислы и отправили въ Кіевъ къ фельдмаршалу Сакену. Егеря говорили: «старый воробей далъ поймать себя руками».

Послѣ того какъ былъ взятъ въ плѣвъ Гедройць, отъ генерала Шептицкаго нельзя было ожидать ничего инаго, кромѣ того, что онъ станетъ выжидать и прятаться въ Свенто-Кржижскихъ горахъ.

Намъ было приказано стать бивакомъ за мѣстечкомъ, по дорогѣ въ Новый Шлюпъ, пустить лошадей на пастьбу, но быть постоянно готовымъ къ выступленію.

Мы скучали въ лагерѣ, оставивъ поле битвы Богъ вѣсть для какихъ то горъ, и спокойно разгуливали по мѣстечку, не надѣясь болѣе увидѣть непріятеля; чуть не половина нашего отряда стояла на часахъ, такъ какъ генералъ былъ чрезвычайно остороженъ. Однажды вдругъ показался вдали открытый экипажъ, запряженный четверкою лошадей, которая неслись по мѣстечку во весь опоръ. Нѣсколько человекъ офицеровъ стояло около Ружицкаго, въ то время какъ съ нимъ поровнялся этотъ экипажъ; кто-то крикнулъ: «стой!» и изъ экипажа выскочилъ комиссаръ Бржозовскій, а за нимъ маленькій, худенькій, но веселенькій старичекъ въ генеральскомъ мундирѣ. Бржозовскій обнялъ Ружицкаго и каждого изъ насъ отдѣльно.

— Такъ вы живы! такъ васъ не перебили, вотъ чудеса!

Потомъ, спохватившись, онъ обернулся, прибавивъ: «вотъ, привезъ вамъ генерала».

Это былъ Самуилъ Ружицкій, который, будучи полковникомъ, сражался въ войскахъ Наполеона и недавно, по возвращеніи изъ Литвы, былъ назначенъ бригаднымъ генераломъ. Онъ былъ уроженецъ Кракова, кальвинистъ и только однофамилецъ Карла Ружицкаго. У нихъ гербы были различныя. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ его адъютантъ, Евстафій Янушкевичъ, человекъ необыкновенно даровитый, обладавшій военными и административными способностями; онъ одинъ исполнялъ все обязанности по штабу генерала и не оставлялъ желать ничего лучшаго.

Генералъ Шептицкій, увѣдомленный уже о пріѣздѣ своего замѣстителя, встрѣтилъ его съ неподдѣльной радостью; это избавляло его отъ большихъ хлопотъ и онъ могъ теперь совершенно спокойно отправиться въ свои любезныя Свенто-Кржижскія горы и въ Новое Место, гдѣ проживала сама пани генералова. Намъ было приказано свернуть съ дороги, которая вела къ этимъ горамъ, перейти на дорогу, шедшую къ берегу Вислы, и ожидать тамъ дальнѣйшихъ приказаній. Карлъ Ружицкій отправился на совѣтъ, созванный въ квартирѣ нашего новаго командира, а капитану Дунину приказалъ вывести эскадроны на дорогу къ Ильжѣ, но не выходить за линію аванпостовъ. Дунинъ не повелъ свой полкъ на пригорокъ, а предпочелъ остановиться при выѣздѣ изъ

деревни такъ, что даже передовые солдаты стояли въ самомъ концѣ улицы, между заборами. Грудзинскій не одобрялъ остановки въ этомъ мѣстѣ, но Дунинъ утверждалъ, что такъ какъ по близости находятся форпосты, то солдаты лучше отдохнуть здѣсь и даже могутъ подремать, такъ какъ лошади ихъ не разбѣгутся; самъ Дунинъ съ нѣсколькими офицерами улегся передъ фронтомъ на краю дороги. Грудзинскій что-то пробормоталъ себѣ подъ носъ, отвелъ меня въ сторону и сказалъ: «не будемъ спать, чортъ не дремлетъ и казакамъ не слѣдуетъ спать».

Онъ послалъ въ трактиръ и приказалъ принести намъ кофе со сливками. Едва успѣли мы выпить его, какъ послышались выстрѣлы и громкіе крики: «ура!» На выѣздъ изъ мѣстечка произошла страшная суматоха и давка; я успѣшилъ вскочить на своего коня, котораго держалъ за поводья; не знаю какимъ чудомъ мнѣ удалось сдѣлать это такъ быстро, и я поскакалъ съ половиною моего взвода обратно въ мѣстечко, откуда уже возвращалась русская кавалерія, неожиданно напавшая на него.

Первый разъ случился такой позоръ, что непріятель, напавъ на насъ, засталъ насъ спящими. Дунинъ получилъ двѣ раны саблею по головѣ, что было имъ вполне заслужено; нѣсколько офицеровъ и болѣе десяти солдатъ были ранены, нѣкоторые довольно тяжело, но убитыхъ не было ни одного. Взятые нами пѣвныя сообщали, что ихъ было всего 40 человекъ охотниковъ изъ донцовъ и драгунъ подъ командою поручика Красовскаго, что они принадлежатъ къ дивизіи генерала Квицинскаго, который, переправившись черезъ Вислу подъ Яновымъ съ четырьмя батальонами пѣхоты, полкомъ драгунъ и полкомъ донскихъ казаковъ съ восемью орудіями, подошелъ къ Сольду и, получивъ извѣстіе, что польскія войска отступили къ Свято-Кржижскимъ горамъ, выслалъ развѣдчиковъ по направленію къ Олатову.

Перев. В. В. Тимощукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Императоръ Николай на Кавказѣ въ 1837 году.

Письмо кн. Васкля Осиповича Вебутова—Осипу Петровичу Дубецкому.

13 ноября 1837 года кр. Эривань.

Государь императоръ осчастливилъ Закавказскій край высокимъ своимъ посѣщеніемъ. Его величество изволилъ выдти на берегъ въ Редутъ-Кале, ночевалъ въ Зугдидѣ, Кутансѣ, въ Сурамѣ, Ахалцыхъ Ахалкалакахъ, Гумри, и 4-го числа октября я имѣлъ счастье встрѣтить государя въ д. Мастарѣ и поднести всеподданнѣйшій рапортъ. Государь очень милостиво принялъ меня, взялъ за руку и благодарилъ; въ тотъ день ночлегу имѣлъ въ Сардаръбадѣ. 5-го числа его величество встрѣтилъ недалеко отъ Эчмиадзинскаго монастыря патріархъ всѣхъ армянъ Іоаннесъ, а у ограды—все Эчмиадзинское духовенство въ облаченіи. Церемонія была великолѣпная, и его величество все время до вступленія во храмъ изволялъ идти пѣшкомъ съ обнаженною главою. По окропленіи патріархомъ государя святою водою и вступленія въ храмъ, патріархъ произнесъ слово, а потомъ, по осененіи его величества животворящимъ крестомъ, государь изволялъ приложиться къ св. копыю и осматривать ризницу.

По выходѣ изъ церкви изволилъ осматривать трапезную, типографію, семинарію, жилище монаховъ, присутствие армяно-грегоріанскаго синода, и потомъ, вступивъ въ патріаршія палаты, удостоилъ своею аудіенціею патріарха, котораго пожаловалъ орденомъ св. Александра Невскаго, алмазами украшеннымъ. Сего числа въ 12 часовъ полуночи, изволилъ прибыть въ Эривань, здѣсь осматривать изволилъ крѣпостныя верки, арсеналъ, госпиталь, и все въ крѣпости находящееся, неисключая и областного правленія; и кажется былъ доволенъ.

На другой день, т. е. 6-го октября, по утру имѣли счастье представляться его величеству посольство персидскаго шаха, который нарочно прислалъ сына своего, наслѣдника престола, поздравить его величество съ прибытіемъ въ Закавказскій край. Потомъ я (имѣлъ) счастье, въ зеркальной залѣ, великолѣпно отдѣланной, представлять гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ, мусульманское духовенство, хановъ, бековъ, меликовъ и проч. и проч. Въ 11 часовъ государь изволилъ отправиться въ соборъ, помолившись, изволилъ выдти изъ церкви; потребовалъ бурку, которую я имѣлъ счастье воздѣть на монарха, опять удостоилъ взять меня за руку, поцѣловать меня въ лице, изъявилъ свое благоволеніе, и такъ какъ я еще до прибытія его величества въ область страдалъ желчною лихорадкою, со здѣшнимъ пагубнымъ климатомъ сопряженною, и былъ очень слабъ, то государь императоръ, замѣтивъ совершенное мое изнуреніе, высочайше повелѣтъ мнѣ соизволилъ даже не сопровождать его величество и беречь свое здоровье. Я поцѣловалъ руку вѣнценосца и, проводивъ верхомъ чрезъ городъ до Канонирской равнины, возвратился, и по сіе время нахожусь въ болѣзненномъ состояніи, а жена моя въ это же время была при смерти больна; она и теперь еще не поправилась.

Изъ бумагъ Виктора Григорьевича Теплякова.

В. Г. Тепляковъ—кн. А. Н. Голицыну ¹⁾.

1.

23 декабря (3 января) 1836—1837 года. Вуокъ-Дере ²⁾.

Удостоите приписать мое замедленіе выразить вашему сіятельству признательность моей души, проникнутой вашими высокими благодѣніями, лишь полному однообразію жизни, очень мало достойной вашего благосклоннаго вниманія. Всѣ сообщенія прерваны по случаю распространенія заразы, сила которой здѣсь, послѣ чумы 1812 г. ³⁾, положительно безпримѣрна, и я долженъ былъ, какъ и всѣ, подчиниться предохранительнымъ мѣрамъ, строгость которыхъ приводитъ всѣ мысли въ состояніе, среднее между жизнью и смертью. Можно подумать, что Богъ низлилъ здѣсь на землю весь свой гнѣвъ.

Однако, не могу не исполнить моего долга и не выразить вашему сіятельству моихъ искреннихъ пожеланій съ наступающимъ новымъ

¹⁾ Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ—извѣстный государственный дѣятель царствованія Александра I. См. о немъ: «Матеріалы для полной родословной росписи князей Голицыныхъ», собранные кн. Н. Н. Голицынымъ. Киевъ, 1890, стр. 142 и 143. Кромѣ того о немъ: «Fürst A. N. Golitzin und seine Zeit». Aus den Erlebnissen des Geheimraths P. von Götze. Leipzig. 1882. «Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи», И. А. Чистовичъ. С. 1894, на стр. 153—172. «Кн. А. Н. Голицынъ и его время» (1773—1844), Е. П. Карповичъ. «Историч. Вѣстн.» 1882 г., т. 8 (выдержки изъ книги Гетца).

²⁾ Письма В. Теплякова къ князю А. Н. Голицыну приводятся въ переводѣ съ французскихъ черновыхъ подлинниковъ.

³⁾ Эта чума въ первой половинѣ 1813 г. была занесена въ Мальту.

*

годомъ, отъ глубины благодарнаго сердца пожелавъ вамъ долгаго и постояннаго счастья. Да воздастъ вамъ Господь за все то, что вы сдѣлали для меня, единственною опорой котораго въ этомъ мѣрѣ былъ Отецъ нашъ Небесный и вы, чья душа, какъ самое чистое зеркало, отражаетъ на землѣ Его безпредѣльную благодать.

Единственнымъ извѣстіемъ, заслуживающимъ здѣсь вниманія вашего сѣятельства, можетъ служить недавнее путешествіе султана ¹⁾ въ древній городъ, Никомедію, чтобы присутствовать при спускѣ 98-ми пушечнаго корабля, подъ названіемъ «Февзіе», въ честь новаго турецкаго генераль-адмирала. Съ 1831 г. только во второй разъ оттоманскій государь покидаетъ свою столицу. Въ продолженіе длинныхъ царствованій, глава государства не проникался мыслью, что полезно такимъ образомъ быть въ средѣ своихъ подданныхъ. Если вѣрить устнымъ рассказамъ, султанъ настолько желаетъ быть популярнымъ, что однажды, встрѣтивъ на дорогѣ бѣднаго старика-мусульманина, вѣлъ и пилъ съ нимъ, долго бесѣдуя о прошломъ. Прибавляютъ, что онъ былъ пораженъ грустнымъ видомъ окрестностей города, гдѣ жилъ императоръ Діоклетіанъ до своего отреченія и гдѣ умеръ Константинъ Великій. Въ своемъ отчетѣ австрійскому интернунцію отъ 6-го декабря (25-го ноября), капитанъ парохода, который везъ обратно въ Константинополь султана, двухъ его сыновей и свиту, восхищается ихъ любовнымъ обхожденіемъ. Русскій чай, роскошно сервированный на серебрѣ русскимъ лакеемъ, котораго кромѣ того величали чахи-баши, монархъ, сидящій у руля, а имъ правилъ новый генераль-адмиралъ, смѣнявшій капитана, которому онъ предложилъ въ это время свою трубку; этотъ послѣдній между тѣмъ занимался китайскимъ нектаромъ; капитану предлагали разные пирожки и конфеты; наконецъ, явленіе шута, которому султанъ приказалъ, какъ онъ самъ выражался, посмѣшить капитана своими затѣями; и наивное сознание послѣдняго въ удовольствіи, которое испытывалъ султанъ при видѣ, какъ его англійская флегма преображалась въ неподдѣльную веселость—однимъ словомъ, ничего не было забыто, чтобы очертить передъ нами настоящую фizioномію султана Махмуда. Капитанъ прибавляетъ, что султанъ видимо очень любитъ своихъ дѣтей; наслѣдному принцу ²⁾ по его взгляду лѣтъ 14-ть и онъ находитъ большое сходство

¹⁾ Султанъ Махмудъ II (1808—1839) преобразователь Турецкой имперіи, уничтожившій многіе обычаи сложнаго восточнаго этикета, подъ конецъ своего царствованія въ 1836—1837 г.г. впадалъ въ болѣзненную меланхолію, лишавшую его возможности заниматься дѣлами правленія; врачи посовѣтовали ему предпринять путешествіе. (См. «Исторія Турціи отъ побѣды реформы въ 1826 г. до парижскаго трактата въ 1856 г.», Д. Г. Розена. 2 ч. Пер. съ вѣмецкаго. Слб. 1872 г., ч. 1, стр. 277—278).

²⁾ Впослѣдствіи султанъ Абдулъ-Меджидъ (1839—1861).

между нимъ и отцомъ. По мнѣнію капитана, выраженіе лица молодого принца—доброе и умное. Онъ просилъ капитана объяснить многіе предметы, которые особенно его интересовали. Приѣхавъ во дворецъ Бешикташъ, султанъ попросилъ капитана слѣдовать за нимъ и пожаловалъ ему великолѣпную табакерку, украшенную брилліантами въ турецкомъ стилѣ и много золота. Другія табакерки и денежныя награды были посланы корабельному инженеру, офицерамъ и экипажу. Всѣ расходы этого путешествія ¹⁾, говорятъ, были цѣликомъ взяты на себя въ суммѣ 800.000 піастровъ (около 200.000 руб. на наши деньги) новымъ капитанъ-пашою; но, если вѣрить слухамъ о послѣдствіяхъ этой прогулки, самымъ замѣчательнымъ обстоятельствомъ было то, что вмѣстѣ съ табакерками и деньгами на пароходѣ оставили и чуму.

Мы праздновали день рожденія его величества государя императора съ окнами, открытыми на Босфоръ; Реомюръ показывалъ свыше 14°. Великолѣпное солнце озаряло своими лучами гористые берега пролива. Но эта прелестная погода, составляющая единственную отраду этой несчастной страны, въ свою очередь перестаетъ веселить сердце, когда знаешь, что она только увеличиваетъ силу заразы. Въ ожиданіи благодѣтельныхъ морозовъ, еженедѣльные отчеты продолжаютъ показывать нѣсколько тысячъ жертвъ.

Если всѣ подробности этого письма покажутся вашему сіятельству слишкомъ мало интересными, осмѣливаюсь прибѣгнуть къ вашему снисхожденію, въ виду моей полнѣйшей невозможности сообщить въ эту минуту что-либо достойное вашего вниманія. Снова выражая вамъ мою неизяснимую благодарность и поручая себя вашей безцѣнной благосклонности, имѣю честь быть съ величайшимъ уваженіемъ и безпредѣльною преданностію.

2.

3 апрѣля 1840. С.-Петербургъ.

Великодушное участіе, которое ваше сіятельство соблаговолило выказать мнѣ въ продолженіе болѣе 4 лѣтъ, даетъ мнѣ смѣлость еще разъ прибѣгнуть къ вамъ, умоляя васъ повергнуть къ стопамъ его император-

¹⁾ Этимъ путешествіемъ особенно были довольны христіанскіе подданные султана, такъ какъ въ первый разъ султанъ поставилъ всѣмъ, сопровождавшимъ его, въ обязанность обходиться съ христіанами, не дѣлая преимуществъ магометанамъ.

скаго величества мои записки и наблюденія о Востокахъ, которыя я имѣю честь приложить къ этому письму.

Ваше сіятельство знаетъ, было ли мнѣ возможно оставаться въ министерствѣ народнаго просвѣщенія безъ всякаго назначенія и содержанія, какъ г-нъ Уваровъ ¹⁾ сообщилъ г-ну вице-канцлеру (графу Несельроде). Вы сами, князь, удостоили одобрить мое рѣшеніе, которое я долженъ былъ принять, — удалиться на нѣкоторое время отъ служебныхъ обязанностей.

Не менѣе справедливо то, что ваше сіятельство позволили мнѣ въ то же время надѣяться на ваше великодушное ходатайство передъ его величествомъ, когда по окончаніи моихъ трудовъ представится самъ собой благопріятный случай.

Какъ бы то ни было, князь, я не позволилъ себѣ ни малѣйшаго шага безъ вѣдома и одобренія вашего сіятельства. Развѣ не справедливо, что, лишенный теперь всякой возможности быть услышаннымъ, я осмѣливаюсь представить черезъ посредство моего благодѣтеля плоды моихъ долгихъ путешествій, плоды, которые достались мнѣ съ такимъ трудомъ и которые, очевидно, ни въ какомъ случаѣ не должны быть преданными забвенію.

Никакая личность рѣшительно не можетъ быть замѣшана въ этомъ дѣлѣ и успѣхъ его зависѣлъ бы только отъ той непредвѣльной благосклонности, которую ваше сіятельство уже столько разъ и такъ великодушно мнѣ оказывали.

Чувствуя необходимость заняться моимъ здоровьемъ, разстроеннымъ моею послѣднею побѣдкой въ Сирію и Египетъ, я желалъ бы употребить съ пользою періоды улучшенія моей болѣзни, чтобы испросить назначеніе на Западъ, подробности котораго изложены въ прилагаемой запискѣ.

Не говоря уже о моей почтительной симпатіи къ особѣ вашего сіятельства, разнообразіе изслѣдованій, поименованныхъ въ этой запискѣ, заставляеть меня желать получить это назначеніе исключительно подъ вашимъ покровительствомъ.

Во всякомъ случаѣ, дозвольте мнѣ еще увѣрить васъ, князь, что ваши благодѣянія не упадутъ на неблагодарную почву. Удостойте при-

¹⁾ Дѣйств. тайный совѣтникъ, членъ Государственнаго Совѣта, министр народнаго просвѣщенія Сергій Семеновичъ Уваровъ. В. Г. Тепляковъ былъ перемѣщенъ подъ начальство Уварова по возвращеніи изъ Константинополя въ концѣ 1839 г.; испрашивая командировки на Западъ съ цѣлью ученыхъ изслѣдованій и желая поправить тамъ здоровье, Тепляковъ не добился успѣха и вышелъ въ отставку, и въ маѣ 1840 г. отправился на свои средства въ Западную Европу.

нять чувства самаго глубокаго уваженія и безпредѣльной преданности, съ которою имѣю честь оставаться вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою.

Записка В. Г. Теплякова, приложенная къ письму ево къ князю А. Н. Голицыну отъ 3 апрѣля 1840 г.

Окончивъ порученіе, возложенное на меня относительно Востока, имѣю честь представить прилагаемыя при семъ результаты:

1) Записка о Серагѣ, излагающая вліяніе реформъ и нововведеній султана Махамуда на Турцію вообще, равно какъ и на Оттоманскій дворъ въ особенности. Сравненіе этого послѣдняго съ его прототипомъ дворомъ Византійскимъ. Послѣдовательное намѣненіе двора султана до нашихъ дней. Равныя памятники, какъ византійскіе, такъ и оттоманскіе. Библіотеки, топографія, этнографія и описаніе современнаго Сераля.

2) Подробности о реставраціи античныхъ памятниковъ въ Аемнахъ, въ концѣ 1836 г. и въ началѣ 1837 г.

3) Бѣглый взглядъ на правительство и на современную столицу Греціи.

4) Записка о Сиріи и Палестинѣ 1-я и 2-я часть.

Конечно, не мнѣ указывать на важность всѣхъ этихъ наблюденій, сдѣланныхъ на мѣстѣ и затрагивающихъ въ большинствѣ случаевъ современные политическіе интересы.

Окончивъ задачу мою на Востокѣ, въ зависимости отъ средствъ, находившихся въ моемъ распоряженіи и съ здоровьемъ, совершенно разстроеннымъ послѣдними мною путешествіями по Сиріи и Египту, я видѣлъ себя вынужденнымъ вернуться въ Россію. Уже раньше, испытавъ безрезультатно и воды Кавказа, и пребываніе въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ нашихъ южныхъ губерніяхъ, вижу необходимымъ послѣдовать совѣту докторовъ, хватаюсь, какъ за послѣдній якорь спасенія, для восстановленія моего здоровья—вліяніемъ лучшаго климата за границей.

Надѣясь, однако, воспользоваться минутами перерывовъ въ теченіе моей болѣзни, я желалъ бы ихъ посвятить службѣ государю и отечеству. Если бы дополнить къ моему званію Востока изученіе Запада, которое служило бы необходимымъ развѣщеніемъ и дополненіемъ перваго, то это помогло бы мнѣ исполнить мою задачу. Съ этой цѣлью позволяю себѣ представить нѣкоторыя подробности о характерѣ новаго порученія, которое я желалъ, чтобы было на меня возложено.

1) Извѣстно вліяніе, которымъ пользовалась торговля Венеціи и Генуи на судьбу Востока отъ XII-го столѣтія до паденія Византійской имперіи. Остатки множества вѣрностей, назначенныхъ для охраны учрежденій этихъ двухъ республикъ по побережью Чернаго и Азовскаго морей, до сихъ поръ указываютъ на сильное развитіе ихъ сношеній съ варварами, которые населяли берега этихъ морей. Монополія торговли, которая происходила въ былое время между Востокомъ и Западомъ находилась такимъ образомъ въ рукахъ Венеціи и Генуи. Извѣстно также, что послѣдняя изъ этихъ республикъ была въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Хивой, Бухарой, Тибетомъ, Грузіей, Персіей и даже съ Восточной Индіей. Лѣтописи Генуи повѣствуютъ, между прочимъ, что по принятіи власти дожа Ламбрусккини, агентъ банка св. Георгія поднесъ

ему матерію кашемира, которую герцогъ продѣлъ съвозъ свой перстень, служащій печатью республики. Вся эта торговля производилась исключительно по Черному морю, но слѣды ея прежняго пути потеряны. Слѣдовательно, было бы чрезвычайно интересно для Россіи, наследницѣ венеціанскихъ и генуэзскихъ владѣній по побережью обонхъ морей, получить на этотъ счетъ нѣкоторыя свѣдѣнія, чтобы узнать какой системы тогда держались и возобновить, если возможно, прежнія отношенія венеціанцевъ и генуэзцевъ съ названными странами центральной Азіи. Эти свѣдѣнія не повели бы можетъ ли къ чему, развѣ только къ подрыву монополіи британской торговли въ Азіи и даже въ Восточной Индіи. Во всякомъ случаѣ было бы очень интересно познакомиться съ организаціей банка св. Георгія, который управлялъ всѣми коммерческими учрежденіями Генуи, и говорить, что его архивы могли бы представить на этотъ счетъ данныя самой большой важности.

2) Въ нашихъ южныхъ губерніяхъ производство зерноваго хлѣба и всѣхъ продуктовъ его обработки такъ велико, что нужно во что бы то ни стало искать новые рынки для этихъ предметовъ. Мы, конечно, вывозимъ достаточное количество зерноваго хлѣба въ Италію, равно какъ и во Францію, но Алжиръ, страна, такъ сказать, вновь созданная, оставалась по сіе время почти не имѣющей значенія для нашей торговли. Итакъ было бы въ высшей степени важно для насъ открыть и устроить систему непосредственныхъ сношеній съ этой европейской колоніей въ Африкѣ, имѣя особенно въ виду продовольствіе экспедиціонной французской арміи. Не стану вовсе настаивать здѣсь на выгодахъ, которыя приобрѣла бы тутъ наша торговля потому, что кажется совершенно невѣроятнымъ, чтобы Франція такъ быстро пожертвовала бы своими побѣдами въ Африкѣ. Ея военныя дѣйствія въ этой странѣ осложняются съ каждымъ днемъ все болѣе.

Изложивъ такимъ образомъ эти предметы положительно необходимыя, я былъ бы одинаково заинтересованъ дополнить мои изученія Востока, сравнивая его памятники съ тѣми, которые меня ждутъ на Западѣ. Въ виду этого я желалъ бы:

1) Посѣтить памятники Рима, равно какъ и египетскія коллекціи Розеттны во Флоренціи и такія же Шамполіона въ Парижѣ.

2) Отыскать въ архивахъ Ватикана и другихъ бібліотекахъ Италіи свѣдѣнія о сношеніяхъ Востока съ Западомъ и особенно тѣхъ, которыя въ этомъ отношеніи могутъ имѣть связь съ исторіей Россіи. Такимъ образомъ архивы Венеціи были бы для нея въ высшей степени интересны своими данными о возникновеніи различныхъ славянскихъ народностей вдоль береговъ Адриатикн. Босняки, черногорцы, далматы и пр., болшею частью православные и схожіе съ нами своимъ языкомъ, обычаями и нравами, и намъ было бы очень важно знать ихъ разностороннія отношенія къ руссо-славянамъ, равно какъ и то значеніе, которое они первоначально имѣли въ своихъ сношеніяхъ съ Венеціей, Византійской имперіей и позже съ Турціей. Разнообразіе всѣхъ этихъ предметовъ ничуть не уменьшило бы моего рвенія посвятить имъ остатокъ моихъ силъ, съ цѣлью служить моему государю и быть, по мѣрѣ моихъ способностей, полезнымъ моему странѣ. Во всякомъ случаѣ мнѣ было бы болѣе чѣмъ тяжело отказаться отъ этого въ мои годы и не имѣть возможности оправдать въ глазахъ самого себя цѣль личнаго существованія.

Мои собственныя средства болѣе, чѣмъ ограниченныя, были бы, однако, достаточны для тѣхъ занятій, которыя я желалъ бы, чтобы мнѣ поручили, если ихъ можно было бы присоединить къ получаемому мною содержанію въ

качествѣ состоящаго въ императорской миссіи при Портѣ Оттоманской. Это содержаніе ограничивалось лишь тысячею рублями въ видѣ личнаго вознагражденія сверхъ бюджета министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ виду пользы новыхъ изысканій, подробности которыхъ я только-что изложилъ, и умѣренности пособія, мною испрашиваемаго, чтобы имѣть возможность предаться имъ, продолженіе этой помощи не встрѣтить, можетъ быть, затрудненія, если бы его сіятельству угодно было ходатайствовать объ этомъ у его величества государя императора. Повергнутыя къ его стопамъ мои замѣтки о Востокахъ могутъ служить доказательствомъ моего дальнѣйшаго усердія и способствовать можетъ быть къ увѣнчанію этой попытки успѣхомъ.

В. Г. Тепляковъ—А. П. Бутеневу ¹⁾.

1.

1 (13) апрѣля 1837. Парейскій рейдъ ²⁾.

Считаю своею обязанностью извѣстить ваше высокопревосходительство, что, прибывъ 21-го марта (6 апрѣля) въ Смирну, я остановился тамъ только для передачи депешъ. Нашъ бригъ «Оемистоклъ» уже снимался съ якоря, и я въ то же утро долженъ былъ отплыть въ Аены. Этотъ рейдъ не представляетъ рѣшительно ничего интереснаго, кромѣ развѣ тысячи разъ повторенныхъ историческихъ наблюденій, освященныхъ безсмертными и славными воспоминаніями. Мнѣ, однако, невозможно совершенно вполнѣ отказаться отъ впечатлѣній, вторично почерпнутыхъ мною въ предметахъ, съ которыми связываетъ меня симпатія къ несчастію болѣе, чѣмъ я это ожидалъ. Говорю къ несчастію, потому что всѣ эксцентрическіе инстинкты не только ни къ чему не ведутъ, но даже портятъ наши дѣла въ этомъ мірѣ. Какъ бы то ни было, однако, тысячу разъ благодарю васъ, господниъ посланникъ, что по вашему содѣйствію въ моей душѣ воскресли впечатлѣнія, которыя я считалъ уже умершими.

Мы прибыли въ этотъ рейдъ именно въ ту минуту, чтобы принять участіе въ заплатахъ въ честь короля Оттона, который проѣзжалъ на ка-

¹⁾ Аполинарій Петровичъ Бутеневъ (р. 1787 г., † 1866 г.)—дипломатъ, членъ Государственнаго Совѣта, состоялъ одно время въ дипломатической канцеляріи князя Багратиона до Бородинской битвы. Въ 1830 г. былъ назначенъ посломъ и полномочнымъ министромъ при Портѣ Оттоманской, оставался на этомъ посту до 1842 г.; былъ потомъ посланникомъ въ Римъ, а послѣ Крымской войны снова былъ назначенъ въ Константинополь; въ 1858 г. вернулся въ Россію; по случаю разстроеннаго здоровья жилъ за-границей, гдѣ и скончался. Бутеневъ былъ женатъ на Маріи Ириневиѣ, рожденной графинѣ Хрептовичъ.

²⁾ Письма В. Г. Теплякова къ А. П. Бутеневу приводятся въ переводѣ съ французскихъ черновыхъ подлинниковъ.

терѣ съ королевою и почти всей своей свитой, направляясь къ французскому кораблю, здѣсь стоящему. Французскій капитанъ имѣлъ честь угощать своихъ высокихъ гостей, и говорятъ, что за обѣдомъ хозяйкою была г-жа Лайроне. Сегодня кончается мой карантинъ на «Оемистоклѣ». Переѣхавъ въ городъ, надѣюсь обогатить мои письма большими подробностями относительно новыхъ наблюденій надъ этой страной. Но вѣрно то, что преобладающимъ моимъ желаніемъ будетъ—вернуться подъ покровительство вашего высокопревосходительства. Средства для того, чтобы сдѣлать на Востокѣ мое пребываніе полезнымъ—путешествіе въ Египетъ, которое должно его дополнить и потомъ—возвращеніе въ отечество; все зависитъ лишь отъ великодушія и расположенія вашего; каждый изъ вашихъ подчиненныхъ пользовался ими, почему же и я не осмѣлюсь взывать къ нимъ.

Могу ли я просить васъ, г-нъ посланникъ, представить мое уваженіе г-жѣ Бутеновой и пожелать милой маленькой Маріи не то, чтобы она сдѣлалась еще прелестнѣе, но, чтобы до моего пріѣзда ея очаровательная болтовня развилась бы еще болѣе.

2.

3 (15) мая 1837. Лейпцигъ.

Пользуюсь отъѣздомъ нашего курьера, чтобы выразить вашему высокопревосходительству, на сколько меня огорчаетъ невозможность возвратиться подъ ваше начальство такъ скоро, какъ бы я желалъ. Все, что въ этомъ городѣ заслуживаетъ вниманіе путешественника, было мною тщательно изслѣдовано; древности, конечно, могутъ представлять предметъ интереса для всей образованной Европы. Раскопки храма Побѣды по лѣвой сторонѣ Пропилей, такъ же, какъ реставрація всего этого зданія, придаютъ ему совершенно иной видъ, чѣмъ оно имѣло въ 1834 г. Теперь заняты раскопкою и реставраціей Эректаума, и самымъ замѣчательнымъ результатомъ этихъ послѣднихъ работъ является, безъ сомнѣнія, открытіе одной изъ Каріатидъ¹⁾, существованіе которой до сихъ поръ предполагалось въ Римѣ, основываясь на копіи, которую тамъ выдавали за оригиналъ. Опираясь на Павзанія, эти чудныя статуи, какъ и все остальное, будутъ водворены на свои мѣста. Громадное количество барельефовъ, статуй, мраморовъ съ надписями, сакрофаговъ было открыто послѣ послѣдняго моего путешествія въ Грецію: несомнѣнно, что археологія пріобрѣтетъ богатства, которыя не будутъ лишними даже для современныхъ искусствъ и знаній. Жаль только, что средства пра-

¹⁾ Каріатида—фигура женщины, а иногда мужьяны безъ рукъ, которая служила для поддержки сводовъ, карнизовъ, иногда прямо крыши зданія, вмѣсто столбовъ или пилястровъ.

вительства не соотвѣтствуютъ усердію изслѣдователей. По возвращеніи моемъ въ Константинополь я, конечно, сочту своимъ особеннымъ долгомъ представить вашему высокопревосходительству результатъ моихъ открытій въ этой прекрасной области прошлаго.

Разсказать ли вамъ, господинъ посланникъ, о современныхъ Аѳинахъ и о томъ разладѣ, который продолжаетъ препятствовать тамъ общественному прогрессу? Но въ этомъ отношеніи физіономія Греціи, повидимому, нисколько не утратила своего прежняго выраженія ненависти противъ милиціи и баварскихъ чиновниковъ; имъ единогласно приписываютъ безпорядка, на которые всѣ жалуются. Организациія государственной машины, повидимому, не соотвѣтствуетъ потребностямъ страны; расходы и приходы государства сходятся менѣе, чѣмъ когда-нибудь, между тѣмъ налоги на народную промышленность и пошлины на ввозную торговлю, видимо, возвышаются по мѣрѣ уменьшенія звонкой монеты. Нѣсколько домовъ, воздвигнутыхъ въ городѣ и въ Пирей, нѣсколько дорогъ, проведенныхъ въ окрестностяхъ столицы, нѣсколько магазиновъ, устроенныхъ въ чертѣ послѣдней—все это, кажется, не даетъ столь прочнаго довѣрія къ общественному строю и благоприятствуетъ иммиграціи, которая представляетъ одну и единственную надежду для счастья этой странѣ, столь мало населенной, какъ плодородной и богатой по природѣ. Г-въ Рутгаръ ¹⁾, которому я былъ представленъ по пріѣздѣ въ Грецію и котораго съ тѣхъ поръ я видѣлъ еще нѣсколько разъ, повидимому имѣетъ самыя лучшія намѣренія относительно Греціи. Однако, не взирая на это, даже враги покойнаго президента такъ его сожалѣютъ, что служить по немъ заупокойныя обѣды, и во время послѣдняго землетрясенія въ Идрѣ жители не переставали повторять, что это есть именно Каподистрія, который вліялъ на Мавромихали. Что говорить послѣ этого о негодяяхъ, которыхъ вы называете людьми; многіе изъ нихъ равнѣ достойны этого имени.

Я только что былъ представленъ ихъ величествамъ, королю и королевы влиновъ; король—давнишній мой знакомый; что касается королевы, Боже мой!.. все, что я ни сказалъ бы вамъ объ ея очаровательной наружности, было бы слабо и невзмѣримо ниже дѣйствительности. Цѣлуя руку ея величества, я невольно вспомнилъ слова того человѣка, который, какъ вы знаете, причинилъ когда-то мнѣ столько вреда. «Ахъ!»—восклицаетъ онъ въ подобномъ же случаѣ, — «такія ручки продолжаютъ цѣловать съ любовью и желательно было бы изъ одного поцѣлуя сдѣлать два». Разговоръ былъ слишкомъ ничтоженъ, чтобы приводить его здѣсь; можетъ быть другой разъ онъ будетъ интереснѣе, и я обещаю вамъ не уѣзжать изъ Аѳинъ, не увидавъ еще разъ прелестной королевы.

¹⁾ Министръ двора и иностранныхъ дѣлъ.

Переходя съ вершины Акрополиса ко дворцу короля, изъ прелестной деревни Кифисія (убѣжище правителей Аттики, моя новая симпатія) на дипломатическіе обѣды, я попалъ сегодня на открытіе Аѳинскаго университета. Послѣ обычнаго молебна, пять ораторовъ обратились къ королю, который на эстрадѣ былъ виденъ надъ публикой, съ рѣчью выпрепенною, кажется, единственно своею несбыкновенною длиннотою. Великія имена Мараона, Саламина, Фермопилъ и пр. слышались ежеминутно въ соединеніи съ терминами гораздо болѣе микроскопическими—логикой, риторикой и всѣмъ схоластическимъ хламомъ. Король отвѣчалъ по-гречески.

Здѣшнее общество, кажется, незначительно, а наступающія жары сдѣлають его еще болѣе рѣдкимъ. Домъ г-на Катакази служитъ почти единственнымъ убѣжищемъ, и я глубоко тронутъ тѣмъ вниманіемъ, которое онъ не перестаетъ выказывать мнѣ съ тѣхъ поръ, какъ я въ Аѳинахъ.

Не знаю, буду ли я имѣть время предпринять какія-либо поѣздки въ окрестности, которыя, впрочемъ, кажется я знаю достаточно хорошо, и не слишкомъ ропщу на нѣсколько случаевъ чумы, занесенной въ Парось кораблемъ, прибывшимъ изъ Сиріи. Однако, видимо это бѣдствіе усилило только карантинныя на всѣхъ островахъ и берегахъ Греціи.

Что касается стиховъ въ память великаго поэта ¹⁾, я, конечно, чувствую полную ихъ своевременность; но отвлеченный всѣми мелочами, противоположными поэзіи, могу ли я въ этотъ моментъ думать о нихъ. Богъ ли не хочетъ больше моихъ пѣсней, или я сталъ львомъ басни въ борьбѣ съ комаромъ, признаться вамъ я чувствую себя скорѣе глупымъ мужикомъ, нежели поетомъ, съ тѣхъ поръ, какъ я окунулся въ эту сферу этикета, окруженную грязью и чумою. Очевидно, что заключенный въ Византіи, гдѣ меня желали бы оставить въ качествѣ откормленной свинки, или отравить, если я задумаю чѣмъ-либо заняться (чему служить доказательствомъ мое удаленіе изъ этой столицы, именно когда пребываніе въ ней возможно); очевидно, повторяю, мнѣ волею или неволею придется на что-нибудь рѣшиться, и я давно бы это сдѣлалъ, если бы вы не приказывали мнѣ выжидать. Я кромѣ того такъ измучился, такъ измучился всѣмъ, такъ мое тѣло и умъ нуждаются въ отдыхѣ, что «щей горшокъ, да самъ большой», начинаютъ казаться мнѣ гораздо привлекательнѣе всего этого дыма, который затмеваетъ жизнь честолюбца. Когда-нибудь съ вашего разрѣшенія я вернусь къ этой дилеммѣ и буду продолжать въ моемъ собственномъ сердцѣ изучать сердца другихъ, такъ какъ созерцаніе развѣ не есть главная цѣль нашей жизни, по крайней мѣрѣ для мудрецовъ. Сообщилъ А. Ф. Шидловскій.

¹⁾ Т. е. Пушкина.

Библиографическій указатель книгъ и статей по русской исторіи, вышедшихъ въ 1896 году.

О несостоявшемся министерствѣ цензуры. Письма барона М. А. Корфа къ А. Г. Тройницкому. «Русск. Архивъ», 1896, № 6.

Прошеніе князя П. А. Вяземскаго въ Главное Училищъ Правленіе. — «Русск. Архивъ», 1896, № 6.

Любовязательность императора Николая Павловича. — «Русск. Архивъ», 1896, № 6.

Изъ разсказовъ графа Строгонова. — «Русск. Архивъ», 1896, № 6 и № 7.

Норскаго, А. Н. Дѣтство и отрочество императора Николая Павловича. «Русск. Архивъ», 1896, № 6.

Азовъ, А. Н. Историческая справка о перенесеніи праха князя и графовъ Орловыхъ изъ Отрады въ Юрьевъ монастырь. — «Русск. Архивъ», 1896, № 6.

Воспоминанія Ф. А. Оома. «Русск. Архивъ», 1896, № 6 и № 7.

Изъ переписки графа Н. П. Шереметева (въ царствованіе Екатерины Великой). — «Русск. Архивъ», 1896, № 6.

Письмо Екатерины Великой къ Шведскому королю. — «Русск. Архивъ», 1896, № 6.

Три письма Екатерины Великой къ Е. А. Щербину. — «Русск. Архивъ», 1896, № 6.

Юдичъ, П. А. Къ исторіи Пугачовщины. — «Русск. Архивъ». 1896, № 6.

Всеподданнѣйшее прошеніе философа Канта императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ (1758). — Юрій Бартоломъ. — «Русск. Архивъ» 1896, № 7.

Еще о перенесеніи праха князя и графовъ Орловыхъ. Замѣтка графа А. В. Орлова-Давыдова. — «Русск. Архивъ», 1896, № 7.

Записка А. Г. Тройницкаго объ участіи періодической литературы въ обсужденіи и разрѣшеніи крестьянскаго вопроса (1869). — «Русск. Архивъ» 1896, № 7.

Графъ Е. Е. Комаровскій. — «Русск. Архивъ», 1896, № 7.

Свѣдѣнія объ А. Д. Бестужевѣ-Рюминѣ. (Изъ «Чтеній» 1859 г. кн. 2-я записаны Н. С. Налетовымъ). — «Русск. Архивъ», 1896, № 7.

Письма А. Д. Бестужева-Рюмина къ Д. Ф. Шумилову, великому князю Константину Павловичу и императору Александру Павловичу. «Русск. Архивъ», 1896, № 7.

Донесеніе А. Д. Бестужева-Рюмина

министру юстиціи И. И. Дмитріеву. — «Русск. Архивъ» 1896, № 7.

Записки А. Д. Бестужева-Рюмина о Москвѣ 1812 года. — «Русск. Архивъ» 1896, № 7.

Изъ бумагъ и переписки графа Н. П. Шереметева (въ царствованіе Павла Петровича). — «Русск. Архивъ» 1896, № 7.

Любедкій Архивъ. — «Кіев. Старина», приложение 1896, май, Дневникъ генеральнаго подскарбіа Якова Марковича. Часть третья. — «Кіев. Старина» приложение. 1896, май и іюнь.

С. А. Бершадскій (Некрологъ). — «Кіев. Старина». 1896, май.

М., Н. Дзвобережная Украина въ XV—XVII ст. — «Кіев. Стар.» 1896, май
Храновичъ, Конст. Спитальческая судьба Волынской семинаріи. — «Кіев. Старина». 1896, май.

Изъ недавняго прошлаго Слободской Украины. — «Кіев. Старина». 1896, май.

Письма прот. Арсенія Лебедницкаго, бывшаго благочиннаго церкви южнаго берега Крыма, къ преосвящ. Иннокентію, архіепископу херсонскому и таурическому, съ донесеніями о ходѣ военныхъ дѣйствій и состояніи церквей и духовенства во время 11-мѣс. осады Севастополя. — «Кіев. Старина». 1896, май и іюнь.

Лалинъ, В. Харьковское общество благотворенія въ 1812—1817 гг. Истор. очеркъ. — «Кіев. Старина». 1896, май и іюнь.

Миронъ. Южнорусская пасхальная драма. — «Кіев. Старина». 1896, іюнь.

М., Н. Дзвобережная Украина въ XV—XVII ст. (Оконч.) — «Кіев. Старина». 1896, іюнь.

Лазаревскій, А. Частная переписка Ивана Романовича Мартоса (1817—1830 г.). — «Кіев. Старина». 1896, іюнь.

З., И. Гавриль, епископъ Имеретин (Некрологъ). — «Историч. Вѣстн.» 1896, май.

Я., Р. Д. Аскалонъ Николаевичъ Труворовъ (Некрологъ). — «Историч. Вѣстн.» 1896, май.

Рудаловъ, В. Е. Пятидесятилѣтіе археологическаго общества. — «Истор. Вѣстн.» 1896, май.

Тимирязевъ, В. А. Пionеры просвѣщенія въ Западной Сибири. — «Истор. Вѣстн.» 1896, май.

С., М. Н. На Чудскомъ озерѣ. — «Историч. Вѣстн.» 1896, май.

Полковникъ, В. П. Прошлое и настоящее города Верхогурья. — «Истор. Вѣстн.» 1896, май.

Сатинниковъ, Н. И. Воспоминанія пропащаго человека (прод.) — «Истор. Вѣстн.» 1896, май.

Шильдеръ Н. Е. Къ биографіи Шервуда-Вѣрнаго. — «Историч. Вѣстн.» 1896, май.

Баронъ Зедделеръ, Л. Д. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ (Отрывокъ изъ дневника). — «Историч. Вѣстн.» 1896, май.

Прозоровскій, Алекс. Сильвестръ Медвѣдевъ. Опытъ церковно-историч. изслѣдованія. (Продолж.) — «Чт. въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс.» 1896, кв. III.

Русское сказаніе о Лоретской Богоматери. Съ предисловіемъ А. И. Нирпичинова. — «Чт. въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс.» 1896, кв. III.

Сарайская и Брутицкая епархіи. Документы, извлеченные изъ Архива Моск. духовной Консисторіи свящ. Н. А. Соловьевымъ. — Вып. 2-й. — «Чт. въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс.» 1896, кв. III.

Проф. Птуковъ, Е. В. Изъ бумагъ П. І. Шафарика и В. В. Ганки. — Къ исторіи русско-чешскихъ ученыхъ и литер. сношеній въ первой половинѣ XIX в. — «Учен. Зап. Имп. Юрьевского Унив.» 1896, № 1.

Проф. Касов, Л. Обзоръ остзейскаго гражданскаго права. — «Учен. Зап. Имп. Юрьевского Унив.» 1896, № 1.

Даниловичъ, В. Е. Очеркъ исторіи Подолкии земли до конца XIV ст. — «Унив. Извѣстія». 1896, № 5.

Помомаревъ, С. И. П. А. Плетневъ и Н. С. Соханская (Кохановская). Ея автобиографія, посмертныя бумаги и письма. — «Русск. Обзор.» 1896, июнь.

Автобиографія. Тетрадь I. Н. С. Соханской (Кохановской). — «Русск. Обзор.» 1896, июль.

Владиміровъ, А. П. Исторія расплаченія западно-русскаго костела. Гл. X—XIII. — «Русск. Обзор.» 1896, июль и июль.

Еленовъ, Ф. П. Какъ проведенъ былъ финляндцами уставъ о воинской повинности 1878 года? — «Русск. Обзор.» 1896, июнь.

Дашкевичъ, Л. В. Выселеніе крестьянъ Кирсановскаго уѣзда въ связи съ общою переселенческою политикою. — «Русск. Обзор.» 1896, июнь.

Р., В. Очерки Привислянна. Гл. VII—VIII. — «Русск. Обзор.» 1896, июль и июль.

Свящ. Фудель, І. И. Основной во-

просъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. — «Русск. Обзор.» 1896, июль.

Письма къ Берггольцу (X—XII). Баронесса Эдиты Раденъ. (Перев. съ нѣмец. Е. Н. Б.). — «Русск. Обзор.» 1896, июль.

Свящ. Изетковъ, Н. Н. Высокопресвященный Алексій, архіепископъ литовскій и виленскій. — «Русск. Обзор.» 1896, июль и июль.

Православный. Два неизвѣстныхъ памятника древне-русской иконографіи. — «Русск. Обзор.» 1896, июль.

Материалы для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ дѣателей: 1) Изъ бумагъ А. Н. Муравьева. 2) Письмо къ С. О. Жалтухиному В. И. Аслемансаго. 3) Изъ воспоминаній объ А. Н. Островскомъ. И. И. — «Русск. Обзор.» 1896, июль.

Материалы для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ дѣателей: 1) Служебная и учено-литературная дѣятельность барона Ф. А. Бюлера. Д. Д. Языкова. 2) Черты охотничьей жизни. И. С. Тургенева. И. Ф. Рындам. — «Русск. Обзор.» 1896, июль.

Амучинъ, Д. Н. А. П. Богдановъ (некрологъ). — «Журн. М. Н. Пр.» 1896, июль.

Пятидесятилѣтіе Имп. Русск. Геогр. Общества. — «Журн. М. Н. Пр.» 1896, июль.

Шмурло, Е. Ф. Замѣтка по вопросу о началѣ русскаго флота при Петрѣ Великомъ. — «Журн. М. Н. Пр.» 1896, июль.

Миллеръ, В. Ф. Отголоски галицко-волынскихъ сказаній въ современныхъ былинахъ. — «Журн. М. Н. Пр.» 1896, июль.

Кобеле, Д. Ф. Разрѣшительныя грамоты іерусалимскихъ патріарховъ. — «Журн. М. Н. Пр.» 1896, июль.

Амучинъ, Д. Н. Къ вопросу о дикихъ лошадяхъ и объ ихъ прирученіи въ Россіи. — «Журн. М. Н. Пр.» 1896, июль.

Васильевъ, А. Вѣротерпимость въ законодательствѣ и жизни въ царствованіе императора Александра I-го (прод.). — «Наблюдатель», 1896 июль и августъ.

Дружининъ, Н. П. Личность крестьянина. — «Наблюдатель», 1896, августъ.

Слобожанинъ, М. Коренной вопросъ мѣстнаго управленія. — «Новое Слово», 1896, № 10, июль.

Александръ Ивановичъ Герценъ и Наталья Александровна Захарьина. (Изъ переписка). — «Новое Слово», 1896, № 9 июль и № 10, июль.

Обвиненій, П. Н. Калужское губернское по крестьянским дѣламъ присутствіе при В. А. Ардимовичѣ.— (Оконч.).— „Русск. Мысль“, 1896, июль.

Бриннеръ, А. Шведская война 1788—1790 г. г. (По новымъ даннымъ изъ французскихъ архивовъ).— (Оконч.).— „Русск. Мысль“, 1896, июль.

Письма И. С. Тургенева къ его французскимъ друзьямъ. (Съ предисловіемъ И. Д. Гальперина-Камнирскаго).— „Русск. Мысль“, 1896, июль и июль.

Вѣтринскій, Ч. Т. Н. Грановскій. (Западники и славнофилы въ 1844—1845 г. г.).— „Русск. Мысль“, 1896, июль и июль.

Филипповъ, А. Н. Къ вопросу о верховномъ тайномъ совѣтѣ. (По поводу „Легенды объ олигархическихъ тенденціяхъ верховнаго тайнаго совѣта въ царствованіе Екатерины I“) проф. А. С. Алексѣева. (Оконч.).— „Русск. Мысль“, 1896, июль.

Миллеръ, Всев. Ассирійскія заглаванія и русскіе народныя заговоры.— „Русск. Мысль“, 1896, июль.

Назавскій, Н. О. Народное образованіе въ Саратовской губерніи.— „Русск. Мысль“, 1896, июль.

Щербина, Ф. А. Семейныя раздѣлы у крестьянъ Воронежской губерніи.— „Русск. Богатство“, 1896, № 6 и № 7.

Протопоповъ, М. А. Назаръ русской поэзіи.— „Русск. Богатство“, 1896, № 6 и № 7.

Милетичъ, В. Проф. 40-хъ годовъ. (Т. Н. Грановскій).— „Русск. Богатство“, 1896, № 6 и № 7.

Королюкъ, Вл. Н. Волозовъ. Некрологъ.— „Русск. Богатство“, 1896, № 7.

Марышевъ, Н. А. Народно-хозяйственныя наброски. Къ изученію нашихъ отхожихъ промысловъ.— „Русск. Богатство“, 1896, № 7.

Проф. П. Н. Милоковъ. Очеркъ по исторіи русской культуры (прод.).— „Міръ Божій“, 1896, июль.

Ивановъ, И. Писемскій.— „Міръ Божій“, 1896, июль.

Льдовъ, К. Польскій публицистско-художникъ.— (Окончаніе).— „Сѣверн. Вѣстн.“, 1896, июль.

Дѣдловъ, В. Л. Соборъ св. Владимира въ Киевѣ и его дѣятели.— „Книжки Недѣли“, 1896, июль.

Стасовъ, В. В. Воспоминанія о моей сестрѣ. XII—XIII.— „Книжки Недѣли“, 1896, июль.

Коземиниковъ, Г. Анатолій Петровичъ Богдановъ. Некрологъ.— „Естествознаніе и Географія“, 1896, № 4.

Избранныя мѣста изъ писемъ іеросхимонаха отца Авросія.— „Душеполез. Чт.“, 1896, май.

Письма пресвященнаго Феофана-Завторника.— „Душеполез. Чт.“, 1896, май.

Письма и резолюціи Филарета митрополита московскаго. Сообщилъ архимандр. Григорій.— „Душеполез. Чт.“, 1896, май.

Свящ. Фаворскій, Д. Г. Святыи Стефанъ, просвѣтитель Перми.— „Православ. Благовѣстникъ“, 1896, № 7.— (Оконч.—см. № 6).

Изъ дневника Волна Андреевича Римскаго - Корсакова.— „Морской Сборн.“, 1896, июль.

Смирновъ, Я. И. Изъ побѣдки по Малой Азии. У Некрасовцевъ на островѣ Мада, на Бешейромъ озерѣ.— „Живая Старина“, 1896, вып. I.

Янишевскій, Е. П. Изъ архивныхъ дѣлъ Уральскаго горнаго правленія и Пермской контрольной палаты.— „Дѣятель“, 1896, № 6.

Щомина, Е. Памяти двухъ женщинъ врачей.— „Образованіе“, 1896, № 5—6.

Мерзловъ, П. Литературныя дебюты. А. Н. Островскаго. (По поводу десятилѣтія со дня его смерти).— „Образованіе“, 1896, № 5—6.

Савице, Григорій. Отчетъ о Воронежскомъ 2-хъ классовомъ сельскомъ училищѣ съ 1871—1896 г. Немировъ 1896.

Шляновскій, Д. П. Священное коронованіе и помазаніе русскихъ государей на царство.— Одесса. 1856.

Шапелловъ, А. Историческій очеркъ Одесской Маринской женской гимназіи.— Одесса. 1896.

Томашевъ, И. О. Историческое и археологическое описаніе Московскаго Ставропигиальнаго первокласснаго монастыря. Вып. II. Изданіе исправл. и дополн.— Москва. 1896.

Вольскій, І. Мѣстечко Янишки. Опытъ историко-статист. описанія.— Ковна. 1896.

Вѣнчаніе русскихъ государей на царство. Изданіе Виленьскаго Свято-Духовскаго Братства.— Вильна. 1896.

О всероссійскихъ патриархахъ и патриаршей ризницѣ.— Изданіе 2-е.— Москва. 1896.

В—цель, А. Къ учашимъ и учащимся въ народныхъ училищахъ, по поводу предстоящихъ торжествъ Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ.— Гродна. 1896.

Всемилоствѣннѣйшій манифестъ 14 мая 1896 года. Издаііе Л. П. Антонова.—Казань. 1896.

Г—въ, А. О священномъ коронованіи и помазаніи на царство русскихъ Царей и Императоровъ.—Москва. 1896.

Патридсаііилѣтіе священства Виленскаго кафедральнаго протоіерее П. Я. Левицкаго.—(Изъ „Лит. Еп. Вѣд.“ № 12. 14. 15).—Вильна. 1896.

Церковь Благовѣщенія Божіей Матери, что на Житномъ Дворѣ въ Московскомъ Кремлѣ.—Москва. 1896.

Свирогисъ, И. Я. Народный судъ литвиновъ надъ колдунами 1615 г.—Витебскъ. 1896.

Поруч. Ломанъ, Д. Ко дню священнаго коронованія и миропомазанія Изъ Императорскихъ Величествъ.—«Чтеніе для народа».—Спб. 1896.

Новолюбскій, В. Разсказы о Петрѣ Великомъ. Пятое изданіе.—Спб. 1896.

Кривенко, С. Н. М. Е. Салтыковъ.—(Жизнь замѣчательныхъ людей).—Спб. 1896.

Ратниковъ-Ромновъ, В. Вятскій Губернскій Статистическій Комитетъ. Историческій очеркъ.—Вятка. 1896.

Фирсовъ, Н. Н. Два коронованія отца императора Петра Великаго и Его Дочери. Историч. этюдъ.—Казань.—1896.

Остроградскій, А. На память о днѣ 14 мая 1896. Спб. 1896.

Игуменъ Петръ. Марія-пещерокопательница.—Павловскъ на Дону, 1896.

Свящ. Марковъ, П. Жизнеописаніе св. Стефана епископа Пермскаго.—Москва. 1896.

Свящ. Бобровъ, А. Крестьянинъ Іовъ Ивановичъ Шумовъ.—Биографическій очеркъ. Изд 2-е.—Москва. 1896.

Къ исторіи русско-китайской торговли (оконч.)—«Прав. Вѣстн.» № 175 п. № 176.

Первый русский кругосвѣтнѣй мореплаватель.—«Правит. Вѣстн.» 11 авг. 1896. № 176.

Святитель Феодосій Углицкій,

архіепископъ Черниговскій.—«Правит. Вѣстн.» 30 іюля 1896. № 166.

Тоже. Окончаніе. № 167.

Изъ исторіи коневодства въ Россіи.—«Правит. Вѣстн.» 26 іюля 1896. № 163.

—Тоже.—№ 164.

Храмъ святаго равноапостольнаго князя Владимира въ Кіевѣ.—«Правит. Вѣстн.» 16 іюля 1896. № 155.

—Тоже. Оконч. № 156.

Былины объ Иванѣ Гостинномъ сынѣ.—«Правит. Вѣстн.» 14 іюля 1896. № 154.

Трехсотлѣтіе со дня рожденія царя Михаила Феодоровича.—«Правит. Вѣстн.» 12 іюля 1896. № 152.

—Тоже. Оконч. № 153.

Основаніе русскаго флота. Историчес. очеркъ.—«Правит. Вѣстн.» 10 іюля 1896. № 150 и № 151.

Уголовное уложеніе. (Проектъ редакціонной комиссіи)—«Правит. Вѣстн.» 6 іюля 1896. № 147.

—Тоже. Окончаніе. № 148.

Русскій богатирскій эпосъ въ этнографическомъ отношеніи.—«Правит. Вѣстн.» 6 іюля 1896. № 147.

—Тоже. Окончаніе. № 148.

Розановъ, В. Надъ В. Стасова и основаніе «Высшихъ Женскихъ Курсовъ» въ Петербургѣ.—«Нов. Время», 9 авг. 1896. № 7346.

Изъ дневника епископа Порфирія.—Приложеніе къ газетѣ «Новое Время», 3 авг. 1896. № 7339.

П., М. И. Къ исторіи петербургскихъ увеселительныхъ садовъ.—«Новое Время». 1 авг. 1896. № 7337 и № 7341.

П., С. Русскій «Красный Крестъ».—Приложеніе къ газетѣ «Новое Время», 20 іюля 1896. № 7325.

Двухсотлѣтіе влѣтія Азова.—Приложеніе къ газетѣ «Новое Время», 20 іюля 1896. № 7325.

Дѣтство, отрочество и юность императора Николая Павловича.—Приложеніе къ газетѣ «Новое Время», 13 іюля 1896. № 7318.

Быковъ, П. Н. А. Погѣкинъ. Некрологъ.—«Новое Время», 11 іюля 1896. № 7316.

Менгли-Гирей посылает великому князю шестнадцать грамотъ, въ которыхъ подтверждаетъ шертнѣ договоръ о союзѣ, какой былъ съ отцомъ великаго князя; обѣщаетъ въ мѣсяцъ же воевать противъ Золотоордынскихъ царей и короля Сигизмунда; проситъ Іаскя III, чтобы онъ отлучился, на время, въ Крымъ царя Абдыль-Летифа для свиданія съ нимъ (даремъ Менгли-Гиреемъ) и матерью (царицею Нуръ-салтанъ); чтобы отдать деньги, заключенныя царемъ заложному воеводѣ Стефану за долги посланца великаго князя, Ларева и Карачарова; чтобы не брали въ Московіи съ товаровъ дара и его слугъ никакихъ пошлинъ; проситъ о присылкѣ поминковъ и о другихъ дѣлахъ.

Царюца Нуръ-салтанъ въ своей грамотѣ великому князю московскому проситъ отлучиться въ Крымъ для свиданія съ нею царя Абдыль-Летифа: „Какъ изъ свнцу своему Абдыль-Летифу добра хочю, такъ изъ и тебѣ брату своему добра хочю; каково государя моего царя зрямчѣ просити его и шеть, и ти бы нѣаково не учинилъ, съ Магмедшю бы еси Абды-Летифа присалалъ; докожъ еси жива, и изъ бы дотолѣ его еще видѣла. А послѣ того брата моего, у меня братья ли лучше естъ тебѣ?“

Крымскіе царицы, царицы и вельможи присылаютъ также и свои грамоты: съ измѣненіемъ дружбы, вредоменіемъ услугъ или съ просьбою поминковъ.

Василій Іоанновичъ, вмѣстѣ съ боярами, рѣшается ¹⁾ дѣло о царѣ Абдыль-Летифѣ (излагается исторія всего этого дѣла); онъ беретъ съ Абдыль-Летифа и крымскихъ пословъ шертъ ²⁾ о томъ, что впродъ царь будетъ вѣрно служить великому князю, который назначаетъ ему для проживанія городъ Юрьевъ, между тѣмъ какъ крымскіе послы, при переговорахъ, просили городъ Каширу ³⁾

„И дѣловалъ крестъ князь великій на шертной грамотѣ царю Менгли-Гирею генваря 14, въ пятницу, передъ его послы, нерекъ Магмедшю съ товарищи“ — такъ оканчивается интересный документъ о посольствѣ отъ Менгли-Гирея.

Чтобы познакомить читателей съ т у р е ц к и м и дѣлами, остановимся на посольствѣ 1512—1513 г. отъ великаго князя Василія Іоанновича къ Султану Селиму I ⁴⁾ съ дво-

¹⁾ „А декабря 21, въ чет., на Петрову память чудотворцену, приговорилъ князь великій зъ бояры о даремъ о Абды-Летифовѣ дѣлѣ“ и т. д.

²⁾ „А се завясы, на которой царь Абдыль-Летифъ шертъ далъ. Изъ Абдыль-Летифъ царь, Ибравишю царемъ снѣтъ. Что есиа передъ великимъ княземъ Васильемъ Іоанновичемъ всея Русіи проступилъ и былъ есиа у него на свою проступку въ пятствѣ“.

³⁾ „И князь великій ему о Коширѣ (въ подлинныхъ грамотахъ Бошира, не Кашира) отговорилъ“.

⁴⁾ Въ подлинной рукописи вездѣ онъ называется неправильно Салимъ-шахъ.

рлинномъ Михаиломъ Ивановичемъ Алексѣевичемъ. „Іюля 7021, декабря 18, приговорилъ князь великій Василій Іоанновичъ всея Русіи съ своимъ братіемъ и съ бояры, что пригоумъ послати къ турецкому салтану съ грамотою въ Царьгородъ къ Салимъ-шахъ-хандиерию своего человека“.

Въ „памяти“ М. И. Алексѣеву великій князь даетъ такую инструкцію: „Говорить ему отъ великаго князя турецкому салтану Салимъ-шахъ-бегу-хандиерию: Василей, Божьемъ милостыю единый правый государь всея Русіи и нимъ многими восточными и стверными государь и великій князь, тебѣ Салимъ-шахъ-хандиерию великоименитому въ бесарменскихъ государехъ великъ поклонитися. А поклонитися Михайлу, руки пригнувъ къ себѣ выше пояса, по изъ обычаю. А на колѣняхъ ему не ставится, ни въ землю челомъ не ударити“.

Въ грамотѣ къ султану Василій Іоанновичъ поздравляетъ его со вступленіемъ на престолъ и нѣтъкаетъ о своемъ вступленіи, предлагаетъ ему быть въ такихъ же дружескихъ отношеніяхъ, въ какихъ были ихъ родители.

Дворянинъ М. И. Алексѣевъ и крымскіе послы, возвращавшіеся вмѣстѣ съ нимъ въ Крымъ, посылаютъ изъ Путивля къ великому князю грамоты о томъ, что они подверглись во владѣніяхъ князя Василія Іоанновича Шемлячча разнымъ оскорбленіямъ и насиліямъ; послали и ихъ лошадамъ корма не давали, по приказу князя ихъ изъ городъ выбивали.

Вотъ заключительныя слова грамоты Алексѣева: „Да бы челомъ тебѣ государю моему холопю твой Михаилъ: семеро лошадокъ, государь, было на чемъ ѣхати, ино, государь, одну Кудюру ¹⁾ неволею далъ, а не далъ бы, государь, и онъ бы лучше того взялъ; а другую въ прощѣ лошадамъ и собѣ продалъ, занже, государь, корнито ихъ нечимъ, три ковы взялъ. А нинѣ, государь, смилуйся, на прощѣ да на лашадку пожалуй, какъ тебѣ государю Богъ на сердце положить. А изъ тебѣ моему государю холопю твой много челомъ бью. А сверхъ того, государь, спрашывай своего пристава Волка подъячего“.

Въ библиографической замѣткѣ невозможно подробно передать содержаніе разсматриваемаго нами тома, но и приведенныхъ выписокъ, полагаемъ, достаточно, чтобы судить, насколько интересны помѣщенные въ „Сборникъ“ документы.

Книга издана на хорошей бумагѣ, напечатана четкимъ шрифтомъ и снабжена прекрасною составленнымъ указателемъ личныкъ именъ.

Н. И-ш-ъ.

¹⁾ Гонецъ въ Москву отъ крымскаго царя Менгли-Гирея; былъ отпущенъ въ Крымъ вмѣстѣ съ посломъ въ Турцію М. И. Алексѣевичемъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

РУССКАЯ СТАРИНА

1896 г.

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ:

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка принимается: для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Фонтанка, д. № 145, и въ книжнотъ магазинѣ А. Ф. Цинзерлинга (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Коха), Н. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. Ф. В. Духовникова (Наѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

Гр. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала «Русская Старина», Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы въ біографіяхъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Озвѣны о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получать въ конторѣ редакціи слѣдующія изданія журнала:

«Русская Старина» 1876 г., второе изд. (35 экз.), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1877 г., 12 книгъ (24 экз.), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1878 г., 12 книгъ (20 экз.), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1879 г., второе изд. (1 экз.), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1880 г., 12 книгъ (40 экз.), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1881 г., 12 кн., изд. второе (13 экз.), съ портр., 9 руб.
«Русская Старина» 1884 г., 12 книгъ (38 экз.), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1885 г., 12 книгъ (38 экз.), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1888 г., 12 книгъ (45 экз.), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1889 г., 12 книгъ (206 экз.), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1890 г., 12 книгъ (144 экз.), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1891 г., 12 книгъ (25 экз.), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1892 — 1896 гг., 12 книгъ, съ портретами, 9 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXVII-й.

Н О Я Б Р Ъ .

1896 годъ.

СО Д Е Р Ж А Н И Е :

I. Памяти императрицы Екатерины II 1798—6 ноября—1896 г. Проф. В. А. Вильбасова.....	241—280	X. Кочина Екатерины II и изображение Павла I. Сообщ. Н. К. Шильдеръ... 472—480
II. Сто лѣтъ тому назадъ (Изъ записокъ Д. П. Рунча).....	281—319	XI. Записная книжка „Русской Старины“: Раскрытие Екатерины псковскому губернатору Пиллю отъ 3 августа 1787 г. (стр. 320) — Самовлавецъ графъ Шидловскій (Высочайшій указъ псковскому губернатору отъ 11 сентября 1787 г.). (366). Высоч. указъ псковск. губери. Пиллю отъ 26 апр. 1788 г. О сборѣ податей всякомъ новостомъ и бавковымъ ассигнаціями. (390) — Занятія о семействѣ Шкурныхъ П. Майкова. (421) — Высочайшій указъ псковскому губернатору Пиллю отъ 20 июля 1788 г. по поводу патриотическаго предложенія псковскаго дворянства поставить рекрутъ внѣ очереди (446).
III. Товарищи и вѣнцы Н. М. Новикова. (Изъ взаимная переписка).....	321—365	XII. Библиографическ. листокъ (на оберткѣ).
IV. Дѣя характеристики. Сообщ. Н. К. Шильдеръ.	367—379	
V. Письма И. И. Бончаго къ императрицѣ Екатеринѣ Второй. П. М. Майкова.	381—420	
VI. Походы Екатерины II по Волгѣ и Дятлу. (1767—1787 гг.). Проф. В. А. Вильбасова.....	423—445	
VII. Къ исторіи царствованія императрицы Екатерины II (Писемъ, свѣдѣнъ и пр.).	447—462	
VIII. Последніе „Голштинцы“. Проф. В. А. Вильбасова.....	463—466	
IX. Письма архіепа. могилевскаго Георгія Монисскаго къ В. Г. Рубану. Сообщ. В. Медведовскій.	467—471	

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Императрицы Екатерины II. Гравир. К. Адтъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1896 г.

Можно получить журналъ за вѣтшіе года, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по поведѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 по полудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Печать»,
Большая Подъячская, 39

1896.

XI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го ноября 1896 г.

Библиотека "Руниверс"

Библиографическій листокъ.

„Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“. Томъ девяносто седьмой. С.-Петербургъ. 1898 года. XXI+543.

Передъ нами 97-й томъ „Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“, заключающій въ себѣ политическую переписку императрицы Екатерины II, — именно шестую часть, обнимающую собою періодъ времени съ 7-го сентября 1769 г. до 16-го декабря 1771 г.

Несмотря на такой, сравнительно, небольшой періодъ времени, книга содержитъ въ себѣ такъ много въ высшей степени интереснаго историческаго матеріала, что трудно познакомить читателя вполне съ ея содержаніемъ. Поэтому мы останавливаемся преимущественно на документахъ, съ которыми поручено написанныхъ великою императрицею, со смерти которой, 6-го ноября 1796 года, прошло цѣлое столѣтіе.

Во многихъ изъ этихъ документовъ обрисовывается личность Екатерины II съ различныхъ сторонъ. На прошеніе князя Владимира Сергѣевича Долгорукова, бывшаго посланникомъ въ Берлинъ, она пишетъ: „Monsieur le comte Panin. Dites lui de ma part que comme je ne demande point que mes ministres dépensent au delà de ce que je leur donne, je ne prétend point non plus payer leurs dettes“¹⁾.

Въ письмѣ отъ 18-го января 1770 г. императрица спрашиваетъ графа П. А. Румянцева о положеніи дѣлъ подъ Ибраиломъ: „надѣетесь ли вы получить еще въ своихъ рукахъ Ибраилъ и находите ли за нужней сей постъ для будущаго пребыванія лѣтомъ арміи въ Молдавіи?“. Черезъ три дня послѣ этого письма, препроводила графу Румянцеву „артиллерію трубу, которая лучше и способнѣе къ переноскѣ я еще не видывала“, — она сообщаетъ ему о полученныхъ изъ Царяграда извѣстіяхъ: „... тамошній народъ подлой французскаго посла поколотивъ такъ, какъ прошедшаго лѣта цесарскаго... Султанъ публиковалъ указъ, чтобы его войска переклоли всѣхъ молдавоу и волохъ выше семи лѣтъ, а ниже, также и женъ, чтобы въ полонъ брали. Сей безумной указъ, чаю, принудить и тѣхъ, кои бы не хотѣли за насъ бороться“.

¹⁾ Г. графъ Шанинъ. Скажите ему (Долгорукову) отъ моего имени, что такъ какъ я не требую, чтобы мои министры расходовали болѣе, чѣмъ сколько я имъ даю, то я не нахожу нужнымъ и улачивать ихъ долги.

Въ секретномъ письмѣ къ тому же Румянцеву отъ 25-го февраля 1770 года, по поводу желанія принца Вильгельма брауншвейгскаго поступить волонтеромъ въ русскую армію, Екатерина увѣдомляетъ графа о своемъ согласіи и дѣлаетъ слѣдующую характеристику принца: „онъ уменъ, но, сказываютъ, безпокоенъ, коварнаго и интригантнаго нрава, людей ссоривать лучшая забава, притомъ же весьма амбиціозенъ... весьма вѣтрененъ, ибо уже въ Берлинѣ хвастался, что онъ конечно учинится княземъ волохскимъ и молдавскимъ“.

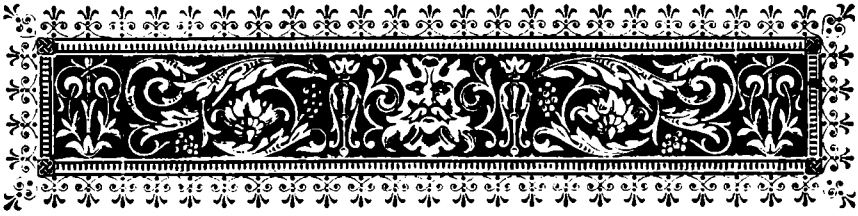
За день передъ этимъ (24-го февраля) она спрашивала графа Румянцева, нельзя ли употребить на военные расходы часть доходовъ¹⁾ съ Молдавіи и Валахіи, а чрезъ три дня высказываетъ ему свои заботы объ устройствѣ провіантскихъ магазиновъ въ этихъ государствахъ: „Бога для употребите всѣ возможные способы, чтобы вамъ ни въ чемъ недостатка не было. Кажется, въ Валахіи нѣсколько хлѣба еще быть можетъ“.

Письмомъ изъ Берлина къ вице-канцлеру кн. Ал. Мих. Голицину отъ 20-го февраля кн. Дм. Ал. Голицинъ сообщалъ, что принцъ Генрихъ (пруссійскій) сказалъ ему, что король отправляетъ его лѣтомъ въ Стокгольмъ для внушенія миролюбивыхъ чувствъ королевы, ихъ сестры, и чтобы она не отклонялась отъ приверженцевъ императрицы Екатерины. Принцъ сказалъ, что онъ доволенъ этимъ порученіемъ, но былъ бы еще болѣе доволенъ, если бы ему удалось по этому случаю побывать и въ Петербургѣ, единственно для засвидѣтельствованія своего почтенія императрицѣ. Но это было возможно только при условіи, если бы Екатерина, по прибытіи принца въ Стокгольмъ, попросила объ этомъ короля. Принцъ закончилъ просьбою, чтобы князь Голицинъ донесъ императрицѣ объ этомъ его желаніи, единственная цѣль котораго — познакомиться съ великою императрицею, и во всякомъ случаѣ хранить эту просьбу въ строжайшей тайнѣ, дабы не компрометировать его передъ королемъ, который рѣшительно ничего объ этомъ не знаетъ. На эту просьбу въ письмѣ къ князю Дм. Ал. Голицину Екатерина отвѣтила такъ: „Dites à la Personne en question que tout sera expédié à la lettre selon ses désirs, que je sens beaucoup de plaisir et de satisfaction de son idée et que je me flatte d'en avoir encore plus dans quelque tems“.

¹⁾ „Сказываютъ, что болѣе трехъ милліоновъ туркамъ было дохода съ сихъ князей“.

Екатерина

ПАМЯТИ
ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II.
(1796—6 ноября—1896).

Въ четвергъ, 6-го ноября, вечеромъ, Екатерина умерла. Смерть не исполнила ея желанія: «Когда пробьетъ мой часъ—писала она—я удалю отъ своего смертнаго одра всѣхъ слабонервныхъ—пусть только закаленные сердца и улыбающіяся лица присутствуютъ при моемъ послѣднемъ вздохѣ». Между тѣмъ, крѣпкое сложеніе и здоровое тѣло боролось болѣе сутокъ и лишь спустя 35 часовъ послѣ поразившаго ее удара отлетѣлъ этотъ послѣдній вздохъ. Современники, родные по крови и близкіе по сердцу, противные по чувству и чуждые по уму, всѣ, безъ различія, съ одинаковымъ ужасомъ, рыдая, смотрѣли на бездыханный труиъ императрицы. Мы, потомки тѣхъ неложныхъ свидѣтелей и дѣятельныхъ участниковъ ея царствованія, мы и спустя сто лѣтъ съ сокрушеніемъ помываемъ тотъ печальный день, когда перестало биться сердце, горячо любившее Россію.

Екатерина всѣмъ обязана Россіи—почетомъ, могуществомъ, славою, рѣшительно всѣмъ, даже своимъ именемъ. Могла-ли она не любить Россію? Кто зналъ, кто интересовался нѣмецкой принцессой Софіей-Фредерикой изъ захудалаго ангальтъ-цербстскаго рода? Кто не зналъ, кто не преклонялся предъ всероссійской императрицей Екатериной Второй? Германскій императоръ Іосифъ II самъ испыталъ и собственноручно засвидѣтельствовалъ значеніе этого превращенія: въ интимной запискѣ къ своей матери, Маріи-Терезіи, онъ называетъ Екатерину «ангальтнячкой»; въ служебномъ письмѣ къ Кауницю—la princesse de

Zerbat Catherinisée, и въ предсмертномъ посланіи къ Екатеринѣ II, тотъ же Иосифъ называетъ себя *le plus loyal de ses amis et le plus juste de ses admirateurs* и молитъ русскую императрицу помочь его преемнику и поддержать его монархію.

«Ангальтинка» вполне сознавала, чѣмъ она обязана Россіи, и всецѣло посвятила себя своему новому отечеству. Она безповоротно отказалась отъ своего родового гнѣзда, искренно отреклась отъ лютеранства и всѣмъ сердцемъ прильпилась къ православной Россіи. Не фальшивою нотой, не пустою фразою звучитъ ея всенародное исповѣданіе въ одномъ изъ первыхъ ея манифестовъ по воцареніи: «Не снисканіе высококаго имени обладательницы Россійской; не приобрѣтеніе сокровищъ, которыми паче всѣхъ земныхъ намъ можно обогатиться; не властолюбіе и не иная какая корысть, но истинная любовь къ отечеству понудила насъ принять сіе бремя правительства. Почему мы не токмо все, что имѣемъ или имѣть можемъ, но и самую нашу жизнь на отечество любезное опредѣлили, не полагая ничего себѣ въ собственное, ниже служа себѣ самимъ, но всѣ труды и попеченія подъедемъ для славы и обогащенія народа нашего». Екатерина сдержала свое слово, и Россія, дѣйствительно, многимъ ей обязана.

Заслуги Екатерины относительно Россіи лучше всего опредѣляются сравненіемъ ея дѣятельности съ трудами Петра Великаго. Въ этомъ случаѣ сравненію подлежатъ однородныя величины, но поставленныя въ разныя условія. Они «пахали одну борозду», и результатъ ихъ дѣятельности ясенъ и можетъ быть точно опредѣленъ.

Та Русь, которую принялъ первый императоръ, и та Россія, которую оставила по себѣ послѣдняя императрица—двѣ величины совершенно разныя. Географическое положеніе Московіи въ концѣ XVII столѣтія имѣло довольно жалкій видъ: по Ладожскому озеру и по Невѣ плавали шведскія галеры; западная граница тянулась по восточнымъ окраинамъ Балтійскихъ провинцій, принадлежавшихъ Швеціи; Псковская и Смоленская губерніи граничили съ владѣніями Польши; далѣе порубежная линія направлялась по Деснѣ къ югу, близъ Кіева, по Днѣпру, и отъ Переволочны шла къ сѣверу «украинская» линія до Донца, а къ югу была уже турецкая граница, за которой кочевали ногайскіе татары. На востокъ рядъ засѣкъ и сторожевыхъ постовъ не вполне защищалъ отъ набѣговъ киргизъ, и рѣдкому каравану удавалось пройти въ Уфимское укрѣпленіе безъ стычекъ съ башкирами. Открытый выходъ къ морю былъ только на сѣверѣ, у Архангелогородскаго порта, свободнаго отъ льда не болѣе трехъ мѣсяцевъ въ году. Въ концѣ же XVIII столѣтія географическій видъ Европейской Россіи былъ, въ главныхъ чертахъ, тотъ же, что и въ настоящее время: доступы къ Балтійскому и Черному морямъ открыты, нѣтъ и помину ни

о шведах на Ладогѣ, ни о татарахъ-данникахъ Порты; нѣтъ вовсе ни Латовскаго княжества, ни Польскаго королевства, и западная граница примыкаетъ къ Пруссіи и Австріи.

Трудами Петра и Екатерины измѣнился до неузнаваемости и ввѣтренный бытъ. Въ этомъ отношеніи ихъ труды, однако, и по характеру, и по задачамъ отличаются другъ отъ друга, хотя оба они преслѣдовали одну и ту же цѣль.

Тонкая и обширная наблюдательность Екатерины II, вмѣстѣ съ ея крѣпкой и дѣятельной волей, выразившейся въ рѣшительной энергіи и самоувѣренномъ мужествѣ, рисуютъ предъ нами практическаго дѣятеля, значительно возвышающагося надъ окружающею средою и способнаго поработить робкихъ, привязать смѣлыхъ, увлечь всѣхъ. Въ этомъ отношеніи Екатерина напоминаетъ Петра; разница только во времени и мѣстѣ дѣйствія—дѣйствующія лица по способностямъ равны, но арена дѣйствія значительно измѣнилась.

Съ тѣхъ поръ какъ славный Ордынь-Нащоклинъ совѣтовалъ подражать Западной Европѣ, а патріархъ Никонъ «испроказилъ» древнее благочестіе новшествами, прошло цѣлое столѣтіе, полное коренныхъ преобразованій и повернувшее русскую жизнь съ Востока на Западъ. При появленіи Петра, къ «новому» только стремились; при появленіи Екатерины—съ нимъ уже сжились, къ нему привыкли. Разложеніе общественныхъ нравовъ, столь естественно проявившееся въ переходную эпоху Петра и столь ярко обрисованное въ проповѣдяхъ Стефана Яворскаго, въ твореніяхъ Теофана Прокоповича, въ трудахъ Дмитрія Ростовскаго, если и не улеглось еще, не прекратилось вполнѣ въ эпоху Екатерины, то значительно видоизмѣнилось, приняло другую окраску, ту, которая отмѣчена въ укоризнахъ князя Щербатова, въ запискахъ князя Шаховскаго, въ письмахъ Андрея Болотова. Этотъ переворотъ произошелъ не вдругъ, совершался медленно, для современниковъ былъ во многомъ почти незамѣтенъ; но при сравненіи петровскихъ проповѣдниковъ съ екатерининскими мемуаристами, происшедшая въ обществѣ перемѣна бросается въ глаза.

Этой происшедшей уже перемѣною обуславливалась также разница въ задачахъ и въ самой формѣ дѣятельности, проявленной Петромъ I и Екатериною II. Петръ, явившійся въ началѣ преобразовательнаго движенія, долженъ былъ браться за все, торопиться, не имѣя возможности не только обдумать общій планъ, но даже согласовать подробности. Онъ учреждаетъ Сенатъ и забываетъ дать ему наказъ; назначаетъ сенаторовъ, «вмѣсто его императорскаго величества персоны», и вводитъ въ ихъ число лицъ совершенно безграмотныхъ. Какимъ-то случайнымъ характеромъ отмѣчены важнѣйшія его реформы: по слову философа Лейбница уничтожены приказы и созданы коллегіи; по письму

митрополита Стефана—патріаршество замѣнено Синодомъ. Законодательныя работы Петра еще рѣзче указываютъ характеръ его преобразовательной дѣятельности: здѣсь уже вовсе не видно никакой системы, все временно, все случайно—издаются не общія юридическія положенія, для всѣхъ обязательныя, а административныя распоряженія по даннымъ частнымъ случаямъ. Дѣла было такъ много и дѣло было такое разнообразное, что некогда было думать о системѣ, о строгѣ, о планѣ. Екатерина, явившаяся на русскую историческую сцену въ то уже время, когда жизнь значительно улеглась въ новыхъ формахъ, когда новый кафтанъ уже нѣсколько обносился, къ нему уже попривыкли, могла оглядѣться, одуматься прежде, чѣмъ начать дѣйствовать. Во всей ея преобразовательной дѣятельности видна выработанная система, обдуманый планъ, заранѣе намѣченная задача. Она не бросается изъ стороны въ сторону, не торопится: она подробно изучаетъ вопросъ, всесторонне обсуждаетъ его, и если создаетъ новыя учрежденія, то для всей имперіи, если издастъ законы, то обязательныя для всего населенія.

«Безпримѣрная во владыкахъ земныхъ Екатерина II», какъ отозвался о ней просвѣщенный современникъ, сообщая подробности о ея кончинѣ, Екатерина, всею своею дѣятельностію, всѣмъ своимъ царствованіемъ, не только съ успѣхомъ продолжала начатое Петромъ Великимъ преобразование Россіи, но и указала своимъ преемникамъ единственно неложный путь, слѣдуя по которому достигается благоденствіе русскихъ людей и слава русскихъ государей.

Говорили при жизни Екатерины, говорили по ея кончинѣ и продолжаютъ повторять донинѣ, будто своими блестящими успѣхами во внѣшнихъ дѣлахъ и славными преуспѣваніями во внутреннихъ Екатерина обязана исключительно своему счастью. Еще Суворовъ говорилъ: «Богъ мой, не все же счастье, надобно и умѣнье»; сама же Екатерина признавала, что «лучшими ея учителями были несчастье и уединеніе». Факты, всѣмъ въ настоящее время извѣстныя и никѣмъ не оспариваемыя, свидѣтельствуютъ, что именно въ первые 18 лѣтъ своего пребыванія въ Россіи, съ 1744 по 1762 годъ, «несчастливая» Екатерина, всѣми оставленная, въ уединеніи, имѣла время не только присмотрѣться къ новой для нея обстановкѣ, изучить русскую жизнь и познать русскихъ людей, но и серьезно подготовиться къ всевозможнымъ случайностямъ и къ неожиданно выпавшей на ея долю дѣятельности.

Менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ принцесса дербстская была перевезена изъ Цербста въ Москву. Это не былъ переездъ изъ одного города въ другой—это было переселеніе въ совершенно иной міръ, съ инымъ понятіями, правами и обычаями, гдѣ люди чувствовали и мыслили иначе, иначе оцѣнялись, иначе ѣли. Фантастическія путешествія Жюль Верна

не производят на насъ такого сильнаго впечатлѣнія, какое должно было произвести русское общество половины прошлаго вѣка на 14-лѣтнюю принцессу, хотя «*toute faite*», какъ писалъ о ней Фридрихъ II. Золото и парча, вѣга и роскошь ослѣпляли и плѣняли глазъ прежде, чѣмъ удавалось разсмотрѣть, что это не золото, а позолота, не вѣга, а развратъ. Это былъ омутъ, въ которомъ не легко было осмотрѣться, съ которымъ трудно было освоиться, еще труднѣе было сжиться; омутъ моральный еще болѣе, чѣмъ политическій и экономическій. Интриги и козни, пересуды и сплетни составляли основу людскихъ отношеній; поступки и дѣла оцѣнивались по степени успѣха; нравственное чувство замѣнялось вѣшнимъ приличіемъ, служеніе дѣлу — угодливіостью лицамъ, религіозность — ханжествомъ. О любви, о сердечной привязанности не могло быть и рѣчи тамъ, гдѣ мать наталкивала дочь на любовника, лишь бы имѣть внука. Невѣжество царить во всѣхъ слояхъ общества и высоко поднимаетъ голову даже у ступеней трона; архіерей официально сознается синоду, что онъ «главою весьма немощенъ». Нигдѣ никакой дисциплины: полковникъ оскорбляетъ генерала; архіерей бьетъ по щекамъ воеводу; воеводскій товарищъ замучиваетъ до смерти священника; члены коллегій и канцелярій небрегутъ службою, отчего происходитъ великая волокита въ дѣлахъ; на «реприманды» сената никто не обращаетъ вниманія. По годамъ не производятся счеты и сборы подушныхъ денегъ; арміи обкрадываются военачальниками; корабли гниютъ въ гаваняхъ; земледѣліе отягощается неуставленными поборами; полиція въ постоянной стачкѣ съ ворами и мошенниками; солдаты, не получая ни раціоновъ, ни пайка, грабятъ, бунтуютъ и разбойничаютъ; промышленность страдаетъ отъ недостатка рукъ, которыя всѣ обратились къ хищенію и легкой наживѣ. Нигдѣ и ни въ комъ ни чувства долга, ни сознанія своего достоинства.

Такова среда, въ которой предстояло жить юной нѣмецкой принцессѣ. Ближайшая придворная обстановка не была лучше. Нареченный женихъ Софіи-Фредерикки, потомъ мужъ Екатерины, Петръ Федоровичъ проводилъ цѣлые дни съ лакеями, играя въ куклы, или съ голштинскими солдатами, не выпуская изо рта трубки. Рядомъ съ спальнею онъ устроилъ псарню, а въ самой спальнѣ безобразничалъ съ разными лакеями и горничными. Онъ, не краснѣя, рассказывалъ невѣстѣ о своихъ любовныхъ похожденияхъ и не скрывалъ передъ женою своихъ отношеній къ придворнымъ дамамъ.

Нелюбимая мужемъ, покинутая императрицей, забытая придворными провела Екатерина первые 18 лѣтъ своего пребыванія въ Россіи. Одна, въ своихъ покояхъ, она ко всему прислушивается, все обдумываетъ, о всемъ размышляетъ и читаетъ, читаетъ все, что попадетъ подъ-руку, читаетъ безъ ковца, и, между прочимъ, Тацита, Монтескье, Вольтера—

лучшихъ учителей, способныхъ установить взглядъ и сформировать сужденіе. Чтеніе прерывается по временамъ записью того, что особенно поразило ее въ жизни или въ книгѣ. Это любопытныя записи, разблѣчающія всю Екатерину того времени: тутъ государственно-политическія сужденія и хозяйственно-экономическія замѣтки, тутъ критика правительственныхъ распоряженій, философская тенденція, выписка изъ книги.

«Богъ мнѣ свидѣтель, что желаю и хочу только блага странѣ, въ которую привелъ меня Господь. Ея слава есть и моя. Таковъ мой принципъ. Хочу общей цѣли—сдѣлать всѣхъ счастливыми.

«Свобода—душа всего; безъ нея все мертво. Политическая свобода все воодушевляетъ.

«Противно христіанской религіи и справедливости дѣлать людей рабами—люди всѣ рождаются свободными. Рабство есть прямая потеря—оно убиваетъ промышленность, искусства, науки.

«Власть, не пользующаяся довѣріемъ народа, ничего не значить для государя, желающаго быть любимымъ и царствовать со славою. Этого легко достигнуть, имѣя въ виду благо народа и справедливость.

«Миръ необходимъ для такой обширной имперіи, какъ Россія. Мы нуждаемся въ увеличеніи населенія, а не въ уменьшеніи его. Это по внутренней политикѣ; а извнѣ миръ придастъ намъ большее значеніе, чѣмъ случайности войны, всегда разорительной.

«Соединить Каспійское море съ Чернымъ, оба—съ Балтійскимъ и Сѣвернымъ, и направить сюда транзитомъ торговлю Китая и Восточной Индіи—значило бы возвысить Россію на степень могущества высшую, чѣмъ прочіе государства Европы и Азіи.

«Что можетъ противостать безпредѣльной власти неограниченнаго государя, который управляетъ воинственнымъ народомъ!»

Вотъ плоды 18-ти лѣтъ «несчастія и уединенія». Софія-Фредерика не могла бы написать ничего подобнаго. Ея уже нѣтъ—предъ нами Екатерина, которая измѣнитъ свои первоначальныя тенденціи подъ давленіемъ новыхъ обстоятельствъ, но всегда сообразно нуждамъ и пользамъ Россіи, твердо памятуя, что «ея слава есть и моя». Эти несчастные годы были для Екатерины годами самообразованія и развитія, когда очищалось сужденіе, крѣпла мысль, закалялась воля, вырабатывался характеръ. Въ эти несчастные годы были положены основы для будущихъ счастливыхъ годовъ.

Счастливые годы начались для Екатерины большимъ несчастіемъ. «Не имѣли мы никогда ни намѣренія, ни желанія—объявляла она въ манифестѣ къ народу—такимъ образомъ воцариться, каковымъ Богъ по невѣдомымъ Его судьбамъ, промысломъ Своимъ намъ опредѣлилъ престолъ отечества Россійскаго воспріять». Тщетно было бы протянуться

указаніямъ Промысла, и Екатерина торжественно объявляла народу: «Мы можемъ, не похвалявшись, передъ Богомъ цѣлому свѣту сказать, что отъ руки Божіей пріяла всероссійскій престолъ не на свое собственное удовольствіе, но на расширеніе славы его и на учрежденіе добраго порядка и утвержденіе правосудія въ любовномъ нашемъ отечествѣ».

34-хъ-лѣтнее царствованіе Екатерины свидѣтельствуетъ, что она сдержала съ лихвою свое царское слово, какъ относительно «расширенія славы», такъ и еще болѣе по «учрежденію добраго порядка и утвержденію правосудія», по вопросамъ внутреннимъ болѣе, чѣмъ по внѣшнимъ. По обстоятельствамъ, отъ Екатерины ни мало не зависѣвшимъ, на ея внѣшнюю политику обращается всегда преимущественное, если не исключительное вниманіе; о ея внутреннихъ преобразованіяхъ по большей части говорятъ лишь вскользь, мимоходомъ. Это объясняется не столько громомъ и блескомъ военныхъ подвиговъ, всегда весьма шумныхъ, сколько національностью историографовъ: до послѣдняго времени о Екатеринѣ писали только иностранцы, незнакомые съ внутреннею жизнью Россіи и ею неинтересовавшіеся. Въ этомъ случаѣ мы, русскіе, въ долгу предъ Екатериною: на насъ лежитъ обязанность возстановить ея значеніе въ полной мѣрѣ и показать, что ея внутреннія реформы значительно важнѣе и плодотворнѣе внѣшнихъ успѣховъ. Въ этомъ легко убѣдиться хотя бы изъ одного цифроваго итога государственной дѣятельности Екатерины, сдѣланнаго И. И. Бецкимъ въ 1781 году:

«Въ теченіе послѣднихъ 19-ти лѣтъ:

«Губерній образовано по новому положенію .	29
«Городовъ учреждено и обстроено	144
«Конвенцій и договоровъ заключено	30
«Побѣдъ одержано	78
«Законовъ и учрежденій издано .	88
«Распоряженій по облегченію народа	123

Итого 492».

По свидѣтельству Екатерины, здѣсь упомянуты «только дѣла государственныя и ни одно частное не внесено въ этотъ списокъ». Изъ общей же цифры 492 дѣлъ, внутреннимъ вопросамъ посвящено 384 и внѣшнимъ только 108. Сообщая этотъ списокъ и указывая на внутреннія именно дѣла, Екатерина прибавила: «Nu, mein Herr, wie sind Sie mit uns zufrieden? Sind wir nicht faul gewesen?» Не подлежитъ сомнѣнію, что Екатерина ставила дѣла внутреннія выше внѣшнихъ, сознательно гордилась этимъ, и такъ скромно оцѣнивала эти труды свои: «Россія велика, а я, что ни дѣлаю, подобно каплѣ, падающей въ море».

Это и понятно. При воцареніи Екатерины имперія находилась въ

«невъроятной разстройкѣ». Неотложная необходимость внутреннихъ преобразованій сознавалось Екатериною вполне:

«Въ 1762 году, при вступленіи моемъ на престолъ, я нашла сухопутную армію, за двѣ трети жалованія не получившую. Въ статскъ-конторѣ именныя указы на выдачу семнадцати милліоновъ рублей невыполненные. Почти всѣ отрасли торговли были отданы частнымъ людямъ въ монополію. Таможни всей имперіи сенатомъ даны были на откупъ за два милліона. Елисавета Петровна искала занять два милліона рублей въ Голландіи, но охотниковъ на тотъ заемъ не явилось, слѣдовательно кредита или довѣрія къ Россіи не существовало. Сенатъ хотя и посылалъ указы и повелѣнія въ губерніи, но тамъ такъ худо исполняли указы сената, что въ пословицу почти вошло говорить: ждутъ третьяго указа, понеже по первому и по второму не исполняли. Воеводы въ городахъ и воеводскіе канцеляріи жалованья не получали и дозволено имъ было кормиться съ дѣлъ, хотя вятки строго воспрещены были. Монастырскіе и заводскія крестьяне въ полномъ непослушаніи, такъ что ни единожды принуждены были употребить противу нихъ оружіе и даже до пушекъ. Признаки были великаго роптанія на образъ правленія послѣднихъ годовъ. Умы, какъ всегда случается послѣ переворота, столь великаго, находились въ сильномъ волненіи».

Интересы промышленности и торговли, положеніе всѣхъ сословій, преимущественно же крестьянскаго, дѣла военныя, церковныя и гражданскія, все въ «невъроятной разстройкѣ», все требуетъ упорядоченія. Изъ сенатскихъ докладовъ, изъ коллегіальныхъ экстрактовъ, изъ донесеній должностныхъ лицъ, даже изъ «многихъ разговоровъ» оказывалось, что всему виною «не единообразныя объ единой вещи установленныя правила и противорѣчущіе законы по временамъ сдѣланные въ соотвѣтствіе тогдашнихъ умовъ расположенія» и что, прежде всего, необходимо, «дабы законодательство было приведено въ лучшій порядокъ». Такъ, по словамъ самой Екатерины, явилась мысль о знаменитой законодательной комиссіи, установившей славу всего ея царствованія.

Собраніе представителей Русской земли, во-первыхъ, «для того, чтобы отъ нихъ выслушать нужды и недостатки каждаго мѣста» и, во-вторыхъ, «для заготовленія проекта новаго уложенія» — великій актъ, призывавшій русскій народъ, въ лицѣ его выборныхъ, къ участию въ законодательствѣ. Въ той формѣ, въ какой эта мысль была выражена, она являлась, дѣйствительно, «опытомъ великой довѣренности къ народу», и день открытія комиссіи есть день, «долженствующій навсегда остаться священнымъ для Россіи».

Въ этотъ день 545 депутатовъ привезли въ Москву и представили на всенародное обсужденіе длинный перечень «нуждъ и недостатковъ» изъ 1.264 мѣстностей, изъ которыхъ прежде доносились лишь «напра-

сныя жалобы и подавленный ропотъ». Никто не радѣлъ о нуждахъ русскаго челоуѣка, никто не заботился о недостаткахъ той или другой мѣстности, когда «съ высоты престола» раздался образный голосъ Екатерины: «Выскажите свои жалобы. Сапогъ жметъ вамъ ногу? Мы постараемся поправить это. У меня нѣтъ системы; я желаю только общаго блага—оно вмѣстѣ съ тѣмъ и мое собственное. Работайте, собирайте материалы, издавайте проекты — узнайте чего вы хотите». И русскіе люди толково и дѣльно высказали свои жалобы: по сознанію самой Екатерины, они «подали мнѣ свѣтъ и свѣдѣніе о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно». Въ продолженіе своего 34-лѣтняго царствованія Екатерина нерѣдко пользовалась этими свѣдѣніями, сообщенными ей депутатами. Такъ, въ 1778 году, въ указѣ особой комиссіи для преобразованія тульскаго оружейнаго завода, императрица указала на требованія, заявленныя въ 1767 году въ наказѣ депутату отъ завода.

Такимъ образомъ, первая часть задачи, возложенной на выборныхъ русскіхъ людей, была выполнена довольно удачно, и Екатерина вполнѣ достигла своей цѣли—изъ депутатскихъ наказовъ она узнала Россію гораздо полнѣе, всестороннѣе и, конечно, вѣрнѣе, чѣмъ изъ чиновничьихъ докладовъ и канцелярскихъ доносеній. Не по вѣнѣ императрицы, тѣмъ менѣе депутатовъ, не была достигнута вторая задача—составленіе проекта новаго Уложенія.

Надъ этимъ проектомъ болѣе всего потрудила, безспорно, сама Екатерина. Первоначально императрица вовсе не имѣла въ виду составить новое Уложеніе—она излагала не законодательныя опредѣленія, а теоретическія идеи относительно общихъ понятій о государствѣ и правѣ, о правленіи, судѣ, законахъ и т. п. Первая тетрадь ея труда, приготовленная еще въ 1765 году, состояла всего изъ 64 страницъ ея довольно крупнаго письма. Лишь мало-по-малу, увлекаясь начатымъ занятіемъ и все болѣе знакомясь съ трудами не только общими, какъ Монтескье, но такими спеціальными, какъ Беккариа, императрица перешла отъ общихъ началъ къ вопросамъ болѣе частнаго характера и написала большой томъ въ 655 параграфовъ. Первоначально она назвала свой трудъ просто «инструкціею», наставленіемъ, и находила, что «въ ней я высказалась вполнѣ и не скажу болѣе ни слова въ продолженіе всей жизни». Она хранила свой трудъ отъ всѣхъ, не желала помощниковъ, «опасаясь, что каждый изъ нихъ сталъ бы выразаться въ различномъ направленіи, а здѣсь слѣдуетъ провести одну только нить и крѣпко за нее держаться», и прочла его только двумъ-тремъ наиболѣе приближеннымъ къ ней лицамъ. Графъ Г. Г. Орловъ нашель, что эта инструкция есть «*non plus ultra* совершенства»; Н. И. Панинъ сказалъ: «*ce sont des axiomes à renverser des murailles*». Въ настоящее время

мы можемъ лишь догадываться, что первоначально Екатерина имѣла въ виду составить нѣчто въ родѣ нынѣшней *Instruction civique*, но теоретической, не касающейся положительнаго права. Она сама, однако, недоумѣвала, насколько подобный сборникъ теоретическихъ истинъ можетъ быть практически полезенъ. Она желала знать мнѣніе по этому поводу Даламбера и, между прочимъ, какъ женщина практически умная и обладавшая большимъ здравымъ смысломъ, она писала ему: «Отъ накопленія хорошихъ правилъ, примѣненныхъ на практикѣ, можетъ произойти и дурной результатъ, если не будутъ приняты во вниманіе тѣ измѣненія, которымъ иногда, и довольно часто, должны подвергаться эти правила при примѣненіи ихъ на практикѣ и которыя зависятъ отъ мѣста, времени, лицъ, народнаго характера, наконецъ, отъ тысячи различныхъ причинъ, которыя законодатели и государи должны знать и принимать въ соображеніе». Это недоумѣніе росло по мѣрѣ обращенія инструкціи по общегосударственнымъ вопросамъ въ Наказъ комиссіи для составленія проекта новаго Уложенія. Кто же, кромѣ представителей самого народа, кромѣ его выборныхъ, знаетъ особня условія каждой округа, практически знакомъ съ народнымъ характеромъ, съ бытовою стороною мѣстной жизни, съ обычными правами отдѣльныхъ народностей, съ историческимъ наслоеніемъ этихъ бытовыхъ и обычныхъ условій гражданской жизни? И Екатерина созываетъ «депутатовъ» отъ всѣхъ уѣздовъ, причемъ каждому уѣзду и каждому городу предоставляетъ дать избранному имъ депутату особое полномочіе, наказъ, съ изложеніемъ своихъ нуждъ и съ выраженіемъ своихъ желаній.

Въ отличіе отъ этихъ депутатскихъ наказовъ, заготовленный Екатериною наказъ былъ названъ современниками Большимъ Наказомъ, и императрица, прежде всего, выслушала мнѣніе депутатовъ о своемъ трудѣ. Она назначила изъ депутатовъ «разныхъ персонъ, весьма разномыслящихъ» и поручила процензуровать Большой Наказъ, предоставивъ имъ полную свободу при обсужденіи ея труда. Съ полнымъ уваженіемъ отвеслась Екатерина къ цезурѣ представителей народа: «Тутъ при каждой статьѣ начались пренія. Я дала имъ волю чернить и вымарать все, что хотѣли. Они болѣе половины изъ того, что написано было мною, помарали, и оставили Наказъ Уложенія, яко оный напечатанъ».

Работы законодательной комиссіи начались чтеніемъ Большаго Наказа. Дивились депутаты, слушая «исповѣдь здраваго смысла» императрицы. Никогда, ни прежде, ни послѣ, власть не говорила съ народомъ такимъ гуманнымъ языкомъ и не высказывала такихъ «вольнлюбивыхъ израженій». Депутаты не вѣрили ушамъ своимъ—ихъ называютъ гражданами, имъ говорятъ о равенствѣ и свободѣ, у нихъ есть права, у власти есть обязанности:

«Равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ.

«Сдѣлайте, чтобы люди боялись законовъ, и никого бы кромѣ ихъ не боялись.

«Вольность состоитъ въ возможности дѣлать то, что каждому надлежитъ хотѣть, и не быть принуждену дѣлать то, чего хотѣть не должно.

«Слова не виѣняются никогда во преступленіе. Слова не составляютъ вещи, подлежащей наказанію. Иногда молчаніе выражаетъ больше, нежели всѣ разговоры.

«Всякое наказаніе, которое не по необходимости налагается, есть тиранское. Всѣ наказанія, которыми тѣло человѣческое изуродовать можно, должно отмѣнить.

«Запрещеніе или недозволеніе различныхъ вѣръ есть порокъ весьма вредный для спокойства и безопасности гражданъ.

«Запрещаютъ въ самодержавныхъ государствахъ сочиненія очень язвительныя; это запрещеніе представляетъ ту опасность, что умы почувствуютъ притѣсненіе и угнетеніе: а сіе ничего иного не произведетъ, какъ невѣжество, опровергнуть дарованія разума человѣческаго и охоту писать отниметь.

«Великое несчастіе въ государствѣ не смѣть свободно говорить своего мнѣнія».

Депутаты пролили слезы, прослушавъ заключительныя слова Наказа: «Все сіе не можетъ понравиться ласкателямъ, которые по вся дни всѣмъ земнымъ обладателямъ говорятъ, что народы ихъ для нихъ сотворены. Однакожъ мы думаемъ и за славу себѣ виѣняемъ сказать, что мы сотворены для нашего народа и по сей причинѣ мы обязаны говорить о вещахъ такъ, какъ они быть должны. Ибо, Боже сохрани! чтобы послѣ окончанія сего законодательства былъ какой народъ больше справедливъ, и слѣдовательно больше процвѣтающъ на землѣ; намѣреніе законовъ нашихъ было-бы не исполнено: несчастіе, до котораго я дожить не желаю!»

Наказъ писанъ 130 лѣтъ назадъ, и во всѣхъ его 655 статьяхъ въ одной мысли, напоминающей жестокіе нравы московской Руси, ни одного взгляда, повторяющаго суровыя тенденціи петровскаго законодательства—онъ весь продиктованъ просвѣтительною гуманностью XVIII вѣка, съ ея стремленіемъ къ общему благу, съ ея признаніемъ правъ личности. Въ немъ впервые «вѣрноподанные рабы» объявлены равноправными гражданами и за ними признаны права не только вѣровать и мыслить, но говорить и дѣйствовать, не опасаясь никого, кромѣ законовъ. Современники называли Наказъ «золотою буллою» Россіи; потомки видятъ въ немъ актъ нашего дѣйствительнаго вступленія въ европейскую

жизнь, нашего внутренняго приобщенія къ западно-европейской цивилизаціи.

Такое высокое значеніе «Большаго Наказа» ни мало, однако, не соотвѣтствовало второй задачѣ законодательной комиссіи—составленію проекта новаго Уложенія. Въ этомъ отношеніи депутатскіе указы были практически полезны: они указывали недостатки дѣйствующаго права, предлагали средства исправить ихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что «свѣтъ и свѣдѣнія», принесенные народными представителями, значительно помогли бы комиссіи выполнить и эту вторую задачу. Для разрѣшенія ея требовалось, однако, время, и довольно продолжительное. Между тѣмъ, года полтора спустя по открытіи комиссіи, въ концѣ 1768 года, раздавшійся по всей Россіи крикъ: «отечество въ опасности» отвлекъ вниманіе въ другую сторону, и «депутаты изъ военныхъ», составлявшіе почти третью часть комиссіи, поспѣшили на югъ, въ дѣйствующую армію, на войну съ турками.

Законодательная комиссія была «распущена» на время. Ея подкомиссіи продолжали работу, которою воспользовалась императрица какъ при изданіи «Учрежденій для управленія губерній» и «Грамоты городамъ Россійской имперіи», такъ и при составленіи уставовъ о соли, о купеческомъ водокоствѣ, даже устава благочинія и другихъ законодательныхъ актовъ, имѣвшихъ въ виду улучшеніе и преобразование Россіи, какъ, напримѣръ, устройство дорогъ, почтъ и т. д.

Призывомъ народныхъ представителей на совѣтъ по законодательнымъ вопросамъ Екатерина положила прочное основаніе тому «счастію», которымъ многіе склонны объяснять успѣхъ ея начинаній. Этимъ публичнымъ актомъ довѣрія къ народу она привлекла къ себѣ сердца не одного какого-либо сословія или класса, но всей массы народной, опираясь на которую легко не только царствовать, но и управлять страной. Ограничиваясь придворною атмосферою и дворцовой обстановкою, ея предшественники, до ея тетки, императрицы Елисаветы Петровны включительно, могли только царствовать; никто изъ нихъ, по смерти Петра Великаго, не управлялъ Россіею, и еще въ 1765 году престарѣлый графъ Минихъ говорилъ: «Русское государство имѣетъ предъ другими то преимущество, что оно управляется непосредственно самимъ Богомъ—иначе невозможно объяснить себѣ, какимъ образомъ оно можетъ существовать».

Графъ Минихъ отмѣтилъ только фактъ, имъ самимъ пережитый, но не указалъ причинъ его, заключавшихся, главнымъ образомъ, въ двухъ взаимодействующихъ и другъ отъ друга зависѣвшихъ факторахъ—въ самодурствѣ сверху и крѣпостничествѣ снизу.

Твердая, жесткая рука Петра Великаго могла, конечно, направить самодурство согласно его волѣ, но не только не уничтожила, а напро-

твѣ содѣйствовала дальнѣйшему его развитію. Онъ, какъ самодержецъ нарушилъ установленный порядокъ престолонаслѣдія, чѣмъ внесъ смуту въ ту область государственнаго права, гдѣ до него господствовали точныя и всѣмъ доступныя понятія. Отвѣтомъ на этотъ произволъ было усиленіе самодурства при его преемникахъ, до того, что по кончинѣ Петра II нѣсколько членовъ Верховнаго тайнаго совѣта располагали русскимъ престоломъ, предоставляя его лицу по ихъ выбору. Это же самодурство возвело на плаху и кабинетъ-министра Артемія Волинскаго, который былъ, по отзыву Екатерины II, «добрый и усердный патріотъ и ревнительъ къ полезнымъ поправленіямъ своего отечества». Именно въ вопросѣ о престолонаслѣдіи Екатерина II оказалась значительно выше Петра I: несмотря ни на что, она передала престолъ сыну, а не возлюбленному внуку, какъ многіе ожидали. Она сдерживала свой произволъ и тѣмъ обуздывала самодурство, не будучи, конечно, въ состояніи искоренить его. Екатерина хорошо понимала источникъ русскаго самодурства.

Въ своемъ знаменитомъ «Наказѣ» императрица категорически, но съ объясненіемъ мотивовъ, устанавливаетъ свойство верховной власти въ Россіи: «Государь есть самодержавный; но никакая другая, какъ только соединенная въ его особѣ, власть не можетъ дѣйствовать сходно со пространствомъ толь великаго государства. Пространное государство предполагаетъ самодержавную власть въ той особѣ, которая онымъ править. Надлежитъ, чтобы скорость въ рѣшеніи дѣлъ, изъ дальнихъ странъ присылаемыхъ, награждала медленіе, отдаленностію мѣстъ причиняемое. Всякое другое правленіе не только было-бы Россіи вредно, но и въ конецъ разорительно». Тѣмъ не менѣе, Екатерина признала необходимымъ точнѣе опредѣлить «предлогъ, намѣреніе и конецъ» самодержавія, т. е. установить предметъ, задачу и цѣль этой формы правленія.

«Какой предлогъ самодержавнаго правленія? Не тотъ, чтобы у людей отнять естественную ихъ вольность, но чтобы дѣйствія ихъ направить къ полученію самаго большаго отъ всѣхъ добра. Итакъ правленіе, къ сему концу достигающее, лучше прочихъ, и при томъ естественную вольность меньше другихъ ограничивающее, есть то, которое наилучше сходствуетъ съ намѣреніями, въ разумныхъ тваряхъ предполагаемыми, и соотвѣтствуетъ концу, на который въ учрежденіи гражданскихъ обществъ взвращаютъ неотступно. Самодержавныхъ правленій намѣреніе и конецъ есть слава гражданъ, государства и государя. Но отъ сей славы происходитъ въ народѣ, единоначаліемъ управляемомъ, разумъ вольности, который въ державахъ сихъ можетъ произвести столько же великихъ дѣлъ, и столько споспѣшествовати благополучію подданныхъ, какъ и самая вольность».

Высоко ставя знамя самодержавія, Екатерина возлагала на его

носителей и высокую заботу о благосостоянии страны и довольствѣ ея обитателей. Девизомъ ея, какъ императрицы, было «блаженство каждаго и всѣхъ» — слова, вычеканенныя на медали депутатовъ. «У государя, — писала она, — только одна обязанность и цѣль: благо его подданныхъ». Екатерина признавала, что «государя суть необходимое зло, безъ котораго нельзя обойтись; если-бъ всякій исполнялъ свою обязанность, не было бы надобности ни въ государяхъ, ни въ чиновникахъ». Она наказывала себѣ и завѣщала своимъ преемникамъ, какъ заповѣдь, что самодержавный государь, обладающій полнотою власти, исполнѣтъ отвѣтственъ за малѣйшее недовольство народа: «Всегда государь виноватъ, если подданные противъ него огорчены. Изволь мѣряться на сей аршинъ. А если кто изъ васъ, мои дражайшіе потомки, сіе наставленіе прочтеть съ недоувѣріемъ, такъ ему болѣе въ свѣтъ, и особливо въ російскомъ, счастья желать, нежели пророчествовать можно».

При такихъ условіяхъ, самодурство значительно было отѣснено, хотя и исключительно только личными взглядами императрицы: Екатеринѣ именно Россія обязана отличіемъ наступившей послѣ нея аракеевщины отъ бывшей до нея бирюковщины. При Екатеринѣ какойнибудь Аракчеевъ былъ немислимъ. Не говоря объ Орловыхъ и Зубовыхъ, не являвшихся никакого вліянія на ходъ государственныхъ дѣлъ, князь Потемкинъ такъ же отличаетъ время Екатерины, какъ графъ Аракчеевъ эпоху ея внука. Но самая возможность появленія Аракчеева ясно, однако, свидѣтельствуетъ, что въ борьбѣ съ самодурствомъ недостаточно однихъ личныхъ взглядовъ.

Главный, хоть и не единственный, источникъ самодурства заключался въ крѣпостномъ правѣ, которое пытало произволъ и вносило развратъ въ русское дворянство.

Вопросъ объ уничтоженіи крѣпостничества, какъ наболѣвшей уже вѣками язвы, давно занималъ Екатерину. Она не скрывала отъ себя, что «осуществленіемъ такой рѣшительной мѣры нельзя заслужить любви землевладѣльцевъ, полныхъ упрямства и предрасудковъ». Будучи великою княгиней, она довольно наивно разрѣшала этотъ вопросъ: ей представлялось возможнымъ «поставить, что впредь при продажѣ имѣнія, съ момента приобрѣтенія его новымъ владѣльцемъ, всѣ крѣпостные объявляются вольными: такъ какъ въ теченіе сотенъ лѣтъ всѣ или большая часть имѣній мѣняють своихъ господъ, то черезъ сто лѣтъ весь народъ будетъ освобожденъ». Ставъ императрицею, Екатерина категорически поставила этотъ вопросъ на очередь, высказавъ въ первоначальной редакціи своего Наказа необходимость «сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ людей вольными». Протавъ этого возстали всѣ, кому только императрица давала читать Наказъ, и Екатерина

должна была уступить этому общему протесту—при окончательной редакціи Наказа параграфъ объ освобожденіи крестьянъ былъ исключенъ. Екатерина уступила, однако, не по существу вопроса, а лишь по способу его «осуществленія»:

«Не должно вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ. Законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ нмущества. Весьма же нужно, чтобъ предупреждены были тѣ причины, кои столь часто привели въ непослушаніе рабовъ противъ господъ своихъ. Необходимо, чтобы законы гражданскіе злоупотребленіе рабства отвращали. Необходимо избѣгати случаевъ, чтобы не приводить людей въ неволю».

Очевидно: освободить должно, только не вдругъ и не чрезъ общее узаконеніе; прежде же всего необходимо ограничить закрѣпощеніе, а крѣпостныхъ охранить отъ злоупотребленія и обезпечить за ними собственность. Въ этомъ видѣ вопросъ и былъ затронутъ въ законодательной комиссіи, причемъ столкнулись интересы «земледѣльцевъ—души обществу» и «дворянъ—опоры престолу». Присутствуя при обсужденіи этого вопроса въ комиссіи, императрица должна была убѣдиться, что безъ непосильной для нея ломки всего государственнаго строя не только огульное освобожденіе крестьянъ немислимо, но и частичное сопряжено съ большими затрудненіями. Екатерина, въ долгое ея царствованіе, приходилось въ этомъ случаѣ бороться и съ отдѣльными личностями, до Солтычки включительно, и съ цѣлыми учрежденіями, какъ сенатъ. И она боролась. Крестьяне убили своего помѣщика; сенатъ опредѣлилъ истребить всю деревню; Екатерина писала по этому поводу генераль-прокурору:

«Пророчествовать можно, что есть-ли за жизнь одного помѣщика въ отвѣтъ и въ наказаніе будутъ истреблять цѣлыя деревни, то бунтъ всѣхъ крѣпостныхъ деревень воспослѣдуетъ. Положеніе помѣщичьихъ крестьянъ таково критическое, что окромѣ тишины и человѣколюбивыми учрежденіями ничѣмъ избѣгнуть бунта не можно. Генеральнаго освобожденія отъ несноснаго и жестокаго ига не предвидать и, не имѣвъ обороны ни въ законахъ и нигдѣ, всякая малость можетъ привести ихъ въ отчаяніе, коими паче мстительный такой законъ какъ сенатъ вздумалъ нектати и не къ ладу издать. Итакъ прошу быть весьма осторожною въ подобныхъ случаяхъ, дабы не ускорить и безъ того довольно грозящую бѣду, есть-ли въ новомъ узаконеніи не будутъ взяты мѣры къ пресѣченію сихъ опасныхъ слѣдствій. Ибо есть-ли мы не согласимся на уменьшеніе жестокости и умѣреніе человѣческому роду нестерпимаго положенія, то и противу нашей воли сами оную возьмутъ рано или поздно».

Пророчество Екатерины сбылось въ пугачевскомъ бунтѣ, этомъ кро-

завомъ протестъ противъ крѣпостничества. Тѣмъ не менѣе, ни Екатерина, ни даже ближайшіе ея преемники не могли приступить къ освобожденію крестьянъ, и оно совершилось лишь сто лѣтъ спустя послѣ высказанной Екатериною необходимости «сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ людей вольными». Но именно Екатерина указала вѣрный путь къ этому освобожденію.

Землевладѣльцами были исключительно дворяне, составлявшіе «опору престола»; каждый землевладѣлецъ былъ, относительно говоря, такимъ же самодержцемъ въ своемъ помѣстьи, какъ государь—въ имперіи. Освобожденіе крестьянъ «вдругъ и чрезъ узаконеніе общее» отняло бы у дворянъ основной мотивъ ихъ правъ и привилегій, ради которыхъ они и являлись опорой престола; прежде чѣмъ потерять эту опору, необходимо было создать равный въ этомъ отношеніи эквивалентъ дворянству. Екатерина и положила этому начало созданіемъ «средняго рода людей», къ которому она причисляла всѣхъ тѣхъ, «кои, не бывъ ни дворяниномъ, ни хлѣбопашцемъ, упражняются въ художествахъ, въ наукахъ, въ мореплаваніи, въ торговлѣ и ремеслахъ» и которые получаютъ высшее образованіе. Нужно было, однако, время, чтобы чело-вѣкъ «средняго рода» могъ стать столь же надежною опорой престола, какъ и «дворянинъ», но опорой вполнѣ безкорыстною, основанною единственно на патриотическомъ стремленіи ко благу родины. Этой за-слуги Екатерины забывать не слѣдуетъ.

Изъ всѣхъ преемниковъ Петра В., одна Екатерина не только царствовала, но и управляла Россіей, вслѣдствіе чего она постоянно и много работала. Не по недовѣрью къ людямъ, ею же избираемымъ, а по любви и участію къ Россіи и русскому народу Екатерина никогда не полагалась на представляемые ей доклады, и всегда, по всѣмъ частямъ управленія, сама разсматривала всѣ вопросы и разбираала всѣ дѣла. Кромѣ массы напечатанныхъ уже ея рѣшеній, въ архивахъ хранятся несчетные томы бумагъ, ею прочитанныхъ и отмѣченныхъ поправками ея руки. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ ограничивалась она индифферентнымъ «быть по сему»; по большей части доклады исправлялись ею, иногда же, особенно предназначенные для обнародованія, ею же и составлялись: сама напишетъ «сенатскій указъ», сама отдастъ кому-либо исправить ореографію и сама же пошлетъ генераль-прокурору при запискѣ: «Сіе переписано на часто съ моей безграмотной руки; ваше сіятельство уже велитъ переписать по вашему». Ежедневно, утромъ, она работала одна часа два и съ секретарями и докладчиками—часа три; послѣ обѣда часа два посвящались чтенію реляцій, депешъ, писемъ. Иностранцы, даже нѣмцы, дивились ея усидчивости, ея трудолюбію и выражали ей по этому поводу свои сожалѣнія. «Ума не приложу, отвѣчала императрица, почему вы жадуете меня? Правда, я работаю болѣе, чѣмъ другіе, но,

вѣдъ, иначе и быть не можетъ. Я такъ много могу дѣлать добра, всѣ средства къ этому въ моей власти, и мнѣ остается только находить случай къ дѣланію добра, что вовсе не трудно. Я по природѣ люблю трудиться и чѣмъ болѣе работаю, тѣмъ становлюсь веселѣе». Живая, дѣятельная, здоровая, Екатерина находила время писать письма друзьямъ, сочинять сказки для дѣтей, комедіи для взрослыхъ—затруднится ли она составить инструкцію генераль-губернатору, написать проектъ закона, исправить указъ, дать тему для манифеста? Въ перепискѣ съ гр. Сиверсомъ, намѣстникомъ тверскимъ и новгородскимъ, она входитъ въ мельчайшіе подробности областного управленія; въ ея записочкахъ къ генералу-прокурору кн. Вяземскому затронуты вопросы финансовые, торговые, таможенные; ея секретаря, которыхъ у нея пять, иногда до восьми, едва успѣваютъ собирать для нея справки, подыскивать законы, составлять запросы ею продиктованные. Она во все входитъ, все хочетъ знать, все направитъ; она всѣмъ управляетъ—другіе исполняютъ только ея приказанія; она—самодержица, «а другіе всѣ, по слову евангельскому, наемники есть». И не только отдѣльные лица, даже комиссіи и совѣты работали по ея указаніямъ и подъ ея надзоромъ. «Съ мнѣніемъ моего совѣта я всегда согласна, когда его мнѣніе согласно съ моимъ», любила говорить Екатерина, мѣтко характеризую и себя, и совѣтъ.

Въ 34-хъ-лѣтнее царствованіе Екатерины Россія знала только ее, и русскій народъ не страдалъ отъ временщиковъ. У Екатерины II были фавориты, но временщиковъ при ней не было. Императрица не рѣшала ни одного дѣла глазъ-на-глазъ съ докладчикомъ—она всегда провѣряла докладъ, совѣщалась, совѣтовалась, и никогда никому не удавалось «вырвать» у нее высочайшаго повелѣнія, предрѣшающаго вопросъ или узаконивающаго мѣру, предлагаемую докладчикомъ. За эту осторожность славный гр. С. Р. Воронцовъ воздалъ ей должное въ письмѣ къ ея внуку, который нерѣдко клалъ резолюціи по личнымъ указаніямъ министра: «Нѣтъ въ мірѣ ничего болѣе опаснаго, какъ рѣшать дѣла съ глазу на глазъ съ министромъ. Какимъ образомъ ваше величество можете удостовѣриться, что онъ не введетъ васъ въ ошибку, вольную или невольную? Почему вы знаете, что министръ представляетъ вамъ все, что должно быть доведено до вашего свѣдѣнія? Въ природѣ челоуѣка стремиться къ вліянію, къ власти; этимъ создается деспотизмъ министра, и ваше величество создадите деспотизмъ невыносимый, вершая дѣла съ глазу на глазъ съ тѣмъ или другимъ министромъ». Въ этомъ отношеніи Екатерина вполне раздѣляла взгляды одного изъ своихъ «заграничныхъ друзей»: «Нація, т. е. общество и народъ, всегда хорошо сознаютъ свои интересы, между тѣмъ какъ министры вовсе не знаютъ въ чемъ заключается въ данный моментъ общественное благо. Когда

народъ замѣталъ въ чемъ либо свою ошибку, реформа является не только вполне естественною, но и обязательно необходимою; между тѣмъ какъ министры склонны упрямо поддерживать не только свои ошибки, но даже свои глупости, думая этимъ сохранить престижъ власти».

Временщиковъ при Екатеринѣ не было, но число дѣловыхъ людей значительно увеличилось. Административныя и судебныя преобразованія, введенныя императрицею, требовали людей сравнительно болѣе образованныхъ, чѣмъ прежніе понытчики. И Екатерина такихъ людей находила. Она никогда не жаловалась на недостатокъ людей, вполне сознавая нелѣпость подобной жалобы, свидѣтельствующей только о собственномъ убожествѣ. «Всякая страна,—писала императрица,—доставляетъ всегда людей, необходимыхъ для дѣла, и такъ какъ все на землѣ есть дѣло человеческое, то люди, стало быть, могутъ со всемъ управиться». Она нѣсколько разъ повторяетъ, что «недостатка въ людяхъ быть не можетъ», и ссылается на себя: «Я никогда не искала и всегда находила подъ рукою людей, которые служили мнѣ и, по большей части, служили хорошо; все зависитъ отъ умѣнья направить ихъ». И вотъ какъ она направляла ихъ: «Сильно ошибаются, если думаютъ, что меня пугаетъ чье-либо достоинство; напротивъ, я желала бы видѣть вокругъ себя только героевъ, и я все на землѣ употребляла, чтобы сдѣлать героями тѣхъ, въ комъ видѣла малѣйшее къ тому расположеніе... Богъ мнѣ свидѣтель, что я не имѣю никакой особенной склонности къ дуракамъ». Какъ въ выборѣ людей, такъ и въ оцѣнкѣ ихъ Екатерина, однако, была строга. Вотъ, напр., ея отзывъ о четырехъ извѣстныхъ въ свое время военачальникахъ: кн. Н. В. Репнинъ—«хуже старой бабы»; гр. И. П. Салтыковъ—«глупъ и упрямъ»; гр. Я. А. Брюсъ—«дуракъ, не имѣетъ головы», гр. В. П. Мусинъ-Пушкинъ—«онъ каналья, pardonnez le terme, en un mot c'est une bête».

Екатерина была строга не только къ отдѣльнымъ личностямъ, но и къ цѣлымъ сословіямъ, причемъ, если польза дѣла того требовала, императрица не щадила даже высшихъ учрежденій, какъ правительствующій сенатъ и святѣйшій синодъ. Убѣдившись, что раздоры и несогласія сенаторовъ вредятъ ходу дѣла, императрица обнародовала указъ, въ которомъ укоряла гг. сенаторовъ, что они занимаются дѣлами, «совсѣмъ не свойственными людямъ благоразумнымъ, почтеннымъ и доброжелательнымъ». Рѣшившись отобрать у духовенства церковныя имѣнія, императрица напомнила членамъ синода, что они «преемники апостоловъ, которымъ Господь повелѣлъ внушать людямъ презрѣніе къ богатствамъ и которые были очень бѣдны», что «жить въ избыточествѣ благъ земныхъ совершенно противно званію» служителя алтара.

Строга Екатерина къ людямъ, строга и къ себѣ. Она вполне созна-

только говорить всѣмъ и ни отъ кого не скрываетъ, что все ея значеніе поконится на силѣ и преданности народа, на чести и достоинствѣ имперіи; она лично—ничто. Въ самый разгаръ двухъ войнъ, второй турецкой и шведской, въ заграничныхъ газетахъ появилось извѣстіе о смерти Екатерины; императрица писала по этому поводу: «Безумцы утверждаютъ, будто нѣтъ болѣе Екатерины; но если бы ея и не было, Россійская имперія тѣмъ не менѣе существовала-бы, а ей не суждено быть задавленной ни Густавомъ шведскимъ, ни Вильгельмомъ прусскимъ, даже въ союзѣ съ ихъ другомъ Абдуломъ-Гамидомъ турецкимъ». Князь Потемкинъ дивится ея «неустрашимой твердости»; она отвѣчаетъ: «какъ внако быть императрицѣ всероссійской, нѣтъ пятнадцать тысячъ верстъ за спиною и видя добрую волю и рвеніе народное». Князь де-Ланъ свидѣтельствуетъ, что «во дворцахъ, гдѣ есть престолы, не встрѣчалъ еще такой простоты и прямоты ни въ одной коронованной особѣ»; Екатерина отвѣчаетъ: «Престолы и возсѣдающіе на нихъ особы представляютъ прекрасное зрѣлище, но лишь издали; не въ ущербъ моимъ многоуважаемымъ собратьямъ, я полагаю, что мы, сколько насъ ни есть, всѣ должны быть пренесносными особами въ обществѣ; я знаю это по опыту: когда я вхожу въ комнату, я произвожу впечатлѣніе Медузиной головы — всѣ столбѣютъ и прерстаютъ къ тому мѣсту, на которомъ находилась. Мнѣ очень лестно слышать отъ васъ противоположное, но ежедневный опытъ убѣждаетъ меня, что я такая-же, какъ и другіе, и не найдется болѣе десяти или двѣнадцати лицъ, не стѣсняющихся моимъ присутствіемъ». Екатерина трудится постоянно, работаетъ «больше другихъ», и всегда, прежде чѣмъ начать дѣло, прежде чѣмъ рѣшить вопросъ, всегда справляется со взглядами и мѣтвіями Петра Великаго, всегда спрашиваетъ себя, смотря на его портретъ: «что сказалъ-бы Петръ, что сдѣлалъ-бы онъ, если-бъ былъ здѣсь». Она извиняется всякій разъ, когда замедлитъ отвѣтомъ даже на какое-нибудь ничтожное письмо.

Набрасывая свои «*Réflexions sur le projet d'une histoire de Russie au 18 siècle*», Екатерина категорически заявляла: «я не придаю никакой цѣны моимъ письмамъ»; но эти письма имѣютъ большое значеніе для исторіи самой Екатерины и нерѣдко рѣшающее для ея характеристики.

Императрица Екатерина II писала много, легко и охотно. Далеко не всѣ еще ея письма, указы, резолюціи и записочки изданы, а между тѣмъ число уже обнародованныхъ значительно превышаетъ 12.000 листовъ, ею писанныхъ, исправленныхъ или подписанныхъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что Екатерина хорошо умѣла употреблять перо на служеніе своимъ цѣлямъ. Она видѣла въ немъ довольно вѣрное средство, когда небрежно набрасывала на бумагу довѣрчивыя строчки къ другу и когда писала остроумныя письма къ Вольтеру и энциклопедистамъ, которые

должны были расточать ей похвалы по всей Европѣ, когда кропала небольшую пьеску для своего придворнаго театра и когда составляла государственные проекты, которые должны были создать ей славу законодательницы. Екатерина была слишкомъ умна, чтобы быть искреннею въ письмахъ къ Вольтеру, Даламберу и всѣмъ «знаменитостямъ» вѣка, имѣвшимъ большое вліяніе на общественное мнѣніе Европы; она была честолюбива, много перенесла въ жизни, хорошо знала людей и не могла, конечно, не быть осторожною въ своихъ сношеніяхъ съ ними, особенно-же письменныхъ. Она умѣла молчать, когда видѣла, что ее «хотятъ вызвать на разговоръ»; тѣмъ болѣе умѣла она писать, чтобы заставить говорить о себѣ то, что ей было нужно или желательно. Конечно, изъ всѣхъ писаній Екатерины, письма всего болѣе могутъ служить матеріаломъ для обрисовки ея внутреннего существа.

Но письма письмамъ рознь. Письма, напримѣръ, къ Даламберу съ увѣреніемъ, что въ Россіи «болѣе свободы», чѣмъ во Франціи, или къ Вольтеру съ категорическимъ увѣреніемъ, что «Россія пользуется полною терпимостью», имѣютъ совершенно иное значеніе, чѣмъ письма къ Потемкину, въ которыхъ она сообщаетъ ему не только свои сокровенныя плачи относительно ослабленія Турціи или погубленія Польши, но и свои откровенныя мнѣнія о лицахъ, ею же поставленныхъ во главѣ управленія извѣстною частью. Какъ произведенія Вольтера Екатерина «читала, перечитывала и изучала», такъ и свои письма къ нему она писала, переписывала и обдумывала въ нихъ каждое слово; письма же къ графу Стакельбергу—черновые наброски, безъ предвзятой дѣли, во всякомъ случаѣ, безъ задней мысли. Въ письмахъ Екатерины къ Вольтеру ему предлагается матеріалъ для составленія «*Siècle de Catherine II*», какъ pendant къ «*Siècle de Louis XIV*»; въ письмахъ-же къ Гримму выражается потребность высказаться, подѣлиться радостью и выплакать горе, иногда просто поболтать съ умнымъ человѣкомъ, рѣдко, впрочемъ, забывая, что этотъ умный человѣкъ своею «*Correspondance Littéraire*» нормировалъ взгляды многихъ дворовъ не на одни только произведенія искусства и явленія литературы.

Въ письмахъ императрицы къ Кейзерлингу и Стакельбергу, къ Потемкину, Вяземскому, Сиверсу, особенно-же къ Гримму, въ тѣхъ именно письмахъ, которыя были писаны ею безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія, невольно бросается въ глаза и поражаетъ одна характерная черта, рѣзко выдающаяся—здравый смыслъ, прямое сужденіе, прелестный реализмъ. Въ то именно время, когда, вмѣстѣ съ Руссо, началось уже господство фальшивой чувствительности и дѣланой риторики, Екатерина остается простою и положительною, смотритъ на вещи прямо, всегда старается «схватать быка за рога», иногда ошибается, но никогда не принимаетъ слово за дѣло. Ея сужденіе всегда здраво, оцѣнка ясна,

приговоръ рѣзокъ, нерѣдко суровъ, но всегда понятенъ. Она ненавидитъ фразу, пустое многоглаголаніе. Трезвый, свѣтлый умъ императрицы ненавидитъ масоновъ, она презираетъ шарлатановъ всякаго рода, никогда не жалуется на обстоятельства, не переноситъ съ больной головы на здоровую, никогда не обманываетъ себя, никогда не обольщаетъ себя пустыми надеждами, всегда холодно, сухо разсчитываетъ, и разсчитать ея рѣдко ошибоченъ.

Каково содержаніе, таковъ и слогъ. Очень оригинальный слогъ: нѣсколько небрежный, часто неправильный, но всегда ясный. Екатерина излагаетъ мысль очень кратко, но вполне понятно; чаще опускаетъ слова, чѣмъ-бы слѣдовало, и тѣмъ придаетъ своему слогу извѣстную терпкость. Ея изложеніе легко, живо, естественно, всегда образно. При выраженіи гнѣва, негодованія, слогъ Екатерины болѣе сжатъ, рѣзокъ, чѣмъ при изложеніи удовольствія, одобренія; но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не встрѣчается многословія, тѣмъ болѣе приторнаго. Даже общія обзорныя европейскія дѣла въ данную минуту выходятъ изъ-подъ пера Екатерины кратко и, во всякомъ случаѣ, не многорѣчивы. Особенно удаются ей портреты лицъ, гдѣ она одной, двумя чертами рисуетъ всего человѣка.

Екатерина выразилась въ своихъ письмахъ полнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ въ своихъ дѣяніяхъ. Это и понятно: она писала то хотѣла и дѣлала то могла.

Екатерина была монархиня самодержавная, но была-ли императрица вполне самостоятельна? Вопросъ не праздный: только чловѣкъ вольный въ своихъ поступкахъ отвѣтствененъ за свои дѣянія, только самостоятельная личность вѣнчана. Не говоримъ о вѣнчаніи, гдѣ «свои» интересы необходимо ограничены «чужими»; но во внутренней политикѣ, гдѣ воля самодержавной монархини вполне неограниченна? Воля, конечно, ничѣмъ не ограничена, но проявленіе ея ограничено, и въ довольно значительной степени, исполнителями. Екатерина одна — исполнителей много; она только приказываетъ—исполняютъ приказаніе другіе. При исполненіи, воля императрицы иногда безсильна; всегда-ли она всесильна при изданіи повелѣній?

Знаменитый Наказъ императрицы былъ, по собственнымъ ея словамъ, «смягчаемъ, исправляемъ, приноворяемъ» согласно указаніямъ «людей весьма разномысленныхъ», но настолько вліятельныхъ, настолько сильныхъ, что императрица должна была сообразоваться съ ихъ указаціями. Мало того: Наказъ былъ напечатанъ и публично читанъ въ засѣданіи законодательной комисіи, въ присутствіи 545 лицъ, въ томъ числѣ 346-ти непривилегированныхъ; очевидно, императрица желала сдѣлать свой Наказъ возможно болѣе извѣстнымъ, желала возможно болѣе распространить «причины къ узаконенію пунктовъ». Между тѣмъ,

правительствующій сенатъ, указомъ отъ 24-го сентября 1767 года, постановилъ: разослать по всей Россіи всего лишь 57 экземпляровъ, только въ «вышія учрежденія», притомъ «съ подтвержденіемъ, чтобы оныя содержаны были единственно для свѣдѣнія однихъ тѣхъ мѣстъ присутствующихъ, и чтобы оныя ни кому, ни изъ нижнихъ канцелярскихъ служителей, ни изъ постороннихъ не только для списыванія, но и же для прочтенія даны были».

Парализовалась этимъ воля императрицы или нѣтъ? И это въ Петербургѣ, на глазахъ Екатерины—что же дѣлалось въ провинціяхъ, въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, на окраинахъ? Вѣдь исполнителями были исключительно дворяне, выросшіе въ деморализующей школѣ крѣпостнаго права и отличавшіеся самодурствомъ. Въ центрѣ Россіи, въ Рязанской губерніи, въ 1783 году, не кто нибудь, а генералъ-губернаторъ, генералъ аншефъ М. Ѳ. Каменскій просилъ же смѣнить рязанскаго епископа Симона и прислать ему «свѣтскаго архіерея»!

Между тѣмъ эти именно дворяне признавались единственною опорою престола и съ ними приходилось считаться, такъ какъ «средняго рода людей» почти еще не было. Екатерина сдѣлала для дворянъ очень много. Насколько императрица упрочила самодержавіе, настолько же поддержала она дворянство. «Хотя я—писала Екатерина—лишена предразсудковъ и у меня умъ естественно философскій, я, сознаюсь, чувствую большую склонность чтить старыя фамиліи; я страдаю, видя ихъ обреченными почти до нищенства, и люблю восстанавливать ихъ. Восстанавливать ихъ значеніе можно предоставленіемъ старшему въ родѣ, если онъ того достоинъ, орденовъ и служебнаго положенія, и раздачею пенсій и даже помѣстій, сообразно нуждѣ и заслугамъ, съ условіемъ, чтобы они переходили къ старшему въ родѣ и были неотчуждаемы». Екатерина раздавала дворянамъ много помѣстій, увѣщивала ихъ орденами, назначала ихъ на «государственныя службы» и должна была убѣдиться, что не этими средствами поддерживаются старыя фамиліи. Сильнѣе чиновъ, отличій и «душъ» оказывалось крѣпостничество, жестоко мстившее за себя деморализаціей дворянства: помѣщикъ, теряя въ отношеніи къ своимъ крѣпостнымъ всякія понятія о правѣ и справедливости, терялъ вмѣстѣ съ тѣмъ чувства чести и достоинства. Ради «прибытка мерзкаго», князь С. В. Гагаринъ жесадѣлствовалъ императрицѣ, такъ что Екатерина въ особомъ письмѣ спрашивала его: «ваше сіятельство, между нами сказать, гдѣ князя Сергѣя Васильевича честь, гдѣ совѣсть?» Съ такимъ же вопросомъ императрица по праву могла обратиться и къ другимъ старымъ фамиліямъ: князь Одоевскій мошенническимъ способомъ выманивалъ деньги, князь Барятинскій выдавалъ безденежныя векселя, князь Хованскій судился за обманъ, Нелединскій былъ сосланъ за свѣченіе своей матери плетью, князь Лобановъ обви-

вался въ подлогѣ, графы Ефимовскіе преслѣдуютъ мать, князь Кантемиръ проклинаетъ родныхъ, генералъ-поручикъ Ржевскій обкрадываетъ содержателя клуба и т. д. и т. д. Когда, въ 1785 году, императрица, недовольствуясь пожалованіями и награжденіями отдѣльныхъ лицъ, особою грамотою опредѣлила въ 92 пунктахъ «права, вольности и преимущества руссійскаго дворянства», современный мемуаристъ дополнилъ перечень правъ однимъ, упущеннымъ грамотою, правомъ: «Дворяне почитаютъ невѣжество своимъ правомъ; человекъ со свѣдѣніями не только не уважается, но обѣгается»; другой современникъ отмѣтилъ, что дворянскіе сѣзды отличались «пьянствомъ, буянствомъ, всякими гадостями и безпутствомъ»; въ одной Тамбовской губерніи болѣе сотни дворянъ судилось за «взятки, буйство, грабежи и воровство».

И отъ этихъ-то дворянъ, въ которыхъ Екатерина видѣла не болѣе какъ «наемниковъ», зависѣла императрица—на нихъ она опиралась, они были исполнителями ея предначертаній. Удивляться-ли, что намѣреніе Екатерины «сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ людей вольными» обратилось въ положеніе «не должно вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ»? Можно-ли винить Екатерину за то, что предписаніе императрицы «отнять всѣмъ фабрикантамъ и заводчикамъ довольствоваться вольными наемными за договорную плату людьми» не имѣло практическаго результата и окончилось усмиреніемъ заводскихъ крестьянъ пушками? И эти дворяне, ищущіе «свѣтскихъ архіереевъ», самодурствующие въ своихъ помѣстьяхъ и пользующіеся даровымъ трудомъ на заводахъ, не только занимали всѣ высшія административныя и судебныя мѣста въ областномъ управленіи, но сидѣли въ центральномъ управленіи—въ сенатѣ, въ коллегіяхъ и конторахъ, въ совѣтахъ и комиссіяхъ—толпились при дворѣ, стояли у трона, всюду парадировавъ своими правами на невѣжество и влияя на ходъ государственныхъ дѣлъ.

Вслѣдствіе этого, императрица Екатерина желала болѣе, чѣмъ могла сдѣлать добра для Россіи. Иностранецъ, бесѣдовавшій и переписывавшійся съ Екатериною, свидѣтельствуетъ, что «весь секретъ царствованія Екатерины заключался въ искорененіи самыхъ основъ деспотизма и внушеніи народу чувства свободы». Таково, дѣйствительно, было желаніе императрицы, и его можно услѣдять во многихъ ея распоряженіяхъ.

Московскій главнокомандующій графъ Я. А. Брюсъ запретилъ представленіе трагедіи, въ которой встрѣчается слѣдующая тирада:

Исчезни навсегда сей пагубный уставъ,
Который заключенъ въ одной монаршей вогѣ!
Льзя-ль ждать блаженства тамъ, гдѣ гордость на престолахъ,
Гдѣ властью одного всѣ скованы сердца?
Въ монархіи не всегда находимъ мы отда.

Императрица была недовольна запрещеніемъ и приказала напечатать трагедію. Екатерина не разъ заявляла, что она въ душѣ республиканка, и въ 1778 году она «со скрежетомъ зубовъ» защищала англійскую конституцію. Но императрица искренно была убѣждена, что «всякое другое правленіе, кромѣ самодержавнаго, было бы Россіи вредно, даже разорительно» и много потрудилась въ этомъ направленіи. Она бесспорно много содѣйствовала искорененію деспотизма въ томъ смыслѣ, что вела постоянную и упорную борьбу съ грубостью, съ неуваженіемъ человѣческой личности, съ лихоимствомъ, съ насиліемъ всякаго рода, и тѣмъ вкореняла въ русскаго человѣка понятіе о чести, сознаніе своего достоинства, уваженіе къ правамъ и обязанностямъ гражданина, пробуждала общественную мысль, созидала общественность. Не только мы понимаемъ это, но и современники уже чувствовали: «Въ дни безсмертныя Екатерины II—говорить одинъ изъ нихъ— ея дѣянія и ея законы: не бить дворянина, священнослужителя, гражданина, не бить, безъ суда, мѣщанина и простолюдина—ежели не истребили, по крайней мѣрѣ, поколебали, ослабили и уменьшили насиліе и варварство сильныхъ и богатыхъ».

Секретъ царствованія Екатерины выраженъ ею практичнѣе и прямѣе въ ея «секретнѣйшемъ наставленіи» генераль-прокурору князю А. А. Вяземскому, при назначеніи его на эту важную должность: «Вамъ должно знать съ кѣмъ вы дѣло имѣть будете. Вы во мнѣ найдете, что я иныхъ видовъ не имѣю, какъ наибольшее благополучіе и славу отечества и ниаго не желаю, какъ благоденствія моихъ подданныхъ, какого бы они званія ни были; мои мысли всѣ къ тому-жъ лишь только стремятся, чтобы какъ извнутри, такъ и внѣ государства сохранять тишину, удовольствіе и покой. Я весьма люблю правду, и вы можете ее говорить, не боясь ничего, и спорить противъ меня безъ всякаго опасенія, лишь бы только то благо произвело въ дѣлѣ. Еще къ тому прибавлю, что я ласкательства отъ васъ не требую, но единственно чистосердечнаго обхожденія и твердости въ дѣлахъ». Благополучіе страны и благоденствіе ея обитателей немисламы при деспотизмѣ, откуда онъ ни исходилъ бы, сверху или снизу; но, кромѣ тишины, удовольствіе и покой предполагають, конечно, чувство свободы.

Иностранный писатель и русская императрица сходятся въ указаніи идеала, разнымъ языкомъ рисуя ту же сущность. На сколько же живнѣ оправдала эти указанія? Идеаль всегда недостижимъ, иначе онъ перестаетъ быть идеаломъ; въ положеніи же Екатерины, какъ императрицы самодержавной, даже стремленіе къ нему было въ значительной степени ограничено условіями, не ею созданными; въ этомъ отношеніи ей былъ указанъ предѣлъ, «его же не преидеши». Въ предѣлахъ же возможнаго Екатерина сдѣлала болѣе, чѣмъ кто-либо изъ русскихъ го-

сударей прошлаго вѣка, и по праву занимаетъ мѣсто рядомъ съ Петромъ Великимъ.

Ея законодательные акты, инструкціи и распоряженія, ея литературныя произведенія, комедіи и сатиры отмѣчены новыми, гуманными идеями, вносившими западно-европейскій свѣтъ въ русскія потемки. Даже личная жизнь Екатерины, съ роскошнымъ дворомъ и фаворитами, много вліяла на смягченіе нравовъ и облагороживаніе формъ. Придворная роскошь, противъ которой такъ возстають князья Щербатовы прошлаго и нынѣшняго вѣка, не имѣла и не могла имѣть особеннаго значенія: ея дурное вліяніе ограничивалось весьма небольшимъ кругомъ людей, по бѣльшей части ничтожныхъ, недостойныхъ даже сожалѣнія, уже испорченныхъ крѣпостничествомъ. Такъ и относилась къ нимъ Екатерина, презиравшая придворныхъ «подлецовъ и ласкателей» и желавшая привлечь ко двору людей порядочныхъ: «Я слышу—писала она князю А. А. Вяземскому— что васъ всѣ почитаютъ за честнаго человѣка; я-жъ надѣюсь вамъ опытами показать, что у двора люди съ сами качествами живутъ благополучно». Фаворитизмъ, конечно, зло, но, по сущности своей, зло беспочвенное, не пускающее корней, переходящее, не оставляющее слѣдовъ. Въ настоящее время даже нѣмецкіе историки, особенно строгіе къ Екатеринѣ, справедливо признають, что ея фавориты не имѣли вліянія на государственныя дѣла, и только наши историки-дилетанты усматриваютъ въ фаворитизмѣ прошлаго вѣка «почти государственное учрежденіе въ пользу лицъ, близость которыхъ къ императрицѣ составляла какъ бы должность». Роскошь при дворѣ и развратъ при фаворитахъ или безъ нихъ всегда были и будутъ. Придворная атмосфера никогда не бываетъ насыщена началами нравственности и морали; дворъ Екатерины не былъ въ въ этомъ отношеніи хуже своихъ предшественниковъ. Роскошь и развратъ, конечно, явленія непривлекательныя, но государственныя дѣла судятся по ихъ государственнымъ дѣламъ, не по ихъ частной, закулисной жизни.

Мелочи придворной *chronique scandaleuse* и клочки фаворитовъ никого уже не интересуютъ и всѣми позабыты; на мысляхъ же Новикова воспитались цѣлыя поколѣнія лучшихъ людей, безкорыстно содѣйствовавшихъ Царю-Освободителю въ его славныхъ реформахъ и самоотверженно поработавшихъ на просвѣтленіе роднаго народа. Труды Радищева, воспитавшагося на идеяхъ екатерининской эпохи, остаются до настоящаго времени запретнымъ плодомъ для русскаго человѣка. Въ этихъ двухъ именахъ всего полнѣе и вѣрнѣе сказанъ секретъ славнаго царствованія Екатерины, не выключая и мученичества, перенесеннаго этими пионерами свободной русской мысли. Екатерина ихъ вырастила, Екатерина же ихъ и казнила, искренно убѣжденная, что они «перешли»

указанный предѣлъ. Но сѣмя уже было брошено и дало ростокъ. Титулованный русскій «наемникъ» такъ возмущался ссылкой Радишева: «Десять лѣтъ Сибири—это, вѣдь, хуже смерти. И это за вѣтреность! Къ чему же будутъ приговаривать за преступленія и формальныя возмущенія?»

Внѣшняя политика Екатерины дорисовываетъ симпатичный образъ «великой монархини», высоко державшей знамя государственныхъ интересовъ Россіи. Русскій человѣкъ болѣе чувствовалъ, чѣмъ сознавалъ эту внѣшнюю политику—чувствовалъ въ рядѣ рекрутскихъ наборовъ, обычныхъ и чрезвычайныхъ, тяжело ложившихся на населеніе, и не всегда понималъ цѣли, преслѣдовавшіяся правительствомъ. Онъ удовлетворялся только успѣхомъ, и успѣхъ оправдывалъ императрицу вполне.

Во внѣшнихъ дѣлахъ Екатерина была еще менѣе свободна, чѣмъ во внутреннихъ. Задача и цѣли внѣшней политики были указаны историческимъ ростомъ Россіи и окончательно опредѣлены громомъ тѣхъ пушекъ, которыми Петръ Великій пробивалъ окно въ Европу. Только средства и способы зависѣли отъ Екатерины, и полный успѣхъ по всѣмъ пограничнымъ линіямъ—турецкой, польской и шведской—ясно свидѣтельствуетъ, что императрица употребляла наиболѣе плѣсообразныя средства для достиженія указанныхъ цѣлей.

Внѣшнія сношенія Екатерины начались не съ дипломатовъ, представителей коронованныхъ особъ, а съ философовъ, руководителей общественнаго мнѣнія Европы. Будучи великой княгиней, Екатерина читала философскія, политическія сочиненія единственно для собственнаго развитія, для просвѣщенія своего ума; ставъ императрицей, она вошла въ непосредственныя сношенія съ философами, имѣя въ виду не только ихъ вліяніе на общественное мнѣніе, но, главнѣйшимъ образомъ, ихъ сужденія и взгляды, ей вполнѣ сочувственныя. Чтеніе философовъ вѣка, особенно энциклопедистовъ, обогатило Екатерину такою политической зрѣlostью, которая не достигается ни практикой, ни опытомъ; но именно практическія соображенія и житейскій опытъ измѣнили позже въ значительной степени ея политическія взгляды и убѣжденія, и, конечно, не въ томъ направленіи, которое могло бы порадовать философовъ, бывшихъ ея учителями.

Можно только удивляться уму и такту, съ которыми Екатерина завязывала и поддерживала свои сношенія съ философами. Въ ея перепискѣ съ Вольтеромъ и Даламберомъ, съ Дидро и Гриммомъ, въ ея отзывѣхъ о Галлиани и Эйлерѣ, о Метастазіо и Галлерѣ виденъ свободный мыслитель и гуманистъ, и, въ то же время, человѣкъ вполнѣ практическій, у котораго личный интересъ возведенъ въ философскій принципъ. Екатерина такъ умно и практично поставила себя относи-

тельно философовъ, что они являлись добровольцами ея защитниками рѣшительно во всѣхъ ея предпріятіяхъ. Императрица такъ хорошо знала съ кѣмъ имѣть дѣло, что всѣ «князи философіи» были за нее даже въ польскомъ вопросѣ. Польскихъ конфедератовъ они называли «сволочью», а въ Екатеринѣ видѣли чуть-ли не апостола вѣротерпимости и пионера цивилизаціи по отношенію къ Польшѣ. Въ то время какъ иностранные философы не только оправдывали вмѣшательство Екатерины въ польскія дѣла, но считали раздѣлъ Польши актомъ политическаго мудрости, русскій человекъ, графъ С. Р. Воронцовъ писалъ изъ Лондона своему брату графу Александру, президенту коммерцъ-коллегии: «Все, что вы и гг. Безбородко и Марковъ пишете мнѣ, чтобъ оправдать новый раздѣлъ Польши, не убѣждаетъ меня и не заставляетъ меня замѣнять мнѣнія, что это есть сдѣлка ничѣмъ не оправдываемаго вѣроломства. Само по себѣ это дѣло представляется слишкомъ явною несправедливостью; но вѣроломный способъ приведенія въ исполненіе дѣлаетъ его еще болѣе противнымъ. Если ужъ было рѣшено сдѣлать эту несправедливость, то слѣдовало прямо сказать, что грабятъ Польшу, чтобы отомстить ей за то, что она желала заключить наступательный союзъ съ турками противъ насъ; но вмѣсто этого говорятъ о дружбѣ, обнародываютъ манифестъ съ заявленіемъ, что ищутъ только блага Польши, что ей хотятъ обезпечить цѣльность ея владѣній и пользованіе ея старымъ правительствомъ, при которомъ она процвѣтала съ такимъ блескомъ въ теченіе столькихъ вѣковъ! Можно-ли воображать послѣ этого, что какой либо дворъ будетъ имѣть какое либо довѣріе къ намъ?»

Изъ всѣхъ философовъ, одинъ Дидро умѣлъ «истинну царямъ съ улыбкой говорить». Прямой, даже рѣзкій Дидро говорилъ съ Екатериною искреннѣе другихъ и въ своихъ письмахъ напоминалъ ей объ обязанностяхъ государей. Поздравляя императрицу съ Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ, Дидро пишетъ: «Возношу мольбы, чтобъ ваше величество занялись болѣе упроченіемъ мира, чѣмъ какимъ либо другимъ дѣломъ. Пора вашему величеству окончательно покрыться славой, мотивы которой исходятъ бы отъ васъ одной и которой вы были-бы обязаны только своему гению. Кровь тысячи враговъ не можетъ возвратить вамъ стоимость одной капли русской крови. Частые военные триумфы составляютъ, безъ сомнѣнія, блестящія царствованія; но дѣлають-ли они ихъ счастливыми? Благодаря успѣхамъ разума, иные добродѣтели, чѣмъ добродѣтели Александровъ и Цезарей, списываютъ наше удивленіе. Убѣдились, что гораздо славнѣе и гораздо отраднѣе образовывать людей, чѣмъ убивать ихъ. Ваше величество позволяете-ли предложить ея вниманію, что хорошіе реформаторы, всегда рѣдкіе, особенно рѣдки въ тѣхъ именно странахъ, гдѣ они наиболѣе необходимы, и что люди

способные измѣнить къ лучшему порядокъ вещей въ государствѣ, являются послѣ большихъ промежутковъ».

Въ перепискѣ съ философами Екатерина является женщиной въ высшей степени умной, проникательной и практической. Она эксплуатируетъ ихъ насколько возможно, беретъ отъ нихъ все, что они дать могутъ, пользуется ихъ знаніями, ихъ вліяніемъ на общественное мнѣніе, но сама не подчиняется ихъ вліянію, дѣйствуетъ самостоятельно, какъ истый философъ. Приобрѣтя довѣріе и «заслуживъ» похвалу знаменитыхъ «князей философіи», Екатерина задаетъ имъ вопросы, приглашаетъ въ Россію, по ихъ указанію, ученыхъ, артистовъ, техниковъ, ремесленниковъ. Императрица была занята цѣлымъ рядомъ законодательныхъ работъ, заботилась объ учрежденіи образовательныхъ заведеній, поощряла промышленность, создавала новые рынки для торговли, проводила новые пути сообщенія, дѣлала грандіозныя постройки. По поводу всѣхъ этихъ трудовъ она хотѣла слышать мнѣніе философовъ, получить ихъ одобреніе; но ни ихъ политическихъ соображеній, ни ихъ социальныхъ теорій она не придерживалась. Это и понятно: они высказывали желательное—она творила возможное. Позже Екатерина такъ, напр., отзывалась о своихъ бесѣдахъ съ Дидро: «Я долго и часто бесѣдовала съ Дидро, но болѣе ради любопытства, чѣмъ съ пользою. Если бъ я довѣрилась ему, пришлось бы все перевернуть въ моей имперіи: законодательство, администрацію, политику, финансы, я должна была бы все уничтожить ради его непрактичныхъ теорій. Я ему откровенно сказала: г. Дидро, я съ большимъ удовольствіемъ слушала все, что внушилъ вамъ вашъ блестящій умъ; но изъ вашихъ общихъ принциповъ, которые я вполне понимаю, можно составить очень хорошія книги и лишь очень дурное управленіе страной. Во всѣхъ высшихъ преобразовательныхъ планахъ, вы забываете различіе нашихъ положеній: вы трудитесь надъ бумагою, которая все терпитъ—она гладка, покорна и не представляетъ препятствій ни вашему воображенію, ни перу вашему; между тѣмъ какъ я, императрица, работаю на человеческой шкурѣ, которая, напротивъ, очень раздражительна и щекотлива».

Внѣшняя политика Екатерины не представляется ни новою, ни самостоятельною—это продолженіе политики Петра В., выразившей естественное тяготѣніе Россіи къ морю. При обширности территоріи, береговая линія Россіи была слишкомъ ничтожна, ограничиваясь Сѣвернымъ моремъ, лишь нѣсколько мѣсяцевъ въ году доступнымъ мореплаванію. Замѣнить неприятое Сѣверное море гостепріимнымъ Балтійскимъ и доставить южной Россіи доступъ къ Черному морю—таковъ смыслъ внѣшней политики Петра I. Екатерина II только dokonчила начатое Петромъ I—приобрѣла Крымъ и присоединила Курляндію.

Было время, когда «восточный вопрос» еще не родился, когда турки понимались всеми за турокъ, когда христіанская Европа видѣла въ Россіи свою будущую избавительницу отъ мусульманской Турціи; было время, когда Европа просила Россію взять Константинополь и прогнать турокъ въ Азію. Вскорѣ послѣ разгрома турокъ польскимъ королемъ Яномъ Собѣскимъ подъ Вѣною, въ маѣ 1684 года прибыли въ Москву послы императора. Въ присутствіи правительницы Софіи, посолъ баронъ Блумбергъ говорилъ малолѣтнимъ царямъ Ивану и Петру, которому было тогда 12 лѣтъ, что пораженіе подъ Вѣной нанесло такую рану Турціи, отъ которой она не излечится уже никогда, и прибавилъ: «Черное море страстно желаетъ принять васъ въ свои распростертныя объятія. Какъ прежде Россіи трудно было стать твердою ногою въ Крыму, такъ въ настоящее время вамъ легко это исполнить. Возьмите Константинополь, въ которомъ долженъ находиться престолъ вашихъ патриарховъ». Спустя сто лѣтъ Екатерина II убѣдилась, что «dire et faire sont deux». Фаворитъ царевны Софіи «великій» Голицынъ два раза ходилъ на крымскихъ татаръ и оба раза безуспѣшно; Петръ В. два раза осаждалъ Азовъ, воевалъ съ Турціею, и лишь навсегда уничтожилъ «помники» крымскому хану; Екатерина же рѣшилась пробитую Петромъ просѣку къ Черному морю обратить въ торную дорогу. Она вела двѣ войны съ Турціею: первое было подготовлено завладѣніе Крымомъ, второе было обезпечено обладаніе этимъ полуостровомъ. Извѣщая императора Иосифа II о приобрѣтеніи Крыма, Тамани и Кубанскаго края, Екатерина прибавляла: «Les provinces et les îles qui passent sous la domination de l'Empire de Russie forment ma dot». Не иныя земли, не Бѣлоруссія, не Курляндія, а именно Крымъ составляетъ ея приданое—этимъ ясно указано значеніе этого приобрѣтенія въ глазахъ богатой безприданницы Екатерины.

Турецкія войны, первая и вторая, длились болѣе десяти лѣтъ и потребовали большаго напряженія народныхъ силъ, политической прозорливости и дипломатическаго такта. Несмотря на естественную сосѣдскую зависть и вопреки пресловутаго европейскаго равновѣсія, Россія не осталась изолированной; напротивъ: во время первой турецкой войны, Европа въ лицѣ не только Италіи, но даже Англіи, сочувственно относилась къ успѣхамъ русскаго оружія; во время второй — войска римскаго императора содѣйствовали пораженію Турціи. Результатъ соотвѣтствовалъ усиліямъ: съ приобрѣтеніемъ Крыма, Черное море стало для русскаго флота Эвксинномъ, и береговая на немъ русская линія получила въ главныхъ чертахъ то протяженіе, которое сохраняетъ и нынѣ. Никто изъ русскихъ государей ранѣе Екатерины и никто позже ея не достигалъ подобныхъ результатовъ въ войнахъ съ Турціею.

Екатерина II осуществляла намбрения Петра I; ея преемникамъ были не подъ силу ея указанія въ этомъ направленіи.

Безкровное, по добровольному желанію мѣстныхъ жителей, присоединеніе Курляндіи увеличило протяженіе русской береговой линіи на Балтійскомъ морѣ болѣе чѣмъ на 300 верстъ. Завѣтная мечта Петра I была осуществлена Екатериной II. Подобно Петру В., она смотрѣла на Курляндію не съ узкой, націоналистической, а съ широкой, государственной точки зрѣнія и, вскорѣ по воцареніи, повелѣла торжественно объявить «рыцарству и земству, что мы ихъ въ особливомъ покровительствѣ, слѣдовательно и при ихъ вѣрѣ, правахъ, вольностяхъ и привилегіяхъ, на такомъ основаніи, какъ оныя во время подтвержденія были и отъ королей польскихъ клятвою утверждены, содержать и защищать намбрены, отнюдь не допуская, чтобъ въ томъ какая либо отмѣна къ ихъ предосужденію учинена была». Это не были пустыя обѣщанія, и Курляндія, даже послѣ своего присоединенія къ Россіи, въ 1795 году, испытала на себѣ, до какой степени Екатерина уважала законныя ея права и привилегіи.

Еще менѣе самостоятельна, менѣе оригинальна была политика Екатерины въ польскомъ вопросѣ. Будучи еще великою княгиней, она категорически заявляла, въ 1758 году, что для Россіи полезна «счастливая анархія, въ которую погружена Польша и которою распоряжаемся мы по своей волѣ—Петръ I, знакомый съ дѣломъ, объявилъ себя въ 1717 г. поручителемъ за свободу Польши и врагомъ того, кто посягаетъ на нее». Спустя болѣе тридцати лѣтъ, императрица тѣмъ-же мотивомъ объявила свою польскую политику: «По польскимъ дѣламъ—писала она въ 1792 г.—не было еще слѣдовано отъ 1717 г. иному проекту, окромѣ одинакому, то-есть чтобъ сохранить республику и вольность ея, колико возможно, въ цѣлости». Только при анархіи «мы распоряжаемся Польшею по своей волѣ», и не Екатерину, конечно, можно обвинять въ разрушеніи этого польскаго нестроенія: русская самодержица возстаетъ противъ стремленія польскихъ королей къ самодержавію; уничтоживъ малороссійское гетманство, она хлопочетъ о восстановленіи въ Польшѣ гетманства, «яко преграды могуществу королевскому»; она поддерживаетъ гибельное для Польши *liberum veto*, она обѣщаетъ «не отступить даже передъ самимъ чортомъ», лишь бы уничтожить конституцію 3-го мая 1791 года. И не только направленіе политики въ польскомъ вопросѣ не принадлежитъ Екатеринѣ, даже форма исполненія, раздѣлы Польша, не ею придуманы: *les principes ont été trouvés et proposés par la cour de Vienne*, писала она Иосифу II.

Польскій вопросъ, въ той или другой формѣ, то какъ угроза, то какъ соблазнъ, служить въ теченіе трехъ вѣковъ однимъ изъ основныхъ мотивовъ международныхъ сношеній Россіи съ государствами западной

Европы, преимущественно съ польскими сосѣдами, Австрією и Пруссією. Этотъ мотивъ сталкивается съ другими, иногда отодвигается ими на задній планъ, переплетается то съ турецкими посягательствами, то со шведскими притязаніями, но всегда его можно услѣдить, всегда онъ играетъ роль болѣе или менѣе видную. Въ 1573 году императоръ Максимилианъ II предложилъ царю Ивану Васильевичу Грозному раздѣлить Польшу: польское королевство присоединить къ Австріи, княжество Литовское—къ Россіи; спустя 200 лѣтъ, въ 1772 году, мысль Максимилиана начала приводиться въ исполненіе, и скоро Польша, какъ самостоятельное государство, исчезла и земли ея были подѣлены между Россією, Пруссією и Австрією. Но не одна только Польша, турецкія дѣла на югъ приводили Россію въ такую же тѣсную связь съ Австрією, какъ шведскія на сѣверѣ—съ Пруссією.

Въ сношеніяхъ съ германскими государствами, съ Австрією и Пруссією, Екатерина дѣйствовала вполне самостоятельно. Польша, Турція и Швеція, какъ главные мотивы, завязавшіе сношенія Россіи съ Австрією и Пруссією, имѣли при Петрѣ I иное значеніе, чѣмъ при Екатеринѣ II. Петръ I установилъ свою «славную систему», въ которой Россія являлась союзницей Австріи. Эта система продолжалась во всю первую половину XVIII столѣтія и привела Россію къ участію въ Семилѣтней войнѣ, вполне чуждой русскимъ интересамъ. Во всю вторую половину прошлаго вѣка дѣйствовала совершенно иная система: Екатерина II не только сама счумѣла жить въ мирѣ съ обоими врагами, съ Австрією и Пруссією, но умѣрала ихъ взаимную неприязнь, мирила ихъ насколько могла. Съ замѣчательною осторожностью и съ большимъ политическимъ тактомъ пользовалась Екатерина враждою своихъ сосѣдокъ, чтобы предписывать имъ обвинъ свою волю и заставить ихъ идти по пути, ею избранному, настолько, что уже въ 1779 году обѣ германскія державы сами просили посредничества русской императрицы въ рѣшеніи чисто германскаго вопроса о баварскомъ наслѣдствѣ. Вліяніе Екатерины на самыя германскія дѣла было неотразимо и надолго оставило по себѣ глубокой слѣдъ. Она дала Даніи ту знаменитую гарантію на владѣніе Шлезвигъ-Гольштейномъ, о которую разбились всѣ стремленія нѣмецкихъ патріотовъ 1848 года; она же подала Австріи первые надежды на обладаніе Венеціей, съ покоренія которой вражда между Австрією и Италіей становится непримиримою.

Еще сильнѣе, еще рѣзче сказалось вліяніе вѣйшей политики Екатерины не на Германію только, даже не на одну Европу, но на весь торговый міръ изданными ею правлами вооруженнаго нейтралитета, этого, по словамъ Фридриха II, «морскаго устава, защищающаго торговлю отъ всякаго морскаго разбойничества».

Екатерина не любила «народныхъ волненій» и первое извѣстіе о воз-

ставилъ англійскихъ колоній въ Сѣверной Америкѣ приняла за пустой газетный слухъ. Американскіе каперы вскорѣ доказали, что это вовсе не пустой слухъ, а серьезный протестъ противъ метрополія. «Знаете-ли— писала Екатерина II въ 1778 г.—какой вредъ наносятъ мнѣ американскіе каперы? Они захватываютъ торговые суда, выходящія изъ Архангельска! Они занимались этимъ прекраснымъ ремесломъ въ іюнь и августѣ, но даю вамъ слово, что первый, кто затронетъ архангельскую торговлю въ будущемъ году, жестоко поплатится за это—я, вѣдь, не Георгъ III и меня нельзя безнаказанно водить за носъ». Къ американскимъ каперамъ присоединились вскорѣ и англійскіе корсары. Екатерина сердилась; англійскій посланникъ старался ее успокоить. «Вы притѣняете мою торговлю,—сказала она Гаррису,—вы задерживаете мои корабли; всему этому я придаю особенное значеніе: торговля—мое дѣтище, и вы не допускаете, чтобъ я сердилась?» Это было сказано осенью 1779 года, а 28-го февраля 1780 г. Екатерина подписала знаменитую «декларацию воюющимъ державамъ», т. е. дворамъ версальскому, мадридскому и лондонскому, въ которой изложила «правила морскаго нейтралитета» для «охраненія свободы морской торговли». Насколько декларация отвѣчала общей потребности, видно изъ того, что всѣ нейтральные державы присоединились къ ней: Данія и Швеція, Австрія и Пруссія, Португалія, королевство Обѣихъ Сицилій; даже Англія должна была уступить, и тайныя инструкціи, данныя ею своимъ крейсерамъ и каперамъ были согласованы съ декларациею, такъ что «къ концу войны каперы почти совершенно исчезли, и торговля нейтральныхъ процвѣтала въ самомъ разгарѣ войны, какъ бы среди глубочайшаго мира».

Великая, гуманная идея, положенная въ основу вооруженнаго нейтралитета—обеспечить невоюющимъ блага мира—всецѣло принадлежитъ Екатеринѣ II. Враги великой императрицы, не только чужіе, но и свои, не только прежде, но и теперь, не понимая ея высокаго государственнаго ума, оспаривали и оспариваютъ у нея честь создательницы этого «чуда», по отзыву Фридриха II. Это «чудо» приписывали то графу Панину, то самому-же Фридриху. Екатерина категорически опровергла эти нелѣпыя догадки «Это неправда—вооруженный нейтралитетъ вышелъ изъ головы Екатерины II и ничьей другой. Графъ Безбородко можетъ засвидѣтельствовать, что въ одно прекрасное утро эта мысль была высказана императрицей какъ бы по вдохновенію. Графъ Панинъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ, такъ какъ мысль эта не принадлежала ему, и стоило большаго труда уяснить ему самую мысль; это было поручено Бакунину, и затѣмъ уже Панинъ приложилъ свое стараніе».

Въ послѣдніе годы своей жизни Екатерина II проявила по вѣшнимъ именно дѣламъ такую мощь духа, такую «неустрашимую твер-

дость», которая обезпечила за Россією первенствующее значеніе въ Европѣ.

Въ 1787 году, празднуя 25-ти-лѣтіе своего царствованія, Екатерина надала милостивый манифестъ народу и предприняла знаменитое таврическое путешествіе, въ которомъ приняли участіе какъ представители державъ, такъ и коронованныя особы—императоръ австрійскій, союзникъ Россіи, и король польскій, ея ставленникъ. Путешествіе императрицы на югъ Россіи, въ Крымъ, такъ еще недавно подвластный Турціи, путешествіе по Днѣпру, устье котораго во власти еще турокъ, обезпечило Порту Оттоманскую. Для встрѣчи и сопровожденія императрицы, на югъ, къ Днѣпру, были стануты войска. Въ заграничныхъ газетахъ писали, будто близъ Кіева была собрана 100,000 армія, подъ командою Румянцева, будто въ Херсонѣ расположенъ такой-же корпусъ, подъ командою князя Потемкина, и будто до 60,000 войскъ были разсыяны небольшими отрядами на всемъ пути слѣдованія императрицы. Стягиваніе такихъ силъ на турецкую границу могло уже само по себѣ встревожить турецкое министерство, но эта тревога усиливалась еще чисто вызывательными манифестациями, въ родѣ надписи на одной изъ триумфальныхъ арокъ: «Путь въ Константинополь». Екатерина не успѣла возвратиться изъ таврическаго путешествія, какъ началась вторая турецкая война.

Союзъ Россіи съ Австрією измѣнилъ всѣ «политическія конъюнктуры» Европы и вызвалъ такіа дипломатическія «посрамленія», которыя угрожали обомъ императорскимъ союзникамъ несравненно большими опасностями, чѣмъ война съ Портою Оттоманскою, ради которой состоялся австро-русскій союзъ. Вслѣдъ за войной турецкой, Англія и Пруссія подвигли короля шведскаго Густава III начать войну съ Россією, и въ то время, когда Россія должна была воевать на два фронта, съ турками на югѣ и со шведами на сѣверѣ, Пруссія угрожаетъ Австріи второю войною. Пруссія вооружается и поднимаетъ Польшу противъ Россіи и Австріи; Англія платитъ субсидіи Густаву III и готова отправить свой флотъ въ Балтику. Дошло до того, что графъ Кауницъ предлагалъ Іосифу II отказаться отъ земельныхъ приобрѣтеній по первому раздѣлу Польши, а князь Потемкинъ совѣтовалъ Екатерину II возвратити туркамъ Крымъ и заключити союзъ съ Пруссією и миръ со Швецією. Положеніе было очень серьезное, даже критическое, и только твердость императрицы спасла «честь и цѣлость» имперіи.

«На оставленіе Крыма — писала императрица князю Потемкину — воля твоя, согласиться не могу: объ немъ идетъ война, и естьли сіе гнѣздо оставить, всѣ труды и заведенія пропадутъ и пакн возстаноятся набѣги татарскіе на внутреннія провинціи. Ради Бога, не пушайся на сіи мысли, кои мнѣ понять трудно. Когда кто свидитъ на ковѣ, тогда сой-

деть-ли съ онаго, чтобы держаться за хвостъ?» Относительно же союза императрица высказала ему такое мнѣніе: «Я начинаю думать, что намъ всего лучше не имѣть никакихъ союзовъ, нежели переметаться то сюда, то туда, какъ камышь во время бури. Сверхъ того, военное время не есть періодъ для сведенія связи. Я къ отщепенію не склонна, но что чести моей и имперіи и интересамъ ея существеннымъ противно, то ей и вредно; провинцію за провинцію не отдамъ; законы себѣ предписать кто дастъ? Она дойдутъ до посрамленія, ибо никому подобное никогда еще не удавалось. Она позабыли себя и съ кѣмъ дѣло имѣютъ; въ томъ и надежду дураки кладутъ, что мы уступчивы будемъ. Возьма Очаковъ и сдѣлай миръ съ турками, тогда увидишь, что осядутся, какъ снѣгъ на степи послѣ оттепели, да попользутъ какъ вода по отлогамъ мѣстамъ».

Поэтическое сравненіе Екатерины оправдалось: правда, оттепели пришлось ждать три года, но оттепель пришла, и всѣ прусскія и англійскія посрамленія расплозились, какъ весенняя вода по отлогамъ мѣстамъ. 3-го августа 1790 года заключенъ верельскій миръ со Швеціею, палъ Очаковъ, палъ Измаилъ, и 11-го августа 1791 г. подписаны въ Яссахъ прелиминаріи мира съ Турціею. Извѣщая князя Потемкина о мирѣ со Швеціею, Екатерина писала ему: «Одну лапу мы изъ грязи вытащили, какъ вытащишь другую, то пропоемъ альянція». Послѣ Ясского мира 1791 г. Екатерина имѣла полное право пропѣть альянція.

Въ виду стойкости и неуступчивости Россіи, смолкли прусскія и англійскія угрозы. «Пруссакъ наки заговариваетъ полякамъ, чтобъ ему уступили Данцигъ и Торунь, сей разъ на нашъ счетъ, лаская ихъ имъ отдать Бѣлоруссію и Кіевъ. Онъ всесвѣтнѣй распорядитель чужаго», писала Екатерина. Чужимъ распорядиться оказалось, однако, не легко: Бѣлоруссія и Кіевъ остались за Россіею, ни Данцига, ни Торна Пруссія не получила. Не удался и угрозы Англии, гдѣ англійскій парламентъ защитилъ Россію отъ англійскаго министерства. Когда Питтъ, во время дебатовъ въ палатѣ, открыто заявилъ, что «вооруженный флотъ предназначенъ для дѣйствія противъ Россіи, безмѣрное честолюбіе которой необходимо ограничить, какъ равнымъ образомъ необходимо воспрепятствовать окончательному разрушенію Оттоманской имперіи», со стороны оппозиціи послышались рѣчи, отличавшіяся небывалою смѣлостью, и, наконецъ, громкая рѣчь Фокса, который сильно напалъ на политику Питта, «дабы камора и вся нація знали, въ какую пагубу и безчестіе ее вовлекаютъ». На другой день на улицахъ Лондона расклеены были афиши: «No war against Russia».

Верхомъ дипломатическаго искусства является положеніе, занятое Екатериною относительно большой французской революціи. Какъ императрица, обладавшая высокимъ государственнымъ умомъ, она обвиняла королевскую власть во Франціи въ крайней слабости, не сжумѣвшей

своевременными реформами предупредить самую возможность революціоннаго движенія; какъ монархія самодержавная, она не только не признавала этой революціи, она даже не понимала ея смысла. Никто не говорилъ болѣе Екатерины противъ французской революціи и никто менѣе Екатерины не сдѣлалъ для противодѣйствія ей. Она находила, что весь этотъ переворотъ не стоитъ «капли русской крови», и если поддерживала принципъ власти, то лишь мѣрами, не нанесшими Россіи никакого ущерба; но въ то же время Екатерина воспользовалась въ полной мѣрѣ замѣшательствами, вызванными въ Западной Европѣ французскою революціею, для достиженія ближайшихъ реальныхъ выгодъ въ чисто русскихъ интересахъ.

Говорять и повторять, будто большая французская революція заставила Екатерину отречься отъ своихъ идеаловъ и обратиться противъ французскаго народа, который она такъ долго боготворила, и противъ своихъ же учителей, французскихъ философовъ; увѣряютъ даже, будто «при первыхъ же раскатахъ революціоннаго грома» Екатерина приказала убрать съ ея глазъ бюстъ Вольтера. Трудно себя представить что-нибудь болѣе несправедливое и неосновательное. Какую Екатерина была до революціи, такою же осталась она и послѣ революціи. Кто изъ французскихъ «философовъ» былъ ея учителемъ? Не Руссо, конечно, котораго она невнясила за его проповѣдь превосходства нравственнаго воспитанія предъ развитіемъ умственныхъ способностей, и на борьбу котораго съ культурою смотрѣла, какъ на богомерзкую ересь противъ религіи вѣка. Во французской революціи Екатерина видѣла движеніе, прямо противное духу Вольтера и философовъ. «Что же сдѣлають французы—писала она въ 1790 году—съ своими лучшими писателями, которые всѣ, и даже Вольтеръ, роялисты, всѣ проповѣдуютъ порядокъ и спокойствіе? Сожгутъ ли французы произведенія своихъ философовъ? Если же не сожгутъ, то почерпнутъ изъ этихъ произведеній принципы, противорѣчащіе ихъ системѣ». Черезъ три года, въ 1793 году: «Итакъ, въ концѣ XVIII столѣтія стало, кажется, заслугою убивать людей, и меня хотятъ увѣрить, будто Вольтеръ проповѣдывалъ убійство — вотъ какъ дерзаютъ клеветать на людей». На замѣненіе, что ученіе французскихъ философовъ подготовило революцію, Екатерина возражала: «Французскіе философы впали, быть можетъ, въ одну только ошибку — они полагали, что проповѣдуютъ людямъ съ добрымъ сердцемъ и доброй волей». Въ чемъ же революція измѣнила взглядъ Екатерины на философовъ?

Не философовъ, короля Людовика XVI обвиняла Екатерина II за революцію, которой совершенно не понимала и, какъ самодержица, не могла понимать. «Какой же Людовикъ XVI король! Онъ всякій вечеръ пьянъ и имъ управляетъ кто хочетъ—Бретейль, принцъ Конде, графъ

Артуа, наконецъ, Лафайеттъ». Получивъ извѣстіе о новой французской конституціи, Екатерина писала: «Ну, вотъ, Людовикъ XVI вѣрнѣе-таки свою подпись подъ этою нелѣпой конституціей и сдѣлать принять присягу, которой, конечно, не сдержитъ. Кто эти бессмысленные люди, заставляющіе его дѣлать подобныя глупости? Это, вѣдь, значить роить себя, унижаться, дѣлать себя презрѣннымъ:

Renoncer aux dieux, que l'on croit dans son coeur
C'est le crime d'un lâche, et non pas une erreur.

Съ государственною прозорливостью, ее отличавшею, Екатерина еще въ 1789 г. предсказала, что Людовика XVI постигнетъ участь Карла I.

Французская революція ширится и растетъ; ея идеи распространяются съ необыкновенною быстротою, ея задачи усвоиваются съ паразитическою легкостью. Французская «эпидемія», какъ называла ее Екатерина, заражаетъ всѣхъ. Ея «внутренніе противники», эмигранты, разсѣивались все далѣе и далѣе отъ предѣловъ Франціи. Савойя, Швейцарія, Люксембургъ и Бельгія были первыми этапами эмиграціоннаго движенія; только позже, потерявъ уже надежду на скорое возвращеніе, эмигранты появляются въ Англіи, Австріи, въ Польшѣ и, наконецъ, въ Россіи. Екатерина однихъ принимаетъ въ русскую службу, другимъ оказываетъ денежную помощь, всѣмъ сочувствуетъ, громко заявляетъ о необходимости составить коалицію для восстановленія монархической власти во Франціи, пишетъ въ этомъ смыслѣ въ Вѣну, Берлинъ и Стокгольмъ, всѣмъ обѣщаетъ свое «скорое и дѣятельное участіе», но войскъ своихъ противъ «французскихъ мошенниковъ» сама не посылаетъ и другимъ не даетъ. Когда прусскій король просилъ оказать ему союзную помощь, хотя бы только 2.000 казаковъ, Екатерина отказала; подобный же отказъ былъ сообщенъ и въ письмѣ къ англійскому королю. Почему?

Екатерина вполне спокойна относительно Россіи—французская «эпидемія» ее не заразитъ. Императрица думаетъ и заботится, прежде всего, о Россіи; Франція ее ни мало не беспокоитъ и очень мало интересуется. У нея свои дѣла, свои заботы—война съ Турціею, нелады съ Пруссіей и Англіей, счеты съ Польшею, столкновение съ Швеціею. До Франціи ли ей! Но «французскій пожаръ» вспыхнулъ, и было бы большою ошибкою не воспользоваться имъ. Екатерина такой ошибки не сдѣлаетъ: всѣ заинтересуются пожаромъ и не будутъ мѣшать ей. «Je me casse la tête, говоритъ она своему секретарю, чтобъ подвигнуть вѣнскій и берлинскій дворы въ дѣла французскія. Пруссскій бы пошелъ, но останавливается вѣнскій. Je veux les engager dans les affaires pour avoir les soudées franches. У меня много предпріятій неоконченыхъ, и надобно, чтобъ они были заняты и мнѣ не мѣшали».

Въ теченіе первыхъ семи лѣтъ французской революціи, совпадаю-

щихъ съ послѣдними годами жизни Екатерины II, Россія вела двѣ войны, до 1790 г. со Швеціею, до 1791 г. съ Турціею, съ 1791 года по 1795 годъ происходили раздѣлы Польши, въ 1795 году началась война съ Персіею. Вотъ тѣ существенные, реальныя интересы Россіи, которые Екатерина ставила на первый планъ и которые въ ея глазахъ были несравненно важнѣе всѣхъ революцій на далекомъ Западѣ.

Всегда и во всемъ, въ дѣлахъ внутреннихъ, какъ и вѣншихъ, одно стремленіе, одна цѣль—«дѣло строенія земли Русской», реальныя интересы Россіи, которой Екатерина посвятила всю свою жизнь. Благодаря ея «долговременной службѣ государству», Россія въ 34-лѣтнее царствованіе Екатерины не только окрѣпла и возмужала, но культивировалась и просвѣтлась. Европа не чуждалась уже Россіи, но искала союза съ нею, и въ русскихъ людяхъ не видѣла уже московитовъ, *rien du Sarmate et du Goth*. Все это, конечно, лишь относительно, лишь сравнительно, но этимъ мы обязаны всецѣло Екатеринѣ.

И этой то Екатеринѣ II мы до сихъ поръ не знаемъ. Мы лишены возможности нарисовать ея правдивый портретъ. Какъ бы предъугадывая затрудненія за сто лѣтъ впередъ, Екатерина и въ этомъ помогла намъ, набросавъ «приблизительно» свой портретъ въ 1791 году, за пять лѣтъ до своей кончины, когда ей шелъ уже 62-й годъ.

«Я никогда не считала свой умъ творческимъ; я встрѣчала много людей, въ которыхъ находила, безъ зависти и ревности, болѣе ума, чѣмъ въ себѣ. Руководить мною всегда было очень легко—достаточно было представить мнѣ лучшія и болѣе осквательныя мысли, чѣмъ мои, и я становилась послушна, какъ овечка. Причина этого кроется въ сильномъ желаніи, которое я всегда имѣла, содѣйствовать благу государства. Мнѣ посчастливилось узнать благіе и истинныя принципы, чему я и обязана большими успѣхами. Я имѣла неудачи, проистекавшія отъ ошибокъ, въ которыхъ я лично неповинна и которыя, быть можетъ, случились только потому, что мои распоряженія не были точно исполнены. Несмотря на всю гибкость моей натуры, я умѣла быть упряма или настойчива, какъ хотите, когда мнѣ казалось, что это необходимо. Я никогда не стѣсняла ничего мнѣня, но при случаѣ держалась своего собственнаго. Я не люблю споровъ, такъ какъ всегда замѣчала, что всякій остается при своемъ убѣжденіи; къ тому же я не могла бы никого перекричать. Никогда не была я злопамятна. Провидѣніе поставило меня такъ высоко, что, взвѣсивъ все по справедливости, я не могла мѣряться съ частными людьми и не находила равной себѣ партіи. Вообще, я люблю справедливость, но держусь того мнѣня, что безусловная справедливость не есть справедливость, и что лишь условная справедливость совмѣстна съ слабостью человѣческой. Но во всѣхъ случаяхъ я предпочитала человѣколюбіе и снисходительность правиламъ строгости, кото-

рую, какъ мнѣ казалось, часто дурно понимаютъ. Къ этому привело меня мое собственное сердце, которое я считаю нѣжнымъ и добрымъ. Когда старики проповѣдывали мнѣ суровость, я, заливаясь слезами, признавалась въ своей слабости и видѣла, какъ они, со слезами же на глазахъ, присоединялись къ моему мнѣнію. Я по природѣ своей весела и искренна, но я долго жила на свѣтѣ и знаю, что есть желчныя умы, не любящія веселости, и что не всѣ способны терпѣть правду и откровенность».

Въ этой автобіографической замѣткѣ много характерныхъ чертъ, но особенно интересна послѣдняя, о правдѣ и откровенности. Эта важная черта для человѣка вообще пріобрѣтаетъ особенное значеніе для государя, тѣмъ болѣе самодержавнаго, какъ Екатерина II. Еще ребенкомъ ненавидѣла она ложь и обманъ. «Самую мерзкою изъ всѣхъ ролей мнѣ всегда казалась роль обманутой; бывши еще ребенкомъ я горько плакала, когда меня обманывали», писала Екатерина. Въ своемъ Наказѣ она категорически заявляетъ: «Ложь изъ всѣхъ вреднѣйшій есть порокъ». Если же ее обманывали, если ея именемъ злоупотребляли, это вредное и злое неудобство должно быть отнесено къ особенностямъ не ея личности, а того принципа, который она представляла. Современникъ Екатерины, ею вполне уважаемый и высоко цѣнимый, свидѣтельствуемъ: «Императрица должна по неволѣ вѣрить, что города, для которыхъ отпущены ею громадныя суммы, уже застроены, между тѣмъ, какъ нѣредко встрѣчаются города безъ улицъ, улицы безъ домовъ, дома безъ крышъ, дверей и оконъ».

Все это необходимо имѣть въ виду для правильной оцѣнки императрицы Екатерины II и еще болѣе, быть можетъ, нужно принимать въ соображеніе, что «не всѣ политическіе пороки суть пороки моральные и не всѣ пороки моральные суть политическіе пороки», какъ императрица сама начертала въ своемъ знаменитомъ Наказѣ.

Современники, свои и чужіе, не только видѣвшіе Екатерину, но и знавшіе ее, сходятся въ своихъ отзывахъ объ императрицѣ. Человѣкъ вполне русскій, свободомыслящій и правдивый князь Ѡ. Н. Голицынъ, видѣвшій Екатерину живою и мертвою, такъ записалъ свое о ней сужденіе: «Екатерина II была необыкновенная монархиня. Превосходное ея понятіе, точность и справедливость въ разсужденіяхъ, большая память и даръ объяснять свои мысли самымъ лучшимъ и яснымъ образомъ, съ прочими всѣми пріятностями женскаго пола, а при этомъ, когда ей надлежало, имѣла самый величественный видъ, умѣла себя воздерживать въ первомъ движеніи и властвовала во многомъ собою. Объ ней говоря, можно смѣло сказать, что имѣла всѣ достоинства, составляющія великаго государя». Иностранецъ, послѣдній изъ версальскихъ петиметровъ, князь Де-Ланъ нарисовалъ восторженный «портретъ Екатерины II», во многомъ подтверждающій и автобіографическую замѣтку, и сужденіе

князя Голицына. Отывъ его, какъ иностранца, замѣчательнъ именно тѣмъ, что основанъ на чувствахъ русскаго народа къ своей матушкѣ-государынѣ. Вотъ что, между прочимъ, записалъ князь Де-Линъ при первомъ извѣстїи о кончинѣ Екатерины II: «Клевета, вырвавшая цвѣты съ могилы Марїи-Антуанеты, захочетъ, быть можетъ, вырвать и лавры съ могилы Екатерины Великой. Самозванные собиратели анекдотовъ, памфлетясты, историки-даллетанты, люди пустые, злонамѣренныя или коварныя захотятъ, быть можетъ, умалить славу Екатерины—это имъ не удастся, и она восторжествуетъ, благодаря тому, что я самъ видѣлъ, путешествуя съ нею по Россїи: благодаря любви и восторгу ея подданныхъ, ея народа».

Всѣ лица, русскїе и иностранцы, видѣвшїе и говорившіе съ императрицею Екатериною, были въ восторгѣ отъ ея любезнаго приѣма, были обворожены ея простымъ обхожденїемъ. Между тѣмъ, сама Екатерина находила, что много теряетъ при ближайшемъ знакомствѣ съ нею: *je ne suis bonne qu'à être vue de loin*, не разъ писала она. Издалека, на разстоянїи ста лѣтъ, императрица Екатерина II представляется женщиною привлекательною, правительницею мудрою, государынею великою. Нѣмка по рожденїю, она проводитъ въ политикѣ внутренней и внѣшней чисто русскїе интересы; лютеранка по вѣрѣ, она является защитницею православїя; мелкая нѣмецкая принцесса, она широко раздвигаетъ предѣлы Россїйской имперїи и продолжаетъ внутреннюю политику Петра I въ смыслѣ распространенїя европейской образованности среди полуазиатскаго русскаго общества. Она пишетъ законы, создаетъ промыслы, развиваетъ торговлю, организуеетъ войско, просвѣщаетъ народъ и, минуя «родную» Германїю, протягиваетъ руки къ французскимъ философамъ, «обрадывая» Монтескье, переписываясь съ Вольтеромъ и Даламберомъ, призывая въ Петербургъ Фальконета Дидро и другихъ многихъ. Всегда и во всемъ одна задача, одна цѣль: польза Россїи, благо русскаго народа—польза реальная, благо практическое.

Реализмъ, какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ—основная черта государственнаго характера Екатерины. Будучи великою книжницею, она много читала, знакомилась со всевозможными теорїями; ставъ императрицею, она обращаетъ преимущественно вниманїе на практику. Она не противъ теоретическихъ мечтанїй какого-нибудь Дидро или Даламбера, но ей дороже чувствительная шкура русскаго человѣка. Чтобы узнать Россїю, она не только созываетъ выборныхъ со всей имперїи, но сама путешествуетъ и снаряжаетъ экспедицїи въ наименѣе изслѣдованныя окраины государства. Она плаваетъ по Ладожскому каналу, по Волгѣ и по Днѣпру, вѣдитъ въ Прибалтїйскїя провинцїи и въ Финляндїю, въ Бѣлоруссїю и въ Крымъ, все хочетъ сама видѣть, сама узнать; она посылаетъ Палласа и Гмелина, Лепехина и

Крашенинникова, Миллера, Фишера, Лаксмана и др., желая получить свѣдѣнія о природѣ и людяхъ земель отдаленныхъ, но, подобно ближайшимъ, ожидающихъ отъ нея великія и богатія милости. Въ борьбѣ съ монополіями, въ заботѣ о цѣнахъ на хлѣбъ, въ преслѣдованіи лихоимства—всегда она избираетъ реальныя средства и преслѣдуетъ практическую цѣль. Ей предлагаютъ учредить университетъ, она основываетъ техническія училища—горное, лекарское, водоходное, и покрываетъ Россію сѣтью народныхъ училищъ. Ея отношенія къ сосѣдямъ, къ Турціи, Польшѣ, Швеціи, отмѣчены тою же чертою: на первый планъ всегда выдвинуты ближайшіе интересы Россіи. Ея политика относительно Польши и Швеціи совершенно тождественна, хотя результаты получились различныя: шведы устояли, поляки нѣтъ. Даже теорія вооруженнаго нейтралитета была основана на принципѣ достиженія чисто практическихъ цѣлей.

У императрицы Екатерины II были недостатки, были даже пороки, но и они свидѣтельствовали о величій ея духа, напоминая подобныя же черты Ивана Грознаго и Петра Великаго. Екатерина чрезвычайно просто и вѣрно опредѣляла общую точку зрѣнія въ этомъ отношеніи: *plus zommes hommes avant que d'être ceci ou cela*. Безпорочныхъ людей не бываетъ, государи же судятся по ихъ государственнымъ дѣламъ, въ которыхъ все частное, личное отпадаетъ, забывается: остается только общее, всенародное, съ чѣмъ государи и переходятъ въ память народную, въ исторію.

Ни одинъ изъ государей русскихъ, кромѣ Петра I, не удостоился такой высокой похвалы въ нашей народной повѣи, какъ Екатерина II. Смерть ея произвела большое впечатлѣніе на народъ, который любилъ вспоминать свою «матушку - государыню» и возносить къ ней свои взоры въ тяжкія годы жизни:

Подымитесь, вѣтры буйные,
Разнесите всѣ желтыя пески,
Распахнися шелковѣ парча,
Разломися гробовѣ доска,
Подымися, наша матушка,
Милосердная государыня
Екатерина Алексѣевна!
Безъ тебя намъ жить поужѣло
Всему царству почежѣло.

Гласъ народа — гласъ Божій. По смерти Екатерины народу «жить поужѣло», хотя и при ней у этого народа, по его-же свидѣтельству, «босоты да наготы изнавѣшаны шесты, а холоду да голоду амбары стоять»; по смерти Екатерины «всему царству почежѣло», такъ какъ съ нею закончился періодъ государственныхъ реформъ, закончился надолго, вплоть до императора Александра II, продолжавшаго славный трудъ Петра I и Екатерины II. Проф. В. Бильбасовъ.

СТО ЛѢТЪ ТОМУ НАЗАДЪ.

(Изъ записокъ Д. П. Рунича ¹⁾.)

I.

Заслуги Петра I и Екатерины II.—Сравненіе и сближеніе ихъ царствованій.—
Характеристика тогдашняго общества.— Народное образованіе.— Домашній
бытъ высшаго класса: обѣды, балы и гулянья.

осемнадцатый вѣкъ, есть вѣкъ самый достопамятный въ исторіи государства Россійскаго. Петръ Великій умеръ въ 1725 году, — Екатерина II кончила жизнь 6-го ноября 1796 года, такъ что сіи великіе по дѣламъ государя, одинъ началъ, другая кончила XVIII-й вѣкъ, знаменитый и въ бытописаніяхъ міра и въ бытописаніи царства Русскаго.

1796-й годъ, принадлежа къ послѣднимъ четыремъ годамъ, оканчивающимъ XVIII столѣтіе, собственно для Россіи не имѣлъ бы особой важности, если бы не былъ годомъ кончины императрицы Екате-

¹⁾ Дмитрій Павловичъ Руничъ родился въ 1778 году и восемнадцати лѣтъ отъ роду поступилъ въ военную службу. Въ январѣ 1797 г. онъ перешелъ въ вѣдомство коллегіи иностранныхъ дѣлъ и до половины 1799 года состоялъ при нашемъ посольствѣ въ Вѣнѣ. Въ 1812 году онъ управлялъ московскимъ почтамтомъ и 2 сентября оставилъ Москву за нѣсколько часовъ до вступленія въ нее неприятеля. Подъ конецъ царствованія императора Александра, въ званіи члена главнаго училищъ правленія, Дмитрій Павловичъ управлялъ С.-Петербургскимъ университетомъ и петербургскимъ учебнымъ округомъ. За неправильное расхожденіе суммъ при постройкѣ университетскаго зданія онъ былъ отданъ подъ судъ и провелъ остатокъ дней своихъ въ отставкѣ. Въ теченіе болѣе чѣмъ полувѣковаго служенія, Д. П. Руничъ велъ обширную переписку съ разными лицами и оставилъ послѣ себя записки, ко-

рины II, которой, еще при жизни ея, просвѣщенная Европа не отказала въ наименованіи Великой. Она царствовала 34 года.

XVIII вѣкъ въ Россіи по всей справедливости долженъ быть названъ вѣкомъ Петра I-го и Екатерины II-й и это будетъ гораздо безпристрастіе того, что вѣкомъ Людовика XIV-го назвали тотъ вѣкъ, въ которомъ царствовалъ сей король французскій; ибо какое сравненіе сдѣлать можно царствованія его съ царствованіями русскихъ владыкъ: Петра и Екатерины. Людовикъ наследовалъ государство отчасти образованное и отчасти просвѣщенное Францискомъ и Генрихомъ, Петръ I-й и продолжательница началъ и видовъ его Екатерина II-я преобразовали и въ теченіе 100 лѣтъ поставили страну, обширнѣйшую въ мірѣ, дикую и безграмотную—на степень равную со всѣми европейскими просвѣщенными странами. Нынѣ страна сія преобладаетъ въ Европѣ и Азіи и силою, и могуществомъ, изобилуетъ всѣми возможными дарами природы и всѣми средствами, нужными для самостоятельности. Какъ имена Петра и Екатерины, такъ и царствованія ихъ не могутъ быть отдѣлены одно отъ другаго. Первый полагалъ основаніе къ просвѣщенію и величію своего государства, вторая продолжала развивать и укоренять ихъ, а потому годы царствованія ея во всѣхъ отношеніяхъ исключительно важны и замѣчательны.

Протекшіе по кончинѣ Петра до Екатерины 37 лѣтъ не могли представлять особой характеристикъ,—и это весьма естественно, ибо послѣ всѣхъ началъ, положенныхъ въ основаніе новой имперіи Петромъ, ближайшимъ преемникамъ его оставалось или продолжать, или разрушать его начала. Главнымъ усиліемъ Петра было сближеніе Россіи съ Европою, и продолженіе сближенія сего сдѣлалось непреодолимымъ слѣдствіемъ начатаго имъ преобразованія русскаго народа, гордившагося и происхожденіемъ своимъ, и самостоятельностью, и православіемъ, почитавшаго всѣ прочіе народы нехристіанами, смѣшивавшаго Европу съ Азіею, турокъ съ французами и недоувѣрявшаго даже самимъ грекамъ, отъ которыхъ праотцы ихъ заимствовали вѣру.

Болѣе полувѣка, Петръ и преемники его, до Екатерины, постоянно мѣняли и нравы и обычаи русскіе, начиная съ ближайшихъ ко двору бояръ. Въ народномъ быту обычаи иностранные не только не принимались, напротивъ, возбуждали отвращеніе, которое народъ питалъ къ иностранцамъ. Обычай сіи такъ же мало питали вліянія и на прочіе классы

торыя къ сожалѣнію разбиты по частямъ и находятся въ разныхъ рукахъ. Такова у насъ участь многихъ записокъ, какъ, напримѣръ, А. И. Михайловскаго—Данилевскаго и другихъ. Печатавъ начало записокъ Д. П. Рунича, мы должны сказать, что вторая половина ихъ была напечатана въ «Русскомъ Обзорѣніи» 1890 г., т. IV, № 8, стр. 653; т. V, № 9, стр. 186 и № 10, стр. 794. Ред.

жителей столицъ: дворянъ и купечество. Какъ дворяне, въ которыхъ таялся еще духъ бояръ московскихъ, время Пожарскаго, такъ и купцы, гордившіеся Миннинымъ, неохотно переходили отъ обычаевъ отцовъ своихъ къ обычаямъ иностранцевъ; а народъ упорно оставался въ томъ же полу-дикомъ невѣжествѣ, при тѣхъ же суевѣріяхъ и грубыхъ обычаяхъ, въ какихъ коснѣла до Петра вся Россія отъ западной своей границы до Авачинской губы. И чрезъ 120 лѣтъ, послѣ смерти преобразователя Россіи, даже въ наше время ¹⁾, можно еще въ пространномъ Русскомъ царствѣ, въ народномъ быту, особенно въ отдаленныхъ губерніяхъ, найти понятія, нравы, обычаи и суевѣрія временъ Грознаго.

Вѣра и суевѣріе, чистое и безкорыстное усердіе къ церкви и выѣстъ съ тѣмъ глубокое невѣжество не могли искоренить въ русскомъ народѣ коренныхъ свойствъ: честности, мужества и великодушія. Оставляя обычая предковъ, они не забывали вѣры и любви къ отечеству.

Народное просвѣщеніе, до царствованія Екатерины II, заключалось въ изученіи грамоты по церковнымъ книгамъ. Въ букварѣ народъ научался первымъ основаніямъ христіанства, чтеніемъ Псалтиря приучался къ возвышеннымъ понятіямъ о Богѣ, а въ Часословѣ находилъ наставленіе касательно богослуженія. Вообще въ народѣ русскомъ замѣтно изъ давнихъ временъ горячее влеченіе къ христіанству, безъ всякихъ корыстныхъ видовъ, несмотря на отсутствіе всякаго приготовительнаго ученія. Со всѣмъ тѣмъ едва-ли Россія не есть еще единственное государство, въ которомъ менѣе всѣхъ просвѣщенныхъ странъ совершается преступленій, ужасающихъ природу человѣческую.

Народное просвѣщеніе въ Россіи при Екатеринѣ только что начало повсемѣстно, хотя медленно, распространяться и до воцаренія императора Александра, народнымъ просвѣщеніемъ едва-ли названо быть можетъ. До девятнадцатаго столѣтія, оно было въ Россіи удѣломъ одного высшаго круга дворянства обѣихъ столицъ, составившагося изъ потомковъ нѣкоторыхъ бояръ и знаменитыхъ иностранцевъ, поселившихся въ Россіи. Въ массѣ народной, все просвѣщеніе состояло въ умѣніи читать по церковнымъ книгамъ, а въ самомъ высшемъ кругу дворянства не всѣ мужчины умѣли писать, а которые и умѣли, то писали какъ выговаривали и какъ нынѣ еще пишетъ простой народъ. Что жъ касается до женскаго пола, то умѣніе читать и писать почиталось вовсе для него ненужнымъ и даже опаснымъ. И дворянскія дѣти учились грамотѣ по церковной печати, по букварю у церковниковъ.

Только при императрицѣ Екатеринѣ II началось правильное обученіе въ ново-учрежденныхъ по городамъ народныхъ училищамъ мужскаго пола. Дѣти мелкихъ чиновниковъ и разночявцевъ, мелочныхъ купцовъ

¹⁾ Писано въ 1846 году.

и мастеровыхъ могли безъ всякой платы посѣщать ихъ. Многіе дворяне посылали въ сіи школы дѣтей крѣпостныхъ своихъ людей, которые, сверхъ природнаго своего языка, въ главномъ народномъ училищѣ въ Москвѣ, могли, если имѣли способности и охоту, научиться начальнымъ основаніямъ языковъ: латинскаго, французскаго и нѣмецкаго; исторіи, географіи, геометріи и ариѳметикѣ. Московское главное народное училище въ 1790-хъ годахъ имѣло болѣе ста входящихъ учениковъ и было подвѣдомо Московскому университету, находясь подъ непосредственнымъ начальствомъ директора училищъ. Въ послѣдніе годы XVIII столѣтія, не только въ Москвѣ, но и повсемѣстно, лучшими учителями грамоты русской были приходскіе священники и діаконы, обучавшіеся въ семинаріяхъ и академіяхъ духовныхъ. Очень немногихъ свѣтскихъ, образовавшихся въ Московскомъ университетѣ, къ числу ихъ присоединить можно было. Сверхъ главнаго народнаго училища, въ Москвѣ находились при многихъ городскихъ церквахъ приходскія училища, въ которыхъ первоначальные предметы преподавались духовными. Духовныя академіи и семинаріи сохранили для Россіи древніе классическіе языки. Если университетъ Московскій и славился эллинистомъ профессоромъ Маттѣемъ и латинистомъ профессоромъ Шаденомъ, то духовныя академіи и семинаріи несравненно болѣе образовали отличныхъ преподавателей греческаго, латинскаго и даже еврейскаго языковъ. Что касается до наукъ богословскихъ и философскихъ, сими науками великороссійскія духовныя училища обязаны первоначально малороссійскимъ духовнымъ академіямъ и коллегіумамъ.

Въ царствованіе Екатерины II, народное просвѣщеніе шло еще мелкими шагами и, какъ я уже сказалъ, едва-ли до воцаренія императора Александра народнымъ просвѣщеніемъ названо быть можетъ; такъ малочисленны были въ Россіи въ концѣ XVIII-го столѣтія народныя учебныя заведенія. Для высшихъ сословій, высшимъ учебнымъ центромъ былъ Московскій университетъ, но въ немъ обучалось очень немного дворянъ, ибо главною его цѣлью было образованіе преподавателей по разнымъ отраслямъ наукъ, особенно врачей и хирурговъ. Уже въ то время медицинскій факультетъ университета славился Гильдебрантомъ, Политковскими и другими медиками. Факультеты наукъ и словесности не имѣли большаго числа слушателей. Извѣстнѣйшее московское и иногородное дворянство исключительно обучалось въ загородномъ университетскомъ пансіонѣ. Только со смертію императора Павла I-го, въ началѣ уже XIX столѣтія, началось повсемѣстное и правильное распространеніе народнаго просвѣщенія въ Россіи. Первая половина сего столѣтія, въ которой мы живемъ, ожидаетъ бытописателя способнаго, честнаго и краснорѣчиваго, ибо едва-ли какое пятидесяти-

лѣтіе въ мірѣ богато столь быстрыми переворотами, какъ богато ими начавшееся въ 1801 году.

Чтобъ показать Россію и русскихъ, какими они были при кончинѣ императрицы Екатерины II, я постараюсь представить въ очеркахъ только картину тогдашняго ихъ быта.

Всякое общество, и большое и малое, состоитъ обыкновенно изъ четырехъ слоевъ: высшаго, средняго, низшаго и ближайшей къ послѣднему, народной толпы или такъ называемой черни. Разумѣется, что первый кругъ въ обществѣ всегда составляютъ лица по породѣ и богатству, образованности и просвѣщенію, отъ другихъ отличные; а потому о семъ верхнемъ словъ общества и о томъ что къ нему относится и хочу я исключительно говорить, чтобъ пересказать современникамъ моимъ, въ концѣ 1846 года, бытъ столицъ Россійской имперіи, въ концѣ 1796 года.

Можетъ быть философія найдетъ въ немъ кое-что для своихъ соображеній; свѣтскіе же въ вѣчномъ движеніи обращающіеся люди, живущіе суточною жизнію, которыхъ все бытіе заключается въ двадцати четырехъ часовомъ существованіи, увидятъ, что я за пятьдесятъ лѣтъ Петербургъ и Москва не уступали первымъ столицамъ Европы въ образованности и просвѣщеніи; а при этомъ вспомнить можетъ быть, что Россія имѣла уже в тогдѣ своихъ Долгоруковыхъ-Крымскихъ, Румянцовыхъ-Задунайскихъ и Потемкиныхъ-Таврическихъ, Воронцовыхъ, Паниныхъ и Безбородко, Ломоносова, Карамзина и Державина, которыхъ по всей справедливости назвать можно родоначальниками нашихъ новѣйшихъ и полководцевъ, и дипломатовъ, и писателей.

Что совершенно въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ отъ 1796 года, всему тому положено начало въ предшествовавшіе имъ полвѣка, въ которомъ тридцать четыре года исключительно принадлежатъ къ царствованію императрицы Екатерины II, постигнувшей огромныя виды Великаго Петра и довершившей въ свое царствованіе колоссальное зданіе, основаніе которому положено Петромъ. Цѣлыя столѣтія протекаютъ между царствованіями владыкъ земныхъ, подобныхъ Петру, Екатеринѣ и Александру; они бросаютъ сѣмена, изъ которыхъ вырастаютъ переживающіе вѣка дубы и кедры, которыхъ возникающія по временамъ непогоды и бури уже сломить не въ силахъ!

По вступленіи Екатерины на престолъ Россійской имперіи, общественная жизнь высшаго русскаго дворянства, обычаи, нравы и вкусъ приняли рѣшительное склоненіе къ обычаямъ, нравамъ, вкусамъ и общественной жизни французовъ. Давно уже Парижъ былъ для Европы образцомъ общегитія, утонченнаго вкуса и обхожденія. Со временъ Людовика XIV, языкъ французскій дѣлался болѣе и болѣе повсемѣстнымъ и знаніе его почиталось свидѣтельствомъ отличнаго образованія.

Обученіе сему языку дѣтей съ самыхъ молодыхъ лѣтъ въ домахъ знатныхъ было безусловно необходимымъ. Высшее общество говорило по-французски и чисто и правильно. Въ остаткахъ родовыхъ боярскихъ домовъ, и самая прислуга была составлена изъ французовъ, швейцарцевъ и нѣмцевъ. Новорожденнаго отдавали на руки мамкѣ, обыкновенно изъ нѣмокъ; въ очень затѣйливыхъ домахъ—англичанкѣ. Какъ же скоро ребенокъ начиналъ переступать съ ноги на ногу, къ нему приставляли франуженку; а по минованіи семи лѣтъ—дядьку француза, бракуя при выборѣ всѣ французскія нарѣчія (разумѣется гдѣ знали хорошо языкъ) кромѣ парижскаго! Вся важность полагалась въ выговорѣ! Само собою разумѣется, что такая прихотливость была исключительною и платилась дороже; гдѣ же ее не было, тамъ не смотрѣли на выговоръ,—особливо въ губерніяхъ, гдѣ, какъ увѣряли, многіе помѣщики, по незнанію иностранныхъ языковъ, вѣсто французовъ принимали къ дѣтямъ въ гувернеры и учителя смѣлыхъ пройдохъ изъ нѣмцевъ и даже чухонцевъ, произносившихъ изуродованныя, французскія слова. Въ нѣкоторыхъ только извѣстныхъ домахъ въ Петербургѣ и Москвѣ говорили самымъ чистымъ французскимъ языкомъ; между большей же части подражателей знатымъ говорили, и въ Петербургѣ и Москвѣ, по-французски съ грѣхомъ пополамъ. Впрочемъ и тотъ и другой французскій разговоръ можно еще слышать и въ 1846 году въ Петербургѣ. Въ отборнѣйшихъ только обществахъ высшаго круга, пріѣзжавшіе въ Петербургъ и Москву немногіе французы удивлялись, что въ сихъ обществахъ говорили на ихъ природномъ языкѣ съ особою чистотою выговора и правильностію, что впрочемъ было естественнымъ слѣдствіемъ привычки. Дѣти отъ колыбели слышали вседневно французскій разговоръ, учились французской азбукѣ прежде русской, читали по-французски прежде, нежели по-русски и съ родителями и учителями говорили по-французски, а потому легко и выучивались сему языку. Въ дѣтскихъ комнатахъ и въ рукахъ дѣтей находились однѣ французскія книги, изъ которыхъ они выучивались и разговору на французскомъ языкѣ и священной исторіи.—Шутя знакомились они съ древнею исторіею и затверживали карты четырехъ частей свѣта.

Домашнее ученіе продолжалось до вступленія молодыхъ людей въ службу, около двадцати-лѣтняго возраста, обыкновенно въ военную по гвардіи, начиная съ унтеръ-офицерскаго чина. Я не стану утверждать, что домашнее ученіе тогдашняго времени почитать должно полнымъ и достаточнымъ. Не во всѣхъ знатныхъ и извѣстныхъ семействахъ считали необходимымъ изученіе древнихъ языковъ; но не совсѣмъ же и они забыты были. Въ благородномъ университетскомъ пансіонѣ и многихъ частныхъ домахъ, до 15-ти-лѣтняго возраста, дѣтей занимали латинскимъ языкомъ.

Не надобно судить по нынѣшнимъ учебнымъ заведеніямъ домашняго образованія время Екатерины. Оно было тогда такъ исключительно рѣдко, что едва относилось къ цѣлому обществу какъ единица къ тысячѣ. При кончинѣ сей государыни въ Москвѣ съ трудомъ десять человѣкъ можно было насчитать домашнихъ наставниковъ, извѣстныхъ по ихъ учености, которые заслуживали имя учителей; остальные учителя, которые жили по господскимъ домамъ, были люди знавшіе только свой природный разговорный языкъ и начальныя основанія грамматики, географіи и древней исторіи, которыя они и преподавали по лучшимъ извѣстнымъ печатнымъ руководствамъ. Здѣсь было бы не у мѣста говорить о народномъ просвѣщеніи, ибо я коснулся домашняго образованія юношества, какъ предмета, принадлежащаго къ домашней жизни высшаго петербургскаго и московскаго общества. — Обращаюсь къ подробностямъ общественной жизни въ обѣихъ столицахъ.

Не одни знатные по чинамъ и высокимъ должностямъ, но и знатные по рожденію строго держались образа жизни и привычекъ бояръ старой Руси. Не всѣ имѣли огромныя каменные палаты, но всѣ содержали многочисленную крѣпостную дворню, множество лошадей, ине и псовые охоты. Никто изъ лицъ, принадлежавшихъ къ высшему дворянству, не выѣзжалъ со двора иначе, какъ въ каретахъ, запряженныхъ въ четыре и шесть лошадей, въ шорахъ или въ ямской упряжи, имѣя на запяткахъ двухъ лакеевъ. — Знатнѣйшіе сановники въ прибавокъ къ намъ присоединяли въ залитыхъ въ золотыя галуны, бахрамы и кисти: араповъ, гайдучковъ, гусаровъ и егерей. Экипажи измѣнялись по англійскимъ и французскимъ модамъ; въ то время употреблялись: «берлинны», «купе» и «вѣзавы», въ числѣ которыхъ находились прямо выписанные изъ Лондона. Въ двухъѣстныхъ каретахъ парами ѣздили по городу одни именитые иностранные купцы, доктора, повивальныя бабки и извѣстные музыканты, а по воскресеньямъ изъ знатныхъ домовъ развозили по киркамъ учителей и учительницъ также въ двухъѣстныхъ каретахъ парами, на наемныхъ лошадяхъ; и всякое воскресенье, у иновѣрческихъ церквей въ Москвѣ, можно было видѣть по десятку такихъ каретъ, обыкновенно фасона, вышедшаго изъ употребленія. Учителя и учительницы пользовались каретою цѣлый день; для прислуги имъ давались самыя неуклюжіе проводники, которые развозимыхъ учителей называли: м у с е, а женщинъ м а д а м ы. Кареты, колымаги и коляски на вазахъ или ремняхъ начали исчезать въ Москвѣ около восьмидесятихъ годовъ. Лѣтомъ, на дрожкахъ, а зимою въ саняхъ ѣздили одни мелкіе чиновники, купцы и развочинцы. Знатнѣйшее дворянство употребляло зимою для прогулокъ такъ называемыя вѣвскія сани. Упряжь въ экипажахъ ограничивалась законоположеніемъ, которое до конца XVIII столѣтія довольно строго наблюдалось. Табелъ о рангахъ

позволяла фельдмаршаламъ и генералъ-аншефамъ имѣть упряжку въ шесть лошадей и двухъ вершниковъ; генераламъ до полковника, — упряжку въ шесть лошадей; штабъ-офицерамъ до капитана—въ четыре лошади; оберъ-офицерамъ—въ двѣ.

Древніе потомственные дворянскіе роды имѣли ливреи по цвѣту своихъ гербовъ, обшитыя гербовыми басонами. Чины отъ 1-го класса до 6-го опредѣлялись нашивкою сихъ басоновъ на воротникахъ, карманахъ, обшлагахъ, по бортамъ и швамъ. Покрой парадныхъ ливрей не измѣнялся. Треугольныя шляпы обшивались богатымъ серебрянымъ или золотымъ галуномъ. Во всѣхъ знатныхъ домахъ обѣихъ столицъ, привратники, извѣстные подъ именемъ швейцаровъ, съ давнихъ временъ были въ употребленіи. Число дворовыхъ людей для прислуги было во всѣхъ домахъ чрезвычайно велико. Оно разоряло недостаточныхъ. Содержаніе многочисленной дворни, при домахъ и деревняхъ, поглощало если не половину, то конечно третью часть годовыхъ доходовъ помѣщиковъ. Многіе черезъ нѣкоторое время нечувствительно уничтожались вѣ тали, какъ снѣгъ на солнцѣ, отъ содержанія огромной дворни, нерасчетливаго хозяйства и неумѣреннаго хлѣбосольства. Другіе прибавляли къ тому дань французскимъ моднымъ магазинамъ, давнишней извѣ русскаго хлѣбопашества. Тысячи рукъ исключительно обрабатываютъ десятки тысячъ десятинъ земли, чтобъ заплатить Парижу за выдумки, за французскія вина и другія неисчислимыя бездѣлки.

За дворнею, конюшнею и охотою слѣдовала иностранная прислуга: камердинеры, парикмахеры и повара-французы или швейцарцы. Въ иныхъ домахъ встрѣчались французы или швейцарцы библіотекари, секретари, чтецы и друзья дома.

Доктора и лекаря домовые были по большей части изъ нѣмцевъ, но число ихъ было весьма невелико. Всѣ эти иностранцы безъ исключенія, для крѣпостной дворни изъ деревень набираемой, были настоящіе домовые, отъ которыхъ иногда и жить имъ приходилось плохо. Въ случаѣ же особливаго благоволенія хозяйки къ другу дома съ береговъ Сены или Гароны, эти друзья иногда и самого хозяина, какъ говорится, со свѣту сживали. Впрочемъ какъ бы то ни было, вкусъ русскаго дворянства къ французамъ и ко всему французскому, превратившійся въ симпатію, сблизилъ русскихъ съ европейскою цивилизаціею. Времена Екатерины представляли въ столицахъ Россіи версальскіе обычаи, утонченную роскошь и прихоти принцессы французскихъ.

Какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ кухня и буфетъ составляли важнѣйшій предметъ роскоши. И кушанье и вина исключительно были французскія; но въ старинныхъ знатныхъ домахъ оставались еще отъ старой русскаго кухни искусные повара, которые умѣли приготовить уставныя блюда боярскихъ пировъ: кудебяки, колдобные "

подовые пироги, сборныя щи, лапшу, свинину во всевозможныхъ видахъ и внутренности телятъ и барановъ, какъ-то: желудки, сычуги, салники, однимъ словомъ, всѣ блюда прямо русскія, между которыми попадались однакожь и англійскій бифтекъ, и французскіе пастеты и итальянскія макароны; всѣ же они заключались разнovidными пирожными, желеями и блян-манже, безусловно принадлежавшими къ большимъ обѣдамъ и пирамъ. На столъ обыкновенно ставилось вино бѣлое и красное; сладкіе вина и наливки обносились; шампанское было необходимою принадлежностью только именинныхъ и свадебныхъ пировъ. Бутылка шампанскаго стоила рубль; французскія столовыя вина обходились, бутылка копѣекъ въ тридцать. Привозное англійское пиво пятнадцать копѣекъ бутылка. Наливки на всѣ плоды и ягоды были въ большомъ употребленіи какъ въ домахъ дворянскихъ, такъ и купеческихъ. Русскихъ мануфактурныхъ произведеній было такъ мало, что высшее дворянство вообще употребляло сукна, холотна, шелковыя, шерстяныя и бумажныя ткани и столовое бѣлье привозное, произведенія — французскихъ, англійскихъ, голландскихъ и нѣмецкихъ фабрикъ. Въ знатныхъ домахъ сукно для прислуги употреблялось также привозное, по большей части шпенское, въ дворянскихъ — домашнее. Отечественнаго сукна не выдѣлывалось даже столько, сколько онаго потребно было на обмундарованіе войскъ. Солдатское сукно, свѣтло-зеленое, самое толстое, покупалось у вольныхъ промышленниковъ и заготовлялось на немногихъ казенныхъ фабрикахъ. Одна казенная суконная фабрика находилась въ Москвѣ, извѣстная по первоначально открывшейся въ ней въ 70-хъ годахъ XVIII столѣтія чумѣ. Тонкія русскія сукна начали выдѣлываться въ Москвѣ и Россіи не прежде какъ въ десятихъ годахъ царствованія императора Александра.

Знатныя и дворянство высшаго круга слѣдовали модамъ французскимъ и англійскимъ, которыя хотя и не перемѣнялись такъ часто какъ нынѣ, но зависѣли и тогда отъ выдумокъ модныхъ торговцевъ, которыхъ въ концѣ 1796 года едва-ли пять во всей Москвѣ насчитать можно было. Модныхъ магазиновъ и женскихъ портнихъ, извѣстныхъ въ городѣ по своему искусству выманивать деньги, было вообще очень мало. Предметы роскоши продавались въ двухъ или трехъ лавкахъ, которыя содержали голландцы и нѣмцы, извѣстныхъ подъ именемъ нюренбергскихъ, и французскихъ. Впрочемъ иностранныхъ товаровъ всѣхъ родовъ — и самыхъ дорогихъ, и самыхъ прихотливыхъ особенно французскихъ, въ Москву привозилось всегда очень много, какъ равно дѣйствительно французскихъ столовыхъ припасовъ и винъ, которыми снабжали знатныя дома, также два или три извѣстные магазина, содержимыя французами. Всѣ прихотливыя и модныя вещи въ Москвѣ можно было достать во всякое время. Въ лавкахъ яблочнаго раду у

Тронцы подъ горою можно было купить и устрицы и французскіе плоды и руанскія превосходныя конфекты, однимъ словомъ, все что составляетъ предметъ самой прихотливой гастрономіи. Но употребленіе сихъ предметовъ было ограничено однимъ только кругомъ высшаго общества, а потому всѣ иностранныя предметы и продавались по очень сходнымъ цѣнамъ. При семъ, не надобно забывать и того, что о лажѣ въ это время и слуху не было: серебряный рубль ходилъ сто мѣдныхъ копѣекъ, за золотой имперіаль давали десять серебряныхъ рублей, или мѣдью пятаками также десять рублей. Точно также и ассигнаціи размѣнивались по достоинству ихъ на золото, серебро и мѣдь и наоборотъ, безъ всякаго лажа или промѣна.

Высшее дворянство, слѣдуя модамъ французскимъ и англійскимъ, и служащіе и отставные носили фраки. Мундиры надѣвались при однихъ торжественныхъ случаяхъ. Кромѣ гражданскихъ намѣстническихъ мундировъ, въ большомъ употребленіи были и богато вышитыя золотомъ, серебромъ и шелками французскіе кафтаны, которые замѣняли мундиры. Военные, служащіе и отставные въ праздники только носили мундиры, но ордена никогда не снимали и нашивали звѣзды на фраки, сюртуки, плаща и шубы; ленту носили по камзолу, въ праздничной формѣ по кафтану. Бѣлый плюмажъ былъ отліченіемъ и военнаго и статскаго генеральскаго чина. Въ собраніяхъ, и статскіе и военные всегда являлись въ чулкахъ и башмакахъ; въ военной только формѣ по утрамъ и къ обѣдамъ пріѣзжали въ сапогахъ и шпорахъ.

Въ Новый годъ, Пасху и Рождество, личныя посѣщенія и развозка визитныхъ карточекъ съ ранняго утра почитались обязанностію неизбѣжною. Въ сіи дни, знатныя дома представляли непрерывный пріѣздъ и отъѣздъ посѣтителей; по всѣмъ улицамъ разъѣздъ экипажей продолжался до глубокой ночи. Обыкновенно къ праздникамъ экипажи возобновлялись или покупались новые, какъ равно шилась и новая ливрея. Множество каретъ, запряженныхъ въ шесть и четыре лошади, являлась въ продолженіе Свѣтлой недѣли, на народномъ гуляньѣ, подъ качелями, подъ Новинскимъ; вечера проводилась на балахъ или въ кругу знакомыхъ, въ многочисленномъ собраніи. У всѣхъ извѣстныхъ въ городѣ домовъ стояли десятки экипажей, и вообще городъ представлялъ исключительное движеніе и дѣятельность.

Преимущество Петербурга предъ Москвою состояло въ пребываніи высочайшаго двора, первыхъ государственныхъ сановниковъ и иностранныхъ министровъ, преимущественно всѣхъ европейскихъ столицъ. Сверхъ того, въ Петербургѣ были превосходныя италянская опера и французскій спектакль. Свѣзды у двора, балы, вечера и театръ не давали петербургской публикѣ повода жаловаться на скуку, но и Москва также имѣла много средствъ къ пріятному препровожденію времени.

Въ зимнее время, до развѣзда высшаго дворянства по деревнямъ, въ балахъ, обѣдахъ и домашнихъ спектакляхъ недостатка не было.

Благородное собраніе, носившее тогда названіе благороднаго клуба, представляло еженедѣльно въ великолѣпномъ зданіи соединеніе иногда болѣе тысячи человекъ лучшаго родовитаго дворянства изъ всѣхъ губерній имперіи. Всѣ пріѣзжавшіе въ Москву иностранцы соглашались, что подобнаго заведенія нѣтъ во всей Европѣ. Самая строгая благопристойность, учтивость и порядокъ наблюдались на балахъ во все продолженіе оныхъ. Директорами и директрисами выбирались лица изъ самаго знатнѣйшаго круга. Часто, истинно веселые и увлекательные балы благороднаго клуба оканчивались на разсвѣтъ другаго дня, хотя впрочемъ на нихъ сѣзжались въ семь часовъ вечера. Самые блестящіе женскіе наряды и множество прелестныхъ лицъ, при великолѣпномъ освѣщеніи, составляли отличительную черту Московскаго благороднаго клуба. За годовой билетъ члены платили, сколько припомню, по 30 руб. мѣдью, дамы половину. Въ клубѣ можно было имѣть хорошій ужинъ, который стоилъ рубль мѣдью, дамы также платили половину. Въ Москвѣ былъ русскій театръ, который содержалъ нѣкто Медоксъ, какъ говорили, англичанинъ. Въ зданіи, въ которомъ помещался театръ, находились также огромныя залы для маскерадовъ и редутовъ. Тотъ же содержатель, въ лѣтнее время, для остающейся въ городѣ публики, открывалъ воксалы въ саду за городомъ, въ которые сѣзжалось и высшее дворянство и всѣ свободныя состоянія. Въ сихъ собраніяхъ танцовали, играли въ карты; въ саду играла музыка и вечеръ оканчивался фейерверкомъ и ужиномъ. Во всѣхъ собраніяхъ безъ исключенія наблюдался строжайшій порядокъ и не было примѣра проществу, выходящему за предѣлы благопристойности.

Московское общество рѣдко показывалось на улицахъ, собственно для прогулки; впрочемъ и публичныхъ мѣстъ въ городѣ для гулянья не было, кромѣ одного дворцоваго сада, находившагося въ Нѣмецкой слободѣ, при Лефортовскомъ дворцѣ. Собственно въ городѣ гулять негдѣ было, и въ послѣдніе только годы царствованія императрицы Екатерины высшее дворянство стало показываться на стѣланной набережной Москвы-рѣки у Кремля, отъ Тайницкихъ воротъ до такъ называемаго Живаго (деревяннаго) моста; но на сію прогулку пріѣзжали въ каретахъ какъ и на всѣ народныя гулянья. Кремль въ это время и наружныя стѣны и башни его оставались въ полномъ видѣ своей глубокой старины. Соборы, церкви въ Кремлѣ привлекали ежедневно многочисленное стеченіе народа московскаго и иногороднаго.

Народныя гулянья въ лѣтнее время, на которыя собиралось и высшее дворянство въ экипажахъ, и жители города, находились у монастырей и начинались: первое весеннее у Новодѣвичьяго монастыря

на такъ называемомъ Дѣвичьемъ полѣ; а въ теченіе лѣта—подъ монастырями: Донскимъ, Новоспасскимъ и многими другими, вблизи города находящимися.—На эти гулянья съѣзжались преимущественно купцы, и собирались люди средняго состоянія. Лѣтнія гулянья открывались 1-го мая большимъ съѣздомъ нѣсколькихъ сотъ экипажей на находившемся за городомъ урочищѣ «Нѣмецкіе станы», за которымъ слѣдовало гулянье въ «Марьиной рошѣ», въ той-же сторонѣ и въ ближайшемъ къ городу лѣсѣ, Всесвятскомъ. Знатныя семейства московскаго общества переѣзжали на лѣто въ ближайшія къ городу подмосковныя; прочее дворянство разѣзжалось по помѣстьямъ своимъ внутри имперіи. Вскорѣ послѣ Пасхи начинался отъѣздъ послѣднихъ; многіе уѣзжали въ теченіе поста и возвращались въ Москву по зимнему пути, къ празднику Рождества Христова. Девятимѣсячное пребываніе въ деревнѣ и хозяйство доставляли помѣщикамъ возможность обезпечивать временное содержаніе свое въ Москвѣ и доставлять себѣ возможныя удовольствія. Впрочемъ, можно насчитать нѣсколько примѣровъ, что безразсудное подражаніе богатымъ и знатымъ разорило многія семейства.

Я представилъ въ общихъ очеркахъ картину общественной жизни и образованія русскаго дворянства въ концѣ XVIII вѣка. Всѣ подробности общегитія, мною описанныя, если не имѣютъ никакой цѣны въ глазахъ мудраго, то могутъ служить урокомъ для не мудрыхъ, показывая, какъ ничтожны сами по себѣ условія общественной жизни.

II.

Служба дворянъ въ войскахъ.—Преимущество гвардіи передъ арміею.—Расположеніе гвардіи въ столицѣ.—Порядокъ производства.—Значеніе городского положенія и грамоты о преимуществахъ, дарованныхъ дворянству.—Образованіе намѣстничествъ.—Образъ жизни провинціального дворянства.

Со введенія Петромъ I-мъ регулярной военной службы въ Россіи, собственный примѣръ его далъ между дворянствомъ перевѣсъ военной службѣ предъ статскою. Основанные имъ гвардейскіе полки, были рассадниками, въ которыхъ исключительно бояре и дворяне начинали службу рядовыми и постепенно производились въ унтеръ-офицерскіе чины, до производства ихъ въ офицеры. Родной прадѣдъ мой по матери, любимецъ Петра I-го, Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, былъ подполковникомъ гвардіи, а сынъ его, отецъ моей матери, въ то же время и въ томъ же полку—солдатомъ. Отправляя дѣйствительную фронтовую службу, по-очереди онъ сопровождалъ колодниковъ скованныхъ желѣзами, кото-

рые ходили по городу собирать милостыню. Въ царствованіе императрицы Елисаветы, онъ былъ ближайшимъ къ особѣ ея камергеромъ, имѣлъ орденъ св. Анны первой степени и, при открытіи мощей Димитрія митрополита Ростовскаго, сопровождалъ туда изъ Москвы (находясь уже въ отставкѣ) государыню императрицу, по высочайшему приглашенію.

Въ концѣ царствованія императрицы Екатерины, хотя и были еще примѣры поступленія дворянъ въ гвардейскіе полки рядовыми, но примѣры сіи были уже рѣдки. Одни только бѣднѣйшіе однодворцы принимались рядовыми, дворяне же поступали въ гвардейскіе полки капрами и унтеръ-офицерами; дѣти знатныхъ семействъ, въ колыбели еще, записывались сержантами и до явки въ полкъ на дѣйствительную службу, около 18-ти-лѣтняго возраста, отъ командующихъ полками получали домовые отпуска до окончанія наукъ. Видны сіи ежегодно возобновлялись, и вмѣстѣ съ совершеннolѣтіемъ наступала обязанность явиться въ полкъ на дѣйствительную службу, до производства въ офицеры, въ армію или по гвардіи. Исключая поступившихъ въ кадетскіе корпуса, все дворянство обучалось на собственной счетъ тѣми средствами, какія къ приобрѣтенію образованности позволяло употреблять состояніе. Одинъ Пажескій корпусъ доставлялъ исключительно право воспитанникамъ своимъ, число коихъ было очень ограничено, поступать прямо въ гвардію поручиками. Кадетскіе корпуса были рассадниками офицеровъ армейскихъ, артиллерійскихъ и инженерныхъ, пѣхотныхъ и кавалерійскихъ.

Гвардія имѣла огромное преимущество предъ арміею. Сержанты гвардіи выпускались въ армію капитанами; капитаны—полковниками или бригадирами къ статскимъ дѣламъ. Оберъ-офицеры гвардейскіе переходили въ армію, безъ всякаго исключенія, штабъ-офицерами. Не всѣ капитаны съ чиномъ полковника получали и полки; полки давались по особымъ уваженіямъ и одобреніямъ непосредственныхъ высшихъ военныхъ начальниковъ. Не родовые дворяне въ офицеры гвардіи не производились. Военное устройство арміи того времени довольно извѣстно, и я считаю нужнымъ сказать здѣсь то только, что капитаны гвардіи, производившіеся бригадирами къ статскимъ дѣламъ, никогда не получали въ командованіе свое никакихъ отрядовъ, хотя состояли по военному списку. Находившіеся только на дѣйствительной службѣ полковники и командиры полковъ производились за отличіе въ бригадные командиры и получали въ командованіе отряды. Чинъ военнаго бригадира равнялся гражданскому чину статскаго совѣтника и подобно оному имѣлъ на шляпѣ бѣлый плюмажъ, а на парадномъ мундирѣ—половину цѣлаго генеральскаго штыря. Эполеты имѣли одни штабъ-офицеры, на одномъ плечѣ. Штырь на мундирахъ, шарфы, темляки въ пѣхотѣ, флотѣ и артиллеріи были золотые; въ ка-

валеріи и по инженерной части—серебряные. Военная кокарда была бѣлая изъ шелковой ленты. Со время только фельдмаршала князя Потемкина, въ командуемой имъ турецкой арміи, оставлена прическа, косы и пудра, и введены короткіе мундиры, широкіе брюки и разнаго вида каски; офицеры и генералы, до воцаренія императора Александра, носили косы и пудрились, такъ какъ до сего же времени всѣ гвардейскіе полки также имѣли и косы и пукли и употребляли для прически вмѣсто помады—свѣчное сало; вмѣсто пудры—муку. Въ царствованіе Екатерины, гвардейскіе полки расположены были въ Петербургѣ на мѣстахъ, которыя нынѣ носятъ названія сихъ полковъ; казармъ для нихъ еще не существовало. Въ каждомъ полку находились офицерскія улицы, сохранившія по сіе время свое названіе, на которыхъ выстроены были такъ называемыя офицерскія связи, бывшія собственностію офицеровъ; рядовые размѣщались въ особенныхъ улицахъ, называемыхъ солдатскими слободами, въ отдѣльныхъ домикахъ и избахъ деревянныхъ. Въ служебнаго времени гвардейскіе солдаты занимались хозяйствомъ и торговлею. Нынѣшняя Бассейная улица, близъ Литейной, сохраняла названіе девятой роты, потому что въ ней дѣйствительно находились жилища рядовыхъ девятой роты Преображенскаго полка, который вокругъ церкви Преображенія расположенъ былъ по прилегающимъ къ ней улицамъ до Лиговскаго канала. Точно такъ-же были расположены въ городѣ и полки Семеновскій, Измаиловскій, Конная гвардія и прочія гвардейскія команды.

Въ каждомъ гвардейскомъ полку кромѣ постоянно отправлявшихъ дѣйствительную службу унтеръ-офицеровъ, состояло по спискамъ: капрановъ, унтеръ-офицеровъ и сержантовъ до 500 человекъ, такъ что въ трехъ пѣхотныхъ полкахъ: Преображенскомъ, Семеновскомъ и Измаиловскомъ и Конной гвардіи считалось записанными на службу не менѣе 2.000 человекъ родовыхъ русскихъ, малороссійскихъ, бѣлорусскихъ и остъ-зейскихъ дворянъ. Чтобъ не приувеличить числа, боюсь утверждать, что число сихъ дворянъ далеко простиралось за мое догадочное на одной памяти основанное предположеніе; впрочемъ въ архивахъ гвардейскихъ полковъ это легко повѣрить. Общее производство по гвардіи унтеръ-офицеровъ въ офицеры и повышеніе офицеровъ производилось одинъ разъ въ годъ, 1-го января, и утверждалось собственноручною подписью императрицы, по примѣру Петра именовавшейся полковникомъ cadaго гвардейскаго полка, въ которыхъ числились подполковниками фельдмаршалы и полные генералы, а командовали полками майоры гвардіи въ чинахъ генеральскихъ. Ежегодный докладъ о производствѣ, отъ cadaго полка, императрицѣ подносили подполковники, и командующіе полками.

Изъ унтеръ-офицеровъ cadaго гвардейскаго полка производилось

въ офицеры того же полка не болѣе 10-ти или 15-ти человекъ, но выпускалось въ армию изъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ отъ подпоручика до капитана болѣе 500 человекъ. Какъ производствомъ, такъ и выпускомъ въ особенности озабочивались полковые секретари, которые выбирались изъ фронтовыхъ офицеровъ; лица важныя въ полковомъ управленіи по финансовой части, которымъ, какъ слухъ тогда носился, возможность переставлять по списку низшіе нумера выше высшихъ приносила столько пользы, что они чрезъ нѣкоторое время могли приобретать по нѣскольку сотъ душъ. Имена ихъ были очень громки въ тѣхъ семействахъ, гдѣ отцы и матери почитали за величайшее для себя несчастіе, когда сынки ихъ не были до 20 лѣтъ гвардейскими офицерами. Но такъ какъ число сержантовъ, производимыхъ по гвардейскимъ полкамъ въ офицеры, не было такъ велико и почти невозможно было внести въ докладной списокъ не родового дворянина, то разумѣется, что главную спекуляцію секретарей полковъ составлялъ выпускъ въ армию. Впрочемъ и покровительство, и связи доставляли иногда покровительствуемымъ сильными людьми, но дворянамъ только, возможность быть произведенными безъ очереди офицерами гвардіи, что и дѣлалось черезъ переводы изъ одного полка въ другой—и другіе соображенія. Ежегодная убыль унтеръ-офицеровъ по гвардіи пополнялась новорожденными, часто до рожденія, чему нынѣ не повѣрятъ.

Унтеръ-офицеры гвардіи, на очереди къ производству въ офицеры, назначались къ подполковникамъ полковъ своихъ и командующимъ оными на боевые ординары и, находясь при нихъ, ожидали производства въ офицеры; тѣ изъ нихъ, которые находились при князѣ Потемкинѣ, имѣли къ тому ближайшіе случаи, ибо князь, который большую часть времени находился при турецкой арміи, которою командовалъ, отправлялъ ихъ курьерами къ императрицѣ; тѣ же изъ сержантовъ, которые находились при полкахъ въ Петербургѣ въ ожиданіи производства въ офицеры, отправлялись отъ иностранной коллегіи курьерами въ европейскія столицы съ депешами къ российскимъ посламъ и министрамъ, при которыхъ и оставались нѣкоторое время, какъ чиновники посольства; а по возвращеніи въ Петербургъ, не въ очередь производились въ офицеры гвардіи, что доставляло имъ право на приглашеніе въ Эрмитажъ и въ высшій кругъ петербургскаго общества.

Въ сей періодъ низшія степени гражданской службы не занимались еще дворянствомъ, которое исключительно посвящало себя военному званію и, прослуживъ нѣкоторое время въ военной службѣ, поступало въ гражданскую, сохраняя обыкновенно военный чинъ и занимая мѣста, сообразныя чинамъ своимъ, по гражданской службѣ и дворянскимъ выборамъ.

Къ важнѣйшимъ изъ государственныхъ постановленій время Екате-
рины II конечно принадлежать: дарованная дворянству грамота и
городовое положеніе. Сія законоположенія присвоили двумъ первымъ со-
стояніямъ въ государствѣ самостоятельность, которой до сего ни одно
сословіе въ народѣ не имѣло. Удѣльные князья, бояре и дворяне XV
и XVI вѣковъ, составлявшіе въ Россіи высшее сословіе, никогда не
имѣли другихъ правъ и преимуществъ, кромѣ сохранившихся по преда-
нію, не основанныхъ на древнихъ хартіяхъ или кодексахъ, а укоренив-
шихся на одной давности и привычкѣ. До Екатерины, богатство и спѣсь
боярскихъ родовъ составляли всю ихъ силу и достоинство! Законы и
суды для нихъ не существовали, они тѣснили низшихъ и маломощныхъ
дворянъ какъ рабовъ своихъ. Временщики, которые были ихъ сильнѣе,
въ свою очередь не давали имъ возможности оградить себя отъ ихъ на-
падковъ и притѣсненій. Суды и начальство покровительствовали тѣмъ,
кого опасались. Корыстолюбіе было единственнымъ двигателемъ правосудія,
которое продавалось, а не давалось даромъ.

Учрежденіе объ управленіи губерній положило нѣкоторое начало пу-
бличному праву и конецъ, хотя несовершенный, насилію и самоуправ-
ству. Дворянская грамота и городовое положеніе образовали самостоя-
тельные сословія, получившія права и преимущества, отдѣлившія ихъ
отъ прочихъ состояній, и предоставили имъ исключительное право под-
судимости лицамъ изъ среды своей, сословіемъ избранныхъ. Такъ осно-
валось въ Россіи избирательно-представительное право въ сословіяхъ
дворянскомъ и купеческомъ, которое и сдѣлалось источникомъ граждан-
ской свободы сихъ двухъ сословій. Если въ послѣдствіи времени въ
выборы дворянскіе и вкрались злоупотребленія, то первоначальные вы-
боры при ихъ учрежденіи по всѣмъ намѣстничествамъ пали на людей
достопочтенныхъ, извѣстныхъ и достаточныхъ помѣщиковъ, пользовав-
шихся общимъ уваженіемъ и довѣренностію.

Приказы общественного призрѣнія, сиротскіе суды, опеки, третей-
скіе и словесные суды, въ столицахъ управы благочинія, земскіе и
уѣздные суды, званія предводителей дворянства, депутатскія собранія,—
однимъ словомъ, все систематическое раздѣленіе государственнаго управ-
ленія получило начало въ царствованіе императрицы Екатерины II и
привлекло на службу многочисленное дворянство русское, которое до
того доживало до глубокой старости въ своихъ деревняхъ, не принося ни
государству, ни сословію своему никакой пользы.

Учрежденіе намѣстничествъ и намѣстниковъ, послѣдовавшее за двад-
цать одинъ годъ до кончины Екатерины, было мѣрою обдуманною и
удобнѣйшимъ средствомъ сосредоточить на извѣстныхъ пунктахъ обшир-
нѣйшей въ мірѣ имперіи правительственную власть и непосредствен-
ный надзоръ главнаго начальника, представителя верховной власти,

облеченнаго полною довѣренностію и силою для немедленнаго прекращенія злоупотребленій на мѣстѣ и для распространенія свѣтской образованности въ странахъ отъ столицъ удаленныхъ, гдѣ просвѣщеніе едва проявляться начинало. Въ намѣстники назначались императрицею савонники военные и гражданскіе, службою и способностями монаршую довѣренность приобрѣтшіе. Они были обеспечены достаточнымъ содержаніемъ, несмотря на собственный ихъ достатокъ, такъ что могли съ достоинствомъ отправлять званіе представителей верховной власти. Сверхъ военныхъ штабовъ, намѣстники имѣли при себѣ почетныхъ молодыхъ дворянъ, въ видѣ пажей и чиновниковъ военныхъ и гражданскихъ, составлявшихъ огромныя ихъ свиты. При каждомъ домѣ намѣстника, великолѣпно убранномъ, находился казенный серебряный сервизъ. При вступленіи императора Павла I-го на престолъ, сервизы сіи употреблены были на кавалергардскіе латы. Съ своей стороны намѣстники къ достаточному казенному содержанію прибавляли собственные свои значительные доходы и содержали дома свои какъ дворцы, въ которыхъ губернское дворянство и чиновники видѣли образчикъ двора и условныхъ приличій высшаго общества, утонченнаго вкуса и обхожденія людей, къ сему кругу принадлежащихъ.—Все это способствовало къ нечувствительному истребленію грубыхъ и невѣжественныхъ привычекъ дворянъ, мало выѣзжавшихъ изъ своихъ деревень и не имѣвшихъ даже понятій о свѣтской образованности.

Намѣстники давали балы, вечера, спектакли и обѣды, которые были уроками для дворянъ, не выѣзжавшихъ изъ своихъ губерній или деревень, и приучали ихъ отвыкать отъ закоснѣлыхъ привычекъ сельской жизни. Какъ собранія въ домахъ намѣстниковъ, такъ и выборы, вызывавшая помѣщиковъ съ ихъ семействами въ губернскіе города, служили поводомъ къ сближенію дворянства, которое сохраняло иногда вражду между семействами, переходившую отъ отцовъ къ дѣтямъ.

Обычай петербургскіе и московскіе постепенно распространялись по всѣмъ губернскимъ городамъ, и провинціалы, хотя и не измѣняли домашняго своего быта, со всѣмъ тѣмъ, въ собраніяхъ не показывались уже въ странныхъ платьяхъ, вышедшихъ изъ употребленія, а по большей части носили губернскіе мундиръ. Парики носили одни дѣйствительно плѣшивые—а не по модѣ, какъ при Петрѣ Великомъ и до восьмидесятыхъ годовъ XVIII столѣтія.

Говоря о службѣ въ губерніяхъ, я присовокуплю здѣсь нѣсколько словъ и объ образѣ жизни губернскаго дворянства.

И въ губернскихъ городахъ, и въ имѣніяхъ нѣкоторыхъ дворянъ встрѣчались иностранцы учителя и учительницы, но число ихъ было очень ограничено, и игородное дворянство вообще держалось образа жизни чисто русскаго. Другой зелени на кухняхъ не употребляли кромѣ

крапивы, капусты и огурцовъ; салатъ, щавель, шпинатъ, спаржа и прочія овощи на русской кухнѣ не употреблялись. Лѣтъ за 10-ть до кончины Екатерины, одинъ московскій житель, помѣщикъ ближайшей губерніи, пріѣхавъ на лѣто въ свое помѣстье, во время пребыванія своего въ немъ былъ посѣщаемъ сосѣдями. Имѣя при себѣ хорошаго повара, онъ пригласилъ одинъ разъ къ обѣду нѣсколькихъ сосѣдей. Между прочимъ за столомъ подавали соусъ изъ шпината съ яйцами, любимое блюдо хозяина, хорошо приготовленное и которымъ онъ исключительно подчивалъ гостей своихъ. Нѣкоторое время спустя, и онъ былъ приглашенъ къ одному изъ обѣдавшихъ у него сосѣдей. Обѣдъ состоялъ изъ русскихъ кушаній. Между ними, по подражанію московскаго гостя, явилась и зелень съ яйцами, которою хозяинъ, подчуя посѣтителя, сказалъ, что приказалъ нарочно приготовить сіе блюдо, замѣтя у него за обѣдомъ, что онъ любитъ зелень. Наружный цвѣтъ соуса и самый запахъ предвѣщали что-то непохожее ни на щавель, ни на шпинатъ; но дѣлать было нечего, надобно было уступить добродушному подчиванію, и гость положилъ нѣсколько зелени на свою тарелку, но едва могъ проглотить первый глотокъ. Зелень употребленная для соуса была: калуферъ, заря и Божье дерево съ молокомъ—вѣроятно какъ единственная зелень, которая росла въ огородѣ.

Французскія вина какъ въ Москвѣ, такъ и въ губерніяхъ мало употреблялись; ихъ замѣняли наливки и пиво. Десертъ за обѣдомъ не подавали, а готовили въ гостиной, гдѣ онъ оставался до разъѣзда гостей. Чай въ употребленіи въ Россіи съ незапамятныхъ временъ; но и кофе давностію вѣроятно можетъ съ нимъ соперничать и вѣроятно введенъ въ Россію вмѣстѣ съ пріѣхавшими въ нее нѣмцами. Восковыя свѣчи употреблялись только въ самыхъ знатныхъ домахъ, даже и желтаго воска, на освѣщеніе употреблялись вездѣ салныя, какъ въ шандалахъ на столахъ, такъ и на стѣнахъ въ жирандоляхъ и люстрахъ, повсемѣстно хрустальныхъ. Лампы вошли въ употребленіе только въ началѣ нынѣшняго столѣтія. И въ губерніяхъ шампанское употреблялось на свадебныхъ и именинныхъ только пирахъ; но фрукты, конфеты, мороженыя и разныя питія разносились безъ остановки въ большомъ изобиліи на балахъ, званыхъ обѣдахъ и ужинахъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ губерніяхъ.

Въ столицахъ, въ губернскихъ городахъ и даже помѣстьяхъ, домашняя многочисленная прислуга изъ крѣпостной дворян чрезмѣрно была отягощена формою. Сверхъ обыкновенныхъ занятій, официанты и лакеи съ ранняго утра должны были быть причесаны, напудрены, въ чулкахъ, башмакахъ и ливреѣ. Въ сюртукахъ, они прибирали только комнаты и выѣзжали въ дурную погоду за каретами. Официанты имѣли отъ лакеевъ отличное платье: кафтаны и камзолы, по большей части

красные, обложенные по борту золотыми галунами — по подражанію придворной ливреѣ. Арапы, въ богатыхъ костюмахъ, съ давнихъ временъ входили въ Россію въ знатныхъ домахъ въ число прислуги.

III.

Просвѣщеніе и литература при Екатеринѣ II.—Заслуги Карамзина какъ преобразователя русскаго языка.—Злоупотребленія въ администраціи.—Особенность московской жизни: театры, музыка и скачки.—Значеніе комедіи Фон-визина „Недоросль“ для характеристики тогдашняго общества.

Просвѣщеніе при вступленіи Екатерины II на престолъ не было еще особою отраслю государственнаго управленія. С.-Петербургская Академія Наукъ, Сухопутный и Инженерный кадетскіе корпуса и Московскій университетъ были единственными учеными и учебными заведеніями въ Россіи. Въ царствованіе ея, основанъ греческій кадетскій, вынѣ морской корпусъ, и въ Москвѣ главное народное училище для всѣхъ состояній безъ исключенія, даже крѣпостнаго. Сверхъ сего благородный своекоштный университетскій пансіонъ, два или три мужскихъ и женскихъ частныхъ пансіона и нѣсколько уѣздныхъ и приходскихъ училищъ составляли для Россіи единственные свѣтскіе разсадники народнаго просвѣщенія. Университетомъ управляли: кураторъ, директоръ и ректоръ; училищами—особый директоръ. Благородный университетскій пансіонъ имѣлъ собственнаго директора. Кураторомъ университета былъ при кончинѣ Екатерины извѣстный русскій поэтъ и прозаикъ, въ свое время знаменитый М. М. Херасковъ; директоромъ благороднаго университетскаго пансіона—профессоръ Московскаго университета Прокоповичъ-Антонскій. Московскій благородный пансіонъ образовалъ многихъ государственныхъ чиновниковъ. Студентомъ Московскаго университета былъ Карамзинъ. Въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ, сверхъ наукъ, принадлежащихъ къ гимназическому курсу и въ особенности русской словесности, преподавались языки: французскій, нѣмецкій и англійскій, фехтованіе, музыка и танцы. Курсъ продолжали съ опредѣленнаго времени, и каждый учебный годъ заключался переводнымъ и публичнымъ испытаніями. Къ числу лучшихъ учебныхъ заведеній тогдашняго времени надобно также присоединять частный въ Ревелѣ пансіонъ, въ который многіе извѣстные родители посылали изъ Москвы дѣтей своихъ. Въ высшемъ кругу московскаго общества обученіе и образованіе юношества исключительно поручалось иностраннымъ домашнимъ наставникамъ, которыхъ преимущественно выписывали изъ Женевы, Монбельяра и Страсбурга. Въ двухъ извѣстныхъ въ тогдашнее время

московскихъ домахъ были учителями два замѣчательныя лица: одинъ французъ Маря, другой швейцарецъ Сеже, впоследствии секретарь Женевскаго революціоннаго комитета. Первый находился въ домѣ камергера В. П. Солтыкова, послѣдній — въ домѣ П. А. Толстаго. Когда парижскій Маря сдѣлался ужасомъ человѣчества, московскій Маря, родной братъ его, просилъ у императрицы дозволенія перемѣнить свою фамилію и называться по мѣсту рожденія своего Дюбурри, на что получилъ соизволеніе и вступилъ въ русскій службу. Хотя между этими учителями и встрѣчались иногда въ столицахъ прямо ученые люди, но въ губерніяхъ и у помѣщиковъ въ деревняхъ въ учителя, вмѣсто французовъ, нанимались нѣмцы, а въ Москвѣ въ нѣкоторыхъ домахъ попадались и гасконцы. Имѣя хорошихъ домашнихъ наставниковъ, многіе молодые люди брали сверхъ того частныя уроки у университетскихъ профессоровъ. Изъ числа учебныхъ предметовъ не исключался иногда и латинскій языкъ; но французскій составлялъ исключительную потребность. Нѣмецкій, англійскій и итальянскій во многихъ домахъ къ нему присоединяли, и многіе русскіе обоеихъ половъ на сихъ языкахъ свободно объяснялись.

Говоря о немногихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи при кончинѣ Екатерины II, нельзя забыть Московскій славяно-греко-латинскій академіи, основанной въ 1677 г., замѣчательной какъ по классическому ученію, такъ и по преподаванію древнихъ и новѣйшихъ языковъ, особенно же по великому числу ученыхъ мужей и краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ, которые въ ней образовались. Академія находилась на Никольской улицѣ въ Заиконоспасскомъ монастырѣ. Она исключительно предназначалась для духовенства; но въ ней образовались и многія свѣтскія лица, занимавшія впоследствии значительныя мѣста въ государственномъ управленіи и по разнымъ частямъ гражданской службы. На содержаніе ея изъ казны ежегодно отпускалось на учителей, бібліотечскія починки и на содержаніе 500 человѣкъ учениковъ 4.840 руб. ассигнаціями!!! Золотой вѣкъ! Впрочемъ, столь малое содержаніе сдѣлается понятнымъ, когда будетъ принято въ уваженіе, что большая часть учениковъ находилась на жительство въ самой академіи, да и внутреннее устройство учебныхъ заведеній тогдашняго времени не представляло тѣхъ потребностей, которыя нынѣ безусловно требуются.

При всей ограниченности учебныхъ заведеній тогдашняго времени, не менѣе того Державинъ, творецъ оды «Богъ», писалъ оды: «Счастіе» и «Вельможу»; Дмитріевъ, Нелединскій, Пушкинъ (Василій) сочиняли премиленькія стишки, а Карамзинъ извлекалъ изъ славяно-русскаго языка письменный и разговорный языкъ, которымъ красуется 50 лѣтъ русская словесность. Ему принадлежитъ имя родоначальника изящной, благородной, чистой и увлекательной русскои прозы, которую современники его

скоро оцѣнили и которая быстро распространилась и въ духовныхъ сочиненіяхъ, и въ государственныхъ актахъ, въ официальной и частной перепискахъ. «Письма русскаго путешественника» — образецъ эпистолярнаго и повѣствовательнаго слога. Въ то же время, когда Карамзинъ началъ издавать «Московскій журналъ» и отлично хорошіе переводы свои, другой студентъ Московскаго университета, поступившій уже въ государственную службу, Лабзинъ, извѣстный издатель многихъ собственныхъ сочиненій и переводовъ съ англійскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ, начиналъ литературное свое поприще печатаніемъ, для скуднаго русскими сочиненіями русскаго театра, переводовъ своихъ, драмы французскаго писателя Мерсье, «Судьи» и комедіи Бомарше, «Фигаро-ва женидба». Замѣчательное время! Въ сія же послѣдніе годы XVIII столѣтія, въ Александро-Невской академіи созрѣлъ геніальный талантъ. Уроженецъ Владимірской губерніи, сынъ сельскаго священника, студентъ сей академіи, предпочтя ожидавшую его митру на одной изъ первыхъ російскихъ каедръ, оставлялъ Невскую академію для поступленія на низшія степени гражданской службы. Сей незабвенный геній былъ — графъ Сперанскій, обновитель русскаго канцелярскаго слога, образовавшася по слогу уложенія и до учрежденія министерствъ доступнаго одному поколѣнію подъячихъ.

Вообще, до начала XIX столѣтія, гражданская служба, на высшихъ степеняхъ государственныхъ должностей, за малымъ исключеніемъ, наполнялась военными людьми, прослужившими пол-жизни со шпагою въ рукахъ и отличенными знаками храбрости и заслугъ. Большая часть изъ нихъ образовалась въ кадетскихъ корпусахъ и служила въ гвардіи и арміи, отъ первыхъ офицерскихъ до штабскихъ и генеральскихъ чиновъ. Большая часть сохраняла и при переходѣ въ гражданскую службу чины военные. Сія заслуженные воины засѣдали въ сенатѣ и коллегіяхъ, занимали мѣста губернаторовъ и вице-губернаторовъ, опредѣлялись предсѣдателями и совѣтниками въ палаты. Занимали высшія должности по выборамъ дворянскимъ и пользовались общимъ уваженіемъ и довѣренностью. Одно секретарство и канцелярскія должности переходили отъ отцовъ къ дѣтямъ, въ кастѣ подъячихъ, которымъ присвоено было, почитаемое однознаменательнымъ, названіе — крючковъ. Смѣло и безошибочно сказать можно, что высшіе и средніе сановники, поступая въ гражданскую службу, въ чинахъ военныхъ, на военномъ поприщѣ заслуженныхъ, не получивъ приготовительнаго образованія къ гражданской службѣ; многіе судьи, совѣтники и предсѣдатели бывали иногда невинными жертвами корыстолюбія своихъ секретарей, руководствовавшихся ихъ невѣжествомъ въ дѣлахъ и торговавшихъ ихъ совѣстью, что и было причиною, что дѣла самыя справедливыя искажались пристрастіемъ и подкупомъ. — Члены судовъ въ согласіи съ стряп-

чими и прокурорами не боялись ни коллегій, ни сената, ни генераль-прокурора, съ канцеляріями и секретарями которыхъ они состояли въ корыстныхъ связяхъ; и потому все зависѣло, по старинной поговоркѣ: «не отъ суда—а отъ судьи». Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины, подкупъ сдѣлался къ несчастію всеобщимъ; всѣ должности были оцѣнены и, къ стыду времени и нравовъ, продавались дѣлопроизводителями временщиковъ тому, кто платилъ больше.

Здѣсь спросить можетъ быть, что способствовало въ сіе время къ искаженію законовъ и взяточничеству? Время и опытъ на сіе отвѣтствуютъ: гдѣ нѣтъ полного, яснаго и опредѣлительнаго свода законовъ, извѣстнаго всѣмъ гражданамъ, гдѣ допускаются изъятія, гдѣ рѣшеніе дѣла зависитъ отъ изложенія, дѣлаемаго секретаремъ, гдѣ тяжущіеся или подсудимый при сужденіи защищать правъ своихъ не могутъ, тамъ искаженіе законовъ и взяточничество должны господствовать.

Невѣжество законовъ было во времена Екатерины главнымъ основаніемъ мадонства. Оно питало и алчность и корыстолюбіе подъяческаго племени, для котораго вѣра заключалась въ ношеніи на шеѣ креста, а благородство въ 14-мъ классѣ, доставлявшемъ титулъ «благородіе».

Большая часть подъячихъ всѣхъ степеней и отѣнковъ не почитала даже преступнымъ торговаться съ тяжущимися до принятія той или другой стороны. Къ прискорбію согласиться должно, что въ достославное царствованіе Екатерины, корыстолюбіе и мадонство по гражданскому вѣдомству такъ были общими и въ особенности въ послѣдніе годы сего царствованія, что подъ щитомъ безстыдства никто не страшился уже ни упрековъ совѣсти, ни общественнаго мнѣнія.

Съ перенесеніемъ на берега Балтійскаго моря, въ новую столицу, правъ первопрестольнаго города, императоръ Петръ I не хотѣлъ переносить въ нее ни обычаевъ, ни нравовъ, ни повѣрій древняго велико-княжества Московскаго. И убѣжденіемъ, и силою, и властію онъ заставлялъ переселенцевъ московскихъ отставать на берегахъ Невы отъ стародавнихъ своихъ привычекъ и забывать московскіе бороды, охобни и ковши. Но не вся Москва перешла на берега Невы. При Кремлѣ, при Грановитой палатѣ, при соборахъ и Иванѣ Великомъ остались старинныя русскія повѣрья и привычки, которыя, чрезъ сто лѣтъ, ослабли и измѣнились такъ, какъ в самыя московскія зданія. Все стирается въ мірѣ вещественномъ. Одна любовь къ отчизнѣ не ветшаетъ и не гаснетъ въ сердцахъ, дышущемъ благосостояніемъ земли родной. Самоѣдъ въ сыромъ подземельѣ ѣстъ невареную рыбу, и на родинѣ своей доволенъ и счастливъ. Большинство старыхъ бояръ московскихъ, почитая преобразование неволею и не желая имъ подвергнуться, осталось при стѣнахъ кремлевскихъ. Петръ и не насловалъ ихъ. Менѣе зараженные

боярствомъ и старообрядчествомъ оставили и бороды, и Москву и перенесли за Петромъ въ ново-заложенную имъ столицу Россійской имперіи. Москва оставалась еще Москвою до кончины Екатерины. Въ восьмидесятихъ только годахъ XVIII-го столѣтія молодое русское дворянство, настроенное французскимъ философизмомъ, подавалось уже на французскія новизны. Такъ дома: графа Шереметьева, сына фельдмаршала, князей Голицыныхъ, потомковъ фельдмаршала и адмирала, фельдмаршала графа Разумовскаго, графовъ Салтыковыхъ, графовъ Орловыхъ, князей Долгоруковыхъ, князей Вяземскихъ, князей Барятинскихъ, князей Щербатовыхъ, графовъ Головиныхъ, графовъ Головкиныхъ и многихъ другихъ, представляли во всемъ блескѣ картину наследственной знатности, богатства и гостепримства во всѣхъ видахъ. Огромные въ Москвѣ дома, великолѣпныя подгородныя владѣнія, не уступавшія царскимъ помѣстьямъ и дворцамъ, находившіяся въ окрестностяхъ Москвы, на пространствахъ нѣсколькихъ верстъ соединяли прелестнѣйшія мѣстоположенія и огромныя каменные зданія. Кусково и Остапкино, принадлежавшія оберъ-камергеру графу Шереметьеву, Архангельское, принадлежавшее князю Голицыну, Ильинское—графу Остерману и многія другія подмосковныя, въ окрестностяхъ города и въ Московской губерніи находящіяся и принадлежавшія, какъ родовыя достоянія, знаменитому древнему московскому дворянству, остались и понынѣ памятниками великолѣпія и вкуса тогдашняго времени. Впрочемъ, если нынѣ чертоги и сады сихъ помѣстій не оживлены тѣмъ блескомъ, который придавало имъ присутствіе ихъ именитыхъ владѣтелей, со всѣмъ тѣмъ по нимъ судить можно, что, въ концѣ послѣдняго вѣка, русское высшее дворянство не уступало европейскимъ знаменитостямъ ни въ утонченномъ образѣ жизни, ни во вкусѣ, ни въ обладаніи драгоценными произведеніями художествъ, ни въ личномъ образованіи, свѣдѣніяхъ и любви.

Въ концѣ царствованія императрицы Екатерины спектакли и музыка сдѣлались любимой забавой высшаго московскаго общества. Многіе знатные дома имѣли огромныя оркестры для концертовъ и баловъ и собственные театры, актеровъ для комедій и оперъ и танцовщиковъ для балетовъ. Всѣ эти актеры и музыканты набарались изъ крѣпостныхъ людей,—и какъ только могли, наилучшимъ образомъ отправляли свое ремесло; но между ними встрѣчались иногда способные, которые, родясь въ Италіи, сдѣлались бы хорошими артистами и виртуозами.

Театральныя представленія въ Кусковѣ были великолѣпны. Пространство сцены, богатое убранство, декорации, гардеробъ и число актеровъ и музыкантовъ позволяли постановку всѣхъ родовъ трагедій и оперъ. Богатство и великолѣпіе сего домашняго театра не мѣшало, впрочемъ, и другимъ достаточнымъ владѣльцамъ имѣть также свои театры, орке-

стры, балеты и актеровъ, также изъ своихъ крѣпостныхъ людей. До 1796 года извѣстны въ Москвѣ постоянные театры въ домахъ князя П. М. Волконскаго и князя В. Н. Щербатова. Въ первомъ еженедѣльно давались представленія оперъ, драмъ и комедій. Въ 1794 и 1795 годахъ я видѣлъ на семъ театрѣ очень хорошо разыгранныя по-русски оперы и въ переводѣ извѣстныя драмы и комедіи французскаго и нѣмецкаго театровъ. Очень хорошіе оркестры находились также въ домахъ: князя Куракина и гг. Еропкина и Приклонскаго.

Собственно для города въ Москвѣ существовалъ одинъ театръ, который содержалъ иностранецъ Медоксъ. Зданіе театра, довольно огромное каменное, находилось на улицѣ, называемой Петровкой, почему и театръ назывался Петровскимъ. Три раза въ недѣлю въ семъ театрѣ давались представленія. Три первые яруса ложъ были абонированы на годъ;—вообще театръ могъ помѣщать до 3.000 человекъ. На семъ театрѣ давались трагедіи, драмы, комедіи, оперы и балеты.

Если русскій репертуаръ и былъ бѣденъ оригинальными твореніями, то въ переводахъ являлись и французскія, и англійскія, а большею частію драмы и комедіи Коцебу. Такъ, я видѣлъ Шериданову комедію: Школу злословія и драмы Мерсье Уксуника, Евгенію и многія другія пьесы, съ иностранныхъ языковъ переведенныя и отлично хорошо разыгранныя, можно сказать, первостепенными артистами, какими дѣйствительно были Померанцевъ, Шушеринъ, Плавильщиковъ и Сандуновъ, актрисы Снявская и Сандунова. Изъ оригинальныхъ русскихъ трагедій играли еще изрѣдка «Самозванца» Сумарокова; изъ комедій: «Модную лавку» Крылова, «Лебедянскую арманку» Копьева и «Недоросля» Фонвизина, въ которомъ въ роли няни Еремѣвны смѣшилъ публику райка актеръ Ожогинъ. По большей же части играли пьесы Шиллера, Коцебу и другихъ трагиковъ и комиковъ нѣмецкаго и французскаго репертуаровъ. Въ 1794 году я видѣлъ на московскомъ Петровскомъ театрѣ и «Гваделупскаго жителя», и «Малабарскую вдову». Сверхъ того, на семъ театрѣ играли народныя оперетки: «Збитеньщика» соч. Княжнина, «Добрые солдаты»—Хераскова и «Мельника»—Аблесимова. Кто не зналъ тогда навзустъ прекрасныхъ куплетовъ «Збитеньщика».

Счастье строить все на свѣтѣ;
 Безъ него, куда съ умою?
 Вѣдять счастье въ каретѣ.
 А съ умою:—идеть пѣшкомъ!

Московская публика очень любила эти произведенія русскихъ писателей, и ихъ играли довольно часто. На занавѣсѣ московскаго театра, очень простой, изображена была на срединѣ пирамида съ слѣдующею надписью золотыми буквами: Отъ слезъ и смѣха польза.

Въ XVIII-мъ столѣтїи театръ приносилъ болѣе пользы, чѣмъ вреда.

Въ обычаяхъ высшаго круга дворянства того времени принято было безусловнымъ правиломъ включать въ предметы образованія юношества игру на театрѣ, танцованіе, фехтованіе и верховую ѣзду; и русское дворянство въ семъ отношенїи не отставало отъ европейскаго обычая. Вкусъ къ французскому театру и частое обращеніе съ французами много способствовали къ распространенію правильнаго употребленія французскаго языка и отличнаго, по вѣжливости и любезности, обхожденія, какими щеголяло тогда русское дворянство высшаго петербургскаго и московскаго общества, въ чемъ всѣ извѣстные путешественники охотно отдавали справедливость.

Въ Москвѣ, въ прекрасно отдѣланныхъ домашнихъ театрахъ: князя Д. Ю. Трубецкаго и И. Н. Зотова (впослѣдствїи графа) очень часто давались исключительно французскіе пїесы, въ которыхъ любители театра, изъ высшаго общества, принимали участіе вмѣстѣ съ природными французами. Въ сихъ спектакляхъ и любители музыки играли въ оркестрѣ, которымъ обыкновенно управлялъ князь М. Я. Хилковъ. На своемъ театрѣ, князь Д. Ю. Трубецкой игралъ въ оркестрѣ на виолончели. Я назвалъ эти лица для того только, чтобъ меня не упрекнули въ выдумѣ. И для того же прибавлю еще нѣкоторыя подробности, по которымъ увѣриться можно будетъ, что я не отдаю преимущества охотникамъ до музыки тогдашняго времени предъ нынѣшними. Музыка игралась въ оркестрахъ самая легкая. Плейеловы и Вангалевы симфонїи; но по такому выбору вовсе нельзя судить о тогдашнемъ музыкальномъ вкусѣ. Крѣпостной музыкантъ М. А. Еропкина, будучи еще ученикомъ, разыгрывалъ въ публичныхъ концертахъ трудную музыку Вютти, Местрино и фуги Кореллиевы. Его вспоминали въ Москвѣ въ восьмисотыхъ годахъ, при игрѣ тѣхъ же концертовъ знаменитыми европейскими скрипачами Роде и Вальо. Въ царствованіе Екатерины, въ Петербургѣ и Москвѣ слушали Маркези, Тоди и Дица. Всѣ европейскіе таланты не по одному только имени въ обихѣ столицахъ были извѣстны; большая часть изъ нихъ прїѣзжала въ Россїю.

Весьма замѣчательно какъ чрезъ пятьдесятъ лѣтъ размножилось нынѣ въ Россїи изученіе музыки, особенно на клавинофордахъ, извѣстныхъ подъ именемъ піано-рояль. Нѣтъ приблизительнаго даже сравненія, которое въ семъ отношенїи употребить можно бы было. За пятьдесятъ лѣтъ, въ дворянскихъ только, а то немногихъ домахъ, учили музыкѣ, и я не ошибусь, сказавъ, что въ 1796 году едва-ли въ Москвѣ двадцать такихъ домовъ насчитать можно было. Въ сихъ же домахъ, едва-ли въ половинѣ занимались Гайдномъ и другими музыкальными классиками. Молодыхъ баричей преимущественно учили играть на

скрипкѣ, нѣкоторыхъ на віолончели и на фортепьяно; но мало между ними насчитать можно было такихъ, которые заслуживали бы имя музыкантовъ. Музыка въ высшемъ обществѣ почиталась столько же необходимою въ образованіи какъ и танцы; но веркомъ совершенства въ музыкѣ считалось умѣніе разыгрывать Гайдна и Моцарта, а въ танцахъ умѣніе протанцовать минуэтъ французской королевы и французскую кадраль Монако. Кто это умѣлъ, тотъ былъ замѣченъ и почитался очень хорошо воспитаннымъ. Нынѣ чрезъ пятьдесятъ лѣтъ, вѣроятно, въ Петербургѣ и Москвѣ не найдется дома, въ одномъ изъ этажей котораго не было бы фортопьянъ. И въ трактирахъ, и въ кондитерскихъ, и у булочниковъ, и другихъ ремесленниковъ есть флягель, или фортопьяны.

Въ концѣ царствованія Екатерины любимымъ занятіемъ и предметомъ многочисленныхъ сѣздовъ московской публики и стеченія народа сдѣлались лошадиныя скачки, основанныя графомъ А. Г. Орловымъ-Чесменскимъ, которому Россія обязана размноженіемъ породы кровныхъ арабскихъ и англійскихъ лошадей. На сихъ скачкахъ являлись и приводные изъ Англій скакуны и родившіеся на заводахъ графа и другихъ охотниковъ. Я видѣлъ на сихъ скачкахъ знаменитаго тогда скакуна Греть-Дейгомеда, котораго цѣнили въ двадцать тысячъ рублей, Эклипса, Тромпетера, Роксолану, родившуюся на заводѣ графа, и много другихъ, именъ которыхъ не припомню.

Образъ жизни московскаго высшаго круга въ сію эпоху представлялъ старинный бытъ русскій, съ которымъ сливались еще воспоминанія Грановитой палаты и Краснаго крыльца. Старый Кремль оставался еще въ той же неприклонности и въ томъ видѣ, въ какихъ былъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, и живо напоминалъ еще Москву Грознаго и Москву Годунова. Только сенатъ, арсеналъ и домъ митрополита свидѣтельствовали, что архитектура теремовъ уступала уже мѣсто архитектурѣ европейской. Кремль оставался еще неизмѣннымъ типомъ столицы Московскаго царства. Что касается до прочихъ частей города, то на многихъ улицахъ подлѣ деревянныхъ ветхихъ хижинъ подымались уже большіе каменные дома. Прямая Тверская улица отъ заставы до Кремлевскихъ воротъ, называемыхъ Курятными, представляла огромные дворцы: князя Голицына, который занимала Екатерина въ бытность свою въ Москвѣ, Мамонова, князей: Гагарина и Долгорукова, въ которомъ помѣщался единственный тогда въ Москвѣ кофейный домъ и конфектная лавка, которые содержала старая французенка, жавой портретъ парижскихъ рыбныхъ торговцевъ, мадамъ Шню.

Во всемъ городѣ на самыхъ большихъ улицахъ: Покровкѣ, Мясницкой, Стрѣтенкѣ, за Москвою-рѣкою, въ Нѣмецкой слободѣ и на самыхъ отдаленныхъ пунктахъ города встрѣчались уже огромныя зданія, и сна-

ружи и внутри богато по послѣднему вкусу отдѣланныя. Впрочемъ по всему городу такихъ домовъ не болѣе пяти или шести сотъ насчитать можно было. Я здѣсь исключительно говорю о домахъ, знатнымъ владѣльцамъ принадлежавшихъ, отличавшихся внутреннимъ расположеніемъ, не уступающимъ нынѣшнимъ, не присоединя къ нимъ домовъ каменныхъ и деревянныхъ, принадлежавшихъ достаточнымъ дворянамъ и купцамъ, но простой наружности въ одно и два жилья. Такихъ разбѣянныхъ по городу домовъ было очень много,—и между ними оставались нѣкоторые съ желѣзными наружными ставнями, каменными заборами и тяжелыми всегда запертыми воротами.

Несмотря на большое уменьшеніе приходскихъ церквей, оставшееся ихъ понынѣ число свидѣтельствуетъ, что Москву называли бѣлокаменною не по частнымъ домамъ, но исключительно по Кремлю и церквамъ, изъ коихъ многія построены изъ тесанаго бѣлаго камня. Дома графовъ Шереметьева, Разумовскаго, князей Голицыныхъ и вообще всѣхъ знатныхъ потомковъ древнихъ бояръ представляли расположеніе и убранство царскихъ дворцовъ. Въ послѣдніе годы царствованія императрицы Екатерины, сдѣлались въ Москвѣ извѣстными два огромные дома, принадлежавшіе малочиннымъ дворянамъ: Пашкову и Салтыкову. Первый замѣчательнъ и по архитектурѣ и по саду, расположенному по горѣ довольно высокой, вдоль улицы, называемой Моховою; второй — по большой круглой залѣ съ хорами, въ которой давались концерты и балы. Я полагаю, что подробное описаніе Москвы и планъ города за восемьдесятъ только лѣтъ назадъ изумили бы настоящее поколѣніе: такъ измѣнилась и наружность города и самая его мѣстность. Я родился въ Москвѣ въ 1773 году и, бывъ въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія на моей родинѣ, не видалъ уже той Москвы какъ она была въ девяностыхъ годахъ прошедшаго столѣтія.

Если Фонвизинъ, съ небольшимъ за пятьдесятъ лѣтъ, написалъ Недоросля, то онъ писалъ его не съ тою цѣлю, чтобъ смѣшить только зрителей въ райкѣ. Онъ начертилъ вѣрнѣйшую картину нравовъ, понятій и обычаевъ тогдашняго московскаго и губернскаго дворянства, не принадлежавшаго къ высшимъ разрядамъ общества, обнаружилъ полубоярскую слѣсъ мелкихъ дворянъ, прастыдилъ грубое невѣжество людей, называвшихся благородными, и если не заставилъ дворянъ своего времени перевоспитаться, то заставилъ ихъ по крайней мѣрѣ прикрывать свои грубые понятія, свое грязное невѣжество и еще грязнѣйшіе обычаи и привычки. Онъ вовсе не преувеличилъ ни глупости, ни злости дворянъ Простаковыхъ и Скотининыхъ, а показалъ только ихъ на театральномъ помостѣ, каковыми они въ домахъ и кругу семействъ своихъ дѣйствительно были. Онъ представилъ со всею вѣрностію, какимъ поставникамъ безграмотные дворяне ввѣряли образованіе дѣтей своихъ.

*

Если на Вральмана не похожи всѣ учителя французы и нѣмцы послѣдняго двадцатилѣтія XVIII столѣтія, то Цыфиркинъ и Кутейкинъ настоящіе портреты тогдашнихъ русскихъ учителей грамоты и ариметики. Въ Москвѣ, конечно, не болѣе десяти человѣкъ насчитать можно было законоучителей и учителей русскаго языка, достойныхъ сего названія. Всѣ прочіе русскіе преподаватели были дьячки приходскіе и артиллеристы.

Въ самыхъ знатнѣйшихъ домахъ дѣтей мало занимали законоученіемъ и русскою грамотою. Чѣмъ домъ былъ знатнѣе, тѣмъ менѣе въ немъ думали о русскомъ языкѣ, на которомъ дѣтямъ говорить даже между собою запрещали. Княжескіе и боярскіе сыновья и дочери потому то и объяснялись по-французски лучше, чѣмъ на своемъ природномъ языкѣ; разумѣется они знали языкъ только разговорный, въ гостинныхъ употребляемый, но и на семь языкѣ грамматически рѣдко писать умѣли. Что же касается до русскаго языка, то и родители сихъ полуфранцузовъ едва смогли бы составить по-русски въ нѣсколько строчекъ письмо или записочку. Въ началѣ еще царствованія императора Павла, многіе вельможи писали на своемъ языкѣ, какъ говорили: безъ всякаго правописанія и знаковъ препинанія. Слогъ самыхъ знатныхъ подходилъ къ церковному или наполненъ былъ галлицизмами. Самые ученые, до Карамзина, писали языкомъ церковныхъ книгъ, смѣшаннымъ съ языкомъ разговорнымъ, что встрѣчается въ сочиненіяхъ и Хераскова и Державина, не говоря о слогѣ писателей менѣе извѣстныхъ. Со времени только Сперанскаго, по учрежденіи министерствъ, въ официальныхъ бумагахъ, присутственныхъ мѣста и лица, подражая слогу министерскихъ предписаній и слогу журнала министерства внутреннихъ дѣлъ, начали оставлять и подъясческія выраженія и самый почеркъ, похожій на церковный полу-уставъ, и стали обличаться съ слогомъ Карамзина и Сперанскаго.

Высочайшіе рескрипты Екатерины II, сенатскіе и коллежскіе акты представляютъ такую разницу съ тѣми, которые замѣнили ихъ въ началѣ 1800 года, что переимѣну сію, по всей справедливости, приписать должно Карамзину, дѣйствительному преобразователю языка, до него тяжелаго и необработаннаго; тому служатъ свидѣтельствомъ всѣ русскіе книги, сочиненія и переводы, отъ Петра Великаго до Карамзина изданные. Съ появленіемъ только «Московскаго журнала», по возвращеніи Карамзина изъ заграничнаго путешествія, богатство, красота и сила русскаго языка начали развиваться и приохочивать русскія образованныя сословія къ чтенію русскихъ сочиненій; чему, безспорно до него, начали пролагать дорогу: Новиковъ, Херасковъ и Державинъ!

Правда, Карамзинъ ввелъ въ русскій языкъ множество иностранныхъ словъ, но сямъ то самымъ и обогатилъ его. И что же! зависть и невѣ-

жество разглашали тогда, вопреки очевидной пользѣ, которую принесло сіе введеніе. Говорили, что Карамзинъ портитъ русскій языкъ — и называли его нѣмецкимъ русакомъ. Скоро послѣдователи его — Дмитріевъ, Пушкинъ (Василій) Крыловъ и, разсадникъ лучшихъ нашихъ литераторовъ, Московскій благородный университетскій пансіонъ безусловно приняли слогъ Карамзина и образцовыя сочиненія его тогдашняго времени: «Бѣдная Лиза», «Наталья боярская дочь», «Письма русскаго путешественника» и «Критика новѣйшихъ русскыхъ сочиненій и переводовъ», основательная безпристрастная и наставительная — заставляли наконецъ всѣхъ отдать прозѣ Карамзина преимущество предъ прозою Ломоносова и Хераскова и всѣхъ, кто до него писалъ.

Въ сіе время, когда не всѣ знатныя барыни и писать умѣли, племянница Хераскова А. П. Хвостова, подражая слогу Карамзина, написала премиленькую бездѣлку: Каминъ, который лежалъ на всѣхъ столахъ гостинныхъ и кабинетовъ и который всѣ съ удовольствіемъ читали. Впрочемъ Хвостова была не первая женщина, которая въ царствованіе Екатерины занималась русскою словесностью: г-жа Хруцова, известна въ русской библіографіи гораздо прежде переводомъ Мармонтелеваго сочиненія И н е и.

Независимо отъ «Московского журнала», въ которомъ большая часть статей въ стихахъ и прозѣ и переводовъ принадлежали перу Николая Михайловича, онъ вмѣстѣ съ журналомъ своимъ издавалъ «Аониды», «Мои бездѣлки» и превосходные переводы, какихъ до сего русскіе не имѣли. Неутомимая его ревность, стараніе и дѣятельность такую принесли русской словесности пользу, что она ни съ какою другою сравнена быть не можетъ. Онъ создалъ языкъ, которымъ образованное общество въ Россіи и говорить и на которомъ пишетъ; сблизилъ русскыхъ съ природнымъ ихъ языкомъ, величественнымъ и сладкозвучнымъ, и, можно сказать, приохотилъ ихъ къ просвѣщенію. Подражая Карамзину, около того же времени и я напечаталъ переводы мои: путешествіе въ Крымъ и Константинополь, сочиненіе англичанки Креветъ, и отрывокъ изъ сочиненія Дидерота, подлинникъ котораго, исправленный мѣстами рукою Карамзина, и теперь у меня хранится. Тогда же перевелъ я и «Бѣдную Лизу» на французскій языкъ, чтобъ и французовъ познакомить съ Карамзинимъ. Ничтожныя опыты, которые нынѣ, чрезъ 50 лѣтъ, едва ли и у буканистовъ найдутся, тогда же, когда они вышли изъ печати, и объ нихъ говорили.

Рѣшительно сказать должно, что образованность, происходящая отъ нравственнаго и умственнаго просвѣщенія въ тридцати четырехъ лѣтнее царствованіе Екатерины, была удѣломъ весьма немногихъ. Хотя дворянство, къ высшимъ степенямъ общества принадлежавшее, и видѣло и знало, что императрица шеголяла знаніемъ русскаго языка, писала

на немъ охотно и занималась сочиненіями русскими, все-таки предпочтало отечественному языку языкъ французскій.

Отъ Петра I-го до Екатерины II русская словесность изъ свѣтскихъ писателей красуется однимъ Ломоносовымъ, изъ духовныхъ насчитать ихъ можно болѣе, но писанія сихъ послѣднихъ очищали болѣе славянскій, а не русскій языкъ; совсѣмъ тѣмъ, первыми наставниками и преподавателями русской словесности Россія исключительно обязана духовнымъ училищамъ. Всѣ прочіе распространившіеся по Россіи до кончины императрицы Екатерины свѣтскіе учителя рѣшительно принадлежатъ по образованію своему или Московскому университету, или учрежденнымъ при С.-Петербургской Академіи наукъ и шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ гимназіямъ, которыя современемъ снабдили всѣ по государству училища хорошими преподавателями, а службу—дѣловыми людьми. Словесность русская отъ Ломоносова до Карамзина шла медленно и подъ перомъ Державина только показала, какимъ исполномъ ей предназначено быть въ числѣ прочихъ словесностей. И Державинъ, истинный поэтъ-философъ, и Херасковъ, лучший прозаикъ въ концѣ XVIII столѣтія, и митрополитъ Платонъ, краснорѣчивѣйшій витія своего времени, и священникъ Десницкій, впоследствии митрополитъ Михаилъ, неутомимый проповѣдникъ христіанскаго ученія,—сіи знаменитые мужи, какъ равно и преобразователь русскаго разговорнаго и письменнаго языка Карамзинъ, принадлежатъ къ царствованію императрицы Екатерины II.

IV.

Николай Ивановичъ Новиковъ и его значеніе въ народномъ просвѣщеніи.—Издательская дѣятельность Новикова.—Участіе его въ воспитаніи Н. М. Карамзина.—Заслуги Новикова по собиранію матеріаловъ для исторіи Россіи.—Печальная судьба, его постигшая.

Къ сей эпохѣ принадлежитъ извѣстный Николай Ивановичъ Новиковъ, русскій родовой дворянинъ, безъ котораго русская словесность и отечественная исторія едва дошли бы съ небольшимъ въ полвѣка до такой высоты, на которой стояли уже въ началѣ XIX столѣтія.

Николай Ивановичъ Новиковъ, какъ и всѣ русскіе природные дворяне его современники, началъ службу въ гвардіи, но бывъ съ самой молодости слабымъ здоровьемъ, скоро ее оставилъ. Имѣя умъ и способности необыкновенныя, пылкій характеръ и дѣятельность невмѣрную, онъ не могъ ограничить послѣдней образомъ жизни столичныхъ городовъ или посвятить себя въ деревнѣ сельскимъ занятіямъ. Ему надобна была пища

для ума и сердца, и въ Петербургѣ еще онъ занялся отечественною словесностію, которая только что развилась подъ перомъ Ломоносова. Онъ долженъ былъ превозмочь величайшее затрудненіе, которое представляло ему незнаніе ни древнихъ и ни одного изъ новѣйшихъ европейскихъ языковъ; но при рожденіи онъ былъ обреченъ страстно любить науки и отдавалъ имъ преимущество предъ всѣми приманками разсѣянной свѣтской жизни. Ему суждено было быть первымъ въ Россіи распространителемъ народнаго просвѣщенія, посредствомъ изданія переводовъ и вообще книгопечатанія. Оставя службу онъ не оставилъ Петербурга и скоро сдѣлался извѣстенъ знатымъ особамъ того времени, которые поняли и оцѣнили его, скоро сдѣлался онъ извѣстнымъ и самой императрицѣ, чрезъ изданіе первыхъ періодическихъ листовъ въ Россіи. До него вся журналистика ограничивалась «С.-Петербургскими Вѣдомостями» и календарями, при Академіи наукъ издаваемыми. Листки, которые издавалъ Новиковъ, какъ новость и первый опытъ, привлекли ему благоволеніе императрицы.

Живописецъ, Утренній свѣтъ, Вечерняя зора и Московское ежемѣсячное изданіе можно назвать краеугольными камнями русскихъ періодическихъ сочиненій. Я указываю здѣсь на нѣкоторые, ибо они были дѣдушками русскихъ журналовъ, какъ ботякъ Петра Великаго, по замысловатому сравненію, дѣдушкою русскаго флота. Надобно здѣсь замѣтить, что въ сію эпоху въ Петербургѣ, по подражанію другихъ столицъ, и масонство имѣло свой востокъ—ягрушка, въ которой многія знатныя лица и люди, принадлежащіе къ высшему кругу, принимали участіе, какъ равно и Новиковъ, по связи съ ними, въ ней участвовали, принадлежа къ лучшему обществу въ городѣ. Масонство не почиталось тогда ни опаснымъ, ни предосудительнымъ, хотя во многихъ возбуждало недовѣрчивость. Въ это же время и въ Москвѣ былъ небольшой кругъ людей, принадлежащихъ къ сему сословію. На масонство была мода, а модѣ кто не слѣдуетъ? Масонскія ложи существовали и при многихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и во многихъ губернскихъ городахъ.

Новиковъ съ пламенною душою и возвышеннымъ духомъ искалъ только случая и возможности заняться такимъ дѣломъ, которое служило бы къ распространенію народнаго просвѣщенія, любви къ наукамъ и отечественной словесности, чрезъ изданіе и печатаніе извѣстнѣйшихъ сочиненій, коими славятся древніе и новѣйшіе языки. Единственнымъ средствомъ къ тому представлялось откупное содержаніе московской университетской типографіи, единственной тогда въ Москвѣ, которая отдавалась съ торга тому, кто предлагалъ выгоднѣйшую предъ другими плату. Новиковъ, оставивъ Петербургъ и пріѣхавъ въ Москву, взялъ на откупъ университетскую типографію, около 1780 года судя по

находящемуся у меня экземпляру Христіанскаго календаря на 1784 годъ, печатавшему, какъ стоитъ на заглавномъ листѣ: и ж д и в е н і е м ъ Н. Новикова и компаніи. Въ Москвѣ въ Университетской типографіи у Н. Новикова. 1784 года.

Въ Москвѣ Новикова ожидали и громкая молва, и невѣроятныя бѣдствія, и нелицепріятная признательность потомства. Могъ-ли ожидать сего рядовой московскій дворянинъ, въ чинѣ отставнаго поручика, при небольшомъ имѣніи, отъ предковъ до него дошедшемъ, гдѣ онъ и жизнь кончилъ въ глубокой, болѣзненной старости, при крайнихъ недостаткахъ, въ отчинѣ, заложенной въ казну, съ которой онъ не получалъ и столько дохода, котораго бы доставало, чтобы жить дряхлomu съ тремя-большими дѣтьми и выплачивать ежегодныя проценты. Николай Ивановичъ Новиковъ кончилъ жизнь около 1820 года. Если ему было при кончинѣ около 70 лѣтъ, то когда онъ взялъ типографію Московскаго университета на откупъ, онъ могъ быть не старѣе 35 лѣтъ. Предъ кончиною его, я былъ съ нимъ, послѣ двадцати-пяти-лѣтняго знакомства, въ самой тѣсной дружественной связи. Подъ конецъ жизни, несмотря на постоянно болѣзненное состояніе и ежедневныя жестокія страданія, онъ сохранилъ всю живость ума, всю силу духа и всю свѣжесть пламеннаго воображенія, свойственныя возмужалому совершеннолѣтнію. Несмотря на мучительную болѣзнь и на то, что онъ содержался до кончины Екатерины II, около десяти лѣтъ, въ Шлиссельбургской крѣпости въ казематѣ, испытавъ всѣ ужасы преслѣдовавшихъ его злобы, лжи и клеветы, сей необыкновенный человѣкъ мало извѣстенъ своимъ соотечественникамъ потому только, что путь къ славѣ привелъ его къ заточенію, и что посѣянные имъ сѣмена пожаты другими!

У меня сохранилась многолѣтняя переписка съ симъ достойнѣйшимъ человѣкомъ въ собственноручныхъ его письмахъ. Давно сказалъ Вергилій: всегдашнее ко всему равнодушіе современниковъ разбужается обыкновенно или подкупомъ, или лестію.—Безпристрастіе потомства, и чрезъ вѣка протекшіе послѣ смерти, воздастъ достойному достойное. Новиковъ принадлежитъ къ числу немногихъ орудій, подготовленныхъ великимъ преобразователемъ Россіи, которыя и послѣ смерти его продолжали развивать его начала. Петръ въ свое время сдѣлалъ бы Новикова вторымъ Меньшиковымъ.—Екатерина его не разгадала.

По переѣздѣ въ Москву, сдѣлавшись содержателемъ университетской типографіи, онъ немедленно приступилъ къ изданію переводовъ сочиненій богословскихъ, философскихъ, историческихъ и многихъ другихъ, коими славятся древніе и новѣйшіе языки; но онъ не ограничился единственно симъ предметомъ. Невѣроятная дѣятельность и предпріятія обширныя, къ пользѣ общей влоинвшіяся, и виды, какіе онъ имѣлъ при взятіи на откупъ Московской университетской типографіи, свидѣ-

тельствуютъ о необыкновенныхъ усиліяхъ и трудахъ сего вѣчной благодарности русскихъ достойнаго ихъ согражданина. Онъ прядвинулъ успѣхи просвѣщенія на цѣлый вѣкъ впередъ, обогативъ училища учебными книгами, а общество многими переводами, которые сдѣлали доступными сочиненія иностранныхъ писателей для соотечественниковъ его, не знавшихъ иностранныхъ языковъ. Университетъ Московскій и Новиковъ первоначально, за нимъ Карамзинъ принесли и просвѣщенію, и словесности русской неоцѣнимыя услуги, возбудивъ вкусъ и охоту къ ученію. Усовершенствовавъ книгопечатаніе она развили книжную торговлю, которая до Новикова едва переходила за предѣлы мелочной промышленности. Я сказалъ выше, что Новиковъ принадлежалъ въ Петербургѣ къ кругу масоновъ, не весьма обширному, и по переѣздѣ въ Москву, съ профессоромъ Московскаго университета Н. Г. Шварцомъ завелъ онъ также небольшое масонское общество, къ которому принадлежали извѣстѣйшія лица московскаго дворянства. Я не распространюсь здѣсь насчетъ сего общества, довольно извѣстнаго и въ Европѣ и Америкѣ, но говоря и о немъ, какъ о заведеніи, начатомъ Новиковымъ, присовокуплю, что компанія, главою которой онъ былъ, завела въ Москвѣ сверхъ типографіи обширную аптеку и лабораторію, которыми управлялъ выписанный изъ Германіи ученый химикъ Бянтгеймъ. Капиталъ компаніи, составившійся изъ суммъ многочисленныхъ вкладчиковъ, въ наличныхъ деньгахъ, въ типографскихъ и аптекарскихъ матеріалахъ заключавшійся, и огромный кредитъ доставляли компаніи всю возможность безпрепятственно расширять кругъ своихъ дѣйствій. Бывшій домъ графа Гендрихова на Яузѣ, огромное каменное зданіе, былъ уже собственностію компаніи, приобретеною чрезъ покупку. Я не коснусь здѣсь видовъ, приписываемыхъ Новикову, за которые онъ жестоко пострадалъ, присоединивъ ихъ къ типографскимъ своимъ оборотамъ. Они ничего общаго не имѣютъ съ литературными его заслугами. По прошествіи 50 лѣтъ, къ Новикову можно въ переносномъ смыслѣ отнести сказанное Ломоносовымъ о Петрѣ Великомъ, при спускѣ карабля, что русскіе въ лодочкѣ, на лужѣ, чуть бы сидѣли, когда-бъ не имѣли Великаго Петра!—Если-бы русская словесность не имѣла за 70 лѣтъ назадъ Н о в и к о в а, она не была бы на той высотѣ, на которой стоитъ нынѣ; можетъ быть, съ тѣми только словесностями славянскихъ нарѣчій, которыя едва занимаютъ ученую Европу. Нынѣ, словесность русская вдвинута въ рядъ словесностей французской, англійской и нѣмецкой, и уповательно, чрезъ 100 лѣтъ, при правнукахъ нашихъ, и въ Л о н д о н ѣ, и въ П а р и ж ѣ по-русски и говорить и читать будутъ!

До Новикова, каталогъ русскихъ оригинальныхъ сочиненій и переводовъ былъ весьма ограниченъ. Такъ какъ я не пишу исторію російской словесности, то и не буду входить въ подробности, до сего любо-

пытнаго предмета относящіяся. Стоять только имѣть въ рукахъ, каталоги книгъ московской университетской книжной лавки отъ взятія Новиковымъ на откупъ университетской типографіи до года его заточенія, чтобъ удостовѣриться, какъ ничтожны были въ это время печатаніе и торговля русскими книгами. Впрочемъ не надобно забывать, что съ половины только XVIII столѣтія, въ царствованіе императрицы Екатерины, русскія книги вообще начали размножаться, хотя впрочемъ все еще весьма медленно. Новиковъ, взявъ университетскую типографію на откупъ, быстро принялся за печатаніе русскихъ сочиненій и переводовъ и оставилъ послѣ себя каталогъ, по которому можно уже было составить собраніе книгъ, не въ одну сотню томовъ. Чтобъ оцѣнить труды его, довольно указать на одно изданіе Древней Россійской Вивліюеяки многотомной книги, въ которой онъ воскресилъ заплесявшія въ сырыхъ кладовыхъ древнія рукописи, познакомилъ русскихъ съ предками ихъ и подготовилъ Карамзину и русской исторіи основаніе къ повѣркѣ и объясненію русскихъ древностей. Вивліюеяка по всей справедливости заслуживаетъ названія указателя, по которому любители древностей собрали драгоценныя матеріалы, и самая археографическая коммиссія нашихъ временъ обогатилась драгоценными приобрѣтеніями для отечественной исторіи. Новиковъ первый приступилъ къ разработкѣ обильной почвы русской старины.

Сколько имъ издано самыхъ полезнѣйшихъ книгъ для воспитанія и образованія юношества; сколько такихъ, которыя познакомили съ христіанствомъ и молодыхъ и старыхъ христіанъ. Многіе изъ нихъ, проживъ десятиа лѣтъ, все еще думали, что христіанство дозволяетъ вышибать зубъ—за вышибленный зубъ, выкалывать глазъ—за выколотый глазъ, и высыпать врагу изъ жаровни горячія уголья на голову. Самые календари, печатанные въ Москвѣ въ университетской типографіи при Новиковѣ, составлены были въ видѣ руководства къ ознакомленію свѣтскихъ людей съ евангельскимъ ученіемъ и съ христіанскою нравственностію. Сверхъ того Новиковымъ издано много книгъ о предметахъ богословскихъ, переводахъ изъ твореній святыхъ отцовъ восточной церкви и произведеній ученѣйшихъ мужей древняго и новаго міра. Къ сожалѣнію, всѣ сочиненія и переводы, изданные Новиковымъ, принадлежать къ такой эпохѣ, въ которую русскій языкъ едва начиналъ очищаться отъ славянщины временъ Петра I-го, а потому въ примѣненіи къ словесности нашего времени, сочиненія сіи большой цѣны и не имѣютъ; со всѣмъ тѣмъ, неотъемлемое достоинство ихъ состоитъ въ томъ, что они были началомъ быстрыхъ успѣховъ въ усовершенствованіи русскаго языка и русской словесности.

По обширнымъ связямъ знакомства, общаго уваженія и довѣренности, которыми пользовался Новиковъ, онъ много содѣйствовалъ къ

развитію способностей въ молодыхъ людяхъ, которые дѣлались ему извѣстными; я укажу здѣсь на одного студента Московскаго университета, небогатаго симбирскаго дворянина покойнаго русскаго исторіографа Карамзина. Бывъ замѣченъ по отличнымъ способностямъ своимъ нѣкоторыми членами общества, главою котораго былъ Новиковъ, Карамзинъ обязанъ имъ знакомствомъ съ почтеннымъ семействомъ А. А. Плещеева, которое приняло его въ домъ свой какъ сына, не отличало отъ собственныхъ дѣтей своихъ и впоследствии содѣйствовало возможными способами къ отправленію его за границу. Выѣхавъ изъ дому Плещеевыхъ, онъ во все время путешествія своего находился въ постоянной перепискѣ съ благодѣтельными друзьями своими. Какія же чувства онъ питалъ къ нимъ, видѣть можно изъ «Писемъ русскаго путешественника», писанныхъ во все время отсутствія его къ Настасьѣ Ивановнѣ Плещеевой, урожденной Протасовой, на меньшей сестрѣ которой онъ по возвращеніи въ Россію былъ женатъ въ первый разъ. Карамзинъ и по пріѣздѣ изъ чужихъ краевъ въ Москву возвратился въ домъ тѣхъ же постоянно благодѣтельныхъ друзей своихъ Плещеевыхъ; и проводя трудолюбивую молодость въ ученыхъ занятіяхъ и въ кругу друзей своихъ, онъ началъ литературное поприще изданіемъ «Московскаго журнала», въ которомъ помѣщены вышеупомянутыя письма. Это былъ первый приступъ Карамзина къ возрожденію русскаго языка и русскаго словесности. По связи семейства моего съ семействомъ Плещеевыхъ, несмотря на мои шестнадцать лѣтъ, я пользовался расположеніемъ Карамзина, совѣтами и руководствомъ его въ школьныхъ моихъ занятіяхъ и поправкою моихъ ребяческихъ литературныхъ произведеній. Все это сдѣлало меня горячимъ подражателемъ его слога и начатаго имъ преобразованія русскаго грамоты. До стѣзда моего за границу и по возвращеніи оттуда, знакомство мое съ симъ незабвеннымъ человѣкомъ продолжалось до самой его смерти. Ему единственно принадлежитъ и честь и слава, какъ истинному преобразователю русскаго языка, какъ творцу и новой русскаго словесности, и краснорѣчивѣйшему повѣствователю о началѣ, событіяхъ и возрастаніи государства Россійскаго.

Имена Новикова и Карамзина неразлучны съ именемъ Екатерины, незабвенной по мудрому продолженію преобразованій Петра I-го. Тридцати-четыре-лѣтнее царствованіе ея составляетъ блестящую эпоху въ исторіи Россійской. Совершенство не есть принадлежность человѣчества: оно обречено ошибаться. Въ дѣяніяхъ самыхъ величайшихъ гениевъ выказываются ошибки, которыя не уничтожаютъ впрочемъ великаго духа—въ великихъ людяхъ! А потому, говоря о Новиковѣ, трудно безусловно оправдать, трудно и безусловно осудить мѣры, принятыя въ царствованіе императрицы Екатерины II въ отношеніи къ

лицу Новикова и компаніи, которой онъ былъ основателемъ. Государи не всегда сущность вещей проникать могутъ, и опредѣленія ихъ по большей части основываются на представленіяхъ людей, пользующихся ихъ довѣренностію. Не всегда повѣрить можно всякую точку зрѣнія, съ которой смотреть предубѣжденіе или пристрастіе, а когда же къ нимъ примѣшается личность, злоба и клевета, тогда самую истину затмятъ и самаго безпристрастнѣйшаго человѣка въ заблужденіе ввести можно.

По заточеніи Новикова въ Шлиссельбургской крѣпости, по подозрѣнію московскаго мѣстнаго начальства, что общество, котораго онъ былъ основателемъ и главою, имѣеть одни замыслы съ французскими якобинцами, мартинистами и иллюминатами, съ которыми невѣжественная толпа смѣшивала московскихъ масоновъ, общество, основанное Новиковымъ, и всѣ лица, участвовавшія въ немъ, подверглись чрезвычайнымъ потерямъ, по разореніи, какъ тогда говорили, мартинистскаго гнѣзда. Подъ симъ гнѣздомъ разумѣли бывший домъ графа Гендрикова, принадлежавшій обществу, съ огромными пристройками, въ которыхъ помѣщались обширная типографія, огромная аптека, книгохранилище и пространные магазины съ запасами бумаги, типографскихъ предметовъ и аптекарскихъ матеріаловъ стоившихъ большія деньги.—Все это, конечно, причинило разореніе многимъ вкладчикамъ, особенно богатому, доброму и честному слбирскому завододержателю Походяшину, самому Новикову съ семействомъ и многимъ другимъ знатымъ лицамъ, содѣйствовавшимъ развитію общепользныхъ предпріятій Николая Ивановича.

Въ то время, когда около 1788-хъ годовъ готовился французскій переворотъ, Мерсье недалъ «Картину Париза», и въ послѣдней части включилъ главу подъ названіемъ: Мартинисты. Въ этой главѣ онъ говорилъ о появившемся тогда новомъ сочиненіи Сень-Мартена, «О заблужденіяхъ и истинѣ», которое отвлеченностію своею и содержаніемъ о предметахъ духовныхъ, въ тогдашнее время еще болѣе чуждыхъ чѣмъ въ наше время, надѣлало въ обществѣ много шума. Излагая сужденіе свое о приверженцахъ къ новымъ понятіямъ, Мерсье напугалъ правительства и публику вымышленнымъ имъ страшилищемъ, подъ именемъ мартинистовъ, чего достаточно было, чтобъ заставить злонаміренныхъ и несмысленныхъ смѣшивать мартинистовъ съ иллюминатами, іезуитами, квакерами, розенкрейцерами и масонами; а Сень-Мартена—съ Вейсгауптомъ, Эскобаромъ, Равальякомъ, Лютеромъ, Кальвиномъ—и самимъ Мефистофелемъ. Клевета помрачала бы солнце, если бы мракъ могъ преодолѣть свѣтъ его. Нѣтъ ничего легче распространенія ложнаго мнѣнія между невѣжественнымъ простонародіемъ. Стоитъ только самыя лучшія

намѣренія выдать за средства, ведущія къ достиженію лучшихъ выгодъ, самыя честнѣйшія поступки оглашать преступными, особенно такіе, которые, какъ говорится, колятъ большинству глаза. Человѣческое правосудіе представляютъ съ завязанными глазами. Не на смѣхъ ли миеологія присвоила слѣпому правильное употребленіе вѣсовъ и сѣкеры. Кому неизвѣстна плачевная исторія рыцарей храма, кончившаяся кострами. Весьма любопытно прочесть опредѣленіе парижскаго парламента 6-го августа 1762 года, уничтожающее существованіе іезуитовъ. Парламентъ приписываетъ сему сословію такія злодѣянія, которыя и придумать трудно, да едва ли они въ самомъ дѣлѣ и возможны. И здѣсь, невѣроятность явно свидѣтельствуетъ, что обвиненіе ложно и пристрастно, и что вымыселъ противорѣчитъ здравому смыслу.

Московское общество масоновъ, главою котораго былъ Новиковъ представлено императрицѣ Екатеринѣ опаснымъ по мнѣніямъ ея связямъ съ французскими якобинцами; и сему, нѣкоторымъ образомъ, нетрудно было придать видъ вѣроподобія, ибо, дѣйствительно, въ тогдашнее время, предъ началомъ французской революціи, многія французскія площадныя ложи служили сборищами, въ которыхъ замышлялся переворотъ. Довольно было распространить по Москвѣ слухъ, что Новиковъ и масоны, по примѣру якобинцевъ, и безбожники, и возмутители общаго спокойствія, чтобы толпа, безусловно повѣривъ тому, присовокупила къ сему обвиненію въ чародѣйствѣ, и въ алчности къ обогащенію себя на счетъ слабыхъ, и Богъ вѣсть какія еще сказки. Вотъ примѣръ тому: когда въ городѣ распространился слухъ, на сихъ вымыслахъ основанный, домъ общества, бывшій графа Гендрихова, сдѣлался предметомъ всѣхъ разговоровъ. Говорили, что масоны имѣютъ сношеніе съ нечистыми духами, что они вызываютъ мертвыхъ съ того свѣта, обираютъ простаковъ, не ходятъ въ церковь, и множество подобныхъ нелѣпостей, которыя, впрочемъ, и въ наше время распространяютъ, когда хотятъ повредить какому-нибудь лицу или обществу. Я не буду защищать здѣсь предъ правнуками того поколѣнія, къ которому принадлежалъ Новиковъ и его общество, не имѣющими и тѣни понятія о происшествіи и лицахъ, обратившихъ тогда на себя столь строгія мѣры правительства. По сіе число происшествіе сіе остается тайною, каковою была нѣкогда Желѣзная Маска. Впрочемъ, вѣроятно, что когда-нибудь и у насъ подлинная причина разоренія общества, главою котораго былъ Новиковъ, и заточенія его объяснятся, ибо мнѣ извѣстно, что всѣ бумаги, взятыя правительствомъ, существовали еще при вступленіи императора Павла на престолъ. Прекращая дальнѣйшее повѣствованіе о взятіи и заточеніи Новикова, я перескажу здѣсь два случая, изъ коихъ первый извѣстенъ мнѣ отъ самого Николая Ивановича, а второй я узналъ здѣсь, случайно, и очень недавно,

отъ одного современника, подобно мнѣ, той эпохи. Вотъ что мнѣ рассказывалъ Николай Ивановичъ:

Общество и всѣ заведенія его пользовались еще совершенною свободою, и всѣ лица, принадлежащія къ первому, не имѣли причины жаловаться на какое-либо, со стороны правительства, стѣсненіе, какъ уже въ различныхъ кругахъ Москвы говорили о Новиковѣ и компаніи его, о мартинистахъ, масонахъ и иллюминатахъ съ самой дурной стороны и распространяли самые оскорбительные слухи насчетъ ихъ. Однажды, Николай Ивановичъ находился у жены друга и товарища своего Н. П. Т., какъ слуга вошелъ въ гостиную доложить о пріѣздѣ знакомой хозяйкѣ дамы, и когда она была принята, по разнѣмъ обыкновенныхъ привѣтствій, хозяйка спросила ее: что хорошенькаго?—обыкновенный вопросъ, который мы дѣлаемъ людямъ, къ которымъ равнодушны.

— Ахъ матушка, ваше превосходительство,—отвѣчала пріѣзжая,—какой я видѣла страхъ: ѣхала изъ-за Москвы-рѣки по Каменному мосту, насилу пробѣжать могла—такое множество народу. Всѣ глядятъ на рѣку, и я велѣла кучеру остановиться; и что жъ? Проклятый Новиковъ на камнѣ плыветъ вверхъ по Москвѣ-рѣкѣ. Я такъ и обмерла и до сихъ поръ еще отдохнуть не могу.

А Николай Ивановичъ Новиковъ сидѣлъ тутъ же въ гостиной. Вотъ образчикъ рассказовъ, которые невѣжество разсѣваетъ.

Второй случай, который я помѣщаю здѣсь съ рассказа современника, всякаго вѣроятія достойнаго, есть слѣдующій. Нѣкто Веревкинъ, переводчикъ многотомнаго сочиненія аббата Прево, подъ заглавіемъ «Исторія о странствіяхъ вообще», около восьмидесятихъ годовъ XVIII ст., условясь съ начальствомъ типографіи Императорской Академіи наукъ о напечатаніи своего перевода, ожидалъ окончанія изданія. Въ это время въ Петербургѣ была только одна академическая типографія, которая представляла возможность издать многотомное сочиненіе, съ гравированными картинками и картами, чего требовало изданіе книги «Исторія о странствіяхъ». Четыре или пять томовъ въ 8-ю долю листа были уже напечатаны, но такъ какъ изданіе шло очень медленно, и Веревкинъ терялъ довѣріе къ исправности типографіи и надежду видѣть переводъ свой скоро отпечатаннымъ, то и рѣшилъ ѣхать въ Москву и передать печатаніе «Исторіи о странствіяхъ» типографіи Московскаго университета, которую содержалъ Новиковъ. Типографія Академіи наукъ, оскорбленная симъ предпочтеніемъ Веревкина, присоединивъ къ убытку досаду, въ отищеніе Новикову, возбудила къ нему неблаговоленіе президента Академіи ¹⁾ и, какъ въ сихъ случаяхъ дѣлается, не щадила клеветы, чтобъ достигнуть своей цѣли и повредить быстрому успѣху и вы-

¹⁾ Кн. Е. Р. Дашковой.

годамъ предприимчиваго Новикова. Въ услужливыхъ клеветникахъ никогда недостатка не бываетъ. Какъ лейденская батарея соединяетъ нѣсколько банокъ между собою для усиленія электричества, такъ клевета употребляетъ проводниками своими людей, отъ привратниковъ до ближайшихъ лицъ къ вельможамъ. Главная цѣль была—отмстить Новикову за Веревкина; и потому, чрезъ тайныхъ дѣйствователей близкаго къ императрицѣ лица, президента Академій, главному московскому начальству внушено подозрѣнiе къ видамъ Новикова. Бывшій тогда начальникомъ Москвы, *) заслуженный воинъ преклонныхъ лѣтъ, вѣроятно, самъ сдѣлался невольнымъ орудіемъ погибели Новикова и многихъ другихъ извѣстныхъ лицъ потому только, что, не имѣя довольно твердости ума и духа, чтобъ дойти до истины, в увлекаясь слѣпымъ усердіемъ къ службѣ и благу отечества, усердіемъ, которому весьма часто личные виды препятствуютъ видѣть дѣло, какъ оно есть въ самой сущности,—далъ волю неблагонамѣреннымъ громоздить ложь на ложь, и, такимъ образомъ, пристрастіемъ помрачиль истину. Кто повѣритъ нынѣ, чрезъ 70 лѣтъ, что разоренію Новикова и компаніи его служило основаніемъ не подозрѣнiе, простибельное всякому правительству въ дѣлѣ, грозящемъ общественному благосостоянію, хотя бы, впрочемъ, подозрѣнiе сіе ошибочнымъ и даже пристрастнымъ было, но что разоренію сему служило основаніемъ злонамѣренное покушеніе частнаго лица и въ дѣлѣ частномъ, склонившее людей, занимавшихъ первѣйшія въ государствѣ мѣста, употребить всемогущество свое къ погибели невинныхъ людей, чтобъ дать ходъ злобному вымыслу чрезъ облеченіе его видами правдоподобія. Не менѣе того, клевета и вымыселъ, на ней основанный, ввели мудрую и вовсе не жестокою Екатерину въ ошибку, разгромившую самое полезнѣйшее для общества и государства предпріятіе частныхъ людей, безъ всякаго сомнѣнія имѣвшихъ въ огромномъ коммерческомъ дѣлѣ и денежные выгоды, и несомнѣнную пользу. Вотъ фактъ, извѣстный немногимъ современникамъ Новикова, оставшимся еще въ живыхъ, но нисколько не помрачающій славы многолѣтняго царствованія императрицы Екатерины, увлеченной пристрастными представленіями. Кому неизвѣстно несчастное сходство имени и заключеніе, на томъ основанное, которыя рѣшили величайшаго человѣка своего времени—Наполеона, захватить и осудить на смерть неподлежащаго суду его несчастнаго принца англійскаго. Новиковъ былъ счастливѣе послѣдняго. Онъ перенесъ свое заточеніе и пережилъ своихъ клеветниковъ. Великодушный императоръ, Павелъ I, освободилъ его изъ крѣпости немедленно по вступленіи на престолъ.

*) Князь А. А. Прозоровскій.

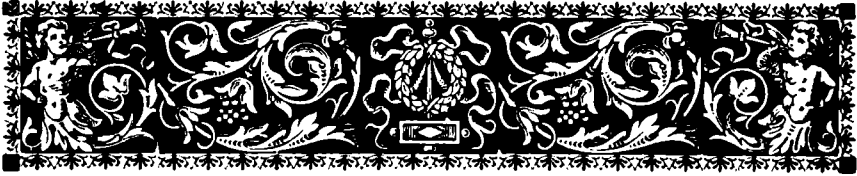
Указъ генераль-поручику и псковскому губернатору Пилю о дозволеніи поселянамъ вѣдомства директора домоводства переселяться въ Екатеринославское намѣстничество и Таврическую область.

Удоставившись собственнымъ нашимъ обзорніемъ въ плодоносіи пространныхъ земель въ намѣстничествѣ Екатеринославскомъ и области Таврической и въ разныхъ выгодахъ для обитателей тѣхъ странъ, отъ мѣстнаго положенія протекающихъ, и вѣдая, что въ числѣ селеній вѣдомства директора домоводства по разнымъ губерніямъ находятъ ся и такія, кои не изобилуютъ количествомъ земли, съ умноженіемъ же народа и вѣдшую нужду въ томъ имѣть могутъ, признали Мы за благо предписать нашимъ генераламъ-губернаторамъ и правящимъ ту должность, дабы отъ нихъ объявлено было надлежащимъ порядкомъ поселянамъ вѣдомства директора домоводства разнаго званія, наипаче же такихъ селеній, кои въ земляхъ недостатокъ и нужду ощущаютъ, что они могутъ переселиться на земли плодоносныя, въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ и Таврической области состоящія. Надлежащія распоряженія по случаю таковыхъ переселеній должны быть учинены подъ наблюденіемъ нашихъ генераловъ-губернаторовъ и правящихъ ту должность въ отсутствіи же ихъ губернаторовъ посредствомъ казенныхъ палатъ и директоровъ экономіи, произведя потребныя сношенія съ нашимъ Екатеринославскимъ, Таврическимъ и Харьковскимъ генераломъ-губернаторомъ заблаговременно. Пребываемъ впрочемъ вамъ императорскою нашею милостію благосклонны.

Екатерины.

Въ Царскомъ Селѣ
3 августа 1787 г.

Товарищи и претенцы Н. И. Новикова.

(Изъ взаимная переписка ¹).

1.

Письмо В. Я. Колокольникова и М. И. Невзорова Ивану Владимировичу Лопухину. ²)

20-го ноября 1790 г. Страсбургъ.

Дюбезный другъ и благодѣтель!

Послѣднее письмо изъ Лейдена послали мы къ вамъ по почтѣ 8 ноября и въ тотъ же день изъ Лейдена выѣхали, предпріявъ путь нашъ по вашему совѣту въ Швейцарію. Передъ отъѣздомъ со многими хлопотами и съ нѣсколькимъ убыткомъ развѣняли

¹) Русское масовство прошлаго вѣка имѣетъ свою исторію, и мы, желая воскресить въ памяти читателя лишь главнѣйшіе факты, скажемъ здѣсь нѣсколько словъ.

Въ 1775 году девять братьевъ ложи „Астрей“, отдѣлившись отъ нея, составили свою особую ложу въ Петербургѣ. Въ числѣ этихъ братьевъ были: Николай Ивановичъ Новиковъ, Яковъ Федоровичъ Дубянской, Василій Васильевичъ Чулковъ, Алексій Михайловичъ Кутузовъ, Иванъ Петровичъ Тургеневъ и другіе. Въ 1779 году ложа эта, въ которой Н. И. Новиковъ былъ мастеромъ стула, закрылась и большая часть учредителей ея переселилась въ Москву Тамъ Новиковъ познакомился съ княземъ Николаемъ Никитичемъ Трубецкимъ, Иваномъ Владимировичемъ Лопухинымъ и многими другими лицами. Развивая свою дѣятельность все шире и шире московскіе масоны или такъ называемое „Дужеское общество“ рѣшило войти въ сношеніе съ подобными же обществами за границею, и прежде всего съ берлинскими розенкрейцерами. Съ этой цѣлю былъ командированъ въ Берлинъ, на счетъ московскихъ масоновъ, Алексій Михайловичъ Кутузовъ, который долженъ былъ получать на мѣстѣ необходимыя наставленія для будущаго дѣйствія ордена и заступитъ мѣсто посредника между Москвою и Берлиномъ. Кутузовъ велъ обширную переписку съ своими московскими друзьями, переписку, съ которой московскій почтъ-директоръ И. Б. Пестель снималъ копии для московскаго главнокомандующаго князя А. А. Прозоровскаго. Начало этихъ писемъ было помѣщено въ „Русской Старинѣ“ 1874 г. (№ 1—3) подъ заглавіемъ: „Русскіе вольнодумцы въ царствованіе Екаторины II: секретная вскрытая переписка“. Ред.

²) Максимъ Ивановичъ Невзоровъ (род. въ 1722 г.) и Василій Яковлевичъ

вексель, вами присланный на лондонскаго банкира. На половину сего векселя взяли съ собою вексель другой на женевскаго банкира. Доѣхавъ до Страсбурга, французскаго города, нашли здѣсь двухъ студентовъ, изъ С.-Петербурга присланныхъ въ здѣшнюю Страсбургскую академію для науки. Одинъ изъ сихъ студентовъ, по имени Базилевичъ ⁽¹⁾, прошедшаго лѣта отсюда пѣшкомъ ходилъ въ Швейцарію, въ надеждѣ усовершенствоваться тамъ своею наукою, однако чрезъ мѣсяць оттолѣ выѣхать принужденъ былъ, не нашедши ничего служащаго къ усовершенствованію въ медицину. Онъ насъ увѣрилъ, что мы и время и коштъ потеряемъ, если поѣдемъ туда, ибо, кромѣ того, что лекціи почти вовсе нѣтъ, и что въ больницы тамошней нашелъ онъ одного только больнаго, кромѣ всего того, Лозанна, Женева и другіе города наполнены теперь удалившимися изъ Франціи знатнѣйшими и богатѣйшими особами, такъ что съ трудностію и за превеликую цѣну можно найти для жилья квартиру. Сіе подтвердили и студенты изъ Швейцаріи, здѣсь находящіеся, которыхъ около 30 человекъ въ здѣшнемъ университетѣ. Мы жалѣемъ теперь, что не остались въ Лейденѣ еще на годъ. Въ Гёттингъ хотѣли мы поѣхать и слушать лекціи на мало-знакомомъ намъ нѣмецкомъ языкѣ, но далеко, и надобно ворочаться назадъ съ потерей кошта. Рѣшились было мы наконецъ здѣсь въ Страсбургѣ остаться, но чрезъ цѣлую зиму надобно жить безъ дѣла до начала весны, ибо зимою теперь читается только анатомія и хирургія на нѣмецкомъ языкѣ для фершаловъ, какъ насъ увѣрилъ студентъ Базилевичъ. Въ сей безызнѣности и безпокойствіи рѣшились мы отсюда поѣхать въ Парижъ, выспросивъ и вывѣдавъ здѣсь у многихъ, что намъ будетъ тамъ въ теперешнихъ обстоятельствахъ Франціи безопасно. Чужестранцы всѣ, какъ въ здѣшнемъ городѣ, такъ и во всей Франціи, не только никакой, какъ говорятъ, не имѣютъ опасности, но еще особенно обезопасиваются, и отъ двора нашего повелѣнія нѣтъ выѣзжать изъ Франціи, ибо здѣсь, кромѣ помянутыхъ двухъ студентовъ петербургскихъ, жавуть многіе изъ Россіи дворянскія дѣти, какъ-то: сынъ графа Разумовскаго, г-нъ Новосильцовъ, и проч. Много, равнымъ обра-

Колокольниковъ были отправлены на счетъ И. В. Лопухина въ 1788 году за границу, а въ 1790 г. получили докторскую степень въ Лейденскомъ университетѣ. Оба были масонами и должны были изучать медицину, химию и естественныя науки, чтобы сдѣлаться впоследствии лаборантами для практическихъ розенкрейцеровскихъ работъ. Колокольниковъ умеръ въ 1792 г., а Невзоровъ, бывшій впоследствии директоромъ типографіи Московскаго университета, въ 1827 г.

¹⁾ Григорій Ивановичъ Базилевичъ, воспитанникъ С.-Петербургскаго medico-хирургическаго училища, получившій въ Страсбургѣ докторскую степень, род. въ 1759 г., умеръ въ 1802.

зомъ, какъ мы теперь слышали, находится русскихъ и въ Парижѣ. Жалко, что мы лишній кругъ сдѣлали, ибо можно бы изъ Лейдена ближайшую имѣть дорогу въ Парижъ и съ меньшимъ коштомъ, но видно надобно тому быть такъ, чтобы мы съ большими безпокойствами и дальнѣйшими путями достагали до медицины, нежели наши аптецессоры. Впрочемъ признаться вамъ надобно, что насъ нѣсколько страшитъ здѣшній воздухъ, шумомъ оружія и барабановъ повсѣчасно движимый. Но что намъ дѣлать? Ближе теперь отъ Страсбурга университета другого хорошаго мы не находимъ. Гораздо лучше сдѣлали бы вы, если бы намъ приказали повелительнымъ образомъ ѣхать въ какой нибудь именно университетъ, хотя не такъ знаменитый, не оставляя на нашу волю избирать его, мы бы были спокойнѣе. А теперь, отправляясь въ Парижъ, при всѣхъ увѣреніяхъ о безопасности, мы не знаемъ, будемъ ли мы безопасны. Ваши покорнѣйшіе слуги В. Колокольниковъ. М. Невзоровъ.

Р. S. Отъ Лейдена до Страсбурга ѣхали десять дней, отсюда до Парижа остается 5 дней; денегъ издержали 25 червонцевъ. Здѣсь въ ложаментѣ Виль-де-Віенъ живемъ пятый день, завтра отправляемся въ дорогу.

Р. P. S. Удивитесь непостоянству нашему. Письмо сіе писано третьяго дня; мы намѣрены были отправиться въ Парижъ, но вчера въ день отъѣзда нашего въ Парижъ, напалъ на насъ обонхъ духъ безпокойства, такъ что мы ни обѣдать, ни ужинать не могли. И такъ рѣшились совсѣмъ оставить Францію и неотмѣнно отправиться въ Гёттингъ, хотя и съ убыткомъ и прибавкою нѣсколькихъ дней на проѣзду. Желая лучше остаться съ посредственными по знаніямъ и быть въ покоѣ, нежели питать себя надеждою великихъ познаній и предать безопасность свою неизвѣстности. Черезъ 6 дней будемъ въ Гёттингѣ или быть надѣмся.

2.

Алексѣй Михайловичъ Кутузовъ Ивану Владиміровичу Лопухину.

24-го ноября (4 декабря) 1790 г. Берлинъ.

Дражайшій другъ, письмо твое отъ 31 октября я получилъ. Благодарю тебя сердечно за оное. Не дивись, милый мой другъ, моему безпокойствію о Катеринѣ Ильинишнѣ¹⁾. Ты знаешь русскую пословицу:

¹⁾ Супруга М. И. Голенищева-Кутузова, впоследствии свѣтлѣйшаго князя Смоленскаго, рожд. Бибикова, род. въ 1754, ум. въ 1824 г.

пужаная ворона и куста бонтса. Я долгое время не получалъ отъ нея писемъ, и сіе случилось въ самое то время, какъ происходило не-приятное происшествіе съ моимъ другомъ Радищевымъ, и въ самое то время, когда я былъ въ недоумѣніи моего милаго Багрянскаго ¹⁾ о уча-сти. Все сіе умножило обыкновенное мое расположеніе къ гипохондріи. На все глядѣлъ я въ черныхъ краскахъ. Прибавъ же къ сему, что мнѣ случилось уже два раза въ жизни моей, что послѣ долговременнаго спокойствія раженъ я былъ ударомъ вскорѣ послѣ другаго. И такъ, что естественнѣе, какъ представить, что и на сей разъ я лишенъ всѣхъ тѣхъ особъ, которыя мнѣ милы, но благодаря Бога на сей разъ я обмануть. Ты истинно рассуждаешь о моей связи съ несчастнымъ моимъ другомъ, да и не могъ я ожидать отъ тебя никакаго сужденія. Но, мой сердечный другъ, сколь человѣки различны! Сколь мало тѣхъ, которые глядятъ своими глазами и чувствуютъ собственными своими чув-ствами. Не надобно ходить далеко, чтобы увѣраться въ сей истинѣ. Собственное наше положеніе есть очевидное сему свидѣтельство. Всякій присвоиваетъ себѣ право судить о насъ, но изъ ста человѣкъ, едва ли одинъ имѣетъ хотя малое понятіе о насъ. Сколь многіе устыдятся бы своей невоздержности, ежели бы узнали все обстоятельно! Признаюсь, что, рассматривая сихъ людей съ хладнокровіемъ, надлежитъ болѣе жалѣть о нихъ, нежели досадовать; ибо, точная правда, они отрицаются отличительнаго человѣка свойства, разсудка. Вотъ каковъ плодъ при-вычки говорить слова, не совокупляя съ ними никакихъ мыслей. Увѣренъ равно съ тобою, что наша монархія имѣетъ нѣжное человѣко-любивое сердце. Имѣвъ счастье быть нѣсколько лѣтъ близъ ея особы, я знаю сіе не по рассказамъ. Но, мой другъ, могутъ ли монархи все видѣть своими глазами? Кто же окружаетъ ихъ, кто же окружаетъ и окружающихъ ихъ? Цѣпь безконечная! И такъ, легко случится, какъ и случается то по большей части, что они получаютъ ложныя дове-сенія и по симъ располагаютъ свои повелѣнія. Слѣдовательно, неспра-ведливо присвоивать ей все то, что мы претерпѣвали и претерпѣваемъ, однакожъ сіе не лишаетъ меня чувствованія тѣхъ болѣзней, котырыми насъ оскорбляютъ. Я смѣло могу скать, что насъ не одинъ разъ гре-ба л и, въ истинномъ смыслѣ сего слова, въ самое то время, какъ мо-нархія думала, что она умягчаетъ еще правосудіе, стремящееся къ нашему наказанію. Ахъ, мой другъ, трудно сражаться съ ласкатель-ствомъ и хитростію, трудно видѣть правду, покрытую облаками лжи и

¹⁾ Михаилъ Ивановичъ Багрянскій род. въ 1790 г., былъ отправленъ на счетъ Дружескаго общества въ Лейденскій университетъ, гдѣ и получилъ степень доктора медицины; ум. въ 1810 г. Онъ былъ домашнимъ врачомъ Но-викова и добровольно раздѣлялъ съ нимъ заключеніе въ Шлюссельбургской крѣпости.

подлости. Изъ всего сказаннаго мною заключаю, что лучшее для насъ средство есть молчаніе и терпѣніе, лучший отвѣтъ на всѣ клеветы— добрыя дѣла и ревностное исполненіе обязанностей добраго гражданина. Не будемъ стараться заслуживать благоволеніе судящихъ насъ, но предадимся Всевышнему Судѣ, предъ котораго престоломъ мы всѣ предстанемъ и, можетъ быть, въ весьма отличныхъ отъ нынѣшнихъ видахъ. Будемъ молиться, да пошлетъ Всевышній истинныхъ и нелицемѣрныхъ совѣтниковъ нашей монархіи, и будемъ покойны, ибо впрочемъ никто изъ смертныхъ не можетъ приключить намъ истиннаго зла, кромѣ насъ самихъ. Постарайся узнать точно о Радищевѣ и уведоми меня. Прости мой другъ! Цѣлую и прижимаю къ моему любящему тебя сердцу.

Р. С. Не забудьте пересылку денегъ, я начинаю чувствовать нужду.

3.

Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ—Алексѣю Михайловичу Кутузову ¹⁾.

28-го ноября 1790 г. Москва.

Сегодня, любезнѣйшій другъ, имѣлъ я удовольствіе получить письмо твое отъ 1 (12) ноября. Оно подлинно застало меня давно выздоровѣвшаго отъ той болѣзни, въ которой писалъ я къ тебѣ то письмо, на которое отвѣчаешь симъ послѣднимъ. Излишнее бы было благодарить тебя, сердечный другъ мой, за любовь твою ко мнѣ, или, лучше сказать, влюбленность въ меня, свидѣтельствуемую и въ семъ письмѣ твоемъ.

Вмѣстѣ съ тобою желаю я, чтобъ несчастіе Радищева послужило къ его обращенію, и конечно, была бы причина радоваться, какъ ты говоришь, сему несчастію его, ежели бы, сдѣлавшись средствомъ перемѣны его мыслей и чувствъ, послужило ему въ познаніе истины въ здѣшней жизни и къ блаженству въ вѣчности. Правда, думаю я, что ежели онъ войдетъ въ себя, то увидитъ, что источникъ заблужденія его и терпямаго имъ теперь бѣдствія есть точно въ невѣжествѣ о истинѣ христіанской и въ непривязанности къ ней. Его почитала мартинистомъ, и всѣ насчетъ сего полагали въ здѣшнемъ городѣ. Но совсѣмъ напротивъ, онъ именно оттого и сдѣлалъ оное дѣло, что не есть то, что здѣсь разумѣется мартинистомъ. Все это доказываетъ просвѣщеніе здѣшней публики. Чтобъ тебя, мой другъ, подозрѣвали соучастникомъ въ сочиненіи Радищева и чтобъ справлялись о тебѣ изъ полиціи, сего совсѣмъ я не слышалъ. Напротивъ того, говорятъ, будто найдены у него твои письма, ясно показывающія разность твоихъ правилъ, да

¹⁾ Бывшему въ то время въ Берлинѣ.

я и вѣрнымъ почитаю слухъ сей, ежели онъ хранилъ твои письма. И я думаю, что такого подозрѣнія и быть не можетъ по окончаніи дѣла, которое конечно со всевозможнымъ раченіемъ изслѣдовано. А здѣсь охотники до вреда ближнимъ вообще участниками Радищева почитали всѣхъ насъ, такъ называемыхъ какими-то мартинистами. Предубѣжденіе сіе такъ далеко простирается, что одинъ, впрочемъ весьма разумный и хорошій человекъ, довольно коротко меня знающій и любящій, пришелъ въ превеликое удивленіе, увѣряясь, что я и Радищева въ лицо никогда не видалъ, зная, что онъ есть въ мірѣ только по знакомству моему съ тобою, и не только не зналъ ничего объ издаваніи имъ книги, но даже по сіе время не читалъ ея, хотя и желалъ бы впрочемъ прочитать изъ любопытства. Онъ весьма удивлялся, а я, правду сказать, подивился ему и пожалѣлъ о немъ. Какъ сильно можно предубѣдиться? Отъ чего же сіе? Оттого конечно (и я это многожды видалъ на опытахъ), что эти люди не могутъ никакъ себѣ представить, чтобъ могли найтись имѣющія честныя намѣренія, добродѣтели и услуги ближнимъ; и потому-то тѣ книги, которыя мы издавали, помощи учащимся и проч., все кажется имъ затѣями и подозрительными, и они во всемъ томъ, что имъ таковымъ кажется и можетъ быть и любезно имъ, ищутъ въ насъ. Привыкнувъ все дѣлать только имѣя въ виду рубли, чины, ленты или изъ страха, не могутъ повѣрить, чтобы были люди, желающіе безкорыстно удовлетворить должностямъ христіанина, вѣрнаго подданнаго, сына отечества и сочеловѣка.

Справка о тебѣ изъ полиціи, кажется, не могла быть въ Петербургѣ, ибо знаютъ, думаю, что ты за границею; и здѣсь также не было. Я не знаю, кто тебѣ о семъ пишетъ; я думаю, это пустое. Спрашивали въ то время, кто директоры типографической компаніи и кто члены? И тутъ, помнится, показали, что ты въ чужихъ краяхъ. Но это все отъ здѣшнихъ городскихъ. Въ то же время приходили тихонько спрашивать, кто и кто чаще ѣздитъ въ типографической компаніи домъ. и неоднократно въ ономъ видали ночью подсматривающихъ по двору. Все собаки окаянныя правду показывали. Но я всѣми сими развѣдываніями, подсматриваніями, подыскаваніями очень доволенъ. Ибо чѣмъ больше ихъ будетъ, тѣмъ яснѣе будетъ открываться наша невинность, и тѣ, кои неутомимо стараются насъ обвинить, симъ образомъ наилучше насъ оправдываютъ и оправдали уже, я думаю, въ очахъ безпристрастныхъ. Всѣ сіи подвиги противу насъ, думаю, отъ господъ здѣшняго города блюстителей благочинія распоражаются. Сковали объ насъ что-то въ своемъ воображеніи и нападаютъ на тѣнь того, что только въ ономъ существуетъ. Между тѣмъ же существенные безпорядки ими не уважаются, напримѣръ: и тебѣ давно извѣстно объ отиѣнно развратномъ одномъ родственникѣ нашемъ Иванѣ Петровичѣ Лопухинѣ, у котораго

Картушь и Ванька Каинъ были любимые авторы и модели отъ самаго ребячества, и самъ онъ, конечно, ежели не превосходилъ ихъ, то имъ мало имъ не уступалъ въ нравственномъ расположеніи; да и дѣла-то были щегольскія въ плутовствѣ, разныхъ неистовствахъ, тиранствѣ: рубилъ людей своихъ, питалъ ихъ своимъ каломъ и уриною и самъ тѣмъ питался. Что-жь? Градская и сельская полиціи все сіе терпѣли, не даромъ конечно (ибо одинъ у него купилъ 250 душъ за четыре тысячи, да и тѣ врядъ заплатилъ ли). И онъ все сіе отправлялъ спокойно, пока наконецъ принужденными уже нашлись открыть, ибо священникъ деревенскій, убоясь отвѣту за видимыя тиранства и неистовства, пришелъ съ доносомъ. Сестра онаго распутнаго, очень добрая и умная дѣвушка, хотя сокрушаемая имъ, но по крови любящая и жалѣющая его, опасаясь, чтобъ онъ не сдѣлалъ смертоубійства или бы его не убили, проводила того священника къ губернатору съ письмомъ своимъ, чтобъ войти правленію. Тутъ должно было уже открыться: представили главнокомандующему, по справкѣ оказалось все доносимое справедливымъ. Что-жь послѣдовало? Назвали его безумнымъ и опредѣляли отдать его подъ опеку. Но кто-жь его возьметъ? И по должности служебной, таковой бы и арестантъ былъ въ наказаніе надзирателю. Приставили къ нему полицейскихъ, которые стоятъ у него съ нѣсколькими при немъ бабами; адѣсь въ столицѣ теперь только двѣ, сказываютъ, осталось у него, а было семь или восемь. Между тѣмъ воятъ къ нему оброки, и на счетъ его и съ нимъ многіе разныхъ сортовъ люди пьютъ, гуляютъ и карманы набиваютъ. Нѣтъ нужды говорить объ исправности присмотра. Недавно онъ шпагомъ изкололъ своего повара, одну рану далъ въ полтора вершка глубины. Лекаръ Коризна осмотръ дѣлалъ, которой молодецъ то, сказываютъ, въ печь бросилъ, и ждутъ, что все сіе дѣло зальетъ оброкъ, котораго на сѣхъ дняхъ онъ ожидаетъ. Мы не вступаемъ, не хотя пустяки городить, да онъ уже и въ рукахъ полиціи.

P.S. Я справлялся у знающихъ о мѣстѣ ссылки Радищева, каково оно? Сказываютъ, что изъ лучшихъ тамо; словомъ, при заслуженномъ имъ наказаніи, сколько можно употреблено милосерднаго снисхожденія.

4.

А. М. Кутузовъ—М. В. Лопухину.

3-го (14) декабря 1790 г. Берлинъ.

Сердечный мой другъ! Не имѣя три почты отъ тебя писемъ, начинаю безпокоиться тѣмъ болѣе, что знаю твою точность. Не могу приписать

того твоей личности. Пожалуй, отпниши и успокой меня. Признаться ли тебѣ чистосердечно? На сей разъ желаю, чтобъ сіе происходило не отъ иной причины, какъ токмо отъ твоей личности, ибо ипохондрической мой духъ заставляеть меня мыслить, что твое молчаніе есть почти неложный знакъ твоей болѣзни. Дай Боже, чтобъ я на сей разъ обманулся. Я думаю, что увѣренъ ты о томъ, что сіе желаніе искренно, и что я не имѣю нужды ломать мою голову на увѣреніе тебя. При семъ случаѣ хотя, можетъ быть, ты и понегодуюшь на меня, повторяю я мою просьбу обереженія твоего здоровья, о которомъ, позволю сказать, ты мало радѣешь. Не спорю, что смѣшно стараться быть, какъ говорятъ, *der Mann nach der Uhr*, но непростительно вести непорядочный образъ жизни. Ты знаешь, что я говорю здѣсь о ночномъ бдѣніи, о пощеніи и неумѣренномъ яденіи. Иное же говоря, внѣшній безпорядокъ касается и самой внутренности нашей и такъ производитъ онъ себѣ подобенъ, даже и самыя наши мысли бывають въ безпорядкѣ, безпрестанное треніе частицъ производитъ жаръ, чуждый естественному состоянію. По моему мнѣнію, единой тотъ жаръ можетъ быть полезной, который есть дѣйствіе прароды. Но мой другъ, ты самъ знаешь сіе и гораздо лучше моего; стоить тебѣ только труда взглянуть на себя безпристрастными глазами. И такъ, я умолчу далѣе, прося простить мнѣ и сіе краткое дружеское напоминаніе. Ежели время дозволить тебѣ, пожалуй увѣдомь обстоятельнѣе о нашихъ обстоятельствахъ и общихъ нашихъ друзьяхъ. Также скажи, гдѣ Багрянскій и Карамзинъ. Сія путешественники по возвращеніи ихъ совсѣмъ умолкли. Разцѣлуй Петра Владиміровича ¹⁾, прости мой другъ, я слава Богу здоровъ.

7-го (18). Последнее письмо мое такъ запоздало на почту, что уже не могло быть принято. Между тѣмъ отъ тебя писемъ нѣтъ, новаго у насъ ничего нѣтъ; поздравляю тебя, любезный мой другъ, со взятіемъ Тульчи, но колико бы пріятнѣе было мнѣ поздравить тебя съ окончаніемъ войны, окончаніемъ посредствомъ твердаго, полезнаго и непоносимаго мира. Но, мой другъ, положимся на волю Всевышняго, да творить, что Ему угодно; намъ ли червякамъ судить о Его судахъ? Увѣрены въ единомъ томъ, что Онъ устроитъ все къ нашему благу, и пребудемъ покойны. Прости, сердечный другъ, цѣлую тебя.

Сейчасъ получилъ я письмо отъ Плещева ²⁾, съ приложеніемъ Объявленія Карамзина, изъ котораго усматриваю, что онъ не въ той

¹⁾ Лопухина брата Ив. Вл.

²⁾ Алексій Александровичъ, женатый на Настасьѣ Ивановнѣ Протасовой, сестрѣ первой жены Н. М. Карамзина. Къ А. А. Плещеву и его женѣ Карамзинъ адресовалъ свои «Письма русскаго путешественника». Упоминаемое объявленіе Карамзина о предпринимаемомъ имъ «Московскомъ Журналѣ» появилось въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1890 г., № 89.

уже съ нами связи, въ которой былъ прежде. Скажи, что сіе значить и что тому причиною?

5.

А. М. Кутузовъ—Екатери́нѣ Ильини́нѣ Голе́нищевой-Кутузовой ¹⁾.

6-го (17) декабря 1790 г. Берлинъ.

Вы, думаю, слышались отъ меня о Радищевѣ, который былъ со мною вмѣстѣ пажемъ въ Лейпцигѣ, и въ сенатѣ съ которымъ былъ я 14 лѣтъ въ одной комнатѣ. Нравы наши и характеры были довольно сходны, такъ что, взявъ все сіе вкупѣ, составило между нами довольно тѣсную дружбу. Послѣ 14 лѣтъ онъ женился. Покойная жена его смотрѣла на меня другими глазами, дружба моя къ ея мужу казалась ей не-пріятною, а и того менѣе присутствіе мое приносило ей удовольствіе. Немудрено было мнѣ примѣтить сіе, равно какъ и не-пріятное положеніе моего друга, и для того, для сохраненія ихъ домашняго спокойствія и согласія, рѣшился я разстаться съ ними. Отъѣздъ мой въ армию подалъ мнѣ пристойный къ тому случай. Мы разстались совершенно, и сіе продолжалось до самаго того времени, какъ Недергофъ пріѣхалъ къ намъ въ полкъ. Съ нимъ получилъ я первое письмо послѣ нашей разлуки. Съ сего времени началась между нами переписка, и дружба наша возобновилась тѣснѣе, нежели когда-либо. Не взирая, что во время нашей разлуки образъ нашихъ мыслей сдѣлался весьма различенъ, однакожь мы спорили, но тѣмъ болѣе другъ друга любили, ибо оба видѣли ясно, что разность находилась въ нашихъ головахъ, а не въ сердцахъ. По отъѣздѣ моемъ изъ Россіи переписка наша продолжалась по-прежнему. Досадѣ, вы скажете, все еще хорошо и нѣтъ ничего чрезвычайнаго. Но выслушайте меня до конца. Вы знаете, что на всякаго человѣка бываютъ въ жизни его періоды, во время которыхъ выступаетъ онъ изъ обыкновеннаго положенія. Сіи періоды можно точно назвать кризисами нашей жизни. Иногда разрѣшаются они съ пользою, но нерѣдко уничтожаются всѣ труды и заботы прошедшихъ нашихъ дней. Мой другъ, несчастный другъ, испыталъ сію истину. Провождая 40 лѣтъ въ тишинѣ и покоѣ, имѣя четырехъ дѣтей, которыхъ чрезвычайно любилъ и которыми по истинѣ могъ заниматься съ пріятностію и пользою, вздумалось ему сдѣлаться авторомъ,—несчастное желаніе! Начало къ сему сдѣлалъ книж-

¹⁾ Е. И. Голенищева-Кутузова находилась въ то время въ крѣпости Св. Елисаветы. Письмо вложено въ конвертъ И. В. Лопухина.

кою подъ названіемъ «Житіе Федора Васильевича Ушакова», съ приобщеніемъ нѣкоторыхъ его сочиненій ¹⁾, но по несчастію былъ человекъ необыкновенныхъ свойствъ, не могъ писать, не помѣстивъ множество политическихъ и сему подобныхъ примѣчаній, которыя, вѣдомо вамъ, не многимъ нравятся. Онъ изъяснялся живо и свободно, со смѣлостію, на которую во многихъ земляхъ смотрятъ будто бы на странную метеору. Книжку сію приписалъ онъ мнѣ. Признаюсь, что большую часть его положеній касательно религіи и государственнаго правленія нашелъ я совершенно противоположною моеѣ системѣ. Наипаче не нравилось мнѣ, что коснулся онъ нѣкоторыхъ пунктовъ, которые, по моему мнѣнію, не подлежатъ литературѣ. Все сіе изъяснилъ я ему въ весьма пространномъ письмѣ. Въ другомъ маленькомъ письмѣ говорилъ я ему гораздо яснѣе. Я напомнулъ ему слова Халкида, который, приготовляясь говорить правду, требовалъ Ахиллеса покровительства, присовокупилъ:

For I must speak what Wisdom would conceal,
 And Truths invidious the Great reveal.
 Bold is the task! when Subjects grown too wise
 Instruct a Monarch, where his Error lies,
 For tho'we deem the short liv'd jury past.
 Be sure, the Mighty will revenge at last ²⁾.

Несчастный мой другъ не имѣлъ Ахиллеса, который бы могъ принять его подъ свое покровительство; и такъ сбылось надъ нимъ Халкидово мнѣніе во всемъ пространствѣ онаго. Книга надѣлала много шума. Начали кричать: «какая дерзость, позволительно ли говорить такъ!» и проч. и проч. Но какъ свыше молчали, то и внизу все умогло. Нашлись и безпристрастные люди, отдававшіе справедливость сочинителю. И сихъ-то послѣднихъ похвала была, можетъ быть, неумышленною причиною послѣдовавшаго съ нимъ. Не успѣлъ еще перестать упомянутый шумъ, какъ является уже онъ вновь предъ публику съ новымъ сочиненіемъ, — котораго, однакожъ, я не имѣю: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» ³⁾. Что писано въ немъ, того не знаю; вѣдомо однакожъ мнѣ то, что тотчасъ онъ былъ арестованъ, отосланъ подъ судъ въ уголовную палату, осужденъ и приговоренъ къ смертной

¹⁾ Эта книга напечатана въ Петербургѣ въ 1789 г.

²⁾ П е р е в о д ъ. Я принужденъ говорить то, что благоразуміе желало-бы умолчать, и открытъ ненавистную великимъ людямъ истину. Дерзновенное предпріятіе! Когда слишкомъ просвѣтившіеся подданные научаютъ государя почитать его заблужденіе И хотя мы думаемъ, что мгновенный гнѣвъ прошелъ но безъ сомнѣнія, сильный за то современемъ отомститъ. (Перев. А. М. Кузова).

³⁾ Напечатано въ Петербургѣ въ 1790 г.

казни. Но когда дошло дѣло до монархини, то изъ высочайшаго милосердія лишень чиновъ и дворянства я сосланъ въ Сибирь въ Илимскій острогъ на десятилѣтнее безвыходное заточеніе. Сіе получа вдругъ, вообразите, сколько я былъ пораженъ симъ провѣщевіемъ, и въ состояніи ли я былъ писать что-либо; ваше нѣжное и справедливое сердце послужить мнѣ хотя нѣкоторымъ извиненіемъ. Не успѣлъ еще укротить возмущающуюся мою кровь, какъ слышу отъ проѣзжихъ, что и я, можетъ быть, подобной участи ожидать долженъ. Я забылъ сказать, что и сія книга приписана мнѣ, ибо почитали меня, не знаю почему, участникомъ въ его преступленіи. Но я не хочу входить въ подробности для моего оправданія. Совѣсть моя чиста, и я ничего не боюсь. Вотъ истинная причина долговременному моему молчанію.

6.

А. М. Кутузовъ—И. В. Лопухину.

12 (23) декабря 1790 г. Берлинъ.

Поздравляю тебя со взятіемъ Иаманла, а какъ слышно, то и Силистрин угрожаетъ сія же участь. Все сіе хорошо, но твердый, непостыдный и полезный миръ всего лучше; дай Боже, чтобы онъ воспослѣдовалъ сею зимою. Наше любезное отечество имѣетъ нужду отдохнуть нѣсколько, дабы привести себя въ почтенное состояніе, такъ чтобы другія государства не осмѣлились даже и думать командовать нами, государства, подобающія дождевымъ пузырямъ.

Увѣдомленіе о князѣ Енгальчевѣ¹⁾ весьма меня огорчаетъ; не могу себя представить, чтобы онъ умышленно сдѣлалъ какой проступокъ; колики паче, чтобы онъ подумалъ пользоваться. Сіе не мало не сходствуетъ съ его характеромъ. Еще въ мою бытность былъ онъ противъ нѣкоторыхъ особъ, которыя привыкли волю свою поставлять выше законовъ. Честность и правосудіе его, совокупленное съ твердостью, были для нихъ несносны. Горько, мой другъ, видѣть, что въ нашемъ отечествѣ сіе дѣлается. Желалъ бы я, чтобы монархиня узнала всѣ подробности сего, колико-бы перемѣнилось ея мнѣніе! Но какъ сего требовать? Увѣдомь меня пожалуйста о участи князя; ежели онъ терпитъ за покровительство бѣдныхъ и гонимыхъ, то Богъ, безъ сомнѣнія, будетъ его

¹⁾ Князь Петръ Николаевичъ одинъ изъ членовъ московскаго масонскаго кружка, Дружескаго общества и типографической компаніи.

покровителемъ, и скоро или поздно постыдять льстецовъ и лицемеровъ. Жалко, мой другъ, что и большіе люди живутъ чужимъ умомъ. Но что дѣлать?

И у насъ здѣсь погода весьма странная. А пророс, говоря о погодѣ скажу тебѣ, что здѣсь вышла маленькая книжка, въ которой авторъ обѣщаетъ показать неложное средство къ предузнанію всѣхъ таковыхъ перемѣнъ, а въ доказательство возможности сего средства сообщаетъ свои предсказанія на будущій годъ. Я спишу тебѣ сіе мѣсто.

Сочинитель предвѣщаетъ, что въ настоящемъ 1791 годѣ «покажутся чрезвычайныя, рѣдкія и сильныя совѣздія, которыя, сходственно съ его наблюденіями, произведутъ опять въ разныхъ странахъ на нашемъ земномъ шарѣ страшныя и разорительныя землетрясенія (чего уже предварительный примѣръ имѣется въ ясланской крѣпости Оранъ). чрезвычайныя бури, громы и прочія, примѣчанія достойныя, скорыя перемѣны въ барометрѣ и термометрѣ и въ отступленіи магнитной стрѣлки и другія преобразенія»—и проситъ любителей физики сообщить ему посредствомъ вѣдомостей все, что усмотрятъ примѣчанія достойнаго какъ въ погодѣ, такъ и въ натурѣ во весь годъ, особливо-жь: января съ 2 по 6, съ 9—13, 18—21, 24—28 и 31. Февраля со 2 по 4 и 6, 9—11, 14, 17—19, 21 и 25. Марта 4—7, 10, 17—21 и 27—30. Апрѣля 3—7, 11—14, 17—19, 22, 27—30. На слѣдующіе мѣсяцы обѣщаетъ сочинитель въ непродолжительномъ времени назначить числа.

Всѣ сія числа суть по новому стилю; пожалуй увѣдомь, ежели въ нашемъ отечествѣ случится что сему подобное.

7.

А. М. Кутузовъ—Н. М. Карамзину.

17 (28) декабря 1790 г. Берлинъ.

Любезный мой другъ! Благодарю тебя за твое приписаніе, показывающее, что ты не забылъ еще человѣка, искренно и безъ всякихъ интересовъ тебя любящаго. Признаюсь, что восемь тобою начертанныхъ строкъ суть для меня истинная загадка. Сколько ни ломаю мою голову, не могу добраться до истиннаго смысла. Или ты почти ничего не сказалъ, или сказалъ очень много для моего чувствительнаго сердца. Ты открылъ мнѣ пространное поле для изощренія силы моего воображенія, но къ чему сіе послужить? Я буду разсуждать о невѣдомомъ и слѣдовательно говорить не знаю съ кѣмъ. *To say more to a man, than one thinks*

with a prospect of interest, is dishonest; and without it—foolish ¹⁾. Такъ говорить одинъ англійскій писатель, и я, соглашаясь съ нимъ, умолкаю. Впрочемъ, опасно связываться съ вашею братією, авторами; тотчасъ попадешь въ лапеты. Я и самъ знаю многіе мои пороки и недостатки; что же будетъ, если они предложатся публикѣ изображенныя искусною кистью? Нѣтъ, нѣтъ не хочу съ тобою ссориться. Оставь шутки, я тебя не понимаю. Говори со мною яснѣе; ты знаешь, что я нѣсколько тупъ. Однакожь, какъ ты о мнѣ ни думаешь, но знай, что я любилъ тебя и люблю тебя искренно и желаю тебѣ истинныхъ благъ. При изданіи твоего журнала шадь и твоего друга; помни изреченіе англійскаго писателя: *There are four good Mothers, of whom are often born four unhappy Daughters; Truth begets hatred, Happiness pride, Security danger, and Familiarity contempt* ²⁾.

8.

А. М. Кутузовъ—Алексію Александровичу Плещееву.

17 (28) декабря 1790 г. Берлинъ.

Удивляюсь переменѣ нашего друга (Карамзина) и признаюсь, что скоростыжное его авторство, равно какъ планъ, такъ и его объявленіе поразили меня горестію, ибо я люблю его сердечно. Вы знаете, я уже давно ожидалъ сего явленія—я говорю объ авторствѣ,—но я ожидалъ сего въ совершенно иномъ видѣ. Я слышался отъ мужей, искусившихся въ наукахъ, да и наглядѣлся во время обращенія моего въ мірѣ, что истинное знаніе бываетъ всегда сопровождается скромностію и недвѣрчивостію къ самому себѣ. Чѣмъ болѣе человѣкъ знаетъ, тѣмъ совершеннѣе видѣть можетъ свои недостатки, тѣмъ яснѣе видитъ малость своего знанія и самымъ тѣмъ бываетъ воздержаніе въ словахъ своихъ и писаніяхъ, ибо умѣетъ отличить истинную пользу отъ блестящаго и краснорѣчиваго пустословія. Ежели въ нашемъ отечествѣ будутъ издаваться тысяча журналовъ, подобныхъ Берлинскому и Виандову, то не одинъ россиянинъ не сдѣлается отъ нихъ лучшимъ. На-

¹⁾ Сказать болѣе другому, нежели мы думаемъ, есть безчестное дѣло, буде корыстолюбивые имѣемъ виды, а безъ нихъ безразсудное. (Переводъ А. А. Бутузова).

²⁾ Четыре хорошія матери производятъ на свѣтъ часто четырехъ несчастныхъ дочерей; истина нарождаетъ ненависть, счастье—спѣсь, безпечность—опасность и вольное обхожденіе—презрѣніе.

противъ того, боюсь, чтобъ тысяча таковыхъ журналовъ не положили миллионовъ новыхъ препятствій къ достиженію добродѣтели и къ познанію самихъ себя и Бога. Между нами сказано, страшусь, чтобъ другъ нашъ не сдѣлалъ себя предметомъ смѣха и ругательства или, что и того опаснѣе, чтобъ успѣхъ его трудовъ не исполнилъ его самолюбіемъ и тщеславіемъ—клипа ¹⁾, о которую разбивались довольно великіе мужи. Чѣмъ болѣе сіи страсти получать пищи, тѣмъ болѣе ослѣпять его и сдѣлаютъ своимъ рабомъ. Дай Боже, чтобъ не сбылась моя догадка! Искренно однакожь скажу, что онъ стоитъ теперь на слезкомъ пути, а что присовѣтовавшіе ему сіе дадутъ Богу отвѣтъ, ежели потерпятъ чрезъ то его сердце, которое у него очень хорошо. Жажду видѣть и читать сей журналъ.

9.

А. М. Кутузовъ—иняю Николаю Никитичу Трубецкому.

17 (28) декабря 1790 г. Берлинъ ²⁾.

Скажите, получили-ль вы посланное мною чрезъ Алопеуса? Ежели употребите оное въ дѣло, то не забудьте сказать мнѣ о дѣйствіи. Вы по сіе время ничего не пишете мнѣ о несчастномъ моемъ другѣ (Радищевѣ) кажется мнѣ, вамъ легко осведомиться о семъ чрезъ Алексѣя Ивановича или чрезъ Александра Васильевича. Я чрезвычайно интересуюсь симъ, ибо неизвѣстность нестерпима, тако-же и о самомъ мнѣ жажду знать, въ какомъ я видѣ представленъ. Мнѣ сказывалъ одинъ пріѣзжій, что меня тако-жь подозреваютъ. Я въ семъ случаѣ такъ чистъ, что даже и содержаніе книги мнѣ неизвѣстно; однакожь не желаю быть жертвою злословія, не принеся чрезъ то пользу моему отечеству, ниже кому-либо изъ моихъ ближнихъ, и сіе то наипаче возбуждаетъ во мнѣ мое любопытство. Поздравляю со взятіемъ Измаила; сказываютъ, будто и Силестрія уже въ нашихъ рукахъ. Дай Боже, чтобъ сіе ускорило миръ, но миръ выгодный, твердый и надежный.

10.

И. В. Лопухинъ—А. М. Кутузову.

6 января 1791 г. Москва.

Любезнѣйшій другъ мой!

Сердечно благодарю тебя за послѣднее твое письмо отъ 3 (14) де-

¹⁾ Клиппе, пѣмекое слово,—скала.

²⁾ Письмо это было вложено въ конвертъ на имя И. В. Лопухина.

кабря. Ты обо мнѣ гораздо лучше думаешь, нежели я емь въ самомъ дѣлѣ. Не болѣзнь моя была причиною, что я пропустилъ нѣсколько почтъ, ибо я здоровъ былъ. Нынѣ же болить у меня отъ простуды глазъ, а сіе мѣшаетъ мнѣ много писать; какъ скоро можно будетъ, напишу больше. Впрочемъ, всѣ твои пріятели живутъ благополучно, хотя есть такіе бездѣльники, которые говорятъ про меня и про другихъ моихъ пріятелей, что-де не дѣлаютъ ли они уже фальшивой монеты, что даютъ иногда милостыни рублей по пяти человѣку. Какое безуміе! Какая жалостная черная злоба, какая подлость сентиментовъ въ сихъ несчастныхъ клеветникахъ! Правда, что очень мало этихъ несчастныхъ тварей, ежели еще и не одинъ,—думаю, тотъ, о комъ я давно къ тебѣ писалъ. Но какая же глупость такъ распускать о людяхъ извѣстныхъ, о дворянахъ, не худшихъ, ежели и не лучшихъ, нежели тѣ, кои клеветуютъ о людяхъ, которые сами или отцы ихъ имѣютъ тысячу до тридцати дохода. Впрочемъ это натурально. Злонамѣренныхъ людей въ мірѣ больше, нежели добронамѣренныхъ; итакъ, послѣдніе должны быть гонимы.

Слава Богу, даровавшему намъ мудрую и милосердную государыню! Ежели таковыя клеветы до нея доходятъ, то я думаю, онѣ терзаютъ ея чувствительное нѣжное сердце и въ пренаяшномъ разумѣ ея рождаютъ презрѣніе къ клеветникамъ. Да, слава Богу, подавшему насъ подѣ державу Екатерины II! Я увѣренъ, что никогда злоба и глупость успѣха не будутъ имѣть въ ея царствѣ и сокрушатся ея прозорливостью и благоразуміемъ.

Увѣдомь меня, мой другъ, пожалуйста, есть ли надежда, чтобъ скоро вышелъ тотъ большой оувгаге, котораго я еще не знаю, какъ назвать, который уже давно, я думаю, начать и по сіе время объ немъ продолжается молчаніе. Прости, болѣе писать теперь не могу. И. Л.

Изманилъ взять и тридцать тысячъ войска турецкаго истреблено. Что можетъ противустоять россійскому оружію?

Приписка въ этомъ письмѣ отъ Петра Владиміровича Лопухина къ Алексѣю Михайловичу Кутузову.

Едва ли ты, любезный другъ, не впервые видишь, какъ я пишу. Совѣстно мнѣ, что ты часто ко мнѣ приписываешь, а отъ меня ни строки. Благодарю тебя за памятованіе; будь здоровъ, я здоровъ. Изъ письма брата видишь, какіе нападки, и меня выставляютъ въ числѣ товарищей къ производителямъ будто бы глупостей или плутовства. Вѣстовщиковъ, вѣроятно, не больше одного, да и трудно таковымъ злодѣямъ и бездѣльцамъ быть многимъ, должно быть рѣдкой птицею. Но что дѣлать? Чужой ротъ не хлѣвъ, не запрешь. Правда свѣтлѣе солнца. Со временемъ все обнажится, такъ какъ и глупость клеветы и клевет-

нвовъ, съ которыми, можетъ быть, въ свое время и объяснится путемъ тотъ, кто не любитъ торопиться. Твой вѣрный слуга П. Лопухинъ.

Какое ожесточеніе! Какъ жалко, что и пяти или десяти рублевое иногда подаваніе кажется страннымъ или подозрительнымъ! Что за диковника, еслибъ это и сто разъ въ годъ случилось сдѣлать человѣку, когда въ одинъ часъ проигрываютъ въ карты многія тысячи рѣ, кои должны наблюдать за благочиніемъ. Тутъ уже явная и прямая злоба. Боже просвѣти и помилуй сихъ несчастныхъ!

11.

М. И. Невзоровъ и В. Я. Колокольниковъ—И. В. Лопухину.

1791 г. Гёттингенъ ¹⁾.

Любезный другъ и благодѣтель Иванъ Владиміровичъ!

При отъѣздѣ нашемъ изъ Лейдена послали мы къ вамъ письмо, въ которомъ увѣдомили, что мы поѣхали въ Швейцарію, доѣхавъ до Страсбурга остановились и по многократнымъ изслѣдованіямъ узнали, что въ Швейцарію ѣхать не за чѣмъ, потому что хотя тамъ и есть нѣкоторыя академіи, однако онѣ не стоятъ того, чтобы ѣхать для нихъ издалека, и сами швейцарцы большею частію пріѣзжаютъ учиться въ Страсбургъ. Путешественники же посвѣщаютъ Швейцарію совсѣмъ не для наукъ, а только для гулянья, которое не есть (нашимъ) предметомъ. Сіе привело насъ въ замѣшательство, и мы, оставаясь въ нерѣшеніи, не знали куда ѣхать; думали было остаться въ Страсбургѣ, но тамъ хирургию и повивальную науку читаютъ на нѣмецкомъ языкѣ страсбургскомъ, то есть испорченномъ. Натуральная же исторія, по пріѣздѣ нашемъ, кончена и начнется весною съ мая, и потому мѣсяца четыре мы должны были бы прожить безъ дѣла. Хотѣли было ѣхать въ Парижъ, но французскіе мятежи и неурядиства воспрепятствовали; наконецъ, по долгому размышленіи рѣшились ѣхать въ Гёттингъ, и мы надѣемся, что лучшую часть избрали, потому что вышѣ Гёттингскій университетъ почитается, особливо въ разсужденіи медицины, первѣйшимъ въ Германіи. Жалѣемъ только, что прямо изъ Лейдена въ Гёттингъ не поѣхали, ибо такимъ образомъ меньше бы денегъ и времени на поѣзду истратили; но мы надѣемся, что вы простите намъ сію ошибку. Больше всего нѣмецкій языкъ, на которомъ въ Гёттингѣ всѣ даются лекціи, насъ удерживалъ.

¹⁾ Представлено Ив. Пестелемъ при рапортѣ отъ 20 января 1791 г.

Въ Гёттингъ прїѣхали 4-го декабря и два дня спустя послѣ записались у проректора въ матрикуль. Курсъ лекцій кончится здѣсь чрезъ полгода, и за каждый курсъ платятся деньги впередъ, за нѣкоторыя по лундору, а за нѣкоторыя по два. Зимній курсъ начался октября 18-го числа, а лѣтній начнется съ мая мѣсяца. Въ нынѣшнемъ курсѣ лекціи хотя не такъ понятны кажутся, какъ на латинскомъ языкѣ, однако я надѣюсь мѣсяца чрезъ два съ большимъ успѣхомъ понимать; въ слѣдующій же курсъ надѣюсь понимать совершенно. Василій Яковлевичъ намѣренъ чрезъ нѣсколько дней возвратиться въ Лейденъ и тамъ пробыть до лѣта; лѣтомъ же сюда прїѣдетъ. Покорнѣйше оба просимъ во время сего временнаго раздѣленія писать къ намъ порознь. Къ Василию Яковлевичу можете писать по прежнему въ Лейденскій университетъ, а ко мнѣ по нижеозначенному адресу. Просимъ наконецъ не оставить насъ деньгами, въ которыхъ намъ приходится немалая нужда. Есть ли благоволите ко мнѣ прислать деньги, то извольте прислать вексель на какого-нибудь гамбургскаго банкира, а есть ли можно лейденскаго, потому что это ближайшіе къ Гёттингу купеческіе города. Василія же Яковлевича часть по-прежнему можете прислать на Амстердамъ; впрочемъ мы препоручаемъ себя вашей любви и покровительству. Вашъ покорный слуга и братъ Максимъ Невзоровъ.

Адресъ ко мнѣ въ Гёттингъ слѣдующій: à Monsieur Newsoroff, Docteur en medecine à Goetting. Bei Heinrich David Vogt wohnhaft auf der Johannis Strasse № 134.

P. S. Здѣсь въ Гёттингъ и въ Лейденѣ теперь вакація. Я намѣренъ возвратиться въ Лейденъ и пробыть тамъ зиму и весну для дослушанія нѣкоторыхъ лекцій. Отсюда Лейденъ отстоитъ не болѣе шести дней. Тамъ я безъ платежа буду ходить на лекціи, тѣмъ нѣсколько вознагражу убытокъ денегъ, которыя я на дорогу издержу. Лекціи на латинскомъ языкѣ съ большею пользою буду слушать. Максимъ же Ивановичъ останется здѣсь къ началу здѣшняго курса лекцій, которыя лѣтомъ начнутся снова. Я сюда прїѣду и, пробывши здѣсь чрезъ полугодичной курсъ (ибо курсъ здѣсь только полгода продолжается) возвратимся вмѣстѣ, есть ли вамъ угодно будетъ, въ Россію. Вашъ покорнѣйшій слуга В. Колокольниковъ.

12.

А. М. Кутузовъ—инязю Н. Н. Трубецкому.

1791 г. Берлинъ ').

Сердечный другъ! Благодарю за ваше письмо; поздравляю васъ съ праздникомъ Рождества Христова; желаю, чтобы вы возмогли торже-

1) Представлено при рапортѣ Ив. Пестеля отъ 20 января 1791 г.

ствовать сей праздникъ во внутренности вашей существенно, а не фигурально; равнымъ образомъ поздравляю и съ наступающимъ новымъ годомъ, желаю вамъ обновленія ветхаго на новое. Я слышу, что любезный мой Карамзинъ произвелъ себя въ авторы и издаетъ журналъ для просвѣщенія нашего отечества. Признаюсь, что его объявленіе поразило мое сердце, но не мало такъ же удивился и тому, что М. Матв. ¹⁾ будетъ участвовать въ томъ. Пожалуйста скажите мнѣ, что все сіе значить, что молодой человѣкъ, снявъ узду, намѣренъ рыскать на полѣ пустыя славы? Сіе больно мнѣ, но не удивляетъ меня; но ежели мужъ важный и степенный одобряетъ такого юношу, сіе приводитъ меня въ изумленіе. Я написалъ было письмо отъ неизвѣстнаго человѣка къ журналисту, но боюсь, не ѣдко ли оно, и для того сообщаю вамъ оное. Послушайте съ нимъ какъ вамъ угодно. Вотъ оно:

Forgive me this my virtue
 For in the fatness of these pury times
 Virtue itself of vice must pardon beg,
 Yea, curb and woo for leave to do him good.

Shakespeare.

Мнѣ минеть двадцать пять лѣтъ. Въ древнія времена сей возрастъ почитали едва ли не ребячьимъ. Въ самомъ нашемъ отечествѣ въ прошедшія столѣтія около сихъ лѣтъ не заслуживалъ никто законныя довѣренности; всѣ крѣпости, обязательства и записи таковаго несозрѣлаго юноши—здѣсь принужденъ повторить сіе постылое слово, ибо такъ называли ихъ наши предки,—были недѣйствительны. У нашихъ праотцевъ не было оранжерей ни для физическихъ, ниже для нравственныхъ растеній. Тѣсно ограниченное просвѣщеніе представляло имъ совершенную невозможность, чтобы юноша, не знающій человѣка вообще, не знающій нравственныхъ свойствъ своихъ согражданъ, не свѣдующій законовъ и политическихъ связей своего отечества, могъ преподать какое-либо полезное наставленіе. Непрестанно твердили: учись и приобрѣтай искусство учить, повинуйся и содѣлывайся способнымъ повелѣвать. Странныя варварскія правила! Правда, сія варвары, надлежитъ отдать справедливость, были здравы и тѣломъ, и душою; всѣ ихъ дѣянія носили на себя клеймо силы и твердости, но вотъ и все то чѣмъ они могли хвалиться,—сколь же сіе маловажно! Всѣ достоинства ихъ происходили изъ единаго природы, ибо не было еще у нихъ произведеній искусства и хитрости. Жалости достойные бѣдняки! Не можно и подуматъ безъ смѣха; они не стыдились свойства разума уподоблять растеніямъ, говоря: плоды, выросшія на парникахъ, хотя и скоро поспѣваютъ, не имѣютъ однакожь зрѣлости и вкуса тѣхъ, которыя возра-

¹⁾ Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ.

щаетъ и созрѣваетъ сама природа, суть нездравы и отзываются навозомъ; точно то же бываетъ и съ произведеніями разума, понужденными къ дѣйствию не натурою, но хитростію. Но оставимъ сихъ грубыхъ невѣждъ; нѣчто подобное сему видимъ мы нынѣ токмо между нѣкоторыми крестьянами. О сколь мы счастливы, государь мой, что не живемъ въ семь вѣкѣ, налагавшемъ столь тяжкія оковы на разумы чело-вѣческіе! Въ прошедшія времена желающему заслужить въ мірѣ нѣкоторое имя надлежало имѣть самое существо дарованія, но много ли же сихъ людей въ мірѣ? Сократы, Платоны, Солоны, Ликурги, Титы и Петры не рождаются на подобіе грибовъ въ дождливое лѣто. Въ нашемъ XVIII, въ семь просвѣщенномъ столѣтіи такія пустыя бредни потеряли всю силу; мы пользуемся драгоценною свободою, нужно только умѣть читать и писать—бумага у насъ довольно; нужно только кажется быть писателемъ, и будемъ, конечно, не изъ послѣднихъ. Извините, государь мой, ежели въ самомъ уже началѣ (уклонился) отъ цѣли моего письма; возможно ли воздержаться, говоря о сей привлекательной матеріи? Итакъ возвращаюсь туды, откуда началъ; мнѣ теперь скоро двадцать пять лѣтъ минеть. Забудьте сіе прекрасное новомодное рондо.

Хотя вы могли усмотрѣть изъ прошедшаго, (что) мы скачемъ съ чрезвычайною легкостію на воздушномъ полѣ нашихъ нравственныхъ познаній—правда, нерѣдко дѣлаемся и калѣками—но наше физическое состояніе и теченіе времени не повинуются всеоблегчающей философій; и такъ, легко можете себѣ представить, что не въ единое мгновеніе достигъ я сего нынѣшняго моего возраста, и что безъ сомнѣнія, я былъ нѣкогда моложе. Ежели усомнитесь въ истинѣ сказаннаго, то прошу принять на себя трудъ справиться съ метрическими книгами нашего прихода. Мое воспитаніе не отличалось ничѣмъ отъ прочаго нашего дворянства воспитанія: научили меня болтать по-французски и нѣмецки, на сихъ двухъ языкахъ имѣлъ я счастье читать множество романовъ. На грубомъ російскомъ языкѣ сказка имѣетъ весьма обширное значеніе, такъ что изъ тысячи книгъ едва ли найдутся двѣ, которыя бы не подошли подъ сію главу, невзирая на то, что въ заглавіи поставляются: Философическое того и того разсмотрѣніе, Исторія чело-вѣческаго рода, Наука быть счастливымъ, Первоначальное происхожденіе наукъ и художествъ, Исторія такого или такого государства и проч. и проч. Сіе дѣлается единственно изъ любви къ перемѣнѣ, дабы не наскучить всегдашнимъ употребленіемъ одного названія, и для надобности отличать одинъ романъ отъ другаго. Наставники мои были чужестранцы; нѣкоторые изъ нихъ на себѣ носили знаки отличія, но по особенной скромности носили оныя подъ одеждами на тѣлѣ. Сіи

знаки суть не маловажны—иероглифы, изображающіе нѣкоторое растеніе, упоминаемое въ Священномъ Писаніи, и которое въ своей красотѣ превосходитъ великолѣпіе Соломона. Отъ сихъ моихъ учителей позналъ я истинное состояніе моего отечества, между прочимъ и то, что моимъ соотчичамъ недостаетъ еще просвѣщенія, что предубѣжденіе ихъ простирается такъ далеко, что нѣкоторые изъ нихъ вѣрятъ слѣпо всему, что сказано въ Священномъ Писаніи. Окончивъ снмъ образомъ курсъ моихъ наукъ, вступилъ я на позорище міра, познакомился съ нашими учеными и остроумными журналистами, и отъ сего родилась во мнѣ охота записаться въ ихъ благородный цехъ. И такъ, рѣшившись твердо писать, хотя и самъ еще не зналъ что; отправился я въ чужіе края, зная, что сіе придастъ не малую важность будущимъ моимъ сочиненіямъ. Съ снмъ намѣреніемъ проскакалъ я чрезъ нѣкоторую часть Европы, посвящая, подобно вашему другу, мое вниманіе натурѣ и человѣку, преимущественно предъ всѣмъ прочимъ, записывая то, что видѣлъ, слышалъ, чувствовалъ, думалъ и мечталъ. Окончивъ курьерскую мою поѣздку, возвратился въ мое отечество весьма уже незадолго предъ разрѣшеніемъ отъ авторской моей беременности. Все уже было готово, какъ вдругъ послали меня на проклятую китайскую границу, гдѣ о печатаніи книгъ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. Представьте же себѣ, государь мой, мое несносное состояніе бѣть принужденну носить несносное бремя и не имѣть надежды разродиться скоро. Признаюсь, я начиналъ уже предаваться отчаянію, не столько въ разсужденіи самого меня, какъ въ разсужденіи моего отечества, лишаемаго снмъ образомъ моего просвѣщенія. Но вообразите жъ и несказанную мою радость при полученіи чрезъ одного пріятеля того объявленія, чрезъ которое возвѣщаете вы скорое ваше разрѣшеніе отъ подобнаго моему бременю! Всего болѣе порадовало меня то, что вы приглашаете нашу собратію присылать къ вамъ плоды ихъ невоздержанности, обѣщая стараться о нихъ какъ о собственныхъ вашихъ дѣтяхъ. Теперь остается у меня одно сомнѣніе: вы, наблюдая правила благоразумныхъ благотворителей, предписываете предѣлы вашимъ благодѣяніямъ, ограничивая оныя исключеніемъ нѣ котораго рода присылаемыхъ къ вамъ младенцовъ, какъ то: теологическихъ, мистическихъ, слишкомъ ученыхъ, педантическихъ и сухихъ. Я совершенно съ вами согласенъ, и какъ не повиноваться вашимъ мнѣніямъ, ибо видна птица по полету—что таковыя сочиненія не должны быть терпимы въ благоучрежденномъ государствѣ; но признаюсь откровенно, я не разумѣю истиннаго значенія сихъ названій, и для того, чтобъ не прогнѣвать васъ, моего государя, присылкою чего-либо противнаго вашимъ намѣреніямъ, прошу дать мнѣ чистое и ясное понятіе о сихъ употребляемыхъ вами заглавіяхъ. Впрочемъ, получа отъ

вась отвѣтъ, не умедлю отправленіемъ моихъ произведеній, которыми, безъ великаго самолюбія сказать, я облую. Въ ожиданіи же пребуду государи моего усердный сотрудникъ Попугай Обезьянинъ.

Si nous étions des perroquets et des singes, nous serions excusables de parler et d'agir par l'imitation de ce que nous voyons dire et faire aux autres.

13.

А. М. Кутузовъ—И. В. Лопухину.

1791 г. Берлинъ ¹⁾.

Дражайшій другъ! Письмо твое, сердечный мой другъ, получилъ и благодарю тебя за оное. Поздравляю тебя сердечно съ прошедшимъ праздникомъ Рождества Христова; дай Боже, мой другъ, чтобъ ты возмогъ праздновать сей праздникъ въ самомъ себѣ не фигурально, но существенно. Равнымъ образомъ поздравляю тебя съ новымъ годомъ, желаю тебѣ обновленія внутри и всѣхъ благъ совѣй, и дабы съ симъ новымъ годомъ наши соотчичи получили новый смыслъ и новыя понятія; дабы они, отворя очи, познали свои заблужденія и перестали гоняться за пустыми мечтами, которыя въ самое то время, когда уже мы думаемъ ухватить ихъ, исчезаютъ въ нашихъ рукахъ. Я увѣренъ, что съ сею перемѣною перемѣнили бы они и мнѣніе свое о тѣхъ, которыхъ гонять и ругать несправедливо, но да будетъ воля Создавшего вся.—О полицейской справкѣ въ разсужденіи меня знаю я не изъ письма, но отъ одного проѣзжаго. Надлежитъ тебѣ знать, что меня не искали въ Москвѣ, но спрашивали, какъ скоро возвращусь и куда выѣду. Проѣзжій же слышалъ сіе отъ Ивана Крапивина, служащаго книгъ у Н. Ивановича ²⁾, и который, во время жизни покойной моей тетки, былъ моимъ лакеемъ. Что же изъ моихъ писемъ усмотрѣла несогласіе мнѣній моихъ со мнѣніями несчастнаго моего друга ³⁾, сему я вѣрю; однакожь сіе не мало не успокоиваетъ меня, ибо пословица не потеряла еще своей силы: бѣзъ вины виноватъ; напротивъ того мы видѣли событіе ея на самихъ насъ. Вчера былъ я у одного пріятеля, онъ далъ мнѣ книгу подъ названіемъ: «De l'origine des usages, des abus, des quantités et des mélanges de la raison de

¹⁾ Представлено при рапортѣ Изв. Пестеля 20 января 1791 г.

²⁾ Новикова.

³⁾ Радищева.

la foi». Книгу сію хвалить онъ очень, я еще не читалъ оныя, да и достать трудно, но постараюсь. Я думаю, что вы въ Москвѣ сыщите оную. Прости сердечный другъ, цѣлую тебя и всѣхъ.

14.

И. В. Лолухинъ—А. М. Кутузову.

3-го февраля 1791 года. Москва.

Виновать я, мой сердечный другъ, что давно не писалъ къ тебѣ и не отвѣчалъ еще на два послѣднія любовныя письма твои.

Тутъ помѣшали, и я принужденъ былъ оставить до

6-го февраля.

Глазъ мой зажилъ, и я теперь довольно здоровъ, кромѣ чувствованія общей теперь почти со всѣми тягости отъ необыкновенной здѣсь погоды. Во весь январь не было мороза болѣе двухъ градусовъ и по большей части оттепель, и теперь съ кровель каплетъ и по улицамъ грязь.

Всѣ извѣстные мнѣ друзья твои здѣшніе живутъ благополучно и здорово. Слывущіе изъ нихъ мартинистами въ невинности своей защищаются Всевышнимъ Покровителемъ и мудростію и челоуѣколюбіемъ помазанницы Его. Злобная и безумная клевета разносится по вѣтру, исчезаетъ, и ежели существуетъ, то развѣ ко вреду клеветущаго. Ненавистное заключеніе знатнаго клеветника о подаанія нашемъ, какъ я писалъ къ тебѣ въ послѣднемъ моемъ письмѣ, такъ уже грубо зла, что всѣ уже, слышашіе такое разглашеніе, видятъ весь адъ и все невѣжество въ таковомъ толкованіи. Чему удивляться, что помощь бѣднымъ и добросердечное съ людьми обхожденіе кажутся подозрительными для того челоуѣка, который говорить, что челоуѣколюбіе и состраданіе къ ближнему свойственно только монахамъ и мартинистамъ, которые здѣсь существуютъ токмо въ бредящей всегда головѣ его?

Богъ и Спаситель мой повелѣваетъ мнѣ помогать ближнимъ моимъ; законы государственные, которые должны быть основаны и суть на божественныхъ, тоже подтверждаютъ, особливо начертанныя Екатерининымъ челоуѣколюбіемъ. Кто-жъ можетъ сжать мою руку, когда благословляемое Творцемъ моимъ сердечное побужденіе растворяетъ ее на помощь ближнему моему страждущему? Избави насъ Боже угождать кому-либо на счетъ добродѣтели. Ты спрашиваешь меня, любезный другъ, о Карамзинѣ. Еще скажу тебѣ при семъ о ложныхъ заключе-

нѣхъ здѣшняго главкомаандующаго ¹⁾). Онъ говоритъ, что Карамзинъ ученикъ Новикова и на его иждивеніи посланъ былъ въ чужіе края, мартинизмъ и проч. Возможно ли такъ все невѣрно знать, при такой охотѣ все развѣдывать и разыскивать, и можно ли такъ думать, читая журналъ Карамзина, который совсѣмъ анти того, что разумѣютъ мартинизмомъ, и котораго никто болѣе не отвращалъ отъ пустаго и ему убыточнаго вояжу, какъ Новиковъ, да и тѣ изъ его знакомыхъ, кои слывуть мартинистами? Карамзину хочется непременно сдѣлаться писателемъ, такъ, какъ князю Прозоровскому истребить мартинистовъ; но думаю, оба равныи будутъ имѣть успѣхъ; обоимъ чаю тужить о неудачѣ. Я право не сердить на послѣдняго, а онъ мнѣ очень жалокъ. Недостатокъ въ немъ любви, которой, лучше сказать, и вовсе нѣту въ немъ, причиною всѣхъ его заблужденій и тому, что всѣ его не любятъ, и ни отъ кого не услышишь объ немъ добраго слова. Несчастіе его права, что онъ все ищетъ только обвинять. Напримѣръ, нѣкоторыя его предписанія, читанныя мною, по уголовному судопроизводству не худы (хотя примѣтить можно, что у него былъ секретарь искусный въ сей части), но что-жь? Вездѣ только о томъ идетъ дѣло, какъ бы открыть преступленіе, а ничего о томъ, какъ защитить невинность и оградить отъ напраснаго страданія.

Теперь здѣсь графъ Безбородко, пріѣхавшій сюда на нѣсколько дней отдохнуть отъ дѣлъ. Министръ искусный, весьма, сказываютъ, добродушный и рѣдкое имѣющій достоинство не употреблять во вредъ довѣренность монаршую.

О несчастномъ твоёмъ Радищевѣ ничего я не слыхалъ послѣ того, какъ одинъ пріѣхавшій изъ Сибири сказывалъ мнѣ, что онъ проѣзжая встрѣтилъ его по ту сторону Перми, ѣдущаго въ свое мѣсто. Онъ съ нимъ незнакомъ и не видалъ его, а видѣлъ экипажи. Это было въ концѣ ноября. Весьма справедливо твое, мой другъ, мнѣніе, и я съ нимъ согласенъ, что ежели подданный и сынъ отечества почитаетъ за долгъ представить о чемъ-нибудь истину своему государю, то онъ долженъ сіе сдѣлать лицу его непосредственно и тайно, въ любви и благоговѣніи, и какъ я увѣренъ, приметъ сіе всегда Екатерина, а не разсвѣняемъ книги, могущей возмутить покой общественный. Vale. И. Л.

Привиска кн. Н. Н. Трубецкаго. Радъ я случаю, дающему мнѣ возможность сказать вамъ, любезнѣйшій мой Алексѣй Михайловичъ, что я искренно желаю вамъ добра, что я люблю васъ, помню и почитаю. Радъ я буду, когда вы вспомните и что-нибудь молвите о мнѣ, хотя въ письмѣ къ другу вашему. Я молчалъ долго, не получа отвѣтовъ на мои письма; ни мало не взыскиваю на васъ за молчаніе и неуваже-

¹⁾ Князя А. А. Прозоровскаго.

ніе того, который вамъ сердечно преданъ и есть между прочими данными мнѣ отъ васъ дружескими названіями.

Вашъ покорнѣйшій слуга Стихотворцевъ.

Приписка И. В. Лопухина. Сергѣй вашъ здоровъ, живеть честно и порядочно. Братецъ твой Федоръ Михайловичъ пеняеть слышно, что ты къ нему не пишешь. Не безпокойся, мой другъ, когда долго не получишь отъ меня письма, особливо что теперь и князь Николай Никитичъ (Трубецкой) отсюда же къ тебѣ писать. Не переставай же ко мнѣ писать. Прощай, сердечный другъ!

15.

А. М. Кутузовъ—И. В. Лопухину.

1791 г. Берлинъ ¹⁾.

Дражайшій мой другъ! Еще двѣ почты—и ни одной отъ тебя строки. Скажи, что дѣлается или что сдѣлалось съ тобою? Твое молчаніе страшнѣе мнѣ инаго кого, ибо лѣность не есть твой порокъ. Дай Боже однакожь, чтобъ причина сему молчанію была иная, нежели болѣзнь твоя или твоихъ ближнихъ. Можетъ быть, что, засуча рукава, таскаешься по московскимъ улицамъ, вопреки всѣмъ стикіямъ, устремляющимъ на тебя свою свирѣпость. Можетъ быть, что, вошедъ паки въ какую-либо хранину Нѣмецкія слободы, наслаждаешься зрѣлищемъ жителей оныхъ, собравшихся вкупѣ и восклицающихъ съ великимъ жаромъ: *les barbares! hélas ils l'ont espoutifié!* Можетъ быть... Но сіи «можетъ быть» не кончатся никогда, ежели я захочу привести себѣ въ память все то, что тебѣ приключилось въ твоихъ походахъ, и такъ умолкну и въ терпѣніи ожидать буду твоего повѣствованія.—

Оставя всѣ шутки, я безпокоюсь твоимъ молчаніемъ и не знаю, чему приписать оное. Безпокоюсь также и пустотою моего кошелька и напоминаніями требующихъ отъ меня денегъ. Все сіе выѣстъ покрываетъ горизонтъ мой мрачными облаками; однакожь, не смотря на сіе, вчерашній и сегодняшній день, подобные во всемъ нашимъ хорошимъ днямъ зимнимъ, произвели во мнѣ нѣкую веселость и удовольствіе, разлившееся даже и на сіи мои строки. Сія веселость не нарушается даже и слухами, которые грозятъ нашему отечеству новою войною. Здѣсь ни о чемъ иномъ не слышать, какъ о походѣ новыхъ войскъ къ лифлянд-

¹⁾ Представлено при рапортѣ Ив. Пестеля 17 февраля 1791 г.

скимъ границамъ, о построеніи плывущихъ батарей, о пришествіи англійскаго и голландскаго флотовъ; ежели сего мало, то посылають испанскую и датскую соединенную эскадру, и что всего страшнѣе, польскую армію, осаждаютъ Ригу, Ревель и самый Петербургъ, берутъ всѣ ихъ приступомъ, льютъ ручьями кровь любезныхъ моихъ соотчичей, не щадятъ и самихъ младенцевъ; однимъ словомъ, все сіе должно кончиться не инымъ чѣмъ, какъ совершеннымъ уничтоженіемъ моего только много любимаго отечества. Не удивляешься ли ты моему равнодушію при семъ ужасномъ позорѣ? Еще ли ты не назовешь меня великодушнымъ? Безъ ужаса смотрю на все сіе, и еще захожу во мнѣ довольно силъ для шутокъ. На сихъ дняхъ по высочайшему повелѣнію приказано берлинскому гаетчику убить 18,000 россіянъ въ день взятія Измаила. Какое варварство! Они уже нашихъ столько побили, что и счесть не могутъ, и объявляютъ, что вся Россія опустѣла. Какое же мое состояніе! Я оставилъ отечество въ цвѣтущемъ состояніи и буду принужденъ возвратиться въ пустыню. Прости, мой дражайшій другъ! Я болталъ бы съ тобою больше, но долженъ идти со двора. Поцѣлуй Петра Владиміровича и поклонись всѣмъ любящимъ меня.

16.

Князь Н. Н. Трубецкой—А. М. Кутузову.

Москва, 1791 г. ¹⁾.

На прошедшей почтѣ я просилъ друга моего Лопухина къ тебѣ отписать, чтобы ты, мой другъ, не безпокоился, не получая отъ меня писемъ, ибо я былъ въ такомъ положеніи, что не въ состояніи былъ писать. Княгиня Екатерина Петровна была при послѣднихъ часахъ своей жизни, и доктора на консиліумѣ опредѣлили ей только два часа жизни, но Богъ Спаситель нашъ услышалъ грѣшную молитву нашу и возвратилъ ее en dépit de tous les docteurs къ жизни, и теперь вся опасность миновалась, а только слаба. Буди прѣпрославлено имя Господне, Ему же одному буди слава, честь и поклоненіе отъ Его тварей во всѣ вѣчности вѣчностей! Аминь! Аллилуя!

Письмо твое подъ № 1 я получилъ; радуюсь, что ты здоровъ. Книжку, о которой ты мнѣ писалъ, я досталъ, то есть: *De l'origine des usages, des abus etc.* и первый томъ уже прочелъ. Эта книга, по

¹⁾ Представлено Изв. Пестелемъ при рапортѣ отъ 21 февраля 1791 г.

моему сужденію, точно писана изъ помазанія, но ее рѣдкіи изъ тѣхъ разумѣть будетъ, которые не студировали великаго Бѣма, и она такъ, какъ и Бѣмъ, должна показаться сбродомъ для тѣхъ мнимыхъ великановъ, а въ истинномъ смыслѣ карловъ, которые не дерзають возлетѣть духомъ выше чувственности и, пребывая на линіи скотовъ, думаютъ, опираясь на чувства и на происходящее отъ нихъ и отъ ихъ воображенія смыслъ, быть философами и, не понимая истины, ее дерзновенно отвергаютъ, и которые, подобно крестьянину, не имѣющему понятія объ электрической силѣ, увидя оную или, лучше сказать, о ней услышавъ, почитаетъ сказанное ему обманомъ или дьявольщиною и готовъ вѣдующихъ силу электрическую гнать и истреблять, яко обманщиковъ или еретиковъ. Се есть, мой другъ, обыкновенная участь исходящихъ изъ линіи скотской, чтобы пребывающіе на оной линіи ихъ гнали, проклинали и старались истребить, и се есть ихъ опытъ и чистилище на земли, и горе имъ и въ здѣшней и будущей жизни, ежели они обратятся вспять и отъ страха человѣческаго дерзнуть паки возвратиться на линію скотскую. Надъ ними сбудется сказанное во Евангеліи: ежели вы отрелись Мене и предъ человѣки, то Я отрекусь васъ предъ Отцемъ Моимъ. Боже милосердый, соблюди человѣковъ на пути къ тому совершенству, ради котораго они опредѣлены въ Твоемъ божественномъ совѣтѣ, и не допусти тѣхъ изъ нихъ, которые по слову Твоему исходятъ изъ Содома, обратиться вспять, яко Лотова жена, и содѣлаться подобно ей землею или солью, смакъ свой или силу теряющей! Спаси, Господи, весь родъ человѣческій, помилуй и гонителей истины и гонимыхъ, ибо обомъ, какъ гонителямъ истины, такъ и поколебавшимся отъ гоненія, една участь предстать, и Ты обомъ отвергнешь отъ лица Твоего. Господи, даждь имъ истинный смыслъ, да единые увидятъ свою неправду и покаются, а другіе, да не убоятся человѣковъ, могущихъ убить только тѣло, а не душу, и пребудутъ непоколебимо привержены истинѣ ко прославленію Твоего святаго и великолѣпнаго имени.

Вотъ, мой другъ, плодъ той горести, которую я думалъ имѣть, потерявъ для меня дорогую племянницу. Она умягчила мое сердце и извлекла изъ моего сердца тѣ чувства, которыя я уже изобразилъ, да укрѣплятся они въ моемъ сердцѣ и да вѣще и вѣще вижу плоды крестовъ, посылаемыхъ на насъ Спасителевой десницею и таково хорошо изображенныхъ въ великой книгѣ *Mystère de la Croix*, которую, къ горю нашему, столь мало мы читаемъ тогда, когда оная книга и Кемписъ были бы довольно сильны удержатъ насъ непрестанно на пути истины. Но что я говорю? Когда мы не читаемъ и Святое Писаніе, то что же уже намъ помочь можетъ! Милосердный Боже, помилуй насъ по Твоему милосердію, не входя въ судъ съ нами, и ради крови Твоей святой спаси насъ! Аминь!!!

Здѣсь я останавливаюсь и хочу тебя предупредить, чтобы писанное мною не подало тебѣ сомнѣнія, нѣтъ ли какихъ новыхъ исторій, касающихся до насъ. Нѣтъ, мой другъ, будь спокоенъ, кажется, что рожденный въ воображеніи многихъ, а наипаче нынѣшняго начальника Москвы, фантомъ мартиниства начинаетъ исчезать, и теперь уже нѣсколько времени не слыхать, чтобы онъ говорилъ о немъ. А мое разсужденіе есть точно плодъ умягченнаго сердца отъ горестей и радости, которыя я чувствовалъ попеременно отъ болѣзни и чуднаго выздоровленія княгини Екаторины; и такъ все мое письмо прійми въ этомъ, а не въ другомъ смыслѣ.

Я и всѣ наши благодаря Бога здоровы, но Николаю Ивановичу Новикову настоятъ вмѣстѣ съ нами горестъ, которая не совершилась, но совершиться можетъ скоро. Жена его и моя племянница по сужденію докторовъ— въ жестокой чахоткѣ, такъ что они не имѣютъ никакой надежды въ ея выздоровленіи; это его и меня по родству и дружбѣ моей съ ними жестоко оскорбляетъ. Спроси, мой другъ, у твоихъ докторовъ, не можетъ ли въ чахоткахъ помогать Ф.Н., а я не смѣю оной употребить въ этой болѣзни, и пожалуйста на первой почтѣ дай мнѣ на оное отвѣтъ.

Что мнѣ еще тебѣ сказать о несчастномъ твоёмъ другѣ (Радищевѣ)? Я уже къ тебѣ писалъ изъ Петербурга и подтверждаю, что его участь по неизреченно милосердному сердцу нашей монархини, за которую мы точно всѣ должны непрестанно молить Бога, толико облегчена, сколько преступникова участь облегчена быть можетъ. А что онъ—преступникъ, то я сіе утвердить могу по нѣкоторымъ фрагментамъ, которые мнѣ пересказывали изъ его книги; и увѣряю тебя, мой другъ, что вездѣ, кромѣ какъ подъ правленіемъ толико милосердной матери нашей, онъ бы за преступленіе свое потерялъ голову на эшафотѣ, даже бы и при самомъ владѣніи Елисаветы онъ отосланъ былъ бы въ тайную, ибо онъ не только разрывалъ въ книгѣ своей всѣ союзы и общества, но и освѣщенную особу царскую не пощадилъ. И за все оное чѣмъ онъ наказанъ? Отняты у него средства быть впредь вреднымъ; да и заключенъ онъ не навсегда, а только на время, дабы могъ опомниться и изъ преступника содѣлаться впредь полезнымъ членомъ общества. Итакъ, мой другъ, будь спокоенъ объ его участи и моли Спасителя нашего, толико жаждущаго покаянія и исправленія грѣшника, чтобы Онъ ему далъ слезы покаянія для омовенія дерзновеннаго его поступка, и тогда онъ же вложитъ въ сердце монархини и матери нашей, всегда прощать готовой, что она возвратитъ его въ свое время, и мы его увидимъ изъ преступника полезнымъ гражданиномъ, который самъ будетъ проклипать тѣ правила, которыя истекли изъ его пера.

Прости, мой другъ, писать больше нечего, я тебя въ мысляхъ обнимаю.

17.

А. М. Кутузовъ—И. В. и П. В. Лопухинимъ.

Берлинъ, 1791 г. ¹⁾.

Дражайшій мой другъ! Благодарю тебя, любезный мой, за письмо отъ 6-го января и радуюсь, что не болѣзнь была причиною твоего молчанія. Будь, сердечный мой, здоровъ для пользы и удовольствія твоихъ искреннихъ друзей. Что касается до злословящихъ тебя и другихъ, къ сему, кажется, довольно уже надлежало намъ привыкнуть, ибо нѣсколько уже лѣтъ праздные люди изощряютъ свои языки, упражняясь въ сей матеріи. Несчастливо было бы наше состояніе, если бы мы основывали наше спокойствіе на мнѣніи сихъ ни мало не мыслящихъ твореній. Основаніе наше должно быть въ самихъ насъ. Имѣя въ разсужденіи нашего отечества, должностей истиннаго гражданина и вѣрнаго подданнаго чистую совѣсть, не должны насъ трогать бредни безумцевъ, и кто же въ состояніи обуздать языки ихъ? Правда, слабость наша не вмѣщаетъ еще въ насъ требуемаго равнодушія; гордость наша оскорбляется сими худами. Но, мой другъ, будемъ стараться преодолѣвать сію слабость и мало-по-малу усмирять нашу гордость, и тогда таковыя клеветы обратятся въ нашу пользу, або подадутъ новый случай къ исполненію нашей должности. Когда размышляю о сихъ людяхъ съ хлоднокровіемъ, то признаюсь, вмѣсто негодованія чувствую къ нимъ жалость. Почти всѣ безъ изъятія болтаютъ они и сами не зная что, и нерѣдко себя дурачатъ безо всякой нужды.

Здѣсь великая при дворѣ перемяна: первый фаворитъ пришелъ въ упадокъ и вчерась выѣхалъ изъ города, что далѣе произойдетъ—не знаю, но теперь все въ движеніи. Къ Трубецкому не пишу, считая его въ дорогѣ. Ты ничего не упоминаешь о пересылкѣ денегъ, а я нахожусь въ чрезвычайной нуждѣ. Пожалуйста поспѣши присылкою; впрочемъ, желаю тебѣ истинныхъ благъ, обнимаю тебя сердечно. Прости, мой другъ.

Сердечный другъ Петръ Владиміровичъ! Можетъ быть будетъ говорить во мнѣ гордость, но скажу искренно, что не получая отъ тебя и строчки, я былъ всегда увѣренъ, что и ты меня любишь, а сіе происходитъ отъ того, что я самъ тебя очень и очень люблю; однакожь, скажу и то, что черты твоего пера меня порадовали. Ты говоришь правду, что чужой ротъ не хлѣвъ—не запрешь; оставимъ ихъ болтать, будемъ стараться дѣлаться паче и паче лучшими, можетъ быть, хотя нѣкоторые

¹⁾ Представлено при рапортѣ Ивана Пестеля, 3 марта 1791 г.

изъ нихъ устыдятся. Прости, сердечный другъ. Всѣмъ любящимъ меня поклонись.

18.

Князь Н. Н. Трубецкой—А. М. Кутузову.

Москва, 1791 г. ¹⁾.

Двѣ недѣли, мой другъ любезный, какъ я къ тебѣ не писалъ, да и отъ тебя давно уже нѣтъ писемъ, что отношу, написанное тобою къ Лопухину, то-есть, что ты считаешь меня въ дорогѣ. Я же не писалъ потому, что нездоровъ былъ желудкомъ, да и былъ встревоженъ болѣзнію племянницы Елисаветы, которая, послѣ горячки, что имѣла въ Петербургѣ, оправиться не можетъ; у ней сильный кашель, а на этихъ дняхъ шла кровь горломъ, а хотя кровь перестала, но по всѣмъ примѣтамъ у нея, кажется, начинается чахотка. Пожалуйста отпиши, можно ли при чахоткѣ употреблять Ф.Н. Теперь я и всѣ мои, благодаря Богу, здоровы. Новаго у насъ ничего нѣтъ. Свѣтлѣйшій (кн. Потемкинъ) былъ здѣсь нѣсколько дней проездомъ въ Петербургъ и столько былъ со всѣми ласковъ, что его всѣ полюбили, да и не мудроно; ты знаешь, что Москва такова, что ласковымъ пріемомъ можно всегда найти ея любовь, такъ какъ угрюмымъ видомъ и грубымъ пріемомъ сдѣлаешься ей ненавистенъ, и сколько бы ни думалъ кто имѣть достоинствъ, но ежели онъ не гостепріименъ и не ласковъ, то не можетъ быть любимъ въ Москвѣ. Что мнѣ еще тебѣ сказать? Толки о такъ называемыхъ мартинистахъ, кажется, совсѣмъ унялись; я же отъ тебя жду извѣстія, какіе это люди, и въ чемъ состоитъ ихъ система, ибо, бывъ въ чужихъ краяхъ, гдѣ они подлинно, сказываютъ, есть, тебѣ легко провѣдать о касающемся до нихъ. На этихъ дняхъ я получилъ новую эдицію Гюншинныхъ сочиненій ²⁾ и теперь читаю я письма ея, а наипаче переписку ея съ Феллономъ. Прости мой другъ, я тебя въ мысляхъ обнимаю.

19.

Князь Н. Н. Трубецкой—А. М. Кутузову.

Москва, 1791 г. ³⁾.

Еще прошло, мой другъ любезный, двѣ почты, а отъ тебя нѣтъ писемъ, что меня очень беспокоитъ. Боже дай, чтобы сіе было не отъ бо-

¹⁾ Представлено при рапортѣ Ивана Пестеля, 3 марта 1791 г.

²⁾ То-есть, мистическихъ сочиненій г-жи Гюйонъ.

³⁾ Представлено при рапортѣ Ивана Пестеля, 17 марта 1791 г.

лѣзни, а отъ недосугу. Я пишу къ тебѣ только для того, чтобы молчаніемъ моимъ не сдѣлать тебѣ безпокойства, а то писать нечего. Мы всѣ, какъ родные мои, такъ и друзья, благодаря Бога здоровы, кромѣ Александры Егоровны, которая едва-ли дотянетъ до осени, и княжны Елисаветы, которая все еще кашляетъ, и о которой я боюсь, чтобы докторское предсказаніе не сдѣлалось, то-есть, чтобъ не сдѣлалась ей чахотка. Я теперь упражняюсь въ чтеніи сочиненій Гюншинныхъ. Коль велика эта женщина, и хотя многіе не могутъ ея сносить или отъ недостатка понятія, или отъ непривычки читать такія сочиненія, или отъ того наипаче, что только пробѣгаютъ ея писанія, а не студируютъ ихъ, и чрезъ то, нѣкоторыя ея изреченія, судя и не входя во весь смыслъ всѣхъ ея сочиненій, почитаютъ оныя за вздорныя или слишкомъ тонкія или строгія; но я говорю, что, несмотря на оныхъ читателей, я въ ея сочиненіяхъ вижу и истинное сообразованіе съ духомъ Святаго Писанія, а наипаче сообразованіе со словами нашего Спасителя, и потому почитаю ее за великое свѣтило на землѣ. Издатель вновь ея сочиненій видно человѣкъ, много студировавшій ея писанія, и его предисловіе къ пятому тому ея писемъ, то есть переписки ея съ Фенеломомъ, и предисловіе къ книгѣ *Justification* достойны вниманія здравомыслящихъ христіанъ, и я бы тебѣ совѣтывалъ оныя прочесть. На этихъ дняхъ видѣлъ я въ «*Mercur de France*» рецензію на новый журналъ, подъ именемъ «*Bouche de fer*». Признаться надобно, что нынѣшній свѣтъ производитъ во всѣхъ отношеніяхъ много страннаго и вздорнаго, и что такое сочиненіе, какъ этотъ журналъ, не мудрено, что произведетъ подозрѣніе на масоновъ, ибо издатели оного, приписывая себѣ основаніе мерзкой революціи во Франціи и украшая свое сочиненіе мистическимъ стилемъ, выдаютъ себя за масоновъ. Боже, прости ихъ, что они дѣлаютъ имя института, основаннаго на исправленіи нравственнаго человѣчества и на вспоможеніи ближнимъ, употребляютъ во зло и дѣлаютъ его подозрительнымъ, да и не только подозрительнымъ, но такимъ, что едва-ли уже можно здравомыслящему человѣку не стыдиться называться этимъ только по внутреннему своему учрежденію почтеннымъ именемъ, то-есть, на основаніи слова Божія, строителемъ своего моральнаго совершенства, на которыя всѣ іероглифы сего почтеннаго ордена указываютъ, но которыя нынѣ обращаются злыми челоуѣками во зло, а глупыми осмѣваются и почитаются за вздоръ. Вотъ, мой другъ, что производить такъ нынѣ называемые просвѣтители рода челоуѣческаго, которыми исполнена теперь Европа и которые хуже стали іезуитовъ, Равальяковъ и имъ подобныхъ, которые всѣ, какъ мнѣ кажется, суть орудія сатаны, и стремятся подъ самыми почтеннѣйшими именами возбудить такъ называемую «турбу» великимъ тефтоническимъ философомъ, и не токмо стремятся оную возбудить подъ почтенными именами, но даже употребляютъ

во зло имя Христова и Его любобильное учение употребляютъ на прикрытие своихъ мерзкихъ намѣреній. О Господи, Спаситель мой, обличи сихъ изверговъ и не даждь чрезъ нихъ распространяться церкви Твоего врага антихриста! Се есть молитва, исторгнувшаяся изъ глубины моего сердца отъ смотрѣнія на всѣ мерзости, писанныя въ вышеупомянутомъ журналѣ, и на то, что дѣлается во Франціи. О другъ мой, колико тонокъ дьяволъ! Онъ приготовлялъ чрезъ такъ называемыхъ философовъ умы французовъ къ низверженію съ себя религіи, и когда ему сіе удалось, то онъ ослѣпилъ ихъ умъ къ низверженію власти царской, а теперь употребляетъ сущее суевѣріе, подъ краскою и подъ именемъ христіанства, чтобъ утвердить пагубное безначаліе, въ которомъ, понеже нѣтъ ничего иного, кромѣ беспорядка, онъ можетъ утверждать престоль свой и гнать истинное Христовое учение, которое, ради его царства, пагубно, ибо основано на повиновеніи Богу, царямъ, яко его орудіямъ, по словамъ Христовымъ, что сердце царевъ въ рукѣ Божіей, и правительствамъ, ибо Христосъ есть знакъ порядка, и на исправленіи самого себя, ибо Христосъ духомъ своимъ хочетъ царствовать въ приготовленныхъ и очищенныхъ сердцахъ человѣческихъ отъ всякія северны, приверженной челоуѣку отъ его паденія. О Господи, утверди Престоль Твой въ сердцахъ нашихъ, обличи антихристическую церковь и даждь челоуѣкамъ увидѣть, что кто не точно христіанинъ, тотъ не можетъ быть ни добрый гражданинъ, ни вѣрный подданный, ни добродѣтельный другъ царя, отечества и челоуѣковъ; словомъ, что суевѣріе и невѣріе суть два основанія пагубы царствъ и всего челоуѣческаго рода. Прости, мой другъ, я тебя въ мысляхъ обнимаю.

20.

А. М. Кутузовъ—им. Н. Н. Трубецкому.

1791 г. Берлинъ. ¹⁾

Радуюсь, сердечный мой другъ, что вы наконецъ возвратились въ нѣдра вашихъ родственныхъ и друзей, однимъ словомъ, что вы дома и можете располагать собою и своимъ временемъ по извѣстному порядку. Я съ вами согласенъ, и конечно, въ моихъ глазахъ Петербургъ во многомъ предпочтительнѣе Москвѣ; да и какъ сему быть иначе: тамъ все подъ глазами самаго монарха, и слѣдовательно, господа бояре не имѣютъ столько случаевъ предаваться непоумѣрному ихъ властолюбію. Москва

¹⁾ Представлено при рапортѣ Ивана Пестеля 20 марта 1791 г.

встари была болтлива, и справедливо императрица называет ее старою вралю. Чему же дивиться пустотамъ, тамъ выдумываемымъ, тѣмъ паче ежели самъ градодержатель старается подстрекать оныя. Я не намѣренъ ни мало отнимать чести у вашего главнокомандующаго; онъ имѣетъ свои достоинства, человекъ весьма честный, т. е. по общему понятію; извѣстно мнѣ, что онъ былъ отменно хорошій генераль, но нынѣ находится ли на своемъ мѣстѣ, сего судить не въ состояніи и не смѣю. Знаю однакожъ, что и по одному пути идучи, есть для каждаго человекъ черта, по преступленіи которой человекъ терается и находится совершенно въ чуждой ему сферѣ. Присовокупите-жъ къ сему, что каждый изъ насъ, по словамъ Стерна, имѣетъ своего конька, на которомъ онъ охотно ѣздитъ. Нынѣ всѣ помѣшаны на отличіи, и ежели вѣтъ существенности, то прибѣгаютъ къ вымысламъ. Сіе удалось мнѣ видѣть во время продолженія моей службы. Часто такъ называемые партизаны, разбѣжая по степямъ, разили и побѣждали непріятелей, которыхъ они никогда не видали, и не рѣдко получали за сіе награжденія. Но что говорить о семъ. Сіе мы довольно испытали на самихъ насъ. Не сердитесь на мою откровенность; я не могъ удержаться отъ смѣха, читая продолженіе вашего письма. Вы вопрошаете меня съ весьма важнымъ видомъ, что такое мартинистъ, откуда происходитъ сіе названіе и какихъ свойствъ суть люди, именуемые симъ названіемъ. Сіе точно такъ-же, какъ ежели-бъ кто спросилъ, какъ назывался и какихъ свойствъ былъ тотъ страшный исполинъ, противъ котораго храбрый витязь Донъ-Кихотъ сражался такъ несчастливо. Вѣрьте мнѣ, что нынѣшній вѣкъ наполненъ множествомъ Донъ-Кихотовъ всякаго рода. Источникъ сего баснословія есть господинъ Mercier; онъ первый составилъ сію секту въ книгѣ своей *Tableau de Paris*; однакожъ сей авторъ описалъ ихъ яко добросердечныхъ и миролюбивыхъ сумасбродовъ, на съ которой стороны не опасныхъ ни правленію, ни частнымъ сочленамъ общества. Но вспомните Сумарокова притчу о снѣжномъ шарѣ и тогда увидите, отчего сіи люди сдѣлались нынѣ страшными и опасными. Основаніемъ сей секты положилъ онъ извѣстную книгу «*Des Erreurs et de la Verité*» и сочинителемъ оныя назначилъ онъ кого-то *Saint-Martin*. Въ бытность мою въ Парижѣ я прилагалъ всѣ возможные труды сыскать сего *Saint-Martin*, но тщетно, никто его не знаетъ. По сіе время неизвѣстенъ еще истинный сочинитель сея книги, трое, или лучше сказать, тремъ приписываютъ оную. Впрочемъ какъ можно положиться на французскія названія. Напримѣръ, нынѣ царствующая партія во французскомъ національномъ собраніи называется *les Engagés*; можно ли изъ сего заключать, что всѣ сіи люди суть бѣшены? Теперь остается сказать два слова о послѣдователяхъ сей книги, кто суть оныя? Истинно не знаю. Читаютъ и читали ее многіе, но многіе ли разумѣли читан-

и ое, сіе не извѣстно; думаю однакожь, что ни одинъ шалунъ не въ состояніи развязать сію претрудную іероглифу. По крайней мѣрѣ я не могу ни хвалить, ни оуждать по совѣсти моей сей книги. Я мало читалъ оную, нашелъ однакожь мѣста ясныя, и сіи мнѣ казались истинныи важны, но вообще не разумѣлъ оныя. Но слѣдуетъ ли изъ сего, что книга сія безумна? Странная логика! Но по несчастію она теперь господствуетъ между господами просвѣтителями. Кратко сказать, каждая земля имѣетъ нынѣ своихъ мартинистовъ, а сіи суть не что иное, какъ люди, старающіеся, уединясь отъ шумныхъ и бесполезныхъ бесѣдъ, приводить въ совершенство свойства, Творцомъ въ нихъ впечатлѣнныя, и, презря мечтательность и суету, приближаются къ цѣли истиннаго человѣка. Всѣ ли такъ именуемые мартинисты суть на истинномъ пути, сіе составляетъ другой вопросъ, о которомъ однакожь шумящіе вѣтреники не хотятъ да и не въ состояніи размышлять. Отрицай Бога, обманывай искусно, шути остроумно, разоряй своего ближняго, клевети и злословь, совращай юныхъ безопытныхъ дѣвицъ—и будешь въ глазахъ ихъ добрымъ и безопаснымъ гражданиномъ; но воздерживайся отъ всѣхъ сихъ модныхъ качествъ,—неотмѣнно заслужишь имя мартиниста или преопаснѣйшаго человѣка въ обществѣ.

Здѣсь, въ Берлинѣ, не слыхалъ я ничего о мартинистахъ, но тѣмъ болѣе о іезуитахъ, не согласующихся со здѣшнимъ церберомъ, состоящимъ изъ Николая Бистра и Герика. Сей церберъ отличается отъ баснословнаго тѣмъ, что сей послѣдній воспрещаетъ входъ въ адъ, а оный не выпускаетъ никого изъ онаго. Сказать-ли вамъ истинное мое мнѣніе о всѣхъ сихъ вымыслахъ? Истинный ихъ источникъ есть ненависть къ ученію нашего Спасителя, ибо Онъ у однихъ обуздываетъ ихъ пылкое воображеніе и полагаетъ предѣлы ихъ вымысламъ, у другихъ претитъ ихъ распутству, роскоши и сластолюбію. Ученіе Спасителя повелѣваетъ имъ быть человѣками, а модное мудрованіе старается превратить насъ въ скотовъ. Большая часть нынѣшнихъ остроумцевъ суть проповѣдники богини Церцеи, и не безъ успѣха. Хлѣвы ея довольно уже наполнены. Но какъ время еще не пришло шествовать открытымъ лицомъ, то не говоря ни слова о Спасителѣ, гонятъ Его въ людяхъ, которые хотя нѣсколько являютъ желанія послѣдовать Его ученію. Вотъ истинное состояніе нынѣшняго умствованія, вотъ духъ, оживотворяющій гонителей и враговъ! Судите жъ сами, возможно ли отвѣтствовать на дѣлаемый вами вопросъ? Оставимъ же сихъ пусто-слововъ, будемъ стараться содѣлываться христіанами, и тогда, безъ всякаго сомнѣнія, вопреки всѣмъ вымысламъ будемъ добрыми гражданами. Я математически увѣренъ, что истинный христіанинъ не уподобится никогда Мирабо. Будетъ время, ежели уже не настало оно, въ которое монархи откроютъ очи свои и узрятъ, что они пригнетали исти-

ныхъ своихъ друзей, узрять, что наушники суть змѣи, которыхъ они согрѣвали за пазухою. Ка д м а ¹⁾ и прочее получили исправно, и благодарю искренно. Я прочиталъ съ великимъ вниманіемъ и былъ чрезвычайно доволенъ. О семъ поговоримъ въ другой разъ, теперь усталъ. Простите, желаю всѣхъ истинныхъ благъ.

21.

Н. М. Карамзинъ—А. М. Кутузову.

1791 г. Москва ²⁾.

Худое состояніе головы моей было причиною того, что я такъ долго не писалъ къ вамъ, любезнѣйшій братъ Алексѣй Михайловичъ! И теперь шумить въ окрестностяхъ моего мозга, однакожь на сей разъ это не помѣшаетъ мнѣ сказать вамъ, что никакая головная боль не можетъ уменьшить моей любви къ вамъ.

Что показалось вамъ загадкою въ моихъ осьми строкахъ,—не знаю. Слова: Я васъ люблю и почитаю въ нихъ, конечно, были; сихъ словъ вы не почли-бы загадкою, а прочаго не помню. Въ рѣчахъ моихъ, любезнѣйшій братъ, неумышленная неясность, но что принадлежитъ до чувствъ моихъ, то они ясны. Если вы думаете, что я пересталъ любить прежнихъ друзей своихъ, то вы думаете несправедливо, любезнѣйшій братъ мой! Но хотѣлось бы мнѣ знать, почему вы это и подумать могли. Въ журналѣ, который выдаю съ января мѣсяца, суть мои піесы, есть и чужія, но вообще мало такого, что бы для васъ могло быть интересно. Все бездѣлки, мелочи и проч., проч. По сіе время имѣю 210 пренумерантовъ, изъ которыхъ иные, читая сіе собраніе бездѣлокъ, смѣются или улыбаются, иные (P.S. на нѣкоторыхъ страницахъ) pass the back of their hands across their Eyes, иные зѣваютъ, иные равнодушно говорятъ: что за дрянъ! Иные съ сердцемъ кричатъ: какъ можно такъ писать! Иные... но пусть ихъ говорятъ и дѣлаютъ что хотятъ!

Впрочемъ, любезнѣйшій братъ, не бойтесь, чтобъ я о с м ѣ я н ѣ былъ; а если бы и вздумалось кому посмѣяться надо мною, то я сказалъ бы: пусть смѣются: естьли за глаза и бить меня стануть, то я ни слова не скажу. Вы, конечно, помните, кто это сказалъ за двѣ тысячи лѣтъ предъ сямъ.

¹⁾ Кадмъ и Гармонія, древнее повѣствованіе. Сочиненіе М. Хераскова. М. 1790 г.

²⁾ Представлено при рапортѣ И. Пестеля 20 марта 1791 г.

Простите, любезнѣйшій милый братъ, любите вашего вѣрнаго Карамзина.

22.

Князь Н. Н. Трубецкой—А. М. Кутузову.

1791 г. Москва ¹⁾.

Любезный другъ! Два письма твои, рецептъ лекарства отъ чахотки я получилъ; благодарю тебя за оныя. Разсужденіе твое о такъ называемыхъ мартинистахъ мнѣ весьма полюбилось, и теперь я вижу ясно, что сія сказка, о которой я думалъ, что она по крайней мѣрѣ какое-нибудь имѣетъ основаніе, соизвлена въ пустой головѣ вѣтренаго французскаго писателя, который, бывъ врагъ исповѣдателей христіанскаго закона, старался подъ симъ названіемъ оныхъ осмѣять. Прости его, Господи! Онъ самъ не вѣдаетъ, что дѣлаетъ. Я увѣренъ, что придетъ время, въ которое бранящіе сихъ мнимыхъ мартинистовъ закрасѣютъ, увидя, что они тѣмъ бранили и противу тѣмъ сражались, и писателя, сію тѣмъ произведшаго, поставятъ въ число тѣхъ такъ называемыхъ энтузіастовъ, конхъ мнимому безумію они смѣются, и безуміе конхъ имъ кажется вреднымъ, ибо онъ подлинно въ настоящемъ смыслѣ есть энтузіастъ, понеже, составляя въ воображеніи своемъ вещи не существующія, выдаетъ ихъ за бытіе. Просвѣти, Господи, человековъ и даждь имъ увидѣть, что не христіане, но такъ называемые мірскіе умницы, покрывающіе себя почтеннымъ именованіемъ философіи, конми они никогда не бывали, опасны для общества, но что христіанинъ есть вѣрный подданный и защитникъ престола и законовъ, и что онъ николи не будетъ Мирабо, и никогда не согласится съ иныишими просвѣтителями Франціи, но всегда радъ пролить свою кровь за защищеніе государя, коему онъ именованіемъ Бога клялся въ вѣрности, и что словомъ христіанинъ, бывъ и подъ правленіемъ Нерона, не нарушитъ своего обѣта и не дерзнетъ возстать противъ власти, коей онъ клялся быть вѣрнымъ, ибо онъ здѣсь не ожидаетъ спокойствія, но вѣдаетъ, что терпѣніе, повинованіе властямъ и исполненіе должности своей къ Богу и къ государю суть тотъ путь, который препровождаетъ его къ ожидаемому имъ спокойствію, не здѣсь, ибо здѣсь его быть не можетъ, но тамъ, гдѣ онъ спокойствіе получаетъ въ награду за претерпѣнное имъ здѣсь. Но полно

¹⁾ Представлено при рапортѣ И. Пестеля 22 апрѣля 1791.

*

объ этомъ. Я и мои-домашніе здоровы, даже и княгиня Елисавета, благодаря Бога, кажется получше! Александра Егоровна ¹⁾ въ деревнѣ, и я, сдѣлавъ порошки по твоему рецепту, оныя къ ней послалъ, но, кажется мнѣ, что поздно, и что она въ такомъ положеніи, что ей ничто не поможетъ. Новаго у насъ ничего нѣтъ; приложенное письмо отдай барону ²⁾. Онъ на меня сердится, что я ему не прислалъ денегъ, и я предъ нимъ оправдываюсь. Жаль мнѣ его, онъ, мнѣ кажется, часъ-отъ-часу болѣе впадаетъ въ свои несчастныя сомнѣнія. Прости, мой другъ! Христось съ тобою. Я тебя въ мысляхъ обнимаю.

Пожалуйста, мой другъ, спроси у тамошнихъ твоихъ знакомыхъ ученыхъ, а наипаче у профессора, коего ты мнѣ такъ выхвалялъ. Сока, его мнѣніе о книгѣ, которая мнѣ очень полюбилась и которой титулъ: «Centrum Naturo oder ein Tractat von dem wiedergeborenen Saltze der Natur, auf Arabisch geschrieben von Alipuli und ins hochdeutsche übersetzt aus den portugalsischen von Johann Otto Helbig: gedruckt im Jahre 1682. А другая эдіція не помню въ которомъ году.

Другъ твой Михайль Ларионовичъ ³⁾ пожалованъ въ генераль-поручики, съ чѣмъ тебя поздравляю.

23.

Кн. Н. Н. Трубецкой—А. М. Кутузову.

1791 г. Москва. ⁴⁾

Съ наступившимъ правдникомъ свѣтлаго Христова Воскресенія поздравляю тебя, мой другъ любезный, и, соединяясь съ тобою духомъ, молю Бога и нашего Спасителя, да дастъ намъ внутрь сердецъ нашихъ воскреснуть съ Нимъ и возопять истиннымъ духовнымъ гласомъ: Христось Воскресе, во-истину Христось Воскресе!

Уже двѣ недѣли, какъ нѣтъ отъ тебя писемъ, что меня начинаетъ тревожить; я жду съ нетерпѣніемъ вынѣшней почты, авось либо она хоть строку отъ тебя привезеть.

Теперь скажу тебѣ извѣстіе, которое меня до внутренности сердца

¹⁾ Супруга Н. И. Новикова.

²⁾ Баронъ Фридрихъ-Леопольдъ Шредеръ, прусскій офицеръ, масонъ-розенкрейцеръ, жившій въ Москвѣ въ 1780-хъ годахъ, пріятель Новикова, кн. Трубецкаго и др. и посредникъ въ ихъ отношеніяхъ съ берлинскими розенкрейцерами.

³⁾ Кутузовъ, впоследствии фельдмаршалъ.

⁴⁾ Представлено при рапортѣ И. Пестеля 21 апрѣля 1791 г.

огорчило, да увѣренъ, что и тебя огорчить. Нашъ Николай Ивановичъ Новиковъ овдовѣлъ: племянница моя, а его жена, Александра Егоровна, сего апрѣля 12 дня скончалась въ деревнѣ, да и самъ Николай Ивановичъ такъ сталъ слабъ и боленъ, что докторъ боится, чтобы и онъ не послѣдовалъ скоро за его женою. Моя жена, получивъ объ ономъ извѣстіе, столь сильно огорчилась, что занемогла спазмами, однако я ей далъ два приѣма ФН., и теперь благодаря Бога болѣзнь ея почти со-всѣмъ миновала.

Прости, помолись о успокоеніи души усопшей Алексанш! Писать нѣтъ силъ, да нечего; я тебя въ мысляхъ обнимаю.

24.

А. М. Кутузовъ—князю Н. Н. Трубецкому.

13 мая 1791 г. Берлинъ.

Дражайшій другъ! Двѣ недѣли уже не имѣю отъ васъ писемъ и начинаю беспокоиться вашимъ молчаніемъ; не имѣю однакожъ ни желанія, ни права попрекать васъ онымъ, ибо в самъ я не часто писалъ къ вамъ. Причина жъ рѣдкости моихъ писемъ есть не иное что, какъ совершенный недостатокъ въ новостяхъ: у насъ все старое по старому, вновь ничего. Съ нетерпѣніемъ ожидаю вашего отвѣта на то письмо, которое вы получите чрезъ Тургенева ¹⁾, ибо оно, какъ вы сами увидите, для всѣхъ насъ чрезвычайной важности, а вампаче для меня, видя всю важность и самыми тѣлесными моими очами. Еще повторяю здѣсь: милосердіе Божіе не зареченно, не упустимъ же случай принять оное съ благоговѣніемъ и должною благодарностію. Желалъ бы вамъ писать яснѣе, но путь писемъ нашихъ невѣренъ, будучи подвергнутъ чтенію подлецовъ, ищущихъ повсюду собственныя своей скверности, живущія въ ихъ сердцахъ ²⁾. Впрочемъ, святость вещи запечатлѣваетъ уста мои; надѣюсь, однакожъ, что вы можете дѣлать нѣкоторыя догадки о родѣ, ежели не о самомъ существѣ дѣла. Вы сами знаете, что о семъ дѣлѣ

¹⁾ Иванъ Петровичъ Тургеневъ принадлежалъ къ числу дѣятельныхъ членовъ московскаго масонскаго кружка; род. въ 1752 г., умеръ въ 1807.

²⁾ По поводу этихъ жалобъ Ив. Пестель писалъ князю Прозоровскому 22 мая 1791 года:

«Почтеннѣйшее писаніе, коимъ вашему сіятельству отъ 21 сего мѣсяца, изъ Воскресенскаго почестъ угодно было, удостоился я сего утра получить. Включенные въ ономъ четыре конверта, адресованные въ С.-Петербургъ, съ сегодняшней почтою не преминулъ я по надписи отправить.

не позволено говорить ясно и съ самымъ лучшимъ своимъ другомъ. Здѣсь продолжаютъ чрезвычайныя военныя приготовления, но съ нѣкотораго времени начинаютъ говорить о мирѣ и довольно утвердительно образомъ; дай Богъ, чтобъ сіе совершилось для общаго всѣхъ народовъ блага. Товарищъ мой уѣхалъ на нѣкоторое время къ дядѣ, и я остался сиротою. Благодарю васъ за поздравленіе съ милымъ моимъ генераль-поручикомъ ¹⁾. Давно уже не имѣю отъ нихъ писемъ. Последнее ваше письмо распечатано было и безстыднымъ образомъ замазано клейстеромъ. Простите, дай Боже вамъ всякаго благополучія.

25.

А. М. Кутузовъ—нн. Н. Н. Трубецкому.

13 (24) мая 1791 г. Берлинъ.

Дражайшій другъ! Последнее письмо ваше, извѣщающее меня о смерти Александры Егоровны, весьма меня растрогало тѣмъ болѣе, что вы пишете при томъ и о слабомъ состояніи Николая Ивановича.

«Вчерашняго числа имѣлъ я честь отправить къ вашему сіятельству чрезъ здѣшняго господина губернатора копію съ письма, полученнаго изъ Берлина. На реестрѣ означено 19 число, потому что въ сей день имѣлъ я честь оную отправить въ Коломенское, но по причинѣ отбытія вашего сіятельства получилъ сей конвертъ обратно. Таковую-жъ копію препроводилъ я на прошедшей почтѣ къ его сіятельству графу Александру Андреевичу (Безбородко). Ваше сіятельство изъ письма г. Кутузова усмотрѣть наволите, что онъ крайне недоволенъ, что его письма столь неосторожно распечатываются. Сіе подозрѣніе недавно обнаруживается, и по примѣчанію моему, съ тѣхъ только поръ, когда въ Берлинѣ возбуждаются тревоги и дѣлаются военныя приуготовленія. Я начинаю сомнѣваться, не распечатываются ли тамъ сіи письма столь неискуснымъ образомъ, ибо клеимъ поддѣлывать не есть способъ, употребляемый въ Россіи. Хотя и послѣ меня рижскій почтмейстеръ свидѣтельствуешь письма, но я увѣренъ, что онъ свое искусство знаетъ и не подастъ сомнѣніе корреспондентамъ. Сверхъ того служитъ доказательствомъ, что не здѣшнія мѣста виною сему, что корреспонденты московскіе г. Кутузова подобнаго неудовольствія не обнаруживаютъ по сіе время.

«Пользуясь симъ случаемъ возобновить себя милостивой памяти вашего сіятельства, имѣю я честь поручить себя продолженію благосклоннаго расположенія, коимъ вашему сіятельству удостоивать угодно пребывающаго съ глубокимъ высокопочтеніемъ.

Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь, вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга Иванъ Пестель.

Москва, 22-го мая 1791 г.».

¹⁾ Михаиломъ Ларионовичемъ Кутузовымъ.

Богъ да сохранить его жизнь! Признаюсь, что сія послѣдняя потеря была бы со многихъ сторонъ важнѣе какъ для малолѣтнихъ его дѣтей, такъ и для друзей, ибо, говоря чистосердечно, кажется мнѣ, что покойная мало участвовала въ воспитаніи ихъ, да и не имѣла довольной къ тому способности. Надѣюсь на правила Николая Ивановича, что онъ перенесетъ сей ударъ, какъ надлежитъ мужу христіанину. Нѣтъ нужды мнѣ увѣщевать васъ о неоставленіи его въ сихъ печальныхъ обстоятельствахъ,—ваше сердце и ваша къ нему дружба суть вѣрныя мнѣ поруки. Старайтесь однакожъ о возвращеніи его здоровья, употребите извѣстныя вамъ средства, но паче всего попейтесь о успокоеніи его духа, сіе жъ воздѣйствуется наиболѣе молитвою и преданіемъ себя въ волю Всемогущаго. Облегчите его въ трудахъ и на нѣкоторое время отвлеките отъ надъ мѣру многихъ трудовъ. Духъ нашъ, точно такъ же какъ и тѣло, имѣетъ нужду въ отдохновеніи; безпрестанное напряженіе разстроиваетъ весь составъ и наконецъ всѣ силы онаго дѣлаютъ недействительными. Умѣренность во всѣхъ случаяхъ есть необходима; преступающій ея предѣлы дѣлается врагомъ самого себя и врагомъ природы. Слѣдствія сего довольно вамъ извѣстны. Надѣюсь, что теперь получали уже два мои письма, чрезъ необыкновенный каналъ писанья, и престанете упрекать меня молчаніемъ. Я, слава Богу, здоровъ и теперь спѣшу къ особѣ, о которой вы ведали мнѣ навѣдаться чрезъ Велокса. Простите, дай Боже вамъ всѣхъ истинныхъ благъ.

26.

Кн. Н. Н. Трубецкой — А. М. Кутузову.

26-го мая 1791 г. Москва.

Любезный другъ! Я уже къ тебѣ дней съ десять не писалъ, потому что былъ встревоженъ смертію брата князя Петра, да и самъ себя чувствовалъ не очень здоровымъ отъ геморроидовъ, которые, бывъ у меня внутренныя, дѣлаютъ, что кровь ударяетъ въ голову, и что я бываю ни къ чему не способенъ. Теперь же, благодаря Бога, и моей кн. Елисаветѣ, кажется, начинаетъ становиться получше отъ и ша чья г о молока, которое она зачинаетъ пить, и отъ деревенской жизни. Два номера твоихъ писемъ 7 и 8 я получилъ. Ты въ обоихъ сихъ нумерахъ упоминаешь о письмѣ, которое я долженъ получить отъ Тургенева, но я сего письма не получалъ, а чрезвычайно желаю оное получить, и безпокоюсь, что онаго не получаю. Всѣхъ полученныхъ ко мнѣ дошли 8 нумеровъ твоихъ писемъ, да сверхъ того два письма безъ №: одно отъ

10 (21) марта, а другое безъ числа, на которыя на оба я тебѣ отвѣчалъ. Итакъ, мой другъ, справься по твоему журналу, сколько именно не дошло твоихъ писемъ ко мнѣ; ибо, не получая вышерѣченнаго отъ тебя письма, я боюсь, чтобы и болѣе писемъ не пропало, а сіе меня чрезвычайно тревожить, не для того, чтобы я боялся чтенія нашей переписки, нѣтъ, чистота оной насъ охраняетъ отъ всякой опасности, но я боюсь, чтобы читающіе, поправъ ногами находящіяся иногда въ нихъ истины, не погрѣшили вновь противъ той истины, которая по законамъ вѣчныя правды наказуетъ поправшихъ ее. А впрочемъ пусть нашу переписку читаютъ. Мы съ тобою, мой другъ, въ политическія дѣла государей и государствъ не входимъ, и вѣруя, что всякая власть есть отъ Бога, мы повинемся оной безъ роптанія, повинуюсь чрезъ то власти нашего Бога и Спасителя, который сіе повиновеніе предписалъ своимъ ученикамъ, и который самъ сказалъ: «отдавайте Божіе Богу, а Кесарево Кесарю.»

Итакъ, мой другъ, будемъ спокойны; пусть наша переписка читана будетъ,—препоручимъ ее управляющей всѣмъ десницею Божіей. Отъ сохранить находящееся иногда такое, которое по обязательствамъ скромности должно быть отъ другихъ сокрываемымъ, скрытымъ; а ежели есть Его воля, чтобы и оное было открыто, то да исполнится она, —только бы не мы своею волею оное открывали и не предупредили нашу нескромностию и неосторожностию блаженнаго того времени, о которомъ сказано въ Евангеліи, что говоренное на ухо будетъ проповѣдуемо на кровляхъ. Прости, мой другъ! Пиши чаще и вѣрь, что я навсегда твой вѣрный другъ.

27.

В. Я. Колокольниковъ—И. В. Лопухину.

17-го іюня 1791 г. Гёттингенъ.

Любезнѣйшій другъ и благодѣтель Иванъ Владиміровичъ!

Въ началѣ сего іюня простился я съ Лейденомъ и пріѣхалъ въ Гёттингенъ сего же 11 благополучно. Я слышалъ сюда пріѣхать сколько можно, тѣмъ болѣе, что получилъ неприятную вѣсть, что Максимъ Ивановичъ ¹⁾ боленъ; по пріѣздѣ же моемъ нашель его въ состояніи выздоровленія, однако еще весьма слабого. Болѣзанъ его была сильная лихорадка, такъ что докторъ, лечившій его, принужденъ былъ

¹⁾ Певзоровъ.

неоднократно приходитъ къ нему въ одинъ и тотъ же день. Продолжалась сія болѣзнь около шести недѣль. Теперь при выздоровленіи его имѣетъ онъ, можно сказать, другую болѣзнь, гипохондричаетъ слишкомъ. Въ первый день моего пріѣзда почти ничего не говорилъ со мною, на другой день вызвалъ я его прогуляться за городъ и узналъ причину его молчанія. Онъ подозрѣваетъ всѣхъ безъ разбора, чтобы кто-нибудь не подслушалъ, и чтобы изъ того чего-нибудь худаго не воспослѣдовало. Такое расположеніе мыслей послѣ сильныхъ болѣзней почти обыкновенно остается въ Максимѣ Ивановичѣ, оно даже около трехъ недѣль продолжается. Медлительнаго выздоравливанія причиною я читаю то, что онъ боится, чтобы чего-нибудь вреднаго ему и въ кускѣ хлѣба не подали, и такимъ образомъ не довольно можетъ подкрѣплять силы пищею. Я намѣренъ здѣсь пробыть такъ, какъ и Максимъ Ивановичъ, до конца сего полугодичнаго академическаго курса, то-есть, до конца сентября сего года, а потомъ возвратиться въ отечество. Упражненіемъ моимъ здѣсь будутъ нѣкоторыя части натуральной исторіи въ профессорскихъ коллегіяхъ, а домашнимъ упражненіемъ будетъ по большей части переповтореніе лейденскихъ упражненій.

28.

А. М. Кутузовъ—инязю Н. Н. Трубецкому ¹⁾.

4 (15) іюля 1791 г. Берлинъ.

Дражайшій другъ! Не стану вамъ сей день пенять на ваше молчаніе, ибо самъ столько жъ ежели не болѣе виноватъ, да впрочемъ и моя голова занята другими предметами. Не пустая гипохондрія терзаетъ мое сердце, нѣчто существеннѣе бродитъ въ моемъ мозгу. Сколь ни стараюсь разбивать мои мысли, все тщетно. Онѣ возвращаются съ свѣжею силою и, овладѣвъ моимъ воображеніемъ, покрываютъ все настоящее и будущее чернымъ покрываломъ; вопреки всѣхъ моихъ стараній, глаза мои стремятся въ мрачную печальную, горести и поруганія исполненную перспективу. Непонятно, странно представится вамъ сіе предисловіе, но, мой другъ, необходимость, предосторожность и страхъ исторгнули у меня оное. Счастливъ, кто еще возможно пользоваться несчастіями сво-

¹⁾ Имена Горгонусъ, Поректусъ, упоминаемыя въ этомъ письмѣ, означаютъ нѣкоторыхъ именитыхъ членовъ московскаго масонскаго кружка, но кого именно—сказать трудно; извѣстно только, что Коловиономъ назывался Н. И. Новиковъ, Садердусомъ—баронъ Шредеръ, Филусомъ—И. В. Лопухинъ, Велосомъ и Розенкрейдеромъ—А. М. Бутузовъ.

его ближняго, я говорю пользоваться, то-есть: въ происшествіяхъ съ нашими друзьями видѣть самихъ себя и, находясь въ подобныхъ ихъ обстоятельствахъ, ожидать и себѣ подобнаго; но ожидая приготавливаться къ перенесенію грядущаго, а ежели можно, то стараться оградить себя, поелику то человѣку возможно. Прежде, нежели приступлю къ моему намѣренію, прошу васъ братски, прошу именемъ всего, что есть свято, принимать мои слова въ прямомъ смыслѣ и увѣрить себя, что все сказанное мною истекаетъ изъ чистаго источника истинныя братскія любви и дружбы; все, что я буду говорить, не есть досада, или пореканіе. Истинно вѣтъ! Сердце мое непричастно симъ чувствованіямъ: оно наполнено почтеніемъ къ вамъ и искреннею любовію. Ежели мы, сердечный мой другъ, будемъ обходиться на чинахъ, ежели между нами будетъ употребляться языкъ придворныхъ, то что же воспослѣдуетъ со всѣми нашими обязательствами? То гдѣ же дружба обрѣтается, гдѣ найдеть убѣжище, будучи отсюду изгоняема? Языкъ дружбы, языкъ братскій, языкъ христіанскій есть и языкъ истинный, прямъ, истиненъ, откровененъ, не терпѣтъ никакія кривизны, или увертки. Изъ сего-то точки смотрите на мое письмо, и съ сими-то чувствованіями изслѣдуйте мои слова.

Сегодня получилъ я письмо отъ моего сопутешественника; въ немъ описалъ онъ подробно свое прошедшее и настоящее положеніе. Многое изъ сказаннаго имъ было мнѣ уже извѣстно, но до сего часа я не останавливался никогда иначе какъ только на нѣкоторыхъ частицахъ, но прочевъ картину, имъ предложенную, въ которой живо изобразилъ онъ собраніе всецѣлаго, сердце мое содрогнулось, глаза мои наполнились слезами, а я противъ моей воли погрузился въ горесть, отъ которой не скоро могу освободиться. Дражайшій мой братъ! Мы обязаны сострадать всякому человѣку, мы поставили себѣ за долгъ помогать ближнему, кольми жъ паче требуетъ отъ насъ сего человѣкъ, пожертвовавшій намъ всѣмъ мірскимъ своимъ благосостояніемъ. Таковъ есть мой сопутешественникъ. Многія его обстоятельства знакомѣ вамъ, нежели мнѣ, и для того упомяну о семъ токмо сокращенно. Подобно мнѣ убѣжденъ онъ былъ покойнымъ Горгоносомъ оставить службу и подобно же мнѣ разстался съ оною съ великимъ неудовольствіемъ. Неоднократно представлялъ онъ, что сей шагъ имѣть будетъ весьма важнымъ и можетъ быть и горестнымъ для него слѣдствіе. Что онъ лишится довѣренности и любви своего дяди, что и воспослѣдовало, а купно съ симъ лишится и своего имѣнія; что въ случаѣ смерти Горгоноуса узрѣть онъ себя посреди людей ему чуждыхъ безъ всякой опоры и помощи,—всѣ сіи возраженія остались безуспѣшны, в онъ былъ принужденъ повиноваться, иначе когда покойный его увѣрялъ, что Поректусъ во всѣхъ случаяхъ заступитъ его мѣсто, что и самъ Поректусъ подтвердилъ не-

однократно. По исполненіи сего и по смерти Горгонуса надлежало ему предпринять известное вамъ путешествіе, во время котораго онъ сдѣлалъ 2.000 долгу и по нѣжному его обхожденію никому не объявилъ сего. Подаренные ему его теткою алмазы продалъ онъ за безцѣнокъ и деньги помѣстилъ по совѣту Поректуса и Коловона въ известное вамъ мѣсто, въ надеждѣ получить по 12 процентовъ. За сими послѣдовало второе путешествіе, главный источникъ всего, что ему потомъ случилось. Поректусъ хотя и невиннымъ образомъ такъ, какъ и другіе соучаствовала въ оскорбленіи его чести и въ лишеніи его всего, что любящему честь человѣку здѣсь драгоцѣнно. Наконецъ Поректусъ получаетъ письменное свидѣтельство, что онъ невиненъ, при всемъ томъ однакожъ не пишетъ и не упоминаетъ о семъ моему сопутешественнику. Оскорбленный до глубины своего сердца сими поступкомъ Сацердосъ возлагаетъ на себя молчаніе, и всего болѣе огорчается мнѣніемъ, что онъ лишился Поректусовой дружбы, на которую всегда полагался онъ твердо. Понуждаемъ скудостію и нуждою принуждается прервать сіе молчаніе, пишетъ къ Поректусу и проситъ его о помощи, объявляя при томъ, что онъ намѣренъ предпринять м—ую (масонскую) работу, и для сего долженъ удалиться въ уединеніе; не довольнo сего, предлагаетъ переводить (дабы не даромъ получать деньги, хотя впрочемъ и требуетъ токмо своего собственнаго) на условіяхъ, сдѣланныхъ нами съ Зеннбейлемъ. Поректусъ на все сіе не отвѣтствуетъ прямо, но обязуется присылать ему въ годъ по сту лундоровъ (прислалъ однакожъ токмо 372 талера по нынѣшнему курсу). Сацердосъ, положившись на сіе слово, дѣлаетъ распоряженія и предприимлетъ свои мѣры, и въ сіе то самое время получаетъ отъ Поректуса письмо, въ которомъ (тогда) уничтожаетъ всѣ его надежды. Вообразите же, дражайшій другъ, состояніе Сацердоса. Онъ поражается симъ, якобы громовою стрѣлою; не менѣе и я почувствовалъ морозъ, лющійся во всемъ моемъ тѣлѣ, узнавъ все сіе обстоятельно, и вотъ истинная причина моей меланхоліи. Вы сами знаете, что я нынѣ стою на самой той степени, гдѣ былъ Сацердосъ, и слѣдовательно, подверженъ той же самой участи. Пожалуйте успокойте меня и разрѣшите сію загадку, каковой все сіе представляется мнѣ. Впрочемъ ежели вы имѣете какое-либо сомнѣніе на Сацердоса, то я клянусь вамъ живымъ Богомъ, что онъ преисполненъ чести и богобоязненности, и я истинно не могу равняться ему ни съ которой стороны, ибо въ сравненіи съ нимъ есть мерзокъ и гнусецъ. Самъ мой водитель находитъ его таковымъ, какъ я описываю, и онъ во всѣхъ вашихъ работахъ участвуетъ. Но на сей разъ довольно. Почта отходитъ; скажу только, что на сихъ дняхъ водитель мой имѣлъ нужду въ 200 червонцахъ, которые я досталъ ему у нашего посла, давъ ему ассигнацію на Филуса. Пожалуйста, не уме-

длите заплатою, дабы въ случаѣ необходимости имѣть мнѣ надежное приближище. Простите.

29.

Князь Н. Н. Трубецкой—А. М. Кутузову.

24 іюля 1791 г. Москва.

Любезный другъ! Письмо твое подъ 11 № мною получено. Благодарю моего Бога, что ты здоровъ. Совѣты твои касательно до преданія себя воли Спасителя нашего святы. Но я человекъ и человекъ слабый, почему и, желая предаться Его волѣ, чувствую, что оная воля бунтуетъ; почему и не обманываю тебя, что болѣзнь кн. Ел. Петр. жестоко мучить мое сердце. Не знаю, что будетъ, ежели я ее потеряю, но вижу только, что болѣзнь ея не уменьшается, и страшусь осени, которая, тебѣ извѣстно, что для чахоточныхъ есть смертоносна. Но о сей матеріи говорить не хочу, а скажу, что я живу въ деревнѣ, гдѣ сынъ и другія мои племянницы забавляютъ насъ на маленькомъ нашемъ театрѣ, и часто играютъ піесы, сочиненныя Михайломъ Матвѣевичемъ ¹⁾. Это меня занимаетъ, и я, мѣшая дѣла съ бездѣльемъ, провожу изрядно мое время.

Новое у насъ, что Репнинъ разбилъ визиря за Дунаемъ; это я знаю, что тебя порадуешь. Прости, другъ мой! Всѣ мои тебѣ кланяются, и я тебя въ мысляхъ обнимаю.

30.

И. В. Лопухинъ—А. М. Кутузову.

31 іюля 1791 г. Москва.

Здравствуй любезный другъ!

Удивляюсь, что давно не получалъ отъ тебя ни одной строки. Я послалъ къ тебѣ два векселя, одинъ на тысячу пятьсотъ, а другой на тысячу рублей. Но только о полученіи перваго ниѣю отвѣтъ, хотя и послѣдній еще въ маѣ послалъ. Но мнѣ ли кому пенять за неакуратность, мнѣ ли, изъ лѣнивыхъ лѣнницу?

¹⁾ Херасковымъ.

Пиши однакожь, любезный другъ, иногда для утѣшенія сердца моего. Не получилъ я такъ же отвѣту на гостинецъ мой съ Ф и р и г а б е р о м ъ, еще зимою поѣхавшимъ отсюда. Давно такъ-же общалъ ты отвѣтъ доктора и примѣчанія на картину Филину, представляющую храмъ премудрости. Но послѣ о семъ ни слова. Мы въ такъ дальнемъ размученіи! Желательно бы обстоятельнѣе другъ о другѣ вѣдать.

Здѣшніе друзья твои, сколько мнѣ извѣстно, все здоровы. Николай Ивановичъ съ юня мѣсяца прошлаго года по сіе время только на два дня пріѣзжалъ въ Москву, въ болѣзнь покойной жены его, которая потомъ умерла въ деревнѣ съ нимъ. Я его только и видѣлъ, а нынѣшній годъ и писемъ отъ него почти не имѣлъ. Онъ то боленъ, то упражняется въ экономіи.

Возвращаю у сего высланную отъ тебя на меня ассигнацію, съ которою ко мнѣ нечаянно явились, однако мнѣ удалось скоро ее очистить и тѣмъ сдѣлать, конечно, и тебѣ и себѣ удовольствіе. Всегда радъ всѣмъ сердцемъ, когда могу.

Уже я чаю имѣете вы извѣстіе о славной побѣдѣ надъ визиремъ за Дунаемъ, одержанной княземъ Репнинымъ. А недавно пріѣхалъ отъ него, сказываютъ, курьеръ въ С-Петербургъ съ письмами отъ визира о мирныхъ предложеніяхъ. Сему князю случилось сдѣлать совсѣмъ вопреки тѣмъ безумцамъ, которые называютъ его мартинастомъ и не способнымъ почитаютъ къ дѣламъ. Князь Потемкинъ выѣхалъ на сихъ дняхъ изъ С.-Петербурга къ арміи, и мы уповаемъ скоро услышать утвержденіе мира. Даруй сіе, Боже!

И на оной баталіи съ визиремъ, между прочими отличился твой Михайлъ Ларіоновичъ Кутузовъ, коему все отдають справедливость. За сію баталію пожалована ему, сказываютъ, шпага съ брильянтами. А за дѣло его при Бабадагѣ 2-го класса Георгія. Adieu.

Самозванецъ графъ Шидловскій.

Указъ Екатерины II поковскому губернатору.

11 сентября 1787 г. С.-Петербургъ.

Господняъ генераль-поручикъ и Псковскій губернаторъ Пиль! Предъ недавнимъ временемъ явился въ границахъ нашихъ нѣкто подъ именемъ графа Шидловскаго, коего поведеніе не соотвѣтствовало подложно принятому имъ на себя званію камергера и кавалера орденовъ польскихъ и который ничто иное какъ бродяга и обманщикъ, каковымъ признанъ и отъ министерства польскаго. Мы тогда же объявили волю нашу о высылкѣ его за границу сколь скоро онъ еще покажется гдѣ-либо въ предѣлахъ здѣшнихъ. Нынѣ дошло до насъ извѣстіе, что сей самый бродяга, называющійся графомъ Шидловскимъ, находится въ оныхъ дѣйствительно, производя разныя мошенничества и развраты. Прилагая при семъ описаніе примѣтъ его, повелѣваемъ вамъ подтвердить въ губерніи вамъ ввѣренной кому слѣдуетъ о прилежномъ присматриваніи помянутаго обманщика, и буде бы онъ гдѣ показался, то его тотчасъ задержать, прислать сюда подъ крѣпкимъ карауломъ. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны.

Полякъ Шидловскій росту большаго, въ своихъ волосахъ бѣлокуръ, рябъ, отъ роду 22-хъ лѣтъ. Надѣваетъ на себя ленту Станиславскую.

ДВѢ ХАРАКТЕРИСТИКИ.

(Изъ записокъ графа Ф. Г. Головкина).

Воспоминанія графа Федора Гавриловича Головкина, правнука известнаго канцлера, появившіяся въ двухъ мало известныхъ въ Россіи французскихъ журналахъ, прошли какъ-то не замѣченными нашей исторической литературой. Къ сожалѣнію, изъ этихъ воспоминаній, относящихся главнѣйшимъ образомъ ко второй половинѣ прошлаго столѣтія, опубликованы до настоящаго времени только небольшіе отрывки и, притомъ, носящіе нѣсколько анекдотическій характеръ. Но и по этимъ отрывкамъ, написаннымъ живымъ языкомъ, отличающимся въ ихъ авторѣ тонкій наблюдательный умъ, можно судить о томъ несомнѣнномъ интересѣ и крупномъ значеніи для русской исторической науки, которые эти воспоминанія представляютъ въ ихъ цѣломъ.

Для характеристики ихъ мы приведемъ здѣсь отзывъ о нихъ французскаго историческаго писателя Перей (Perey), имѣвшаго возможность ознакомиться съ ними благодаря одной изъ тѣхъ частыхъ случайностей—встрѣчъ въ вагонѣ съ родственникомъ лица, владѣющаго рукописью—которыя такъ знакомы всѣмъ любителямъ старины и часто наталкиваютъ ихъ на находку разныхъ богатыхъ историческихъ кладовъ.

«Чтеніе рукописи превзошло наши ожиданія,—говоритъ г. Перей,—и заключающіяся въ нихъ любопытныя, часто въ высшей степени новыя подробности о лицахъ и событіяхъ представляли намъ могущими дополнить и освѣтить нѣкоторыя неопредѣленные или темныя стороны исторіи XVIII столѣтія; въ этомъ отношеніи она драгоценна, хотя, тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ съ крайнею осторожностью строить на нихъ какія бы то ни было заключенія и не давать обаянію неизданнаго ослѣплять

себя. У Головкина, говоря пошлымъ, но прекрасно обрисовывающимъ его выраженіемъ,— самый злой языкъ, какой только можно встрѣтить. Онъ отзывается дурно о всѣхъ друзьяхъ и недругахъ; никто не защищенъ отъ его критики, онъ одинаково ненавидитъ прежній порядокъ вещей и имперію, революцію и реставрацію. Если ему не нравятся всѣ разнообразныя формы правленія, то и политическіе дѣятели и монархи тоже являются предметомъ его обвиненій и, должно сказать правду, его злости. Въ его глазахъ никто не пользуется обаяніемъ. Страницы, касающіяся его пребыванія въ Россіи, написаны съ своеобразнымъ огонькомъ».

Мы считаемъ не безынтереснымъ для читателя провести нѣсколько біографическихъ данныхъ о самомъ авторѣ воспоминаній.

Головкинъ, происходившій изъ старинной русской фамиліи, родился въ Голландіи около 1768 года и очень молодымъ прибылъ къ русскому двору вмѣстѣ со своими братьями; его красивое лицо и живой, проникательный умъ обратили на него вниманіе императрицы Екатерины II, сдѣлавшей его камергеромъ и приблизившей его къ себѣ. Онъ не замедлилъ создать себѣ массу враговъ; его тщеславіе, самонадѣянность, острый и колкій умъ, страсть критиковать и вмѣшиваться во все вскорѣ сдѣлали его невыносимымъ. Наконецъ, его высокоуміе утомило императрицу, и она вѣжливымъ образомъ отдѣлалась отъ него, отправивъ его въ 1794 г. въ качествѣ посла въ Неаполь. Приѣхавъ туда, онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ напечатать сатирическіе стихи противъ королевы Каролины; но и этого оказалось недостаточно для него, и онъ совершилъ непростительную для посла ошибку, принявъ участіе въ редактированіи крайне рѣзкаго памфлета, направленного противъ королевы, приказавшей удалить его изъ Неаполя.

Когда онъ приѣхалъ на русскую границу, онъ былъ арестованъ по повелѣнію императрицы и отправленъ въ изгнаніе въ Пермь, гдѣ и оставался до самой кончины Екатерины II.

Когда, послѣ кончины императрицы, его опала кончалась, Головкинъ, послѣ нѣкотораго пребыванія при дворѣ Павла Петровича, отправился путешествовать по Европѣ; онъ поселялся поочередно во Франціи, Флоренціи, Вѣнѣ, Берлинѣ, лишь изрѣдка, подобно «быстро меркнущему метеору», появляясь въ Петербургѣ. Принимаемый всюду съ раскрытыми объятіями до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, его злой языкъ не создавалъ вокругъ него пустоты, онъ вращался постоянно въ высшихъ свѣтскихъ и политическихъ сферахъ того времени, повидимому считая себя необычайнымъ государственнымъ и дипломатическимъ умомъ, такъ какъ попеременно онъ упрекаетъ всѣхъ монарховъ и даже Вѣнскій конгрессъ за то, что они не слѣдовали его совѣтамъ. Но это чрезмѣрное и

смѣшное самолюбіе не лишаетъ цѣнности его тонкихъ наблюденій, остроумныхъ характеристикъ и сообщаемыхъ имъ новыхъ фактовъ.

При всемъ томъ Головкинъ былъ не чуждъ и литературной дѣятельности. Не говоря объ имѣвшей для него столь плачевныя послѣдствія его попыткѣ выступить сатирикомъ—памфлетистомъ королевы, при которой онъ былъ аккредитованъ, онъ напечаталъ романъ «Княгиня д'Амальфа»—подражаніе рыцарскимъ романамъ, и сборникъ «писемъ изъ Лозанны». Безспорно лучшее изъ его произведеній, его мемуары, ждутъ еще своего появленія на свѣтъ.

Къ концу своей жизни Головкинъ поселился въ Лозаннѣ, въ Швейцаріи, гдѣ и умеръ въ 1823 году.

Обращаясь къ выдержкамъ изъ его воспоминаній, мы считаемъ необходимымъ оговорить, что хотя онѣ и носятъ отчасти анекдотическій характеръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны согласиться съ г. Перей, что «при ихъ кажущемся легкомысліи онѣ часто даютъ возможность подмѣтить ту или другую характерную черту, лучше обрисовывающую описываемую личность, чѣмъ болѣе серьезный и, повидямому, глубокій анализъ».

Головкинъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ такое время, когда царствование Екатерины II находилось въ полномъ своемъ блескѣ; но, несмотря на обаяніе, которое она производила на всѣхъ приближавшихся къ ней, воспоминаніе о предшествовавшемъ царствованіи было еще слишкомъ живо, и графъ Федоръ выслушивалъ изъ устъ современниковъ императрицы Елисаветы любопытныя подробности о ней. Извѣстно, что она придавала громадное значеніе своей красотѣ, по истинѣ замѣчательной; поэтому и ея туалетъ, по словамъ Головкина, игралъ въ ея жизни самую главную роль. Она прилагала одинаковое стараніе какъ для того, чтобы нравиться офицерамъ и ослѣплять простыхъ солдатъ, такъ и для того, чтобы очаровывать князей и вельможъ, русскихъ или иностранныхъ, составлявшихъ ея дворъ. Она оставалась благодарна войскамъ за ихъ поведеніе при восшествіи ея на престолъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовала съ того времени такой ужасъ къ революціямъ и переворотамъ, что помня, что послѣдній изъ нихъ произошелъ ночью, никогда, даже зимою, не ложилась спать раньше разсвѣта.

Головкинъ особенно останавливается на ея привычкахъ къ изящному и на своеобразномъ деспотизмѣ, съ которымъ она подчиняла имъ своихъ первыхъ вельможъ и придворныхъ дамъ.

Описавъ правильныя черты лица, величественный ростъ и изящную осанку, изысканныя и обдуманныя позы государыни, Головкинъ рассказываетъ, что все великолѣпіе и вниманіе Елисаветы Петровны сосредото-

точивались на своей личности, и исторія ея изящества заключаетъ въ себѣ что-то сказочное. Во время ея туалета передъ нею выставляли весь ея гардеробъ, и она переставала примѣрять платья лишь тогда, когда ей казалось, что она осуществляетъ собою идеаль красоты. Графъ Иванъ Чернышевъ рассказывалъ Головкину, что, добившись ея согласія прѣхать къ нему въ загородный домъ крестить его перваго ребенка, онъ въ утро дня, назначеннаго для крестинъ, получилъ увѣдомленіе, что императрица велѣла пустить себѣ кровь, и что онъ не будетъ имѣть чести видѣть ее у себя. Тѣмъ не менѣе, послѣ полудня верховой пажъ галопомъ прискакалъ сообщить ему, что она сейчасъ прѣдетъ. Дѣйствительно, нѣсколько мгновеній спустя, Елисавета Петровна появилась въ открытомъ экипажѣ. Она лежала на матрацахъ и подушкахъ изъ чернаго атласа, одѣтая въ газъ и съ рукою на пышной перевязи изъ красно-сѣраго газа. Она не пожелала сойти, оставалась очень долго, не покидая избранной ею живописной позы, и уѣхала лишь вполнѣ увѣренная въ восхищеніи всѣхъ собравшихся.

Подъ вліяніемъ постоянной заботы объ осуществленіи жившаго въ ней идеала красоты, Елисавета Петровна нисколько не заботилась объ удобствахъ другихъ и требовала слѣпаго повиновенія всѣмъ своимъ малѣйшимъ желаніямъ въ особенности, въ области мелкихъ подробностей домашней жизни, такъ какъ въ области политики она охотно поддавалась чужому вліянію и, по словамъ Головкина, больше задумывалась надъ выборомъ туалета, чѣмъ надъ заключеніемъ союза или согласіемъ подписать докладъ министра.

Придворные балы и спектакли по преимуществу давали ей возможность одѣвать ея чудные туалеты, задуманные съ рѣдкимъ искусствомъ; но, когда, случайно, сочетаніе не удавалось такъ, какъ она желала этого, она совсѣмъ не выходила изъ своихъ апартаментовъ.

«Начало придворныхъ баловъ и спектаклей разъ на всегда было назначено на шесть часовъ вечера,—говорить Головкинъ,—никто не смѣлъ не прибыть на нихъ, но часто императрица появлялась на нихъ лишь въ одиннадцать, а часто въ одиннадцать гофмаршалъ возвѣщалъ, что она не выйдетъ, и что можно разѣзжаться».

Если вѣрить Головкину, императрица была враждебнымъ врагомъ каждой красивой женщины, и въ особенности красавицы изъ придворныхъ быстро становились предметомъ ея нерасположенія. Въ особенности это испытала на себѣ жена оберъ-егермейстера Нарышкина, урожденная Балкъ. У нея были чудные волосы—и она получила приказаніе обрѣзать ихъ. Она была сложена, точно изваяніе, и придворное платье только отбѣняло совершенство ея бюста—и она получила приказаніе носить это платье безъ фижмы. Тогда-то ей пришла въ голову мысль заказать въ Англіи фижмы съ пружинами. Она прѣѣзжала ко двору точно

божество, затмевая всѣхъ своею тальею, своимъ нарядомъ и видомъ. Въ то же мгновеніе, когда появлялась императрица, пружины падали, и платье и талья теряли свою прелесть; но, какъ только императрица удалялась, пружины снова оказывали свое дѣйствіе.

Понятно, что непрерывное разнообразіе туалетовъ императрицы требовало значительнаго количества всевозможныхъ платьевъ и принадлежностей къ нимъ, но никто не подозрѣвалъ, до какой цифры доходило оно. Головкинъ опредѣляетъ его слѣдующимъ образомъ:

«Императорскій гардеробъ послѣ смерти императрицы Елисаветы, — говоритъ онъ, — достигалъ такихъ необычныхъ размѣровъ, что его хватало вплоть до царствованія Александра I, т. е. въ теченіе полустолѣтія, не только на всѣ придворные карусели, кадрили, балеты и спектакли, но и на убранство цѣлыхъ церквей, облаченія для священниковъ и на украшеніе алтарей, какъ въ городѣ, такъ и во дворцахъ».

Въ смыслѣ пристрастія къ нарядамъ и модамъ Екатерина II представляла полную противоположность Елисаветѣ Петровнѣ. При этомъ она и въ области моды хотѣла оставаться прежде всего русскою.

«Съ самаго своего восшествія на престолъ, — говорятъ Головкинъ, — она пожелала воспользоваться любовью, которую проявляли Орловы къ народнымъ обычаямъ, любовью, которая скорѣе являлась у нихъ слѣдствіемъ незнанія ими иностранныхъ обычаевъ, чѣмъ слѣдствіемъ опредѣленнаго рѣшенія вернуться къ стариннымъ костюмамъ. Они, а также нѣсколько другихъ придворныхъ, появились въ этихъ длинныхъ одѣяніяхъ, такъ хорошо обрисовывающихъ станъ молодыхъ людей и придающихъ столь величественный видъ старикамъ. Рѣдчайшіе мѣха лишь усиливали великолѣпіе чудныхъ матерій, а звѣзды и орденскія ленты казались на нихъ еще болѣе достойными зависти; но Чернышевы, Шуваловы, Строгановы, выдвинутые Елисаветой, обнаружили столь живое огорченіе, такъ кричали о святотатствѣ, что пришлось отказаться отъ этого».

Дамы не добились того же успѣха относительно удовлетворенія ихъ требованій: императрица сама подавала примѣръ простоты и полной независимости отъ капризовъ моды. Она стала носить открытое и широкое платье съ двойными рукавами, сохранившееся подъ названіемъ русскаго. Женщины ея возраста послѣдовали этой созданной ею модѣ, а для молодыхъ, умиравшихъ отъ тоски, что онѣ должны одѣваться не такъ, какъ въ Парижѣ, ее нѣсколько видоизмѣнили. Но такъ какъ быть допущенною на малые балы въ Эрмитажѣ считалось большою милостью, а на нихъ можно было являться лишь въ такихъ платьяхъ, то молодыя женщины были вынуждены хвалить этотъ костюмъ и носить его.

*

Вліяніе Екатерины въ области свѣтской жизни сказалось не на однихъ туалетахъ.

«Едва она вступила на престолъ, какъ въ тонѣ и манерахъ произошелъ полный переворотъ. Трудно было бы объяснить, какимъ образомъ женщина, перенесенная столь юною изъ прусскаго гарнизоннаго городка въ среду двора, наполовину нѣмецкаго, приобрѣла безукоризненные вкусы, которыми вполнѣ естественно восторгались въ ней и которые обнаруживали скорѣе личность, воспитанную въ лучшемъ парижскомъ обществѣ, чѣмъ самодержицу всея Россіи».

По словамъ Головкина это слѣдуетъ приписать близкому знакомству Екатерины въ ея юности съ графомъ Понятовскимъ, «самымъ безукоризненнымъ человѣкомъ въ Европѣ по своимъ хорошимъ манерамъ и по хорошему тону своей вѣжливости и своихъ рѣчей. Тогда она желала быть только женщиной и достойною его, и любовь въ связи съ глубиною юнаго возраста совершила чудо». Дѣйствіе подобнаго примѣра на русское общество было волшебное, и, начиная съ 1765 года, въ Петербургѣ можно было наблюдать лишь парижскія и московскія манеры.

«Юность усвоила первыя, старики вернулись ко вторымъ, и карикатуры на русскихъ, скрещенныхъ съ нѣмцами, сразу исчезли».

Но даже такой легкомысленный предметъ для наблюденій, какъ дамскія моды, даетъ возможность Головкину подмѣтить въ Екатеринѣ одну черту, составляющую существенную особенность ея характера—любовь ко всему русскому и высокое мнѣніе обо всемъ русскомъ, благодаря чему она, быть можетъ, и стала столь популярной «матушкой-Екатериной», «матушкой-государыней».

Явная любовь Екатерины къ стариннымъ костюмамъ и обычаямъ вовсе не была простой причудой съ ея стороны; въ ея умѣ, по справедливому наблюденію Головкина, жаль плачь » снова обнаружить народъ» («genationaliser la nation») и поднять русскихъ въ ихъ собственныхъ глазахъ.

Она увидала, что порядокъ вещей, противоположный тому, который былъ установленъ Петромъ I, являлся единственнымъ лекарствомъ противъ развивавшихся болѣзней, порожденныхъ его преобразованиями.

«Когда послѣ Кайнарджійскаго мира всевозможные успѣхи окутали ее атмосферою славы, когда она увидала, что въ глазахъ ея народа на каждомъ изъ ея начинаній лежитъ печать удачи, она позволила проникнуть въ свою тайну, и тогда всѣ поняли, что она хотѣла царствовать надъ русскими, надъ великимъ народомъ, а не надъ какими-то выродками».

Питая отвращеніе къ крайнимъ средствамъ, предпочитая обольще-

ніе приказаніямъ, она, казалось, по отношенію къ себѣ допускала только одно самолюбіе — то, которое ей приписывали ея подданные. Слова «Россія», «русскіе» она произносила съ какимъ то почтительнымъ самоудовольствомъ, и когда случалось, что ее хвалили за что-нибудь, она отвѣчала съ серьезнымъ видомъ: «это исходитъ не отъ меня, а обусловлено великими судьбами Россіи». Всегда и во всемъ она старалась скромно ступеваться передъ этими магическими для русскаго сердца словами, пытаясь вселить во всѣхъ твердое убѣжденіе, что Россію ждетъ блестящее будущее: льстя народному самолюбію, она будила въ русскіихъ самосознаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ завоевывала свою популярность.

Сама съ восторгомъ отзываясь о русскіихъ, Екатерина придавала огромное значеніе тому, чтобы и другіе такъ же говорили о нихъ. Поэтому легко себѣ представить замѣшательство интимнаго кружка императрицы, когда однажды оберъ-штальмейстеръ Нарышкинъ, вообще позволявшій себѣ нѣкоторыя вольности языка, вдругъ обратился къ ней со слѣдующимъ замѣчаніемъ, сказаннымъ съ самымъ невнятнымъ, почти дѣтскимъ видомъ:

«Государыня, въ теченіе моего дѣтства и юности о русскіихъ говорили, какъ о самомъ послѣднемъ изъ народовъ; ихъ называли медвѣдами и даже свиньями; за послѣднее же время, и совершенно справедливо, ихъ ставятъ выше всѣхъ извѣстныхъ народовъ. И вотъ я желаю бы, чтобы ваше величество соблаговолили сказать мнѣ, когда же, по вашему мнѣнію, мы стояли наравнѣ съ ними?»

Всѣ, слышавшіе это, покраснѣли, а императрица, никогда прежде не испытывавшая замѣшательства, вмѣсто всякаго отвѣта перемѣнила предметъ разговора.

Изъ воспоминаній Головкина объ императрицѣ Екатеринѣ интересенъ эпизодъ, относящійся къ пребыванію ея въ Царскомъ Селѣ, куда онъ часто сопровождалъ государыню, и прекрасно рисующій личность великой самодержицы.

«Это было въ 1792 году, въ юлѣ мѣсяцѣ,—пишетъ Головкинъ,—я занимался рисованіемъ подъ колоннадою греческихъ бань въ Царскомъ Селѣ. Туда же пришла императрица, прочитывая толстую пачку депешъ. Мы были одни; она читала, я рисовалъ, и лишь шелестъ листы нарушалъ безмолвіе этого чуднаго уголка. Вдругъ я взглянулъ на нее, быть можетъ, съ удивленіемъ. Она тотчасъ же встала, подошла ко мнѣ и, безъ дальнѣйшихъ околичностей, стала громко читать донесеніе объ одномъ изъ генераловъ. Вслѣдствіе своей самонадѣянности, неповиновенія онъ нагромоздилъ ошибку на ошибку, спрашивали ее инструкцій и относительно его и произведенной имъ путаницы въ дѣлахъ.

«Точно побуждаемая потребностью оправдаться въ своихъ собственныхъ глазахъ она съ живостью сказала мнѣ, что никогда не придавала

значенія этому человѣку, но что ему покровительствовалъ князь Потемкинъ и нѣсколько разъ заставлялъ другихъ рассказывать ей чудеса о немъ. Я молчалъ. Она стала ходить взадъ и впередъ; затѣмъ, черезъ нѣсколько минутъ, она снова вернулась ко мнѣ и проговорила съ глухими вздохомъ.

«О, если бы небо вмѣсто юбокъ дало мнѣ хорошія ласины, подобныя вещи не случалась бы! Я бы поручилась отвѣчать за все. Управляютъ при помощи глазъ, руки, а у женщины—одни глаза».

Рассказывая о графѣ Мамоновѣ, заносчивомъ и думавшемъ, что ему все позволено, Головкинъ передаетъ о слѣдующей въ высшей степени неумѣстной шуткѣ, которую тотъ позволилъ себѣ по отношенію къ одной изъ самыхъ приближенныхъ придворныхъ дамъ, очень некрасивой, но за свой важный видъ получившей отъ императрицы прозвище «королевы». Она служила для интимнаго кружка Екатерины мишенью для всевозможныхъ шутокъ, развлекавшихъ государыню, и вотъ Мамоновъ условился съ Сегюромъ заставить ее во время ея туалета. Поставленные ими шпіоны оказались на столько проворными, что, когда Мамоновъ съ Сегюромъ вошли къ ней въ комнату, она мѣняла бѣлье. Вышелъ большой скандалъ, и, хотя Екатерина много смѣялась по этому поводу вмѣстѣ съ Мамоновымъ, но хотѣла сдѣлать видъ, что ничего не знаетъ о происшедшемъ.

Однако, замѣчаетъ Головкинъ, по разсѣянности, или же изъ желанія позабавиться, она вдругъ замѣтила пострадавшей:

— У васъ очень разсерженный видъ. На кого вы сердитесь?..

Не получивъ никакого отвѣта, она воскликнула:

— Какъ? Вы даже не соблагородите отвѣчать мнѣ?

— Я удивлена, государыня,—возразила та,—что вы спрашиваете меня объ этомъ. Я думала, что, когда ваше императорское величество оказали мнѣ честь такъ приблизивъ меня къ своей особѣ, вы тѣмъ самымъ предохранили меня отъ возможности какихъ бы то ни было нахальныхъ выходокъ противъ меня.

Слѣдствіемъ этого отвѣта, смутившаго императрицу, было то, что оба виновника неумѣстной шутки получили приказаніе пойти извиниться.

Для характеристики личности Екатерины не лишентъ значенія рассказъ о неудавшейся попыткѣ оберъ-гофмаршала Барятинскаго уничтожить обычай, стоившій громадныхъ денегъ и заключавшійся въ томъ, что къ столу каждаго придворнаго подавали къ нему въ комнату до шестидесяти бутылокъ вина. Екатерина терпѣливо выслушала князя, а затѣмъ сказала ему:

— Я попрошу васъ, милостивый государь, никогда не предлагать мнѣ грошовой экономіи. Это было бы прекрасно гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, а у меня это было бы неприлично.

Благодаря этому обычаю, одинъ изъ придворныхъ, состоявшій при великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ, составилъ себѣ въ теченіе тридцати лѣтъ лучшій погребъ въ имперіи.

Но не допуская мысли, чтобы малѣйшее ограниченіе расходовъ Двора отзывалось на другихъ, она охотно принимала реформы, касавшіяся ея лично, и, какъ бы она ни мечтала о приобретеніи какихъ-либо произведеній искусства, когда у нея не было денегъ, она не поддавалась искушенію.

— Исчезни, сатана, или дай мнѣ рублей! — говорила она комическимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ огорченнымъ тономъ тому, кто соблазнялъ ее покупкой.

Насколько было сильно обаяніе, которое императрица оказывала на приближенныхъ къ ней лицъ, лучше всего доказываетъ слѣдующій случай съ княземъ де-Линь во время ея крымскаго путешествія, отчасти носящій на себѣ отпечатокъ средневѣковаго романтизма. Она обѣщала ему подарить храмъ Діаны, прославленный нѣкогда жертвоприношеніемъ Ифигеніи, и отъ котораго сохранилась до того времени лишь одна одиноко стоявшая колонна. Когда императорская флотилія приблизилась къ Партенницѣ, Екатерина, стоя на палубѣ возлѣ князя де-Линь, медленно протянула руку и, точно не замѣчая, что галера продолжала двигаться, проговорила:

— Князь де-Линь, я даю вамъ эти земли на лѣвомъ берегу Днѣпра.

Князь поцѣловалъ руку императрицы и, бросившись вплавь въ мундирѣ и съ оружіемъ, быстро достигъ берега, вырѣзалъ кинжаломъ имя императрицы на утесѣ Ифигеніи и тѣмъ же образомъ вернулся обратно. По словамъ Головкина, Екатерина была въ восхищеніи отъ этого рыцарскаго поступка, думая, что она является единственной героиней его, и только позднѣе князь сознался ей, что на другой сторонѣ утеса онъ вырѣзалъ имя дамы, занимавшей въ то время всѣ его мысли.

Де-Линь, расположеніе къ которому Екатерины особенно усилилось послѣ крымскаго путешествія, часто позволялъ себѣ противорѣчить императрицѣ, что, впрочемъ, повидимому, нравилось ей.

Однажды разговоръ шелъ о храбрости, и Екатерина замѣтила вдругъ:

— Если бы я была мужчиной, я была бы убита, не достигнувъ капитанскаго чина.

Князь де-Линь съ живостью возразилъ ей:

— Я несколько не вѣрю этому, государыня, такъ какъ я нахожусь еще въ живыхъ.

Императрица не поняла сразу и на мгновеніе замолкла, а затѣмъ принялась смѣяться надъ урокомъ скромности, преподаннымъ ей княземъ, отказавшимся повѣрить, чтобы она была храбрѣе его. Иногда

Екатерина выбирала его посредникомъ между собою и Мамоновымъ и была въ восхищеніи, когда онъ доказывалъ ей, что она не права.

Де-Линь страстно любилъ сады, и императрица часто совѣтовалась съ нимъ относительно украшенія Царскаго Села. Онъ рѣдко сходился съ нею во мнѣніяхъ, такъ какъ, по его словамъ, «она имѣла всѣ вкусы, не имѣя вкуса». Между прочимъ онъ много смѣялся надъ рѣчкой, прорытой по ея приказанію. Однажды въ этой рѣчкѣ утонулъ рабочій, и, какъ только Екатерина увидѣла князя, она тотчасъ же сообщила ему эту новость.

— Какъ, государыня, рабочій утонулъ въ рѣчкѣ вашего величества?

— Да, князь. Что вы скажете на это?

— Какой лстець!—воскликнулъ остроумный де-Линь.

Изъ воспоминаній Головкина о крымскомъ путешествіи императрицы Екатерины слѣдуетъ отмѣтить, при какой своеобразной обстановкѣ произошла встрѣча императрицы съ австрійскимъ императоромъ Іосифомъ— это было ихъ первое свиданіе послѣ долголѣтней разлуки, послѣдовавшей за ихъ близкимъ знакомствомъ.

Когда императорская флотилія приближалась къ Херсону, въ которомъ Екатерина должна была встрѣтиться съ Іосифомъ, она узнала, что онъ сухимъ путемъ отправился къ ней навстрѣчу. Она тотчасъ же сошла на берегъ и въ свою очередь поспѣшила навстрѣчу къ нему.

«Мы бѣжали такъ хорошо, — рассказывала она, — что встрѣтились среди поля, носъ къ носу. Первые слова, сказанныя имъ мнѣ, были слѣдующія: «политики ловко попались: никто не видѣлъ нашей встрѣчи». Онъ былъ со своимъ посломъ Кобенцелемъ, а я съ княземъ де-Линь и графиней Браницкой».

Затѣмъ Екатерина вмѣстѣ съ императоромъ Іосифомъ сѣли въ карету и отправились въ Кайдакъ: императоръ, думая, что будетъ обѣдать у императрицы, а она—разсчитывая на обѣдъ Потемкина. Между тѣмъ, Потемкинъ, не ожидавшій ихъ пріѣзда, отправился на сооруженіе какого-то новаго города, не заказавъ себѣ обѣда, и хотя и вернулся какъ-разъ въ-время, чтобы встрѣтить августѣйшихъ гостей, но достаточно поздно, чтобы предложить имъ обѣдъ. Тогда «великолѣпный князь Тавриды» немедленно самъ отправился на кухню вмѣстѣ съ принцемъ Нассаускимъ и графомъ Браницкимъ, и они принялись, кто какъ умѣлъ, готовить кушанья. Обѣдъ, конечно, вышелъ прескверный.

— Но несмотря на это, — говорила Екатерина, — ѣли, смѣялись и были довольны.

Возвращаясь изъ Крыма, императрица, какъ извѣстно, останавливалась въ Москвѣ; однажды она спросила де-Линь, какъ онъ находитъ этотъ городъ.

— Мнѣ представляется, — отвѣчалъ князь, — что я вижу четыреста или пятьсотъ домовъ вельможъ, которые они перекатали сюда на колесикахъ вмѣстѣ со своими деревнями, чтобы соединиться здѣсь и жить цѣлымъ обществомъ.

Пребываніе Екатерины въ Москвѣ даетъ поводъ Головкину высказать много интереснаго объ архіепископѣ Платонѣ. Платонъ былъ въ полной немилости у императрицы и долженъ былъ опасаться ея пріѣзда; онъ даже зналъ изъ тайныхъ донесеній, что Екатерина рѣшила заключить его въ Троицко-Сергіевскую лавру. Однако, по словамъ Головкина, онъ нисколько не тревожился этимъ, зная, что, если Дворъ не расположенъ къ нему, пока находится въ Петербургѣ, всѣ тучи разсѣиваются, какъ только онъ прибываетъ въ Москву; онъ производилъ на Дворѣ то же обаятельное впечатлѣніе, подъ которое подпадали всѣ, приближавшіеся къ нему.

Два дня спустя послѣ пріѣзда Екатерины праздновался его юбилей; приказъ объ отправленіи Платона на покой долженъ былъ быть отданъ тотчасъ послѣ обѣдни, но Екатерина, рѣшивъ такъ, не приняла во вниманіе краснорѣчія Платона и произнесенной имъ потрясающей проповѣди. Растроганная и взволнованная, она приказала сказать незамѣтно священнику, готовившемуся произнести ектенью, назвать въ ней Платона матрополитомъ. Такимъ образомъ, вмѣсто изгнанія, онъ достигъ вершины церковной іерархіи. Князь де-Линь наравнѣ съ другими поддался чарующему обаянію Платона.

«Еслибы вы узнали его, — писалъ онъ маркизѣ де-Куаньи, — вы бы до сумасшествія полюбили его. Вчера, выходя изъ его сада, княгиня Голицына испросила его благословенія; онъ сорвалъ розу, благословлялъ ее и съ безукоризненнымъ изяществомъ предложилъ ее княгинѣ».

«Платонъ, — пишетъ Головкинъ, — какъ и большинство русскихъ монаховъ, былъ самаго скромнаго происхожденія; обладая большимъ умомъ, которому сильное честолюбіе не позволяло заржавѣть, онъ былъ назначенъ законоучителемъ Павла I, еще въ бытность его великимъ княземъ; ему же было поручено ознакомить первую жену великаго князя съ языкомъ и религіей страны, и при Дворѣ онъ приобрѣлъ привычку, а, можетъ быть, и склонность къ интригамъ. Онъ былъ пріятливъ и добръ съ простымъ народомъ, обожавшимъ его, высокомеренъ и суровъ съ вельможами, которыхъ заставлялъ ухаживать за собою, и постоянно болѣе или менѣе неудобенъ для своего государя. Его враги называли его шарлатаномъ алтаря и кальвинистомъ въ глубинѣ души, но онъ никогда не служилъ безъ того, чтобы не растрогать до слезъ, никогда не произносилъ проповѣди, части которой не приводились бы потомъ, какъ цитаты. Послѣ этого въ тиши своего кабинета онъ

читалъ Вольтера, Гельвеція, Руссо, и говорилъ о нихъ съ полнымъ знаніемъ предмета».

По восшествіи своемъ на престолъ, императоръ Павелъ Петровичъ сталъ раздавать духовенству ордена и послалъ Платону ленту св. Андрея Первозваннаго, но тотъ отказался отъ нея, сославшись на то, что подобныя новшества противны церковнымъ уставамъ.

— Кавалеръ ордена,—сказалъ онъ,—долженъ взяться за мечъ, если его начальникъ прикажетъ ему это, а рука священника, взявшагося за оружіе,—проклата.

Разсерженный этимъ отказомъ, Павелъ Петровичъ объявилъ, что будетъ помазанъ на царство петербургскимъ митрополитомъ, а московскій—Платонъ будетъ только присутствовать при этомъ въ своемъ же кафедральномъ соборѣ. Однако, пріѣхавъ Москву для коронаціи, онъ забылъ запретить Платону встрѣтить его въ Петровскомъ дворцѣ, а митрополитъ, почти умирающій, велѣлъ свести себя туда.

«Наканунѣ онъ пріобшася,—говоритъ Головкинъ,—и я самъ отправился достать ему стаканъ воды, думая, что приближается его послѣдній часъ. Я помогъ ему подняться на ротонду. Императоръ, войдя, нахмурилъ брови при видѣ его и, если бы только было возможно, запретилъ бы ему привѣтствовать себя. Платонъ началъ свою рѣчь почти угасшимъ голосомъ; онъ имѣлъ видъ мученика первобытной церкви, стоящаго передъ римскимъ префектомъ, но затѣмъ, одушевляясь постепенно, наговорилъ такихъ прекрасныхъ вещей, что для того, чтобы лучше слышать его, кругъ слушателей мало-по-малу сплотился вокругъ него. Императоръ пораженъ, митрополитъ замѣчаетъ это, его голосъ крѣпнеть, краснорѣчіе увлекаетъ его; взволнованный императоръ ловить себя на слезѣ, императрица даетъ полную волю своимъ слезамъ, все собраніе растрогано. Тогда-то онъ громовымъ голосомъ призываетъ благословеніе на новаго императора и производитъ такое поразительное впечатлѣніе, что ихъ величества бросаются къ его рукамъ, точно для того, чтобы не упустить его. Никогда я не видѣлъ болѣе трогательной сцены».

Головкинъ передаетъ, что, когда Павелъ Петровичъ, еще въ бытность свою великимъ княземъ, послѣ кончины своей первой жены, обнаруживалъ такое неутѣшное горе, что даже опасались за его рассудокъ и его жизнь, принцъ Генрихъ Прусскій, находившійся тогда въ Петербургѣ, придумалъ, какъ средство спасти цесаревича отъ его печали, обвинить покойную великую княгиню въ недостаточной вѣрности супружескому долгу; для этой цѣли были пущены въ дѣло не только подложныя письма, но и Платонъ, бывшій духовникомъ Натальи Алексѣевны, въ виду благости цѣли — спасти цесаревича отъ его горя, согласился подтвердить распущенную клевету, сказавъ великому князю, что узналъ

объ этомъ изъ собственнаго признанія усопшей, сдѣланнаго ею на предсмертной исповѣди.

Напечатанные отрывки изъ воспоминаній Головкина о Россіи не идутъ по времени далѣе приведеннаго нами эпизода съ митрополитомъ Платономъ во время коронаціи императора Павла Петровича. Изъ его воспоминаній, относящихся къ позднѣйшему времени, г. Перей напечаталъ лишь подробное описаніе фантастическаго по обстановкѣ и роскошнаго праздника, который былъ устроенъ въ честь Головкина въ Эпиней, во Франціи, кружкомъ его великосвѣтскихъ друзей, повидимому, желавшихъ вѣсколько подурочить его, воспользовавшись его чрезмѣрнымъ тщеславіемъ. Въ данномъ случаѣ его тщеславіе могло быть польщено вдвойнѣ, такъ какъ этотъ праздникъ породилъ неудовольствіе въ Парижѣ, и Головкину былъ данъ дружескій совѣтъ, постараться не вызывать подобныхъ торжествъ во время войны. Это обстоятельство встревожило Головкина, онъ былъ готовъ ожидать отъ Савари, отъ котораго исходилъ данный ему совѣтъ, всего худшаго, но, пишетъ онъ, «звѣзда его повелителя поблѣднѣла, и скорѣе должна была заняться великая заря, обезпечившая честнымъ людямъ возможность взаимно любить другъ друга».

Такимъ образомъ, напечатанные отрывки изъ воспоминаній Головкина почти не касаются царствованія императора Павла и совершенно не затрогиваютъ эпохи Александра I, но, въ интересахъ любителей нашей старины, будемъ надѣяться, что записки эти не замедлятъ явиться на свѣтъ уже не въ выдержкахъ, а полностью.

Сообщилъ Н. Шильдеръ.

О сборѣ податей всякою монетою и банковыми ассигнаціями.

Высочайшій указъ псковскому губернатору Пшяю.

26 апрѣля 1788 г. С.-Петербургъ.

Признали мы за нужное предписать всѣмъ нашимъ генераламъ-губернаторамъ, правящимъ ту должность въ отсутствіи же ихъ губернаторамъ о подтвержденіи казеннымъ палатамъ, губерскимъ, областнымъ и уѣзднымъ казначействамъ, дабы при сборѣ личныхъ податей, съ народа установленныхъ, приемлема была монета всякая, въ имперіи нашей ходячая или банковыя ассигнація, ея представляющія, конхъ перевозъ и доставленіе еще выше облегчителенъ, не дѣлая въ томъ никому ни малѣйшаго принужденія или притѣсненія подь страхомъ суда и неизбѣжнаго взысканія за преступленіе противу указовъ нашихъ. Соизволяемъ, чтобы наши генералы-губернаторы, правящіе ту должность, и губернаторы въ непремѣнномъ и точномъ сего исполненіи особливое имѣли бдѣніе, и въ случаѣ увѣдомленія ихъ или жалобы о какихъ-либо въ томъ притѣсненіи или принужденіи, виновныхъ отсылали къ суду для законнаго осужденія. Подтверждаемъ при томъ, чтобы въ казначействахъ хранямы и куда слѣдуетъ доставляемы были деньги, разумѣя въ монетѣ и въ банковыхъ ассигнаціяхъ, тою самою монетою, какою они въ казначейство вступили, не позволяя имъ самимъ инако промѣнивать, какъ буде то отъ начальства для надобности казенной или же для выгоды и облегченія народнаго приказано будетъ. Пребываемъ впрочемъ вамъ императорскою нашею милостію благосклонны.

ПИСЬМА И. И. БЕЦКАГО КЪ ИМПЕРАТРИЦЪ ЕКАТЕРИНЪ ВТОРОЙ.

31-го августа минувшаго 1895 года исполнилось сто лѣтъ со дня кончины И. И. Бецкаго, одного изъ сподвижниковъ великой императрицы, съ именемъ котораго неразрывно связаны представленія объ учрежденіи воспитательныхъ домовъ въ Москвѣ и Петербургѣ, объ основаніи воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ (извѣстнаго, въ обыкновенной разговорной рѣчи, подъ именемъ Смольнаго монастыря), о дальнѣйшемъ развитіи С.-Петербургской Академіи Художествъ, о преобразованіи сухопутнаго шляхетскаго корпуса и т. д. Но помимо этаго Иванъ Ивановичъ Бецкій долгое время пользовался благосклоннымъ расположеніемъ Екатерины II, любившей проводить вечера въ разговорахъ съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, видѣвшимъ много любопытнаго во время продолжительнаго пребыванія своего за границею.

Тѣмъ не менѣе, однако, несмотря на цѣлое столѣтіе, прошедшее съ той минуты, какъ Бецкій, пережившій всѣхъ своихъ сверстниковъ, былъ опущенъ въ могилу, почти забытый всѣми,—до настоящихъ дней, не только не сдѣлано надлежащей и безпристрастной оцѣнки всей дѣятельности этого по истинѣ замѣчательнаго и для своей эпохи совсѣмъ своеобразнаго человѣка, но по какой-то особенной странности до настоящаго времени не имѣется даже обстоятельнаго его жизнеописанія, сколько-нибудь основаннаго на положительныхъ данныхъ. Большинство же статей, посвященныхъ разсказамъ о его жизни, имѣютъ какой-то легендарный характеръ, сообщая о немъ свѣдѣнія противорѣчивыя и весьма сомнительныя. Хотя и признается всѣми, что онъ былъ незакон-

ный сынъ фельдмаршала князя Ивана Юрьевича Трубецкаго, взятаго шведами въ плѣнъ подъ Нарвою въ 1700 году, и что онъ родился въ Стокгольмѣ, но относительно вопросовъ, когда онъ родился и отъ кого? является разнорѣчіе. Высказываютъ, что этотъ незаконный сынъ Трубецкаго, извѣстный впоследствии подъ именемъ Бецкаго, родился въ 1702 году, въ 1703 и даже 1704 году; равнымъ образомъ одни указываютъ, что матерью его была нѣкая баронесса Вреде; другіе—графиня Спарре (обѣ фамиліи весьма извѣстныя въ Швеціи), а третьи утверждаютъ, что простая шведка. Относительно ранней молодости и того, гдѣ этотъ Бецкій получилъ образованіе, существуетъ такое же разногласіе. Говорятъ, что онъ воспитывался въ Копенгагенскомъ военномъ корпусѣ, въ Лейпцигскомъ университетѣ, въ университетѣ въ г. Або, что поступилъ на службу въ датскую кавалерію и т. д. Все это, конечно, говорится голословно, безъ указанія какихъ-либо источниковъ. Болѣе достовѣрными являются рассказы о послѣдующей его служебной дѣятельности въ Россіи, когда онъ является уже камергеромъ при дворѣ великаго князя Петра Феодоровича (будущаго императора Петра III) и его супруги Екатерины Алексѣевны, въ началѣ царствованія которой Бецкій является дѣятельнымъ ея сотрудникомъ преимущественно по устройству воспитательныхъ заведеній въ нашемъ отечествѣ. Достигнувъ глубокой старости онъ умеръ въ 1795 году, не оставивъ прямыхъ наследниковъ, такъ какъ жевать не былъ. Имущество свое онъ завѣщала отчасти нѣкоторымъ учебнымъ заведеніямъ, отчасти своей воспитанницѣ (по предположенію нѣкоторыхъ—своей незаконной дочери) Настасьѣ Ивановнѣ Соколовой, извѣстной камеръ-юнгферѣ императрицы, вышедшей замужъ за адмирала Рибаса, а отчасти и самому Рибасу, находившемуся въ то время при постройкѣ города Одессы и ея укрѣпленій¹⁾. Это обстоятельство, т. е. отсутствіе прямыхъ наследниковъ, безъ сомнѣнія повліяло на то, что бывшая бібліотека Бецкаго и также всѣ его бумаги и переписка съ множествомъ лицъ, съ которыми онъ былъ въ сношеніяхъ по несомнѣннымъ на то указаніямъ, неизвѣстно куда исчезли, такъ что по настоящее время извѣстны только очень немногія письма какъ самого Бецкаго, такъ и адресованныя къ нему разными лицами, въ томъ числѣ и императрицею Екатериною II. Означенныя письма были напечатаны разновременно въ «Русскомъ Архивѣ», «Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества» и въ «Чтеніяхъ Московскаго общества исторіи и древностей».

Отсутствіе подобнаго рода матеріала, чрезвычайно важнаго для уясненія личности Бецкаго и его характера, заставляетъ его біографа

¹⁾ См. письма Рибаса къ графу Алексѣю Разумовскому. Дѣло госуд. архива, XI разр., № 1317.

ограничиваться тѣмъ о немъ свѣдѣніями, которыя могутъ быть почерпнуты изъ различныхъ дѣлъ, хранящихся въ архивахъ тѣхъ разнообразныхъ учрежденій, которыя находились въ его завѣдываніи. Поэтому матеріаломъ для біографіи Бецкаго, въ особенности для выясненія его личности, характера и отношеній къ другимъ лицамъ, его современникамъ, являются по преимуществу, если не исключительно, различные отрывочныя и притомъ весьма краткія свѣдѣнія и указанія встрѣчающіяся во многихъ сочиненіяхъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, а по преимуществу въ дошедшихъ до насъ письмахъ, запискахъ и воспоминаніяхъ различныхъ лицъ, болѣе или менѣе ему современныхъ.

Такая относительная бѣдность документовъ и свѣдѣній, несомнѣнно достовѣрныхъ относительно личности и характера Бецкаго, заставляетъ придавать тѣмъ болѣшую важность немногимъ, до насъ дошедшимъ письмамъ самого Бецкаго, и въ числѣ ихъ безспорно наиболѣе важными являются письма его къ самой императрицѣ Екатеринѣ II, довѣріемъ и благосклоннымъ расположеніемъ которой Бецкій пользовался нѣкоторые годы своей долговременной жизни. Писемъ этихъ до настоящаго времени было весьма немного, но намъ удалось познаться съ доселѣ неизвѣстными письмами Бецкаго къ Екатеринѣ II, хранящимися въ Государственномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, (дѣло № 930, XI разряда) изъ коихъ нѣкоторыя и предлагаемъ вниманію читателей.

1.

Москва сего 31-го X (декабря) 1762.

Къ сожалѣнію, не имѣю времени, всемілостивѣйшая моя государыня, пространно рассказать вамъ то, что сообщу въ краткихъ словахъ. Ваши безпокойства раасѣялись; г. баронъ остается здѣсь. Онъ не безъ достоинства, онъ желаетъ и умѣетъ нравиться. Не легко расхулить предъ нашею августѣйшею императрицею чья-либо достоинства. Она всегда судитъ сама собою; ничто не ускользаетъ отъ ея пронизательности. Я сто разъ перечислялъ вамъ у васъ въ комнатѣ всѣ качества, которыя я за вами замѣтвлъ, при чемъ вы всегда мнѣ отвѣчали: «ей Богу, мой генералъ, мнѣ кажется вы въ меня влюблены». Будемъ, однако, говорить о другомъ, какъ вы это желаете. Я зналъ заранѣе, какое впечатлѣніе произведутъ сообщенныя мною подробности на такое сердце, какъ ваше; предусматриваю примѣрно тѣ вопросы, какіе вы мнѣ можете предложить, и имѣю готовыми самыя удовлетворительныя на нихъ отвѣты. Никогда задача, столь неожиданная какъ и желанная, не была такъ чудесно осуществлена и такъ прочно устроена! Какое основаніе

можетъ быть прочтѣ общаго единомыслія сердець и умовъ. Я вамъ напишу не письмо, а панегирикъ, если предамся теперь всѣмъ чувствамъ, пробуждаемымъ во мнѣ мыслью, которую вы изволите себѣ составлять о моемъ счастьѣ, не поддающемся описанію. Всѣ минуты моей жизни посвящены служенію самой обожаемой изъ всѣхъ государынь и, какъ вы изволите угадывать сами, должны быть для меня чрезвычайно пріятны. Какъ жаль, что вы не можете очутиться среди насъ; какъ восхитилъ бы вашъ очаровательный голосъ ту божественную принцессу, которой, какъ вы изволите предполагать, должно не нравиться то, что вы называете «вараксанье». Мнѣ очень непріятно сообщить вамъ о бесполезности вашихъ напоминаній; я имѣю приказаніе ея величества не обращать вниманія на вашу воркотню и продолжать свое дѣло. Я не опасюсь быть забытымъ въ понедѣльникъ, среду и пятницу и за завтракомъ, пока ваше величество сохраните ваше ко мнѣ расположеніе. Я постоянно говорю объ этомъ съ Настасьей или вашимъ весельчакомъ, значительною теперь особою. Вашъ вкусъ предвѣстилъ ей счастье, достойное дружбы, ожидавшей ее въ Россіи. Ваше величество были бы восхищены простодушіемъ ея мыслей, доставляющихъ удовольствіе этой принцессѣ, и благосклонностью, съ которою она вкушаетъ ихъ остроумную смѣлость. Курьеръ скоро уѣзжаетъ, и я, къ сожалѣнію, принужденъ окончить письмо, увѣривъ васъ, что никто на свѣтѣ не можетъ васъ уважать и васъ любить болѣе меня, хотя я имѣю приказаніе ваше предоставлять вамъ меня бранить сколько угодно, но только не мѣшать дѣлать дѣло.

Имѣю честь быть преисполненнымъ живѣйшей искренности, о которой не могу достаточно часто заявлять вамъ и всему вашему любезному обществу, вашъ покорнѣйшій и послушнѣйшій слуга ¹⁾

Г. Настасья свидѣтельствуетъ вамъ свое уваженіе и благоговѣніе.

П р и п и с к а д р у г о ю р у к о ю . Постороннимъ не дозволяется вѣ-

¹⁾ Письмо это писано Бецкимъ изъ Москвы, куда онъ отправился, какъ начальникъ канцелярш строеній и садовъ ея величества, вскорѣ по вступленіи императрицы Екатерины на престолъ, для различныхъ распоряженій по предстоящему коронованію. Что касается особы, именуемой Настасья, — то это, конечно, Настасья Ивановна Соколова, жившая въ домѣ Бецкаго и бывшая камеръ-юфферой императрицы. Упоминаемый въ письмѣ баронъ — весьма вѣроятно баронъ Гольцъ, прусскій повѣренный въ дѣлахъ, имѣвшій не за долго передъ тѣмъ, 22 ноября, аудіенцію (см. „Камеръ-Фурьерск. Журналъ“ 1762 года, стр. 48) въ Кремлѣ.

Соколова была воспитана въ домѣ Бецкаго и жила у него въ домѣ, даже и по выходѣ замужъ въ 1776 году 27-го мая (см. „Камеръ-Фурьерск. Журналъ“ 1776 г., стр. 257) за извѣстнаго впоследствии основателя и строителя г. Одессы Осипа Михайловича Рибаса, въ то время шляхетнаго корнуса капитана, умершаго въ 1800 году въ чинѣ адмирала.

шиваться въ разговоръ; но непреодолимое желаніе выразить вамъ уваженіе, которое оказываетъ вамъ весь свѣтъ, одерживаетъ верхъ надъ другими соображеніями, а признательность за всѣ ласки, оказанныя вами покойной принцессѣ Ангальтъ, слишкомъ велика, чтобы о ней умолчать; браните меня много, но мое чувство высказалось; я давно уже таила его въ душѣ моей. (Подписи не имѣется).

Приписка вторая, рукою Бецкаго. Барону Кайлю и князю Дмитрію Голицину шлю искренній привѣтъ. Курьеръ слишкомъ спѣшить; не могу имъ писать теперь; приберегаю это до слѣдующаго раза.

2.

Москва, мая 9-го дня 1767 года.

Вижу, что у вашего величества Никита великъ человекъ, кланецца ему паеду сегодня, тожъ и другимъ присоветую ¹⁾). Приемлю смѣлость препроводить вашему величеству рукопись о потомствѣ, полученную отъ Фальконета, вмѣстѣ съ письмомъ ко мнѣ; я затрудняюсь только дать отвѣтъ о бюстѣ. Газеты переданы по принадлежности. Прошу васъ изъ милости, государыня, продолжайте сообщать мнѣ какъ счастливыя извѣстія о вашемъ драгоценномъ здравіи, такъ и о довольности, въ которой вы находитесь, и мнѣ не останется ничего болѣе желать на этомъ свѣтѣ. ²⁾).

¹⁾ Первые двѣ строки написаны въ письмѣ на русскомъ языкѣ; мы ихъ привели дословно съ сохраненіемъ правописанія довольно своеобразнаго.

²⁾ Письмо это было уже напечатано равнѣ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1865 г. на стр. 494, при чемъ къ письму слѣдено примѣчаніе, что подъ именемъ Никитки очевидно разумѣется Никита Ивановичъ Панинъ и совершенно неизвѣстно, что разумѣть должно подъ словами рукопись о потомствѣ, полученную отъ Фальконета, такъ какъ такого сочиненія Фальконета не имѣется. Съ правильностью и основательностью обонхъ примѣчаній затрудняемся согласиться. На какомъ основаніи слово Никитка должно означать безусловно Никиту Ивановича Панина и никого другаго? Авторъ примѣчанія ничѣмъ не подтверждаетъ своего предположенія и не указываетъ даже того, чтобы Екатерина II, или Бецкій когда либо называли такъ, хотя бы и въ шутивомъ тонѣ, наставника наследника престола, пользовавшагося, какъ извѣстно, уваженіемъ и расположеніемъ Екатерины II. Одно только происхожденіе слова Никитка отъ Никиты (имени Панина) не даетъ ни малѣйшаго основанія утверждать, что словомъ Никитка означается въ этомъ письмѣ именно Панинъ.

Самымъ сильнымъ доводомъ противъ высказаннаго предположенія является слѣдующее обстоятельство. Въ письмѣ своемъ къ императрицѣ, написанномъ дней чрезъ пять, шесть послѣ письма отъ 9 мая того же 1767 года, Бецкій

3.

Сего 14-го мая.

Всемилоствѣйшая государыня! Радость обывателей Ярославла должна была быть безмѣрною, увидавъ второй разъ свою милостивѣйшую монархиню. (Во время предпринятаго путешествія по Волгѣ.)

Обществу вашего величества недоставало только перо Дидеро или

опять въ припискѣ къ письму упоминаеть о Никитѣ и говорить положительно Никитка Андреевъ рожденъ марта 28 день 1764 года и т. д. принесенъ ноября 26 того же года. Кто же этотъ Никитка?

Въ журналъ Московскаго Опекунскаго Совѣта за 1767 и 1768 годы (книга № 6) отъ 27 апрѣля на стр. 24 записано что: „Ея императорское величество всемилоствѣйше удостоила своимъ присутствіемъ заведенный изъ ея милосердія воспитательный домъ двадцата апрѣля 1767 года и высочайшее свое удовольствіе оказати изволила, при чемъ въ знакъ высочайшаго своего къ сямъ питомцамъ прирѣнія, сверхъ пожалованной въ состоящую въ томъ домѣ замкнутую и заечатанную кружку сумми, особливо пожаловала воспитываемому двухлѣтнему мальчику подъ № 530, Никитѣ по крестному отцу Андреевичу сыну, триста червоныхъ, въ коихъ російскихъ имѣеть быть 675 рублей, для отдачи въ банкъ и возвращенія ему по возрастѣ.“

Изъ этого очевидно что Никитка, упоминаемый въ этихъ письмахъ Бецкаго, несомнѣнно няето другой какъ одинъ изъ мальчиковъ московскаго воспитательнаго дома, находившійся въ домѣ при посѣщеніи онаго императрицею. На возникающей вопросъ, чѣмъ онъ обратилъ на себя вниманіе Екатерины II и заслужилъ ея особенную къ нему милость, казалось бы всего естественнѣе отвѣтити, что ровно ничѣмъ, и что этимъ онъ обязанъ случаю. Императрица, желая оставить среди питомцевъ воспоминаніе о посѣщеніи сего дома, сочла удобнымъ наградить кого либо изъ малютокъ (совершенно безразлично кого именно)—суммою денегъ, которая могли быть съ равнымъ основаніемъ даны и ребенку подъ № 530, или подъ другимъ номеромъ. Точно также при вторичномъ своемъ посѣщеніи дома въ началѣ 1768 года императрица, какъ объ этомъ записано тоже въ журналѣ Опекунскаго Совѣта 19 января 1768 года на стр. 64 и 65, сочла нужнымъ пожертвовать въ домъ десять тысячъ рублей и сверхъ того воспитанницѣ подъ № 106 Аксиньѣ Васильевой сто червоныхъ, „съ тѣмъ чтобы оныя употребить въ банкъ до выхода ея“. Теперь случай благоприятствовалъ Аксиньѣ какъ прежде Никитѣ, безъ всякихъ конечно съ ея стороны къ тому поводовъ.

Такимъ образомъ согласно журнала Московскаго Опекунскаго Совѣта 1767—1768 годовъ очевидно можно остановиться на томъ, что имя Никитка означать вовсе не Никиту Ивововича Панива, а просто принесеннаго въ Московскій воспитательный домъ двухлѣтняго ребенка Никиту Андреева, записаннаго подъ № 530.

Мы немного долѣе остановились на разъясненіи этого повидимому не имѣющаго значенія вопроса, кого разумѣть надо подъ словомъ Никитка, потому что выраженное въ „Русскомъ Архивѣ“ возвращеніе, что подъ этимъ разумѣть должно Никиту Ивововича Панива раздѣляется и нашимъ извѣстнымъ исто-

Фальконета, чтобы составить описаніе, вполне достойное такого прекраснаго путешествія.

Оставшіеся въ городѣ министры будутъ расказываться, вида какъ хорошо принимаютъ ихъ сотоварищи. Но никто ничего не теряетъ. Это бѣдняжки, которые не обладаютъ ни талантомъ, ни способностью хорошо смотрѣть. Признаюсь откровенно, что для меня очень оскорбительно, что не участвую въ этомъ путешествіи.

Ахъ, всемілостивѣйшая государыня, какъ красиво было вчера Дѣвичье Поле! Необходимо представить себѣ дворянъ обоаго пола, зады-

рикомъ С. М. Соловьевымъ, который говоритъ, что именно въ этомъ письмѣ выражается сильное ея расположеніе къ Панину, сильное неудовольствіе на его важное значеніе и что вообще стараются удалить Панина изъ дворца (см. т. XXVI стр. 268). А между тѣмъ это письмо именно этого то и не доказываетъ, такъ какъ въ немъ о Никитѣ Панинѣ вовсе не упоминается. Остаются только проишествіи извѣстное: *A c'est ainsi qu'on écrit l'histoire...* и удивиться какъ легко принимаются на вѣру всякаго рода догадки и предположенія даже такими учеными какъ С. М. Соловьевъ, и на основаніи ихъ заявляется о нерасположеніи императрицы къ Панину. Коль скоро падаетъ эта догадка, то должно значительно поколебаться и утверждаемое, на основаніи этой догадки, заявленіе о нерасположеніи Екатерины II къ Панину.

Что же касается выраженія „рукопись о потомствѣ полученную отъ Фальконета“,—выраженія для автора примѣчанія къ сему письму въ „Русскомъ Архивѣ“ непонятнаго и недснаго,—то благодаря изданной въ 1876 году Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ переписки Фальконета съ императрицею Екатериною II, (т. 17 Сборника сего общества) смыслъ этихъ словъ становится совершенно яснымъ. Между философомъ Дидеротомъ и художникомъ Фальконетомъ, до отъѣзда его изъ Франціи, шелъ споръ о томъ, какое значеніе въ глазахъ художника долженъ имѣть судъ потомства (см. т. 17 Р. И. Общ. стр. 6, 8 и приложенія № 8 на стр. 25).

Они долго препирались между собою по этому поводу и, не будучи въ состояніи придти къ какому либо соглашенію, положили, по предложенію Дидеро, разрѣшеніе этого вопроса предоставить усмотрѣнію Екатерины II. Каждый изъ нихъ представилъ императрицѣ записку (рукопись) свою по этому вопросу.

Объ одной изъ этихъ рукописей, именно составленной Фальконетомъ, говорится въ этомъ письмѣ г. Бецакаго; онъ ее получилъ отъ Фальконета и препровождаетъ императрицѣ Екатеринѣ II, которая, какъ видно изъ 17 тома Сборника (стр. 10), письмомъ своимъ 1767 г. 7-го іюня, изъ угла Азіи (изъ Симбирска) отвѣтила Фальконету на занимавшій его вопросъ не совсѣмъ прямо и положительно, но на столько ясно, что Фальконетъ понялъ, что Екатерина раздѣляетъ скорѣе взглядъ Дидеро на этотъ вопросъ и совѣтуетъ ему броситься въ объятія потомства т. е. работать не для однихъ современниковъ, но и для потомства. Весь этотъ споръ Фальконета съ Дидеро впрочемъ, какъ вѣрно замѣтила императрица, напоминаетъ споръ богословіа: одинъ говоритъ прямо—а работаю для потомства; другой—а не презираю потомства, но хочу дѣлать хорошо и желаю одобренія современниковъ (стр. 11).

*

жавшихся отъ пыли, которыхъ толкала, сбивала съ ногъ и давила другая толпа, состоявшая изъ самой низкой черни и множества челяди; бѣдныя дамы въ особенности едва дышали. Это называлось удовольствіе прогулки. Прилагаю при семъ письмо князя Голицына изъ Парижа, сейчасъ только что полученное мною, а также напечатанный списокъ купленныхъ картинъ, которыя ваше величество отмѣтали.

На оборотѣ письма имѣется слѣдующая приписка:

№ 530. Никитка Андреевъ рожденъ марта 28 день 1764 года въ приходѣ церкви Николая Чудотворца что въ Березьевкѣ, гдѣ и крещенъ; при немъ крестъ мѣдный и рубашка. Принесенъ ноября 26-го дня того же года. Вотъ что извѣстно про г. Никитеу (M. Niquitca).

4.

Сего 19-го мая 1767 года.

Всемилоствѣйшая государыня! Прилагаю при семъ письмо Фальконета, а также списки благородныхъ дѣвицъ, принятыхъ въ монастырь и непринятыхъ, а также дѣвицъ изъ вольноотпущенныхъ. Убѣжденъ, что не ускользнуть отъ пронизательности вашего величества пять сверхъ комплектныхъ дѣвицъ въ послѣднемъ списокѣ. Ихъ, какъ мнѣ сказали, побудили принять настоятельныя просьбы ихъ родителей, предпочитающихъ воспитаніе, даваемое дѣтямъ разночинцевъ ихъ собственному: четыре дѣвицы—дочери офицеровъ, а пятая—дочь актера Дмитревскаго. Не знаю, разрѣшите-ли это ваше величество, такъ какъ этотъ первый примѣръ можетъ заставить опасаться большихъ злоупотребленій въ будущемъ.

Согласно съ соображеніями, выраженными въ письмѣ Фальконета, отданы были надлежащія приказанія и въ недавнемъ времени повторены; ваше величество по возвращеніи своемъ изволите рѣшать на счетъ мѣста. Не осмѣливаюсь присоединить къ письму подробныя описанія перемовій приѣма въ Академію Художествъ шестидесяти мальчиковъ, такъ какъ описанія эти слишкомъ длинны.

Приписка, сдѣланная другою рукою. Дѣло сдѣлано ваше величество; мое сердце подчиняется вашимъ приказаніямъ. Оно перестало биться, но прыгаетъ отъ радости. Я не удивляюсь болѣе тому, если голова идетъ кругомъ у лицъ, которымъ ваше величество дѣлаете честь удостоивать своими письмами. Въ ту минуту, что говорю съ вами, я не ручаюсь за свою голову. Здѣсь удивляются легкости и непринужденности вашего слога и стыдятся, что сами не въ состояніи писать точно такъ же; между прочимъ вице-канцлеръ говорилъ

что былъ бы счастливъ имѣть секретаря, который писалъ хотя бы на половину хуже. Мы ходимъ всякое воскресенье къ обѣднѣ и стоимъ смиренно, спокойно какъ ваше величество насъ приучили. Не правда-ли государыня, что я права; нашъ ребенокъ пятилѣтній для своихъ лѣтъ очень милый ребенокъ; все ли попрежнему овладѣваетъ онъ вашими вязальными иглами. Чтобы вполне походить на ворону извѣстной басни, моему карканью не достаетъ кусочка сыра. Единственно по ошибкѣ въ послѣдній разъ вашему величеству послали четыре тома, такъ какъ два—«Исторія Англіи» были излишними.

5.

Сего 25-го мая.

Всемиловѣйшая государыня! Изъ трехлѣтняго опыта надъ старшими воспитанниками въ Академіи Художествъ ваше величество усмотрите, что имѣются большія надежды на успѣхъ остальныхъ, изъ числа переведенныхъ изъ Кадетскаго корпуса. Меня до безконечности льститъ, что всѣ предпріятія моей самодержицы исполняются по ея желанію. Признаюсь откровенно, что сначала не было ни малѣйшей надежды въ отношеніи первыхъ. Вотъ однако что мнѣ пишетъ Кокоринъ и инспекторъ, такъ какъ только при выпускѣ все обнаруживается: «Не могу оставить донести, что Академія учтивствами и снисхожденіемъ его пр. И. Ѳ. Глѣбова и П. Д. Еропкина весьма довольна, которые по довольному примѣчанію, видя хорошіе поведенія и поступки выпускающихся учениковъ, поручили мнѣ изъ оныхъ рекомендовать каждому по одному для обученія дѣтей ихъ. Предства имъ столь съ самими, квартиру, всѣ услуги и жалованья на какое согласны будутъ.»—(Этимъ уже очень много достигнуто Всемиловѣйшая государыня, большое поощреніе для остальныхъ).—Три пансіонера, которые удостоились прошлаго года получить золотыя медали, а именно: живописецъ Гриневъ, скульпторъ Шубинъ и архитекторъ Ивановъ на будущей недѣлѣ отправятся на легкомъ кораблѣ съ прочими пассажирами прямо въ Голландію.—Старшая дочь графа П. Гр. Чернышева, будучи въ Академіи, обвѣщала мнѣ прислать для посмотрѣнія сдѣланный ею проектъ дому со всѣми раздѣленіями, а изъ сего думаю, что сіе съ намѣреніемъ видѣть какъ отзовется; можетъ быть что сообщество Академіи для такой знатной дѣвицы и лестно.

Гр. воспитанники 5-го класса дѣлаютъ мнѣ честь приходить ко мнѣ по отдѣленіямъ, по очереди, всякое воскресенье обѣдать и проводить часть дня на инспекціи. Смѣю завѣрить, что невозможно лучше вести

себя как они; я самъ въ восторгѣ. Три пансіонера, которые поѣдутъ, кромѣ рекомендательныхъ писемъ отъ Академіи и вашего величества къ Дидеро и де-Лаливѣ, имѣютъ еще и другія письма, которыя я имъ далъ къ нѣкоторымъ частнымъ лицамъ, очень почтеннымъ, совѣты и указанія которыхъ будутъ имъ очень полезны, какъ въ отношеніи частной жизни вообще, такъ и для установленія разумной экономіи въ расходахъ, чтобы одинъ рубль въ карманѣ могъ замѣнить три; это самое существовавшее для иностранцевъ въ неизвѣстныхъ имъ странахъ.

Письмо мое вышло слишкомъ длинно; я не смѣю долѣе утруждать ваше величество.

6.

Сего 6-го іюня

Всемилютейшая государыня! Приказаніе о татарскомъ языкѣ, присланное изъ Казани отъ 30-го числа, будетъ передано въ подлинникѣ въ совѣтъ корпуса для неуклоннаго исполненія.

Сѣмена овощей и другихъ садовыхъ растеній, съ указаніями какъ ихъ воздѣлывать, пойдутъ въ дѣло въ свое время, т. е. осенью. По предположеннымъ правиламъ изъ дѣтей воспитательнаго дома должны современемъ выходить въ достаточномъ количествѣ отличные садовники; объ этомъ будутъ увѣдомлены дворянскія общества. Надо признаться, что ваше величество заботитесь о всемъ, и мы до сихъ поръ бы не знали воздѣлыванія зелени и овощей, безъ которыхъ нашъ обѣденный столъ былъ бы довольно плохъ; этому никто не повѣритъ.

Сынъ оренбургскаго губернатора будетъ принятъ въ корпусъ, если только онъ будетъ доставленъ какъ можно скорѣе, такъ какъ приказаніе о его приѣмѣ будетъ дано завтра же.

Ахъ, всемилютейшая государыня, какъ я недоволенъ управленіемъ корпуснаго совѣта! По истинѣ ихъ образъ мыслей унижаетъ ихъ и дѣлаетъ имъ стыдъ. Только одинъ г. Эмме смотритъ на дѣло правильно, понимаетъ и судитъ разумно о всѣхъ вашихъ правилахъ и постановленіяхъ, что ваше величество изводите, по возвращеніи своемъ, усмотрѣть и сами изъ особаго мнѣнія, поданнаго имъ по поводу доклада его членовъ-сослуживцевъ, который я только-что получилъ. Кромѣ того, я случайно прочелъ въ газетахъ позорное объявленіе, которое они сдѣлали относительно учителей иностранныхъ языковъ: (что имъ стоить только показаться въ корпусъ, чтобы быть принятыми). Возможно ли себѣ представить, чтобы послѣ всего сказаннаго и повтореннаго во всѣхъ уставахъ, инструкціяхъ и правилахъ, утвержденныхъ вашимъ

величествомъ, о томъ, какое важное значеніе должно придавать выбору подобныхъ лицъ, они могли бы смѣшать ихъ съ простыми мужиками, длиннородными плутами и тому подобными лицами, о чемъ я буду имѣть честь доложить вашему величеству. Я далъ имъ, по секрету, знать, чтобы они были осторожнѣе и не торопились.

Прилагаю при семъ одно письмо, полученное отъ г. Молина ¹⁾ и отъ дѣвицы, а также ящикъ съ двумя дынями и арбузомъ. Миѣ сообщаютъ, (хотя пока это и не совсѣмъ достовѣрно), что въ монастырѣ все идетъ хорошо, хотя тамъ было болѣе 60-ти больныхъ, какъ въ благородномъ, такъ и въ мѣщанскомъ отдѣленіяхъ, изъ числа которыхъ умерло двое; онѣ были изъ числа послѣдніе принятыхъ.

7.

Сего 12-го іюня.

Всемиловѣйшая государыня! Тысячу разъ извиняюсь, ваше величество, если не въ состояніи выразить все, что мои мысли и размышленія представляли моему уму въ ту минуту, какъ я окончилъ читать ваше, чрезвычайно любопытное, письмо къ Вольтеру. Образъ мыслей и возвышенные философскіе взгляды, выражаемые вами, приводятъ въ восторгъ до удивленія и, конечно, дадутъ еще болѣе высшія понятія, чѣмъ доселѣ имѣлись о прекрасномъ геніи и еще болѣе о благородствѣ и скромности вашей прекрасной души. Чтобы убѣдиться въ правильности моего сужденія, позволю себѣ нескромность (что бы на это ни говорила моя повелительница) прочесть это письмо всѣмъ, (могущимъ) умѣющимъ слышать.

Хотя лицу себя счастьемъ послѣзавтра увидѣть ваше величество, по вашему возвращеніи сюда, тѣмъ не менѣе посылаю при семъ персики и вишни въ двухъ пачкахъ. Это только-что полученные фрукты изъ Москвы.

8.

С.-Петербургъ, сего 26-го мая, 1768 года.

Всемиловѣйшая государыня! Состояніе моего здоровья въ продолженіе почти трехъ недѣль не позволяетъ миѣ отправлять обязан-

¹⁾ Молина — вѣроятно баронъ Осипъ Ивановичъ де-Молина, почетный любитель вашей Академіи Художествъ (см. Адресъ-Календарь на 1767 г. стр. 102).

ности, на меня возложенныя. Во избѣжаніе отвѣтственности не передъ Богомъ, видящимъ глубину моей души и всѣ сокровенныя пути моего сокрушеннаго сердца, но передъ вашимъ императорскимъ величествомъ и всѣмъ обществомъ—этими строгимъ судьей—осмѣливаюсь представить почтительнѣйше, всемилостивѣйшая государыня, о необходимости назначить кого-либо другого для завѣдыванія всѣми дѣлами, на меня возложенными. Это тѣмъ болѣе необходимо, чтобы ничто не пострадало и что дѣло идетъ о чести и славѣ вашего императорскаго величества. Дозвольте, всемилостивѣйшая государыня, мнѣ съ глубочайшимъ уваженіемъ и полнѣйшею покорностью, до послѣднихъ минутъ моей печальной жизни, дерзать считаться вашего величества преданнѣйшимъ и ревностнѣйшимъ слугою.

Р. С. Господианъ Польманъ, сообщившій мнѣ указъ вашего величества, котораго я считаю честнымъ человѣкомъ, можетъ по совѣсти представить вашему императорскому величеству о положеніи, въ которомъ я нахожусь, а также графъ Минихъ и князь Голицынъ, вице-кампелеръ, видѣвшіе меня недавно. Запечатывая это письмо я получалъ еще изъ Парижа при семъ прилагаемыя письма.

9.

С.-Петербургъ, сего 19-го января 1776 года.

Всемилоствѣйшая государыня! Первое мое раченіе—исполнить мою обязанность—написать вамъ. Поэтому сообщу вамъ, что если небу угодно услышать мои моленія о благополучномъ путешествіи и возможно скорѣйшемъ возвращеніи вашемъ, то моя всемилостивѣйшая государыня будетъ вполнѣ удовлетворена и не будетъ ничего имѣть, чего бы пожелать для ея полного спокойствія, благополучія и славы. Приготовленія къ путешествію и самый отъѣздъ вашего величества воспрепятствовалъ вамъ дать мнѣ положительныя приказанія по моему докладу о постройкѣ для генерала Потемкина (это самое первое дѣло, съ котораго я долженъ начать, чтобы все просохло къ его прѣезду), а также по докладу объ основномъ капиталѣ банка для содержанія общества благородныхъ дѣвицъ, оставшемуся также неутвержденнымъ вами.

Предъ отъѣздомъ вашему величеству угодно было благосклонно мнѣ заявить, что вы будете ходатаемъ бѣдныхъ московскихъ дѣтей передъ императрицею; приѣмлю смѣлость вамъ напомнить эти утѣшительныя слова.

Но благополучіе этихъ несчастныхъ зависитъ отъ образа дѣйствія

поставленныхъ надъ ними лицъ. Какую любовь, какое рвеніе, какое мужество и какое безкорыстіе будутъ проявлять новые попечители въ этой важной отрасли управленія, если заслуги прежнихъ опекуновъ останутся безъ вознагражденія, несмотря на торжественныя обѣщанія, обнародованныя по всей имперіи. Всемилостивѣйшая государыня, я чрезвычайно опасаюсь, чтобъ отвращеніе дѣлать добро не истребило бы въ нихъ великодушное соревнованіе быть полезными отечеству, содѣйствуя благотворнымъ предположеніямъ вашего величества для ея народовъ. Это основательное замѣчаніе достойно сердца и души такой монархини, какъ ваше величество, и смѣю предполагать, что она удостоитъ оное своимъ вниманіемъ. Это, впрочемъ, милость, которую я ожидаю отъ ея материнской доброты.

Имѣю честь быть съ глубочайшимъ уваженіемъ, вашего императорскаго величества покорнѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ слугою и подданнымъ.

10.

С.-Петербургъ, сего 27-го января 1775 года.

Всемилостивѣйшая государыня! Всѣ ваши заведенія, благодаря Бога, пользуются добрымъ здравіемъ. Мы даемъ представленія и концерты какъ можно чаще. Но ничто насъ не утѣшаетъ отъ отсутствія нашей всемилостивѣйшей монархини. Я полагаю, ваше величество, что молодому человѣку ¹⁾, о которомъ идетъ рѣчь, не хорошо тамъ,

¹⁾ Словами молодой человѣкъ, господинъ, маленькій господинъ и т. д. несомнѣнно, означается, какъ это видно изъ дальнѣйшихъ писемъ, ребенокъ, впоследствии извѣстный подъ именемъ Алексѣя Григорьевича Бобринскаго. Онъ родился, какъ видно изъ записки Екатерины II, апрѣля 11-го числа 1762 года и отданъ на попеченіе гардеробмейстера императрицы Шкурина (см. Кобеко „Исторія Павла“, стр. 10), въ семействѣ котораго и росъ до 1775 года, не имѣя точно опредѣленнаго прозвища или фамиліи. Объ этомъ вопросъ возникъ уже впоследствии, когда младенецъ сдѣлался отрокомъ и перешелъ въ заведеніе Бецкаго. Изъ писемъ сего послѣдняго къ императрицѣ видно, что вопросъ этотъ обсуждался довольно долго. Что же касается матеріальнаго обезпеченія новорожденнаго, то объ этомъ Екатерина II подумала весьма скоро. Уже въ 1763 году, чрезъ посредство дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Сергѣя Васильева Гагарина, было куплено для императрицы у подпоручика Николая Ладыженскаго въ Тульской губерніи въ Епифановскомъ уѣздѣ село Спасское, Бобринки тожь, съ селомъ и деревнями за сто тысячъ рублей, которые и уполочены изъ Кабинета Дворцовой Канцеляріи (см. дѣло „Госуд. Архива“, XIV, № 209). Эта Бобринковская волость, вмѣстѣ съ другою, Бого-

гдѣ онъ находится. Вслѣдствіе этого, онъ, въ скоромъ времени, переселится ко мнѣ, дней на десять, чтобы его помѣшеніе просохло и находилось бы въ благоприятныхъ условіяхъ, какъ относительно чистоты воздуха, такъ и остальнаго. Князь мнѣ повторилъ это еще вчера, возвращаясь отъ себя, и сверхъ того добавилъ, что онъ (молодой человекъ) слабого тѣлосложенія. Я замѣчаю также и самъ, заставляя его посѣщать театры и собранія, что онъ очень застѣчивъ и боязливъ; я его сожалею, но, впрочемъ, надѣюсь, что его здоровье укрѣпится и, соотвѣтственно съ этимъ, онъ сдѣлается развязнымъ. Но на это надо время, чтобы я могъ принять надлежащія мѣры. Мнѣ сообщенъ былъ прилагаемый при семъ инвентарь его имущества. Ваше величество усмотрите изъ онаго, что онъ, во всѣхъ отношеніяхъ, не богатъ. При семъ прилагаю также письмо герцога Браганскаго, только-что мною полученное.

Остаюсь съ глубочайшимъ уваженіемъ вашего величества покорнѣйшимъ и нижайшимъ изъ вашихъ подданныхъ.

11.

С.-Петербургъ, 2-го февраля 1775 года.

Всемилоствѣннѣйшая государыня! Возможность принести и вамъ мои поздравленія по поводу быстрого путешествія вашего, является для меня утѣшительнымъ средствомъ къ облегченію сожалѣнія о вашемъ отсутствіи. Веселый и довольный тонъ вашего письма доказываетъ мнѣ ощущаемое вами удовольствіе. Говорятъ также, что на каждой станціи, отсюда до Москвы, остаются памятники вашей благотворительности; отъ всей души поздравляю васъ; я испытывалъ неописанное удовольствіе. Хотя Москва не что иное, какъ Испанья, вполнѣ справедливо, однако, что ваше величество находите свой дворецъ удобнымъ, и что онъ вамъ нравится. Но я сомнѣваюсь, что присутствіе ваше преобразуетъ городъ. Соблаговоляете, всемилоствѣннѣйшая государыня, принять моя почтительнѣйшія благодаренія за всѣ тѣ дѣльные отзывы, которыми

родичкою, поручены были тогда же въ завѣдываніе упомянутому выше князю Гагарину и въ то время заключали въ себѣ: первая волость — 3.578 душъ (1.694 тягла), а Богородицкая — 11.583 души (5.806 тяголъ), причемъ на тягло приходилось 15 десятинъ земли. Доходы съ этого имѣнія раздавались по завладнымъ на проценты равнымъ лицамъ (см. дѣло „Госуд. Архива“ X, № 316), которыя, конечно, не всегда исправно платили проценты и еще менѣе исправно возвращали капиталы.

вашему величеству угодно было меня удостоить относительно воспитательнаго дома Фениксъ, возникающій изъ пепла, является дѣломъ вашего состраданія. До чего домъ былъ бы доведенъ въ настоящее время! быть можетъ, вмѣсто того, чтобы быть доведеннымъ только до трети, онъ былъ бы совсѣмъ оконченъ, если бы не тормозила всячески, не тревожили я не дѣлали всякаго рода затрудненій, ежеминутно, всякими ухищреніями. Такъ какъ ваше величество предъ отъѣздомъ дозволяли мнѣ писать всю правду и говорить вамъ все, то я слегка воспользуюсь этимъ въ слѣдующемъ письмѣ. Не стану помогать видѣть затменіе, которое мнѣ предсказываетъ ваше величество, какое бы хорошее мнѣніе я ни имѣлъ о новомъ строеніи, потому что я почти убѣжденъ и по многимъ причинамъ, что оно въ состояніи выдержать блескъ, не будучи затменено. Совершенная правда, ваше величество, что я не получалъ никакого указа объ основномъ капиталѣ банка, такъ какъ г. Козминъ, увѣжая, завѣрилъ меня, что указъ еще не подписанъ.

Здоровье г-жи де-Лафонъ гораздо лучше; я очень этимъ доволенъ. Не замедлю съ большимъ стараніемъ исполнить любезное порученіе вашего величества. Припоминаю по этому поводу, что однажды г-жа дю-Барри послала четыре поцѣлуя Вольтеру, который сказалъ: «я умру при первомъ»; и, однако, онъ только десятью годами старше меня, и чтобы мнѣ помолодѣть, мнѣ придется дать двѣнадцать разъ пятьдесятъ поцѣлуевъ очаровательнымъ дѣвицамъ. Чего бы это ли стоило, я готовъ подвергнуться еще большей опасности, повинаясь приказаніямъ моей государыни. Графъ Орловъ долженъ быть теперь въ Ригѣ; я письменно сообщилъ ему о милостивомъ вниманіи къ нему вашего величества. Графъ Минихъ принялъ съ почтительнѣйшею признательностью доказательство памяти о немъ его августѣйшей государыни. Что же касается дѣвицы N, я не могъ уловить смысла ея престонароднаго говора: она принимаетъ смѣлость сама объясниться. Присоединяю при семъ письмо князя Голицына, изъ Гааги, съ каталогомъ эстамповъ, а также семь набросковъ рисунка герба для извѣстнаго лица, ¹⁾ которое передеть отъ меня въ корпусъ на слѣдующей недѣлѣ.

Получивъ ваши приказанія, я начну съ сегодняшняго дня строить аттикъ, а не мѣшанину надъ комнатами генерала Потемкина, какъ ваше величество усмотрите изъ прилагаемыхъ чертежей.

Остаюсь съ покорностью вашему величеству нижайшій и вѣрнѣйшій подданный.

¹⁾ А. Г. Бобринскаго.

12.

С.-Петербургъ, 10-го февраля 1775 года.

Всемилоствѣйшая государыня! Послѣднимъ письмомъ отъ 1-го числа сего мѣсяца ваше величество изволите подтверждать мнѣ, что вамъ лучше. Продолжайте, ваше величество, сообщать намъ всегда такія же удовлетворительныя извѣстія. Будьте увѣрены, всемилоствѣйшая государыня, что, отдавая мнѣ справедливость, вы изволите найти, что никто на свѣтѣ съ бѣльшею горячностью не желаетъ вамъ здоровья и не интересуется имъ, какъ я. Нахожу, что извѣстный намъ молодой чело-вѣкъ по своему характеру кротокъ, а по своей послушности—достоинъ любви. Но по какому-то предопредѣленію ему не довелось ранѣе попасть въ хорошія руки. Его робость, его невѣжество, его простой образъ мыслей возбуждаютъ жалость; всѣ его познанія ограничиваются французскимъ и нѣмецкимъ языками, немногимъ изъ ариметики и очень малымъ изъ географіи. Нечувствительный ни къ чему, не обнаруживая ни къ чему привязанности, ничто его не трогаетъ; разсѣянный, почти ничего не говорящій, безъ малѣйшей живости, охотникъ спать. Если намъ удастся когда-либо сдѣлать его развязнымъ,—что я и надѣюсь,—все будетъ достигнуто. Впрочемъ, онъ обладаетъ довольно красивою наружностью, имѣетъ нѣчто благородное въ себѣ. Весь день онъ со мною; я его вожу повсюду, стараясь, если возможно, привести его въ движеніе. Черезъ два дня я сдамъ его въ руки гувернера. Будьте увѣрены, ваше величество, что я ни на минуту не потеряю его изъ вида. Я называю его теперь Александръ Григорьевичъ, а по-французски м-г В. (Г. Б.) или просто В. Если вашему величеству угодно это одобрить—мы на этомъ и остановимся до дальнѣйшаго приказанія. Г. Шкуринъ передалъ мнѣ двѣ маленькія табакерки, золотой крестъ, кольцо и пару брилліантовыхъ запонокъ для рукавовъ.

Я все возвращаюсь къ прежнему; чрезъ шесть мѣсяцевъ станемъ говорить иначе. Надѣюсь, что ваше величество останетесь довольны. Прилагаю при семъ письмо г. Левшиной и два чертежа галлерей: одинъ—въ настоящемъ ея видѣ, а другой—въ томъ видѣ какъ предполагается ее отдѣлать. Если вашему величеству угодно одобрить, то эта передѣлка будетъ совершена между прочимъ и съ дѣлію сдѣлать нѣсколько тоньше самую стѣну, потому что если необходимо должно поставить колонны, то стѣна будетъ неизбѣжно вдвое толще, начиная съ основанія до карниза, который, будучи пересѣченъ исходящими углами надъ каждою колонною, будетъ представлять очень скверный видъ.

Я получилъ чрезъ г. Козьмина копію съ указа относительно воспи-

тательнаго дома въ Москвѣ, за который приношу мою искреннѣйшую благодарность. Последнюю субботу я передалъ герцогу Браганскому все что вамъ угодно было мнѣ приказать; я полагаю, что ничто на свѣтѣ не можетъ ему польстить болѣе.

Имѣю честь быть съ покорностію вашего императорскаго величества почтительнѣйшій изъ подданныхъ.

13.

С.-Петербургъ сего 17 февраля 1775 года.

Всеимпостивѣйшая государыня! Глубоко тронуть любезнымъ приглашеніемъ вашего величества на маскарадъ, мысль эта очаровательна. Но хотя и невѣжливо, но разрѣшите мнѣ отказать отъ этого удовольствія и притомъ по слѣдующей причинѣ. Наши ежедневныя представленія не заслуживаютъ презрѣнія; по крайней мѣрѣ мы не задохнемся въ нихъ. Ваше величество очень хорошо избрали 7-е число, пятое было бы слишкомъ замѣтно. Я долженъ теперь составить описаніе, чтобы помѣстить въ грамоту, которую буду имѣть честь прислать вашему величеству; въ двухъ полученныхъ мною проектахъ ея слишкомъ много болтовни, чтобы не сказать просто галиматъи. Вашему величеству угодно знать, примѣтилъ ли я въ извѣстномъ господинѣ ¹⁾ здравый смыслъ; вотъ мой на это отвѣтъ. Чтобы вполнѣ узнать природный его характеръ, наклонности и вкусъ, а также его расположеніе, возникающія въ немъ страсти, его умъ и сердце,—я держу его у себя дома вотъ уже три недѣли. Я могъ замѣтить, что онъ довольно учтивъ, и даже внимателенъ къ тѣмъ, кому надлежитъ; характеръ его не развитъ еще, но въ немъ кроется большая доля самолюбія и явное предрасположеніе къ дворянству, при чемъ онъ считаетъ ни во что все непринадлежащее къ сему послѣднему. Онъ обладаетъ большою проицательностію и очень живымъ понятіемъ; его умъ быстро и хорошо схватываетъ мысли. Онъ вѣтренъ и думаетъ со-всѣмъ о другомъ, когда съ нимъ говорятъ, онъ имѣетъ видимую наклонность къ военной службѣ. Что же касается его вкусовъ, его забавъ, его возникающихъ страстей и его привязанностей къ тѣмъ, къ которымъ онъ имѣетъ преимущественное расположеніе—то ко всему этому я замѣтилъ у него только полное равнодушіе, какъ и ко всему остальному. Онъ не дѣлаетъ никакихъ дѣтскихъ шалостей, онъ говоритъ не какъ ребенокъ, но скорѣе разсудительно; хочетъ всегда спорить и быть пра-

¹⁾ А. Г. Бобринскомъ.

вымъ, даже въ отношеніи лицъ умудренныхъ уже годами, опытомъ и ученіемъ. Онъ обладаетъ невѣроятнымъ расположеніемъ къ критикѣ и къ насмѣлкѣ, а также безчисленными предубѣжденіями противъ другихъ народовъ. Вотъ, всемилостивѣйшая государыня, вѣрное описаніе всего хорошаго и дурнаго въ немъ мною замѣченнаго, хорошее—у него отъ природы, все же худое является слѣдствіемъ дурнаго воспитанія, ему даннаго; въ немъ задушили хорошія побужденія его органовъ, чтобы сдѣлать машину обыденнаго послушанія. Но зло не безъ исправленія. Такъ какъ образъ его жизни въ настоящее время является совершенною противоположностію тому, который заставляли его вести ранѣе, то онъ становится внимательнѣе и болѣе разговорчивымъ и приобретаетъ повидному болѣе уваженія къ другимъ. Онъ теперь имѣетъ гораздо болѣе упражненій. Изъ опасенія, чтобы онъ не сдѣлался баловнемъ у меня въ домѣ (онъ постоянно играетъ и бѣгаетъ съ дѣвцею N по залѣ и въ саду). Я вручаю его послѣ завтра гувернеру, который, стараясь возбудить въ немъ любопытство ума и чувствительность сердца, сдѣлаетъ изъ него достойнаго человѣка; на эти два предмета, отъ которыхъ зависятъ познанія ума и качества сердца, не было обращено ни малѣйшаго вниманія. Въ немъ заглушили природную живость, а потому при очень маломъ движеніи и очень большой ѣдѣ, кровь у него скопилась въ такой мѣрѣ, что онъ почти ежедневно, разъ десять, имѣетъ кровотеченія изъ носу. Графъ Мвнихъ завтра же напишетъ по поводу двухъ экземпляровъ Энциклопедіи. Прилагаю при семъ описаніе, сдѣланное Мартинелли и нами рассмотрѣнное; безъ скорой помощи нельзя будетъ ничего потомъ сдѣлать. Ваше величество на столько владѣете итальянскимъ языкомъ, что мнѣ нѣтъ надобности переводить это описаніе. Остаюсь съ покорностію послушнѣйшій и внячайшій изъ слугъ вашего императорскаго величества.

14.

С.-Петербургъ, сего 20 февраля 1775 года.

Всемилоствѣйшая государыня! Послѣднимъ письмомъ моимъ отъ 17 числа сего мѣсяца я имѣлъ честь увѣдомить ваше величество, что извѣстный намъ маленькій господинъ будетъ передавъ въ руки гувернера—что и совершится немедленно по окончаніи сего письма. Онъ меня очень трогаетъ, онъ имѣетъ способности. Жду съ нетерпѣніемъ результата его опредѣленія въ корпусъ и на слѣдующей недѣлѣ буду имѣть честь прислать вамъ росписаніе его занятій для одобренія вашимъ

величествомъ. Вчера дѣвицы общества давали спектакль всей англійской компаніи и иностраннымъ негодіантамъ. Несмотря на то, что никто другой не допускался, было болѣе 400 человекъ — никогда спектакль вашего величества не былъ такъ многочисленъ; первую пьесою шла испанская комедія въ пяти актахъ: «Честолюбецъ и Нескромная», потомъ комическая опера: «Колдунъ», съ новымъ очаровательнымъ балетомъ; актрисы слѣдовательно были очень одушевлены. Дѣвица Пассекъ, игравшая роль «Нескромной», отличалась на славу; можно сказать, что она сыграла свою роль какъ прекрасная актриса. Во всѣ дни недѣли у насъ идутъ спектакли: кромѣ придворныхъ, въ обществѣ благородныхъ дѣвицъ, въ кадетскомъ корпусѣ и въ академіи. Здѣсь ходитъ весьма пріятный слухъ, будто вы позволили получить ратификацію отъ Высокой Порты въ надлежащемъ, законномъ видѣ. Имѣю честь принести по этому случаю мои искреннѣйшія поздравленія вашему величеству, тѣмъ болѣе что въ этомъ отношеніи было большое сомнѣніе. Прощайте всемилостивѣйшая государыня, будьте здоровы, всегда довольны, веселы; это единственное желаніе, которое я имѣю на этомъ свѣтѣ, виѣстѣ съ другимъ — быть очевидцемъ вашего пріѣзда, потому что томясь отъ нетерпѣнія броситься къ стопамъ вашимъ, не какъ монархини, но какъ дамы во всѣхъ отношеніяхъ очень любимой. Какъ жаль что не могу скинуть съ костей моихъ лѣтъ 20 или 30; вы бы надѣлали дѣлъ съ вашимъ весьма преданнымъ и весьма вѣрнымъ поклонникомъ!

При семъ прилагается небольшая записочка отъ дѣвицы ¹⁾.

15.

С.-Петербургъ, 23 февраля 1775 года.

Всемиловѣйшая государыня! Милостивое, остроумное и очаровательное письмо ваше отъ 16 числа сего мѣсяца, наполненное шутокъ и по истинѣ блестящихъ мыслей, заставляетъ меня все болѣе и болѣе удивляться быстротѣ вашего разума. Отчего нѣтъ у меня таланта отвѣчать на нихъ? Ваше величество увидѣли бы, что вашъ покорнѣйшій слуга преисполненъ рвенія проявить всѣ свои способности въ такой мѣрѣ, чтобы доказать, что я не люблю отставать отъ другихъ. Да, всемилостивѣйшая моя государыня, я начинаю догадываться, что вашему величеству угодно, чтобы я праздновалъ также 10 іюля во всѣхъ нашихъ заведеніяхъ. Если это вѣрно — исполнимъ это какъ сможемъ. Не думайте, ваше вели-

¹⁾ Этого приложенія нѣтъ въ дѣлѣ, но очевидно это записка Соколовой.

чество, мы большіе пріатели съ господиномъ, онъ находится теперь въ своей средѣ, въ корпусѣ; я все устроилъ, все сказалъ и все сдѣлалъ, чтобы изъ него вышелъ человекъ, соответствующій желаніямъ вашимъ. Повторяю еще разъ: черезъ шесть мѣсяцевъ мы поговоримъ объ этомъ положительнымъ образомъ. Я сдѣлаю новую стѣну въ галлерей во всемъ по приказанію вашему; но какъ мнѣ поручаться, что стѣна просохнетъ къ вашему пріѣзду, сдѣлавшись вдвое толще, чѣмъ ей надлежало быть. Масляница въ корпусѣ закончилась маскарадомъ, на которомъ былъ также маленькій господинъ, среди болѣе двухсотъ кадетъ, замаскированныхъ различнымъ и смѣшнымъ образомъ, не считая корпусныхъ гувернеровъ и гувернантокъ изъ общества дѣвицъ. Дозволенные вольности, разрѣшаемыя переодѣваніемъ, шалости дѣтства и юношества, веселость и живость—спутники этихъ возрастовъ,—живописное положеніе каждой маски, постоянно мѣняющіяся декораціи, изображавшія послѣдовательныя превращенія, одно необычайнѣе другаго, но все состоявшія однако изъ соответствующихъ картинъ, по истинѣ смѣшныхъ, по ихъ противопоставленіямъ,—производили волшебное впечатлѣніе, которое невозможно описать. Чтобы получить обо всемъ этомъ понятіе, необходимо было лично присутствовать и видѣть. Впрочемъ я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что среди шумнаго праздника дѣти не забывали оказывать вниманіе и уваженіе должныя полу, раздѣлявшему съ ними невинныя забавы. Я самъ два раза переряжался, чтобы все видѣть вполнѣ.

Имѣю честь быть какъ всегда покорнѣйшій слуга вашего императорскаго величества.

16.

марта 1775 (?).

Всемилоствѣйшая государыня! Вчера я получилъ отъ васъ два благосклонныхъ письма одно отъ 5-го марта по почтѣ, другое отъ 9-го числа съ посланнымъ отъ меня нарочнымъ. На первое письмо скажу, что не буду на него отвѣчать, такъ какъ я мало смыслю въ священномъ писаніи и еще менѣе въ еврейскомъ языкѣ, тогда какъ ваше величество знаете ихъ отлично. Вы мнѣ возрадите на это, что я глупецъ; согласенъ съ ѣтимъ, но отъ этого я не сдѣлаюсь болѣе свѣдущъ. Въ отношеніи втораго письма дозвольте мнѣ, всемилоствѣйшая государыня, высказаться откровенно, принявъ сторону, молодаго человека, мнѣ очень близкаго къ сердцу, изъ котораго мнѣ бы хотѣлось сдѣлать нѣчто хорошее, сколько по долгу, такъ какъ онъ порученъ мнѣ, столько же и по моей личной къ нему наклонности. Доставленные ему княземъ Гагаринымъ три отчета по имѣнію

возбуждаютъ сожалѣніе. Не стану входить ни въ какія подробности по сему дѣлу; это завело бы меня слишкомъ далеко; достаточно сказать, что въ продолженіе одиннадцатилѣтняго управленія, капиталы на основаніи разчета должны были бы удвоиться, тогда какъ теперь на дѣлѣ—они убавились на половину. Какая потеря! Мнѣ, быть можетъ, скажутъ, что эти капиталы употреблены на постройки и прочія работы. Тѣмъ хуже. Значительные расходы, сдѣланные на постройкахъ въ настоящее время, повлекутъ въ будущемъ бесполезныя издержки на ихъ содержаніе, безъ всякой пользы для владѣльца. Ваше величество мнѣ скажете, что все это не мое дѣло. Согласенъ; но по вышеназваннымъ основаніямъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, разрѣшено будетъ желать ему (т. е. Бобринскому) болѣе значительныхъ доходовъ, которые теперь очень скромны, а при дальнѣйшемъ существованіи подобнаго управленія, если вы не изволите принять мѣръ, сдѣлаются еще худшими, несмотря на то, что помѣстья находятся въ такомъ состояніи довольства, какое встрѣчается рѣдко въ имперіи. Все это громкія слова, которыя его нисколько не обогатятъ, въ теченіе семилѣтняго пребыванія его въ корпусѣ.

Мнѣ кажется, что ослицы, посланныя Кашкинымъ, должны быть теперь въ Москвѣ. Очень сожалею о болѣзни великой княгини; я увѣренъ, что все, что ваше величество изволите по этому поводу говорить, вполне согласно съ брошюромъ, которому я имѣлъ честь послать вашему величеству.

Сусанна и я очень сожалѣемъ, что въ этомъ году нѣтъ весенняго времени въ Царскомъ Селѣ для вашего величества. Посылаю при семъ книгу подъ заглавіемъ: «Опыты о садоводствѣ», полученную отъ князя Голицына изъ Гааги.

Имѣю честь быть съ покорностію и уваженіемъ И. Бецкій.

Прилагаю при семъ еще, всемилостивѣйшая государыня, росписаніе занятій для молодого господана.

17.

Сего 22-го марта 1775 года.

Всемилоствѣйшая государыня! Бѣдный Бушъ очень достоинъ сожалѣнія, какъ ваше величество изволите усмотрѣть изъ прилагаемаго при семъ его прошенія; въ ожиданіи вашихъ приказаній, всемилостивѣйшая государыня, я распорядился задержать унтеръ-офицера. Онъ (т. е. Бушъ) неутѣшенъ и лежитъ съ горя въ постели, несмотря на сдѣланныя ему кровопусканія. На другой день послѣ моей послѣдней отправки

письма я получилъ рапортъ г. Кашкина, что онъ собирается послать ослицъ: но это отмѣнено. Уже дней пятнадцать какъ я не получалъ никакихъ отъ васъ извѣстій, всемилостивѣйшая государыня. Маленькій господинъ совершенно здоровъ; онъ доволенъ и веселъ. Онъ вольтижируетъ, учится танцовать и дѣлаетъ упражненія съ ружьемъ, все это очень укрѣпить его тѣло и мускулы. Онъ имѣетъ чрезмѣрную охоту отпра- виться на это лѣто въ лагерь съ кадетами.

Прилагаю при семъ письмо г. Левшиной. Имѣю честь быть съ по- чтеніемъ и покорностію вашему величеству.

18.

Сего 23-го марта 1775 года.

Всеимилостивѣйшая государыня! Только что отправивъ вчерашнее мое письмо, я получилъ благосклонное письмо вашего величества отъ 17-го марта, на которое имѣю честь отвѣчать съ величайшимъ удовольствіемъ, такъ какъ вижу по письму вашему, что ваше величество здоровы, до- вольны и веселы. Одна мысль о наготѣ спутниковъ Мартини неоцѣ- ненна; что бы подумали объ этомъ въ Константинополѣ! Я какъ нельзя болѣе въ восторгѣ, что взгляды мои совпадаютъ со взглядами вашего величества, находя также бѣлыхъ дѣвицъ любезными; еще вчера онѣ проявили чудеса любезнымъ вниманіемъ и учтивостію въ отношеніи общества нѣмецкихъ гражданъ, приглашенныхъ къ нимъ на балъ. Хочу предполагать, что молодой господинъ будетъ настолько уменъ, что только свяжется съ добрымъ намѣреніемъ (т. е., вѣроятно, вступить въ бракъ законный) развѣ съ одною изъ числа ихъ; но заговоривъ о немъ я снова возвращаюсь къ старому. Неудобно ли будетъ вашему величеству окон- чательно рѣшить какъ его именовать, такъ какъ до сего времени его зовутъ по-русски Алексѣй Григорьевичъ а по-французски—m-g Alexis; необходимо, впрочемъ, ему имѣть прозвище, я полагаю, что коль скоро ваше величество рѣшитесь дать ему грамоту, одобренную вами, то не представится болѣе нужною еще какая-либо другая формальность, чтобы звать его просто А. Г. Бобриковъ.

Дѣвицы общества и госпожа Лафонъ съ покорностію повергаютъ себя къ стопамъ вашего величества. Что же касается урагана, который могъ бы похитить и меня, какъ вамъ угодно было выразиться, то я луч- шаго ничего не желаю.

Сегодня уѣхали отсюда въ Москву графъ Лаваль-Монморанси и Фуке, два молодыхъ путешественника изъ французовъ, которые цѣлый день ничего другаго не дѣлали какъ таскались по улицамъ, то пѣшкомъ, то

въ саняхъ, разумѣется съ тѣмъ чтобы обогатить свой умъ свѣдѣніями, благодаря руководству ихъ кормчихъ, которыми были князь Долгорукій и нѣкто Бибиковъ. Я вполне приготовился и распорядился, чтобы показать имъ вѣренныя мнѣ заведенія, академію, картинныя галлерей и т. д., но они не могли удостоить меня своимъ посѣщеніемъ въ продолженіе восьми или десяти дней пребыванія ихъ здѣсь въ городѣ, изъ чего я заключаю, что они вѣтреники, тѣмъ болѣе, что они даже не удостоили навѣстить тѣхъ изъ своихъ соотечественниковъ, которые могли бы мнѣ дать полезныя свѣдѣнія. Сію минуту меня извѣстили о смерти Моделя; это большая потеря, которую не скоро можно исправить. Сусанна преисполнена признательности вашему величеству за полученную отъ васъ записку. Зимній путь еще продолжается, мы ѣздимъ по рѣкѣ вдоль и поперекъ.

Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ вашего императорскаго величества.

P. S. Прилагаю при семъ забавное письмо, полученное изъ Дрездена отъ одной изъ дѣвицъ.

19.

С.-Петербургъ, сего 9-го апрѣля 1775 года.

Всемилюбвиѣйшая государыня! Не подлежитъ сомнѣнію, что, отвѣчая на ваше послѣднее письмо отъ 31 марта, я часто отъ души радовался всѣмъ прекраснымъ и умнымъ мыслямъ, которыми изобилуетъ голова императрицы; но только вы одинѣ умѣете распространять ихъ столь различнымъ образомъ. Очень радъ узнать о драгоцѣнномъ здоровіи вашемъ, столь для насъ дорогое. Хотя здоровье великой княгини и беспокоитъ ваше величество, но надо припомнить, что есть и другія болѣзни, причиняющія кровохарканье, которыя и не опасны. Но у семи нянекъ дитя безъ глаза (*viele Köche verderben oft die Brey*); болѣе спокойствія организму и менѣе докторовъ принесутъ гораздо болѣе пользы здоровью молодой княгини, несмотря на всѣ разглагольствованія докторовъ. Не за тѣмъ, всемилюбвиѣйшая государыня, извиняться за сравненіе меня съ Тома; напротивъ того, я польщенъ тѣмъ, что меня считаютъ лѣтъ 20 или 30 моложе; но къ несчастію обязанность давать вамъ отчеты о всемъ происходящемъ здѣсь заставляеть меня такимъ образомъ говорить.

Очень радъ узнать, что маленький господинъ будетъ впредь именоваться господиномъ Бобринскій (по-французски *monsieur Bobrinsky*) и Алексѣй Григорьевичъ Бобринскій—по-русски; это рѣшено и кончено. Я

полагаю, что г. Черкасовъ долженъ еще болѣе важничать чѣмъ обыкновенно, потому что онъ выигрываетъ у вашего величества пари всякій годъ. Я очень тронуть намѣреніемъ вашего величества посѣтить воспитательный домъ, но очень сомнѣваюсь, чтобы вы могли остаться довольными: есть множество причинъ, не допускающихъ это; повтому остается только желать этого, но не надѣяться.

Наша рѣка начинаетъ быть не надежною; вотъ почему я не былъ сегодня въ корпусъ. Г.г. кадеты выдержали очень строгіе экзамены, продолжавшіеся болѣе трехъ недѣль. Заключаю изъ этого, что ваше величество при своемъ возвращеніи будете довольны, несмотря на всѣ препятствія, встрѣчающіяся на моемъ пути, а когда я покончу съ дѣвками, я буду говорить съ вами только о кадетахъ, т. е. когда будетъ наведенъ мостъ.

Такъ какъ 11-ое іюля становится днемъ знаменательнымъ, то я могу, если вы изволите признать это, кстати, въ этотъ же день приступимъ къ отлѣвкѣ статуи Петра Великаго. Мы съ графомъ Минихомъ исполнили важное порученіе, данное намъ Сусанной; она, повидимому, очень этимъ возгордилась и даже нѣчто болѣе.

Впрочемъ, остаюсь съ уваженіемъ вашего императорскаго величества И. Бецкій.

20.

Сего 3-го мая 1775 года.

Всемилоствѣйшая государыня! Позавчера я получалъ отъ васъ два письма отъ 24-го и 25-го апрѣля, которыми ваше величество благосклонно меня почтили, послѣ того какъ удостоили своимъ посѣщеніемъ московскій воспитательный домъ. Я читалъ и перечитывалъ эти драгоценныя строки съ умиленіемъ. Первый мой долгъ—повергнуть къ стопамъ вашимъ (которыя я за отдаленностью не могу облобызать) выраженія моей признательности и высказать съ умиленіемъ удивленіе благотворительности вашей души, которая превыше всякихъ выраженій.

Замѣчанія и мысли вашего величества о положеніи и ходѣ этого заведенія совершенно вѣрны.—Толщина мальчиковъ и дѣвочекъ въ домѣ, ихъ неловкость, непонятливость, ихъ угрюмый видъ, молчаливость доказываютъ очевидно, что до настоящей минуты не признали нужнымъ обращать вниманіе на правила физическаго и нравственнаго ихъ развитія, такъ какъ даже и въ здѣшнихъ заведеніяхъ это съ трудомъ можно ввести, заботятся только объ ученіи. Эти упущенія мнѣ извѣстны; я давно скорблю объ этомъ и употребляю все для исправленія этого; едва

ли не каждую недѣлю пишу я по этому поводу цѣлую книгу совѣту опекуновъ и главному инспектору.

Болѣзнь глазъ, блѣдный цвѣтъ лица, чахлый видъ дѣтей происходятъ отъ сырости новаго зданія; то же самое было и здѣсь въ отдѣленіи мѣшанскихъ дѣвиць.

Такъ какъ въ Москвѣ нѣтъ живописцевъ, то воспитанника, проявляющіе очевидную способность къ живописи, будутъ присланы сюда въ Академію. Учитель танцевъ—итальянецъ, этимъ все сказано: они будутъ только скакать. Г. Ессигъ служить въ домѣ только 18-ть мѣсяцевъ; должно по правдѣ сказать, ему въ похвалу, что его неусыпными трудами все переимѣнилось въ домѣ. Если ваше величество остались чѣмъ-либо довольны при посѣщеніи, то этому причиною онъ одинъ. Также и по словамъ всѣхъ постороннихъ лицъ, посѣщавшихъ домъ, надлежащій порядокъ существуетъ во всякое время. Я буду въ восторгѣ, если вашему величеству удастся застать ихъ врасплохъ, какъ вы это благосклонно позволите общать.

Несмотря на сказанное мною выше, господа опекуны стараются выжить г. Ессига. Я знаю источникъ зла; не легко его искоренить, но я обязанъ доложить всю правду моей государынѣ. Миѣ остается только одно средство—привести въ движеніе такое учрежденіе, одинаково славное для царствованія вашего величества и полезное всему государству вообще и каждому изъ насъ въ особенности. Вотъ уже болѣе одиннадцати лѣтъ какъ мы имѣли иностранныхъ воспитателей, которыхъ замѣнили потомъ другими же. Настоящіе воспитатели назначены были по жребію; изъ числа болѣе 40 лицъ, желавшихъ поступить на эти мѣста, едва можно было выбрать четырехъ, признанныхъ способными къ управленію этой уважаемой должности. И увы, ваше величество, съ тѣхъ поръ какъ они опредѣлены, ни одинъ изъ нихъ не проявилъ надлежащаго умѣнія; ни одинъ не постигаетъ настоящей цѣли учрежденія; ни одинъ не понимаетъ его духа; они только заботятся о личныхъ своихъ выгодахъ, ссорятся между собою и сплетничаютъ другъ на друга по привычкѣ и худому ихъ воспитанію. Мы принуждены будемъ, ваше величество, снова ихъ замѣнить другими, вводя по немногу честныхъ иностранцевъ или по крайней мѣрѣ смѣшанная ихъ вмѣстѣ. Это очень печально и причиняетъ миѣ жестокое страданіе. Чтобы дать вамъ возможность ихъ ближе узнать и доказать все, что я имѣлъ честь вамъ высказать, убѣдительно прошу ваше величество принять на себя трудъ прочесть двѣ прилагаемыя при семъ копіи съ моихъ двухъ предписаній, посланныхъ съ этою же почтою, изъ коихъ одно—совѣту, а другое—непосредственно наставникамъ. Вы будете знать, какими недостойнымъ образомъ они поступаютъ и какое миѣ съ ними постоянное мученіе. Они довели меня до крайности. Отвѣтъ, данный вамъ г. Ессигомъ отно-

сительно 5.000 младенцевъ, ошибоченъ, какъ я полагаю, съ его стороны; онъ быть можетъ хотѣлъ сказать, что болѣе 5.000 младенцевъ были отданы на вскормленіе по деревнямъ и изъ числа ихъ получили обратно около двухъ тысячъ въ домъ.

Возвращаясь къ моимъ соображеніямъ. Вашему величеству извѣстно, что я менѣе всего царедворецъ. Вы мнѣ разрѣшите откровенно высказаться по поводу посѣщенія вами дома. Возможно ли, всемилостивѣйшая государыня, чтобы, въ продолженіе двухъ-часоваго вашего пребыванія въ домѣ, вы могли такъ вѣрно усмотрѣть надлежащія нравственныя и физическія соотношенія между правильнымъ воспитаніемъ и гимнастикою; разобрать заравъ основныя начала, протекающія изъ столькихъ побужденій и основаній; постичь ходъ всего учрежденія, его цѣль, средства, соотношенія, встрѣчаемыя противодѣйствія; сдѣлать замѣчанія, указать средства къ исправленію одного, не уничтожая другаго и т. д. Ваше величество должны необходимо обладать большимъ навыкомъ для отличія всѣхъ этихъ непримѣтныхъ сразу пружинокъ. Отъ вниманія вашего не ускользнуло ни одно изъ нихъ, отъ высшей до самой простой — небрежности. Могу откровенно сказать вашему величеству, что ни отъ кого не имѣлъ подобнаго утѣшенія, т. е. никто, съ самаго основанія дома, не взглянулъ на него такъ ясно. Приношу тысячи благодареній вашему величеству за милость, оказанную Демидову; я считаю это благодѣяніе имѣющимъ важное значеніе для успѣха заведеній и блага общества, хотя Демидовъ до катастрофы былъ преисполненъ рвенія къ дому. Кабинетъ естественной исторіи очень хорошъ, но Демидовъ общалъ намъ еще многое другое. Домъ былъ бы счастливъ, если бы онъ возымѣлъ къ нему снова расположеніе.

Прошедшее воскресенье дѣвнцы общества давали дворянству прелестный и оживленный балъ для общаго удовольствія, потому что даже оберъ-егермейстеръ уѣхалъ однимъ изъ послѣднихъ. Князь и княгиня Голицына содѣйствовали общей веселости, такъ что всѣ были очень веселы. Все происходило съ величайшимъ приличіемъ и съ уваженіемъ должнымъ къ подобному учрежденію. Я былъ совершенно въ восторгѣ, что случается рѣдко.

Г. Бобринскій на балу не былъ, несмотря на то, что желалъ быть. Онъ совершенно здоровъ. Со слѣдующею почтою я пришлю вашему величеству первыя замѣчанія о немъ за время трехъ-мѣсячнаго пребыванія его въ корпусѣ; надѣюсь вы останетесь довольны всѣми этими подробностями и его успѣхами. Остаюсь съ совершеннымъ уваженіемъ вашего величества.

Р. S. Только что получилъ еще письмо вашего величества отъ 25-го апрѣля, которымъ вы благосклонно спрашиваете, въ выраженіяхъ исполненныхъ милости, не причинила ли вы мнѣ непріятности и т. д.

Не могу ничего прибавить къ сказанному мною выше, развѣ что вы разрѣшите мнѣ прямо сказать вамъ на ухо, что вы очаровательны, любезны, и что я тронуть до глубины души. Не могу сказать, чтобы Су-санна на бывшихъ празднествахъ была пышно разодѣта; напротивъ того. Она, по ея словамъ, берегаетъ лучшія свои одежды къ прїѣзду вашего величества, а пока носитъ все, что имѣетъ самаго стараго. Она скорѣе грустна, нежели весела, и ожидаетъ съ нетерпѣніемъ вашего возвращенія. Ахъ, какъ хороша садъ Лефорта ¹⁾, какъ, должно быть, прїятно въ немъ гулять. Правда, ваше величество, что полиція очень хорошо организована въ Москвѣ, какъ это всѣ и признаютъ.

21.

Сего 7-го мая 1775 года.

Всемиловѣйшая государыня! Въ предшедшемъ письмѣ я обѣщалъ вашему величеству сообщить замѣчанія о г. Бобринскомъ, сдѣланныя въ первые три мѣсяца пребыванія его въ корпусѣ. Прїемлю смѣлость представить ихъ при семъ вашему величеству. Правъ ли я или нѣтъ, всемиловѣйшая государыня, — не мнѣ объ этомъ судить; но знаю одно, что чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше разрѣшу участь нашего юнаго питомца, потому что пройдетъ много времени, прежде чѣмъ все будетъ окончено. А что сдѣлано, то сдѣлано. Вслѣдствіе этого дѣла столь важное, однажды оконченное, не беспокоить болѣе въ будущемъ.

Очень радъ узнать, что ваше величество изволили покинуть худой воздухъ Москвы, чтобы укрыться въ Коломенскомъ и пользоваться прогулками среди хрѣна, взаи́въ всего огорода; дѣйствительно, извѣстія, получаемыя нами изъ сего города, наводятъ страхъ; только и слышно, что о больныхъ или умершихъ. Вчера еще графиня Чернышева узнала о смерти своей сестры, она неутѣшна и, несмотря на свое интересное положеніе, уѣзжаетъ сегодня въ Москву.

Дѣвнцы общества тронуты, превыше всякихъ словъ, постоянными милостями вашего величества; а одинъ только огорченъ. Онѣ дѣлаются

¹⁾ Въ подлинникѣ трудно съ точностью опредѣлить написано ли Lefort или Refort, то-есть Лефортъ или хрѣнъ. Въ слѣдующемъ письмѣ № 21, въ которомъ встрѣчается опять то же слово, необходимо принять, что должно читать refort—хрѣнъ, потому что, находясь въ Коломенскомъ въ 10 верстахъ отъ Москвы, нельзя гулять въ саду Лефорта подь самую Москву. Но нѣтъ препятствій никакихъ принять въ одномъ письмѣ не четко написанное слово — за Lefort (Лефортовъ садъ), а въ другомъ за Refort — хрѣнъ.

жестокосердыми и не хотятъ, чтобы я поцѣловалъ ихъ отъ вашего имени. несмотря на приказаніе ваше. Вотъ что значить, всемилостивѣйшая государыня, быть старикомъ! Я полагалъ, что воля ваша должна заставитьъ меня помолодѣть, по крайней мѣрѣ, на время исполненія приказаній вашихъ; однако совсѣмъ нѣтъ. Я сказалъ имъ, что буду жаловаться вашему величеству и что онѣ, навѣрное, получатъ выговоръ. Должно признаться, что слова эти произвели премилую сцену, вызванную затруднительнымъ положеніемъ, въ которомъ онѣ очутились; онѣ желали исправить первое побужденіе, но не знали какимъ образомъ; я же, въ свою очередь, также отказался отъ исполненія возложеннаго на меня порученія и оставилъ ихъ въ безпокойствѣ и сомнѣніи, принесу ли я вамъ на нихъ жалобу или нѣтъ.

Имѣю честь быть съ уваженіемъ вашего императорскаго величества.

P. S. Прилагаю при семъ также письмо герцога Браганскаго, которое я только что получилъ ¹⁾.

22.

Сего 21-го мая 1775 года.

Всемилоствѣйшая государыня! По письму вашего величества отъ 20-го мая, я вижу, что Демидовъ на меня жаловался; онъ можетъ говорить, что ему угодно и даже бранить, если это доставляетъ ему удовольствіе, лишь бы онъ насъ оставилъ дѣлать дѣло. Этотъ бѣдный человекъ по-истинѣ достоинъ сожалѣнія; чѣмъ онъ богаче, тѣмъ хуже онъ окруженъ и тѣмъ болѣе досаждаютъ ему со всѣхъ сторонъ; неустанно стараются возстановить его противъ меня способами всякаго рода.

Могу по-правдѣ сказать вашему величеству, что никогда ни родители, ни публика не наслаждались съ такимъ удовольствіемъ, какъ въ эти два дня, когда раздавались награды (прилагаю при семъ описаніе этого) и когда кормили бѣдныхъ несчастныхъ въ кадетскомъ корпусѣ. Это было одно изъ самыхъ прекрасныхъ зрѣлищъ, въ своемъ родѣ трогательныхъ; надо это видѣть, чтобы составить себѣ точное объ этомъ понятіе. Нравственная цѣль всего достигнутого въ этой недѣлѣ удивительна; нѣтъ болѣе свойственнаго для внушенія чувствительности, состраданія и любви къ ближнему; это единственное средство—пріобрѣсти сердце и душу преисполненными добромъ, а не педантизмомъ, лицемеріемъ и бесполезными, бездѣльными знаціями.

¹⁾ Этого письма также не имѣется въ дѣлѣ.

Какъ я доволенъ, ваше величество, что достигъ того, что могъ поставить на одну ногу всѣ три заведенія, а именно, г-жа Лафонъ—въ обществѣ двѣицъ, г. Рибасъ—въ кадетскомъ корпусѣ и Закревскій—въ Академіи Художествъ и что они другъ предъ другомъ стараются объ общемъ дѣлѣ съ рвеніемъ и неутомимымъ усердіемъ. Дай Богъ, чтобы это продолжалось; я буду вполне счастливъ и вашему величеству нечего будетъ болѣе желать. Вотъ что написалъ г. Бобринскій въ моемъ присутствіи въ продолженіе 4-хъ или 5-ти минутъ, безъ черновой.

Имѣю честь быть съ уваженіемъ вашего императорскаго величества.

Я позабылъ сообщить, что генералъ Пурпуръ въ высшей степени доволенъ, видя, что у него все идетъ хорошо. Не благоугодно ли будетъ вашему величеству разрѣшить выдавать ему изъ суммы корпуса жалованье, присвоенное генераль-лейтенантамъ, какъ это прежде получалъ его предшественникъ, г. Брантъ.

23.

Сего 31-го мая 1775 года.

Всемигостивѣйшая государыня! Мы здѣсь находимся въ точно такомъ же положеніи, какъ и ваше величество, судя по послѣднему письму вашему изъ Братовщины отъ 22-го числа сего мѣсяца. Послѣ двухъ жаркихъ дней послѣдовали другіе десять или двѣнадцать, въ продолженіе которыхъ дуть сѣверный вѣтеръ, при холодѣ, не позволявшемъ намъ покинуть каминъ; еще менѣе было возможно открыть окно. Только два или три дня, что мы начинаемъ дышать весеннимъ воздухомъ. Никогда не встрѣчалъ я такъ поздно весны; только завтра выставлю растенія изъ моей оранжереи послѣ девяти съ половиною мѣсяцевъ ихъ тюремнаго заключенія, болѣе продолжительнаго, нежели пребываніе младенца въ утробѣ матери.

Г-жа Сусанна будетъ имѣть снѣжность отвѣчать сама о маленькомъ садикѣ съ бесѣдкою въ концѣ. По приказанію вашего величества я куплю для г. Бобринскаго необходимыя книги и инструменты.

Да, всемигостивѣйшая государыня, мнѣ хорошо извѣстна Черная Грязь, какъ часть имуществъ, принадлежавшаго принцессѣ Гессенской; я тамъ часто бывалъ; это одно изъ самыхъ красивыхъ подмосковныхъ имѣній, въ верстахъ семи отъ Москвы. Князь Кантеміръ (я говорю о старикѣ) жилъ тутъ; всякое утро онъ ѣздилъ въ Сенатъ и возвращался домой къ обѣду. Такъ какъ Сусанна любитъ подобныя мѣста, то она будетъ въ восторгѣ.

Кончаю письмо, чтобы ѡхать въ общество дѣвицъ и вести воспитаницъ старшаго класса (бѣлыхъ) гулять въ Лѣтній садъ.

Имѣю честь быть преисполненнымъ уваженія къ вашему императорскому величеству И. Бецкій.

24.

Сего іюня 1775 года.

Всемилоствѣйшая государыня! Такъ какъ все относящееся до г. Бобринскаго очень занимаетъ ваше величество, то присоединяю при семъ письмо, написанное имъ ко мнѣ вчера. Онъ также находился въ тотъ же день, послѣ обѣда, на маленькомъ праздникѣ, который мнѣ давали воспитанника Академіи и сами устраивали. Сегодня онъ ѣдетъ въ общество дѣвицъ, чтобы присутствовать на общей репетиціи праздника, который дѣвицы устраиваютъ для публики въ честь заключеннаго мира. Графъ Левенгауптъ сдѣлалъ мнѣ вчера визитъ, и какъ онъ желалъ видѣть здѣсь все, то я устроилъ это слѣдующимъ образомъ: сегодня утромъ онъ осматривать картинную галерею; послѣ обѣда—поѣдетъ въ общество дѣвицъ, гдѣ увидитъ повтореніе вышесказаннаго праздника; завтра утромъ—въ Академію Художествъ, а послѣ обѣда—въ кадетскій корпусъ, гдѣ кадеты покажутъ ему военныя упражненія, вольтижировку и другія гимнастическія игры, послѣ завтра, въ субботу, рано утромъ, онъ поѣдетъ въ Царское Село, а оттуда въ Петергофъ и Ораніенбаумъ, чтобы отправиться въ Кронштадтъ, откуда онъ отплыветъ въ Стокгольмъ на караблѣ, который, какъ онъ мнѣ говорилъ, уже нанятъ имъ.

Присоединяю при семъ письмо, которое Сусанна приметъ смѣлость вамъ послать; мнѣ же не на что вамъ отвѣчать. Я только что получилъ письмо отъ его превосходительства генерала Потемкина, въ отвѣтъ на мое относительно воспитательнаго дома; письмо это дѣйствительно привело меня въ восторгъ его выраженіями; ничто не можетъ быть болѣе учтиво, вѣжливо и красиво.

Имѣю честь быть съ глубочайшимъ уваженіемъ вашего императорскаго величества И. Бецкій.

25.

Сего 4-го іюня 1775 года.

Всемилоствѣйшая государыня. Благоклонныя пожеланія вашего величества отъ 28-го мая, преисполненыя ко мнѣ доброжелательства, по истинѣ, растрогали мою душу. «Но счастье оныхъ дѣтей состоитъ въ томъ, чтобы ваше величество внучать ихъ видѣли уже взрослыхъ, о чемъ дено и ноцно оне совершенно малютца (малытса) должны, что и

дѣлають. Еще же требовать изволите о Бутурлинѣ, для чего нигдѣ не упомянуть»¹⁾. Но возможно ли на это отвѣчать вамъ. Послѣ шутивато и веселаго описанія, сдѣланнаго вашимъ величествомъ, какъ его самого, такъ и всего его потомства, ничего не остается сказать о немъ. Вы совершенно разгадали его; мы съ Сусанной очень смѣялись и восхищались высказанными вами мыслями. Не только что баллотированіе товарищей было не въ его пользу, но еще были также жалобы наставниковъ и начальниковъ на его лѣнь и медленность. Онъ невыносимъ по своему презрительному и натянутому обращенію, которое проявляетъ, давая этимъ чувствовать каждому, насколько онъ считаетъ себя выше другихъ умомъ и талантами, насколько не обращая вниманія даже на претерпѣваемые имъ униженія въ обществѣ.

Третьяго дня дѣвцы совершили прогулку въ Лѣтній садъ съ торжествомъ и одобреніемъ весьма значительнымъ; весь Петербургъ находился при этомъ. Князь Голицынъ, майоръ Измайловскаго полка, по примѣру князя Григорія Орлова, устраивалъ имъ серенаду изъ полковыхъ музыкантовъ, игравшихъ въ двухъ мѣстахъ. Будьте увѣрены, всемилостивѣйшая государыня, что имя вашего величества было несчетное число разъ благословляемо непритворнымъ образомъ.

Завтра мы совершимъ большую прогулку въ Петергофъ съ дѣвцами общества, что не маловажное предпріятіе. Послѣ завтра, именно въ воскресенье, кадеты въ присутствіи публики будутъ производить военныя упражненія и продолаютъ всѣ свои гимнастическія игры. Всѣ учрежденія еще до сихъ поръ чрезвычайно хлопочуть съ приготовлениями празднествъ по случаю заключенія мира.

Г. Бобринскій совершенно здоровъ, онъ былъ вчера у меня со своимъ наставникомъ въ первый разъ послѣ помѣщенія его въ корпусъ. Онъ не отправится этотъ годъ въ лагерь, онъ видитъ самъ, что еще слышкомъ слабъ, чтобы владѣть ружьемъ.

Имѣю честь быть съ уваженіемъ вашего императорскаго величества.

26.

Сего 10-го іюля 1775 года.

Всемилоствѣйшая государыня! Прошедшую субботу, 5-го числа сего мѣсяца, мы совершили съ дѣвцами поѣздку въ Петергофъ, которая была довольно продолжительна, потому что около десяти дѣвицъ,

¹⁾ Слова, отмѣченныя ковычками, были въ самомъ французскомъ оригиналѣ на русскомъ языкѣ. Мы сохранили и орфографію ихъ.

не привыкшихъ къ качкѣ каретъ, дорогою немного занемогли. Въ числѣ ихъ были и такія, которыя вернулись съ тѣмъ же, съ чѣмъ пріѣхали. т. е. ничего не увидѣвъ, какъ напр. Шереметьева, Еропкина и играющая на флейтѣ. Чтобъ подобнаго въ будущемъ не случалось съ дѣвками сѣраго класса, слѣдующими за бѣлыми, я прикажу устроить круглыя качели и горизонтальныя, а также роспуски, чтобъ заставлятъ ихъ двигаться во всѣхъ направленіяхъ. Вѣкъ живи — вѣкъ учи; опытъ намъ доказываетъ, что очень безпокойно дѣлать подобныя поѣздки. Последнее воскресенье кадеты дѣлали военныя упражненія въ присутствіи своихъ родителей, но изъ гимнастики, они, по случаю худой погоды, только вольтижировали. Надо надѣяться, что завтра, въ четвергъ, погода будетъ благоприятствовать дѣвкамъ, и онѣ увидятъ кадетъ во всемъ ихъ блескѣ. Я буду имѣть честь послать вашему величеству съ первымъ курьеромъ описаніе наиболѣе замѣчательнаго изъ всего, что будетъ происходить. Присутствовать будутъ единственно только дѣти всѣхъ трехъ общинъ, фельдмаршалъ и его супруга, Сусанна и графъ Мянхъ. Слѣдующее воскресенье для полнаго удовольствія и окончанія нашихъ поѣздокъ, до большихъ лѣтнихъ жаровъ, мы поѣдемъ въ Царское Село, послѣ этого мы примемся ретиво во всѣхъ общинахъ за приготовленія къ 10-му іюля торжественныхъ празднованій по случаю заключенія мира, не считая еще праздника въ день св. Іоанна, являющагося дополненіемъ, которое мы не можемъ избѣгнуть, не причинивъ много горя; я обязанъ подчиниться этому.

Въ предшедшемъ письмѣ я забылъ сообщить вашему величеству, что докторъ Клеркъ три дня какъ уѣхалъ къ своимъ родителямъ, въ одну изъ провинцій Франціи; я теперь въ затрудненіи, изъ какой страны мнѣ удастся получить хорошаго доктора для нашихъ заведеній.

Имѣю честь быть съ уваженіемъ нашего императорскаго величества.

— — — — —
27.

Сего 21-го іюля 1775 года.

Всемилоствѣйшая государыня! Въ какой бы мы очутились тревогѣ, если бы о положеніи, въ которомъ вы изволили находиться, узнали какимъ-либо инымъ путемъ, а не изъ письма графа Потемкина къ фельдмаршалу и въ особенности если бы ваше величество не удостоили меня письмомъ отъ 11-го числа сего мѣсяца, написаннымъ собственною вашею рукою. Нѣтъ, всемилоствѣйшая государыня, я не въ силахъ выразить овладѣвшее нами удручающее безпокойство. Признаюсь вамъ я былъ даже готовъ самъ ѣхать въ Москву; первое извѣстіе было не на-

столько удовлетворительно, чтобы меня успокоить. Слава Богу теперь мы вдохнули. Я очень воздержался, чтобы не сказать что-либо въ обществѣ дѣвицъ, во избѣжаніе воплей и рыданій, которыя неизбѣжно послѣдовали бы; достаточно было бы, чтобы одна изъ нихъ начала плакать, всѣ остальные послѣдовали бы ея примѣру. А я самъ куда бы дѣвался? Я дрожу еще и теперь при одной мысли. Наконецъ, всемилостивѣйшая государыня, не будемъ болѣе говорить объ этомъ, тысячу и тысячу разъ слава Богу, что вы изволили отдѣлаться однимъ только страхомъ. Впрочемъ, несмотря на все мое горе, я до того занятъ празднествами, что и не знаю какъ справиться со всѣми дѣлами. Къ счастью теперь празднества окончились къ общему удовольствію, въ субботу 19-го числа у дѣвицъ, а на другой день у кадетъ, что и было вчера.

Не посылаю вашему величеству описанія того, что представлено было изъ опасенія васъ затруднить. Извините мнѣ мое маранье, я еще слишкомъ утомленъ и взволнованъ. Прилагаю при семъ письмо Сусанны.

Имѣю честь быть съ уваженіемъ вашего императорскаго величества.

Г. Вобровскій для начинающаго сыгралъ свою роль удовлетворительно, онъ вполне здоровъ.

28.

Сего 16-го августа 1775 года.

Всемилоствѣйшая государыня! Пословица говоритъ: какъ въ лѣсу кликнется, такъ и аукнется. Приемлю смѣлость отвѣчать вамъ въ томъ же духѣ. Да, всемилостивѣйшая моя государыня, императрица Екатерина Алексѣевна, я имѣлъ честь получить вчера ваше благосклонное, любезное и очаровательное письмо, отъ 7 числа сего мѣсяца, въ которомъ сказано: я назначила свой отъѣздъ первымъ зимнимъ путемъ. Слава Богу! какое счастливое извѣстіе, столь пламенно желаемое! Эти слова писаны золотыми буквами; наше терпѣніе не будетъ столь томительно въ продолженіе остающихся четырехъ мѣсяцевъ. Могу засвидѣтельствовать вамъ по истинѣ, что ваше величество обрадовали этимъ весь Петербургъ, не считая обитателей учебныхъ заведеній, которые прыгаютъ отъ радости. Но позвольте, всемилостивѣйшая государыня, не будучи нескромнымъ, васъ спросить могутъ-ли обыватели города и въ особенности общество дѣвицъ льстить себя надеждой, что имъ будетъ разрѣшено выразить, столько по влеченію, сколько и по долгу, свою радость по поводу пріѣзда вашего величества, какимъ нибудь общественнымъ развлеченіемъ или празднествомъ? Я вполне

увѣренъ, что москвичи не сдѣлали бы этого съ большымъ рвеніемъ, чѣмъ здѣшніе обыватели. Имѣемъ честь привести вашему величеству наши почтительнѣйшія поздравленія по поводу беременности великой княгини; я сообщилъ это по секрету Сусаннѣ, которая обрадовалась по своему.—(Addio cara Anima mia). Прощайте малая душа моя, преклоняюсь еще ниже предъ вашимъ величествомъ, всемилостивѣйшая государыня, со всѣмъ уваженіемъ, должнымъ ея достоинствамъ и ея благосклонностямъ, побудившимъ меня писать подобнымъ образомъ; если это можетъ разсердить ваше величество, то пеняйте на себя; по истинѣ вы вскружите голову многимъ другимъ.

Сегодня и вчера я вадѣль г. Бобринскаго; онъ совершенно здоровъ.

29.

Сего 20-го августа 1775 года.

Всемилоствѣйшая государыня! Мнѣ кажется, что дѣлаютъ слишкомъ много чести Фальконету, опровергая его сочиненія въ послѣднемъ энциклопедическомъ журналѣ, гдѣ съ нимъ обошлись по заслугамъ, съ презрѣніемъ. Обѣщаютъ даже продолженіе статьи. Такъ какъ листки журнала не были разрѣзаны, то заключаю изъ этого, что ваше величество не прочли ихъ; приѣмлю смѣлость переслать ихъ обратно вашему величеству; быть можетъ, вы пожелаете взглянуть на нихъ. Какъ въ прилагаемомъ при семъ письмѣ, хотя и никѣмъ не подписанномъ, говорится объ особѣ вашего величества, то я не захотѣлъ упустить случая переслать его вамъ. Корабль изъ Голландіи съ ящичкомъ съ тремя картинами благополучно прибылъ уже; какъ скоро получу означенную посылку, немедленно отправлю ее къ вамъ по почтѣ. Имѣю честь быть съ уваженіемъ вашего императорскаго величества.

Р. С. Г. Бобринскій совершенно здоровъ и завтра начнетъ заниматься русскимъ правописаніемъ.

30.

Сего 23-го августа 1775 года.

Всемилоствѣйшая государыня! это письмо посылается единственно съ цѣлью почтительнѣйше увѣдомить ваше величество, что отливка бронной статуи Петра Перваго будетъ происходить завтра, во вторникъ 25 числа. Горня зажгутъ завтра утромъ.

Г. графъ Алексѣй Орловъ пріѣхалъ сюда третьяго дня; сегодня онъ увидитъ собраніе дѣвицъ, а послѣзавтра кадеты произведутъ приемъ военныхъ ученія.

Имѣю честь быть съ почтеніемъ вашего императорскаго величества.

31.

Сего 26-го августа 1775 года.

Всемилоствѣйшая государыня! Послѣднимъ моимъ письмомъ я имѣлъ честь увѣдомить ваше величество объ ожидаемой отливкѣ статуи, которая и была произведена третьяго дня, но не вполне по моему желанію, такъ какъ металлъ прорвалъ форму во многихъ мѣстахъ, несмотря на то, что нашъ литейщикъ неоднократно предвѣрялъ Фальконета, что стѣнка около хвоста слишкомъ тонка, (чтобъ выдержать давленіе металла и что необходимо поставить подпоры и т. д. Но онъ, Фальконетъ, никогда ничего не хотѣлъ слушать, хотя при случившемся несчастіи онъ первый потерялъ голову и, начавъ кричать: «все пропало», бросился какъ сумасшедшій, вмѣстѣ со своей Колло, бѣжать съ подмостковъ внизъ. Всѣ прочіе присутствовавшіе, а также рабочіе послѣдовали этому примѣру; всѣ пустились бѣжать, каждаго другъ на друга, и подмости снизу стали качаться (вылипать). Къ счастью (потому что несчастіе могло принять большіе размѣры) всѣ они отдѣлались ушибами и ранами на рукахъ, ногахъ и головахъ; изъ числа ихъ нѣкоторые и посейчасъ въ постели. Дозволивъ открыть горнъ, я далъ совѣтъ фельдмаршалу уйти, который послѣдовалъ ему, а за нимъ и я вышелъ въ то же время; пожарные насосы, направленные въ надлежащія мѣста воспрепятствовали распространенію пожара.

Никто пока не можетъ сказать что нибудь опредѣленнаго о статуѣ ранѣе 5 или 6 дней, когда мы приступимъ къ ея раскрытію. Мнѣ хотѣлось бы ошибиться, всемилоствѣйшая государыня, но мало надежды или даже вовсе ея нѣтъ на то, что статуя удалась, потому что еще вчера сынъ Фальконета хотѣлъ сверху осмотрѣть статую, но вмѣсто головы Преобразователя онъ нашелъ только одну массу металла. Бѣда эта еще поправима, но обыкновенно судятъ о цѣломъ кускѣ по образчику. Что дѣлать, надо имѣть терпѣніе. Сообщу вашему величеству о дальнѣйшемъ какъ можно скорѣе. Г. Бобринскій здоровъ; графъ Алексѣй видѣлъ его вчера въ кадетскомъ корпусѣ. Мнѣ кажется, что онъ остался доволенъ всѣмъ, что видѣлъ.

Имѣю честь быть съ уваженіемъ вашего императорскаго величества.

32.

Сего 27-го августа 1775 года.

Всемилоствѣйшая государыня! Я только что получилъ письмо ваше отъ 18 августа со включеніемъ письма Сусаннѣ подметальщицѣ

(la balayeuse), на которыя мы имѣемъ честь отвѣчать. Ваше величество вѣроятно уже получили ящикъ съ тремя картинами, который я долженъ былъ вамъ отправить.

Я принялъ смѣлость писать вчера вашему величеству о печальныхъ послѣдствіяхъ отливки, которая меня приводитъ въ отчаяніе. Не повѣрите, ваше величество, насколько я этимъ опечаленъ. Но что же дѣлать? Хотя терпѣніе и плохое средство, но надо къ этому прибѣгнуть и начать всю работу снова, съ тѣмъ однако, чтобы Фальковецъ не вмѣшивался въ чужое дѣло, а занимался только своимъ. Мерзкій, скаредный расчетъ и скупость побудили его взяться за дѣло, о которомъ онъ никогда не имѣлъ ни малѣйшаго понятія; по этому поводу можно было бы сказать многое, но я умалчиваю. Я никогда не откажу въ дружбѣ моей молодому господину; она извѣстна вашему величеству. Онъ слишкомъ сильно меня интересуется, чтобы усумниться въ этомъ; изъ этого, что онъ желаетъ уже моей дружбы—необходимо однако заключить о томъ, на сколько мы съ нимъ преуспѣли.

Имѣю честь быть съ уваженіемъ вашего императорскаго величества.

33.

Сего 30-го августа 1775 года.

Всемиловѣйшая государыня! Имѣю честь отвѣчать на письмо ваше отъ 24-го числа сего мѣсяца, только что мною полученное. Прошу извиненія вашего величества, быть можетъ я худо выразился; я вовсе не испрашиваю указа относительно празднованій въ заведеніяхъ; мы знаемъ сами, что должны дѣлать; я писалъ только относительно того, не имѣется ли какихъ-либо запрещеній, чтобы городъ и его жители сдѣлали торжественный пріемъ, такъ какъ, по словамъ Сусанны, вы вправѣ это воспретить.

По описанію Царицынскаго села, сдѣланному вашимъ величествомъ, можно составить картину, которую, быть можетъ, рѣшится нарисовать одна изъ дѣвицъ; очень радъ узнать, что это мѣсто можетъ разогнать скуку вашего величества, а письма Сусанны заставятъ ее смѣяться по временамъ; это тоже иногда выгодно. Но зато, всемиловѣйшая государыня, ваши письма, написанныя въ томъ же духѣ, доставляютъ ей тоже самое, поучая ее тому же.

Сегодня отливка была совершенно открыта; нижняя часть статуи вышла очень хорошо, безъ всякаго изъяна; остальная же часть, а именно внутренняя сторона руки, грудь, плечи, шея и голова всадника, а также шея, голова и грудь лошади и лѣвая рука всадника совершенно не вышли.

Вашему величеству это будетъ видно нагляднѣе изъ прилагаемаго при семъ рисунка, который и приказалъ сдѣлать наскоро. Все это можно передѣлать, это правда. Фальконетъ полагаетъ, что прибавка сплава, можетъ быть сдѣлана въ шесть мѣсяцевъ; я ему даю на это годъ, лишь бы только отливка удалась навѣрное. Теперь необходимо знать, что вашему величеству угодно будетъ приказать по этому предмету.

Имѣю честь быть вашего императорскаго величества.

Рекомендація—великое дѣло, всемилостивѣйшая государыня; но не смотря на то, мы съ господиномъ хорошіе пріятели. Только ваше величество одни ничего для него не дѣлаютъ.

34.

Сего 10-го сентября 1775 года.

Всемилоствѣйшая государыня! Имѣю честь увѣдомить васъ о полученіи благосклоннаго вашего письма отъ 4-го сего сентября, написаннаго на четырехъ различныхъ языкахъ, именно: итальянскомъ, русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ. Чтобы сдѣлать подобную шутку еще занимательнѣе, недостаетъ языка турецкаго и испанскаго. Я заставаю усиленно работать при статуѣ, чтобы всѣ спайки и проводы могли бы быть, по возможности, скорѣе опилены и сточены. Такъ какъ ихъ нѣсколько тысячъ, то на это потребуется по меньшей мѣрѣ 5 или 6 мѣсяцевъ; мнѣ очень хочется, чтобы это наконецъ кончилось, потому что, по правдѣ сказать, Фальконетъ несносный человѣкъ. Дѣвица Колло и его сынъ уѣхали во Францію три или четыре дня, послѣ того какъ были тайно обвѣнчаны отцомъ, который говоритъ, что бракъ, заключенный имъ въ Англіи, былъ недействителенъ во Франціи, потому что она (его супруга, конечно), протеставтка, несмотря на то, что онъ имѣетъ отъ нея двухъ дѣтей. Прилагаю при семъ письмо герцога Браганскаго, только что мною полученное ¹⁾. Ваше величество будетъ имѣть милость сообщать мнѣ, какой отвѣтъ долженъ я ему дать.

Имѣю честь быть съ уваженіемъ вашего императорскаго величества.

P. S. Сусанна очень тронута милостивыми наставленіями, сообщенными ей вами относительно круппа лошади; она приметъ на себя смѣлость отвѣчать вамъ съ первымъ курьеромъ. Г-нъ Бобринскій совершенно здоровъ, упражняется очень хорошо; вотъ и все.

¹⁾ Этого письма не имѣется въ дѣлѣ.

35.

Сего 8-го октября 1775 года.

Всемиловитѣйшая государыня! Я получалъ сегодня въ полдень письмо, которымъ почтили меня ваше величество отъ 4-го сего мѣсяца; имѣю честь отвѣтить на оное съ обычною откровенностью. Да будетъ воля ваша въ отношеніи управленія имѣніями княземъ Гагаринымъ, какъ и во всемъ остальномъ. Сказанное мною, всемиловитѣйшая государыня, вовсе не клонилось къ тому, чтобы имѣніями управляли опекуны, но чтобы въ случаѣ чего-либо, было бы извѣстно какъ поступать, такъ какъ при моей жизни только я одинъ долженъ имъ управлять. Но какъ вашему величеству угодно было мнѣ сообщить, что крестьяне находятся въ довольствѣ, то я вполнѣ спокоенъ и былъ бы еще богѣе, если онъ (Гагаринъ) пожелалъ бы принять на себя управленіе попрежнему; я самъ буду его объ этомъ просить письменно и устно, лишь бы только это не имѣло вида, что я въ моихъ годахъ нахожусь подъ опекой. Я въ былыя времена управлялъ самъ гораздо значительнѣйшими имѣніями. Отчасти осуществляя приблизительно то, что говаривалъ и Генрихъ IV, именно, что онъ желаетъ, чтобы каждый крестьянинъ могъ имѣть по воскресеньямъ курицу въ супѣ, я, какъ ваше величество изъ этого изволите сами усмотрѣть, отнюдь не буду отдавать крестьянъ на оброкъ, что составляетъ разореніе для владѣльца и еще большее для государства. Но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что для возвращенія истраченныхъ капиталовъ,—что мнѣ необходимо сдѣлать для лучшаго ихъ помѣщенія,—представится большое затрудненіе, потому что кромѣ потребнаго времени будутъ и потери не маловажныя. Желаю очень, чтобы я ошибся во всемъ этомъ; я знаю, что на бумагѣ все прекрасно; но слово и дѣло совсѣмъ различныя вещи.

Мнѣ кажется еще за лучшее, всемиловитѣйшая государыня, чтобы къ прїѣзду вашего величества въ Петербургъ находился бы также здѣсь и князь Гагаринъ, чтобы я могъ совмѣстно съ нимъ сдѣлать надлежащія распоряженія.

Впрочемъ имѣю честь быть съ совершеннымъ уваженіемъ, вашего императорскаго величества

При семъ записка отъ Сусанны.

36.

Сего 15-го октября 1775 года.

Всемиловитѣйшая государыня! Вчера утромъ до свѣта явился ко мнѣ въ переднюю г. Шкуринъ. Человѣкъ говорить ему, что я еще не

вставалъ, на что онъ отвѣтилъ, «я и подождать могу». Дѣйствительно, онъ сѣлъ въ залѣ. Отворивъ дверь, чтобъ дать ему возможность войти ко мнѣ, я былъ очень удивленъ, замѣтивъ, что онъ едва въ состояніи подойти ко мнѣ. Блѣдный, исхудалый, съ всклокоченными волосами, небритый, невнятно и худо говорящій онъ дѣлалъ поклоны чуть не до земли. Я ему сказалъ: Василій Григорьевичъ никакъ не можется? Чуть живъ,—отвѣчалъ онъ, отвѣсивъ глубокой покломъ,—а теперь уже меня и совсѣмъ переломила печаль. — Что такое? — Я пропалъ, я обруганъ; обо мнѣ во всемъ свѣтѣ въ курантахъ пишутъ и въ нашихъ русскихъ хотя и не написано, но я столько разумѣю, что Колтуши разорилъ, а я доказать могу, что я ихъ черезъ 12 лѣтъ владѣнія въ состояніе привелъ. Къ тому же, въ воспитательный домъ дѣвочку отослалъ будто въ тряпочкѣ, а я послѣ и деньги отослалъ. Вся сіе мнѣ въ ругательство напечатала; я же еще другую дочь такую дома имѣю, которая воспитывается какъ надобно; я вѣдь человекъ и грѣшу не больше другихъ, хотя меня допрашивать будутъ, я то же скажу и т. д. Изъ этой чепухи, продолжавшейся довольно долго, я заключилъ, что разсудокъ его разстроенъ, и какъ въ подобныхъ случаяхъ отнюдь не надо противорѣчить, я его сталъ утѣшать, просилъ его прислать мнѣ газету, о которой онъ упомянулъ, и сказалъ, что намою голову въ академіи за то, что осмѣливаются печатать подобныя вещи противъ него. Это его немного успокоило. Я послалъ за его камердинеромъ, который мнѣ принесъ прилагаемую газету; то мѣсто, которое его съ ума сводитъ, отчеркнуто краснымъ карандашемъ. Онъ мнѣ подтвердилъ то же самое, прибавивъ, что послѣ болѣзни, продолжавшейся недѣль шесть, Шкуринъ началъ рыдать и плакать день и ночь болѣе двухъ недѣль; все это становится хуже: онъ ничего не ѣстъ и спитъ очень мало. Сегодня я послалъ къ нему доктора изъ общества дѣвицъ, котораго онъ принялъ охотно, такъ какъ онъ былъ посланъ отъ меня, и заявилъ, что готовъ исполнять всѣ его предписанія, только бы поправиться. Докторъ утверждаетъ, что если у Шкуринна сердце не повреждено какимъ-нибудь полипомъ, онъ можетъ поправиться послѣ частыхъ кровопусканій. Его душитъ количество крови; онъ прописалъ ему лѣкарство, а завтра сдѣлаетъ кровопусканіе.

Я счелъ обязанностью увѣдомить объ этомъ ваше величество, хотя это не мое дѣло. Я поговорю съ фельдмаршаломъ, не найдетъ ли онъ какого-нибудь честнаго человека, чтобы помѣстить его къ Шкурину и тѣмъ составить ему компанію, такъ какъ онъ совершенно одинъ. Также полагаю, что необходимо опечатать гардеробъ вашего величества до приведенія всего дѣла въ ясность.

Имѣю честь быть съ уваженіемъ къ вашему императорскому величеству.

*

37.

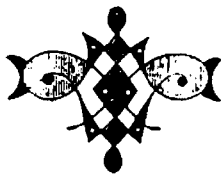
Сего 25-го октября 1775 года.

Всемилоствѣйшая государыня! Въ послѣднемъ моемъ письмѣ отъ 5-го числа сего мѣсяца я имѣлъ честь сообщить вашему величеству о худомъ состояніи здоровья г. Шкурина; съ того времени усиліями докторовъ онъ начинаетъ немного поправляться, въ особенности послѣ того, какъ вытравили изъ него солитера не малаго размѣра. Это чрезвычайно его облегчило, до того, что онъ гораздо менѣе заговаривается. Больной очень доволенъ своимъ положеніемъ, онъ имѣтъ всякій день посылаетъ самыя чувствительныя благодарности; докторъ имѣетъ большую надежду совершенно привести его въ прежнее состояніе.

Я также почтительнѣйше представлялъ вашему величеству, что г. Бобринскій начнетъ свои занятія. Приемлю смѣлость препроводить при семъ росписаніе его занятій, онъ продолжаетъ ихъ съ успѣхомъ уже около трехъ недѣль и заслуживаетъ одобреніе своихъ учителей. Онъ имѣетъ соображеніе и необычайно легко схватываетъ все, что желаетъ; но прежніе недостатки (*aber die fohrige Untüchte sind so stark eingewurzelt*) такъ сильно въ немъ укоренились, что только одно время и терпѣніе могутъ это исправить, а также и новый распорядокъ занятій, который я недавно сдѣлалъ. Я имѣю гораздо болѣе доволенъ потому, что онъ самъ начинаетъ чувствовать пользу, а это уже большое дѣло. Будьте увѣрены, всемилоствѣйшая государыня, что я не пренебрегу ничѣмъ на свѣтѣ, чтобы его такимъ сдѣлать, какимъ ваше величество желаетъ его видѣть, а быть можетъ еще и лучшимъ. Терпѣніе и раченіе все преодолеваетъ.

Имѣю честь быть съ уваженіемъ вашего императорскаго величества.

Сообщилъ П. М. Майковъ.

Замѣтка о семействѣ Шкуринныхъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мнѣ пришлось быть на берегахъ Волхова, близъ Гостининопольской пристани. Въ 2-3 верстахъ отъ этого мѣста я пользовался очень короткое время радушнымъ гостепріимствомъ въ усадьбѣ вице-адмирала Павла Антоновича фонъ-Моллера. Самъ вице-адмиралъ, давно уже покинувъ морскую службу, жилъ почти безвыѣздно въ своей деревнѣ, былъ въ самомъ началѣ шестидесятихъ годовъ мировымъ посредникомъ, потомъ гласнымъ земскаго собранія и оставилъ по себѣ прекрасную память справедливаго, безукоризненно честнаго человѣка и ревностнаго общественнаго дѣятеля. Онъ нѣсколько лѣтъ какъ умеръ, а помѣстье досталось его дочери, съ которою я имѣлъ удовольствіе провести два вечера, при чемъ выяснилось, что гостепріимная хозяйка приходится дальнею родственницею Василью Григорьевичу Шкурину, извѣстному гардеробмейстеру императрицы Екатерины II, имѣвшему сына Сергѣя Васильевича, которому нѣкогда и принадлежало то имѣніе близъ р. Волхова, въ которомъ я приводилъ вечеръ. Мать моей собесѣдницы была внучкою Сергѣя Васильева Шкуринна и сохранила, какъ оказалось, нѣсколько старыхъ бумагъ и документовъ, которые мнѣ удалось просмотрѣть.

Изъ патента, даннаго Императорскимъ вольно-экономическимъ обществомъ 18 іюня 1774 г., за подписью фонъ-Штелина и Андрея Нартова его превосходительству Василью Григорьевичу Шкурину, видно, что онъ былъ избранъ въ 1774 году членомъ сего общества.

Изъ грамоты за подписью самой императрицы, отъ 20 декабря 1763 года видно, что Василій Григорьевичъ Шкуринъ съ 1740 года служилъ при дворѣ императрицы Елисаветы и взятъ ко двору въ 1751 году въ камердинеры, въ 1762 году пожалованъ въ оберъ камердинера, а 1 іюля 1762 года произведенъ въ бригадиръ и сдѣланъ гардеробмейстеромъ; въ 1763 г. 28 іюня—дѣйствительнымъ камергеромъ, а въ 1763 году 29 декабря «за вѣрность, усердіе и отличныя услуги, оказанныя особливо при вступленіи нашемъ на всероссійскій императорскій престолъ вкупно съ прочими вѣрными сынами россійскими, которыми сію имперію отъ страшнаго ига и православную церковь отъ разоренія и приближавшагося ей всеконечнаго паденія—освободили»,—Шкуринъ возведенъ въ потомственное россійское дворянство.

Шкуринъ кромѣ сына имѣлъ двухъ дочерей, которыя были обѣ фрей-лянами при дворѣ Екатерины II, (см. «Русскую Старину» 1871 г. 4—

«Фрейлины русскаго двора»). Старшая изъ нихъ М а р і я (род. 1755) пожалована фрейлиною въ 1769 году и потомъ, за вмѣшательство въ сношенія извѣстнаго Александра Матвѣевича Дмитріева-Мамонова съ фрейлиною княгинею Щербатовою, была удалена изъ дворца, исключена изъ списка и получала 12 тысячъ руб. какъ приданное (см. записки Храповицкаго стр. 306, 308). Шкурина уѣхала въ Москву 12 сентября 1789 году съ Мамоновыми, не ужилась тамъ и поступила въ монастырь, въ постриженіи названа Павлія и послѣ пребыванія во многихъ монастыряхъ уволена на покой въ Алексѣевскій монастырь въ Москвѣ, гдѣ и умерла въ 1824 году и погребена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Другая дочь Шкурина—Наталья была также фрейлиною императрицы Екатерины II и удостоилась получить отъ императора Павла двѣсти душъ, въ 1797 году февраля 26 дня, какъ видно изъ выданной ей на то грамоты. Но грамоту писали и рисовали довольно долго, конечно не предвидя скорой кончины императора, такъ что когда грамота была готова и могла быть уже имъ подписана, державный даритель не оказался уже въ живыхъ. Но въ то время не стали заботиться о передѣлкѣ грамоты и новомъ ея переписываніи, а изготовленную отъ имени императора Павла для Шкуриной грамоту представили къ подписи царствовавшему тогда императору Александру I, который и написалъ внизу собственноручно «утверждаю Александръ». Рукою вице-канцлера графа Кочубея, скрѣпившаго грамоту, выставлено число мая 5 дня 1803 года.

Такимъ образомъ получилась довольно своеобразная грамота въ которой говорится, что Божіею послѣшествующею милостію мы, Павелъ первый, Императоръ и самодержецъ и т. д. (весь титулъ) государь еверскій и великій магистръ державнаго ордена святаго Іоанна Іерусалимскаго и пр. пр., пожаловали фрейлинѣ Шкуриной двѣсти душъ и жалованію грамоту собственною рукою подписали и государственною нашею печатью укрѣпить повелѣли,—а между тѣмъ на дѣлѣ, грамоту не подписали, а державный сынъ его внизу оной написалъ «утверждаю», предоставивъ этимъ широкое поле толкованіямъ и догадкамъ,¹⁾ къ чему собственно относятся и можетъ относиться это слово «утверждаю».

П. Майковъ.

¹⁾ Можемъ добавить, что такая подпись грамоты не воспрепятствовала нисколько Шкуриной получить назначенныя ей двѣсти душъ крестьянъ. Изъ сдѣланной на грамотѣ отмѣтки видно, что Шкуриной отведены были въ Тамбовской и С.-Петербургской губерніи двѣсти тринадцать душъ, и по силѣ именнаго высочайшаго указа 1794 года іюня 23, пошлинныя деньги по пятидесяти копѣекъ съ души, а всего сто шесть руб. пятьдесятъ коп., въ казначейство приняты и записаны на приходъ іюня 12 дня 1803 года.

Походы Екатерины II по Волгѣ и Днѣпру.

(1767 и 1787 гг.).

Аu mois de mai—писала Екатерина 20-го января 1767 года—j'irai me promener à Cazan, c'est comme qui dirait à une maison de campagne ¹⁾). Для этой «прогулки на дачу» работали, однако, еще съ прошлаго 1766 года и въ адмиралтейской коллегіи, и на тверской верфи, такъ какъ для «похода по Волгѣ» потребовалось 25 судовъ. «Въ свитѣ моей близко двухъ тысячъ человекъ всякаго званія» ²⁾, писала императрица, и никто изъ этихъ спутниковъ Екатерины не оставилъ намъ описанія этого путешествія, официальныя свѣдѣнія о которомъ помѣщались въ Московскихъ и С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ ³⁾. Если-бъ не письма самой Екатерины, писанныя «съ пути», наши свѣдѣнія о походѣ по Волгѣ ограничились-бы исключительно камеръ-фурьерскимъ журналомъ ⁴⁾ и помѣщаемыми ниже документами изъ архива Морскаго министерства.

Послѣ Петра Великаго, Екатерина II была первая государыня, предпринимавшая путешествіе по Россіи: въ 1763 году она ѣздила въ Ростовъ и Ярославль; въ 1764 г.—въ прибалтійскія окраины, до Рогервика; въ 1765 г.—плавала по Ладожскому каналу; въ 1767 г.—«путешествовала по Азіи», т. е. проѣхала по Волгѣ отъ Твери до Казани и

¹⁾ „Сборникъ“, X, 165.

²⁾ „Чтенія“, 1863, II, 17; „Сборникъ“, X, 188; „Русск. Архивъ“, 1886, III, 59. По счету помѣщаемой ниже „Вѣдомости судовъ“—1.171 человекъ.

³⁾ „Русск. Архивъ“, 1867, 347.

⁴⁾ Путешествіе по Волгѣ занимаетъ въ журналѣ болѣе 100 стр. (99—205), и издатели свидѣтельствуютъ, что съ переходомъ императрицы на галеру „Тверь“ журналъ становится „подробнѣе и любопытнѣе“ (147).

изъ Симбирска возвратилась сухимъ путемъ. Во время этихъ путешествій, императрица знакомилась съ живою Россією, сама видѣла и наблюдала жизнь русскаго человѣка. Конечно, ей какъ императрицѣ нельзя было все видѣть и не все было ей показано—иное представлено въ прикрашенномъ свѣтѣ, иное вовсе скрыто; тѣмъ не менѣе, и то немногое, что она наблюдала и видѣла, было значительно полезнѣе и вѣрнѣе всякихъ канцелярскихъ докладовъ и губернаторскихъ отчетовъ. Возвратясь изъ «похода по Волгѣ», Екатерина доказала сенату, въ первомъ же засѣданіи, что она многое видѣла.

Походъ по Волгѣ, въ 1767 году, продолжался полтора мѣсяца, со 2-го мая по 16-е июня, съ «суточными остановками по городамъ» ¹⁾. Въ день отъѣзда изъ Москвы, 28-го апрѣля, Екатерина писала генераль-рекетмейстеру Козлову: «Иванъ Ивановичъ! Во время моего отсюда отсутствія продолжайте по-часту ходить по коллегіямъ, дабы тѣ порядки паки не пришли въ упадокъ, которые мы, слава Богу, хоть съ трудомъ завели» ²⁾. Вся Москва вышла провожать императрицу: «отъ дворца до Всесвятскаго рядовъ въ десять мѣстами людей и каретъ стояло» ³⁾. Благодаря «посредственной дорогѣ и очень хорошей погодѣ» ⁴⁾, императрица прибыла въ Тверь 29-го апрѣля, въ 9-мъ часу вечера. Тверь нельзя было узнать—пожаръ способствовалъ ей много къ украшенію. Въ маѣ 1763 г. деревянный городъ совсѣмъ выгорѣлъ. «Съ крайнимъ сожалѣніемъ—писала Екатерина генераль-прокурору—усмотрѣла разореніе по волѣ Божіей города Твери. Старайтесь о вспоможеніи самымъ несчастнымъ людямъ. Я думаю многимъ не печально, что дѣла всѣ почти сгорѣли» ⁵⁾. Вспоможение погорѣльцамъ было оказано въ самыхъ широкихъ размѣрахъ ⁶⁾, и «Екатерина осматривала теперь въ Твери новыя постройки, осталась ими очень довольна и благодарила гр. Фермора, подъ руководствомъ котораго производилось возсозданіе Твери въ продолженіе четырехъ лѣтъ. 1-го мая, послѣ обѣденнаго стола, императрица «посѣтила преосвященнаго въ его подгородномъ домѣ» и пробыла у него «довольно долго» ⁷⁾.

Петръ Петровъ, учитель риторики въ Троицко-Сергіевской семинаріи, принялъ монашество по настоянію ректора Гедеопа Криневскаго и на-

¹⁾ „Чтенія“, 1863, II, 16.

²⁾ „Сборникъ“, X, 179.

³⁾ „Чтенія“, 1863, II, 16; „Сборникъ“, X, 186.

⁴⁾ „Чтенія“, *ibid.*, 15; „Сборникъ“, X, 183.

⁵⁾ „Сборникъ“, VII, 285.

⁶⁾ „Архивъ Севата“, т. 106, л. 448: „Полн. Собр. Зак.“, № 11847; „Арх. кн. Воронцова“, VII, 645; XXVIII, 39.

⁷⁾ „С.-П.-Б. Вѣдомости“, 1767; по „Камеръ-Фур. Журналу“—„съ часъ времени“ (98).

речень былъ Гавріиломъ. Монахъ по неволѣ быстро сдѣлалъ карьеру: постриженный въ 1758 году, онъ былъ уже епископомъ въ 1763 году и вскорѣ сталъ митрополитомъ санктъ-петербургскимъ и новгородскимъ. Екатерина уважала его, какъ «мужа остраго и резонабельнаго»¹⁾; ему, между прочимъ, поручила разсмотрѣть свой знаменитый «Наказъ», и ему же посвятила свой единственный литературный трудъ, исполненный во время похода по Волгѣ.

2-го мая, въ 2 часа по-полудни, Екатерина сѣла на суда, и началось плаваніе. Императрица впервые увидѣла матушку-Волгу и была очарована ею. Уже 5-го мая, изъ Калаязина, она писала: «Чась-оть-часу берега Волги становятся лучше. Вчера мы Кимру проѣхали, которая издали не уступаетъ Петергофу, а вблизи уже все не то»²⁾. Очевидно, Екатерина была въ полномъ восхищеніи, если ей Кимры показались за Петергофъ!

7-го мая поднялась буря. «Въ 6 часу утра, за крѣпкимъ вѣтромъ³⁾, легли на якорь и всѣ сутки лежали на якорѣ». Во время бури Екатерина написала свое знаменитое письмо Мармонтелю:

«Милостивый государь! Я получила ваше письмо, сопровождавшее присланную вами мнѣ книгу, въ ту минуту, когда отправлялась въ путешествіе по разнымъ провинціямъ. Чтеніе ея я оставила себѣ на дорогу; оно окончено; примите же мои благодаренія—я въ восхищеніи отъ книги и не я одна; эта книга заслуживаетъ быть переведенною на всѣ языки. Велисарій укрѣпилъ меня въ убѣжденіи, что истинная слава заключается единственно въ началахъ, проповѣдуемыхъ Велисаріемъ столь же пріятно, какъ и основательно. Будьте увѣрены, милостивый государь, въ отличномъ уваженіи, которое я издавна питаю къ его автору. Не знаю, какъ помѣтить свое письмо: я на кораблѣ, среди Волги, при столь крѣпкой погодѣ, что многія дамы назвали бы ее ужаснѣйшею бурей. 7-го мая 1767 года»⁴⁾.

Что же такое «Bélisaire» roman par M. Marmontel? Это менѣе всего романъ и, во всякомъ случаѣ, въ этомъ романѣ нѣтъ ни драматическаго интереса, ни сценическаго движенія, никакого художественнаго замысла. Это—популярное изложеніе вопросовъ государственнаго права въ формѣ бесѣды престарѣлаго мужа, Велисарія, съ юнымъ царедворцемъ Тибериемъ, любимцемъ Юстиньяна, который, пользуясь слѣпотю Велисарія,

¹⁾ Макарій, архим., „Сказаніе о жизни и трудахъ преосв. Гавріила“, 17.

²⁾ „Чтеніе“, 1863, II, 17; „Сборникъ“, X, 126. Графу М. И. Воронцову Екатерина писала изъ-подъ Ярославля: „Волга не въ примѣръ лучше Невы“ (Ibid., 190). Ср. XXII, 353.

³⁾ „Камеръ-Фур. Журналъ“: „за несобоснымъ вѣтромъ“ (III).

⁴⁾ Oeuvres de Marmontel, ed. 1813, Congresp., 142; „Сборникъ“, X, 187.

самъ присутствуетъ при бесѣдѣ и выслушиваетъ политическія, соціальныя и религіозныя понятія французскихъ философовъ прошлаго вѣка.

Велисарій—сторонникъ монархическаго правленія. «Не думаешь-ли ты, что совѣтъ или народъ собранный можетъ быть болѣе справедливъ и меньше ошибокъ подверженъ? Въ царствованіе-ли одного Камиллы, Оемистоклы, Аристиды гонимы были?.. Чего намъ опасаться, долженъ былъ говорить народъ, чего опасаться намъ, дѣлая царя надъ нами? Добро его дѣлаемъ изъ добра общаго ¹⁾, сила его состоитъ изъ силъ всего государства; слава его зависѣть будетъ отъ благосостояній нашихъ, царствованіе его будетъ въ насъ и чрезъ насъ только. Итакъ, чтобы любить народы свои, ему остается лишь любить самого себя; быть къ намъ справедливу и милосердиу собственныя его пользы принудять... Тиранство казалось имъ родомъ самоубійства, которое не можетъ иначе быть, какъ дѣйствіе бѣшенства и сумасшествія». По словамъ Велисарія, монархъ болѣе достоинъ сожалѣнія, чѣмъ народъ, ему подвластный: велики заботы отца, имѣющаго пять, шесть дѣтей, каково же положеніе монарха, считающаго своихъ миллионами! «Обязуюсь — долженъ былъ говорить царь — жить лишь для народа моего; посвящаю покой мой спокойствію его; обещаюсь давать ему законы полезные и справедливые, не имѣть иной воли, какъ согласной съ законами сими. Чѣмъ могущественнѣй онъ меня надѣляетъ, тѣмъ менѣе останусь свободенъ во мнѣ ²⁾, чѣмъ болѣе онъ вдастся мнѣ, тѣмъ болѣе себя обязетъ меня. Я долженъ ему отчетомъ въ моихъ слабостяхъ, въ страстяхъ моихъ и заблужденіяхъ». Велисарій противопоставляетъ заботливаго о благѣ подданныхъ государя суровому деспоту, окружающему себя клеветами и временщиками: «Тигры, коихъ человекъ воспитываетъ для ловли, съѣдаютъ своего господина, если онъ забудетъ раздѣлить съ ними добычу: таково есть обязательство тирановъ; напротивъ того, въ странѣ управляемой отечески, каждый гражданинъ во врагѣ государевомъ видитъ своего собственнаго... Его власть, вовнутри утвержденная, будетъ тѣмъ повелительнѣе и почтеннѣе назвѣнъ; и какъ на тордость, ни славолюбіе, ниже своеправіе никогда рукъ его къ принятію оружія не простираютъ, то силы его, кои онъ бережетъ, имѣютъ всю свою бодрость, когда защищаетъ его народъ противъ домашняго разорителя или чужаго похитителя... Невольникъ неохотно на брань идетъ за свою темницу и узы; свободный и довольный гражданинъ, который любить своего государя и отъ него любимъ, обороняетъ скипетръ, какъ свою защиту, престолъ — какъ свое прабѣжище, и, воюя за свое отечество, видитъ вездѣ свою отчизну».

¹⁾ Въ оригиналѣ: du bien de tous nous faisons le sien.

²⁾ Въ оригиналѣ: plus il me rend puissant, moins il me laisse libre.

Велисарій убѣжденъ, что по существу монархическаго правленія интересы государя и государства тождественны; но онъ не скрываетъ, что въ дѣйствительности эти интересы нерѣдко становятся противоположными, «когда государь удостоиваетъ своимъ довѣріемъ недостойныхъ людей, которые увѣряютъ его, чтобы онъ всегда былъ остороженъ противъ многочисленныхъ непокорныхъ людей, безпокойныхъ и возмутительныхъ, заставляють его вѣрить, что ему должно имѣть силы для сопротивленія имъ. И такъ вооружается государь противъ собственнаго народа... Если государь имѣлъ несчастье поддаться такимъ внушеніямъ, въ понятіи его отдѣляется свое отъ народнаго и государственнаго, онъ становится скупымъ и выигрываетъ то, что у подданныхъ похищаетъ, изъ чего проистекають жалобы и роптанія; отсюда та внутренняя и скрытная война, которая, какъ сокровенный огонь, тлится въ вѣдрахъ государства. Тогда и государь чувствуетъ надобность той помощи, которую имѣлъ въ готовности, чаеть, что поступилъ благоразумно, приготовивъ вооруженную силу противъ своего народа, но не видитъ, что не было бы ему нужды въ сихъ робкихъ предосторожностяхъ, если бы онъ былъ правосуденъ, и что тѣ подлыя и суровыя страсти, коимъ онъ жалованье даетъ, были бы для него бесполезны, если бы онъ былъ добродѣтеленъ... Трудно государю среди своекорыстныхъ совѣтовъ, подавать которые всегда много охотниковъ, трудно остаться вѣрнымъ идеалу добра и правды, трудно, но возможно. Для этого ему нужно знаніе всѣхъ соображеній, касающихся до человѣческаго блага... въ семь то долженъ государь упражняться и упражняться всю жизнь. Познавать самого себя, познавать людей, стараться разбирать въ нихъ основаніе природныхъ ихъ способностей, побужденіе, привычки, свойство сложения, дѣйствіе принятыхъ мнѣній, силу и слабость ума и духа, не съ бесполезнымъ и преходящимъ любопытствомъ, но съ твердымъ желаніемъ, влагающимъ почтеніе въ льстецовъ, вникать въ нравы, въ способности, въ имущество своихъ народовъ и въ поведеніе опредѣленныхъ надъ ними правителей, а для лучшаго познанія давать со всѣхъ сторонъ свободный ходъ просвѣщенію, имѣя въ омерзеніи темныя доносы, ободрять и защищать тѣхъ, кои открываютъ явно злоупотребленія, именемъ государя учиненныя» ¹⁾).

Вотъ какой «романъ» читала Екатерина на галерѣ «Тверь». Русскій посланникъ въ Парижѣ князь Д. А. Голицынъ писалъ Мармонтелю: «Велисарій имѣлъ рѣшительный успѣхъ у императрицы. Во время путешествія по Волгѣ ея императорское величество переводила вашъ романъ на русскій языкъ; лица, сопровождавшія ее, получили каждый по главѣ; девятая досталась самой государынѣ. Когда переводъ былъ го-

¹⁾ „Заря“, 1869, май, 33—35.

товъ, императрица потрудилась просмотрѣть весь переводъ и приказала его напечатать». Нѣсколько недѣль спустя: «Велисарій печатается въ Москвѣ, и императрица предполагаетъ возможно болѣе распростра- нить его въ Россіи, съ тѣмъ, говорить ея величество, чтобы мои подданные знали, какіе узы соединяютъ меня съ ними».

Ничего подобнаго никогда даже не грезилось автору, и онъ искренно дивился, что русская самодержица переводила именно девятую главу. Мармонтель писалъ по этому поводу Екатеринѣ: «Ваше величество положили печать безсмертія на мое сочиненіе, переведя изъ него цѣлую главу. Не говорю о томъ, что въ этой милости заключается лестнаго для меня лично, но съ восторгомъ воображаю, сколько пользы принесетъ это народамъ вашего величества. Въ девятой именно главѣ говорится, между прочимъ, слѣдующее: «только сила закона имѣетъ власть неограниченную; а человекъ, который хочетъ царствовать самовластно, становится невольникомъ; государь долженъ заботиться болѣе всего объ одномъ только союзѣ—о союзѣ съ народомъ своимъ: государь и народъ—нераздѣльны; связь эта составляетъ силу государя; на ней основаны его величіе, его спокойствіе, его слава». И эту-то главу ваше величество какъ бы усвоиваете и освѣщаете собственноручнымъ переводомъ, чтобы, по вашимъ словамъ, подданные ваши знали, какіе узы соединяютъ васъ съ ними. Эти слова слѣдовало бы изсѣчь на мѣди и запечатлѣть во всѣхъ сердцахъ. Сколько величій въ этомъ геройскомъ чистосердечіи!»

Въ письмѣ къ Вольтеру, изъ Казани, отъ 29-го мая, Екатерина говоритъ, что «переводъ Велисарія уже готовъ и немедленно будетъ печататься» ¹⁾. Печатаніе шло довольно медленно, и переводъ впервые ²⁾ появился въ печати лишь въ 1768 году. Отправляя экземпляръ русскаго перевода Мармонтелю, Екатерина, въ письмѣ, составленномъ ею отъ имени всѣхъ переводчиковъ ³⁾ передавала слѣдующія подробности: «Когда «Велисарій» прибылъ въ Россію, случилось, что двѣнадцать лицъ предположили отправиться внизъ по Волгѣ, отъ Твери до Симбирска. Они были такъ восхищены чтеніемъ этой книги, что согласились употребить свои часы досуга на переводъ «Велисарія» на

¹⁾ „Сборникъ“, X, 205.

²⁾ „Велпцерь, романъ г. Мармонтеля, перев. съ французскаго. Москва, 1768 года“. Этотъ же переводъ былъ перепечатанъ нѣсколько разъ: въ 1773 году въ Петербургѣ, въ 1777 году въ Вѣнѣ, въ 1785 году два раза—въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Такимъ образомъ, при жизни Екатерины II этотъ русскій переводъ выдержалъ пять изданій. Существуетъ еще другой переводъ этого романа, сдѣланный г. Курбатовымъ и вышедшій въ Петербургѣ въ 1769 году. Сверхъ того, эти переводы были изданы въ 1802, 1803, 1818 гг.

³⁾ „Сборникъ“, X, 268.

родной языкъ. Одинадцать изъ этихъ лицъ раздѣлили между собою главы по жребію, а на двѣнадцатаго, прибывшаго позже, было возложено сочиненіе посвященія отъ переводчиковъ епископу тверскому, котораго всѣ нашли достойнымъ того, чтобы его имя стояло во главѣ изданія. Кромѣ хорошихъ качествъ его ума и сердца, онъ только что отличился проповѣдью ¹⁾, мораль которой столь же безупречна, какъ и въ этой превосходной книгѣ».

Въ отвѣтъ на эту любезность Мармонтель писалъ Екатеринѣ:

«Государыня! Если-бъ «Велисарій» былъ написанъ только съ цѣлю внушать народамъ непоколебимую вѣрность и безусловную преданность, было бы неудивительно, что самодержица обширнаго государства пожелала распространить такую книгу въ своихъ владѣніяхъ; но эта книга имѣетъ цѣлю также доказать царямъ, что ихъ могущество, ихъ величіе, ихъ слава требуютъ, чтобы они были справедливы, и что они становятся самыми зависимыми, самыми несчастными изъ невольниковъ, какъ только допущено страстямъ занять мѣсто законовъ. Вотъ что ваше величество не только дозволило перевести на языкъ своего народа, но что вы имѣли мужество и великодушіе перевести сами. Таковы-то развлеченія законодательницы Сѣвера! Мало того: дабы утвердить правила, прямо противоположныя фанатизму и преслѣдованіямъ, вы пожелали посвятить переводъ «Велисарія» одному изъ самыхъ добродѣтельныхъ людей своей имперіи — пастырю, жизнь котораго дѣлаетъ честь духовенству и который воскрешаетъ тѣ счастливыя времена, когда святая дѣла были въ святыхъ рукахъ.

«О, какъ далеки правила вашего величества отъ тѣхъ, которыя предписываютъ открывать народу лишь концы его цѣпей и безпрестанно напоминать ему объ его обязанностяхъ, но никогда не говорить о его правахъ, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, объяснять взаимныя обязательства и взаимныя узы, установленныя самою природою между государемъ и народомъ, значить оказывать неуваженіе государямъ.

«Переводъ «Велисарія» на русскій языкъ есть, безъ сомнѣнія, прекрасный памятникъ, воздвигнутый человѣческому слову и философіи; но вмѣстѣ съ тѣмъ это, смѣю сказать, и памятникъ царской власти. Ни при одномъ дворѣ въ мірѣ истинѣ не было оказано подобнаго почета. Я не могъ, государыня, вполнѣ насладиться честію, оказанною

¹⁾ Преосв. Гавріилъ сказалъ двѣ проповѣди: 29-го апрѣля, при встрѣчѣ императрицы въ Твери, и 2-го мая, при отплытіи ея („Камеръ-Фур. Журн.“, 93 и 104). Первая рѣчь напечатана въ „С.-П.-Бургскихъ Вѣдомостяхъ“—она ничѣмъ не отличается отъ обычныхъ привѣтственныхъ словъ; вторая—не напечатана, но въ газетахъ отмѣчено, что „какъ содержаніе, такъ и пріятное краснорѣчіе достойну похвалу приобрѣло, въ началѣ отъ ея величества, а потомъ общюю отъ всѣхъ слушателей“.

моей книгѣ: я не знаю русскаго языка. Но какъ истинно вѣрующіе чтутъ библію, не повиная ея, такъ и я съ благоговѣйнымъ уваженіемъ поцѣловалъ буквы IX главы, съ мыслью о рукѣ, которая ихъ начертала. Я заставилъ перевести себѣ буквально этотъ новый для меня текстъ и убѣдился, что моимъ мыслямъ достался такой же счастливый удѣлъ, какъ тѣмъ ручьямъ, которые просачиваются сквозь золотоносную жилу».

Литературныя занятія Екатерины не мѣшали дѣламъ государственнымъ даже и во время путешествій. Изъ Ярославля, отъ 10-го мая. Екатерина писала Н. И. Панину: «Изволь-ка мнѣ прислать дѣла, я весьма праздно живу» ¹⁾. Въ Ярославлѣ императрицу встрѣтили пять иностранныхъ министровъ—прусскій, датскій, саксонскій, испанскій и цесарскій ²⁾, «которые всѣ въ полномъ удовольствіи» и сопровождали Екатерину до Костромы. Въ Ярославлѣ, занятая улаженіемъ раздоровъ между купечествомъ и осмотровъ фабрикъ Холшевникова, Колосова и др. ³⁾, императрица замѣтила, однако, что «ярославки лицомъ хороши, а тальею и одѣяніемъ на шарретонде похожи» ⁴⁾.

Ярославль «весьма всѣмъ понравился», но болѣе всего произвелъ впечатлѣніе, даже и на иностранныхъ министровъ, пріемъ, устроенный дворянствомъ въ Костромѣ: «я ихъ всѣхъ не одинажды видѣла въ слезахъ отъ народной радости, а И. Гр. Чернышевъ весь обѣдъ проплакалъ отъ здѣшняго дворянства благочиннаго и ласковаго обхожденія» ⁵⁾.

Нижній - Новгородъ произвелъ на Екатерину самое дурное впечатлѣніе. «Сей городъ ситуаціею прекрасенъ, а строеніемъ мерзокъ; Чебоксары для меня во всемъ лучше Нижняго - Новгорода», писала императрица ⁶⁾. Едва прибывъ въ Нижній, она получила неприятное извѣстіе о банкротствѣ придворнаго банкира Гомма, и по этому поводу писала Панину: «Я васъ спрашиваю, что Веймарнъ и всѣ надъ Гоммомъ приставленные смотрѣли, и доколѣ мнѣ отъ проклятаго выписыванья серебра скуку нести?» ⁷⁾. Въ особомъ и «секретномъ» рескрип-

¹⁾ „Сборникъ“, X, 189.

²⁾ „Камеръ-Фур. Журн.“, 119. Деша саксонскаго резидента, отъ 30-го апрѣля 1767 г., обозначена такъ: Voyage de l'Impératrice à Casan. Invitation de ministres étrangers de venir à Jaroslaw. („Сборникъ“, XXXVII, 80).

³⁾ Ibid., 128. См. письмо Н. И. Панину отъ 10-го мая („Сборникъ“, X, 189).

⁴⁾ „Сборникъ“; ibid., 190.

⁵⁾ „Чтенія“, 1863, II, 20; „Русск. Архивъ“, 1867, 350; „Сборникъ“, X, 191.

⁶⁾ Ibid., 201, 202.

⁷⁾ „Чтенія“, 1863, II, 21. Въ „Архивѣ Сената“, дѣло № 1511: „О несостоятельности придворнаго банкира англійскаго купца Гомма и выписываемомъ чрезъ его контору изъ-за границы для монетнаго двора золотѣ и се-

тѣ къ новгородскому архіепискому Дмитрію (Сѣченову) Екатерина очень рельефно изобразила бѣдственное состояніе духовенства нижегородской епархіи: «Во всемъ здѣшнемъ духовенствѣ примѣчается духъ гоненія. Сія же епархія, кажется, весьма достойна особливаго примѣчанія, ибо число правовѣрныхъ, думаю, меньше, нежели число иновѣрныхъ и раскольниковъ; и такъ, кажется, нужнѣе всего здѣсь имѣть священство, просвѣщенное ученіемъ, нрава кроткаго и добраго житія, кои-бы тихостью, проповѣдью и безпорочною добронравнаго ученія подкрѣпляли во всякомъ случаѣ евангельское слово. Противное сему поведеніе было примѣтно, которое здѣсь для примѣра опишу: въ дворцовомъ селѣ Городцѣ, гдѣ мнѣ случилось быть на освященіи церкви, въ находящемся близъ того села Федоровскомъ монастырѣ, умалчиваю о томъ, что игуменъ такъ старъ, что насиду служить можетъ, и что монахи такъ мало его почитаютъ, что громко съ бранію наставляли, какъ ему служить, что и дѣйствительно онъ худо знаетъ, еще приходскіе городецкіе священники подали мнѣ челобитную, всѣми подписанную, въ коей просили, чтобы сдѣлано было разсмотрѣніе о ихъ проплатаніи, прописывая, будто лишились они всѣхъ прихожанъ, за запискою оныхъ въ расколъ; раскольники же говорили, что священники съ ними обходятся какъ съ басурманами, не хотятъ ни молитвы давать, ни крестить младенца» ¹⁾. Нижегородское купечество оказалось столь же несостоятельно, какъ и духовенство: «всѣ почти купцы малые имѣютъ капиталы, и по той причинѣ не могутъ расторговаться»; чтобы помочь горю, Екатерина учредила первую въ Россіи акціонерную «нижегородскую компанію» ²⁾.

Нижній произвелъ дурное впечатлѣніе, Казань обворожила. «Городъ всячески можетъ слыть столицею большаго царства. Пріемъ мнѣ отъиной; намъ отъиной онъ кажется, кои четвертую недѣлю видимъ вездѣ равную радость, а здѣсь еще отличнѣе. Если бы дозволили, они бы себя вмѣсто ковра постлали, а въ одномъ мѣстѣ по дорогѣ мужики свѣчи давали, чтобы предо мною поставить, съ чѣмъ ихъ прогнали. Кутухтой здѣсь быть не долго, однако, выключая сего эксцесса, вездѣ весьма чинно все происходитъ. Здѣсь триумфальныя ворота такія, какъ я еще лучше не видала. Я живу здѣсь въ купеческомъ каменномъ домѣ, девять покоевъ анфиладою, всѣ шелкомъ обитые; креслы и канапеи вызолоченныя; вездѣ трюмо и мраморныя столы подъ ними» ³⁾. Черезъ четыре

ребрѣ». Это любопытное дѣло окончилось лишь въ 1774 году. См. „Сборникъ“, X, 192, гдѣ помѣщено анонимное письмо относительно первыхъ навѣстій о несостоятельности Гомма.

¹⁾ „Русскій Архивъ“, 1866, 55.

²⁾ „Архивъ Сената“, т. 122, л. 225; „Сборникъ“, X, 198.

³⁾ „Чтенія“, 1863, II, 24.

дня: «Отселѣ выѣхать нельзя: столько разныхъ объектовъ, достойныхъ взгляду, idée же на десять лѣтъ здѣсь собрать можно» ¹⁾). Изъ Казани же Екатерина писала И. И. Бецкому: «Нашихъ кадетъ должно учить по-татарски, ибо случится кому здѣсь быть употреблену, великое то будетъ для службы польза, а для нихъ облегченіе» ²⁾). Очевидно, императрица желаетъ помочь инородцамъ, облегчить положеніе татаръ, «изводимыхъ» русскими чиновниками подъ предлогомъ непониманія ихъ языка.

Казанское впечатлѣніе было испорчено мѣстнымъ духовенствомъ. Два монаха Печерскаго монастыря подали императрицѣ жалобу на архимандрита, который не даетъ имъ сполна положеннаго по штатамъ. Екатерина велѣла препроводить жалобу ихъ къ архіерею, чтобы разобралъ дѣло и подтвердилъ по всей епархіи не удерживать жалованья, при чемъ написала: «а сямъ монахамъ въ вину того ставить не велите, что они прибѣгли ко мнѣ съ прошеніемъ, поставя то имъ въ простоту, какъ и я оный поступокъ ихъ почитаю» ³⁾). Нѣсколько дней спустя, императрица убѣдилась въ вандализмъ казанскаго духовенства. Вотъ что она сообщала изъ села Вознесенскаго, имѣнія графа И. Г. Орлова: «Мы ѣздили смотрѣть развалины стариннаго Тамерланомъ построеннаго города Болгары и нашли дѣйствительно остатки большихъ, но не весьма хорошихъ строеній, два турецкіе минарета весьма высокіе, и все, что тутъ ни осталось, построено изъ плиты весьма хорошей; теперь же великое почтеніе имѣютъ къ сему мѣсту и ѣздятъ Богу молиться въ сіи развалины. Сему одинъ говнтель, казанскій архіерей Лука позавидовалъ, при покойной императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, и много разломалъ, а изъ оныхъ построилъ церковь, погреба и подъ монастырь занялъ, хотя Петра I указъ есть, чтобы не вредить и не ломать сію древность» ⁴⁾).

Это было писано 3-го іюня, а 5-го, въ 10-мъ часу утра, прибыли въ Симбирскъ, конечный пунктъ «похода по Волгѣ». Екатерина вынесла за послѣдніе дни плаванія по Волгѣ самыя отрадныя впечатлѣнія: «Здѣсь народъ по всей Волгѣ богатъ и весьма сытъ, и хотя цѣны вездѣ высокія, но всѣ хлѣбъ ѣдятъ, и никто не жалуется и нужду не терпятъ... Хлѣбъ всякаго рода такъ здѣсь хорошъ, какъ еще не видали; по лѣсамъ же вездѣ вишни и розыны дикіе, а лѣса инаго нѣтъ, какъ дубъ и липа;

¹⁾ „Сборникъ“, X, 206.

²⁾ Савельевъ, очеркъ инженернаго управленія, 253.

³⁾ Соловьевъ, XXVII, 62. Извѣстіе это замѣстовано въ госуд. архива; Русское Историческое Общество, издавая екатерининскія бумаги этого архива, указанное извѣстіе, однако, не напечатало.

⁴⁾ „Чтенія“, 1863, II, 27; „Сборникъ“, X, 207; XIII, 284. Девять лѣтъ позже, императрица вспомнила о Болгарахъ, разрѣшая постройку близъ нихъ селитрянаго завода („Архивъ Сената“, т. 139, л. 358; „Поли. Собр. Зак.“, № 14517).

земля такая черная, какъ въ другихъ мѣстахъ въ садахъ на градахъ не видать. Однимъ словомъ, сіи люди Богомъ избалованы; я отъ роду такихъ рыбъ вкусно не ѣдала, какъ здѣсь, и все въ изобиліи, и я не знаю, въ чемъ бы они имѣли нужду; все есть и все дешево» ¹⁾).

Плаваніе по Волгѣ окончено. Изъ Симбирска императрица возвратилась въ Москву сухимъ путемъ. Екатерина съ грустью рассталась съ маленькою волжскою флотиліею. «Ничего пріятіе быти не можетъ, какъ вояжировать безъ устали цѣлымъ домомъ. Истинно, что съ галеры сойтти не хочется, и надобно Ивану Григорьевичу (Чернышеву) честь отдать, что ничего не позабыто, что можетъ служить къ облегченію толь дальняго пути» ²⁾).

Екатерина, особымъ указомъ, помѣщаемымъ ниже (№ 6), позаботилась о судахъ волжской флотиліи и тѣмъ, быть можетъ, сохранила до нашего времени, по крайней мѣрѣ, главную галеру «Тверь»: она хранится въ Казани, въ Адмиралтейской слободѣ, въ большомъ деревянномъ сараѣ. На правомъ борту «Твери», близъ параднаго трапа, прибита дощечка съ слѣдующею надписью: «Галера «Тверь», на которой прибыла императрица Екатерина II изъ Твери въ г. Казань въ 1767 году. Сохраняется по повелѣнію императора Александра I». Не сказано, однако, по чьему повелѣнію уничтоженъ сарай, въ которомъ хранился яликъ императора Павла I, и самый яликъ поставленъ на палубу галеры.

16-го іюня императрица Екатерина II возвратилась въ Москву и 22-го, присутствуя въ сенатѣ, заявила слѣдующій результатъ своей поездки: «Во всей дорогѣ хотя болѣе шестисотъ челобитенъ подано, но, кромѣ одной, и то по партикулярной обидѣ, а не по дѣламъ и по должности, не нашлось на правительствѣ и на воеводѣ; еще меньше о взяткахъ, а по большей части всѣ, выключая нѣсколько недѣльныхъ отъ помѣщичьихъ крестьянъ въ большихъ съ нихъ сборахъ тѣхъ хозяевъ, кои возвращены съ подтвержденіемъ о неподаваніи впредь таковыхъ, всѣ прочія отъ пахатныхъ солдатъ и отъ новокрещенныхъ въ завладѣніи землями и въ недостатокѣ оныхъ; изъ чего видно, что въ тамошнихъ мѣстахъ большая нужда въ межеваніи, а именно въ уѣздахъ, о конхъ особый ревстръ прилагается. Чтобы же въ земляхъ недостатокъ заподлинно былъ, того по партикулярнымъ извѣстіямъ не видно; ибо почти вездѣ втрое противъ того, что разрабатывать могутъ» ³⁾). Въмѣстѣ съ тѣмъ императрица предложила сенату рядъ вопросовъ, по которымъ гу-

¹⁾ „Чтенія“, 1863, II, 26, 28.

²⁾ Ibid., 22.

³⁾ „Сборникъ“, X, 216.

бернаторы и воеводы должны были сообщить свѣдѣнія объ увеличивающейся дороговизнѣ хлѣба ¹⁾).

Помѣщаемые ниже документы изъ архива морскаго министерства касаются двухъ походовъ: по Волгѣ, въ 1767 г., и по Диѣпру, въ 1787 г. Знаменитое таврическое путешествіе весьма обстоятельно обработано Г. В. Есиповымъ въ «Кіевской Старинѣ». Въ оба похода командиромъ императорской галеры былъ Петръ Ивановичъ Пущинъ (1728—1812), боевой адмиралъ, въ послѣдніе годы жизни Екатерины занимавшій постъ командира кронштадтскаго порта. Въ семейномъ архивѣ Пущинныхъ хранится, между прочимъ, слѣдующая собственноручная записка къ нему императрицы:

«Петръ Ивановичъ. Буде итальянской попъ, присланный къ вамъ для высылки отъ селѣ на корабля еще не высланъ, то пришлите его какъ возможно секретнѣе подъ присмотромъ добрымъ суда къ генералу фельдцейхмейстеру графу Зубову въ таврической дворецъ»

«Екатериана».

«апрѣля 28 ч. 1794».

I.

Плаваніе по Волгѣ.

1.

Журналъ Адмиралтействъ-коллегіи 1766 г.

6-го августа. Адмиралтействъ-коллегія имѣла разсужденіе: понеже во исполненіе высочайшаго ея императорскаго величества именнаго указа, по которому высочайше повелѣть соизволила по представленной ея величеству отъ адмиралтейской коллегіи примѣрной модели и чертежу судна для плаванія по рѣкѣ Волгѣ построить таковыхъ въ Твери три, которые бы въ началѣ 1767 г. были готовы; по опредѣленію коллегіи велѣно для того построить три галеры, чего ради посланъ былъ галернаго флота капитанъ Пущинъ и галерный мастеръ Озеровъ съ командою, и велѣно на строеніе предписанныхъ галеръ лѣса заготовлять на всѣ, и строить прошедшею зимою одну галеру меньшей пропорціи, которая и построена, и капитанъ Пущинъ присланнымъ въ коллегію ра-

¹⁾ Въ Архивѣ Сената хранится подъ 1767 годомъ, безъ №, огромный томъ съ отвѣтами.

портомъ объявилъ, что на другія двѣ галеры по контракту подрядчиками лѣса имѣютъ быть поставлены августа къ 1-му числу, приказали: для начатія строеніемъ вышеупомянутыхъ достальныхъ двухъ галеръ, дабы оныя неотмѣнно, по силѣ вышеобъявленнаго именнаго повелѣнія, къ началу 1767 года совсѣмъ построены и приготовлены были, за болѣзнію галернаго мастера Озерова, подмастера Щепина съ подлежащимъ числомъ прочихъ служителей и съ удовольствіемъ потребныхъ матеріаловъ и припасовъ отправить немедленно, которому по прибытіи въ Тверь велѣтъ показанныя галеры нисколько мѣшкая строеніемъ начать, одну таковой же пропорціи какая построена, а другую 12-ти баночную, а когда галерный мастеръ Озеровъ отъ болѣзни получить свободу, тогда онаго, для наилучшаго ему, Щепину, въ томъ строеніи показанія, отправить же, а дабы не отмѣнно означенныя въ Твери двѣ галеры въ свое время построены быть могли, въ томъ капитану Пушину имѣть всекрайнее стараніе.

2.

Высочайшій указъ Адмиралтействъ-коллегіи ¹⁾.

2 мая 1767 году. Тверь.

Всемялостивѣйшее пожаловали мы капитана 2-го ранга Пушину, за приложенное его ревностное стараніе въ построеніи для походу нашего по Волгѣ судовъ, во флотскіе капитаны 1-го ранга. А бывшимъ при немъ Адмиралтействъ-коллегіи въ награжденіе выдать повелѣваемъ: лейтенанту Ѳедоту Мистрову годовое по его чину жалованье; галерному мастеру Щепину и ластовыхъ судовъ Каребникову: первому за каждую галеру по положенію, а другому за построенныя имъ суда, за каждое по 30 рублей. Всѣмъ же адмиралтейскимъ мастерамъ и нижнимъ чинамъ, которые при ономъ строеніи здѣсь были, 1.600 руб., которые имъ раздѣлить должно по пропорціи получаемого ими жалованья.

3.

Предложеніе Адмиралтействъ коллегіи ея президента графа И. Г. Чернышева.

16 іюня 1767 году. Москва.

Сколь поведеніе и содержаніе всей морской команды, бывшей на рѣкѣ Волгѣ, было исправно, о томъ государственная адмиралтейская

¹⁾ № 706, л. 51. Веселаго, Описаніе дѣлъ архива морскаго министерства, III, 567.

коллегія удостовѣриться могла изъ присланнаго при рапортѣ отъ капитана Пущина даннаго аттестата по высочайшему ея императорскаго величества повелѣнію, за рукою держурнаго генераль-адъютанта, къ чему при томъ еще присовокупить имѣю, что сверхъ прещедраго отъ ея императорскаго величества награжденія каждаго оберъ-офицера особо драгоцѣнными золотыми часами или табакерками, и того что вкупѣ на всю команду 6.200 р. пожаловать изволила и ко мнѣ изъ Симбирска отъ 6-го числа сего мѣсяца своеручно всевысочайше писать, между прочимъ, сими точно словами: «поведеніемъ моряковъ всей команды я весьма довольна» ¹⁾).

Таковыя знаки щедрости ея императорскаго величества, простирающіе до всей команды, и высочайшее доказательство своего монаршаго благоволенія и апробаціи поведенія цѣлой почти части галернаго флота заслуживаютъ отъ государственной адмиралтейской коллегіи уваженіи и благодаренія, которому они достойны сдѣлались, слѣдуя ея повелѣнію и даннымъ хорошиямъ наставленіемъ.

Столь же лестный аттестатъ для морской команды въ оригиналѣ въ адмиралтействъ-коллегію посылаю, который, будучи сохраненъ съ прочими именными повелѣніями, на вѣки будетъ служить доказательствомъ высочайшей ея императорскаго величества милости ко флоту.

4.

*Экстрактъ изъ журнала плаванія ея императорскаго величества на за-
лерахъ по рѣкѣ Волгѣ, отъ Твери до Симбирска, въ 1767 году.*

2-го мая. Съ полудня въ 2 часа снялись съ якоря отъ города Твери и пошли греблю. Въ 8 часу, прошедъ отъ мѣста 36 верстъ, для вечерняго стола и ночнаго времени противъ лежащаго на нагорной сторонѣ села Городни легли на якорь.

3-го мая. По полуночи въ половинѣ 4 часа снялись съ якоря и пошли греблю. Въ половинѣ 11 часа, прошедъ 37 верстъ, противъ лежащаго на луговой сторонѣ села Сухорно для обѣденнаго стола легли на якорь. Въ половинѣ 2 часа пополудни снялись съ якоря и пошли греблю. Въ половинѣ 8 часа для вечерняго стола и ночнаго времени, прошедъ 20 верстъ, противъ лежащаго на нагорной сторонѣ села Новоселье легли на якорь.

4-го мая. Съ полуночи въ четверть 4 часа снялись съ якоря, пошли греблю. Въ началѣ 11 часа, прошедъ 26 верстъ, для обѣденнаго стола, не дошедъ лежащей на луговой сторонѣ деревни Топорки, легли

¹⁾ № 705, л. 69. Веселаго, 1. с

на якорь. Во второмъ часу пополудни снялись съ якоря и пошли греблю. Въ исходѣ 8 часа для вечерняго стола и ночнаго времени, проплывъ 27 версть, прошедъ немного лежащее на нагорной сторонѣ село Бѣлгородокъ, легли на якорь.

5 - го мая. По полуночи въ исходѣ 3 часа снялись съ якоря и пошли греблю. Въ исходѣ 10 часа, прошедъ 45 версть, для обѣденнаго стола у лежащаго на луговой сторонѣ Калязина монастыря легли на якорь. Въ началѣ 11 часа ея императорское величество соизволила на шлюпкѣ съѣхать съ галеры въ оный монастырь. Въ 12 часовъ ея величество соизволила возвратиться изъ монастыря. Въ половинѣ 4 часа пополудни снялись съ якоря и пошли греблю. Въ исходѣ 8 часа, прошедъ 31 версту, у лежащаго на луговой сторонѣ села Городища, какъ для вечерняго стола, такъ и ночнаго времени легли на якорь.

6 - го мая. По полуночи въ началѣ 5 часа снялись съ якоря и пошли греблю. Въ 7 часу, проплывъ 13 версть, пришедъ противъ города Углича, легли на якорь. Въ 9 часу ея императорское величество соизволила съ галеры шествовать на шлюпкѣ въ Угличъ. Въ 10 часу ея величество соизволила возвратиться изъ города. Въ исходѣ 2 часа пополудни снялись съ якоря и пошли греблю. Въ началѣ 8 часа, прошедъ 48 версть, какъ для вечерняго стола, такъ и ночнаго времени противъ лежащей на луговой сторонѣ деревни Островка легли на якорь.

7 - го мая. По полуночи въ половинѣ 4 часа снялись съ якоря и пошли греблю. Въ 6 часу, прошедъ 6 версть, за крѣпкимъ вѣтромъ противъ лежащей на нагорной сторонѣ деревни Килина легли на якорь и всѣ сутки лежали на якорѣ.

8 - го мая. Въ 2 часа по полуночи снялись съ якоря и пошли греблю. Въ 6 часу шли бичевою. Въ 1 часу по полудни, прошедъ 37 версть, противъ устья рѣки Мологи, для обѣденнаго стола легли на якорь и ожидали кухоннаго судна. Въ половинѣ 6 часа снялись съ якоря и пошли греблю. Въ 7 часу пошли подъ парусами. Въ 10 часу, прошедъ 28 версть, у Рыбной слободы легли на якорь.

9 - го мая. По полуночи въ половинѣ 8 часа ея императорское величество соизволила шествіе имѣть въ Рыбную слободу въ соборную церковь. Въ 9 часу ея величество соизволила возвратиться и, снявшись съ якоря, пошли въ путь греблю. Въ половинѣ 11 часа, прошедъ 13 версть, для обѣденнаго стола противъ лежащаго на нагорной сторонѣ села Малшино легли на якорь, и ея величество обѣденный столъ изволила имѣть въ ономъ селѣ Малшино. Въ началѣ 2-го часа пополудни ея величество соизволила изъ села Малшино возвратиться, и снявшись съ якоря, пошли въ путь греблю. Въ началѣ 8 часа, проплывъ 68 версть, для вечерняго стола и ночнаго времени, пришедъ къ городу Ярославлю,

легли въ якорь. Съ онаго часа по 13 число мая ея императорское величество изволила присутствіе свое имѣть въ Ярославѣ.

13 - го мая. По полудни въ началѣ 6 часа ея величество соизволила возвратиться на галеру. Въ началѣ 8 часа, снявшись съ якоря, пошли греблю. Въ началѣ 10 часа, прошедь по рѣкѣ отъ Ярославля 10 версты, не дошедь до лежащей на нагорной сторонѣ деревни Орловой 2 версты, стали на якорь.

14 - го мая. По полудни въ 2 часа снялись съ якоря и пошли греблю. Въ половинѣ 10 часа, проплывъ по рѣкѣ 36 версты и прошедь немного лежащаго на нагорной сторонѣ села Городяча, для обѣденнаго стола легли на якорь. Въ половинѣ 2 часа по полудни снялись съ якоря и пошли подъ парусами. Въ половинѣ 9 часа, проплывъ по рѣкѣ 37 версты и пришедь противъ Ипатскаго монастыря, для вечерняго стола и ночнаго времени легли на якорь.

15 - го мая. По полуночи въ исходѣ 9 часа ея императорское величество соизволила поѣхать въ Ипатской монастырь. Въ 4 часа по полудни ея величество соизволила изъ монастыря ѣхать на шлюпкѣ въ городъ Кострому. Въ 5 часу ея величество соизволила изъ города Костромы проѣхать въ тотъ же монастырь. Въ 12 часу ея величество изволила возвратиться на галеру.

16-го мая. По полуночи въ 7 часу снялись съ якоря и пошли въ путь греблю изъ рѣки Костромы въ рѣку Волгу. Въ началѣ 12 часа, прошедь по рѣкѣ 28 версты, у деревни Орлецъ, лежащей на нагорной сторонѣ, для обѣденнаго стола легли на якорь. Въ 3 часа по полудни снялись съ якоря и пошли греблю. Въ 9 часовъ, прошедь по рѣкѣ 43 версты, для вечерняго стола и ночнаго времени противъ лѣса Петропавловскаго легли на якорь.

17-го мая. По полуночи въ половинѣ 9 часа ея императорское величество соизволила съ галеры на шлюпкѣ отбыть въ село Петропавловское. Въ часъ по полудни ея величество соизволила изъ села Петропавловскаго обратно прибыть на галеру. Въ началѣ 2 часа снялись съ якоря и пошли греблю, въ ономъ же часу распустили паруса. Въ 9 часу, прошедь по рѣкѣ 63 версты, близъ лежащей на нагорной сторонѣ деревни Иванихи для вечерняго стола и ночнаго времени легли на якорь.

18-го мая. По полуночи въ половинѣ 3 часа снялись съ якоря и пошли въ путь греблю. Въ 12 часовъ, прошедь 78 версты, для обѣденнаго стола противъ лежащей на нагорной сторонѣ слободы Катунки, легли на якорь. Въ началѣ 4 часа по полудни снялись съ якоря и пошли въ путь греблю. Въ началѣ 8 часа, прошедь по рѣкѣ 24 версты, противъ лежащей на луговой сторонѣ нижней слободы Городца для вечерняго стола и ночнаго времени легли на якорь.

19-го мая. По полуночи въ 10 часу ея императорское величество изволила на шлюпкѣ отбыть въ верхній Городецъ. Въ 1 часу по полудни ея величество изволила возвратиться обратно на галеру. Въ 3 часу, снявшись съ якоря, пошли въ путь греблю. Въ 9 часу, прошедь 43 версты, для вечерняго стола и ночнаго времени, не дошедь Нижняго-Новгорода, въ 10 верстахъ легли на якорь.

20-го мая. По полуночи въ началѣ 6 часа снялись съ якоря и пошли въ путь греблю. Въ 9 часу, пришедь къ Нижнему-Новгороду, противъ пристани легли на якорь; въ исходѣ часа ея величество соизволила на шлюпкѣ отбыть въ Нижній-Новгородъ, и всѣ оныя сутки стояли на якорѣ.

21-го мая. По полудни въ началѣ 9 часа ея императорское величество соизволила изъ города ѣздить на шлюпкѣ вверхъ по Окѣ рѣкѣ и возвратиться пакы въ городъ.

22-го мая. По полудни въ началѣ 5 часа ея императорское величество соизволила возвратиться на галеру. Въ началѣ 6 часа, снявшись съ якоря, пошли въ путь греблю. Въ 9 часовъ, прошедь 24 версты, для вечерняго стола и ночнаго времени, пришедь противъ лежащаго на нагорной сторонѣ села Великаго-Врага, легли на якорь.

23-го мая. По полуночи въ началѣ 3 часа, снявшись съ якоря, пошли въ путь греблю. Въ 10 часовъ, прошедь по рѣкѣ 60 верстъ, для обѣденнаго стола противъ монастыря св. Макарія Желтовицкаго, лежащаго на луговой сторонѣ, легли на якорь. Въ 11 часовъ ея императорское величество изволила на шлюпкѣ отбыть на берегъ въ Макарьевскій монастырь. Въ 12 часовъ ея величество соизволила изъ монастыря возвратиться обратно на галеру. Въ 2 часа по полудни, снявшись съ якоря, пошли въ путь греблю. Въ 9 часовъ, прошедь по рѣкѣ 45 верстъ, для вечерняго стола и ночнаго времени по близости лежащаго на нагорной сторонѣ села Самовки легли на якорь.

24-го мая. По полуночи въ половинѣ 3 часа, снявшись съ якоря, пошли въ путь на греблѣ. Въ исходѣ 12 часа, прошедь по рѣкѣ 60 верстъ, для обѣденнаго стола, не дошедь до города Козмодемьянска 2 верстъ, легли на якорь. Въ 4 часа по полудни снялись съ якоря и пошли греблю. Въ 9 часовъ, прошедь по рѣкѣ 45 верстъ, для вечерняго стола и ночнаго времени, миновавъ немного лежащій на нагорной сторонѣ приходъ Ильинской, легли на якорь.

25-го мая. По полуночи въ 3 часа, снявшись съ якоря; пошли въ путь греблю. Въ 7 часовъ, прошедь по рѣкѣ 24 версты, подойдя къ городу Чебоксарь легли на якорь. Въ 8 часовъ ея императорское величество соизволила на шлюпкѣ отбыть въ городъ Чебоксарь. Въ 11 часовъ ея величество соизволила изъ Чебоксара возвратиться на галеру, гдѣ имѣла обѣденный столъ. Въ половинѣ 2 часа по полудни, снявшись

съ якоря пошли въ путь греблю. Въ 9 часовъ, прошедъ по рѣкѣ 46 верстъ, для вечерняго стола и ночнаго времени, прошедъ село Кушниково, легли на якорь.

26-го мая. По полуночи въ началѣ 3 часа, снявшись съ якоря, пошли въ путь греблю. Въ половинѣ 12 часа, прошедъ по рѣкѣ 70 верстъ, для обѣденнаго стола, пришедъ къ лежащей на нагорной сторонѣ деревни Маркваша, легли на якорь. Въ 4 часа по полудни, снявшись съ якоря, пошли въ путь греблю. Въ началѣ 7 часа, прошедъ по рѣкѣ 15 верстъ, пришедъ къ городу Казани, легли на якорь, а въ половинѣ того же часа ея императорское величество соизволила отбыть съ галеры на шлюпкѣ въ городъ Казань.

27—31-го мая. Ея императорское величество соизволила имѣть свое присутствіе въ городѣ Казани.

1-го іюня. По полуночи въ половинѣ 11 часа ея императорское величество изъ города Казани соизволила возвратиться на галеру. Въ 1 часу по полудни, снявшись съ якоря, пошли въ путь греблю. Въ исходѣ 9 часа, прошедъ по рѣкѣ 23 версты, для вечерняго стола и ночнаго времени, противъ лежащаго на нагорной сторонѣ села Шеланга легли на якорь.

2-го іюня. По полуночи въ половинѣ 4 часа, снялись съ якоря и пошли въ путь подъ парусами. Въ половинѣ 10 часа, прошедъ по рѣкѣ 50 верстъ, для обѣденнаго стола, не дошедъ немного села Корельскаго, легли на якорь. Въ половинѣ 2 часа по полудни, снявшись съ якоря, пошли въ путь греблю. Въ началѣ 5 часа, прошедъ по рѣкѣ 22 версты до пристани Бѣлгородской, гдѣ легли на якорь, а ея императорское величество изволила сѣсть на шлюпку и отбыть на Бѣлгородскую пристань, откуда шествіе имѣла въ городъ Бѣлгородъ. Въ 8 часовъ ея величество соизволила изъ города Бѣлгорода возвратиться на галеру, а въ исходѣ того же часа, снявшись съ якоря, пошли въ путь греблю. Въ исходѣ 10 часа, прошедъ по рѣкѣ 42 версты, для вечерняго стола и ночнаго времени легли на якорь.

3-го іюня. По полуночи въ исходѣ 4 часа, снявшись съ якоря, пошли въ путь греблю. Въ исходѣ 8 часа, прошедъ по рѣкѣ 44 версты, а пройдя островъ Щучій 4 версты, противъ сдѣланной пристани легли на якорь. Въ началѣ 10 часа ея императорское величество соизволила на шлюпкѣ сѣхатъ на берегъ къ графу Ивану Григорьевичу Орлову въ село Вознесенское, которое состоитъ отъ берега въ 10 верстахъ.

4-го іюня. По полудни въ началѣ 3 часа ея императорское величество соизволила возвратиться на галеру, а въ исходѣ онаго часа снялись съ якоря и пошли въ путь греблю. Въ исходѣ 8 часа, прошедъ по рѣкѣ 46 верстъ, для вечерняго стола и ночнаго времени, прошедъ мимо монастыря Соловецкаго, легли на якорь.

5-го і ю н я. По полуночи въ исходѣ 7 часа, снявшись съ якоря, пошли въ путь греблю. Въ 10 часу, прошедъ по рѣкѣ 15 верстъ, прѣдя къ городу Симбирску, противъ пристани легли на якорь. Ея императорское величество соизволила съ галеры отбыть на шлюпкѣ въ городъ Симбирскъ.

Всего плаванія по рѣкѣ Волгѣ отъ Твери до Симбирска 1410 верстъ.

5.

Вѣдомость судамъ, имѣвшимъ плаваніе по рѣкѣ Волгѣ во время путешествія ея императорскаго величества въ 1767 году.

Галеры: 12-ти банокъ. „Тверь“. Командиръ, капитанъ Петръ Пущинъ; лейтенанты: Егоръ Лавринъ, Назаръ Логвиновъ; мичманъ Михайло Воейковъ; штурманъ прапорщичьяго ранга Савва Сахаровъ, артиллеріи унтеръ-лейтенантъ Иванъ Ивановъ.

На галерѣ находились: ея императорское величество; графы: Григорій Григорьевичъ и Владиміръ Григорьевичъ Орловы и двѣ фрейлины.

10-ти банокъ. „Волга“. Командиръ, капитанъ Лаврентій Лупандинъ; мичманъ Федоръ Калугинъ; констапель Илья Бизяевъ.

На галерѣ находились: графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, Александръ Ильичъ Бибиновъ, Дмитрій Васильевичъ Волковъ.

10-ти банокъ. „Ярославъ“. Командиръ, капитанъ-лейтенантъ Иванъ Нататкинъ; мичманъ Федоръ Путятинъ; констапель Михаилъ Прошкинъ.

На галерѣ находились: графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ, Михаилъ Васильевичъ Дублянский, Николай Ивановичъ Чечеринъ, Сергій Алексѣевичъ Всеволодскій, полковникъ князь Долгоруковъ, лейбъ-хирургъ Рейслейнъ и лекаръ.

„Казань“. Командиръ, капитанъ-лейтенантъ Никифоръ Палибинъ; мичманъ Петръ Шпикнинъ; лекаръ Яганъ Гагенъ; констапель Василій Анчернинъ.

На галерѣ находились: гофмаршалъ Григорій Никитичъ Орловъ, графъ Иванъ Григорьевичъ Орловъ.

Буховница: „Угличъ“. Командиръ, лейтенантъ Федотъ Мистровъ.

„Кострома“. Командиръ, лейтенантъ Иванъ Дуровъ.

„Нижній-Новгородъ“. Командиръ, лейтенантъ Иванъ Баллей. Находился подъ Придворной провинціей. Иванъ Перфильевичъ Елагинъ.

„Симбирскъ“. Командиръ, мичманъ Иванъ Шаховъ.

На немъ находился Василій Михайловичъ Ребиндеръ.

Госпитальное: „Ржевъ Владиміровъ“. Командиръ, лейтенантъ Сергій Лопухинъ.

На немъ находились: комиссаръ Иванъ Бреховъ, лекаръ Сибрантъ фегель Бауманъ.

„Лама“, графа Захара Григорьевича Чернышева, собственное. Командиръ, Федоръ Минихъ.

На немъ находился гр. З. Г. Чернышевъ.

„Севастьяновка“, собственное графа Григорія Григорьевича Орлова. Командиръ, подштурманъ Григорій Леоновъ.

Сверхъ того было полубарокъ: съ командою лейбъ - гвардіи полковъ 2, съ придворн. запасомъ 8, большихъ лодокъ 4.

Кромѣ того были иностранные министры: испанскій виконтъ Дегерерскій, цесарскій князь Лобковичъ, прусскій графъ Сольмсъ, датскій баронъ Ассенбургъ, Саксонскій графъ Сакчевъ на галерѣ „Вомъ“.

Да на всѣхъ судахъ прочихъ чиновъ флотскихъ, артиллерійскихъ, солдатскихъ и адмиралтейскихъ 777.

Армейскихъ при одномъ майорѣ съ ихъ оберъ-офицерами 345, а всего 1122 человека.

6.

Высочайшій указъ Адмиралтействъ-коллегии ¹⁾.

Января 16 дня 1768 году.

Буде не можно безвредно до Петербурга довести построенныя для нашего плаванія по Волгѣ суда, то повелѣваемъ адмиралтейской коллегіи оныя перевести до Казани, и тамо по своему разсужденію, или передѣлавъ употреблять для своихъ перевозокъ по Волгѣ рѣкѣ, или вытасца въ удобномъ мѣстѣ на берегъ подъ сараемъ хранить.

II.

Плаваніе по Днѣпру.

1.

Высочайшій рескриптъ вице-адмиралу Пушкину ²⁾.

Марта 14 1784 году.

Г. Вице-адмиралъ и генералъ-интендантъ Пушкинъ. Препоруча вамъ извѣстное строеніе судовъ на Днѣпрѣ, въ Смоленскѣ или близъ онаго города, мы возлагаемъ на попеченіе ваше къ тому относящіяся распоряженія. На проѣздъ вашъ и возвращеніе указали мы выдать вамъ изъ казначейства для остаточныхъ суммъ учрежденнаго 1.000 рублей, да на нужные расходы для того строенія 10.000 рублей. Адмиралтейская коллегія и наши генералы-губернаторы или губернаторы должны будутъ подать вамъ всякое нужное пособіе, коего вы отъ нихъ силою сего указа

¹⁾ № 706, л. л. 15—20. Веселаго, I. с., 569.

²⁾ № 728, л. 39.

нашего требовать ямбета. По всему сему поручаемому вамъ дѣлу должны будете доносить намъ и отъ насъ испрашивать рѣшеніе.

2.

Письмо вице-адмирала Пушина графу И. Г. Чернышеву.

Продолжилъ я донесеніемъ объ успѣхахъ дѣлъ моихъ, тому причина: смоленскихъ жителей нашелъ людей совершенно незнающихъ и неимѣющихъ понятія о заготовкѣ лѣсовъ для построенія судовъ, а къ тому уже наступила работная пора для хлѣбопашества, то и начали поставлять цѣны неумѣренныя и чрезвычайно дорогія, да не только къ поставкѣ, даже и тѣ, которые на корню кому изъ владѣльцевъ принадлежать, а въ казенныхъ дачахъ строеваго лѣса совсѣмъ нѣтъ; работные-жъ люди по всѣмъ моимъ стараніямъ никто не являются, и такъ три недѣли изыскивалъ способы, но ничего рѣшительнаго не предвидѣлъ и находился въ сумѣніи, не зналъ чѣмъ начать и какъ конца достигнуть. Но напослѣдокъ 16 числа сего мѣсяца отставной надворный совѣтникъ Рыдванскій, усердствуя оказать ея величеству услугу, хотя за дорогую цѣну, но съ скидкой, противу всѣхъ дешевле договорился всѣ лѣса, кромѣ досокъ, начавъ въ маѣ, окончить поставку въ августѣ мѣсяцѣ: на галеры 12-ти баночныя на двѣ, а 10-ти баночныя на 5, кухонныхъ судовъ на 2, конюшенныхъ на 2, для разныхъ провизій на 3, всего на 14 судовъ, цѣною на 22.723 руб. 42 коп. А досокъ разныхъ сортовъ потребно 11841, за которыя просили прежде 26, а потомъ 16 и 13 тысячъ руб., меньше никто не бралъ, напослѣдокъ добрый человекъ купецъ Хлѣбниковъ взялся поставить за 10.000 руб. Теперь нужныя всего гвозди и желѣзо съ прочими вещами, за онымъ на сихъ дняхъ пошлю въ Москву. Да не въ слыханной мною цѣнѣ стоитъ уголь, 4 недѣли держали цѣну по 50 коп. четверть, которая въ Петербургѣ не дороже 14 коп. покупается.

Вотъ, милостивый государь, попался я въ смоленскія руки! ни мое усердіе къ соблюденію интереса, ни всѣ пріемлимые способы и увѣщеванія здѣшнихъ жителей склонить не въ силахъ, невоображаемую мною цѣну платить долженъ. И по симъ обстоятельствамъ непремѣнно іюнь мѣсяцъ въ Смоленскѣ прожить мнѣ надобно будетъ. О гребныхъ судахъ, рѣшился здѣсь только построить для 7 судовъ къ каждому по два; а къ галерамъ шлюпки 12-ти весельныя 3, да 10-ти весельныя 4, и катеровъ 7 лучше доставить изъ Петербурга зимою, а также всѣ якоря, пушки или фальконеты и мелочныя вещи, которыхъ здѣсь и въ Москвѣ не отыщу. Всего больше еще затрудняетъ пенька щипаная, или на щип-

наніе оной канать, ни здѣсь, ни въ Москвѣ отыскать не можно, надобно будетъ оную доставить изъ Петербурга.

Въ рѣкѣ Днѣпрѣ вода еще и поныяѣ прибываетъ, поверхъ ординарной прибыло 27 футъ 11 дюймъ.

23 апрѣля 1784 года.

3.

Высочайшій указъ вице-адмиралу Пушину ¹⁾.

2 апрѣля 1787 году.

Назначенною для плаванія нашего по Днѣпру отъ Кіева до Екатеринослава флотилією вы имѣете командовать, пользуясь флагомъ вице-адмиральскимъ, со всѣми его преимуществами; кому на какой галерѣ или другаго названія суднѣ быть—получите вы роспись; во время сего плаванія производить лоцманамъ по одному рублю на день. Суда же по прибытіи къ порогамъ какимъ образомъ чрезъ оныя провестъ и кому ихъ, такожъ и команду на нихъ сухопутную и морскую сдать, вы получите наши приказанія чрезъ генераль-фельдмаршала князя Григорія Александровича Потемкина, по его главному начальству надъ сухопутными и морскими нашими въ томъ краю ополченіями.

4.

Вѣдомость состоящимъ въ Кіевѣ судамъ, 1787 года апрѣля 7 дня.

12 баночныхъ: № 1 „Днѣпръ“. Командиръ капитанъ-лейтенантъ Иванъ Пущинъ.

На немъ находилась ея императорское величество.

№ 2 . . . ²⁾ Капитанъ-лейтенантъ Адольфъ фонъ-Сакенъ.

На немъ находились: князь Г. А. Потемкинъ, графиня: Браницкая и Скавронская.

10 баночныхъ: № 1 „Ипуть“. Лейтенантъ Иванъ Паскочинъ.

На немъ находились: оберъ-штальмейстеръ графъ Шуваловъ и сынъ его, тайные совѣтники: Чертковъ и Нелединской.

№ 2 „Сеймъ“. Кап.-лейт. Алексѣй Нелединской.

На немъ находились: Посоль, министры и принцъ де-Ливъ.

¹⁾ № 731, л. 30.

²⁾ Въ оригиналѣ пропускъ. Въ *Dyaryusz podróży Stanisława Augusta Króla na Ukrainę, w Roku 1787, przez Adama Naruszewicza*. Warszawa, 1805, галера эта названа „Бугъ“ (стр. 289). Ср. *Dziennik podróży króla Stanisława Augusta na Ukrainę*. Warszawa, 1788, стр. 301.

№ 3 „Десна“. Лейт. Павелъ Кропотовъ.

На немъ находилась столовая.

№ 4 „Союзъ“. Лейт. Александръ Глинка.

На немъ находились: гофмаршалъ тайный совѣтникъ Стрелаловъ, лейбъ-медикъ Рожерсонъ, дѣйств. тайн. сов. Храповицкій.

№ 5 „Сновъ“. Лейт. Агей Нелидовъ.

На немъ находились: графъ Ангальтъ, графъ Безбородко, генералъ-маіоръ Левашевъ, шталмейстеръ Ребиндеръ.

Трѣшходтъ „Орелъ“. Лейт. Карлъ Литке.

На немъ находился графъ И. Г. Чернышевъ съ дочерью.

Водовики: № 1 „Остеръ“. Мичм. Фѣдоръ Леслій.

На немъ находились: камергеры: Валуевъ, Салтыковъ; камеръ-юнкеры: Бибиковъ, Кочубей, два или три капитана.

№ 2 „Трубежъ“. Мичм. Павелъ Шостаковъ.

На немъ находились: Кохъ, Келхенъ, Вейкартъ. Мессингъ, Гревсъ и два коллегія иностранныхъ дѣлъ чина.

№ 3 „Лебедъ“. Мичм. Иванъ Шостаковъ.

На немъ находились камеръ пажи.

Штурманы унтеръ-офицераго чина: № 4 „Ильма“. Василій Полтаринъ; № 5 „Тавель“ Филиппъ Башимковъ. Шталмейстерскія: № 1 „Тясмина“, лейт. Николай Дзювичъ; № 2 „Стугна“, лейт. Василій Шостаковъ Гофмаршальскія: № 1 „Донъ“. Василій Лихаревъ. № 2 „Ингулъ“. Андрей Башуцкій.

Бухви: № 1 „Самара“. Александръ Забелло. № 2 „Кубань“. Григорій Тимченко. Госпитальное „Салгиръ“. Павелъ Марня.

Сообщилъ проф. В. Вильбасовъ.

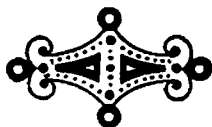

Патріотическое предложеніе псковскаго дворянства поставить рекрутъ внѣ очереди.

Высочайшій указъ псковскому губернатору Пилю.

20 іюля 1788 г. С.-Петербургъ.

Господинъ генераль поручикъ и псковскій губернаторъ Пиль. Увѣдомившись изъ донесенія вашего отъ 13-го іюля о похвальномъ подвигѣ дворянства Псковской губерніи предложеніемъ по случаю войны, несправедливо противу насъ королемъ шведскимъ подъятой, поставитъ на службу рекрутъ изъ собственныхъ ихъ имѣній, поручаемъ вамъ объявить наше признаніе къ усердію ихъ. Мы никогда въ таковыхъ добрыхъ распоряженіяхъ не сомнѣвались, зная ревность къ оборонѣ цѣлости и славы отечества, свойственную російскому благородному дворянству. Богу благодареніе, успѣли мы положить уже начало сея обороны, и силы наши военныя, морскія и сухопутныя, отражаютъ покушенія непріятельскія, почему теперь и не настоятъ надобности беспокоить помѣщиковъ преждевременно поставкою рекрутъ, оставляя сіе до обыкновеннаго набора. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны.

Къ исторіи царствованія императрицы Екатерины II

(Письма, замѣтки и прочее).

Рескриптъ князю Трубецкому о коронаціи.—Сенатскій указъ, составленный Екатериною II.—Число явившихся депутатовъ въ комиссію для составленія Уложенія.—Графъ Андрей Шуваловъ.—А. А. Самборскій и великій князь Александръ Павловичъ.—Княгиня Е. Р. Дашкова и А. А. Нарышкинъ.—Поэтъ В. Петровъ и князь Потемкинъ-Таврическій.—Цезарь Лагарпъ.—Великій князь Павелъ Петровичъ.—Георгій Коняскій.

1.

Собственноручный рескриптъ императрицы Екатерины II князю Н. Ю. Трубецкому ¹⁾.

27 августа 1762 г.

Господинъ генералъ-фельдъ-маршалъ. Письмо ваше отъ 22-го августа я тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ получила, чѣмъ болѣе вижу я изъ онаго рачительное ваше попеченіе къ приуготовленію къ моей коронаціи всего потребнаго и пріемля оное съ особливимъ благоволеніемъ чрезъ сіе подтверждаю, чтобъ, конечно, всё готово было для вездъ ²⁾ 9-го числа сентября, а для коронаціи 22-го. А церемоніялъ съ своеручною апробацію квамъ присемъ возвращаю пребывая вамъ доброжелательною Екатерина.

¹⁾ Сообщилъ профес. В. А. Бизъбасовъ.

²⁾ Въѣзда.

2.

Сенатскій указъ, составленный императрицею Екатериною II ¹⁾.

1765 г.

Указъ этотъ, какъ частный, данный одной только провинціи, не вошелъ въ полное собраніе законовъ; между тѣмъ онъ важенъ по существу, какъ касающійся вопроса о народномъ продовольствіи, и особенно интересенъ для характеристики Екатерины, являющейся въ роли сенатскаго секретаря.

Въ мартѣ 1765 года, новгородскій губернаторъ Я. Е. Сиверсъ прислалъ императрицѣ представленіе о вздорожаніи хлѣба всякаго рода, особенно же въ Великолуцкой провинціи. Екатерина удивилась: какой-нибудь мѣсяцъ назадъ, въ январѣ, хлѣба было такъ много, что согласно депешѣ русскаго посланника въ Стокгольмѣ, графа И. А. Остермана, разрѣшено было выслать хлѣбъ въ голодавшую тогда Швецію, «въ счетъ недомочныхъ субсидій» ²⁾; въ мартѣ же чувствуется уже недостатокъ хлѣба въ Новгородѣ и Псковѣ. Екатерина отправила бумагу Сиверса генераль-прокурору князю А. А. Вяземскому при слѣдующей запискѣ: «Какъ можно скорѣе предложите сенату представленіе новгородскаго губернатора о недостаткѣ хлѣба въ Великолуцкой провинціи» ³⁾. Императрица этимъ, однако, не удовольствовалась.

Что можетъ сдѣлать сенатъ? Какъ помочь насущной нуждѣ? Какъ предотвратить подобное явленіе въ будущемъ? Если въ январѣ былъ свободный хлѣбъ, его слѣдовало отправить въ Псковъ и Великія-Луки, а не въ Швецію; хлѣбъ рѣшили послать въ Швецію, вслѣдствіе недостаточныхъ извѣстій о положеніи хлѣбнаго рынка у себя дома. Въ распредѣленіи запасовъ хлѣба есть очевидная несообразность. Сенатъ не въ силахъ исправить ее—необходимо участіе самого общества, не только торговцевъ, но и производителей хлѣба. Руководствуясь этими соображеніями, Екатерина сама пишетъ отъ имени сената слѣдующій указъ:

«Правительствующему сенату извѣстно, что въ Псковской и Великолуцкой провинціяхъ на всякой хлѣбъ цѣны весьма возвысились; и какъ отъ туда отвозятъ родившійся у нихъ хлѣбъ на продажу въ Лифляндію и Эстляндію, гдѣ нынѣ цѣны весьма высоки, то изъ осторожности, дабы иногда вывозомъ хлѣба изъ Псковской и Великолуцкой провинцій въ

¹⁾ Сообщилъ профес. В. А. Бильбасовъ.

²⁾ «Сборникъ Имп. истор. общества», LVII, 423. Отъ императрицы скрыли о бывшемъ въ это время голодѣ въ Олонецкомъ уѣздѣ («Архивъ Сената», 1765, дѣла № 1271).

³⁾ «Смирницъ», III, 489.

Остзейскія не сдѣлался у самихъ недостатокъ, по указу ея императорскаго величества правительствующій сенатъ приказали: въ означенныхъ Псковской и Великолуцкой провинціяхъ обнародовать печатными указами въ городахъ и въ селахъ для увѣщенія жителей, чтобъ продающіе хлѣбъ въ томъ поступали осторожно, и оставляли бы во всякомъ мѣстѣ столько, чтобъ до будущей жатвы, которую дай Боже благозобильну, не только стало, но чтобъ и въ случаѣ недорода, которой Всевышній да отвратитъ, нужду претерпѣть не могли; на казенную же помощь не надѣялись бы таковыя, кои собственною своею неосторожностью иногда недостатокъ претерпѣть могутъ. О чемъ чрезъ сіе и объявляется».

Ни слогъ, ни правописаніе этого указа ни мало не обличаютъ руки Екатерины, и нужно было ея собственноручное свидѣтельство, чтобъ удостовѣрить принадлежность указа императрицѣ. Отправляя этотъ сенатскій указъ князю Вяземскому, Екатерина приписала на полѣ: «Сіе переписано на чисто съ моей безграмотной руки. Ваше сіятельство уже велитъ переписать по вашему» ¹⁾).

Екатерина, конечно, не остановилась на этомъ. Представленіемъ Я. Е. Сиверса былъ поднятъ важный вопросъ о продовольствіи населенія, и Екатерина никогда уже не упустила его изъ вида. 2-го февраля 1766 года былъ изданъ извѣстный указъ коллегіи экономіи о «заимообразной выдачѣ крестьянамъ хлѣба во время неурожая на прокормленіе и посѣвъ» ²⁾; 8-го апрѣля того же года новая просьба шведовъ объ уплатѣ недоимки хлѣбомъ была отклонена: «у насъ у самихъ недостатокъ» ³⁾, и затѣмъ, до самой своей смерти, Екатерина внимательно слѣдила за этимъ вопросомъ, допуская возможность неурожая, но отвергая голодъ, какъ явленіе въ Россіи невысказанное при разумной организаціи продовольственнаго дѣла.

3.

Изъ исторіи законодательной комиссіи ⁴⁾.

1767 г.

Ведомость явившимся депутатамъ:

Отъ присутственныхъ мѣсть.	27
» дворянства великороссійскихъ уездовъ и изъ остзейскихъ провинцій	151

¹⁾ Изъ нашего архива.

²⁾ «П. С. З.», № 12562.

³⁾ «Сборникъ» LVII, 505.

⁴⁾ Сообщилъ профес. В. А. Бильбасовъ.

отъ дворянства малороссійскихъ полковъ .	15
» дворянства гусарскихъ полковъ.	6
» городскихъ жителей.	203
» казацкихъ гусарскихъ и запорожскихъ войскъ и отъ малороссійскихъ полковъ	96
пахотныхъ солдатъ однодворцовъ чернососныхъ крестьянъ і инверцовъ	. 47
Итого .	545

Жалованья положено депутатамъ:

Отъ дворянъ каждому по 400 р., а всемъ .	68.800 р.
Городовымъ, каждому по 122, а всемъ.	24.766 »
Казакамъ и всемъ прочимъ по 37, а всемъ	. 3.552 »
всего.	97.118 р.

Присутственныхъ же мѣсть депутаты получаютъ жалованье по своимъ мѣстамъ.

4.

Письмо графа Андрея Шувалова—Я. А. Авдѣеву.

25-го іюля 1778 г. Парижъ.

Государь мой Яковъ Андреевичъ!

Я слава Богу здоровъ, а что долго не писалъ, въ томъ виноватъ, хотя при томъ нѣсколько времени былъ боленъ подагрой. Всѣми вашими распоряженіями крайне доволенъ и полагаюсь совершенно на вашу ко мнѣ дружбу, на усердіе, искусство и честность. Увѣренъ, что дѣла мои не могутъ инаково какъ процвѣтать въ рукахъ вашихъ. Сейчасъ ѣду изъ Парижа въ Спа къ цѣлительнымъ водамъ, гдѣ мѣсяцъ пробуду, а тамъ накі сюда возвращусь; дорога же отсюда до Спа пять дней. И сколь скоро въ Спа приѣду, то подробно на всѣ ваши представленія отвѣчать буду, а между тѣмъ увѣренъ, что вы ничего не пропускаете къ моей пользѣ. Итакъ я подробное и долгое письмо буду къ вамъ изъ Спа писать.

Сынъ вашъ здоровъ и вчерась былъ у меня въ гостяхъ. Я за нимъ смотрю истинно какъ за своимъ ближнимъ и ровнымъ; хочу вамъ сказать, что онъ учится такъ хорошо, что лучше желать нельзя. да и поведенія весьма хорошаго, такъ что одну похвалу заслуживаетъ; и такъ сердце ваше отчее радоваться должно. Письмо отъ сына къ вамъ здѣсь прилагаю.

Прощай, мой другъ сердечный, будь увѣренъ о моей къ тебѣ и твоимъ преданности столько, сколько я увѣренъ въ твоей полной любви; остаюсь навсегда съ моимъ почтеніемъ и проч.

5.

Письмо графа Андрея Шувалова—Я. А. Авдѣеву.

14-го (25) іюня 1779 г. Парижъ.

Другъ мой Яковъ Андреевичъ!

Послѣднее мое письмо показалось тебѣ бредомъ, я хлопоталъ о деньгахъ и хотѣлъ занимать, а у меня, по старанію твоему, прошлогодскаго еще дохода должно быть наличныхъ денегъ въ Петербургѣ слишкомъ тридцать двѣ тысячи рублей. Ошибка сія съ моей стороны, или лучше сказать странннй обчетъ, отъ того происходитъ, что я перешелъ изъ одного флигеля здѣсь нанятаго мною дома въ другой, и бумаги мои въ переносѣ въ крайнюю конфузію приведены были. А тотчасъ послѣ того что перешелъ, получилъ сильный подагрической припадокъ, отъ котораго слишкомъ двѣ недѣли страдалъ, и вчерась только я могъ бумаги мои сообразить и разобрать. Итакъ, не мысля болѣе о займахъ, я велѣлъ Евсею перевести сюда двадцать пять тысячъ рублей, а остальные беречь и никуда не употреблять, развѣ по моему приказу, или если ты, мой другъ, въ случаѣ несчастія, на заводы востребуешь. Ему-жъ, Евсею, я далъ сто рублей въ награжденіе. Онъ во время потопа въ С.-Петербургѣ, когда вино мое разнесло, много трудился и самъ въ опасности былъ, а я ему ничего не далъ. Я надѣюсь, что ты имъ доволенъ и это тебѣ пріятно покажется.

Впрочемъ съ почтеніемъ моимъ и съ искренною преданностію пре-
бываю.

6.

Письмо А. А. Самборскаго—гр. Н. М. Салтыкову ¹⁾.

Сіятельвѣйшій графъ Николай Ивановичъ!

Милостивѣйшій государь!

и дражайшій отецъ!

Что я симъ именовъ васъ нарекаю не по единымъ словамъ, но по самоочищенію благоговѣнію къ вашимъ христіанскимъ добродѣтелямъ

¹⁾ Андрей Афонасьевичъ Самборскій родился 1-го августа 1732 года и съ отличіемъ окончилъ курсъ въ Кіевской духовной академіи. Рукоположенный 8-го сентября 1768 года во священники, онъ былъ отправленъ въ Лондонъ, гдѣ и оставался въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Въ 1782 г. протоіерей Самборскій, въ званіи духовника, сопровождалъ цесаревича Павла Петровича и его супругу Марію Ѳеодоровну въ путешествіи ихъ по Европѣ, а въ 1784 г.— былъ назначенъ закоуучителемъ и преподавателемъ англійскаго языка великимъ князьямъ Александру и Константину Павловичамъ. Въ собственноручномъ черновомъ подлинникѣ печатаемаго письма не обозначены ни годъ, ни число, когда оно писано, но по своему содержанію должно быть отнесено къ 1788 году.

и по горячайшей къ вамъ любви,—въ томъ да удостовѣритъ васъ Самъ Богъ, испытуяй сердца и утробы человѣческія. Во все время моего служенія подъ начальствомъ вашимъ нанубѣдительнѣйшіе имѣлъ я опыты, что и вы соответствуете мнѣ прямою отеческою любовію, которая исторгнула меня изъ бѣдности, доставила мнѣ покойное жилище и которая подтверждаетъ меня во многотрудномъ званіи.

На семь священнѣйшемъ жертвенникѣ любви дерзаю принести въ жертву вамъ, дражайшій отецъ, откровенность моея души, которою вы совершенно обладаете.—Но дабы вы были въ семь случаевъ спокойны, то я долженъ васъ жизнію моею увѣрить, что не отъ какихъ либо совѣщателей взаимодействовалъ я нижеслѣдующія начертанія, поелику я обращаюсь съ людьми изъ единой точію благопристойности и провождаю сельскую и уединенную жизнь, и по настоящимъ темнымъ обстоятельствамъ довольно осторожную; не вхожу ни въ какой союзъ довѣренности, но взаимодействую начертанія сія отъ народнаго гласа, которою можно слышать на стогнахъ, на распутіяхъ, и на торжищахъ!

Вольноглаголаніе о власти самодержавной почти всеобщее и чувство, устремляющееся къ необузданной вольности, воспалившееся примѣромъ Франціи, предвѣщаетъ нашему любезнѣйшему отечеству напужаснѣйшее кровопролитіе. Къ сему гибельному происшествію акибы насильно влечетъ народъ угнетеніе и грабительство алчныхъ судей и властей, которые на единой токмо мздѣ продаютъ свое правосудіе. Беззаконную-жъ мзду употребляютъ они на вѣщшее зло, яко то: на избрѣтеніе разнообразнаго сладострастія и роскоши, уловляющей непорочные нравы, расторгающей духовныя обѣты непорочнаго ложа и искореняющей всякое благоправіе и благочестіе. Главныя сія потрясенія добродѣтели хотя и могли бы предохраниться евангельскимъ закономъ, но и сей съ одной стороны стѣсненъ невѣріемъ, а съ другой суевѣріемъ и животолками возникшихъ вновь преопасныхъ лжеучителей; а притомъ совсѣмъ есть поглощенъ оный важный законъ, въ корыстолюбіи первосвященниковъ и священнослужителей, которые Божіи храмы превратили въ торжища и которые пастирствуютъ болѣе своего ради чрева и фарисейскихъ почестей, нежели для человѣческаго спасенія. Прочія же дѣянія, совершающіяся воочію вашу, переходу молчаніемъ. Прозорливость ваша и наиважнѣйшая довѣренность въ правленіи болѣе и подробнѣе могутъ постигнуть оныя, нежели я объяснить.

Отъ толикаго ослабленія и небреженія закона Божія, всякіе развраты, неправды и неисчетныя злоупотребленія въ обществѣ усилилися до крайности. И любовь къ блажнему только изсякла, что рѣдкіе только сыны церкви и отечества, между которыми по истинѣ вы, дражайшій отецъ, первое мѣсто занимаете, служатъ общему благу изъ

прямаго подвига. Рѣдкіе внимають гласу обидимыхъ и сиротъ, вопіющихъ къ небесамъ, весьма рѣдкіе отрають льющіяся слезы вдоввицы.

Сообразивъ все купно должно заключить со ужасомъ, что исполнилась уже мѣра Божія милосердія, мѣсто же его заступило правосудіе, котораго послѣдствія суть весьма явны въ продолжающейся войнѣ. Всякая война есть, конечно, Божіе наказаніе. Сему наказанію даже престольный градъ сей былъ недавно подверженъ, претерпѣвая страхъ и трепеть отъ непріятеля, отъ коего, по мнѣнію моему, твердая ваша вѣра къ Богу, горячая молитва и ваше неуспшное бѣднѣе избавили.

Сверхъ сего довольно извѣстно вашему сіятельству, коль многими множествомъ юныхъ россиянъ, разлученныхъ отъ ихъ женъ, чадъ и домовства пожертвовано ненасытной Тавридѣ, и которыми жертвовать потребно всякой годъ. Внемлите, челоуколюбивѣйшій мужъ! Не сильно ли сіе опустошаетъ наше любезнѣйшее отечество, и не скоротечно-ли влечется оное въ крайнюю нищету, разстройку и безсліе? Правда, что побѣды на нашей сторонѣ; но и сіи единую токмо возбуждаютъ зависть многихъ сильнѣйшихъ державъ. Зависть, сіе адское и непримиримое порожденіе, если воздвигнетъ противу Россіи брань, то неизбежно будетъ она (Россія) низвергнута въ глубочайшую пропасть бѣдствій. Кто же насъ избавитъ отъ толнѣхъ бѣдъ, висящихъ надъ главами нашими? Всемогущій, премудрый и прелобгій Богъ, и помазанникъ его, которому однако-жъ подобаетъ быти зѣло благочестиву, миролюбиву и во всемъ цѣломудреню. По долговременному испытанію всегда я находилъ сіи высочайшія добродѣтели, блистающія въ душѣ дражайшаго нашего воспитанника его императорскаго высочества великаго князя Александра Павловича. Сей воспитанникъ есть главнымъ предметомъ моего только откровеннаго съ вами, дражайшій отецъ, собесѣдованія, и сей долженъ быть спасеніемъ нашего отечества.

Предвѣщая тако о семъ юношѣ ни мало не уничаю я великія добродѣтели, высокія душевныя свойства и благотворительныя подвиги его предковъ. Сямъ я вѣрою и правдою служу и всегда готовъ служить до послѣдней капли крови. Начало же сихъ несчастныхъ обстоятельствъ, превосходящее постиженіе моего слабаго ума, предоставляю невспытаннѣмъ Божіимъ судьбамъ. Да и на сіи непорочныя и законно нужныя объясненія я никако-жъ бы рѣшился, если бы не имѣлъ участія въ воспитаніи его высочества Александра Павловича, надъ которымъ вы, сіятельнѣйшій графъ, имѣете начальство, и за которое воспитаніе вы, дражайшій отецъ, и я должны будемъ воздать наистрожайшій отчетъ предъ отечествомъ и предъ страшнымъ Судіею въ вѣчной жизни.

Восхищаясь доселѣ блистающими его добродѣтелями, принужденъ я теперь съ горестивѣйшимъ прискорбіемъ и возмущеніемъ моей души сказать, что оныя добродѣтели начинаютъ помрачаться пороками пре-

вредными для государя и государства. Съ нѣкотораго времени примѣчалъ я, что онъ, въ своихъ мнѣніяхъ, дѣяніяхъ и даже прихотяхъ, дѣлается самовластнымъ, въ проступкахъ своихъ хоти и вынится, но по долговременномъ и упорномъ словопреніи, и тогда только, когда въ помощь призывается ваше имя и власть, къ которымъ его высочество имѣетъ повидимому великое уваженіе, любовь и страхъ. Увѣщаніе жъ и совѣты господъ кавалеровъ пріемлетъ онъ съ насмѣшкою и негодоваіемъ. Отчего самымъ нечувствительнымъ образомъ тихій и пріятный его нравъ превращается въ сварливый и грубый!

Горькія грубости плоды, болѣе всѣхъ по своей чувствительности, внушаетъ его превосходительство Александръ Яковлевичъ Протасовъ; отъ сея грубости Богъ меня сохранилъ по сіе время. Великій князь по должности моеи всегда оказывалъ мнѣ послушаніе, охоту, почтеніе и любовь, и такое чистосердечіе, что при первыхъ моихъ увѣщаніяхъ всегда, безъ словопренія, обнажалъ мнѣ свою душу и преступленія, въ коихъ раскаявался нерѣдко со слезами, и увѣрялъ меня самимъ Богомъ, что тѣ преступленія и оскорбленія своимъ начальникамъ онъ содѣлалъ не по предразмысленію или жестокосердію, но по легкомыслію и скоропостижности. Извѣстно вашему сіятельству, что я ни ласкательствомъ ниже подымъ какимъ снисходительствомъ пріобрѣлъ таковое его высочества благорасположеніе, но единообразнымъ моимъ поведеніемъ, твердыми правилами, кроткими и пріостекающими отъ глубины душевныя совѣтами.

Основываясь на семъ очевидномъ опытѣ и другихъ примѣрахъ, равно и на томъ всесовершенномъ подобострастіи, которое Александръ Павловичъ оказываетъ къ вашему начальству — на той истинной любви, которую онъ имѣетъ собственно къ особѣ вашей, и на уваженіи ко всѣмъ вашимъ глаголамъ, которые онъ неизнаково пріемлетъ какъ священный законъ, долженъ я сказать, что его высочество отъ природы одаренъ добрымъ сердцемъ, кроткимъ и пріятнымъ нравомъ и склоностями къ общему благу. Что же онъ къ величайшему несчастію началъ преобразаться въ противный характеръ, сему неоспоримо суть причиною окружающіе его. — Но и насъ окружающихъ винить совсѣмъ нельзя, ибо мы не такъ воспитаны, чтобы воспитывать великихъ князей; винить же насъ надобно въ томъ, что мы не часто и невнятно читаемъ инструкцію, данную премудрою Екатериною, и что мы не слѣдуемъ вашему, дражайшій отецъ, твердому, благоразумному и долготерпѣливому привѣру. Все сіе не за новостъ или оглаголаніе я возвѣщаю вашему сіятельству, ибо почти ежедневно вы о семъ слышите. — Винить тѣхъ изъ насъ надобно, которые, препираясь о первоначальствѣ и личныя достоинствахъ, чайтельно влагали во ушеса младыхъ воспитанниковъ предосудительныя внушенія о неспособности дру-

гихъ и которые, надѣясь на остроуміе и мнѣмую политику, шли своимъ путемъ до тѣхъ поръ, покуда разрушили взаимное согласіе и довѣренность своихъ воспитанниковъ, отъ чего точно родилось непослушаніе, распри и грубое обращеніе Александра Павловича.

Сверхъ сего, его высочество, не по лѣтамъ возрастая тѣломъ, начинаетъ уже сильно ощущать любопытство къ любовной страсти; и если вы теперь, дражайшій отецъ, не примете всевозможныхъ мѣръ къ его спасенію, то я весьма опасаюсь, что его состояніе причинитъ вамъ несносное оскорбленіе.

Сложивъ теперь зѣло угнетавшее мою душу бремя, предаю вамъ совсѣмъ мою жизнь. Располагайте оною, яко же благоизволите. Я и прежде сего всегда былъ вамъ преданъ. Однако по нынѣшнимъ критическимъ обстоятельствамъ болѣе чувствую себя приверженнымъ къ особѣ вашей. Усугубляйте мнѣ яще ваши благоразумные совѣты, а же съ сего времени усугубляю по должности моей всевозможнѣйшія усилія. Александру Яковлевичу Протасову такъ-же весьма нужно подкрѣпленіе вашихъ совѣтовъ, которые, увѣряю я, онъ всегда съ уваженіемъ принималъ, да и впредь будетъ принимать; но признаюсь, что потерянная до вѣрность великаго князя и его нравъ, который по временамъ бываетъ весьма чувствителенъ и ревностенъ, а по временамъ мягкій и снисходительный, не совсѣмъ общаетъ желаемые успѣхи, то какъ ему, такъ и всѣмъ намъ необходимо нужно есть постороннее подкрѣпленіе, поелику и гг. кавалеры, потерявъ довѣрность, никакъ не могутъ удержать свою властію Александра Павловича въ добромъ порядкѣ. Г. Протасовъ, оплакивая предо мною неоднократно состояніе его высочества и свое, не обинуясь сказывалъ, что онъ на гг. кавалеровъ по разнымъ причинамъ не надѣется, и что единое токмо средство можетъ споспѣшествовать исправленію великаго князя, то есть: обращеніе и собесѣдованіе въ свободные часы благовоспитанныхъ юношъ, каковы суть ваши любезнѣйшіе сыновья. Въ семъ предложеніи г. Протасова я согласенъ потому, что сіе простое и никому, даже самому Александру Павловичу не могущее подать подозрѣнія средство, можетъ его и учителей, поелику нѣкоторые изъ нихъ дѣлаютъ вдушенія, противныя нашей церкви, нечувствительно исправить.

Сіе-ли или другое средство почтете ваше сіятельство полезнымъ, предоставляется вашей полной власти и благоразумію; мнѣ же по долгу и ревности осталось сказать, что время и нужда настоятъ, дабы вы спасали великаго князя Александра Павловича. Я давно уже той вѣры, что Божіе провидѣніе предызбрало васъ, дражайшій отецъ, въ семъ случаѣ сласти наше гибнущее отечество. По душевнымъ его высочества свойствамъ вы можете сдѣлать его весьма добрымъ государемъ и добрымъ отцомъ народа. Потому завершенно надлежатъ ему,

внушать сладчайшіе плоды миролюбія, и первый источникъ благоденствія народнаго, на которомъ основывается истинная слава государей и государствъ. Благоденствіе же народное основывается на внутреннемъ благоустройствѣ и изобиліи во семь нужномъ для житія, которое изобиліе непосредственно возрождается отъ земледѣлія. Если бы на сей часъ всѣ умершіе премудрые политики возстали, и если бы всѣ благомыслящіе живые соединились съ ними, то всѣ бы единогласно подтвердили, что благословенное земледѣліе есть первымъ и непоколебимымъ основаніемъ благоденствія народовъ и государей. Если бы и всѣ государства, нѣкогда процвѣтавшія, предстали теперь нашимъ глазамъ, то и тѣ бы провозгласили, что оныя до тѣхъ поръ пребывали въ полной славѣ и могуществѣ, пока процвѣтало земледѣліе, всегда нераздѣльное съ трудолюбіемъ и благоправіемъ.

Присемъ пришло мнѣ теперь на память пожеланіе вашей благочестивой души, которое вы, дражайшій отецъ, соизволили нѣкогда изъяснить мнѣ въ томъ, дабы вы могли принести Богу жертву особымъ какимъ нибудь постановленіемъ. Я уже и прежде осмѣлился вамъ подать мнѣніе, что никакая жертва не можетъ быть Богу пріятнѣе какъ призрѣніе сиротъ, ищущихъ всякія помощи; что нѣтъ способнѣе случая и мѣста для удовлетворенія вашего христіанскаго желанія какъ дача его высочества Александра Павловича. Въ оной нѣсколько сиротъ могутъ научиться трудолюбію и благоправію. Пусть мы начнемъ сіе богоугодное установленіе малымъ теперь числомъ, слѣдственно и малымъ издвѣніемъ, которое число, современемъ умножаясь, можетъ разсѣяться по Россіи и содѣять общее благо. Не отлагайте, благочестивѣйшій христіанинъ, сего душеспасительнаго установленія, ибо человѣческая жизнь весьма кратка и неизвѣстна. Обратите-жь, прозорливый мужъ, особое свое вниманіе и на сей спасительный предметъ, питайте сію пресчастливую склонность въ своихъ государственныхъ воспитанникахъ. Я же дѣломъ уже доказалъ вамъ, что я во всякихъ случаяхъ также и въ семь не жалю моей жизни, которая человѣку столько же и мнѣ драгоценна, сколько и самому государю. Деньгамъ ее купить нельзя, такъ когда я жизнию моею готовъ жертвовать общему благу, то сему же соблаговолите пожертвовать нужною казною. Употребленныя на сей важный предметъ издержки произвели уже въ краткое время пріятныя забавы и пользу дражайшему вашему здравію. Впредь же, отвѣчаю моею жизнию, произведутъ пользу общественную. Но послѣшая къ своему служенію, престаю писать и въ полномъ удостовѣреніи остаюсь, что вы, дражайшій мой отецъ, за всю мою откровенность болѣе теперь меня возлюбите. Я же пребуду, пока жить буду, вашего сіятельства вѣрно преданнѣйшій слуга и всеусерднѣйшій богомолецъ А. Самборскій.

7.

Донесеніе изъ Софійскаго нижняго земскаго суда въ Управу Благочинія столичнаго и губернскаго города Святаго Петра ¹⁾.

17-го ноября 1788 г.

Сего ноября 3-го въ ономъ судѣ, по предложенію г. земскаго исправника и кавалера Панаева, производилось слѣдственное дѣло о зарубленіи минушаго октября 28-го на дачѣ ея сіятельства двора ея императорскаго величества штатсъ-дамы Академіи Наукъ директора императорской россійской Академіи президента и кавалера княгини Екатерины Романовны Дашковой принадлежащихъ его высокопревосходительству ея императорскаго величества оберъ-шенку, сенатору, дѣйствительному камергеру и кавалеру Александру Александровичу Нарышкину, голландскихъ борова и свиньи, о чемъ всемъ судомъ на мѣстѣ изслѣдовано и 16-го числа по прочему опредѣлено: какъ изъ онаго дѣла явствуетъ, что ея сіятельство княгиня Екатерина Романовна Дашкова зашедшихъ на дачу ея, принадлежащихъ его высокопревосходительству Александру Александровичу Нарышкину, двухъ голландскихъ свиней, усмотрѣнныхъ яко бы въ потравѣ, не давъ знать о томъ суду и не засвидѣтельствовавъ посторонними людьми потравы, приказала людямъ своимъ, загнавъ въ конюшню, убить, которые тогда жъ и убиты топорами. То на основаніи высочайшихъ ея императорскаго величества объ управленіи губерній учрежденій 243 ст. во удовлетвореніе обиженнаго, по силѣ уложенія 10-й главы 208, 209 и 210-го пунктовъ, за тѣхъ убитыхъ свиней взыскать съ ея сіятельства княгини Екатерины Романовны Дашковой противъ узаконенной оцѣнки сорока рублей—вдвое, т. е. восемьдесятъ рублей и по взысканіи отдать его высокопревосходительства Александра Александровича Нарышкина повѣренному служителю Кирилѣ Сидорову съ распискою. Причемъ ему, Сидорову, подтвердить, чтобъ впредь на дачахъ ихъ пастухи за пасомымъ скотомъ ниѣли лучшее смотрѣніе и онаго по дорогамъ и сосѣднимъ дачамъ ходить не допускали. И о томъ удовлетвореніи обиженнаго, въ силу той же статьи высочайшаго учрежденія, дать знать Софійскому уѣздному суду рапортомъ. А что принадлежитъ до показанія садовниковъ, яко бы означенными свиньями на дачѣ ея сіятельства потравлены посаженныя въ шести горшкахъ разныя цвѣты, стоящія шесть рублей, но сія потрава не только въ то время черезъ постороннихъ людей не засвидѣствована, но и когда былъ для слѣдствія на мѣстѣ г. земскій исправникъ Панаевъ, и по свидѣтельству его

¹⁾ Печатается безъ сохраненія орфографіи подлинника.

въ саду и оранжереяхъ никакой потравы и поврежденія деревьямъ не оказалось. Да буде бы и заподлинно потрава была, то и за силою манифеста, состоявшагося 787 г. апрѣля въ 21 день, 24-го пункта ея сіятельству учинить не можно, о чемъ отъ суда ей объявить. По отыску жъ ея сіятельства, учиненному г. земскому исправнику о боѣ свиней незнакіемъ закона и что впредь зашедшихъ коровъ или свиней также убить прикажетъ и отошлетъ въ гошпиталь¹⁾,—то въ предупрежденіе и отвращеніе такого предпріятого намѣренія по силѣ высочайшихъ учрежденій 224 статьи, выписавъ приличныя узаконенія, благопристойнымъ образомъ объявить ея сіятельству, дабы впредь въ подобныхъ случаяхъ отъ управленія собою изволила воздержаться и незнакіемъ законовъ не отъявлась, въ чемъ ее сіятельство обязать подпискою. По жительству жъ нынѣ въ Санктъ-Петербургѣ такъ и истребованіе отъ ея сіятельства означенныхъ денегъ 80 р. объ отдачѣ объявленія и о взятъи по оному подписки сообщать въ Управу Благочинія столичнаго и губернскаго города Святаго Петра, съ тѣмъ дабы благоволила, по истребованіи, показанныя деньги для отдачи повѣренному его высокопревосходительства Александра Александровича Нарышкина и подписку доставить въ сей судъ въ непродолжительномъ времени, о чемъ отъ того суда Управѣ Благочинія симъ сообщается, а ея сіятельству объявленіе, запечатанное въ конвертѣ, приложено при семъ. Подписалъ: Иванъ Нефьевъ.

8.

Собственноручное письмо поэта В. Петрова по поводу кончины князя Потемкина-Таврическаго²⁾.

31-го мая 1792 г. Москва.

Милостивый государь! Извините, что я на письмо ваше толь поздно отвѣтствую. Я теперь только имѣлъ счастье его прочитатъ, возвратясь изъ степной моей деревнишки, куда я удалился зимою одинъ, разгулять грусть мою и горе. Вамъ, чаю, не безызвѣстно, сколько покойный князь Григорій Александровичъ меня жаловалъ. Смерть сего мецената нанесла моей музѣ смертельный ударъ. Скорбя о немъ и плача, я вовсе забылъ, что я сочинитель, помнилъ только, что я пренесчастный человекъ въ свѣтѣ, лишившійся нѣжнѣйшаго друга, который былъ мое богатство въ

¹⁾ Т. е. на порціи больнымъ.

²⁾ Къ кому адресовано это письмо—намъ неизвѣстно; но надо полагать, что или къ В. С. Попову или Степ. Фед. Стрекалову.

моихъ недостаткахъ, мое утѣшеніе въ печаляхъ, мое здравіе въ болѣзняхъ. Я тужилъ о моемъ несчастіи и плакалъ, какъ вдругъ развернулъ ваше письмо и нашелъ въ немъ живое для меня утѣшеніе. Не сочиненія мои и переводы нужны всемилостивѣйшей государынѣ, но сія великая сострадательная душа, вѣря, что я дѣйствительно пораженъ сямъ злоключеніемъ, какъ и есть, снисходить утѣшать меня, давая мнѣ знать, что хотя я лишился отца, я не вовсе сирота. Есть у меня великая мать, которая сильна и готова помочь мнѣ, сильна покрыть и защитить, ободрить и возставить меня. Я бы сочелъ за знаменитое отъ васъ благодѣяніе, ежели бы вы, милостивый государь, при случаѣ ея императорскому величеству объяснили, съ какимъ чувствіемъ благодарности приемлю я милостивое ея величества обо мнѣ воспоминаніе. Сочиненія мои и переводы я вамъ со временемъ представлю печатныя и рукописныя, сколько ихъ собрать могу. Я сердечно радъ такому представителю, какъ вы, испытавъ многократно души вашей добродѣтель, вашу къ наукамъ любовь, и ко мнѣ отъивное благоволеніе, которому поручая меня (себя), имѣю честь быть навсегда вашъ, милостивый государь, всепокорный слуга В. Петровъ.

9.

Письмо Лагарпа неизвѣстному лицу ¹⁾.

Царское Село. 24-го іюня 1793 г.

Я долженъ начать съ заявленія вашему превосходительству, насколько былъ тронутъ обязательнымъ и вѣжливымъ способомъ, при помощи котораго вы исполнили возложенное на васъ ея императорскимъ величествомъ порученіе, которое, если я васъ хорошо позналъ, сводится

¹⁾ До вступленія на престолъ императрицы Екатерины II вопросъ о престолонаслѣдіи не былъ обусловленъ никакими законоположеніями, и царствующій государь имѣлъ право назначить своимъ наслѣдникомъ кого угодно, по своему выбору. Руководствуясь этимъ Екатерина рѣшила передать престолъ своему внуку великому князю Александру Павловичу. Зная любовь и довѣріе Александра къ своему воспитателю Лагарпу, императрица рѣшилась посвятить его въ свои виды. Но честный и неподкупный республиканецъ не раздѣлялъ взгляда императрицы и не согласился быть ея орудіемъ въ разрѣшеніи этого вопроса. Тогда Екатерина рѣшила уволить Лагарпа отъ занятій съ внукомъ и отпустить его за границу подъ благовиднымъ предлогомъ. Этотъ предлогъ изложенъ въ помѣщаемомъ ниже письмѣ, переведенномъ съ французскаго.

Р е д.

къ тремъ слѣдующимъ пунктамъ: 1) предложеніе быть включеннымъ въ число лицъ, имѣющихъ сопровождать ея императорское высочество принцессу Баденскую; 2) прошеніе о моемъ отпускѣ и отставкѣ; 3) представленіе объясненій о томъ, какія желанія могу я высказать.

Во избѣжаніе неясностей и недоразумѣній, я возьму на себя смѣлость отвѣчать письменно.

Первый пунктъ относительно путешествія. Я очень польщенъ честью, которую ея императорскому величеству угодно оказать мнѣ, обративъ свои взоры на мою особу. Къ сожалѣнію, однако, положеніе моихъ дѣлъ является непреодолимымъ препятствіемъ къ тому, чтобы я могъ воспользоваться предложеніемъ. Такъ какъ я женатъ и долженъ буду ликвидировать хозяйство и многія дѣла при незначительныхъ моихъ средствахъ, то ваше превосходительство поймете, что мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, невозможно окончить мои приготовленія къ назначенному сроку, имѣя, въ особенности, въ виду, что тутъ идетъ дѣло не объ отлучкѣ на нѣсколько мѣсяцевъ, но объ оставленіи Россіи навсегда и переселеніи въ другую страну. Поэтому ваше превосходительство меня весьма обяжете, если, со свойственною вамъ предусмотрительностью, укажете на приводимыя мною основанія, дабы государыня не могла подумать, что я противлюсь ея ко мнѣ благоволенію и отказываюсь отъ почетной отставки, какую ея величество мнѣ опредѣляетъ.

Второй пунктъ. Когда 10-го мая всѣмъ кавалерамъ его императорскаго высочества государя великаго князя Александра были оказаны милости, за исключеніемъ меня, бывшаго кавалеромъ и наставникомъ его высочества, я долженъ былъ, конечно, заподозрить, что меня очернили въ глазахъ ея императорскаго величества. Такъ какъ, однако, ничего на мой счетъ не высказывалось, я рѣшилъ дожидаться времени бракосочетанія его высочества, дабы попросить тогда объясненія. Нѣкоторыя занятія еще, которыхъ я долженъ былъ закончить съ его высочествомъ, окончательно побудили меня къ такому рѣшенію; но какъ ваше превосходительство дали мнѣ понять въ прошлый понедѣльникъ, что ея величеству угодно, дабы я подалъ прошеніе объ отпускѣ, то я немедленно и исполнилъ это.

На основаніи этого приказанія, я 24-го іюня написалъ графу Салтыкову, прося его, въ качествѣ моего непосредственнаго начальника, какъ по гражданскому, такъ и по военному вѣдомству, представить мое прошеніе на усмотрѣніе ея императорскаго величества, отъ коего я и ожидаю повелѣній.

Третій пунктъ. Прибывъ въ Россію по приглашенію ея императорскаго величества, именемъ которой мнѣ было обѣщано приличное положеніе, я никогда не сомнѣвался, что августѣйшая монархия устроитъ подобное положеніе человѣку, бывшему десять лѣтъ на-

ставникомъ ея августѣйшихъ внуковъ, и которому она столь долго благоволила оказывать свое довѣріе.

Небольшая бібліотека и мебель, вотъ все, милостивый государь, чѣмъ я владѣю; ибо я никогда ни о чемъ не просилъ. Если ея императорское величество соблаговодитъ даровать мнѣ какую-либо милость, я приму ее съ почтеніемъ и признательностью; но я слишкомъ увѣжденъ въ томъ, что выполнилъ всѣ свои обязанности, мое сердце слишкомъ уязвлено, дабы предъявлять какія-либо требованія или настаивать на исполненіи прежнихъ обѣщаній при нынѣшнихъ обстоятельствахъ.

Никто лучше меня не знаетъ, сколь ея императорское величество великодушна и, въ особенности, сколь справедлива: я, съ своей стороны, никогда не выказывалъ чувствъ корыстолюбца; можетъ ли поэтому существовать во мнѣ тревога за будущее?

Таковы, милостивый государь, размышленія, вызванныя во мнѣ разговоромъ, происходившимъ у меня съ вашимъ превосходительствомъ въ прошлый понедѣльникъ; примѣненіе же ихъ къ дѣлу я предоставляю на ваше благоусмотрѣніе съ полнѣйшимъ довѣріемъ.

Съ почтеніемъ остаюсь, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшимъ и преданнѣйшимъ слугою.

Наставникъ ихъ императорскихъ высочествъ Ф. Цезарь де-Лагарпъ.

10.

Собственноручное письмо Екатерины II графу В. П. Мусину-Пушкину ¹⁾

14 сентября 1793 г.

Графъ Валентинъ Платоновичъ! При семъ прилагаю копія съ письма Григорья Кушелева къ здѣшнему губернатору, въ которомъ онъ говоритъ, что цесаревичъ указомъ изволилъ отдать болѣе половины Александровской площади, какъ по присланному отъ него же къ губернатору плану явствуетъ, какимъ-то куцямъ. Приказаніе само по себя сумазбродное и приказаніе само по себя послѣдней дерзости. Позовите Кушелева къ себя и скажите ему моимъ именемъ, что есть-ли еще разъ онъ дерзнетъ подобное писаніе куда ни есть послать, то я его сошлю, гдѣ воронъ костей его не сыщеть, а великому князю скажите, чтобъ онъ впредь мимо васъ никакихъ приказаній по прошеніямъ ничьихъ не посылалъ.

Освѣдомитесь напередъ заподлинно ли писано по приказанью великого князя.

¹⁾ Сообщилъ профес. В. А. Бильбасовъ.

11.

Собственноручный рескриптъ Екатерины II графу Н. И. Салтыкову ¹⁾.

5 мая 1795 г.

Графъ Николай Ивановичъ! Любезныхъ внуковъ нашихъ великаго князя Александръ Павловича и великаго князя Константина Павловича заблагодарасудили мы наименовать шефами: перваго—Екатеринославскаго гренадерскаго, а втораго—Санктъ-Петербургскаго гренадерскаго полковъ.

12.

Эпитафія, сочиненная Георгіемъ Конисскимъ предъ кончиною ²⁾.

Градъ Нѣжинъ ³⁾ колыбель, градъ Кіевъ мой учитель,
Я въ 38 лѣтъ содѣлался святитель ⁴⁾.
Семнадцать лѣтъ потомъ боролся я съ волками ;
И двадцать два провелъ въ покоѣ со овцами.
За претерпѣнные труды и непогоду
Архіепископомъ и членомъ стать Синоду ⁵⁾.
Георгій имя мнѣ, я изъ Конисскихъ дому
И въ жизни былъ коню подобенъ почтовому.
Сія-то падали зарыты грѣшны кости
Семьсотъ отъ Рождества годъ пятый девяностый ⁶⁾.

¹⁾ Сообщилъ профес. В. А. Бильбасовъ.

²⁾ Сообщилъ профес. В. А. Бильбасовъ.

³⁾ Род. 20-го ноября 1717 г.

⁴⁾ Посвященъ 20-го августа 1755 г.

⁵⁾ 22-го сентября 1783 г.

⁶⁾ Умеръ 13-го февраля 1795 г.

ПОСЛѢДНІЕ „ГОЛШТИНЦЫ“.

(1763-й годъ).

Судьба «голштинскаго отряда» Петра III известна: съ восшествіемъ на престолъ Екатерины II отрядъ былъ уничтоженъ. Уже 29-го іюня 1762 года адмиралъ Талызинъ доносилъ изъ Кронштадта сенату: «на купеческихъ корабляхъ прибыло голштинскихъ офицеровъ, а именно: бригадиръ, полковникъ, маіоръ, капитанъ, штыкъ-юнкеръ, аудиторъ, полковой квартирмейстеръ и полковой лекаръ да рядовыхъ 88 человекъ» («Архивъ сената», секр. дѣла, № 709, л. 3). Это были «голштинцы», случайно перехваченные въ Петергофѣ. Въ тотъ же день раскассированіе всего отряда, не особенно многочисленнаго и находившагося въ Ораниенбаумѣ, было поручено генералъ-поручику В. И. Суворову, который въ три недѣли исполнилъ возложенное на него порученіе и, отъ 22-го іюля, доносилъ сенату, что природныхъ голштинцевъ «велѣно изъ Кронштадта отпустить въ Голстинію съ генераломъ Шильдомъ водою», лифляндцы и малороссы были высланы на родину, русскіе же и «прочіе здѣшніе» получили новые паспорта и приняты были, по желанію, на службу тѣми же чинами. Суворовъ, извѣщая сенатъ «о пришедшемъ къ ревелюскому порту любкомъ торговомъ галліотѣ, на которомъ привезено голштинскаго войска до ста пятидесяти человекъ, и что еще везется на судахъ въ Ревель изъ Голстиніи войска до пачисотъ человекъ, которыми командуетъ генералъ-лейтенантъ Кетенбургъ», прибавляя, что «ея императорское величество всевысочайше указать соизволила объ ономъ прибывшемъ и впредь прибывающими въ Ревель голштинской службы генералитетомъ, штабъ, оберъ и унтеръ-офицерами и рядовыми учинить противъ вышеписаннаго-жъ», т. е. отправить «въ Голстинію водою».

Такимъ образомъ, въ Россіи, если вѣрить донесенію Суворова, не осталось ни одного «голстинца».

Годъ спустя, въ іюнѣ 1763 г., Екатерина II посѣтила Ораніенбаумъ, въ которомъ оказалось еще пятнадцать «голстинцевъ» изъ раскассированнаго годъ назадъ отряда. Очевидно: эти «голстинцы» не пожелали возвратиться на родину, что, впрочемъ, вполне ясно изъ приводимыхъ ниже документовъ, находящихся въ нашемъ архивѣ.

1.

«Его сіятельству господину генераль-аншефу, ея императорскаго величества оберъ-гофмаршалу, дѣйствительному камергеру и разныхъ орденовъ кавалеру графу Карлу Ефимовичу фонъ-Сиверсу
отъ генераль-маіора и кавалера Ферстера ¹⁾).

Доношеніе.

«Ея императорское величество всемилостивѣйшая государыня всевысочайше во время въ ораніенбаумскомъ домѣ присутствія въ 25-й день минувшаго іюня, всемилостивѣйше указать миѣ соизволила о всѣхъ нынѣ находящихся въ Ораніенбаумѣ бывшихъ въ голштинской военной службѣ и оставшихся безъ опредѣленія въ службу штабъ и оберъ-офицерахъ для всевысочайшаго разсмотрѣнія поднести ея императорскому величеству списокъ чрезъ ваше сіятельство съ показаніемъ въ томъ списокѣ кто при которомъ полку или въ какой статской службѣ быть желаетъ.

«Во исполненіе оногo ея императорскаго величества всевысочайшаго именнаго указа о вышечисанныхъ штабъ и оберъ-офицерахъ списокъ съ желаніями ихъ учинить и для поднесенія ея императорскому величеству на всевысочайшее разсмотрѣніе вашему сіятельству въ покорности моей и съ чувствительною моею и всѣхъ тѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ преданностію въ надеждѣ вашего сіятельства изъ великодушія во исходатайствѣ высочайшей резолюціи неоставленія при семъ подносится.

Иванъ Ферстеръ.

« > для
1763 году.

2.

«Списокъ нынѣ находящихся въ Ораніенбаумѣ штабъ и оберъ-офицерамъ съ показаніемъ ихъ объявленія кто при какой службѣ быть желаетъ,

а именно:

1) Бригадиръ баронъ фонъ-Дельвигъ, предъ симъ состоялъ въ военной службѣ бригадиромъ и поручень былъ ему полкъ—всеподданнѣйше

¹⁾ Начальника ораніенбаумскаго арсенала («Сборникъ», VII, 127; VI, 135)

просить о опредѣленіи къ нѣкоторой здѣсь въ Санктъ-Петербургѣ или въ Лифъ-Эстляндіи стоящей дивизіи и о высочайшей ея императорскаго величества милости, ибо онъ, во время бывшей въ Петергофѣ въ высочайшемъ правленіи перемены будучи съ полкомъ, всего своего имѣнія лишился.

2) Полковникъ фонъ-Бергъ всеподданиѣйше просить въ находящійся у Ладожскаго канала баталіонъ тѣмъ же чиномъ.

3) Подполковникъ Моисей Лангъ всеподданиѣйше просить въ состоящій въ Лифляндіи конный полкъ.

4) Маіоръ Стефани подвергаетъ себя на всевысочайшую ея императорскаго величества милость, прося по рангу его въ статскую службу и высочайшаго ея императорскаго величества милосерднаго вспоможенія.

5) Маіоръ Николай фонъ-Бейеръ, который по приключенному глазамъ несчастію къ полевой службѣ неспособенъ, подвергая себя всевысочайшей ея императорскаго величества дрожайшей и матерней милости, желаніе имѣть въ статскую службу ассессоромъ.

6) Гренадерской роты капитанъ Ферстеръ, будучи сначала кадетомъ, и съ молодыхъ своихъ лѣтъ дослуживался и произведенъ былъ по всѣмъ классамъ и при производствахъ никогда ни однимъ чиномъ не обошелъ, но отъ градуса до градуса дослужился въ капитаны—всеподданиѣйше просить въ состоящія въ Лифляндіи конные полки и о неоставленіи его, по заслуженномъ характерѣ и по лишеніи при переменѣ всего своего имѣнія, о милосердномъ вспоможеніи.

7) Ротмистръ Витихъ, который подверженъ былъ таковой же судьбѣ яко и капитанъ Ферстеръ, всеподданиѣйше просить въ состоящій въ Лифляндіи третій гренадерскій полкъ съ всевысочайшимъ ея императорскаго величества милостивымъ вспоможеніемъ.

8) Капитанъ Карлъ Фридрихъ Бекельманъ, пада къ стопамъ ея императорскаго величества всеподданиѣйше просить о опредѣленіи его въ состоящій въ Лифляндіи въ дивизіи генераль-аншефа и кавалера графа Румянцева пѣхотный полкъ, ибо онъ чрезъ восемь лѣтъ служилъ безъ жалованья на своемъ содержаніи, на что не мало имѣнія своего употребилъ, чѣмъ и пришелъ въ несостояніе доставить себя потребнымъ экипажемъ.

9) Капитанъ Фридрихъ Лангъ всеподданиѣйше просить о опредѣленіи при санктъ-петербургской полиціи-майстерской канцеляріи тѣмъ же чиномъ.

10) Капитанъ Гринъ всеподданиѣйше просить и желаетъ службу продолжать при арсеналѣ ораниенбаумскомъ, который содержать будетъ въ порядочномъ состояніи, и понынѣ привялъ не малый трудъ въ рас-

пораженіи арсеналовъ, чего ради оное его прошеніе предается въ высочайшее ея императорскаго величества соизволеніе.

11) Поручикъ Гофманъ, который, по старости лѣтъ и по бѣдности его, при полкахъ служить въ не состояніи, просить о опредѣленіи къ строеніямъ во Ораніенбаумъ.

12) Поручикъ Голценбергъ просить по бѣдности его и по многоимѣнію дѣтей о опредѣленіи при полиціи въ Санктъ-Петербургъ.

13) Поручикъ Ламбертусъ всеподданнѣйше просить въ шлюссельбургскій полкъ и о всевысочайшей ея императорскаго величества милости и о вспоможеніи на исправленіе потребнымъ экипажемъ, ибо какъ отецъ его, такъ и онъ безъ таковой милости поправиться не въ состояніи.

«Вышеозначенные офицеры, находясь цѣлый годъ ни у какихъ дѣлъ и не имѣя ни откуда пропитанія, содержали себя съ великою нуждою и бѣдностію, напротивъ же того прочіе офицеры, возвратясь въ Голштинію, награждены пенсією.

«Да сверхъ вышеписанныхъ обрѣтаются въ Ораніенбаумъ, которые нынѣ жительство имѣютъ у подполковницы Килевой:

«Маіоръ Антошъ Штанге, который находился въ шлезвигъ-голштинской службѣ при артиллеріи шесть лѣтъ, просить всемилостивѣйшей ея императорскаго величества всевысочайшей милости и желаніе имѣть опредѣлиться при Санктъ-петербургской главной артиллеріи.

«Поручикъ Фридрихъ Кохъ, который находился при таковой же голштинской пѣхотной военной службѣ девять лѣтъ, просить всеподданнѣйше ея императорскаго величества всемилостивѣйшаго пожалованія въ дивизію его сіятельства графа Румянцева во второй гренадерскій полкъ, а въ прочемъ подвергаетъ онъ себя во всемилостивѣйшую ея императорскаго величества высочайшую милость.

Иванъ Ферстеръ»

Это—последніе «голштинцы»; дальнѣйшая судьба ихъ неизвѣстна и ни для кого не интересна. Но имя злополучнаго голштинскаго отряда грустно прозвучало еще разъ, спустя одиннадцать лѣтъ, въ тяжелую пору пугачевщины, когда въ рядахъ возставшихъ появилось «голштинское знамя 1762 года» («Сборникъ», VI, 135). Это было украденное изъ Ораніенбаума «голштинское знамя Дельвигова драгунскаго полка», по поводу котораго былъ назначенъ розыскъ «какимъ образомъ сіе знамя до Пугачева дошло» («Зритель», 1863, XVIII, 561; Смирдинъ, III, 289; «Осмнадц. вѣкъ», I, 124).

Сообщилъ проф. В. Бильбасовъ.

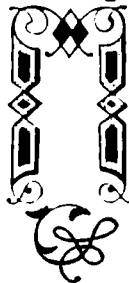

ПИСЬМА АРХИЕПИСКОПА МОГИЛЕВСКАГО

Георгія Конисекаго къ В. Г. Рубану.

(1778—1780 г.г.).

Предлагаемые письма принадлежат знаменитому проповеднику и одному изъ образованнѣйшихъ іерарховъ своего времени—архіепископу могилевскому Георгію Конисскому (род. въ Нѣжинѣ 20-го ноября 1717 г. † въ Могилевѣ 13-го февраля 1795 г.) и хранятся въ Императорской Публичной библиотекѣ. Всѣ они писаны къ Василю Григорьевичу Рубану (род. въ Бѣлгородѣ 14-го марта 1742 г. † въ С.-Петербургѣ 24-го сентября 1795 г.), плодовитому писателю, который воспитывался въ Киевской духовной академіи, когда ректоромъ въ ней былъ Георгій (съ 1751 по 20-е августа 1755 г.). Такимъ образомъ Конисскій узналъ Рубана еще въ годы ученія послѣдняго и поддерживалъ знакомство съ нимъ и въ послѣдующее время, сотрудничая въ его изданіяхъ. Такъ, въ изданіи В. Г. Рубана «Старина и Новизна» 1773 года помѣщена известная рѣчь Конисскаго, обращенная къ Екатеринѣ II при ея коронованіи въ Москвѣ и тутъ же рядомъ—не менѣе известная «Рѣчь къ пресвѣтлѣйшему польскому королю Станиславу-Августу, говоренная на латинскомъ языкѣ въ Варшавѣ іюля 27-го (16) дня 1765 года». Затѣмъ, въ «Любопытный мѣсяцесловъ» Рубана на 1775 годъ Конисскій далъ свою статью «Историческое извѣстіе о епархіи могилевской и о епархіяхъ въ Польшѣ бывшихъ благочестивыхъ, кои римлянами обращены въ унию», и наконецъ, когда Рубанъ, вмѣстѣ съ А. А. Безбородкомъ (впослѣдствіи княземъ и канцлеромъ), составлялъ исторію Малороссіи, Георгій сообщилъ ему «Записки 270 лѣтъ, которыя ведены были генеральными малороссійскими писарями», бывшими при гетманахъ. «Записки» эти были помѣщены въ «Краткой лѣтописи Малыя Россіи съ 1506 года по 1776 г., изданной Василюемъ Григорьевичемъ Рубаномъ» въ 1777 году.

Письма Георгія Конисскаго къ Рубану представляютъ интересъ какъ со стороны языка и формы, такъ и въ томъ отношеніи, что сообщаютъ

*

свѣдѣнія о предполагавшемся, по мысли Рубана, изданіи проповѣдей Конисскаго, которымъ, вслѣдствіе неумѣлости «тупографчиковъ», такъ и не пришлось увидѣть свѣтъ. Отдѣльныя «предики» тоже не были напечатаны, по крайней мѣрѣ онѣ не указаны ни въ одномъ библиографическомъ трудѣ.

Б. Модзалевскій.

1.

19 августа 1778 г. Могилевъ.

Высокоблагородный господинъ совѣтникъ надворный
Милостивый мнѣ государь и благодѣтель ¹⁾).

Еще въ іюнѣ имѣлъ счастье получить вашего высокоблагородія писаніе съ приложенными нововзданными вашихъ трудовъ тетрадками ²⁾, за которыя я благодарю покорнѣйше. Но доселѣ не допустили мнѣ отвѣту учинить мои непрерывныя недосуги. Проповѣдь мою, говоренную Іюля 10, если напечатаете ³⁾, то и мнѣ десятковъ пять прислать прошу, я подлежащее уплачу. Теперь прилагаю проповѣдь одну, говоренную въ началѣ торжества бывшего здѣшняго для открытія намѣстничества, другую наготовленную мною въ день самаго открытія, но неговоренную, понеже такъ быть тому намѣстника государевъ ⁴⁾ судилъ. Не знаю, можетъ быть и первая ему не понравилась. Вы судите, да для того вамъ посилаю, понеже присилки оныхъ вы требовали отъ мене. Предаю себе далшей любви вашей и милости, пребывая зъ совершеннымъ и истиннымъ моимъ почитаніемъ и усердіемъ

Высокоблагородія вашего милости-
ваго моего государя и благодѣтеля
покорнѣйшій слуга и богомолецъ
Епископъ Могилевскій Георгій.

¹⁾ Въ слѣдующихъ письмахъ начало и конецъ опускаемъ. Письма печатаются съ сохраненіемъ орфографіи подлинника.

²⁾ Въ это время Рубанъ издалъ „Начертаніе, подающее понятіе о достославномъ царствованіи Петра Великаго, съ приобщеніемъ хронологической росписи главнѣйшихъ дѣлъ и приключеній сего великаго государя“. Спб. 1778 г.

³⁾ Этой рѣчи нѣтъ въ Собраніи сочиненій Конисскаго, изданномъ священникомъ І. Григоровичемъ въ 2 т. Спб. 1835 г., изд. 2-е. Спб. 1861 г. Она не была напечатана.

⁴⁾ Вѣлорусія была присоединена къ Россіи въ 1772 году и тогда же намѣстникомъ ея былъ назначенъ графъ Зах. Гр. Чернышевъ (род. 1722 г. † 1784 г.), пробывшій въ этой должности до 1782 г. Правителемъ намѣстничества (губернаторомъ) въ это время (1778—1780 г.) былъ Мих. Вас. Каховскій, генералъ-поручикъ (Мѣсяцесловъ съ росписью чиновныхъ особъ на 1778 годъ, стр. 382).

2.

22 апрѣля 1779 г. Могилевъ.

Какъ за поздравленіе новымъ мене годомъ, такъ и за мѣсяцесловъ любопытный ¹⁾, плодъ пріятѣйшій трудовъ вашихъ, покорнѣйшее вамъ приношу благодареніе, желая вамъ за то плодотворной въ отечествѣ маслящѣ, многихъ и всякимъ щастіемъ благорастворенныхъ дѣтъ. Предики ²⁾ мои двѣ извѣстныя, если соблаговолите дать въ печать, то потребное число денегъ сей писма вручитель Ігуменъ Леонидъ ³⁾ видать имѣеть. О пожалованіи мене однимъ экземпляромъ путника покойнаго Григоровича Плаки ⁴⁾ упомянуть я прошеніе мое къ его свѣтлости въ писмѣ моемъ, которое надобно было писать о семъ Ігуменѣ, безъ котораго случая я бы не принялъ дерзновенія его свѣтлость трудить. Думаю я двоихъ просить, для мене и для семинаріи моеи ⁵⁾, но сіе препоручаю вашему благоразсмотрѣнію. Если многое число экземпляровъ имѣете и другое что не препятствуетъ, такъ о другомъ можете вы внести ваше ходатайство ⁶⁾: а дай Богъ и одинъ получить. Пребываю съ истиннымъ моимъ почитаніемъ и усердіемъ.

¹⁾ „Любопытный Мѣсяцесловъ на 1778 годъ съ показаніемъ російскихъ, грегорианскихъ, жидовскихъ, турецкихъ чиселъ и съ приобщеніемъ пространнаго гѣтоисчисления російскихъ достопамятностей и проч. Изданъ Василемъ Григорьевичемъ Рубаномъ, господиномъ надворнымъ совѣтникомъ, правлящимъ должность директора надъ Новороссійскими Училищами“. Спб. 1778 г., 12°, 60 стр.

²⁾ Проповѣди.

³⁾ Леонидъ Красовскій, съ 1767—1775 г. — игуменъ Седмюзерской пустыни, а съ 1775 по 1784 г. — игуменъ Охорскаго Преображенскаго монастыря Могилевской епархіи (Мѣсяцесловъ съ росписью чиновныхъ особъ на 1778 г., стр. 69).

⁴⁾ Книга „Пѣшеходца Василя Григоровича-Барскаго-Плаки-Албова, уроженца кіевскаго, монаха антиохійскаго, путешествіе ко святымъ мѣстамъ, въ Европѣ, Авіи и Африкѣ находящимся“. Спб. 1778 г., 4°, XII+796 стр., была надана на счетъ князя Потемкина-Таврическаго, подъ смотрѣніемъ (редакцію) В. Г. Рубана. Путешествіе это, пользовавшееся большою извѣстностью и до того времени ходившее во множествѣ рукописей, было впервые издано въ этомъ году, причѣмъ В. Г. Рубану пришлось, для возможно лучшаго исполненія возложеннаго на него порученія, просмотрѣть и слѣдить большое количество списковъ.

⁵⁾ Могилевская семинарія, основанная Георгіемъ въ 1759 году, служила предметомъ особенныхъ заботъ его. Такъ, въ 1780 году онъ построилъ для нея новое обширное зданіе съ помѣщеніями для учителей и воспитанниковъ, вызвалъ изъ Кіевской Духовной академіи нѣсколько студентовъ для занятія кафедръ еврейскаго, греческаго и польскаго языковъ. По его же ходатайству на содержаніе семинаріи окладъ повышенъ до 2.500 руб.

⁶⁾ Въ это время В. Г. Рубанъ былъ секретаремъ князя Г. А. Потемкина (съ 1774 по 1791 г.).

3.

22 января 1780 г. Могилевъ.

Не пропустили вы начатыя новому нынѣшнему году безъ обновленія любви вашей ко мнѣ присылкою вождельннаго писма и книжицы въ даръ о безсмертіи души ¹⁾, за которую любовь вашу, принося мое вамъ благодареніе, желаю искреннѣйше такъ провести годъ сей и другіе по немъ многіе, какъ извѣстное безсмертіе души по насъ требуетъ. Если бо благополучнаго провѣжденія другъ другу желаемъ, то благополучнѣйшаго не найдемъ, какъ соответствующее безсмертію души.

Проповѣди мои когда бы были напечатаны—безъ ошпыбокъ, о чемъ и прошу покорнѣйше, предостереженъ будучи въ всемъ отъ преосвященнаго Смоленскаго ²⁾, которій опечатки, въ его проповѣдяхъ послѣдовавшія съ чувствительностію принялъ.—Переслать оныя можете чрезъ племянника моего Константина Бошняка, недавно пожалованнаго аудиторомъ, коего удобно найдете въ квартирѣ его высокопревосходительства г. Коховскаго Михайлы Василіевича ³⁾, кой имѣетъ сего Константина отправить въ Малороссію. Остаюсь съ непремѣннымъ моимъ почитаніемъ и усердіемъ.

4.

5 февраля 1780 г. Могилевъ.

Получилъ я и послѣднее писаніе ваше съ корректурными листами. И какъ вижу съ тѣхъ листовъ ваши не малые труды, то я жалѣю, что мои предики привели васъ къ онымъ, еще жъ и болше жалѣлъ бы, естлибъ вы сами не были къ тому поводомъ, вызвавъ мене къ печата-

¹⁾ „Безсмертіе души, основательно противъ безбожниковъ и скептиковъ доказанное Іоанномъ Швелингемъ; перев. съ лат. Александръ Фрязиновскій“. Спб. 1779 г., 8°. Фрязиновскій, авторъ многихъ стихотвореній на разные случаи. Своимъ писательствомъ возбудилъ насмѣшки В. В. Капниста, который вывелъ его въ своей „Сатирѣ I“ подъ именемъ „Флевиновскаго“.

²⁾ Паревій Сопокоскій, членъ Св. Синода, бывшій съ 7-го марта 1761 г. по день смерти—епископъ смоленскій; род. въ Кіевѣ 6-го декабря 1717 г. † 7-го марта 1795 года. (Памятная книжка Смоленской губ., на 1863 годъ, стр. 33—35). Въ письмѣ разумѣется изданное въ 1778 году „Слово о новомъ учрежденіи правленія, его важности, слѣдъ и порядкѣ, говоренное при открытіи Полотскаго намѣстничества“. Спб., 4°.

³⁾ Каховскій, Мих. Вас., род. 1734 г. † 1800 г.; съ 5-го апрѣля 1797 г. графъ Россійской имперіи; генералъ-отъ-инфантеріи и новороссійскій военный генералъ-губернаторъ. Въ 1772 году присоединилъ Бѣлоруссію и былъ назначенъ ея губернаторомъ. Съ 1778 по 1783 г.—присутствовалъ въ Военной коллегіи. Конисскій повнакомился съ Каховскимъ, когда послѣдній былъ губернаторомъ въ Могилевѣ, гдѣ Конисскій былъ епископомъ.

нію онѣхъ предикъ. Нѣмцы невкусныя въ російскомъ языкѣ должны были отряцаться отъ такого печатанія. И естлибъ они здѣлали было тую должность, то бы я легко могъ или обойтись безъ печатанія, или здѣ напечатать въ типографіи новозаведенной у бискупа Римско-Католицкаго ¹⁾, которой служители сами просятъ чего-нибудь къ печатанію, требуя отъ Аркуша по два рубли. Итакъ, естли еще за чѣмъ тія скаски досель не напечатаны, или хотя одна отъ нихъ, прошу и не велѣть печатать, я здѣсь еѣ отпечатаю.

5.

22 апрѣля 1780 г. Могилевъ.

Вчерашнего числа получилъ іа два пакеты съ писмами вашими и напечатанными проповѣдми моими; какъ вичиталъ напечатанное, весьма былъ тронутъ опечатками, не тѣми, которыя легки чтушемъ узнать и в типографичкамъ причитать, но которыя на сочинителя падаютъ, состоящія въ пропущеніи не толко словъ, но и цѣлыхъ реченій.—Прошу жъ покорно не прислать онѣхъ большое число, велѣть принести остатокъ въ жертву хромому богу ²⁾, какъ и іа съ присланными здѣлалъ. И поже нѣкоторые уже экземпляры и пошли въ народъ, какъ и преосвященному смоленскому ³⁾ одинъ достался, потому принужденнымъ нахожуся, для очищенія моего отъ порока напраснаго, напечатать онія по моему расположенію при университетѣ Московскомъ, гдѣ печать весьма исправная, или здѣ подъ моимъ смотрѣніемъ. Жаль мнѣ и вашего труда, но нѣтъ чѣмъ переимѣнить. Наука: *Ictus piscatoris sapient.* Другимъ разомъ не положимся на такихъ типографчиковъ. Въ прочемъ съ достойнымъ почитаніемъ и усердіемъ остаюсь.

P. S. Росписаніе путі предприемлемаго въ Бѣлоруссію ⁴⁾ давно уже сюди прислано и мнѣ сообщено отъ г. губернатора, однакъ за сообщеніе ваше, такъ, какъ-бы первое было, съ должнымъ благодареніемъ почитаю.

¹⁾ Станиславъ Богущь-Сестренцевичъ (род. 3-го сентабря 1731-г. † 1827 г.), митрополитъ всѣхъ римско-католическихъ церквей въ Россіи; изъ литовскихъ дворянъ, реформатскаго вѣроисповѣданія. Въ 1761 году перешелъ въ католичество, въ 1763 г.—посвященъ въ епископы. По присоединеніи Бѣлоруссіи, назначенъ въ 1773 году епископомъ (бискупомъ) бѣлорусскимъ, а въ 1782 г.—архіепископомъ.

²⁾ Вулкану—богу огня; аллегорическая фигура.

³⁾ Паренію Сопковскому.

⁴⁾ Здѣсь говорится о путешествіи Екатерины II въ Бѣлоруссію въ 1780 г. Ей хотѣлось удостовѣриться, насколько привилось учрежденіе намѣстничества, а также — обревизовать мѣстное управленіе. Въ Могилевъ Екатерина прибыла 24-го мая 1780 года и прослѣдовала прямо въ соборъ Св. Спаса, гдѣ Георгій встрѣтилъ ее приличною случаю рѣчью (Записки Добрынина, „Русская Старина“, т. IV, стр. 114)

КОНЧИНА ЕКАТЕРИНЫ II

и

воцареніе Павла I.

(По неизданнымъ современнымъ воспоминаніямъ ¹⁾).

Въ жизни бываютъ предчувствія, болѣе сильныя, чѣмъ разсудокъ. Говоря, что нужно прогнать ихъ изъ своихъ мыслей, мы, однако, не чувствуемъ себя отъ этого ни менѣе встревоженными, ни достаточно сильными, чтобы побороть ихъ. Подобное предчувствіе, какъ тѣнь, преслѣдовало меня съ тѣхъ поръ, какъ императрица, послѣ бала у великаго князя Александра, прощаясь со мною, положила мнѣ на плечо свою прекрасную руку.

¹⁾ Вотъ уже второй разъ на страницахъ французскихъ журналовъ появляются отрывки изъ неизданныхъ воспоминаній о Россіи, относящихся къ царствованіямъ императрицы Екатерины II и императора Павла Петровича. Оба раза лица, печатавшія ихъ, графъ Фидтумъ и маркизъ Коста-де-Борегаръ, не называли автора ихъ, ссылаясь на данное обѣщаніе не обнаруживать его имени. Однако, они дѣлали столько прозрачныхъ намековъ, говоря, что эти воспоминанія принадлежатъ перу свѣтской дамы, указывая на общественное положеніе ея мужа и на родственныя связи, что угадать, кто таинственный авторъ приводимыхъ имъ воспоминаній, не могло бы составить труда для лицъ, близко знакомыхъ съ русской исторіей конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтій.

Авторъ ихъ—графиня Варвара Николаевна Головина, урожденная княжна Голицина, племянница графа И. И. Шувалова и жена графа Николая Николаевича Головина, состоявшаго гофмаршаломъ двора Александра Павловича въ бытность его великимъ княземъ, и умершаго въ 1820 году въ званіи оберъ-шенка и члена Государственнаго Совѣта.

Графиня В. Н. Головина принадлежала къ числу выдающихся лицъ русскаго общества того времени. Она выдѣлялась среди него не только красотою, происхожденіемъ и положеніемъ при дворѣ, но и умомъ, образованіемъ и дарованіями въ области изящныхъ искусствъ. При всемъ томъ она была не чужда восторженности и порывовъ сентиментализма. Восторженность графини,—лишьеть о ней одна ея современница, графиня Эдлингъ,—иногда бывала трогательна, а иногда смѣшна. Меня занимало слѣдить за игрой ея эксцентричнаго воображенія, которую она принимала за проявленіе чувствительности“. Всѣ эти качества обезпечили ей извѣстное вліяніе на высшее русское общество, которымъ, къ сожалѣнію, она воспользовалась не къ пользѣ

5 ноября, въ 10 часовъ, когда мы завтракали съ матушкой, явился придворный лакей и сказалъ намъ:

«Около часу тому назадъ съ императрицей случился апоплексическій ударъ».

Я испустила ужасный крикъ и побѣжала къ мужу. Мнѣ стоило величайшихъ усилій, чтобы найти въ себѣ силы сказать ему: императрица умираетъ... Мой мужъ былъ подавленъ этимъ извѣстіемъ и побѣжалъ во дворецъ. Торсуковъ, племянникъ старшей камеръ-юнгфрау ея величества, подтвердилъ намъ зловѣщую новость.

«Все кончено, сказали онъ намъ, и она, и наше счастье».

До трехъ часовъ утра мы провели самыя ужасныя минуты въ моей жизни. Каждый два часа мой мужъ присылалъ мнѣ краткія извѣстія. Одно мгновеніе блеснула надежда, слабый лучъ среди мрака, сдѣлавшій для насъ лишь болѣе тягостной увѣренность въ нашемъ несчастіи. Императрица оставалась пораженною параличемъ въ теченіе тридцати шести часовъ; ея тѣло еще жило, но голова была уже мертва. Въ мозгу лопнула вена. Она перестала жить 6-го ноября.

Огорченіе, причиненное императрицѣ неудачей, достигшей ея планы относительно шведскаго короля, повліяло на нее вполнѣ замѣтно для всѣхъ тѣхъ, которые непосредственно соприкасались съ нею. Она

Россіи: она поддерживала въ немъ симпатіи къ Бурбонамъ и, принявши католичество, ревностно пропагандировала его.

Своими запискамъ о прошломъ и видѣнномъ графиня В. Н. Головина не хотѣла дать громкаго названія „мемуаровъ“, „Онѣ—писала она,—содержать лишь скромныя воспоминанія о царствованіи Екатерины II, Павла I и его сына Александра“.

„Эти воспоминанія, быть можетъ, скромны—замѣчаетъ по этому поводу Коста-де-Борегаръ, изъ статьи котораго, помѣщенной въ послѣднемъ номерѣ „Revue d'histoire diplomatique“, мы заимствуемъ приводимые нами ниже отрывки изъ воспоминаній графини Головиной о смерти императрицы Екатерины II и воцареніи императора Павла Петровича.—Но развѣ госпожа де-Севиные,—продолжаетъ Коста-де-Борегаръ,—не говорила, что ничто въ мірѣ не было бы такъ красиво, какъ имѣть кабинетъ, весь обитый оборотной стороною картъ? (rien au monde ne serait joli comme d'avoir un cabinet tout tapissé de dessous de cartes). И вотъ мнѣ кажется, что госпожа де-Севиные была бы удовлетворена тѣми оборотными сторонами картъ, которыми кишитъ этотъ рассказъ, и тѣмъ изяществомъ, легкостью и остроуміемъ, съ которыми все это передаю.“

Не подлежитъ сомнѣнію, что когда воспоминанія графини В. Н. Головиной появятся въ печати полностью, они при ихъ удостовѣренной правдивости, и несмотря на то, что по словамъ Коста-де-Борегаръ, авторъ ихъ „чрезмѣренъ какъ въ своей ненависти, такъ и въ своихъ восторгахъ“,—займутъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди извѣстныхъ доселѣ записокъ о Екатерининскомъ и Павловскомъ царствованіяхъ.

Отрывки изъ воспоминаній графини В. Н. Головиной, напечатанные Коста-де-Борегаръ и приводимые нами въ русскомъ переводѣ, рисуютъ обстановку, среди которой совершилось воцареніе Павла Петровича. При всей ихъ безыскусственности и простотѣ, они какъ то особенно живо заставляютъ насъ чувствовать всю противоположность царствованій отходившаго и нарождавшагося, когда, по выраженію Шишкова, настала иной вѣкъ, иная жизнь, иное бытіе. Въмѣстѣ съ тѣмъ горечь, испытанная графиней Головиной, при видѣ пренебреженія къ памяти Великой Самодержицы, невольно сообщается и читателю.

Н. III.

измѣнила свои привычки, только по воскресеньямъ появлялась у обѣдни и къ обѣду, лишь нѣрѣдка допускала близкихъ себѣ лицъ въ Брильянтовую комнату или въ Эрмитажъ.

Почти всѣ вечера она проводила въ своей спальнѣ съ нѣсколькими лицами, которымъ оказывала совершенно особое благоволеніе.

Великій князь Александръ и его супруга, обыкновенно всѣ свои вечера проводившіе у императрицы, видѣли ее теперь не болѣе одного или двухъ разъ въ недѣлю, не считая воскресенья. Часто они получали приказаніе оставаться дома или отправляться въ театръ ¹⁾.

Въ первое воскресенье 2 ноября 1796 года императрица Екатерина въ послѣдній разъ появилась публично. Казалось, она вышла, чтобы проститься со своими подданными. Когда она умерла, всѣ были поражены страннымъ впечатлѣніемъ, которое она произвела въ тотъ день.

Послѣ обѣдни императрица довольно долго оставалась въ Тронной залѣ, гдѣ Ле-Бронъ выставила только-что оконченный ею портретъ великой княгини Елисаветы во весь ростъ.

Ея величество долго разсматривала этотъ портретъ и говорила о немъ съ лицами, приглашенными къ обѣду. Затѣмъ состоялся большой обѣдъ, какъ это было принято по воскресеньямъ. Среди приглашенныхъ находились великіе князья Александръ и Константинъ, а также и ихъ супруга. Тогда они въ послѣдній разъ увидѣли свою бабушку, такъ-какъ вечеромъ получили приказаніе не являться къ ней.

Въ понедѣльникъ 3-го числа и во вторникъ 4-го великій князь Александръ и великая княгиня Елисавета были по вечерамъ въ оперѣ.

Въ среду 5-го числа, въ 11 часовъ утра, когда великій князь отправился гулять, за нимъ съ величайшей поспѣшностью прислали отъ графа Салтыкова. Великая княгиня отвѣтила, что не знаетъ, ни гдѣ находится ея супругъ, ни когда вернется домой. Вскорѣ, однако, великій князь прибылъ, крайне взволнованный полученнымъ отъ графа Салтыкова извѣстіемъ, что императрица почувствовала себя дурно, и что графъ Николай Зубовъ посланъ въ Гатчину, чтобы привезти оттуда великаго князя Павла, будущаго императора.

Александръ былъ подавленъ этимъ извѣстіемъ. Однако, только около пяти часовъ онъ получилъ отъ графа Салтыкова позволеніе войти въ комнату умирающей императрицы. Въ этомъ утѣшеніи ему отказывалось по причинамъ, легко понятнымъ каждому, кто зналъ характеръ графа Салтыкова. Дѣйствительно, много говорили о намѣреніи императрицы передать свою корону, минуя голову сына Павла, своему внуку великому князю Александру.

Никогда, я увѣрена въ этомъ, она и не думала объ этомъ ²⁾. Но до-

¹⁾ Приведенный выше отрывокъ изъ воспоминаній графини Головиной взятъ нами, для полноты разсказа, изъ статьи графа Фицтума. Н. III.

²⁾ Графиня ошибается.

Ред.

статочно было слуховъ объ этомъ, чтобы графъ Салтыковъ считъ себя въ правѣ сдѣлать комнату императрицы недоступной для кого бы то ни было впредь до прибытія ея законнаго наслѣдника.

Но такъ какъ послѣдній не могъ замедлить пріѣхать, Салтыковъ отрѣшился отъ своей строгости, и великій князь получилъ возможность войти къ своей бабкѣ.

Императрица безъ чувствъ лежала на полу, на матрацѣ, огороженная ширмой. Комната была еле освѣщена. Екатерину окружали лишь Протасова, первая камеръ-флейлина, и Алексѣева, одна изъ первыхъ камеръ-юнгфрау. Ихъ рыданія смѣшивались съ страшнымъ хрипѣніемъ императрицы. Это были единственные звуки, нарушавшіе глубокое безмолвіе...

Великій князь Александръ и сопровождавшая его великая княгиня Елисавета не оставались долго передъ этимъ зрѣлищемъ, глубоко взволнованнымъ ихъ. Они отправились къ великому князю Константину, помѣщеніе котораго находилось по близости. Но и тамъ оставались лишь нѣсколько мгновений, такъ какъ въ это время прибылъ ихъ отецъ, великій князь Павелъ.

Павелъ, не заходя къ себѣ, такъ же какъ и его супруга водворились въ апартаментѣхъ императрицы. Будущій императоръ устроился въ кабинетѣ, прилегавшемъ къ спальнѣ его матери, такъ что всѣ тѣ, кому онъ отдавалъ приказанія, проходили, направляясь въ кабинетъ и обратно, мимо императрицы Екатерины, еще продолжавшей дышать.

Великій князь Александръ, со времени прибытія своего отца, не показывался своей супругѣ. Вдругъ, около трехъ часовъ утра, великая княгиня увидѣла его входящимъ къ ней въ сопровожденіи великаго князя Константина. Оба они были въ формѣ гатчинскихъ полковъ, состоявшихъ подъ командою Павла. Видъ этихъ мундировъ, запрещенныхъ въ Петербургѣ, потому что императрица не желала, чтобы ея внуки брали уроки—говоря ея собственнымъ выраженіемъ—«пруссаго капорализма», уничтожилъ въ сердцѣ великой княгини послѣднюю надежду на сохраненіе жизни императрицы. Она расплакалась: ей казалось, что она готовится перейти изъ пріятнаго мѣстопребыванія въ какой-то смиренный домъ.

Подъ утро всѣ получили приказаніе одѣться въ русскіе костюмы. Это значило, что кончина императрицы приближается. Однако, весь день прошелъ въ мучительной и долгой агоніи, и великая Екатерина ни на одно мгновеніе не приходила въ сознаніе. Агонія кончилась около 11 часовъ вечера.

Тогда великій князь Александръ пришелъ за женою и невѣсткой, чтобы свести ихъ къ новому императору. Онъ заставилъ ихъ стать на колѣни, чтобы поцѣловать его руку. Въ это время императрица Марія съ большою расторопностью наблюдала за одѣваніемъ усопшей и за

уборкой ея комнаты. Екатерина II была положена на постель и одѣта въ домашнее платье.

Воцареніе новаго императора вселило ужась во всѣ сердца. Одаренный всѣмъ, что нужно для того, чтобы быть великимъ государемъ и однимъ изъ самыхъ обаятельныхъ людей своей имперіи, онъ достигъ лишь того, что возбуждалъ страхъ и отдалялъ отъ себя. У Павла была пылкая душа. Вслѣдствіе невозможности дѣйствовать, его характеръ, вспыльчивый отъ природы, ожесточился. Онъ сдѣлался подозрителенъ, суровъ и требователенъ до мелочей. Онъ уединился, проводилъ при дворѣ не болѣе двухъ или трехъ мѣсяцевъ въ зиму, а все остальное время разсѣивался отъ скуки, снѣданшей его, въ Гатчинѣ, формированіемъ батальоновъ, которые онъ дисциплинировалъ по прусской системѣ. И эту невыносимую дисциплину онъ ввелъ не только среди своихъ солдатъ, но и среди сановниковъ своего малаго двора. Опозданіе на одну минуту наказывалось военнымъ арестомъ.

Слѣдствіемъ этихъ странностей было то, что его избѣгали на столько, на сколько могли. Но тогда были еще слишкомъ счастливы, такъ какъ отдѣлывались лишь вспышками и арестами, а теперь уже дѣло шло о состояніи, сылѣ и даже жизни.

Первые чины двора дѣйствительно были перемѣнены, точно по маговенію волшебнаго жезла. Все, что въ теченіе 34 лѣтъ дѣлало царствованіе Екатерины столь славнымъ, рухнуло, и, повидимому, Павелъ былъ проникнутъ лишь одною страстью—унизить свою мать, возвышая память своего отца...

Первымъ дѣйствіемъ императора было приказаніе совершить заупокойную службу въ Невской Лаврѣ, гдѣ находилась гробница Петра III. Онъ присутствовалъ на ней со всей семьей и всѣмъ дворомъ. Онъ пожелалъ, чтобы гробъ былъ открытъ въ его присутствіи. Въ немъ нашли лишь нѣсколько костей, тѣмъ не менѣе онъ потребовалъ, чтобы каждый поцѣловалъ ихъ. Затѣмъ онъ приказалъ приготовить для этого праха великолѣпныя похороны, и среди всевозможныхъ церемоній, религіозныхъ и военныхъ, которыя онъ могъ только придумать, онъ велѣлъ перенести гробъ во дворецъ а самъ пѣшкомъ слѣдовалъ за нимъ.

За двѣ недѣли до этого я была назначена на дежурство къ тѣлу моей государыни. Его перенесли въ Тронную залу. Я пришла туда и сѣла у стѣны. Въ трехъ шагахъ отъ меня, облокотившись на каминъ, стоялъ камердинеръ Екатерины II, отчаяніе котораго нѣсколько облегчило меня.

Все было обтянуто чернымъ: потолокъ, стѣны, полъ. Блестящій огонь въ каминѣ одинъ лишь освѣщалъ эту комнату скорби. Кавалергарды, съ ихъ красными колетами и серебряными касками, разиѣстились группами, или облокотившись на свои карабины, или отдыхая на стульяхъ.

Тяжелое молчаніе царяло повсюду; его нарушали лишь рыданія и вздохи.

Подобное зрѣлище гармонировало съ моимъ душевнымъ настроеніемъ. Въ горѣ контрасты ужасны: они раздражаютъ.—Его горечь смягчается лишь тогда, когда встрѣчаешь что-либо, похожее на муку, которую самъ испытываешь.

Недѣлю спустя послѣ только-что упомянутого дежурства у гроба въ Тронной залѣ, я была снова назначена на дежурство въ Большой залѣ, въ которой обыкновенно даются балы. Тамъ былъ воздвигнутъ катафалкъ. Онъ имѣлъ форму ротонды съ приподнятымъ куполомъ Екатерина лежала въ открытомъ гробѣ съ золотой короной на головѣ. Императорская мантия покрывала ее до шеи. Вокругъ горѣло шесть лампадъ; на ступеняхъ, опершись на свое оружіе, стояли кавалергарды.

Зрѣлище было прекрасно, религиозно, внушительно. Но гробъ Петра III неизмѣнно находился тамъ же!...

Я дежурила вмѣстѣ съ Толстой, и мы изъ одной и той же чаши испили всю горечь этой мрачной ночи. Темнота еще болѣе усиливала впечатлѣніе, производимое этимъ зрѣлищемъ, которое навсегда останется въ моей памяти. Крышка отъ гроба императрицы лежала на столѣ у стѣны, параллельно катафалку.

Толстая, такъ же, какъ и я, была въ самомъ глубокомъ траурѣ. Наши вуали висѣдали до земли. Мы облокотились на крышку этого послѣдняго жилища, къ которому я невольно прижималась. Я ощущала желаніе умереть, точно какую-то потребность любить. Слова Евангелія проникали мнѣ въ душу. Все вокругъ меня казалось ничтожествомъ. Въ душѣ моей былъ Богъ, а передъ глазами—смерть. Долгое время я оставалась какъ бы подавленною. Когда стало разсвѣтать, я была опечалена этимъ. Я съ горестью видѣла приближеніе конца моего дежурства. Съ трудомъ отрываешься отъ послѣднихъ воспоминаній о томъ, что было тебѣ дорого.

Тѣло императрицы и гробъ Петра III были перенесены въ крѣпость. Послѣ заупокойной обѣдни они были погребены въ склепѣ ихъ предшественниковъ.

Едва былъ оконченъ погребальный обрядъ, какъ было получено приказаніе явиться ко двору. Отправились въ Черную залу кавалергардовъ. Трепетавшіе и трепетавшія (*trembleurs et trembleuses*) рѣшили, что слѣдуетъ цѣловать руку императора, склоняясь до земли, что показалось мнѣ совершенно страннымъ.

Когда императоръ и императрица вышли, начались такіа присѣданія, что императоръ не успѣвалъ поднимать этотъ новый родъ карточныхъ калуциновъ. Я была возмущена этимъ, и когда пришла моя очередь, я поклонилась, какъ кланялась обыкновенно, и только сдѣлала видъ, что взяла руку императора. Старыя дамы выбрали меня за то, что я не подражала ихъ присѣданіямъ...

Вотъ, кстати, маленькій анекдотецъ на эту тему:

Одна изъ придворныхъ дамъ надѣялась путемъ лесты добиться отъ Екатерины званія статсъ-дамы. Ею она не получила, но получила жестокой урокъ.

У Екатерины II была ливретка, подаренная ей принцессой нассауской. Эта маленькая собачка была очень красива, но черезчуръ надолбидна и ревнива по отношенію къ другимъ собакамъ. Ее звали «пани», что по-польски значить «госпожа». Просительница же была полька. И вотъ, однажды, когда она присѣла съ особенно рабскою угодливіостью, императрица не выдержала. — «Послушайте, пани,—проговорила она, обращаясь къ своей собачкѣ,—вы знаете, что я не люблю ласокъ, и, пока вы будете лѣзть ко мнѣ ¹⁾, я буду отталкивать васъ»...

Быль ли понять урокъ?.. Я сомнѣваюсь въ этомъ. Сколько людей, читая басню, не видятъ въ ней морали!..

Новый императоръ далеко не раздѣлялъ отвращенія своей матери къ раболѣпству. Напротивъ того, онъ до такой степени требовалъ его, что вокругъ него всѣ постоянно находились на-сторожѣ.

Великій князь Александръ и его супруга не были болѣе счастливы при дворѣ, чѣмъ мы. Задолго до разсвѣта, великаго князя можно было уже видѣть въ пріемной императора. Часто онъ проводилъ передъ этимъ цѣлыя часы въ казармахъ своего полка. Парадъ, строевыя ученія поглощали все его утро. Онъ обѣдалъ наединѣ съ великой княгиней. Затѣмъ, время послѣ полудня уходило или на новыя поѣздки въ казармы, или на исполненіе приказаній, данныхъ ему императоромъ.

Въ семь часовъ слѣдовало быть въ гостиной его величества и ожидать его тамъ, хотя обыкновенно онъ появлялся лишь къ ужину, подававшемуся въ девять часовъ. Послѣ ужина великій князь докладывалъ отцу о своихъ военныхъ занятіяхъ, а великая княгиня присутствовала въ это время при ночномъ туалетѣ императрицы. Однимъ словомъ, это была жизнь самая стѣснительная, какую только можно представить себѣ.

Коронованіе было совершено тотчасъ же, какъ только глубокой трауръ позволилъ это.

Въ субботу передъ Вербнымъ воскресеньемъ, т. е. 28-го марта 1797 г., дворъ совершилъ торжественный въездъ въ Москву. Кортель былъ громадныи. Войска стояли шпалерами отъ Петровскаго до дворца Безбородки. Всѣ гвардейскіе полки, какъ это принято въ подобныхъ случаяхъ, были приведены изъ Петербурга. Императоръ и его сыновья ѣхали верхомъ, императрица и великія княгини слѣдовали за ними въ огромной каретѣ, приспособленной къ тому, чтобы вмѣстить ихъ всѣхъ. Кортель остановился у Кремля, причеиъ императорская фамилія обошла соборы и поклонилась мощамъ. Затѣмъ, кортежъ снова двинулся далѣе и прибылъ ко дворцу Безбородки къ семи часамъ вечера, отправившись изъ

¹⁾ Непереводимая игра словъ „*tant que vous ramperez*“.

Петровскаго въ полдень. Но это было лишь остановочнымъ пунктомъ, и, проведя нѣсколько дней во дворцѣ Безбородки, дворъ въ среду на Страстной недѣлѣ перѣхалъ въ Кремль, чтобы приготовиться къ церемоніямъ коронаціи.

Она была совершена въ день Пасхи, 5-го апрѣля, въ Успенскомъ соборѣ.

Среди собора было воздвигнуто возвышеніе, а на этомъ возвышеніи помѣщался тронъ императора. Тронъ императрицы стоялъ сбоку, на нѣкоторомъ разстояніи. Справа была устроена трибуна для членовъ императорской фамиліи. По всей церкви были сдѣланы уступы, предоставленные публикѣ. Императоръ самъ короновалъ себя. Затѣмъ, онъ короновалъ императрицу, коснувшись своей короной головы своей супруги, которой, нѣсколько мгновеній спустя, надѣли корону поменьше. Когда обѣдня кончилась, происходило причащеніе. Послѣ этого былъ отслушенъ молебенъ.

Вслѣдъ затѣмъ императоръ приказалъ прочесть семейный актъ, приготовленный по его повелѣнію. Этотъ актъ устанавливалъ порядокъ наследованія престола. Женщины не допускались къ нему, за исключеніемъ случаевъ прекращенія мужскаго потомства по прямой линіи. Были предусмотрены и случаи несовершеннолѣтія. Равнымъ образомъ, было определено положеніе великихъ князей и великихъ княгинь. По прочтеніи акта онъ былъ положенъ на алтарь...

Послѣ торжественнаго коронаціоннаго обѣда, великія княгини удалились къ себѣ въ ожиданіи вечера. Но онѣ были такъ дурно размѣщены, что великая княгиня Елисавета провела нѣсколько часовъ, сидя въ придворномъ костюмѣ на какомъ-то сундукѣ.

Въ понедѣльникъ и вторникъ на Святой недѣлѣ дворъ слушалъ обѣдни въ различныхъ кремлевскихъ соборахъ. Затѣмъ, наконецъ, начиная со среды, ихъ величества, въ теченіе болѣе двухъ недѣль каждое утро въ большой залѣ дворца принимали отъ своихъ подданныхъ поздравленія. Императоръ постоянно находилъ, что было слишкомъ мало поздравлявшихъ. Императрица, съ своей стороны, повторяла, что она слышала, что послѣ коронованія императрицы Екатерины толпа цѣловавшихъ ей руку была такъ велика, что ея рука распухла. А между тѣмъ оберъ-церемоніймейстеръ Валуевъ ничѣмъ не пренебрегалъ, чтобы удовлетворить желанію ихъ величествъ. Онъ заставлялъ однихъ и тѣхъ же лицъ являться по нѣскольку разъ подъ различными предлогами, то какъ сенаторовъ, то какъ депутатовъ отъ дворянства, то, наконецъ, какъ членовъ того или другаго суда.

То же самое было продѣлано съ московскими дамами, которыхъ Валуевъ заставлялъ являться по нѣскольку разъ. Онѣ сосредоточенно приближались къ трону, кланялись, поднимались по ступенькамъ, цѣловали руки ихъ величествамъ и уходили, чтобы вскорѣ снова придти.

Потрясеніе, въ силу котораго самое кроткое царствованіе смѣнилось другимъ царствованіемъ страха, привело къ высшей степени страннымъ послѣдствіямъ: когда вблизи императора не трепетали, то становились безудержно веселыми. Никогда столько не смѣялись, никогда столько не шутили, и никогда еще не приходилось наблюдать, чтобы смѣхъ и шутка превращались столь быстро въ гримасы ужаса...

Однажды послѣ обѣда, который подавался въ часъ по полудни, Павелъ гулялъ и слышалъ какой-то звонъ, но только не церковный. Навели справки, и доложили ему, что это звонили къ обѣду у баронессы Строгановой. Императоръ страшно разгнѣвался, узнавъ, что баронесса Строганова обѣдаетъ лишь въ три часа, и, не сдержавъ своего гнѣва, послалъ къ ней полицейскаго офицера съ приказаніемъ обѣдать впредь въ часъ по полудни.

Замѣтивъ какъ-то въ свѣтѣ своей невѣстки, великой княгини Елисаветы, очень красивое женское лицо, императоръ пожелалъ, чтобы, тотчасъ же послѣ парада въ Петергофѣ, въ приказъ была внесена благодарность великому князю Александру за то, что у его супруги такая красивая фрейлина.

Извѣстно расположеніе императора Павла къ Аннѣ Лопухиной. Каждый день оно сопровождалось какой-нибудь новой сценической обстановкой, можно сказать, какимъ-нибудь новымъ маскарадомъ. Лопухина любила малиновый цвѣтъ и тотчасъ же малиновой цвѣтъ былъ усвоенъ императоромъ и всѣмъ дворомъ. Всѣ придворные чаи являлись одѣтыми въ малиновое.

Затѣмъ, какъ-то онъ приказалъ помѣстить на знамени гвардейскаго полка слово «Анна»: онъ открылъ, что Анна значитъ «божественная благодать»...

Повидимому, императоръ поддавался иногда мистическому настроенію. Ему рассказали, что во время его восшествія на престолъ, часовой, стоявшій у Лѣтняго дворца, видѣлъ видѣніе—св. Архангела Михаила, и Павелъ тотчасъ же рѣшилъ построить въ честь архангела дворецъ, который носилъ бы его имя. Закладка этого новаго дворца происходила въ присутствіи императора 26-го февраля въ 1797 года. Государь поселился въ немъ 1-го февраля 1801 года съ императрицей.

Императоръ было такъ доволенъ, что осуществилъ свою мечту, что воспользовался послѣдними днями масленицы, чтобы ознаменовать свое переселеніе въ замокъ великолѣпнымъ баломъ.

Этими выписками изъ записокъ графини Головиной приходится пока довольствоваться.

Н. Шильдеръ.

d'ici. Vous pouvez lui montrer ses lignes si vous voulez¹⁾).

Свое неодобрение жестокости генерал-поручика Штофельна, действовавшего под Ибралима, императрица, в письмѣ къ графу Румянцеву, выражаетъ слѣдующими словами: „упражнения г-на Штофельна въ анжиганіи города за городомъ и деревень сотнями, признаю, что мнѣ весьма не-приятно“. Въ другомъ письмѣ она заботится „для пользы службы, чтобы ни единый крестникъ того ордена (св. Георгія) безъ причины не былъ данъ“.

Виде-канцлеру Ал. Мих. Голицыну она сообщаетъ, что нѣтъ основаній слѣдить примиреніемъ съ Портой: „... естля провозиди, то внятно, что у страха глаза велики; но наша позиция такова, что слѣдить не для чего“.

Надежды на успѣхъ русскаго оружія при движеніи на Бендери высказаны великою императрицею въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „... не спрашивали римляне, когда гдѣ было ихъ два или, много, три легиона, въ полномъ числѣ противъ ихъ неприятель, но—гдѣ онъ? наступали на него и поражали... а мы, русскіе, милости Божескія за нравость нашу въ сей войнѣ съ нами... и о благополучнѣйшихъ успѣхахъ моля Всевышняго, надѣюсь на Его покровительство“.

Получивъ извѣстіе о побѣдѣ при р. Кагулѣ надъ турецкими войсками, которыми командовалъ самъ везиръ, она,—какъ говорится въ письмѣ отъ 2-го августа 1770 г.,—„цѣла здоровье г-на фельдмаршала графа Румянцева, съ которымъ вамъ новопожало-ваннымъ и весьма вами заслуженнымъ чи-номъ васъ поздравляю“.

О побѣдѣ русскаго флота надъ турецкимъ подъ Чесмою (гр. Ал. Гр. Орловъ) императрица писала: „Ничего знаменитѣе съ той стороны, кажется, быть не можетъ... Дивенъ Богъ въ чудесахъ своихъ“. 17-го сентября, по поводу этой же побѣды и тому же графу Румянцеву она сообщала: „мы Богу приносимъ благодареніе, а на другой день была соборная панихида Петру Великому, основателю флота и первому виновнику сей новой для Россіи славы. Мы плодомъ его трудовъ пользуемся“.

Интересна записка императрицы Екатерины на французскомъ языкѣ къ графу Н.

И. Панину, въ которой она проситъ графа сообщить контръ-адмиралу Эльфингстону, который произвелъ офицера въ лейтенанты, чтобы онъ не нарушалъ своихъ полномочій: „mais si ses instructions ne partent point le pouvoir d'avancer, il faudrait conseiller à Elphinston de ne pas outre-passer souvent“.

По поводу жалобъ на майора Бокума, которому былъ порученъ надзоръ за молодыми русскими дворянами въ Лейпцигѣ, Екатерина II приказываетъ сказать, что „я съ крайнимъ неудовольствіемъ слышу, что онъ (Бокумъ) осмѣливается въ противность данной ему инструкціи бить палочкою, шпагою и рогами ему отъ меня довѣренныхъ дворянъ, и чрезъ то одно видно, что онъ неспособенъ къ тому мѣсту, къ которому приставленъ; ибо естли-бу умѣлъ съ ними обходиться, то-бы ненужно было къ такимъ суровымъ преступанъ средствамъ“.

Письмомъ изъ Мадрида къ вице-канцлеру А. М. Голицыну отъ 21-го марта 1771 года, графъ Штакельбергъ¹⁾ просилъ о высылкѣ ему денегъ на экстраординарные расходы, слѣдующихъ ему за два года. Канцлеръ слѣлалъ помѣтку: „Мы въ коллегіи крайній недостатокъ въ деньгахъ претерпѣваемъ и теперь способа не имѣемъ всѣхъ министровъ удовлетворять“. Екатерина собственноручно положила слѣдующую резолюцію: „Естли не слѣлаете штата, естли не покажете приходъ и расходъ то въкъ денегъ не достанете, ибо на васъ не напасешься“.

На донесеніи Сальдерна²⁾ о покушеніи на короля Станислава Августа, императрица дѣлаетъ такую замѣтку: „Je crois qu'il faut faire à ce Prince une réponse douce et honnête et lui marquer la peine que pareil accident fait sentir à tout honnête homme“³⁾.

Приведенныхъ выдержекъ достаточно, чтобы судить, до какой степени интересны документы, помѣщенные въ рассматриваемомъ нами томѣ „Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“. Въ концѣ книги приложенъ подробный алфавитный указатель личныхъ именъ.

Н. И-ш-ъ.

¹⁾ Скажите извѣстной Особѣ, что все будетъ буквально исполнено согласно ея желаніямъ, что я очень довольна ея идеею и что надѣюсь имѣть еще большее удовольствіе въ скоромъ времени. Вы можете показать ей эти строки, если хотите.

¹⁾ Посланникъ въ Мадридѣ.

²⁾ Каспаръ Сальдернъ, голштинскій дѣйств. тайн. совѣт., былъ нашимъ посланникомъ въ Варшавѣ.

³⁾ „Я думаю, что слѣдуетъ отвѣтить этому государю ласково и выразить ему прискорбіе, какое подобное событіе вызываетъ во всякомъ чистомъ человѣкѣ“.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
РУССКАЯ СТАРИНА
1896 г.

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ:

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **ГОРОДСКИХЪ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ А. Э. Цинзерлинга (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Кока), Н. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала «Русская Старина». Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы въ біографіяхъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторѣ редакціи слѣдующія изданія журнала:

«Русская Старина» 1876 г., второе изд. (35 экз.), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1877 г., 12 книгъ (24 экз.), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1878 г., 12 книгъ (20 экз.), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1879 г., второе изд. (1 экз.), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1880 г., 12 книгъ (40 экз.), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1881 г., 12 кн., изд. второе (13 экз.), съ портр., 9 руб.
«Русская Старина» 1884 г., 12 книгъ (38 экз.), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1885 г., 12 книгъ (38 экз.), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1888 г., 12 книгъ (45 экз.), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1889 г., 12 книгъ (206 экз.), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1890 г., 12 книгъ (144 экз.), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1891 г., 12 книгъ (25 экз.), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1892 — 1895 гг., 12 книгъ, съ портретами, 9 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXVII-й.

ДЕКАБРЬ.

1896 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Записки графа Л. Л. Беннигсена о войнѣ съ Наполеономъ 1807 г. Сообщ. П. М. Майковъ...	481—518	↑
↓	лейт. В. Оноприенко. (стр. 540).— Способы мылова подрядчиковъ, употребляемые въ половинѣ прошлаго столѣтія. Сообщ. акад. К. С. Веселовскій (564).— Письмо гр. Н. П. Румянцева С. Ф. Стрелкалову отъ 26 февр. 1794 г. и Собственноруч. письмо гр. П. Завадовскаго гр. А. К. Разумовскому отъ 20 авг. 1808 г. Сообщ. акад. А. О. Бычковъ. (584).— Высочайш. указъ о принятіи мѣръ противъ медленнаго рѣшенія дѣлъ. (598).— Собственноручное письмо П. Лопухина кн. Платону Zubову отъ 16 окт. 1798 г. и Секретное письмо кн. Кутузова гр. И. И. Маркову отъ 18 июля 1812 г. Сообщ. акад. А. О. Вычковъ. (648). Сенаторъ — не частный человѣкъ, и наблюдать за формою одежды статскихъ чиновниковъ въ 1800 г. (652).
II. Тяжелые дни Казанскаго университета. П. Д. Шестаковъ.....	519—539		
III. На слубѣ. М. Песковскій.....	541—563		
IV. Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. (Матеріалы для біографіи, его разказы и переписка)....	565—583		
V. Изъ бумагъ А. В. Минтено	585—597		
VI. Михаилъ Александровичъ Бакунинъ. (Біографическій очеркъ). В. Ш.	599—616		
VII. Письма Н. М. Языкова къ Н. В. Гоголю. Сообщ. В. Шенрокъ	617—647		
VIII. Историко-аритическая записка Д. Иловайскаго.	649—651		
IX. Записки Михаила Чайковскаго. Гл. XVI и XVII. Перев. В. В. Тимошукъ.	653—676		
X. Архивъ графа П. Д. Киселева. I. Собственноруч. письмо П. А. Вяземскаго—графу П. Д. Киселеву...	677—686		
XI. Князь Алексѣй Борисовичъ Лобановъ-Ростовскій. (Къ портрету).....	687—692		
XII. Записная книжка „Русской Старины“: Бъ характеристикѣ графа Я. П. Ростопчева, Сообщ. геш.			

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго. Гравир. К. Адтъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1897 г.

Можно получить журналъ за истекшіе года, сл. 4 стран. обертки.

Прѣмъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 часовъ полудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайши утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,
Большая Подъячская. 39.

1896.

XII-я книжка „Русской Старины“ вышла 1-го декабря 1896 г.

Библиотека "Руниверс"

Библиографическій листокъ.

Сочиненія В. Д. Спасовича. Томъ VIII. С.-Петербургъ. 1896 г. 474 стр. Цѣна 2 руб.

Собрание сочиненій Владимира Давидовича Спасовича, состоящее изъ восьми томовъ, самаго разнообразнаго содержанія, указываетъ намъ, что въ лицѣ его мы имѣемъ не только выдающагося юриста-криминалиста, давашаго литературѣ цѣлый рядъ юридическихъ монографій и блестящихъ судебныхъ рѣчей,—но и глубокомысленнаго критика и талантливаго публициста.

Рассматриваемый нами томъ сочиненій Спасовича заключаетъ въ себѣ произведенія, написанныя имъ послѣ 1889 года. На первомъ планѣ стоятъ статьи: „Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій и его польскія отношенія и знакомства“; статья эта была напечатана въ январской книгѣ журнала „Русская Мысль“ за 1890 г. Въ началѣ этой статьи, написанной прекраснымъ языкомъ, разбирая литературную дѣятельность князя Вяземскаго ¹⁾, г. Спасовичъ, между прочимъ, заявляетъ, что до послѣдней минуты своей жизни кн. Вяземскій остался вѣренъ стихамъ, написаннымъ имъ въ 1854 году:

„Изъ колыбели я ужъ вышелъ рюмондетомъ...
Отъ рюми къ рюми я до старости бреду“.

О значеніи литературной дѣятельности князя Вяземскаго г. Спасовичъ отзывается такъ: „какъ литераторъ, князь Петръ Андреевичъ долженъ бы быть причисленъ только къ третъстепеннымъ писателямъ, но онъ любилъ переписываться съ другими... Эта переписка и книжки составляють вѣдь весьма цѣнные историческіе документы, ярко освѣщающіе вѣкъ князя Вяземскаго и его современниковъ“. О стихотвореніяхъ князя Вяземскаго онъ говоритъ: „Удѣляютъ немногія удачныя вещи... Скорбныя стихи на память убитому Пушкину свѣжи донынѣ, столь сильно они прочувствованы. Эти мелочи, Русскій Богъ ²⁾, десятокъ эпитаграмъ—вотъ и все, что, по нашему мнѣ-

¹⁾ Родился 12 іюля 1792 года, ум. 10 ноября 1878 г. въ Баденъ-Баденѣ.

²⁾ Это очень остроумное и популярное стихотвореніе, написанное княземъ въ 1827 году и напечатанное въ III т. Собранія сочиненій князя Вяземскаго (стр. 452), начинается такъ:

„Богъ ухабовъ, Богъ ятелей,
Богъ проселочныхъ дорогъ,
Богъ пологихъ безъ постелей,—
Вотъ онъ, вотъ онъ Русскій Богъ...“

нію, спасетъ Вяземскаго отъ совершеннаго забвенія, въ которомъ онъ, повидимому, очутился уже въ серединѣ пятидесятихъ годовъ“. Изъ заключенія этой статьи В. Д. Спасовичъ говоритъ: „Князь Вяземскій всю жизнь твердилъ, что надобно взять польскій вопросъ въ свои руки и рѣшить его по возможности снисходительно и наиболѣе льготно для поляковъ“.

Вторая статья „Пушкинъ въ польской повѣйшей литературной критикѣ“, первоначально напечатанная въ октябрьской книгѣ „Сѣвернаго Вѣстника“ за 1891 г.,—написана также хорошимъ языкомъ и доказываетъ полное знаніе предмета авторомъ, но мы не можемъ не замѣтить, что какъ-то странно звучать слова почтеннаго публициста: „Я сравнивалъ Пушкина съ зибкою волною и морскою (sic) Я призывалъ въ немъ не героическій темпераментъ, но человѣка неунымающаго и поставленнаго среди грозившей буря ревниво оберегаемаго имъ свою независимость, вѣдѣтские необычайной упругости своей живою и веселой натурою“ (стр. 55). Далѣе: „Г. Здѣховскій отвергаетъ мою (т. е. г.-на Спасовича) характеристику Пушкина, какъ лишающую образъ Пушкина того обаянія и той прелесть, какую имѣють его пѣсни“. Вообще мы не раздѣляемъ взгляда г. Спасовича, который ставитъ Пушкина ниже Мицкевича и даже считаетъ нашего великаго поэта подражателемъ польскаго поэта; напримѣръ, на стр. 94-й читаемъ: „Когда подъ вліяніемъ стиховъ Мицкевича Пушкинъ сталъ создавать свой гораздо болѣе обширный эпосъ ³⁾, то бессознательно и безъ участія воли его складывался образъ чертами, соответствующими и тѣмъ, какими выразилъ мысль своею Мицкевичъ“ ³⁾. Мы далеки отъ мысли заподозрить г. Спасовича въ данномъ случаѣ въ національномъ пристрастіи. Г.-нъ Спасовичъ чловѣкъ съ прочно установившимися убѣжденіями и высказываетъ ихъ открыто. Но всякому человѣку свойственно заблуждаться.

Вслѣдъ за статью о Пушкинѣ напечатана статья „Конрадъ Валленродъ“, которая была читана авторомъ публично въ Львовѣ 10-го сентября 1889 года. Въ критической статьѣ, подъ заглавіемъ „Лермонтовъ въ книгѣ Н. Котляревскаго“,—г. Спасовичъ дѣлаетъ подробный разборъ книги г. Котляревскаго о Лермонтовѣ ³⁾. Въ третьей главѣ этого

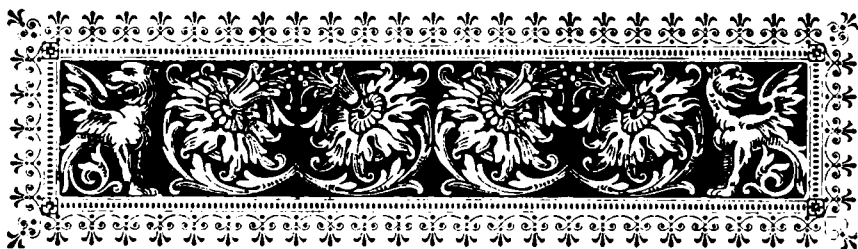
¹⁾ „Мѣдныя Всадники“.

²⁾ „Памятникъ Петра Великаго“.

³⁾ „М. Ю. Лермонтовъ. Личность поэта и его произведенія. Опытъ историческо-литературной оцѣнки“. Спб. 1891.

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ БОРИСОВИЧЪ
ЛОБАНОВЪ-РОСТОВСКІЙ.

Записки графа Л. Л. Беннигсена

0

ВОЙНЫ СЪ НАПОЛЕОНОМЪ 1807 ГОДА.

графъ Леонтій Леонтьевичъ Беннигсенъ происходилъ изъ древней баронской фамили въ Ганноверѣ. Онъ родился въ 1745 году; на 14-мъ году отъ роду поступилъ въ ганноверскую пѣхоту и участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ. Въ 1773 году онъ перешелъ на службу въ Россію съ чиномъ премьеръ-маіора и былъ зачисленъ въ Вятскій мушкетерскій полкъ. Находясь въ арміи графа Румянцова, онъ, въ 1774 году, принималъ участіе во многихъ сраженіяхъ съ турками, а въ 1787 году назначенъ командиромъ Изюмскаго легко-коннаго полка, съ которымъ участвовалъ въ кампаніяхъ 1789 и 1790 г.г., причемъ отличился подъ Очаковымъ и при взятіи Бендеръ. Въ 1792 г., во время дѣйствій противъ польскихъ конфедератовъ, Леонтій Леонтьевичъ командовалъ особымъ легучимъ отрядомъ, вмѣстѣ съ генераломъ Фервеномъ взялъ замокъ Невсвижъ и 2-го іюля находился при пораженіи главныхъ силъ польскихъ конфедератовъ. Въ 1794 году Беннигсенъ разбилъ поляковъ при Соламахъ, за что и произведенъ былъ въ генералъ-маіоры, а затѣмъ, переправившись вплавъ черезъ Нѣманъ, произвелъ нечаянное нападеніе на непріятеля у Олиты и нанесъ ему пораженіе. Въ дѣлахъ подъ Вильною онъ взялъ семь пушекъ, за что и награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й степени; въ 1796 году Леонтій Леонтьевичъ участвовалъ въ войнѣ съ Персією и отличился при взятіи Дербента. По возвращеніи изъ похода онъ, въ 1798 году, былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а

въ 1802 году — въ генералы-отъ-кавалеріи. Въ войну съ Наполеономъ 1805 года Беннигсенъ командовалъ одною изъ русскихъ армій, посланныхъ на помощь Австріи, но принять участія въ военныхъ дѣйствіяхъ не успѣлъ. Въ слѣдующемъ 1806 году онъ нанесъ пораженіе французамъ подъ Пултускомъ и получилъ за эту побѣду орденъ св. Георгія 2-й степени. Назначенный въ 1807 году главнокомандующимъ, вмѣсто графа Каменскаго 1-го, Леонтій Леонтьевичъ въ кровопролитномъ сраженіи при Прейсишъ-Эйлау, 26-го января, остановилъ напоръ всей французской арміи, предводительствуемой самимъ Наполеономъ, за что и былъ награжденъ орденомъ св. апостола Андрея Первозваннаго п 12 тыс. ежегодной пенсіи. Весною того же года Беннигсенъ нанесъ пораженіе маршалу Нею у Гутштадта, далъ отпоръ Наполеону у Гейльсберга, но самъ потерпѣлъ пораженіе, 14-го іюня 1807 года, подъ Фридрихандомъ.

Послѣ Тильзитскаго мира онъ былъ уволенъ отъ командованія арміею и жилъ до 1812 года въ Вильно, въ своемъ имѣніи «Закреть», находившемся близъ самаго города. Отечественная война вызвала Беннигсена опять на военное поприще. Онъ сперва состоялъ при императорѣ Александрѣ I, потомъ занялъ мѣсто начальника главнаго штаба арміи, участвовалъ въ Бородинскомъ сраженіи, руководилъ извѣстнымъ сраженіемъ подъ Тарутинымъ, а затѣмъ вскорѣ удалился изъ арміи и поселился въ своемъ помѣстьи. За отличія въ Отечественную войну онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владимира 1-й степени, алмазными знаками ордена св. Андрея Первозваннаго и 200 тыс. руб.

Въ 1813 году Беннигсенъ командовалъ такъ называемой польскою арміею, разбилъ маршала Сенъ-Сира и принималъ участіе въ битвѣ гигантовъ подъ Лейпцигомъ, за что и былъ возведенъ въ графское достоинство Россійской имперіи. Послѣ этого Леонтій Леонтьевичъ былъ при обложеніи крѣпостей Торгау, Магдебурга и Гамбурга. По заключеніи Парижскаго мира, графъ Беннигсенъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 1-й степени, командовалъ второю арміею, но въ 1818 году, по своей просьбѣ, былъ уволенъ отъ должности, вышелъ въ отставку и вернулся на свою родину въ Ганноверъ, гдѣ и скончался въ 1826 году.

Во время кампаніи 1806—1807 г.г. Беннигсенъ близко сошелся съ лицомъ, обращавшимъ на себя вниманіе современниковъ по выдающимся способностямъ, и именно съ Александромъ Борисовичемъ Фокомъ, съ которымъ и сохранилъ дружественныя отношенія до конца жизни.

Въ числѣ многихъ голштинскихъ дворянъ, переселившихся въ наше отечество въ царствованіе императрицы Елисаветы, былъ и отецъ Александра Борисовича Фока, служившій подъ начальствомъ И. И. Бецкаго, по канцеляріи строенія и садовъ ея величества, и завѣдывавшій

исключительно придворными садами. Онъ опредѣлилъ сына своего Александра въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, но врожденная склонность молодого юноши къ военному дѣлу заставила его, вопреки волѣ отца, поступить 14-ти лѣтъ отъ роду сержантомъ въ бомбардирскій полкъ. Служа въ артиллеріи, молодой Фокъ участвовалъ при осадѣ и взятіи приступомъ Очакова въ 1788 году, затѣмъ въ Шведской войнѣ 1789—90 годовъ, отличился особенно въ сраженіяхъ при Пардокоски и Керникоски, гдѣ, будучи уже капитаномъ, «съ искусствомъ и неустрашимостью своею производя въ ближайшемъ разстояніи отъ непріятельской батареи сильный огонь, за залывомъ лежащую фланговую батарею обвелъ, такъ что посланный для прогнанія непріятеля отрядъ могъ безпрепятственно снять съ оной пушки» ¹⁾. За это Фокъ былъ представленъ къ ордену св. Георгія 4-го класса, причемъ императрица Екатерина II сама своею рукою надѣла его, повелѣвъ пригласить Фока къ своему обѣденному столу. Вскорѣ послѣ этого А. Б. былъ переведенъ въ Польшу и въ битвахъ съ конфедератами при Столбцахъ и Мирѣ командовалъ уже всею русскою артиллеріею. «Мужественные подвиги, оказанные вами при разбитіи скопившейся толпы отъ войскъ противной въ Польшѣ факціи, при мѣстечкѣ Мирѣ, — говоритъ императрица въ рескриптѣ 28-го іюня 1792 года, — гдѣ, командуя артиллеріею, расторопною и цѣльною стрѣльбою, принудили противниковъ обратиться въ бѣгство, обращаютъ на себя наше вниманіе и милость». Фоку пожалованъ былъ тогда орденъ св. Владиміра 4-й степени ²⁾. Затѣмъ онъ участвовалъ въ сраженіи подъ Вильно, во взятіи приступомъ укрѣпленій и занятіи самаго города, за что, по окончаніи войны, въ 1794 году, произведенъ въ майоры. Въ дѣлахъ подъ Вильно Фокъ состоялъ подъ начальствомъ Бенингсена, тогда уже генералъ-майора; здѣсь было ихъ первое знакомство, обратившееся позднѣе въ искреннюю дружбу.

По возвращеніи изъ похода, Фокъ, по порученію генералъ-фельдцейхмейстера князя Платона Зубова, занимался формированіемъ первыхъ въ Россіи конно-артиллерійскихъ ротъ и былъ командиромъ одной изъ нихъ. Со вступленіемъ на престолъ императора Павла, послѣдовало переформированіе артиллеріи въ отдѣльные баталіоны, причемъ Фокъ поступилъ въ конно-артиллерійскій баталіонъ. Въ 1797 году онъ былъ произведенъ въ полковники, а въ 1799 году—въ генералъ-майоры и назначенъ начальникомъ артиллеріи въ Финляндіи. Но скорѣ Александръ Борисовичъ, какъ и многіе другіе, подвергся немалости; 21-го

¹⁾ Отношеніе къ Фоку Кавалерской думы военного ордена отъ 30-го ноября 1791 г., и указъ императрицы ноября 26-го дня 1791 года.

²⁾ Указъ императрицы отъ 28-го іюня 1792 года, за собственноручнымъ подписаніемъ.

января 1800 года онъ былъ отставленъ отъ службы и поселился въ Петербургъ. Императоръ Александръ I принялъ опять Фока на службу въ 1801 году и поручилъ ему сформировать 2-й конно-артиллерійскій баталіонъ. Исполнивъ очень успѣшно это порученіе, онъ, 21-го мая 1803 года, былъ назначенъ шефомъ сего баталіона, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, по прошенію, былъ вторично уволенъ отъ службы. Въ войну 1806 года Беннигсенъ, назначенный главнокомандующимъ, выразилъ желаніе имѣть ближайшимъ своимъ помощникомъ Фока, который 10-го января 1807 года и былъ назначенъ состоять по арміи. Онъ немедленно отправился въ главную квартиру Беннигсена, куда и прибылъ наканунѣ сраженія при Прейсишъ-Эйлау, а затѣмъ былъ назначенъ дежурнымъ генераломъ арміи. Фокъ принималъ живое участіе въ сраженіи 27-го января; онъ командовалъ артиллерію на нашемъ правомъ флангѣ и способствовалъ отраженію маршала Нея, появившагося позади нашей позиціи. За это сраженіе А. Б. награжденъ былъ орденомъ св. Георгія 3-го класса. При возобновленіи 25-го мая 1807 года военныхъ дѣйствій Александръ Борисовичъ участвовалъ въ двухъ-дневныхъ дѣлахъ подъ Гутштадтомъ, а затѣмъ въ сраженіи при Гейльсбергѣ, гдѣ руководилъ дѣйствіемъ артиллеріи. Въ пылу Гейльсбергскаго сраженія Фокъ былъ раненъ въ грудь, за-мертво вынесенъ съ поля сраженія, а затѣмъ отвезенъ въ Петербургъ. Императоръ Александръ поручилъ его особенному попеченію знаменитыхъ лейбъ-медиковъ Вилліе и Буша. Самъ монархъ удостоивалъ его своими посѣщеніями. Поправившись Фокъ былъ въ 1810 году назначенъ, по ходатайству военнаго министра Барклая-де-Толли, дежурнымъ генераломъ при немъ и явился дѣятельнымъ сотрудникомъ его по приготовленіямъ къ предстоящей Отечественной войнѣ 1812 года. «За вашу всегда непоколебимую ревность и усердіе къ пользѣ службы, не взирая на здоровье ваше, поврежденное отъ ранъ, полученныхъ на полѣ брани»,—такъ говорилось въ рескриптѣ 30-го августа 1810 года, —Фокъ, награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени брилльянтами украшеннымъ.

Въ 1811 году А. Б. былъ назначенъ начальникомъ 18-й дивизіи, состоявшей въ обсервационной арміи на Волыни, но прежде отъѣзда своего получилъ другое, болѣе важное порученіе, именно—ѣхать въ Финляндію, и, принявъ начальство надъ корпусомъ, сдѣлать или высадку въ Помераніи, или идти въ Норвегію для дѣйствія совмѣстно со шведами. По этому случаю Фокъ вошелъ въ переписку съ Сухтеленемъ, находившимся тогда въ Стокгольмѣ, а затѣмъ и самъ ѣздилъ, подъ предлогомъ свиданія съ родственниками, въ Стокгольмъ и Эрѣбро для личныхъ объясненій съ наслѣднымъ шведскимъ принцемъ. Но обстоятельства измѣнили эти предположенія. Русскій корпусъ, стоявшій въ Финляндіи подъ начальствомъ графа Штейнгеля, получилъ приказаніе дѣйствовать вмѣ-

стѣ съ войсками графа Витгенштейна, а Фокъ былъ назначенъ начальникомъ штаба этого корпуса, который 17-го августа 1812 года былъ перевезенъ изъ Свеаборга въ Ревель и направился къ Ригѣ. Послѣ незначительныхъ дѣлъ съ прусскими войсками, бывшими тогда въ составѣ великой арміи Наполеона I, Штейнгель около конца сентября соединился съ арміею Витгенштейна, стоявшею не вдалекѣ отъ Полоцка.

5-го октября Фокъ переправился у Дриссы на лѣвый берегъ Двины и имѣлъ удачное дѣло съ генераломъ Корбино, за которое произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Послѣ сраженія подъ Полоцкомъ графъ Витгенштейнъ перенесъ свои дѣйствія на лѣвый берегъ Двины. Фокъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Чашникахъ и Смолянахъ, а затѣмъ былъ посланъ къ Студянкѣ—мѣсту переправы Наполеона чрезъ Березину. Флаяговымъ маршемъ А. Б. опередилъ шедшія впереди него войска наши и прибылъ на мѣсто сраженія при Студянкѣ въ то время, когда маршалъ Викторъ успѣлъ разорвать нашъ центръ.

Преслѣдуя послѣ Студянки французовъ, Фокъ прибылъ въ Юрбургъ а затѣмъ въ Кенигсбергъ. Здѣсь однако болѣзнь принудила его проситься въ отпускъ и, получивъ оный, онъ отправился въ Петербургъ, при чемъ графъ Витгенштейнъ выражалъ Фоку желаніе, «чтобы, получивъ облегченіе отъ болѣзней вашей, вы могли опять къ намъ возвратиться». Это желаніе однако не сбылось. Онъ не могъ принимать участія въ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ, просилъ о назначеніи его куда либо комендантомъ, но вакансій не было въ то время, и Фока увѣдомили, что его будутъ имѣть въ виду. Тогда онъ просилъ уволить его отъ службы, что и послѣдовало 29-го декабря 1819 года. Онъ продолжалъ жить въ Петербургѣ, но здоровье его видимо разрушалось. Память стала ему измѣняться, и 3-го апрѣля 1825 года онъ, 62 лѣтъ отъ роду, скончался отъ удара. А. Б. Фокъ похороненъ на кладбищѣ деревни Мартышкиной, близъ Оравіенбаума, въ семейномъ склепѣ ¹⁾.

¹⁾ Фокъ, женатый на дочери коллежскаго совѣтника Лидерса, Аннѣ Ивановнѣ, имѣлъ одного сына Бориса, служившаго въ уланскомъ полку и умершаго въ турецкую кампанію 1829 года отъ раны и лихорадки, и четырехъ дочерей, изъ которыхъ одна была замужемъ за своимъ двоюроднымъ братомъ также Фокомъ, гвардіи полковникомъ Александромъ Андреевичемъ. Внукомъ ея А. А. Фокъ (или иначе правнукъ генерала А. Б. Фока), съ давнихъ поръ находясь въ самыхъ близкихъ со мною отношеніяхъ, въ разговорѣ о намятникахъ старины упоминалъ о томъ, что онъ имѣетъ нѣсколько разнаго рода семейныхъ бумагъ, относящихся къ давно прошедшему времени. Я, вѣчно, пожелалъ ихъ посмотреть и ознакомиться съ ними, на что со стороны ихъ настоящаго владѣльца Александра Александровича Фока, при его жавомъ интересѣ къ русской исторіи, послѣдовало не только полнѣйшее согласіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и разрѣшеніе напечатать, для ознакомленія съ ними чтателей, то, что всего болѣе представится интереснымъ по моему

Изъ писемъ Беннигсена, съ 1807 по 1811 г.г., видно, что въ это время онъ жилъ въ Вильнѣ, въ своемъ имѣнии «Закреть», и притомъ былъ боленъ, вѣроятно водянкою ¹⁾. Онъ опухъ до такой степени, что не могъ надѣвать платья, которое носилъ во время войны, но благодаря какимъ-то травмамъ, присланнымъ ему изъ Петербурга сенаторомъ Тейльсомъ, почувствовалъ значительное облегченіе. Кромѣ физическихъ страданій Беннигсенъ испытывалъ и душевныя мученія. Его обвиняли въ неудачномъ исходѣ кампаніи 1807 года. Множество пасквилей (libelles) и всякихъ брошюръ, направленныхъ противъ него, было тогда въ ходу. Беннигсенъ утѣшалъ себя тѣмъ, что «всѣ эти сочиненія такъ же скоро потонуть въ грязи, какъ вышли изъ нея, въ особенности брошюра г-на Сакена, которая, однако, не должна бы пройти для него безнаказанно, потому что онъ задѣваетъ честь всей арміи, печатая ложныя извѣстія, простительныя газетчику, побуждаемому къ этому деньгами или подкупленному врагами, но совершенно неизвинительныя для русскаго генерала» ²⁾. Къ тому же и матеріальное положеніе Беннигсена было тоже не въ цвѣтущемъ положеніи. Въ письмѣ къ другу своему онъ говоритъ, что подаренное ему императрицею Екатериною имѣніе въ 250 душъ (за войну съ Польшою 1792 г.), давно продано, а остальное заложено въ банкѣ на 8 лѣтъ, такъ что онъ съ трудомъ можетъ выдавать сыну, служившему тогда въ военной службѣ, около 200 рублей въ мѣсяцъ. Что же касается до имѣнія его въ Ганноверѣ, то онъ самъ съ него ничего не получалъ; всѣ доходы шли, большею частью, на уплату контрибуціи, взимаемой французами съ Ганновера, а затѣмъ на содержаніе жившихъ тамъ его дѣтей.

Въ одной изъ своихъ записочекъ къ А. Б. Фоку Беннигсенъ благодаритъ его за проявляемое имъ всегда къ нему участіе и говоритъ: «признаюсь вамъ отъ всей души, что я не имѣю много желанія какъ совершенно удалиться отъ дѣлъ; въ моемъ прежнемъ отечествѣ находится мое довольно многочисленное семейство, въ кругу котораго я желалъ бы провести остатки дней моихъ. Какъ только мнѣ представится возможнымъ устроить всѣ мои дѣла, я буду проситься въ отставку».

Но отставка (retraite) и полное удаленіе отъ всѣхъ общественныхъ дѣлъ значительно способствовали восстановленію здоровья графа Леонтія Леонтьевича; онъ не ограничивался тѣмъ, что ѣлъ, пилъ и спалъ, но и занимался, во-первыхъ—садомъ въ «Закреть», имѣвшемъ очень красивое мѣстоположеніе, а во-вторыхъ—исторію послѣдней войны ³⁾. По словамъ Беннигсена сочиненіе это принимаетъ большой объемъ, усмотрѣнію. Въ числѣ просмотрѣнныхъ мною бумагъ, несомнѣнно всего болѣе важными представляются помѣщаемыя ниже записки графа Беннигсена П. М.

¹⁾ Письмо его Фоку отъ 25-го ноября 1807 года, изъ Вильно.

²⁾ Письмо Беннигсена Фоку отъ 25-го ноября 1807 года.

³⁾ Письмо Беннигсена Фоку отъ 11-го августа 1808 года.

чѣмъ онъ предполагалъ въ началѣ, и составитъ два тома. «Само собою разумѣется, говоритъ онъ, что оно не будетъ выпущено въ свѣтъ прежде, чѣмъ не испрошу на это одобренія. Можно полагать, что это сочиненіе будетъ вообще читаться съ интересомъ, тѣмъ болѣе, что въ немъ будетъ изложена одна правда, безъ всякаго преувеличенія».

Во многихъ современныхъ газетахъ и журналахъ большей части Европы было объявлено, что Беннигсенъ пишетъ эту исторію для своего оправданія, и что она появится въ свѣтъ послѣ его смерти. «Это даетъ поводъ предполагать, — говоритъ Беннигсенъ, — что я излагаю такіе факты, которые не могъ бы объявить въ настоящую минуту. Напротивъ того, я пишу вовсе не для своего оправданія, въ которомъ не нуждаюсь, а для славы русскаго оружія. Имѣя въ своихъ рукахъ всѣ необходимыя матеріалы и данныя, я лучше всякаго другаго могу изложить весь ходъ войны, въ продолженіе которой не завоевалъ Франціи, это правда, но въ теченіе шести мѣсяцевъ удерживалъ всѣ военныя силы Франціи и ея союзниковъ отъ вторженія ихъ въ предѣлы Русской имперіи. Даже и теперь я даю читать всѣмъ желающимъ свои записки, по мѣрѣ ихъ составленія, и всѣ находятъ ихъ весьма любопытными и поучительными. Генералъ Бертранъ, состоявшій при Наполеонѣ I, мнѣ сказалъ однажды, что война 1806—1807 годовъ была одна изъ самыхъ поучительныхъ; въ ней по-прежнему еще маневрировали арміи»¹⁾.

Беннигсенъ, къ концу 1810 года, написалъ уже все относившееся до военной стороны кампаніи и, по желанію своего пріятеля, генерала Фока, пересылалъ ему для прочтенія копія со своего сочиненія, причѣмъ иногда переписывалъ нѣкоторыя главы самъ изъ предосторожности, какъ онъ выражается. Онъ, повиданому, желалъ, чтобы сочиненіе это было доведено до свѣдѣнія государя императора. «Льщу себя надеждою, — прибавляетъ онъ, — что императоръ прочтетъ мое произведеніе съ интересомъ. Не упоминаю о его высочествѣ, великомъ князѣ; само собою разумѣется, что вы ему представите мой трудъ»²⁾.

П. М. Майковъ.

¹⁾ См. письма Фоку 31-го декабря 1810 г. и 23-го апрѣля 1811 г.

²⁾ Письма 18-го февраля и 15-го марта 1811 года. Предоставляя читателямъ рѣшить вопросъ, насколько эти записки интересны и поучительны, намъ остается еще заявить, что графъ Беннигсенъ хотя и нѣмѣцъ по происхожденію, но писалъ свои записки и велъ свою переписку на французскомъ языкѣ. Виѣствъ съ тѣмъ, считаемъ своею обязанностью еще разъ поблагодарить современнаго владѣльца этихъ записокъ, А. А. Фока, за обязательное разрѣшеніе познакомить съ ними нашихъ читателей. Нельзя не пожелать при этомъ, чтобы и другіе владѣльцы рукописей, болѣе или менѣе интересныхъ, слѣдовали этому, достойному подражанію, примѣру и содѣйствовали бы тѣмъ обогащенію нашей исторической литературы. Р е д.

I.

Спѣшу увѣдомить васъ о полученіи мною вашего послѣдняго письма. Вы упрекаете меня въ томъ, что съ заключеніемъ Тильзитскаго мира я очень неисправенъ въ моей перепискѣ. Признаюсь, что виновать, — но обстоятельства, въ которыхъ я нахожусь, могутъ значительно меня извинить. Въ продолженіе всего хода войны я сообщалъ вамъ послѣдовательно мои мнѣнія о всѣхъ бывшихъ выдающихся событіяхъ; это были только отдѣльные факты, которые я обѣщалъ вамъ, послѣ заключенія мира, изложить въ общей связи и послѣдовательности, присоединивъ къ нимъ всѣ подробности моихъ военныхъ дѣйствій. Стараюсь сдержать свое слово и занимаюсь теперь приведеніемъ въ порядокъ всѣхъ бумагъ, имѣющихъ отношеніе къ этой войнѣ. Это занятіе содѣйствовало перерыву нашей переписки, которую возобновляю сегодня снова съ удовольствіемъ.

Не стану отвѣчать отдѣльно на бѣольшую часть дѣлаемыхъ вами вопросовъ, касающихся меня лично; дальнѣйшая моя переписка должна на нихъ служить отвѣтомъ; ограничусь теперь повтореніемъ еще разъ, что я не только не добивался командованія арміею, но неоднократно просилъ, чтобы меня отъ этого избавили. Если съ одной стороны мое самолюбіе было польщено тѣмъ, что я былъ главнокомандующимъ въ войнѣ, на которую обращены были взоры всей Европы, потому что эта война могла рѣшить ея судьбу, то съ другой стороны, я не терялъ изъ виду той отвѣтственности, которой подвергалъ себя по отношенію къ моему государю и всей великой націи. Сообразивъ хотя немного обстоятельства, въ которыхъ мы находились, и тѣ неожиданныя катастрофы, которыя однимъ ударомъ разрушили всѣ соображенія, измѣнили весь планъ военныхъ дѣйствій и ихъ театр, а также всѣ распоряженія, — являлось рѣшительно невозможнымъ не представить себѣ тѣхъ великихъ затрудненій, которыя необходимо было преодолѣть на предстоявшемъ достославномъ поприщѣ. Всѣ соображенія, доставляемые опытомъ, а также аналогіею, приводили къ заключенію, что всякая малѣйшая ошибка имѣла бы непосредственнымъ и немедленнымъ слѣдствіемъ занятіе нашихъ пограничныхъ областей. Наступала минута, когда счастье и отважность, повидному, одерживали верхъ и торжествовали надъ всѣми противопоставляемыми имъ мѣропріятіями, внушенными мудростью и осторожностью, и каждое мгновеніе дѣлало все болѣе необходимыми эти самыя мѣры, которыя однѣ въ состояніи были восполнить слишкомъ значительное несоотвѣтствіе въ средствахъ воюющихъ сторонъ, несоотвѣтствіе, которое надлежитъ приписывать отнюдь не превосходству средствъ непріятеля, но новымъ комбинаціямъ, порожденнымъ предшествовавшими событіями, а также положенію и стремленіямъ обоихъ противниковъ.

Наполеонъ, низвергнувъ Пруссію, держалъ всѣ свои силы сосредото-

ченными и возвѣщалъ намѣреніе вступить въ Россію, которая приготовилась единственно только къ тому, чтобы подать руку помощи союзнику на отдаленномъ отъ нея театрѣ военныхъ дѣйствій. Миѣ не нужно говорить вамъ,—вы это усмотрите изъ послѣдующихъ моихъ замѣтокъ,—что нашъ дворъ могъ всего менѣе ожидать, что ему придется единственно со своими силами вести оборонительную войну. На этотъ случай ничего не было подготовлено, а потому одно проигранное сраженіе, одно событіе, подобное бывшему въ 1805 году въ послѣднюю войну съ Австріею подъ Ульмомъ и Аустерлицемъ, или случившемуся съ Пруссіею недавно подъ Ауерштэтомъ и Іеною и т. д.,—словомъ сказать, малѣйшая неудача повлекла бы неисчислимыя послѣдствія для Россіи, тѣмъ въ большей мѣрѣ, что немедленно возгорѣлась бы снова и дѣлалась неизбежною война съ Турціею,—война, участь которой должна была бы равнымъ образомъ рѣшиться на Вислѣ. Прибавьте къ этимъ соображеніямъ и то еще, что миѣ предстояло дѣйствовать противъ Наполеона, величайшаго полководца нашего времени, противъ всѣхъ маршаловъ Франціи, изъ коихъ большая часть съ отличіемъ и величайшими успѣхами уже предводительствовала цѣлыми арміями, и, наконецъ, противъ арміи, всегда побѣдоносной и привыкшей рѣшать войну однимъ сраженіемъ, арміи къ тому же значительно превосходившей нашу въ численномъ отношеніи, въ особенности же при началѣ второй кампаніи.

Въ разныхъ войнахъ съ Франціею, въ которыхъ Россія принимала дѣятельное участіе, она до настоящаго времени являлась только вспомогательною державою. Театръ военныхъ дѣйствій былъ всегда на столько удаленъ отъ Россіи, что понесенныя пораженія, какъ бы они значительны ни были, не могли имѣть какихъ-либо опасныхъ послѣдствій для ея владѣній. Поэтому вся ея обязанность ограничивалась тѣмъ, что она храбро и дѣятельно боролась съ общимъ врагомъ, для достиженія цѣли, желаемой соединенными державами,—обезпечить независимость и спокойствіе государствъ Европы; тогда какъ въ настоящее время она принуждена вести непосредственную войну въ собственныхъ предѣлахъ противъ всѣхъ соединенныхъ силъ Франціи, большинства княжествъ Германіи, а также Голландіи, Италіи и т. д. Къ тому же забота о собственномъ своемъ самосохраненіи налагала на нее совершенно инныя обязанности. Возможно-ли было предвидѣть, возможно-ли было даже подумать, что Россія, во всѣхъ предшествовавшихъ войнахъ столь вѣрно помогавшая своимъ союзникамъ значительными своими арміями, будетъ совершенно покнута тѣми же самыми державами, которымъ она столько помогала? Можно ли было предполагать, что Австрія останется нейтральною и упуститъ самый благоприятный для себя моментъ, чтобы, поставивъ французскую армію въ самое величайшее затрудненіе, возвратитъ себѣ вліяніе, повидимому, ею безвоз-

вратно утраченное! Можно ли было предполагать, что Россія нечего будет ожидать отъ тѣхъ диверсій, которыя могла бы сдѣлать Англія? что Швеція, слишкомъ слабая и находящаяся далеко отъ непосредственныхъ сношеній, чтобы дѣйствовать одной и притомъ дѣйствительнымъ образомъ,—будетъ пребывать въ положеніи не столько дѣятельномъ, сколько беспокойномъ и болѣе гибельномъ самой себѣ, нежели выгодномъ общему дѣлу. Словомъ, кто бы могъ думать, что всѣ силы Пруссіи, вся ея великая и прекрасная армія, казавшаяся быть долгое время крѣпкимъ оплотомъ противъ французскихъ войскъ, исчезнетъ въ восемь дней; что всѣ ея крѣпости, даже Магдебургъ, Штетинъ, Кюстринь и пр., пр.,—долженствовавшія удержать наступленіе врага и, во всякомъ случаѣ, ослабить его армію при движеніи впередъ тѣми отрядами, которые онъ долженъ былъ бы назначить для ихъ обложенія, будутъ сдаваться безъ малѣйшаго сопротивленія? Заявивъ эти крѣпости и помѣстивъ въ нихъ горнизовами разныя отряды своихъ вспомогательныхъ войскъ, императоръ французовъ не долженъ будетъ опасаться за тылъ своей арміи, а напротивъ того, будетъ имѣть возможность немедленно двинуть противъ Россіи не только всѣ свои французскія войска, но и значительную часть союзныхъ, и притомъ прежде, нежели Россія успѣетъ извлечь пользу изъ всѣхъ огромныхъ своихъ средствъ и сосредоточить на границѣ соотвѣтствующую армію. Такое положеніе дѣлъ—полное одиначество Россіи,—должно было естественнымъ образомъ перемѣстить или скорѣе выдѣлить изъ сферы ея дѣятельности главную цѣль ея поступковъ и всего образа ея дѣйствій. Не могло уже быть рѣчи о томъ, чтобы одними средствами Россія привести Францію въ такое положеніе, чтобы была возможность положить предѣлы приобрѣтенному уже ею господству надъ остальною Европою. Теперь шла рѣчь только о томъ, чтобы обезпечить неприкосновенность Русской имперіи и сохранить ея вліяніе въ Европѣ, чтобы сберечь себѣ чрезъ это средство быть полезнымъ своимъ союзникамъ и друзьямъ. Къ достиженію этой цѣли представлялось два пути: или мирныя переговоры, или боевыя громы. Императоръ Александръ, судя о Европѣ по чистотѣ собственныхъ своихъ побужденій, колебался еще вѣрить, что пассивное самоотреченіе и малодушіе овладѣли заинтересованными въ дѣлѣ державами, и предпочелъ рѣшить дѣло оружіемъ. Его войска, конечно, отличались въ сраженіяхъ, и этимъ быть можетъ воодушевили оскудѣвшую храбрость союзниковъ; но видя, наконецъ, что онъ обманутъ во всѣхъ остальныхъ своихъ надеждахъ, и не имѣя возможности рассчитывать на какое-либо иноземное содѣйствіе, императоръ Александръ считалъ обязанностью, для пользы храбраго русскаго народа, пожертвовать своими безкорыстными стремленіями на пользу союзниковъ и рѣшился при первой къ тому возможности начать переговоры о мирѣ.

Таково было истинное положеніе дѣлъ, въ особенности при началѣ второй кампаніи. Я буду имѣть случай убѣдить васъ впоследствии, что ничего не можетъ быть менѣе основательнаго, какъ довольно распространенное мнѣніе, будто бы послѣ Фридрихсбургскаго сраженія Россія находилась въ столь затруднительномъ положеніи, что принуждена была заключить миръ. Преувеличенные рассказы французскихъ писателей, — о которыхъ я съ вами когда-нибудь поговорю пространнѣе, — и ложные слухи, распространенные въ этомъ же духѣ, могли только на самое короткое время извратить истину. Когда мои замѣтки дойдутъ до времени Фридрихсбургскаго сраженія, читатель въ состояніи будетъ судить о значеніи и важности, которыя могутъ быть приписаны этому сраженію, и убѣдиться, что Фридрихсбургское сраженіе, въ которомъ наша армія потеряла только 4.830 человекъ, являлось слишкомъ незначительнымъ, чтобы, ослабивъ силы Россіи, повліять на дальнѣйшія военныя дѣйствія и быть, какъ одно время говорили, причиною мира, состоявшагося въ скоромъ времени и причины котораго я подробно вамъ объяснилъ. Къ тому же, значительныя подкрѣпленія, готовившіяся внутри имперіи, находились уже въ пути, не вдалекѣ отъ границъ, и могли достигъ скоро театра военныхъ дѣйствій. Впоследствии въ моихъ замѣткахъ я въ подробности поговорю объ этихъ подкрѣпленіяхъ, и вы увидите, что громадныя средства и силы Россіи были еще сохранены для защиты своего отечества, и вы въ то же время увидите основанія, послужившія препятствіемъ къ своевременному прибытію этихъ подкрѣпленій къ арміи, до открытія второй кампаніи.

II.

Дворы петербургскій и шведскій находились въ довольно близкихъ отношеніяхъ, и сношенія ихъ сдѣлались довольно дружественными при посредствѣ самой войны, съ цѣлью дѣйствовать за-одно противъ Франціи. Мало обдуманнѣй поступокъ со стороны Швеціи, особенно въ то время, какъ Россія была занята двумя войнами, возбудилъ, впрочемъ на время, то естественное недовѣріе между двумя державами, изъ которыхъ одна — сожалѣть прекрасныя, утраченныя ею, провинціи, а другая — обязана всегда и, въ особенности въ тяжелыя для нея минуты, смотрѣть съ безпокойствомъ на ревниваго сосѣда, слишкомъ близкаго къ ея столицѣ. Вотъ самый фактъ: Англія, желая уплатить деньги, которыя давно должна была Россіи, приказала доставить ихъ въ шведскій портъ Готенбургъ, чтобы оттуда перевезти по назначенію. Шведскій король задержалъ эти деньги подъ тѣмъ предлогомъ, что ему, на основаніи заключенныхъ договоровъ, надлежитъ получить ихъ отъ Рос-

сія. Первое извѣстіе о задержаніи денегъ получено было въ Петербургѣ въ то время, когда первая дивизія должна была быть отправлена на прусскую границу и присоединиться къ дѣйствующей арміи, при первой необходимости. Петербургскій дворъ не могъ считать подобный родъ насилія единичнымъ явленіемъ, а счелъ необходимымъ приписать его измѣненію всей политической системы стокгольмскаго кабинета. На этомъ основаніи была приостановлена отправка войскъ изъ Петербурга, что, въ свою очередь, имѣло весьма существенныя и очень плачевныя послѣдствія. Не будь этого случая, подкрѣпленіе въ 20.000 солдатъ прибыло бы къ дѣйствующей арміи, если не къ самому сраженію у Прейсишъ-Эйлау, то немедленно послѣ него. Знающіе хорошо положеніе въ это время обѣихъ сражавшихся армій, а также обстоятельства, въ которыхъ онѣ обѣ находились, могутъ легко постичь все гибельное вліяніе этого, совершенно не кстати случившагося, происшествія, и то замедленіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, которое произошло отъ столь непристойнаго поступка со стороны союзника, и въ такую минуту, когда необходимо было пожертвовать всѣми соображеніями для поддержанія взаимнаго довѣрія и согласія.

Въ такомъ именно духѣ дѣйствовалъ постоянно императоръ Александръ, даже и въ этомъ случаѣ мудро обуздавшій свое неудовольствіе и негодованіе по поводу несообразнаго образа дѣйствія шведскаго короля. Онъ воздержался отъ всякаго объясненія по этому поводу и не потребовалъ отъ Швеціи даже возвращенія по принадлежности задержанныхъ денегъ. Такимъ образомъ, дружественныя и исполненныя довѣрія сношенія по поводу предстоявшихъ военныхъ дѣйствій продолжались между Петербургомъ и Стокгольмомъ, по-прежнему, безъ замѣтнаго перерыва.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, во время осады Данцига, я предложилъ послать пользовавшееся довѣріемъ лицо въ Стокгольмъ съ тою цѣлью, чтобы устроить отправку нѣсколькихъ военныхъ шведскихъ судовъ на помощь осажденной крѣпости. Императоръ одобрилъ это предложеніе, и камергеръ Рибуьеръ, одинъ изъ числа состоявшихъ при мнѣ для иностранной переписки, былъ отправленъ съ этою цѣлью въ Стокгольмъ съ письмомъ его величества. Король шведскій очень благосклонно принялъ его, выразилъ большое сочувствіе сдѣланному предложенію и вручилъ Рибуьеру, при его отъѣздѣ, ноту, подписанную 23-го апрѣля 1807 года, въ Мальвѣ, его первымъ адъютантомъ по флоту Гюленсвельдомъ. Нота эта была слѣдующаго содержанія:

«Его королевское величество, приказавъ нѣсколькимъ фрегатамъ и корветамъ отправиться къ берегамъ Пруссіи, къ Пиллау и Фришъ-Нерунгу, полагаетъ, что для достиженія всей желаемой пользы отъ этого мѣропріятія казалось бы необходимымъ дѣятельное взаимное

дѣйствіе со стороны совокупныхъ армій. Такъ какъ главная задача состоитъ въ томъ, чтобы очистить Фришъ-Нерунгъ отъ непріятели, утвердившагося на этой косѣ, то, для достиженія этого, необходимо устроить перекрестный огонь. Незначительная глубина Фришъ-Гафа не позволяетъ на одному судну его королевскаго величества войти въ эту заливъ; но представляются еще два другія средства, одинаково удобоисполнимыя для устройства атаки съ внутренней стороны. Первое состоитъ въ томъ, чтобы въ гаваняхъ Пиллау и Кеннгсбергъ соорудить плоты, поставить на нихъ орудія большого калибра, и этимъ путемъ устроить какъ-бы плавающія батареи. Другое же средство слѣдующее: въ вышеназванныхъ двухъ гаваняхъ вооружить нѣсколько судовъ, неглубоко сидящихъ въ водѣ, и приблизить ихъ, по возможности, къ твердой землѣ. Укрѣпивъ на якоряхъ, какъ плоты, такъ и суда (вооруженныя тоже орудіями), открыть сильный огонь по осаждающимъ, который и произведетъ желаемое дѣйствіе. Даже и при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, легко могутъ быть устранены всѣ затрудненія, которыя, повидимому, препятствуютъ осуществленію этого предположенія. Такъ какъ сообщеніе съ Данцигомъ водою свободно и не прервано, то въ этой крѣпости можно поискать орудій большого калибра, которыя не представлялось бы возможнымъ отправить изъ арміи, и которыхъ не оказалось бы въ Пиллау и Кеннгсбергѣ. Безъ сомнѣнія, въ этихъ двухъ городахъ имѣются плотники на верфяхъ; дѣсь, балки и прочіе необходимыя матеріалы должны также находиться, а для ускоренія постройки простыхъ, но прочныхъ плотовъ, способныхъ выдержать орудія большого калибра, могутъ быть посланы въ изобиліи офицеры королевскаго величества, которые, если къ нимъ обратятся, приложатъ свои знанія и старанія для руководства подобною работою.

«Такъ какъ военныя дѣйствія на сушѣ могутъ касаться меня только насколько они будутъ совмѣстны съ военными дѣйствіями на морѣ, то считаю необходимымъ замѣтить, что для достиженія всей пользы, ожидаемой отъ предположенныхъ мѣропріятій, является безусловною необходимостью сдѣлать высадку войскъ на Нерунгъ, подвигать ихъ впередъ, сообразно съ успѣхами артиллерійскаго огня съ плотовъ, и стараться вполнѣ овладѣть земляною косою Нерунгъ, чтобы попытаться открыть съ этой стороны сообщеніе съ Данцигомъ. Все это, конечно, удостовѣрь его величество, король прусскій, одобрить, а настоятельность и важные интересы давняго времени и самаго дѣла побудятъ, безъ сомнѣнія, его величество осуществлять ихъ».

Вотъ списокъ шведскихъ судовъ, посланныхъ королемъ къ берегамъ Пруссіи: одинъ фрегатъ 41-хъ-пушечный, одинъ—36-ти и одинъ—13-ти; два большихъ военныхъ брига, съ 18-ю пушками каждый, кутерь 12-ти-пушечный и маленькій бригъ въ 10 пушекъ.

Въ то же самое время шведскій король просилъ у прусскаго короля вспомогательный отрядъ войскъ въ шесть тысячъ человекъ. Хотя соединенной арміи было очень затруднительно отрядить такой отрядъ, тѣмъ не менѣе было рѣшено немедленно отправить водомъ, въ Стральзундъ генераль-лейтенанта Блюхера съ отрядомъ въ четыре тысячи человекъ, взятыхъ частью изъ вновь сформированныхъ прусскихъ батальоновъ, частью же изъ корпуса генерала Лестока, которыхъ я замѣнилъ ему русскими войсками. При этомъ обѣщали послать еще четыре тысячи человекъ, когда неприятель будетъ отдаленъ отъ Кольберга.

Шведы въ это время, недалеко отъ Стральзунда, имѣли успѣшное для нихъ дѣло съ войсками маршала Мортъе, но скоро въ послѣдовавшемъ вновь небольшомъ сраженіи потеряли всѣ свои успѣхи и заключили перемиріе, по которому, между прочимъ, было постановлено, что шведы не будутъ оказывать ни малѣйшей помощи ни Кольбергу, ни Данцигу, и что та изъ договаривающихся сторонъ, которая пожелаетъ возобновить военныя дѣйствія, обязана предупредить объ этомъ другую за четыре недѣли до начала военныхъ дѣйствій. Это перемиріе, освободивъ вполнѣ корпусъ Мортъе отъ враговъ, давало возможность отозвать его изъ Помераніи и направить противъ насъ; онъ подошелъ во-время къ великой французской арміи и принялъ участіе въ послѣднихъ событіяхъ второй кампаніи.

Такимъ образомъ, Швеція, единственная держава, которая имѣла еще видъ какой-то дѣятельности, не только была очень далека отъ того, чтобы оказать какую-либо помощь Россіи, но еще, съ одной стороны, ослабила соединенную армію тѣмъ, что прусскій отрядъ былъ отдѣленъ и посланъ на помощь шведамъ въ Померанію, а съ другой—увеличила силы французовъ, противъ насъ выставленныя, заключивъ вышеупомянутое перемиріе, которое дало возможность присоединить къ великой арміи весь корпусъ маршала Мортъе.

Теперь перейду къ изложенію отношеній нашихъ съ прусскимиъ дворомъ.

Личная дружба обонхъ государей являлась главною основою этихъ отношеній; дружба, подобной которой исторія даетъ мало примѣровъ; притомъ дружба—постоянная среди всѣхъ политическихъ пререканій и неизмѣняемая, несмотря на всѣ превратности судьбы и военного счастья.

Переговоры между Франціей и Пруссіей, совершенно чуждые Россіи, и о которыхъ ей не было даже сообщено официально, дошли уже до того, что берлинскій кабинетъ не считалъ болѣе возможнымъ выбирать между войною и миромъ. Наканунѣ разрыва этихъ переговоровъ, король просилъ у своего союзника, въ сентябрѣ 1806 года, вспомогательный отрядъ въ шестьдесятъ тысячъ человекъ. Забывая всякія

соображенія, императоръ Александръ не только не колебался ни минуты оказать королю просимую помощь, но сообщилъ ему твердое намѣреніе помогать своему другу и союзнику всѣми своими силами. Несмотря на всю быстроту, съ которою собралъ и двинулъ впередъ прямой вспомогательный отрядъ, эта первая армія, въ шестьдесятъ тысячъ человекъ, ввѣренная моему командованію, едва достигла нашихъ границъ, какъ уже Пруссія потерпѣла полный разгромъ.

Въ ту минуту, какъ передовые отряды нашей арміи переходили Нѣманъ съ тѣмъ, чтобы черезъ Силезію двинуться въ Саксонію, Пруссія терпѣла пораженія подъ Ауерштѣдтомъ и Йеною, и пагубныя послѣдствія этого развились страшнымъ образомъ. Военныя ошибки составляютъ грустную картину уничтоженія Пруссія, уже давно разрушенную въ основаніяхъ ошибками политическими. Всѣ ошибки, представляемыя намъ болѣе или менѣе въ отдѣльности исторіею войнъ, были въ некоторомъ образомъ повторены Пруссіею. Трудно было бы перечислить ихъ, но главнѣйшая, и которая одна въ состояніи была повлечь полную гибель арміи, состояла въ томъ, что, вовсе не намѣреваясь напасть на французскую армію въ то время, когда она была еще не сосредоточена, дали Наполеону время сосредоточить свои войска и, не придавъ должнаго единства своимъ собственнымъ войскамъ, вручили судьбу всей своей монархіи корпусамъ, расположеннымъ отдѣльно другъ отъ друга и притомъ такъ, что наиболѣе выдвинутые впередъ не могли быть своевременно поддержаны другими корпусами, стоявшими или въ той же линіи, или позади ихъ, въ резервъ. Послѣдовательное и полное пораженіе всѣхъ отдѣльныхъ корпусовъ являлось неизбежно роковымъ послѣдствіемъ этого несчастнаго расположенія войскъ, которое считали подсказаннымъ благоразуміемъ, упуская изъ виду, что обыкновенныя мѣры предосторожности и мудрости, весьма недостаточныя при системѣ современной войны, являются еще болѣе недостаточными въ борьбѣ съ порывами гения. Военная исторія нашихъ дней справедливо и безпристрастно обсудитъ образъ дѣйствія военачальниковъ, которымъ ввѣрена была судьба Пруссія; но всѣ усилія военнаго искусства въ состояніи ли они были предотвратить паденіе прусской монархіи? или могли ли бы они хотя нѣсколько отсрочить время этого паденія? Полагаю, что не можетъ быть сомнѣнія въ отвѣтъ, коль скоро Пруссія оставалась бы въ томъ же одиночествѣ, въ какомъ находилась даже наканунѣ своего разрыва съ Франціею. Предшествовавшее поведеніе Пруссія лишило ее расположенія прочихъ кабинетовъ, не укѣпивъ, однако, ея отношеній съ императоромъ Наполеономъ. Разрывъ съ Англіею и Швеціею былъ почти что объявленъ; Австрія питала печальныя воспоминанія, и можно было едва вѣрить, что императоръ Александръ, въ личной

своей дружбѣ къ королю прусскому и въ участіи своемъ къ положенію Европы, найдетъ достаточные доводы, чтобы позабыть пагубный образъ дѣйствія Пруссія въ минувшемъ году, вопрекоръ его намѣреніямъ, порожденный нерѣшительностью Пруссія и ея уклончивой политикой, которая болѣе не дерзала быть откровенною. Къ тому же окончательные поводы къ разрыву съ Франціей—намѣреніе Франціи возвратить англійскому королю Ганноверъ,—и препятствія, поставляемыя ею къ образованію Сѣвернаго союза, не были въ состояніи снискать ей дружбы тѣхъ державъ, содѣйствіе которыхъ могло способствовать Пруссіи выйти побѣдительницей изъ предпринимаемой ею борьбы. Однако, эта борьба не являлась добровольною; она являлась развязкою, послѣднимъ актомъ трагедіи, планъ которой былъ уже давно задуманъ и основная мысль которой ускользала только отъ короля. Его окружили всякими призраками, чтобы ввести въ заблужденіе относительно дѣйствительнаго его положенія. Онъ не замѣчалъ, что проникалъ въ лабиринтъ; онъ все полагалъ, что можетъ повелѣвать событіями и держать въ рукахъ своихъ ихъ нить, уже окончательно порванную промѣномъ его древнихъ наследственныхъ областей на Ганноверъ. Паденіе Пруссія ведетъ свое начало съ того времени, какъ она примкнула къ системѣ нейтралитета. Эта система не соответствовала болѣе ни обстоятельствамъ, ни общему духу времени. Среди различныхъ своевольныхъ распоряженій Наполеона все, повидимому, обезпечивало благоденствіе прусскимъ владѣніямъ, на дѣлѣ же подтачивалось могущество короля и подготавливалась его гибель. Сильное волненіе всей Европы, страшныя потрясенія, угрожавшія ей по-очереди то съ той, то съ другой стороны, доставляли Пруссіи по временамъ благопріятныя минуты, чтобы возвратитъ себѣ свое превосходство, которое, повидимому, обезпечивали ей ея силы и положеніе; но ея ослабленіе присоединялось къ ея бездѣйствію, чтобы упускать эти благопріятныя минуты.

Не касаясь образа дѣйствій прусскаго кабинета во времена, предшествовавшія войнѣ 1805 года, достаточно обзорѣть эту послѣднюю эпоху, чтобы имѣть ясное понятіе о той роли, какую еще могла играть Пруссія, и оцѣнить всѣ послѣдствія принятаго ею на себя поведенія.

Когда Россія, Англія и Австрія всѣ вмѣстѣ рѣшили вести войну противъ Франціи, то эти державы предложили и королю прусскому присоединиться къ ихъ коалиціи. Россія преимущественно взяла на себя вести надлежащіе объ этомъ переговоры. Всѣ сдѣланныя попытки, всѣ усилія, направленные къ этой цѣли, разбились о непреклонное намѣреніе короля пребывать въ нейтральномъ положеніи, которымъ онъ надѣялся обезпечить благоденствіе своихъ подданныхъ, собственную свою корону и неприкосновенность своихъ владѣній. Въ это время четыре русскія арміи сосредоточивались вдоль границъ, одна, подѣ

начальствомъ генерала Кутузова, направлялась прямо чрезъ Галицію, на помощь австрійцамъ; другая, подъ командою Л. Буксгевдена, должна была служить подкрѣпленіемъ первой. Третья армія, начальствованіе которою было вѣрено мнѣ, подъ именемъ сѣверной арміи, подвигалась чрезъ Лифляндію къ границамъ Пруссіи и должна была быть подкрѣпленая четвертою арміею, которая равнымъ образомъ подвигалась, подъ командою генералъ-лейтенанта Эссена, со стороны Бреста. Въ томъ предположеніи, что Пруссія пристанетъ къ коалиціи, послѣднія двѣ арміи должны были пройти по ея владѣніямъ, чтобы прибыть къ своему назначенію. Русскій министръ въ Берлинѣ получилъ приказаніе вступить въ надлежащіе о томъ переговоры. Вскорѣ имѣли случай убѣдиться, что отъ этихъ переговоровъ будетъ столько же успѣха, какъ отъ предшествовавшихъ, имѣвшихъ цѣлью склонить Пруссію къ дѣятельному участію въ коалиціи. Нашъ министръ долженъ былъ объявить берлинскому кабинету, что русской арміи безусловно необходимо пройти по владѣніямъ Пруссіи и что петербургскій кабинетъ, не имѣвшій даже возможности предвидѣть отказа въ этомъ со стороны берлинскаго кабинета, далъ уже своимъ войскамъ приказаніе вступить въ предѣлы Пруссіи къ назначенному времени, именно 16 (28) сентября, чтобы слѣдовать далѣе по предписанному имъ направленію. Это время приближалось уже, и король прусскій, собирая войска для сохраненія своего нейтралитета, писалъ императору Александру I непосредственно до послѣдняго заявленія г. Алопеуса, нашего министра въ Берлинѣ, письмо, въ которомъ выражалъ, что ожидалъ всего менѣе подобнаго нарушенія неприкосновенности его владѣній и что не только не подозрѣвалъ этого, но былъ увѣренъ, что можетъ быть совершенно спокоенъ въ этомъ отношеніи.

Всѣмъ извѣстно, сколь много труда стоило императору Александру, всегда руководившемуся личною дружбою къ королю, уступить настоятельной необходимости и получить отъ Пруссіи формальное заявленіе о томъ, на что же она окончательно желаетъ рѣшиться? Александръ I явилъ новое доказательство своихъ чувствъ къ королю и, по полученіи королевскаго письма, предписавъ своимъ войскамъ пріостановиться, возобновилъ переговоры. Съ этою цѣлью онъ послалъ въ Берлинъ своего генералъ-адъютанта князя Долгорукаго. Несмотря на собраныя большія арміи, которыя могли быть противопоставлены Франціи, существовало по-прежнему убѣжденіе, что только при дѣятельномъ и весьма рѣшительномъ содѣйствіи Пруссіи можно будетъ съ увѣренностью и въ полномъ объемѣ достигъ цѣли, предназначенной коалиціею, и обезпечить безопасность, неприкосновенность и независимость европейскихъ государствъ и преимущественно Пруссіи-же.

Возложенныя на князя Долгорукаго настоятельныя разъясненія клонились къ тому, чтобы раскрыть прусскому кабинету общее поло-

женіе военных дѣлъ и собственное положеніе Пруссіи и увѣрить ее самымъ торжественнымъ образомъ о намѣреніяхъ державъ, составившихъ коалицію. Тѣмъ не менѣе Долгорукій при своемъ пріѣздѣ былъ очень холодно принятъ и ему оставалось очень мало надежды на успешное выполненіе возложеннаго на него порученія, какъ вдругъ новое покушеніе со стороны Франціи, одно изъ тѣхъ оскорбленій, мѣру которыхъ Наполеонъ преисполнилъ впоследствии, показало королю, что можетъ ожидать его самого впоследствии. Весь корпусъ маршала Бернадотта прошелъ вдоль прусскихъ владѣній въ Франконіи, такъ какъ это оказалось необходимымъ для осуществленія тѣхъ мудрыхъ военныхъ соображеній, которыя съ перваго удара должны были разгромить Австрію и привести французское побѣдоносное войско къ стѣнамъ Вѣны.

Насильственное вступленіе французовъ въ территорію Аншпаху и Байрейта, вопреки протестамъ подлежащихъ властей, побудило наконецъ прусскаго короля склониться на предложеніе Россіи, разрѣшить вступленіе въ предѣлы Пруссіи русской арміи подъ моимъ начальствомъ и принять самому то положеніе, которое онъ долженъ былъ принять двумя мѣсяцами ранѣе.

Между тѣмъ мы потеряли много времени, всегда столь драгоценнаго въ подобныхъ предпріятіяхъ и въ особенности дѣйствуя противъ такого дѣятельнаго и бдительнаго соперника, какимъ былъ императоръ Наполеонъ. Пререканія наши съ Пруссіею приостановили наступательное движеніе нашихъ войскъ, и Пруссіи обязаны мы жалкимъ исходомъ войны 1805 года. Пораженія, которыя она сама потерпѣла въ войну 1806 года, были только послѣдствіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ ея собственнаго образа дѣйствія. При меньшей слабости или при нѣскольکو болѣе значительной проницательности и прозорливости, берлинскій кабинетъ, не ожидая нарушенія непракосновенности своей территоріи, — являвшася совершенно постороннимъ событіемъ, могъ-бы, на основаніи предшествовавшихъ данныхъ, предвидѣть, какія можетъ онъ ожидать послѣдствія отъ своихъ расчетовъ, которые въ теченіе трехъ недѣль были совершенно разсѣяны на двухъ краяхъ его монархіи. Неужели надлежало еще ожидать какихъ-то предлоговъ, когда со всѣхъ сторонъ видѣлись только одни завоеванія и ниспроверженія государствъ? Размышленія увеличались-бы до безконечности, если-бы мы стали излагать въ подробности поведеніе берлинскаго кабинета. Непосредственнымъ послѣдствіемъ онаго было то, что совокупное дѣйствіе войскъ было нарушено и можно было съ тѣхъ поръ предвидѣть, независимо отъ печальнаго пораженія австрійскихъ войскъ, что кампанія 1805 года не будетъ имѣть того счастливаго исхода, который можно было-бы ожидать при содѣйствіи Пруссіи. Я долженъ еще при-

совокупить, что когда, наконецъ, былъ разрѣшенъ нашимъ войскамъ проходъ по прусскимъ владѣніямъ, то исключительно потребовали, чтобы они перешли границу только въ окрестностяхъ Гродно. Отрядъ въ 30.000 человекъ стоялъ у меня въ Юрбургѣ. Поэтому я принужденъ былъ приказать ему направиться сперва въ Гродно, гдѣ и долженъ былъ со всею остальною арміею ожидать его прибытія, тогда какъ вся армія могла бы въ это время уже прибыть въ Варшаву, если-бы войска, стоявшіе въ Юрбургѣ, могли перейти границу въ этомъ мѣстѣ. Это передвиженіе изъ Юрбурга въ Гродно заставило меня потерять двѣ недѣли. Безъ этого промедленія я могъ-бы въ Моравіи нагнать армію генерала Кутузова и подкрѣпить его 50.000 человекъ, задолго до Аустерлицкаго сраженія.

Наконецъ, союзный трактатъ былъ заключенъ между Австріею, Россіею и Пруссіею, и два повелителя, императоръ Александръ и король Фридрихъ-Вильгельмъ, скрѣпили условія трактата своими торжественными обѣщаніями. Послѣдовавшее непосредственно за этимъ Аустерлицкое сраженіе, какъ оно несчастливо и ни было, не могло нисколько поколебать основныя начала этого трактата. Напротивъ того, Пруссія послѣ этого дня являлась въ состояніи дать перевѣсъ той сторонѣ, къ которой она только что примкнула, если-бы, соединивъ имѣвшіяся у нея на лицо войска съ русскими корпусами, которые, состоя изъ свѣжихъ полковъ, находились еще въ предѣлахъ Пруссіи, она рѣшилась напасть на тылъ французской арміи, истомленной усиленными переходами и разстроенной выдержанными битвами. Но злой геній Пруссіи насильно увлекалъ ее къ несчастной судьбѣ.

Скромное снисхожденіе, временно оказанное Франціею Пруссіи, хотя и могло дать сей послѣдней точное понятіе о ея положеніи въ эту минуту, но Пруссія усматривала только одинъ пропасти на вновь намѣченномъ для себя пути и не считала возможнымъ ихъ избѣгнуть иначе какъ возвратившись опять къ узкой тропѣ переговоровъ (негочіаціѣ). Результатомъ этого явился Вѣнскій трактатъ, заключенный, какъ это не замедлило обнаружиться, со стороны Франціи съ намѣреніемъ не выполнять тѣхъ условій этого трактата, которыя являлись по чему-либо благоприятными Пруссіи, и преимущественно наблюдать за выполненіемъ главнаго условія, именно занятія Ганновера прусскими войсками, потому что это видимое занятіе Пруссіею нѣмецкихъ владѣній англійскаго короля было предназначено для разрыва связей Пруссіи съ лондонскимъ кабинетомъ и для охлажденія его отношеній съ прочими союзными державами.

Не слѣдуя за полатикою Пруссіи въ томъ новомъ лабиринтѣ, въ который она вступила, императоръ Александръ, видя опасность, которой подвергается король, объявилъ ему, въ тотъ самый моментъ какъ

*

Австрія заключила миръ съ Франціею, что оны освобождаютъ прусскаго короля отъ даннаго имъ обѣщанія, но не беретъ обратно своего собственнаго и что оны оставляютъ въ его распоряженіе, для подкрѣпленія могущихъ возникнуть переговоровъ или для явныхъ военныхъ дѣйствій, всё находящіяся въ Германіи русскія войска,—другими словами, армию въ сорокъ пять тысячъ человѣкъ, расположенную подъ моиѣмъ начальствомъ въ Силезіи, а также тотъ отрядъ войскъ, который находился еще въ Ганноверѣ. Кромѣ того, императоръ заявилъ, что приступитъ къ направленію всѣхъ силъ своего государства на помощь своего союзника и друга. Вотъ вторая эпоха, въ которой Пруссія, пользуясь значительными средствами, представлявшимися ей со всѣхъ сторонъ, и соединивъ прибывшія въ это время англійскія и шведскія войска, а также всѣ военныя силы Россіи со своими собственными силами, могла бы свергнуть съ себя ярмо, надѣваемое на нее искусною рукою и, предписавъ законъ Франціи, обезпечить независимость Пруссіи и явиться избавительницею всей Германіи.

Нерѣшительность и малодушіе берлинскаго кабинета не измѣнили себѣ и въ этомъ случаѣ. Различныя полумѣры опять одержали верхъ въ совѣтѣ короля. Графъ Гаугвицъ былъ посланъ въ Парижъ, чтобы возобновить переговоры, имъ же самими оконченныя въ Вѣнѣ трактатомъ, который императоръ Наполеонъ не желалъ выполнять. Соглашались рѣшительно на все. Не только прусскія войска покинули угрожающее положеніе, которое они заняли, но и русскимъ войскамъ дано было предписаніе отступать къ ихъ границамъ, одновременно съ отступленіемъ войскъ англійскихъ и шведскихъ. Съ этого времени Пруссія была предоставлена единственно самой себѣ, и интересы ея стали въ разрѣзъ съ интересами Англи и Швеціи. Французскій кабинетъ пересталъ ее беречь и предписалъ ей свою волю. Великое измѣненіе въ Европѣ, значительно увеличившее силы Франціи, — преобразование Рейнскаго союза—совершилось безъ малѣйшаго участія Пруссіи; о ней при этомъ не было и помину. Находясь въ борьбѣ съ послѣдствіями собственныхъ ошибокъ Пруссія испытала тотъ рядъ оскорбленій, который, къ сожалѣнію, изложенъ слишкомъ правдиво въ ея манифестѣ противъ Франціи. Ни признаніе Рейнскаго союза, ни пожертвованія всѣми своими торговыми сношеніями не въ состояніи были доставить ей отъ французскаго правительства то снисхожденіе, отъ котораго она могла еще имѣть надежду получить если не спокойствіе, то по крайней мѣрѣ нѣкоторую отсрочку, ей необходимую, чтобы познать пропасть, въ которой она находилась, и попытаться найти какой либо исходъ. Тотъ округъ, который Баварія обязана была уступить Пруссіи въ вознагражденіе за владѣніе Аишпахомъ, былъ значительно уменьшенъ. Земля Эссель и Верденъ были силою отняты у Пруссіи. Король, желая образовать

Сѣверный союзъ, который долженъ былъ явиться противовѣсомъ Рейнскому союзу, встрѣчалъ затрудненія на каждомъ шагѣ, дѣлаемомъ имъ въ этомъ отношеніи.

Наконецъ возникли переговоры между Франціею и Англіею. Они открылись предложеніемъ, сдѣланнымъ Франціею—возвратить Ганноверъ прежнему его властителю—англійскому королю. Подобное предложеніе съ точки зрѣнія прусскаго короля являлось настоящимъ нападеніемъ на его владѣнія. Онъ теперь не могъ разумно рассчитывать ни на какую помощь. Всѣ его прежнія соображенія о превосходствѣ французовъ разсѣялись немедленно. Онъ слушалъ только совѣты, внушаемые собственнымъ его отчаяніемъ. Онъ попросилъ у единственнаго своего друга, императора Александра, подкрѣпленіе въ 60.000 человекъ, которое и было ему послано. Я находился во главѣ этого отряда и въ продолженіе моихъ записокъ изложу очеркъ военныхъ дѣйствій въ эту кампанію. Будьте увѣрены, что мое изложеніе будетъ чуждо всякихъ преувеличеній.

III.

Непосредственныя сношенія Россіи съ Франціею были почти не замѣтны въ общей политической системѣ Европы. Раздѣленные другъ отъ друга владѣніями другихъ первоклассныхъ державъ, они не могли непосредственно касаться между собою, и всякій вопросъ, возбуждавшій пререканія, повидимому долженъ былъ теряться въ громадномъ пространствѣ, отдѣлявшемъ Францію отъ Россіи. Въ прямыхъ между ними сношеніяхъ могла быть рѣчь только о торговлѣ, и такъ какъ обмѣнъ взаимныхъ произведеній обѣихъ странъ былъ столь же выгоденъ какъ и необходимъ имъ обмѣнъ, то повидимому существовавшее между ними согласіе никогда не должно было быть нарушено. Между тѣмъ такого согласія не существовало, и вотъ каково было взаимное положеніе этихъ державъ, принятое ими почти съ того момента, какъ Россія начала заявлять притязанія на положеніе, принадлежавшее ей среди европейскихъ державъ ¹⁾.

¹⁾ Беннигсенъ выступаетъ ярымъ противникомъ союза съ Франціею; въ его время и особенно въ тѣ годы, когда онъ писалъ свои записки—это было и вполнѣ правильно и весьма естественно. Но съ того времени политическія „конъюнктуры“ совершенно измѣнились; дѣла государства и весьма важныя совершенно исчезли изъ состава европейскихъ державъ, такъ что можно предполагать, не безъ вѣроятности, что и взгляды г. Беннигсена въ настоящее время на союзъ съ современною Франціею былъ бы совершенно иной, нежели на союзъ съ Франціею во времена Наполеона I. Прим. переводчика.

Съ самаго начала Россія заявляетъ себя народомъ воинственнымъ и завоевательнымъ; она распространяетъ радіусы изъ центра къ окружности и въ томъ числѣ по направленію къ Швеціи, Польшѣ и Турціи. Преимущественно эту послѣднюю Франція сочла нужнымъ защищать противъ Россіи. Главною побудительною къ тому причиною являлось господство на Средиземномъ морѣ. Не раздѣляя сильно распространенныхъ одно время мнѣній объ изгнаніи русскими турокъ, Франція тѣмъ не менѣе опасалась, что если даже русскіе успѣютъ сдѣлать значительныя завоеванія на Черномъ морѣ, ослабить значительно Турецкую имперію, устрашить и имѣть преобладающее вліяніе на диванъ, то господство Франціи на Средиземномъ морѣ, которое она считала ей принадлежащимъ и которое она должна ревниво охранять, можетъ легко подвергнуться опасности. Покровительство, оказываемое Турціи Франціею, и довѣріе, оказываемое Франціи турецкимъ кабинетомъ, могло бы имѣть весьма важныя послѣдствія и затруднить Россію гораздо болѣе, чѣмъ они это сдѣлали, если бы въ продолженіе длиннаго ряда годовъ, протекшихъ со смерти Людовика XIV до кончины Людовика XVI, правительство Франціи не проявило такъ мало энергіи въ своихъ мѣрахъ. Франція не только не высказалась какимъ либо образомъ противъ Россіи, но она ограничилась только подсматриваніемъ ея замысловъ и желаній и противодѣйствіемъ имъ, на сколько возможно, скрытнымъ образомъ, безъ всякаго шума и утомляя диванъ своими совѣтами и проектами относительно наступательной или оборонительной войны съ Россіею. Считалось уже какъ бы крайнимъ предѣломъ отважности и усилій Франціи, когда она посылала по временамъ нѣсколько военныхъ офицеровъ въ ряды турецкихъ войскъ, чтобы дѣйствовать противъ насъ. Подобное боязливое приближеніе къ цѣли столь существенной, конечно, не могло доставить большихъ результатовъ. Желая восполнить слабость и недостаточность своихъ средствъ, Франція умножала дипломатическія нападенія по всѣмъ пунктамъ и въ особенности тамъ, гдѣ преобладаніе Россіи было всего болѣе ощутительно. Варшава и Стокгольмъ были нѣкоторое время поприщемъ, на которомъ ловкость французскаго министерства упражнялась въ противодѣйствія видамъ Россіи; и если Франція должна была быть всего болѣе заинтересованною въ сохраненіи независимости Польши, то можетъ ликовать своими приобрѣтенными успѣхами не въ этомъ направленіи. Только черезъ Швецію, и то иногда, Франціи удавалось остановить движеніе Россіи и положить препятствія къ выполненію намѣреній петербургскаго кабинета.

Съ одной стороны—завистливость по поводу малѣйшаго успѣха, а слѣдовательно по поводу всякаго распространенія территоріи Рос-

сн¹⁾), съ другой же, безпокойство по поводу всѣхъ поступковъ и недовѣріе ко всѣмъ объясненіямъ—все это, сопровождаемое самыми предупредительными формами и увѣреніями въ дружбѣ, которыя даже и не имѣли притязанія выдавать за искреннія,—вотъ отличительная черта сношеній Франціи съ Россією до тѣхъ минутъ, когда французская революція, пытаясь положить новыя основанія общественному строю, начала угрожать разрушеніемъ всей политической системы Европы. Слишкомъ скоро замѣтили вліяніе, оказанное на умы во всѣхъ странахъ этимъ

1) Чтобы составить себѣ ясное представленіе о томъ, какъ смотрѣлъ версальскій кабинетъ на успѣхи Россіи, достаточно прочесть инструкціи, данныя Людовикомъ XV маркизу Л'Опиталю, который въ 1757 году отправился въ Россію какъ представитель французскаго двора. Ему было предписано со вниманіемъ изучать дѣйствительныя намѣренія русскаго министерства въ отношеніи Турціи, Швеціи и Польши. Въ другомъ мѣстѣ тѣхъ же инструкцій говорится: «здравая политика не должна дозволить русскому двору воспользоваться выгодами его современнаго положенія съ цѣлью увеличить свое могущество и распространить предѣлы своихъ владѣній. Страна столь же обширная почти какъ государства многихъ великихъ государей Европы, соединенная вмѣстѣ, и имѣющая надобность только въ небольшомъ количествѣ людей для своей собственной безопасности, можетъ располагать за предѣлами своихъ границъ обширными арміями» и т. д.

Потомъ не много далѣе говорится: «Можно безъ преувеличенія утверждать, что могущество русскихъ почти вдвое увеличилось послѣ смерти Петра I, и по значенію, которое Россія имѣетъ въ настоящее время, можно судить о значеніи ея на мировомъ поприщѣ, если новыя приобрѣтенія возвысить ее на еще болѣе высокую степень могущества и славы» и т. д.

Еще далѣе встрѣчается слѣдующее замѣчательное мѣсто.

«Малая вѣрность, обнаруживаемая ею (Россією) въ соблюденіи послѣдняго ея договора съ Турцією, которая жалуется, что Россія основала укрѣпленіе и колонію на принадлежащей туркамъ землѣ и удерживаетъ въ плѣну много подданныхъ турецкихъ, которымъ свобода должна была быть возвращена немедленно послѣ Бѣлградскаго мира; господство, котораго она домогалась имѣть надъ внутреннимъ правленіемъ Швеціи; образъ дѣйствій ея съ Поляками въ продолженіе трехъ лѣтъ; высказанные ею взгляды по отношенію опредѣленія границъ между Россією и Польшою; наконецъ, вся система и поведеніе Россіи, форма ея управленія и ея военное положеніе должны заставлять опасаться увеличенія этой державы всѣхъ государей, имѣющихъ участіе и любовь къ безопасности и общественному спокойствію. Этого было бы достаточно, чтобы побудить короля желать, чтобы императрица руссійская отказалась бы отъ своихъ притязаній на Пруссію» и пр. (во время Семилѣтней войны послѣ занятія русскими старой Пруссіи, императрица Елисавета возымѣла мысль присоединить эту провинцію къ Россіи).

Намѣренія Франціи въ отношеніи Россіи проявились уже въ 1747 году, когда она тайно старалась соединить путемъ вѣчнаго союза Турцію, Польшу, Швецію и Пруссію, сперва подъ медиацію, а потомъ и съ присоединеніемъ къ этому союзу Франціи. Она потерпѣла полную неудачу въ осуществленіи этого замысла. (Примѣчаніе гр. Беннигсена).

новымъ ученіемъ, этими началами, провозглашенными во имя свободы и равенства—этихъ революціонерныхъ божествъ, которыя обливали кровью алтари и престолы, поражали проклятіями достойнаго богача и добродѣтель бѣднаго и, опустошивъ Францію, собирались установить свой ужасный трибуналъ вездѣ, гдѣ еще имѣлось въ виду ниспровергнуть существовавшіе алтари и престолы и истребить богатства и добродѣтели.

Екатерина II, проникнутая сознаниемъ своего достоинства и необходимости охранить свою власть, не могла смотрѣть безъ ужаса на попаніе ногами принадлежностей (атрибутовъ) самодержавія, въ той именно странѣ, на которую въ Россіи привыкли смотрѣть, какъ на наиболѣе просвѣщенную. Это тяжелое чувство явилось подкрѣпленіемъ другихъ соображеній, опредѣлившихъ отношеніе Екатерины II къ французской революціи. Несмотря на увѣренность, которую она имѣла въ преданности къ ней всего народа и его привязанности къ престолу, она считала своею обязанностью принять наиболѣе соотвѣтствующія мѣры для предохраненія своего народа, на сколько возможно, отъ малѣйшаго зараженія новыми ученіями. Она хорошо понимала, что ученія распространяются съ быстротою мысли, что разстояніе, отдѣляющее Россію отъ Франціи и лишашее ихъ взаимнаго соприкосновенія, не представляетъ еще достаточнаго обезпеченія противъ распространенія заблужденій и фанатизма демократіи. Она хорошо понимала, что этотъ всепожирающій пламень, очагъ котораго крылся во враждебныхъ страстяхъ нѣкоторыхъ демагоговъ, найдетъ себѣ пищу вездѣ, въ тѣхъ же самыхъ страстяхъ, въ надеждѣ на добычу и въ томъ смѣшеніи разныхъ началъ, искусно составленномъ, чтобы ввести въ заблужденіе даже честнаго человѣка. Она считала обязанностью своего достоинства прекратить всякое сношеніе съ демократическою Франціею, и потому строго воспретгла всякое сообщеніе съ нею. Громко высказываясь противъ французской республики, она не приняла никакого дѣятельнаго участія въ войнѣ, которую объявили Франціи другія, болѣе сосѣдственныя съ нею державы, какъ потому, что находила, что, въ силу географическаго положенія обоихъ государствъ, достигнутыя войною результаты никогда не могутъ соотвѣтствовать пожертвованіямъ, вызываемымъ подобною войною, такъ и потому, что, всегда руководимая любовью къ своему народу и гениемъ славы, она признавала возможнымъ проливать кровь своихъ подданныхъ только для благоденствія своего народа или для блага Европы. Правда, въ 1793 году она намѣревалась выставить одну армію въ 60.000 человѣкъ, которая должна была дѣйствовать на Рейнѣ, и другую—въ 15.000 человѣкъ, которая, подкрѣпленная по меньшей мѣрѣ такимъ же числомъ англійскихъ войскъ, должна была, подъ общимъ начальствомъ графа д'Артуа, высадиться на берегахъ Нормандіи и под-

держатъ въ Вандеѣ контръ-революцію, которая въ это время находилась въ полномъ своемъ разгарѣ и силѣ. Но Екатерина II при этомъ потребовала, чтобы державы, составившія коалицію, торжественно обязались манифестомъ вести войну только съ революціею, съ цѣлю возстановленія прежняго порядка, принявъ за основаніе при заключеніи мира условія Вестфальскаго мира. Въ другихъ державахъ она не встрѣтила такихъ же безкорыстныхъ стремленій. Австрія горячо держалась плана, который императрица громко не одобряла, именно—раздробить Францію и обогатиться ея обломками. Англійское министерство также не противилось этому мудрому плану и встрѣчало затрудненія къ приему графа д'Артуа въ Англіи. Изъ этого было очевидно, что эта держава, вовсе не желая заглушить революцію, имѣла въ виду продолжать ее съ тѣмъ, чтобы ослабить Францію въ Европѣ и выиграть время для завоеванія принадлежащихъ ей земель въ другихъ частяхъ свѣта.

Между тѣмъ возсталъ Польша, и императрица искусно воспользовалась смутами, беспокоившими Европу, чтобы войти въ соглашеніе съ заинтересованными державами въ переговоры, о раздѣлѣ Польскаго королевства и о способахъ осуществленія онаго.

Въ мою задачу не входитъ говорить о томъ вліяніи, какое оказало это удачное предпріятіе на положеніе Россіи въ отношеніи другихъ европейскихъ державъ. Мнѣнія по этому поводу, какъ извѣстно, весьма различны. Полагаютъ, что Россія, приходя чрезъ это въ непосредственное соприкосновеніе съ великими державами, можетъ, смотря по политическимъ сочетаніямъ, вызваннымъ или допущеннымъ ими самими, столько же потерять въ отношеніи собственной безопасности, сколько и выиграть въ отношеніи преобладанія надъ дѣлами европейскаго материка. Я быть можетъ поговорю еще объ этомъ, когда зайдетъ рѣчь о герцогствѣ Варшавскомъ; теперь же достаточно здѣсь упомянуть, что, при условіяхъ того времени, раздѣлъ Польши являлся мѣрою столь же полезною для Россіи, сколько неприятною для Франціи. Революціонное правительство быть можетъ сообразило послѣдствія этой мѣры только на сколько оно сожалѣло объ уtratѣ подобной же ей республики, которая, начавъ убійствами и скверными поступками, давала надежду, что достигнетъ высоты принциповъ ея образца и будетъ держатъ въ страхѣ сѣверную часть Европы, тогда какъ Франція будетъ распространять свое безуміе на остальную ея часть. Можно было предвидѣть, что съ водвореніемъ во Франціи законнаго правительства, уничтоженіе Польскаго государства явится предметомъ дѣйствительной и болѣе непосредственной завистливости, которая до революціи касалась только предметовъ неопредѣленныхъ и поддерживалась только весьма отдаленными соображеніями. Дѣятельное участіе, которое императоръ Павелъ рѣшился принять въ войнѣ противъ Франціи, должно

было окончательно открытъ глаза въ этомъ отношеніи; становилось яснымъ, что Россія, несмотря на собственные значительныя средства, никогда не въ состояніи была бы, какъ до раздѣла Польши, такъ и послѣ онаго, проявить ихъ въ такой сильной степени, какъ она это сдѣлала и предполагала еще сдѣлать, если бы только разномысліе во взглядахъ союзныхъ государствъ на то же дѣло не разстроило коалицію послѣ того, какъ успѣхи оружія начали давать надежду на счастливый ея успѣхъ. Съ этого момента,—перваго, въ которомъ могущественная Россія играла большую и дѣятельную роль на западѣ,—начинается новая эпоха въ сношеніяхъ ея съ Франціею, правительствомъ которой, почти въ то же самое время перешло въ руки того знаменитаго полководца, который не задолго вернулся въ Европу изъ Африки и геній котораго, усмиривъ немедленно междоусобную войну внутри страны, долженъ былъ возвести его на степень могущества, величія и славы, поражающихъ воображеніе и изумляющихъ несчастіями человѣчества. Съ этого момента, повторяю, начинается новая эпоха въ сношеніяхъ между Россіею и Франціею. Со стороны Россіи, неопредѣленное чувство неудовольствія, выразившееся во многихъ манифестахъ, было замѣнено тономъ достоинства и холодности, соответствующимъ чистотѣ ея намѣреній и сознанію собственной силы,—чему личныя качества ея представителей и агентовъ придавали иногда оттѣнокъ надменности. Со стороны же Франціи—благородное уваженіе, которое часто принимали за робость, застѣчивость, казалось господствовало во всѣхъ сношеніяхъ ея съ Россіею.

Благоразуміе предписывало подобное притворное поведеніе первому консулу, державшему уже въ то время твердою рукою бразды правленія. Со свойственной ему проникательностію и прозорливостію сообразя всѣ вѣроятности удачи и не предполагая предоставлять чего-либо случайности, Бонапартъ долженъ былъ стараться успокоить Россію, чтобы отвлечь отъ себя тѣ большія препятствія, которыя она въ состояніи была противопоставить его обширнымъ замысламъ, препятствія, которыя могли если не помѣшать прочному утверженію его правленія внутри страны, то по меньшей мѣрѣ замедлить устройство онаго и предотвратить развитіе его завоевательныхъ намѣреній.

Намѣренія французскаго правительства не могли быть въ это время, т. е. послѣ заключенія мира въ Люневиллѣ, тѣми же самыми, что и въ настоящіе дни. Они измѣнились въ той же прогрессіи, въ какой военныя и дипломатическія успѣхи Франціи принудили прочія державы ограничить свои намѣренія и предложенія. На основаніи мира Люневилльскаго и принужденнаго посредничества въ Ратисбоннѣ Франція успѣла не только гарантировать свою независимость, но и обезпечить за собою друзей и союзниковъ, которые, въ случаѣ новой коали-

ціи противъ нея, могли быть ей полезны. Пресбургскій миръ и Рейнскій союзъ обезпечили ей преобладаніе въ Европѣ; Тильзитскій миръ и паденіе Пруссіи положили основаніе системѣ, которую французскіе дипломаты теперь называютъ центральной,—выраженіе ясно означающее стремленіе Франціи, тогда какъ никто не заблуждается въ отношеніи мѣста, принимаемаго за центръ. Когда эта система получить все то надлежащее развитіе, которое предполагають ей предоставить, тогда можно будетъ судить объ искренности тѣхъ увѣреній въ дружбѣ, которыя Франція заявляла Россіи при всякомъ представлявшемся къ тому удобномъ случаѣ. Между тѣмъ главный интересъ Наполеона состоялъ въ томъ, чтобы держать Россію въ отдаленіи отъ порождаемыхъ Франціею событій.

Могущество и великія средства Россіи могли бы безспорно склонить равновѣсіе въ пользу коалицій, если бы планы военныхъ дѣйствій не были всегда такъ худо составлены и еще хуже приведены въ исполненіе и часто совершенно не кстати начаты въ самое неблагоприятное къ тому время. Послѣдствіе, которое мы теперь имѣемъ предъ глазами, доказываетъ, что Россія столько изъ участія къ союзникамъ, сколько изъ заботы о самой себѣ, должна была все время слѣдить зоркимъ окомъ за дѣйствіями Франціи, за ея побѣдами и за ея политикою.

Если бы сія послѣдняя успѣла подчинить себѣ державы, отдѣляющія ее отъ Россіи, или только пріобрѣсти на нихъ такое вліяніе, чтобы имѣть возможность располагать ихъ средствами, то противъ кого была бы направлена эта масса силъ? Вопросъ этотъ долженъ былъ бы разсвѣтъ обаянія, которыми одружалась французская политика, и дать замѣтить Россіи, что все оказываемыя ей уваженія не имѣли иной цѣли какъ только скорѣе и съ меньшими затрудненіями вызвать такой порядокъ дѣлъ, который бы дѣлалъ излишнимъ всякое уваженіе.

Въ числѣ средствъ, употребленныхъ французскимъ правительствомъ того времени къ тому, чтобы склонить Россію на свою сторону, есть одно, заслуживающее тщательнаго разсмотрѣнія потому, что оно было повторено при всѣхъ случаяхъ и что оно съ перваго взгляда представляется содержащимъ въ себѣ нѣчто возвышенное и великодушное. Въ сущности оно состоитъ въ томъ, что утверждаютъ, будто бы Россія и Франція—двѣ великія націи, не имѣющія между собою непосредственнаго повода къ раздору—дѣйствуя за-одно, легко могли бы сдѣлаться двумя великими народностями, которыя господствовали бы повелительно и непреодолимо надъ остальною Европою и являлись бы нѣкоторымъ образомъ посредниками и провидѣніемъ другихъ державъ.

Мудрость русскаго правительства никогда не позволяла ему соблазняться приманками, которыя старались придать этому проекту, дѣйствительнымъ стремленіемъ котораго было не что иное какъ отстраненіе

Россіи отъ всякаго вліянія на ходъ дѣлъ въ Европѣ. Франція извлекла бы всѣ выгоды этого, а послѣдствія оказались бы самыми устрашительными и могли бы сдѣлаться пагубными для Россіи. Этотъ проектъ, быть можетъ, подлежалъ бы менѣе возраженіямъ, чѣмъ онъ является по существу своему, если бы, по крайней мѣрѣ, сдѣлали обоюдное предложеніе или предложили, чтобы обѣ эти державы подѣлили между собою Европу, образовавъ двѣ системы федеративныхъ государствъ, силы и преимущества которыхъ были бы съ точностью уравнивлены, или, чтобы Франція съ одной стороны, а Россія съ другой, совершенно уединились бы и торжественно отреклись отъ всякаго дальнѣйшаго увеличенія ихъ территоріи на счетъ владѣній ихъ сосѣдей и вступали бы между собою въ сношенія единственно съ цѣлью сохраненія спокойствія вселенной и низверженія того, кого захотѣлъ бы этотъ покой нарушить.

Подобное предложеніе, быть можетъ неосуществимое, но по истинѣ великодушное, такъ мало соотвѣтствовало завоевательнымъ стремленіямъ Франціи, что она никогда не могла его принять. Если бы и зашла объ этомъ рѣчь, Франція избѣгла бы этого подъ очень разумнымъ предлогомъ, что потребуется цѣлое столѣтіе непрерывныхъ войнъ для его осуществленія, предлогъ, который, по правдѣ сказать, могъ съ такою же точно основательностью служить и Россіи, чтобы отстранить коварныя предложенія Франціи. Что сказать, если она согласится принять за основаніе только современное положеніе владѣній, то положеніе, въ которомъ находится европейскій материкъ въ настоящее время? Франція, какъ полагаютъ, желала сохранить повелительное вліяніе надъ Испанією, Португалією, Италією, Голландією, Швейцарією и Германією, которое доставило ей рядъ военныхъ успѣховъ и шаткость ея противниковъ и жертвъ. Россія должна будетъ сдѣлаться порукою этихъ захватовъ правъ другихъ народовъ и принять безмездно участіе въ этомъ заговорѣ на ихъ независимость? Что отвѣтитъ она на запросы современнаго поколѣнія и на крики потомства, которое станетъ ее упрекать въ томъ, что она содѣйствовала истребленію послѣдняго проблеска надежды въ народахъ, хотя и потерпѣвшихъ пораженіе, но не лишенныхъ возможности свергнуть иноземное иго? Она будетъ даже лишена возможности указать, въ свое оправданіе, на свой какой-либо народный интересъ, на значительное увеличеніе своей территоріи или на предположеніе расширить свое господство, такъ какъ, что же въ самомъ дѣлѣ предложить ей Франція въ возмездіе за выгоды, обезпечиваемыя ей Россією? Быть можетъ вліяніе Россіи или даже ея владычество распространится до Вислы? но является ли это хотя сколько нибудь соотвѣтственнымъ ея услугамъ? Къ тому же Россія можетъ существовать и безъ этого. Наконецъ, мнѣ кажется, что самый поверхностный анализъ указываетъ, что въ этомъ проектѣ нѣтъ ничего такого, что хотя бы на минуту могло

обольстить или возбудить мечтаніе. Поэтому необходимо предположить, что результатомъ размышленій нашего кабинета всегда было и всегда будетъ, что спокойствіе обѣихъ великихъ державъ требуетъ прежде всего существованія независимыхъ между нами лежащихъ государствъ, которыя, отдѣляя ихъ одну отъ другой и поддерживая равновѣсіе, поглощаютъ всѣ пререканія, которыя были бы неизбежно порождены ихъ непосредственнымъ соприкосновеніемъ. Отрѣшаясь отъ всякихъ другихъ соображеній, тѣмъ не менѣе представляется первостепенной важности одно, которое, далеко не предполагая полного единообразія взглядовъ обоихъ кабинетовъ петербургскаго и тюлерійскаго, дѣлаетъ весьма загадочнымъ существованіе какого бы ни было прочнаго союза между Франціею и Россіею. Это соображеніе заключается въ томъ, что Россія должна неизбежно имѣть большое участіе къ процвѣтанію Англіи, тогда какъ униженіе Англіи, напротивъ того, является основнымъ правиломъ французской политики, освященнымъ практикою цѣлаго ряда столѣтій.

Россія, конечно, со всѣми прочими державами материка разделяетъ необходимость противоборствовать всякому превосходству, настолько значительному, что оно, по допускаемымъ имъ злоупотребленіямъ, въ состояніи сдѣлаться опаснымъ для независимости и благоденствія Россіи или кого-либо изъ ея союзниковъ. То же начало, которое побудило ее бороться съ большими усиліями и малымъ успѣхомъ противъ континентальнаго преобладанія, должно, въ настоящіе дни, побудить ее выступить противъ деспотизма на моряхъ насколько онъ стѣсняетъ ее въ торговыхъ сношеніяхъ съ прочими народами. Но она не должна идти далѣе этого. Если она хотя мгновеніе слѣпо послѣдуетъ движенію Франціи, она скоро будетъ увлечена за предѣлы намѣченной цѣли и, преступивъ оныя, можетъ быть вовлечена въ такой лабиринтъ, въ которомъ, быть можетъ, окажется весьма труднымъ найти руководящую нить.

Франція имѣетъ превосходство на сушѣ. Россія должна тщательно стеречь, чтобы Англія сохраняла свое превосходство надъ Франціею на морѣ, считая въ томъ числѣ и государства, входящія въ федеративную систему. Представимъ себѣ на мгновеніе положеніе дѣлъ, при которомъ фортуна, всегда благосклонная къ герою дня, доставила бы въ руки Франціи то преобладаніе, которое, въ настоящее время, имѣетъ на моряхъ Англія? Какія бы получились чрезъ это послѣдствія? Они неисчислимы.

Подобная катастрофа повлекла бы за собою или точнѣе закончила бы всеобщее потрясеніе, подготовляемое искусною рукою, и которое, если судить по тому, что имѣемъ предъ глазами, кроется въ судьбахъ міра, но противъ осуществленія котораго, благоразуміе требуетъ напречь всѣ силы и вооружиться съ великою энергіею. Это разрушеніе безспорно не достигнетъ Россіи непосредственно, но она, конечно, почувствовала

бы его сотрясенія. Остановимся немного на самыхъ первоначальныхъ. Какое назначеніе можетъ дать Франція собраннымъ ею для этой цѣли флотамъ и тѣмъ богатствамъ, которыя она въ этомъ предположеніи присоединитъ къ преобладанію, доставляемому ей уже ея сухопутными арміями, ея союзниками и ея вліяніемъ. Не употребить ли она всё подобныя средства, которыя Англія расточала для отстраненія ига Франціи къ тому, чтобы распространить и еще болѣе укрѣпить это иго? Торговля всѣхъ народовъ въ настоящее время страдаетъ отъ системы, принятой англійскимъ министерствомъ; но французское правительство, не имѣя надобности дѣлать какія-либо снисхожденія, предпишетъ торговлѣ законы, еще болѣе произвольные и болѣе невыносимые. Не должно заблуждаться, не должно надѣяться, что одно государство будетъ великодушнѣе другаго; всякое государство имѣетъ въ виду единственно наибольшее національное благоденствіе, при данныхъ обстоятельствахъ. Оно можетъ ошибаться въ отношеніи средствъ, къ достиженію этого, что и порождаетъ тѣ случаи, при которыхъ познанія и искусство получаютъ нѣкоторое преимущество надъ невѣжествомъ и неумѣиємъ; но эти случаи въ наши дни рѣдки и не оказываютъ продолжительнаго вліянія, потому что въ каждой странѣ имѣется множество свѣтлыхъ понятій. скоро освѣщающихъ правительство въ его заблужденіяхъ. Поэтому будетъ ли это Вестминстеръ или Тюльери, не все ли равно гдѣ и откуда будутъ издаваться указы, коль скоро принципы, въ нихъ содержащіеся, будутъ тѣ же самыя. Франція, при малѣйшемъ разладѣ, стѣснитъ нашу торговлю не въ меньшей мѣрѣ, какъ это дѣлаетъ въ настоящее время Англія; она не въ меньшей мѣрѣ прерветъ сообщенія между нашими портами и эскадрами, которыя могли бы быть снаряжены. Россія снабжаетъ весь міръ матеріалами для флота. Владѣя портами и гаванями она должна быть морскою державою достаточно сильною, чтобы имѣть возможность защитить свою торговлю отъ оскорбленій и насилій. Но я полагаю, что географическое положеніе Россіи требуетъ, чтобы она и не стремилась быть первоклассною морскою державою, въ современномъ значеніи этого слова: ей должно быть господствующею на Балтійскомъ и, если возможно, на Черномъ морѣ. Наши гавани расположены на берегахъ разныхъ морей и на значительныхъ другъ отъ друга разстояніяхъ; наши эскадры, которыя бы могли выдти въ море, не будучи никогда настолько сильны, чтобы быть въ состояніи сразиться съ эскадрами первой морской державы міра, останутся, слѣдовательно, въ случаѣ военныхъ дѣйствій, безъ взаимнаго одна съ другою сообщенія, что мы и видимъ въ настоящее время. Это соображеніе, хотя и относительное, тѣмъ не менѣе повліяло на рѣшенія нашего кабинета и побудило его обходиться очень осторожно съ Англіею. Такое обращеніе сдѣлалось бы еще несравненно настоятельнѣе съ Франціею и не оказалось бы вза-

имнымъ, какъ это должно было бы ожидать отъ державы, которая во всѣхъ отношеніяхъ должна равнымъ образомъ свискивать нашу дружбу.

Я упомянулъ, что Россія должна интересоваться благоденствіемъ Англіи, и полагаю, что доказалъ необходимость этого какъ въ отношеніи собственной ея независимости, такъ и ея сосѣдей. Присоединимъ къ этому еще размышленія, порождаемыя торговыми сношеніями; размышленія, рѣшительно всѣмъ доступныя и сильно вліяющія на общественное мнѣніе, потому что они касаются общественнаго и частнаго благоденствія и тѣсно связаны съ представляемъ о богатствѣ государства и частныхъ лицъ. Посмотримъ на торговый балансъ Россіи. Если справедливо, что въ торговлѣ дѣйствительная выгода, извлекаемая такою страню какъ Россія, соответствуетъ избытку, получаемому страню въ видѣ звонкой монеты, то должно признать, что торговля съ Англіею настолько выгодна по огромному количеству ввозимой ею къ намъ монеты, на сколько не выгодна торговля съ Франціею, куда нами вывозятся ежегодно значительныя суммы денегъ звонкою монетою. Можно съ нѣкоторою, повидимому, основательностію возразить, что безразлично, въ какую страну или посредствомъ какой страны Россія вывозить свои произведенія, только бы звонкая монета, безъ которой она не можетъ обойтись, поступала къ ней, и предположивъ обратное положеніе, именно то, что Франція заняла бы мѣсто Англіи, потребность въ произведеніяхъ нашей страны тѣмъ не менѣе осталась бы та же. На это можно замѣтить, что Франція, имѣя превосходство на морѣ, въ то же время имѣла бы на сушѣ еще большее, нежели въ настоящее время; что свое могущество на морѣ она подкрѣпляла бы сильными сухопутными арміями; что она заставила бы весь торговый міръ подчиниться ея деспотическимъ произвольнымъ законамъ и пожелала бы, весьма вѣроятно, опредѣлить даже цѣны товарамъ на рынкахъ; что, не имѣя чего либо опасаться на материкѣ отъ коалиціи, самая мысль о которыхъ сдѣлалась бы нелѣпною и ничтожною, по недостатку денегъ, которые одна Англія только и въ состояніи доставлять, и по неспособности державъ составить коалиціи, — Франція перестала бы совершенно соблюдать тѣ обхожденія, отъ которыхъ не вполнѣ избавляется своимъ превосходствомъ на материкѣ. Англія, напротивъ того, будетъ все болѣе и болѣе принуждена обходиться осторожно съ Россіею, покровительствовать торговлѣ ея и искать ея союза, какъ она это дѣлала до настоящаго времени при всякомъ случаѣ, потому что, не имѣя въ своемъ распоряженіи сильныхъ сухопутныхъ армій, министерство англійское настолько просвѣщено, что легко убѣдится въ томъ, что единственно только путемъ этого полнаго и правильно понятаго согласія, Англія и Россія въ состояніи составить вмѣстѣ оплотъ противъ только что воз-

никшей федеративной массы и обезпечить английской торговлѣ доступъ къ различнымъ рынкамъ английскихъ судовъ и привозимыхъ на нихъ товаровъ.

Одно время полагали, что побѣдять Англію на материкѣ и принудять ее купить миръ, цѣною разныхъ пожертвованій, и сбавить нѣсколько въ отношеніи ея морскаго превосходства, если только успѣютъ закрыть для всѣхъ ея кораблей доступъ въ гавана имперіи и воспретить ей торговлю въ оныхъ. Императоръ французовъ, послѣ того какъ объявилъ всю Англію въ блокадномъ положеніи, чтобы придать этой, самой по себѣ, призрачной мысли, нѣкоторую дѣйствительность, хотеть держать въ осадѣ весь материкъ Европы. Въ настоящее время Европа убѣдилась, что эта мѣра, какъ бы она ни была сообразна съ прочими видами французскаго правительства, не соответствуетъ нисколько тому, что служить ей предлогомъ. Англія дѣлалась богаче и могущественнѣе по мѣрѣ того, какъ закрывались для нея разные порты, и государства, вовлеченныя въ эту систему, частію уступая силѣ, частію по предупредительной любезности, сдѣлались жертвами оной по разстройству своихъ финансовъ и крайней скудости, до которой доведены. Этотъ фактъ дѣлаетъ очевиднымъ, что если Англія извлекаетъ выгоду изъ производимой ею торговли съ материкомъ Европы, продавая свои мануфактурныя издѣлія, то эта выгода въ конечномъ своемъ результатѣ обращается на пользу Европы, и что другія части свѣта уплачиваютъ издержку.

Положеніе, которое должна принять Россія, въ случаѣ войны Англіи съ Франціею,—положеніе единственное, которое можетъ обезпечить ея благополучіе,—это пребывать нейтральною и заставлять уважать свой нейтралитетъ, свой флагъ и флагъ своихъ союзниковъ. Провидѣніе снабдило Россію средствами къ этому; ея мудрости предоставляется воспользоваться ими, избѣгая принимать дѣятельное участіе въ пререканіяхъ, продолжающихся уже около пятнадцати вѣковъ и которыя, судя по взаимному положенію Франціи и Англіи, вѣроятно должны быть безъ конца.

Разсматривая въ подробности исторію развитія Россіи, мы замѣтимъ, что исторія эта является почти исторіею ея торговли, въ которой Англія играетъ большое значеніе. Только со временъ Петра Великаго ведетъ свое начало первое прочное основаніе торговли Россіи, вслѣдствіе завоеванія портовъ Балтійскаго моря и устройства тѣхъ водныхъ сообщеній, которыя онъ заставилъ соорудить въ государствѣ и которыя были еще болѣе усовершенствованы въ послѣдующія царствованія. Обитатели этой обширной имперіи вскорѣ ощутили благоприятныя послѣдствія такихъ сооруженій. Произведенія страны, покупаемыя купцами туземными и иноземными, поднялись въ цѣнѣ и уплачивались звонкою моне-

тою. Промышленность получила поощреніе; страна сдѣлалась болѣе богатою, а государство, доходы котораго постепенно увеличились съ двадцати милліоновъ болѣе чѣмъ вдвое, а потомъ даже и вчетверо, приобрѣло возможность производить болѣе расходовъ на благо и пользу народа, устроить значительный флотъ и увеличить свои сухопутныя войска постепенно отъ ста тысячъ человѣкъ до пяти сотъ тысячъ. Россія въ то же время приобрѣла значеніе и вліяніе за границу; она сдѣлалась грозною своимъ сосѣдямъ. Посредствомъ сильныхъ армій, которыя она въ состояніи была содержать, она приобрѣла возможность сдѣлать важныя и прекрасныя завоеванія. Этимъ положеніемъ своего величія Россія обязана мудрости своего правительства, которое сѣмъло, отъ времени до времени, распространять торговлю имперіи, покровительствуя и охраняя ее, и увеличить свои доходы, путемъ увеличенія народнаго благосостоянія.

Екатерина II, не желая увеличивать долги, уже заключенные за границею и въ особенности въ Голландіи, была принуждена въ продолженіе первой войны съ Турціею, истощившею ея казначейство, ввести ассигнаціи, обязавшись царственнымъ словомъ своимъ, что сумма этихъ ассигнацій не будетъ превосходить ста милліоновъ рублей,—что было очень умѣренно, сравнительно съ доходами ея государства. Эта сумма была выпущена въ обращеніе постепенно, понемногу. Первоначально выпустили всего на двадцать пять милліоновъ и только въ 1786 году въ обращеніи народномъ находилось сто милліоновъ. Въ 1794 году Екатерина была принуждена сумму ассигнацій, находившуюся въ обращеніи, увеличить еще двадцатью двумя милліонами; вторая война съ Турціею и ея военныя дѣйствія на Волынн причинили снова значительные расходы. Такъ какъ во всѣхъ отрасляхъ управленія и въ казенныхъ учрежденіяхъ всегда находились деньги, принадлежавшіе казѣ, то сумму ассигнацій, бывшую въ это время въ дѣйствительномъ обращеніи въ публикѣ, можно принять только въ сто милліоновъ, потому ассигнаціи долгое время стояли въ равной цѣнѣ съ звонкою монетою, (т. е. *à pari*) и даже иногда выше оной, когда при внутреннемъ обращеніи ясно выражались для торговли удобства бумажныхъ денегъ. Впослѣдствіи сумма ассигнацій была еще увеличена. Цвѣтущее положеніе торговли Россія поддерживало стоимость бумажныхъ денегъ, даже во время различныхъ войнъ, которыя имперія принуждена была выдержать на материкѣ Европы. Но съ той минуты какъ война совсѣмъ много рода положила препятствія торговлѣ страны, наши ассигнаціи столь значительно упали въ цѣнѣ, что торговля и частные люди понесли большія потери; избытокъ хлѣбныхъ произведеній остался у владѣльцевъ земли; обращеніе денегъ остановилось и недостатокъ ихъ сталъ ощутителенъ въ страшномъ размѣрѣ. Таковы были и всегда будутъ для

Россіи послѣдствія союза съ Франціею, коль скоро Россія не можетъ сохранить свой нейтралитетъ съ Англіею. Едва-ли возможно предвидѣть, чтобы всѣ державы Европы, соединившись вмѣстѣ, достигли бы когда-нибудь какого-либо измѣненія нынѣ существующей системы. Не подлежитъ сомнѣнію, что только послѣ очень большихъ усилій возможно будетъ смирить Англію, и что невозможно, чтобы Россія могла долгое время обойтись безъ своей торговли, и потому точно такъ же невозможно, чтобы союзъ между Россіею и Франціею могъ быть искреннимъ, продолжительнымъ и свойственнымъ каждой изъ сихъ народностей. Этотъ союзъ всегда окончится тѣмъ, что повергнетъ въ бѣдность страну и лишитъ государство средствъ поддерживать свое могущество и достоинство.

Послѣ этого отступленія, не столь однако чуждаго занимаемому насъ предмету, какъ это можетъ на первый разъ казаться, возвратимся къ сношеніямъ этихъ двухъ державъ на материкѣ.

Мы видѣли, что, пока Франція будетъ стремиться къ расширенію виѣ всякой мѣры своего вліянія, никогда союзъ съ нею, хотя бы и самый искренній, не можетъ быть прочнымъ. Безопасность нашихъ границъ требуетъ, чтобы сосѣди наши были болѣе или менѣе охранены и защищены нами или находились бы въ союзѣ съ нами, и чтобы чуждое вліяніе не могло нарушать общаго спокойствія. Исходя изъ этого начала, есть ли какая-либо возможность согласить миролюбивыя взгляды Франціи съ учрежденіемъ герцогства Варшавскаго? Это не Польша, это также не провинція Саксонія, король которой въ дѣйствительности является видимою главою, но лишенною всякой власти и свободнаго распоряженія въ отношеніи военной части, и притомъ ожидающей всякихъ милостей и наградъ отъ Франціи. Сія послѣдняя, послѣ Тильзитскаго мира, оставила даже весьма значительный отрядъ войска въ этомъ княжествѣ. Такимъ образомъ, это княжество представляетъ собою военную границу Франціи, подобно тѣмъ, какія устанавливались римлянами, когда они выжидали только благоприятнаго времени, чтобы двинуться далѣе впередъ. Нельзя не признать и въ данномъ случаѣ подобной же цѣли. Не естественно-ли и что обыватели областей, оставшихся во владѣніи державъ, подѣлившихъ между собою Польшу, смотря на вновь образованное государство, какъ на стержень, вокругъ котораго должны собраться всѣ обломки древняго Польскаго королевства. Всему міру извѣстно порожденное учрежденіемъ герцогства Варшавскаго волненіе, которое образовалось въ умахъ поляковъ, равно и то прилагаемое стараніе, чтобы поддерживать ихъ блестящія надежды. Изъ всѣхъ областей Польши, оставшихся во власти другихъ державъ, молодые люди, не испросивъ даже разрѣшенія подлежащихъ правительствъ, стремятся поступить въ ряды тѣхъ войскъ, которыя уже извѣстны подъ общимъ именованіемъ польской арміи. Припо-

мнѣ на какомъ протяженіи это новое государство составляетъ, съ одной стороны, границу Россіи, въ которой, что бы правительство ни дѣлало, всегда живутъ обыватели, готовые возстать и присоединиться къ своимъ соотечественникамъ. Поэтому никто не станетъ отрицать, что Россія должна не довѣрять подобному образу дѣйствій Франціи.

Если надлежало вознаградить Саксонію за сдѣланныя ею пожертвованія и сдѣлать ее болѣе могущественною на счетъ Пруссіи, то дѣль эта была бы лучше достигнута отдѣленіемъ къ ней другихъ какихъ-либо частей Прусскаго королевства, какъ напримѣръ Силезіи. Скажемъ откровенно, это даръ—(если онъ только таковъ дѣйствительно), сдѣланный временно Саксоніи, и который можно будетъ отъ нея отобрать такъ-же легко, какъ онъ былъ пріобрѣтенъ ею. Онъ служитъ только завѣсомъ, чтобы скрыть истинную побудительную причину, не ускользнувшую однако отъ всеобщаго вниманія. Императоръ Наполеонъ это на столько хорошо понималъ, что, уступая обстоятельствамъ времени, издалъ торжественное заявленіе противъ всѣхъ предположеній, дѣлаемыхъ по этому поводу, возвѣщая, что онъ никогда не имѣлъ въ виду возстановлять Польшу. Но подобное заявленіе, сколь торжественно бы оно ни было, не внушаетъ довѣрія, и всѣмъ хорошо извѣстно, что встрѣчаются и другія подобныя заявленія, какъ напримѣръ договоры о вѣчномъ мирѣ, которые соблюдаются, пока это желаютъ, и которые обладаютъ истинною прочностью только по скольку имѣютъ основаніемъ своимъ взаимную выгоду и безопасность. Если справедливо, что при заключеніи Тильзитскаго мира было сдѣлано секретное условіе о томъ, что герцогство Варшавское никогда не будетъ увеличено, то подобное условіе было очень необходимо для успокоенія русскаго правительства. Но тѣмъ не менѣе остается справедливымъ, что къ основаніямъ, которыя имѣло французское правительство отодвинуть предѣлы Россіи, чтобы болѣе свободно располагать остальною Европою, присоединилась еще задняя мысль, очень хорошо выраженная въ словахъ, приписываемыхъ самому Наполеону. Послѣ одного разговора, содержаніе котораго не припомню и дѣйствительность котораго не могу завѣрить, Наполеонъ сказалъ: не желаю, чтобы увидали послѣ меня капитановъ Александра¹⁾.

Дѣйствительно, послѣ того какъ онъ успѣлъ совершить великія измѣненія въ Европѣ и распредѣлять нѣкоторые престолы между членами своего семейства, онъ долженъ, какъ великій человекъ, подумать о всѣхъ средствахъ, чтобы придать стойкость государствамъ и правительствамъ, имъ самимъ созданнымъ. Россія безспорно является государствомъ, которое, не будучи опаснымъ Франціи, можетъ явиться таковымъ для ея внѣш-

¹⁾ Разумѣется капитановъ Александра Македонскаго; другими словами распаденіе его монархіи. Прим. перев.

нихъ учреждений и ея федеративной системы, доколѣ она будетъ имѣть возможность безъ затрудненій присоединить свои войска къ арміямъ Австріи и Пруссіи, съ которыми она будетъ имѣть общій интересъ. Ослабить Россію и отодвинуть ея предѣлы, отдѣлить ее отъ вышеназванныхъ двухъ государствъ, съ которыми она могла бы дѣйствовать за-одно, воспрепятствовать исполнѣнью или сдѣлать безконечно затруднительнѣе ея содѣйствіе къ ниспроверженію или измѣненію созданныхъ Наполеономъ государственныхъ установленій—вотъ выгоды будущаго, доставляемыя Наполеону возстановленіемъ Польши въ томъ видѣ, въ какомъ она находилась до перваго ея раздѣла, въ особенности давъ ей государя искуснаго, воинственнаго, способнаго устроить свои войска и поставить ихъ на внушающее уваженіе положеніе.

Польша обладала бы при этомъ населеніемъ въ пятнадцать милліоновъ; это давало бы ей возможность и средства довести свою армію, въ случаѣ необходимости, до трехъ сотъ тысячъ человекъ. Интересы этого государства и его спасеніе привязывали бы его всегда къ Франціи, непосредственная помощь и вліяніе которой на конфедерацію, которая поддерживалась бы въ этомъ предположеніи, могутъ очень хорошо поставить его въ положеніе держать въ безпокойствѣ Россію и отстранить ее отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла Европы. Въ одной изъ своихъ декларацій Наполеонъ говоритъ, что раздѣлъ Польши никогда не былъ признанъ Франціею и что онъ противенъ ея интересамъ. Въ своемъ посланіи сенату отъ 29 января 1807 года онъ выражается слѣдующимъ образомъ: «Необходимы были пятнадцать лѣтъ побѣдъ, чтобы доставить Франціи вознагражденія, соотвѣтствующія полученнымъ другими державами отъ раздѣла Польши, которому можно было бы воспрепятствовать однимъ походомъ, предпринятымъ въ 1778 году». Польская депутація, посланная въ Берлинъ просить покровительства у императора Наполеона, получила отъ него въ отвѣтъ: я посмотрю, окажетесь ли вы достойныя быть націею. Съ тѣхъ поръ эти хорошіе люди проливали потоками свою кровь, чтобы доказать, что нація ихъ что нибудь да стоитъ. Не объ этомъ вовсе идетъ дѣло; но тѣмъ не менѣе доказательства ихъ преданности очень хорошо принимаются.

На сколько Франція заботится и будетъ заботиться о томъ, чтобы поддержать и укрѣпить государство, созданное ею какъ преграду на нашихъ границахъ, на столько Россія должна стремиться оное разрушать. Политическія причины могутъ побудить нашъ дворъ временно скрывать это, но спрашивается, можетъ ли быть полная искренность при обсужденіи вопроса столь важнаго и столь непосредственно касающагося чести, достоинства и безопасности Россіи, какъ только что

нами упомянутый? Спрашивается, можетъ ли быть при этомъ хотя бы нѣкоторая вѣроятность стойкости въ дружественныхъ откошеніяхъ этихъ двухъ великихъ державъ? Въ настоящее время не настоятъ болѣе надобности придерживаться разнымъ предположеніямъ; краткое время, протекшее со времени заключенія Тильзитскаго мира, вполне достаточно, чтобы показать намъ, что должны мы ожидать отъ дружбы съ Франціею.

Россія должна уничтожить даже самую мысль о возрожденіи какой бы то ни было Польши; она даже не можетъ ограничиться п этимъ; она должна воспользоваться первымъ представившимся ей удобнымъ случаемъ, чтобы утвердить свою границу на Вислѣ, и никакія соображенія не должны отклонять ее отъ этого. Припомнимъ высказанное мною по поводу этой границы въ перепискѣ моей въ 1801 году. Я тогда указывалъ, что, послѣ того какъ Екатерина II сдѣлала уже два шага, одинъ—до Днѣпра, а другой—до Нѣмана, Россія остается позаботиться сдѣлать еще третій шагъ—до Вислы. Если Франціи удалось осуществить проектъ Людовика XIV, распространивъ свои владѣнія до береговъ Рейна,—что доставляетъ ей естественную и прочную границу,—то какамъ же образомъ Россія не будетъ въ состояніи достигъ того, чтобы утвердить свою границу на Вислѣ? Бросьте взглядъ на карту и замѣтите протяженіе нашей пограничной линіи въ настоящее время отъ Галиціи до Курляндіи. Невыгоды этой линіи кидаются въ глаза въ сравненіи съ представляемою намъ Вислою. Должно согласиться, что это естественная граница Россіи; она не только можетъ ее защищать съ большою энергіею, но и въ состояніи будетъ еще отвратить всякое иноземное и опасное вліяніе сосѣднихъ государствъ, расположенныхъ на лѣвомъ берегу Вислы. Эти государства находились бы единственно подъ вліяніемъ Россіи. Она легко препятствовала бы нарушенію чѣмъ-либо спокойствія Германіи и тому, чтобы враждебныя силы не были бы направлены противъ ея собственной независимости. Вся Европа выиграла бы отъ тишины и мира, которыми бы пользовалась, когда Россія, достигнувъ естественной своей границы, представляла бы противовѣсъ мсуществу Франціи.

Обширной Россійской имперіи, населеніе которой превышаетъ срокъ милліоновъ жителей и ежегодно увеличивается нѣсколькими сотнями тысячъ, управляемыхъ началами мудрой и здравой политики, конечно не должно ничего опасаться отъ другой какой-либо державы. Безъ сомнѣнія, въ одинъ прекрасный день она должна воспользоваться во всей полнотѣ тѣмъ преобладаніемъ, къ которому она призвана. Она воспользуется этимъ, какъ и до настоящаго времени постоянно дѣлала, не съ цѣлію удовлетворить желанію непоумѣрнаго честолюбія, но для укрѣпленія на прочныхъ основаніяхъ своего народнаго благосостоянія и для того, чтобы

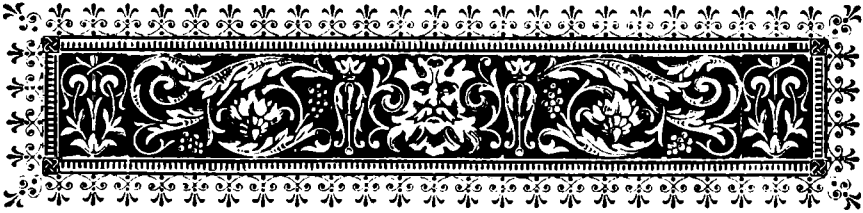
наслаждаться тѣмъ уваженіемъ, на которое она приобрѣла уже столько правъ и которое подобаешь величію и энергіи ея народа.

Лица, не знающія обстоятельно Россіи, поражаются обширнымъ протяженіемъ ея границъ и полагають, что оборона ихъ всегда потребуетъ столько военныхъ силъ, что ихъ останется весьма мало для наступательной войны. Это полное заблужденіе. Большая часть границъ Россіи, начиная отъ Ледовитаго океана до береговъ Каспійскаго моря, не требуетъ для ихъ обороны ни одного солдата изъ регулярныхъ войскъ; эти границы заняты и охраняются кордонами обитающихъ вблизи жителей. Остается слѣдовательно европейская граница, которая, принявъ Вислу за военную границу и продолживъ ее до Чернаго моря, будетъ имѣть не болѣе 300 миль протяженія. Эта линія, на которой могутъ угрожать Россіи, довольно слабая со стороны Турціи и гораздо болѣе благоприятная намъ со стороны Польши или Германіи, не представляется несоотвѣтствующею численности ея войскъ. Останется всегда достаточное число войскъ, чтобы заставить какого бы врага ни было, осмѣливагося покуситься нарушить наши границы, раскаяться въ этомъ и даже чтобы дѣйствовать наступательно и воспрепятствовать тому, чтобы державы, находящіяся между нею и Франціею и пользующіяся пока независимымъ существованіемъ, не были бы покорены сею послѣднею,—единственный случай, который, какъ я уже выше замѣтилъ, можетъ сдѣлаться тревожнымъ для Россіи.

Франція въ отношеніи своихъ границъ не пользуется такимъ же преимуществомъ какъ мы. Военная ея линія начинается съ Далмаціи и идетъ до устьевъ Шельды и Рейна; отсюда она должна защищать еще около 300 льѣ морскаго побережья, на которомъ съ этою пѣлію она должна содержать сухопутныя войска и морскія силы. Присоедините къ этому, что Франція окружена народностями, которыя хотя въ это время и покорены, но должны быть зорко наблюдаемы сильными гарнизонами, тогда какъ Россія находится въ подобномъ положеніи только на одномъ пунктѣ, и этотъ пунктъ является именно тѣмъ же самымъ, гдѣ и безъ этого повода она должна собрать возможно большее количество войскъ, чтобы быть всегда готовою на всякія событія въ Европѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Тяжелые дни Казанскаго Университета.

(Изъ посмертныхъ записокъ).

Тяжелые дни Казанскаго университета, какъ и другихъ русскихъ университетовъ, тѣсно связаны съ темными дѣяніями политической и революціонной крамолы, свившей гнѣздо въ нашемъ отечествѣ около 1860-хъ годовъ. Крамола посѣяла и доселѣ сѣетъ въ нашихъ университетахъ горькіе плевелы, которые портятъ нашу дорогую пшеницу. Революціонные подстрекатели избрали университетскую учащуюся молодежь, по натурѣ своей легко поддающуюся увлеченіямъ, матеріаломъ для своихъ губительныхъ экспериментовъ. Революціонные агенты были первыми подстрекателями и инициаторами студенческихъ волненій. Судя на опыту прошлаго, приходишь къ такому выводу: безпорядки въ университетахъ обыкновенно предшествуютъ политическому злоумышленію. Тайные устроители революціонной смуты прежде всего стараются наалектризовать университетскую молодежь предварительною усиленною разсылкою прокламацій и возмутительныхъ листовъ, а затѣмъ рѣчами революціонныхъ агентовъ возбудить среди нея волненія, чтобы тѣмъ занять вниманіе правительственныхъ лицъ и тѣмъ съ большею свободою производить свою революціонную страсть. Воспоминанія о тяжелыхъ дняхъ университета естественно связаны будутъ съ прискорбною хроникою смуты и злодѣяній, произведенныхъ въ нашемъ отечествѣ шайкою подпольныхъ злоумышленниковъ, поставившихъ себѣ задачей поколебать и разрушить нашъ государственный и общественный строй

и на его дымящихся и облитых кровью развалинах водрузить анархическое знамя терроризма:

И старый миръ среди огня и дыма
Въ потокахъ крови въ бездну упадетъ ¹⁾.

Вотъ страшная картина результатовъ революціонной дѣятельности, рисуемая самими революціонерами.

И Казани въ 1863 году готовилась кровавый сюрпризъ. Въ ней таилась революціонная шайка, во главѣ которой стоялъ ловкій умѣвшій прятать концы полякъ Кеневичъ, делегатъ польской sprawy; съ нимъ за одно дѣйствовалъ офицеръ Иваницкій и другіе. Революціонеры, по разсказамъ, задумывали ни болѣе, ни менѣе, какъ оторвать отъ Россіи весь восточный край съ Сибирью включительно ²⁾. Иваницкій, пользуясь своимъ служебнымъ положеніемъ, взялъ на себя наглядно обучать солдатъ идеѣ равенства ³⁾. Онъ употреблялъ такой пріемъ: бралъ чурки одинаковой величины, цвѣта и формы, разставлялъ ихъ, называя передняго царемъ, стоявшихъ нѣсколько сзади—генералами, слѣдовавшихъ далѣе — офицерами, затѣмъ шли ряды солдатъ. Вдругъ рукою онъ перемишивалъ всѣ чурки, сваливая ихъ въ одну кучу, и потомъ спрашивалъ солдатъ: гдѣ офицеры, гдѣ генералы, гдѣ царь? Этотъ преподаватель своеобразнаго нагляднаго обученія въ одно прекрасное утро могъ явиться полновластнымъ распорядителемъ судебъ казанскихъ жителей, облеченнымъ диктаторскою властію. Заговорщиками составленъ былъ списокъ тѣхъ, власть въ Казани имѣющихъ, которые подлежали разстрѣлянiю, повѣшенію, словомъ «устраненію»; а Иваницкій предназначался въ казанскіе воеводы,—Кеневичъ тоже, можетъ быть, мечталъ, по примѣру Калиновскаго ⁴⁾, о роли—диктатора или круля всего Восточнаго края Россіи.

¹⁾ „Русскій Вѣстникъ“ 1887 г. сентябрь 11 стр.

²⁾ Меня не было въ Казани, когда развивался грандіозный замыселъ Казанскаго отдѣла польскаго рижонда. Я застаю уже кровавый конецъ неудавшагося замысла. Когда исполнялся приговоръ надъ присужденными къ смерти заговорщиками, я ѣздивъ по округу. На обратномъ пути въ Казань на пароходѣ услышалъ я, что четыре или пять человѣкъ разстрѣляно. Съ этимъ происшествіемъ я знакомъ только въ общихъ чертахъ по слухамъ: все дѣло велось въ совершенной тайнѣ. По моему мнѣнію полезно было бы и желательно, чтобы сообщены были во всеобщее свѣдѣніе результаты, добытые Казанскою слѣдственною комиссіею по этому преступному предпріятію, столь же смѣлому, сколько и безумному.

³⁾ „Они (поляки) силились въ облагороженномъ взглядѣ на нравственное чувство собственнаго достоинства въ войскахъ найти возможность деморализировать русскую армію“. (Свѣдѣнія о польскомъ мятежѣ 1863 года въ Сѣверо-Западной Россіи. Собралъ Василій Ратчъ. Вильна. 1867 г. стр. 247).

⁴⁾ Калиновскій самозванный диктаторъ Литвы и Бѣлоруссіи. (Ратчъ, стр. 233), „Круль Литвы“ (стр. 245).

Въ шайку, или въ тайное общество, какъ сами злоумышленники называли свою организацію, всячески старались замануть студентовъ Казанскаго университета и успѣли привлечь нѣкоторыхъ. Мнѣ довелось слышать разсказъ о томъ, какъ одиѣ привлеченный въ это общество приглашалъ другого студента, своего пріятеля.

— Пойдемъ къ намъ, братъ, у насъ сила.

— А сколько у васъ денегъ,—спрашивалъ приглашаемый студентъ.

— Денегъ? Это—пустяки. У насъ силы много: солдаты наши, мы поднимемъ крестьянъ, захватимъ пароходы, вооружимъ ихъ пушками и пойдемъ хозяйничать по Волгѣ, проберемся и въ Сибирь,—все заплашетъ по нашей дудкѣ, увидишь. И деньги тогда лопатами загребать будемъ.

— Будете? А теперь-то сколько у васъ оныхъ. Откуда и на какія сокровища пушки-то приобрѣтете, чѣмъ солдатъ кормить будете? Сколько жъ у васъ теперь-то денегъ?

— Не такъ много.

— А сколько?

— Рублей этакъ сто впрочемъ наберется.

— Только-то,—со смѣхомъ восклицаетъ приглашаемый.—Ну, братъ, на это далеко не уѣдете. Все это вздоръ, ерунда, ничего путнаго не будетъ, брось ты ихъ.

Старались собирать и пожертвованія на «общее дѣло», но, какъ видно изъ предыдущаго разговора, пожертвованія едва-ли и поступали¹⁾.

Когда я прибылъ на службу въ Казань 1863 году, революціонная шайка чуть-ли не была арестована, и назначена была особая слѣдственная коммиссія. Тогда же генераль-адъютантъ А. Е. Тимашевъ былъ назначенъ временнымъ казанскимъ генераль-губернаторомъ. Ему пришлось въ 1864 году подтвердить приговоръ военнаго суда надъ политическими преступниками, изъ которыхъ главные были приговорены къ разстрѣлію. Въ низинѣ между русскою и нѣмецкою швейцаріями были разстрѣяны Кеневичъ и Иваницкій со своими сообщниками.

Пріѣхавъ къ генераль-губернатору, по возвращеніи изъ поѣздки по округу въ 1864 году, я нашелъ его какъ будто похудѣвшимъ и встревоженнымъ.

— Слышали? было первое его слово.—Слышали, что у насъ случилось?

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Ахъ, ужасно было тяжело, когда мнѣ принесли къ подписи смертный приговоръ. Цѣлую ночь не спалъ,—все ходилъ и волновался. Осо-

1) Бывшій студентъ Елипидиѣ, принадлежавшій, говорятъ, къ революціонной организаціи, убѣжалъ за границу (въ Женеву) на студенческія денежки, взятыя изъ такъ называемой студенческой кассы.

бенно участь одного из осужденных на смертную казнь, Кеневича, меня сильно тревожила. Судъ приговорилъ его къ смертной казни, по уликамъ. Другіе сознались, но этотъ ни разу не измѣнилъ себя: твердо, упорно и смѣло стоялъ на одномъ, что онъ не виноватъ. Прямыхъ уликъ на лицо не было, но внутренній голосъ сильно говорилъ во мнѣ, что Кеневичъ виновенъ, что онъ главный вожакъ въ этомъ дѣлѣ. И послѣ долгихъ колебаній я подписалъ смертный приговоръ всѣмъ осужденнымъ на смерть, и Кеневичу въ томъ числѣ. Но какъ тяжело, какъ невыразимо тяжело класть резолюцію на такую бумагу и подписывать ее, созная, что отъ твоей подписи зависить жизнь человѣка.

Нельзя было безъ гаубокаго сердечнаго сочувствія слышать такіа гуманныя слова изъ устъ лица, облеченнаго громадною властію. У меня сердце сжалось невольно при слушаніи этихъ словъ и при видѣ А. Е. Тимашева, всегда обыкновенно живаго и веселаго, сидѣвшимъ въ тяжеломъ, грустномъ раздумьѣ... Послѣдствія показали, что внутренній голосъ говорилъ А. Е. Тимашеву безошибочно. Кеневичъ, оказалось послѣ, былъ уполномоченнымъ польской справы: имъ водена была нить казанскаго заговора, ему поручено было польскимъ ржондомъ дѣйствовать въ Казани и внести пугачевщину на лѣвый берегъ Волги, тогда какъ Звирждовскій, бывший капитанъ русскаго генеральнаго штаба, долженъ былъ пройти черезъ губерніи Смоленскую, Тверскую и Московскую и поднять къ мятежу весь правый берегъ Волги ¹⁾. За какое ничтожное стадо барановъ считалъ велеумный польскій ржондъ обитателей всѣхъ этихъ мѣстностей да и весь русскій народъ! Кеневичъ раскинулъ въ Казани свою сѣть,—онъ надѣялся отсюда захватить всѣ

¹⁾ „Звирждовскій предназначался для дѣйствія противъ Россіи. Горигорѣцкій институтъ давалъ, по польскимъ соображеніямъ, именно самыхъ пригодныхъ дѣятелей въ студентахъ, для поднятія крестьянъ къ мятежу въ великорусскихъ губерніяхъ. Поляки рассчитывали, что взятіе Горокъ, близъ Смоленской губерніи, укажетъ Европѣ, гдѣ границы Польши, и шайка, усиленная полевою батареею, явится въ Россію грознымъ проводникомъ мятежа, молва понесетъ далеко по окрестности вѣсть, что польская рать съ пушками идетъ избавлять народъ отъ уставныхъ грамотъ. Звирждовскій долженъ былъ пройти черезъ губерніи Смоленскую, Тверскую и Московскую, поднять къ мятежу весь правый берегъ Волги, а на Кеневича въ Казани было возложено возобновить пугачевщину на лѣвомъ берегу“. Понятно, что на Казанскій университетъ полами смотрѣли такими же глазами, какъ и на Горигорѣцкій институтъ; въ студентахъ Казанскаго университета они чады встрѣтять самыхъ пригодныхъ дѣятелей для поднятія крестьянъ къ мятежу. Что полами такъ думали, показываетъ приведенный выше разговоръ привлеченнаго къ тайной организаціи студента съ его товарищемъ. Этому вовлеченному въ заговоръ студенту, какъ видно, натолковали уже о необходимости поднять крестьянъ. Кеневичъ въ точности исполнялъ данное ему порученіе — желалъ возобновить пугачевщину въ Поволжьѣ.

ходящіе по Волгѣ и Камѣ пароходы и пронести знамя бунта по всему Поволжью и по Сибири. Горько ошибся онъ въ своихъ расчетахъ на мятежный духъ казанскихъ студентовъ, на простодушіе и довѣрчивость народа русскаго. Кеневичу суждено было сложить свою голову въ Казани. Съ казнію его и его сообщниковъ покончили свое существованіе казанскій отдѣлъ польскаго ржонда ¹⁾).

Весьма тяжелые дни переживалъ въ это время Казанскій университетъ. Вниманіе къ нему польскаго ржонда, выразившееся въ отправленіи Кеневича именно въ Казань, и признаніе чрезъ то казанской университетской молодежи, какъ студентовъ Горигорѣцкаго института, за самыхъ пригодныхъ дѣятелей для поднятія крестьянъ къ мятежу, не могло конечно не повредить университету въ глазахъ правительства, которое и безъ того было недовольно Казанскимъ университетомъ и за студенческіе беспорядки 1861 года, слѣды которыхъ еще далеко не изгладилась, и за явный разладъ между профессорами въ 1863 году. Какъ смотрѣли тогда на Казанскій университетъ руководящія сферы, видно изъ отзывовъ официальныхъ лицъ и государственныхъ дѣятелей ²⁾. Бывшій въ Казани, еще до моего назначенія туда, тогдашній попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа, который былъ командированъ по Высочайшему повелѣнію для разбора распри казанскихъ профессоровъ между собою и съ тамошнимъ попечителемъ, сказалъ мнѣ въ Петербургѣ, передъ моимъ отправленіемъ въ Казань: «нелегко вамъ будетъ». Министръ народнаго просвѣщенія А. В. Головинъ, прощаясь со мною, говорилъ: «Вамъ предстоитъ много труда». Директоръ департамента Б. П. Мансуровъ, когда я весело разговаривалъ съ нимъ, невольно воскликнулъ: «Я удивляюсь вамъ: вы ѣдете въ Казань и еще можете смѣяться». Одинъ государственный дѣятель, очень ко мнѣ расположенный (теперь уже успокоившійся отъ земныхъ трудовъ), замѣтилъ мнѣ: «Вы ѣдете въ неспокойную, пугачевскую сторону». Попечитель Казанскаго учебнаго округа Ф. Ф. Стендеръ, при первомъ свиданіи со мною въ Казани, рассказалъ мнѣ, что онъ «цѣлый годъ ходилъ съ револьверомъ въ карманѣ», боясь оскорбленія отъ студентовъ. Временной казанскій генералъ-губернаторъ А. Е. Тимашевъ, на котораго возложено было наблюденіе и за университетомъ, поручилъ мнѣ передать профессорамъ: «Казанскій университетъ — на волоскѣ. Если что-либо произойдетъ въ немъ, онъ будетъ закрытъ, а профессора потеряютъ службу и куда

¹⁾ Звирждовскому тоже не повезло: онъ „успѣлъ лишь съечь Горки (Ратчъ, стр. 204) и затѣмъ заботился только о личномъ спасеніи“. Далекое дошелъ онъ до праваго берега Волги, не подавъ руки помощи вѣвшему дѣйствовать на лѣвѣмъ берегу Кеневичу.

²⁾ Привожу эти отзывы въ хронологическомъ порядкѣ.

не будутъ приняты». Профессоръ Ф. И. Буслаевъ въ декабрѣ 1863 года писалъ мнѣ изъ Москвы «Мы думаемъ, что возвращеніе къ лучшему для Казани (т. е. для Казанскаго университета) труднѣе, чѣмъ для Москвы ¹⁾. Вспомните, изъ какихъ разнородныхъ, довольно необработанныхъ элементовъ набирался контингентъ слушателей Казанскаго университета. Тутъ были и казаки уральскіе и сибирскіе, и не всегда тихіе сыны тихаго Дона, и цивилизованные политическими ссыльными сибиряки, и сыны степей башкиры и киргизы, и всюду кочующіе евреи, и другіе инородцы.

Ужъ если въ правительственной средѣ, если въ средоточіи Руси, въ Москвѣ, такимъ недобѣрчивымъ взглядомъ смотрѣли на Казанскій университетъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что польскій ржондъ могъ быть увѣренъ, что казанскіе студенты съ распростертыми объятіями примутъ ловкаго Кеневича, что они съ готовностію пойдутъ поднимать крестьянъ Поволжья на мятежь, тѣхъ самыхъ крестьянъ и тѣхъ инородцевъ, предки которыхъ нестройными, буйными массами шли за Пугачевымъ. Ужъ если поляки были убѣждены, что въ Калужской губерніи, искони русской и православной, «вражда крестьянъ къ помѣщикамъ подготовлена достаточно» ²⁾, такъ какъ же было не думать имъ, что въ «пугачевской сторонѣ» крестьяне по первому кличу толпами побѣгутъ подъ знамя пугачевщины, развернутое Кеневичемъ. И что же? Дѣло показало, что ни въ студентахъ, ни въ народѣ пугачевщина не нашла никакого отклика. Изъ 300 человекъ студентовъ нашлось два-три отщепенца, которые пошли на революціонную приманку, остальные не только не увлеклись, но даже посмѣялись надъ фантастическими бреднями революціонеровъ.

Не говорить-ли этотъ фактъ въ пользу университета краснорѣчивѣе всякихъ словъ. Такъ, недавно еще ³⁾ эти самые студенты бурлили на сходкахъ, и какъ бурлили! А идти подъ революціонное знамя охотниковъ не нашлось. Стало быть, есть въ университетской наукѣ нѣчто такое, что сдерживаетъ учащуюся молодежь отъ крайнихъ, гибельныхъ ученій. Студенты пожалуй еще послушаютъ революціонныхъ агентовъ, не зная конечно о принадлежности ихъ къ революціонной организаціи, когда тѣ подбиваютъ ихъ на демонстраціи въ пользу общаго студенческаго дѣла, въ пользу отстаиванія корпоративныхъ правъ, на защиту студенчества, за свободу слова и печати; они на шумятъ, накричатъ,

¹⁾ См. статью мою „Студенческія волненія 1882 года въ Казани“. См. „Русскую Старину“ 1888 г. т. LX, № 12 стр. 649; 1889 г. т. LXI, № 1, стр. 113, т. LXIII, № 8 стр. 436; т. LXIV, № 10 стр. 248.

²⁾ Ратчъ, стр. 203.

³⁾ Я говорю о студенческихъ беспорядкахъ 1861 года въ Казанскомъ университетѣ.

иногда набуяняют. Но коснись дѣло до исто-революціонныхъ идей, раздайся призывъ къ топорамъ, къ пугачевщинамъ, они ¹⁾ съ омерзѣніемъ отвернутся отъ такихъ ораторовъ и пожалуй обратятся, хоть не прямо, взбѣгая прослыть доносчиками, но безыменнымъ письмомъ къ лицу, имѣющему власть въ университетѣ, и будутъ просить остановить «гадкія выходки» нѣкоторыхъ. Съ такимъ письмомъ вы встрѣтитесь въ моемъ настоящемъ разсказѣ. Живы въ молодыхъ сердцахъ любовь къ родинѣ и прирожденная русскимъ преданность царственнымъ вождямъ нашимъ.

Съ 25 мая по 3 октября 1863 года я управлялъ учебнымъ округомъ, по случаю отъѣзда попечителя для осмотра учебныхъ заведеній, и въ это время на мою долю выпало введеніе только что Высочайше утвержденного новаго устава Россійскихъ университетовъ. Съ 12-го января 1864 года я вступилъ въ управленіе округомъ, за отъездомъ попечителя въ С.-Петербургъ, а потомъ за границу, а 5 февраля 1865 года я назначенъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа.

Въ дѣйствіяхъ моихъ по университету я старался: а) объ установленіи мира между профессорами, по крайней мѣрѣ на столько, чтобы происходящіе между ними неизбежно споры и недоразумѣнія не выходили внѣ стѣнъ совѣта и не доходили до студентовъ, такъ какъ только единомышленная профессорская корпорація можетъ имѣть на учащуюся молодежь нравственное вліяніе; б) о побужденіи студентовъ къ постояннымъ занятіямъ, для чего правилами Казанскаго университета возстановлены релетиціи и переводные экзамены, производившіеся въ порядкѣ серьезно и строго, и о подчиненіи студентовъ правиламъ, внесеннымъ мало-по-малу, порядокъ въ университетскую жизнь; в) о поднятій Казанскаго университета въ глазахъ общества, начальства и государя.

Уже въ 1864 году я послалъ подробное донесеніе министру о состояніи университета ²⁾. Въ томъ-же году я просилъ и временнаго казанскаго генералъ-губернатора А. Е. Тимашева, отправлявшагося въ С.-Петербургъ, лично доложить государю императору, что въ Казанскомъ университетѣ постепенно устанавливается должный порядокъ, что студенты спокойны и занимаются дѣломъ. Въ 1865 году въ ноябрѣ мѣсяцѣ, вызванный въ С.-Петербургъ съ высочайшаго соизволенія, я

¹⁾ Я говорю не только о значительномъ большинствѣ студентовъ, но положительно о дѣлой массѣ, — уроды, которые въ такой громадной семьѣ всегда найдутся, въ счетъ приниматься не могутъ и не должны.

²⁾ Свое донесеніе министру я лично прочиталъ въ совѣтѣ университета, желая показать ему свое полное довѣріе. Это произвело на профессоровъ такое хорошее впечатлѣніе, что они въ тотъ-же день въ полномъ составѣ приходили благодарить меня за сочувствіе и содѣйствіе университету.

представилъ министру отчетъ по Казанскому учебному округу. Отчетъ напечатанъ и представленъ государю императору 22 ноября. Я имѣлъ счастье представляться его императорскому величеству въ Царскомъ Селѣ и лично докладывалъ объ университетѣ. Покрытый прежде темными тучами горизонтъ Казанскаго университета сталъ проясняться. Государь императоръ съ благоговѣніемъ принялъ мою рекомендацію университета. Вдругъ разразилась гроза нежданная, негаданная...

II.

«Позволю себѣ сдѣлать выписку изъ отчета о дѣятельности и состояніи университета за 1865—66 академическій годъ.

Еще по случаю празднованія 16 апрѣля благополучно совершившагося двадцати-пятилѣтія бракосочетанія ихъ императорскихъ величествъ совѣтъ университета представилъ августѣйшему покровителю науки и просвѣщенія всеподданѣйшій поздравительный адресъ. Но едва только онъ имѣлъ счастье выразить предъ лицомъ государя, что «его домашняя радость, его сердечное счастье» глубоко дороги его вѣрному народу; что «университетъ присоединяется къ общимъ искреннимъ и нелицемѣрнымъ пожеланіямъ этого вѣрнаго народа»; что съ брачнымъ союзомъ государя императора Александра II «соединены самыя дорогія уюванія нашего отечества» — едва успѣло сойти съ устъ слово молитвы о счастьи царской семьи, какъ извѣстіе о роковомъ событіи 4 апрѣля и вмѣстѣ о чудесномъ спасеніи драгоцѣнной жизни государя императора облетѣло Россію...

По принесеніи вмѣстѣ съ другими въ соборной церкви благодарственнаго молебствія о спасеніи этой дорогой всѣмъ жизни, г. попечитель, его помощникъ и члены университета въ всеподданѣйшемъ адресѣ просили его величество «принять выраженіе ихъ глубокой и сердечной радости при вѣсти о спасеніи, при этой милости провидѣнія къ нашей Россіи». На другой день было совершено молебствіе съ литургіей въ университетской и клинической церквахъ. 16 апрѣля, въ день празднованія двадцати-пятилѣтія была совершена вновь литургія съ благодарственнымъ молебствіемъ. На этотъ разъ въ церкви университета собрались воспитанники обѣихъ казанскихъ гимназій, студенты университета, преподаватели гимназій и университета и начальство округа. Обѣдня имѣла высокаторжественный характеръ, и никогда прекрасная университетская церковь не соединяла въ себѣ такъ много учащейся молодежи, проникнутой однимъ живымъ

чувствомъ. По окончаніи молебствія о здравіи и благоденствіи высокой четы и всего августѣйшаго дома, студенты просили г. попечителя дать имъ возможность заявить какимъ либо образомъ объ одушевляющемъ ихъ патриотическомъ чувствѣ. Г. попечитель объявлялъ студентамъ, что, искренно вѣря ихъ молодому неподдѣльному чувству, онъ не замедлитъ довести о немъ чрезъ министра народнаго просвѣщенія до свѣдѣнія государя императора. Тогда студенты обратились къ настоятелю церкви съ просьбою отслужить свой отдѣльный студенческій молебенъ съ коленнопреклоненіемъ о спасеніи жизни государя императора. По окончаніи молебствія, глубоко тронутый священникъ заявилъ студентамъ, что ихъ благочестивое желаніе составляетъ наилучшее украшеніе праздника, что это желаніе краснорѣчиво говоритъ, что они клянутся святотатственную руку, дерзнувшую посягнуть на жизнь помазанника Божія, что они чтутъ великія дѣла, начинанія и щедроты августѣйшаго императора. Слова эти прерывались общими слезами и поцѣлуями. На этотъ разъ, то была дѣйствительно родная семья, въ которой только что совершилось что-то великое, волнующее, расширяющее грудь безконечнымъ восторгомъ¹⁾. По окончаніи молебна студенты вызвали изъ церкви хоры пѣвчихъ (ихъ было два) и подъ сводами параднаго входа университета пропѣть былъ народный гимнь. Г. попечитель, поблагодаривъ студентовъ за выраженные ими чувства, заключилъ такъ: «Пусть этотъ день останется памятнымъ въ вашихъ сердцахъ, пусть воспоминаніе о немъ вдохновляетъ васъ на общій святой трудъ для славы и возвеличенія нашего обожаемаго государя и нашего дорогаго отечества».

Слова эти были покрыты единодушнымъ «ура». Въ тотъ же день университетская семья собралась на торжественный обѣдъ въ честь семейнаго праздника августѣйшей четы. На этомъ обѣдѣ произнесена была г. попечителемъ рѣчь; хотя она своевременно, вмѣстѣ съ описаніемъ всего торжества, и была напечатана, но не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи повторить здѣсь хотя нѣкоторыя слова достойнаго руководителя просвѣщенія нашего округа.

— Въ свѣтлыхъ одеждахъ,—говорилъ онъ между прочимъ въ своей рѣчи,—какъ прилично на брачномъ торжествѣ, мы сошлись на царскую свадьбу. Какой же даръ принести намъ новобрачнымъ? По древнему русскому обычаю, новобрачныхъ осыпали хмѣлемъ и деньгами. Хмѣль эмблема веселія, а веселье неразлучно съ здоровьемъ и душевнымъ спо-

¹⁾ Такія минуты доставляютъ освѣжающее, отрадное воспоминаніе навсегда. И теперь, когда я писалъ эти строки, картина прошлаго живо предстала предо мною, то же чувство охватило меня, и невольно, какъ и тогда, крупныя слезы покатались изъ глазъ.

койствіемъ. Деньги—знакъ богатства. Но не золотомъ лишь богатъ человекъ, овъ богатъ кредитомъ, довѣріемъ, любовью другихъ: вѣрный другъ—цѣннѣе золота. Осыпшемъ же и мы августѣйшихъ новобранныхъ хмѣлемъ и деньгами: пожелаемъ имъ здоровья и яира душевнаго, принесемъ имъ въ даръ нашу общую горячую любовь и полныя довѣрія преданныя безъ лести сердца.

За симъ, упоминая о событіи 4 апрѣля, его превосходительство продолжалъ:

— Кто-бы ни былъ преступникъ — исчадіе ли нигилизма, социалистическихъ ученій, или выкидышъ подземной революціонной шайки,—соединившись братскимъ союзомъ, дадимъ другъ другу торжественную клятву: всѣми силами дарованной намъ Богомъ науки бороться противъ невѣжественныхъ, зловредныхъ идей, стремящихся къ разрушенію божескаго и человѣческаго порядка. Твердо, какъ одинъ человекъ, станемъ на стражѣ истиннаго просвѣщенія, имѣющаго конечною цѣлію благо и возвеличеніе нашего государя и отечества.

Обѣдъ окончился предложеніемъ профессора богословія Владимірскаго о сооруженіи иконы св. Александра Невскаго, что единодушно было принято, и тутъ же на обѣдѣ подписано было болѣе 200 руб.

Вѣсть о злодѣйскомъ покушеніи на священную для Россіи жизнь тревожно разнеслась повсюду. Тысячи народа въ различныхъ городахъ молились со слезами восторга и вмѣстѣ скорби,—восторга о томъ, что Провидѣніе спасло обожаемаго государя, скорби потому, что напелся злодѣй, дерзнувшій поднять руку на того, изъ десницы котораго щедро льются свобода, свѣтъ, правосудіе, къ кому благодарно несутся сердечныя думы и пожеланія истинныхъ сыновъ Россіи. Вопросъ, кто посягалъ на цареубійство, сильно занималъ умы. Какъ встрепенулись всѣ въ Казани, какая тревога поднялась въ Казанскомъ университетѣ, когда получено было извѣстіе, что имя посягавшаго на жизнь царя—Дмитрій Коракозовъ, имя, которое стояло въ спискѣ студентовъ Казанскаго университета на 1863—64 академическій годъ.

Я лично помнилъ этого студента съ блѣднымъ, истомленнымъ лицомъ, съ длинными по плечи волосами. По наведенной справкѣ оказалось, что онъ изъ дворянъ Сердобскаго уѣзда Саратовской губерніи, окончилъ курсъ въ Пензенской гимназіи въ 1860 году, поведенія, по аттестату, подписанному директоромъ Лубкинымъ, отличнаго, поступилъ въ Казанскій университетъ въ 1861 году 20-ти лѣтъ. Директоръ Пензенской гимназіи, у котораго я спрашивалъ о Коракозовѣ, доставилъ мнѣ такія свѣдѣнія. «Во время пребыванія въ гимназіи, онъ, какъ поминать, велъ себя тихо, былъ очень молчаливъ, потому что былъ глуховатъ, вообще онъ былъ вялымъ, неразвязнымъ и недаровитымъ ученикомъ. По наружности, онъ будто бы отличался небрежностью и

неопрятностью въ одеждѣ. Онъ никогда не участвовалъ ни въ какихъ происшествіяхъ и прошелъ гимназію, бывъ мало замѣченнымъ. Отецъ и мать его уже умерли. Имъ принадлежало маленькое помѣстье въ Сердобскомъ уѣздѣ, верстахъ въ 70-ти отъ Пензы. Осталось теперь четыре брата и нѣсколько сестеръ. Старшій братъ находится въ домѣ сумасшедшихъ въ Саратовѣ за то, что сжегъ всю деревню и отцовскій домъ. Преступникъ кончилъ здѣсь курсъ въ 1860 году, но безъ права на поступленіе въ университетъ, такъ какъ онъ не учился латинскому языку. Первый годъ по выходѣ онъ, вѣроятно, употребилъ на приготовленіе себя изъ латинскаго, и потому онъ поступилъ въ университетъ только въ 1861 году. Все это происшествіе,—заключаетъ свое письмо директоръ Шарбе, привело наше общество въ какое то судорожное состояніе; всѣ какъ будто находятся подъ какимъ-то гнетомъ, и поражены этимъ несчастіемъ».

Въ октябрѣ 1861 года, слѣдовательно чрезъ мѣсяць по вступленіи въ университетъ, Коракозовъ былъ исключенъ за участіе въ скопѣ противъ исправлявшаго должность попечителя округа князя П. П. Вяземскаго, причисленъ къ 3-ей категоріи виновныхъ, на основаніи чего согласно высочайшему повелѣнію могъ быть принятъ въ университетъ черезъ годъ. По исключеніи изъ университета, жилъ большею частью въ деревнѣ. 27-го сентября 1863 года, по засвидѣтельствованію сердобскаго исправника объ отличномъ поведеніи Коракозова, онъ былъ снова принятъ въ университетъ на 1-й курсъ юридическаго факультета, перешелъ на 2-й курсъ, и 8 октября 1864 года, по прошенію, уволенъ для перечисленія, какъ сказано въ его прошеніи, въ Московскій университетъ, куда онъ и перешелъ дѣйствительно. Между товарищами-студентами пріятелей у него не было; онъ держался какъ то въ сторонѣ, особнякомъ, хотя и жилъ съ двумя студентами изъ пензенцевъ на одной квартирѣ; но, по ихъ словамъ, былъ неразговорчивъ, любимымъ его времяпрепровожденіемъ было лежать на постели, устремивъ глаза кверху въ одну точку. Въ университетѣ, въ промежуткахъ между лекціями, онъ ходилъ по корридору одинъ, кусая ногти. По всѣмъ свѣдѣніямъ видно, что это была заурядная личность, что не здѣсь, не въ университетѣ, приготовлялъ онъ себя для своего кроваваго страшнаго замысла. По словамъ Н. В. Щербана («Русск. Вѣстникъ» сентябрь 1887 г. стр. 58), Худяковъ вложилъ пистолетъ въ руку Каракозова; слѣдовательно ни Казанскій университетъ, ни Московскій, въ которыхъ онъ числился студентомъ, не имѣютъ ничего общаго съ его злодѣйскимъ покушеніемъ. Казанскій университетъ, стало быть, имѣлъ полное право сказать въ своемъ адресѣ: «преступникъ не могъ имѣть я не имѣлъ ничего общаго ни съ университетомъ, ни съ наукою, въ немъ преподаваемою».

Студенты Казанскаго университета были потрясены, узнавъ, что царевбійца находился прежде среди нихъ. Совѣтъ Казанскаго университета представилъ государю императору слѣдующій адресъ:

«Ваше Императорское Величество,

Всемилоствѣйшій Государь!

Тяжелое чувство овладѣло нами при томъ страшномъ извѣстїи, что преступникъ, поднявшій святотатственную руку свою на священную особу вашего императорскаго величества, былъ прежде студентомъ Казанскаго университета. Мысль, что онъ когда-то находился подъ свѣтѣю университета, что онъ позорилъ его своимъ присутствїемъ—глубоко печалитъ сердца наши, и мы дерзаемъ выразить предъ лицомъ вашего императорскаго величества эти невыносимо тяжелыя чувства, дерзаемъ повергнуть къ престолу вашему нашу скорбь.

Всемилоствѣйшій государь! По слову апостола, «отъ насъ изведоша, но не бѣша отъ насъ» (Іоан. посл. 1, 2, 19), преступникъ не могъ имѣть и не имѣлъ ничего общаго ни съ университетомъ, ни съ наукою, въ немъ преподаваемою. Его мрачное дѣло созрѣло для насъ неизвѣстнымъ, намъ непонятнымъ образомъ. Его кратковременное пребываніе у насъ не оставило ни памяти, ни слѣдовъ въ университетѣ. Онъ не хотѣлъ учиться у насъ. Спрошенные нами бывшіе товарища его, не имѣвшие съ нимъ, по выходѣ его изъ Казанскаго университета, никакихъ связей, едва помнятъ темную личность злодѣя и съ единодушнымъ отвращенїемъ думаютъ о томъ, что онъ когда-то сидѣлъ рядомъ съ ними. Недавно заявили они восторженную радость при вѣсти о чудесномъ спасенїи вашего императорскаго величества, въ искренней молитвѣ высказалось чувство, ихъ одушевляющее, ихъ глубокая преданность монарху и нераздѣльной съ нимъ Россїи.

Казанскїй университетъ, пользующїйся высочайшимъ вашимъ покровительствомъ, осмѣливается предъ лицомъ вашимъ и предъ лицомъ всей Россїи торжественно заявить, что съ царемъ, дарующимъ странѣ своей милость и правду, ведущимъ ее по пути счастья и успѣха, съ царемъ-Освободителемъ своего народа глубокою неразрывною связью любви соединенъ вѣрный ему университетъ. Безъ этого союза любовь немислимо для насъ воспитаніе молодаго поколѣнія; этотъ союзъ любви одушевляетъ трудъ нашъ».

Министръ народнаго просвѣщенїя увѣдомилъ меня, что онъ имѣлъ счастье прочесть этотъ адресъ государю императору, и что его императорское величество, «вполнѣ вѣря выраженнымъ въ адресѣ вѣрно-подданинскими чувствамъ, высочайше повелѣтъ соизволяя благодарить членовъ университета».

Гроза миновала Казанскїй университетъ, но все же оставила тяжелый слѣдъ.

27 января 1870 года я имѣлъ счастье представляться государю императору въ С.-Петербургѣ въ Зимнемъ дворцѣ и докладывать, что студенты до послѣдняго времени держали себя хорошо, спокойно, не смотря на то, что въ другихъ университетахъ были безпорядки.

Хорошо бы, замѣтилъ государь, если бы это и всегда такъ было, но вообще видна солидарность между университетами, которые дѣйствуютъ подъ вѣшнимъ вліяніемъ.

Неопровержимая правда этихъ словъ государя императора подтверждается исторіею послѣднихъ двухъ десятилѣтій нашихъ университетовъ: студенческія волненія, отъ времени до времени въ нихъ повторяющіяся,—дѣло вѣшняго вліянія, чужой враждебной воли.

Пріемъ государя былъ, какъ и въ 1865 году, привѣтливый и милостивый; но, признаюсь откровенно, я вышелъ изъ государева кабинета не съ восторгомъ, какъ выходилъ я изъ кабинета Царскаго Села въ 1865 году, но съ тяжестью на сердцѣ. Тяжело и грустно было видѣть дышавшаго такъ недавно здоровьемъ и красотой государя со ввалившимися щеками, съ потухшимъ, исполненнымъ грусти взоромъ. Видно, послѣдніе годы съ тяжелыми событіями 4 апрѣля и 25 мая (парижское покушеніе) подѣйствовали на него разрушительно; видно, тяжкія думы и, можетъ быть, бессонныя ночи тревожатъ покой благодушнаго государя.

14 января 1873 года въ университетской церкви собрались, по моему распоряженію, преподаватели и студенты университета, учителя и ученики обѣихъ гимназій и прогимназій помолиться по случаю выздоровленія государя наследника цесаревича Александра Александровича, тяжкая болѣзнь котораго повергла въ уныніе всѣхъ. Послѣ обѣдни я пригласилъ собравшихся въ церкви въ актовъ залъ прослушать народный гимнъ. Одинъ изъ студентовъ обратился ко мнѣ съ прочувствованною рѣчью, въ которой просилъ передать государю императору вѣрноподданическія сыновнія чувства студентовъ о восстановленіи драгоцѣннаго здоровья наследника цесаревича. — Отраднo, что жесткая кора, облежавшая сердце нашей учащейся молодежи, начинаетъ пробиваться, и доброе чувство, которое свойственно юности, выступаетъ наружу. Много вреда принесли нашей учащейся молодежи же - прогрессисты, старавшіеся окаменить молодые сердца и отуманить умы юношей, чтобы вѣрнѣе овладѣть ими и держать ихъ въ своихъ рукахъ. Дай Богъ, чтобы этотъ туманъ разсѣялся окончательно и чтобы сердца молодыхъ людей растворялись подъ теплымъ дыханіемъ любви къ родиѣ и сердечной преданности къ нашимъ прирожденнымъ царямъ.

Не по душѣ было заводчикамъ смуты спокойное состояніе Казанскаго университета и проявленіе въ Казанской университетской моло-

дежи патриотическихъ чувствъ. И вотъ они подумали: «Дай-ка мы поднимемъ кровавый призракъ минувшихъ дней. Авось это подѣйствуетъ, и стрясется бѣда надъ немилымъ намъ учрежденіемъ, надъ ненавистными намъ лицами. Вызовемъ-ка тѣнь Коракозова». И появляется въ нѣкоторыхъ органахъ прессы слухъ, что будто между студентами Казанскаго университета ходитъ по рукамъ принадлежавшій Коракозову и носящій его ¹⁾ собственноручную подпись анатомическій атласъ, и что этотъ атласъ изъять изъ употребленія.

25 февраля, послѣ литургій и молебствія, бывшихъ по случаю празднованія дня восшествія на престолъ государя императора Александра II (вмѣсто 19 февраля, такъ какъ 19 февраля было въ понедѣльникъ на первой недѣлѣ Великаго поста), я объявлялъ въ университетскомъ залѣ собравшимся во множествѣ студентамъ искреннюю благодарность отъ имени государя наследника цесаревича за выраженные ими 14 января вѣрнопреданническія чувства. И 25 февраля, какъ и 14 января студенты въ лицѣ одного заявили мнѣ, какъ возмутилъ ихъ распущенный нѣкоторыми газетами слухъ о томъ, что между ними, какъ святыня, сохраняется и ходитъ по рукамъ анатомическій атласъ Коракозова, что они считаютъ подобный слухъ для себя изоромъ, что они не хранили и не могли хранить атласа, принадлежавшаго безумцу, поднявшему руку на государя, что они просятъ привлечь къ отвѣтственности газету «Русскія Вѣдомости», распустившую этотъ «въ высшей степени возмутительный и крайне для нихъ прискорбный слухъ», и тѣмъ «смытъ» то «грязное пятно», которое было на нихъ положено. Я отвѣчалъ, что вполне увѣренъ, что между студентами Казанскаго университета не найдется ни одного, у кого было бы что нибудь общее съ подобнымъ Коракозову извергомъ, и обѣщалъ довести до свѣдѣнія правительства о тѣхъ истинно-сыновнихъ и вѣрноподданническихъ чувствахъ, какія питаютъ къ государю императору студенты Казанскаго университета.

На другой же день я написалъ министру народнаго просвѣщенія письмо, въ которомъ между прочимъ говорилъ: «всякимъ печатнымъ слухамъ есть и должны быть предѣлы. Слухи, кладущіе пятно незаслуженнаго позора и преступленія на цѣлое учрежденіе, по моему крайнему

¹⁾ Въ газетныхъ статьяхъ именно говорилось объ анатомическомъ атласѣ. Безъ сомнѣнія, сочинители слуха были увѣрены, что Коракозовъ былъ студентомъ медицинскаго факультета, тогда какъ онъ былъ на юридическомъ. На это противорѣчіе тогда никто не обратилъ вниманія, до того всѣ были возмущены этимъ «назвѣтомъ, по сущности своей и по гнусности цѣли, представляющимъ самую омерзительную инсинуацію», какъ выразился объ этомъ слухѣ тогдашній редакторъ «Казанскаго Биржеваго листка» профессоръ А. К. Чугуновъ. («Казанскій Биржев. Листокъ» 4 марта 1873 г. № 18).

убѣжденію, теряютъ цѣвъ обыкновенныхъ слуховъ и принимаютъ значеніе диффамаци, преслѣдуемой закономъ. А что можетъ быть оскорбительнѣе и позорнѣе для университета, какъ обвиненіе студентовъ онаго въ томъ, будто они хранятъ, какъ святиню, или даже просто какъ историческій памятникъ, атласъ, принадлежавшій царевубійцѣ, лишь потому, что на этомъ атласѣ почеркъ той руки, которая дерзнула святотатственно посягнуть на безцѣнную для каждаго русскаго жизнь нашего обожаемаго государя. Что сохраненіе подобнаго предмета, даже какъ историческаго памятника, позорно для учащейся молодежи, это ясно: хранить подобный предметъ можетъ лишь тотъ, кто хоть сколько нибудь сочувствуетъ царевубійцѣ. Но я твердо убѣжденъ, что между студентами университета не найдется ни одного, который бы сочувствовалъ этому исчадію революціонныхъ идей, этому безумному орудію столь же безумной подпольной шайки. Тяжело, крайне тяжело, что наша пресса, долженствующая быть просвѣтительницею народа, готова бросить комкомъ самой дурной грязи въ цѣлое учрежденіе. Для такого рода дѣйствій прессы я не нахожу достаточно энергическаго слова порицанія.

«Какъ профессоровъ, такъ и студентовъ Казанскаго университета не могъ не взволновать такой печатный слухъ, когда онъ дошелъ до нихъ. Обвиненіе въ нѣкотораго рода сочувствіи къ царевубійцѣ, въ сохраненіи его атласа, не говорю уже какъ святини, но какъ историческаго памятника,—такое жгучее, страшное оскорбленіе, которое невозможно вынести хладнокровно. Понятно, что студенты, возмущенные до самыхъ тайниковъ души, не могли молчать». Описавъ за тѣмъ, какъ студенты неоднократно заявляли объ этомъ проректору и наконецъ 25 февраля публично въ актовомъ залѣ заявили мнѣ, я заключилъ свое письмо такъ: «по званію попечителя, я имѣю и юридическую, и нравственную обязанность пещись о добромъ имени университета, вѣрнѣнаго моему попеченію; и потому я считаю долгомъ съ полною откровенностію донести вашему сіятельству, какъ о впечатлѣніи, произведенномъ распущенными объ атласѣ Коракозова слухами на профессоровъ и студентовъ Казанскаго университета, такъ и о томъ, что никакого атласа, принадлежавшаго Коракозову, не оказалось, и слѣдовательно никакого атласа не могло быть и изъято изъ употребленія. Я осмѣливаюсь почтительнѣйше просить ваше сіятельство возстановить честь Казанскаго университета, поруганную этимъ слухомъ. И университетъ, и я почтатъ бы себя безпредѣльно счастливыми, если бы нашъ всемогущѣйшій государь императоръ узвалъ истинныя чувства и господствующее въ настоящее время направленіе студентовъ Казанскаго университета, которые, я могу смѣло сказать, никогда не имѣли и нынѣ не имѣютъ ничего общаго съ презрѣннымъ царевубійцей».

Мнѣ неизвѣстно было, что станется съ этимъ письмомъ, но я отъ души желалъ, для пользы университета, чтобы содержаніе письма сдѣлалось извѣстнымъ государю императору: его величеству вѣроятно уже донесено о распространенномъ насчетъ Коракозовскаго атласа слухъ, и, думаю, этотъ слухъ былъ неприятенъ государю и выставилъ въ его глазахъ Казанскій университетъ не въ радужномъ цвѣтѣ.

16 марта я получилъ отъ министра народнаго просвѣщенія такую бумагу: «Представленіе вашего превосходительства отъ 26 минувшаго февраля за № 101, о появившемся въ нѣкоторыхъ газетахъ ложномъ слухѣ, что будто бы между студентами Казанскаго университета ходитъ по рукамъ атласъ Коракозова, съ собственноручною подписью его фамиліи, я вмѣлъ счастье повергнуть въ подлинникъ на всемогущѣйшее возвращеніе его императорскаго величества. Государю императору на всеподданнѣйшемъ докладѣ моемъ по сему предмету благоугодно было въ 5 день сего марта собственноручно начертать: «Желаю вѣрить благороднымъ чувствамъ Казанской молодежи». О таковой высочайшей резолюціи имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство въ отвѣтъ на представленіе ваше за № 101».

18-го марта мною объявлена студентамъ какъ благодарность государя императора за чувства, выраженные 14-го января, такъ и высочайшая резолюція на мое представленіе отъ 26-го февраля. Студенты въ почтительномъ молчаніи и съ напряженнымъ вниманіемъ выслушали какъ мое представленіе, такъ и предложеніе министра. Въ заключеніе былъ пропѣтъ русскій народный гимнь, сопровождавшійся восторженнымъ «ура».

Все окончилось благополучно, всякая тревога спала съ сердца, все повидимому улеглось, успокоилось. На долго-ли?

III.

Лѣтомъ 1874 года проявились и у насъ слѣды политической пропаганды. У студента третьяго курса медицинскаго факультета, бывшаго воспитанника Вятской духовной семинаріи, стипендіата вятскаго земства О—ва сдѣланъ былъ обыскъ, найденъ складъ прокламацій возмутительнаго содержанія и захвачены счеты и документы запрещенной студенческой кассы, кассиромъ которой состоялъ О—въ. Студентъ О—въ арестованъ и исключенъ изъ университета. Обыски не остановились на одномъ О—вѣ. Въ августѣ мѣсяцѣ произведенъ обыскъ у ординарнаго профессора П—ва, затѣмъ обыскъ въ университетѣ музея и кабинета

патологической анатоміи, находящихся въ завѣдываніи профессора П—ва. Обыски эти возбудили много толковъ. Послѣ обыска у профессора П—ва въ народѣ говорили: профессора бунтуютъ, у П—ва нашли въ секретномъ мѣстѣ цѣлый сундукъ какихъ-то бумагъ, П—ва уже вывезли. Говорили, что въ университетѣ найдено два сундука съ прокламаціями, стража приставлена; что и ректоръ-то замѣшанъ, и у него былъ обыскъ; не даво, что студенты забываютъ, когда ректоръ бунтовщикъ и т. п. Эти слухи и толки были бы комичны—и только, если бы имъ не давали вѣры. Но, къ сожалѣнію, даже въ дворянскомъ клубѣ, играющемъ у насъ роль московскаго англійскаго клуба, не только вѣрятъ всѣмъ бреднямъ, но и украшаютъ оныя остроумными вариантами. Рассказываютъ, напримѣръ, что у профессора П—ва найдены карточки коммунистовъ на чердакѣ въ самомъ потайномъ мѣстѣ, что когда эти карточки были предъявлены П—ву и его женѣ, то первый сказалъ, что это не его карточки, а вторая «съ азартомъ» прибавила: «можетъ быть, вы сами (т. е. обыскивавшіе) подкинули». Въ дѣйствительности ни у профессора П—ва, ни въ музей и кабинетъ патологической анатоміи ничего не нашли, что бы могло возбудить противъ него подозрѣніе.

Обыскъ у профессора П—ва потому надѣлалъ столько шума, что произведенъ былъ въ 12 часовъ дня, на глазахъ у многочисленной толпы праздныхъ зрителей, которые такъ жадны до всякаго скандала. Къ профессору П—ву явились товарищъ прокурора, адъютантъ жандармскаго генерала, помощникъ полиціймейстера, частный приставъ, понятые. Домъ былъ окруженъ полицейскими, такъ что никого не впускали и не выпускали. Перерыто и перешарено все, осмотрѣны и обысканы всѣ уголки въ домѣ, на дворѣ, въ надворныхъ строеніяхъ, въ саду. Обыскъ продолжался 12 часовъ, а съ составленіемъ протокола 13½ часовъ. Понятно, что все это время было нравственною пыткой какъ для самого П—ва, такъ и для его семейства. Рассказываютъ, что его мать, простая, добрая старушка, напустилась на его жену:

— Ты мужа не бережешь совсѣмъ—говорила она.—Зачѣмъ ты ихъ пустила къ нему?

— Да какъ же мнѣ ихъ не пустить?

— Зачѣмъ ты мнѣ не сказала?

— Что же бы вы сдѣлали?

— Я бы всякому въ ноги поклонилась и просила бы со слезами, чтобы они оставили сына въ покоѣ.

Эти слова простой, необразованной, но любящей матери краснорѣчиво говорятъ, каково было семьѣ профессора П—ва.

Я, признаюсь, не понимаю, почему былъ избранъ такой чуть не публичный способъ обыска. Обыкновенно обыски дѣлаются такъ тихо,

что развѣ только живущіе въ томъ же домѣ узнаютъ, что обыскъ былъ. А этотъ обыскъ произведенъ въ такое время и съ такой помпой, что обратилъ вниманіе всѣхъ, живущихъ не только на этой улицѣ, гдѣ былъ домъ профессора, но и на сосѣднихъ собралъ толпу народа.

21 августа я получилъ официальное донесеніе ректора университета объ обыскахъ, произведенныхъ 12 августа у профессора П—ва, а 13 августа въ музеѣ и кабинетѣ патологической анатоміи. При донесеніи ректора приложено письмо къ нему профессора П—ва, въ которомъ подробно описывается, какъ происходилъ обыскъ. «Я, писалъ между прочимъ профессоръ П—въ, съ трудомъ могъ сдерживать негодованіе нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ, послѣ разказа о результатахъ моего обыска. Стоило большаго труда увѣрить многихъ въ искренности этого разказа: до такой степени у всѣхъ укоренилось убѣжденіе, что подобная форма дознанія примѣняется только въ случаяхъ явнаго, несомнѣннаго подозрѣнія въ тяжкомъ государственномъ преступленіи. Такъ думаетъ наша публика.

«И дѣйствительно, профессоръ университета, и, замѣчу мимоходомъ, уже 15 лѣтъ безпорочно прослужившій отечеству, есть лицо, которому вѣряется самое трудное дѣло, дѣло высшаго образованія, дѣло развитія молодежи въ самую цвѣтущую, а слѣдовательно и въ самую опасную пору жизни. Эти должности всѣми считаются самыми почетными, на нихъ всегда пріивыкли видѣть людей высокообразованныхъ, добросовѣстныхъ въ высшей степени и испытанныхъ своею безграничною преданностію дѣлу. Университетскій уставъ уволилъ имъ самыя высокія чины, а милосердіе государя императора сыплетъ на нихъ самыя лестныя награды и отличія. Понятно, что глубокое довѣріе отовсюду несетъ къ этимъ людямъ; всякій понимаетъ, что было бы почти невысказаннымъ невозможнымъ уродствомъ съ ихъ стороны злоупотреблять своимъ дѣломъ, и изъ служителей истины и свѣта сдѣлаться проповѣдниками мрака и лжи, увлекая за собою лучшія силы государства. И мы дѣйствительно видимъ цѣлыми столѣтіями совершенное отсутствіе обвиненій кого-либо изъ профессоровъ въ вышеозначенныхъ преступленіяхъ, если исключить грустныя ошибки слѣдователей, къ сожалѣнію, открываемыя иногда только позднѣйшею исторіею.

«Понятно послѣ этого, что всякое подозрѣніе такихъ людей со стороны начальства уже убѣждаетъ почти всѣхъ въ ихъ несомнѣнной преступности, и это убѣжденіе конечно должно еще болѣе усилиться, какъ скоро подозрѣніе падаетъ на лицо, уже довольно послужившее и извѣстное даже внѣ стѣнъ университета.

«Я уже не говорю, что я убить физически и нравственно, я сомнѣваюсь, чтобы мое здоровье, и безъ того, какъ всѣмъ извѣстно, крайне слабое, не было доведено этимъ до ненадѣжнаго состоянія; я не говорю

также о нравственномъ униженіи... всего этого уже поправить ничѣмъ нельзя. Но не какою въ себѣ силы и духа снова прикнаться за преподаваніе, за науку. Какимъ образомъ явлюсь я передъ студентами? Съ какими глазами я сяду на предѣдательское мѣсто въ медицинскомъ обществѣ? Не вправѣ ли будутъ многіе подумать, что я самъ былъ причиною такого явно выраженнаго подозрѣнія? Мало того, не вправѣ ли будутъ заподозрить и самую университетскую коллегію, какъ способную вмѣщать въ себѣ такихъ подозрительныхъ членовъ? А этимъ, конечно, роняется значеніе высокой университетской коллегіи и терается должное къ ней уваженіе».

Ректоръ университета заключилъ свое донесеніе такъ: «Поэтому, побуждаемый долгомъ службы донести о вышеизложенномъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ считаю своею священною обязанностию просить ваше превосходительство о принятіи всѣхъ зависящихъ отъ васъ мѣръ къ поддержанію достоинства университета, ходатайствовать о возможно скорѣйшемъ обнаруженіи поводовъ, вызвавшихъ обыскъ и доселѣ тщательно скрываемыхъ отъ университета лицами, производившими дознаніе, и объ избавленіи такимъ образомъ университета отъ нравственной пытки, которую онъ теперь выдерживаетъ, будучи при этомъ поставленъ въ совершенную неизвѣстность относительно значенія совершившагося факта.

«Совѣтъ университета, имѣя въ виду, что допущенный способъ производства обыска оскорбляетъ университетъ, роняетъ его авторитетъ, унижаетъ достоинство профессора, имѣя при этомъ потрясающее нравственное значеніе, единогласно опредѣлилъ: просить ваше превосходительство довести объ этомъ до свѣдѣнія господина министра народнаго просвѣщенія и ходатайствовать передъ его сіятельствомъ какъ о возстановленіи чести университета и г. профессора П—ва, такъ и объ огражденіи университета и его членовъ на будущее время отъ возможности повторенія такого образа дѣйствій слѣдователей».

Впослѣдствіи мнѣ стало извѣстнымъ, что произведенъ былъ обыскъ у профессора П—ва не безъ основанія. Когда у студента О—ва найденъ былъ складъ прокламацій возмутительнаго содержанія, казанскій полиціймейстеръ предъявилъ прокурору и жандарскому генералу письмо профессора П—ва къ нему, полиціймейстеру, въ которомъ профессоръ, за мѣсяцъ до ареста студента О—ва, рекомендовалъ этого студента, какъ самаго благонадежнаго человѣка. Это рекомендательное письмо, по дѣлу совершенно частнаго характера, не имѣющему ничего политическаго, показывало явно нѣкотораго рода, какъ бы особенно-интимныя отношенія между профессоромъ П—мъ и студентомъ О—мъ. Когда О—въ былъ арестованъ, возбудилось подозрѣніе и противъ профессора П—ва. Всему виною излишняя гуманность и излишняя поблажка студентамъ, излишнее фамиллярничанье съ ними профессоровъ, вошедшее

въ 1860 годахъ, съ того времени, когда студенты стали дѣйствовать скопомъ, сходками, и когда (къ чему скрывать истину?) профессора стали побаиваться студентовъ и заискивать ихъ расположенія.

Подозрѣнія претивъ профессора П—ва не оправдались; даже такой тщательный во всё подробности вникавшій обыскъ ня съ чему не привелъ, и ничего предосудительнаго найдено не было.

Мое донесеніе объ обыскѣ, произведенномъ у профессора П—ва, было принято къ сердцу министромъ народнаго просвѣщенія, графомъ Д. А. Толстымъ,—и все, что можно было сдѣлать, было сдѣлано. Честь Казанскаго университета и профессора П—ва осталась незапятнанною. Но обыски и аресты въ губерніяхъ казанскаго учебнаго округа продолжались, и лѣто 1874 г. не представляло удобствъ для ученыхъ изысканій. Приватъ-доцентъ Казанскаго университета И. Н. Смирновъ ѣздилъ для производства магнитныхъ наблюденій; и его самого, и его инструменты неоднократно обыскивали, думая найти прокламаціи. Въ Московской губерніи одинъ полицейскій чиновникъ безцеремвенно спросилъ его: — Кто ты такой?

Тяжелое было время! А кто виною такого крайне натянутого положенія? Низкіе агитаторы, желающіе въ мутной водѣ рыбу ловить. Крамола старалась проникнуть даже въ среду воспитанниковъ средних учебныхъ заведеній. Ученикъ симбирской гимназіи А—въ получилъ по почтѣ письмо и при немъ прокламаціи. Все присланное онъ немедленно представилъ начальству. Въ письмѣ неизвѣстный корреспондентъ, восхваляя умъ и способности А—ва, приглашалъ его принять участіе въ низверженіи правительства. Крамола проникала даже въ семейства лицъ, которые, по долгу службы, должны преслѣдовать неблагонадежныхъ. Въ Оренбургѣ гимназистъ О—въ былъ втануть въ подпольную шайку женою тамошняго жандармскаго полковника Г—ва. Въ Самарской и Саратовской губерніяхъ, лѣтомъ 1874 года нерѣдко на поляхъ и лугахъ появлялись одѣтые въ крестьянское платье незнакомые люди, говорившіе простонароднымъ языкомъ несвойственныя крестьянину рѣчи. Эти люди то смѣшивались съ восцами и рабочими и за работой вели съ крестьянами бесѣду, то зажигали по близости работающихъ поселянъ костеръ, усаживались вокругъ него, пѣли революціонныя пѣсни, рассказывали возбуждающія исторіи, раздавали даромъ книги протвууправительственнаго содержанія. Крестьяне обыкновенно тотчасъ смекали, что это не ихъ братья крестьянныя, что это подозрительные люди, и частью сами хватали ихъ, частью передавали полученное и слышанное отъ нихъ священнику и спрашивали у него совѣта, какъ имъ поступить. Эти расхаживающіе по селамъ и весямъ нашего обширнаго края проповѣдники мнимой свободы и неосуществимаго равенства, провозглашая безначаліе, полное равенство лицъ и

нмущества, не забываютъ себя. Они внушали, между прочимъ, народу, что ему придется устраивать свой бытъ на новыхъ началахъ и, конечно, сперва будетъ трудно, но найдутся-де люди, которые могутъ ему помочь въ дѣлѣ переустройства быта и показать ему путь; эти люди, хотя и молодые, но опытные, умные, любящіе народъ, желающіе ему блага и т. п.—словомъ, еще ничего не видя, русскіе Раули Риго рекомендовали себя въ пѣстуны и руководители обманываемаго имъ народа. А если, отъ чего Боже сохрани, хоть на нѣсколько дней, хоть на одномъ маленькомъ клочкѣ Русской земли, они забрали бы власть въ свои руки, то изъ пѣстунонъ и благодѣтелей они, навѣрно, превратились бы въ тирановъ, деспотовъ и палачей и, вмѣсто обѣщанныхъ свободы и равенства, сковали бы народу самыя тяжкія оковы и властвовали бы надъ поработченными. Я твердо вѣрую, что милосердный Богъ не допуститъ нашей свято-Русской земли до такихъ ужасовъ, что Онъ сохранитъ намъ нашихъ прарожденныхъ Божіею милостію государей, которые ведутъ Россію шагъ за шагомъ къ дѣйствительной разумной свободѣ, путемъ распространенія солиднаго просвѣщенія и путемъ другихъ благотворныхъ реформъ.

Замѣчательно, что крамола свила свое гнѣздо въ самое мирное, благодушное царствованіе, изготавляла взрывчатые снаряды во время самыхъ великихъ, благодѣтельныхъ реформъ, покрывшихъ славою имя Александра II не только въ Россіи, но и въ иностранныхъ земляхъ. Въ то самое время, когда въ славящейся своимъ политическимъ устройствомъ Англіи съ восторженными оваціями принимаютъ нашего государя, не какъ отца великой княжны, вышедшей замужъ за англійскаго принца, но какъ Царя-Освободителя и просвѣтителя своего народа, въ то самое время въ нѣдрахъ Россіи мятежные крамольники мечтаютъ поднять народъ противъ такого государя революціонными пѣснями, прокламаціями и тенденціозными сказками. Что это, какъ не безуміе?

П. Д. Шестаковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ характеристикѣ графа Я. И. Ростовцева.

Въ 1857 году, во время представленія ординарцевъ на одномъ изъ разводовъ, кадетамъ было командовано составить ружья. Исполнивъ эту команду, кадеты заговорили, поднявъ замѣтный шумъ, что не ускользнуло отъ вниманія императора Александра II, сдѣлавшаго по этому поводу замѣчаніе генераль-адъютанту Ростовцеву. Послѣдній, крайне раздосадованный оплошностью кадетъ, объявилъ тутъ же строгій выговоръ случившемуся ближе другихъ директору Павловскаго кадетскаго корпуса генераль-лейтенанту Мейндеру, хотя на мѣстѣ находились другіе начальники, старше его и болѣе отвѣтственные за происшедшій беспорядокъ. Но затѣмъ, успокоившись и сознавъ допущенную сгоряча несправедливость, генераль-адъютантъ Ростовцевъ не замедлилъ открыто заявить объ этомъ, въ приказѣ, которымъ снялъ незаслуженное порицаніе съ генерала Мейндера, принявъ на себя всю отвѣтственность за случившееся.

«Вчера, писалъ онъ ¹⁾, у развода объявилъ я г. директору Павловскаго кадетскаго корпуса, генераль-лейтенанту Мейндеру, строгій выговоръ.—Послѣдствія показали, что выговоръ этотъ совершенно незаслуженный.—Виновать не генераль-лейтенантъ Мейндеръ, а я.

«Отъ всего сердца прошу прощенія у сего достойнаго и всегда глубоко уважаемаго моего сотрудника».

Сообщилъ генер.-лейтен. В. Онопріенко.

¹⁾ Въ приказѣ по военно-учебнымъ заведеніямъ отъ 28 января 1857 г. за № 2359.

НА СЛУЖБѢ.

(Изъ личныхъ воспоминаній).

I.

Въ первомъ очеркѣ моихъ воспоминаній («На рубежѣ двухъ эпохъ»¹⁾) были довольно подробно разяснены тѣ обстоятельства и условія школьной моей поры, благодаря которымъ мнѣ пришлось практически ознакомиться съ положеніемъ крестьянъ вскорѣ послѣ освобожденія, ихъ потребностями и нуждами, а также—и составить себѣ довольно опредѣленное понятіе о подготовлявшемся польскомъ восстаніи. Это именно и побудило меня оставить школьную скамью нѣсколько даже ранѣе окончанія курса и поступить на службу по вызову генераль-губернатора сѣверо-западнаго края, графа М. Н. Муравьева. Съ согласія и по предписанію генераль-губернатора, я былъ обезпеченъ оффиціальнымъ обѣщаніемъ, что мнѣ будетъ предоставлено—какъ я и просилъ—такое мѣсто, гдѣ должность народнаго учителя соединена съ должностью волостнаго писаря, съ признаніемъ притомъ права моего на церковную проповѣдь. По началу крестьянскаго управленія, такое соединеніе названныхъ должностей не только не представляло затрудненій, но было даже весьма полезно, упрощая и облегчая процедуру открытія народныхъ школъ. Но, пока я успѣлъ проѣхать отъ Витебска до Вильны, участь моя кореннымъ образомъ измѣнилась: меня ждало въ Вильнѣ назначеніе старшимъ учителемъ Дисненскаго приходскаго училища. Такимъ образомъ, вмѣсто того скромнаго, совершенно оригинальнаго положенія въ сельской глуши, о которомъ я мечталъ,—оказалась казенная служба

¹⁾ См. № 3 и 4 «Русской Старины», 1896 г.

по министерству народнаго просвѣщенія, о чемъ я вовсе даже и не помышлялъ.

Дисненское двухклассное приходское училище было основано на средства, пожертвованыя мѣстнымъ магнатомъ Домейко, а потому и называлось всѣми на мѣстѣ не иначе, какъ «дворянскимъ училищемъ». Дѣйствительно, черезъ него, въ теченіе длиннаго ряда поколѣній прошло не мало мѣстныхъ дворянскихъ дѣтей, изъ которыхъ часть переходила потомъ въ другія учебныя заведенія, значительное же большинство, ставши впоследствии землевладѣльцами и мѣстными чиновниками, довольствовались лишь тою школьною подготовкою, какую давала имъ названная школа. Какъ бы ни было, эта школа имѣла свою исторію, а главное—большой кругъ людей отъ отроческаго возраста до полной возмужалости, самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній, званій и состояній, которые съ гордостью говорили: «наша дворянская школа», и кровно обижались названіемъ школы «приходскою». Такое названіе, дѣйствительно, не подходило къ ней. Какъ назвать школу «приходскою», если она работала на весь уѣздъ, имѣя не менѣ половины дѣтей католическаго исповѣданія, преимущественно изъ дворянской среды, хотя были, конечно, учащіеся и изъ разныхъ другихъ сословій.

Число учащихся въ обоихъ классахъ доходило до 100 человекъ. Кромѣ старшаго учителя, былъ еще младшій и два законоучителя: священникъ и ксендзъ, такъ что фактически существовалъ даже небольшой педагогическій совѣтъ. За отсутствіемъ въ городѣ особаго школьнаго начальства, старшему-же учителю подвѣдомственны были: казенное двухклассное еврейское училище, начальная одноклассная школа и всѣ частныя школы, мужскія и женскія. Въ такомъ положеніи оставалось дѣло еще около года, когда, наконецъ, вмѣсто прежнихъ «дирекцій училищъ» (т. е. завѣдыванія всѣмъ школьнымъ дѣломъ мѣстными директорами гимназій), были учреждены особыя «дирекціи народныхъ училищъ», со спеціальными инспекторами.

Такимъ образомъ старшій учитель двухкласснаго училища находился въ положеніи начальника школьнаго дѣла въ мѣстномъ уѣздномъ городѣ и имѣлъ замѣтное общественное положеніе. Это обстоятельство, въ прежнее время, давало возможность стариннымъ «служакамъ» извлекать значительныя матеріальныя выгоды изъ этого скромнаго общественнаго положенія. Получая, напримѣръ, лишь около 200 руб. жалованья въ годъ, нѣкоторые изъ нихъ умудрялись наживать дома и даже помѣстья. Это объясняется, во-первыхъ, «добровольными приношеніями» родителей учащихся,—что считалось всѣми обязательнымъ, несмотря на безплатность обученія; во-вторыхъ, необычайною щедростью родителей на всевозможныя подачки за дѣтей, отдаваемыхъ на житье учителю. Но едва-ли не самую доходною статью была вы-

дача свидѣтельствъ разнымъ молодымъ людямъ о знаніи ими курса училища. Эти молодые люди, получившіе такъ называемое «домашнее образованіе» (т. е. — никакого школьнаго), обыкновенно, по приближеніи къ 20-ти-лѣтнему возрасту, обращались въ училище, — и оно выдавало имъ свидѣтельства, какъ выдержавшимъ, будто бы, окончательный экзаменъ въ немъ, которому однако, въ дѣйствительности, они даже и вовсе не подвергались. За это взималась различная плата, въ зависимости отъ матеріальнаго положенія желающаго получить свидѣтельство, но во всякомъ случаѣ ни какъ не менѣе 25-ти рублей.

Я вступилъ въ училище въ маѣ 1864 года, т. е. въ исходѣ учебнаго года. Ко мнѣ адресовалось десятка полтора лицъ, желавшихъ получить свидѣтельства, но между ними не было буквально ни одного, который желалъ бы подвергнуться дѣйствительному экзамену. «Помилуйте, да какой-же экзаменъ? съ какой стати экзаменъ, если я могу уплатить, сколько требуется?» — отвѣчали обыкновенно добивавшіеся свидѣтельствъ. Это были писаря разныхъ уѣздныхъ управленій, письмоводители частныхъ конторъ, лицъ и «экономій» (хозяйственныхъ управленій); особенно-же много было между ними ищущихъ мѣстъ волостныхъ писарей.

Первое, что особенно рѣзко бросилось мнѣ въ глаза, когда я переступилъ порогъ своего училища, это — необыкновенное обиліе повсемѣстно расклеенныхъ печатныхъ объявленій чуть не аршинными буквами, гласившихъ: «Г о в о р и т ь п о - п о л ь с к и строго воспрещается». Справедливость, однако, требуетъ сказать, что въ Диснѣ и Дисненскомъ уѣздѣ «отбой» относительно польской рѣчи былъ сдѣланъ значительно даже ранѣе появленія указанныхъ объявленій. Провозшло это, можно сказать, само собою. Такъ какъ весь сѣверо-западный край былъ на военномъ положеніи, то въ Диснѣ и его окрестностяхъ былъ расквартированъ одинъ изъ армейскихъ полковъ, причѣмъ полковой его командиръ, полковникъ Даниловъ, былъ воинскимъ начальникомъ, т. е. главою и правителемъ уѣзда. Это былъ человекъ строгихъ правилъ, твердой воли, но высокогуманный и справедливый. Зорко и энергически руководимое имъ военное управленіе въ уѣздѣ, явно направленное къ огражденію порядка и безопасности каждаго и всѣхъ безъ исключенія, быстро снискало ему общую любовь и уваженіе всего населенія въ уѣздѣ, безъ различія національностей.

Хорошо направленная военная среда, скромная, серьезная, не кутившая, не бушевавшая сыграла весьма почтенную роль въ жизни мѣстнаго населенія. Военные люди быстро стали любимыми членами мѣстнаго общества, или иначе — послужили началомъ и основой для образованія здѣсь впервые характерно-русскаго обще-

ства. Буквально самъ собою, безъ всякой пропаганды, произошелъ замѣчательный поворотъ. Польская рѣчь быстро ступевалась, а затѣмъ— и окончательно затихла. Люди, упорно уклонявшіеся прежде отъ употребленія русскаго языка, добровольно старались теперь сдѣлать его своимъ языкомъ, чтобы не отстать отъ общаго потока мѣстной жизни, имѣвшаго опредѣленно-русское направленіе, совершенно чуждое, конечно, какого-бы то ни было насилія, нетерпимости, замкнутости, изолированности и проч. Напротивъ, здѣсь происходило даже и полное слияніе. Офицерство охотно женилось на хорошевыкихъ мѣстныхъ полькахъ и литвинкахъ, обладавшихъ недурнымъ состояніемъ. Это не только сближало между собою національности, долго сторонившіяся прежде другъ друга, но способствовало даже и установленію кровно-родственныхъ и искренно-дружественныхъ отношеній, основанныхъ на взаимномъ уваженіи.

Вообще-же, въ районѣ уѣзда царило замѣчательно мирное настроеніе. Рѣшительно никому не приходило даже и въ голову «тащить и не пущать», «улавливать» и «искоренять польскую крамолу», которой нигдѣ и не проявлялось. Вѣсти о возстаніи и сопровождавшихъ его передрягахъ въ другихъ мѣстахъ, словно эхо прокатывались по уѣзду и, такъ-сказать, расплывались въ мѣстномъ общественномъ мнѣніи, безъ всякаго слѣда. Напротивъ, какъ бы именно подъ вліяніемъ этихъ «вѣстей», въ мѣстномъ обществѣ явственно росло стремленіе ко всему русскому. Вотъ факты.

Въ томъ самомъ училищѣ, гдѣ господствующимъ языкомъ всегда былъ только польскій, гдѣ почти даже всѣ книги, журналы и списки учащихся велись по-польски, въ первый-же годъ моего пребыванія въ училищѣ проявился такой значительный наплывъ желающихъ учиться «непремѣнно по-русски», что я не могъ принять въ оба класса даже и половины ихъ,—о чемъ немедленно-же сообщилъ по начальству. Мнѣ скорѣ-же официально отвѣтили, что, въ виду наплыва учащихся, училище зачислено въ ближайшую очередь для преобразованія въ уѣздное, и поручили послѣдовательно готовить его къ этому. Вѣсть эта съ восторгомъ была встрѣчена какъ въ городѣ, такъ и въ уѣздѣ всѣмъ русскимъ и польскимъ населеніемъ, осаждавшимъ меня цѣлыми толпами.

Но училище предназначалось только для мальчиковъ; между тѣмъ и женская половина дѣтей такъ-же проявляла стремленіе учиться, такъ что на меня положительно со всѣхъ сторонъ сыпались предложенія частныхъ уроковъ дѣвочкамъ. Въ виду этого, въ сентябрѣ 1864 года, менѣ чѣмъ черезъ полгода послѣ приѣзда въ Дисну, я вынужденъ былъ открыть при училищѣ такъ называемую «женскую смѣну», т. е. правильное, ежедневное, систематическое школьное занятіе съ

дѣвочками, послѣ ухода мальчиковъ, совершенно бесплатно. Сдѣлано это было по соглашенію съ младшимъ учителемъ и законоучителями; но такъ какъ это былъ только опытъ, проба, то о немъ и не доводилось пока до свѣдѣнія учебной администраціи, въ ожиданіи, чѣмъ именно и какъ заявить себя это новое дѣло. Результатъ оказался вполне благопріятнымъ. Мѣстное общество такъ сочувственно отнеслось къ этому скромному начинанію, что у возникающей школы на первыхъ-же порахъ оказалось достаточно матеріальныхъ средствъ, чтобы пригласить особую классную даму и завести обученіе дѣвочекъ руководѣльнымъ работамъ. Отъ ученицъ положительно отбою не было, причемъ значительно преобладали именно католички, которымъ негдѣ было учиться русскому языку.

Словомъ, эта маленькая школка, не имѣвшая еще ни устава, ни опредѣленнаго бюджета, ни достаточно разработанной программы преподаванія, вызвала къ себѣ такое вниманіе и сочувствіе со стороны мѣстнаго общества и администраціи, что не успѣлъ я еще представить по начальству достаточно полныхъ свѣдѣній о жизни и дѣятельности этого новаго учрежденія, какъ въ мартѣ 1865 года была уже официально объявлена мнѣ благодарность за него отъ имени главнаго начальника сѣверо-западнаго края графа М. Н. Муравьева, и попечителя виленскаго учебнаго округа, И. П. Корнилова.

Почти одновременно съ открытіемъ «женской смѣны», именно въ виду рѣзко бывшаго въ глаза запроса на все русское, я, опять-таки въ видѣ опыта, открылъ, за свой личный страхъ и рискъ, при училищѣ продажу книгъ. Учебная администрація округа не замедлила одобрить и энергически поддержать этотъ начинъ, такъ что при училищѣ образовался складъ для продажи книгъ, картинъ изъ св. писанія, образовъ, крестиковъ и проч., словомъ—тѣхъ именно предметовъ, которые такъ необходимы простому люду, съ такими затрудненіями проникають въ его среду и притомъ по возмутительно высокой цѣнѣ.

И не однимъ только этимъ скромная двухклассная школа небольшого уѣзднаго городка оказывала посильное вліяніе на гуманное насажденіе русскаго начала, русской гражданственности: школа эта не лишена была также вліянія на поддержаніе и развитіе общественности въ мѣстной средѣ. Такъ, напримѣръ, именно при школѣ образовался кружокъ любителей пѣнія, въ составъ котораго входили люди военные, судебного вѣдомства и проч. Изъ этого кружка, подъ руководствомъ мѣстнаго уѣзднаго судьи, Браиловскаго, какъ знатока пѣнія, и при участіи учащихся и учащихъ въ школѣ, образовался хоръ. Любители, несмотря на обиліе прямыхъ своихъ служебныхъ обязанностей, отдавали, однако, этому дѣлу не мало времени, незамѣтно сближаясь между собою, и еще больше не жагѣли труда для регулярнаго участія въ бо-

гослуженіи, ставъ такимъ образомъ доступными мѣстному обществу и способствуя до нѣкоторой степени объединенію его. Именно, напримѣръ, подъ влияніемъ хора, довольно значительный слой православнаго населенія, издавна усвоившій обыкновение ходить въ богатый мѣстный костелъ, ради превосходнаго его органа, рѣшительно отклониуль отъ костела и переполняль собою православный храмъ.

II.

Этотъ бѣглый перечень фактовъ самъ собою доказываетъ, какъ просто и легко дѣлалось дѣло. Достаточно, если у кого-либо являлась дѣльная, практическая мысль, несомнѣнно представлявшая жизненный интересъ, — осуществленіе-же ея можно было считать обезпеченнымъ: для всякаго новаго почина, сами собою какъ-то являлись и безкорыстные пособники, и средства. Это свидѣтельствуетъ о высокой степени возбужденія общественнаго вниманія къ мѣстной дѣятельности и о сознательномъ направленіи общества, въ смыслѣ естественнаго насажденія русской гражданственности и національности въ указанной мѣстности.

Я съ удовольствіемъ вспоминаю объ этой порѣ, какъ знаменательнѣйшемъ просвѣтѣ въ русской жизни, когда такъ ясенъ и мощенъ былъ призывъ къ національной нашей самодѣятельности, — когда такъ много было общественнаго дѣла и такъ спорилась работа...

Возвращаясь къ своему маленькому дисненскому дѣлу, долженъ сказать, что участники его были буквально завалены прямыми своими обязанностями, до такой степени заполнявшими все ихъ время, что положительно не оставалось мѣста картамъ, полойкамъ, пирушкамъ и проч. Мы хотя и радушно встрѣчались другъ съ другомъ, но, въ общемъ, видѣлась рѣдко, почти исключительно по дѣлу. Это однако не мѣшало дѣятельному обмѣну нашихъ мнѣній, пониманію нами другъ друга, взаимной поддержкѣ и помощи въ новыхъ начинаніяхъ. Маленькія-же начинанія эти, не лишеныя однако серьезнаго общественнаго значенія, слѣдовали другъ за другомъ непрерывною чередою именно потому, что причастныя къ этимъ начинаніямъ лица находились между собою въ оживленныхъ сношеніяхъ.

Какъ только, напримѣръ, успѣла оформиться немного дѣятельность «женской смѣны» и «книжнаго склада», — возникла мысль о необходимости воскресной школы, долженствовавшей работать въ двухъ направленіяхъ: во-первыхъ, обучать грамотѣ взрослое населеніе; во-вторыхъ,

распространять въ рабочей средѣ полезныя знанія, посредствомъ популярныхъ чтеній и устныхъ бесѣдъ. Съ другой-же стороны, явный успѣхъ сбыта русскихъ книгъ, а въ связи съ этимъ и очевидно проявившійся въ мѣстномъ обществѣ запросъ на чтеніе—сама собою указывали на необходимость общественной библіотеки. Наконецъ, видимо развивавшееся и упрочивавшееся сближеніе русскаго населенія съ польскимъ прямо-таки требовало устройства общественнаго собранія, для совмѣстнаго времяпрепровожденія въ бесѣдахъ, чтеніяхъ и развлеченіяхъ. Нѣсколько увеселительныхъ вечеровъ, устроенныхъ, въ видѣ опыта, офицерами въ помѣщеніи училища, были приняты съ восторгомъ всѣми слоями общества, и имѣли прямо-таки поразительный успѣхъ. Это окончательно укрѣпило мѣстное общество въ сознаніи необходимости общественнаго собранія.

Обо всѣхъ только-что перечисленныхъ мѣропріятіяхъ было освѣдомлено мѣстное начальство, серьезно сочувствовавшее имъ и торопившее практическое ихъ осуществленіе. И дѣло постепенно подвигалось впередъ. Въ отношеніи воскресной школы, напримѣръ, было открыто обученіе грамотѣ взрослыхъ и шли подготовленія къ устройству чтеній и бесѣдъ. Въ полковой библіотекѣ, очень обширной, довольно древняго происхожденія, шла энергическая переборка и сортировка книгъ, чтобы приспособить эту богатѣйшую сокровищницу къ удовлетворенію мѣстной общественной потребности въ чтеніи, съ предоставленіемъ притомъ за это и нѣкоторой матеріальной выгоды библіотекѣ, при безусловной, конечно, гарантіи въ отношеніи цѣлости и сохранности казенныхъ полковыхъ книгъ. Наконецъ, былъ выработанъ и проектъ устава общественнаго собранія, для котораго подыскивалось уже помѣщеніе, такъ какъ предполагалось, что, во избѣжаніе ошибокъ въ уставѣ, лучше сначала на практикѣ испробовать примѣніе выработаннаго проекта. Мѣстныя-же условія—какъ мы знаемъ уже—вполнѣ благопріятствовали такого рода предварительнымъ опытамъ въ разныхъ другихъ начинаніяхъ.

И вотъ, въ самый разгаръ такой энергической и симпатичной общественной дѣятельности, надъ городомъ стряслась жесточайшая бѣда: въ концѣ апрѣля 1865 года онъ выгорѣлъ почти до-тла. Нужно замѣтить, что городъ Дисна въ ту пору имѣлъ большія особенности. Его положеніе на полуостровѣ, при впаденіи рѣки Дисны въ Западную Двину, можно назвать прямо-таки идеальнымъ въ торгово-промышленномъ отношеніи, особенно-же въ виду близости и рѣльсоваго пути. Въ дѣйствительности-же, трудно даже представить себѣ что-нибудь ничтожѣе и неподвижѣе Дисны въ указанномъ отношеніи въ ту пору, о которой я говорю, т. е. 30-ть лѣтъ тому назадъ. Правильному развитію торгово-промышленной дѣятельности препятствовала необычайная скученность

*

въ городѣ еврейскаго населенія, захватившаго всю торговлю въ свои руки и творившаго въ ней всевозможныя несправедливости, насиліе и безобразіе возмутительнѣйшаго свойства. вмѣсто нормальнаго развитія торговли, евреи занимались только перекупомъ и перепродажею продуктовъ. Этотъ уродливый видъ торговли совершенно извратилъ даже самое значеніе городскихъ рынковъ. Евреи обманомъ, чуть не насильно, перехватывали по деревнямъ продукты, предназначенныя для городскихъ рынковъ, куда попадали уже только оборыши, да и то лишь за тѣмъ, чтобы быть купленными евреями же буквально за безцѣнокъ. Чтобы избавитися отъ еврейскаго посредничества, хозяйственнымъ горожанамъ, въ отношеніи всѣхъ продуктовъ потребленія, до дровъ в корма для скота включительно, приходилось входить въ непосредственныя сношенія съ сельскими производителями, преимущественно помѣщиками, какъ болѣе независимыми отъ евреевъ.

Впрочемъ, во время военнаго положенія, евреи нѣсколько присмирѣли: они хотъ и продолжали грабить сельскій людъ, но все-же съ нѣкоторою опаскою, безъ той уже разбойничьей наглости, которую они позволяли себѣ прежде въ отношеніи крестьянъ. Суровость военнаго положенія въ отношеніи провинившихся по части общественнаго порядка и безопасности видимо смущала евреевъ. Съ теченіемъ времени, стало невольнo бросаться въ глаза, что они проявляютъ особенную какую-то нервноcть... Невольно также обращала на себя вниманіе и та систематичность, съ которою евреи вдругъ начали страховать свои дома и другое имущество, доступное страхованію. Это продолжалось около полугода и тѣмъ рѣзче бросалось въ глаза, что остальное населеніе Дисны почти вовсе не прибѣгало къ страхованію. Наблюдая за евреями, дисненскіе «стародумы» глубокомысленно говаривали, покачивая головами: «Не къ добру это!.. Они непремѣнно затѣвають что-то недоброе!» И тутъ-же передавались слухи и толки о вывозѣ евреями своихъ товаровъ, причемъ вывозившихъ называли полными именами, съ перечисленіемъ даже и сортовъ, будто бы, вывезенныхъ товаровъ.

Но это были толки улицы и мелкихъ торговыхъ людей, а потому никто не обратилъ на нихъ должнаго вниманія, хотя обстоятельства, однако, вскорѣ же заставили горько пожалѣть объ этомъ.

Въ 1865 году Пасха была поздняя, въ исходѣ апрѣля. При наступленіи праздниковъ, городъ какъ-то разомъ опустѣлъ, потому что значительно преобладавшее еврейское населеніе куда-то исчезло. Обыкновенно евреи по праздникамъ, когда христіане вовсе не открывали своихъ торговыхъ помѣщеній, болко торговали и вообще проявляли особенное оживленіе. На этотъ-же разъ, по случаю праздника Пасхи, еврейскія торговыя помѣщенія тоже были закрыты. На улицахъ не видно было не только взрослыхъ евреевъ, но даже и ихъ дѣтей, которыми обыкно-

венно кишмя-кишѣли городскія улицы, особенно-же по праздникамъ. По этому поводу дисницы, поздравляя другъ друга съ праздникомъ, между прочимъ прибавляли и привѣтствіе съ «освобожденіемъ города отъ евреевъ». Нѣкоторые-же серьезно предлагали пари, что, если осмотрѣть торговыя помѣщенія евреевъ,—они совсѣмъ пусты.

Въ ночь съ перваго на второй день Пасхи, какъ только въ городѣ все затихло послѣ столь шумнаго и суетливаго дня, надъ городомъ разомъ выбросило громадный столбъ пламени. Загорѣлось въ центрѣ города, въ торговыхъ рядахъ, занятыхъ исключительно евреями. Загорѣлось внутри торговыхъ помѣщеній, оставшихся въ этотъ день закрытыми. Не успѣло населеніе опомниться отъ начавшагося пожара, какъ пламя вспыхнуло еще въ двухъ мѣстахъ, черезъ нѣсколько улицъ, куда, однако, въ виду совершенно тихой погоды, не могъ быть переброшенъ огонь, такъ какъ даже и въ мѣстностяхъ, болѣе близкихъ къ пожарищу, огонь не перебрасывался. Необходимо еще замѣтить, что какъ въ первомъ, такъ и въ послѣдующихъ случаяхъ, огонь вспыхивалъ сразу, такъ что, очевидно, дѣло начиналось съ горючаго матеріала. Вообще же, начало и дальнѣйшее развитіе пожара производили впечатлѣніе самаго наглаго поджога.

Городское населеніе, пораженное чуть не одновременнымъ появленіемъ пожара въ трехъ различныхъ мѣстахъ, пришло, наконецъ, въ неописанный ужасъ, когда сильно разгорѣвшееся пламя начало быстро перебѣгать съ дома на домъ, такъ что разомъ запылали цѣлые кварталы. То немногое, что удалось было спасти, дѣлалось достояніемъ пламени на городскихъ улицахъ и площадяхъ, на набережныхъ рѣкъ. Къ утру выгорѣлъ весь городъ, кромѣ зарѣчныхъ его частей, а также и той части, гдѣ были: двѣ православныя церкви, двухклассная школа, костель и нѣсколько жилыхъ помѣщеній, и гдѣ почти вовсе не было евреевъ. Остальная-же часть городского населенія осталась подъ открытымъ небомъ, безъ всякаго убѣжища, безъ пищи и одежды. Во время пожара, не мало людей лишились разсудка отъ испуга и безвозвратныхъ потерь...

Даже теперь становится жутко, когда вспомнишь это бушующее море огня, безирепатствено выбирающее себѣ новыя и новыя жертвы для уничтоженія, и эти тысячи людей всевозможныхъ возрастовъ, половъ, званій и состояній, безпомощно простирающихъ руки къ небу и не находящихъ даже словъ для выраженія своего ужаса и отчаянія. Молитвы, слезы, стоны и крики отчаянія, а также хохотъ и дикія выкрикиванія людей, обезумѣвшихъ на пожарищѣ — все это слилось въ одно и, въ свою очередь, покрывалось, заглушалось трескомъ и гуломъ пожара, разливашагося болѣе чѣмъ на версту въ длину и не менѣе версты въ ширину.

III.

Невозможно передать, какое ужасное впечатлѣніе произвела на меня почти мгновенная гибель города, въ которомъ я съ такимъ удовольствіемъ работалъ... По временамъ, въ теченіе пожара, мною овладѣвало такое отчаяніе за другихъ, что случалось даже ловить себя на желаніи броситься въ огонь, мгновенно погибнуть въ этомъ общемъ, подавляюще-большомъ людскомъ горѣ, побороть которое не было возможности...

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что во время пожара я былъ уже, такъ сказать, «отрѣзаннымъ ломтемъ» отъ Дисны, совершенно неожиданно притомъ для самого себя. Рано утромъ, въ день Свѣтлаго праздника, я получилъ «эстафету» изъ Вильны, съ извѣщеніемъ о назначеніи меня письмоводителемъ и бухгалтеромъ виленской дирекціи народныхъ училищъ, причемъ мнѣ категорически предписывалось: «немедленно отправиться къ мѣсту новаго назначенія, сдать училище младшему учителю» (т. е. своему помощнику). Это было значительное во всѣхъ отношеніяхъ повышеніе. Виленская дирекція народныхъ училищъ была первою дирекціею этого рода въ имперіи, и, по началу, дѣятельность ея распространялась на весь мѣстный учебный округъ, т. е. на слѣдующія шесть губерній: Виленскую, Ковенскую, Гродненскую, Минскую, Витебскую и Могилевскую. При готовой квартирѣ, жалованья полагалось 600 руб. въ годъ, т. е. втрое болѣе противъ того, что я получалъ въ Диснѣ. Въ числѣ мотивовъ столь экстреннаго перевода, безъ всякаго даже вѣдома съ моей стороны, указывалось между прочимъ на желаніе начальства учебного округа дать возможно большее распространеніе книжнымъ складамъ и женскимъ смѣнамъ во всѣхъ шести губерніяхъ, составляющихъ виленскій учебный округъ.

Словомъ, несомнѣнно было серьезное вниманіе начальства къ моимъ скромнымъ начинаніямъ; тѣмъ не менѣе этотъ быстрый, неожиданный переводъ, въ формѣ «предписанія», къ «немедленному» притомъ исполненію, т. е. безъ всякой надежды на отміну его, крайне изумилъ и взволновалъ меня. Я не имѣлъ ни малѣйшаго повода сомнѣваться, что меня никто не хотѣлъ обидѣть; тѣмъ не менѣе мнѣ до боли было жаль моего скромнаго учительства, въ отношеніи котораго у меня были свои кое-какіе планы и цѣли, напримѣръ, по преобразованіи двухкласснаго училища въ уѣздное, обратить женскую смѣну въ самостоятельное учебное заведеніе, распространить дѣятельность книжнаго склада на весь уѣздъ и проч. Я тѣмъ смѣлѣе былъ въ своихъ расчетахъ на будущее, что мнѣ дано было право рассчитывать на занятіе мѣста смотрителя, когда послѣдуетъ преобразованіе училища въ уѣздное.

Въ виду-же перевода, меня страшила новизна дѣла и довольно значительная сложность его. Тѣмъ не менѣе, именно на слѣдующій-же день послѣ пожара, я вынужденъ былъ покинуть Дисну и отправиться въ Вильну, совершенно разбитый физически и нравственно.

Въ ту пору виленскій учебный округъ можно было назвать безусловно передовымъ въ просвѣтительномъ отношеніи вообще и народно-образовательномъ въ особенности. И не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что именно этимъ и были положены самыя лучшія основы обрусѣнія этого края, въ смыслѣ естественнаго видѣренія въ населеніи русскихъ понятій и воззрѣній, вкусовъ и потребностей, на условіяхъ добровольнаго, сознательнаго усвоенія ихъ населеніемъ. Учебный округъ выдвигалъ одну за другою новыя и новыя мѣры, съ цѣлію распространенія и углубленія просвѣтительнаго дѣла въ краѣ; высшая-же администрація края, съ своей стороны, относилась къ этому почину съ вниманіемъ и сочувствіемъ; вслѣдствіе именно этого, въ названномъ учебномъ округѣ одно за другимъ слѣдовали нововведенія капитальнѣйшаго свойства. Какъ было сказано уже, тамъ открыта первая въ имперіи дирекція народныхъ училищъ, а также—и первая учительская семинарія. Тамъ получила начало довольно широкая организація на мѣстахъ книжныхъ складовъ при школахъ, и довольно быстро стали открываться женскія смѣны, вмѣщая въ себѣ нерѣдко довольно крупныя десятки учащихся дѣвочекъ въ возрастѣ до 16-ти лѣтъ. Поднять былъ вопросъ объ организаціи ежегодныхъ сѣздовъ народныхъ учителей, о чемъ въ ту пору вовсе даже не было и мысли во всей остальной Россіи, такъ какъ въ возникавшихъ земскихъ учрежденіяхъ только еще зарождалась мысль о народномъ образованіи, всѣ-же другія школы существовали, вообще говоря, только номинально. Но такъ какъ, въ виду общаго положенія сѣверо-западнаго края, организація обширныхъ сѣздовъ оказывалась неудобною,—пришлось ограничиться частными объединеніями учителей, съ цѣлію совмѣстнаго обсужденія и рѣшенія ими разнаго рода вопросовъ по народно-образовательному дѣлу, тогда впервые нарождавшемуся у насъ и развивавшемуся въ указанномъ краѣ, при замѣчательно благоприятныхъ условіяхъ въ томъ отношеніи, что учебному начальству была предоставлена большая самостоятельность, которую оно умѣло разумно дѣлиться со своими подчиненными. Дѣло успѣшно развивалось именно потому, что всякій разумный починъ находилъ немедленную санкцію на мѣстѣ, безъ всякой проволочки. Въ видѣ примѣра, можно указать на то, что именно въ виленскомъ учебномъ округѣ впервые возникли были ре а л ь н ы я г и м н а з і и, сразу получившія хорошую постановку и завоевавшія большую симпатію у мѣстнаго общества. Съ другой стороны, дирекція народныхъ училищъ была предоставлена полная свобода какъ въ отношеніи выбора

всего, необходимаго ей, служебнаго персонала, включительно до народных инспекторовъ и громаднѣйшаго штата учителей, такъ и въ отношеніи выбора и приобрѣтенія всего того учебнаго матеріала, который былъ необходимъ для начальныхъ школъ учебнаго округа (шести губерній) и учреждавшихся тамъ книжныхъ складовъ, а также—и для вновь открывавшихся тамъ женскихъ смѣнъ, безъ всякаго спеціального узаконенія по этому предмету.

Отрадно вспомнить о той горячей порѣ искренно-увлеченной дѣятельности по народному образованію въ сѣверо-западномъ краѣ. Это былъ единственный случай въ моей жизни, когда мнѣ довелось быть непосредственнымъ свидѣтелемъ и даже до нѣкоторой степени участникомъ въ такой школьной работѣ, въ которой главнымъ двигателемъ и факторомъ являлось изумительно дружное единеніе и солидарность между всѣми участниками этой работы, полной значительной доли даже творчества, начиная съ бывшаго тогда попечителя учебнаго округа, Ив. Петр. Корнилова и кончая послѣднимъ народнымъ учителемъ. Это было едва-ли не единственныи моментъ во всей исторіи русскаго школьнаго дѣла, когда не только форменная одежда министерства народнаго просвѣщенія считалась лучшимъ украшеніемъ и пользовалась большою любовью и уваженіемъ общества, но даже и такіе скромные труженники, какъ сельскіе учителя, въ виленскомъ по крайней мѣрѣ округѣ, удостоивались общаго вниманія. Это обусловливалось исключительно тѣмъ, что всѣмъ народнымъ учителямъ былъ открытъ свободный доступъ лично и письменно не только къ директору народныхъ училищъ, но и къ попечителю учебнаго округа, такъ что всякое заявленіе ихъ немедленно разсматривалось, всякая законная просьба удовлетворялась. Рука директора народныхъ училищъ и рука попечителя округа радушно протягивалась народному учителю не только въ четырехъ стѣнахъ школы и кабинета, но и публично, не исключая даже самыхъ торжественныхъ случаевъ,—и сельскій учитель не чувствовалъ себя затеряннымъ, изолированнымъ отъ остальнаго общества, а тѣмъ болѣе—отверженнымъ: всѣ относились къ нему, не какъ къ парію, а какъ къ общественному дѣятелю и признавали его именно таковымъ.

IV.

Какъ только я окунулся въ атмосферу виленскаго учебнаго округа, разомъ отрезвѣлъ отъ того ужаснаго нравственнаго гнета, въ которомъ находился все время въ пути, подъ вліяніемъ жестокихъ пожарныхъ

впечатлѣній. Во всю дорогу, было-ли то на почтовой телегѣ, или въ жалѣзно-дорожномъ вагонѣ, днемъ или ночью, — у меня неотступно стояло передъ глазами—все равно, были-ли они открыты, или закрыты—цѣлое море огня, а въ ухахъ—несмолкающій адскій шумъ отъ пожара, съ примѣсью воплей отчаянія, стоновъ, мольбы, проклятій и проч. Я былъ нравственно поработченъ этимъ страшнымъ впечатлѣніемъ, находился въ какомъ-то оцѣпенѣніи и никакъ не могъ отрѣшиться отъ него, такъ что у меня закрадывалась страшная мысль, что я теряю рассудокъ. Но первый-же мой визитъ по начальству, по прїѣздѣ въ Вильну, достаточно уже отрезывалъ меня, вдохнулъ въ меня бодрость и силу.

Все мое начальство, начиная съ добрѣйшаго директора народныхъ училищъ Алексѣя Ивановича Садокова и кончая попечителемъ виленскаго учебнаго округа Иваномъ Петровичемъ Корниловымъ, оказалось прїятливымъ и обходительнымъ, а главное—проникнутымъ любовью къ дѣлу народнаго образованія и искреннимъ желаніемъ работать и работать въ этомъ направленіи во что бы то ни стало. Первая-же бесѣда съ этими простыми, умными, искренними людьми была уже для меня своего рода школою жизни.

Между тѣмъ скромнымъ служебнымъ мѣстомъ, которое выпало на мою долю въ Вильнѣ, и позицію попечителя учебнаго округа—«дистанція громаднаго размѣра». Естественно поэтому, что я вовсе не предполагалъ идти къ попечителю учебнаго округа, считалъ это даже прямо такъ неудобнымъ; но мое ближайшее начальство дало мнѣ понять, что это—«безусловно обязательно» для меня. И я былъ несказанно изумленъ и восхищенъ почти часовою бесѣдою съ попечителемъ. Это былъ превосходный администраторъ по учебной части, до мелочей слѣдящій за своимъ дѣломъ и съ любовью вникающій въ каждую частности. Въ немъ такъ рельефно выступалъ великій русскій патриотъ, прекрасно знающій исторію сѣверо-западнаго края, до страсти интересовавшійся его древностями и остроумно истолковывавшій ихъ значеніе въ мѣстной жизни, въ исторіи края.

Эта высокопоучительная для меня въ ту пору бесѣда съ И. П. Корниловымъ и до сихъ поръ еще не утратила въ моей памяти своей яркости и душевной теплоты, которою была проникнута.

Особенно-же я былъ обрадованъ неожиданнымъ открытіемъ въ Вильнѣ существованія прекраснаго кружка педагоговъ, т. е. кружка людей, разумно направленныхъ, дѣльныхъ и просвѣщенныхъ, преданныхъ учебно-воспитательному дѣлу и знающихъ его. Меня ввели въ этотъ частный кружокъ вскорѣ-же послѣ прїѣзда,—и я сразу почувствовалъ его идейность и достоинство, съ которымъ онъ поддерживалъ русское начало въ краѣ. Центромъ, душою этого кружка былъ

Василій Петровичъ Кулиня, состоявшій тогда окружнымъ инспекторомъ; ему много помогала въ этомъ и жена его, Юлія Александровна. Этихъ людей знали почти всѣ служившіе въ виленскомъ учебномъ округѣ, такъ какъ почти всѣмъ имъ пришлось побывать въ домѣ Кулиныхъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, и обязательно вынести оттуда теплое, бодрящее, а то—и прямо-таки вдохновляющее впечатлѣніе.

Довольно усерднымъ посѣтителемъ этого кружка, запросто собиравшагося у Кулиныхъ вечеромъ по субботамъ, былъ и И. П. Корниловъ. Здѣсь онъ съ величайшимъ тактомъ держалъ себя первымъ между равными, внося большое оживленіе своимъ всегданокреннимъ увлеченнымъ собесѣдованіемъ; своимъ же личнымъ вліяніемъ, высокимъ благородствомъ и достоинствомъ онъ, черезъ посредство кружка, особенно много способствовалъ довольно дружному и солидарному объединенію между собою разнообразныхъ элементовъ разношерстной педагогической семьи, которая иначе несомнѣнно оставалась бы разобщенною, а слѣдовательно—и неспособною къ дружной, совмѣстной работѣ, какую проявляла тогда.

Вообще, И. П. Корнилова справедливо назвать совершенно исключительнымъ попечителемъ—по его горячему, искреннему участію ко всѣмъ вообще работавшимъ на учебно-воспитательномъ поприщѣ, по тому вниманію и уваженію, съ которыми онъ открыто относился къ нимъ, обзывая этимъ самымъ къ такому-же отношенію и всѣхъ другихъ. Вообще, чуждый формализма и педантизма, онъ, будучи человекомъ живымъ и подвижнымъ, очень часто во избѣжаніе переписки, не перемонялся, не лѣнился даже и самъ зайти въ то или другое изъ подвѣдомственныхъ ему многочисленныхъ учрежденій. Виленская дирекція народныхъ училищъ, въ виду новизны ея учрежденія, обширности района дѣятельности и сложности самого дѣла, удостоивалась большаго вниманія со стороны И. П. Корнилова. Онъ, какъ попечитель, неоднократно лично обращался въ дирекцію за справками, дополненіями и разъясненіями, чтобы не задерживать хода сдѣланныхъ уже дирекціею представленій, заявленій, донесеній, ходатайствъ и проч. Лично я удостоился нѣсколькихъ посѣщеній попечителя учебнаго округа на своей квартирѣ, бывшей при дирекціи-же. И долженъ сказать по совѣсти, что ничто такъ не возбуждало меня къ работѣ, какъ это именно высокое вниманіе попечителя, которое вмѣстѣ съ тѣмъ прямо-таки обязывало меня къ особенной слѣшности и отчетливости въ работѣ.

Вообще-же необходимо замѣтить, что это простое, естественное, высоко-гуманное отношеніе попечителя ко всѣмъ служащимъ, какъ-бы даже граничившее съ товариществомъ, но совершенно чуждое, конечно, всего, могущаго напоминать фамиллярность, было самымъ лучшимъ дисциплинирующимъ средствомъ въ отношеніи всѣхъ служавшихъ въ

учебномъ вѣдомствѣ, возбуждая ихъ къ дѣятельности и поддерживая въ нихъ средѣ дружественныя, честныя отношенія. Въ каждой отрасли учебной дѣятельности чувствовался живой интересъ и былъ замѣтенъ большій или меньшій прогрессъ, благодаря тому простору въ починѣ и самодѣятельности, который предоставленъ былъ въ эту пору работавшимъ въ виленскомъ учебномъ округѣ, подъ ястинно-просвѣщеннымъ вѣдѣніемъ и руководствомъ попечителя.

Вспомнить-же обо всемъ этомъ теперь представляется тѣмъ болѣе необходимымъ потому, что, во время самой дѣятельности, она казалась всѣмъ дѣломъ самымъ обычнымъ, прямо-таки обязательнымъ, такъ что исключительность и важность указаннаго порядка вещей оцѣнили лишь впоследствии, когда, въ виду рѣзкой перемѣны общихъ обстоятельствъ и условій въ управленіи сѣверо-западнымъ краемъ, И. П. Корниловъ оставилъ свой постъ, сопровождаемый искренними сожалѣніями служившихъ въ виленскомъ учебномъ округѣ, гдѣ и до сихъ поръ еще живетъ признательная память объ этомъ замѣчательномъ дѣятелѣ, хотя теперь въ общемъ характерѣ и направленіи прежней дѣятельности произошла уже очень глубокая перемѣна.

Справедливо говорится: «въ семьѣ—не безъ уroda». И потому, несмотря на дружное единеніе между собою учебной среды и высокую солидарность ея, находились, однако, отщепенцы, которые, неизвѣстно почему и для чего, старались держаться въ сторонѣ отъ учебнаго «кружка». Этими они ставили себя въ совершенно ложное, искусственное положеніе въ отношеніи всѣхъ другихъ сослуживцевъ и сотоварищей. Живя болѣе или менѣе обособленно отъ общаго теченія мѣстной жизни, оставаясь въ изолированномъ положеніи въ отношеніи общаго хода педагогическихъ дѣлъ, эти люди лишали самихъ себя устойчивой почвы подъ ногами, почему и принуждены были поминутно метаться изъ стороны въ сторону. Не примкнувъ къ общему движенію, они старались обвинить въ этомъ не себя, а другихъ; стоя въ сторонѣ отъ общаго движенія дѣлъ, они не могли установить въ отношеніи ихъ правильной точки зрѣнія и сплошь и рядомъ судили-рядили обо всемъ, какъ говорится, «сплеча да сгоряча», «вкривъ да вкось». Вотъ эти-то именно неудачники по собственной волѣ вносили, къ сожалѣнію, извѣстную долю дисгармоніи въ мѣстную педагогическую среду главнымъ образомъ тѣмъ, что распространяли путемъ печати если и ненамѣренно ложныя, то во всякомъ случаѣ грубо-ошибочныя, или даже и прямо-превратныя свѣдѣнія о виленскомъ учебномъ округѣ, особенно же—объ извѣстномъ уже намъ педагогическомъ его кружкѣ, его внутренней жизни и значеніи, обо всѣхъ наиболѣе выдающихся и уважаемыхъ мѣстныхъ дѣятеляхъ.

Дѣло нерѣдко доходило и прямо-таки до инсинуацій и клеветы. Ав-

торы этихъ недостойныхъ писавій были всё наперечетъ и служили въ виленскомъ учебномъ округѣ. Они все представляли въ ложномъ, превратномъ видѣ, съ цѣлію вышучиванія серьезныхъ дѣлъ, съ цѣлію насмѣшки надъ тѣмъ, что заслуживало глубокаго уваженія...

V.

Въ Вильнѣ, въ совершенно новой для меня должности писемоводителя и бухгалтера дирекціи народныхъ училищъ, работавшей, какъ сказано уже, на весь учебный округъ, оказалось непомерно много дѣла. Прежде всего, приходилось вести громадную и довольно сложную переписку со всевозможными учрежденіями и вѣдомствами, не исключая казначействъ, контрольных палатъ, духовнаго и гражданскаго вѣдомствъ, полицейскихъ управленій и присутствій по крестьянскимъ дѣламъ. Нужно было сообщать о вновь возникающемъ народно-образовательномъ дѣлѣ въ краѣ, просить вниманія къ нему и поддержки, а нерѣдко—и прямо-таки вступаться за интересы школы или скромныхъ работниковъ. Словомъ,—безконечно разнообразная переписка, да притомъ еще чрезвычайно спѣшная, такъ какъ, вообще говоря, мѣстная жизнь вовсе даже не терпѣть никакихъ проволочекъ. Всѣ тѣ маленькіе вопросы, интересы и дѣла, которые возникаютъ тамъ, суть и а с у щ ы, въ полномъ смыслѣ безотложны. Всякая задержка, проволочка—несомнѣнный ущербъ для положительнаго дѣла.

Въ то время не было еще введено «единства кассы», а потому всѣмъ школамъ, не имѣвшимъ собственныхъ («фундушевыхъ») капиталовъ въ мѣстныхъ казначействахъ, необходимо было ежемѣсячно рассылать деньги изъ дирекціи. Вся отправка дѣлилась на нѣсколько партій, и тѣмъ не менѣе получалась такая масса денежныхъ пакетовъ, которую едва можно было вмѣстить въ самомъ большомъ канцелярскомъ портфель. Не считая заготовленія денежныхъ пакетовъ съ препроводительными къ нимъ бумагами, на одно только раскладываніе денегъ по пакетамъ у трехъ лицъ (у директора, писца и у меня) уходило весь вечеръ, примѣрно часовъ съ 8-ми и за полночь. Для того, чтобы успѣть сдать партію денежныхъ пакетовъ въ одинъ приемъ,—необходимо было входить въ особое соглашеніе съ почтамтомъ, чтобы проникнуть туда раньше открытія его для публики. И только при этомъ условіи, начавши сдачу пакетовъ (т. е. общеизвѣстную запись каждаго изъ нихъ въ почтовую книгу) часовъ около 6-ти утра, можно

было окончить эту египетскую работу ко времени закрытія почтамта въ полдень.

Особенно-же осложнилось бухгалтерское дѣло въ концѣ 1865 года, когда наступилъ переходъ къ «единству кассы»,—когда, помимо громоздкой и хлопотливой разсылки денегъ почтою, потребовались еще экстренное составленіе и разсылка по школамъ циркуляровъ, инструкцій, разнаго рода формъ и проч., съ цѣлю разъясненія значенія «единства кассы», правилъ и условій пользованія этимъ новымъ учрежденіемъ, формъ отчетности и проч.

Наконецъ, очень много труда и времени требовалъ и книжный складъ при дирекціи. О колоссальныхъ размѣрахъ его можно судить потому, что онъ именно и питалъ собою въ книжномъ отношеніи, а равно по части крестиковъ, иконъ и образовъ—буквально всѣ народныя школы учебнаго округа. Со времени же открытія книжныхъ складовъ сначала при школахъ городскихъ, а потомъ и при нѣкоторыхъ селеніяхъ, въ книжномъ складѣ потребовалась ежедневная, непрерывная работа то по приему и сортировкѣ новыхъ партій прибывающихъ книгъ, то по запаковкѣ и отправкѣ все новыхъ десятковъ тубовъ для провинціальнымъ складовъ.

Столь сложныя, многостороннія обязанности дирекціи народныхъ училищъ требовали, конечно, очень большой отчетности и собственно по управленію, и по денежной части, и по книжному дѣлу. Въ виду оборота значительныхъ суммъ какъ въ формѣ денегъ, такъ и въ книжномъ матеріалѣ,—рискъ ответственности былъ чрезвычайно великъ. Наконецъ, все это трудное дѣло до послѣдней степени осложнилось еще начавшимся тогда постепеннымъ выдѣленіемъ изъ виленской дирекціи народныхъ училищъ дирекціи другихъ губерній. Это громоздкое дѣло требовало дробленія (дѣлопроизводства, капиталовъ, книгъ и проч.), неизбежно сопровождаемая притомъ по истинѣ гомерическою перепекою, въ виду необходимости оформлять все это «официально, документально».

Оглядываясь на это далекое уже прошлое, даже понять не могу, какъ я справлялся со столь обширнымъ, сложнымъ и отвѣтственнымъ дѣломъ. Серьезно говоря, теперь я буквально ни за какія деньги не взялся бы за такое безконечно-кропотливое и хлопотливое дѣло, одно воспоминаніе о которомъ прямо-таки подавляетъ своею колоссальностью. Въ то же время, о которомъ я говорю, работалось положительно съ ненасытнымъ увлеченіемъ, съ жаждою новаго и новаго дѣла. Никому даже и въ голову не приходило задумываться надъ такимъ неслыханнымъ дѣломъ, какъ работа одной дирекціи на цѣлый округъ. Но, по новизнѣ дѣла и въ виду совершенно исключительнаго положенія края, требовавшего экстра-ординарной централизаціи, признана была

необходимую именно указанная организація, для начала насажденія народнаго образованія въ краѣ,—и всѣ работали на пользу новаго дѣла, съ сознаниемъ важности и необходимости его, съ искреннимъ желаніемъ быть полезнымъ для общаго дѣла, общавшаго такъ много благодарній всему мѣстному населенію. Прикосновенность же къ этой великой работѣ, хоть и въ самой незамѣтной роли, неудержимо толкала меня впередъ во все время, какъ только я поступилъ на службу въ виленскій учебный округъ. Такъ, напримѣръ, несмотря на сложность занятій въ Диснѣ, лѣтомъ 1864 года я ѣздилъ въ Витебскъ, гдѣ сдалъ выпускной экзаменъ и получилъ аттестатъ объ окончаніи полнаго курса духовной семинаріи. Лѣтомъ же 1865 года выдержалъ въ Вильнѣ экзаменъ на званіе учителя уѣзднаго училища.

Принятый въ виленскомъ учебномъ «кружкѣ», какъ равный, я высоко дорожилъ этимъ и старался оправдать это вниманіе. Вообще, этотъ «кружокъ» былъ для меня превосходнѣйшею школою жизни. Благодаря ему, я постоянно вращался въ средѣ людей съ высшимъ образованіемъ; а потому, несмотря даже на значительную удачу по службѣ, ставилъ университетъ обязательною и безусловною цѣлью своей жизни. Въ виду этого, служба не могла уже всецѣло насытить меня. Хотя я и очень любилъ свою службу, но тѣмъ не менѣе смотрѣлъ на нее, какъ на дѣло временное, переходное. Душа-же моя рвалась въ университетъ,—и я не переставалъ работать, по мѣрѣ возможности, надъ своимъ самообразованіемъ, самоусовершенствованіемъ, тѣмъ болѣе, что, несмотря даже на учительскій дипломъ, въ университетъ все-таки можно было поступить только по повѣрочному экзамену.

Это была лучшая пора въ виленскомъ учебномъ округѣ. Общее прогрессивное направленіе въ немъ было такъ характерно выражено, что значительный процентъ служившей тамъ молодежи, не имѣвшей высшаго образованія, устремился на поиски его. Значить, мое стремленіе въ этомъ отношеніи не было исключеніемъ, хотя починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежалъ мнѣ. Та же часть молодежи, служившей по учебному вѣдомству, которой не по силамъ было высшее образованіе, все-таки не оставалась безъ движенія въ смыслѣ образованія: выдержавъ экзаменъ на уѣзднаго учителя, большинство ихъ стало во главѣ уѣздныхъ училищъ, въ роли смотрителей.

VI.

Характеризуя просвѣтительную дѣятельность въ виленскомъ учебномъ округѣ въ указанное время, необходимо еще добавить, что, именно

по почину И. П. Корнилова, подъ личнымъ его наблюденіемъ и руководствомъ, тамъ впервые было положено начало изслѣдованію мѣстныхъ древностей. Къ этому дѣлу былъ привлеченъ мѣстный учебный составъ, но, конечно-же, на основаніяхъ вполне добровольнаго участія, безъ малѣйшаго понужденія. Производились также и командировки на мѣста, съ цѣлію снимка развалинъ старинныхъ зданій, собиранія и осмотра на мѣстахъ древнихъ документовъ и проч.

Въ общемъ, такимъ образомъ, мы имѣемъ внушительный примѣръ какъ много можетъ быть сдѣлано разумнаго и полезнаго на мѣстѣ, по почину даже одного лица. Къ сожалѣнію, правильному пониманію всей этой гуманной, просвѣтительной дѣятельности, а тѣмъ болѣе—благо-творному воздѣйствію ея въ новой силѣ на мѣстную жизнь, очень сильно мѣшало то обстоятельство, что рядомъ съ этою гуманною системою обрусѣнія велась другая система, діаметрально противоположнаго свойства, значительно ослаблявшая или даже вовсе парализовавшая нормальное воздѣйствіе на жизнь просвѣтительныхъ мѣръ. Эта «другая система» обрусѣнія производила такое рѣшительное и рѣзкое угнетающее вліяніе, что изъ-за нея совершенно ступшевыналась вся просвѣтительная дѣятельность, проявлявшаяся такъ ново, оригинально, разносторонне, спускаясь до самыхъ корней народной жизни—сельскаго населенія. Вообще-же говоря, въ читающемъ русскомъ обществѣ преобладало мнѣніе, будто бы даже и эта прекрасная дѣятельность являлась не болѣе, какъ частью общей системы угнетающаго свойства, а потому и не имѣетъ права на уваженіе и сочувствіе. Дѣло доходило даже до того, что, именно подъ вліяніемъ указаннаго взгляда, общая печать или совершенно игнорировала все то, что дѣлалось по народному образованію въ виленскомъ учебномъ округѣ, или относилась скептически, съ ироніей. Вслѣдствіе этого, многое изъ того, что было сдѣлано еще до введенія земскихъ учрежденій, впоследствии было встрѣчено печатью съ горячимъ сочувствіемъ, будто-бы какъ новость въ земскомъ починѣ, тогда какъ въ дѣйствительности оно было уже лишь продолженіемъ

Подъ вліяніемъ неправильнаго пониманія дѣйствительности, самое слово «обрусѣніе», къ чему бы его ни примѣняли, употреблялось въ ироническомъ смыслѣ. Это особенно тяжело ложилось на всѣхъ, служившихъ въ сѣверо-западномъ краѣ по вызову. Ихъ обыкновенно называли «насильниками», «угнетателями», нисколько не вникая въ то, какой у кого былъ родъ дѣятельности. Совершенно напрасно было-бы пытаться въ то время провести черту въ обрусительной дѣятельности между хорошимъ и дурнымъ. Даже люди серьезные приходили прямо-таки въ раздраженіе, когда заходила рѣчь о хорошихъ сторонахъ обрусѣнія. «Знаемъ, знаемъ!»—саркастически обыкновенно отвѣчали они.—Контрибуція съ польскихъ помѣщиковъ, т. е. иначе—разореніе ихъ; подарокъ

50-ти процентной прибавки къ жалованью ни на что не способнымъ чиновникамъ, вовсе не могшимъ, безъ вызова, найти себѣ мѣста на родинѣ; надѣленіе этихъ-же чиновниковъ въ видѣ подарка землею, конфискованною у польскихъ-же помѣщиковъ, и притомъ именно для того, чтобы земля эта тутъ-же, на глазахъ у всѣхъ, перешла въ другія руки, завѣдомо негодныя».

Намъ очень долго пришлось бы продолжать перечень того, къ чему именно русское общественное раздраженіе сводило «обрусѣніе». Здѣсь не мѣсто вдаваться въ обсужденіе того, насколько нужны были указанная крайнія мѣры; но несомнѣнно, что общество, спокойно относившееся къ строгостямъ осаднаго положенія и другимъ суровымъ мѣрамъ, рѣшительно не могло примириться съ имущественнымъ насилиемъ, да притомъ еще въ массовомъ размѣрѣ. И нельзя не признать, что эта мѣра дискредитировала обрусительное дѣло въ глазахъ общества, отнявъ у послѣдняго настолько хладнокровія, что оно не въ состояніи было даже вникать въ благоразуміе, высокую полезность и мѣръ, истинно полезныхъ, въ смыслѣ непринудительнаго обрусѣнія.

Несомнѣнно, что истинное воздѣйствіе гуманныхъ обрусительныхъ мѣръ на всѣ слои мѣстнаго населенія началось лишь послѣ того уже, какъ улеглась нравственная тяжесть и горечь экстраординарно-крутыхъ мѣръ, пустившихъ такіе глубокіе корни, что они въ большей или меньшей мѣрѣ сохраняютъ свою жизненность даже и до настоящаго времени, т. е. въ теченіе 30-ти лѣтъ уже. Между тѣмъ въ тотъ именно моментъ, когда въ сѣверо-западномъ краѣ начала, наконецъ, проявляться, такъ сказать, правоспособность къ воспринятію и усвоенію русской гражданственности, въ управленіи виленскимъ учебнымъ округомъ произошелъ рядъ перемѣнъ, которыя въ концѣ концовъ, неизвѣстно почему, привели не къ усиленію, а къ ослабленію тѣхъ просвѣтительныхъ мѣропріятій, которыя были введены и усвоены въ бытность попечителемъ И. П. Корнилова. Впрочемъ, мнѣ не пришлось дослужить въ Вильнѣ до этого прискорбнаго событія. Лѣтомъ 1866 года я уволился отъ службы и въ томъ-же году поступилъ въ университетъ.

Это мнѣ пришлось сдѣлать не безъ борьбы съ самимъ собою, а частію—и съ тѣми добрыми, задушевными людьми, съ которыми я работалъ въ Вильнѣ. Въ то время служебное мое положеніе было особенно благоприятно. Установленіе самостоятельныхъ дирекцій народныхъ училищъ во всѣхъ губернскихъ городахъ, или паче—выдѣленіе новыхъ дирекцій въ виленской шко вполне успѣшно, безъ всякихъ задержекъ, споровъ и недоразумѣній. Это дѣло подходило уже къ концу, такъ что я помышлялъ объ отпускѣ мѣсяца на два, на три, въ которомъ дѣйствительно весьма нуждался. Помимо общаго утомленія, обиліе письменной и счетной работы, особенно же въ связи съ постоянными за-

нятіями въ книжномъ складѣ, съ неизбѣжной при этомъ пылью, такъ сильно разстроило мое зрѣніе, что я не только принужденъ былъ облечься въ очки разныхъ цвѣтовъ, но около полугода уже не въ состояніи былъ заниматься подготовленіемъ въ университетъ. Въ виду этого я рѣшилъ было отложить до 1867 года поступленіе въ университетъ. Но обстоятельства совершенно неожиданно измѣнились вовсе даже независимо отъ меня.

Въ ту пору шла довольно горячая работа по преобразованію такъ называемыхъ «дворянскихъ» двухклассныхъ городскихъ училищъ въ уѣздныя, и около половины іюля 1866 года я получилъ категорическое предложеніе занять должность смотрителя одного изъ уѣздныхъ училищъ Виленской губерніи. Предложеніе было чрезвычайно заманчиво. Не хватало уже терпѣнія корпѣть писмоводителемъ и бухгалтеромъ дирекціи, когда предо мною открылся путь къ должности смотрителя уѣзднаго училища. Вмѣстѣ же съ тѣмъ я такъ ясно сознавалъ, что, ставъ смотрителемъ, долженъ навсегда уже проститься съ мыслью объ университетѣ. Въ виду этого, я подалъ заявленіе о немедленномъ оставленіи службы, съ цѣлію поступленія въ университетъ.

Много толковъ вызвало это мое заявленіе. Хотя о моемъ намѣреніи поступить въ университетъ было раньше извѣстно, тѣмъ не менѣе исполненіе этого намѣренія, послѣ предложенія занять должность смотрителя, признавалось неблагоразумнымъ. Мнѣ съ разныхъ сторонъ указывали, меня предостерегали, что, по окончаніи университета, придется начинать, быть можетъ, даже съ меньшаго сравнительно съ тѣмъ, что я оставляю, такъ какъ въ занимаемой мною должности я получалъ въ годъ, вмѣстѣ съ наградными, до 900 руб., при готовой квартирѣ, въ должности же смотрителя пришлось бы получить еще болѣе. Но именно матеріальная-то сторона нисколько и не привлекала меня. Напротивъ чѣмъ болѣе улучшалось мое служебное положеніе, тѣмъ настойчивѣе сознательнѣе становилась потребность въ высшемъ образованіи.

Отправляясь въ университетъ, я располагалъ небольшимъ сбереженіемъ, котораго не могло хватить даже и на одинъ годъ самаго скромнаго студенческаго существованія, рублей по 25-ти въ мѣсяцъ. Въ перспективѣ, при условіи поступленія въ университетъ, я могъ рассчитывать на нищенскую стипендію виленскаго учебнаго округа, въ 11 руб. 99 коп. въ мѣсяцъ, учрежденную еще въ ту далекую пору, когда считали на ассигнаціи, а не на серебро. Вотъ и всѣ мои ресурсы на четыре года университетскаго существованія. Но это нисколько не беспокоило меня. Главное же, я смотрѣлъ на свое поступленіе въ университетъ—только какъ на временную отлучку изъ виленскаго учебнаго округа, которому считалъ себя много обязаннымъ, былъ всею душою пре-

данъ, на службу въ который я общалъ непремѣнно возвратиться и искренно желалъ этого.

Между тѣмъ, ко времени окончанія мною университетскаго курса, обстоятельства такъ рѣзко измѣнились, что я, человекъ безъ всякихъ денежныхъ запасовъ, предпочелъ однако выплату стипендіи виленскому учебному округу обязательной службѣ въ этомъ округѣ. Отъ прежняго учебнаго «кружка» не осталось и слѣда: всѣ видные участники его покинули виленскій округъ и перешли на службу въ другіе учебные районы. Въмѣсто прежней горячки въ учебно-воспитательной дѣятельности царяла апатія, сонливость. Прежнюю жажду всевозможныхъ нововведеній и улучшеній смѣнила рутинная, враждебное отношеніе даже и къ самой мысли о какихъ бы то ни было «новшествахъ», усовершенствованіяхъ. Въмѣсто прежнихъ и искреннихъ отношеній, между служащими водворился бездушный формализмъ и педантизмъ, какая-то удупливая нравственная атмосфера, совершенно даже неумѣстная въ такомъ живомъ и жизненномъ дѣлѣ, какъ учебно-воспитательное. Короче говоря, отъ всей той горячей и плодотворной работы, отиѣченной во всѣхъ своихъ проявленіяхъ не только живымъ починомъ и самодѣятельностью, но въ извѣстной мѣрѣ даже и печатью творчества, которая была всѣмъ въ глаза въ пору поступленія моего въ университетъ и невольно привлекала къ себѣ,—отъ всего этого, ко времени окончанія мною университета, осталось только воспоминаніе, которое притомъ въослѣдствіи тщательно уничтожалось...

Вотъ это-то именно прискорбное обстоятельство и заставило меня набросать здѣсь бѣглый очеркъ своей кратковременной службы до поступленія въ университетъ, чтобы напомнить о поучительнѣйшемъ примѣрѣ того, какъ много и быстро можетъ быть сдѣлано на мѣстѣ существенно-полезнаго, при условіи предоставленія должнаго почана и самодѣятельности, а съ другой стороны—какъ силенъ и великъ можетъ быть произволь, доходящій даже до полного уничтоженія самыхъ воспоминаній о дѣлахъ такого рода, которыя достойны вѣчной памяти, всеобщаго уваженія и обязательнаго подражанія.

Несомнѣнно однако, что если даже теперь, въ виду указанныхъ столь неблагоприятныхъ обстоятельствъ, обрушеніе западнаго края все-таки представляетъ совершившійся уже фактъ, то естественно, что, при условіи продолженія просвѣтительной дѣятельности въ томъ же направленіи, съ тою же любовью, вниманіемъ, уваженіемъ къ дѣлу и энергіею, какъ это велось здѣсь въ половинѣ 60-хъ годовъ,—край этотъ ни въ чемъ не уступалъ бы уже кореннымъ русскимъ губерніямъ—по глубинѣ, сознательности и искренности своего руссизма, въ смыслѣ гражданственности, національности, любви и преданности всему истинно народному, русскому, патрістическому.

Во всякомъ же случаѣ, просвѣтительная дѣятельность виленскаго учебнаго округа около половины 60-хъ годовъ представляетъ собою въ высшей степени назидательный примѣръ, какомъ образомъ слѣдуетъ, при нашей разноплеменности, бороться со столь сложной пестротой народностей, населяющихъ нашу имперію, при помощи народнаго образованія, этого могучаго ассимилятора всевозможныхъ племенъ и націй, этого благодѣтельнаго зидителя неразрывнаго, органическаго единенія всѣхъ племенъ, населяющихъ государство, какъ бы ни былъ разнообразенъ ихъ составъ. Безспорно, достигнутые уже результаты образованія въ сѣверо-западномъ краѣ есть одно изъ лучшихъ и почетнѣйшихъ передъ судомъ исторіи приобрѣтеній Россіи въ послѣднее 30-ти-лѣтіе. Не трудно представить себѣ, во сколько разъ возросла бы сила и почетъ Россіи, при условіи гражданской и національной ассимиляціи съ русскими народами всѣхъ племенъ, населяющихъ нашу колоссальнѣйшую имперію!..

М. Песковскій.

Способы вызова подрядчиковъ, употребляемые въ половинѣ прошлаго столѣтія.

Намъ, свыкшимся со всеми удобствами, какія доставляетъ для удовлетворенія ежедневныхъ потребностей жизни періодическая печать въ ея теперешнемъ у насъ развитіи, трудно вообразить, какъ удовлетворялись эти потребности въ то время, когда гдѣ за сто предъ симъ въ Петербургѣ существовала всего одна газета — «С.-Петербургскія Вѣдомости», издававшаяся Академіей Наукъ, да и то выходившая въ свѣтъ только по два раза въ недѣлю, листками въ малую in 4°, и расходилась не болѣе какъ въ 1.200 экземплярахъ ¹⁾. Понятно, что при такомъ ограниченномъ размѣрѣ органовъ публичности, становилось затруднительнымъ удовлетвореніе многихъ потребностей, для которыхъ теперь существуютъ столь разнообразныя способы публикаціи. И вотъ какой способъ практиковался въ доброе старое время:

Въ журналѣ Канцеляріи Академіи 1748 г. апрѣля 27, читаемъ:

«Хотя въ минувшемъ Мартѣ черезъ Полицейстерскую Канцелярію третично отъ Канцеляріи Академіи Наукъ билѣтами съ барабаннымъ боемъ въ С.-Петербургѣ въ пристойныхъ мѣстахъ опубликовано, чтобы желающіе люди явились въ Академію и поставили на нынѣшній 1748 и будущій 1749 годъ разнаго сорта бумаги и пр... а какъ таковыя не явились, опредѣлено: черезъ Главную Полицейстерскую Канцелярію еще публиковать троекратно билѣтами».

Сообщ. академ. К. С. Веселовскій.

¹⁾ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» было печатано въ 1778 г. 104 номера въ числѣ 1.162 экземпляровъ; каждый годовой экземпляръ состоялъ изъ 290 листовъ; казенныя извѣстія составляли болѣшую ихъ половину. — Въ слѣдующемъ за тѣмъ году, 1779, печатано 105 номеровъ въ числѣ 1.200 экз., каждый годовой экземпляръ состоялъ изъ 313 $\frac{1}{4}$ листовъ.

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ ЕРМОЛОВЪ ¹⁾.

(Матеріалы для біографіи, его рассказы и переписка).

Собственноручное письмо Толя къ А. П. Ермолову.

1812 г.

Вслѣдствіе письма вашего ко мнѣ и рапорта къ Свѣтлѣйшему, дѣлаеть армія нынѣ движеніе свое по дорогѣ отъ Кременскаго къ Вязьмѣ. Конечно-бы сдѣлано было сіе движеніе ранѣе, если-бы имѣли мы извѣстіе о непріятелѣ; но къ несчастью получаемъ мы оныя въ сутки только одинъ разъ и то съ лѣвивымъ казакомъ.

А какъ движеніе арміи зависить отъ движеній непріятельскихъ, то сдѣлайте такъ любезный Алексѣй Петровичъ, чтобы устроить почту отъ авангарда къ главной квартирѣ. Впрочемъ скажу вамъ, что 21-го армія будетъ близъ Вязьмы, и Свѣтлѣйшій желаетъ, чтобы вы недалеко отъ насъ бы находились.

Гдѣ находитесь вы нынѣ? Государю хотять рапортъ писать, но не знаютъ, гдѣ вы находитесь.

Карту Смоленской губерніи долженъ я поискать въ главной квартирѣ, ибо никто о ней не знаетъ, и тогда пришлю оную къ вамъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданности остаюсь навсегда вашъ Толь.

Письмо Н. Н. Новосильцова къ А. П. Ермолову.

19-го апрѣля (1-го мая) 1829 г. Варшава.

Сынъ стараго моего друга покойнаго Александра Михайловича Каховскаго, а вашъ племянникъ полковникъ Каховскій, прибывъ на сихъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ октябрь 1896 г.

днѣхъ въ Варшаву, вручилъ мнѣ ваше письмо. Пріятно мнѣ было видѣть, что вы вспомнили обо мнѣ, но еще пріятнѣе, что не усумнились въ постоянной непоколебимости моихъ чувствованій. Такъ, Алексѣй Петровичъ (минуя церемоніальный титулъ), вы не ошиблись: ни время, ни случай, ни обстоятельства, ничто не можетъ охолодить въ сердцѣ моемъ ни той дружбы, ни того уваженія къ достоинствамъ и заслугамъ, которыя когда либо въ немъ впечатлѣлись. Изъ сего одного вы можете уже легко заключить о готовности моей употребить всевозможное стараніе къ опредѣленію, при случаѣ, на просимое мѣсто сына покойнаго Александра Михайловича, вашего племянника, и о томъ, сколь утѣшительно было бы для меня удовлетворить въ одно время двумъ чувствованіямъ и двумъ обязанностямъ, равно мнѣ милымъ.

Письма А. А. Вельяминова къ Ермолову ¹⁾.

1.

22-го іюня 1835 г. Ставрополь.

Почтеннѣйшій начальникъ, Алексѣй Петровичъ!

Будучи на водахъ по дѣламъ службы, получилъ я письмо ваше отъ 9-го мая, въ которомъ вы увѣдомляете меня, что государь, говоря съ вами о прошлогодней экспедиціи моей за Кубань, замѣтилъ, что я повдно принялся за работы для устроенія крѣпости, употребивъ много времени на переписку о недостаткахъ войскъ и средствъ; и что первыхъ я желаю излишнее преумноженіе, тогда какъ нельзя удовлетворить моихъ требованій по той причинѣ, что въ теперешнемъ состояніи Кавказскій корпусъ составляетъ $\frac{1}{10}$ всей арміи, не считая даже поселенныхъ на линіи казаковъ.

Изъ этого замѣчанія вижу, во-первыхъ, что государь забылъ порядокъ дѣйствій моихъ за Кубанью, чтд очень естественно, ибо слишкомъ много у него гораздо важнѣйшихъ заботъ, чтобы можно было помнить подобныя мелочи; во-вторыхъ, что относительно прибавленія

¹⁾ Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ извѣстный дѣятель на Кавказѣ родился въ 1785 году, участвовалъ почти во всѣхъ войнахъ въ царствованіе императора Александра I и въ турецкой войнѣ 1828—1829 г.г. Въ 1831 году онъ былъ назначенъ командующимъ войсками на Кавказской линіи и начальникомъ Кавказской области. Предпринимая цѣлый рядъ экспедицій противъ горцевъ, онъ велъ ихъ всегда успѣшно. Мысли его о способахъ покоренія Кавказа, изложенныя въ многочисленныхъ донесеніяхъ, вполне оправдались, когда были приведены на практикѣ княземъ Барятинскимъ и графомъ Евдокимовымъ.

Ред.

войскъ вѣроятно объяснилъ я мысля свои не хорошо, либо переданы онѣ государю не въ настоящемъ видѣ, а ошибочно. Объясню вамъ въ короткихъ словахъ предположеніе относительно прошлогодней экспедиціи и дѣйствія мои.

По представленію фельдмаршала ¹⁾, государю угодно было построить укрѣпленіе при Геленджикской бухтѣ, обратить туда торговлю и проложить прямое сообщеніе между Геленджикомъ и Кубанью, чтобы произведенія прилегающей части Кавказа, Черноморія и Кавказской области могли съ удобностію доставляемы быть въ Геленджикъ; а оттуда можно было бы получить то, въ чемъ Кавказскій край нуждается. Нѣтъ сомнѣнія, что это обѣщаетъ большую пользу.

Въ 1831 году занята Геленджикская бухта; въ прошедшемъ году предполагалось осмотрѣть дорогу отъ Ольгинскаго укрѣпленія чрезъ Кавказскій хребетъ къ Геленджикку, построить на этой дорогѣ одно или два укрѣпленія, и въ то же время дѣйствовать противъ народовъ, живущихъ между означенною дорогою и берегомъ Чернаго моря, чтобы принудить ихъ къ безусловной покорности.

Не мудрено мнѣ было предвидѣть, что при нашихъ весьма ограниченныхъ средствахъ нельзя исполнить этого въ одинъ годъ. Я сказалъ это Вольховскому при проѣздѣ его изъ Петербурга чрезъ Ставрополь; но какъ онъ объявилъ мнѣ, что это есть воля государя, то мнѣ оставалось употребить зависящія отъ меня усилія, чтобы выполнить какъ возможно больше.

Въ прошедшемъ году происходило переформированіе корпуса; сверхъ того для дѣйствій за Кубанью нѣкоторыя войска должно было провести къ Ольгинскому укрѣпленію съ нижней части Терека; другія, хотя и изъ ближайшихъ мѣстъ, могли двинуться тогда только, когда на смѣну ихъ придутъ войска изъ Грузіи. По этимъ причинамъ предположено сосредоточить войска въ Ольгинскомъ укрѣпленіи въ теченіе августа или даже въ сентябрѣ мѣсяцѣ, если обстоятельства воспрепятствуютъ сдѣлать это ранѣе. Я успѣлъ однако же изворотиться такъ, что 4-го августа началъ рѣшительное движеніе отъ Ольгинскаго укрѣпленія, то есть по крайней мѣрѣ двѣ недѣли ранѣе, нежели ожидать можно было.

Я зналъ, что на первой половинѣ разстоянія отъ Ольгинскаго укрѣпленія къ Абику есть болота чрезвычайно затруднительныя. Необыкновенная засуха 1833 года облегчила мнѣ переходъ черезъ эти болота; я видѣлъ однако-же, что дороги эти требуютъ очень большихъ работъ, если не найдемъ удобнѣйшей. Какъ по этой причинѣ, такъ и потому, что возможность перейти черезъ Кавказъ не была под-

¹⁾ Князя Варшавскаго, графа Паскевича-Эриванскаго.

вержена для меня никакому сомнѣнію, я почелъ за лучшее осмотрѣть прежде всего не найдется-ли между Абиномъ и Кубанью сообщенія болѣе удобнаго, нежели дорога отъ Ольгинскаго укрѣпленія къ означенной рѣкѣ. Для этого, устроивъ на Абинѣ вагенбургъ, отправился налегкѣ къ Великолагерному мѣновому двору, находящемуся на Кубани, версть около шестидесяти выше Ольгинскаго укрѣпленія. Дорога эта оказалась въ самомъ дѣлѣ несравненно удобнѣе первой; но при обзорѣніи этомъ встрѣтилъ я такое сопротивленіе на каждомъ шагу, что невозможность отдѣлать что-либо изъ отряда для дѣйствій между Геленджикскою дорогою и берегомъ Чернаго моря сдѣлалась совершенно для меня очевидною. Я донесъ объ этомъ барону Розену ¹⁾ изъ лагеря при Великолагерномъ мѣновомъ дворѣ отъ 17-го августа. Я возвратился на Абинъ 21-го августа. Сообразивъ, что для построенія здѣсь укрѣпленія нужно привезти съ Кубани строевые матеріалы и средства продовольствія какъ для всего отряда на все время дѣйствій, такъ для войскъ, которыя оставлены будутъ въ новомъ укрѣпленіи; сообразивъ, что въ осеннее время нельзя ожидать сухой погоды и хорошихъ дорогъ, особливо черезъ болота; сообразивъ наконецъ, что движеніе къ Геленджку и обратно требуетъ около трехъ недѣль,—я нашелъ необходимымъ свезти прежде на Абинъ продовольствіе и матеріалы, для чего нужно было около полутора мѣсяца, и потомъ уже идти въ Геленджикъ. Я началъ приводить это въ исполненіе немедленно по прибытіи на Абинъ; а 2-го сентября донесъ объ этомъ барону Розену. Прежде всего нужно было сдѣлать съемку мѣстоположенія, на которомъ строить укрѣпленіе; составить планы какъ укрѣпленія, такъ и жилищъ строеніямъ; назначить линіи укрѣпленій; сдѣлать въѣздъ отъ рѣки къ мѣсту укрѣпленія и приготовить сыраго кирпича для внутреннихъ крутостей бруствера, ибо дерну нѣтъ. Къ этимъ предварительнымъ работамъ приступилъ я немедленно по возвращеніи на Абинъ отъ Великолагернаго мѣноваго двора: тогда же началъ перевозку отъ Ольгинскаго укрѣпленія строевыхъ матеріаловъ и продовольствія. Для препровожденія транспортовъ нужно было отдѣлать значительную часть войскъ; одинъ разбитый транспортъ остановилъ бы всѣ дѣйствія. Въ лагерѣ оставалось такъ мало войскъ, что для обороны его я принужденъ былъ дѣлать засѣки. Несмотря на это, пригготовительныя работы шли безостановочно. Медленнѣе всего шла выдѣлка сыраго кирпича. На Абинѣ грунтъ земли глинистый; но глина чрезвычайно жирна и хорошаго песку, необходимаго для подмѣси, не могли мы найти. Вы знаете, что для сыраго кирпича необходима также солома. Ее должно было добывать въ непріятельскихъ аулахъ, а Шапсуга при появленіи нашемъ все зажи-

¹⁾ Главнокомандующему на Кавказѣ.

гали. Наконецъ холодные вѣтры и нѣсколько морозовъ въ сентябрѣ испортили нѣсколько тысячъ кирпича. Несмотря на всѣ затрудненія, 17-го сентября начали дѣлать укрѣпленія; и если не приступилъ я къ этой работѣ прежде, то не оттого, чтобы полагалъ число войскъ недостаточнымъ, а единственно оттого, что приготовительныя работы не могли быть окончены прежде. Я представлялъ, что невозможно отдѣлать что-либо изъ отряда для дѣйствій между дорогою къ Геленджикъ и берегомъ Чернаго моря; но ни въ одной моей бумагѣ не найдется ни слова о томъ, чтобы нельзя было исполнить остальныхъ предположеній, хотя излишества въ средствахъ и не было. Если же, какъ предполагаетъ государь, замедлилъ я по какой-нибудь причинѣ приступить къ работамъ, то укрѣпленіе не могло бы построено быть въ прошедшемъ году. Это произошло-бы и въ томъ случаѣ, если бы пошелъ я въ Геленджикъ, не доставивъ прежде на Абинъ какъ провіантъ, такъ и строевые матеріалы. Расчеты мои оправдались на самомъ дѣлѣ.

Здѣсь мимоходомъ скажу вамъ, что принятой мною образъ дѣйствій подалъ поводъ къ разнымъ толкамъ, которые родились въ Черноморіи, откуда распространились кажется и далѣе. Черноморскіе паны, не понимая почему я дѣйствую такъ, а не иначе, начали прискиывать тому причины. Одни выдумали, что я не хочу, чтобы была дорога отъ Геленджика къ Кубани; другіе, что я боюсь идти черезъ горы, которыя привыкли они почитать неприступными. Весьма быть можетъ, что эти разглашенія были причиною предписаній, которыя получалъ я по этому предмету отъ барона Розена.

Относительно приумноженія войскъ въ Кавказскомъ корпусѣ вотъ сущность моего мнѣнія.

Вамъ извѣстно, что государю угодно покорить горцевъ какъ возможно скорѣе; это очень понятно и никогда не было тайною. Многіе, кажется, были спрошены о средствахъ достигнуть этого; въ числѣ прочихъ и я. По моимъ расчетамъ есть возможность обезоружить сѣверныя покатоки Кавказа въ теченіе пяти лѣтъ; но для этого, конечно, необходимо корпусъ усилить значительно. Кто думаетъ достигнуть этого теперешними средствами, тотъ очень ошибается. Мы совсѣмъ не въ томъ положеніи на Кавказѣ, въ какомъ испанцы были въ Америкѣ. Если-бы кто успѣлъ покорить Кавказъ въ короткое время, безъ значительнаго усиленія корпуса, передъ тѣмъ Наполеонъ былъ бы карликъ. Представляя мнѣніе мое о покореніи Кавказа, я объяснялъ, какой должно принять образъ дѣйствій и какія нужны для этого средства. Они конечно, значительны; но и предпріятіе покорить Кавказъ въ короткое время—весьма значительно. Польстить правительству достигнуть этой цѣли малыми силами и малыми издержками—значило бы об-

манывать государя. Могло бы случиться, что, основываясь на моемъ мнѣнїи, предприняли бы дѣйствїя противъ горцевъ, въ полной надеждѣ на скорый успѣхъ. Что вышло бы изъ этого? Издержали бы все-таки значительныя суммы, потеряли бы много времени и не достигли бы той доли того, чего ожидали. Какой совѣстный человѣкъ возьметъ на себя вовлечь правительство въ подобныя предпрїятїя? Отъ государя зависить рѣшить—позволяютъ ли обстоятельства и, вообще, средства имперїи отдѣлить на Кавказъ столько войскъ и денегъ, сколько нужно для скорого покоренїя горцевъ.

Изъ приказанїй прошедшаго и нынѣшняго года видно, что государю угодно ограничиться, можетъ быть до времени, медленнымъ образомъ дѣйствїемъ противъ горцевъ. Нѣтъ сомнѣнїя, что въ этомъ случаѣ не нужны такія большія средства, какъ для скорого покоренїя. Необходимо однако же, чтобы и при медленномъ завоеванїи средства были соразмѣрны съ предпрїятїями. Въ прошедшемъ году менѣе пяти тысячъ пѣхоты было въ отрядѣ. Какихъ успѣховъ можно было бы ожидать, если бы силы эти раздѣлились на двѣ части, изъ которыхъ одна дѣйствовала бы между Геленджикскою дорогою и берегомъ Чернаго моря, а другая собственно по Геленджикской дорогѣ? Чрезвычайно было бы счастливо, если бы мы потеряли изъ этого не болѣе тысячи человѣкъ и достигли бы своей цѣли, то-есть прошли бы къ Геленджику и построили бы укрѣпленїе на Абинѣ. Но этого, безъ особеннаго счастья, невозможно было ожидать. Я уже замѣтилъ, что одинъ разбитый транспортъ останавливалъ бы все наши дѣйствїя; а что значить разбить транспортъ, не имѣющій достаточнаго прикрытїя? Здѣсь вся выгода на сторонѣ горцевъ, имѣющихъ отъзвную конницу. Отъ нихъ всегда зависить напасть на слабую часть, а слабыхъ частей въ транспортѣ, худо прикрытомъ, множество.

Итакъ, вы видите, что сущность мнѣнїя моего состоятъ въ томъ, что силы должны быть соразмѣрны съ предпрїятїями. Въ этомъ, кажется, ничего нѣтъ новаго: если силъ не такъ много, чтобы можно было дѣйствовать въ одно время въ разныхъ мѣстахъ, то въ предпрїятїяхъ необходимо наблюдать постепенность, то-есть окончить сперва одно, а потомъ приниматься за другое. Въ этомъ также ничего нѣтъ новаго. Но принимая все это, многіе думаютъ, что превосходство наше передъ горцами такъ велико, что съ горстью войскъ мы можемъ разгонять большія массы. Вотъ заблужденїе, изъ котораго всегда проистекали ошибочныя распоряженїя. Повторяю, мы здѣсь совсѣмъ не въ томъ положенїи, въ какомъ испанцы были въ Америкѣ. Мы имѣемъ превосходство надъ горцами, но оно совсѣмъ не такъ велико, какъ многіе думаютъ. Главное превосходство наше состоятъ въ пѣхотѣ, но и это превосходство исчезаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда обстоятельства вы-

нуждаютъ вести продолжительную перестрѣлку; тогда выгода на сторонѣ горцевъ, которые гораздо лучше стрѣляютъ и лучше умѣютъ пользоваться мѣстоположеніемъ, нежели наши солдаты. Мы имѣемъ артиллерію. Она полезна тѣмъ, что держать горцевъ разсѣянными; но въ лѣсистыхъ мѣстахъ выгода эта теряется; въ большихъ горахъ и тѣснинахъ также; подъ Гимрами съ трудомъ могли мы поставить два горныя орудія, противъ каменной стѣны; крутизны горъ и тѣснота мѣстъ вообще препятствуютъ пользоваться артиллерією. О конницѣ и говорить нечего: тутъ превосходство рѣшительно на сторонѣ горцевъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что надо осторожно разсчитывать на превосходство наше передъ горцами; должно принимать въ соображеніе, въ какихъ дѣйствіяхъ превосходство можетъ быть на нашей сторонѣ и въ какихъ на сторонѣ горцевъ. Ожидаю, что покажется очень страннымъ, когда получать отъ меня донесенія, изъ которыхъ увидать, что весь отрядъ будетъ въ нынѣшнемъ году прикрывать движенія транспортовъ. Въ европейскихъ войнахъ, которыя были въ наше время, никогда не видѣли этого. Въ отвѣтъ на это замѣчаніе могу указать на потери, которыя потерпѣла отъ нашихъ партизановъ французская армія, во время пребыванія ея въ Москвѣ, хотя значительныхъ транспортовъ не имѣла. У меня, напротивъ того, транспорты будутъ растягиваться, по крайней мѣрѣ, на пятнадцать верстъ. Сколько нужно войскъ, чтобы оборонять такое разстояніе противъ отличной конницы, которая съ большою быстротою можетъ переноситься съ одного мѣста на другое и по произволу нападать тамъ, гдѣ слабо или гдѣ случится какая-нибудь оплошность, либо неумѣніе офицера? Въ этомъ отношеніи экспедиція нынѣшняго года будетъ чрезвычайно затруднительна. Очень счастливо будетъ, если я избѣгну большихъ потерь. Несмотря на это, едва-ли она обратитъ на себя вниманіе, потому что въ ней не будетъ ничего блестящаго.

Я снова прошусь въ отпускъ, который для меня необходимъ. Кажется, теперь вѣтъ причины отказать, и потому надѣюсь видѣться съ вами зимою.

P. S. Завтра отправляюсь на Кубань.

2.

10-го января 1838 г., Ставрополь

Почтеннѣйшій начальникъ,

Алексѣй Петровичъ!

Письмо ваше, отъ 17-го декабря прошедшаго года, получилъ я 3-го января, какъ подарокъ на Новый годъ. Въ немъ много для меня любопытнаго.

Вы почти угадали мои намѣренія. Въ предположеніяхъ вашихъ есть нѣкоторыя съ нима несходства, но небольшія. Если-бы теперь назначили меня въ Грузію, на мѣсто барона Розена, то нельзя было бы не ѣхать; но я ни мало не желаю и не желаю этого назначенія. Здоровье мое слишкомъ слабо, чтобы взять на себя эту должность. По приказаніямъ, которыя получилъ я отъ государя, я очень видѣлъ, что ему необходимо нужно оставить меня на явнѣ. Конечно, лучше было бы, если бы въ этомъ случаѣ отдѣлили ее отъ Грузіи, но тогда необходимо прибавить сюда войскъ, о чемъ слышать не хотятъ. По всему этому назначеніе Головина не имѣетъ для меня большихъ неудобствъ; всякій другій изъ названныхъ вами былъ бы гораздо для меня непріятнѣе. Вы мало знаете Головина; и государь, который говорилъ вамъ о немъ, знаетъ его также весьма не коротко. Головинъ имѣетъ хорошую нравственность, но не всегда основательный образъ мыслей. Этотъ недостатокъ, соединенный съ нѣкоторою неловкостью въ обращеніи съ подчиненными и, можетъ быть, съ излишнею иногда строгостью, вѣроятно былъ причиною ненависти къ нему подчиненныхъ, какъ упомянулъ государь въ своемъ разсказѣ. Какъ бы то ни было, кажется, я могъ бы поладить съ Головинымъ; но я не намѣренъ убивать послѣдніе годы жизни на Кавказѣ за одни комплименты. Если я получу что нибудь существенное, то самыя приличія требуютъ, чтобы я остался еще здѣсь; обстоятельства рѣшать впоследствии, долго-ли продолжится пребываніе мое здѣсь. Но если думаютъ удержать меня въ этой должности одними комплиментами, то я уѣду отсюда, кажется, скорѣе, нежели вы предполагаете. По моему расчету, это должно рѣшиться въ апрѣлѣ или въ началѣ мая.

Теперь скажу вамъ нѣсколько словъ о взводимой на меня лѣнѣ. Это происходитъ оттого, что непремѣнно хочется во всякомъ найти что-нибудь дурное. Въ Грузіи желаніе это относительно ко мнѣ очень явно. Не находя возможности опорочить того, что я сдѣлалъ, остается утверждать, что я могъ бы сдѣлать больше, если бы не былъ лѣнивъ. Сильное разстройство въ здоровьѣ, недопускающее прежней дѣятельности, безъ сомнѣнія, даетъ этому обвиненію видъ правдоподобія. Видя меня почти безпрестанно въ дѣлахъ, въ самага Кракова, вы можете судить, принадлежать ли лѣнь къ отличительнымъ моимъ свойствамъ. Можетъ быть, вы не знаете, что принадлежите къ числу людей, чрезвычайно много требующихъ отъ служащихъ при нихъ. Какимъ же образомъ могъ бы я удовлетворять требованіямъ вашимъ въ продолженіе тринадцати лѣтъ, если бы я былъ такъ лѣнивъ, какъ хотятъ меня выказать? Теперь разстройство здоровья, конечно, не допускаетъ той дѣятельности, какъ прежде; но этому причиною не лѣнь, а недостатокъ силъ. Вы знаете, что я любилъ верховую ѣзду, и весь Кав-

казъ изъѣздить верхомъ. Теперь для меня трудно проѣхать шагомъ десять верстъ, проскакать не могу ста шаговъ, не упавши съ лошади. Неужели это отъ лѣни? Вы знаете, что я по пяти часовъ сидѣлъ за дѣлами, не вставая со стула. Теперь не могу я высидѣть часа, не почувствовавъ лому въ поясницѣ, въ спинѣ и въ затылкѣ. Поневогѣ долженъ я лечь. Но оставляю ли я для этого дѣло? Лежа выслушиваю я доклады и даю рѣшенія; лежа диктую я бумаги, которыя не могутъ написаны быть удовлетворительно служащими при мнѣ чиновниками. Похоже ли это на лѣнь? Я желалъ бы знать, кто изъ министровъ болѣе меня лично самъ пишетъ и обрабатываетъ дѣла.

Государю сказано, что я не люблю гражданской части, не занимаюсь ею, и что она въ большомъ безпорядкѣ. Въ этомъ справедливо только то, что я дѣйствительно не люблю этой части. Находясь по гражданскому управленію въ безпрестанной борьбѣ противъ незаконій и разнаго рода мерзостей, продѣлываемыхъ чиновниками, я не вижу въ этомъ ничего пріятнаго. Но это самое заставляетъ меня еще болѣе заниматься дѣлами гражданскими, чтобы прекращать, по мѣрѣ возможности, незаконныя покушенія чиновниковъ. Что я занимаюсь этою частью, можетъ свидѣтельствовать, между прочимъ, переписка моя съ министромъ. Могутъ также свидѣтельствовать и послѣдствія распоряженій моихъ. Вступивъ въ должность, я нашелъ совершенный хаосъ въ гражданскомъ управленіи; это всѣмъ извѣстно. Я далъ дѣламъ приличный ходъ и постепенно привелъ въ порядокъ канцелярское отправление дѣлъ по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ. Я остановилъ неправильныя рѣшенія уголовныхъ дѣлъ. Запущенныя дѣла прежнихъ лѣтъ, въ числѣ многихъ тысячъ, приведены къ окончанію почти всѣ; изъ нихъ немного уже остается окончить. Дѣла настоящаго времени оканчиваются безъ замедленія. Недоимки по области большею частью собраны безъ экзекуцій и насильственныхъ мѣръ; и если бы дѣла казенной палаты не были въ величайшемъ безпорядкѣ, противъ котораго не имѣю я никакихъ средствъ, то по области давно уже не было бы ни одного рубля въ недоимкѣ. Неужели все это сдѣлалось само собою, такъ что съ моей стороны не нужно было никакихъ трудовъ по гражданскому управленію. Я очень желалъ бы, чтобы это было такъ; но кости мои чувствуютъ совсѣмъ противное. И замѣтите, что я достигъ всего этого безо всякаго пособія отъ правительства. Сколько ни писалъ я къ министру внутреннихъ дѣлъ и къ барону Розену, ни отъ кого не добился ни одного чиновника.

Спрошу теперь, на какіе безпорядки по гражданскому управленію указываютъ. Были ли во все время какія-нибудь затрудненія оттого, что распоряженія по какому-нибудь предмету сдѣланы поздно? Нѣтъ. Безпорядочно ли канцелярское отправление дѣлъ? Я нашелъ его въ

совершенномъ безпорядкѣ; но несмотря на тысячи затрудненій, я привелъ его постепенно въ порядокъ по всей области—въ одномъ только Кизлярѣ я не совсѣмъ еще увѣренъ. Если подѣ безпорядками разумѣють злоупотребленія чиновниковъ, то и въ этомъ отношеніи давно уже сотою доля не дѣлается того ама, какое прежде. Несмотря на это, можно было бы винить меня, если бы я не взыскивалъ за такія дѣйствія, за которыя законы даютъ возможность подвергать виновныхъ взысканію, или самъ подавалъ бы поводъ къ злоупотребленіямъ. Но ни одного подобнаго случая не укажутъ. Очень желалъ бы я совершенно искоренить злоупотребленія; но для этого необходимо измѣнить и законодательство, и нравственность людей. Можетъ ли это отъ меня зависѣть?

Судите изъ этого, основательно ли хотѣть представить меня лѣнивымъ. — Хорошее здоровье дало бы мѣсто большей дѣятельности; но скажу вамъ откровенно, что едва-ли удѣлялъ бы я на дѣла болѣе времени, нежели при разстроенномъ здоровьѣ. Такъ ли поступаютъ со мною, чтобы возбуждать особенное рвеніе къ службѣ? Семь уже лѣтъ нахожусь я здѣсь. Взгляните, много ли въ это время подвинулся я по службѣ; сравните полученныя мною награды съ тѣми, которыя даны другимъ. Панкратеву за Дагестанскую экспедицію, гдѣ кромѣ вздору и грабежа покорныхъ селеній ничего онъ не сдѣлалъ, дана Александровская лента, мнѣ за дѣйствія въ то же время, во всѣхъ отношеніяхъ успѣшныя, исключая набѣга на Кизляръ, котораго безъ конницы не могъ я отворотить, дали Бѣлаго Орла: отчего это? Оттого, что Панкратевъ наглымъ образомъ лгалъ въ своихъ донесеніяхъ, а я описывалъ дѣла точно такъ, какъ они происходили, не допуская ни малѣйшихъ прикрасъ. За истребленіе Казимуллы въ Гимрахъ мнѣ дали Александровскую ленту. Эта награда за нѣсколько передъ тѣмъ мѣсяцевъ была бы значительна и могла бы польстить; но послѣ Бѣлаго Орла, что можно было дать мнѣ меньше?—Въ 1834 году поручено мнѣ было перейти черезъ хребетъ Кавказа отъ Кубани къ Геленджикю. Въ успѣхъ этого предпріятія чрезвычайно сомнѣвались. Я не только исполнилъ его, но еще исполнилъ съ потерей очень умѣренною. А какъ въ донесеніяхъ моихъ по обыкновенію не было ни лжи, ни малѣйшаго хвастовства, то меня и отблагодарили Александровскими брильянтами. Изъ всего этого позволительно кажется настоящей наградою почитать одну Александровскую ленту. Въ Петербургѣ дали мнѣ 20.000 рублей на путевыя издержки. Вы знаете, что стоятъ эти поѣздки и жизнь въ Петербургѣ, и потому не удивитесь, что я издержалъ далеко болѣе. Ыздаль же я въ Петербургѣ не для забавы, а по дѣламъ службы. Теперь взгляните, что получилъ нашъ Долгорукій и не въ такое продолжительное время. Въ 1826 году, пріѣхалъ онъ въ Тифлисъ полковни-

комъ, тогда какъ я уже былъ генераль-маіоромъ восемь лѣтъ и имѣлъ всѣ ордена, которые въ этомъ чинѣ даются. Съ тѣхъ поръ онъ достигъ въ генераль-лейтенанты и за исключеніемъ Александровскихъ брильянтовъ имѣетъ всѣ тѣ же ордена, какіе я. Желаю ему и еще болѣе; онъ хорошій человекъ и противъ меня хорошъ. Но можетъ ли служба его сравнена быть съ моею? Если перебирать всѣхъ награждаемыхъ такимъ образомъ, то подобныхъ Долгорукову найдется не такъ мало. Посмотрите, что даютъ графу Вятту, который совершенно ни на что не надобенъ. Здѣсь есть польскій герой генераль-маіоръ Фези. Онъ едва генераль-маіоръ и пріѣхалъ сюда уже въ Анненской лентѣ, украшенной маіоратомъ, который если не вдвое, то въ полтора раза больше моей аренды, которую получилъ я уже въ генераль-лейтенантскомъ чинѣ. Фези принадлежитъ къ числу людей, про которыхъ говорятъ, что на однихъ подметкахъ семи царямъ отслужить. Въ прошедшемъ году онъ посланъ былъ въ Дагеставъ, гдѣ потерялъ отъ изнуренія всѣхъ лошадей отряда, гдѣ отъ нелѣпныхъ распоряженій имѣлъ весьма значительную потерю въ людяхъ; но какъ въ доиселіяхъ своихъ лгалъ онъ безстыдно, то ему дали Владимірскую звѣзду. Назначеннаго теперь сюда Крюкова, который погамѣсть извѣстенъ тѣмъ только, что удержалъ Шавли противъ поляковъ, находятъ нужнымъ поталкивать впередъ; я двадцать лѣтъ дѣйствую на Кавказѣ постоянно съ успѣхомъ; меня ведутъ наравнѣ съ тѣми, которые только что вышли изъ числа плохихъ и которые на моемъ мѣстѣ не умѣли бы ступить шагу. И хотять, чтобы я работалъ свыше силъ! Но если признають во мнѣ какія-нибудь способности, то какъ же не предполагають столько расчетливости, чтобы видѣть, что игра не стоитъ свѣчъ. Можетъ быть считаютъ очень важнымъ, что я получаю здѣсь значительное содержаніе, которое дѣйствительно гораздо больше, нежели что обыкновенно даютъ служащимъ въ равныхъ со мною чинахъ. Но это необходимо по здѣшнему мѣсту и не мало не прибавляетъ моего имущества. Безъ этого содержанія не остался бы я здѣсь ни минуты. Черезчуръ глупо было бы проживать здѣсь послѣднее имѣніе, чтобы подъ конецъ жизни остаться безъ пропитанія.

Много написать я вамъ о себѣ: должно наконецъ сказать кой-что и о сказанномъ вамъ комплиментѣ.— Кажется вы обязаны этимъ барону Розену, который для оправданія дражайшаго зятя въ жидовскихъ его по полку злоупотребленіяхъ, давно разглашаетъ, что подобныя въ полкахъ заведенія разрѣшены во время вашего управленія. Напрасно было бы распространяться, какъ допущенныя вами хозяйственныя въ полкахъ заведенія мало похожи на тѣ злоупотребленія, которыя найдены у князя Дадіана, вы лучше меня это знаете. И едва-ли подобныя найдутся въ другихъ полкахъ. Въ дивизіи Фролова, какъ говорятъ, значительныхъ

безпорядковъ въ полкахъ нѣтъ, хотя у него совершенно связаны были руки. Онъ кажется удаленъ отъ дивизіи безвинно. Васильчиковъ, писавшій о ней, основался на однихъ слухахъ. Это говорилъ проѣзжавшій здѣсь флигель-адъютантъ Орловъ-Денисовъ и полковникъ баронъ Врангель. Говорятъ, что Катенинъ писалъ уже объ этомъ. Вамъ не мѣшаетъ при случаѣ объяснить, что напрасно приписываютъ вамъ допущеніе въ полкахъ злоупотребленій.

Насилу дописалъ, и съ большимъ трудомъ.—Богъзнаю моя не прекращается. Не знаю, что изъ этого выйдетъ.

Письма Н. Н. Муравьева къ А. П. Ермолову.

1.

19 іюня 1847 г. с. Скозняково.

На дняхъ былъ я обрадованъ полученіемъ вашего письма. Если-бъ мнѣ была возможность отвѣчать въ то же время, какъ я читалъ строки ваши, то въ письмѣ моемъ выразилось бы все удовольствіе, которое вы мнѣ доставили. Я бы мысленно перенесся въ уединенный кабинетъ вашъ, гдѣ вы удостоивали меня бесѣды вашей, и слова мои вполнѣ бы изобразили чувства. Но, проходитъ день, другой—примешься писать тогда, какъ мысли развлечены другими предметами, и тѣ, которыя въ голову придутъ нѣсколько разъ, измѣняются прежде, чѣмъ погѣришь ихъ бумагѣ.

Вы знаете, сколько мнѣ лестно расположеніе ваше; вы увѣрены, что я не опасаясь быть съ вами откровеннымъ, вы замѣтили, можетъ быть, что я со вниманіемъ вслушиваюсь даже въ выразительныя шутки ваши насчетъ странностей, коихъ я не чуждъ, стараюсь въ рѣчахъ вашихъ угадать о себѣ то, чего не услышу отъ другихъ. При семъ изложеніи чувствъ моихъ и признательности я привошу вамъ еще выраженіе того безпредѣльнаго уваженія, которое привыкъ имѣть къ вамъ, какъ къ бывшему начальнику моему и наставнику въ службѣ, какъ лицу, приобрѣтшему подобное же уваженіе отъ всѣхъ нашихъ соотчичей.

Простите за предисловіе или поспѣйте къ нему—я и другое готовъ отъ васъ принять, но для меня была необходимость предъ вами выразиться. За снѣгъ желалъ бы я дать письму сему какую-либо степень за внимательности для васъ; но у насъ что, кромѣ урожаевъ, до копѣкъ вамъ дѣла нѣтъ? Объ этомъ предметѣ скажу только, что у меня они хороши и обѣщаютъ обильную жатву, если не сгубятъ ихъ ежедневные ливни, сопровождаемые жестокими бурями, а иногда и градомъ.

Предстоящая зима не представляет для меня ничего приятнаго; пребываніе въ Москвѣ будетъ для меня горькое, и я располагаю провести тамъ только нѣсколько дней, именно потому, что васъ тамъ не будетъ. Въ бесѣдѣ вашей забывалъ и всѣ хлопоты и неудовольствія, осаждавшія меня въ теченіе дня. Теперь этой отрады у меня не будетъ. Поважайте за границу; не скажу съ вами, что сею поѣздкою совершите послѣднюю прогулку въ жизни вашей, и теперь же припомню вамъ сказанныя вами слова, передъ выѣздомъ моимъ изъ Москвы: «Не умру, не побывавъ у тебя въ деревнѣ». Вполнѣ одобряю предположеніе ваше побывать за границую; это придастъ вамъ силы и здоровья—вамъ слѣдуетъ еще долго жить.

Что скажу о Грузіи? Братъ Андрей, недавно выѣхавшій оттуда, ми новалъ меня, пробравшись въ Москву черезъ Керчь и Кіевъ. Вы вѣроятно увидите его въ Москвѣ и, конечно, извлечете какія-либо занимательныя свѣдѣнія о происходящемъ тамъ—если не на поприщѣ военномъ, то по крайней мѣрѣ на поприщѣ духовномъ, часто неразлучномъ съ гражданскимъ. Я уже давно слышалъ о предполагаемой въ Дагестанѣ большой экспедиціи, но не зналъ направленія оной. Пока тамъ тихо, если не принимать въ счетъ стычекъ съ горцами въ Чечнѣ, куда они кажется спускаются съ пушками. По газетамъ видно, что между тѣмъ въ Грузіи занимаютъ истребленіемъ саранчи, коей уронъ значителенъ. Я въ семь дѣлъ не опытенъ и не желаю приобрѣсть этой опытности при мирныхъ занятіяхъ моихъ; и думается, что сила человѣческая неможна подавить бѣдствія такого рода, причѣмъ появленія онаго, какъ я исчисленіе—почти тайна. Биться же съ саранчею, по мнѣнію моему, все то же, какъ лечитъ наружнѣе припадки болѣзни, не касаясь ея основанія. Это удается только съ одною лихорадкою.

Какъ я отъ войны съ горцами попалъ на расправу съ саранчею, того не знаю, но перенесаясь опять къ первому предмету, скажу мнѣніе свое, что экспедиція въ Тилитъ и нѣсколько еще подобныхъ—если бы онѣ всѣ имѣли такой же несчастный исходъ, какъ экспедиція въ Дарго—потрясутъ наконецъ не только Шамиля, но и самый духъ повинующихся ему народовъ. Сказываютъ, что между горцами много калѣкъ, лишившихся членовъ своихъ въ дѣлахъ противъ насъ. Бѣдность, стѣсненіе, лишеніе пастбищныхъ мѣстъ, слѣдственно и скота, неотступная настойчивость, съ которою мы усилываемся ихъ покорить, и неистощимое терпѣніе всѣхъ и каждого изъ подвизающихся къ тому отъ старшаго до младшаго—все это неминуемо доведетъ ихъ до крайности, и они же выдаютъ намъ Шамиля. Конечно, въ сторону дороговизна такого приобрѣтенія; но въ дѣлахъ подобнаго объема не такъ, какъ въ частныхъ, не каждая трата капитала вскорѣ возвращается.

О предположенномъ назначеніи графа Киселева, вмѣсто князя Воронцова, я слышалъ прошедшею зимою, еще до отъѣзда моего въ Петербургъ, и, кажется, говорилъ вамъ о томъ. Въ пользу графа Киселева то, что онъ не опасается на ряду съ иными окружать себя умными людьми. Впрочемъ, въ избраніи сослуживцевъ или подчиненныхъ своихъ каждый руководствуется своими собственными видами, отъ другихъ скрытыми.

Жена поручила мнѣ благодарить васъ за воспоминаніе о ней и свидѣтельствуесть вамъ свое глубочайшее почтеніе. Съ моей стороны, при пожеланіи вамъ здоровья, повторяя начальныя выраженія письма моего, имѣю честь пребывать и проч.

2.

30 сентября 1855 г. л. при Чифлигаѣ.

Порадуйтесь, Клавдій ¹⁾ — кавалеръ Георгія по представленію генерала Базина и утвержденію думы. Говорилъ я и представляющимъ, и утверждающимъ, что никому, кто бы онъ ни былъ, не покровительствую въ семь дѣлъ, и потому крестъ сей рѣшенъ безъ моего покровительства, а по заслугѣ, сыномъ вашимъ оказанной, что васъ тѣмъ богѣе должно угѣшать. Сегодня онъ дежурный и съ крестомъ въ петлицѣ.

Теперь о Карсѣ. Карсъ не взять, но, сколько намъ извѣстно, агонизируетъ. Я знаю, что вы были того мнѣнія, чтобы не штурмовать, это былъ и мой первый планъ дѣйствій, но обстоятельства переѣнились, а потому и планъ мой измѣнился. Турки высадились въ Батумъ и Трапезунтъ и приступили къ разработыванію дорогъ черезъ Аджару. Мнѣ надобно было поскорѣе кончить съ Карсомъ, чтобы имѣть силы свои свободными для дѣйствія, куда бы надобность потребовала. Тутъ подошло извѣстіе о занятіи союзниками Севастополя; надобно было хотя сколько нибудь покрыть сію утрату. Войска давно уже горѣли нетерпѣніемъ атаковать крѣпость. Съ мнѣніемъ этимъ согласовались и начальники ихъ. Штурмъ по ходу дѣла былъ необходимъ, въ чемъ я и теперь убѣжденъ. Условія къ успѣху, строго взвѣшенныя, гласили въ нашу пользу. Дѣло началось блестятельнымъ образомъ: съ самаго начала захватили въ передовыхъ укрѣпленіяхъ 23 орудія, но по несчастію, въ одно почти время поражены были начальники трехъ штурмовыхъ колоннъ (ихъ было четыре), и части ихъ, лишившіяся единства и распо-

¹⁾ Сынъ А. П. Ермолова.

раженія, разстроились. На двухъ пунктахъ приступы были отражены, на двухъ войска удержались, метались впередъ, но теряя много людей, не могли среди перекрестныхъ огней одолѣть предстоявшихъ препятствій. Видя потерю людей и малый успѣхъ отъ подсылаемыхъ мною подкрѣпленій, которыя не удерживали болѣе строя, я приказалъ отступить. Мы вывезли оттуда 4 орудія, прочія заклепали или сбросили съ бручя, а 14 знаменъ и значковъ. Пришедши въ лагерь, обложили по-прежнему крѣпость, коей гарнизонъ ожидалъ на другой день ухода нашего. Я остался въ томъ же лагерѣ, началъ строить землянки и припасать фуражъ, что озадачиваетъ турокъ. Теперь дѣло на терпѣнье идетъ. Карскіе жители понестія бѣдствуютъ отъ голода, но гарнизонъ еще довольствуется половинною долею хлѣба. Побѣги стали снова показываться; боятся новаго приступа, голода и холеры, которая въ Карскѣ свирѣпствуетъ. Многочисленная конница Анатолійской арміи въ теченіе лѣта вся истреблена, орудія безъ лошадей, люди вуждаются въ одеждѣ и обуви, не говоря о продовольствіи. Омаръ-паша изъ Батума еще не трогался.

Вотъ и всѣ новѣстія наши. Извините дурное писаніе мое, переписать письма не имѣю времени. Я получилъ письмо ваше, посланное съ флигель-адъютантомъ Чертковымъ. Трогательно для меня постоянное расположеніе ваше, когда я его заслужилъ и когда заслужу!

Больно мнѣ было узнать, что вы опять захворали, но съ удовольствіемъ замѣтилъ опять твердость почерка вашего, который сталъ было слабѣть въ послѣднюю болѣзнь вашу.

Мы, съ Божьей помощью, надѣемся здѣсь управиться, но болѣе озабочиваютъ меня крымскія дѣла. Достигъ я отвлеченія сихъ оттуда, чего домогался, но видно мало дали эти отвлеченія помощи нашимъ. Былъ бы планъ дѣйствій военныхъ и административныхъ, тогда бы дѣло могло еще поправиться, если не вдругъ, то со временемъ.

Желаю вамъ здравія и утѣшенія. Прямите увѣреніе глубочайшаго уваженія и преданности, съ коими въ вѣкъ останусь вашего высокопревосходительства покорнымъ слугою Николай Муравьевъ.

3.

19 ноября 1859 г. сел. Скозняково.

Постараюсь, хотя не надѣюсь, чтобы почеркъ мой могъ быть разобранъ слабыми глазами вашими. Туда же клонится и мое зрѣніе, ежедневно слабѣющее. Вы пишете, что ноги ваши въ явномъ возмущеніи,

со своими я также въ непрерывной борьбѣ, какъ почтарь, понуждающій выслуживающую срокъ лошадь, чтобы она его до станціи довезла. Вѣда, какъ станетъ гаснуть сила воли, тогда и разрушатся и тѣлесныя силы.

По участію вашему ко мнѣ, вы спрашивали Бибикова о моемъ житіи, бытіи. Мнѣ здѣсь хорошо и лучшаго не желаю. При дурномъ урожаѣ сего года, безъ нужды обхожусь оставленнымъ мнѣ казеннымъ содержаніемъ. *Questions palpitantes*, какъ вы это дѣло называете, я ничего не знаю. Братъ мой Михайло вовсе пересталъ писать ко мнѣ, ему и недосугъ; а затѣмъ кромѣ пустыхъ толковъ, ничего не услышишь. Народъ не ожидаетъ лучшаго, но желаетъ при всемъ этомъ перемѣны. Впрочемъ, все у насъ спокойно, повиновеніе попрежнему, стали больше заниматься своими работами, строятся.

Дѣйствія на Кавказѣ имѣли точно успѣхъ блистательный, но чего же я стоить успѣхъ сей людьми и деньгами! Больно отзовутся траты сіи въ Россіи, а можетъ быть останутся и не безъ вліянія въ политическихъ сношеніяхъ нашихъ съ Европейскими державами. Я такъ далеко сталъ нынѣ отъ высшаго круга дѣйствій, что деревенскій взглядъ мой на вещи можетъ быть неоснователенъ; но сужденіе мое созвучно съ изложеннымъ въ письмѣ вашемъ мнѣніемъ, что не безъ выгодно было бы уменьшить количество войскъ на Кавказѣ. Съ этимъ мнѣніемъ сопряжено, конечно, много и другихъ мыслей.

Буду ли нынѣшнею зимою въ Москвѣ — не знаю положительно; но кажется мнѣ, что приѣду на короткое время. Нельзя мнѣ оставить мнѣніе въ настоящихъ обстоятельствахъ; надобно возстановить все разрушившееся отъ десятилѣтняго отсутствія моего и, пока еще силы есть, сколько возможно упрочить дѣла свои для предстоящаго будущаго.

По дѣлу Генеральнаго суда, коего мнѣ не удалось избѣгнуть, знаю, что одинъ отзывъ уже полученъ, въ скоромъ времени ожидаютъ другаго, а тамъ и рѣшатъ дѣло, отъ котораго считаю себя совсѣмъ отрѣзаннымъ. Хотѣлъ бы вовсе забыть о немъ.

Въ политическомъ мірѣ, одно изъ занимательнѣйшихъ событій должно, кажется мнѣ, совершиться около Тангера. Оттуда можетъ возродиться и общая война. Если не ошибаюсь, то императоръ французовъ occupal чувствительный нервъ Англіи, и едвали не чувствительнѣе Египта, къ коему обратился дядя его. Такъ — оно, если, какъ пишутъ, Тангеръ заграждаетъ входъ въ Средиземное море. Обладать ему Средиземнымъ моремъ будетъ выгоднѣе для него, чѣмъ носить титулъ *Duc de Salaparuta*, котораго онъ кажется домогается. Все пишутъ релации и картины о сей побѣдѣ. Итальянское дѣло — чистая загадка, и я думаю, что онъ прошибся, самъ не знаетъ какъ кончить. Полагаю, что и насъ удостоить

приглашеніемъ на конгрессъ для рѣшенія этого дѣла, которое еще хуже Затлеровскаго.

Жена и дѣти благодарятъ васъ за воспоминанія о нихъ и поручаютъ вамъ свидѣтельствовать глубочайшее почтеніе. Письмо ваше читали мы въ семейномъ кругу и радовались твердому почерку руки вашей. Жену вы польстили лестнымъ отзывомъ о дѣтахъ. Мы къ вамъ все съ искреннимъ участіемъ.

Примите увѣреніе въ чувствахъ неизмѣнной преданности и душевнаго почтенія, съ коими имѣю честь быть, и проч.

4.

23 декабря 1859 г. сел. Сквозняково.

Пропустилъ я три почты послѣ полученія письма вашего отъ 11-го декабря, въ надеждѣ узнать что нибудь новаго для сообщенія вамъ, но нѣтъ ничего, и потому принимаюсь нынѣ писать.

Вы меня увѣдомляете объ отправленіи фельдмаршалскаго жезла къ кн. Барятинскому. Не знаю вспомните-ли вы, что обстоятельство это въ разговорахъ нашихъ я предсказывалъ. Такое явленіе не принадлежитъ къ разряду необыкновенныхъ, и если взглянуть на времена прошедшія, то сколько подобныхъ встрѣчается.

Что касается до присяги, данной Мегмедь-Эминомъ, то въ сущности не знаю, кто кого надулъ. Мегмедь-Эминъ давно уже утратилъ вліяніе свое въ народѣ и онъ вѣрно надѣялся, что ему, на подобіе Шамиля, отвѣдутъ губернской городъ въ Россіи на жительство, съ богатымъ содержаніемъ и почестями, но вышло, что его ¹⁾ обратно въ горы; поэтому должно ожидать, что онъ послѣ данной присяги будетъ по крайней мѣрѣ вѣрно-мирный Россіи.

Теперь какъ край этотъ уже покорился, желательно было бы знать, начнутъ ли въ немъ проводить дороги и займутъ-ли снова берега Чернаго моря. Результатъ тогда былъ бы истинно великій и сколько войскъ возвратилось бы въ Россію!

Неисповѣдима будущность лица, подвизающагося нынѣ на поприщѣ шедротъ.

Съ тѣхъ поръ какъ переведенъ съ Воронежа бывшій трактъ Кавказа на Харьковъ, гдѣ ходятъ нынѣ и экстра-почты, меня вовсе не посѣщаютъ болѣе проѣзжіе изъ того края, и потому не имѣю ничего новаго передать вамъ о происходящемъ въ той странѣ

Жена моя и все семейство благодарятъ васъ за доброе расположе-

¹⁾ Одного слова нельзя разобрать.

ніе и прѣвѣтливое воспоминаніе. Очень бы желалъ повидаться съ Вами, но буду-ли мыишнейю зимою въ Москвѣ, не знаю. По средствамъ могъ-бы сдѣлать сіе, хотя и съ ущербомъ для будущаго; но меня задерживаютъ здѣсь занятія всякаго рода, которыхъ оставить не могу. Надѣюсь, что вы преуспѣете въ предпринятой вами борьбѣ съ предстоящимъ намъ. Я же чувствую постигну мою уже старость. Слабѣетъ зрѣніе, временемъ измѣняютъ ноги и одолеваетъ отдышка. Желаю вамъ здравія и прошу принять увѣреніе въ чувствахъ глубокаго почтенія и истинной преданности.

Письма Н. Вольфа къ А. П. Ермолову.

1.

31 декабря 1858 г. С.-Петербургъ.

Пользуюсь послѣдними минутами истекающаго года, чтобы принести вамъ, высокочтимый Алексѣй Петровичъ, мое искреннѣйшее и почтительнѣйшее поздравленіе съ наступающимъ новымъ годомъ и пожелать вамъ сердечно всѣхъ благъ земныхъ и продолженія добраго здоровья, о которомъ Николай Алексѣевичъ ¹⁾ привезъ мнѣ наилучшія извѣстія. Онъ же доставилъ мнѣ и письмо, которымъ вамъ угодно было удостоить меня отъ 10-го декабря, и которымъ возгордился я предъ всѣми моими кавказскими товарищами, какъ будто бы я заслужилъ такой высокій знакъ нашего вниманія. Могу развѣ только обѣщать вамъ, твердо обѣщать, что постараюсь заслужить вашу ко мнѣ довѣренность и доказать Николаю Алексѣевичу, какъ всѣ мы, кавказцы, свято хранимъ память нашего отца-командира; тѣмъ пріятнѣе мнѣ будетъ исполнить этотъ долгъ, что сынъ вашъ, своими прекрасными качествами, заслужилъ уже общую любовь и уваженіе своихъ начальниковъ и сверстниковъ.

Для меня собственно прошлый годъ принесъ не много радостей и поразилъ меня жестокимъ ударомъ, смертью единственнаго моего друга, барона И. А. Вревскаго, котораго, надѣюсь, будетъ оплакивать не одинъ я, но и весь Кавказъ, ибо онъ былъ изъ тѣхъ генераловъ, которые воспитывались въ преданіяхъ вашей школы и сохранили духъ, внушенный вами Кавказскому корпусу. Онъ былъ храбрый и правдивый воинъ, берегъ своихъ солдатъ, билъ горцевъ не на бумагѣ, а въ бою, и Шамиль три дня праздновалъ смерть этого рыцаря безъ страха и упрека. Одержанные имъ успѣхи были не изъ числа такихъ, которые влекутъ за собою лишь разстройство всѣхъ войскъ тамошней арміи и новыя требованія огромныхъ суммъ и подкрѣпленій изъ нѣсколькихъ десятковъ ты-

¹⁾ Сынъ А. П. Ермолова.

сячь свѣжихъ войскъ, т. е. такихъ побѣдъ, которыя напоминаютъ старую французскую поговорку: *encore une victoire pareille et nous sommes perdus.*

Припоминая однакожь, что нельзя встрѣчать новый годъ такими грустными мыслями, я заключаю письмо повтореніемъ душевнаго моего желанія, чтобы вы провели этотъ годъ въ полномъ благополучіи.

2.

13 февраля 1861 г. С.-Петербургъ.

Высокочтимый Алексѣй Петровичъ!

Письмо, которымъ вы почтили меня отъ 23-го января, неслыханно меня обрадовало извѣщеніемъ, что здоровье ваше начинаетъ поправляться, что подтвердилъ и Николай Алексѣевичъ; скоро наступающая весна несомнѣнно подкрѣпитъ ваши силы и прекратитъ ваши страданія, такъ думаютъ и надѣются многочисленные ваши почитатели, т. е. всѣ занимающіеся русскою исторіею.

За лестное обѣщаніе подарить мнѣ портретъ вашъ мнѣ остается только низко поклониться и увѣрить васъ, что въ воспоминаніяхъ не только моихъ, но и всѣхъ посѣщающихъ меня кавказцевъ, онъ возобновитъ славное прошедшее. Въ ожиданіи его я не утерпѣлъ и приобрѣлъ старый портретъ вашъ, хотя не вполнѣ удачный, но довольно вѣрно воспроизводящій черты ваши. Онъ стоитъ рядомъ съ портретомъ князя Цицианова въ моей кавказской галерей, и оба они какъ будто глядятъ на наши горы и упрекаютъ новѣйшее поколѣніе придворныхъ полководцевъ, изнуряющихъ всѣ силы Россіи, чтобы покорить эти горы, но напрасно. Покореніе только на бумагѣ, а дѣйствительно дерутся больше прежняго, убьютъ людей въ десять разъ болѣе, нежели 10 лѣтъ назадъ, а денежный расходъ утроился противъ 1852 года. Правда, что не все идетъ на военныя дѣйствія; напримѣръ 800.000 руб. ассигновано на возведеніе монументальной гостиницы на Казбекѣ, съ билльярдами, дилижансами и проч., но безъ дровъ, которыхъ тамъ нѣтъ.

Послѣдняя экспедиція противъ шапсуговъ не удалась; у насъ много поморожено людей, а закубанцы, народъ дикій и необразованный, не постигли достоинства стратегическаго концентрическаго движенія, которое должно было отбросить ихъ въ море. Они попросту утекли въ свои лѣса и ущелья; вотъ какъ умнѣйшія распоряженія не достигаютъ цѣли единственно по глупости непріятели, неуважающаго стратегію.

Покорнѣйше прошу, высокочтимый Алексѣй Петровичъ, простить мою излишнюю болтливость и вѣрить чувствамъ глубочайшаго почтенія и преданности.

Письмо графа Н. П. Румянцева С. Ф. Стрекалову.

26 февраля (9 марта) 1794 г. Гамъ.

Милостивый государь мой Степанъ Федоровичъ!

Я крайнѣ сожалѣю, что вы покинули здѣшнѣй край прежде нежели я имѣлъ случай съ вами повидаться и воспользоваться пребываніемъ вашимъ во Франкфуртъ. Позвольте, милостивый государь мой, вамъ напомнить, что вы обѣщать мнѣ изволили по возвращеніи своемъ въ Россію выплатить изъ кабинета цѣну проданной мною брильянтовой цѣпочки. Вы крайне меня одолжить изволите, если сіи деньги перешлетѣ ко мнѣ во Франкфуртъ, адресуя или на имя г-дѣ Бѣггановъ или г-на Генриха Гонтара, какъ вамъ будетъ способнѣе. Мнѣ въ деньгахъ по разнымъ обстоятельствамъ миссіи моей довольноная нужда.

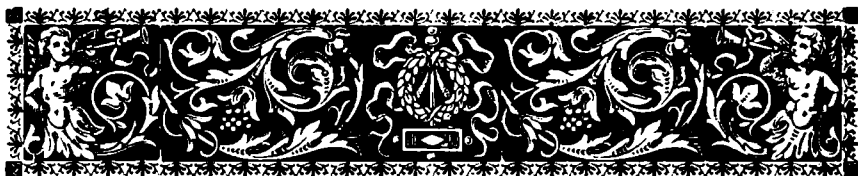
Собственноручное письмо графа П. Завадовскаго графу А. Н. Разумовскому.

20 августа 1808 г. С.-Петербургъ.

Милостивый государь мой, графъ Алексѣй Кирилловичъ. Просилъ и еще прошу вашего сіятельства возстановить порядокъ ученія и очистить отъ негодяевъ Ярославскую гимназію. Каково же основателю оной, Демидову, видѣть таковыя плоды отъ своихъ благотвореній! Я надѣюсь, что ваши распоряженія и посланный экзекуторомъ, о чемъ меня увѣдомляете, подымутъ въ Ярославлѣ падшее ученіе. Дай Богъ вамъ также перевести партію Бахуса и своею попечительностію превратить въ свѣтило хаосъ Московскаго университета. Присовокуплю къ симъ желаніямъ истинное мое почтеніе и велицебѣрную преданность, съ коими пребываю вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою. Г. Петръ Завадовскій.

Сообщ. академикъ А. Ѳ. Бычковъ.

Изъ бумагъ А. В. Никитенко.

(Письма къ нему гр. Хвостова, И. С. Тургенева, Н. В. Гоголя, графини Е. Ростовичной, Ив. Лажечникова и Крамскаго ¹⁾).

Письма графа Хвостова—А. В. Никитенко.

1.

5-го августа 1835 г.

Свидѣтельствуя дружескій поклонъ и искреннее уваженіе почтенному Александру Васильевичу просить его покорно приложенные у сего три пакета раздать по надписи въ первую, вторую и третью гимназія, состоящія здѣсь въ городѣ при университетѣ; въ сихъ пакетахъ мои стихи, которые я къ вамъ уже давно сообщилъ, да и теперь два экземпляра прилагаю собственнo для васъ. Съ истиннымъ почтеніемъ вашъ, милостивый государь мой, покорный слуга графъ Хвостовъ.

2.

11-го сентября 1835 г.

Старое, и весьма старое знакомство, лѣтъ за 15-ть отсель, еще на Литейной улицѣ у г. Таумана, побуждаетъ меня прибѣгнуть къ вамъ подъ покровительство и покорно просить одобрить казеннымъ порядкомъ сочиненіе моей неумолкаемой музы, большею частію въ стихахъ,

¹⁾ На страницахъ „Русской Старины“ 1888.—1890 г. были напечатаны записки и дневникъ Александра Васильевича Никитенко.—Здѣсь же помѣщаются письма къ нему разныхъ лицъ. Р е д.

иногда и въ прозѣ. Теперь я посылаю къ вамъ 1-й томъ лирическихъ моихъ твореній полнаго собранія т. е. по старинному одъ, духовныхъ, нравственныхъ и всякаго рода. Случилася бѣдущка—первый томъ пропалъ, то чтобы не потерять изданіе, надобно его перепечатать. Прошу удостоить сей 1-й томъ цензурокъ вашею и вѣрить всегда вручителю сего г. Власову, который отъ меня будетъ къ вамъ ходить съ покорными просьбами и порученіями. Радъ очень буду васъ видѣть у себя въ домѣ по вечеркамъ: я болѣе полутоду боленъ и все нахожусь въ постели. Повторяю вамъ мою покорную просьбу и ожидаю благосклоннаго отвѣта. Есмь и буду съ почтеніемъ вашего высокоблагородія, милостиваго государя моего, покорный слуга графъ Хвостовъ.

Р. S. Мой «Биографическій Словарь» при концѣ, и очень нужна ваша біографія. Прошу немедля доставить ее, я теперь уже обрабатываю литературу III.

3.

Октябрь 1835 г.

Въ полной надеждѣ на знакомство ваше, на знанія и любовь къ словесности, посылаю вамъ, со страхомъ и трепетомъ, первую часть моего «Биографическаго Словаря» отъ лит. А до Л. Посылаю какъ цензору на одобреніе;—а главная моя цѣль есть та, чтобы сіе, можетъ быть, полезное твореніе, какъ знаменитымъ нашимъ литераторомъ, то есть вами, было прочитано, осмотрѣно въ полной мѣрѣ и исправлено бы было въ недостаткахъ:

1) въ недостаткахъ хронологическихъ о мѣстѣ, годѣ рожденія—словомъ все то, что вы заблаторазсудите относительно неполноты или забвенія именъ авторскихъ и сочиненій ихъ. Только прошу, продержавъ у себя словарь хотя мѣсяцъ и болѣе, замѣчанія ваши писать хотя чернилами, но на особливой бумажкѣ, а не въ самой книгѣ словаря. Вы меня симъ много и много изволите облагодѣтельствовать. Мое дѣло было собрать имена, дѣлать выписки изъ прежнихъ пособій, которыхъ, кромѣ Новикова и Духовнаго Словаря, Словесности Греча IV части почти у насъ нѣтъ. Мой словарь не иное что, какъ собственныя мои записки о знаменитыхъ происшествіяхъ каждаго автора, то есть, что я о каждомъ современникѣ чувствовалъ и думалъ, и отнюдь не постоянное для потомства сужденіе. Словарь мой историческій, а не сатирический; онъ, кажется, безпристрастенъ. Скажутъ мнѣ, что въ немъ есть пропуски;—согласенъ. —Я васъ прошу ихъ дополнить, а если нѣкоторые и останутся, то какой же словарь можно выдать полнымъ съ перваго изданія?

2) Еще скажутъ, что есть невѣрности;—надобно оныхъ избѣгнуть, сколько возможно, о чемъ васъ опять прошу и буду читать (?) мой словарь другимъ.

3) Относительно недостатковъ слога, я вамъ повѣряю исправленіе онаго, какъ знаменитому профессору и филологу—только какъ выше сказано, на особой бумажкѣ.—Облагодѣтельствуйте меня и потрудитесь для пользы отечества. Впрочемъ, когда мой словарь напечатается, то есть черезъ годъ, ибо я тороплюсь,—каждый воленъ будетъ мнѣ сообщить замѣчанія о недостаткахъ, невѣрностяхъ и ошибкахъ; я оныя всѣ критики приму съ благодарностью, и васъ обременяю поправками для того, что это дѣло не мое, а дѣло русской словесности. Притомъ же скажу вамъ, что многіе живые литераторы, какъ то: г. Андросовъ, Аксаковъ и многіе другіе, не взирая на мои убѣдительныя просьбы, біографій своихъ не присылаютъ; иныхъ, особливо медиковъ и профессоровъ по точнымъ наукамъ, я мало на память знаю, могу пропускать многія сочиненія и только руководствуюсь, и то случайно, «Сѣверною Пчелою». Словарь у меня собственный конченъ по литеру III; но вотъ дѣло, что мертвыя буквы (?), ваша собственная біографія, подъ лит. Н—Никитенко, давно написана и вписана во вторую часть словаря, котораго я еще не посылаю. Біографіи вашей ожидаю и снова прошу поставить голову на плечи, то есть обязать меня въ первой части исправленіемъ недостатковъ. Желаю на досугъ очень и очень съ вами повидаться и самъ буду, когда стану выѣзжать. Прошу полюбить, вѣрить Ильѣ Дмитриевичу Власову по моимъ порученіямъ, и еще вѣрить, что я емь и буду съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью вамъ, милостивый государь мой, покорный слуга графъ Хвостовъ.

P. S. Разумѣется, что я обременяю васъ, моего благодѣтеля, поправкою недостатковъ моего словаря, не съ тѣмъ, чтобъ вы снова изволили собирать справки и переименовывать мой словарь; но увѣренъ будучи въ вашихъ большихъ знаніяхъ и хорошей памяти, прошу покорно исправлять только то, что у васъ случится подъ руками, поверхностно.

Еще словцо: говорятъ и скажутъ мнѣ, что я помѣщалъ иностранцевъ, писавшихъ на чужеземныхъ языкахъ,—точно такъ;—у меня есть инженеръ Базенъ, генераль-аѣдътантъ Жомини, митрополитъ Сестреничевъ и многіе другіе. Вотъ мое оправданіе: они русскіе, потому что долго жили въ отечествѣ нашемъ, что въ нашей службѣ, и писали болѣе для Россіи, чѣмъ для Европы.

Скажутъ мнѣ, что у меня, кромѣ авторовъ въ стихахъ и прозѣ, находятся художники—не спорю;—Баргнянскій, Алексѣй Ѳеодоровичъ Львовъ и, можетъ быть, другіе. Развѣ они не сочинители? и для чего

во всѣхъ родахъ не похвастать тѣмъ, что изящно и что намъ собственно (т. е. составляетъ нашу собственность).

Письма Из. Сер. Тургенева — А. В. Никитенко.

1.

26-го марта 1837 года.

Препровождая вамъ мои первые, слабые опыты на поприщѣ русской поэзія, я прошу васъ не думать, чтобы я имѣлъ малѣйшее желаніе ихъ печатать—и если я прошу у васъ совѣта, то это единственно для того, чтобы узнать мнѣніе ваше о моихъ произведеніяхъ, мнѣніе, которое я цѣню очень высоко. Я колебался, долженъ ли я былъ послать драму, писанную мною 16-ти лѣтъ, мое первое произведеніе—и столько вижу въ ней недостатковъ и вообще весь планъ ея мнѣ теперь такъ не нравится, что если-бъ я не надѣялся на вашу снисходительность, а главное если-бъ я не думалъ, что по первому шагу можно по крайней мѣрѣ предугадать будущее, я никогда не рѣшился бы вамъ ее послать. Съ годъ тому назадъ я ее давалъ П. А. Плетневу. Онъ мнѣ повторилъ то, что я давно ужъ думалъ—что все преувеличено, невѣрно, незрѣло... ¹⁾ и если есть что-нибудь порядочное, то развѣ нѣкоторыя частности очень немногочисленныя. Считаю долгомъ замѣтить, что (вы конечно это тотчасъ замѣтите) размѣръ стиховъ очень неправиленъ. Передѣлывать ихъ теперь не стоило труда, и я было хотѣлъ ее предать совершенному забвенію, когда ближайшее знакомство съ вами побудило меня показать ее вамъ. — «Повѣсть Старика»—недоконченная и врядъ-ли когда окончаемая поэма—писана въ 1835 году. И наконецъ: «Нашъ вѣкъ»—произведеніе, начатое въ нынѣшнемъ году въ половинѣ февраля, въ припадкѣ злобной досады на деспотизмъ и монополію нѣкоторыхъ людей въ нашей словесности. Прошлый годъ былъ посвященъ переводу Шекспирова «Отелло» (который я не кончилъ—только до половины 2-го акта) «Короля Лира» (съ большими пропусками) и «Манфреда». Первые два перевода мною истреблены: мнѣ они казались слишкомъ дурны послѣ переводовъ Вронченки, Панаева.. ¹⁾ Приятно это было ложное направленіе—я совершенно не гожусь въ переводчики. «Манфредъ» у меня не списавъ, оттого я и не посылаю его къ вамъ. Если то, что я вамъ послалъ, покажется вамъ не совершенно дурнымъ, то если вамъ бу-

¹⁾ Точки въ подлинникѣ.

дети угодно мнѣ сказать, я вамъ доставляю еще три маленькія конченныя поэмы: «Штиль на морѣ», «Фантазмагорія въ лунную ночь» и «Сонъ». Сверхъ того, у меня около 100 мелкихъ стихотвореній, но все не переписано—разбросано..!) «Нашъ вѣкъ»—не конченъ; я работаю теперь надъ нимъ. Впрочемъ отъ вашего рѣшенія будетъ зависеть, долженъ-ли я продолжать. Еще одна просьба: не говорите объ этомъ Петру Александровичу: я общалъ и ему, передъ знакомствомъ съ вами, доставить мои произведенія, и до сихъ поръ не исполнилъ обѣщанія. Мнѣнія его, которыя я, впрочемъ, очень уважаю, не сходятся съ моими, притомъ—я вамъ скажу откровенно—при первомъ знакомствѣ съ вами я къ вамъ почувствовалъ неограниченную довѣренность...!) И еще забылъ вамъ сказать, что мною въ концѣ прошлаго года начата драма, которой первый актъ и весь планъ совершенно конченъ; я надѣюсь, по прїездѣ моемъ изъ деревни—привезти ее уже конченую (въ сентябрѣ). Затѣмъ прошу у васъ свисходительности за смѣлость, которую я принялъ васъ обезпокоить, и прошу васъ вѣрить въ тѣ чувства уваженія и совершеннаго почтенія, съ которыми я остаюсь, вашъ покорнѣйшій слуга Иванъ Тургеневъ.

2.

18-го сентября 1837 г. Мценскій уѣздъ.

Позвольте мнѣ прибѣгнуть къ вашему посредничеству. Вамъ извѣстно, что я нынѣшней весной подвергался испытанію для полученія кандидатской степени и, какъ я могъ судить изъ списковъ, довольно удачно. Оставался одинъ экзаменъ изъ русской исторіи, отложенный до конца вакацій, по причинѣ болѣзни жены профессора Устрялова. Я намѣревался прибыть къ 5-му сентября въ Петербургъ, и накануне отъѣзда, упавъ съ дрожжекъ, сломалъ себѣ руку. Это неожиданное происшествіе заставило меня отложить отъѣздъ мой на шесть недѣль; а потому покорнѣйше прошу васъ, если это будетъ имѣть неблагоприятное вліяніе на полученіе диплома или вообще на экзаменъ, которому я еще не подвергался, замолвить обо мнѣ слово въ совѣтѣ. Съ сей же почтою отправляю донесеніе къ г. ректору. Надѣясь на благоволеніе, которое вы мнѣ всегда оказывали, смѣю думать, что вы не оставите моей просьбы безъ вниманія. За симъ, съ истиннымъ чувствомъ уваженія и преданности, остаюсь вашъ покорнѣйшій слуга Иванъ Тургеневъ.

Письма Н. В. Гоголя—А. В. Никитенко.

1.

10-го апрѣля 1842 г. Москва ¹⁾.

Благодарю васъ за ваше письмо. Въ немъ видно много участія, много искренности и много того, что прекрасно и благородно волнуетъ человѣка. Да, я не могу пожаловаться на цензуру: она была снисходительна ко мнѣ, и я умѣю быть признательнымъ. Но, признаюсь, уничтоженіе „Копейкина“ меня много смутило. Это одно изъ лучшихъ мѣстъ. И я не въ силахъ ничѣмъ теперь заплататъ ту прорѣху, которая видна въ моей поэмѣ. Вы сами, одаренные эстетическимъ вкусомъ, который такъ отразился въ письмѣ вашемъ, вы сами можете видѣть, что кусокъ этотъ необходимъ, не для связи событій, но для того, чтобы на мигъ отвлечь читателя, чтобы одно впечатлѣніе смѣнять другимъ, и кто въ душѣ художникъ, тотъ пойметъ, что безъ него остается сильная прорѣха. Мнѣ пришло на мысль: можетъ быть цензура устрашилась генералитета. Я передѣлалъ „Копейкина“, я выбросилъ все, даже министра, даже слово: „превосходительство“. Въ Петербургѣ, за отсутствіемъ всѣхъ остается только одна временная коммиссія. Характеръ Копейкина я выначилъ сильнѣе, такъ что теперь ясно, что онъ самъ причиной своихъ поступковъ, а не недостатокъ состраданія въ другихъ. Начальникъ коммиссіи даже поступаетъ съ нимъ хорошо. Словомъ, все теперь въ такомъ видѣ, что никакая строгая цензура, по моему мнѣнію, не можетъ найти предосудительнаго въ какомъ бы то ни было отношеніи. Молю васъ возвратить мнѣ это мѣсто и скорѣе сколько возможно, чтобы не задержать печатанья. У Плетнева вы возьмите рукопись и передайте ее потомъ ему же для пересылки ко мнѣ. Ничего вамъ не скажу болѣе, ибо вы сами въ письмѣ вашемъ сказали, что понимаете меня, стало быть поймете и благодарность мою.

Истинно преданный вамъ Н. Гоголь.

¹⁾ Письмо это служитъ отвѣтомъ на письмо А. В. Никитенко отъ 1-го апрѣля, уже напечатанное на страницахъ „Русской Старинѣ“ (1889 года № 8 стр. 384). Ред.

2.

21-го іюля (1 августа) 1842 (?) г. Эмсъ.

Я къ вамъ съ просьбою, почтеннѣйшій Александръ Васильевичъ. Отъ Плетнева вы получите, если уже не получили на процензироваіе нѣкоторыя изъ моихъ писемъ, которыя имѣютъ быть напечатаны отдѣльной книгой въ весьма непродолжительномъ времени. Отъ Плетнева вы будете все получать по частямъ. По разнымъ причинамъ я не хочу, чтобы до времени выхода о книгѣ знали. А потому прошу васъ, чтобы осталось только между вами и Плетневымъ, и никто бы кромѣ васъ двухъ не былъ введенъ третій. Что касается до самаго существа книги въ отношеніи цензуры, то я совершенно спокоенъ, увѣренъ будучи, съ одной стороны, въ вашей благосклонности, а съ другой стороны, въ безвинности самой книги, при составленіи которой я самъ былъ строгимъ своимъ цензоромъ, что вы, я думаю, увидите сама. Если же какое н встрѣтится выраженіе, которое бы даже съ перваго раза остановило васъ, то я увѣренъ, что къ концу книги смыслъ его объяснится предъ вами полный, и вы его признаете только нужнымъ и ничего болѣе. Если же сдѣлаете какую поправку или указаніе относительно слога, неточности выраженія и т. п., то сямъ меня крайне обяжете. О письмѣ, равно какъ и о полученіи отъ Плетнева начала рукописи уведомите меня, адресуя во Франкфуртъ на Майнѣ на имя Жуковскаго, прибавивъ къ Франкфурту s/M Sachsenhausen Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor. Засимъ обвиняю васъ отъ всей души. Весь вашъ Гоголь.

Письма графини Е. Ростопчиной—А. В. Никитенко.

1.

Декабрь 1854 г.

Вы повторили анекдотъ пара персовъ, не пріѣхали за моимъ оружіемъ, Александръ Васильевичъ... А я въ это время была вдругъ огорчена внезапною смертію добраго и хорошаго дяди, и всѣ эти неудачи вмѣстѣ огорчили и отуманили меня на долго. Вотъ и сегодня officialный вечеръ разстраиваетъ наши крошечныя и уютныя планы: неужто я ужъ васъ больше не увижу? Нѣтъ, право, это несправедливо и вы должны вознаградить меня, пріѣхать пить чай со мною завтра вечеромъ, на прощанье. Я даже имѣю честолюбивую смѣлость просить

самого Абрама Сергѣевича (Норова ¹⁾) и вамъ поручаю адвокатствовать за меня и поддержать мою просьбу вашимъ краснорѣчивымъ ходатайствомъ. — Также я прошу васъ о другой милости. Вотъ вамъ два экземпляра напередъ написанныхъ стиховъ: одинъ—для васъ, по обѣщанію; другой назначается для отсылки къ неутомимому цензору, и мнѣ, по многимъ причинамъ желается, чтобы министръ подписалъ его своею всемогущею и милостивою рукою. Можете-ли вы помочь мнѣ въ этомъ женскомъ предпріятіи и выпросить мнѣ волшебную подпись?—Въ этомъ много и премного меня обяжете.

Если вы свободны завтра посѣтить мою келью, будьте добры вполне, передайте мои приглашенія г-ну Уманцу и Алексѣю Трофимовичу; мнѣ хочется видѣть около себя всѣхъ третьегоднихнихъ собесѣдниковъ.

Съ сердечною радостью пользуюсь случаемъ сказать вамъ, Александръ Васильевичъ, какъ давно васъ уважаетъ и чтитъ всею душою преданная вамъ граф. Е. Ростопчина.

На Спиридоновкѣ, въ домѣ Рахманова.

На Освященіе Единотѣрческой Церкви въ Преображенской богадельнѣ.

Великій день, значенья волный,
И многимъ памятный сердцамъ!
Текутъ въ возобновляемый храмъ
Народа радостныя волны.
Соборомъ служить; клиръ гласить
Напѣвомъ древнимъ антифоны
И византийскія иконы
Окладъ старинный золотить.

Сегодня въ церкви православной
Любви и мира торжество:
Она зоветъ на празднество
Своей побѣды достославной;
Ея отпадшіе сыны
Пришли опять въ ея объятія;
Давно желаемые братья
Сегодня намъ возвращены.

Хвала тебѣ, о Мать Святая!
Ты приняла своихъ дѣтей
Съ благой терпимостью своей,
Всемилосердно имъ прощала! . .
Хвала, духовный нашъ Отецъ,
Нашъ архимандритъ вдохновенный!
Ты словомъ истины священнои
Проникъ имъ въ глубину сердецъ!

¹⁾ Министра народнаго просвѣщенія.

Ты снялъ повязку заблужденя
 Съ глазъ добровольныхъ сихъ слѣдцовъ;
 Внутри колеблемыхъ умовъ
 Разъсвѣлъ тайный мракъ сомнѣнья;
 Гремя на ересь и расколъ,
 Шадить умѣлъ ты увлеченныхъ
 И, убѣдивши обращенныхъ,
 Ихъ въ православіе привелъ.

И насъ, свидѣтелей, здѣсь много:
 Всѣ Бога мы благодаримъ,
 Всѣ искренно обнять слѣшимъ
 Пришедшихъ къ намъ во имя Бога.
 Пусть съ нами ангелы съ небесъ
 Лякутъ радостію вельей;
 На православномъ новосельи
 Единой вѣры храмъ воскресъ!

Москва, 19 декабря 1854 г.

Графъ Е. Ростопчина.

2.

27 сентября 1855 г. Москва.

Простите мнѣ, почтенный Александръ Васильевичъ, что я такъ скоро употребляю во зло ваше радушіе ко мнѣ и тревожу васъ даже издали, когда 600 верстъ чугулки между нами должны бы защищать васъ надежнѣе всякаго Севастополя отъ моихъ нападений и вооруженій.—Вторгаюсь я настоящимъ англо-французомъ въ ваше мирное и дѣльное уединеніе съ двойнымъ азартомъ автора и женщины, въ который онѣ приходятъ, когда самолюбіе и тщеславіе ихъ затронуты, когда дѣло идетъ о ихъ эгоистической личности, и когда оба, очертя голову, бросаются во всѣ огни, черезъ всѣ преграды, чтобы отстоять и спасти это самолюбіе, столь чувствительно-щекотливое. И авторъ, и женщина во мнѣ страдаютъ, и какъ ни смѣюсь я надъ слабостями того и другого, однако повинуюсь имъ и прибѣгаю къ вамъ, какъ къ испѣлителю обоеихъ. Благодаря вамъ и вашему краснорѣчивому ходатайству, милый, добрый, удивительный Авраамъ Сергѣевичъ благоволилъ принять участіе въ моей просьбѣ о стихахъ и самъ отвѣчалъ мнѣ съ желѣзной дороги, чтобы присовѣтовать мнѣ одну небольшую поправку и вторично разрѣшить печатать ту піесу, которую я имѣла удовольствіе показать вамъ обонмъ.

Тотчасъ послѣ вашего отъѣзда у насъ случилось домашнее горе: занемогла опасно престарѣлая свекровь, и я была совершенно отвлечена отъ всего другого; но когда она оправилась я переправила

стихи и послала ихъ съ письмомъ къ цензору Похвисневу, увѣдомляя его, что митрополитъ одобрилъ, а министръ разрѣшилъ ихъ къ печати, слѣдственно, просила его не быть неумолимымъ. Отвѣтъ получила я очень вѣжливый, но отрицательный. Онъ говоритъ, что не можетъ пропустить стиховъ, потому, что боится духовной цензуры и потому, что уже больше не цензоръ. Однако, до сихъ поръ, всѣ московскія газеты и журналы подписываются имъ: кто-же цензоромъ?.. Видя такое рѣшительное гоненіе— я рѣшаюсь просить васъ, Александръ Васильевичъ, чтобы вы вторично были моимъ благодѣтелемъ и выхлопотали мнѣ подпись всемогущую и всемилостивую общаго нашего отца и командира и, получивши ее, послали стихи въ „Пчелу“, гдѣ недавно было прекрасное описаніе подобнаго-же освященія единовѣрческаго храма въ одномъ губернскомъ городкѣ— и откуда они разойдутся по Руси, чего желаютъ наши новые, присоединенные братья и что одобряетъ нашъ умный Филаретъ.—Если бы это дѣло не было общее и любезное всякому русскому, православному сердцу, если-бъ каждый голосъ, возвышающійся въ пользу великаго событія присоединенія, не становился важнымъ, какъ это общаго чувства, если-бъ всякое слово, сказанное отъ души, не приносило плода, достигая и долетая до другихъ душъ, разбѣянныхъ по пространствамъ Руси и заблужденныхъ, можетъ быть, потому только, что никто не старался ихъ обратить,—я никогда не подумала бы тревожить почтенныхъ людей моимъ слабымъ произведеніемъ и не придавала бы столько важности, извѣстности или безъизвѣстности моихъ стиховъ. Но мнѣ сказали и я сама полагаю, что при теперешнихъ обстоятельствахъ все извѣшивается и считается, даже и женскіе стишки, если они способствуютъ къ возвеличенію и прославленію нашей святой церкви и ея ревнителей. Позвольте-же мнѣ выбрать васъ въ душеприказчики и наложить на васъ трудъ способствовать моей душѣ высказаться въ этомъ случаѣ! Прошу васъ передать министру всю мою теплую искреннюю благодарность за его расположеніе ко мнѣ, за его ласковое письмо; не смѣю отвѣчать ему, чтобы не отнять у него минуты его занятаго времени, но въ сердцѣ моемъ уже сто разъ отвѣчала ему и радовалась благотворнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ его присутствіемъ и его личностью на вѣренное ему юношество. Это своего рода паства, и нашъ папашенька чувствуетъ и понимаетъ это вполне. Дай Богъ ему успѣха!.. Какъ хороши слова Шевырева въ привѣтствіи бородинскому войску, и какъ я понимаю энтузіазмъ, произведенный между присутствующими на обѣдѣ 14-го января.

А все-таки намъ съ вами не удалось видѣться еще разъ, и всѣ наши предположенія рушились! Жалѣть буду, пока Богъ не приведетъ вновь встрѣтить васъ и выразить вамъ лично, Александръ Васильевичъ, всѣ

чувства глубочайшаго уваженія и искреннѣйшей благопріязни, съ которыми имѣю честь и удовольствіе остаться навсегда преданная вамъ душою графъ. Е. Ростопчина.

На Спиридоновкѣ въ домѣ Рахманова.

Письмо Ив. Лажечникова.—А. В. Никитенко.

10-го мая 1858 года.

Пятый и шестой томы моихъ сочиненій не доставлены вамъ потому, что еще печатаются. Сейчасъ по выходѣ ихъ изъ типографіи долгою почтою ихъ къ вамъ препроводить.

Я всегда уважалъ вашъ судъ и потому съ особеннымъ удовольствіемъ прочелъ ваши отзывы о моихъ произведеніяхъ. Конечно, они оцѣнены вами за характеръ ихъ—любовь къ правдѣ, добру, всему прекрасному и гуманному. Въ нихъ затронуты многіе социальныя интересы, о которыхъ нынѣ такъ много пишутъ.

Совершенно соглашаюсь съ вами насчетъ односторонности нашей современной литературы. Кто будетъ спорить, что нынѣшняя обличительная школа не полезна, что война съ злоупотребленіями и со всѣми гадостями, царствующими въ административныхъ и судебныхъ мѣстахъ, не есть война благородная? Но досадно, что ряды этой воинственной рати ежедневно умножаются рекрутками, которые едва умѣютъ держать оружіе свое—перо въ рукахъ; что въ возгласахъ ихъ слышатся удалые, циническіе крики, которые не только помогаютъ доброму дѣлу, но еще портятъ его; досадно, что помимо этой обличительной литературы нѣтъ уже мѣста другой, художественной—нѣтъ писателямъ спасенія. Что за манія непремѣнно хотѣть, чтобы всѣ шли по одному указанному пути! Литература—свободная область; дорогъ въ ней много—иди себѣ по любой и не брани своего собрата, если потребности его души зовутъ его на другой, болѣе сродный ему путь. Нѣтъ, у насъ не смѣй, закидаемъ грязью, печатно опозоримъ!.. И все это оттого, что мы молодой народъ, не остепенялись еще мыслью... Во Франціи, въ Германіи, въ Англии не слышать подобныхъ нашимъ возгласовъ: зачѣмъ вы пишете это, почему вы посвящаете себя этому роду, а не тому, который указалъ вамъ такой-то вождь. Тамъ каждый обрабатываетъ долю, которую Богъ ему указалъ. И всякій талантъ, по какому бы пути ни шелъ, лишь бы былъ талантъ—не встрѣтитъ укоровъ за то, что не шелъ по указанному пути. Ни въ одной странѣ, какъ въ Россіи, не найдете столько критики, столько критическихъ школъ, нынѣ родившихся, а

*

завтра умирающихъ, столько неопредѣленныхъ, туманныхъ (?) теорій: такъ много уставщиковъ, и такъ мало истинныхъ дѣятелей. Не скажу, чтобы у насъ не было дѣльныхъ критиковъ, оказавшихъ важныя услуги литературѣ, но много было и непривычныхъ школьничковъ, сбившихъ съ пути молодыхъ писателей. Впрочемъ и то сказать къ утѣшенію нашему, что мы живемъ во время переходное къ лучшему. Перебѣсятся, остепенится мысль нынѣшнее поколѣніе, и тогда мы будемъ уже не дѣти, не юноши, а — мужи! и тогда, можетъ быть, скажутъ о нашемъ времени: все то было благо, все добро!..

Извините меня за многоглаголаніе и за небрежность письма. Поручаю себя вашей памяти и прошу вѣрить въ искренность уваженія и преданности вашего покорнѣйшаго слуги И. Лажечникова.

P.S. Завтра сбрасываю съ себя цензорское бремя. Вспоминалъ, и не разъ, лезвіе бритвы, которое вы сравниваете съ этой должностью. Лучше готовъ хлѣбъ съ водой ѣсть, чѣмъ ходить безпрестанно между двухъ огней.

Письма И. Крамскаго—А. В. Никитенко.

1.

16-го іюля 1875 г.

Глубокоуважаемый Александръ Васильевичъ! Я обѣщался вамъ дать знать, когда портретъ цесаревича можно видѣть; вы же, съ своей стороны, выразили желаніе, чтобы это случилось въ такой день, когда вы бываете въ городѣ, а именно: во вторникъ или въ пятницу; между тѣмъ, по вторникамъ и пятницамъ именно я ѣздилъ въ Ораниенбаумъ, къ великой княгинѣ. Вотъ почему до сихъ поръ я васъ не извѣщалъ. Но въ настоящее время я освобожденъ совсѣмъ, и если вы только будете въ городѣ въ эту пятницу, то я просилъ бы васъ заѣхать, только не на квартиру ко мнѣ, а въ Аничковъ дворецъ, куда портретъ поставленъ въ понедѣльникъ. Пройти туда надо черезъ садъ, отъ памятника Екатерины, такъ какъ подъѣздъ сломанъ и передѣлывается. У дежурныхъ служителей спросите провести васъ въ рабочую комнату, гдѣ я занимаюсь. Я тамъ буду дѣлать день.

2.

7-го іюня 1876 г., Парижъ.

Глубокоуважаемый Александръ Васильевичъ! Очень жаль, что обстоятельства такъ сложились, что мы не увидались за-границей, когда казалось это возможнымъ, для меня по крайней мѣрѣ. Путешествующій съ пользою для искусства художникъ, какъ вы обо мнѣ выразились, чувствуетъ себя не совсѣмъ хорошо. Его «высокій» талантъ новыми идеями не особенно воодушевляется, а до «реализація» ихъ такъ далеко, что подумать страшно. Путешествующій художникъ чувствуетъ себя довольно изолированнымъ, чтобы не сказать одинокимъ, передъ тѣмъ будущимъ, къ которому онъ самъ добровольно пошелъ навстрѣчу. А «во славу высшихъ идеаловъ человѣчества» искусство не работаетъ теперь; оно, знаете, по времени какъ-то не то неприлично, не то совѣстно,—никто этими пустяками не занимается.

Что будетъ изъ всего того, что дѣлается, и куда мы придемъ—я не знаю.

Сердечно радъ буду узнать, что путешествіе принесло вамъ пользу, въ чемъ не сомнѣваюсь. До такой степени я вѣрю въ цѣлебную силу путешествій, что готовъ рекомендовать ихъ отъ всѣхъ недуговъ, и тѣлесныхъ, и душевныхъ. Я въ настоящее время въ Парижѣ, гдѣ временно, то-есть мѣсяца на полтора, пристроился въ Rue de Rome № 95, въ мастерской Боголюбова; онъ уѣзжаетъ на лѣто къ морю для этюдовъ, а я къ тому времени начну картину и работать совсѣмъ переберусь за городъ, въ окрестности.

Глубоко уважающій васъ И. Крамской.

О принятіи мѣръ противъ медленнаго рѣшенія дѣлъ.

Высочайшій указъ исковскаго намѣстничества правителю Пялю.

8 января 1784 г. С.-Петербургъ.

Изъ представленныхъ Намъ вѣдомостей о числѣ рѣшенныхъ дѣлъ и о присутствіи членовъ въ разныхъ мѣстахъ по губерніямъ въ теченіе прошедшаго года, съ одной стороны видѣли Мы съ удовольствіемъ, что радѣтельными наблюденіемъ нашихъ генераль-губернаторовъ, правящихъ ту должность и губернаторовъ и прилежаніемъ большей части людей, къ должностямъ опредѣленныхъ, великое множество дѣлъ приведено къ окончанію; но съ другой не могло отъ насъ сокрыться, что въ нѣкихъ губерніяхъ превосходное число нерѣшенныхъ дѣлъ осталось, и что изъ присутствующихъ многіе большую половину года не были въ засѣданіи,—Мы желаемъ, чтобы наши генераль-губернаторы и правящіе ту должность, въ отсутствіи же ихъ губернаторы, объявили кому надлежитъ въ губерніяхъ имъ ввѣренныхъ, что какъ Мы обыкли вниманіе наше обращать на труды и подвиги, подъемлемые каждымъ въ прохожденіи служенія на него возложеннаго, такъ и не оставимъ отиѣнные въ томъ успѣхи отличать нашимъ благоволеніемъ, а равнымъ образомъ напротивъ того не можемъ Мы оставить безъ взысканія, если кто найдется причиною упущенія по службѣ государственной и медленіемъ въ доставленіи правосудія; почему и надѣмся, что отнынѣ впредь всякъ изъ служащихъ усугубитъ труды и старанія свои къ ревностному исправленію должностей ихъ по благоугодности нашей и на общую пользу. Пребываемъ впрочемъ вамъ императорскою нашею милостію благосклонны.

Михаилъ Александровичъ Бакунинъ.

(Биографическій очеркъ).

Михаилъ Александровичъ Бакунинъ родился въ 1814 г. и былъ роднымъ внукомъ вице-президента коммерцъ-коллегіи, и двоюроднымъ племянникомъ директора Императорской Академіи наукъ. Будучи старшимъ сыномъ ст. сов. Александра Михайловича Бакунина отъ брака его на Варварѣ Александровнѣ Муравьевой, «Мишель» — какъ его звали домашніе и друзья, принадлежалъ къ богатой и старинной дворянской семьѣ, владѣвшей обширными вотчинами въ Тверской губерніи (главнымъ образомъ въ Ново-Торжскомъ уѣздѣ).

Романистъ Лажечниковъ, имѣвшій тамъ же по сосѣдству деревушку, на рѣкѣ Волгѣ, и близко знавшій въ 30-хъ годахъ семейство Бакуниныхъ, описываетъ его, какъ «...награжденное всѣми душевными дарами. Душою дома былъ глава его (Александръ Михайловичъ Бакунинъ), — патриархъ округа... величавый семидесятилѣтній старецъ». А. М. Бакунинъ «учился въ одномъ изъ знаменитыхъ въ свое время италіанскихъ университетовъ, служилъ не долго, не гонялся за почестями, доступными ему по рожденію и связямъ... съ молодыхъ лѣтъ поселился въ своей деревнѣ. Только два раза вызывали его изъ сельскаго убожища обязанности по званію губернскаго предводителя дворянства (въ 1807—1808 г.) и почетнаго попечителя гимназій»¹⁾. Отцомъ, однако-же, А. М. Бакунинъ оказался слабымъ, а между тѣмъ сынъ его, Мишель, съ дѣтства уже проявлялъ странныя причуды: въ немъ сказывались задатки сильнаго

¹⁾ См. также переписку Востокова, Сиб., 1873 г., сер. VI («Сб. Рус. От. Ав. Н.», т. V, 2) и Воспоминанія графа Соллогуба «Русскій Архивъ» за 1872 г.

характера и твердой воли на ряду съ безпредметною болѣзненною мечтательностью. Ребенкомъ въ родительскомъ домѣ онъ представлялъ себя героемъ, совершающимъ высокіе подвиги, а въ юношествѣ часто исчерпывалъ изъ-подъ отчаго крова и обставлялъ свои побѣги романтическими подробностями.

По окончаніи курса въ Артиллерійскомъ училищѣ, М. А. Бакунинъ былъ выпущенъ въ 1832 г. прапорщикомъ сначала въ гвардейскую, а затѣмъ переведенъ въ полевую артиллерию, но военная служба мало удовлетворяла прирожденнымъ склонностямъ, манившимъ Бакунина къ свободѣ и несбыточнымъ подвигамъ. Два года, проведенные въ провинціальномъ захолустьи, и ознакомленіе съ сочиненіями Ж. Ж. Руссо, Морелла, Мабли, Бриссо, Гельвеція и Кондильяка, которыя юнымъ прапорщикомъ перечитывались на досугъ по интересу къ отвлеченному чтенію, лишь разожгли въ немъ смутныя стремленія чуждыя всякой дѣйствительности ¹⁾.

Въ 1834 г. Бакунинъ вышелъ въ отставку. Неопытный, безъ опредѣленныхъ цѣлей пріѣхалъ онъ въ Москву и поступилъ вольнымъ слушателемъ въ университетъ, гдѣ тогда вокругъ Станкевича группировался кружокъ мечтателей. До пріѣзда въ Москву Бакунинъ съ нѣмецкою философіею знакомъ не былъ, но Станкевичъ, сблизившійся съ нимъ, по отношеніямъ къ его семейству, натолкнулъ его на изученіе Гегеля. «Молодой офицеръ оказался человѣкомъ необычайнаго логическаго ума, рассказываетъ Анненковъ въ своей біографіи Станкевича;—съ врожденными къ философскимъ занятіямъ способностями, которыя помогали ему легко открывать живой смыслъ въ самыхъ сухихъ отвлеченностяхъ» ²⁾.

По отъѣздѣ Станкевича за границу, М. А. Бакунинъ занялъ видное положеніе въ кружкѣ, сблизился съ В. П. Вяткинмъ, Сатинымъ и В. Г. Бѣлинскимъ (этотъ послѣдній въ 1836 и 1838 гг. гостилъ въ имѣніи Бакуниныхъ и пріятельски сошелся съ сестрами Бакунина, Татьяною, Александрою и Софіею; съ ноября 1837 до половины 1838 г. въ Москвѣ даже жилъ вмѣстѣ съ М. А.). «Диллетантъ философъ», обратившійся въ ревностнаго исследователя «нѣмецкаго любомудрія», Бакунинъ вполне обладалъ даромъ блестящаго изложенія, «который сообщалъ ему нѣчто похожее на роль провозвѣстника философскихъ истинъ» ³⁾.

Для Бѣлинскаго, не владѣвшаго нѣмецкимъ языкомъ, Бакунинъ по-

¹⁾ Em. de Laveleye. Le socialisme contemporain. P. 1883 p. 281.

²⁾ Стр. 42 и 101; въ своей перепискѣ Станкевичъ о Бакунинѣ упоминаетъ нѣрѣдко, напр., на стр. 140, 149, 150, 152, 164, 166, 168, 171.

³⁾ Біографія Станкевича, Анненкова, стр. 134.

лучилъ первостепенное значеніе, а потому подъ именемъ «философскаго друга» онъ нерѣдко упоминается А. Н. Пыпинымъ въ описаніи московскаго періода жизни Бѣлинскаго ¹⁾).

По отношенію къ знаменитому русскому критику Бакунинъ, впрочемъ, настолько злоупотреблялъ авторитетомъ, что вызвалъ, наконецъ, Бѣлинскаго на отпоръ, а отсюда между прежними друзьями послѣдовало охлажденіе ²⁾). «Дикая мощь, безпокойное, тревожное и глубокое движеніе духа, безпрестанное стремленіе въ даль, безъ удовлетворенія настоящимъ... порываніе къ общему отъ частныхъ явленій» — такъ характеризуетъ Бѣлинскій Бакунина въ письмѣ отъ 12-го октября 1838 г. ³⁾).

Дѣйствительно, подъ напоромъ западно-европейской публицистики и наскоро нахватанныхъ въ университетѣ историко-политическихъ свѣдѣній, Бакунинъ вовсе не пришелъ къ прочнымъ и сознательнымъ устоямъ, но обосновывалъ то одну, то другую политическую мечту по капризу болѣзненно-пылкаго воображенія; идеализмъ его, однако-же, питался далеко не невинными отвлеченностями, но привелъ его постепенно отъ ультра-консервативныхъ воззрѣній ⁴⁾ къ такой свободѣ представленія жизни, къ такому радикально свободному пониманію ея условій, требованій и распорядковъ, къ такому отрицанію основъ и положеній, считающихся обязательными для самаго существованія общества и поддержанія цивилизаціи, какія не только не укладывались въ рамки тогдашней русской жизни, но шли въ разрѣзъ со всею европейскою вообще. Принятый въ кружкѣ славянофиловъ, Бакунинъ бывалъ частымъ участникомъ въ оживленныхъ бесѣдахъ, происходившихъ у Хомякова, но идеалы, рисовавшіеся тому и другому, были совершенно несовмѣстимы: Хомяковъ, при высокой нравственности и глубокой любви къ народу и родинѣ, вырабатывалъ себѣ выводы и заключенія путемъ тяжелыхъ испытаній и вдумчивости; Бакунинъ наоборотъ, изощрившись въ словопреніяхъ, мало заботился о добросовѣстномъ взвѣшиваніи про и contra и тяготился долгимъ изученіемъ. Восторженный, склонный къ отвлеченнымъ построеніямъ, онъ сначала теоретически увлекался литературнымъ и философскимъ европейскимъ броженіемъ, а вскорѣ сталъ мечтать объ ознакомленіи съ нимъ путемъ собственнаго опыта.

По вступленіи Бѣлинскаго въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ» къ соотрудничеству въ журналѣ былъ привлеченъ и Бакунинъ, но кабинет-

¹⁾ А. Н. Пыпинъ, Бѣлинскій, его жизнь и переписка, Сиб., 1876, т. I, стр. 130—131, 135, 162, 167—169, 189—190, 224, 225, 284, 286, 289, 300 и т. д.

²⁾ См. у Пыпина характерное письмо Бѣлинскаго къ Вяткину, томъ II, стр. 27.

³⁾ Пыпинъ, т. I, стр. 169.

⁴⁾ «Литературныя воспоминанія» Панаева, Сиб., 1876, стр. 308.

ная дѣятельность мало его удовлетворяла, такъ какъ, савгвиникъ по темпераменту, онъ рвался къ дѣятельной жизни. Какъ долго продолжалось сотрудничество въ «Отечественныхъ Запискахъ» не извѣстно, но достоверно, что въ IV книжкѣ журнала за 1840 г. имъ помѣщена присланная изъ Москвы статья о философіи ¹⁾. Вскорѣ за Бѣлинскимъ и Бакунинъ послѣдовалъ въ Петербургъ, гдѣ въ 1840 г. собрался цѣлый кружокъ пріятелей Бѣлинскаго и Бакунина, въ лицѣ Кудрявцева, Каткова, Панаева и Боткина. Тутъ между Бакунинимъ и Катковымъ произошло столкновение, приведшее ихъ къ вызову на поединокъ, который впрочемъ не состоялся ²⁾.

Въ Петербургѣ Бакунинъ долго не зажилъ и уѣхалъ въ Берлинъ, который со временъ Гегеля являлся столицею нѣмецкаго «любимудрія». Здѣсь въ 30-хъ и 40-хъ годахъ перебивали Станкевичъ, Невѣровъ, Грановскій, Фроловъ, Бакунинъ, Кляшниковъ, Катковъ, Сатинъ, Тургеневъ и многіе изъ готовившихся занять должности профессоровъ въ русскихъ университетахъ.

Берлинъ именно тогда представлялъ тѣмъ большій интересъ, что тамошніе профессора и ученые кружки могли удовлетворить любому вкусу. Многочисленные послѣдователи Гегеля раздѣлились на два лагерь, и въ то время какъ одни (alt-Hegelianer) видѣли въ системѣ «великаго софиста XIX в.» чуть ли не вѣнецъ человѣческой мудрости и упорно отстаивали неопредѣленные и примирительные практическіе его выводы, ново-гегельянцы, почерпая отъ Гегеля общія основанія и методъ, подвергали философское и общественное содержаніе гегельянства смѣлой и рѣшительной критикѣ; въ концѣ того же 1840 г. въ берлинскій университетъ приглашенъ былъ еще и Шеллингъ, который въ своей «философіи откровенія» выступилъ рѣшительнымъ противникомъ гегельянскаго радикализма.

Въ то время какъ Катковъ увлекался философіею Шеллинга, Бакунинъ сближался съ ново-гегельянами. «... До меня дошли хорошіе слухи о Мишелѣ (Бакунинѣ), писалъ Бѣлинскій В. П. Боткину 7 ноября 1842 г.; я давно уже отрѣшился отъ романтизма, мистицизма и всѣхъ «измовъ», но это было только отрицаніе; я и Мишель искали Бога по

¹⁾ Пынинъ, — Бѣлинскій и т. д., т. II, стр. 20. Указаніе на другую статью находимъ мы въ отрывкѣ изъ письма А. А. Браевскаго (отъ 10-го октября 1739 г.), въ которомъ онъ проситъ И. И. Панаева, гостившаго тогда въ Москвѣ: «Поблагодарите Б — на за его премилую статью о музыкѣ Латера на серьезную (?) пѣсню Пушкина». «Литературныя воспоминанія», стр. 256.

²⁾ Панаевъ, «Литературныя воспоминанія», ч. II, гл. VI (стр. 312—313). Пынинъ, т. II, стр. 54—55. Поводомъ для столкновенія, какъ утверждаетъ А. Н. Пынинъ, были не «рассужденія о разныхъ философскихъ вопросахъ» (отзывъ Панаева), но чисто-личныя отношенія.

разнымъ путямъ и сошлись въ одномъ храмѣ. Я знаю, что онъ разошелся съ Вердеромъ (представителемъ стараго гегельянства); знаю, что онъ принадлежитъ къ лѣвой сторонѣ гегелианства и понимаетъ жалкаго, заживо умершаго романтика Шеллинга. Мишель во многомъ виноватъ и грѣшенъ, но въ немъ есть нѣчто, что перевѣшиваетъ всѣ его недостатки — это вѣчно движущееся начало, лежащее въ глубинѣ его духа»¹⁾).

Подтвержденіемъ этой новой ступени въ умственномъ развитіи Бакунина можетъ служить напечатанная имъ, подъ псевдонимомъ «Jules Elysard», статья «Die Reaction in Deutschland—ein Fragment von einem Franzosen». Здѣсь Бакунинъ искусно строитъ обвиненія противъ нѣмецкаго гения, поставляя ему въ вину безплодную способность переводить всѣ требованія времени и развитія на почву схоластики и, разукрашая «злобы дня» всеми пышными орнаментами философской теоріи, успокаиваться и приниматься за новыя упражненія въ томъ же родѣ²⁾). Вслѣдъ за этимъ въ концѣ 1842 или въ началѣ 1843 г. за сношенія съ нѣмецкими радикалами Бакунинъ получилъ приказаніе отъ саксонскаго правительства покинуть Дрезденъ и переселился въ Базель³⁾).

Толчкомъ къ послѣдующему шагу въ развитіи Бакунина было надѣлавшее въ свое время большого шума сочиненіе Мах'a Stirner'a «Der Einzige und sein Eigentum» (1845 г.), въ которомъ гегельянство приводитъ автора къ обоготворенію эгоизма.

Съ точки зрѣнія любознательности и осуществленія крайнихъ попытокъ къ общественнымъ преобразованіямъ, Франція въ ту пору особенно привлекала всѣхъ мечтателей; перебравшись сюда изъ Швейцаріи Бакунинъ сразу заявилъ себя самымъ крайнимъ изъ «коммуналовъ», которые проповѣдывали ненависть къ правительству Людовика Филиппа, испроверженіе существующаго строя и необходимость революціи во всей полнотѣ этого слова. Изъ Парижа Бакунинъ предпринялъ поѣздку въ Цюрихъ, гдѣ вступилъ въ дѣятельныя сношенія съ социалистическими кружками, и тогда же получилъ приказаніе отъ русскаго правительства вернуться въ Россію. Бакунинъ однако-же и въ мысляхъ не имѣлъ возвращаться въ отечество, а въ 1847 г. перѣехалъ опять въ Парижъ; нѣкоторое время поддерживалъ онъ здѣсь оживлен-

¹⁾ Пыпинъ. „Вѣстникъ“ и т. д. Т. II. Стр. 162.

²⁾ Помѣщена была эта статья въ Deutsche Jahrbücher für Wissenschaft und Kunst за октябрь 1842 г. (на стр. 985—1002). При ней же сочувственный отзывъ Руге, гдѣ восхваляется теоретическая сила и смѣлая послѣдовательность въ мышленіи автора. См. тоже Авненкова, «Замѣчательное десятилѣтіе» „Вѣстникъ Европы“ за 1880 г. № 1—5.

³⁾ Пыпинъ. Указаніе на это въ письмѣ Бѣлинскаго. Т. II. Стр. 177.

ныя сношенія съ Прудонъ и Ж. Зандъ, а еще ближе сталъ къ радикаламъ Флокону, Араго, Лагранжу и пр. ¹⁾.

Уже и тогда, рассказываетъ П. В. Анненковъ, приходили къ Бакунину за совѣтомъ и разъясненіями по вопросамъ философскаго отвлеченнаго мышленія и притомъ такіе люди, какъ напр. Прудонъ.

Присматриваясь и прислушиваясь къ социализму Бакунинъ вращался въ редакціяхъ журналовъ, мастерскихъ работниковъ и въ демократическихъ кофейняхъ; въ польской же пропагандѣ онъ обрѣлъ нѣчто, похожее на спеціальность и призваніе.

Въ Парижѣ засѣдалъ тогда центральный революціонный комитетъ, объявившій себя уполномоченнымъ отъ польскаго народа, для возстановавленія «королевства» въ старыхъ границахъ, и взывавшій къ слѣпому повиновенію каждому, кто только говоритъ польскимъ нарѣчіемъ. Комитетъ вовсе не думалъ примиренія и объединенія славянъ, но предписывалъ имъ войну противъ правительствъ, подъ которыми они жили. Съ помощью агентовъ, прокламацій, администраторовъ и генераловъ, разсылавшихся на опасныя пункты въ славянскихъ земляхъ, комитетъ сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ всѣ нити обширнаго республиканскаго заговора и незадолго предъ тѣмъ произвелъ галиційское движеніе 1846 г., окончившееся рѣзней землевладѣльцевъ и паденіемъ Кракова. Такъ какъ рѣшительность дѣйствій была единственнымъ правомъ центрального комитета на существованіе, то всѣ члены его старались отличиться отвагою, которая легко могла обезпечить и въ самомъ комитетѣ мѣсто для честолюбца.

Послѣ нѣкотораго колебанія, обусловленнаго односторонностью польской пропаганды, Бакунинъ отдался ей безъ оглядки. Едва-ли кто изъ русскихъ людей такъ рѣшительно отрывался отъ всего національнаго строя мыслей; но обаяніе польскаго дѣла для Бакунина заключалось въ революціонномъ характерѣ пропаганды.

Тутъ возникла у него мысль привить «польскую оппозиціонную энергію» къ русскому народу, къ которому предъявлялся запросъ поступиться своею самобытностью. Развитіе этого ученія Бакунинъ принялъ на себя и немало способствовалъ тому, что чрезъ посредство газетъ, брошюръ, рѣчей и трактатовъ, это ученіе на нѣкоторое время вошло въ сознаніе Европы. Бакунинъ вообразилъ себя, будто дѣло дѣлаетъ и при томъ двойное—возбуждаетъ сочувствіе къ одному славянскому народу, оскорбленному историческою яко бы несправедливостью, а въ дру-

¹⁾ Здѣсь же Бакунинъ сблизился съ эмигрантомъ знаменитымъ натуралистомъ Карломъ Фохтомъ.— Одно время они жили вмѣстѣ, но безцеремонное отношеніе Бакунина къ деньгамъ Фохта и хозяйничество его имуществомъ заставили послѣдняго покинуть неудобнаго сожителя. (См. Ch. Vogt par W. Vogt 1896).

гомъ воспитываетъ основы независимаго сужденія. Такъ какъ отъ количества единомышленниковъ въ русскомъ обществѣ зависѣла большая или меньшая важность личнаго положенія Бакунина въ эмиграціонномъ комитетѣ, то нашъ агитаторъ принялся вербовать въ приверженцы и сочувственниковъ, и праздныхъ любопытствующихъ, далеко неразборчиво, но устроить открытыхъ сношеній между русскою колоніею въ Парижѣ и польскою эмиграціею однако же не удавалось, и какъ искусно и часто Бакунинъ ихъ ни сводилъ вмѣстѣ и ни направлялъ ихъ бесѣды, между обѣими сторонами сказывалась фальшь. Самъ Бакунинъ, однако-же, явно исповѣдывалъ полонифильскія убѣжденія и искалъ лишь случая огласить ихъ во всеобщее свѣдѣніе, хотя бы цѣною уличной манифестаціи или политическаго скандала

Случай къ этому представился при празднованіи польскими эмигрантами 29-го ноября 1847 г., годовщины польскаго возстанія 1830 г. Бакунинъ произнесъ предъ многочисленнымъ собраніемъ рѣчь, въ которой убѣждалъ поляковъ дружески соединить свои усилія съ «русскими патріотами», съ цѣлю произвести совмѣстное революціонное дѣйствіе. Онъ тутъ же предостерегалъ поляковъ отъ всякаго примиренія съ врагами, и съ немалымъ краснорѣчіемъ вдался въ мрачную характеристику противниковъ польской освободительной идеи.

Рѣчь эта въ Парижѣ надѣлала не мало шума, и министерство Гизо, вообще боявшееся предлоговъ къ смутамъ, 1-го декабря 1847 г. распорядилось выслать Бакунина за предѣлы Франціи. Отвѣчая на запросъ по этому поводу въ палатѣ депутатовъ, Гизо заявилъ, что нельзя же дозволить всякой неукротимой личности (*une personnalité violente*), въ родѣ Бакунина, нарушать общественный порядокъ и международныя приличія ¹⁾.

Характернѣе всего то, что Бакунинъ, заигрывая съ польскою эмиграціею, на самомъ дѣлѣ далеко не питалъ влеченія къ польской пропагандѣ. Предъ Анненковымъ лично онъ отзывался о ней весьма неодобрительно, но интересовался ею потому, что получалъ возможность помѣстить куда-нибудь свои жизненные цѣли и пристроиться къ дѣятельности.

«Пріемъ, сдѣланный мнѣ поляками, писалъ онъ Анненкову, наложилъ на меня огромную обязанность, но вмѣстѣ показалъ и даль мнѣ возможность дѣйствовать» ²⁾.

Не желая далеко удалиться отъ страны, гдѣ въ скорости можно было провидѣть осуществленіе переворота, Бакунинъ надумалъ заняться революціонною агитаціею въ Бельгіи, куда съ тою же цѣлю изъ Парижа

¹⁾ Анненковъ. «Замѣчательное десятилѣтіе», стр. 5—9, *passim*.

²⁾ «Замѣчательное десятилѣтіе», 11, 12.

пріѣхалъ Карлъ Марксъ, съ которымъ онъ сблизился черезъ Руге. «Можетъ статься, что меня отсюда тоже прогонять, писалъ Бакунинъ П. В. Анненкову 28-го декабря 1847 г. изъ Брюсселя, пусть себѣ гоняють, а я буду тѣмъ смѣлѣе, чутче и мѣтче говорить. Вся жизнь моя опредѣлялась до сихъ поръ почти невольными изгибами, независимо отъ моихъ собственныхъ предположеній; куда она меня поведетъ, Богъ знаетъ! Чувствую только, что возвратиться назадъ я не могу и что никогда не измѣню своимъ убѣжденіямъ. Въ этомъ вся моя сила и все мое достоинство; въ этомъ также вся дѣйствительность и вся истина моей жизни; въ этомъ моя вѣра и мой долгъ, а до остальнаго мнѣ дѣла нѣтъ—будетъ какъ будетъ. Вотъ вамъ моя исповѣдь, Анненковъ. Во всемъ этомъ много мистицизма, скажете вы,—да кто же не мистикъ? Можетъ ли быть капля жизни безъ мистицизма? Жизнь только тамъ, гдѣ есть строгій, безграничный, а потому и нѣсколько неопредѣленный мистическій горизонтъ»¹⁾.

Письмо это характерно, потому что обличаетъ въ Бакунина вѣру въ провиденціальную миссію (позднѣе онъ любилъ себя сравнивать съ Прометеемъ, только!)²⁾ и въ мистическія силы жизни, вызываемыя помямо нашего вѣдома и независимо отъ нашей воли (черта, родственная съ его сестрою, которая, подъ вліяніемъ мистическаго экстаза, доходила до видѣній)³⁾. Во всемъ этомъ проглядываютъ довольно странныя для поборника философіи воззрѣнія, но на самомъ дѣлѣ и философскія теоріи и таинственная мистика служили Бакунину лишь удобнымъ орудіемъ для того, чтобы ни надъ собою, ни внѣ себя, ни внутри себя не признавать регулятора и нравственнаго закона, обуздывающаго произволь личныя хотѣнія.

Тѣмъ временемъ во Франціи агитація оппозиціи разгоралась все сильнѣе, и Бакунинъ подъ шумокъ не замедлилъ вернуться изъ Бельгіи въ Парижъ и поселился въ газарнѣ съ рабочими, составлявшими охрану и свиту революціоннаго префекта Коссидьера. Онъ отдался фантастическому социализму съ тѣмъ же увлеченіемъ, какъ и странному въ русскомъ человѣкѣ полонизму, прежде его обуявшему. Со свойственнымъ ему краснорѣчіемъ и рѣзкостью пустился теперь Бакунинъ въ безцѣльное проповѣдываніе коммунизма, уравнинія заработной платы и всеобщаго нивеллированія во имя равенства, при чемъ безъ конца разсуждалъ объ упраздненіи Австріи и освобожденіи славянства, о провозглашеніи революціи «en regimence» и о социальной войнѣ, впредь до искорененія послѣдняго врага. Непрошеннымъ вмѣшательствомъ во

¹⁾ «Анненковъ и его друзья». Слб. 1872 г., стр. 621—622.

²⁾ Em. de Laveleye. Le socialisme moderne. Paris. 1883, p. 228.

³⁾ «Литературныя воспоминанія Панаева», стр. 197.

французскія внутреннія дѣла и зажигательными рѣчами Бакунинъ — когда власть перешла къ временному правительству — возстановилъ противъ себя даже политическихъ единомышленниковъ и, въ томъ числѣ, революціоннаго префекта Коссидьера, заигрывавшаго съ монтаньярами. По отзыву Коссидьера, Бакунинъ и Флоконъ способны были нарушать порядокъ, кѣмъ бы онъ ни заводился. «Бакунинъ, — съострилъ какъ-то префектъ, — въ первый день революціи просто кладъ, но на слѣдующій же день его слѣдовало бы повѣсать». Французское революціонное правительство ловкимъ маневромъ спровадило и Флокона, и Бакунина изъ Франціи подальше; Бакунина, въ частности, снарядили въ славянскія земли съ революціонною миссіею.

Въ маѣ 1848 г. Бакунинъ очутился въ Богеміи, гдѣ опять уже витѣйствовали, окруженный старовѣрческими монахами, чехами, хорватами и демократами всякихъ оттѣнковъ. Въ Богеміи либералы въ ту пору задались возстановленіемъ «короны короля Венцеслава» и добивались самостоятельной конституціи для чешскаго народа. Бакунинъ, передѣлывая на свой ладъ славянофильскія стремленія, не преминулъ передъ собравшейся на Пражской площади толпою заявить радикальнѣйшую программу объединенія славянства всѣхъ государствъ на федеративномъ началѣ, съ ниспроверженіемъ существующаго строя. Удаленіе императора изъ Вѣны въ Инсбрукъ, назначеніе въ Богеміи временнаго правительства съ графомъ Лео Туномъ во главѣ и созывъ славянскаго парламента открывали, повидному, широкій путь къ дальнѣйшимъ революціоннымъ попыткамъ. На Пражскомъ конгрессѣ 31-го мая 1848 г., собравшемся подъ предсѣдательствомъ Палацкаго, Бакунинъ выступилъ однимъ изъ первыхъ ораторовъ: онъ потребовалъ всего только упраздненія Австріи и образованія единой федераціи изъ всѣхъ славянъ и заявилъ, будто уполномоченъ Россіею дѣйствовать въ духѣ панславистскаго движенія. На вопросъ Палацкаго, чья же собственно интересы представляетъ Бакунинъ, этотъ послѣдній отдѣлялся общими фразами и сослался на полномочія, яко бы имъ полученныя отъ русскаго народа, и на неизмѣнное сочувствіе послѣдняго къ славянству.

Когда Видншгрецъ 15-го іюня 1848 г. приступилъ къ бомбардированію Праги, Бакунинъ оказался во главѣ оборонявшихся инсургентовъ, но, по подавленіи мятежа, ускользнулъ отъ австрійскихъ властей и перенесъ свою дѣятельность въ Саксонію — на защиту все той же облюбованной имъ революціи.

Въ Саксоніи, какъ извѣстно, попытка короля Фридриха II Августа обновить министерство въ консервативномъ духѣ возымѣла послѣдствіемъ инсurreкцію; король вмѣстѣ съ министрами Бейстомъ и Рабенгорстомъ принужденъ былъ удалиться въ Кѣнигштейнъ, а въ Дрезденѣ послѣ трехдневной борьбы на баррикадахъ побѣда оказалась на сторонѣ

либераловъ, которые и учредили временное правительство въ лицѣ членовъ палаты депутатовъ Чирнера, Гейбнера, радикала Подта.

Когда для подавленія мятежа Пруссія отрядила въ Саксонію свои войска, Бакунинъ, въ качествѣ бывшаго артиллериста, проявилъ горячую дѣятельность по организаціи народной обороны въ Дрезденѣ; онъ спѣшно обучилъ военному дѣлу беспорядочную толпу студентовъ, музыкантовъ и фармацевтовъ. Не надѣясь, впрочемъ, на эти плоходисциплинированныя и слабыя силы, онъ съ авторитетною повелительностью настаивалъ на томъ, чтобы забрать изъ музея Рафаэлеву Мадонну и Муриллевскія картины и водрузить ихъ на городскія стѣны въ отвращеніе прусской канонады, такъ какъ нѣмцы-де не рѣшатся уничтожить выстрѣлами саксонскія правительственныя художественныя сокровища.

По занятіи Дрездена регулярными войсками, Бакунинъ вмѣстѣ съ Гейбнеромъ и Рохелемъ бѣжалъ въ Хемницъ и былъ здѣсь, наконецъ, 10-го мая 1849 г. арестованъ. Саксонская военно-судная коммиссія приговорила Бакунина къ эшафоту, но, по случаю вступленія на престолъ короля Іоанна I, смертная казнь ему замѣнена была вѣчною тюрьмою. Начавшееся вскорѣ слѣдствіе о пражскомъ мятежѣ дало саксонскому правительству удобный поводъ развязаться съ плѣнникомъ: 13-го іюня 1850 г. Бакунинъ былъ выданъ Австріи. Водворенный сначала въ Градцинѣ, а затѣмъ въ Ольмюцѣ, русскій агитаторъ оставался скупъ на разоблаченія панславистскихъ замысловъ, и австрійское правительство, ничего отъ него не добившись, выдало Бакунина, какъ эмигранта и опаснаго заговорщика, русскому правительству. На русской границѣ съ Бакунина сняли дѣли и привезли въ Петербургъ. Императоръ Николай, думая встрѣтить въ немъ раскаяніе, неоднократно посылалъ къ нему—пока онъ содержался въ крѣпости—князя Орлова для увѣщеванія и вразумленія. Это, однакоже, ни къ чему не привело, и въ 1855 г. Бакунинъ оказался на поселеніи въ Восточной Сибири ¹⁾. Государю императору Александру II благоугодно было предоставить Бакунину способъ искупить заблужденія молодости, чрезъ дарованіе ему права поступить на службу. Хотя Бакунину и открывался теперь широкій путь полезной для отечества дѣятельности какъ разъ въ ту эпоху, когда ожидались многочисленныя преобразованія, но неисправимый мечтатель предпочелъ распорядиться собою иначе.

Съ разрѣшенія мѣстнаго генераль-губернатора графа Н. Н. Муравьева (дальняго ему родственника по матери), Бакунинъ, подъ предлогомъ дѣла, отправился внизъ по Амуру, добрался до Николаевска и уговорилъ

¹⁾ Въ энциклопедическомъ словарѣ Ларусса сообщается, будто Бакунинъ былъ разжалованъ въ солдаты и отправленъ на Кавказъ, но это извѣстіе кажется расходится съ истинноу.

американскаго шкипера перевести его въ Японію. Въ Хако-Дате, другое американское судно взялось доставить его до С.-Франциско. Приѣхавъ въ Хако-Дате на корабль, Бакунинъ попалъ къ капитану на знаній обѣдъ въ честь русскаго консула. Бѣглець, однако-же, не смутился и тутъ; какъ ни въ чемъ не бывало, онъ вступилъ съ консуломъ въ оживленную бесѣду и далъ ему понять, будто испросилъ у генералъ-губернатора разрѣшеніе совершить небольшое путешествіе по морскому побережью съ научною цѣлью. Въ это время въ портъ находилась эскадра адмирала Попова, готовившаяся къ отплытію въ Николаевскъ.—«Вы не съ нашими ли возвращаетесь?»—освѣдомился консулъ.—«Нѣтъ, я только что приѣхалъ,—отвѣчалъ Бакунинъ невозмутимо,—и хочу еще здѣсь кое-что осмотрѣть». Черезъ день Бакунинъ на американскомъ пароходѣ проплылъ мимо русской эскадры и благополучно добрался до Сѣверо-Американскихъ Штатовъ ¹⁾).

Всѣ страны болѣе или менѣе выдѣляютъ политическихъ эмигрантовъ, но изгнанники иноземныхъ національностей устриваются на чужбинѣ безъ шума, незамѣтно входятъ въ кругъ опредѣленныхъ и нормальныхъ общественныхъ отношеній и преслѣдуютъ личныя и социальныя положительныя цѣли, устроившись тамъ именно, гдѣ наличныя условія жизни наиболѣе имъ приходятся по сердцу. Въ иное положеніе поставилъ себя Бакунинъ: вмѣсто того, чтобы остаться въ Америкѣ, гдѣ въ наличности имѣются и федерація, и просторъ для личной свободы, или же вмѣсто того, чтобы забраться еще дальше, въ дѣвственный край и на какихъ нибудь Маркизскихъ островахъ невозбранно сочинить радикальный социалистическій опытъ въ духѣ «Икаріи» Каба (какъ это позднѣе затѣялъ симбирскій помѣщикъ Бахметьевъ), Бакунина неострашимо влекло перекраивать на свой ладъ Европу въ привычной ему обстановкѣ, и онъ вернулся изъ Сибири такимъ же несправившимъ «мечтателемъ--заговорщикомъ», каковымъ былъ въ разгаръ революціи 1848 г. Мало того, Бакунинъ теперь выработался въ полнѣйшій типъ космополита настолько полный, что рисуется чѣмъ то отвлеченнымъ и непонятнымъ съ точки зрѣнія реальныхъ условій человѣческаго существованія—сумбуринымъ практическимъ дѣятелемъ, не признававшимъ силы за историческими, географическими, бытовыми условіями для опредѣленія судьбы и дѣятельности народовъ; упраздняя по одному своему произволенію расы, племена, весь сложившійся строй государствъ и общества, онъ мнилъ возвести на ихъ обломкахъ однообразный новый строй рабочей жизни.

¹⁾ Мейеръ сообщаетъ въ своемъ «Conversations-Lexikon», будто Бакунинъ оставилъ въ Сибири жену и ребенка, но въ «Родословномъ Сборникѣ» Голубцова и Руммеля, гдѣ приведена весьма полная генеалогія рода Бакуниныхъ, М. А. Бакунинъ показанъ неженатымъ.

«Личность Бакунина странна и замѣчательна, вспоминаеть о немъ Т. П. Пассекъ ¹⁾. Умный, начитанный, обладающій даромъ слова, проникнутый нѣмецкою философіею, онъ иногда былъ малодушенъ какъ ребенокъ, которому хочется какого нибудь дѣла: если печатать, то прокламаціи; если дѣйствовать, то все вездѣ поставить вверхъ дномъ; ничего не щадить, никогда не задаваться мыслью, что изъ этого можетъ выйти—идти на прѣломъ».

Возвращеніе Бакунина въ Европу едва-ли кому оказалось желаннымъ—даже дѣятельности Герцена и Огарева повредилъ онъ не мало безтолковымъ зангрываніемъ съ польскими эмигрантами. Герценъ это предвидѣлъ, какъ только получилъ письмо изъ Америки отъ Бакунина—давнишняго своего знакома по Москвѣ,—въ которомъ тотъ извѣщалъ его о скоромъ своемъ прибытіи въ Лондонъ. Впослѣдствіи-же Герценъ писалъ: «Бакунинъ пріѣхалъ 1 января 1862 года, а чрезъ годъ «Колоколъ» сталъ падать, какъ кирпичъ, брошенный въ воду,—у него глазъ дурень». Тѣмъ не менѣе Герценъ, а особенно Огаревъ по свойственной имъ терпимости, приняли Бакунина радушно, и статья его нерѣдко стали появляться въ издававшихся тогда при «Колоколѣ» «Голосахъ изъ Россіи» ²⁾. «Былое и Думы» Герцена изобилуютъ любопытными подробностями о тогдашней дѣятельности Бакунина. Нѣсколько пооглядѣвшись и устроившись въ Лондонѣ, Бакунинъ сгруппировалъ вокругъ себя цѣлый штабъ славянъ изъ социалистовъ, анархистовъ, федералистовъ и, по-просту, вискателей приключеній. Время было бойкое: поляки, руководимые Мѣрославскимъ и Чарторыйскимъ, готовили повстаніе 1863 г., а Бакунинъ почувствовалъ себя тутъ, какъ рыба въ водѣ. Слово политическій младенецъ дѣлалъ онъ себѣ забаву изъ революціи. Нѣсколько не заботясь о взвѣшиваніи наличныхъ условій дѣйствительности и «влекомый мистическими силами жизни», выдумывалъ онъ себѣ несбыточные цѣли. Бакунина привлекла сама по себѣ взятая «возбужденная и вмѣстѣ съ тѣмъ сдержанная жизнь конспираціи, консультаціи, бессонныхъ ночей, переговоровъ, соглашеній, ректификаціи, химическихъ чернилъ, условныхъ знаковъ и пр. пр.» ³⁾.

Нѣсколько не умудренный опытомъ 1848 г. въ отношеніи безуспѣшности навязывать русскому обществу пологофальство, Бакунинъ теперь носился съ мыслью о военно-крестьянскомъ возстаніи въ Россіи. Онъ хотѣлъ вѣрять и вѣрилъ, будто Жмудь и Волга, Донъ и Украина, какъ одинъ человекъ, возстанутъ, прослышавъ о повстаніи въ Варшавѣ; ему

¹⁾ Изъ дальнихъ лѣтъ. Т. III, стр. 135.

²⁾ Пассекъ. Изъ дальнихъ лѣтъ. Т. III, стр. 136; 133.

³⁾ Некрологъ Бакунина въ газетѣ „Русскій Миръ“ за 1876 г. № 207 (въ фельетонѣ на стр. 1 и 2.

мерещилось, что католическо-шляхетское движеніе отразится на старо-вѣрахъ, а тѣ добьются признанія правъ гражданства за расколъ; вслѣдъ же за «повстаніемъ» въ Варшавѣ осуществится и все-славянская федерація. Бакунинъ шелъ такъ далеко, что въ минуты увлеченія утверждалъ, будто никакой даже пропаганды не потребуется, ибо русскій народъ, вызванный на смуту, и самъ-де совершить социальную революцію.

Живя въ чуждѣйшихъ бредней, менѣе дальновидный чѣмъ Герценъ и вполне оторванный отъ національной почвы, Бакунинъ не прии́мчалъ, какъ даже поляки отрещивались отъ нечѣстныхъ его затѣй.

Къ разгару польскаго мятежа Бакунинъ лично очутился совсѣмъ въ смѣшномъ положеніи. Его ослѣпила блестящая мысль убѣдить шведовъ, чтобы тѣ подняли оружіе противъ Россіи и кстати вернули себѣ Финляндію. Ни мало не задумываясь, Бакунинъ отправился въ Стокгольмъ, добился у брата короля и шведскихъ министровъ аудіенціи и вслѣдствіе стараній ихъ увѣрить въ неминуемости возстанія крестьянъ и въ сильномъ броженіи умовъ, происходящемъ яко-бы въ Россіи. Съ неменьшею поспѣшностью отправился «философскій мечтатель» изъ Стокгольма въ Мальме, гдѣ его долженъ былъ забрать пароходъ, зафрахтованный польскимъ ржондомъ въ Лондонѣ, и везти дальше—подымать Литву на поголовное возстаніе. По просьбѣ русскаго правительства шведское начальство задержало однако-же Бакунина въ Мальме, и онъ вплоть до окончанія польскаго возмущенія такъ и просидѣлъ на шведскомъ побережьи «не у дѣла революціи».

Освободившись изъ шведскаго плѣненія, Бакунинъ продолжалъ проповѣдывать основаніе великой и свободной обще-славянской федераціи; онъ взывалъ къ освобожденію Польши, Литвы и Украины съ тѣмъ, чтобы соединенными затѣмъ силами вывести южныхъ славянъ изъ-подъ ига турокъ и тевтоновъ, такъ какъ борьба съ нѣмцами и подавленіе тевтонскаго элемента является дѣломъ благимъ и необходимымъ для процвѣтанія славянства; влѣдствіи освобожденному славянству, по программѣ Бакунина, предстояло вступить въ союзъ съ Италіею, Венгріею, Румыніею и Греціею и побѣдоносно сломить «ненавистныя западныя учрежденія» Пруссіи и Австріи ¹⁾. За осуществленіе этого плана Бакунинъ самолично принялся не съ начала, а съ конца: въ 1865 в послѣдующихъ годахъ онъ дѣятельно занялся насажденіемъ социализма въ Испаніи ²⁾; въ то-же время онъ съ неменьшею энергіею и краснорѣ-

¹⁾ Laveleye. Le socialisme. стр. 241.

²⁾ О подробностяхъ агитаціонной дѣятельности Бакунина, стоявшей въ связи съ развитіемъ созданнаго имъ „Союза социалистической демократіи, и особенно преуспѣвавшего въ Италиіи и Испаніи“, см. въ названномъ сочиненіи Лавеле всю главу, посвященную описанію Alliance Universelle de la démocratie socialiste“

чѣмъ отдавался служенію «Интернаціоналки». Это учрежденіе однакоже, на взглядъ Бакунина, оказалось слишкомъ теоретичнымъ и умѣреннымъ, а онъ и мысли не допускалъ, чтобы будущее позволительно было строить на постепенномъ преобразованіи существующаго строя.

На конгрессѣ «Лиги мира и свободы», собравшемся въ Бернѣ въ 1869 г., подъ предсѣдательствомъ Виктора Гюго, Бакунинъ вмѣстѣ съ единомышленниками попытался провести коммунистическую программу, а когда его предложенія были отвергнуты 80 голосами противъ 30 утвердительныхъ, Бакунинъ окончательно разочаровался въ «демократахъ-буржуа».

Въ дальнѣйшемъ развитіи своихъ анти-государственныхъ измышленийъ Бакунинъ додумался до крайняго предѣла социалистической гуманности, перешеголая Сен-Симона, Фуррье, Каба, Луи Блана и Прудона, и выставилъ теорію «аморфизма» т. е. самоуправляющихся федеральныхъ общинъ, проводникомъ которой въ жизни и долженъ былъ явиться созданный имъ въ 1869 г. «Союзъ социалистической демократіи».

Согласно манифесту союзъ этотъ, исповѣдуя атеизмъ, поставлялъ себѣ задачей, съ одной стороны, всеконечное и совершенное упраздненіе общественныхъ классовъ, а съ другой, долженъ былъ уравнивать оба пола въ правахъ политическихъ, экономическихъ и социальныхъ. Союзъ долженъ былъ добиться перехода земли, орудій производства и всѣхъ прочихъ капиталовъ въ коллективную собственность общества, дабы всѣ условія производительности труда всецѣло оказались въ распоряженіи сельскохозяйственныхъ и промышленныхъ ассоціацій; вмѣстѣ съ тѣмъ существующія политическія государства подлежали уничтоженію и претворенію во всемірный союзъ вольныхъ ассоціацій.

Какъ должно было сложиться производство цѣнностей по наступленіи аморфизма? Какъ бы слѣдовало упорядочить распредѣленіе богатствъ? Какія общественныя установленія могли замѣнить существующій строй?— подобными вопросами Бакунинъ не интересовался вовсе и находилъ, что всякія разсужденія въ этомъ направленіи вредны, ибо служатъ лишь помѣхой и затрудняютъ поступательное движеніе анархіи.

Для достиженія радикальнаго общественнаго переворота предписывалось пускаться въ ходъ неумолимыя насилія и доказывалось, что анархія свою миссію совершаетъ, дабы доставить народу возможность располагать своею судьбою, а съ другой проповѣдывалось, что такъ какъ коренная социальная революція не можетъ быть сдѣлана народною массою и червь въ переворотѣ не ощущаетъ даже сознательной потребности, то анархическая миссія возлагается на (самозванную) делегацию, высылаемую изъ вѣдръ народа ¹⁾.

¹⁾ Em. de Laveleye. Le socialisme стр. 229—230. 233, 235.

Въ эту пору дѣятельности Бакунинъ несомнѣнно является теоретическимъ насадителемъ тѣхъ ужасовъ 70-хъ и 80-хъ годовъ, которые вѣчно останутся памятны Россіи, словно дикій негнѣный кошмаръ.

Дѣйствительно, въ пресловутомъ «Революціонномъ Катехизисѣ», сочиненномъ Бакунинымъ и оглашенномъ прокурорскимъ надзоромъ 8 іюля 1871 года при разбирательствѣ Нечаевского процесса, уже изложена въ законченномъ видѣ программа дальнѣйшихъ подпольныхъ дѣятелей соціальной реформы. Что Бакунинъ былъ близко прикосновененъ Нечаеву, о томъ свидѣлствуетъ Т. П. Пассекъ, рассказывая, какъ изъ 20.000 фр., переданныхъ Герцену и Огареву симбирскимъ помѣщикомъ Бахметьевымъ (предъ отъѣздомъ на Маркизскіе острова для устройства коммуны на соціальныхъ началахъ) 10.000 фр. Огаревымъ были вручены Бакунину, а отъ него деньги эти попали къ Нечаеву ¹⁾.

Въ «Воззваніи къ студентамъ» Бакунинъ доходитъ до того, что восхваляетъ святое и спасительное невѣжество и превозноситъ разбойничество, какъ протестъ противъ государственности, а въ «Принципахъ Революціи» ради болѣе успѣшнаго испроверженія существующаго общественнаго строя и скорѣйшаго торжества «аморфизма» (см. выше) Бакунинъ взываетъ къ употребленію яда, княжала, петли, динамита, ибо революція-де освящаетъ любую дѣятельность, направленную къ всеобстреленію (pan-destruction) ²⁾.

Дальше идти было некуда, и Бакунинъ въ средѣ болѣе разсудительныхъ кружковъ европейскихъ демагоговъ прослылъ за нетерпимаго болтуна, какимъ еще въ 1848 г. рисовался Коссидьеру.

Поселившись въ 1868 г. въ Женевѣ, Бакунинъ издавалъ нѣкоторое время социалистическій листокъ «Egalité» крайняго направленія, а зажигательными статьями въ «Progrès» (газетѣ, издававшейся въ Локлѣ) вызвалъ юрскихъ социалистовъ на разрывъ съ радикалами романской Швейцаріи и способствовалъ образованію въ «Интернаціоналѣ» группы «автономистовъ», отщепившихся отъ Маркса и его «авторитаріевъ» (иначе называемыхъ *étatistes*). Участникъ Лионской инсуррекціонной вспышки 28 сентября 1870 г., сопровождавшейся кровопролитіемъ, Бакунинъ оправдывалъ потомъ свои дѣйствія и программу въ особой брошюрѣ «Lettres à un français».

По подавленіи этого мятежа двумя ротами національныхъ гвардейцевъ, Бакунинъ вернулся въ Швейцарію и всецѣло отдался борьбѣ съ Марксомъ и съ совѣтомъ Международнаго общества рабочихъ въ Лондонѣ.

¹⁾ То-же подтверждаетъ П. В. Анненковъ въ „Запискѣ объ Огаревѣ“— въ книгѣ: „Анненковъ и его друзья—Литературныя воспоминанія и переписка“, стр. 120.

²⁾ Em. de Laveleye. Le socialisme. Стр. 235, 236.

«Передъ движеніемъ рабочихъ союзовъ, требовавшихъ созванія новаго конгресса, положеніе совѣта «Интернаціоналки» въ Лондонѣ оказалось затруднительнымъ, читаемъ мы въ одномъ изъ мемуаровъ «юрскихъ федералистовъ». Съ этими осложненіями Марксъ, стоявшій во главѣ совѣта, рѣшилъ покончить, созывая конгрессъ, но въ то же время принялъ мѣры къ тому, чтобы обезпечить собственной партіи перевѣсъ и раздавить федералистовъ на самомъ конгрессѣ окончательно. Бакунинъ, будучи изгнанныкомъ, не могъ явиться въ Голландію, такъ какъ путь черезъ Германію и Францію, гдѣ онъ заочно неоднократно уже былъ приговоренъ къ смертной казни, былъ ему возбраненъ. Марксъ, такимъ образомъ, былъ увѣренъ, что, созывомъ конгресса въ Гагѣ, приготовить себѣ побѣду».

Дѣйствительно, на Гагскомъ конгрессѣ рабочихъ, состоявшемся 2—7 сентября 1872 г., Марксъ добился своей цѣли. Юрская федерація, ему враждебная по стремленіямъ, была упразднена, какъ вредная для соціального дѣла, но Бакунинъ и его сторонники въ свою очередь созвали въ Женевѣ 2 сентября 1873 г. «Анти-авторитарный конгрессъ», который отминая постановленія Гагскаго конгресса.

Успѣхъ этотъ объяснялся тѣмъ, что Бакунинъ и его «аморфическое ученіе» нашли себѣ многочисленныхъ сторонниковъ на Аппенинскомъ и Пиринейскомъ полуостровахъ по преимуществу.

5 апрѣля 1872 г. Бакунинъ уже могъ писать Франческо Морозі: «Вы знаете конечно, что въ Италіи за послѣднее время «Международное общество» и нашъ дорогой союзъ (соціалистической демократіи) получили широкое распространеніе. До сихъ поръ здѣсь отсутствовали не то чтобы соціалистическіе истинны, но организація и идея. И то, и другое теперь налажено, такъ что Италія, послѣ Испаніи, является наиболѣе революціонною страной. Въ Италіи имѣется то, чего нѣтъ въ другихъ мѣстахъ: пылкая, энергичная молодежь, для которой не предвидится ни будущности, ни выхода. Несмотря на буржуазное происхожденіе, эта молодежь и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ не столь истощена, какъ въ другихъ странахъ. Молодежь эта и бросается очертя голову въ революціонный соціализмъ, руководствуясь нашею программю—программою «Союза»¹⁾».

Здѣсь кстати замѣтить, что, несмотря на рядъ безобразныхъ единичныхъ проявленій терроризма въ Италіи и въ Испаніи, преобразованная въ 1873 г. въ Бакунинскомъ духѣ «Интернаціоналка» начала быстро приходить въ упадокъ, такъ какъ, съ одной стороны, федералисты-рабочіе отказывались подчиняться внушеніямъ радикаловъ-буржуа на томъ основаніи, что политическія и республиканскія вольности, до

¹⁾ Laveleye Le socialisme, стр. 264.

всеобщей подачи голосовъ включительно, не устранять вовсе розни и соперничества между трудомъ и капиталомъ, а съ другой, сами рабочіе неизмѣнно проявляли неспособность справляться съ социальною революціею, на которую возлагалось разрѣшеніе безчисленныхъ трудностей, сопряженныхъ съ кореннымъ переворотомъ въ области экономическихъ интересовъ.

Что касается М. А. Бакунина лично, то, добившись на Женевскомъ конгрессѣ 1873 г. полной побѣды, онъ почти сразу покинулъ воинствующую роль агитатора и пророка анархизма. Здоровіе его окончательно разстроилось и въ силу болѣзни, а, можетъ быть, усталости онъ наконецъ обратился къ покойному и уединенному образу жизни поселившись въ Лукарно на виллѣ, которую ему предоставилъ въ полное распоряженіе одинъ изъ его единомышленниковъ Каффьеро.

Пріѣхавъ въ Бернъ, чтобы посоветоваться съ врачомъ Фохтомъ, М. А. Бакунинъ раскворался, и помѣщенный въ городской госпиталь, скончался, 62 лѣтъ отъ роду 19 іюня (3-го іюля) 1876 года, добровольно уморивъ себя голодомъ, во избѣжаніе исключительныхъ физическихъ страданій.

Писанія Бакунина за агитаторскую пору его дѣятельности—хотя и многочисленны, но сводятся къ манифестамъ, воззваніямъ и летучимъ листкамъ и далеко не обличаютъ серьезности, какой можно бы ожидать отъ прежняго знатока нѣмецкихъ философскихъ ученій и европейскихъ литературъ вообще; даже наиболѣе значительныя изъ этихъ писаній по объему, а слѣдовательно и болѣе серьезныя, на повѣрку оказываются принадлежащими къ категоріямъ одностороннихъ и пристрастныхъ политическихъ памфлетовъ «подпольнаго» издѣлія.

Никому, разумѣется, не заказаны пути ломать собственное существованіе и, имѣя всѣ задатки для принесенія обществу пользы, убивать свои таланты на беспочвенныхъ бредняхъ. Будь цѣли, какія преслѣдовалъ Бакунинъ въ своей богатой тревоженіями жизни, болѣе невинны, онъ, пожалуй, могъ бы рисоваться наивно-симпатичнымъ и забавнымъ чудачкомъ по увлеченіямъ, тѣмъ болѣе, что по рассказамъ современниковъ, онъ былъ очень довѣрчивъ, добродушенъ и услужливъ. Но такъ, какъ сложилась его дѣятельность, Бакунинъ едва ли можетъ вызвать чье либо сочувствіе. Отдаваясь неосуществимымъ социальнымъ теоріямъ и подпадая подъ власть увлеченій, именно благодаря незауряднымъ сторонамъ своей личности, онъ пагубно вліялъ на многочисленныхъ послѣдователей своихъ,—тѣхъ невѣрливыхъ недоумковъ, которымъ надо же носиться, хотя бы съ дикимъ идеаломъ, разъ упразднены болѣе осмысленныя и свѣтлыя.

То же глубокое поученіе, какимъ тревожная дѣятельность М. А. Бакунина собственно и назидательна для потомства, мѣтко закрѣплено

Герценомъ. Извѣрившись подь конецъ жизни въ успѣхъ и плодотворности публицистической своей дѣятельности, убитой на обличеніе существующаго социальнаго строя и на ниспроверженіе его, Герценъ въ послѣднемъ письмѣ, писанномъ къ Бакунину незадолго передъ своею смертью, безпощадно отвергаетъ философскую формулу, которой оба они слѣдовали: «Die zerstörende Lust ist eine schaffende Lust» (стремленіе къ разрушенію есть стремленіе къ созиданію). «Мы пустились вслѣдъ за невѣдомымъ божествомъ разрушенія, писалъ Герценъ Бакунину, и, споткнувшись о низверженныя сокровища, сами грохнулись на землю въ пыль, среди всевозможныхъ развалинъ. Да если бы даже буржуазный міръ и былъ взорванъ порохомъ на воздухъ, то когда разсѣялся бы дымъ и расчищенъ былъ бы мусоръ, изъ праха возсталъ бы снова все тотъ-же міръ буржуазіи, хотя, быть можетъ, и нѣсколько видоизмѣненный. А почему? Да потому, что ни составъ самихъ преобразователей, ни преобразование общества на новый ладъ—далеко еще не приспѣли».

В. Ш.

Письма Н. М. Языкова къ Н. В. Гоголю. ¹⁾

1.

27-го февраля 1844 г. Москва ²⁾.

Только-что я собрался было писать къ тебѣ и усялся съ перомъ въ рукахъ, какъ вотъ принесли мнѣ твое письмо. Спасибо, трикратно спасибо тебѣ за неоставленіе меня твоими воспоминаніями обо мнѣ и совѣтахъ: совѣты твои бодрять меня ³⁾, даютъ мнѣ какую-то надежду на будущее, на лучшее, котораго я такъ давно ожидаю, но котораго ожидаю терпѣливѣе съ тѣхъ поръ, какъ ты мнѣ его общаешь. Распоряженіе мои

¹⁾ Въ виду вступающаго пятидесятилѣтія со дня смерти поэта Н. М. Языкова считаемъ своевременнымъ подѣлиться съ публикой интересной перепиской его въ серединѣ сороковыхъ годовъ съ величайшимъ представителемъ тогдашней литературы Гоголемъ. Объ отношеніяхъ Языкова къ Гоголю давно уже извѣстно изъ книги г. Кулиша «Записки о живяи Гоголя»; въ свою очередь, мы сообщимъ въ январьской книгѣ «Русской Старины» за 1839 годъ нѣкоторые отрывки изъ незаданной ихъ переписки; тамъ же были сообщены данныя о началѣ ихъ личнаго знакомства. Переписка между обоими писателями началась нѣсколько раньше тѣхъ писемъ, которыя мы теперь печатаемъ; но этихъ писемъ было немного. Здѣсь же читатели найдутъ письма Языкова къ Гоголю отъ 1844 г. до смерти его, послѣдовавшей въ декабрѣ 1846 г. Печатаемыя письма располагаются въ хронологическомъ порядкѣ

В. Шенрокъ.

²⁾ Это письмо представляетъ собою отвѣтъ на письмо Гоголя отъ 15-го февраля 1844 (см. соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 46—51) и, въ свою очередь, вызвало отвѣтъ Гоголя изъ Дармштадта отъ 2-го апрѣля 1844 г. (см. VI, 58—59).

³⁾ Гоголь въ цѣломъ рядѣ писемъ старался утѣшить страждущаго, пригвожденнаго къ одру Н. М. Языкова.

утрама, какое ты велишь, сдѣлаю и даже начну съ завтрашняго дня; вижу, предчувствую, т. е. чувствую пользу его!!

Я уже писалъ тебѣ, что Б. ¹⁾—сей англійскій милордъ—не оправдалъ моихъ на него надеждъ, по части доставленія тебѣ книгъ: онъ не взялъ ихъ отъ меня, отозвавшись тѣмъ, что ѣдетъ въ дилижансѣ, а прежде вѣдь самъ вызвался: знай нашихъ! Весною, вѣроятно, найдутся ѣздки надежнѣйшіе: я постараюсь исполнить твое желаніе еще богѣе, чѣмъ тогда было можно; твореній святыхъ отцовъ перев. въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ—теперь выходитъ третье изданіе за прошлый годъ—и «Москвитанинъ» за 1843 пришлю; тамъ есть отлично-прекрасная проповѣдь Филарета на освященіе храма въ оной Лаврѣ,—такъ какъ въ прибавленіяхъ къ переводамъ св. отцовъ—его же бесѣда на Благовѣщеніе и слово въ 1-й день св. Пасхи! Ты ихъ прочтешь съ большимъ удовольствіемъ.

Если ты видишься съ Коппомъ ²⁾, то поклонись ему отъ меня и поблагодари за все, что онъ для меня сдѣлалъ; онъ старикъ препочтеннѣйшій! Скажи ему, что нынѣшнюю зиму всѣ припадки моей болѣзни гораздо слабѣе прежнихъ, несмотря на то, что я сижу взаперти! Весна и некомнатный воздухъ, конечно, подѣйствуетъ на меня благотвительно—и я, авось либо... мнѣ хочется тутъ сказать, начну писать стихи, да боюсь обмануть себя... У насъ, братъ, теперь стиховъ пишется вообще несравненно меньше, нежели въ прошлые, даже еще недавніе годы; вообще литературою занимаются очень немногіе, и тѣ крайне мало и недѣйствительно: или не видя на нее требованія, или, можетъ быть, чувствуютъ, что сами они не могутъ пробудить его по своей слабости! Замѣтно и то еще, что новое поколѣніе пишетъ по-русски хуже, нежели прежнее или даже предшествующее; не умѣетъ выражаться ясно (знакъ, что оно не имѣетъ въ головѣ мысли ясной), пишетъ варварскимъ сло-гомъ и вѣмецкимъ складомъ: ему до того чуждъ духъ языка русскаго,

¹⁾ Боборыкинъ, неисправный исполнитель порученій, данныхъ Языковымъ и Н. Н. Шереметевой Н. В. Гоголю: Шереметева просила его передать Гоголю образъ, а Языковъ нѣсколько книгъ. Ни того, ни другаго Гоголь не получилъ отъ него: книги онъ забылъ взять, а образъ возиъ съ собой во время всего заграничнаго путешествія, потомъ, пріѣхавъ обратно въ Москву, возвратилъ Шереметевой, которая послала его потомъ вторично съ богѣе вѣрною оказіей. О Боборыкинѣ см. соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 30, 46, 53, 59 и 84, гдѣ онъ обозначенъ инициаломъ.

²⁾ Коппъ докторъ во Франкфуртѣ, съ которымъ неоднократно совѣтовался и Гоголь и Языковъ. Въ письмѣ къ Языкову отъ 15-го февраля 1844 г. Гоголь въ припискѣ спрашивалъ его: «Не прикажешь ли передать чего Коппу, съ которымъ я буду, вѣроятно, теперь часто видѣться» (см. соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 51).

что оно не знаетъ или не хочетъ знать даже словъ его! Плохая надежда на будущее!

На дняхъ увижусь съ Шевыревымъ и попрошу отъ него книгу, которую ты поручаешь ему вручить мнѣ, и воспользуюсь ею, точно какъ ты предписываешь ¹⁾.

Сердечно жалѣю, что тебѣ не пошло въ Ниццѣ такъ, какъ ты предполагалъ ²⁾, но вѣдь ты не просидѣлъ же всей зимы въ бездѣйствіи, т. е. дѣлалъ свое дѣло—т. е. писалъ много!

Надежда Николаевна Шереметева — все еще больна: часто простужается; вѣдь она не щадитъ себя для другихъ и забываетъ, что у насъ не Италия: теперь же и очень пошли вдругъ сильныя морозы, перемежающіеся сильными же оттепелями. Нѣтъ ничего легче, какъ простудиться даже человѣку привычному къ суровому холоду ³⁾.

Получилъ ли ты деньги и письмо мое, посланныя въ Ниццу въ январѣ по русскому стилю? весь твой Н. Языковъ.

Мой поклонъ Василию Андреевичу. Что Одиссея? Благодарю за «Налъ и Дамаянти». «Ундина» лучше, ей-ей!

Получилъ ли ты собраніе словъ отъ П. М. ⁴⁾?

2.

2-го іюня 1844 г. Москва.

Ты что-то давно не писалъ ко мнѣ, мой любезнѣйшій Николай Васильевичъ ⁵⁾! Я даже не знаю, гдѣ ты теперь, куда поѣдешь на лѣто и что ты дѣлаешь, т. е. дѣлаешь ли свое дѣло?

Я продолжаю сидѣть въ Москвѣ по-прежнему. Иновозцевъ не пустилъ меня съѣздить въ Симбирскъ хотя бы на мѣсяць:—сижу и жду чего-то лучшаго, собираюсь переѣхать на дачу, потому что у насъ жарь

¹⁾ Это была известная книга Фомы Кемпейскаго: «О подражаніи Христу», четыре экземпляра которой Гоголь поручалъ купить Шевыреву: одинъ для самого Шевырева, другіе—для Погодина, С. Т. Аксакова и Языкова (см. соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 44; ср. также т. VI, стр. 50).

²⁾ Гоголь писалъ: «Въ Ниццѣ не пошло мнѣ такъ, какъ предполагалъ» (тамъ же, стр. 50).

³⁾ См. о Н. Н. Шереметевой нашу статью въ «Русской Старинѣ» (1892 г., X).

⁴⁾ Петра Михайловича. Гоголь собиралъ черезъ него областныя слова и вносилъ ихъ въ свои карманныя записныя книжки. Но на этотъ разъ выписки пропали (см. соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 59 и 85).

⁵⁾ Последнее письмо отъ Гоголя къ Языкову было изъ Дармштадта отъ 2-го апрѣля 1844 г. (т. VI, стр. 58—59).

несноснѣйшій и у меня въ комнатѣ тѣмъ паче, потому что въ мои окна съ утра до ночи Фебъ смотритъ! Не знаю, когда пошлю я тебѣ еще нѣсколько книгъ, тобою требуемыхъ: теперь какъ-то мало вѣдутъ за границу, и къ тому два ^ммой благопріятеля, съ коими я надѣялся отправитъ къ тебѣ съ каждымъ по посылкѣ, задержалъ судь Божій въ Москвѣ: Погодинъ упалъ съ дрожжекъ и такъ повредилъ себѣ ногу, что долженъ пролежать въ постели мѣсяца съ два; еще не знаютъ, переломилъ ли онъ ногу или только ушибъ, или вывихнулъ? ¹⁾ Такимъ-то образомъ и вся поѣздка его въ чужіе края не совершилась. М—новъ за-немогъ; онъ вѣдь женихъ; сосваталъ себѣ какую-то нѣмочку въ Берлинѣ и стремился было къ ней и въ этомъ-то состояніи сталъ форсить, молодечничать, не взиравъ на сѣверный вѣтеръ и холодъ и простудился на гуляніи! Впрочемъ, ему опять лучше—и онъ, конечно, скоро поспѣшитъ въ путь... Напиши мнѣ, какъ на тебя подѣйствовалъ указъ 15-го апрѣля 1844 г.? Не сдѣлалъ ли онъ перемѣны въ твоемъ пребываніи въ чужихъ краяхъ и даже не принудитъ ли тебя возвратиться во-свояси и пребывать въ Россіи? Посылаю тебѣ «Тригорское» ²⁾ по твоему желанію. Дѣлай со мной, что угодно; въ твоей статьѣ о современныхъ русскихъ стихотворцахъ—все, что ты скажешь обо мнѣ, будетъ мнѣ сладко и лестно, и праведно ³⁾. Гдѣ же будетъ напечатана эта статья? Снѣжу спроситъ, что твои «Мертвыя души» и вообще писалъ ли что-нибудь съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались въ Гаштейнѣ? ⁴⁾ Я написалъ нѣсколько посланій и мелочей нынѣшнею весною; съ меня довольно и этого, по слабости моего здоровья и на первый случай послѣ долгаго молчанія.

Всѣ мои родные и знакомые разъѣзжаются изъ Москвы по дачамъ или по деревнямъ: я буду лѣтомъ гораздо уединеннѣе, чѣмъ зимою, когда собственно говоря у меня уединенія не было вовсе; если буду чувствовать себя бодрѣе, то и за стихи примусь; меня станутъ бунать въ соленой водѣ. Пиши ко мнѣ о себѣ самомъ; какъ ты, куда и гдѣ?

Прощай покуда. Будь здоровъ. Твой Н. Языковъ.

¹⁾ См. Барсукова «Жизнь и труды Погодина» и «Русск. Стар.», 1889, VIII, 383.

²⁾ См. т. VI, стр. 58.

³⁾ См. соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 545.

⁴⁾ Въ мав 1843 года. На вопросъ о «Мертвыхъ Душахъ» Гоголь отвѣтилъ не тотчасъ (см. т. VI, стр. 88).

3.

6-го іюля 1844 г Москва ¹⁾).

Неудивительно, что ты о сѣю пору не получилъ мною къ тебѣ посланныхъ; съ частію этихъ книгъ, несмотря на то, что и взялась тебѣ доставить дама, да еще и нѣмка, случилась исторія: оная дама потеряла адресъ этимъ книгамъ, котораго онѣ теперь и ожидаютъ въ Любекѣ, адресъ посланъ уже, слѣдственно можешь ты по этой части успокоиться, а другая посылка книгъ давно уже за границей: ее взяла г-жа А., которая давно уже сидитъ въ Дрезденѣ; взяла и общалась переслать къ тебѣ во Франкфуртъ. Чортъ же ее знаетъ, почему она это не дѣлаетъ! Вотъ тебѣ и дамы ²⁾!

Я уже переѣхалъ на дачу. Погода сильно не благоприятствуетъ сельскимъ наслажденіямъ; вѣтры, дожди, сырость и проч., но все-таки я чувствую себя бодрѣе вѣнъ копченаго воздуха столицы, хожу все-таки болѣе, чѣмъ прежде, и хожу все-таки на чистомъ и свѣжемъ воздухѣ, который почитаютъ лучшимъ лѣкарствомъ особенно тѣхъ болѣзней, коимъ врачевная пачкотня и аптечные взвары, настойки и кашки мало помогаютъ. Я поселился возлѣ Зыкова,—ты, вѣроятно, не знаешь это мѣсто: оно за Петровскимъ паркомъ, довольно уединенно, а между тѣмъ не вовсе пустынно или отшельничю; съ моего балкона вижу гуляющую публику; московскія розы и лиліи мелькаютъ передо мною и, такъ сказать, улыбаются мнѣ. На дачѣ пробуду до сентября.

Нынѣшнею весною я написалъ нѣсколько стихотвореній, большею частью посланія и приплю тебѣ образчики ихъ въ книжкѣ, которая теперь печатается; это выборъ изъ моихъ стихотворныхъ дѣлъ—прежнихъ, новыхъ и новѣйшихъ: наданіе, какъ говорятъ, скопленіе.

Погодинъ поправляется; говорить даже, что онъ скоро и въ путь отправится, т. е. въ Маріенбадъ; хорошо, если онъ отвезетъ тебѣ «Москвитянина» ³⁾ за 1843 и текущей годы. Книжку «Объзрѣніе бо-

¹⁾ Отвѣтъ на письмо отъ 15-го іюня (см. соч. и письма Гоголя. т. VI, стр. 84).

²⁾ Разсерженный неаккуратностью Боборыкина и другихъ, Гоголь писалъ: «Вообще я уже замѣтилъ, что мужской полъ не такъ у насъ аккуратенъ и годенъ на порученія. Они не только бабы, но даже гораздо бабеватѣй. Дамы мнѣ были доставлены всѣ послыки въ исправности».

³⁾ Погодинъ опасался послать Гоголю „Москвитянина“, сознавая свою вину передъ нимъ, такъ какъ онъ помѣстилъ тамъ, противъ воли Гоголя, портретъ его, предназначавшійся для падавія въ пользу Иванова. Гоголь пишетъ о неволученіи „Москвитянина“ въ письмѣ отъ 12-го ноябра (см. т. VI, стр. 111). См. пропущенныя строки изъ этого письма въ „Русской Старинѣ“, 1889, I, стр. 155 и 1890 г., II, стр. 417.

гослужебныхъ книгъ грекороссійской церкви»¹⁾, я насилу отыскалъ въ Москвѣ; вотъ почему я не послалъ ее съ Мельгуновымъ: ты получишь ее вмѣстѣ съ моими стихами. Прощай покуда. Будь здоровъ. Твой Н. Языковъ.

4.

20-го августа 1844 г. Москва. 2).

Только-что теперь я отвѣчаю тебѣ на твое письмо отъ іюня 14-го дня, но «да не смущается сердце твое»: это предолгое молчаніе мое причинено единственно тѣмъ обстоятельствомъ, что я въ это время искалъ себѣ другой квартиры, и потому ждалъ, пока найду ее, чтобы написать тебѣ, куда тебѣ писать ко мнѣ; и такъ пиши ко мнѣ Арбатъ, къ Спасу на Пескахъ, въ домъ Безмѣнова.—Теперь ты уже, конечно, получилъ хоть сколько-нибудь книгъ, изъ числа мною посланныхъ,—странна судьба этихъ посылокъ: одна особа, взявшаяся тебѣ доставить книги, довезла ихъ до Любека да тамъ и оставила, потому что потеряла адресъ: чортъ бы ее побралъ! а другая давно уже сидитъ въ Дрезденѣ и адресъ твой имѣетъ и общалась оттуда тотчасъ же по ея пріѣздѣ переслать тебѣ мою посылку, да чортъ ее знаетъ зачѣмъ у ней дѣло стало!

Я не послалъ книгъ съ Новосильцевымъ³⁾, потому что не имѣю чести знать его, а съ Мельгуновымъ⁴⁾, потому что той книги, которую тебѣ надобно, тогда въ Москвѣ не нашлось, а теперь она у меня. Собранія же моихъ стихотвореній о сию пору еще нѣтъ въ выходѣ; оно давно уже напечатано, да... причина: какая-то остановка въ цензурѣ по тому случаю, что переимѣнился цензоръ. Какъ-только получу оное, тотчасъ пришлю тебѣ, хотя новаго тутъ для тебя почти что ничего, но все-таки.

Погодинъ о сию пору не справится съ ногою: сначала врачи думали, что нога его не переломилась, и только на всякій случай перевязали они ее въ лубки и держали его шесть недѣль на постели, а теперь онъ уже и вставать можетъ, т. е. ему позволяется вставать, а нога нигде не годится, и ходить онъ, если это значить ходить, на двухъ костыляхъ съ двумя вожаками!!

¹⁾ Гоголь просилъ о присылкѣ ея въ письмѣ отъ 2-го апрѣля (см. т. VI, стр. 59).

²⁾ Отвѣтъ на письмо отъ 14 іюля 1844 г.

³⁾ Новосильцевъ (Петръ Петровичъ)—тогдашній московскій вице-губернаторъ, поодѣе рязанскій губернаторъ.

⁴⁾ Пріятель Языкова.

У насъ въ литературѣ новаго ничего: все тихо, плохо и худо по старому и лучшаго не предвидится!

Прощай куда. На дняхъ напишу тебѣ больше; теперь ей ей некогда: перебираюсь на новую квартиру. Твой Н. Языковъ.

5.

14-го октября 1844 г. Москва. ¹⁾.

Отвѣчаю тебѣ на два письма однимъ: такъ пришлось, такъ и быть! Спасибо тебѣ за знакомство, которое ты мнѣ доставилъ. Гр. И. П. Толстаго хвалить всѣ благородные и добромыслящіе люди: я постараюсь сойтись съ нимъ. Книжки посылать буду и черезъ него; впрочемъ не знаю еще, что придется послать тебѣ изъ нашей бѣдной литературы и изъ нашей Москвы бѣдной литераторами. Я просилъ тебѣ у Погодина «Московскій Вѣстникъ» за нынѣшній годъ; онъ обѣщалъ послать самъ; прошлый 1843 г. онъ-де доставилъ Жуковскому, слѣдственно ты его видѣлъ. Твое письмо то, въ коемъ ты сердяшься на Бецкаго, самовольно выдавашаго въ публику твой портретъ, я для сильнѣйшаго подѣйствования показывалъ Погодину и покажу Шевыреву ²⁾.

Я никакъ не понимаю о сю пору, куда же дѣвались книги, посланныя мною къ тебѣ еще весною истекающаго года? посланныя съ Григоріемъ Аксаковымъ тѣ, кои ты получилъ, везла г-жа Е*.

Въ Москву пріѣхалъ и Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій... Дѣятельность И. К. разбудила бы дѣятельность многихъ молодыхъ и даже немолодыхъ людей, дремлющихъ и зѣвающихъ теперь, потому только, что имъ не къ кому пристать и не съ кѣмъ идти.

Я посылаю тебѣ книжку моихъ стиховъ (кн. Вяземскій переслалъ ее куда слѣдуетъ)—это, братъ, изданьеце маленькое, тутъ кое-что не знаю какъ и не знаю зачѣмъ собрано; составлялъ его мой племянникъ Валуевъ ³⁾. Я, между тѣмъ, собираю во едино все, что написалъ я въ десять лѣтъ (1833—1843) и эту же осенью выдамъ и тебѣ пришлю.

¹⁾ Отвѣтъ на письма Гоголя отъ 1-го октября (Соч. Гоголя т. VI, стр. 98) и 3-го сентября („Русская Старина“, 1875 г.).

²⁾ Портретъ былъ доставленъ Бецкому, издателю „Молодника“, Погодинымъ; см. соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 481, примѣч.

³⁾ На это Гоголь отвѣтилъ въ письмѣ отъ 26-го октября слѣдующими словами: „Мнѣніе твое о новомъ журналѣ, имѣющемъ издаваться въ Москвѣ, какъ мнѣ кажется, довольно основательно, хотя журнала еще нѣтъ“ (соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 105).

Мельгуновъ лечится водою, и водное леченіе сильно ему помогаетъ: бодритъ, освѣжаетъ, восстанавливаетъ его всего; зоветь и меня на себѣ отвѣдать Присницевой системы, уже смигчевой и не требующей діеты столь спартанской, какъ у самого родителя водолеченія! Не забудь написать мнѣ, полезно ли оно А. О. Россети ¹⁾? Я вѣдь могу рѣшиться еще разъ съѣздить въ нѣмецкую землю, если будетъ надежда выздоровѣть порядкомъ. Прощай покуда. Будь здоровъ. Твой Н. Языковъ.

Отъ тебя сильно ждуть писемъ С. Т. Аксаковъ и Н. Н. Шереметева.

Письма ко мнѣ надписывай: въ приходъ Николая Явленнаго, въ Серебряный переулокъ, въ домъ Шидловской.

6.

¹⁾ пытавшійся взять на себя редакцію «Москвитянина»; было много съѣздовъ и переговоровъ, но все кончилось пшикомъ: «Москвитянинъ» будетъ издаваться и въ 1845 г. на прежнемъ основаніи. Жаль мнѣ этого. И. В. поднялъ бы его и далъ бы ему... и духу — и дѣло вышло дѣльное и пошло бы ходко.

7.

5 ноября 1844 г. Москва ²⁾.

Отвѣчаю на твое письмо отъ 25-го октября. Радуюсь, что ты получилъ такіе книги, посланныя мною съ г-жею А*. Продолженіе переводовъ св. отцовъ пришлю тебѣ скоро черезъ кн. Вяземскаго или черезъ гр. Толстаго, — это продолженіе идетъ, т. е. выходитъ очень медленно: въ 1844 году явилось только 2 книжки вмѣсто обѣщанныхъ 4-хъ, а 1844 г. уже на исходѣ! Жаль! и даже странно и непонятно, почему почтенные издатели такихъ общепользныхъ книгъ дѣйствуютъ такъ вяло: онѣ расходятся у насъ нельзя лучше ³⁾!

¹⁾ Гоголь спросилъ объ этомъ А. О. Россети и, получивъ отъ него отвѣтъ, передалъ Языкову въ письмѣ отъ 12-го ноября (т. VI, стр. 112).

²⁾ Отрывокъ изъ недостающаго письма.

³⁾ Отвѣтъ на письмо отъ 26-го октября 1844 г. (См. соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 105—106).

⁴⁾ Гоголь говоритъ объ этихъ книгахъ то же самое: „Переводъ очень хорошъ; жаль, что мало“ (т. VI, стр. 105).

Съ мѣсяцъ тому назадъ послалъ я къ тебѣ черезъ кн. Вяземскаго книжку моихъ стихотвореній; тутъ собрано кое-что изъ старинныхъ и кое-что изъ новыхъ и новѣйшихъ: книжка вышла не въ диво и плохая, ни то, ни се—но «да не смущается сердце твое»: я уже собралъ и приготовилъ къ подаенію въ цензуру всѣ мои стихи, сочиненные съ 1834 по 1845 г. г.—выйдетъ книжка толстенная, и явится въ началѣ будущаго 1845 г. и къ тебѣ во Франкфуртъ на Майнѣ. Я совершенно согласенъ съ тобою, что въ моихъ стихахъ о сю пору повторяется прежняя мысль: пора и ринуться за дѣло, а самого дѣла все нѣтъ¹⁾! Я вижу это и самъ! Но это, братъ, значить только то, что у меня есть только охота и сильная охота ринуться за дѣло, а возможности ринуться за дѣло еще нѣтъ. И теперь самое небольшое умственное напряженіе производить, или, лучше сказать, усиливаетъ припадки моей болѣзни, такъ что мнѣ, ей Богу, нельзя порядочно и задуматься. Я же, съ тѣхъ поръ какъ живу въ Москвѣ, пью сарсиарильную настойку, которая усиливаетъ раздраженіе нервовъ и такъ далѣе и проч.

Мельгуновъ крайне доволенъ воднымъ леченіемъ, пишетъ о немъ восторженно и сильно, и меня зоветъ на свѣжую воду. Мнѣ бы хотѣлось съестись съ нимъ по этой части—почему же и не испробовать! Отъ Москвы до Рейна болѣе, чѣмъ отъ Москвы же до Гаштейна! Но жаль, что я не знаю, куда писать къ нему, онъ уѣхалъ уже оттуда гдѣ лечился, а куда—не сказалъ ясно.

Шевыреву я сообщалъ твой вопросъ о твоемъ письмѣ къ нему: онъ писать къ тебѣ будетъ на дняхъ²⁾. Погодишь въ страшномъ горѣ: у него жена больна безнадежно, и онъ разстроенъ невыразимо-отчаянно! И. Кирѣевскій готовится къ изданію «Москвитянина» на 1845 г.,—не откажись же ты исполнить мою просьбу, уважь ее, не порази, не бей меня, не бей меня.

Даю тебѣ обѣщаніе писать къ тебѣ часто.

У насъ зима начинается грозно: сегодня 16 градусовъ морозу 5-го ноября!

Это много и рано! Зато слякоти нынѣшнею осенью было мало. Твой Н. Языковъ.

¹⁾ См. тамъ же.

²⁾ Гоголь писалъ передъ эгнѣю Языкову: „Спроси у Шевырева, получилъ ли онъ письмо мое отъ 3-го октября, и спроси также у Аксакова, зачѣмъ изъ нихъ ни одинъ не пишетъ ко мнѣ“.

8.

Посылаю тебѣ письмо отъ Надежды Николаевны Шереметевой ¹⁾: она на дняхъ была въ Москвѣ и у меня; говорить, что давно не имѣеть о тебѣ никакого извѣстія и не знала даже, гдѣ ты теперь пребываешь: я полагаю, что ты опять во Франкфуртѣ на М. ²⁾.

Я переѣхалъ въ Москву; всѣ наши сюда собираются на зиму, которая этотъ разъ будетъ шумнѣе и говорливѣе прошлой, которой не доставало И. В. Кирѣевского. «Москвитянинъ» остается и на будущій годъ попрежнему: перемѣна въ его редація не состоялась, между тѣмъ въ Москвѣ заводится новый журналъ и уже, какъ слышно, и позволеніе на него уже выхлопотано—издателемъ коего будетъ профессоръ Рѣдкинъ и Грановскій. Это будетъ подобіе «Отечественныхъ Записокъ» по духу, складу и ладу...

Про тебя ходятъ здѣсь слухи распрекрасныя, именно говорятъ, что у тебя уже готовы еще двѣ части «Мертвыхъ Душъ» и что сверхъ того ты написалъ: «Записки Р. ген. въ Римѣ». ³⁾

На дняхъ получилъ я чрезвычайно радостное письмо отъ Ал. Андр. Иванова. Слава Богу! Слава русскому Богу! Глаза Ал. Андр. вовсе исправились, и онъ ревностно принялся оканчивать свою картину. Здѣсь его братъ Сергѣй—при Тонѣ, какъ двѣ капли воды похожъ на Ал. Андр. (онъ лечился у Иноземцева, который помогъ ему сильно); такъ-же застѣнчивъ и робокъ, тѣ же ухватки и приемы, голосъ въ голосъ, волосъ въ волосъ, какъ говорится. Я очень радъ такому сходству: не можетъ же оно обманывать!

Неужели ты и эту зиму проведешь въ Франкфуртѣ? Ты, видно, любишь ивмцевъ: прежде, братъ, за тобою не бывало такой страсти. Чѣмъ это они тебя очаровали или разочаровали? Вспомни козла!

Прощай покуда. Твой Н. Языковъ.

Василію Андреевичу мое почтеніе. Чтѣ «Одиссея?»

¹⁾ Письмо безъ даты; Гоголь отвѣчалъ на него 26 октября 1844 г. (См. соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 105).

²⁾ Предположеніе Языкова было справедливо.

³⁾ Гоголь на это отвѣчалъ: „Прекрасныя слухи, которые носятя о моихъ написаніяхъ множества произведеній, кажется, сродни тѣмъ самымъ, которые носились и въ прошломъ году о чтеніяхъ моихъ изъ втораго тома, гдѣ находится остроумное сравненіе Петербурга съ Москвою, о которомъ мнѣ и въ мысль не приходило. Я бы душевно желалъ, чтобы нынѣшніе слухи были справедливы хотя въ половину. О «Запискахъ генерала въ Римѣ» я и не грешилъ даже, хотя нахожу, что мысль не дурна“ (соч. и письма Гоголя, т. VI стр. 106).

9.

Водное леченіе меня соблазняетъ: вчера я видѣлъ ¹⁾ разительный примѣръ Приснецева чудодѣйствія! Человѣкъ, повѣхавшій къ нему едва движущимся, еле живымъ, испорченный долгодѣтнимъ аптечнымъ и даже воднымъ леченіемъ въ Петерб., былъ у меня молодецъ молодцомъ, крѣпкій, краснощекій. Чтò ни говори, а этакой очевидный, такъ сказать, осязательный фактъ очень краснорѣчиво говоритъ больному противъ того способа леченія, въ которомъ онъ, несчастный, имѣеть честь находиться 10 лѣтъ! Правда, что я теперь пишу стихи, и пишу стихи, какъ мнѣ кажется, не болѣзненные, что я во время этого писанія вовсе забывалъ мои болѣзненные припадки, но зато во время отдыха я очень, очень чувствую и вижу, какъ сокрушительно дѣйствуетъ на меня эта дѣятельность!! Не грѣхъ мнѣ и призадуматься и подумать, что, можетъ быть, есть на свѣтѣ возможность возстановить меня покрѣче и понадежнѣе теперешняго!!

Мельгуновъ писалъ въ Москву, что водное леченіе переродило его съязнова: онъ вѣдь и женился возрожденный только имъ — онъ, котораго тоже много лѣтъ пользовали знаменитѣйшіе врачи и самыя раціональнѣйшія системы врачеванія... Такъ-то!

Хомяковы и Свербеевы тебѣ кланяются, братъ мой Петръ Мих. тоже, Елагины и Карѣевскіе тоже.

10.

2 декабря 1844 г. Москва. ²⁾

Моя новая квартира мнѣ вовсе не нравится: я въ (ней) не усадусь какъ бы мнѣ надобно и какъ бы мнѣ хотѣлось; предполагаю купить себѣ домъ въ Москвѣ: тутъ я могу расположиться, разобраться, распространиться и раскинуться, какъ мнѣ будетъ любо и угодно, и это вѣдь важное дѣло для нашего брата-стихотворца и для писателя вообще: приволье, просторъ, вольготность, и изъ этихъ трехъ обстоятельствъ развивающаяся жизнь тихая и безмолвная — вотъ главное!

О «Москвитянинѣ» на будущій 1845 г. я распоряджусь вѣрнѣе, нежели Погодинъ на 1844.—Погодинъ теперь находится въ горѣ и отчаяніи: у него жена умерла, и эта потеря сильно оцѣпеняетъ и убиваетъ его.

¹⁾ Письмо безъ даты.

²⁾ Отвѣтъ на письмо отъ 12 ноября 1844 г.; Гоголь отвѣчалъ на него 2 января 1845 г. (см. т. VI, стр. 158).

Жаль его! Мы, холостые словесники и люди, не можем и опѣвить, какъ велико его несчастье: на женѣ его лежала у него вся домашняя жизнь и весь его бытъ ученый охранялся ея удивительною дѣятельностью и добротой: теперь Погодинъ одинъ—подъ небесами, и на рукахъ у него маленькія дѣти!!¹⁾

На дняхъ былъ у меня М. С. Щепкинъ; о книгахъ, которыхъ ты отъ него требуешь, пишешь онъ къ тебѣ самъ, я же съ моей стороны сдѣлалъ въ этомъ дѣлѣ все, что могъ: я показалъ ему строки твоего письма, до него касающіяся²⁾! Благодарю тебя за это знакомство; я буду стараться сдержать его въ должной силѣ и живости! вообразь себѣ, что не видывалъ Щепкина въ «Ревизорѣ»—и вѣроятно, не увижу его уже нигдѣ, кромѣ моей квартиры.

Я пишу стихи, расписываюсь—пишу стихи и духовные и мірскіе; прилагаю здѣсь образчикъ перваго рода. Тебѣ кланяются Свербеевы: они тебя помнятъ и любятъ, какъ подобаетъ, и чтутъ воспоминаніе о твоёмъ бываніи на ихъ вечерахъ. Елагины тоже. У Ив. Кирѣевскаго идетъ работа и всѣ наши московскіе собратья ему содѣйствуютъ. П. В. уѣхалъ или заѣхалъ къ себѣ въ деревню и тамъ усѣлся и засѣлъ, и продолжаетъ не издавать свое драгоценное и единственное собраніе русскихъ пѣсенъ, т. е. пребываетъ съ ними, глядитъ на нихъ, ласкаетъ ихъ и ровно ничего съ ними не дѣлаетъ. Перевода святыхъ отцовъ вышла и третья часть за 1844, всѣ три части посылаю сегодня къ графу Толстому. Какъ идетъ «Одиссея»? Твой Н. Языковъ.

11.

14 декабря 1844 г. Москва.

Твое письмо отъ 2-го декабря обрадовало и утѣшило меня: ты знаешь чѣмъ обрадовало и какъ утѣшило! оно сдѣлало больше: оно укрѣпило духъ мой и подняло его и дало мнѣ самому, такъ сказать, другой взглядъ на мои собственныя стихотворенія—и этотъ взглядъ почтаю вѣрнымъ и сердечно благодарю за него Василю Андреевича и тебя, мой судія и богомолецъ!!

¹⁾ Гоголь, очень любившій и уважавшій первую жену Погодина Елизавету Васильевну, получивъ извѣстіе о ея смерти, поспѣшилъ написать огорченному вдовцу сочувственное письмо, несмотря на ссору съ нимъ (см. „Русскую Жизнь“, 1892, № 64). Отвѣтъ Погодина см. въ „Русской Старинѣ“. 1889, VIII, стр. 384.

²⁾ См. т. VI, стр. 111—112.

Здѣсь ходитъ слухъ, что у В. А. ¹⁾ уже готово 10 пѣсней «Одиссеп» и что онъ написалъ еще сказку? Наша «Одиссея» перешибетъ всѣ возможные переводы: это будетъ памятникъ, про который можно сказать что «металловъ крѣпче онъ и лучше (sic) пирамидъ!»

Я уже писалъ къ тебѣ о переходѣ «Москвитяинна» И. Кирѣевского; это обстоятельство пробудило много спавшихъ дѣятельностей и открыло много перьевъ, вовсе было помертвѣвшихъ! Мы пишемъ, я пишу и проч.

Погодинъ о сію пору еще не оправился послѣ удара, его поразившаго: онъ все еще пребываетъ въ какомъ-то душевномъ оцѣпенѣніи! На дняхъ былъ у него М. А. Дмитриевъ, Погодинъ встрѣтилъ его словами: «какъ я радъ, что вы меня навѣстили! Я теперь думалъ, что я скоро умру, дайте мнѣ слово, что вы будете заботиться о моихъ дѣтияхъ!» Дмитриевъ отвѣчалъ ему удовлетворительно: «обвините меня и поцѣлуйте меня». Все это говорилъ онъ плача какъ ребенокъ!

Памятникъ, воздвигаемый въ Симбирскѣ Карамзину, уже привезенъ на мѣсто. Народъ смотритъ на статую Клинъ и толкуютъ, кто это: дочь ли Карамзина или жена его? Несчастный вовсе не понимаетъ, что это богиня исторіи!! Не нахожу словъ выразить тебѣ мою досаду, что въ честь такого человѣка воздвигаютъ эту вѣковѣчную бессмыслицу!!

Не прислать ли тебѣ книгу «Царскіе выходы»? ²⁾ Хоть она и довольно тяжела, но графъ Толстой говорилъ мнѣ, что это обстоятельство не должно смущать меня.

Я послалъ къ тебѣ и стихотворенія Хомякова и гимны Полонскаго. Полонскій малый съ талантомъ; жалъ только, что у него направленіе новомодное, отчаянное;—но это, вѣроятно, пройдетъ съ лѣтами.

Собраніе моихъ стихотвореній, то есть все, что я до сихъ поръ написалъ послѣ перваго, уже пропущено ценсурой и скоро поступитъ въ печать. Предлагаю тебѣ одно изъ новѣйшихъ моихъ альбомныхъ, мирскихъ стихотвореній. Прощай покуда. Будь здоровъ. Твой Н. Языковъ.

12.

17 января 1845 г. Москва.

Твои два письма, писанныя тобою, какъ ты самъ говоришь, подъ впечатлѣніемъ моего стихотворенія «Землетрясеніе», доставили мнѣ много удо-

¹⁾ В. А. Жуковскій.

²⁾ Поводомъ къ этому предложенію со стороны Языкова послужили похвалы Гоголя, вызванныя выписками изъ этой книги въ статью «Отечественныхъ Записокъ» (см. т. VI, стр. 118).

вольствия, услаждения и пользы ¹⁾). Жаль, что их нельзя напечатать: я бы сдѣлалъ это непременно, не спросившись тебя и взявъ отвѣтственность на свою совѣсть и на свой страхъ! ²⁾) Посылаю тебѣ еще одно изъ моихъ стихотвореній, и с а в н ы хъ т ь п о к а к о м у н и б у д ь п о в о д у: одно такое же я отправилъ къ тебѣ на прошлой недѣлѣ. Странно мнѣ, что ты о с ю пору не получилъ книгъ, давнымъ давно доставленныхъ мною графу И. П. Толстому. Теперь я въ недоумѣннн, что мнѣ дѣлать съ другими книгами, мною для тебя приготовленными и ожидающимися только выхода 4-й части переводовъ святыхъ отцовъ на 1844 г.? (она уже давно объявлена въ газетахъ вышедшею, а подписавшимся еще не выдается). Куда пересылать ихъ, когда ты ѣдешь въ Италию? Италия велика: въ ней есть и Ницца, и Римъ, и Неаполь. Разрѣши мое недоумѣннн. Воздухъ благословеннаго юга, конечно, восстановитъ твое здоровье: очень естественно, что нѣмецкій воздухъ дѣйствуетъ на тебя разрушительно: ты русскій человекъ!

Ив. Кирѣевскій все еще не успѣлъ выдать 1-й № «Москвитянина»: несчастіе, поразившее Елагиныхъ, помѣшало журнальнымъ работамъ ³⁾). Какъ быть? Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ!

Всѣ наши тебѣ кланяются: я сегодня же пишу въ Римъ къ Чижову, съ которымъ у меня переписка идетъ довольно живо. Весною поѣдетъ въ Римъ братъ А. Андреевича Сергѣй Андреевичъ Ивановъ—архитекторъ, юноша талантливый и надежный и самостоятельный и ничуть не нѣмецъ! онъ въ началѣ лѣта будетъ пользоваться водами, вѣроятно въ Крейцбахѣ, а потомъ уже...

Собраніе моихъ стихотвореній выйdetъ къ марту: оно уже печатается. Если ты увидишь Мельгунова, скажи ему, что всѣ мы просимъ и жаждемъ отъ него повѣстей и статей для «Москвитянина». Не забудь же—для «Москвитянина»!

Если я рѣшусь ѣхать на водное леченіе, то извѣщу тебя объ этомъ заблаговременно; мы съѣдемся, посидимъ вмѣстѣ и поговоримъ о томъ, о сѣмъ, о многомъ. Прощай покуда. Будь здоровъ. Кланяйся отъ меня А. И. Тургеневу и Н. Д. Киселеву. Твой Н. Языковъ.

13.

27 января 1845 г. Москва.

Отвѣчаю на твое письмо отъ 2 января. Стиховъ И. Аксакова я не посылалъ къ тебѣ и не посылаю, потому что у меня ихъ не было и

¹⁾ Отвѣтъ на письмо отъ 2 и 26 декабря (т. VI, стр. 117—118 и 149—153).

²⁾ Это письмо и особенно послѣднія строки навели Гоголя на мысль написать и издать „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“.

³⁾ Гоголь уже просилъ выслать ему 1 томъ „Москвитянина“ подъ ожидавшейся новой редакціей Кирѣевскаго (т. VI, стр. 153).

нѣтъ; я только слышалъ ихъ, и достать ихъ себѣ въ рукописи никакъ не могъ и не могу. К. Аксаковъ сказывалъ мнѣ вчера, что оныя стихи давно уже къ тебѣ посланы со многими книгами и, конечно, находятся и теперь еще у Жуковского. Справься! О нѣмецкомъ переводѣ «Мертвыхъ Душъ» напишу тебѣ мое мнѣніе; на дняхъ куплю его и мѣстами свѣрю съ подлинникомъ. Объ ознобѣ, на который ты жалуешься и который тебѣ не даетъ покоя, вотъ что оказалось по справкамъ, собраннымъ мною отъ Мельгунова и Бодянского: они оба лечились и вылечились холодною водою; этотъ ознобъ есть обычное послѣдствіе водолеченія и пройдетъ самъ собою; а польза, тебѣ сдѣланная самимъ водолеченіемъ, останется съ тобою непременно.

Русскихъ книгъ пришлю тебѣ на дняхъ что соберу: хорошаго будетъ немного или вовсе не будетъ; пришлю кое-что и для Александра Андреевича Иванова.

Н. Н. Шереметева была отчаянно больна, теперь поправляется; письмо твое послалъ я къ ней въ Рузу.

Нынѣшняя зима для меня самая скучная, безписьменная, грустная: хотѣлось бы мнѣ уединиться, да грѣхи не пускаютъ.

Прощай покуда. Будь же здоровъ. Твой Н. Языковъ.

Мой адресъ: на Пречистенкѣ, у Троицы въ Зубовѣ, въ домѣ Наумова.

14.

17 февраля 1845 г. Москва ¹⁾.

Спасибо тебѣ за похвалы, которыми ты награждаешь меня за мое стихотвореніе: «Къ не н а ш и м ъ» ²⁾. Получилъ-ли ты другое въ этомъ же родѣ—посланіе къ К. С. Аксакову? Оба эти мои дѣтища надѣлали много разныхъ сплетней и разъединеній въ обществѣ, къ которому и ты принадлежалъ бы, если бъ ты былъ теперь въ Москвѣ, т. е. въ томъ кругу, гдѣ я живу и движусь. Нѣкіе мужи важные и ученые, старые и молодые, до того на меня разсердились, что дѣло дошло бы, дескать, до дуэля, если бы сочинитель этихъ стиховъ не былъ боленъ. Вотъ каково!! Страсти еще волнуются и кипятъ, а мои грозные соперники удовлетворяются тѣмъ, что пересылаютъ мои стихи въ Питеръ, въ

¹⁾ Отвѣтъ на маленькое письмо къ Языкову безъ даты (см. соч. и письма Гоголя т. VI, стр. 166—167).

²⁾ Извѣстное стихотвореніе Языкова, вызванное обострившимися спорами славянофиловъ западниковъ по поводу публичныхъ лекцій Грановскаго и Шевырева.

«Отечественныя Записки», гдѣ меня ругаютъ, какъ можно чаще, стихи мои пародируются и печатаются эти пародіи.

Само собою разумѣется, что эти на меня устремленія и этотъ беззубый лай ни мало не смущаютъ меня и что я продолжаю свое. А. Ив. Тургеневъ бранилъ меня за стихотвореніе «Къ не нашимъ», полагая, что оно писано противъ петербургскихъ журналистовъ. Совсѣмъ нѣтъ! Въ немъ идетъ рѣчь о здѣшнихъ московскихъ особахъ, которымъ не нравятся лекціи Шевырева, и потому они и дгутъ и клеветуютъ на него во всю мочь,—они, которыхъ вся учелость ограничивается берлинскими ихъ тетрадкама и все личное достоинство ихъ поддерживается въ глазахъ такъ называемаго большого свѣта только ихъ презрѣніемъ ко всему отечественному, чего они вовсе не знаютъ и знать не хотятъ!

Вышелъ первый № «Москвитянина», № отличивѣйшій, полный дѣла, добра и славный! Ты, ежели будешь во Франкфуртѣ, увидишь его, и напиши мнѣ, что о немъ подумаешь. Куда же ты ѣдешь изъ Парижа? Я не знаю, какъ быть мнѣ теперь съ книгами для тебя у меня готовыми. Графъ И. П. Толстой уѣхалъ въ Петербургъ и тамъ пребудетъ! Погодинъ собирается въ Іерусалимъ: на второй недѣлѣ Великаго поста онъ пустится отсюда, а на послѣдней будетъ говѣть у гроба Господня ¹⁾.

Посылаю тебѣ еще одно мое стихотвореніе подѣ статью къ двумъ первымъ; ты догадаешься, къ кому оно относится, не давай его списывать: на меня и за него есть гоненіе и еще какое? самое неотразимое—дамское!

Я еще не знаю моей судьбы на наступающую весну: можетъ быть, что меня опять пошлютъ на воды, хотя нынѣшняя зима такъ, какъ и прошлогодняя, мнѣ гораздо сноснѣе всѣхъ прежнихъ заграничныхъ. Но мнѣ все-таки хочется больше.

Прощай покуда. Будь здоровъ. Твой Н. Языковъ.

15.

10-го марта 1845 г. ²⁾.

Вотъ тебѣ еще стихотвореніе подѣ статью тѣмъ, которыя я посылаю къ тебѣ въ Парижъ. А. П. Т. выписываетъ изъ Москвы объясненіе на мое посланіе «Къ не нашимъ», и Х. и Д. Н. С. послали ему свои

¹⁾ Несмотря на ссору съ Погодинымъ Гоголь думалъ ѣхать съ нимъ вмѣстѣ, но побѣд а Погодина не состоялась.

²⁾ Отвѣтъ на письмо отъ 12 февраля (соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 167—168).

комментаріи: первый за меня, а другой, вѣроятно, противъ того духа, который подвигнулъ меня на этотъ подвигъ. За стихи въ Ш. осердился на меня и англійскій клубъ; а о московскихъ представителяхъ на правленія «Отечественныхъ Записокъ» и говорить нечего!

Во Франкфуртѣ ты, конечно, видѣлъ уже первый № «Москвитянина». Каковъ И. В. К.? Есть надежда, что нашъ журналъ пойдетъ ходко: съ перваго № число подписчиковъ умножилось отъ 400 до 700. Онъ еще выростетъ значительно. Второй № еще лучше, сильнѣе, важнѣе и дѣльнѣе, нежели первый. Даже самъ П. В. Кирѣевскій выступаетъ на сцену міра сего: пишетъ опроверженіе на статью Погодина, напечатанную въ первомъ №. Это возстаніе московскихъ писателей и всей нашей братіи отъ сна—дѣло вовсе русское! У насъ все такъ: или всё притаится, или, если одинъ примется работать, то и другіе, на него глядя, встанутъ и расходятся. Много можетъ сдѣлать русскій человѣкъ, когда пошло на задоръ. Это не зависть, не желаніе перебить другаго—это одно благородное чувство, которое, какъ электричество, разомъ потрясаетъ всѣхъ держащихъ другъ друга за руку!

У насъ о сѣю пору продолжается зима, то-и-дѣло бываетъ по 15 градусовъ холоду, а весна уже на дворѣ по календарю. Едва-ли пошлетъ меня Иноземцевъ за границу; на дняхъ я переговорю съ нимъ объ этомъ подробнѣе; онъ, кажется, хочетъ пользоваться меня холодною водою, и я буду проситься у него сѣздить лѣтомъ въ Симбирскъ, въ деревню: мнѣ, братъ, крайне наскучила столичная жизнь, въ уединеніи мнѣ было бы лучше и какъ больному и какъ писателю, если-бы я могъ только находиться тамъ подъ надзоромъ хорошаго медика. Куда устремился ты будущимъ лѣтомъ? Не во Франкфуртѣ же сидѣть тебѣ? Или на воды? Напиши мнѣ; я буду попрежнему посылать тебѣ обычныя порціи моихъ каракуль. Прочти въ «Москвитянинѣ» всѣ статьи подъ конимъ напечатано К.; во второмъ № прочти и «С п о р тъ»—это Хомяковская штучка. Будь здоровъ. Твой Н. Языковъ.

16.

29 марта 1845 г. ¹⁾.

Я что-то!долго уже не писалъ къ тебѣ; какъ-то все откладывалъ день за день и этакъ-этакихъ дней накопилось у меня довольно много. Ты, братъ, кажется мнѣ—я слышалъ отъ Надежды Николаевны—предаешься и под-

¹⁾ Отвѣтъ на письмо отъ 15 марта (соч. и письма Гоголя т. VI, стр. 172).

даешься хандрѣ и впадаешь въ уныніе и слѣдственно въ бездѣйствіе! Я приписывалъ это вовсе не нездоровью твоему, а только худой погодѣ: я, братъ, по собственному опыту, по собственному сердцу знаю, какъ сокрушительно дѣйствуетъ слякоть, непроходимый дождикъ, несвоевременный снѣгъ и туманный воздухъ на нашего брата, какъ говорится, нервическаго человѣка. Теперь, конечно, уже и во Франкфуртѣ весна установилась, и я думаю, надѣюсь, что ты сталъ бодрѣе и ходче. Воображаю тебя поднимающимся раннимъ рано поутру и удивленно бродящимъ подъ густыми каштанами того мѣста, гдѣ поставленъ памятникъ Гете! Здѣсь про тебя ходятъ слухи вотъ какіе: что ты учишься по-гречески, что собираешься въ Италію и оттуда уже въ Іерусалимъ, и только! Я сердечно буду радъ, когда узнаю, что все это правда. Въ Италіи ты, конечно, будешь, такъ сказать, въ своей тарелкѣ, а поѣздка (въ) Іерусалимъ увѣчиваетъ одно изъ лучшихъ и заветнѣйшихъ твоихъ желаній. Погодинъ ѣдетъ въ Маріенбадъ, а его путешествіе въ Святую землю, кажется, отложено въ длинный ящикъ.

Всѣ-ли мои письма дошли до тебя? Я вижу, что ты уѣхалъ изъ Париза, не получивъ двухъ изъ нихъ?

У насъ все идетъ своимъ порядкомъ, т. е. новымъ порядкомъ, хлопочемъ о «Москвитиниѣ», и есть успѣхъ: отовсюду получаютъ похвалы ему, и ты, конечно, похвалишь его.

Июземцевъ оставлять меня и на дѣто текущаго года все-таки въ Москвѣ, подъ его близкимъ надзоромъ: это-де необходимо! Будь здоровъ. Твой Н. Языковъ.

17.

25 апрѣля 1845 г.

Отвѣчаю тебѣ на твое письмо отъ 24 марта ¹⁾. Погодинъ, вопрошаемый мною о поѣздкѣ его за границу нынѣшнимъ годомъ и о путешествіи его въ Іерусалимъ, сказалъ мнѣ, что то и другое еще не рѣшено, но что онъ сплшется обо всемъ объ этомъ съ тобою заблаговременно. Шевыревъ самъ будетъ писать къ тебѣ и разрѣшитъ твое сомнѣніе о его прошлогоднемъ письмѣ. Аксаковы писали, дескать, недавно ²⁾.

¹⁾ Отвѣтъ на письмо, напечатанное въ соч. и письмахъ Гоголя въ VI т. стр. 244—245 (но тамъ вѣроятно по ошибкѣ, выставленъ 1846 г.) и на письмо отъ 5 апрѣля (см. т. VI, стр. 178—182).

²⁾ См. т. VI, стр. 182.

Странно и досадно, что Жуковский о сию пору не получает «Москвитяина». Виновать не Кирѣевскій.

Путешествіе въ Іерусалимъ Норова пришло тебѣ черезъ князя Вяземскаго ¹⁾. Да сдѣлай милость, не забудь написать мнѣ, какъ пересылать къ тебѣ книга, напр. въ Римъ? И куда до пріѣзда твоего въ Римъ посылать мнѣ къ тебѣ обыкновенную порцію монъ каракуль? ²⁾

Нынѣшнимъ лѣтомъ я было надѣялся побывать на родинѣ въ Сибирской губерніи, да не пускаютъ: сиди въ Москвѣ и купайся въ соленой водѣ! Слушаюсь—и слушаюсь!

Всѣмъ сердцемъ и всею душою благодарю достопочтеннаго Копна за память его обо мнѣ и за участіе, принимаемое имъ въ моемъ здоровьѣ. Иноземцевъ говоритъ, что въ Гаштейнѣ ѣхать мнѣ не надобно, что и самая эта поѣздка столь дальняя разстроила бы меня крайне.

Въ бытность мою въ Ганау я ходилъ ровно по 30 м. по комнатѣ сразу: теперь не могу проходить и 4 минутъ—таковы то не бойки стали мои ноги! Не оттого ли это, что съ тѣхъ поръ я пересталъ точить? Иноземцевъ запретилъ мнѣ это тѣлодвиженіе, предписанное Коппомъ, оно-де вредно мнѣ! а Коппъ называлъ токарный станокъ монъ спасеніемъ! Какъ тутъ быть? Не разберешь! Твой Н. Языковъ.

18.

10 мая 1845 г.

Грустно мнѣ было читать твое письмо отъ 1 мая. Чтò это съ тобою дѣлается! болѣзнь и хандра, хандра и болѣзнь, и ни та и эта о сию пору тебя не покидаетъ. Я было надѣялся, что весна отгонитъ ихъ прочь отъ тебя, теперь вижу, что не воздухъ, не слабость ³⁾ погоды, а что-то постояннѣйшее и дѣйствительнѣйшее разстраиваетъ твое тѣло и томитъ и сокрушаетъ духъ твой.

Приписываю это—знаешь ли чему? Долговременному пребыванію твоему между нѣмцами, среди чужаго языка! Выдь на минуту изъ себя, взгляни на себя, какъ на всякаго истинно русскаго человѣка, живущаго и движущагося, положимъ, уже хоть полгода между шмерцами, и войди безпристрастно и сострадательно въ его положеніе: ты согласишься со мною! Бѣги скорѣе отъ нихъ, бѣги неоглядкой—хоть куда глаза гля-

¹⁾ О просьбѣ Гоголя прислать эту книгу см. т. VI, стр. 182.

²⁾ Дѣйствительно, дочеръ Язкова былъ самый убійственный.

³⁾ Точка на мѣстѣ непрочитаннаго слова.

дять:—я увѣренъ, что ты скоро поправишься, побордѣшь и что болѣзни и хандра убѣгутъ отъ тебя обѣ вмѣстѣ, видя себя бѣду неминуемую ¹⁾).

Погодинъ на дняхъ дѣлаетъ консилиумъ, гдѣ рѣшится судьба его на наступающее лѣто, т. е. ѣхать ли ему на воды или нѣтъ, и если ѣхать, то куда? Ногъ его стало хуже.

Сердечно радъ, что «Москвитянинъ» таки дошелъ до тебя. Благодарю за похвалу моимъ стихотвореніямъ! Ты напрасно думаешь, что Хрипковъ ²⁾ живописецъ въ родѣ Мокрицкаго ³⁾; мое посланіе къ Хрипкову я почтаю однимъ изъ удачнѣйшихъ дѣлъ моихъ сего рода: стало быть, меня обманули чувства, что я восхитился имъ. Нѣтъ! Я съ тобою не согласенъ во мнѣніи о моемъ кавказскомъ пейзажѣ. Спроси о немъ Жуковскаго—онъ, конечно, помнитъ его и не назоветъ дрянью. Прискорбно мнѣ еще и то, что ты вовсе ничего не сказалъ мнѣ о моей элегій, напечатанной во второмъ № «Москвитянина»; я думаю, что это одна изъ лучшихъ картинъ, нарисованныхъ моими стихами; не всякій можетъ оцѣнить ея достоинство, тутъ нуженъ взглядъ знатока, но ты, мой любимѣйшій, долженъ отдать ей должную похвалу, ты, который умѣешь крѣпко ограждать себя отъ надоедниковъ и который истинно-геройски защитился отъ предмета этой элегій! Помнишь? ⁴⁾).

С. Т. Аксаковъ будетъ на дняхъ писать къ тебѣ, Шевыревъ тоже; Хомяковъ и Свербеевъ тебѣ кланяются—все ми зовемъ тебя въ Москву; полно тебѣ кочевать въ странахъ не русскихъ и не православныхъ. Пора тебѣ домой, и если ты боишься Борея, то вѣдь русская земля не клиномъ сошлась: отъ Чернаго моря до Вѣлаго много кламатовъ, выбирай любой и живи со своими...

Прощай покуда. Поправляйся же... я буду писать къ тебѣ еще чаще. Твой Н. Языковъ.

¹⁾ Въ 1845 г. здоровье и состояніе духа Гоголя сильно испортились, и онъ, прежде всегда ободрявшій Языкова, сталъ самъ писать ему письма, проникнутыя скорбнымъ чувствомъ.

²⁾ Посланіе къ Хрипкову (Александру Дмитріевичу) см. въ сочиненіяхъ Языкова (изд. Перенгѣскаго, т. II, стр. 250).

³⁾ Мокрицкій—художникъ, лицейскій товарищъ Гоголя; сравненіе Хрипкова съ Мокрицкимъ см. въ соч. и письмахъ Гоголя, т. VI, стр. 184—185.

⁴⁾ Гоголь на это отвѣчалъ: „Самое посвященіе Авдотѣ Петровнѣ Елагинной элегій о надоедателѣ весьма замѣтилъ и даже сказалъ о ней Кошчу (т. VI, ст. 192)

19.

12-го іюня 1845 г. Москва.

Отвѣчаю на твое письмо отъ іюня 5 дня. Если бы я записывалъ все, что я передумалъ о самомъ себѣ и о моей болѣзни, положимъ хоть въ одно полугодіе многолѣтняго и непрестаннаго житія моего съ нею, у меня не достало бы денегъ на бумагу. Мнительность—растеніе, растущее неизмовѣрно быстро: оно разомъ развивается въ огромное мачтовое дерево; наше воображеніе пользуется имъ такъ же быстро: тотчасъ строятъ изъ него и оснащаютъ корабль, сажаютъ насъ въ этотъ корабль, спускаетъ его на бурное море, и мы несемъ чортъ знаетъ куда. Кромѣ всего этого, ты, мой любезнѣйшій, повторяю тебѣ, дышешь нѣмецкимъ воздухомъ, живешь между нѣмцами, движеешься на нѣмецкой землѣ, среди чужаго языка!

Жду пріѣзда Смирновой ¹⁾ въ Москву, познакомлюсь съ нею непремѣнно и общаюсь тебѣ воспѣть ее: я давно уже жажду узнать ее лично, и о ней много слышалъ разныхъ воспѣтій, но я держусь словъ, сказанныхъ, не помню, какииъ лѣтописцемъ: «не всякому слуху вѣруйте, но испытайте духи: есть-бо духъ Божій и духъ льстечь!» ²⁾ Что ты дѣлаешь въ Гамбургѣ? Гаштейнъ, по моему соображенію, поможетъ тебѣ, только не забудь тамъ устроить себѣ здоровую и сытную пищу: Гаштейнскія воды, правда, укрѣпляютъ, но гаштейнская паша—самая слабительная: помнишь! Вспомни штраубингеровскую говядину, телятину и особенно его супы и особенно субботній!!

Вспомни и гр. А.* какъ, бывало, вылеталъ онъ послѣ обѣда за общимъ столомъ на площадку передъ моимъ окномъ, распаленный, грозный, браня встрѣчному и поперечному обѣдъ, его не удовлетворяющій, и въ самомъ дѣлѣ обѣдъ подлѣйшій!

Путешествіе А. Норова въ Іерусалимъ я уже отдалъ Аксаковымъ, которые имѣютъ съ кѣмъ переслать его къ тебѣ: оно мнѣ очень понравилось.... книга дѣльная, учевая и необходимая всякому паломнику. Слышишь, что Погодинъ не перемѣнилъ своего намѣренія побывать въ Святой землѣ, но я еще не говорилъ съ нимъ объ этомъ; увѣдомлю тебя, когда и какъ онъ рѣшился. Будь-же здоровъ Твой Н. Языковъ.

¹⁾ Знаменитой Александры Осиповны Смирновой.

²⁾ Эта осторожность Языкова объясняется дошедшими до него слухами объ увлеченіи ею Гоголя. Около того же времени Языковъ писалъ брату, которому отдалъ на храненіе это письмо Гоголя: «Ты, вѣрно, замѣтилъ въ письмѣ Гоголя похвалы, восписуемыя имъ г-жѣ Смирновой; эти похвалы всѣхъ здѣшнихъ удивляютъ. По всѣмъ слухамъ, до меня доходящимъ, она просто сирена, плавающая въ прозрачныхъ водахъ соблазна». (См. „Вѣстн. Евр.“ 1879 г. т. X, стр. 452, примѣч.).

20.

15-го іюня 1845 г. Москва.

Я отвѣчалъ уже на твое письмо отъ 5 іюня и снова пишу тебѣ о немъ же, и потому, что пересылаю къ тебѣ письмо Надежды Николаевны и потому, что твое нездоровье не выходитъ у меня изъ головы. По твоему собственному описанію припадковъ твоей болѣзни, видно ясно и несомнѣнно медику и не медику, всѣмъ и каждому, что у тебя сильно разстроены и возмущены нервы: это холоднѣе рукъ и ногъ, эта безнадежность на выздоровленіе и вмѣстѣ съ нею всѣ болѣзни, которыя ты самъ себѣ приписываешь и въ себѣ находишь и чувствуешь, все это и въ купѣ и по одиночкѣ ничто иное, какъ прихоти, капризы или, лучше сказать, буйство нервовъ—мятежныхъ и бунтующихъ! Ты приписываешь твое теперешнее болѣзненное состояніе умственному напряженію, въ которомъ ты держалъ себя до сихъ поръ. Такъ прогони всего прежде, прогони-же прочь эту причину такого ¹⁾.

Повторяю тебѣ, что Гаштейнъ тебѣ поможетъ, а потомъ бы морскія купанья и пребываніе не между нѣмцами!

Надежда Николаевна послала тебѣ молитву Ефрема Сиріина—книжку, сочиненную пр. Иннокентіемъ. По моему это одно изъ лучшихъ, если не самое лучшее сочиненіе нашего великаго іерарха. Не забудь прочесть въ четвертомъ № «Москвитянина» жизнеописаніе Пансіа. Статья вовсе не журнальная, вовсе не европейская, и немногіе прочтутъ ее, но мнѣ она очень понравилась, хотя и слѣдовало описать житіе этого доблестнаго праведника еще подробнѣе. «Москвитянинъ», какъ кажется, дойдетъ до конца 1845 г. и до своего собственного кое-какъ, нога за ногу, ковыляя и падая. Звать не судьба И. Кирѣевскому быть редакторомъ журнала: его дѣятельности хватаетъ только на три №№.

У насъ прошелъ слухъ, что Смирнова въ Москву не будетъ: она-де на вышшее дѣло наняла себѣ дачу въ Цитерѣ и перешла уже на дачу. Хомяковы и Свербеевы тебѣ кланяются.

Прощай покуда, будь же здоровъ! Не робѣй и держись крѣпче. Твой Н. Языковъ.

21.

21-го ноябра 1845 г. ²⁾.

Изъ твоего письма вижу я, что ты, мой любезнѣйшій, не получилъ двухъ писемъ, пущенныхъ мною къ тебѣ въ Римъ. Слава, громкая слава

¹⁾ Точки на мѣстѣ непрочитаннаго слова.

²⁾ Отвѣтъ на письмо отъ 30 октября (т. VI, стр. 220—221).

Присниду, что онъ возстановилъ, освѣжилъ, прибодрилъ и освѣжилъ брѣнное тѣло твое. Вѣрь ты послѣ этого нашимъ знаменитостямъ медицины, не только нашимъ, но и всякимъ, сколько ихъ ни есть.—Большая также холодная вода выправила.

Смирнова была въ Москвѣ нѣсколько дней, видѣлась съ Аксаковыми, которые, конечно, уже писали тебѣ объ этомъ достопамятномъ ихъ свиданіи. А. О., какъ слышно, хотѣла уговорить Константина Акс. перестать носить русскую рубашку и запускъ (костюмъ, въ коемъ съ нѣкотораго времени этотъ добрый юноша является вездѣ и всюду), но не тутъ-то было—не на такого напала.

Въ Калугѣ служить въ губернскомъ правленіи Иванъ Аксаковъ—юноша съ большимъ талантомъ: ¹⁾ вытребуй отъ С. Т. стиховъ его. Теперь въ Римѣ, какъ и во всей Италіи, русскихъ, я думаю, биткомъ набито. Пребываніе императрицы въ Палермо просто эпоха въ новѣйшей исторіи всей Италіи. Государя ждутъ сюда въ январѣ; но это вѣдь слухи неофициальные.

Кн. Волконскій, сынъ Зананды, педалъ въ Москвѣ книгу: «Римъ и Италія»; я началъ читать ее: что-то въ родѣ смѣси, всякой всячины, того сего. Шевыревъ готовится къ печати свои лекціи и объ исторіи русской литературы. ²⁾ Погодинъ печатаетъ свое похвальное слово Карамзину—то, которое сказалъ онъ въ Симбирскѣ при объявленіи памятника, при громѣ рукоплесканій всего симбирскаго дворянства! «Москвитянинъ» на будущій 1845 пойдетъ попрежнему: новаго журнала не предвидится. Хомяковы еще въ деревнѣ. Свербеевы тебѣ кланяются. Будь здоровъ. Твой Н. Языковъ.

22.

1845 г.

Жду отъ тебя письма изъ Рима, ³⁾ какъ ты добралъ и уѣхалъ-ли опять у своего Челли? У насъ уже есть хорошія о тебѣ вѣсти. Смирнова писала къ С. Т. Аксакову, что тебѣ гораздо лучше, что ты сталъ свѣ-

¹⁾ Одновременно съ этими о талантѣ И. С. Аксакова писалъ Гоголю также Шевыревъ (см. т. VI, стр. 222).

²⁾ Гоголь отвѣчалъ на это письмо уже 2 января 1846 г. (см. соч. и письма Гоголя т. VI, ст. 229).

³⁾ Отвѣтомъ на это письмо было тоже письмо отъ 2 января, начинающееся словами: „Два письма твои въ Римъ—одно безъ числа, другое отъ ноября 2 получалъ“ (т. VI, стр. 229).

жѣ, бодрѣ, здоровѣ и крѣпче. Слава Богу, и честь Присницу! Знаешь ли ты, что твои «Мертвыя души» переведены на нѣмецкій и что твое имя передѣлано переводчикомъ изъ Гоголя въ Гогеля; ужъ не думаетъ ли нѣмецъ, что ты тоже нѣмецъ!

У насъ все идетъ по-прежнему: Погоданъ продолжаетъ «Москвитянина» самъ собою, выставляя по два №№ на одной книжкѣ; Пановъ собираетъ Альманахъ къ новому году; К. Карл. ¹⁾ Павлова написала множество стиховъ прекраснѣйшихъ. Хомяковы въ деревнѣ, Елагины тоже и просидятъ тамъ долго: и наступающая осень, и будущая зима будутъ у насъ тихія. Жду извѣстій отъ Чицова, который уже сидитъ у Галагановъ въ Полтавской губерніи; онъ намѣревается водрузить новый журналъ въ Москвѣ. Это было бы дѣло важное, славное, утѣшительное.

Говорятъ, что къ веснѣ 1846 года будетъ въ Москву Жуковский!!

Прощай покуда. Я не въ духѣ—какъ-то не пишется. Твой Н. Языковъ.

23.

18-го февраля 1846 г. ²⁾.

Я послалъ тебѣ нѣсколько книгъ: тутъ все, что вышло у насъ новаго, хотя сколько-нибудь любопытнаго; ждутъ появленія новаго романа Загоскина и новаго же романа Кулиша — и ихъ пришлю, когда выйдутъ они въ свѣтъ. Нашъ Московскій литературный сборникъ еще не готовъ—имѣетъ явиться на Святой недѣлѣ.

Нынѣшняя зима у насъ крайне тиха, черезчуръ тиха. Елагины въ деревнѣ, Вас. Елагинъ женился. И. В. Кирѣевскій поздоровѣлъ, бодрится, и собирается писать. П. В. продолжаетъ сидѣть надъ собраніемъ русскихъ пѣсенъ (которому уже 16-й годъ!), и онъ тоже въ деревнѣ. Хомяковы въ Москвѣ. Ал. Ст. написалъ еще прекрасную статью,—подъ статью своимъ прежнимъ, которыя ты знаешь,—она будетъ въ нашемъ сборникѣ. Въ Питерѣ, по мнѣнію «Отечеств. Записокъ», явился новый гений—какой-то Достоевскій; повѣсть его найдешь ты въ сборникѣ Некрасова ³⁾. Прочти ее и скажи мнѣ твое о ней мнѣніе: я самъ не успѣлъ

¹⁾ Каролина Карловна, жена Николая Филипповича Павлова, урожденная Янинъ.

²⁾ Отвѣтъ на письмо отъ 2-го января.

³⁾ Заинтересованные этимъ романомъ Вильгорскіе вызвались доставить ему романъ Достоевскаго; они спрашивали мнѣнія о немъ Гоголя, которое онъ вскорѣ и высказалъ (см. «Вѣст. Европы» 1839 г., XI, стр. 106). О повѣсти Кулиша и драмѣ Гедеоновъ онъ говорилъ потомъ въ большомъ письмѣ къ Плетневу о «Современникѣ» (см. VI, стр. 301).

прочеть ее, потому что мои здѣшніе благопріятеля, читавшіе ее, не похваляютъ ея! На сценѣ явилась новая драма: «Смерть Ляпунова», соч. Гедеонова, сына известнаго директора театровъ. Говорятъ, что она, несмотря на свою безхарактерность и неестественность, все-таки сильно дѣйствуетъ на публику, пробуждая чувство народности. Я пришаю тебѣ эту драму, когда она будетъ напечатана. Пановъ написалъ біографію покойнаго Вадуева, которую онъ уже послалъ тебѣ. К. Аксаковъ сочинилъ водевилъ, и петербургская цензура пропустила его на сцену, къ незначной радости автора. И. Аксаковъ всю зиму былъ боленъ, теперь выздоравливаетъ. Получилъ ли ты его стихи отъ Жуковского? Мнѣ кажется, что не всѣ мои письма доходятъ къ тебѣ. И отъ А. Анд. Иванова я о сю пору не получаю отвѣта на мой вопросъ, получалъ ли онъ отъ кн. З. В. книгу «Памятники московской древности». Будь здоровъ и не тоскуй. Твой Н. Языковъ.

24.

19-го марта 1846 г. Москва.

Твои письма отъ 25-го декабря 1845 г. къ Шевыреву и къ Аксаковымъ дошла въ свое время, и отвѣты на нихъ посланы къ тебѣ тогда же. Пускайся въ путешествіе, если ты увѣренъ, что дѣйствуетъ благотворно на твое брѣнное тѣло, и пиши какъ можно больше: наша литература давно уже ждетъ твоего дѣланія, а между тѣмъ на ея поприсѣ правда никнетъ, а злочестіе высится!

Посылаю тебѣ переводъ предисловія къ нѣмецкому переводу «Мертвыхъ Душъ»¹⁾. Нѣмецъ переводчикъ Löbenstein (ты, конечно, желалъ бы не stein, а hausen), называетъ ихъ на родную русскую книгу, сдѣлавшей столько же шуму въ Россіи, какъ «Mystères de Paris» во Франціи,—говорить, что ты получилъ за нее 3.000 руб. сер., и что профессоръ Погодинъ, ее у тебя купившій, имѣлъ 4.000 р. сер. барыша. Далѣе слѣдуетъ приложеніе.

У насъ составляется литературный сборникъ: онъ будетъ лучше того, который ты получилъ уже, и будетъ гораздо толще: въ него войдетъ цѣлая санскритская драма, переведенная съ подлинника Коссовичемъ²⁾, войдетъ повѣсть Дв. . . ., много стиховъ И. Аксакова и проч., и проч.

¹⁾ Гоголь остался весьма доволенъ этимъ предисловіемъ и отозвался о немъ такъ: «нѣмецъ судитъ довольно здраво» (см. Сочин. и письма Гоголя, т. VI, 248).

²⁾ Коссовичъ Каганъ Андреевичъ.—знаменитый санскритологъ.

Путешествіе А. Норова, которое до сихъ поръ не давалось тебѣ, какъ кладъ, ты, конечно, уже получилъ, слѣдственно можешь успокоиться по этой части ¹⁾. Вышелъ романъ Загоскина: «Брянскій лѣсъ», прекрасно! Онъ, мнѣ кажется, гораздо лучше «Юрія Милославскаго». Я пришлю его тебѣ.

У Надежды Николаевны Шереметевой большое горе: умерла Якушкина ²⁾ и сама почтенная наша старушка то-и-дѣло прихварываетъ; теперь она въ деревнѣ, въ Рузскомъ уѣздѣ.

У насъ носится слухъ, что Жуковскому отпускъ отсроченъ только до мая 1846 г., стало быть къ июлю должно ждать его въ Москву. Едва-ли онъ здѣсь поселится: онъ привыкъ къ жизни тихой, такъ сказать, патриархальной, а здѣсь все-таки онъ будетъ въ шуму градскомъ и на бою.

Свербеевы и Хомяковы тебѣ кланяются. Елагины всѣ въ деревнѣ. Прощай покуда. Будь здоровъ. Твой Н. Языковъ.

25.

30-го апрѣля 1846 года.

Больно жаль мнѣ, что ты о сию пору не получаешь книгъ, посланныхъ мною еще въ январѣ къ князю Вяземскому для передачи гр. Вильгорскому, который и отправилъ бы ихъ въ Римъ. На-дняхъ послалъ я еще и тѣмъ же путемъ для тебя книги: третью часть «Новоселья» и «Брянскій лѣсъ». Напишу Вяземскому, чтобы эти отправить уже во Франкфуртъ. Недавно былъ въ Москвѣ Чижовъ: нашъ журналъ, кажется, состоится и пойдетъ въ ходъ. Но начало ему не прежде 1848 года. Чижову необходимо заготовить по крайней мѣрѣ на годъ статей для журнала, своихъ собственныхъ: на московскихъ писателей и сотрудниковъ онъ мало надѣется, — и справедливо! Съ ними того и жди, что на мель сядешь, а наобъщаютъ съ три короба.

Вышла лекція Шевырева; я скажу ему, чтобы онъ послалъ ихъ тебѣ: эти лекціи—подвигъ важный и безсмертный: теперь перестанутъ думать, что наша словесность началась съ Кантемира. Также придетъ время, когда увидать, что и исторія наша началась не съ Лефорта!!

¹⁾ Въ письмѣ отъ 26-го февраля Гоголь говорилъ: «Страшная судьба книги «Путешествіе въ Иерусалимъ» Норова, которая никакъ не можетъ до меня дойти, показываетъ мнѣ, что въ этомъ году не судьба еще и мнѣ ѣхать въ Иерусалимъ» (т. VI, стр. 238).

²⁾ Настасья Васильевна, жена декабриста Ивана Дмитриевича.

Ив. Аксаковъ уѣхалъ въ Калугу, гдѣ онъ служить въ палатѣ. На прошлой недѣлѣ давала водевилъ К. Аксакова «Почтовая карета». Я пришлю тебѣ куплетъ о Питерѣ ¹⁾ и о Москвѣ; авторъ былъ вызванъ и осыпанъ рукоплесканіями.

Прощай покуда. Будь здоровъ. Твой Н. Языковъ.

26.

17-го мая 1846 г. ²⁾.

Я недавно писалъ тебѣ съ Мельгуновымъ, стремящимся за границу и во Франкфуртъ къ Коппу. Я ничуть не виноватъ въ неополученіи тобою книгъ: виноватъ или кн. Вяземскій, или Віельгорскій! Не посланы ли эти книги во Франкфуртъ: это бы хорошо, иначе онѣ вовсе не дойдутъ по адресу ³⁾. Аксаковы хотѣли писать къ тебѣ тоже съ Мельгуновымъ. С. Т. говорятъ получше: онъ теперь въ Москвѣ—лечится, и скоро опять въ деревню.

Вотъ тебѣ новость и до тебя касающаяся: Погодинъ ѣдетъ въ Швецію, въ Данію, въ Голландію, осенью въ Римъ—и оттуда въ Іерусалимъ: конечно, онъ такъ и распредѣлитъ свое путешествіе, чтобы захватить тебя съ собою. Я увижусь съ нимъ надняхъ и напишу тебѣ подробнѣе объ его новой повѣздѣ за границу и паломничествѣ. Тебѣ вѣдь было бы подручно и удобнѣе пуститься на Востокъ съ добрымъ товарищемъ: одному въ такую даль и въ такое чужеземіе и чуженародіе, ей-ей, мнѣ кажется, какъ-то боязно!

У насъ весны еще не было, и на дачу переѣзжать было бы рано и неблагоприятно отъ опасности то-и-дѣло простужаться. Мельгунову сильно помогло водолеченіе, и я на него сильно надѣюсь.

Будь здоровъ. Пиши ко мнѣ въ Москву, въ домъ Хомякова, на Кузнецкомъ мосту. Твой Н. Языковъ.

¹⁾ Извѣстные стихи, въ которыхъ Петербургъ названъ: „городъ съ именемъ чужимъ“.

²⁾ Огвѣтъ на письмо отъ 5-го мая (Соч. и письма Гоголя т. VI, стр. 248).

³⁾ Гоголь передъ этимъ писалъ Языкову: „Письмо твое отъ 19-го марта получилъ, но книгъ не получалъ; онѣ кажули Богъ въ вѣсть гдѣ! Какъ нарочно, въ этомъ году такъ было легко получать книги: курьеры приѣзжали всякую недѣлю въ Римъ, всемія что-нибудь привозили, одному мнѣ ничего“ (т. VI, стр. 248).

27.

24-го іюля 1846 г. ¹⁾.

Требуемое тобою письмо получишь ты скоро ²⁾ Я уже хлопочу о немъ. Твоя письма берегу я въ достодоложной сохранности. Дѣло въ томъ, что мнѣ надобно съѣздить самому въ Москву для вынутаго того письма, и ѣзда въ теперешнія палящія жары для меня не шутка. Но будь спокойнѣе, все сдѣлается какъ тебѣ надобно. Сердечно радуюсь, что книги мною къ тебѣ посланныя, таки-дошли, и такимъ образомъ мое къ тебѣ преусердіе по сей части оправдалось очевидно! Скажи мнѣ твое мнѣніе о повѣсти Достоевскаго: питерскіе критики, шелкоперы прокричали ему большую похвалу; повѣсть эта довольно длинная—и мнѣ не хотѣлось читать на-удалую, ты же теперь томимый жаждою русскаго чтенія, прочтешь и ее, какая бы ни была ³⁾. Шлетневъ говоритъ, что Достоевскій изъ числа твоихъ подражателей и что разница между тобою и пмъ та же, что Карамзиннымъ и кн. Шаликовымъ!! Чертовская разница!

Твою прекрасную статью объ «Одиссеѣ, переведимой Жуковскимъ», я уже послалъ Коршу, издателю М. В., и посылаю въ Москвитянинъ», хотя, признаюсь тебѣ, мой любезнѣйшій, меня сильно соблазняло желаніе оставить ее для «Московского сборника.» И. Аксаковъ написалъ еще много прекрасныхъ стихотвореній, я бы прислалъ ихъ тебѣ, если бы добиться списковъ: съ Аксаковымъ вѣчно такъ!

Мое водолеченіе идетъ хорошо: бодритъ и укрѣпляетъ мои ноги, но вѣдь это еще только начало, я пользуюсь только что обливаніями и полуваннами! Важнѣйшее еще впередъ будетъ, а покуда благодарю Бога и за то, что уже со мною дѣлается. Попробуй ты заняться точеніемъ: купи себѣ токарный станокъ, можешь найти въ Ганау тотъ самый, которымъ я потѣшался, спроси Копна! Я думаю, что тѣлодвиженіе замѣнять тебѣ ѣзду и проч.

Прощай покуда, будь здоровъ. Твой Н. Языковъ.

Пиши ко мнѣ: на Кузнецкій мостъ, въ домъ Хомякова.

28.

23-го августа 1846 г. Москва.

Шевыревъ печатаетъ вторымъ изданіемъ первую часть «Мертвыхъ Душъ», но къ сентябрю или даже въ сентябрѣ она едва ли явится въ

¹⁾ Отвѣтъ на письмо отъ 5-го мая (VI, 248).

²⁾ Гоголь просилъ нѣкоторыя изъ прежнихъ писемъ Языкова обратно для помѣщенія ихъ въ книгу «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями» (см. т. VI, стр. 255).

³⁾ Языковъ ошибся: Гоголь едва перелистовалъ «Бѣдныхъ людей» («Вѣсти Европы», 1839, XI, стр. 106).

публику. Назадъ тому мѣсяца четыре было напечатано въ Москвѣ письмо изъ Питера, и въ томъ письмѣ сказано, что 1-я часть «Мертвыхъ Душъ» издается съ политапажами! Стало быть, это дудка!

Вотъ тебѣ наши новости: вышелъ второй выпускъ лекцій Шевырева, прекрасное продолженіе великаго его труда и патріотическаго подвига на радость всей Руси православной; читалъ ихъ всласть. Въ Москвѣ будетъ издаваться полицейская газета въ родѣ той, какая въ Питерѣ; издателемъ ея Драшусовъ, писатель, какъ кажется, ничѣмъ не проявившійся на полѣ словесности, чиновникъ при здѣшнемъ генералъ-губернаторѣ. Очевъ вѣроятно, что этой газетой овладѣеть духъ И. К. и прочихъ такихъ же. Видѣлъ-ли ты, какъ ополчились на тебя въ С.-П. за твою статью объ «Одиссеѣ»?

Я на дняхъ переберусь въ Москву, на Тверскую, въ домъ Оболянинова, гдѣ буду ревностно продолжать мое подолеченіе, объ успѣхахъ котораго писалъ уже тебѣ подробно. Надѣюсь отъ него мильонъ благъ! Прощай покуда, будь здоровъ! Твой Н. Языковъ.

29.

27-го октября 1846 г. ¹⁾

Ты, конечно, уже въ Римѣ: поздравляю тебя съ возвращеніемъ на любимое твое сидѣніе!—Мельгуновъ недавно возвратился изъ чужихъ краевъ, привезъ мнѣ мало о тебѣ извѣстій и новаго только то, что ты, мой любезнѣйшій, все-таки поведешь въ Иерусалимъ. Да укрѣпить Богъ твои тѣлесныя силы на это многотрудное странствованіе и да возвратишься ты съ Востока свѣжъ духомъ и бодръ тѣломъ на совершеніе многоаго и многоаго—всего, чего отъ тебя достойно и справедливо ожидаемъ мы, люди русскіе, народъ православный!

Вотъ тебѣ животренищія новости нашего литературнаго міра: «Современникъ» купили Никитенко, Бѣлинскій, И. Тургеневъ и прочіе такіе же, слѣдственно съ будущаго 1847 г. сей журналъ, основанный Пушкинымъ, будетъ орудіемъ шелкоперовъ, «С. О.» оживляется подъ редакціей Масальскаго. «Петербургскія Вѣдомости» преобразуются и будутъ издаваться частными лицами. Въ Москвѣ Драшусовъ издавать будетъ «Московскій городской листокъ»—ежедневную полицейскую газету! Погодица ждемъ на дняхъ въ Москву. «Москвитянинъ» останеся по-прежнему.

¹⁾ Гоголь отвѣчалъ на это письмо 16 декабря 1846 года (см. т. VI, стр. 312—313).

Аксаковы переѣхали на зиму въ Москву; бѣдный Сергѣй Тимоѣевичъ опять сильно страдаетъ глазами: говорятъ, что онъ лишится зрѣнія; жаль почтеннаго и доблестнаго старца. Этакихъ людей мало в очень мало въ наше время пошлости и подлости! Будь здоровъ.

Твой Н. Языковъ.

30.

Гдѣ ты, милый? Что съ тобою! ¹⁾

Я давно уже не получалъ отъ тебя ни строчки: полагаю, что это время твоего ко мнѣ неписанія — время переѣзда твоего изъ Франкфурта въ Гаштейнъ. Я надѣюсь, что Гаштейнъ поправитъ твои нервы и освѣжить все твое брѣнное тѣло, и ты снова приобдришься духомъ и пойдешь твердо и весело по той дорогѣ, на которой всѣ мы и всѣ наши сердечно желаемъ тебя видѣть! У насъ теперь о тебѣ слуховъ мало, и тѣ слабы. А. И. видѣлъ тебя мелькомъ. Аржвинтиновъ не засталъ тебя во Франкфуртѣ, Залкинъ видѣлъ тебя еще въ Парижѣ, а Мельгунова я еще не видалъ. Онъ возвратился въ Москву и, какъ слышно, молодець-молодцомъ, прощѣлъ тѣломъ отъ воднаго леченія и разцвѣлъ душою, жевившись на красавицѣ. Моя свояченица Ел. П. Языкова, ²⁾ которую ты знаешь, ѣдетъ въ Гаштейнъ еще въ августѣ; итакъ она едвали найдеть тебя тамъ, но я все-таки пошлю тебѣ съ нею что-нибудь.

Я прочелъ романъ Кулиша: «М и х а й л о Ч а р н ы ш е н к о».... Не знаю, о какихъ отрывкахъ его говоришь ты; гдѣ ты читалъ ихъ?

Мельгуновъ сказываетъ, что у Василія Андреевича уже готовы 12 пѣсень «Одиссеи». Каково дѣйствуетъ вашъ парнасскій старѣйшина? А мы что дѣлаемъ? О если-бы во всѣхъ въ насъ была хоть десятая часть его славной доблести!

Вышли одною книжкою пятый и шестой №№ «Москвитянина». Напрасно восклицалъ Погодинъ, что журналъ его воскресъ: книжка тошная, слабая, еле дышетъ и говорить много вздору! Погодинскому редакторству сильно вредятъ нелюбовь къ нему молодатаго поколѣнія московскихъ книжниковъ и литераторовъ; не знаю, праведна ли эта нелюбовь, но она ясна, какъ свѣтъ Божій: всѣ наши юноши рѣшительно отступились отъ «Москвитянина» съ тѣхъ поръ, какъ И. Кирѣевскій его оставилъ, а подъ редакцію Кирѣевского шли они ходко и весело, какъ женихъ на бракъ. Пановъ —

¹⁾ Письмо безъ даты.

²⁾ Жена старшаго брата Языкова, Петра Михайловича

юноша тебѣ знакомый ¹⁾) и дѣльный и благонадежный, собираетъ Альманахъ; не знаю, удастся-ли и эта попытка дать сборное мѣсто жаждущимъ движенія.... Посылаю тебѣ письмо Н. Н. Шереметевой. Хомяковы, Свербеевы, Елагины и всѣ мы желаемъ тебѣ здоровья и бодрости духа. Прощай покуда. Твой Н. Языковъ.

Аксаковы переѣхали въ деревню, близъ Троицкой Лавры и занимаются уженіемъ рыбы; у нихъ цвѣтеть благоденствіе и сладчайшая деревенская жизнь ²⁾).

Сообщилъ В. Шенрокъ.

¹⁾ Гоголь жилъ съ нимъ въ Римѣ въ началѣ 1841 г.

²⁾ Этимъ письмомъ окончилась переписка Гоголя съ Языковымъ, если не считать отвѣтнаго письма Гоголя, писаннаго уже послѣ смерти Языкова. (Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 326—327).

Собственноручное письмо П. Лопухина кн. Платону Зубову.

16 октября 1798 г. Санктъ-Петербургъ.

Милостивый государь, князь Платонъ Александровичъ. Письмо вашей свѣтлости изъ Вильны отъ 9 октября имѣлъ честь получить и о прїѣздѣ вашемъ въ предѣлы Россійской Имперіи Его Величеству всеподданнѣйше донесъ. Касательно жъ до мѣста пребыванія, коего ваша свѣтлость по незнанію еще не назначили, то думаю, что гораздо выгоднѣе будетъ для васъ избрать деревни, въ Володимерской губерніи состоящія, какъ меньше отдаленныя отъ Москвы и отъ всѣхъ вашихъ ближнихъ. Я-жъ, извѣстя васъ о сей Высокомонаршей волѣ, съ совершеннымъ почитаніемъ навсегда пребыть честь имѣю, милостивый государь, вашей свѣтлости покорнѣйшій слуга, Петръ Лопухинъ.

Сообщ. академикъ А. Ѳ. Бычковъ.

Секретное письмо князя Кутузова—графу И. И. Маркову.

18 іюля 1812 г. № 36. Гжатскъ.

Милостивый государь мой, графъ Ираклій Ивановичъ. Арміи на-шелъ я между Гжатска и Царево-Займища. Мародерство, вкравшееся въ арміи, усилилось такъ, что, думая о сохраненіи сколько можно спокойствія въ столицѣ и окрестностяхъ, я нахожу нужнымъ обратиться къ вашему сіятельству съ тѣмъ, чтобы вы находящимся нынѣ въ Можайскѣ, Вереѣ и другихъ мѣстахъ войскамъ ополченія вашего дали повелѣнія ваша, что если бы мародеры отъ армій показались гдѣ либо въ окрестностяхъ Москвы, то, перелавливая ихъ, собирать при полкахъ вашихъ и по собраніи нѣкотораго ихъ числа мнѣ доносить. По мѣрѣ изготовленія войскъ ополченія Московскаго, направляйте ихъ впредь, ваше сіятельство, всѣхъ къ Можайску и чрезъ каждые два дня о числѣ собранныхъ и готовыхъ уже войскъ доставляйте мнѣ свѣдѣніе. Пре-бываю съ совершеннымъ почитаніемъ вашего сіятельства всепокорный слуга, князь Михайлъ Г. Кутузовъ.

Сообщ. академикъ А. Ѳ. Бычковъ

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

По поводу Смутнаго времени и брака съ Софьею Палеологъ.

Компетентная, дѣльная критика историческихъ трудовъ встрѣчается у насъ рѣдко, такъ какъ спеціалисты большею частію отъ нея уклоняются; а мнѣніе серьезныхъ спеціалистовъ именно и дорого для каждаго автора. Въ изданіяхъ Историко-филологическаго Общества при Нѣжинскомъ институтѣ князя Безбородко недавно появилась статья профессора русской исторіи въ этомъ институтѣ, М. Н. Березкова, посвященная моему «Смутному времени Московскаго государства». Эта небольшая рецензія (всего пять страницъ), отличающаяся любезнымъ, вполнѣ академическимъ тономъ, выдвигаетъ нѣкоторые вопросы и высказываетъ нѣкоторыя «пожеланія», по поводу которыхъ нелишнимъ считаю сказать нѣсколько словъ, въ виду ихъ общаго интереса и несомнѣнной важности.

Во-первыхъ, достоуважаемый рецензентъ желалъ бы «видѣть болѣе обстоятельное изображеніе дѣятельности русскаго земства въ Смутное время. Наши историкки, говоритъ онъ, оставляютъ нѣсколько въ тѣни жизнь общинъ,—городовъ, волостей и всѣхъ вообще міровъ тяглаго сословія». Эти общины «отъ царя Іоанна Грознаго получили широкое самоуправленіе, льготы и вообще средства къ дальнѣйшему своему устройству: Грозный видѣлъ ихъ значеніе, подготовлялъ еще большее ихъ значеніе въ будущемъ». «Въ смуту (онѣ) проявили энергичную дѣятельность и возстановили государственныи порядокъ». Признаю вполнѣ законнымъ высказанное сейчасъ пожеланіе. Въ своей книгѣ я старался ему удовлетворить по возможности, т. е. насколько это позволяли мнѣ источники, при явномъ недостаткѣ относящихся сюда предварительныхъ изслѣдованій въ нашей исторической литературѣ. Но, съ другой стороны, полагаю нелишнимъ предостеречь отъ преувеличеннаго взгляда на само-

стоятельную роль городскихъ и сельскихъ общинъ въ эпоху смуты и указать на ихъ непрерывавшуюся связь съ органами центрального правительства. Сущность моего воззрѣнія на этотъ предметъ выражена на стр. 263 «Смутнаго времени». Кромѣ того проф. Бережковъ очевидно преувеличиваетъ размѣры того самоуправленія, которое дано было Грознымъ. Данное въ его малолѣтство и въ эпоху Сильвестра и Адашева, это самоуправленіе потомъ, въ тиранническую эпоху, не только не развивалось далѣе, а напротивъ подверглось разнымъ стѣсненіямъ отъ того же Грознаго. По сему вопросу прошу обратить вниманіе на 439—442 стр. третьяго тома моей Исторіи Россіи.

Далѣе М. Н. Бережковъ обращается къ вопросу объ ограничительной записи, взятой съ новоизбраннаго царя Михаила Фёдоровича, и считаетъ извѣстія о ней сомнительными, а я будто бы «не успѣлъ придти къ рѣшительному выводу». Но у меня прямо сказано: «Относительно ограничительныхъ условій, предъявленныхъ боярами, надобно полагать, что онѣ дѣйствительно существовали» (266—267). Мнѣ кажется, не слѣдуетъ въ этомъ случаѣ боярской думѣ противопоставлять земскій соборъ. Въ предъидущихъ случаяхъ, при воцареніи Шуйскаго и избраніи королевича Владислава ограниченія условлены были не земствомъ, а боярами. Не слѣдуетъ и вообще преувеличивать значеніе собственно земства на соборѣ 1613 года—руководителями его были все тѣ же бояре. А возраженія, приведенныя противъ достовѣрности извѣстій о записи, на мой взглядъ недостаточно обоснованы. Напомню, что для вѣрной оцѣнки лицъ и событій историкъ по возможности долженъ отрѣшаться отъ современныхъ ему отношеній, симпатій и антипатій (хотя-бы и сложившихся историческимъ путемъ) и трезво смотрѣть въ прошедшее, чтобы незаслужить упрека въ излишне сантиментальной его окраскѣ. Вотъ почему и относительно кандидатуры князя Пожарскаго, вопреки рецензенту, я продолжаю думать, что извѣстіе о ней «не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго». Но скромность и здравый смыслъ князя въ томъ и выразились, что онъ скоро отказался отъ своей кандидатуры и принялъ сторону Романовыхъ.

Въ заключеніе позволю себѣ одно маленькое замѣчаніе. По словамъ рецензін, относительно перваго самозванца всѣ мои «соображенія были и прежде высказаны въ наукѣ болѣе или менѣе опредѣленно». Но отсюда надобно исключить начало интриги, которая, по моему объясненію, зародилась именно въ средѣ трехъ фамилій, Мнишковь, Салѣговъ и Вишневецкихъ, съ указаніемъ роли каждой изъ нихъ. Это объясненіе принадлежитъ лично моимъ изысканіямъ и наблюденіямъ и до моей книги никѣмъ не было высказано. Точно также моимъ изысканіямъ принадлежатъ нѣкоторыя разъясненія личности втораго самозванца и указаніе на то, что онъ былъ выставленъ и поддержанъ тѣми же тремя фамиліями.

слѣдовательно составляетъ прямое продолженіе перваго самозванца, продолженіе той же интриги.

Вотъ то немногое, что могу отвѣтить на вопросы, затронутые въ рецензій М. Н. Бережкова.

Кстати, скажу два слова о небольшомъ разногласіи, возникшемъ у меня съ достоуважаемымъ отцомъ Павломъ Пирлингомъ, авторомъ пѣлаго ряда изысканій, произведенныхъ въ Ватиканскомъ и другихъ западно-европейскихъ архивахъ и составившихъ цѣнные вклады въ науку русской исторіи. Въ недавно появившемся второмъ изданіи втораго тома моей Исторіи Россіи я воспользовался его прекраснымъ изслѣдованіемъ *Le mariage d'un Tsar au Vatican*, т. е. вновь открытыми имъ матеріалами по вопросу о бракѣ Ивана III съ Софьей Палеологъ. Разногласіе наше относится къ началу самого дѣла. Въ примѣчаніи 94-мъ я говорю слѣдующее: «По русскимъ источникамъ, починъ въ этомъ вопросѣ о бракѣ Ивана съ Софьей принадлежалъ Римскому двору, именно кардиналу Виссарьону, который прислалъ для того въ Москву грека Юрій (Прод. Др. Рос. Вѣд. III, 49). О. Пирлингъ въ помянутомъ выше сочиненіи утверждаетъ, что, наоборотъ, грекъ Юрій былъ присланъ изъ Москвы въ Римъ. Я счелъ болѣе вѣрнымъ указаніе русскихъ источниковъ; но о. Пирлингъ настаиваетъ на своемъ мнѣніи, о чемъ сообщилъ мнѣ въ частномъ письмѣ. У насъ нѣтъ точныхъ данныхъ, чтобы удовлетворительно выяснитъ начало переговоровъ. Но, принимая въ соображеніе общій ходъ дѣла, отношенія и характеръ обѣихъ сторонъ, я полагаю, что именно кардиналъ Виссарьонъ, выходецъ изъ Византіи, разыскававшій достойную партію для опекаемой имъ византійской царевны, не могъ упустить изъ виду великаго князя Московскаго; въ особенности онъ руководился, конечно, опытомъ и указаніями другаго грека и своего друга, кардинала Исидора, бывшаго Московскимъ митрополитомъ, но изгнаннаго изъ Москвы за свою приверженность къ Флорентійской уніи (въ данный моментъ уже умершаго). Что не удалось Римской куріи сдѣлать посредствомъ Исидора, т. е. введеніе уніи въ Россію — того задумала она достигнуть посредствомъ брака Ивана съ царевною, воспитанною въ идеяхъ этой уніи и притомъ на иждивеніи папскаго двора. Хотя Римская курія обманулась въ своихъ расчетахъ, тѣмъ не менѣе она всегда была настойчива въ своихъ попыткахъ. Очевидно, грекъ Юрій (Траханьотъ) въ качествѣ Виссарьонова агента пріѣзжалъ въ Москву именно для того, чтобы завязать переговоры о бракѣ Ивана съ Софьей или Зоей Палеологъ, что ему и удалось исполнить, при посредствѣ извѣстнаго Ивана Фризина (Джанъ-Батиста Вольпе), находившагося въ московской службѣ. Вообще я не вижу никакого основанія отвергнуть русское извѣстіе о римскомъ починѣ въ этомъ дѣлѣ.

Д. Иловайскій.

О наблюдении за формою одежды статскихъ чиновниковъ.

Ордеръ генералъ-прокурора Оболянина въ Ярославскому губернскому прокурору.

28 февраля 1800 г. № 779.

По Высочайшему Повеленію подтверждается: о строгомъ и не упустительномъ наблюденіи, дабы статскіе чины и приказные служители и всѣ отставные отнюдь не носили жилетовъ, куртокъ, панталонъ и толстыхъ галстукъ и ни какихъ фраговъ и другихъ платьевъ, кромѣ мундировъ по Высочайше апробованнымъ образцамъ, гдѣ кто служатъ, а буде по мѣсту оныхъ не положено, то тѣхъ губерній мундиры, гдѣ пребываніе или жительство и вотчины кто имѣетъ, а кафтаны немѣцкіе не запрещаются. За непременнымъ исполненіемъ чего поручается господамъ прокурорамъ, каждому по своему вѣдомству, смотрѣть, и гдѣ паче чаянія противное усмотритъ, для взисканія доносить подь собственнымъ своимъ отвѣтомъ.

Сенаторъ—не частный человекъ.

Предписаніе министра юстиціи къ Лобанова-Ростовскаго Ярославскому губернскому прокурору.

12 сентября 1824 г. № 7191.

Партикулярно извещень я, что Г. Сенаторъ Тайный Совѣтникъ Политковскій, Ярославской губерніи Мышкинскаго уѣзда въ селѣ Сменцовѣ Помѣщика Михайлова, 31 минувшаго Августа скончался. Но какъ Сенаторъ не есть частный человекъ, то я рекомендую вамъ, по надлежащемъ удостовѣреніи о кончинѣ Г. Политковскаго, довести мнѣ о томъ формально.

Записки Михаила Чайковского ¹⁾.

(Мехметъ-Садыкъ паша).

XVI.

Стычка подъ Ильжей.—Шидловецкій лѣсъ.—Движеніе къ Пилицѣ.—Бой подъ Забржевомъ.—Соединеніе отрядовъ въ одинъ корпусъ.—Штабъ генерала Самуэля Ружницкаго.—Новый планъ дѣйствій.—Нападеніе на Ковскъ.—Игнатій Куржель (Kurzel).

Кавалерія, занимавшая аванпосты, за нерадивое отношеніе къ службѣ была послана въ Свентокржижскія горы; это было истиннымъ наказаніемъ для храброй молодежи; офицеръ, командовавшій переднимъ аванпостомъ, былъ отданъ подъ судъ; двое жидовъ, уличенныхъ въ томъ, что они проносили часовымъ водку, которые и были заподозрѣны въ шпіонствѣ и сношеніяхъ съ русскими, были повѣшены у колодца. Такія энергическія мѣры со стороны новаго начальника изумили поляковъ и вызвали ихъ восторгъ. Когда же генералъ сѣлъ на буланую лошадь съ чернымъ хвостомъ и гривой, которую я подвелъ ему, то мы увидѣли предъ собою истого краковянина, напомнившаго намъ обликъ самого отважнаго Косцюшка, а когда онъ проѣхалъ передъ фронтомъ и звучнымъ голосомъ произнесъ: «Шлохи ваши дѣла, я поведу васъ на непріятеля, чтобы вы могли ихъ поправить», то мы подумали: не привезъ ли намъ комиссаръ Бржозовскій самого великаго Наполеона.

Мы двинулись къ Ильжѣ. Нашъ отрядъ состоялъ изъ двухъ батальоновъ Литовско-Волинскаго полка, численностью въ 1.800 чел., одного батальона егерей Сандомірскаго полка, въ 700 чел., трехъ эскадроновъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1896 г. октябрь.

нашей собственной кавалеріи в одного взвода легкой Надвислянской кавалеріи.

На соединеніе съ нами шелъ отрядъ, коимъ командовалъ на Лявѣ генералъ Самуилъ Ружицкій и въ составъ котораго входило два батальона подтѣскихъ егерей, подъ командою Михаила Куржела, одинъ эскадронъ калишскихъ егерей и эскадронъ унтеръ-офицеровъ-инструкторовъ литовскихъ войскъ и шесть орудій. Начальство надъ этимъ отрядомъ было ввѣрено полковнику Обуховичу, который долженъ былъ присоединиться къ намъ въ Радомѣ, куда направлялись еще два эскадрона кавалеріи изъ Подтѣсы, семь эскадроновъ такъ называемой старой кавалеріи корпуса Дверницкаго и около трехъ батальоновъ 6-го егерскаго полка изъ Кракова.

Такимъ образомъ у насъ составился отрядъ изъ 9 батальоновъ пѣхоты, численностью въ 8 тысячъ человекъ, 15 эскадроновъ кавалеріи и 6 орудій. Надобно было спѣшить въ Радомѣ, гдѣ всѣ отряды должны были соединиться въ одинъ корпусъ, чтобы задержать наступательное движеніе Ридигера; присоединивъ къ этому корпусу всѣ резервные отряды кавалеріи и пѣхоты, можно было довести его численность до 20.000 и даже до 25.000 человекъ.

Мы шли къ Ильжѣ форсированнымъ маршемъ, нигдѣ не встрѣтивъ по пути неприятеля; въ деревняхъ, чрезъ которыя мы проходили, никто не видѣлъ русскаго отряда, напавшаго на насъ ночью, и даже нигдѣ не слышали о немъ. Надобно сказать, что населеніе Сандомирскаго округа относилось къ возстанію довольно равнодушно и смотрѣло на наши военныя дѣйствія, какъ на простыя маневры или ученья; правда, каждая семья выставила рекрутъ или такъ называемыхъ охотниковъ, но они не спѣшили зачисляться въ полки, несмотря на то, что среди нихъ было не мало молодежи во цвѣтѣ лѣтъ и силъ. «Пусть Богъ поможетъ тому, кто хочетъ намъ добра»—говорили они намъ и русскимъ. Это не было поголовное или народное возстаніе, какъ во времена Косцюшки; молодежь поступала въ войска единственно изъ желанія повоювать и смотрѣла на эту войну какъ на поединокъ между двумя арміями; весь вопросъ сводился къ тому, которая изъ нихъ останется побѣдительницею.

Мы пришли въ Ильжу ночью и провели ее на улицѣ. Еще до разсвѣта Михаилъ Будзинскій былъ посланъ со взводомъ на рекогносцировку большой дороги, которая вела изъ Ивановца въ Радомѣ и проходила въ 5-ти верстахъ отъ Ильжи. Отъ нея къ этому мѣстечку сворачивала другая дорога, которая, описавъ дугу, выходила снова на большой трактъ, составлявшій такимъ образомъ какъ бы хорду этой дуги.

На разсвѣтѣ мы выступили изъ мѣстечка по Радомскому тракту; пройдя не болѣе какъ съ полуверсты, мы увидѣли нѣсколько всадни-

ковъ, несшихся къ намъ, размахивая руками; наши казаки тотчасъ подскочили къ нимъ и возвратились съ восьмью драгунами Новороссійскаго полка; это были перебѣжчики, уроженцы Херсонской губерніи, которые сообщили намъ, что отрядъ генерала Квицинскаго, въ составъ котораго входилъ Новороссійскій драгунскій полкъ, идетъ на Ильжу, гдѣ генералъ надѣется застать нашъ отрядъ, что принцъ Адамъ Виртембергскій также выступилъ со своей колонной, чтобы пересѣчь намъ путь въ Шадловецкіе лѣса, что самъ Ридигеръ находится вѣроятно уже въ Радомѣ, а за нимъ идетъ резервная колонна генерала Слотвинскаго. Итакъ оказывалось, что мы были окружены со всѣхъ сторонъ, такъ какъ комиссаръ Бржозовскій сообщилъ генералу, что на разстояніи однодневнаго перехода за нами шелъ еще Флоріанъ Ржевускій. Въ этотъ моментъ показался вдали разъѣздъ Михаила Будзинскаго, возвращавшійся съ рекогноспировки; онъ былъ окруженъ порядочной кучкой донцовъ, которые гикая и стрѣлая, вились вокругъ него какъ чайки.

Мѣстечко Ильжа расположено, сколько мнѣ помнится, на пригоркѣ, омываемомъ съ юга рѣчкой или лучше сказать ручейкомъ, въ то время совершенно пересохшимъ; ручей этотъ течетъ съ запада въ довольно глубокомъ оврагѣ, по обѣ стороны котораго находился небольшой сѣнокосъ; берега ручья были высоки и обрывисты; далѣе онъ протекаетъ по довольно большому низменному лугу, на юго-западной сторонѣ котораго теряется въ землѣ.

Отъ горъ, возвышавшихся съ южной стороны, на западъ отъ которыхъ видѣлись Шадловецкіе лѣса, пролегало двѣ дороги: одна изъ нихъ шла съ юга, чрезъ широкую греблю, пересѣкавшую болотистую мѣстность, въ 5 верстахъ отъ Ильжи; эта дорога начиналась отъ деревушки, названіе которой я позабылъ, но отъ которой до Ильжи было не болѣе 3 версты; другая дорога пролегла въ томъ же направленіи влѣво отъ Ильжи, къ ручью; это была единственная проѣзжая дорога чрезъ оврагъ—въ четверти версты отъ мѣстечка.

Генералъ Самуэль Ружицкій распредѣлялъ свое войско слѣдующимъ образомъ. Одинъ батальонъ пѣшихъ егерей Сандомирскаго полка занялъ Ильжу и кладбище, два батальона легкой Литовско-Волинской кавалеріи опирались правымъ флангомъ въ мѣстечко и составили какъ бы резервъ отряда, предназначеннаго для обороны Ильжи; одинъ батальонъ 22-го полка занялъ позицію по правую сторону дороги, шедшей чрезъ оврагъ, по самому краю его; наша кавалерія, скрытая неровностью почвы, перешла на другую сторону дороги, готовясь къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ, смотря по надобности и по приказанію начальства. Задачей кавалеріи было не дать русскимъ обойти нашу пѣхоту и не допустить ихъ въ Шадловецкіе лѣса, куда они весьма вѣроятно постарались бы отступить.

Русскіе, не зная въ точности численности нашихъ силъ, начали бомбардировать мѣстечко и вытѣснили оттуда егерей Сандомирскаго полка, но легкая кавалерія, предводимая полковникомъ Квятковскимъ и Ипполитомъ Блотницкимъ, пошла въ штыки и снова овладѣла Ильжей; тогда русскіе возобновили бомбардировку. Въ это время Карлъ Ружицкій рысью перешелъ съ нашей кавалеріей черезъ оврагъ, построилъ на ровномъ мѣстѣ эскадроны въ колонну по-взводно и двинулъ ихъ на непріятеля. Драгуны стали развернутымъ фронтомъ; затѣмъ, пройдя шаговъ 300, быстро повернули по-взводно налѣво и стали отступать къ оврагу. Русскіе, не понявъ значенія этого маневра, слѣдовали за нами развернутымъ же фронтомъ, то рысью то замедляя шагъ. Наша кавалерія продолжала двигаться влѣво, маневрируя какъ нельзя лучше; когда мы подошли къ оврагу, оказалось, что мы успѣли опередить русскую кавалерію по крайней мѣрѣ на двѣ тысячи шаговъ, и наши эскадроны, безъ малѣйшаго замѣшательства и боязни по-взводно перешли черезъ оврагъ на нашу прежнюю позицію.

Ружицкій хотѣлъ завести драгунъ къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ 22-й пѣхотный полкъ, которому послано было съ Адольфомъ Пильховскимъ приказаніе быть на готовѣ и, завидѣвъ колонну драгунъ, стрѣлять по ней, что послужило бы намъ сигналомъ къ атакѣ.

Всѣ наши эскадроны стали къ непріятелю развернутымъ фронтомъ, а затѣмъ исполнили равненіе налѣво такъ, что третій эскадронъ, опираясь лѣвымъ флангомъ въ оврагъ, оказался впереди другихъ; за нимъ сталъ развернутымъ фронтомъ 2-ой эскадронъ, а первый былъ скрытъ отъ непріятеля. Покуда мы переходили черезъ оврагъ, русскіе строились по-эскадронно и успѣли уже выстроить въ боевомъ порядкѣ шесть эскадроновъ. Нашего пѣхотнаго батальона не было видно, о немъ не было ни слуха, ни духа.

Послѣ горячей стычки, стоявшей обѣимъ сторонамъ большихъ потерь, мы догнали арьергардъ нашего корпуса у самой опушки Шидловецкихъ лѣсовъ, верстахъ въ 25 отъ Ильжи. Только что мы его завидѣли, какъ вдали показались отряды казаковъ и драгунъ Московскаго полка, но они тотчасъ повернули обратно, не выказавъ ни малѣйшаго желанія вступить съ нами въ бой; видимо они хотѣли только прослѣдить, въ какомъ направленіи мы пойдѣмъ. Колонна генерала Слотвинскаго шла слѣдомъ за нами, а колонна генерала Квицкискаго осталась вѣроятно въ Ильжѣ или двинулась въ Радомъ.

Спокойно и безопасно вступили мы въ Шидловецкіе лѣса. Прибывъ въ Шидловець къ ночи, мы нашли тамъ превосходный обѣдъ, приготовленный моимъ поваромъ Конономъ, съ дичью и грибами, такъ что Карлъ Ружицкій пригласилъ на обѣдъ нашего генерала, который былъ этимъ весьма доволенъ. Мы пили за обѣдомъ старое столѣтнее венгер-

ское за здоровье Волынской кавалеріи и Бердичевскихъ казаковъ, такъ какъ стычка подъ Ильжей была дѣйствительно подвигомъ нашего полка и доставила намъ въ корпусѣ Ридигера названіе «бѣльцовъ» — отъ бѣлыхъ фуражекъ и бѣлыхъ обшлаговъ на мундирахъ. Коновъ отличился этотъ разъ въ поварскомъ искусствѣ, съ радости что нашелъ себѣ товарища, оказавшагося еще большимъ трусомъ, нежели онъ самъ. Дѣло было такъ. Коновъ, казакъ родомъ изъ Галчинаца, былъ рослый дѣтина; научившись стрелять отъ повара француза, онъ сталъ самоувѣренъ и заносчивъ, но при этомъ былъ замѣчательный трусъ: каждый выстрѣлъ нагонялъ на него ужасъ, а во время сраженія у него дѣлались отъ страха судорги, и онъ тотчасъ обращался въ бѣгство. Не знаю, какимъ образомъ онъ устроивался, чтобы очутиться всегда на привалѣ или ночлетѣ и приготовить ужинъ какъ у себя дома. Какъ всѣ трусливые люди онъ часто пѣтушился и любилъ придать себѣ воинственный видъ. Въ лохматой буркѣ, заткнувъ за поясъ кухонный ножъ онъ ѣхалъ обыкновенно на горячемъ ворономъ конѣ. Все это придавало ему видъ страшнаго озорника и забіяка.

Какъ ни была блестяща для польской кавалеріи и для военной славы Карла Ружицкаго стычка подъ Ильжей, все же ее нельзя назвать иначе какъ стратегической ошибкой генерала Самуила Ружицкаго. Ему было извѣстно отъ плѣнныхъ, взятыхъ нами подъ Опатовымъ, отъ шпионовъ, даже отъ мѣстныхъ жителей о переправѣ корпуса Ридигера черезъ Вислу и о его дальнѣйшихъ движеніяхъ, поэтому ему вовсе не слѣдовало идти на Ильжу, а надобно было двинуться окольными путями на Радомъ, куда онъ могъ поспѣть раньше, нежели русскія войска. Если бы ему не удалось тамъ удержаться, то онъ могъ бы отступить къ Пилицѣ и соединиться тутъ съ прочими отрядами, которые уже подходили къ Радому, но отступать слѣдовало не прежде, какъ получивъ извѣстіе о вступленіи русскихъ въ этотъ главный городъ Сандомірскаго округа. Совершенно напрасно шли мы форсированнымъ маршемъ къ Ильжѣ, напрасно ночевали тамъ и ожидали сраженія; мы могли бы отступить отъ Ильжи и послѣ того какъ къ намъ явились первые перебѣжчики-драгуны, избѣгнувъ такимъ образомъ битвы, которая заставила насъ свернуть съ своего пути и окончательно прервала намъ сообщеніе съ прочими отрядами, которые могли отступить Богъ вѣсть куда, видя, что вся окрестность занята русскими войсками, и ничего не зная объ участи, которая насъ постигла. Избѣжавъ стычки мы могли бы соединиться съ прочими отрядами, а въ распоряженіи генерала Самуила Ружицкаго оказался бы тогда цѣлый корпусъ изъ нѣсколькихъ тысячъ прекраснѣйшаго войска, съ которымъ онъ могъ-бы выступить противъ генерала Ридигера, у котораго было хотя равное по численности, но не столь образцовое какъ у насъ войско.

Всѣ эти обстоятельства могли имѣть рѣшающее вліяніе на дальнѣйшій ходъ военныхъ дѣйствій. Ридигеръ могъ быть отброшенъ со своимъ корпусомъ на правый берегъ Вислы. По освобожденіи Сандомірскаго и Краковскаго округовъ отъ непріятельскихъ войскъ, являлась бы полная возможность составить резервный отрядъ кавалеріи и пѣхоты, численностью по крайней мѣрѣ въ 25.000 человекъ. Мнѣ кажется что при сорока тысячномъ войскѣ это было вполне возможно. Къ сожалѣнію, генералъ Самуилъ Ружицкій этого не понялъ; онъ былъ пламенный патріотъ, человекъ высоко честный и вполне достойный уваженія, но онъ былъ краковянинъ—горячъ и вспыльчивъ какъ пѣтухъ и считалъ бы величайшимъ для себя позоромъ уклониться отъ предстоявшаго ему сраженія. Карлъ Ружицкій, одинъ изъ немногихъ поляковъ, одаренный рѣдкими военными способностями, совѣтывалъ не начинать битвы до тѣхъ поръ, пока всѣ отряды не соединятся; изъ штабныхъ одинъ только Евстафій Янушкевичъ раздѣлялъ его мнѣніе, но онъ не былъ военнымъ по профессіи. Еще разъ Карлъ Ружицкій высказался за необходимость избѣжать столкновенія въ тотъ день, когда онъ представлялъ генералу перебѣжчиковъ-драгунъ, но генералъ отбѣчалъ вспыливъ:

— Что бы сказали эти люди, если бы мы уклонились отъ сраженія; пускай идутъ, помѣряемся силами.

И помѣрялись, но потомъ рѣшительно не знали что дѣлать. Генералъ ломалъ себѣ голову и ничего не могъ придумать.—Карлу Ружицкому стало жаль бѣднаго краковянина и онъ изъявилъ готовность проскочить недалеко отъ Пилиць съ нашей конницей между русскими войсками, соединиться съ остальнымъ отрядомъ и вывести такимъ образомъ генерала Самуила Ружицкаго изъ затруднительнаго положенія, въ которое онъ себя поставилъ и изъ котораго ему не оставалось иного выхода какъ уйти въ Свентокржижскія горы по стопамъ генерала Шептицкаго.

Подъ вечеръ, 11 взводовъ нашего полка сѣли на коней; двѣнадцатый взводъ, подъ командою Яна Омецинскаго остался конвоировать генерала. При каждомъ эскадронѣ было по два проводника, прекрасно знавшихъ мѣстность. Мы двинулись къ Радому, гдѣ русскія войска стояли лагеремъ. Ночь предвѣщала быть темной, такъ какъ луна не показывалась, а сѣрыя тучи, какъ отряды конницы, неслись одна за другой по сумрачному небосклону; мы были уже близко къ лагерю, когда Ружицкій отдалъ приказаніе, чтобы колонна, шедшая по полувзводно, занимая всю ширину дороги, сомкнула ряды. Впереди каждаго эскадрона, между двумя казаками, ѣхали связанные проводники. Давъ выстрѣлъ по часовымъ, мы пустились рысью, натянувъ поводья; лошади шли такъ ровно, что ни одна изъ нихъ не свернула съ дороги. Какъ потокъ пронеслись мы чрезъ русскій лагерь крича и стрѣлая;

никто не преградилъ намъ путь; потокъ несся и несся, земля дрожала отъ топота лошадей, изъ-подъ копытъ сыпались искры, но все это было ничто въ сравненіи съ обуявшимъ всѣхъ и каждого страхомъ. Мы все еще продолжали ѣхать рысью, когда выстрѣлы и крики уже не доносились болѣе до насъ, и сдержали своихъ лошадей только тогда, когда на краю неба выплылъ изъ за-облаковъ серебряный ликъ мѣсяца ¹⁾. Обернувшись, мы увидѣли, что за нами никто не гонится, и остановились. Грудвинскій пошелъ со вторымъ и третьимъ эскадронами направо къ Пилицѣ, я двинулся съ полускадрономъ къ Притыку, а Ружицкій съ четвертымъ взводомъ перваго эскадрона пошелъ въ Млынки, отстояшія въ 5 верстахъ отъ Притыка.

Начинало свѣтать, когда предъ нами засверкала, серебряной лентой, Пилица и на противоположномъ берегу, на пригоркѣ, показалось мѣстечко Притыкъ, а между мѣстечкомъ и рѣкою мы увидѣли кучку донцовъ—человѣкъ до ста, которые мчались въ полномъ безпорядкѣ. Построивъ свои взводы въ боевой порядокъ, я бросался тотчасъ съ перлымъ взводомъ черезъ рѣку вплавь и ударилъ на донцовъ враспыаю. Второй взводъ слѣдовалъ за нами въ стройномъ порядкѣ, рысью, составляя какъ бы резервъ. Нападеніе было произведено нами такъ быстро и неожиданно, что донцы стали отступать вправо по берегу рѣки. Четверо донцовъ пали подъ ударами нашихъ пикъ, а 11 человѣкъ и одинъ офицеръ были взяты нами въ плѣнъ. Въ Притыкахъ мы нашли въ одной конюшнѣ нѣсколько офицеровъ-поляковъ, скрученныхъ веревками и привязанныхъ къ стойкамъ; оказалось, что это были офицеры изъ эскадрона инструкторовъ, который ночью былъ взятъ въ плѣнъ донцами. Я узналъ отъ нихъ, что полковникъ Обуховичъ расположился лагеремъ возлѣ лѣса, въ 6 верстахъ отъ Варшавской дороги, куда онъ отступилъ, получивъ извѣстіе о вступленіи русскихъ въ Радомъ. Взятые нами въ плѣнъ донцы сообщили, что ихъ сотня была послана на рекогносцировку въ Притыкъ, куда должно было идти вслѣдъ за ними все войско, но что оно выступить не прежде какъ по ихъ возвращеніи. Я поручилъ тогда Адаму Барановскому занять это мѣстечко съ однимъ взводомъ и разставить часовыхъ со стороны Радома, послалъ троихъ казаковъ въ Млынки, куда, по моему расчету, Ружицкій долженъ былъ уже прибыть съ извѣстіемъ о случившемся, а самъ, съ остальной частью взвода и вахмистромъ Моргульцемъ, пустился галопомъ къ лѣсочку. Поднявшись на пригорокъ, мы увидѣли, что отрядъ Обуховича отступаетъ въ величайшемъ безпорядкѣ по Варшавской дорогѣ; оставивъ

¹⁾ Достоверность подобныхъ разсказовъ автора остается на его совѣсти, но необходимо замѣтить, что во всѣхъ происходившихъ дѣлахъ отрядъ, въ которомъ находился М. Чайковскій всегда оставался побѣдителемъ. Ред.

Моргульда со взводомъ, я помчался съ однимъ казакомъ къ этому отряду. Моя лошадь почти совсѣмъ выбилась изъ силъ, пока я его догонялъ. Назвавъ себя и сообщивъ полковнику о дѣйствіяхъ нашего отряда, я предложилъ ему пойти съ его войскомъ въ Притыкъ.

Полковникъ Обуховичъ отвѣчалъ на это, что онъ меня не знаетъ, и не знаетъ также польскаго войска, которое имѣло бы мундиръ подобный моему, что онъ не можетъ довѣрять моимъ словамъ, такъ какъ я не имѣю никакого письменнаго приказанія и не могу представить никакихъ доказательствъ справедливости своихъ словъ. Я возразилъ, что ежели таково его убѣжденіе, то онъ обязанъ обезоружить меня, арестовать или взять въ плѣнъ, такъ какъ я можетъ быть офицеръ русскаго войска, явившійся съ цѣлю завести его въ какую нибудь западню. Полковникъ не зналъ что отвѣчать и пробормоталъ: «я этого не говорилъ; можетъ быть все это и правда, но я старый солдатъ, мнѣ нуженъ приказъ, да не словесный, а письменный».

Я замѣтилъ на это, что пока мы будемъ спорить, непріятель можетъ напасть на генерала Ружицкаго, а затѣмъ и на его собственный отрядъ. Наконѣцъ изъ Притыкъ начали подъѣзжать офицеры, которые подтвердили Обуховичу, что они были освобождены нами и чрезвычайно преувеличили въ своихъ разсказахъ нашу храбрость, чтобы этимъ прикрыть свою собственную неосмотрительность.

Тогда выѣхалъ впередъ Карлъ Рочановскій, сказавъ: «я поѣду воевать съ товарищемъ» и командовалъ своимъ двумъ коннымъ орудіямъ идти за нимъ; его примѣру послѣдовалъ поручикъ Трижъ, командовавшій двумя орудіями пѣшей артиллеріи, капитанъ Цсарскій съ эскадрономъ калишанъ и Осмяловскій съ подольскими егерями, такъ что съ Обуховичемъ остались только штабъ-офицеры, полковники: Бергъ, Мих. Куржелъ, подполковникъ Мирославскій и нѣкоторые другіе. Не удивительно, что между ними возникли вскорѣ всевозможныя несогласія и недоразумѣнія: было слишкомъ много начальствующихъ лицъ.

Не вступая въ дальнѣйшій разговоръ, я повернулъ лошадь и поѣхалъ обратно; войско послѣдовало за мною. Не доѣзжая Притыкъ, меня догналъ какой-то офицеръ, передавшій мнѣ отъ имени полковника Обуховича, что вся отвѣтственность за это падеть на меня. Я отвѣчалъ ему самымъ вѣжливымъ образомъ:

— Охотно принимаю ее на себя—и выѣхалъ въ Притыкъ.

Вскорѣ, по близости отъ Закржева раздалась залпы изъ орудій: не ожидая прибытія Карла Ружицкаго и какихъ бы то ни было приказаній, я тотчасъ поспѣшилъ, какъ и первый разъ въ ту сторону, откуда доносились выстрѣлы, принявъ на себя командованіе отрядомъ.

Мѣстность была неровная, что называется волнистая; пригорки смѣня-

лись рошицами, кустарникомъ, вперемешку съ пахатыми полями. Польэскадрона было назначено мною въ застрѣльщики; подольскіе егерей я построилъ въ двѣ боевыя колонны, которыя должны были атаковать непріятеля; на флангахъ было поставлено по два орудія и по полуэскадрону калишской конницы на подмогу. Построившись такимъ образомъ, мы двинулись въ томъ направленіи, откуда доносились выстрѣлы. Наши застрѣльщики встрѣтились вскорѣ съ донцами, составлявшими авангардъ отряда, которому было поручено обойти отрядъ генерала Ружицкаго съ тыла. Между нашими казаками и драгунами завязалась перестрѣлка, а наша колонна стала отступать по направленію къ Закржеву, къ пригорку, гдѣ стояли главные силы принца Адама Виртембергскаго; въ этомъ пунктѣ бой шель довольно вяло, такъ какъ наши отступали, и отступление ихъ начинало уже походить на бѣгство. Янъ Омецинскій и Тадеушъ Горайнъ, несмотря на свои раны несходившій съ коня, совершали чудеса храбрости съ горстью нашихъ казаковъ, отражая нападеніе донцовъ и драгунъ, тѣснившихъ наши колонны съ тыла и съ фланга. Я поставилъ капитана Каченовскаго съ орудіями на пригоркѣ, съ котораго было прекрасно видно все войско. Онъ открылъ огонь такъ удачно, что первымъ же выстрѣломъ была убита бѣлая верховая запасная лошадь принца Адама Виртембергскаго, его адъютантъ и два конвойныхъ донца. Конная и пѣшая артиллерія продолжали стрѣлять; поручикъ Фризе, занявъ позицію на правомъ флангѣ, поражалъ своими мѣткими выстрѣлами русскую пѣхоту; артиллерія непріятеля также открыла огонь, но дѣйствовала весьма неудачно и не причинила намъ никакого урона. Огонь нашей артиллеріи задержалъ преслѣдованіе русскаго войска такъ, что наши измученныя колонны могли нѣсколько собраться съ силами. Между тѣмъ, на правомъ флангѣ русскаго войска показались наши эскадроны, подъ командою Грудзинскаго; вскорѣ прибылъ и Карлъ Ружицкій. Русскіе начали отступать, а мы успѣшно перешли въ наступленіе; впрочемъ, ночь не дозволила намъ въ полной мѣрѣ воспользоваться побѣдою.

Русскіе оставили намъ поле битвы, на коемъ мы и ночевали. Легкая литовско-волинская кавалерія и 22-й пѣхотный полкъ понесли значительный уронъ ранеными и убитыми.

Послѣ того, какъ намъ удалось проскочить черезъ русскій лагерь ночью, Ружицкій послалъ Грудзинскаго въ Пилицы, чтобы заставить русскихъ отступить отъ дороги, которая вела изъ Скрыдлова въ Притыкъ, и сдѣлать ее, по мѣрѣ возможности, безопасной для генерала Самуила Ружицкаго, а самъ отправился въ Млынки на Кѣлецкій трактъ, съ цѣлью послать мѣстныхъ обывателей съ нашими казаками для розыска отряда Игнація Куржела, Хмѣлевскаго и Ютченка. Появленіе Грудзинскаго близъ Пилицъ было замѣчено русскими; принцъ Адамъ Виртемберг-

скій приказалъ своимъ войскамъ стянуться къ Пилицѣ; если бы генераль Самуиль Ружицкій былъ нѣсколько терпѣливѣе и имѣлъ болѣе точныя свѣдѣнія о ближайшихъ движеніяхъ непріятеля, то выждавъ нѣкоторое время въ лѣсу, онъ не наткнулся бы подъ Закржевомъ на арьергардъ принца Виртембергскаго, который, вступивъ съ нимъ въ сраженіе, далъ своему корпусу возможность подойти и также принять участіе въ этомъ сраженіи, а оно навѣрно окончилось бы полнымъ пораженіемъ нашего генерала, если бы я не оказалъ ему помощи совершенно неожиданно и, можно сказать, болѣе по вдохновенію, нежели въ силу какихъ бы то ни было военныхъ соображеній.

Карль Ружицкій былъ далекъ отъ мысли, чтобы могло произойти столкновеніе и чтобы генераль не могъ усидѣть въ Шидловецкихъ лѣсахъ до ночи; но генераль былъ краковянинъ и не могъ выждать, когда дѣло шло о томъ, чтобы войска помѣрялась силами; впрочемъ, намъ онъ самъ признавался, что послѣ стычки подъ Ильжей онъ чувствовалъ себя безъ насъ безсиальнымъ и уже не смѣшилъ впередъ, чтобы не быть окончательно разбитымъ.

Во время боя подъ Закржевомъ, произошла одна изъ тѣхъ прискорбныхъ эпизодовъ, которые возможны только въ войнахъ подобнаго рода. Ко мнѣ явился нѣкто молодой Рогавскій, студентъ варшавскаго университета, служившій впоследствии унтеръ-офицеромъ въ эскадронѣ инструкторовъ и вступилъ въ мой полускадронъ по собственному желанію. Отецъ этого Рогавскаго, майоръ русской службы, кажется, командовалъ отрядомъ, посланнымъ русскими на рекогносцировку, и встрѣтился со своимъ сыномъ во время стычки этого отряда съ нашими застрѣльщиками. Молодой Рогавскій, столкнувшись съ нимъ во время битвы ударилъ его пикой съ такою силою, что тотъ свалился съ лошади, но оправившись выстрѣлилъ и промахнулся; только тогда они узнали другъ друга. Рассказывая намъ объ этомъ Рогавскій выразилъ сожалѣніе, что не убилъ отца. На слѣдующій день майоръ прислалъ узнать о здоровьи сына, велѣлъ спросить не нуждается ли онъ въ чемъ нибудь и прислалъ ему довольно значительную сумму денегъ, которую сынъ принялъ. Всѣ офицеры нашего полка были возмущены этимъ поступкомъ; по этой же причинѣ Карль Ружицкій не принялъ его въ волинскую кавалерію, но онъ нашелъ себѣ покровителя въ лицѣ Игнація Куржела, который произвелъ его въ подпоручики.

Въ ту же ночь къ намъ пріѣхалъ Раймондъ Гурковскій, бывшій офицеромъ 2-го уланскаго полка, украинецъ, женатый на красавицѣ паннѣ Грабовской изъ Волыни. Жена заставила его вступить въ наше войско слѣдующимъ способомъ: она подбила всю его одежду заячьимъ мѣхомъ, давала ему ѣсть одно только заячье мясо и, наконецъ, возложила ему, однажды, во снѣ на голову корону сдѣланную изъ заячьихъ шкуркъ.

Супруги очень любили другъ друга; она была чрезвычайно хороша собою, и онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова красавецъ, но какъ истинная патриотка, она еще болѣе любила Польшу. Въ отсутствіе мужа она постоянно грустила о немъ, и онъ самъ только и думалъ о ней. Гурковскій былъ зачисленъ въ 1-й эскадронъ.

Штабъ генерала Самуила Ружицкаго былъ сформированъ, по старинному обычаю, на широкую ногу: цѣлый эскадронъ офицеровъ состоялъ у него на ординарцахъ и эскадронъ унтеръ-офицеровъ на посылкахъ. Несмотря на такое обиліе людей въ штабѣ, смѣло можно сказать, что за исключеніемъ Евстафія Янушевича и Тадеуша Горайна, это была все совершенная бездарность, въ особенности въ вопросахъ чисто военныхъ. Штабъ выработалъ дальнѣйшій планъ дѣйствій, по которому главнымъ оплотомъ и послѣднимъ убѣжищемъ рѣшено было считать Свентокржижскія горы; ключемъ къ этой позиціи должна была служить рѣчка Каменная, какъ стратегическая линія, опиравшаяся на Новую-Слуцію; Опатовъ, Вержбица, Шидловець, Конскъ, Присуха и Куновъ были избраны главными стратегическими пунктами, около которыхъ войско должно было кружиться, то скрываясь въ Шидловецкіе и Островецкіе лѣса, то выходя изъ нихъ, съ цѣлью ввести этимъ непріятеля въ заблужденіе и заманить его. На вышеозначенномъ пространствѣ рѣшено было двигаться взадъ и впередъ по круговымъ и эллиптическимъ линіямъ, на подобіе того, какъ земля движется вокругъ солнца, соблюдая при этомъ величайшую осторожность, чтобы не задѣтъ самаго солнца, такъ какъ это повлекло бы за собою страшное столкновеніе, хаосъ и конечную нашу гибель; этимъ солнцемъ былъ для насъ конечно русскій корпусъ Ридигера, вокругъ котораго намъ было приказано кружиться, избѣгая столкновенія съ нимъ. Этотъ планъ, несомнѣнно, разумный и строго обдуманый во всѣхъ своихъ подробностяхъ—положилъ конецъ подвигамъ краковскаго лѣтушка; мы переходили отъ одной крайности къ другой.

Итакъ, мы начали бродить и кружиться по нашему стратегическому небосклону. Всѣ отряды соединились въ одинъ корпусъ; у насъ оказалось до 12.000 самаго отборнаго войска, но какъ старательно ни избѣгали мы встрѣчи съ непріятелемъ, казалось, какой-то злой рокъ тяготѣлъ надъ бѣдною Польшею. Изъ Варшавы доходили до насъ самыя тревожныя вѣсти о перемѣнѣ начальствующихъ лицъ, о почестяхъ, воздаваемыхъ демократамъ и интриганамъ, о сценахъ вѣшанья и убійствъ, покрывшихъ позоромъ польское имя, объ исчезновеніи съ политической арены имени князя Адама Чарторыйскаго, генерала Скржинецкаго и другихъ военныхъ и гражданскихъ дѣятелей, коихъ мѣсто заняли Круковецкій, Кремповецкій, князь Пулавскій—выкресты и извѣстные негодяи. Въ это время главныя силы нашей арміи не воевали, не сража-

лись, а только кружились около Варшавы. Генераль Прондзинскій вычерчивалъ со своимъ войскомъ треугольники и трапеціи и доказывалъ, что совершенно одинаково идти по прямой или по ломаной линіи. Хржановскій наговялялъ на всѣхъ и каждого тоску своими разговорами и зловѣщими предсказаніями; предвѣщая неудачу польскому дѣлу, онъ лишалъ этимъ смѣлости и энергіи доблестное войско, бывшее нѣкогда гордостью и отрадою цесаревича, а полковникъ, графъ Владиславъ Замойскій, подавшій цесаревичу злополучный совѣтъ уѣхать изъ Польши, принялъ подъ свою неумѣлую команду нѣсколько тысячъ отборнаго войска—самыхъ смѣлыхъ и самоотверженныхъ защитниковъ польскаго дѣла, и вмѣстѣ съ итальянцемъ Ромарино, которому болѣе пристало водить напоказъ обезьянъ, нежели командовать поляками, повелъ это войско Богъ вѣсть куда и погубилъ его добрую славу.

У насъ было превосходное войско, несравненно болѣе храброе, нежели войско нашихъ противниковъ (?), но наши генералы и даже полковники стояли гораздо ниже соответственныхъ чиновъ русскаго войска. Командиры русскихъ отрядовъ ясно понимали, къ чему они стремятся, и сознательно шли къ намѣченной цѣли, тогда какъ наше начальство играло въ жмурки въ своихъ треугольникахъ и трапеціяхъ, создавая себѣ стратегическіе пути, въ которыхъ оно само не могло разобраться, и поэтому бродило безцѣльно, пока не добрело до границы, по примѣру генерала Дверницкаго.

Горько и обидно вспомнить объ этомъ времени, когда въ нашемъ распоряженіи были такіе превосходныя силы, когда у насъ было такъ много доброй воли, такой огромный запасъ физической силы, и все это пошло прахомъ, благодаря неспособности нашего военнаго начальства. Я вполнѣ увѣренъ, что главною причиною нашихъ неудачъ, нашего паденія были не дипломатическія ошибки, не стремленіе къ анархіи, но полнѣйшая неспособность нашихъ генераловъ. Удивительна эта черта польскаго характера: тотъ же Флоріанъ Ржевускій, тотъ же Козловскій и многіе другіе поляки, служа въ русскомъ или нѣмецкомъ войскѣ, дѣйствуютъ энергично, практично, съ умомъ и твердостью; когда же имъ приходится командовать своимъ, польскимъ войскомъ, они оказываются людьми безъ воли, безъ энергіи, неувѣренныя въ своихъ силахъ, умѣющіе только исполнять свою обязанность, но боятся малѣйшаго риска, малѣйшей отвѣтственности, несмотря на сознаніе своей собственной правоты,—словомъ, полнѣйшіе неудачники. Они предпочитали переждать трудное время въ бездѣйствіи, а когда между ними появлялся человекъ энергичный, умный, то они съ кровомъ накидывались на него, какъ вороны на орла, и старались его заклевать за то только, что онъ не похожъ на нихъ и лучше ихъ. Увидавъ, что его не удастся водить за носъ, они тотчасъ начинали подкапываться подъ него, были готовы

затравить его и отказывались подчиняться его приказаніямъ. Это печальное явленіе было плодомъ всего государственнаго строя поляковъ, оно не зависѣло отъ ихъ характера точно такъ же, какъ оно не было въ натурѣ остальныхъ славянъ. Это служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что полякамъ нуженъ король, которому бы они повиновались и повелѣнія котораго они бы исполняли. У насъ не вышло толка изъ Рѣчи Посполитой потому, что мы не имѣли гражданскаго мужества, но за то у насъ была бездна претензій и чрезачуръ много мелочной зависти.

Мы начали разгуливать по Сандомирскому округу, то кружась на одномъ мѣстѣ, то подвигаясь немного впередъ; такъ пробродили мы нѣсколько недѣль, но я сомнѣваюсь, зналъ ли генераль или его штабъ, чего собственно они хотѣли и къ какой цѣли стремились. Между нашими и русскими войсками происходили болѣе или менѣе неожиданныя стычки, которыя случались, по увѣренію штаба, всегда въ то время, когда ихъ никто не ожидалъ и даже не желалъ.

Всѣ эти круговыя и поступательныя движенія нашего войска окончились, наконецъ, слѣдующимъ образомъ. Мы подошли къ Конскому ночью, не имѣя никакихъ извѣстій о неприятлѣ, не проведя рекогносцировки мѣстности и не избравъ заранѣе мѣста для лагерной стоянки или бивуака. Мѣстныя власти выѣхали генералу навстрѣчу съ какимъ-то подполковникомъ или полковникомъ, фамилію котораго я не упомяну, — да это и хорошо, иначе я назвалъ бы его, по своему обыкновенію, полностію, что было бы неприятно его роднымъ или близкимъ, ежели такыя находятся еще въ живыхъ. Привѣтствовавъ генерала, они доложили ему, что насъ ожидаетъ ужинъ, и всякая потерянная минута можетъ нанести непоправимый ущербъ его кулинарнымъ достоинствамъ. Самуилъ Ружицкій не былъ лакомкою, но въ его штабѣ было немало сластей и обжоръ; всѣ они воскликнули въ одинъ голосъ: «идемъ, идемъ скорѣе». Генераль, совершенно сбитый съ толку, долженъ былъ прервать свои странствованія по стратегическому небосклону, развѣсилъ уши и не противорѣчилъ своей свѣтѣ. Нашимъ отрядамъ было приказано остановиться, расположившись тамъ, гдѣ каждому изъ нихъ покажется удобнѣе.

Начальство возложило исполненіе этого приказанія на младшихъ фицеровъ, а само принялось за ужинъ, который, благодаря доброму венгерскому, обѣщалъ быть весьма шумнымъ. Только Карлъ Ружицкій отказался отъ ужина и пошелъ съ нами. При свѣтѣ мѣсяца, сіявшаго на небѣ, каждый изъ насъ разставлялъ батальоны, эскадроны и батареи, гдѣ ему вздумалось, но никто не позаботился разставить караульныхъ, разослать патрули. Только отъ нашего полка былъ посланъ полуэскадронъ для занятія аванпостовъ, да одинъ взводъ отправился въ объѣздъ. Часу

во второмъ по полуночи прискакалъ Іосифъ Дморадскій, ѣздившій на развѣдка, и сообщалъ намъ, что встрѣтилъ на Радомской дорогѣ донцовъ, которые, завѣдя его, поспѣшили скрыться. Послѣдовавъ за ними, онъ какъ-будто видѣлъ при свѣтѣ мѣсяца войско, которое стройными колоннами двигалось къ нашему лагерю. Карлъ Ружицкій приказалъ намъ быть наготовѣ и донесъ объ этомъ рапортомъ генералу. Его нашли спящаго въ томъ домѣ, гдѣ происходило пиршество. Проснувшись, генералъ сталъ сзывать свой штабъ; никого нельзя было добудиться; кончалось тѣмъ, что Евстафій Янушкевичъ и Тадеушъ Горайнъ повѣхали разыскивать и собирать наши отряды въ окрестностяхъ Конскаго. Тѣмъ временемъ донцы, коимъ было приказано, вѣроятно, напасть на нашъ лагерь, чтобы произвести въ немъ переполохъ и смятеніе, наткнулись на нашихъ часовыхъ, которые начали стрѣлять въ нихъ; на аванпостахъ также слышались выстрѣлы, и они стали отступать къ полку. Донцы, заподозривъ засаду, умчались, а начальникъ, командовавшій русскимъ войскомъ, подобно генералу Слотвинскому, приказалъ стрѣлять по лагерю изъ орудій для того, чтобы этимъ нагнать на насъ еще болѣе страха; самъ же, стоя во главѣ своего войска, готовился идти въ атаку, ожидая только разсвѣта, въ полной увѣренности, что донцы уже хозяйничаютъ въ нашемъ лагерѣ и что ему останется лишь взять въ плѣнъ тѣхъ, кто не успѣетъ бѣжать, и забрать снаряды, которые мы не будемъ въ состояніи увести. Но нашъ полкъ былъ уже на коняхъ; вмѣстѣ съ калышанами у насъ оказалось четыре эскадрона; кромѣ того, у насъ были орудія конной артиллеріи Карла Каченовскаго. Карлъ Ружицкій уговорилъ маіора Радзимірскаго, командовавшаго Люблинско-Августовскимъ эскадрономъ, занять позицію, оставленную калышанами, а самъ двинулся съ полкомъ рысью прямо на выстрѣлы. Когда начало свѣтать, орудія Каченовскаго были уже на указанномъ мѣстѣ и открыли огонь; нашъ полкъ, стоя развернутымъ фронтомъ, готовился къ нападенію, но русскіе начали отступать къ лѣсу, мы преслѣдовали ихъ нѣкоторое время, а генералъ Самуилъ Ружицкій старался между тѣмъ, при содѣйствіи помощника начальника штаба Янушкевича и своего адъютанта Горайна, построить войско въ боевой порядокъ или, лучше сказать, старался собрать его. Огромнаго штаба генерала и многочисленнаго войска какъ не бывало; они разлетѣлись, каждый въ свою сторону, въ лѣсъ; потребовалось нѣсколько часовъ на то, чтобы собрать ихъ и свести вмѣстѣ.

Когда корпусъ, наконецъ, былъ собранъ, мы пошли впередъ, но не слѣдомъ за русскими, а по другой параллельной съ нею дорогѣ. Штабъ разсудилъ такъ: ежели эта дорога свернетъ влѣво, подъ острымъ угломъ къ той дорогѣ, по которой пошло русское войско, то намъ представится возможность пресѣчь ему путь и напасть на него съ фланга, а въ

случай ежели дорога повернется направо, то мы разойдемся съ русскими въ разныя стороны и можемъ тогда совершенно спокойно продолжать свои странствованія по стратегическому небосклону Сандомірскаго округа. «Таковы были шансы войны», какъ выразился полковникъ Жадера. Начальнику штаба и полковнику Куржелу было извѣстно, куда сворачивала избранная нами дорога, поэтому онъ пожелалъ принять командованіе авангардомъ. Карлу Ружицкому приказано было командовать арьергардомъ; однако, для вѣщей безопасности, на тотъ случай, ежели бы въ какой-нибудь деревнѣ напали на авангардъ злыя собаки, во главѣ его пошелъ полуэскадронъ нашей кавалеріи; эта честь выпала на долю мнѣ и Яну Омединскому.

Полковникъ Куржелъ, бывшій гусаръ, имѣлъ своеобразную наружность: длиннѣйшіе усы, лицо одутловатое и красное какъ печеный буракъ, что впрочемъ неудивительно, такъ какъ ежедневно буквально плавалъ въ винѣ и водкѣ; съ подобной фізіономіей, верхомъ на росломъ конѣ, онъ былъ страшнѣе какъ чортъ; подлѣ него ѣхало нѣсколько трубачей: казалось, самъ Стефанъ Чернецкій возсталъ изъ мертвыхъ. Итакъ, нашъ полуэскадронъ выступилъ впереди всѣхъ; за нами ѣхало два эскадрона конныхъ егерей подлѣсскихъ и прочая кавалерія; Куржелъ былъ окруженъ такою массою штабныхъ, что страшно было взглянуть. Такимъ образомъ мы добрались до пригорка, у подошвы котораго была расположена деревушка, а за нею виднѣлся лугъ и большая дорога, шедшая вправо къ Опатову; по этой дорогѣ ѣхало болѣе десяти возовъ, конвоируемыхъ солдами, конхъ оружіе сверкало на солнцѣ. Подскакавъ къ нашему полуэскадрону, Куржелъ скомандовалъ:

— Пройти деревню, напасть, разбить и взять въ плѣнъ.

Спустившись съ пригорка я скомандовалъ: «впередъ, рысью» и помчался къ деревнѣ, гдѣ засѣла, какъ оказалось, русская пѣхота, начавшая стрѣлять въ насъ изъ-за заборовъ; мы промчались черезъ деревню безъ остановки самымъ благополучнымъ образомъ. Одинъ взводъ, подъ прикрытіемъ казаковъ, пошелъ далѣе, а второй взводъ остановился за деревенькой; догнавъ возы, наши казаки забрали 4-хъ конныхъ егерей и одного казака въ плѣнъ и вернулись съ ними. Такъ какъ на пригоркѣ уже не видно было нашего войска, то я намѣревался обойти деревню и пойти ему на встрѣчу, когда вахмистръ Выговскій указалъ намъ на отрядъ пѣхоты, шедшій къ деревнѣ съ бѣлымъ знаменемъ. Омединскій съ нѣсколькими солдами поскакалъ ему навстрѣчу; небольшая рота въ 60 человекъ солдатъ сложила оружіе и сдалась ему въ плѣнъ; оказалось, что это были евреи, преимущественно изъ Бердичева; они привѣтствовали насъ, крича, что стрѣляли на воздухъ; это былъ отрядъ, конвоировавшій 12 возовъ съ сухарями и всякими пожитками; заблудившись въ лѣсу онъ только что добрался до помянутой

деревни, какъ показалось наше войско; завидѣвъ его, отрядъ послалъ возы съ кавалеріей впередъ, а самъ засѣлъ съ пѣхотой въ деревнѣ, рассчитывая, что ему удастся пробраться въ лѣсъ. На дѣлѣ вышло иначе. Мы не застали на пригоркѣ нашего войска, но пройдя добрыхъ двѣ версты, увидѣли цѣлый столбъ пыли, изъ-за которой показался Карлъ Ружицкій съ эскадрономъ нашей кавалеріи, шедшей намъ на подмогу. Оказалось, что Куржель, увидавъ, что мы идемъ къ деревнѣ и что въ насъ стрѣляютъ, приказалъ отступать, помчался въ галопъ со всей своей конницей и нагналъ на всѣхъ такой страхъ, что войско начало въ беспорядкѣ отступать къ Конскому и за Конскъ по дорогѣ въ Присуху. Тогда Карлъ Ружицкій поскакалъ съ однимъ эскадрономъ узнать, какая участь постигла насъ.

Мы уже не застали своего отряда въ Конскомъ, а догнали его въ 5 верстахъ оттуда, въ одной деревенькѣ по пути въ Присуху, гдѣ оно расположилось лагеремъ у самой опушки лѣса.

XVII.

Калишане.—Хожденіе по стратегическому небосклону Сандомірскаго округа.—Стычки съ неприятелемъ.—Волянская конница. Бѣльцы.—Янъ Ледоховскій.—Генераль Шембекъ.—Генераль Шептяцкій.—Литовско-Волянская конница.—Александръ Панча.

Соблюдая свои параллельныя линіи да острые и тупые углы, штабъ генерала Самуида Ружицкаго избѣгнулъ встрѣчи съ неприятелемъ и очутился наконецъ далеко отъ него, позади Конскаго, но утѣшался мыслию, что имѣетъ возможность еще покружиться около Конскаго, пока неприятель не надумается подойти къ нему поближе; а тогда—увидимъ!

Это былъ всегдашній припѣвъ Игнація Куржеля, который чрезвычайно распустилъ солдатъ и потерялъ всякій авторитетъ въ ихъ глазахъ. Они называли его пустомелей и вороньимъ пугаломъ, чѣмъ онъ и былъ въ дѣйствительности, ибо хозяйничалъ на польскихъ дворахъ хуже всякаго пруссака. Куржель на столько злоупотреблялъ именемъ польскаго офицера, что его собственная подлѣска конница стала наконецъ стыдиться своего начальника, между тѣмъ какъ онъ пользовался прежде славою храбраго, честнаго и лихаго гусарскаго офицера. Дѣло дошло до того, что генераль С. Ружицкій былъ вынужденъ лишить его командованія и отослать въ Кѣльцы. Куржель уѣхалъ со своимъ адъютантомъ и однимъ трубачомъ, упрекая офицеровъ въ неблагодарности

дѣйствительно они не мало поживились на его счетъ, такъ какъ онъ дѣлился съ ними, какъ добрый товарищъ, всѣмъ награбленнымъ. Большинство офицеровъ его дивизиона были испорчены нравственно и честь ихъ была запятнана; они сожалея въ душѣ Куржела, но не рѣшались открыто выказать ему своего сочувствія, молчали и даже не простились съ нимъ передъ его отъѣздомъ. Встрѣтивъ по пути нашего капитана Тадеуша Пржиборовскаго, Куржелъ излиялъ свою злобу, сказавъ: «эти мерзавцы (подразумѣвая своихъ офицеровъ) прикидываются честными, но вы увидите, что они немногимъ лучше меня».

Нижніе чины подлѣсской конницы были дѣльные храбрые солдаты, но не слѣдуетъ забывать, что въ строю, въ особенности въ кавалеріи, все зависитъ отъ командира и офицеровъ.

Мы стояли бивуакомъ подъ Островцомъ; день былъ дождливый; мы промокли и прозябли и намъ было какъ то не по себѣ, какъ бываетъ въ ненастную погоду.

Въ Островцѣ насъ постигли всевозможныя бѣды. Въ первую ночь эскадронъ подлѣсской конницы, занимавшій главный караулъ, поставивъ взызданныхъ лошадей возлѣ забора, по всей вѣроятности уснулъ. Лошади, не чувствуя подлѣ себя всадниковъ, сами построились въ колонну по шести въ рядъ и помчались рысью къ лагерю. Ночь была дождливая и темная; пѣхота, спросивъ пароль и лозунгъ и не получивъ отвѣта вообразила, что это нападеніе непріятеля, и начала стрѣлять. Майоръ Бартмонскій приказалъ стрѣлять изъ орудій—и въ лагерѣ поднялась невообразимая сумятица; съ несчастьемъ, тамъ не скоро удостовѣрились въ томъ, что это были одні лошади безъ всадниковъ, такъ какъ, услыхавъ выстрѣлы, онѣ бросились въ разныя стороны, но все же соблюдая извѣстный порядокъ; нѣсколько лошадей было убито и болѣе десяти ранено. Вслѣдствіе паническаго страха, охватившаго лагерь, въ немъ вспыхнула сильная, азіатская холера, и въ теченіе двухъ часовъ умерло до 200 человекъ.

Генералъ Самуилъ Ружицкій имѣлъ въ своемъ распоряженіи девять тысячъ отличнѣйшаго войска съ 6-ю орудіями, всего 15-ть прекрасныхъ эскадроновъ; хотя артиллеріи у него было немного, но ея командовали вполне достойные офицеры, вышедшіе изъ школы генерала Бема. Карлъ Ружицкій совѣтывалъ генералу идти къ Скарышову, дать сраженіе генералу Квицинскому, коего отрядъ былъ вдвое слабѣе нашего, а затѣмъ свернуть къ Ильжѣ и разбить принца Адама Виртембергскаго, до прибытія Ридигера изъ Радома. Но совѣтъ Карла Ружицкаго былъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Штабъ не хотѣлъ, чтобы войско, кружившееся по Сандомірскому небосклону, превратилось въ огненную комету, которая понеслась бы по этому небосклону по пути невѣдомому и неопредѣленному; онъ хотѣлъ, чтобы его планеты двигались по извѣстной, строго

опредѣленной орбитѣ. Генераль Самуилъ Ружицкій весьма цѣнилъ Карла Ружицкаго, но не могъ противиться желанію своего многочисленнаго штаба.

Маіоръ Станиславъ Дуняцъ, будучи въ Кѣльцахъ, произвелъ смотръ нашимъ резервамъ и насчиталъ 7 эскадроновъ конныхъ егерей, 12-ть такъ называемыхъ уланскихъ эскадроновъ, въ составъ которыхъ входила кавалерія: люблинская, августовская, сайдомирская, надвислянская и мазуры и 4 эскадрона кракусовъ, всего 23 эскадрона, въ коихъ насчитывали въ ту пору до трехъ тысячъ хорошо вооруженныхъ всадниковъ. То же можно было сказать и относительно пѣхоты, которой стояло по гарнизонамъ по меньшей мѣрѣ тысячъ восемь; кромѣ того, Дуняцъ сообщилъ, что въ Кѣльцахъ и Новомъ Мѣстѣ были орудія, изъ коихъ легко было образовать три батареи, что для нихъ нашлись бы и солдаты и офицеры, такъ какъ изъ военноплѣнныхъ, коихъ у насъ было нѣсколько десятковъ тысячъ, не только многіе солдаты, но и офицеры изъ уроженцевъ Литвы, Бѣлоруссія, Волыни и другихъ польскихъ земель изъявляли искреннее желаніе вступить въ ряды польскаго войска. По его словамъ, при желаніи и разумной распорядительности можно было въ нѣсколько недѣль сформировать изъ этихъ военноплѣнныхъ свыше десятитысячный корпусъ, который сражался бы такъ же храбро и служилъ бы намъ такъ же преданно, какъ 5-й линейный пѣхотный полкъ въ корпусѣ генерала Хржановскаго, сформированный по большей части также изъ военноплѣнныхъ. Наконецъ, мы узнали отъ Дуняца, что въ Кѣльцахъ была масса генераловъ, ничѣмъ не занятыхъ, какъ на примѣръ, генералы Шембекъ, Шептицкій, Каменскій, Стриженскій, Стрижевскій и также много полковниковъ, ничѣмъ не командовавшихъ, и что генералъ Вейсенгофъ рѣшительно не зналъ, что съ ними дѣлать.

Это донесеніе, обстоятельно изложенное, было представлено генералу Самуилу Ружицкому. Въ первый моментъ онъ рѣшилъ послать нашихъ кавалерійскихъ офицеровъ, назначивъ ихъ эскадронными командирами, за кавалерійскими резервами, съ порученіемъ привести ихъ на боевую линію; подобное же распоряженіе онъ думалъ сдѣлать и по отношенію пѣхоты, пославъ за нею офицеровъ легкой литовско-вслынскои каванды, а капитану Фрезу и маіору Бортманскому было предложено организовать артиллерию. Уже писались конфиденціально назначенія и приказы; генералъ С. Ружицкій высчитывалъ численность войска и какъ ребенокъ гѣшился мыслью, что Господь даетъ ему возможность спасти Польшу, но когда собрались штабные тузы и стали разбирать намѣреніе генерала со стратегической и тактической точекъ зрѣнія, то смутали его до такой степени, что все дѣло окончилось бурей въ стаканѣ воды. Генералу Вейсенгофу и прочимъ генераламъ были посланы письма, скорѣе съ приглашеніемъ, нежели съ приказаніемъ присоеди-

ниться къ намъ, ежели они пожелаютъ; о войскахъ въ письмахъ не говорилось ни слова, точно въ Краковскомъ воеводствѣ не было никакихъ резервовъ, о военнопленныхъ также умалчивалось; возможно ли въ католической странѣ имѣть дѣло съ этими схизматиками, еретиками?

Изъ Варшавы приходили недобрыя вѣсти. Крюковецкій рѣшилъ: «Если я не могу сдѣлаться ни королемъ, ни диктаторомъ, ни главнокомандующимъ, — чортъ побери Польшу!» и собралъ съ этимъ поступалъ, не обуздывая расхажившагося своеволия и побрякая всякому сброду, который подражалъ всѣмъ безобразіямъ французской революціи, но не могъ усвоиться великихъ принциповъ. — Это не были паяцы, смѣшившіе людей, но жалкій сбродъ, возбуждавшій къ себѣ одно отвращеніе и презрѣніе.

Графъ Владиславъ Замойскій, прикрываясь пненемъ маниакальнаго итальянца Раморино, принявъ команду надъ отборнымъ войскомъ, не хотѣлъ вести его на оборону Варшавы, хотя прекрасно зналъ, что паденіе Варшавы было равносильно паденію Польши. — Онъ пошелъ на Брестъ-Литовскъ, возражая на всѣ дѣлаемые ему замѣчанія, что всѣ дороги ведутъ въ Римъ, что при желаніи онъ и этимъ путемъ дойдетъ до Варшавы, а пока не намѣренъ туда идти. Подобно Крюковецкому онъ также говорилъ про себя: «Чортъ побери Польшу, ежели власть не можетъ принадлежать намъ». И чортъ не дремалъ. Князь Адамъ Чарторыйскій также уѣхалъ изъ Варшавы: промѣнявъ корону Ягеллоновъ на интересы Габсбурговъ, ему было уже неловко предсѣдательствовать въ жондѣ народомъ, который составлялъ одно съ польскимъ народомъ, такъ же какъ и народъ съ нимъ. Уѣхалъ изъ Варшавы и генералъ Скржинецкій, который, несмотря на кое-какіе недостатки и ошибки, стоилъ болѣе всѣхъ остальныхъ нашихъ генераловъ, такъ какъ у него было польское, шляхетское сердце; онъ понималъ поляковъ и умѣлъ тронуть ихъ сердце. Гроховъ, Иганье и Вельке-Дембе навсегда останутся памятниками военной славы поляковъ; если бы Скржинецкій остался при своемъ мѣстѣ, быть можетъ Варшава была бы четвертымъ памятникомъ этой славы. Онъ не особенно довѣрялъ способностямъ своихъ генераловъ и имѣлъ на то полное право послѣ экспедиціи Гелгуда въ Литву, экспедиціи Хржановскаго, не дошедшаго и до Замостья, и экспедиціи Янковскаго противъ Радигера. Все это были пигмеи военнаго дѣла въ сравненіи съ нимъ, а онъ былъ истиннымъ исполиномъ среди нихъ.

Варшава лишилась тогда всего, что у нея было наиболѣе драгоцѣннаго: князя Адама Чарторыйскаго, генерала Скржинецкаго и 30-ти тысячъ превосходнѣйшаго войска, коимъ командовалъ графъ Владиславъ Замойскій. Прочіе генералы пошли съ остальнымъ войскомъ смотрѣть, какъ фельдмаршалъ Паскевичъ переправится чрезъ Вислу, а Варшава

готовилась обороняться, устранявая демократическія сходы, допуская въ газетахъ рѣзкія выходки и брань, всеобщую неурядицу и игру въ революцію.

Что касается насъ, то мы продолжали кружиться по нашему стратегическому небосклону.—Правда конница нашего полка, пѣшіе сандомирскіе и подольскіе егеря чуть не ежедневно имѣли стычки и неожиданныя встрѣчи съ непріателемъ, оканчивавшіяся для насъ большею частью благополучно, такъ какъ они возвращались всякій разъ съ 10-ю и болѣе плѣнными; но это была уже заслуга начальниковъ отдѣльных частей, а отнюдь не входило въ планы войсковаго штаба и не зависѣло отъ распоряженій генерала. Прочіе отряды расхаживали взадъ и впередъ, не встрѣчаясь съ непріателемъ, а когда имъ случалось завидѣть издали донца, они тотчасъ отступали и прятались подъ крылышко штаба. Эти постоянныя марши и контрмарши были пагубны для доблестной кавалеріи; она утрачивала прежнюю смѣлость, отвагу и вѣру въ свои силы. Причиною этого зла была существующая въ арміи военная іерархія. Кавалерійскими отрядами командовали офицеры старше чинами, нежели Карлъ Ружицкій, который только что былъ произведенъ въ подполковника. Генералъ Самуилъ Ружицкій не могъ обойти этихъ старшихъ чинами офицеровъ и встрѣтить начальство надъ кавалеріей Карлу Ружицкому, да хотя бы онъ на это и рѣшился, такъ какъ онъ дѣйствовалъ иногда въ высшей степени самостоятельно, въ особенности подъ вліяніемъ бесѣдъ съ Евстафіемъ Янушкевичемъ, человѣкомъ выдающихся способностей,—то Карлъ Ружицкій самъ не согласился бы на подобное нарушеніе служебной субординаціи. Скромность, отвращеніе къ блеску и пышности, отсутствіе честолюбія, гордости, а вслѣдствіе этого и самостоятельности, были огромнымъ недостаткомъ этого военнаго человѣка. Если бы въ войну 1831 года, во главѣ трехъ-тысячной конницы,—а она легко могла быть доведена до этой численности,—находился этотъ единственный, можно сказать достойный ея начальникъ, то при его неутомимой дѣятельности, строгой обдуманности дѣйствій и смѣлыхъ комбинаціяхъ, при его соколиномъ зрѣніи, хладнокровіи, проникательности и отвагѣ на подѣ брани—воскресли бы времена Петра Сагайдачнаго, Яна Выговскаго и Стефана Чарнецкаго. Какъ знать, какой оборотъ приняла бы тогда война. Но на дѣлѣ все вышло иначе; въ наши маленькія экспедиціи не посылали съ нами даже кавалеристовъ изъ другихъ полковъ, чтобы не возбуждать споровъ о старшинствѣ и начальствованіи. Мы были вполнѣ предоставлены самимъ себѣ, дѣйствовали по своему собственному усмотрѣнію и были только обязаны не отдаляться отъ корпуса и оберегать его; остальная кавалерія томилась отъ бездѣйствія и отъ безтолковаго ея употребленія.

Михаилъ Грудзинскій, посланный съ эскадрономъ къ Конской-Волѣ,

началъ на отрядъ донцовъ и разбилъ его. Донцы ушли на другой берегъ рѣки, разрушивъ за собою мостъ. Грудзинскій, перестрѣливаясь съ ними съ противоположнаго берега, исправилъ мостъ, перешелъ черезъ рѣку, вступилъ въ битву съ неприятелемъ, который былъ въ восемь разъ сильнѣе его, и загналъ донцовъ въ лѣсъ. Между тѣмъ, подполковникъ Хмѣлевскій, подошедшій къ Волгѣ съ семью эскадронами старой кавалеріи, одновременно съ Грудзинскимъ, не пришелъ ему на помощь, несмотря на то, что бой продолжался болѣе часа; когда же сражающіеся скрылись по ту сторону рѣки въ лѣсу, онъ приказалъ пустить лошадей пастись, не выславъ даже отряда къ рѣкѣ, чтобы узнать, какая участь постигла Грудзинскаго, а когда два часа спустя пришелъ Ружицкій съ нашими эскадронами, то Хмѣлевскій отвѣчалъ на его вопросъ: «Пошли туда— въ лѣсъ; заварилъ кашу, такъ пускай самъ ее и расхлебываетъ; кто велѣлъ ему гнаться за убѣгавшими донцами; убѣгали слава Богу, ну и пусть бы ихъ убѣгали».

Въ Сандомірскихъ лѣсахъ сандомірскіе егеря устроили засаду; имъ было дано въ подмогу два эскадрона сводной кавалеріи, подъ командою полковника Берковича; само собою разумѣется, что ему были даны какія-либо инструкціи, но когда мы спросили его приказаній, то онъ отвѣчалъ: «дѣлайте что хотите, укажите мнѣ мѣсто, гдѣ мнѣ стоять и что дѣлать»? Егерскій капитанъ, фамилію котораго я не помню, но который слылъ дѣльнымъ офицеромъ, устроилъ засаду.

На краю лѣса шла довольно широкая дорога, терявшаяся въ темномъ сосновомъ бору, который такъ густо поросъ верескомъ, что трудно было пройти нѣсколько шаговъ. По обѣ стороны этой дороги, въ соснякѣ, засѣли 4 роты егерей; въ скрытомъ мѣстечкѣ, на разстояніи тысячи шаговъ отъ дороги была поставлена конница, которая, выскочивъ въ извѣстный моментъ на дорогу, могла бы атаковать убѣгающаго неприятеля съ фланга и преградить ему путь къ отступленію. Капитанъ объяснилъ полковнику, что ему слѣдуетъ дѣлать. По дорогѣ, на которой была устроена засада, прошелъ эскадронъ драгунъ Московскаго полка; егеря смѣло начали въ него стрѣлять, убили довольно много лошадей и людей, но кавалерія не тронулась съ мѣста, и драгуны, на-кѣмъ не преслѣдуемые, набѣжали пораженія.

Полковникъ Берковичъ говорилъ впоследствии въ свое оправданіе, что они убѣгали такъ быстро, что самъ чертъ не догналъ бы ихъ, поэтому онъ не видѣлъ надобности понапрасну мучить лошадей. Но вслѣдствіе этого нѣсколько дней спустя, когда тѣ же сандомірскіе егеря были посланы въ новую экспедицію съ 4-мя эскадронами другого полка, то стала просить генерала Ружицкаго послать съ ними волчичевъ, говоря: «одинъ взводъ волчичевъ сдѣлаетъ больше, чѣмъ вся эта кавалерія».

Съ тѣхъ поръ польскіе солдаты постоянно выражали самое страстное

желаніе дѣйствовать вмѣстѣ съ волиницами и, гдѣ бы мы ни появились, они встрѣчали насъ съ величайшимъ радушіемъ; куда бы ни пришли, пѣхота всегда заранѣе приготовляла намъ колья для нашихъ коновязей, дрова для варки пищи, очищала для насъ ледники, и мы находили въ нихъ мясо для поддержанія своихъ силъ и для облегченія нашихъ трудовъ, такъ какъ мы трудились, по ихъ словамъ, за всѣхъ; они сами караулили нашихъ лошадей и дѣлали все это съ такою готовностью и предупредительностью, что у нашихъ бердичовскихъ воякъ сердце радовалось.

Любовь къ намъ поляковъ и страхъ, который одно имя «бѣльцовъ» нагоняло на русскихъ (?), все это вмѣстѣ взятое такъ повліяло на нашихъ казаковъ, что, они до крайности возгордились, стали считать себя непобѣдимыми и думали, что для нихъ нѣтъ ничего невозможнаго; а это въ свою очередь способствовало выработкѣ такихъ качествъ нашей кавалеріи, что, рассказывая въ настоящее время о ея подвигахъ, невольно опасаясь, что этотъ рассказъ будетъ встрѣченъ съ недовѣріемъ, а между тѣмъ все происходило именно такъ, какъ мною выше изложено.

Ни одинъ изъ нашихъ казаковъ ни мало не сомнѣвался въ томъ, что какъ только они появятся на полѣ битвы въ своихъ бѣлыхъ шапкахъ, на своихъ рыжихъ коняхъ, то передъ ними все должно обратиться въ бѣгство и даже самыя пули не посмѣютъ ихъ тронуть.

Такое убѣжденіе было заслугою Карла Ружицкаго. Одаренный выдающимися военными способностями, вступивъ въ нашъ полкъ онъ вдохнулъ въ него, при самомъ его сформированіи, духъ казачества, духъ боевой удали, взаимной любви и ту увѣренность въ своихъ силахъ, безъ которой не можетъ быть хорошей кавалеріи; если же кавалерія обладаетъ этимъ духомъ, то для нея нѣтъ ничего невозможнаго; кавалерія въ войскахъ—то же, что поэзія въ литературѣ; чтобы написать стихи, надобно родиться поэтомъ. Карлъ Ружицкій былъ поэтомъ военнаго дѣла. Бѣда тѣмъ жалкимъ недоумкамъ, которые, командуя кавалеріей, хотятъ примѣнять къ ней извѣстныя, стереотипныя формулы; они не понимаютъ, что духъ кавалериста сообщается въ извѣстной степени его коню, и что поэтому кавалеристъ долженъ быть смѣлъ и отваженъ, чтобы быть въ состояніи передать свою отвагу коню и вмѣстѣ съ нимъ ринуться на врага.

Въ штабѣ замѣтно было оживленіе: назначались засѣданія, о чемъ-то совѣщались и при этомъ псписывали цѣлыя вороха бумаги. Мы не знали, скоро-ли окончатся наши странствованія по стратегическому небосклону; нами овладѣвало любопытство, но штабъ не подпускалъ насъ близко къ главной квартирѣ, постоянно назначая насъ на аванпосты.

Говорила, будто корпусъ генерала Ромарино, или лучше сказать, графа Владислава Замойскаго идетъ къ Сандомиру, чтобы соединиться съ

нами, составить одну большую армию, провозгласить королемъ Адама I-го, идти съ нимъ въ столицу Сигизмунда и посадить его тамъ на престолъ Ягеллоновъ.

Наши предположенія начали понемногу оправдываться. Первымъ прибылъ къ намъ каштелянъ Янъ Ледоховскій — посоль и сенаторъ. Онъ ѣхалъ верхомъ на прекрасномъ бѣломъ аргамакѣ, въ казацкой буркѣ и палахѣ, его сопровождалъ эскадронъ кракусовъ, по всей вѣроятности, имени Ледоховскаго, подъ командою Валерія Велогловскаго. Онъ привезъ съ собою, по обыкновенію, свою красавицу жену и массу богослужебныхъ книгъ; градомъ посыпались изъ его рукъ на войско образки и благословенія Пресвятой Ченстоховской Божьей Матери; хорошо кто Бога не забываетъ, того и Богъ не оставитъ, но говорили, будто Янъ Ледоховскій, не желая видѣть Владислава Замойскаго ни канцлеромъ, ни гетманомъ, пріѣхалъ съ дѣлюю возвести на престолъ Адама I-го и для этого взялъ съ собою Валерія Велогловскаго, и книжки, и образки, чтобы повернуть дѣло по своему: Пресвятая Матерь Божія Ченстоховская — коронованная королева польская, двухъ же королей въ царствѣ быть не можетъ, слѣдовательно, пускай все будетъ по старому: одна королева и Рѣчь Посполитова — и дѣло съ концомъ.

Ледоховскій своимъ видомъ и рѣчами внушилъ штабу, генералу, да и всѣмъ намъ большое къ себѣ уваженіе. Это былъ истинный краковянинъ, какимъ его описываетъ исторія во времена Зборовскаго сейма и Яна Замойскаго.

Вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ въ коляскѣ генералъ Шембекъ; онъ былъ небольшого роста, худощавъ, но намъ казался богатыремъ. Онъ первый со своимъ полкомъ присоединился къ повстанію, подавъ примѣръ остальнымъ. Мы не входили въ разсужденіе причинъ, вслѣдствіе которыхъ онъ отдѣлился отъ прочаго войска, такъ какъ онъ были намъ неизвѣстны, но говорили смѣясь: «Ахиллъ пересталъ дуться и вернулся въ лагерь, хотя въ немъ нѣтъ Агамемнона». Все же это былъ человекъ вполне военный. Онъ встрѣтился съ К. Ружицкимъ сердечно, но при первомъ же разговорѣ сказалъ:

— Всего этого не случилось бы, ежели бы въ дѣло не имѣлся панъ Владиславъ Замоискій; къ чему было уговаривать цесаревича распустить свое и польское войско, къ чему было приневоливать его къ этому? Все кончилось бы хорошо, такъ какъ цесаревичъ безспорно прекрасный человекъ, онъ болѣе всего любилъ мой полкъ, это было его любимое дѣтище; признаюсь, я мы любилъ его какъ отца роднаго. Теперь Богъ знаетъ, что творится, мы какъ пчелы безъ матки, какъ корабль безъ кормчаго. Замоискій опять строятъ бозни, вы увидите, до чего люди злы. Этотъ человекъ неудачникъ: за что онъ ни возьмется, ему все не удается, все у него не ладится. Что мнѣ до его ума, коли у него нѣтъ счастья,

•

и Наполеонъ I придавалъ значеніе удачѣ, счастью, поэтому онъ цѣнилъ недалекаго Мюрата болѣе, чѣмъ Мормота, который во всемъ собаку съѣлъ. Увидите, что дѣло кончится худо. Дай Богъ, чтобы я не былъ польской Кассандрой, но намъ придется испить чашу до дна.

Честный генералъ былъ крайне встревоженъ и опечаленъ, такъ какъ онъ былъ искреннимъ патриотомъ.

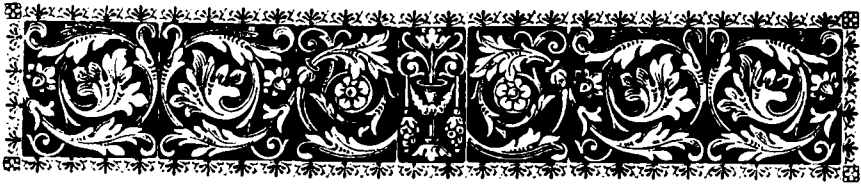
За генераломъ Шембекомъ пріѣхалъ и генералъ Шептицкій, также въ коляскѣ; за нею вели бѣлаго коня и ее конвоировалъ дѣлный эскадронъ литовско-русскаго полка, подъ командою полковника Богдановича. Въ немъ находился и Александръ Панча. Въ этомъ эскадронѣ былъ цвѣтъ воынской молодежи, родовитой шляхты, все сыновья мѣстныхъ землевладѣльцевъ: поэты, писатели, законовѣды, ихъ было всего 160 человекъ, вооруженныхъ пиками, и при нихъ состояло человекъ 40 денщикомъ, набранныхъ изъ бывшихъ солдатъ русскаго войска, обязанныхъ чистить лошадей и оружіе, а подчасъ и подсадить иного молодца на лошадь. Молодцы уланы были красавцы собою, въ мундирахъ съ иголочки; лошади у нихъ были сытыя, начищенные и хорошо выѣзжанныя, хотъ сейчасъ на смотръ подъ окна самой пани генераловой; вотъ какое войско привелъ съ собою генералъ Шептицкій изъ Новаго Мѣста.

У насъ собралось такъ много генераловъ, такъ много начальства, стало такъ шумно, что голова пошла кругомъ. Что то будетъ,—говорили мы,—а навѣрно, что-нибудь да готовится. Александръ Панча, еще ранѣе гостившій у насъ, качалъ головою, приговаривая: война будетъ смертоубійственная, кровопрелитная.

Перев. В. В. Тимошукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Архивъ графа П. Д. Киселева.

о завѣщанію покойнаго графа Павла Дмитріевича Киселева весь обширный архивъ его и библіотека перешли въ полную собственность графа Дмитрія Алексѣевича Милютина, на котораго, вмѣстѣ съ душеприказчиками А. П. Заблоцкимъ-Десатовскимъ и Г. Козицынымъ, было возложено, тѣмъ же завѣщаніемъ, и составленіе жизнеописанія покойнаго.

Составленіе біографіи графа Павла Дмитріевича принялъ на себя Андрей Парееновичъ Заблоцкій, стоявшій близко къ покойному государственному человѣку во все продолженіе дѣятельности его по управленію государственными имуществами и питавшій къ нему высокое уваженіе и преданность.

Книга его подъ заглавіемъ: «Графъ П. Д. Киселевъ и его время» вышла въ 1882 году и была премірована Академіею наукъ, но несмотря на то, въ нея не вошли многіе весьма важныя и цѣнныя документы. Покойный графъ Павелъ Дмитріевичъ съ молодыхъ лѣтъ имѣлъ обычай сохранять всю переписку, которую онъ велъ со множествомъ лицъ и по частнымъ отношеніямъ и по дѣламъ служебнымъ. Эта переписка, помимо общаго историческаго значенія, служитъ весьма важнымъ матеріаломъ для біографіи многихъ лицъ, находившихся въ сношеніяхъ съ графомъ Киселевымъ, для живой обрисовки современныхъ ему дѣтелей и характеристики общества того времени.

Благодаря просвѣщенному вниманію и постоянному содѣйствію графа Дмитрія Алексѣевича Милютина въ моихъ работахъ, я имѣлъ случай близко познакомиться съ весьма важнымъ значеніемъ переписки графа П. Д. Киселева и получилъ согласіе просвѣщеннаго наследника на изданіе ея.

Н. Дубровинъ.

I.

Собственноручныя письма князя П. А. Вяземскаго графу П. Д. Киселеву.

1.

22-го марта 1809 года¹⁾.

Вы видите хорошо, мой любезный Киселевъ, что я не заставляю себя напоминать о дѣлѣ, исполненіе котораго мнѣ пріятно. Я приложу еще болѣе стараній, если увижу, что мои письма доставляютъ вамъ столько же удовольствія, какъ мнѣ. И такъ, я тороплюсь заложить основу перепискѣ, которая мнѣне выразимо пріятна. Короткое время, проведенное съ вами вмѣстѣ, привязало меня къ вамъ необычайно и, заставляя меня сожалѣть о томъ, что я васъ не зналъ раньше, вызываетъ во мнѣ слезы о томъ времени, которое проведу не видя васъ.

Я не знаю, путемъ какого сдѣянія вы соединяетесь въ душѣ моей съ тою, кого я боготворю— вы знаете на кого я намекаю. Я не могу думать о ней не вспоминая о васъ; можете судить, какъ часто вы мнѣ мерещитесь... вѣдь она является во мнѣ единственной душой, единственнымъ чувствомъ! Не знаю, понравится-ли вамъ это, но я по крайней мѣрѣ этого бы желалъ; во всякомъ же случаѣ не подумайте, что, соединяя васъ съ нею въ моей душѣ, я васъ смѣшиваю; нѣтъ, я умѣю васъ отличать и разъединять. Какъ въ букетѣ душистыхъ цвѣтовъ всегда можно отличить нѣжный запахъ любимаго цвѣтка, такъ и я умѣю отличить божественный мой предметъ, балующійся съ лорнеткою, и, прильпывая къ нему, улетаю въ смѣющіяся страны ялюзій. Тамъ парю я съ моею избранницею, воображаю, что ея обладаю, держу рисовать себя счастливымъ любовникомъ и возвращаюсь къ дѣйствительности затѣмъ лишь, чтобы оплакать минуты счастья, которыя мнѣ далъ вкусить обольстительный сонъ. Не подумайте, читая эти строки, что письмо мое писано изъ дома умалишенныхъ, нѣтъ, я вамъ пишу изъ собственного моего дома спустя полъ-часа послѣ свиданія и бесѣды... не знаю право какъ ее назвать, словомъ съ той, которую нельзя иначе назвать qu'avec...

Ну, скажите же, любезнѣйшій другъ, какъ вы доѣхали, что вы подѣлываете со времени вашего возвращенія, опишите мнѣ пожалуйста все васъ касающееся. Что до меня касается, то у насъ все по старому, исключая непріятнаго происшествія, случившагося вчера: нѣкто Плещеевъ, очень близкій родственникъ м-ше Карамзиной, человекъ довольно пожилой, прійдя къ намъ, узналъ сраженный апоплексическимъ ударомъ довольно сильнымъ, и до сихъ поръ нельзя его еще перенести домой, что насъ очень беспокоитъ. Нашъ домъ роковой для

¹⁾ Переводъ съ французскаго.

этой болѣзни: прошлую зиму м-ше Нелединская подарила намъ тѣмъ же знакомъ дружбы и довѣрія. Въ видѣ новости могу вамъ сообщить, что наши спекулятивные планы полетѣли къ чорту, свадьба Гагариной съ Масловымъ разстроилась, а глядя на лобъ послѣдняго мы съ грустью молвимъ, вотъ жаль-то, тутъ бы имъ у мѣста было-бы вырасти.

Шумное веселье покинуло на недѣлю Москву, началась страстная недѣля (*la semaine des reugs*) и большая часть общества готовится обжираться

Прощайте, милѣйшій мой Киселевъ, я кончаю потому, что не слѣдуетъ пугать больнаго, давая ему съ перваго-же раза большую дозу лекарства. Всѣ наши вамъ очень кланяются.

Весь вашъ П. Вяземскій.

Имѣли-ли вы любезность передать мое письмо, скажете-же мнѣ откровенно ваше мнѣніе о молодомъ человѣкѣ. По первому впечатлѣнію его застѣчивость можетъ заставить заподозрить въ немъ простака, но онъ далеко не таковъ.

2.

29-го мая 1827 года, Остафьево.

Роюсь въ деревенской бібліотекѣ своей, нашель я книгу «Правила о употребленіи въ письмѣ буквы ѣ» и, вспомнивъ тебя и жалобы твои на своеправіе сей части правописанія нашего, посылаю тебѣ, любезный Павелъ Дмитріевичъ, этотъ гостинецъ и прошу вспоминать обо мнѣ, каждый разъ какъ буква ѣ заведетъ въ затрудненіе и будешь прибѣгать къ руководству.

Должно мнѣ сдѣлать маленькое прибавленіе. Въ книжкѣ есть пропускъ важный: подъ буквою ѣ, на послѣдней страницѣ забытъ глаголъ, который начинается ею и сбивается на нее въ произношеніи. Хотя производныя отъ этого глагола слова и между прочимъ русское слово *rag excellence le perf de la langue*, а именно и пишется съ е, но корень его пишется съ ѣ.—Эта несообразность вѣроятно происходитъ отъ того, что грамотеи не славны были въ дѣйствительномъ глаголѣ, о коемъ здѣсь идетъ рѣчь съ позволенія вашего превосходительства, и мало заботились о немъ; а сильные въ глаголѣ были не великіе грамотеи, и такимъ образомъ это дѣло оставлено было на волю Божию, которому также съ своей стороны неловко было явить тутъ свой Промыслъ и свой указательный перстъ. Вотъ гипотеза моя въ сей задачѣ, еще не разрѣшенной.—Шашкову, особливо-же послѣ недавней женитьбы можно было бы подать свой голосъ въ семъ сомнительномъ случаѣ. Ты съ нимъ хорошо знакомъ, отнесись къ нему съ запросомъ. Впро-

чемъ жена его, говорятъ, жалуется, что онъ вовсе не спрыгаетъ и что, довольствуясь званіемъ только почетнымъ предсѣдателя академіи, онъ уже не годится въ представителя къ ней или предстоителя.

Что дѣлаешь, любезный другъ? Когда увидимся? Жена писала къ твоей съ Барятинскимъ, адъютантомъ Витгенштейна. Получила-ли она письмо до отъѣзда? Съ Мухановымъ, котораго прошу полюбить какъ истинно благороднаго молодаго человѣка и желающаго дѣятельности и нужду имѣющаго въ оной, жена посылаетъ твоей подушку своей работы. Сдѣлай одолженіе, обрати вниманіе на Муханова, давай ему зачатій и пищи для избытка его внутренней подвижности, таящейся подъ опухолью тѣлесною. Даю тебѣ честное слово, что пишу о немъ отъ себя и по совѣсти, безъ всякаго понужденія и даже безъ вѣдома его. Пошлетъ-ли тебѣ братъ Сергѣй наши московскіе журналы? Нѣтъ-ли у тебя въ бумагахъ (и какъ не быть?) какихъ-нибудь военныхъ, историческихъ или политическихъ записокъ, годныхъ для печати т. е. годныхъ для цензуры нашей, которая большая негодница. Одолжи меня ими для «Телеграфа» и въ такомъ случаѣ поручи Муханову, переписавъ ихъ, доставить мнѣ. Ты окажешь мнѣ большое журнальное пособіе.

О Москвѣ ничего не пишу: Мухановъ—живая грамота изъ мертваго кладбища. Съ лица Москвы стираются всѣ родимыя пятна, которыя служили ей характеристическими клеймами и давали значительность ея фizioноміи. Вотъ и Каншинъ, который долго пребывалъ у насъ родимымъ пятномъ бригадирства, измѣнившимся послѣ въ бородавку сенаторства, уже стерся съ лица Москвы. Скоро Москва будетъ круглая, плоская, хоть шаромъ покати по ней, такъ ни за что не дѣнешь...

Доволенъ-ли ты моимъ ученическимъ письмомъ? Не знаю, что за чертъ водилъ рукою моею.

Въ очищеніе обнимаю тебя отъ чистаго сердца, тебя уважающаго и неизмѣнно тебѣ преданнаго. Вяземскій.

3.

11 декабря 1827 г. Москва.

Благодарю тебя отъ всего сердца, любезный Павелъ Дмитриевичъ, за дружеское твое письмо и благосклонное подаваніе журналу, въ которомъ я участвую, или лучше сказать участвовалъ, потому что вѣроятно съ будущаго года откажусь отъ постоянного содѣйствія, а развѣ буду помогать слегка. Теперь предстоитъ мнѣ эпоха кочующей жизни, а не сидячей; сегодня въ ночь ѣду къ женѣ въ Пензу, въ концѣ ян-

варя думаю быть въ Петербургѣ, къ веснѣ опять къ женѣ; лѣтомъ также хотѣлось бы куда нибудь съѣздить... Тутъ не много напишется, а къ тому же цензура надоѣла. При выраженіи мысли своей мыслишь еще о томъ, какъ истолкуется это слово, эта запятая глупцами, которые не понимаютъ намѣреній правительства, а только что кричатъ: караулъ! и тащатъ на съѣзжую свою при каждомъ движеніи пера,—дѣло скучное, досадное и вредное для крови.

Намъ много обѣщаютъ благихъ переменъ для будущаго: авось перемѣнятъ также глупыхъ цензоровъ въ умѣлыхъ, и тогда я охотно примусь за работу съ большимъ усердіемъ. Надобно же что нибудь дѣлать и прорѣзывать нѣсколько слѣдовъ бытія своего на родной почвѣ. Мой нравственный плугъ—перо. Ожидаемъ, чтобы ты своимъ плугомъ прорѣзалъ шрамъ по р... султана. Славно Кондрингтона взорала греческое море. Давно политика не была поэзіею. Вы—люди нынѣшняго вѣка, люди умные и хорошіе, но вы все вспахивали прозу и прозу съѣли. Наваринская пальба ревѣла поэзіею, и сердце отозвалось восторгомъ на голосъ этой политики. Поревите еще на сухомъ пути. Проза Меттерниха никуда не годится: она хуже прозы сенатора Сумарокова,—сушить и дереть сердце.

Но что вздумалось мнѣ проповѣдывать въ пустынѣ? Ты, знаю, по душѣ поэтъ, потому что въ тебѣ есть душа, а прозаическихъ душъ нѣтъ, кромѣ тѣхъ, которыя записаны въ ревизіи; но ты умъ свой насильственно переложилъ на прозу, прозу нѣжную, возвышенную, благородную, но все прозу. Ты и въ поэзи будешь искать итога прозаическаго. Оно такъ и должно быть: возвышенная поэзія есть истина возвышенная, слѣдовательно проза, т. е. существенное отыщется въ своемъ мѣстѣ. *Les grandes idées partent du coeur*, сказалъ *Vauvenargue*, и оно можетъ примѣняться ко всему, а болѣе всего къ политикѣ, ибо политика должна быть наукою государственной нравственности, а не государственныхъ барышей. Что ты хочешь доказать этимъ романтическимъ бредомъ, спросишь ты у меня голосомъ прозы, вскуявившейся (?) отъ моихъ словъ. То, что надобно побить турокъ и спасти грековъ, потому что греки отвѣчаютъ болѣе чѣмъ турки, которые вовсе не отвѣчаютъ, вдохновеніямъ той поэтической политики, которую называютъ государственною нравственностію. Согласенъ-ли ты? Между тѣмъ обнимаю тебя именемъ Кондрингтона и желаю тебѣ и вамъ доварить кашу, которую заварилъ онъ въ Наваринѣ. Мой сердечный радом до пог твоей любезнѣйшей супругѣ, которая, сказываютъ, немилосердно похорошѣла... Не грѣхъ-ли ей?

Наша полу-боярская столица теперь просто полу-пустая. Никого и ничего нѣтъ. Бригадиры и осетры перевелись, народъ и рыба померѣли. Шутки въ сторону, Москва упадетъ страшнымъ образомъ и все

отъ упадка финансовъ. Всё дома продаются или отдаются въ наемъ, недостатокъ только въ наемщикахъ, какъ я покупщикахъ.

Денисъ Давыдовъ занемогъ было не на шутку, но теперь онъ здоровъ. Прости любезный другъ, обнимаю тебя теперь уже не именемъ Греція, а именемъ искренней дружбы, которую къ тебѣ храню и сохраняю неизмѣнно.

Вяземскій.

Р. С. Не зная, гдѣ Мухановъ, прошу тебя доставить ему мое письмо.

4.

25 іюля (6 августа) 1852 г. Карлсбадъ.

При отъѣздѣ нашемъ изъ Петербурга вы оказали мнѣ, почтеннѣйшій и любезнѣйшій графъ, такое дружеское и дѣятельное участіе, что я смѣло и нынѣ обращаюсь къ вамъ въ обстоятельствахъ равно неприятныхъ и еще болѣе затруднительныхъ.

Срокъ отпуска моего кончается 14-го августа, но мнѣ и думать нельзя возвратиться въ Россію къ тому времени. Здоровье мое все еще очень худо. Недовольный своимъ леченіемъ въ Парижѣ и въ Киссингенѣ и потерявъ всякую довѣренность къ врачамъ, я было уже рѣшился пуститься въ обратный путь и доѣхалъ до Дрездена, тутъ принужденъ я былъ прожить нѣсколько дней. На меня — какъ бы объясниться благопрістойнѣе, развѣ пословицею: «на бѣднаго Макара шипки садятся». И такъ засѣла онѣ, что мнѣ ни сидѣть, ни ходить не было возможности. Для очисти совѣсти, а между тѣмъ и тѣла, призвалъ я знаменитаго Геденіуса. Осмотрѣвъ меня, распросивъ о ходѣ болѣзни моей, объявилъ онъ мнѣ рѣшительно, что одинъ Карлсбадъ можетъ принести мнѣ пользу, и настоятельно требовалъ, чтобы я туда немедленно отправился. И другіе доктора, съ которыми я прежде совѣтовался, были того же мнѣнія. Нечего дѣлать, надобно было повиноваться и хотя съ горемъ пополамъ покориться новому испытанію. Эта заграничная жизнь ужасно мнѣ надѣла, но нельзя-же не принести послѣдней жертвы для достиженія желаемой цѣли. Теперь должно рѣшить: могли просить о продолженіи отпуска, или проситься мнѣ вовсе въ отставку, если порядокъ и польза службы требуютъ, чтобы мѣсто мое управляющаго государственнымъ заемнымъ банкомъ не осталось болѣе празднымъ. Покорнѣйшая просьба моя къ вамъ заключается въ томъ, чтобы вы потрудились переговорить по этому предмету съ господиномъ управляющимъ министерствомъ финансовъ и увѣдомили меня о томъ, что онъ скажетъ. Для сокращенія времени и переписки,

можно было бы приказать наготовить въ канцеляріи министра прошеніе отъ моего имени—въ томъ смыслѣ, въ какомъ будетъ рѣшенъ вопросъ: т. е. просить ли новаго отпуску, или увольненія отъ мѣста, и прислать мнѣ въ Карлсбадъ прошеніе для подписанія. Мнѣ право совѣстно, что я навязываю на васъ такую скуку, но надежда на ваше дружеское расположеніе придаетъ мнѣ особенную смѣлость. Графъ Нессельроде, съ которымъ провелъ я мѣсяцъ въ Киссингенѣ, и графъ Орловъ, котораго я видѣлъ въ провѣздъ мой чрезъ Теплицъ, могутъ удостовѣрить, что остаюсь за границею не изъ прихоти, и обѣщали мнѣ поддержать мою просьбу. Но неизвѣстно еще, когда возвратятся они въ Петербургъ, а время между тѣмъ уходитъ. Совершенно предаюсь въ руки ваши, устройте все какъ будетъ удобнѣе и какъ признаете за лучшее, а я впредь спорить и прекословить не буду и останусь во всякомъ случаѣ благодарнымъ и вамъ и тѣмъ, отъ которыхъ участь моя окончательно зависить, и очень желалъ бы, если можно, чтобы доведено было до свѣдѣнія государя императора о настоящемъ положеніи моемъ и о причинахъ, которыя вынуждаютъ меня оставаться еще за границею. О больномъ, когда онъ и на лицо, бываютъ разнорѣчивые толки, а въ отдаленіи толкамъ и слухамъ еще болѣе раздолья. Еще разъ простите великодушно мою докучливость. Какъ вы дружески и сердечно заботились обо мнѣ при отъѣздѣ моемъ, такъ позаботьтесь и нынѣ и примите, почтеннѣйшій и любезнѣйшій графъ, за все прежнее, за настоящее и будущее увѣреніе въ моей живѣйшей и неизмѣнной благодарности и въ моей душевной преданности.

К. Вяземскій.

Quand l'occasion s'en présentera veuillez - bien, je vous prie, mettre aux pieds de Son Altesse Imperiale Madame la Grande Duchesse Hélène les hommages de mon respectueux et de mon reconnaissant dévouement. J'ai su par la P-sse Lwoow et par la Bloudoff que son bienveillant intérêt ne m'avait pas fait défaut dans l'absence et qu'elle daignait toujours m'honorer de sa haute et précieuse protection.

5.

14 (26) сентября 1852 г. Карлсбадъ.

Приношу вамъ, почтеннѣйшій и любезнѣйшій графъ, мою живѣйшую и сердечную благодарность за обязательное ваше обо мнѣ ходатайство и за увѣдомленіе объ успѣхѣ моей просьбы. Я замедлялъ отвѣтомъ потому, что снова около двухъ недѣль пригвожденъ былъ къ постели и не могъ

ни ходить, ни сидѣть, а еще менѣе того писать. Доктора опять говорятъ, что это добрый знакъ, а я опять говорю: увидимъ! потому что я уже извѣрился, и пока не выздоровлю совершенно, на предсказаніе докторовъ мало надѣюсь. Не знаю еще, куда пошлютъ насъ на зиму, но во всякомъ случаѣ не поѣду въ Парижъ. Такъ уже былъ онъ мнѣ соломъ и горекъ, несмотря на всѣ пены и сладости великаго Елисеѣва.

Съ нынѣшнему же почтою пишу къ г. управляющему министерствомъ финансовъ.

Если графъ Блудовъ возвратился, потрудитесь передать ему мое сердечное почтеніе и вѣсти обо мнѣ.

Примите, почтеннѣйшій и любезнѣйшій графъ, увѣреніе въ моей душевной и неизмѣнной преданности.
К. Вяземскій.

Чтобы позабавить васъ Карлсбадскими вѣстями, расскажу вамъ, что однажды узнали мы изъ здѣшней Badeliste, что прибылъ Herr Franz Nady, Leibbargbier des Fürsten Demidoff, а вскорѣ за нимъ прибылъ и его свѣтлость съ многочленною свитою особъ обоего пола. Впрочемъ, говорятъ, онъ въ самомъ дѣлѣ очень боленъ, подагра бросилась ему въ глаза.

Приписка княгини Вяземской. Je vous remercie chère Comte, pour votre bon souvenir et les bons et affectueux offices que vous avez encore une fois rendu à mon mari. Je tiens essentiellement à ce que vous soyez convaincu que je vous porte une sincère reconnaissance et une vive amitié
V. Wiasemsky.

6.

12 (24) января 1853 г. Дрезденъ.

Вотъ я опять, почтеннѣйшій и любезнѣйшій графъ, низайшимъ просителемъ стучусь въ двери ваши въ надеждѣ, что и на сей разъ скажете вы мнѣ: herein!

Нынѣ пишу къ г-ну Броку и представляю на его благоусмотрѣніе мое затруднительное положеніе. Возвратиться мнѣ въ Россію въ настоящее время года невозможно, а срокъ отпуска моего кончается въ февралѣ. Къ тому же доктора требуютъ непременно, чтобы лѣтомъ выдержалъ я вторично полный курсъ въ Карлсбадѣ, а можетъ быть и два, съ нѣкоторою разстановкою, иначе потеряю все, что съ трудомъ удалось мнѣ приобрести отъ перваго леченія. Я пишу министру, что въ другой болѣзни могъ-бы я пожертвовать надеждами на прочное возстановленіе здоровья и довольствоваться нѣкоторымъ облегченіемъ, но въ моей бо-

лѣзни, гдѣ духъ и нравъ еще болѣе страдаютъ, нежели тѣло, а ближніе больного почти столько же (страждутъ), сколько и онъ самъ, выборъ не затруднителенъ. Волею или неволею должно повиноваться врачамъ. Разумѣется, хлопотать о здоровьи своемъ въ шестьдесятъ лѣтъ — не очень лестно и прибыльно, если имѣть въ виду одного себя. Это напоминаетъ бѣлку Крылова: въ награжденіе выданъ ей былъ мѣшокъ орѣховъ, когда у нея ни одного зуба во рту уже не осталось. Но въ отношеніи къ другимъ нельзя пренебрегать здоровьемъ, чтобы не быть имъ въ тягость. Что бѣдная жена моя вынесла въ эти полтора года; это невыразимо и удивительно, какъ стало силъ ея на подобное страданіе. Я предаю участь мою на волю министра: можно дать мнѣ новый отпускъ до октября, тѣмъ лучше, нельзя — дѣлать нечего, пускай уволятъ меня. Между тѣмъ должно замѣтить, что управленіе банкомъ коллегіальное и слѣдовательно отсутствіе управляющаго не такъ чувствительно какъ въ другомъ мѣстѣ. Смѣю надѣяться, что вы не откажетесь помочь мнѣ въ этомъ случаѣ и подкрѣпите добрымъ участіемъ своимъ письмо мое къ министру. Если паче чаянія, по какимъ нибудь обстоятельствамъ неудобно было-бы вамъ дѣйствовать прямо отъ себя, то передайте меня на руки графамъ Орлову и Блудову и Д. Г. Вибикову. Я надѣюсь, что они помогутъ вамъ выручить меня изъ бѣды. Не оправдываюсь и не извиняюсь предъ вами, почтеннѣйшій и любезнѣйшій графъ. Я увѣренъ въ благосклонномъ вашемъ расположеніи ко мнѣ, и мнѣ пріятно быть вамъ обязаннымъ и признательнымъ.

Поздравляю васъ со вступленіемъ въ новый годъ и съ новою монаршею милостью. Желаю вамъ добраго здравія, благополучія и покорнѣйше прошу васъ принять увѣреніе въ моемъ отличномъ почтеніи и неизмѣнной преданности.

Вяземскій.

Жена моя поручаетъ мнѣ увѣрить васъ также въ своей сердечной преданности.

7.

17 февраля (1 марта) 1853 г. Дрезденъ.

Еще разъ приношу вамъ, почтеннѣйшій и любезнѣйшій графъ, мою живѣйшую и глубочайшую благодарность за новое доказательство обязательнаго ко мнѣ вниманія и за постоянное ваше доброе участіе. Если Богъ приведетъ меня быть въ Карлсбадѣ, при каждомъ стаканѣ пѣлебной воды буду васъ вспоминать и желать вамъ добраго здравія и всѣхъ возможныхъ благъ. А не пожалуйте-ли къ намъ и вы? Какъ пріятно было бы встрѣтиться съ вами. Будущимъ лѣтомъ въ Карлсбадѣ

могъ-бы я имѣть надежду болѣе и лучше пользоваться сосѣдствомъ и обществомъ вашимъ, нежели въ Лѣсномъ институтѣ, когда былъ я въ тягость себѣ и другимъ и не умѣлъ отвѣчать на сострадательныя привѣтствія добрыхъ людей. Въ этой надеждѣ оставляю васъ и покорнѣйше прошу принять увѣреніе въ моемъ отличномъ почтеніи и неизмѣнной преданности.

К. Вяземскій.

Письменно передалъ я Шредеру дружескія ваши слова. Онъ въ Веймарѣ, но на дняхъ возвратится. Жена моя благодаритъ васъ за добрую память о ней, и тѣмъ же усердно вамъ отвѣчаетъ.

8.

9 (21) января 1854 г. Карлсруэ.

Не умю выразить вамъ, почтеннѣйшій и любезнѣйшій графъ Павелъ Дмитриевичъ, какъ неожиданно былъ я порадованъ новымъ доказательствомъ вашего благосклоннаго и дружескаго обо мнѣ попеченія и какъ глубоко отозвалось въ душѣ моей благоволеніе государя императора къ старому, и нынѣ заочному и бесполезному слугѣ его. Но вы, надѣюсь, отдадите мнѣ справедливость и безъ словъ моихъ поймете, что въ душѣ моей умю цѣнить и всегда помнить оказанное мнѣ добро. Здоровье мое, благодаря Бога, мало-по-малу приходитъ въ надлежащій порядокъ. Можетъ быть, въ апрѣлѣ и въ маѣ придется мнѣ въ третій разъ обратиться къ Карлсбадскимъ водамъ, чтобы къ вамъ явиться въ іюнь совершенно очищенному отъ прежнихъ недуговъ и дури. Теперь послѣ нѣсколькихъ поэтическихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ Венеція, нахожусь въ скромномъ прозаическомъ Карлсруэ. Но здѣсь сынъ мой съ милымъ семействомъ, и слѣдовательно есть другаго рода наслажденіе въ этой тихой семейной жизни.

Знаю, что вы до стиховъ не охотникъ, и помню, что въ старину смѣялись надъ моими, но несмотря на то, позвольте мнѣ сообщать вамъ стихи ¹⁾, которые могутъ служить доказательствомъ, что если грѣшное мое тѣло скитается по разнымъ нѣмецкимъ мытарствамъ, то душа моя, болѣе нежели когда нибудь, въ Россіи.

Жена моя благодаритъ васъ за добрую о ней память и передаетъ вамъ сердечное свое привѣтствіе.

Позвольте мнѣ еще разъ поблагодарить васъ отъ души и примите, почтеннѣйшій и любезнѣйшій графъ, увѣреніе въ моей глубочайшей и неизмѣнной преданности.

К. Вяземскій.

¹⁾ Стиховъ при письмѣ не оказалось.

Князь Алексѣй Борисовичъ ЛОБАНОВЪ-РОСТОВСКІЙ.

(Къ портрету).

Прямой потомокъ Владиміра Мономаха, князь Алексѣй Борисовичъ родился 18 декабря 1824 года и, получивъ отличное домашнее воспитаніе, поступилъ въ императорскій Александровскій лицей. Окончивъ въ немъ въ 1845 году курсъ съ золотомъ медалью, князь началъ службу въ департаментѣ хозяйственныхъ и счетныхъ дѣлъ министерства иностранныхъ дѣлъ, служилъ потомъ въ канцеляріи министра вторымъ и первымъ секретаремъ.

Въ 1849 году ему пожаловано было званіе камеръ-юнкера, а съ 1850 года началась дипломатическая его служба. Въ Берлинѣ, въ званіи секретаря миссіи, князь Алексѣй Борисовичъ прослужилъ весь періодъ Крымской войны. Выдающіяся способности обусловили переводъ его въ апрѣлѣ 1856 г. въ Константинополь, въ званіи совѣтника миссіи. Пребываніе князя въ турецкой столицѣ оказалось особенно для него полезнымъ, такъ какъ здѣсь, подъ руководствомъ опытнаго дипломата Бутенева, онъ вполне ознакомился съ дипломатическою дѣятельностью.

Въ 1857 г., князь Алексѣй Борисовичъ получилъ чинъ статскаго совѣтника, а въ 1859 г., по увольненіи Бутенева, занялъ постъ чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра, имѣя всего 35 лѣтъ отъ роду.

Преслѣдуя русскіе интересы на Босфорѣ непосредственно послѣ Восточной войны, молодой дипломатъ, благодаря необычайному таку

и осторожности, сумѣлъ создать себѣ блестящее положеніе; постоянно отличаемый султаномъ Абдуль Меджадомъ, князь пользовался большимъ уваженіемъ со стороны Решида, Али и Фауда-пашей.

За трехлѣтнее пребываніе во главѣ цареградскаго посольства князю Алексѣю Борисовичу, благодаря установившимся съ Портою личнымъ отношеніямъ, удалось достигнуть крупныхъ успѣховъ, въ смыслѣ возстановленія вліянія Россіи на Востокъ. Такъ, въ лицѣ князя Лобанова-Ростовскаго Россія оказала значительное вліяніе на турецкія преобразованія въ Ливанѣ, а Черногорія была спасена отъ конечнаго погрома, нанесеннаго ей Омеръ-пашою.

Возникшія однако-же между посланникомъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ княземъ Горчаковымъ разногласія понудили князя Алексѣя Борисовича покинуть свой постъ. Въ 1863 г. онъ уѣхалъ изъ Константинополя въ отпускъ и, выйдя въ отставку, поселился на югѣ Франціи.

Вернувшись въ Россію лишь въ 1866 г. князь Лобановъ-Ростовскій въ июлѣ того же года былъ назначенъ орловскимъ губернаторомъ, а 10 марта слѣдующаго года занялъ постъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, при чемъ принималъ дѣятельное участіе въ законодательныхъ работахъ эпохи преобразованій.

За 12 лѣтъ чисто административной дѣятельности, князь Алексѣй Борисовичъ, съ 17 апрѣля 1867 г. присутствуя въ Сенатѣ, председательствовалъ въ комиссіяхъ по дѣламъ раскола (въ 1868 и 1875 г.), участвовалъ въ комитетѣ по преобразованію слѣдственной части, а равно въ комиссіяхъ о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, для составленія проекта новаго городского положенія и для обсужденія вопроса о замѣщеніи должностей гражданскаго вѣдомства, занимаемыхъ военными чинами, исключительно гражданскими чиновниками.

22 апрѣля 1878 г., по окончаніи Русско-Турецкой войны, князь Алексѣй Борисовичъ былъ вновь назначенъ посломъ въ Константинополь. Назначеніе это было встрѣчено очень сочувственно Блистательною Портою, и князь Лобановъ - Ростовскій, по прибытіи на берега Босфора, съ приобщеніемъ ему тактомъ повелъ переговоры объ очищеніи турками крѣпостей Шумлы, Варны и Батума, согласно условіямъ Санъ-Стефанскаго договора. Хотя открывшійся затѣмъ Берлинскій конгрессъ и помѣшалъ ему довести начатое дѣло до конца, тѣмъ не менѣе ему удалось провести въ Портѣ всѣ статьи дополнительнаго мирнаго договора, обнимающаго тѣ изъ обязательствъ Турціи предъ Россією, которыя не подлежали обсужденію Берлинскаго конгресса и заявлены были еще въ Санъ-Стефано. Силою своего авторитета князь добился конечной цѣли, и Порта признала себя обязанною выплатить Россіи вознагражденіе за военные издержки въ суммѣ одного милліарда рублей.

Вслѣдъ затѣмъ князь Лобановъ-Ростовскій былъ перемѣщенъ на столь-же трудный и отвѣтственный постъ посла при дворѣ Великобританскомъ (съ 22 декабря 1879 г.); и здѣсь явился онъ столько же дѣятельнымъ и энергичнымъ, сколько осторожнымъ и осмотрительнымъ защитникомъ русскихъ интересовъ въ вопросахъ афганскомъ и египетскомъ. 13 июля 1882 г. князь былъ переведенъ посломъ въ Вѣну.

Заслуги князя Алексѣя Борисовича на чредѣ неусыпнаго и ревностнаго служенія интересамъ отечества удостоивались вниманія трехъ государей: въ 1870 г. князь былъ пожалованъ въ статсъ-секретаря его величества, въ 1879 г. произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники; въ 1883 г. награжденъ орденомъ св. Владимира 1 ст., а въ 1889 г. пожалованъ орденомъ св. апостола Андрея Первозваннаго.

6 января 1895 г., переведенный изъ Вѣны въ Берлинъ, князь Алексѣй Борисовичъ не успѣлъ еще приступить къ отправленію новыхъ обязанностей, какъ былъ призванъ замѣнить скончавшагося 14 января министра иностранныхъ дѣлъ статсъ-секретаря Н. К. Гирса.

За то короткое время, что князю пришлось играть первенствующую и направляющую роль въ русской дипломатіи, ему конечно не удалось осуществить полностью своей программы—но и то уже, что произошло на нашихъ глазахъ за послѣдніе два года, обезпечиваетъ за княземъ всеобщее признаніе талантливѣйшаго проводника исполненной достоинства и сознанія собственной силы политики мира, которая была личнымъ созданіемъ Царя - Миротворца. Изолированіе Японіи, привлеченіе Германіи къ совѣстнымъ дѣйствіямъ Россіи и Франціи на Бостокъ, примиреніе съ Болгарією, окончательное и торжественное закрѣпленіе дружбы съ Францією и пораженіе Англіи въ ея заигрываніи съ армянами и въ ея вождѣніяхъ къ наслѣдію «больнаго чловѣка»—таковы крупныя черты въ дѣятельности князя Лобанова-Ростовскаго, какъ министра иностранныхъ дѣлъ, и явившіяся какъ бы отвѣтомъ покойнаго на знаменательныя слова всемилостивѣйшаго рескрипта нынѣ царствующаго государя, напѣвавшего себѣ въ лицѣ маститаго дипломата «просвѣщеннаго и преданнаго сотрудника, вполне подготовленнаго продолжать миролюбивую и прямодушную политику нашу, направленную къ поддержанію дружественныхъ со всѣми державами отношеній, къ уваженію права и законнаго порядка и къ охраненію непоколебимаго достоинства имперіи».

Князь Алексѣй Борисовичъ оправдалъ довѣріе государя и умеръ на посту, самоотверженно до конца выполнивъ задачу, преподанную ему въ томъ же рескриптѣ 15 мая 1895 года, «неуклонно стоять на стражѣ русской чести, высказывая соответствующую обстоятельствамъ стойкость въ преслѣдованіи намѣченныхъ цѣлей».

Напряженная дѣятельность, выпавшая на долю князя Алексѣя

Борисовича, въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ его жизни, привела къ катастрофѣ. Князь предполагалъ первоначально остаться въ Вѣнѣ и, дождавшись возвращенія государя изъ Кіева, сопровождать его въ Англію; но уже въ Вѣнѣ князь почувствовалъ себя дурно и во время визита, сдѣланнаго совмѣстно съ германскимъ посломъ гр. Эйленбургомъ, итальянскому послу гр. Нигра, почти лишился чувствъ. Во избѣжаніе многочисленныхъ посѣщеній, предстоявшихъ князю въ Вѣнѣ, гдѣ у него сохранились обширныя связи и родственныя отношенія чрезъ его племянницу (графиню Околичани), князь измѣнилъ первоначальныя свои предположенія и поѣхалъ въ Кіевъ. Слѣдуя въ императорскимъ поѣздѣ близъ станціи «Шепетовки», когда поѣздъ, по желанію государя, былъ остановленъ у красивой роши для прогулки, князь Алексѣй Борисовичъ вышелъ вмѣстѣ съ другими, но почувствовалъ себя дурно, послѣ нѣсколькихъ же шаговъ присѣлъ на траву. Подняться самъ онъ уже не могъ—его должны были внести въ вагонъ и, несмотря на всѣ принятые мѣры, онъ, не доѣзжая до Кіева, скончался, 18-го августа, отъ разрыва сердца.

Русская пресса съ чувствомъ глубокой скорби отнеслась къ кончинѣ маститаго сановника; такое же сочувствіе сквозитъ и въ иностранной печати: такъ, напримѣръ, «Neue freie Presse» замѣтила, что «кончина князя, составляя тяжелую утрату для царя и Россіи, и виѣ ея предѣловъ будетъ встрѣчена общимъ соболѣзнованіемъ», а парижскій «Temps» свидѣтельствуетъ, что «смерть князя Лобанова-Ростовскаго возбуждаетъ глубокое сожалѣніе во Франціи и болѣзненно отзовется во всей Европѣ; но политика, которую преслѣдовалъ покойный, была политикою царя, и эта политика отнынѣ не исчезнетъ изъ преданій Россіи».

На ряду съ постоянными многотрудными дипломатическими и административными занятіями князь Алексѣй Борисовичъ проявлялъ неизмѣнный интересъ къ занятіямъ исторіею и былъ избранъ императорскою Академіею наукъ—въ почетные ея члены (въ 1876 г.).

Князь пріобрѣлъ склонность къ изученію русской исторіи еще въ лицѣѣ.

«Въ лицѣѣ, рассказываетъ по этому поводу г. Шумигорскій ¹⁾, были живы еще тогда преданія пушкинской эпохи, и въ глазахъ его воспитанниковъ имя ихъ знаменитаго однокашника, ставшее гордостью Россіи, неразрывно соединялось съ понятіемъ любви къ родной землѣ и ея старинѣ. По воспоминаніямъ покойнаго князя, еще юношей, онъ любилъ выслушивать и записывать рассказы о минувшихъ событіяхъ отъ вельможныхъ старцевъ, оставшихся отъ царствованій Екатерины,

¹⁾ Газ. „Новое Время“ отъ 21 августа 1896 г. № 7857

Павла и Александра I; этихъ «птенцовъ отъ стаи славной» было довольно въ обществѣ, въ которомъ вращался князь Алексѣй Борисовичъ и къ которому онъ принадлежалъ по рожденію. Нѣкоторые изъ этихъ рассказовъ, чрезвычайно любопытные и важные для уясненія подробностей русской исторіи конца XVIII и начала XIX в., князь лично читалъ мнѣ въ Вѣнѣ въ 1893 г., дополняя ихъ ссылками на многіе собранные имъ историческіе документы, также доселѣ еще не напечатанные. Быть можетъ, подъ влияніемъ именно бесѣдъ съ вельможными старцами, покойный князь предался почти исключительно изученію русской исторіи XVIII вѣка и уясненію родовыхъ отношеній высшаго русскаго дворянства, въ то время игравшаго первенствующую роль въ политической и культурной жизни Россіи. Чуждый сословныхъ предразсудковъ, стремясь къ воссозданію историческаго прошлаго въ его непрекрашенной правдѣ, князь Лобановъ-Ростовскій всю свою жизнь собиралъ матеріалы по избранному имъ предмету, и число всѣхъ рукописей и книгъ, находящихся въ его библиотекѣ, умножалось все болѣе и болѣе. Въ особенности любилъ онъ заниматься изученіемъ царствованія императора Павла: памятникомъ его занятій остались въ рукописи два огромные тома «Дневника» этого царствованія, гдѣ, на основаніи камеръ-фурьерскихъ журналовъ, рукописнаго дневника Ростопчина и другихъ матеріаловъ, воспроизведена, день за днемъ, вѣрно и я исторія императора Павла. Вмѣстѣ съ тѣмъ, часть книгъ и рукописей, принадлежавшихъ князю Лобанову-Ростовскому, въ значительной мѣрѣ испещрена его собственноручными, весьма цѣнными историческими и библиографическими замѣчаніями».

Въ княжеской коллекціи особенно цѣнятся специалистами подлинныя письма князя Безбородко къ графу Н. П. Панину.

Отъ разработки этихъ обширныхъ матеріаловъ князя однако же постоянно отвлекала сложная его государственная дѣятельность и только одинъ эпизодъ изъ исторіи Павла, а именно біографическая характеристика К. И. Нелидовой была напечатана авторомъ въ «Русскомъ Архивѣ» за 1873 г. Весьма цѣнный фактический матеріалъ собранъ былъ княземъ путемъ кропотливыхъ изысканій и составилъ обширную «Русскую родословную книгу», изданную въ 1873—76 г.г. сначала «Русскою Старинною», а затѣмъ вышедшую вторымъ изданіемъ.

«Въ послѣднее время, замѣчаетъ г. Шумигорскій въ цитированной уже выше статьѣ, князь Лобановъ-Ростовскій весьма сочувственно относился къ мысли объ изданіи «Русскаго Біографическаго Словаря», предпріятомъ по почину и на средства А. А. Половцева, ставшаго въ то же время главнымъ его редакторомъ, и выражалъ свою готовность предоставить въ распоряженіе редакціи «Словаря» часть своихъ матеріаловъ. Было бы весьма и весьма грустно, если бы эту драгоцен-

ную историческую коллекцію князя Алексѣя Борисовича постигла участь почти всѣхъ русскихъ коллекцій: раздробленіе и постепенное, часто безслѣдное исчезновеніе... Надо надѣяться, что родственники и друзья покойнаго, радѣвшаго о величии и пользахъ родины, не дадутъ померкнуть его образу въ той части его наслѣдія, гдѣ, быть можетъ, всего ярче сказалась его душа, его міросозерцаніе... Министръ, употребившій свой досугъ на изученіе русской исторіи, не могъ не любить Россіи, не могъ не понимать ея историческихъ задачъ, не могъ не болѣть сердцемъ ея нуждами и страданіями...»

П О П Р А В К А.

Въ октябрьской книжкѣ, въ статьѣ „Нерчинскій заговоръ“ вклялись двѣ опечатки:

- 1) Нерчинскій воевода названъ Николаевымъ вмѣсто Николаева и
- 2) На стр. 127 строка 15 снизу напечатано: статскихъ князцовъ—слѣдуетъ братскихъ (т. е. бурятскихъ) князцовъ.

Издатель С. Зыковъ.

Редакторъ Н. Дубровинъ.

Библиографическій указатель книгъ и статей по русской исторіи, вышедшихъ въ 1896 году.

Кириличниковъ, А. И. Новые матеріалы о П. Я. Чаадаевѣ. — *Извѣстія Отд. русск. яз. и словеса. И. Ак. Н.* 1896, т. I, кн. 2-я.

Письмо фельдмаршала М. Ф. Каменскаго къ одному изъ академиковъ. — *Русскій Архивъ*, 1896, № 8.

Савельевъ, Л. М. Матеріалы для очерка служебной дѣятельности Шидловскихъ въ Слободской Украинѣ 1696—1727 гг. — *Русскій Архивъ*, 1896, № 8.

О., А. Памяти А. К. Живневскаго. — *Русскій Архивъ*, 1896, № 8.

По поводу воспоминаній В. Д. Ильинскаго (Письмо князя А. С. Меншикова). — *Русск. Архивъ*, 1896, № 8.

Воропцовская библиотека. — *Русск. Архивъ*, 1896, № 8.

Письмо митрополита Филарета къ архиеп. Херсонскому Иннокентію. — *Русскій Архивъ*, 1896, № 8.

Трофелевъ, А. Н. Бенкендорфскіе „шалуны“ (Черты изъ Николаевскаго времени). — *Русск. Архивъ*, 1896, № 8.

Записка, поданная графу Бенкендорфу по поводу запрещенія „Европейца“ въ 1832 г. — *Русск. Архивъ*, 1896, № 8.

Письмо И. В. Кирѣевскаго къ А. С. Пушкину. — *Русск. Архивъ*, 1896, № 8.

Воспоминанія Ф. А. Оома. — *Русск. Архивъ*, 1896, № 8 и № 9.

Москва въ 1812 году (Бѣдствія Москвичей). — *Русск. Архивъ*, 1896, № 8.

Изъ бумагъ и переписки графа Н. П. Шереметева. — *Русск. Архивъ*, 1896, № 8.

Изъ бумагъ А. Г. Тройницкаго (Письма А. И. Казначеева, и архіепископа Иннокентія). — *Русскій Архивъ*, 1896, № 9.

Хрущевъ, И. П. Цесаревичъ Николай Александровичъ въ Петрозаводскѣ. — *Русскій Архивъ*, 1896, № 9.

Козубскій, Е. И. Къ исторіи Дагестана. Новые показанія о Шамигѣ и

его семействѣ. — *Русскій Архивъ*, 1896, № 9.

Трофелевъ, Л. Н. Ярославская старина. — *Русскій Архивъ*, 1896, № 9.

Султановъ, А. Н. Конецъ геройской эпопеи. Изъ Крымскихъ воспоминаній. — *Русскій Архивъ*, 1896, № 9.

Иннокентій Таврической. Его послѣдняя побѣда въ Крымѣ, предсмертные дни и кончина. — *Русскій Архивъ*, 1896, № 9.

Юдичъ, П. Д. Ссылные 1812 года въ Оренбургскомъ краѣ. — *Русскій Архивъ*, 1896, № 9.

Записки Рафаила Михайловича Зотова — (прод.) — *Историч. Вѣстн.*, 1896, июль августъ и сентябрь.

Эвальдъ, А. В. Разказы объ императорѣ Николаѣ I. — *Историч. Вѣстн.* 1896, июль и августъ.

Львовъ, А. Н. Неразъясненный эпизодъ изъ царствованія императора Петра III. — *Историч. Вѣстникъ* 1896, июль.

Сѣтшинъ, Н. И. Воспоминанія прощлаго человѣка (прод.) — *Истор. Вѣстн.* 1896, июль и августъ.

Уманецъ, С. И. Эстонскіе полуявры. Историко-этнограф. этюдъ. — *Истор. Вѣстн.* 1896, июль.

Воеисскій, К. А. Очерки Курляндской старины (прод.) — *Историч. Вѣстн.* 1896, июль и августъ.

Оглоблинъ, Н. Н. Государеву великое верхнее дѣло. (Очеркъ изъ жизни XVII в.) — *Историч. Вѣстн.* 1896, июль.

А — въ, В. Школьныя годы Н. Г. Помыловскаго. — *Историч. Вѣстн.* 1896, июль.

Шереметевская, А. Н. Страница изъ исторіи высшаго женскаго образованія. — *Историч. Вѣстн.* 1896, июль.

Полковой, П. Н. Памяти Е. Е. Замысловскаго. — *Историч. Вѣстн.* 1896, июль.

Николаевъ, Р. Памяти В. П. Желиховской. — *Историч. Вѣстн.* 1896, июль.

Капитуляція Варшавы въ 1794 году. (Съ польской рукописи Збышевскаго). Перевелъ и сообщилъ Г. Воробьевъ.— „Историч. Вѣстн.“ 1896, июль.

Р., Ф. Русскій Красный Крестъ.— „Историч. Вѣстн.“ 1896, июль.

Гваздиковъ, Е. Г. Изъ прошлаго.— Царскій смотрѣ.— „Историч. Вѣстн.“ 1896, июль.

Линиченко, И. А. Изъ временъ императора Павла I.— „Историч. Вѣстн.“ 1896, августъ.

Львовъ, А. Н. Государственный преступникъ Н. Бобринцевъ — Пушкинъ въ монастыряхъ Западной Сибири.— „Историч. Вѣстн.“ 1896, августъ.

Дубасовъ, И. И. Шацкая провинція въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка.— „Историч. Вѣстн.“ 1896, августъ.

Кумель, Б. К. Изъ эпохи присоединенія Приамурскаго края.— „Историч. Вѣстн.“ 1896, августъ и сентябрь.

Сославинъ, Д. Н. Партизанъ Сославинъ (Биографич. очеркъ).— „Историч. Вѣстн.“ 1896, августъ.

Михольскій, Б. В. Литературная дѣятельность К. П. Побѣдоносцева.— (По поводу 50-лѣтняго юбилея).— „Историч. Вѣстн.“ 1896, сентябрь.

Адриановъ, С. А. Петрозаводская старина.— „Историч. Вѣстн.“ 1896, сентябрь.

Лаврентьева, С. И. Знакомство съ И. С. Тургеневымъ. (Изъ воспоминаній).— „Историч. Вѣстн.“ 1896, сентябрь.

Мальшинскій, А. П. Головинъ и Тартинова. (По новому источнику).— „Историч. Вѣстн.“ 1896, сентябрь.

Сацердатовъ, М. И. Неудачный побѣгъ въ „Новую Москву“. (Изъ документовъ Пензенскаго статистич. комитета).— „Истор. Вѣстн.“ 1896, сент.

Слезинскій, А. Г. Императоръ Александръ I на солеваренномъ заводѣ въ 1823 году.— „Историч. Вѣстн.“ 1896, сентябрь.

Любецкій Архивъ.— „Кіев. Старина“, 1896, июль и августъ.

Дневникъ генеральнаго подскарбіа Якова Марковича. Часть третья.— „Кіев. Старина“, 1896, июль и августъ.

Дневникъ Николая Ханенко.— „Кіев. Старина“, 1896, июль и августъ.

В-щій, Н. Очерки дореформеннаго быта въ Полтавскомъ Побережьи.— „Кіев. Старина“, 1896, июль и августъ.

Лапинъ, В. Харьковское общество благотворенія въ 1812—1817 гг. Историческій очеркъ. (Оконч.).— „Кіев. Старина“, 1896, июль и августъ.

Письма прот. Арсенія Лебедницова, б. благочестиваго церковей южи. бе-

рега Крыма, къ преосвящен. Иннокентію, архіеп. херсонскому и таврическому, съ донесеніями о ходѣ военныхъ дѣйствій и состояніи церковей и духовенства во время 17-ти мѣсячной осады Севастополя.— „Кіев. Старина“, 1896, июль и августъ.

Миронъ. Южно-русская пасхальная драма. (Оконч.) — „Кіев. Старина“, 1896, июль и августъ.

Козловскій, Иванъ. Сильвестръ Медвѣдевъ. Очеркъ изъ исторіи русскаго просвѣщенія.— „Универс. Извѣстія“, 1896. № 7 и № 8.

Домаръ-Заломскій, М. В. Изъ исторіи литовско-польской борьбы за Волынь.— „Унив. Извѣстія“, 1896, № 8.

Проф. Александрине, В. Къ биографіи князя Кавтемира.— „Варшав. Унив. Извѣстія“, 1896. II.—Тоже.— Оконч.— III.

Проф. Багалъ, Д. И. Опытъ исторіи Харьковскаго университета.— „Записки Имп. Харьк. Универс.“ 1896, кн. 2-я и кн. 3-я.

Проф. Зеленогорскій, Ф. А. Ив. Г. Шаць, бывшій профессоръ философіи въ Харьковскомъ Университетѣ.— „Записки Имп. Харьк. Унив.“ 1896, кн. 2-я.

Проф. Лебедевъ, А. С. Каседа богословія въ Харьковскомъ Университетѣ. Историч. Записка.— „Записки Имп. Харьк. Универс.“ 1896, кн. 2-я.

Проф. Д. И. Лагармаръ. Публичныя чтенія по техническимъ наукамъ въ Имп. Харьковскомъ Университетѣ 1838—1863.— „Записки Имп. Харьк. Унив.“ 1896, кн. 3-я.

Некрологъ проф. И. П. Сокальскаго.— „Записки Имп. Харьк. Универс.“ 1896, кн. 3-я.

Лаутинбахъ, Я. Очерки изъ исторіи литовско-латынскаго народнаго творчества. „Ученыя Зап. Имп. Юрьев. Унив.“ 1896. № 2.

Проф. В. Г. Щерлевиъ. Государственный Совѣтъ въ Россіи. Т. 2, в. 1. (прод.)— „Временникъ Демид. Юрид. Лицея“. Кн. 68-я и 69-я.

Рудановъ, В. Левъ Николаевичъ Молзалеваскій (некрологъ).— „Журн. М. Н. Пров.“ 1896, июль.

Леонтовичъ, Ф. И. Крестьянскій дворъ въ литовско-русскомъ государствѣ (прод.).— „Журн. М. Н. Пр.“ 1896, июль—октябрь.

Анучинъ, Д. Н. Къ вопросу о дикихъ лошадахъ въ Россіи (Оконч.).— „Журн. М. Н. Пр.“ 1896, июль.

Рудановъ, В. Е. Н. И. Суворовъ.— Некрологъ.— „Жура. М. Н. Пр.“ 1896, сентябрь.

Чечулинъ, Н. Д. Политика Россіи въ Польшѣ предъ первымъ раздѣломъ.— Оконч. „Журн. М.—ства Н. Пр.“ 1896, августъ и сентябрь.

Майловъ, Л. Н. Е. Е. Замысловскій (некрологъ)— „Журн. М. Н. Пр.“ 1896, августъ.

Пятидесятилѣтіе Имп. Русск. Географич. Общества. (Оконч.)— „Журн. М. Н. Пр.“ 1896, августъ.

Воселовскій, А. Н. Малкія замѣтки къ былинамъ.— „Журн. М. Н. Пр.“ 1896, августъ.

Проф. Войтовскій, В. М. Рѣчь на панихидѣ по профессоръ Иванъ Степановичъ Некрасовъ.— «Записки Императорск. Новоросс. Универс.» томъ 68-й.

Проф. Мариничъ, А. И. Григорій Карповичъ Котошихинъ и его сочиненіе о Московскомъ государствѣ въ половинѣ XVII в.— «Записки Императорск. Новоросс. Универс.» томъ 68-й.

Материалы для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ дѣятелей: 1) П. Н. Араповъ и его труды. Д. Д. Языкова. 2) Недавнее стихотвореніе М. А. Хитрово. Сообщ. В. В. Леонтьевъ.— «Русское Обзор.» 1896, августъ.

Письма г. Вергольду XIII—XV. (Окончаніе) Баронессъ Раденъ. Переводъ съ вѣмецкаго Е. Н. Б.— «Русск. Обзор.» 1896, августъ.

Р., В. Очерки Привислинскія. Гл. XI—XII.— «Русск. Обзор.» 1896, августъ.

С.—ий, А. Б. Памяти В. П. Желиховской.— «Русск. Обзор.» 1896, августъ.

Spectator. Николаевскія времена.— «Русск. Обзор.» 1896, августъ.

Воронина, В. З. Островскій въ Самарѣ.— «Русск. Обзор.» 1896, августъ.

Автобіографія Н. С. Соханской (Кохановской). Тетрадь III.— «Русск. Обзор.» 1896, августъ и сентябрь.

Князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій. Некрологъ.— «Русск. Обзор.» 1896, сентябрь.

Резановъ, В. В. Вѣчная память (24 янв.—27 іюля 1896).— «Русск. Обзор.» 1896, сентябрь.

Свящ. Фудель, І. И. Юрій Николаевичъ Говоруха-Отрокъ.— «Русск. Обзор.» 1896, сентябрь.

Тихомировъ, А. А. Памяти Ю. Н. Говорухи-Отрока.— «Русск. Обзор.» 1896, сентябрь.

Владимировъ, А. И. Исторія располченія западно-русскаго костела (прод.)— «Русск. Обзор.» 1896, сентябрь.

Письма Н. В. Гоголя. (Оконч.) «Вѣстн. Европы». 1896, іюль.

Мочулинскій, А. А. Графъ С. Г. Строгановъ. Изъ исторіи нашихъ университетовъ 30-хъ годовъ.— «Вѣстн. Европы», 1896, іюль и августъ.

Пыпинъ, А. Н. Лѣтопись и исторія въ старой русской письменности.— «Вѣстн. Европы», 1896, іюль.

Н. В. Водовозовъ. Некрологъ.— «Вѣстн. Европы», 1896, іюль.

Ефимовъ, В. Волостной судъ.— «Вѣстникъ Европы», 1896, августъ.

Пыпинъ, А. Н. Паломничество и путешествія въ старой письменности.— «Вѣстн. Европы», 1896, августъ.

С., В. Некрологъ М. А. Хитрово.— «Вѣстн. Европы», 1896, августъ.

Феттерлейнъ, К. Ф. Замѣтка.— По вопросу происхожденія императрицы Екатерины I.— «Вѣстн. Европы», 1896, сентябрь.

Пыпинъ, А. Н. Григорій Котошихинъ.— «Вѣстн. Европы», 1896, сент.

Каванскій, Н. Ф. Народное образованіе въ Саратовской губерніи. Оконч.— «Русская Мысль», 1896, августъ.

Письма И. С. Тургенева къ его французскимъ друзьямъ. (Съ предисловіемъ и примѣчаніями И. Д. Гальперина-Каминскаго).— Продолж.— «Русская Мысль», 1896, августъ № 8.

Брикнеръ, А. Записки графа Ланжерона о русскомъ войскѣ.— «Русская Мысль», 1896, сентябрь.

Итоги государственной мудрости («Московскій Сборникъ» К. П. Побѣдоносцева).— «Русск. Вѣстн.» 1896, августъ.

Кн. Мансуровъ, С. Землевлдѣніе въ Лифляндіи.— «Русск. Вѣстн.» 1896, августъ.

Озеровъ, Д. А. На полѣ битвы. (Изъ воспоминаній офицера).— «Русскій Вѣстн.» 1896, августъ.

Отлингъ, Первоклассные европейскіе композиторы въ одѣжкѣ А. Н. Сѣрова.— «Русскій Вѣстн.» 1896, августъ.

Некрологъ В. К. Тхоржевскій.— «Русск. Вѣстн.» 1896, августъ.

Фаресовъ, А. И. Роль театра въ народной жизни.— «Наблюдатель», 1896, сентябрь.

Бодановскій, В. Ф. Русскіе вольнодумцы XIV—XV вѣковъ.— «Новое Слово», 1896, сентябрь.

П., Д. Воспоминанія о Николаѣ Ивановичѣ Ядринцевѣ.— «Сибирскій Сборникъ» 1896, Вып. II.— Иркутскъ.

Арефьевъ, Н. С. Петербургскій Комитетъ грамотности въ 1896 году.— «Сѣверн. Вѣстн.» 1896, № 8

Проф. Миллюковъ, П. Н. Очерки по исторіи русской культуры (прод.) — «Міръ Божій», 1896, августъ и сентябрь.

Ивановъ, Из. Писемскій (прод.) — «Міръ Божій», 1896, августъ и сентябрь.

Кашировскій, Е. И. Учрежденіе Смоленской епископ. — «Сборн. Ист.-Фил. Общ. при Инст. кн. Безбородко». Т. I, 1896.

Кадаубовскій, А. П. Нѣсколько словъ о значеніи А. С. Грибоедова въ развитіи русской поэзіи. — «Сборникъ Ист.-Фил. Общ. при Инст. кн. Безбородко». Т. I, 1896.

Берешковъ, М. Н. Георгій Конисскій какъ проповѣдникъ. — «Сборн. Ист.-Фил. Общ. при Инст. кн. Безбородко». Т. I, 1896.

Птуховъ, Е. В. А. С. Грибоедовъ. — «Сборн. Ист.-Фил. Общ. при Инст. кн. Безбородко». Т. I, 1896.

Сребницкій, И. А. Къ біографіи Георгія Конисскаго. — «Сборн. Ист.-Фил. Общ. при Инст. князя Безбородко». Т. I, 1896.

Михайловскій, И. Н. Очеркъ жизни и службы Николая Сиваарія въ Россіи. — «Сборн. Ист.-Фил. Общ. при Институтѣ кн. Безбородко». Т. I, 1896.

Касьяновъ, Н. Н. Русская гребная флотилія на Аму-Дарѣ въ маѣ мѣсяцѣ 1873 г. и другія воспоминанія о Хивинскомъ походѣ. — «Средне-азиатскій Вѣстникъ». 1896, июнь и августъ.

Лыкошинъ, Очеркъ археологическихъ изысканій въ Туркестанской краѣ доучрежденія Туркестанскаго кружка любителей археологій. — «Средне-азиатскій Вѣстн.» 1896, июль.

Шмаковъ, Ор. Положеніе женщины у кочевниковъ Средней Азій. — «Средне-азиатскій Вѣстникъ». 1896, июнь и июль.

Смирновъ, Е. Г. А. Колпаковскій. — Некрологъ. — «Средне-азиатск. Вѣстн.» 1896, май.

Андреевъ. Мѣстности Туркѣстана, интересныя въ археологическомъ отношеніи. — «Средне-азиатскій Вѣстн.» 1896, май.

Вальденбергъ, В. С. А. Бершадскій. — Вопросы философіи и психол. 1896, май—июнь.

Гинзбургъ, С. М. Забытая эпоха. Историко-культурные очерки. — «Восходъ», 1896, май, июнь.

Дубовскій, Д. Коневодство на Кавказѣ. — Оконч. «Военн. Сборн.» 1896, июль.

С., А. Очеркъ возстанія горцевъ Терской области въ 1877 г. (Оконч.) «Военн. Сборн.» 1896, июль.

Еланичъ, Н. Дѣйствія передоваго отряда ген.-ад. Гурко въ войну 1877—1878 г. (прод.) — «Военн. Сборн.» 1896, № 8.

Гершельманъ, Сергѣй. Нравственный элементъ подъ Севастополемъ (прод.) — «Военн. Сборн.» 1896, № 8.

Р.-К., Ф. Изъ дневника Война Андевяча Римскаго-Корсакова. (Оконч.) — «Морской Сборн.» 1896, сентябрь.

Коргуевъ, Н. Русский флотъ въ царствованіе императора Николая I. — «Морск. Сборн.» 1896, № 7 и 8.

Харузинъ, Н. Челобитная объ исполненіи соборной колокольни въ г. Михайловѣ и черновая грамота михайловскому воеводѣ 1648 г. — «Труды Рязанской Учен. Архив. Комм.» Т. X. Вып. 3.

Свящ. Добролюбовъ, I. Владная книга Николо-Радовницкаго монастыря. — Указатель личнымъ именъ, упоминаемымъ въ владной книгѣ Николо-Радовницкаго монастыря. — «Труды Рязанск. Учен. Архив. Комм.» Т. X. Вып. 3.

Череминъ, А. И. Мѣстная старина Борковской могильникъ. (Оконч.) — «Труды Рязанской Учен. Архивн. Комм.» Т. X. Вып. 3.

Ко дню перваго годичнаго поминанія въ Восѣ почившаго о. архимандрита Павла. — «Братское Слово». 1896, № 8, № 9 и № 10.

Янишевскій, Е. П. Изъ архивныхъ дѣлъ Уральскаго горнаго правленія и Пермской контрольной палаты. — «Дѣятель», 1896, № 7.

Прот. Благоразумовъ, Н. В. Слово на пятидесятіе блаженной кончины св. Стефана, перваго епископа пермскаго. — «Православ. Благов.» 1896, май, книжка 1-я.

Еп. Мелетій. Православіе и устройство церковныхъ дѣлъ въ Дауріи (Забайкальѣ), Монголіи и Китаѣ въ XVII и XVIII ст. — «Правосл. Благов.» 1896, май, кн. 1-я, июнь кн. 1-я и кн. 2-я.

И. Памяти Герасима Алексѣевича Колпаковскаго. — «Правосл. Благов.» 1896, май, кн. 1-я.

Шамновъ, А. Миссія на Югорскомъ Шарѣ въ послѣднее десятилѣтіе. — «Правосл. Благов.» 1896, июнь, кн. 1-я и 2-я.

Свящ. Березинъ, Т. Иркутская православная миссія въ царствованіе императора Александра II. — «Прав. Благов.» 1896, май, кн. 2-я, июль кн. 1-я.

Поповъ, К. М. Чинъ священнаго

коронаванія. Историч. очеркъ образованія чина. «Богослов. Вѣстн.» 1896, май

Левитоній, С. Д. Предстояція коронаціонныя торжества, ихъ внутренней смыслъ и общенародное значеніе. — «Богослов. Вѣстн.» 1896, май.

Заозерскій, Н. А. Государь, Церковь и народъ. — «Богослов. Вѣстн.» 1896 май.

Половъ, С. Г. Ректоръ Московской Духовной Академіи прот. А. В. Горскій. — «Богослов. Вѣстн.» 1896, май. — Тоже (прод.) — июль.

Введенскій, А. И. Память Юрія Николаевича Говорухи-Отрова. — «Богослов. Вѣстн.» 1896, августъ.

Булашевъ, Г. Очеркъ дѣятельности по народному образованію Арсенія (Москвина) митрополита кievскаго и галицкаго. — «Народн. Образованіе», 1895, июль.

Лалавъ, М. С. Императоръ Николай I, создатель русской школы. Историч. очеркъ (Оконч.). — «Педагог. Сборн.» 1896, июнь. Приложение.

Письма пресвящ. Феофана — Затворника 1) къ С. и 2) къ монаху К. — «Душеполез. Чтеніе», 1896, июнь и июль.

Свящ. А. В. Анисимовъ. День въ Смоленскѣ. — «Душепол. Чтеніе», 1896, июнь и июль.

Избранныя мѣста изъ писемъ іеросхимонаха отца Амвросія. Сообщено изъ Оптиной Пустыни Е. В. — «Душеполезн. Чтеніе», 1896, июнь и июль.

Письма и резолюціи Филарета митрополита московскаго. Сообщ. архим. Григор. — «Душеполез. Чтеніе», 1896, июль.

Недратовъ, А. По святимъ обителямъ и богоспасательнымъ градамъ. (Прод. см. май). — «Душепол. Чтеніе», 1896, июль и августъ.

Одно изъ неизданныхъ писемъ Филарета, митрополита московскаго. Сообщ. Н. Ф. Сергіевскій. — «Душепол. Чтеніе», 1896, июль.

Древняя Русь въ великіе дни. — «Душеполез. Чтеніе», 1896, июль.

Трехсотлѣтіе со дня рожденія родоначальника благословеннаго царскаго дома Романовыхъ. — «Душепол. Чтеніе», 1896, июль.

Къ столѣтнему юбилею императора Николая I. — «Душеполез. Чтеніе», 1896, августъ.

Письма пресвящ. Феофана-Затворника къ настоятелю Заонскаго Богородицкаго монастыря о. архимандриту Дмитрію. — «Душеполезное Чтеніе», 1896, августъ.

Письма пресвященнаго Феофана-Затворника къ одной изъ его ученицъ С. — «Душеполезное Чтеніе», 1896, августъ.

Письма пресвященнаго Феофана-Затворника къ о. Н. Сообщилъ Игуменъ Балаамскаго монастыря Гавриилъ. — «Душеполез. Чтеніе», 1896, августъ.

Дмитріевъ, А. С. Геосианскій святъ. — Памяти митрополита Филарета. — «Душеполез. Чтеніе», 1886, августъ.

Избранныя мѣста изъ писемъ іеросхимонаха отца Амвросія. — Сообщено Е. В. — «Душеполез. Чтеніе», 1896, августъ.

Письма и резолюціи Филарета митрополита Московскаго. — Сообщ. архимандритъ Григорій. — «Душеполезное Чтеніе», 1895, августъ.

Некрологъ: Алексѣй Яковлевичъ Фриде. — «Археол. Изв. и Замѣт.» 1896, № № 7—8

Древности Иссель-Кульскоя котловины. — «Археолог. Изв. и Замѣт.» 1896. № № 7—8.

Памяти Николая I. — «Археолог. Изв. и Замѣт.» 1896. № № 7—8.

Некрологи: 1) Ф. А. Билгеръ. 2) Н. И. Суворовъ. — «Археол. Изв. и Зам.» 1896. № № 5—6.

Гамбурцевъ, В. А. Замѣтки о ремонтѣ Старога Печатнаго Двора при Московской Синодальной Типографіи. — «Археол. Изв. и Замѣт.» 1896. № № 5—6.

Виттыгъ, В. Нѣсколько словъ къ исторіи г. Ленчицы. — «Археологич. Изв. и Замѣт.» 1896. № № 5—6.

Харузинъ, Н. Н. О нѣкоторыхъ свѣдѣніяхъ по исторіи Боккентхушена на основаніи документовъ, хранящихся въ Москов. Архивѣ Мин. Юстиціи. — «Археолог. Извѣстія и Замѣт.» 1896. № № 5—6.

Ивановичъ, Инфлуэнца въ Вологодской губерніи въ 1782 г. — «Вологжанинъ». Литер.-научн. сборн. 1895.

Пахоловъ, Х. И. Дѣятельность Вологодскаго Губернскаго земства по народному образованію. — «Вологжанинъ». Литер.-научн. сборн. 1895.

Ивановичъ, Эпизодъ изъ исторіи г. Кадникова. — «Вологжанинъ». Литер.-научн. сборн. — Вологда, 1895.

Суворовъ, И. Н. Обзоръ событій, относящихся къ исторіи Вологодской губерніи. — «Вологжанинъ». Литер.-научн. сборн. Вологда, 1895.

К. А. Четверухинъ (Матеріалы для біографіи). — «Вологжанинъ». Литер.-научн. сборн. — Вологда, 1895.

Некрологъ Л. Н. Модзалевскаго. —

(Изъ «Нов. Врем.») — Воспитаніе и обученіе, 1896. № 7.

Некрологъ В. П. Желтиховской. (Изъ «Нов. Вр.») — Воспитаніе и обученіе, 1896, № 6.

Булашевъ, Г. Очеркъ дѣятельности по народному образованію Арсенія (Москвина) митрополита кіевскаго и галицкаго. — «Народн. Образов». 1896, кн. 8.

Полетаевъ, Н. Нѣсколько словъ по поводу переписки барона Н. А. Корфа. — «Народн. Образов.» 1896, кн. 8.

Маллерскій, Очеркъ исторіи современнаго состоянія народнаго образованія въ Сибири. — «Народн. Образов.» 1896, кн. 8.

Некрологъ Предсѣдатель И. Р. Техн. Общ. М. И. Кави. — «Почтово-телеграфн. журн.» 1896, июнь.

Михайлъ Ильичъ Кави. — Некрологъ. — «Зап. И. Р. Т. Общ.» 1896, № 8—9.

Рыбинскій, В. С. Баронъ А. А. Дельвигъ. Его жизнь и литературная дѣятельность — «Филологич. Записки». Годъ 36-й. Вып. I.

Проф. Будде, Евг. О литературныхъ мѣстахъ Пушкина — «Филолог. Записки». Годъ 36-й. Вып. I.

Американскій посланникъ при дворѣ Императора Николая I. — «Вѣстн. Иностр. Лит.» 1896, июль.

Еп. Никаноръ, Пресвященный Афанасій, архіепископъ астраханскій — «Странникъ», 1896, июнь—июль.

Проф. Н. И. Иваноскій. Сочиненія расколочителя Арс. Швецова; «Исповѣданіе вѣры въ символическую церковь» — «Странникъ», 1896, июнь — июль.

Ешовъ, А. По какимъ книгамъ обучался у насъ Законъ Божій въ XVIII ст. и чему обучались? — «Странникъ», 1896, июнь—июль.

В—ль, П. Ф. Латина-униатскій святой Юсафатъ Куцевичъ. (По поводу 300-лѣтія Брестской унии). — «Странникъ», 1896, июнь—июль.

Георгиевскій, В. Св. Василій Великій какъ пастырь и учитель церкви (прод. см. февр.). «Странникъ», 1896, июнь—июль.

Исклинская, Эм Алексій Васильевичъ Кольцовъ и его пѣсни. Изданіе Пост. Комм. по устройству народн. чтеній. — Спб. 1896.

Историческія свѣдѣнія объ Имп. Женскомъ Патриотическомъ Обществѣ 1812—1896 — Спб. 1896.

Блазенецъ, П. Двухсотлѣтіе русскаго флота. «Кронштатъ», 1896.

Подпоруч. Рейнгольцъ. Памяти Императора Николая I. — Спб. 1896.

Мамонцовъ, В. И. Къ исторіи г. Архангельска, какъ торговаго пункта въ царствованіе Бориса Феодоровича и Михаила Феодоровича. (Изъ № 54 «Арх. Губ Вѣд.») «Архангельскъ» 1896.

Олонекій Вице-Губернаторъ М. Ф. Страховскій. Некрологъ. — «Петроваводскъ», 1896.

Яхонтовъ, А. Н. Народная война 1812. Изданіе пятое Пост. Комм. по устройству народн. чтеній. — Спб. 1896.

Эрссель, Н. Н. Русская торгово-промышленная компанія въ 1-ю половину XVIII ст. Казань 1896.

Поселницкій, Е. Отецъ Серафимъ Саровскій. Москва 1896.

Житіе препод. Евоніи судальскаго. — Одесса 1896.

Свщ. Павлозь, А. Сказаніе о семипалатинской иконѣ Знаменія Божіей Матери, именуемой абакалскою. — Семипалатинскъ 1896.

Путешествіе на Валаамъ, во святую обитель и подробное обзоръіе всѣхъ его достопримѣчательностей. 2-е изд. Спб. 1896.

Зарицкій, Я. И. Священное коронованіе и помазаніе православныхъ царей на царство. Изд. второе. — Спб. 1896.

Кіевъ и его святыни. Изд. второе. Москва 1896.

Овсаниковъ, Н. Краткія свѣдѣнія о Тверскомъ Кафедральномъ соборѣ, какъ памятникъ церковной древности. Тверь 1896.

Игнатій, архіеп. олонекій и петроваводскій. (Изъ «Брат. Слова»). — Москва 1896.

Сказаніе о жизни и дѣяніяхъ предковъ нашего царя. Изданіе 4-е. — Спб. 1896.

Валаамскій свѣтъ и жизнеописаніе тамошняго подвижника схимонаха о. Юанна. Второе изданіе. — Спб. 1896.

Къ столѣтнему юбилею Новоторжскаго Борисоглѣбскаго монастырскаго собора (Изъ № 7 «Твер. Еп. Вѣд.») — Тверь 1896.

Повѣсть о созданіи Крестомарской общежительной пустыни. — Нижній Новгородъ 1896.

Карповъ, М. В. А. Э. Блюменталь-Тамаринъ. Биографич. очеркъ. — Спб. 1896.

Густовъ, Сысертскіе горные заводы и дѣятельность ихъ съ 1896 по 1896 г. — Пермь 1896.

С.-Петербургскій Металлическій Заводъ. Краткій очеркъ дѣятельности съ 1882 по 1896 г. Спб. 1896.

Историческій очеркъ дѣятельности Слб. Дирекціи училищ.—Слб. 1896.

Самвиновъ, А. Ф. Историческій очеркъ развитія пчеловодства въ Россіи.—Слб. 1896.

Очеркъ 50-ти лѣтней дѣятельности пароходнаго общества «По Волгѣ».—Слб. 1896.

Бѣловъ, В. Историческій очеркъ Уральскихъ горныхъ заводовъ.—Слб. 1896.

Дубенный, Дм. Конскіе заводы Европейской Россіи, Кавказа и Тургайской области и историческій очеркъ ихъ развитія.—Слб. 1896.

Проф. Владиміровъ, П. В. Введеніе въ Исторію Русской Словесности.—Кіевъ 1896.

Высочайшій манифестъ 14 мая 1896 г. Изданіе книгопр. Т. Губанова. Кіевъ 1896.

Свящ. Тизинъ, К. Исторія Ревельскаго Преображенскаго Собора. — Ревель 1896.

Вѣнокъ на могилу эстляндскаго губернатора кн. С. В. Шаховскаго. Подъ редакц. Г. Янчевскаго.—Ревель 1896.

Князь Щербатовъ. Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность. Приложенія къ V-му тому. Слб. 1896.

Коронаціонный альбомъ въ память священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ 14 мая 1896 г. Изданіе С. Добродѣева. Слб. 1896.

Краузе, В. М. Путешествіе Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Александровича въ бытность Его Величества Наглядникомъ Престола 1891—92 гг. Изд. 2-е. Слб. 1896.

Священное коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ. Изданіе Постоянной Комм. для устройства народ. чтеній.—Слб. 1896.

Священное коронованіе и миропомазаніе Ихъ Императорскихъ Величествъ 14 мая 1896 г. Изданіе книж. магазина «Народная польза». Слб. 1896.

Діаконъ Азимовъ, П. Священное вѣнчаніе на царство Ихъ Императорскихъ Величествъ 14 мая 1896.—Слб. 1896.

Что знаменуетъ священное коронованіе и миропомазаніе царя и царицы. (Изъ №№ 13—15, «Сел. Вѣст.» 1895 г.)—Безплатное народ. изданіе Е. В. Богдановича.—Слб. 1896.

Проф. Лебедевъ, А. П. Исторія греко-восточной церкви подъ властію турокъ. Т. I. (Изъ «Богосл. Вѣст.» за 1894—1895). Сергіевъ Посадъ, 1896.

Свящ. Щуминъ, В. Троицкій мужес-

кій монастырь въ г. Торонцѣ Псковской епархіи Слб. 1896.

Балластъ, М. Винодѣліе въ Россіи. Историко-статистическій очеркъ. Ч. II. Слб. 1896.

Обзоръ войнъ Россіи отъ Петра Великаго до нашихъ дней. Составлено ген.-лейт. Дубровинимъ, Куропаткинымъ, Гудина-Левковичемъ, Сухотинимъ и Пузыревскимъ. Ч. IV, кн. 2-я.—Слб. 1896.

Описаніе священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Федоровны. Изд. общедоступное. Слб. 1896.

Слово въ память Императора Николая I. Изданіе Слб. Городской Думы.—Слб. 1896.

Карповъ, М. В. Глиkerія Николаевна Федотова и ея гастроли.—Слб. 1896.

Астраханскій Сборникъ, издаваемый Петровскимъ Обществомъ изслѣдователей Астраханскаго края. Вып. I.—Астрахань 1896.

И., В. Изъ исторіи Москвы 1147—1703. Очерки. Москва 1896.

Штыльме, А. Иллюстрированная Астрахань. Очерки прошлаго и настоящаго города.—Саратовъ, 1896.

Сооруженіе и открытіе памятника Императору Александру II въ Казани.—Краткій историческій очеркъ.—Казань 1896.

Царственные заботы Императора Николая Павловича о развитіи военно-учебныхъ заведеній. (Извлеченіе изъ историч. очерка: «Императоръ Николай I, видитель русской школы» М. С. Далаева).—Слб. 1896.

Брянцевъ, П. Д. Русско-польскія отношенія.—Отгяскъ изъ «Вілен. Вѣст.» 1896, №№ 125, 126, 129—130.—Вильна, 1896.

Матеріалы по исторіи и географіи Дисненскаго и Вилейскаго уѣздовъ Виленской губ. Изданіе А. Сапунова и кн. В. Друцкаго-Любецкаго. Витебскъ, 1896.

Свящ. Филевскій. Церковь святаго и Нерукотвореннаго образа Христа Спасителя. Харьковскаго Коммерч. Училища. Историческая записка.—Харьковъ, 1896.

Семоловъ, М. Е. Былины, историческія, военныя, разбойничья и воровскія пѣсни, записанныя въ Саратовской губерніи. Петровскъ, 1896.

Медведевъ, Н. Дѣтскіе сельско-хозяйственно-кустарные промыслы самопомощи. Исторія ихъ, устройство и жизнь. Слб. 1896.

Гр. Толстой, М. Жизнь и чудеса св. Николая. Изд. 8-е. Москва, 1896

Житія св. св. благовѣрныхъ великихъ князей Александра Невского, Георгія, Андрея и Глѣба и мученика Аврамія, владимірскихъ чудотворцевъ. — Владимиръ, 1896

Московский кафедральный Чудовъ монастырь. — Сергіевъ-Посадъ, 1896.

Описание Троице-Параскевѣвскаго Топловскаго жен. монастыря въ Крыму. — Феодосія, 1896.

Св. преподобномученикъ Аванасій игуменъ брестскій. — Вильна, 1896.

Петрушевскій, А. Разказы про старое время на Руси. Изд. 10-е. — Москва, 1896.

Николай Филиппович Одарченко. Съ портретомъ. Изданіе Харьк. Ист. — Фил. Общ. Харьковъ, 1896.

Иванъ Михайловичъ Собѣстіанскій. Съ портретомъ. Изданіе Харьк. Ист. — Фил. Общ. — Харьковъ, 1896

Юбилей Л. Л. Гиршмана. — Харьковъ, 1896.

Оскаръ фонъ Лоттовъ-Форбенъ. Исторія войны 1806 и 1807. Т. III. Перев. съ нѣмц. Съ картою и планами. — Варшава, 1896.

Свѣд. Бухаревъ. Житія всѣхъ святыхъ. Изданіе второе, испр. и дополн. Москва, 1896.

Вавемскій Аркадѣевскій дѣвичій монастырь. Второе дополн. изданіе. Москва, 1896

Празднованіе 25 ти-лѣтняго юбилей Москов. Общ. воспитательницъ и учительницъ — Москва, 1896.

Забѣляшъ, Иванъ. Мининъ и Пожарскій — прямые и кривые въ Смутное время. Третье изд. съ дополненіями. Москва, 1896.

Священное коронованіе Ихъ Имп. Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Феодоровны. Одесса, 1896.

На память о священномъ коронованіи Ихъ Имп. Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Феодоровны. — Одесса, 1896.

Селуя, В. Краткая историческая записка о состояніи Кіево-Подольской жен. гимназіи съ 1861 по 1896 г. — Кіевъ, 1896.

Александровскій, Г. В. Краткая историческая записка о состояніи Кіевской Фундуклеевской жен. гимназіи съ 1885 по 1896 г. Кіевъ, 1896.

С, А. Крыловъ, какъ человекъ. — Житомиръ, 1896.

Павловъ, Н. М. Русская исторія отъ

древнѣйшихъ временъ. Т. I. Москва, 1896.

Языковъ, П. А. Жизнь русскихъ дѣятелей. № 4. — Москва, 1896.

Кравцово-Лавровское училище Орловской губерніи Болховскаго уѣзда съ 1877 по 1895 г. — Москва, 1896.

Вѣчная память. Воспоминанія о почившихъ. Изданіе К. П. Побѣдоносцева — Москва, 1896.

Савицкій, Н. и Есстратовъ, П. Братскій очеркъ возникновенія и дѣятельности благотворительныхъ учреждений Харьковской губерніи. — Харьковъ, 1896.

Графъ Шереметевъ, Сергій. Воспоминанія дѣтства. Спб., 1896.

Краткій очеркъ Аеопа и его монастырей. — Москва, 1896.

С., Н. Б. Святая гора Аѳонъ. Изд. второе. Москва, 1896

Петръ, В. Отчетъ Кіевскаго Отдѣленія Общества классической филологіи и педагогикки за 20 лѣтъ. — Кіевъ, 1896.

Пятидесятилѣтіе Уманскаго училища Земледѣлія и садоводства. — Кіевъ, 1896.

Проф. Багалъ, Д. И. Опытъ исторіи Харьковскаго Университета. Т. I. вып. 2-й. Харьковъ, 1896

Правда объ Иосафатѣ Кундевичѣ. Изданіе Виленскаго Свято-Духовскаго Братства. — Вильна, 1896.

Загорскій, В. Б. Императорское Виленское Медицинское Общество 1805 — 1895. Вильна, 1896.

Акад. Бычковъ, А. Ф. Д. А. Ровинскій и Имп. Публичная Библиотека. Спб. 1896.

Забѣляшъ, И. Е. Воспоминаніе о Д. А. Ровинскомъ. Спб. 1896

Гр. Толстой, П. И. Д. А. Ровинскій, любитель и знатокъ гравировальнаго искусства. Спб. 1896.

Стасовъ, В. В. Воспоминанія товарища о Д. А. Ровинскомъ. — Спб. 1896.

Акад. Веселовскій, К. С. Ровинскій и Рембрандтъ. — Спб. 1896.

Кони, А. Ф. Общественная и государственная дѣятельность Д. А. Ровинскаго. Спб. 1896.

Проф. Лебедевъ, В. А. Графъ Егоръ Францовичъ Канкринъ. — Спб. 1896.

Бѣлезерская, Н. Царское вѣчаніе въ Россіи. Оттиски изъ „Рус. Вѣст.“ — Спб. 1896

Корсаковъ, Д. Константинычъ Дмитріевичъ Кавелинъ. — Спб. 1896.

Памяти Константина Дмитріевича Ушинскаго. — Спб. 1896.

Антонъ Яковлевичъ Красовскій. Спб. 1896.

Сернинъ, В. М. Рассказы о Петрѣ Великомъ. Изд. третье, исправл.—Сиб. 1896.

Полк. Премондовъ, А. Б. Дни Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ 1896.—Сиб. 1896.

Соловьевъ, С. М. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Кн. III. Т. XI—XV. Второе изд.—Сиб. 1896.

Поруч. Ломанъ, Д. Царь-Миротворецъ Александръ III. Чтеніе для народа. Изд. 7-е. Сиб. 1896.

Соболевъ, Н. П. Подробный указатель XVIII худ. отд. на Всеросс. Выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ съ биографич. свѣдѣніями о 250 художникахъ и краткимъ обзоромъ движенія русскаго искусства.—Сиб. 1896.

1-е десятилѣтіе Общества дѣтскихъ врачей въ С.-Петербурѣ. Сиб. 1896.

Штиглицъ, А. Н. Памяти И. С. Аксакова. — Рѣчь въ торжеств. собраніи Сиб. Славян. Благот. Общ.—Сиб. 1896.

Яцковская, С. Костромской Ипатьевскій монастырь—колыбель дома Романовыхъ.—Москва 1896.

Священное коронованіе русскихъ царей и царицъ. Краткій историческій очеркъ. Изданіе А. Силаева.—Москва 1896.

Милости и радости русскому народу. Высочайшій манифестъ, дарованный въ день священнаго коронованія 14 мая 1896.—Москва 1896.

Сказаніе о вѣнчаніи на царство русскихъ царей и императоровъ.—Москва 1896.

Шевелевъ, А. Св. Стефанъ, епископъ перскій. Москва 1896.

Э., М. Аванасій Васильевичъ Марковичъ.—Биографическая замѣтка.—Черниговъ 1896.

Завѣщательное письмо графа Николая Петровича Шереметева. Москва 1896.

Священное коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Θεодоровны.—Москва 1896.

Преображенскій. Историческій очеркъ Ярославскаго жепскаго училища духовнаго вѣдомства.—Москва 1896.

Польновъ, А. А. Оживающій сѣверъ. Москва 1896.

Краткій очеркъ возникновенія, развитія и теперешняго состоянія нашихъ торговыхъ съ Китаемъ сношеній черезъ Кяхту.—Москва 1896.

Великій торжество священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни

Императрицы Александры Θεодоровны.—Москва 1896.

Алупинитъ, В. А. Историческій очеркъ службы бѣтарей 23-й артиллерійской бригады 1851—1895 г.—Сиб. 1896.

Ефимовъ, И. В. Графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій предъ судомъ профессора П. Н. Будинскаго.—Сиб. 1896.

Шлютинъ, В. А. Къ исторіи Нѣжинскаго полка въ XVII—XVIII в.в. (Рецензія на книгу А. М. Лазаревскаго „Описание старой Малороссіи“, т. II).—Сиб. 1896.

Патмицкій, П. П. Сказаніе о вѣнчаніи на царство русскихъ Царей и Императоровъ.—Москва 1896.

Красношницевъ, И. Очерки города Одоева.—Тула 1896.

Гером. Сергій. Дѣтство Старорусскаго Спасо-Преображенскаго мужскаго монастыря съ 1192 по 1896 г.—Новгородъ 1896.

Житіе преподобнаго Іоанна Рыльскаго.—Одесса 1896.

Корольковъ, Н. Сказаніе о препод. Трифонѣ, почтенномъ чудотворцѣ, просвѣтителѣ лопарей, и объ основанной имъ обители.—Сиб. 1896.

Историко-статистическое описание Пертомпьянскаго монастыря (Изъ Архан. Еп. Вѣд. 1894 г.).—Изд. 2-е.—Сиб. 1896.

Житіе и чудеса преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергія Радонежскаго.—Изд. 9-е.—Сиб. 1896.

Аргуновъ, А. Краткая историческая записка Калужской Общественной Библиотеки.—Москва 1896.

Всемилолюбившій манифестъ 14 Мая 1896 года по случаю священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ.—Москва 1896.

Шевелевъ, А. Вѣнчаніе на царство великаго царя—Миротворца Александра III Александровича.—Москва 1896.

Проф. Алексеевъ, А. С. Легенда объ олигархическихъ тенденціяхъ Верховнаго Тайнаго Совѣта въ царствованіе Екатерины I.—Москва 1896.

Проф. Ключевскій, В. Добрые люди древней Руси. Изд. второе.—Москва 1896.

Тоняновъ, И. О священномъ коронованіи русскихъ царей.—Москва 1896.

Высочайшій манифестъ, дарованный въ день Священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ 14 мая 1896 года.—Москва 1896.

Герошовъ, С. А. Москва. Ея прошлое и настоящее.—Москва 1896.

Торжествующая Москва. Торжества и празднества Священного Коронования Ихъ Императорскихъ Величествъ 14 мая 1896 года.—Москва 1896.

Приготовление г. Москвы ко дню Священного Коронования 14 мая 1896 года.—Москва 1896.

Томашевъ, И. Историческое описание всѣхъ коронацій российскихъ царей, императоровъ и императрицъ.—Москва 1896.

Страницка изъ исторіи промышленности юго-восточной Россіи. Табачная фабрика А. К. Штафъ въ Саратовѣ.—Саратовъ 1896.

Врачъ Юреничъ, И. Очеркъ 12-лѣтняго прошлаго Ольшанской больницы.—Кіевъ 1896.

Въ память освященія собора св. Владимира и открытія памятника императору Николаю I. Изданіе В. Булкина. Кіевъ 1896.

Кіевъ и университетъ св. Владимира при императорѣ Николаѣ I. Изданіе университета св. Владимира.—Кіевъ 1896.

Ареповъ, Н. Ѡ. Илья Петровичъ Деркачевъ 1861—1896.—Москва 1896.

Георгіевскій, Г. П. Коронованіе русскихъ государей. Историческ. очеркъ (Изъ „Русскаго Обзор.“).—Москва 1896

Мошковъ, В. А. Скиемъ и ихъ соплеменники еракіяды. Варшава 1896.

Дружининъ, Андрей. Очеркъ развитія податныхъ реформъ въ Привислянскомъ краѣ. Ч. I.—Плоцкъ 1896.

Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ Музеѣ П. И. Щукина. Первая часть. Изданіе П. И. Щукина. Москва 1896.

Перейси московскихъ дворовъ XVII и XVIII ст.—Москва 1896.

Погромъ Баталя-паша на берегахъ Кубани 30 сент. 1790 г.—Журналъ кампаніи на Кавказской линіи покойнаго генерала отъ инфантеріи и кавалеріи Ив. Ив. Германа.—Екатеринодаръ 1896.

Абрамеличъ, В. Бакинское учебное заведеніе женскаго благотв. Общ. св. Нины. Очеркъ его развитія и современнаго состоянія.—Баку 1896.

Г., В. Къ 50-лѣтнему юбилею газеты „Кавказъ“. (Изъ № 4 газ. „Кавказъ“ за 1896 г.)—Тифлисъ 1896.

Капустяницъ, А. Краткій историческій очеркъ состоянія и дѣятельности Бакинскаго Человѣколюбиваго Общ. во имя св. Григорія, просвѣтителя Арменіи, съ 1864 по 1896 г.—Баку 1896.

Сабинъ-Гусь, Д. Дѣтели русской исторіи въ стихотвореніяхъ русскихъ поэтовъ и въ народныхъ пѣсняхъ.—Сборникъ.—Тифлисъ 1896

Шангай, П. В. Краткій историческій очеркъ коронованія царей.—Варшава 1896.

Алашевъ, Н. Въ день Священного Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ 14 мая 1896 г.—Варшава 1896.

Норинловъ, И. П. Князь Адамъ Чарторійскій.—Изъ „Руск. Обзор.“.—Москва 1896

Цергелевъ, Д. Русско-польскія отношенія. По поводу книги графа Лелювы.—Москва 1896.

Проф. Давневскій, В. По поводу предстоящей реформы нашего судоустройства.—Изъ журн. „Русс. Мысль“, кн. I—III.—Москва 1896.

Письмо митрополита Филарета о живописи.—Изъ „Русскаго Архива“ 1894. № 5.—Москва 1896.

Шевалевъ, А. Май 1883 года. (Изъ писемъ баронессы Эдиты Радець къ своей сестрѣ).—Москва 1896.

Попеченія о сельскомъ хозяйствѣ Императора Николая I.—„Правит. Вѣстн.“ 20 авг. 1896, № № 182 и 183.

Къ двухсотлѣтію Кубанскаго казачьяго войска.—„Прав. Вѣстн.“ 6 сент. 1896, № № 195, 196, 197.

Рѣдкій праздникъ православія 5—9-го сент. въ Черниговѣ.—„Правит. Вѣстн.“ 12 сент. 1896 № № 200 и 201.

Собственноручныя записки императора Николая I.—„Правит. Вѣстн.“ 13 сент. 1896, № 201.

Эпиводе изъ жизни Гельсингфорскаго университета.—Приложеніе къ газ. „Нов. Время“ 14 сент. 1896, № 7381.

Некрологъ. Прот. Петръ Филипповичъ Щегловъ, бывшій ректоръ Олопецкой духов. семинаріи.—„Новое Время“, 12 сент. 1896, № 7379.

Некрологъ. Пресвящ. Діонисій, епископъ уфимскій и мезелінскій.—„Нов. Время“, 12 сент. 1896 № 7379.

Некрологъ. Левъ Михайловичъ Качурчунскій, бывшій редакторъ—издатель газ. „Минута“.—Новое время, 11 сент. 1896, № 7378.

И. И. Хмельницкій (къ 50-лѣтію его смерти).—Приложеніе къ газ. „Нов. Время“ 7 сент. 1896, № 7374.

Некрологъ. Польскій писатель Сигизмундъ Качковскій.—„Новое Время“ 6 сент. 1896, № 7373.

Я., М. И. Былые уличныя оригиналы.—„Нов. Время“, 5 сент. 1896, № 7372.

Некрологъ. И. А. Неклюдовъ.—„Нов. Время“, 2 сент. 1896, № 7369.

Переворотъ 1741 года.—Приложение къ газ. „Нов. Вр.“ 31 авг. 1896. № 7367.

М—е. Соборъ св. Владимира въ Кіевѣ.—„Нов. Время“ 30 авг. 1896, № 7366.

Штейнфельдъ, Н. П. Мнѣшій пугачевскій влады.—Приложение къ газ. „Нов. Время“ 24 авг. 1896, № 7360.

П., М. И. Къ столѣтїю рожденія П. Н. Арапова.—Приложение къ газ. „Нов. Время“ 24 авг. 1896, № 7360.

Некрологъ. Д-ръ медицины Николай Александровичъ Воронихинъ.—„Нов. Время“, 22 авг. 1896, № 7358.

П., М. И. Кіевъ—мать городовъ русскихъ.—„Нов. Время“, 21 авг. 1896, № 7357.

Шумигорскій, Евгений. Историческіе труды князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго.—„Новое Время“, 21 авг. 1896, № 7357.

П., М. И. Къ исторіи петербургскихъ увеселительныхъ садовъ.—„Новое Время“, 20 августа 1896, № 7356.

Князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій. Некрологъ.—„Нов. Время“, 20 авг. 1896, № 7356.

Некрологъ. Профессоръ Варшавскаго унив. Адольфъ Ивановичъ Павинскій.—„Нов. Время“, 18 авг. 1896, № 7354.

Петръ Великій въ Парижѣ.—„Правит. Вѣсти“, 10 окт. 1896, № 222.

Графъ М. Н. Муравьевъ.—„Правит. Вѣсти“, 1896, № 216 и 220.

Вѣдомство дѣтскихъ приютовъ въ прошломъ и настоящемъ.—„Правит. Вѣсти“, 21 сент. 1896, № 207.

Некрологъ. Членъ Совѣта Главнаго Управленія по дѣламъ печати Д. М. Познякъ.—„Нов. Время“, 12 окт. 1896, № 7409.

Некрологъ. Бывшій предсѣдатель департамента Варшавской судебной палаты К. Д. Андиферовъ.—„Нов. Время“, 12 окт. 1896, № 7409.

Б., З. Памяти С. В. Ковалевской.—„Нов. Время“, 11 окт. 1896, № 7408.

Бессель, В. Изъ воспоминаній о П. Чайковскомъ.—„Нов. Время“, 7 окт. 1896, № 7404.

Къ исторіи вѣшней политики Россіи конца XVIII в. Первый раздѣлъ Польши.—Приложение къ газ. „Нов. Время“, 5 окт. 1896, № 7402.

Некрологъ. Контръ-адмиралъ Петръ

Ивановичъ Чайковскій.—„Нов. Время“, 5 окт. 1896, № 7402.

Нословъ, К. Исторія одного металла.—Приложение къ газ. „Нов. Время“, 5 окт. 1896, № 7402.

Булгаковъ, Ф. Императоры Петръ I и Павелъ въ Парижѣ.—„Нов. Время“, 26 сент. 1896, № 7393.

Некрологъ. Бывшій посланникъ въ Сербіи Александръ Ивановичъ Персіани.—„Нов. Время“, 25 сент. 1896, № 7392.

Некрологъ. Профессоръ, горн. инженеръ, Петръ Александровичъ Олышовъ.—„Нов. Время“, 25 сент. 1896, № 7392. Къ исторіи крушеній на Царко-сальской желѣзной дорогѣ.—Приложение къ газ. „Нов. Время“, 21 сент. 1896, № 7388.

Некрологъ. Членъ Александр. Комитета о раненыхъ, генералъ отъ инфантерїи, Гавриилъ Петровичъ Самсоновъ.—„Нов. Время“, 20 сент. 1896, № 7387.

Некрологъ. Бывшій редакторъ „Кіевлянина“ Василій Ивановичъ Пихно.—„Нов. Время“, 20 сент. 1896, № 7387. Некрологъ. Врачъ. д. с. с. Н. А. Воронихинъ.—„Новости“, 23 Авг. 1896, № 232.

Князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій.—„Новости“, 20 авг. 1896, № 229.

Некрологъ. Ярославскій губернаторъ ген.-лейт. А. Я. Фриде.—„Новости“, 12 іюля 1896, № 190.

Аръевъ, М. Наполеонъ и Императоръ Александръ I.—„Новости“, 9 іюля 1896, № 187.

Некрологъ. Н. А. Потѣхнинъ.—„Новости“, 9 іюля 1896, № 187.

Некрологъ. М. А. Хитрово.—„Новости“, 2 іюля 1896, № 180.

Некрологъ. А. С. Фаинцинь.—„Новости“, 29 іюня 1896, № 177.

Некрологъ. М. И. Казим.—„Новости“, 26 іюня 1896, № 174.

Бар. Дризень, Н. В. Изъ воспоминаній о царствованіи императора Николая Павловича.—„Новости“, 26 іюня 1896, № 174.

Императоръ Николай I.—„Новости“, 24 іюня 1896, № 172.

Некрологъ. Бывшій директоръ Института Гражд. Инженеровъ, т. с. Д. Д. Соколовъ.—„Новости“, 18 іюня 1896, № 166.

Некрологъ. Г. П. Небольсинъ.—„Новости“, 17 іюня 1896, № 165.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1896 г.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ВОСЬМОЙ.

ОКТАВРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

	СТРАН.
I. Императрица Александра Ѳеодоровна въ своихъ воспоминаніяхъ. Переводъ съ франц. В. В. Тимошукъ.	5—60
II. Императоръ Николай I въ 1830—1831 гг. (Изъ записокъ графа А. Х. Бенкендорфа) Н. К. Шильдера	65—96
III. Записки Михаила Чайковскаго. Переводъ съ польскаго В. В. Тимошукъ. Гл. XV—XVII, стр. 209—225; 653—676	
IV. Сто лѣтъ тому назадъ. (Изъ записокъ Д. П. Рунича)	281—319
V. Записки графа Л. Л. Беннигсена о войнѣ съ Наполеономъ 1807 г. Сообщ. П. М. Майковъ	481—518
VI. Тяжелые дни Казанскаго университета. (Изъ посмертныхъ записокъ). Сообщ. П. Д. Шестаковъ.	519—539
VII. На службѣ. (Изъ личныхъ воспоминаній). М. Песковскій	541—563

Портреты.

- I. Портретъ императрицы Александры Ѳеодоровны на 39 году жизни. Грав. К. Адтъ.
(При 10-й книгѣ).
- II. Портретъ императрицы Екатерины II-й.
Грав. К. Адтъ.
(При 11-й книгѣ).
- III. Портретъ князя Алексѣя Борисовича Лобанова-Ростовскаго. Грав. К. Адтъ.
(При 12-й книгѣ).

Исследования.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

	стр.
I. Всеподданнѣйшее письмо князя Николая Репнина о сложениі недомоковъ съ помѣщичьихъ крестьянъ.	61
II. Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. (Матеріалы для біографіи, его разсказы и переписка). стр. 97—120,	565—583
III. Нерчинскій заговоръ о побѣгѣ на Амуръ и на острова Восточнаго Океана. Н. Оглоблина.	121—129
IV. По поводу толковъ объ освобожденіи крестьянъ въ 1830 году. Сообщ. Д. И. Студенкинъ.	130
V. Д. П. Руничъ и поэтъ Байронъ. Письмо Д. П. Рунича къ надателямъ «Русскаго Инвалида» 23 апрѣля 1820 года	135—138
VI. Императоръ Александръ I и гр. Армфельдъ 1811—1812 гг. Окончаніе.	139—157
Собственноручное письмо С. С. Уварова—М. М. Сперанскому отъ 1-го декабря 1819 г. Сообщ. акад. А. Ѳ. Вычковъ.	158
VIII. Лазарь Карно въ Варшавѣ въ 1816 г. Г. А. Воробьева	159—169
IX. Страничка изъ академической жизни 1750 г. Сообщ. академ. К. С. Веселовскій.	170
<small>«РУССКАЯ СТАРИНА» 1896 г., LXXXVIII. ДЕКАБРЬ.</small>	45

X.	Я. К. Гротъ и П. А. Плетневъ. (Ихъ взаимныя отношенія и переписка). В. Лачинова.	171—191
XI.	Театральныя впечатлѣнія В. И. Аскоченскаго, самыя имъ описанныя.	192
XII.	Густавъ IV и вел. княжна Александра Павловна 1794—1796 гг. Окончаніе. Барона Н. В. Дризена	193—207
XIII.	Указъ Правительствующему Сенату о порядкѣ наслѣдованія имущества послѣ скончавшагося министра внутреннихъ дѣлъ О. П. Козодавлева.	208
XIV.	Императоръ Николай I на Кавказѣ въ 1837 г. Письмо кн. Василя Осиповича Бебутова Осипу Петровичу Дубецкому	226
XV.	Изъ бумагъ Виктора Григорьевича Тенякова. А. Ф. Шидловскаго	227—236
XVI.	Памяти императрицы Екатерины II 1796—6 ноября—1896 гг. Проф. В. А. Бильбасова.	241—280
XVII.	Рескриптъ Екатерины псковскому губернатору Пилю отъ 3 августа 1787 г.	320
XVIII.	Товарищи и пленцы Н. И. Новикова. (Ихъ взаимная переписка).	321—365
XIX.	Самозванецъ графъ Шидловскій (высочайшій указъ псковскому губернатору отъ 11 сентября 1787 г.).	366
XX.	Двѣ характеристики. Сообщ. Н. К. Шильдеръ.	367—379
XXI.	Высочайшій указъ псковскому губернатору Пилю отъ 26 апрѣля 1788 г. О сборѣ податей всякою монетою и банковыми ассигнаціями.	380
XXII.	Письма И. И. Бецкаго къ императрицѣ Екатерины II. П. М. Майкова	381—420
XXIII.	Замѣтка о семействѣ Шкуриныхъ. П. Майкова.	421
XXIV.	Походы Екатерины II по Волгѣ и Днѣпру. (1767—1787 гг.). Проф. В. А. Бильбасова	423—445
XXV.	Высочайшій указъ псковскому губернатору Пилю отъ 20 іюля 1788 г., по поводу патріотическаго предложенія псковскаго дворянства поставить рекрутъ въ очередь.	446
XXVI.	Къ исторіи царствованія императрицы Екатерины II. (Письма, замѣтки и проч.).	447—462
XXVII.	Послѣдніе «Голштинцы». Проф. В. А. Бильбасова.	463—466

	страни.
XXVIII. Письма архієпископа моголевскаго Георгія Конискаго къ В. Г. Рубану. Сообщ. В. Модзалевскій	467—471
XXIX. Кончина Екатерины II и воцареніе Павла I. Сообщ. Н. К. Шильдеръ	472—480
XXX. Способы вызова подрядчиковъ, употребляемые въ половинѣ прошлаго столѣтія. Сообщ. академ. К. С. Веселовскій	564
XXXI. Письмо графа Н. П. Румянцева С. Ф. Стрекалову отъ 26-го февраля 1794 г. и собственноручное письмо графа П. Завадовскаго графу А. К. Разумовскому отъ 20-го августа 1808 г. Сообщ. академ. А. Θ. Бычковъ	584
XXXII. Изъ бумагъ А. В. Никитенко. (Письма къ нему графа Хвостова, И. С. Тургенева, Н. В. Гоголя, граф. Ростопчиной, Ив. Лажечникова и Крамскаго).	585—597
XXXIII. Высочайшій указъ псковскаго намѣстничества правителю Пилю. О принятіи мѣръ противъ медленнаго рѣшенія дѣлъ	598
XXXIV. Михаилъ Александровичъ Бакуинъ. (Биографическій очеркъ). В. Ш.	599—616
XXXV. Письма Н. М. Языкова къ Н. В. Гоголю. Сообщ. В. Шенрокъ	617—647
XXXVI. Собственноручное письмо П. Лопухина князю Платону Зубову отъ 16-го октября 1798 г., и секретное письмо князя Кутузова графу И. И. Маркову отъ 18-го іюля 1812 г. Сообщ. академ. А. Θ. Бычковъ	648
XXXVII. Историко-критическія замѣтки. (По поводу Смутаго времени и брака съ Софьєю Палеологъ). Д. Иловайскаго	649—651
XXXVIII. Сенаторъ—не частный человекъ. (Предписаніе министра юстиціи князя Лобанова-Ростовскаго ярославскому губ. прокурору отъ 12-го сентября 1812 г.), и о наблюденіи за формой одежды статскихъ чиновниковъ (ордеръ генераль-прокурора Обольянина ярославскому губ. прокурору отъ 28-го февраля 1800 года	652
XXXIX. Архивъ графа П. Д. Киселева. Собственноручныя письма П. А. Вяземскаго—графу П. Д. Киселеву	677—686
XL. Князь Алексій Борисовичъ Лобановъ-Ростовскій (къ портрету)	687—692

*

Исторія русской литературы.

Павель Александрович Гвоздевъ и его стихотворенія . 131—134

Библиографическіе указатели.

Библиографическій указатель книгъ и статей по русской исторіи, вышедшихъ въ 1896 году 237—240 и 693—703

Библиографическій листокъ.

1. „Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“. Томъ девяносто пятый. Спб. 1895 г. Изданъ подъ редакціей Г. Θ. Карпова и Г. Θ. Штендмана. Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ октябрьской книги).
 2. „Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“. Томъ девяносто седьмой. Спб. 1896 г. XXI+543. Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ ноябрьской книги).
 3. Сочиненія В. Д. Спасовича. Томъ VIII. Спб. 1896 г., 474 стр. Цѣна 2 р. Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ декабрьской книги).
 4. Достопримѣчательныя села Тульской губерніи. Выпускъ II. Село Гремячее, бывшій городъ-крѣпость государства Московскаго. Историческій очеркъ А. И. Миловидова. Тула. 1895 г., 82 стр. Цѣна 35 к. Н. И. Кашкадамова (тамъ же).
-

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

въ 85, 86, 87 и 88 томахъ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1896 года.

А.

- Аблесимовъ, Александръ Онисимовъ**, писат., род. 1742 г., † 1783 г., т. LXXXVIII, нояб., 304.
- Аввакумъ, честный, членъ миссiи въ Пекинъ** 1834 г., т. LXXXV, мартъ, 594, 595.
- Андреевъ, Яковъ Андреевъ**, 1778 г., т. LXXXVIII, нояб., 450, 451.
- Аверкиъ, Пав. Ив., Волыиск. губери.** 1829 г., писат., род. 1775 г., † 1849 г., т. LXXXVI, апр., 172, 174.
- Анниковъ, лейтен.** 1847 г., т. LXXXVI, июнь, 665, 667.
- Аделунгъ, препод. имп. Николая I**, т. LXXXVI, июнь, 452.
- Адлербергъ, гр., Влад. Фед., ген.-ад. имп. двора.** род. 1790 г., † 1884 г., т. LXXXVI, апр., 172 — 176, июнь, 475, 612, 620 — 623, т. LXXXVII, авг., 238, т. LXXXVIII, окт., 8, 25, 79.
- Адлербергъ, гр-ня, Марiа см. Нелдова.**
- Адлербергъ, Юлиа Фед., въ зам. Баракова, губернтка имп. Николая I**, т. LXXXVI, июнь, 450, 628.
- Айвазовскiй, Ив. Бонст., худож.-маринистъ**, т. LXXXV, мартъ, 663, т. LXXXVI, июнь, 662, 664, 667.
- Ашимова, артистка московск. театр.** 1885 г., т. LXXXVII, июль, 218.
- Аксеновъ, Ив. Серг., род. 1823 г., † 1886 г., т. LXXXVII, июль, 36, т. LXXXVIII, декаб., 630, 639—643.**
- Аксаковъ, Ковст. Серг., писат.** род. 1817 г., † 1860 г., т. LXXXVIII, декаб., 630—643.
- Аксаковъ, Н. С., 1878 г., т. LXXXV, февр., 305, 306.**
- Аксаковъ, Серг. Тимофеевъ, писат.** род. 1791 г., † 1859 г., т. LXXXVI, апр., 40, т. LXXXVIII, декаб., 624, 636—646.
- Акутинъ, подполковн., 1837 г., т. LXXXVI, июнь, 529.**
- Алабинъ, П. В., Софiиск. губернат., 1878 г., т. LXXXVI, май, 262, т. LXXXVII, июль, 63.**
- Александра Николаевна, вел. княг., въ супруж. приняла Гессенъ-Касельская, род. 1825 г., † 1844 г., т. LXXXVI, июнь, 474, 621—655.**
- Александра Павловна, вел. княг. въ зам. Палатина Венгерская, р. 1783 г., † 1801 г., т. LXXXV, февр., 343—365, мартъ, 567—584, т. LXXXVI, апр., 79—96, май, 369—390, июнь, 449, т. LXXXVII, июль, 153—162, авг., 349—366, сент., 627—645, т. LXXXVIII, окт., 193—207.**
- Александра Феодоровна, императр., р. 1798 г., † 1860 г., т. LXXXV, мартъ 674, т. LXXXVI, апр., 177, май, 326, 328, 410, июнь, 454—626, т. LXXXVII, июль, 7—26, 83, авг., 255, 256, т. LXXXVIII, окт., 5—96, декаб., 639.**
- Александръ I, императ., т. LXXXV, янв., 41, 167, февр., 226—347, мартъ, 483—547, 607, т. LXXXVI, апр.,**

- 3—18, 153, 160, 179, 194, май, 291—346, 363, 364, 410, 421, 422, июнь, 449, 454, 455, 467—474, 627, 646, т. LXXXVII, июль, 5, 6, 16, 18, 21, 127—152, 172—182, 199, авг., 257, 258, 274, 277, 278, 323—348, 405, 425—432, 448, сент., 578, 587—615, 621, 636, 646, т. LXXXVIII, окт., 14, 16, 26—104, 139—169, 203, нояб., 281, 284—289, 371, 379, 422, 433, 451—462, 472—480, декаб., 482—518.
- Александръ II**, императоръ, род., 1818 г., † 1881 г., т. LXXXV, мартъ, 465—470, т. LXXXVI, апр., 213, 215, май, 255—266, 280, 355—362, 410, 420, июнь, 508, 521—526, 543—545, 583—596, 611—631, т. LXXXVII, июль, 10—18, 36, 42, 47—79, 88—91, 212, авг., 240—253, т. LXXXVIII, окт., 39, 41, 43, 94, 109, 183, нояб., 280, декаб., 525—540, 608.
- Александръ III**, импер., т. LXXXVI, май, 229, 232, т. LXXXVIII, окт., 171, декаб., 531, 532, 596.
- Александръ**, герцог. Виртембергскій, генер. 1812 г., т. LXXXVII, сент., 606, 608.
- Александръ**, Невскій, вел. князь, т. LXXXVII, июль, 118—121.
- Алексѣй Михайловичъ**, царь, род., 1629 г., † 1676 г., т. LXXXVII, июль, 105, 106, 108.
- Алексѣй Петровичъ**, царевичъ, род., 1690 г., † 1718 г., томъ LXXXVI, апр., 28.
- Алопеусъ**, послан. въ Берлинъ, 1807 г., т. LXXXVIII, декаб., 497.
- Альбедиль**, бар., Петръ Семеновичъ, об.-гофмейст., род. 1770 г., † 1830 г., т. LXXXV, мартъ, 498, т. LXXXVIII, окт., 13.
- Альфонсидъ**, Аркадій Алексѣев., рект. Московск. универс. род. 1796 г., † 1868 г., т. LXXXV, янв., 197.
- Амвросій**, (Алексѣй Ив. Моревъ) еписк. нижегород. 1833 г., р. 1783 г., † 1854 г., т. LXXXVI, апр., 102.
- Амвросій**, іеромон. настоят. Городецк. Федоровскаго монастыря, 1833 г., т. LXXXVI, апр., 99, 100, 101, 105.
- Амновъ**, бар., ген.-м. 1809 г., томъ LXXXVII, июль, 135—149, авг., 323, 324, 327.
- Андреевъ**, капит., адъют. главнокомандующаго 1877 г., т. LXXXVI, май, 236, 241, 258.
- Андріановъ**, генер.-м. 1820 г., томъ LXXXVI, май, 407, 408.
- Андрониковъ**, князь,—1825 г., томъ LXXXV, февр., 230—233.
- Аншценко**, капит. 1878 г., т. LXXXV, февр., 296.
- Анж.** Никол. Богданов., деканъ медич. факульт. москов. унив., т. LXXXV, янв., 196, 197.
- Анна Павловна**, вел. княг., въ супр. королева Нидерландская, р. 1795 г.—† 1865 г., т. LXXXVIII, окт., 44.
- Анненовъ**, Мих. Никол., генер. т. LXXXV, мартъ, 459.
- Анненовъ**, Пав. Васил., критикъ, писатель, р. 1813 г., † 1877 г., томъ LXXXVII, сентябрь, 561, 562, т. LXXXVIII, декаб., 600—606.
- Антоній**, митроп. сиб. и новгород. съ 1843 по 1848 г., т. LXXXVII, сент., 557, 558, 567.
- Антоній Платковскій**, архам. вркутскій 1720 г. т. LXXXV, февр., 321, 323, 327.
- Антоновичъ**, Ст., попечит. Киевск. учебн. окр., т. LXXXV, февр., 417.
- Антонъ-Ульрихъ**, герцогъ Брауншвейгскій, р. 1714 г., † 1774 г., т. LXXXV, янв., 137, 138.
- Анучинъ**, Дм. Гавр., ген. отъ инф., сообщ. князь В. А. Черваскій и гражданское управление въ Болгаріи, 1877—1878 гг., т. LXXXV, янв., 55—78, февр., 285—313, мартъ, 449—470, т. LXXXVI, май, 225—226, т. LXXXVII, июль, 45—81, авг., 231—254.
- Апраксинъ**, адмир. 1792 г., томъ LXXXVII, июль, 111.
- Апраксинъ**, флиг.-ад. 1830 г., томъ LXXXVIII, окт., 79.
- Арабашицъ**, К. И., сообщ.: «А. И. Герцень», т. LXXXV, февр., 413—424.
- Арашкевичъ**, гр., Алексѣй Андреев., р. 1769 г., † 1834 г., т. LXXXV, янв., 226—233, февр., 261, мартъ, 480—504, т. LXXXVI, апр., 4—20, май, 291—346, 406—408, июнь, 558, т. LXXXVII, июль 22, 133, 177, 180, авг., 425—436, сент., 595, 601, т. LXXXVIII, окт., 36, 90, нояб., 254.
- Арбузовъ**, Алексѣй Оед., ген.-ад., ген. отъ инф. 1855 г., томъ LXXXVII, июль, 225.
- Ареждъ**, Никол. Оед., лейбъ-медикъ, † 1859 г., т. LXXXV, февр., 245, 432, 436, т. LXXXVI, июнь, 628, 645, 647, т. LXXXVIII, окт., 79, 87.
- Ареновъ**, интендантъ 1877 г., томъ LXXXV, янв., 61, 73, февр., 288.
- Арсеникъ**, лейбъ-мед. Петра I, томъ LXXXVI, апр., 22.
- Аршадій**, еписк. пермск., впоствѣст. архіеп. оловецъ. 1819 г., т. LXXXV, мартъ, 607.
- Арсфелдъ**, Алексан. Иосиф., проф. р. 1806 г., т. LXXXV, янв., 192.
- Арсфелдъ**, гр., Густавъ Морницъ, ген.-ад., ген. губ. финлянд. 1812 г., р. 1757 г., † 1814 г., т. LXXXVII.

- июль, 127—152, авг., 323—348, сент., 591—615, томъ LXXXVIII, окт., 139—157.
- Арифельдъ**, Магнусъ, камергеръ. т. LXXXVII, сент., 610.
- Арифельдъ**, графиня, т. LXXXVII, авг., 347.
- Арнольдъ**, ген. 1878 г., т. LXXXVI, май, 262.
- Арсеньева**, Елизавет. Алексеев., рожд. Столпнина, бабка М. Ю. Лермонтова, т. LXXXVI, июль, 645, 647, 648.
- Арсеньевъ**, полковн. 1802 г., воспит. вел. кн. Николая Павловича, томъ LXXXVI, июнь, 451.
- Архаровъ**, Никол. Петровичъ, спб. генер.-губернат. 1796 г., род. 1742 г., † 1814 г., томъ LXXXVII, сент., 541, 635.
- Асмонохой**, Викт. Ипат., писат., род. 1820 г., † 1879 г., т. LXXXVIII, окт., 192.
- Ахвердовъ**, ген.-м., преподават. вел. кн. Николая Павловича 1802 г., т. LXXXVI, июнь, 451, 452.
- В.**
- Вабичъ**, Петръ Ив., сообщ. письмо А. А. Кикина по поводу кончины М. Ю. Лермонтова, т. LXXXV, февр., 315.
- Ваботь**, Ив. Кондратьев., проф. род. 1824 г. † 1881 г., т. LXXXV, янв., 204.
- Вагряковъ**, кн. Петръ Ив., ген. отъ инф., род. 1765 г., † 1812 г. томъ LXXXV, мартъ, 482, 483, 490, 502, т. LXXXVII, авг. 348, сент., 593, 599—606, т. LXXXVIII, окт., 102, 103, 233.
- Вагряковскій**, Мих. Ив., докт., масонъ, † 1810 г., т. LXXXVIII, нояб., 328, 328.
- Важановъ**, Васил. Борисов., протопр. † 1893 г. т. LXXXV, февр., 245, т. LXXXVI, июль, 621—624.
- Вазель**, инженер.-генер. 1855 г., т. LXXXVIII, декаб., 578—587.
- Вазилевичъ**, Григ. Ив., докт., масонъ род. 1759 г., † 1802 г., т. LXXXVIII, нояб., 322.
- Вайроль**, поэтъ, томъ LXXXVIII, окт., 135—138.
- Важмейстеръ**, инспект. академическ. гимназій 1776 г., томъ LXXXVII, сент., 462.
- Важукина**, Варвара Александр., см. Муравьева.
- Важукинъ**, Алекс. Мих., предводит. дворян. Тверской губер. 1807 г., т. LXXXIII, декаб., 599.
- Важукинъ**, Мих. Александр., р 1814 г., † 1876 г., т. LXXXV, февр., 418, г. LXXXVI, июль, 458, т. LXXXVIII, декаб. 599—616.
- Важукинъ**, 1780 г., томъ LXXXVIII, нояб., 272.
- Валаховъ**, Алекс. Дмитр. мн-рь по-лицій. род. 1770 г., † 1837 г., томъ LXXXVI, апр., 5, 6, т. LXXXVII, авг., 339, 340.
- Валлей**, Ив., лейтен. 1767 г., томъ LXXXVIII, нояб., 441.
- Валуговъ**, Мих. Андреев., проф. р. 1769 г., † 1848 г., т. LXXXVI, июль, 452, 453.
- Валахъ**, Ив. Георг. чиновн. Азиатск. деп. мин. ин. дѣлъ 1835 г., томъ LXXXVI, апр., 197.
- Вантышъ-Кашенскій**, Дм. Николаев., писат., р. 1788 г., † 1850 г., томъ LXXXVI, май, 490, июль, 569, 570.
- Важанова**, гофмейстерна 1829 г., т. LXXXVI, апр., 177.
- Варатинскій**, Евген. Абрам., поэтъ, † 1844 г. т. LXXXVIII, окт., 187.
- Варжай-де-Толли**, кн., Мих. Богдан., род. 1761 г., † 1813 г., томъ LXXXV, мартъ, 482—493, 502, 504, томъ LXXXVI, апр., 7—13, июль, 563, т. LXXXVII, сент., 593—606, томъ LXXXVIII, окт., 102—106, декаб., 484.
- Вартковъ**, Ю. Н. томъ LXXXVII, сент., 662.
- Вартковъ**, чиновн. мн-ва ин. дѣлъ 1840 г., т. LXXXVI, июль, 602.
- Вартаковский**, Алексѣй Фед., композ. т. LXXXVIII, декаб., 587.
- Варшевъ**, Серг. Ив., профес. уголов. права, т. LXXXV, янв., 197.
- Варатинскій**, кн. Александр. Иван. фельдмарш., т. LXXXVIII, декаб., 566, 581.
- Варатинскій**, кн., об.-гофмарш. 1796 г., томъ LXXXVII, сент., 636, томъ LXXXVIII, нояб., 374.
- Васовъ**, Васил. Александр., профес. хирургъ, 1846 г., томъ LXXXV, янв., 199.
- Ватенковъ**, Гавриилъ Степ. декабр. † 1867 г., т. LXXXVI, июль, 459.
- Ватуричъ**, капит., послѣдоват. секты Татариновой, т. LXXXV, февр., 235.
- Ватюшковъ**, Конст. Никол., писат. род. 1787 г., † 1855 г., т. LXXXV, янв., 82, 84, т. LXXXVII, июль, 84, сент., 574.
- Вахметьевъ**, помѣщикъ Симбирск. 1850 г., т. LXXXVIII, дек., 609, 613.
- Вахметевъ**, полковн. 1855 г., томъ LXXXVII, июль, 203.
- Вашилловъ**, Александр. Александр. сенат., 1840 г., т. LXXXVI, июль, 578.

- Вашуцкий**, Пав. Яковл., слб. коменд. 1825 г., ген.-ад., т. LXXXVI, май, 311, 312.
- Васутовъ**, кн. Вас. Осип., ген. отъ инф., † 1858 г., т. LXXXVI, июнь, 610, т. LXXXVIII, окт., 226.
- Васородно**, кн. Александр Андреев., канцл. род., 1747 г., † 1799 г., томъ LXXXV, янв., 151, 154, февр., 349, 377, 378, мартъ, 573, т. LXXXVII, июль, 28, сент., 634, 637, 641, 643, т. LXXXVIII, окт., 197, 198, нояб., 267, 272, 343, 358, 445, 467, декаб., 691.
- Васродный**, 1813 г., томъ LXXXVI, апр., 5, 6.
- фонъ-Вейеръ**, Николай, майоръ «Голштинскаго отряда» 1763 г., томъ LXXXVIII, нояб., 465.
- Везельманъ**, Карлъ Фридрихъ, капит. «Голштинскаго отряда» 1763 г., т. LXXXVIII, нояб., 465.
- Везовичъ-Черкасовъ**, кн. Александр, капитанъ гвардіи Преображ. полка, соверш. походъ въ Хиву 1716 г., т. LXXXVI, май, 423.
- Везъевъ**, чиновн. 1827 г., т. LXXXV, янв., 11.
- Везъ**, ген. 1830 г., т. LXXXVIII, декаб., 669.
- Венедиктовъ**, Влад. Григ. писатель, р. 1807 г., † 1873 г., т. LXXXVII, сент., 662.
- Венкендорфъ**, гр. Александр Христоф., ген.-ад., шефъ жанд., род. 1783 г., † 1844 г., т. LXXXV, янв., 11—16, 32, 41—50, февр., 234—242, 431—436, мартъ, 610, т. LXXXVI, апр., 172, май, 314, июнь, 463, 471—510, 557—566, 602, т. LXXXVII, июль, 3—20, т. LXXXVIII, окт., 60—96.
- Венкендорфъ**, Конст. Христофор., ген.-ад., род. 1785 г., † 1829 г., т. LXXXVI, июнь, 476.
- Венкендорфъ**, Христофоръ, генер.-аншефъ, т. LXXXVI, июнь, 471.
- Венигосенъ**, гр. Леонтій, Леонтьев. генер. род. 1745 г., † 1826 г., томъ LXXXV, мартъ, 478, 503, 504, томъ LXXXVI, май, 296, т. LXXXVII, сент., 594—608, т. LXXXVIII, окт., 102—104, 119, декаб., 481—518.
- фонъ-Вергъ**, полковн. «Голштинскаго отряда» 1763 г., томъ LXXXVIII, нояб., 465.
- Вержковъ**, М. Н. профес. 1890 г., т. LXXXVIII, декаб., 649—651.
- Веригъ**, московск. об.-полиціймейст. 1856 г., т. LXXXVII, июль, 225.
- Вертель**, подполковн. 1825 г., дек., т. LXXXVI, июнь, 460.
- Вестужевъ**, (Марлинскій), Александр Александров., писат., декабристъ, р. 1797 г., † 1837 г., г. LXXXVI, июнь, 461.
- Вестужевъ-Рюминъ**, гр., Алексѣй Петров., каб.-министръ, потомъ гос. канцл., род., 1693 г. † 1766 г., томъ LXXXV, янв., 127, 131.
- Вестужевъ-Рюминъ**, Конст. Никол., проф., т. LXXXVII, сент., 617, 618.
- Вехтъевъ**, помѣщ. 1820 г., т. LXXXV, янв., 142—144.
- Вещій**, Ив. Ив. д. т. сов., р. 1704 г., † 1795 г., т. LXXXVIII, нояб., 247, 381—420, 432, декаб., 623.
- Вешновъ**, Александр. Ильичъ, ген.-аншефъ, р. 1729 г., † 1774 г., томъ LXXXVIII, нояб., 441.
- Вибиковъ**, Дм. Гавр., Киевск., ген.-губернат., впослед. мн. вн. дѣл., р. 1792 г., † 1870 г., т. LXXXVI, май, 357, 358, т. LXXXVIII, декаб., 684.
- Вибиковъ**, камеръ-юнк. 1787 г., томъ LXXXVIII, нояб., 445.
- Виземъ**, об.-секрет. комиссариат. коллег. 1880 г., т. LXXXV, мартъ, 477, 479, 484, 504, томъ LXXXVI, май, 300.
- Визановъ**, Ф. Г. полковн. 1837 г., т. LXXXVI, июнь, 524, 527, 528, 529.
- Вильбасовъ**, Вас. Алексѣев., профес., сообщ.: «Автобиографическая записка государственнаго секретаря Василія Романовича Марченни», т. LXXXV, мартъ, 471—506, томъ LXXXVI, апр., 3—20, май, 291—317, «Сперанскій и два Никитина», т. LXXXVII, авг., 445—447. «Памяти императрицы Екатерины II, 1786—1896 г.», нояб., 241—280, «Походы Екатерины II по Волгѣ и Днѣпру 1767 и 1787 г.», 423—445. «Собственноручный рескриптъ императрицы Екатерины II князю Н. Ю. Трубецкому 1762 г.», 447. «Сенатскій указъ, составленный императрицею Екатериною II 1765 г.», 448—449. «Къ исторіи законодательной комиссіи 1767 г.», 449, 450. «Собственноручное письмо Екатерины II, графу В. П. Мусыну-Пушкину», 461. «Ея же рескриптъ гр. Н. И. Салтыкову», 462. «Эпитафія, сочиненная Георгіемъ Конисскимъ предъ кончиною», 462. «Послѣдніе Голштинцы 1763 г.», 463—466.
- Вистромъ**, бар., Карлъ Ив., ген. отъ инф., р. 1770 г., † 1838 г., т. LXXXVI, июнь 501.
- Вистромъ**, бар., Никол. Романов., т. LXXXVII, сент., 567.
- Вларамбергъ**, Ив. Павлов., послѣд древностей Новорос. края, р. 1772 г., † 1831 г., т. LXXXV, янв., 186

- февр., 441—445, мартъ, 670, томъ LXXXVI, июнь, 537.
- Влогидицкій**, Ипполитъ, офиц. польск. войскъ, 1830 г., т. LXXXVIII декаб., 656.
- Влудовъ**, гр. Дм. Никол., ст.-секр., предсѣд. Госуд. Сов., род. 1785 г., † 1864 г., томъ LXXXVI, май, 302, 303, 314, июнь, 555, 557, т. LXXXVII, июль, 84, 85, сентябрь, 577, т. LXXXVIII, декаб., 683.
- Влюхеръ**, генер. 1812 г., т. LXXXVI, апр., 12, т. LXXXVIII, 494.
- Воборыкинъ**, т. LXXXVIII, декаб., 618, 621.
- Вобриковъ**, Г. И. полковн. 1878 г. т. LXXXVII, июль, 52.
- Вобриновій**, гр., Алексѣй Григорьев., р. 1762 г., † 1818 г., т. LXXXVIII, нояб., 393—420.
- Вобровъ**, Андр. Петров., экономъ 1-го кадет. корп., томъ LXXXV, мартъ, 506—510.
- Вобровъ**, Сем. Серг., писат., † 1810 г., т. LXXXVI, апр., 190.
- Вогалевскій**, переводч. Академ. наукъ 1780 г., LXXXVII, сент. 488.
- Вогатый**, И. И., староста Городеца. Феодоровскаго монаст. † 1841 г., т. LXXXVI, апр., 107.
- Вогдановичъ**, Ипполитъ Фед., писат., род. 1743 г., † 1803 г., т. LXXXVII, сент., 473—476.
- Вогдановичъ**, Модестъ Ив., генер.-лейт., воен. историкъ, † 1882 г. т. LXXXVIII, окт., 118, 120.
- Вогшичъ**, профес. Новорос. унив. 1878 г., т. LXXXVII, июль, 66.
- Воголобовъ**, А. А. полковн. генер. штаба 1878 г., т. LXXXVII, авг., 249, 250.
- Воголобовъ**, Алексѣй Петров., профес. живоп. маринистъ, р. 1824 г., † 1896 г., т. LXXXVIII, декаб., 597.
- Вогушевскій**, Никол., сообщ.: «Назначеніе псковскаго станціоннаго смотрителя. Посланіе въ стихахъ гр. Сологуба къ гр. И. М. Толстому и отвѣтъ на него», томъ LXXXV, янв., 139—141.
- Водановскій**, Осипъ Максимов., проф. московск. унив., р. 1808 г., † 1877 г., т. LXXXV, янв., 201, т. LXXXVIII, окт., 184, 185, декаб., 631.
- Воргартъ**, Никол. Ив., профес., 1835 г., ч. LXXXVI, июнь, 649, 650, 651, 652.
- Воржовъ**, декабр., томъ LXXXVI, июнь, 460.
- Воржисполецъ**, художн., т. LXXXVI, июнь, 665.
- Воржскъ-Годуновъ**, царь, р. 1552 г., † 1605 г., томъ LXXXVII, июль, 115, 117.
- Воровиковскій**, Влад. Лукичъ, худ., † 1825 г., т. LXXXV, февр., 229, 230, 231, 232, 234.
- Вородинъ**, Никол. Мих., 1817 г., т. LXXXVI, июнь, 516.
- Вотвикъ**, В. П., писат., т. LXXXIII, декаб., 600, 602.
- Вражловскій**, судья, 1863 г., т. LXXXVIII, декаб., 545.
- Вражницкая**, гр-ня, Александра Вас., рожд. Энгельгардъ, статсъ-дама Екаторины II, р. 1764 г., † 1838 г., т. LXXXVIII, окт., 71, нояб., 376, 444.
- Вражманъ**, Никол. Дм., профес., т. LXXXV, янв., 197.
- де-Врегейль**, франц. послан. въ Сиб. 1763 г., т. LXXXV, янв., 127—131, февр., 397.
- фонъ-деръ-Вриггенъ**, декабр., томъ LXXXVI, июнь, 460.
- фонъ-Вригъ**, Францъ Абрамов., сен., т. LXXXV, мартъ, 487.
- Врижоричъ**, ген. 1812 г., т. LXXXVII, авг., 424.
- Вромъ**, ген.-м. 1878 г., т. LXXXV, февр., 296.
- Вромъ**, Федоръ Петров., минист. финанс., 1853—1856 г., т. LXXXVIII, декаб., 684.
- Бронниковъ**, Алексѣй Александ., т. LXXXVI, июнь, 547.
- Бруни**, Фед. Антонов., профес. ист. живописи, р. 1800 г., † 1875 г., т. LXXXVI, июнь, 653, 660.
- Брюловъ**, Карлъ Павл., художникъ, р. 1799 г., † 1852 г., т. LXXXVI, июль, 648—664.
- Брюмеръ**, генер. 1830 г., т. LXXXVIII, окт., 80.
- Брюсъ**, гр., Яковъ Вильям., генер.-фельдцейхмейст., р. 1670 г., † 1735 г., т. LXXXVIII, нояб., 258, 263.
- Будбергъ**, Андрей Яковлев., генер., послан. въ Швецію 1794 г., р. 1760 г., † 1812 г., т. LXXXV, февр., 447, мартъ, 580, 581, т. LXXXVI, апр., 80—96, май, 369—390, т. LXXXVII, июль, 154—162, авг., 349—366, сент., 627, 628, 633, 635, 641, т. LXXXVIII, окт., 204.
- Будбергъ**, бар., Богданъ Васильев., дипломатъ, ввост. Эстляндск. губер., р. 1766 г., † 1833 г., т. LXXXVI, апр., 80—96, т. LXXXVII, июль, 154—162, сент., 627, 634, 635, томъ LXXXVIII, окт., 197, 198, 204.
- Будановскій**, Мих. офиц. польск. войскъ 1830 г., т. LXXXVIII, окт., 217, 225, декаб., 654.
- Будневичъ**, капит. 1847 г., томъ LXXXVI, июнь, 664—667.
- Будонъ**, Александ. Павл., художникъ 1827 г., т. LXXXV, янв., 8—39.

- Бужингамъ**, лордъ, англ. посл. въ Спб. 1762 г., т. LXXXV, янв., 126—138, февр., 396, 397, 403.
- Бумоговдакъ**, Петръ Филин., шт.-кап. 1537 г., послѣдов. секты Татаринской, т. LXXXV, февр., 239—260.
- Бумоговдакъ**, гр., Оед. Оед., спб. воен. губ., ген. отъ инф., род. 1750 г., † 1811 г., т. LXXXV, мартъ, 489, т. LXXXVII, сент., 541, т. LXXXVIII, декаб., 497.
- Бумоговдакъ**, гр., попечит. московск. учебн. оуп. 1855 г., т. LXXXV, мартъ, 646.
- Булгаринъ**, Оадей Венедикт., пис. род. 1789 г., † 1860 г., т. LXXXV, мартъ, 556, т. LXXXVI, июнь, 556, 564—570, т. LXXXVII, июль, 83.
- Бунже**, Никол. Христіанов., предсѣд. комит. мин.-въ, р. 1823 г., † 1895 г., т. LXXXVI, апр., 214, 215.
- Буслаевъ**, Оед. Ив., профес. москов. унив., т. LXXXV, янв., 202, т. LXXXVIII, декаб., 524.
- Бутаковъ**, кап.-лейт. 1850 г., томъ LXXXV, мартъ, 657.
- Бутоева**, Марія Иринеяв., рожден. гр-ня Хрептовичъ, т. LXXXVIII, окт., 233.
- Бутовель**, Аюлинарій Петров., дипломатъ, чл. Госуд. Сов., р. 1787 г., † 1866 г., т. LXXXVII, авг., 414, 417, 421, т. LXXXVIII, окт., 233—236.
- Бутуралитъ**, Ив. Ив., правит. Малороссіи, р. 1661 г., † 1738 г., томъ LXXXVIII, нояб., 292, декаб., 687.
- Бутыринъ**, Никита Иванов., профес. † 1848 г., т. LXXXVII, сент., 584.
- Бухмейеръ**, Оед. Евстафьев., ген.-м. 1809 г., т. LXXXV, мартъ, 484, 491, т. LXXXVI, май, 319—346.
- Бушъ**, лейбъ-мед., т. LXXXVIII, декаб., 484.
- Выгмовъ**, Аюнас. Оед., акад., сообщ.: «Письмо ян. А. Н. Голицына М. М. Сперанскому», т. LXXXVII, сент., 616, «Собственноручное письмо С. С. Уварова — М. М. Сперанскому 1819 г.», т. LXXXVIII, окт., 158, «Письмо гр. Н. П. Румянцева С. Ф. Стрелову 1794 г.», т. LXXXVIII, декаб., 584, «Собственноручное письмо гр. П. Завадовскаго гр. А. К. Разумовскому» 1808 г., 584, «Собственноручное письмо П. Лолухина къ Платону Зубову» 1798 г., 648, «Секретное письмо вл. Кутузова гр. И. И. Маркову», 648.
- Выгмовъ**, О. А., т. LXXXV, янв., 177.
- Валинскій**, Виссар. Григ., писатель, род. 1810 г., † 1848 г., т. LXXXV, февр., 385, 413, 418, мартъ, 563, т. LXXXVI, апр., 41, т. LXXXVII, июль, 217, 218, томъ LXXXVIII, декаб., 600—602, 645.
- Валосельская-Валозерская**, кн-ня, 1817 г., т. LXXXVI, май, 295.
- Валодеровецъ**, над. сов., Тульчинск. ген.-губ. 1878 г., томъ LXXXVII, июль, 62.
- Валлеъ**, Ив. Дм., проф. т. LXXXV, янв., 200.
- В.**
- Вадковскій**, Оед. Оед., команд. л.-гв. Павловск. п. 1797 г., т. LXXXVII, сент., 541.
- Важель**, сообщ.: «Псаломъ Павла Сумарокова», т. LXXXV, февр., 265, 266.
- Важуловскій**, Н. Н., сообщ.: «Карлъ Андреевичъ Мейеръ», т. LXXXV, мартъ, 678.
- Валевскій**, Юсифъ, помѣщ. 1829 г., т. LXXXVI, апр., 181, май, 397.
- Валевскій**, Тадеушъ, офиц. польск. войскъ, 1830 г., т. LXXXVI, апр., 169, 171, май, 391—398, т. LXXXVII, авг., 368—376.
- Валуевъ**, камергеръ 1787 г., томъ LXXXVIII, нояб., 445, 479.
- Валуевъ**, ннж.-полков. 1824 г., т. LXXXV, февр., 239.
- Варакомскій**, А., сообщ.: «Смѣлый отвѣтъ русскаго офицера австрійскому главнокомандующему въ 1849 г.», томъ LXXXV, февр. 264, 265.
- Варвинскій**, Юс. Вас., профес., медикъ, род. 1811 г., † 1878 г., томъ LXXXV, янв., 199.
- Варнекъ**, Никол. Александр., профес. анатом. и физиол. 1855 г., т. LXXXV, янв., 194, 195.
- Васильева**, артистка московск. театр. 1855 г., т. LXXXVII, июль, 218.
- Васильевъ**, гр., Алексій Ив., госуд. казначей. 1798 г., вполн. мнв. финанс., р. 1742 г., † 1807 г., томъ LXXXV, февр., 380, мартъ, 477.
- Васильевъ**, Серг. Васильев., арт. москов. театровъ р. 1827 г., † 1862 г., томъ LXXXVI, май, 359, 360, томъ LXXXVII, июль, 212—218.
- Васильчиновъ**, Александр. Семенов., камерг. Екаторины II, т. LXXXVI, апр., 119, 137.
- Васильчиновъ**, вл. Илар. Васильев., предсѣд. Госуд. Сов., род. 1777 г., † 1847 г., т. LXXXVI, май, 304—307, 313, июнь, 476, 490, 628, томъ LXXXVIII, окт., 119.

- Васильчиковъ, П. А., 1854 г., томъ LXXXVI, май, 352, 353, томъ LXXXVII, авг., 245, 254.
- Васильчиковъ, гр. команд. гвард. корп. 1830 г., т. LXXXVIII, окт., 88.
- Васильчиковъ, кн. офиц. 1841 г., т. LXXXV, февр., 315.
- Ведомейеръ, чиновн. мнн-ва иностр. дѣлъ 1812 г., т. LXXXV, мартъ, 503.
- Вейсенгофъ, генер. польск. войскъ т. LXXXV, янв., 175, т. LXXXVIII, окт., 215, декаб., 670.
- Вельяминовъ, Алексѣй Александр., генер. 1839 г., т. LXXXVIII, окт. 112, декаб., 566.
- Вельяминовъ-Зерновъ, Влад. Владим., академикъ, т. LXXXVI, июнь, 537, 547.
- Веняминъ Морачевичъ, нач. русск. миссiи въ Пекинѣ 1832 г. т. LXXXV, февр., 335—341, мартъ, 592—596.
- де-Веравъ, франц. послан. въ Сиб. 1779 г., т. LXXXVI, апр., 151, 152.
- Веригинъ, Петръ, послѣд. секты духоборцевъ, т. LXXXVII, авг., 288—293, сент., 493—526.
- Вернадскій, Ив. Вас., профес. моск. унв., род. 1821 г., † 1884 г., т. LXXXV, янв., 202, 204.
- Верстовскій, Алексѣй Никол., композит., р. 1799 г., † 1866 г., томъ LXXXVIII, июль, 209.
- Веселаго, Θεодосій Ѳед., чл. совѣта главн. управл. по дѣламъ печати, † 1895 г., т. LXXXV, мартъ, 639—654, т. LXXXVII, июль, 100, 209, 211.
- Веселовскій, Конст. Степ., акад., сообщ.: «Ворьба академикомъ съ директоромъ С. Г. Домашневимъ», 1775—1782 г.г., т. LXXXVII, сент., 457—492, «Запрещенiе историографу Миллеру заниматься генеалогiею 1748 г.», 626, «Страничка изъ академической жизни 1750 г.», томъ LXXXVIII, окт., 170.
- Вигель, Филиппъ Филип., управл. деп. духовн. дѣлъ иностр. исповѣд., род. 1786 г., † 1856 г., т. LXXXV, мартъ, 611—617, т. LXXXVI, апр., 81.
- Вижъ, шт.-кап. 1830 г., т. LXXXV, янв., 112, 113.
- Вилламовъ, Григ., управл. учрежд. им-цы Марiи 1837 г., т. LXXXV, февр.: 248.
- Виллие, баронетъ, Яковъ Васильев., лейбъ-медикъ, † 1854 г., т. LXXXVI, апр., 4, 18, т. LXXXVIII, окт., 25, декаб., 484.
- Вильдерметъ, гувернантка импер-цы Александры Θεодоровны, 1815 г., т. LXXXVIII, окт., 17, 21.
- Виндгеймъ, профес. 1750 г., томъ LXXXVIII, окт., 170.
- Виттуловъ, Александр. Дм., директ. Михайлов. Воронеж. корп. 1847 г., т. LXXXV, февр., 369—376.
- Вичингероде, бар., Фердин. Ѳед., генер., р. 1770 г., † 1818 г., томъ LXXXV, мартъ, 503, т. LXXXVIII, окт., 104.
- Виртембергскiй, кн., Адамъ, генер. 1829 г., т. LXXXV, янв., 170, 175, т. LXXXVIII, декаб., 654, 661, 662, 669.
- Витбергъ, Александр. Лавр., художн., архитект., т. LXXXV, февр., 418.
- Витгенштейнъ, свѣтл. кн., Людовикъ-Петръ, фельдмарш., род. 1769 г., † 1843 г., т. LXXXVI, апр., 4, 8, июнь, 475, 489, т. LXXXVII, июль, 4, т. LXXXVIII, декаб., 485.
- Витгенштейнъ, кн., Петръ, ген.-ад. 1878 г., т. LXXXV, февр., 299.
- Витжъ, ротмистръ «Голштинскаго отряда» 1763 г., томъ LXXXVIII, нояб., 465.
- Виттъ, генер., начальн. воен. поселенiй на Украинѣ 1828 г., томъ LXXXVI, апр., 166, 167, 172, 173, май, 336, 337, июнь, 476, т. LXXXVIII, окт. 71, декаб., 575.
- Визьгоровскiй, Юсиф. Мих., воен. мнн. Ц. Польск. 1816 г., т. LXXXVIII, окт., 164.
- Визьгоровскiй, Юрiй Мих., камергеръ 1796 г., сенат. 1800 г., † 1807 г., т. LXXXVII, сент., 635.
- Владимировъ, шт.-кап., нач. Плевненск. окр. 1877 г., впосл. управл. Гатчинск. дворцомъ, т. LXXXV, мартъ, 451—454, томъ LXXXVI, май, 237.
- Владимиръ Алексеевичъ, вел. князь, т. LXXXVI, май, 235.
- Владиславовичъ-Рагузинскiй, гр., Савва, послан. въ Китаѣ 1725 г., т. LXXXV, февр., 322, 323.
- Власовъ, М. Г., наказн. атаманъ войска Донскаго 1837 г., т. LXXXV, февр., 369.
- Воейковъ, Александр. Ѳед., проф., писатель, род. 1773 г., † 1839 г., т. LXXXVI, июль, 555, 556.
- Воейковъ, В. П., конноводч., 1850 г., т. LXXXVI, май, 360, 361.
- Воейковъ, Мих., мичманъ 1767 г., т. LXXXVIII, нояб., 441.
- Воейковъ, генер. 1878 г., т. LXXXV, мартъ, 466.
- Воеводинъ, К. А., сообщ.: «Материалы, относящiеся къ пребыванiю въ Митавѣ франц. королевскаго семейства въ 1798 г.», т. LXXXV, февр., 377—380. «Изъ воспоминанiй о послѣднемъ офицерѣ армiи Наполеона I», т. LXXXVI, апр., 109—114.
- Вовкесемскiй, Н. И. членъ русск.

- миссiи въ Пекинѣ 1827 г., томъ LXXXV, мартъ, 590.
- Войдеховскiй, Н. В., инспект. Витебск. духовн. семина. 1835 г., т. LXXXV, мартъ, 537.
- Войдеховскiй, Осипъ Павлов., докт. при русск. миссiи въ Пекинѣ 1831 г., вполн. профес. Казанск. унив., т. LXXXV, февр., 335, мартъ, 598 - 608, т. LXXXVII, авг., 375.
- Волковъ, Александръ Александров., генер. жанд. корпуса 1830 г., т. LXXXVI, июнь, 561—564.
- Волковъ, Дм. Васильев., тайн. секретарь совѣта при Петрѣ III, вполн. Оренб. губернат. † 1785 г., томъ LXXXVIII, нояб., 441.
- Волковъ, Лука Никифоров., ст. сов., 1750 г., т. LXXXVI, апр. 183.
- Волковъ, Петръ Лукичъ, ген.-м., т. LXXXVI, апр., 183.
- Волковъ, ген.-лейт., нач. 2-го окр. корп. жанд. 1829 г., т. LXXXV, янв., 16, 17.
- Волковожая, княг., Марiа Никол., рожд. Раевская, супруга декабриста, т. LXXXVI, июнь, 464.
- Волковожая, княгиня 1817 г., томъ LXXXVIII, окт., 13.
- Волконскiй, вл. Г. С. Оренб. воен. губернат., т. LXXXVI май, 411, 412
- Волконскiй, кн., Дм. Петров., ген.-лейт., интенд. гофмейст. † 1853 г., т. LXXXV, мартъ, 477.
- Волконскiй, кн., Петр. Мих., мнръ двора, фельдмарш., род. 1776 года, † 1852 г., т. LXXXV, мартъ, 499, 500, т. LXXXVI, апр., 10 - 18, май, 294, 297, 408, июнь, 496, 628, 629, т. LXXXVIII, окт., 86, нояб., 304.
- Вольфъ, Н., 1838 г., т. LXXXVIII, декаб., 582, 583.
- Вольковскiй, 1835 г., т. LXXXVIII, декаб., 567.
- Воловнчъ, генеральша, рожд. Тышкевичъ, т. LXXXV, февр., 383, 384, 387, 390
- Воробьевъ, Г. А., сообщ.: «Лазарь Карно въ Варшавѣ въ 1816 г.», т. LXXXVIII, окт., 159—169.
- Воробьевъ, художн. 1837 г., томъ LXXXVI, июнь, 661.
- Воронцовъ, гр., Александръ Романов., госуд. канцл., р. 1741 г., † 1805 г., т. LXXXVII, июль, 28, сент., 490, т. LXXXVIII, нояб., 267.
- Воронцовъ, кн., Андрей Семенов. 1543 г., т. LXXXVII, июль, 123.
- Воронцовъ, кн., Мих. Сем., ген.-ад., Новорос. ген.-губ., намѣстн. кавказ., род. 1781 г., † 1856 г., т. LXXXV, янв., 186—188, февр., 434, 441—444, мартъ, 663—673, т. LXXXVI, апр., 195, 196, 199, июнь, 496, т. LXXXVII, авг., 406—422, сент., 670, томъ LXXXVIII, окт., 73, декаб., 578.
- Воронцовъ, гр., Семеновъ Роман., посолъ въ Лондонъ, р. 1744 г., † 1832 г., т. LXXXVII, май 369, т. LXXXVIII, нояб., 257, 267.
- Воронцовъ, гр., началн. Варискаго отряда 1828 г. т. LXXXVI, июнь, 473, 494, 503—507.
- Ворпелъ, гр., Станиславъ, повстан. 1830 г., т. LXXXVII, сент., 647, 648, 650.
- Востоковъ, Александръ Христофор., акад., род. 1781 г., † 1868 г., т. LXXXVIII, окт., 187.
- Востоковъ, артистъ москв. театр. 1855 г., т. LXXXVII, июль, 212, 213.
- Враггелъ, бар., полковн. 1838 г., т. LXXXVIII, декаб., 576.
- Враховая, баронесса, Евпраксiа Някол., рожд. Вульфъ, т. LXXXVII, сент., 562.
- Вревскiй, бар., И. А., † 1857 г., т. LXXXVIII, декаб., 582.
- Вредъ, баронесса, 1704 года, томъ LXXXVIII, нояб. 382.
- Госволкодскiй, Серг. Алексѣевичъ, 1767 г., т. LXXXVIII, нояб., 441.
- Вульфъ, Алексѣй Николаев., офиц., † 1883 г., т. LXXXVII, сент., 562, 563, 564.
- Вульфъ, Анна Никол., т. LXXXVII, сент., 562.
- Вульфъ, Прасковья Александр., рожд. Выдомская, по втор. браку Осипова, т. LXXXVII, сент. 562.
- Выговскiй, Антонъ, офиц. польскнхъ войскъ 1830 г., томъ LXXXVIII, окт., 209.
- Высоцкiй, Петръ, офиц. польскнхъ войскъ 1830 г., томъ LXXXVII, авг., 371.
- Вяземскiй, кн., Александръ Алексѣев., ген.-прокур. 1781 г., р. 1727 года, † 1793 г., т. LXXXVII, сент., 465, 472, 490, т. LXXXVIII, нояб., 257—265, 448, 449
- Вяземскiй, кн., Петръ Андреев., товар. мн-ра народа, просв., писат., род. 1792 г., † 1878 г., т. LXXXV, янв., 79—104, мартъ, 557, 662, томъ LXXXVII, июль, 84, 85, 89, 90, авг., 417, сент., 562, 563, т. LXXXVIII, декаб., 624, 625, 635, 642, 643, 677—686.
- Вязмитиновъ, гр., Серг. Кузьмичъ, воен. мнн. съ 1802—1808 г.г., род. 1748 г., † 1819 г., томъ LXXXV, мартъ, 472—486, томъ LXXXVI, май, 411.

Г.

- Гаагъ**, гр.-ня, рожд. Таунценъ, 1817 г., т. LXXXVIII, окт., 17.
- Гавриилъ**, (Петръ Петровъ) еписк. тверск. 1763 года, митроп. слб. и новгород. 1770 г., т. LXXXVIII, нояб., 424, 425, 429.
- Гавронокій**, подполковн. 1829 г., т. LXXXV, янв., 171.
- Гагаринъ**, кн., Грнг., Григорьев., художн., вице-презид. акад. худож., т. LXXXVII, авг., 418.
- Гагаринъ**, кн., Грнг. Ив., послан. въ Римъ и Мюнхенъ, † 1837 г., томъ LXXXVII, авг. 418.
- Гагаринъ**, кн., Евг. Григорьевичъ, 1837 г., т. LXXXVII, авг., 420, 421.
- Гагаринъ**, кн., Матвѣй Петров., сибирск. губернат. 1719 г., т. LXXXV, февр. 321.
- Гагаринъ**, кн., Серг. Васильев., д. тайн. сов. 1763 г., т. LXXXVIII, нояб., 262, 393, 394.
- Гагамейстеръ**, тн. сов., директ. нац. мин. финанс. 1858 г., т. LXXXV, мартъ 561, 674.
- Гагинъ**, Л. М., 1824 г., т. LXXXV, янв., 225.
- Газенкампфъ**, полковн. 1877 г., т. LXXXV, янв., 59.
- Галаховъ**, Алексѣй Дм., писат.-педагогъ, род. 1807 г., т. LXXXV, февр. 270, 272.
- Галаховъ**, А. П., ген.-ад., слб. полиціймейст. 1855 г., томъ LXXXVII, июль, 224.
- Галль**, А. А., ген.-майоръ 1877 г. т. LXXXV, янв., 57, 58, т. LXXXVI, май, 264.
- Гальбергъ**, профес. скульпт. 1837 г., т. LXXXVI, июнь, 661.
- Галецкій**, генер. 1878 г. т. LXXXV, мартъ, 467, 470.
- де-ла-Гардя**, гр.-ня, 1800 года, томъ LXXXVII, сент., 544.
- Гарнишъ**, преподаватель импер.-цы Александры Федоровны, 1809 г., т. LXXXVIII, окт., 11, 12.
- Гарршоъ**, Джемсъ, англ. послан. въ Спб., т. LXXXV, февр., 397, 402, т. LXXXVI, апр., 138—153.
- Гаузе**, гр., воен. мин. Цар. Польскаго 1830 г., т. LXXXVIII, окт., 80, 82.
- Гвоздевъ**, Александр. Александров., директ. деп. общихъ дѣлъ мн.-ва ян. дѣл., т. LXXXVIII, окт., 133.
- Гвоздевъ**, Пав. Александр., поэтъ, † 1851 г., т. LXXXVIII, окт., 131—134.
- Геденовъ**, Александр. Михайл., директ. имп. театровъ, 1853 г., томъ LXXXV, февр. 367, апр., 42—44.
- Гедшоъ** Кричевскій, рект. Сергѣевск. семина. 1758 г., томъ LXXXVIII, нояб., 424.
- Гедройцъ**, кн., Игнатій, коадьюторъ Самогит. римско-католич. епархіи 1826 г., т. LXXXVII, сент., 586, т. LXXXVIII, окт., 164.
- Гедройцъ**, кн., генер. литовск. партизанъ 1830 г., т. LXXXVIII, окт., 216—224.
- Гейденъ**, Логинъ Петров., адмир. ревельск. воен. губернат. р. 1772 г. † 1850 г., т. LXXXV, февр., 446, 447, т. LXXXVIII, окт., 72.
- Геймалъ**, профес. химіи, т. LXXXV, янв., 195.
- Гейсмаръ**, генер. 1829 г., т. LXXXVI, апр., 176.
- Геже**, полковн. 1836 г., т. LXXXVI, май, 416.
- Гелгудъ**, генер. польск. арміи., р. 1790 г., † 1831 г., т. LXXXVIII, окт., 86, 87, декаб. 671.
- Гелъсъ**, Грнг. Фед., директ. Неплюев. кадет. корп. съ 1824—1832 годовъ, томъ LXXXVI, июнь, 647.
- Георги**, профес. 1776 г., т. LXXXVII, сент., 462, 463, 464.
- Георгія** Александровичъ, вел. кн., цесаревичъ, т. LXXXVII, сент., 619.
- Георгія** Конисскій, архіеп. могодвскій, р. 1717 г., † 1795 года, томъ LXXXVIII, нояб., 462, 467—471.
- Гермесъ**, Богд. Андреев., Нижегород. губернат. 1810 г. позже сенат., т. LXXXV, мартъ, 495.
- Герцонъ**, Александр. Ив., писат. и публик., род. 1812 г. † 1870 г., т. LXXXV, февр., 413—424, мартъ, 563, т. LXXXVI, апр., 39, май, 361, т. LXXXVIII, декаб., 610—616.
- Герштейнцвейгъ**, генер. 1829 г., т. LXXXV, февр., 394.
- Гивартовскій**, профес., т. LXXXV, янв., 195.
- Гильденштедтъ**, акад. 1776 г., томъ LXXXVII, сент., 462, 464.
- Гильд-Брандтъ**, докт. 1835 г., томъ LXXXVI, июнь, 645, 647, 651.
- Гильфердингъ**, Алексѣй Федор., славянофилъ, ученый и писат., род. 1831 г., † 1872 г., томъ LXXXV, мартъ, 641.
- Гирсъ**, А. сообщ.: «Два письма изъ эпохи Восточной войны 1853—1856 г.г.», томъ LXXXVII, авг., 313—322.
- Гирсъ**, Н. К., ст.-секрет., мнн. ин. дѣл., † 1895 г., т. LXXXVIII, декабрь, 689.
- Гладвій**, Іосифъ, атаманъ запорожцевъ 1829 г., томъ LXXXVI, апр., 167, июль, 479.

- Гладкій, Ив. В., сбб об.-полцийм. т. LXXXV, февр., 227, т. LXXXVII, июль, 179.
- Глазенакъ, генер. 1829 года, томъ LXXXVI, апр., 157.
- Глазбоцкій, Иосифъ, помѣщ. 1830 г., т. LXXXV, мартъ, 632.
- Глинка, Александр., лейт. 1787 г., т. LXXXVIII, нояб., 445.
- Глинка, Серг. Nikol., писатель, т. LXXXVI, апр., 194.
- Глотинскій, генер. 1829 г., томъ LXXXVI, апр., 157.
- Глухова, рожд. Пилецкая, генеральша 1846 г., т. LXXXV, февр., 253.
- Глѣбовъ, Ив. Тимоѣ., профес., томъ LXXXV, янв. 194.
- Глѣбовъ, И. Ѳ., генер. 1767 г., томъ LXXXVIII, нояб., 389.
- Глѣбовъ, правит. канц. оренб. воен. губернат. 1837 г., томъ LXXXVI, май, 419.
- Глѣдичъ, Никол. Ив., писат., † 1833 г., томъ LXXXVII, июль, 84, томъ LXXXIII, окт., 187.
- Гоголь, Никол. Вас., писат., р. 1809 г., † 1852 г., т. LXXXV, февр., 276, мартъ, 563, т. LXXXVI, апр., 163, 194, май, 354—361, т. LXXXVII, авг., 254, томъ LXXXVIII, окт., 190, 191, дек., 585, 590, 591, 617—647.
- Голенничева-Кутузова, княг., Екат. Ильинична 1790 г., т. LXXXVIII, нояб., 326, 329—331.
- Голенничевъ-Кутузовъ-Смоленскій, кн., Мих. Илар., фельдмарш., род. 1745 г., † 1813 г., томъ LXXXV, янв., 139, мартъ, 492—504, томъ LXXXVI, апр., 3—7, май, 238—290, 369, т. LXXXVII, авг., 417, сент., 606, 613, т. LXXXVIII, окт., 102—104, 142, нояб., 356, 358, декаб., 497, 499, 648.
- Голенничевъ-Кутузовъ, гр., Павелъ Васил., сбб. ген.-губ. 1826 г. ген.-ад., род. 1772 г. † 1843 г. т. LXXXVI, май, 313, 410.
- Голицына, княг., Анна Серг., послѣдовца секты Татариновой, т. LXXXV, февр., 235.
- Голицынь, кн., А. А., сообщ.: «Письмо крестьянина своему помѣщику о дозволеніи жениться» 1807 г., т. LXXXV, мартъ, 618. «Письмо бурмистра къ своимъ помѣщикамъ» 1818 г., томъ LXXXVI, апр., 154, «Приказъ помѣщцы П. М. Черниковой о выборѣ рекрутъ», томъ LXXXVII, июль, 82.
- Голицынь, кн., А. М., 1796 г., томъ LXXXVI, май, 370.
- Голицынь, кн., Вас. Васильевичъ, † 1713 г., т. LXXXVIII, нояб., 269.
- Голицынь, кн., Александр. Михаил., вице-канц. 1764 г., род. 1723 года, † 1807 г., т. LXXXV, февр., 397, 399, томъ LXXXVIII, нояб., 303, 392, 401.
- Голицынь, кн., Александр. Никол., мн-ръ народн. просв., об.-прокур. синода, р. 1773 г., † 1844 г., томъ LXXXV, янв., 41, 188, февр., 241, 330, 332, мартъ, 596, т. LXXXVI, май, 303—306, июнь, 461, 553, 554, 558—568, томъ LXXXVII, июль, 26, 164—199, авг., 406—428, 432, 439, 443, сент., 616, 663, т. LXXXVIII, окт., 35, 36, 57, 227—233.
- Голицынь, кн., Григ. Григорьев., поруч. Иркутск. гусарскаго полка 1834 г., т. LXXXVI, апр., 198.
- Голицынь, кн., Д. А., послан. въ Парижъ 1767 г., томъ LXXXVIII, нояб., 427.
- Голицынь, кн., Дмит. Владим., ген.-отъ-кавал., москов. воен. губернат. 1632 г., р. 1771 г., † 1844 г., томъ LXXXV, янв., 16—46, т. LXXXVI, июнь, 563, т. LXXXVII, авг., 422, т. LXXXVIII, окт., 67.
- Голицынь, кн., Ив. Ѳед., полковн. 1833 г., т. LXXXV, янв., 33, 34, 35, 36.
- Голицынь, кн., Серг., фл.-ад., 1812 г., т. LXXXV, мартъ, 503.
- Голицынь, кн., Серг. Михайл., 1856 г., т. LXXXVII, июль, 205.
- Голицынь, кн., Ѳ. Н., 1796 г., томъ LXXXVIII, нояб., 278, 279.
- Голицынь, кн., ген.-отъ инф., рижск. воен. губернат. 1802 г., т. LXXXVII, авг., 448.
- Голицынь, кн., майоръ Измаиловск. пол. 1775 г., т. LXXXVIII, нояб., 406, 409.
- Головина, гр.-ня. Варвара Николаев., рожден. княжна Голицына, томъ LXXXVIII, нояб., 472—480.
- Головина, Елис. Павл., послѣдовца секты Татариновой, т. LXXXV, февр., 241—247.
- Головинъ, Евг. Александр. генер., мистикъ, главноком. на Кавказѣ, род. 1782 г., † 1853 г., т. LXXXV, янв., 187, февр., 227—263, 442—447, т. LXXXVI, июль, 4, т. LXXXVIII, окт., 107.
- Головинъ, гр., Никол. Николаев., гофмаршалъ двора Александра I, т. LXXXVIII, ноябр., 472.
- Головинъ, Ѳед. Алексѣв., воевода окольничій 1689 г., т. LXXXVIII, окт., 121—123.
- Головинъ, адъютантъ Академ. наукъ 1782 г., т. LXXXVII, сент., 481.
- Головинъ, гр., Ѳед. Гаврил., камер-

- герц, послан. въ Неап., Бятаѣ род. 1768 г., † 1823 г., т. LXXXVIII, окт., 104, 206, 207, нояб., 387—379.
- Головинъ**, гр., почетн. харьковск. учебн. окр. 1838 г., т. LXXXVI, июнь, 577, 578, 579.
- Головинъ**, Александръ Васильевичъ, мин. народн. проsv., род. 1821 г., † 1886 г., т. LXXXVIII, декаб., 523.
- Голохвастовъ**, Дм. Павлов., помощн. почетн. московск. учебн. окр., т. LXXXV, мартъ, 640.
- Голубцовъ**, Фед. Алексан., госуд. казначей, севаст., род. 1758 года, † 1829 г., т. LXXXV, мартъ, 488.
- Голценбергъ**, поруч. «Голштинскаго отряда» 1763 г., томъ LXXXVIII, нояб., 466.
- Гольцъ-Миллеръ**, Н., сообщ.: «Воспоминаніе о Михаилѣ Васильевичѣ Мыловѣ», томъ LXXXV, янв. 142—144.
- Голышевскій**, Петръ, директ. клятинск. таможи 1819 г., т. LXXXV, февр., 326, 329, 330.
- Гомъ**, придворн. банкиръ 1763 г., т. LXXXVIII, нояб., 430.
- Горайскъ**, Тадеушъ, офиц. польскихъ войскъ 1830 г., т. LXXXVIII, дек., 661, 663, 666.
- Горбатая-Шуйская**, княжна Евдокія Александр., † 1576 года, томъ LXXXVII, июль, 115, 116, 117, 122.
- Горбатый-Шуйскій**, кн., Александр. Борисов., 1552 г., т. LXXXVII, июль, 115, 116.
- Горбатовы-Шуйские**, князья, замѣтка объ ихъ родѣ, т. LXXXVII, июль, 114—125.
- Гордо**, Петръ Ив. (Джонъ Патрикъ), генер., † 1636 г., т. LXXXVII, июль, 109.
- Горскій**, офиц. 1841 г., т. LXXXVIII, окт., 109.
- Горскій**, ст. сов. 1825 г., т. LXXXVI, май, 311, 314, 315.
- Горчаковъ**, кн., Александр. Мих., госуд. канцл., род. 1798 г., † 1883 г., томъ LXXXVII, июль, 36, 75, томъ LXXXVIII, декаб., 688.
- Горчаковъ**, кн., Мих. Дм., ген.-ад., главноком. крымск. арміи, 1855 г., намѣстн. Царства Польскаго, род. 1792 г., † 1861 г., т. LXXXVI, июнь, 484, т. LXXXVII, сент., 561.
- Гофманъ**, поруч. «Голштинскаго отряда», 1763 года, томъ LXXXVIII, нояб., 466.
- Гофманъ**, ст.-секрет. 1849 года, томъ LXXXVI, июнь, 600.
- Граббе**, гр., Пав. Христоф., наказн. атаманъ войска Донскаго, † 1875 г., томъ LXXXVII, сент., 566, томъ LXXXVIII, окт., 105—107.
- Гракомскій**, Тимос. Никол., профес., † 1855 г., т. LXXXV, янв., 202, февр., 413—419, мартъ, 679, томъ LXXXVI, май, 361, т. LXXXVIII, окт., 184, декаб., 602, 626, 631.
- Грейгъ**, С. А., мин. фиванс. 1890 г., томъ LXXXVI, апр., 215, июнь, 489—494.
- Грейгъ**, Самуилъ-Карль, адм. † 1788 г., т. LXXXVIII, декаб. 664.
- Гречъ**, Николай Ив., писатель, род. 1787 г., † 1867 г., томъ LXXXV, мартъ, 564, томъ LXXXVI, июнь, 556, 557, 565, 568.
- Грибодковъ**, Александр. Серг., писатель, р. 1795 г., † 1829 года, томъ LXXXVI, июнь, 458, т. LXXXVII, июль, 5.
- Григорій** Постниковъ, еписк. ревельскій, 1825 г., митроп. сиб., 1860 г., т. LXXXVII, авг., 440.
- Григорьевъ**, Васил. Васил., профес. восточн. яз., служилъ въ мин. вн. дѣлъ съ 1844—1862 г., т. LXXXVI, июнь, 537, 547, 548.
- Григорьевъ**, П., актеръ 1842 г., т., LXXXV, февр., 366.
- Григоровичъ**, Васил. Ив., конференц.-секрет. акад. худож. 1837 г., т. LXXXVI, июнь, 661.
- Гриммъ**, Фридрихъ-Мельхиоръ, корреспонд. императрицы Екатерины II, род. 1723 г., † 1807 года, томъ LXXXV, янв., 146—161, свр., 344, 345, 361, мартъ, 583, т. LXXXVI, май, 370, т. LXXXVIII, нояб., 260.
- Гриневъ**, художн. 1757 года, томъ LXXXVIII, нояб., 389.
- Гриэкъ**, капит. «Голштинскаго отряда» 1763 г., т. LXXXVIII, нояб., 465.
- Гротенгельмъ**, ген.-лейт. 1849 г., т. LXXXVI, июнь, 520.
- Грогуць**, генер. польскихъ войскъ 1830 г., т. LXXXVIII, окт., 216.
- Гротъ**, Конст. Карлов., ст.-секрет., 1895 г., т. LXXXVI апр., 213, 216.
- Гротъ**, Яковъ Карл., англ. р. 1812 г., † 1893 г., т. LXXXV, февр., 270, 271, 272, т. LXXXVIII, окт., 171—191.
- Грудзинская**, Людвика, въ зам. Выжиковская, т. LXXXV, янв., 167.
- Грудзинскій**, Мих., офиц. польскихъ войскъ 1830 г., т. LXXXVII, авг., 383, 384, 388, 389, 397, т. LXXXVIII, окт., 209, 210, декаб., 659—673.
- Грушви**, инспект. клас. Воронежск. кадет. корп. 1853 г., т. LXXXV, февр., 374.
- Гудовичъ**, гр., Ив. Васильев., фельдм., почетн. учебн. окр., т. LXXXV,

- мартъ, 621, т. LXXXVI, апр., 183, 186, т. LXXXVII, июль, 210.
- Гужковскій, майоръ 1828 года, томъ LXXXVI, май, 395, 396.
- Гуляль-Артемовскій, профес. 1840г., т. LXXXVI, июнь, 581.
- Гуминигъ, англ. повѣрен. въ дѣлахъ въ Россіи 1772 г., томъ LXXXV, февр., 401, 407, т. LXXXVI, апр., 116—131.
- Гурбандтъ, Георгъ, докт.-медп., р. 1764 г., † 1832 г., томъ LXXXV, мартъ, 487.
- Гурій Карповъ, архіеп. Таврич., т. LXXXV, февр., 318—328, мартъ, 586, 587
- Гурю, Іосифъ Влад., генер.-лейт. 1877 г., т. LXXXV, янв., 60, 61, февр., 294, 295, 297, т. LXXXVI, май, 246.
- Гурьевъ, Васил. Никол., 1817 г., т. LXXXVI, май, 329.
- Гурьевъ, Дм. Александр., мн-ръ финанс. † 1825 г., т. LXXXV, февр., 350, т. LXXXVI, апр., 17, май, 292.
- Густавъ IV, король шведскій, томъ LXXXV, февр., 343—365, мартъ, 567—584, т. LXXXVI, апр., 79—96, май 369—390, т. LXXXVII, июль, 153—162, сентября, 627—645, томъ LXXXVIII, окт., 193—207.

Д.

- Давыдовъ, В. Н., артистъ, томъ LXXXVI, май, 359, 360.
- Давыдовъ, Денисъ Васильев., ген.-лейт. партизанъ, писат., род. 1784 г., † 1839 г., т. LXXXVI июнь, 561—564, т. LXXXVIII, декаб., 681.
- Давыдовъ, Ив. Ив., писат., педагогъ, чи. главн. правл. училищъ, сенат., т. LXXXVI, апр., 194.
- Давыдовъ, Левъ Васильев., 1841 г., т. LXXXVIII, окт., 109.
- Давыдовъ, ген.-м., 1878 г., томъ LXXXV, февр., 313.
- Давыдовъ, полковн., московск. полциіймейст., 1855 г., т. LXXXVII, июль, 203.
- Даль, Влад. Ив., писат., р. 1801 г., † 1872 г., т. LXXXVI, июнь, 547.
- Далианъ, кн., генер., 1838 г., томъ LXXXVIII, декаб., 575.
- Даниловъ, полковн., 1863 г., томъ LXXXVIII, декаб., 543.
- Дантесъ-Гезерия, Георгъ Карл., пор. кавалергард. пол. 1837 г., томъ LXXXVII, сент., 553—555.
- Дашнова, княг., Екат. Роман., рожд.

- Воронцова, род. 1743 г. † 1810 г., т. LXXXV, янв., 132—137, томъ LXXXVI, апр., 125, 187, 188, томъ LXXXVII сент., 458, 466, 491, т. LXXXVIII, окт., 318, нояб., 457.
- Дашковъ, Дм. Васил., мн-ръ юстиц. † 1839 г., т. LXXXVII, июль, 84, 85, 98, сент., 577.
- Дашковъ, 1831 г., т. LXXXVI, май, 302, 303.
- Дверицкій, Іосифъ, польск. генер., р. 1779 г., † 1867 г., т. LXXXV, янв., 165—175, февр., 394, томъ LXXXVI, апр., 157, май, 397, томъ LXXXVII, авг., 368—397, сент., 648, т. LXXXVIII, декаб., 654, 664.
- Деллагарди, гр., Яковъ, 1812 г., томъ LXXXVIII, окт., 157.
- Деларю, Мих. Данилов., писат., † 1868 г., т. LXXXVIII, окт., 175.
- Деллингауверъ, генер. 1878 г., томъ LXXXVI, май, 255, июнь, 491, 492.
- Делоне, Б. П. докт. 1878 г., томъ LXXXVII, авг., 249 252.
- Дельвицъ, бар., Антонъ Антонов., писат., род. 1798 г., † 1831 г., томъ LXXXV, мартъ, 660, 662, томъ LXXXVII, сент., 564,
- фонъ-Дельвицъ, бар., бригадиръ „Голштинская отряда“, 1763 г., томъ LXXXVIII, нояб., 464.
- Деляновъ, гр. Ив. Давидов., мнн. народн. просв., т. LXXXVI, июнь, 652.
- Дембинскій, Генрихъ, генер. 1829 г., т. LXXXV, февр., 383.
- Дендредовичъ, полковн. 1878 г., т. LXXXV, февр., 304.
- Державицъ, Гавриилъ Романов., род. 1743 г., † 1816 г., томъ LXXXV, мартъ, 543—544, 668, т. LXXXVI, апр., 183—190, т. LXXXVII, сент., 573—576, 637, т. LXXXVIII, окт., 179, ноябр., 300, 308, 310.
- Десаже, гр.-ня, послѣд-ца секты Тартариновой, т. LXXXV, февр. 235.
- Джавотти, полковн. 1802 г., преподлмп. Николай I, т. LXXXVI, июль, 452.
- Дибличъ-Забалпанскій, гр., Ив. Ив., род. 1785 г., † 1831 г., т. LXXXV, янв., 11, февр., 447, т. LXXXVI, апр., 172—178, май, 300, июнь, 457—489, 552—557, т. LXXXVII, июль, 4, 18, 23, т. LXXXVIII, окт., 83—86.
- Дивовъ, декаб., т. LXXXVI, июнь, 461.
- Длусскій, генералъ 1830 г., томъ LXXXVIII, окт., 211, 214, 215.
- Дмитревскій, артистъ москв. театр. 1855 г., т. LXXXVII, июль, 213, т. LXXXVIII, нояб., 388.
- Дмитріевъ-Мамоновъ, Александръ

- Матвѣевъ, ген.-поруч., род. 1758 г. † 1803 г., т. LXXXVIII, нояб., 422.
- Дмитріевъ, Мих. Александр., об.-прокуроръ московск. сената, писат., † 1866 г., т. LXXXVIII, декаб., 629.
- Дмитріевъ, Ив. Ив., писат., род. 1760 г., † 1837 г., т. LXXXVII, июль, 84, 85, сент., 574, т. LXXXVIII, нояб., 300, 309.
- Дмитрій Съеновъ, архіеи. новгор. 1763 г., т. LXXXVIII, ноябр., 431.
- Дмитровскій, генер. 1878 г., томъ LXXXVI, май, 254.
- Дмитровъ, поруч. х.-гв. казач. полка 1829 г., т. LXXXVI, апр., 157—159.
- Добровольскій, В. А.; сообщ., „Пѣснь въ проѣздъ чрезъ Москву 30-го ноября 1825 г., въ день народной присяги государю императору Константину Павловичу“, т. LXXXV, явв., 190.
- Добровольскій, художн., директоръ московск. рисов. школы 1837 г., т. LXXXVI, июнь, 660.
- Довре, генер. 1828 г., т. LXXXV, февр., 436.
- Долгорукій, кн, ген.-ад., 1807 г., т. LXXXVIII, декаб., 497, 498.
- Долгорукій, кн., полковн., 1826 г., ген. 1838 г., т. LXXXVIII, декаб., 574, 575.
- Долгорукова, княг., Варвара, томъ LXXXVIII, окт., 16.
- Долгорукій, кн., Дм., его стихотв. „Урал“, написанное по поводу Восточной войны 1853—1856 г.г. т. LXXXVI, апр., 182.
- Долгоруковъ, кн., Василій, камергеръ 1817 г., т. LXXXVIII, окт., 13.
- Долгоруковъ, кн., Дм. Ив., посолъ въ Тегеранъ 1854 г., т. LXXXVII, сент., 590.
- Долгоруковъ, кн., Василій Андреев., воен. мин., шефъ жант., р. 1804 г., † 1867 г., т. LXXXVI, июнь, 612, 624.
- Долгоруковъ, кн., полковн., 1767 г., т. LXXXVIII, нояб., 441.
- Долгоруковъ, кн., харьковск. ген.-губернат. 1840 г., т. LXXXVI, июнь, 578, 579.
- Долгово-Добровольскій, д. ст. сов., т. LXXXV, мартъ, 500.
- Домашнева, Анна Дм., камеръ-фрау им-цы Елисаветы Петровны, томъ LXXXVII, сент., 459.
- Домашневъ, Герасимъ Яковлевичъ, кол. сов., 1760 г., т. LXXXVII, сент., 459.
- Домашневъ, Серг. Герасимов. камергеръ, директ. Акад. наукъ, съ 1775 по 1782 г., род. 1746 г., † 1779 г., т. LXXXVII, сент., 457—492.
- Домбровскій, Васил. Ѳед., профес. рус. истор. род. 1819 г., † 1845 г., т. LXXXV, мартъ, 655.
- Домбровскій, Ив. Генрихъ, польск. генер., р. 1755 г., † 1818 г., томъ LXXXVIII, окт., 164.
- Домейно, польск. магнатъ, 1863 г., т. LXXXVIII, декаб., 542.
- Дометти, полковн. 1877 г., томъ LXXXV, явв., 74, 77.
- Дондузовъ-Корсаковъ, кн., Алекс. Мих., ген.-губ. ю. в. края импер. комис. въ Болгар. 1878 г., гл. нач. Кавказа съ 1882 г., † 1893 г., т. LXXXVII, июль, 50—77, авг., 236—246.
- Дондузовъ-Корсаковъ, кн., попечит. спб. учебн. окр. 1837 г., томъ LXXXVI, июнь, 573.
- Достоевскій, Ѳед. Мих., писатель, † 1881 г., т. LXXXVIII, декаб., 640, 641.
- Драшусовъ, Александр. Никол., проф. астрономіи, т. LXXXV, явв., 192.
- Драшусовъ, надат. Моск. Полици. Вѣд., 1846 г., т. LXXXVIII, декаб., 645.
- Древянникъ, ген.-м. 1836 г., томъ LXXXVI, май, 414.
- Древзень, бар., Н. В., сообщ.: „Современникъ о М. Ю. Лермонтовѣ“, т. LXXXV, февр., 315, 316, „Густавъ IV и великая княжна Александра Павловна, 1794—1796 г.г.“, 343—365, мартъ, 567—584, томъ LXXXVI, апр., 79—96, май, 369—390, т. LXXXVII, июль, 153—162, авг., 349—366, сент., 627—645, т. LXXXVIII, окт., 193—207, „Рескрипты и указы императ. Павла I 1797 г.“, т. LXXXVII, сент., 541—543.
- Дубельтъ, Леонтій Васил., ген.-лейт., нач. штаба корп. жант., т. LXXXV, явв., 50, февр., 242, 245.
- Дубецкій, Осипъ Петров., 1837 г., т. LXXXVIII, окт., 226.
- Дублянский, Мих. Васил., 1767 г., т. LXXXVIII, нояб. 441.
- Дубовицкій, Александр. Петров., помѣщ. т. LXXXV, явв., 5—51, февр., 225—263, т. LXXXVI, май, 361, 362.
- Дубовицкій, Петръ Александр., проф. М.-Х. акад. 1840 г., т. LXXXV, явв., 45—50, т. LXXXVI, май, 362.
- Дубровинъ, Никол. Ѳед., акад., писат., ген.-лейт., сообщ.: „Наши мистики-сектанты. Екатер. Филии. Татаринцова и Александръ Петров. Дубовицкій“, т. LXXXV, явв., 5—51, февр., 225—263. Кромѣ того, всѣ замѣтки, подписанныя „Ред.“, принадлежать Н. Ѳ. Дубровину.

Дубинскій, Яковъ Федоров., масонъ 1775 г., т. LXXXVIII, нояб., 321.
 Дудровичъ, Ив. Иван., проф. Рижельск. лицея, род. 1817 г., † 1839 г., т. LXXXV, мартъ, 668, 669.
 Дунинъ, Станисл. офицер. польск. войскъ, 1830 г., т. LXXXVIII, окт., 214, 215, 224, 225, декаб., 670.
 Дуровъ, Ив., лейтен. 1767 г., томъ LXXXVIII, нояб., 441.
 Духонинъ, ген.-м. 1878 г., томъ LXXXVII, июль, 72.
 Дюралъ, повѣрен. въ дѣлахъ Франціи въ Слб. 1773 г., т. LXXXV, февр., 412, т. LXXXVI, апр., 115, 127.

Е.

Евгеній Болховитиновъ, митропол. кіевскій, р. 1767 г., † 1837 г., т. LXXXVII, июль, 181, 198, авг., 428.
 Евгений, герцогъ Виртембергскій, ген. отъ инф. русск. служб., р. 1783 г., † 1857 г., т. LXXXVI, июнь, 499, 500.
 Евгений, архіеп. тобольскій и сибирскій, 1826 г., т. LXXXV, февр., 314, 315.
 Евдокимовъ, гр. Никол. Ив., ген.-отъ-инф., р., 1804 г., † 1873 г., томъ LXXXVIII, декаб., 566.
 Егоровъ, Алексій Егоров., художн., профес. 1840 г., т. LXXXVI, июнь, 654, 660, 661.
 Евсеровъ, депутат. польск. сейма 1830 г., т. LXXXVIII, окт., 82, 83.
 Екатерина I, императрица, томъ LXXXV, февр., 322, т. LXXXVII, авг., 312.
 Екатерина II, императрица, род. 1729 г., † 1796 г., т. LXXXV, янв., 126 — 138, 145 — 161, февр., 343—365, 395—412, мартъ, 543, 567—584, т. LXXXVI, апр., 79—96, 115—153, 184—189, мая, 369—390, июнь, 449, 470, 493, 494, 624, т. LXXXVII, июль, 5, 153, 162, 196, авг., 349—366, 410, 446, сент., 460—491, 578, 586, 627—645, т. LXXXVIII, окт., 31, 156, 193—207, нояб., 241—480, декаб., 483—598.
 Екатерина Михайловна, вел. княг., въ зам. принцесса Мекленбург-Стрелицкая, т. LXXXVI, июнь, 623.
 Екатерина Павловна, велик. княг., въ зам. королева Виртембергская, р. 1788 г., † 1819 г., т. LXXXV, мартъ, 496, 546, 547, т. LXXXVI, апр., 12, 16, т. LXXXVII, сент., 576, т. LXXXVIII, окт., 44, 49, 79.
 Елагина, Авдотья Петровна, рожд. Юшкова, въ перв. бракѣ Кирѣевская, т. LXXXVI, апр., 194, май, 350.
 Елагинъ, Ив. Перфильев., 1767 г., т. LXXXVIII, нояб., 441.
 Елена Павловна, вел. княг. (принцесса Виртембергская), р. 1806 г.; † 1873 г., т. LXXXVI, июнь, 617, 623.
 Елена Павловна, вел. княжна, въ зам. герцогиня Мекленбургская р. 1784 г., † 1803 г., LXXXV, февр. 345.
 Елисавета Александровна, императрица, р. 1779 г., † 1826 г., т. LXXXV, февр., 347, т. LXXXVI, апр., 13, т. LXXXVII, авг., 329, 406, 406, сент., 596, 614, 636, т. LXXXVIII, окт., 14, 22 — 56, 91, 203, нояб., 474—480.
 Елисавета Петровна, императрица р. 1709 г., † 1761 г., т. LXXXVII, сент., 457, 459, т. LXXXVIII, нояб., 248, 252, 298, 369, 371, 422, 432, декаб., 482, 503.
 Енгальцевъ, кн., Ельнидифоръ, поруч., послѣдов. секты Татариновой, 1837 г., т. LXXXV, февр., 227, 243, 247, 254.
 Енгальцевъ, кн., Петръ Никол., масонъ 1790 г., т. LXXXVIII, нояб., 331.
 Енокъ, лейбъ-мед. 1854 г., томъ LXXXVI, июнь, 611, т. LXXXVIII, окт., 79.
 Ермолаевъ, Гавриилъ, сообщ.: „Истина и благодарность“, голосъ современника въ защиту князя Бутузова, т. LXXXVI, май, 288—290.
 Ермолова, Екат. Петровна., камеръ-фрейлина, т. LXXXVIII, окт., 101.
 Ермоловъ, Алексій Петр., ген. отъ артл., род. 1777 г., † 1861 г., т. LXXXVI, стр. 16, июнь, 646, томъ LXXXVII, июль, 205, 206, авг., 427, сент., 605, 606, т. LXXXVIII, окт., 97—120, декаб., 565—583.
 Ермоловъ, Григ. Петров., ген.-лейт., т. LXXXVIII, окт., 101.
 Ермоловъ, Клавдій Алексѣев., офиц. 1855 г., т. LXXXVIII, декаб., 578.
 Ермоловъ, Мих. Алексѣев., офиц. 1860 г., LXXXVIII, окт., 117, 119.
 Ермоловъ, Никол. Алексѣев., офиц. 1860 г., т. LXXXVIII, окт., 117, декаб., 582.
 Еропкинъ, М. А. 1790 г., томъ LXXXVIII, нояб., 304, 305.
 Еропкина, Петръ Дмит., московск. главно-коман. 1790 г., род 1724 г., † 1805 г., т. LXXXVIII, нояб., 389.
 Ершова, Евфросинья, крестьянка, кормилица имп. Николая I т. LXXXVI, июнь, 450.
 Ефремовъ, Александр. Степ., библиофиль, т. LXXXVII, сент., 491.

Ефремовъ, Петръ Александр., томъ LXXXVII, сент., 491.

Ж.

Жадера, полковн. польск. войскъ 1830 г., т. LXXXVIII, окт., 216, 222, декаб., 667

Жандръ, генер. † 1830 г., т. LXXXVIII, окт., 80.

Жагулиня, Семель Семенов., правит. Таврич. обл., съ 1789—1796 г., бѣлорус. губернат., тн. сов., т. LXXXV, мартъ, 475, 476, 477, 478, т. LXXXVI, май, 296.

Жемчужинъ, А. А., нач. отд. гражд. канц. въ Болгаріи 1877 г., т. LXXXV, янв., 56, мартъ, 464.

Жемчужниковъ, ген.-лейт. 1830 г., т. LXXXV, янв., 112, 113, т. LXXXVI, май, 411.

Жеребцовъ, Дм. Серг., слѣб. губернат. 1825 г., т. LXXXVI, май, 308, июнь, 633.

Жерсонъ, Екатерина, гувернантка 1821 г., т. LXXXV, янв., 8—39.

Живокни, артист московск. театр. 1855 г., т. LXXXVII, июль, 212, 216.

Жировъ, Степ. Трифон., раскольникъ на Уралѣ 1849 г., т. LXXXV, янв., 116—121.

Жихаревъ, Степ. Петров., сенат., † 1860 г., т. LXXXVI, май, 293, т. LXXXVII, июль, 84.

Жомини, ген.-адъют. 1835 г., томъ LXXXVIII, декаб., 587.

Жукоская, рожд. Рейтернъ, т. LXXXVIII, окт., 188.

Жумовскій, Васил. Андреев., писат., род. 1788 г., † 1852 г., т. LXXXV, янв., 81—92, 177, 188, февр., 418, мартъ, 500, 564, 674, 675, т. LXXXVI, апр., 194, 202—207, май, 362, 411, июнь, 526, 556, 655, т. LXXXVII, июль, 83—98, авг., 417, сент., 563, 574, 577, т. LXXXVIII, окт., 32, 50, 187, 188, декаб., 623—646.

З.

Заблоцкий-Десатовскій, Анд. Пароснович, ст.-секрет. род. 1808 г., † 1831 г., т. LXXXVI, апр. 216.

Завадовскій, гр., Петръ Васил., ст.-секрет. Екатерины II, мн. въ народн. просв., 1801 г., р. 1738 г., † 1812 г., т. LXXXVI, апр., 131—137, 186, 188, т. LXXXVII, сент., 490, т. LXXXVIII, декаб., 584.

Завадовскій, ген.-гетманъ черномор. казаковъ, т. LXXXV, мартъ, 635.

Завадовскій, генер. 1829 г., т. LXXXV, февр., 447.

Загоскинъ, Мих. Никл., романистъ, род. 1789 г., † 1852 г., т. LXXXVIII, декаб., 640, 642.

Зайцевскій, Ефимъ Петров., морякъ, 1828 г., вносл. чиновн. мн. нн. дѣл., † 1860 г., т. LXXXV, мартъ, 662.

Зайончекъ, генер. 1816 г., т. LXXXVIII, окт., 165.

Захресскій, гр., Арсеній Андреев., мн. нн. дѣл., род. 1783 г., † 1865 г., т. LXXXV, февр., 441, т. LXXXVI, апр., 16—18, 42, июнь 514, т. LXXXVII, июль, 204—210, т. LXXXVIII, окт., 76, 97, 101, 130, нояб., 409.

Залѣвскій, Иосифъ, начальн. вѣвск. совѣта 1830 г., т. LXXXVI, май, 405, т. LXXXVII, авг., 376.

Залѣвскій, Северинъ, т. LXXXVI, май, 393.

Замойскій, гр., Андрей, предсѣд. госуд. сов. Ц. Польскаго 1830 г., т. LXXXVIII, окт., 70.

Замойскій, гр., Владиславъ, офиц. польск. войска 1830 г., т. LXXXV, февр., 384, т. LXXXVI, май, 398, т. LXXXVIII, окт., 215, декаб., 664, 671, 674.

Замысловскій, Егоръ Егоров., профес., род. 1841 г., † 1896 г., т. LXXXVII, сент., 617—620.

Заряико, художн., т. LXXXVI, июнь, 655, т. LXXXVII, июль, 203.

Засеъ, генер., 1841 г., т. LXXXVIII, окт., 109.

Захаржевская, Елена Александр., рожд. гр.—на Самойлова, † 1843 г., т. LXXXV, мартъ, 665—666.

Захаржевскій, Дм. Андреев., харьковск. вице-губернат., екатеринослав. губернат., т. LXXXV, мартъ, 665.

Захарьинъ, Петр. Мих., писат. † 1800 (или 1810 г.), т. LXXXVI, апр., 183—190.

Звирждовскій, капит. 1863 г., томъ LXXXVIII, декаб., 522, 523.

Зерновъ, Никол. Ефимов., профес. математ., род. 1804 г., † 1862 г., т. LXXXV, янв., 201.

Зиновьевъ, въ зам. княг. Орлова, т. LXXXVI, апр. 135, 136.

Злотницкій, Эразмъ, полковн., 1829 г., т. LXXXVI, апр., 156.

Золотаревъ, ген.-м., Систовск. и Рущукск. губернат., 1877 г., т. LXXXVI, май, 235, 236, т. LXXXVII, июль 62, 73.

Зонтавъ, Анна Петров., рожд. Юшкова, т. LXXXV, мартъ, 675.

Зонтагъ, Егоръ Васильев., капит. назв. Одесск. портомъ, 1834 г., т. LXXXV, мартъ, 675.
Зорячъ, Семенъ Гаврилов., ген., лейт., 1797 г., т. LXXXVI, апр., 137, т. LXXXVII, сент., 542, 543.
Зотовъ, гр., И. Н., т. LXXXVIII, нояб., 305.
Зотовъ, Пав. Дм., ген. отъ инф., род. 1824 г., † 1879 г., т. LXXXV, мартъ, 465, 467.
Зубовъ, гр., Валеріанъ Александр., ген.-м., род. 1771 г., † 1804 г., т. LXXXV, февр., 355, 356, т. LXXXVIII, нояб., 434.
Зубовъ, гр., Николай Александр., 1796 г. т. LXXXVIII, нояб., 474.
Зубовъ, кн., Платонъ Алексд., ген. отъ инф., шефъ 1-го кадет. корп., род. 1767 г., † 1822 г., т. LXXXV, февр., 346, 351—362, мартъ, 570—575, т. LXXXVI, апр., 94, май, 369, 374—378, т. LXXXVII, авг., 353, 357, 363—366, сент. 629—636, т. LXXXVIII, окт., 195—199, декаб., 483, 648.

И.

Иванидкій, офнд., † 1864 г., томъ LXXXVIII, декаб., 520, 521.
Иваняшевъ, профес., 1846 г., т. LXXXVII, авг., 449.
Ивановъ, Андр. Ив., профес. историч. живописи, 1812 г., т. LXXXVI, июнь, 661, т. LXXXVIII, декаб., 626, 631, 641.
Ивановъ, Серг. Андр., архитект. 1767 г., т. LXXXVIII, нояб., 389, декаб., 626, 630.
Ивановъ, послѣд. изъ секты Татаривовой, т. LXXXV, февр., 235.
Игельстремъ, бар., Осипъ Андреев., ген.-авшефъ, † 1817 г., т. LXXXVI, май, 411, т. LXXXVII, авг., 330.
Игнатъ, гр., Николай Павловичъ, русск. посолъ въ Турціи 1871 г., мн-ръ внутр. дѣлъ 1882 г., т. LXXXV, мартъ, 465, т. LXXXVI, май, 273, 274, 275, 276, 277, 280, 281, т. LXXXVII, июль, 37, 48, 76, авг., 233, 235, 240, 251.
Измайловъ, Арханг. губернат. 1726 г., т. LXXXVII, авг., 312.
Измайловъ, Лев., послан. въ Китаѣ 1719 г., т. LXXXV, февр., 321.
Ижоняшовъ, Ив. Васильев., купецъ, т. LXXXVII, авг., 294.
Иларіонъ Лежайскій, архим., началъ миссіи въ Пекинь 1714 г., † 1719 г., т. LXXXV, февр., 320, 321, 327.

Иларіонъ Трусоевъ, началъ 3-й пекинск. миссіи, т. LXXXV, февр., 323.
Ильинскій, гр.—ня, рожд. Кракъ, т. LXXXV, мартъ, 631, 632.
Ильинскій, сенат., 1829 г., т. LXXXVI, апр., 160.
Иловайскій, Алексѣй, ген.-м., 1850 г., т. LXXXVI, май, 408.
Иловайскій, Дм. Ив., сообщ.: „Историко-критическія замѣтки по поводу смутнаго времени и брака съ Софьею Палеологъ“, т. LXXXVIII, декаб., 649—651.
Ильминскій, Никол. Ив., т. LXXXVI, июнь, 547.
Ильиневичъ, полковн. Сивенск. губернат. 1878 г., т. LXXXVII, июль, 53, 63.
Имеретинскій, кн., генер., 1877 г., т. LXXXV, февр., 287, 292, мартъ, 467, т. LXXXVI, май, 251.
Инокентій Кульчицкій, началъ миссіи въ Китаѣ 1721 г. т. LXXXV, февр., 322.
Иновемпезъ, Фед. Из. профес. медицина, † 1869 г., т. LXXXV, янв., 194—199, т. LXXXVIII, декаб., 619, 626, 633—635.
Иноходцевъ, Петръ Борис., профес. астрономіи, р. 1741 г., † 1806 г., т. LXXXVII, сент., 462.
Исленевъ, генер., 1830 г., т. LXXXV, мартъ, 635.
Ишимова, Александра Осипов., писательница, педагогъ, изд.—ца „Звѣздочки“, т. LXXXVIII, окт., 176.

І.

Иашневъ, Бичурнинъ, началъ духовн. миссіи въ Пекинь съ 1807—21 г.г., т. LXXXV, февр., 325—342, мартъ, 585—609, т. LXXXVI, апр. 99.
Иашовъ Вечерковъ, архіеп. саратовскій 1839 г., т. LXXXV, февр., 318.
Іоаннъ III, царь, р. 1462 г., † 1505 г., т. LXXXVIII, декаб., 651.
Іоаннъ IV Грозный, царь, р. 1530 г., † 1584 г., т. LXXXVII, июль, 104—123, т. LXXXVIII, нояб., 271, 283, декаб., 649, 650.
Іоаннъ V Алексѣевичъ, царь, т. LXXXVIII, нояб., 269.
Іоаннъ Антоновичъ, императоръ, р. 1740 г., † 1764 г., т. LXXXV, янв., 135, 136.
Іогель, Конст. Петров., 1855 г., т. LXXXVII, июль, 202.
Іонной, подполковн. 1853 г., т. LXXXVI, июнь, 537.

Гурдякъ, Ѳед. Ив., художн.—грав., проф., рект. Акад. худож., род. 1800 † 1883 г. т. LXXXVI, июнь, 661.
Иосифъ, Сѣмашко, митроп. литовскій и вилевскій, † 1868 г., т. LXXXV, мартъ, 535.

И.

Каверинъ, Алексѣй Павлов., подполковн. корп. лѣсничихъ, т. LXXXV, февр., 429.
Каверинъ, Петръ Павлов., офицеръ, род. 1794 г., т. LXXXV, февр., 425—430.
Казначеевъ, Александр. Ив., таврич. губернат. 1829 г., одесск. градонач. съ 1848—1854 г., сенат., тн. сов., т. LXXXV, мартъ, 662—665.
Кайдашовъ, Ив. Кузьмичъ, профес., писатель, род. 1782 г. † 1845 г., т. LXXXVI, май, 303.
Кайсаровъ, ген. 1830 г., т. LXXXVI, апр., 174, 175, май, 403, 404 т. LXXXVII, сент., 649, 650, 652, 655, 656, 658.
Калачовъ, В. В., 1896 г., т. LXXXVI, апр., 216.
Калачовъ, Никол. Васильев., археологъ, основат. и перв. директ. Археолог. инст., сенат., акад., род. 1819 г., † 1885 г., т. LXXXV, мартъ, 540—542.
Калиновская, гр-ня, по втор. браку Челишева, рожд. Потоцкая, т. LXXXVI, апр., 156, май, 395, 397.
Калиновскій, самозван. диктаторъ Литвы 1863 г., т. LXXXVIII, декаб., 520.
Калмыковы, приверженцы секты дуборощевъ, т. LXXXVII, авг., 283—293, сент., 493, 494, 511, 522, 523.
Калугинъ, Ѳед., мичманъ, 1767 г., т. LXXXVIII, нояб., 441.
Калецедскій, докт., 1828 г., т. LXXXV, февр., 436.
Каленскій, гр., Никол. Мих., ген.-отъ-пиф., главноком. арміею въ Турціи, род. 1776 г. † 1811 г., т. LXXXV, мартъ, 482.
Каленскій, гр., Мих. Ѳедотов., ген.-аншефъ, род. 1738 г., † 1809 г. т. LXXXVIII, нояб., 262, т. LXXXVIII декаб., 482.
Каленскій, Северинъ офиц. польск. войскъ 1829 г., т. LXXXV, февр., 393.
Кампекгаузъ, бар., Балтазаръ Балтазаровичъ, управл. мнн—мъ вв.

дѣль 1822 г., т. LXXXVI, май, 319—346.
Канжриакъ, гр., Егоръ Франц., мн-ръ финанс. съ 1823—1844 г., р. 1776 г., † 1845 г., т. LXXXVI, май, 299, 302, июнь, 593, 599, т. LXXXVII, сент., 593.
Кантемиръ, кн., Антиохъ Дм. писатель, р. 1663 † 1723 г., т. LXXXVIII, нояб., 263.
Каподотрия гр., Ив. Антонов., ст.-секрет., мнн. вв. дѣль, род. 1776 г., † 1831 г., т. LXXXVI, апр., 16, 17, т. LXXXVII, авг., 405, 406, сент., 670, т. LXXXVIII, окт., 103, 160, 161, 235.
Капустинъ, Мих. Никол., профес. московск. унв. т. LXXXV, янв. 202, 203.
Капцэвичъ, П. М., ген.-губ. зап. Сибири 1826 г., т. LXXXV, февр., 314, 315, т. LXXXVI, апр., 102.
Каравицъ, Васил. Назаров., профес., писат., род. 1773 г., † 1842 г., т. LXXXVIII, нояб., 310, 315.
Карамзина, Евген. Андреев. рожд. Вявемская, супруга исторіографа, т. LXXXV, янв., 85, т. LXXXVII, июль, 84, 98, авг., 417.
Карамзинъ, Никол. Мих., исторіографъ, р. 1766 г. † 1826 г., т. LXXXV, янв., 85, 92, т. LXXXVI, май, 411, июнь, 556, т. LXXXVII, июль, 84, 98, 120—124, авг., 334, 337, сент., 473, 476, 574—576, т. LXXXVIII, окт., 104, 158, нояб., 299—354, декаб., 6:9, 639.
Карандзевъ, штабъ-кап. 1877 г., т. LXXXV, янв., 74.
Каратыгинъ, Василій Андреев., артистъ, † 1853 г., т. LXXXVI, апр., 40, 42, 43, 48, 51, 53, 54.
Карелъ, лейбъ-мед. 1854 г., томъ LXXXVI, июнь, 611, 617, 620
Карно, Сади, презид. франц. республ. † 1894 г., т. LXXXVIII, окт., 160.
Карно, Лазарь, воен. министръ во Франц. при директоріи, † 1823 г., т. LXXXVIII, окт., 159—169.
Карно, Лазарь. Ипполитъ, мнн. народа. проsv. во Франц. 1848 г., т. LXXXVIII, окт., 160, 161.
Карпѣевъ, Захаръ Яковл., сенат., гл. госуд сов., т. LXXXV, мартъ, 546.
Карповъ, Васил. Никол., профес. сиб. духовн. акад. 1850 г. т. LXXXV, мартъ, 535—539.
Карповъ, ген.-л., 1820 г. т. LXXXVI, май, 406—406.
Карцевъ, проф. воен. акад. т. LXXXV, мартъ, 643.
Каталей, В. В., ген.-лейт. 1878 г., т. LXXXV, февр. 294.

- Батюшкинъ, Александръ Андреев.** ген.-ад., Оренб. ген.-губерн. 1836 г., т. LXXXVI, июнь, 545, 516, томъ LXXXVIII, 576.
- Батюшкинъ, Василъ Семенов.** кievск., посл. волынск губерни, т. LXXXVI, май, 292, 403, 404.
- Батуртъ, Дордъ,** послан. въ спб. 1769 г., т. LXXXV, февр., 396, 400, 401.
- Батцовъ, Мих. Никиф.,** писатель. р. 1818 г., † 1887 г., т. LXXXVI, апр., 215, т. LXXXVII, июль, 222, томъ LXXXVIII, декаб., 602.
- Баховский, Александръ Мих.,** офицеръ 1856 г., т. LXXXVIII, окт., 115, декаб., 565.
- Баховский, гр. Мих. Вас.,** ген.-отъ инф., поворооссийск. воен. губернат., р. 1734 г., † 1800 г., т. LXXXVIII, нояб., 468, 470.
- Баченовскій, Карлъ,** офиц. польскихъ войскъ, 1830 г., т. LXXXVIII, декаб., 660, 661, 666.
- Баченовскій, Мих. Трофимов.** проф., род. 1775 г., † 1842 г., т. LXXXV, февр., 417.
- Баченовскій, юриконсулъ при рус. мисси въ Констант.** 1878 г., т. LXXXVII, июль, 66.
- Башадамовъ, Никл. Иван.,** титуляр. сов., его библиографическій списокъ на оберткѣ каждой книги.
- Бласинскій, полковн. польск. войскъ** 1830 г., т. LXXXVIII, окт., 213.
- Квицкискій, генер. польск. войскъ** 1830 г., т. LXXXVIII, окт., 225, декаб., 654, 656, 669.
- Блатковскій, полковн. польск. войскъ** 1830 г., т. LXXXVIII, окт., 213, 216., декаб., 656.
- Бойтъ, гр. Яковъ, фельдмарш.,** † 1758 г., т. LXXXV январь, 125, 126.
- Боневичъ, В. Ѳ.,** † 1864 г., томъ LXXXV, февр., 269, т. LXXXVIII, декаб., 520—523.
- Ботенбургъ, ген.-лейт.** 1763 г. т. LXXXVIII, нояб., 463.
- Бохля, офицеръ** 1849 г., т. LXXXV, февр., 264, 265.
- Бодошевскомъ, поч. опекунъ** 1896 г., т. LXXXV, январь, 73.
- Климина, Марія Алексѣев.,** въ зам. Бабина, т. LXXXV, февр., 315, 316.
- Кивкичъ, Алексѣй Андреев.,** его письмо по поводу кончины М. Н. Лермонтова, 1841 г., т. LXXXV, февр. 315, 316.
- Кликинъ, Петръ Андреев.** ст.-секр., сенат., род. 1775 г., † 1834 г. т. LXXXVI, апр., 19, 20, май, 292, 294.
- Кирпичниковъ, А. И.,** проф. сообщ.: „Профессоръ М. Я. Мудровъ, П. Я. Чадаевъ и Ф. Ф. Вигель“, т. LXXXV, мартъ, 611—617.
- Кирѣевскій, Я. В.,** 1832 г., т. LXXXVI, апр., 194, май, 350., т. LXXXVIII, декаб., 623—646.
- Киселевъ, гр. Никол. Дм.,** послан. во Франц. 1852 г., † 1869 г., т. LXXXVI, июнь, 602, 603., томъ LXXXVIII, декаб., 630.
- Киселевъ, гр. Пав. Дм.,** мнн. госуд. имущ., р. 1788 г., † 1872 г. т. LXXXVI, май, 239, 240, 306, июнь, 451, 454, т. LXXXVII, авг., 346, 318, т. LXXXVIII, декаб., 588, 677—686.
- Кисловскій, вице-директ. деп.-а мнн. народн. проsv.** 1858 г., т. LXXXV, мартъ, 557, 559.
- Кларкъ, Василій,** сообщ.: Тарасъ Григорьевичъ Шевченко въ Астрахани“, т. LXXXV, мартъ, 655—658, т. LXXXVII, авг., 449, 450.
- Клейнмихель, гр., Петръ Андреев.,** ген.-ад., † 1839 г., т. LXXXV, январь, 50, т. LXXXVI, май, 314, 336, июнь, 616.
- Клименковъ, проф. мед.,** т. LXXXV, январь, 199.
- Климентъ, митроп. рущукск.** 1878 г., т. LXXXVII, авг., 240, 241.
- Кноррингъ, Богд. Ѳед.,** ген.-отъ инф. главноком. арміей въ Финлянд., род. 1746 г., † 1825 г., т. LXXXV, мартъ, 482, 491.
- Кноррингъ, генер.** 1829 г., т. LXXXV, февр., 394.
- Княжевичъ, Александръ Максимов.,** мнн. финанс. 1858 г., род. 1792 г., † 1872 г., т. LXXXV, мартъ, 560—562.
- Княжичинъ, Яковъ Борис.,** писатель род. 1742 г., † 1791 г., т. LXXXVIII нояб., 304.
- Княжичинъ, спб. об.-полциѣм.** 1827 г., т. LXXXV, январь, 13, 14
- Кобыла, Андр. Ив.,** бояринъ, т. LXXXVII, июль, 114.
- Козадовскій, Евгр. Петров.,** мнн. народ. проsv., 1858 г., т. LXXXV, мартъ, 560—562, 643.
- Козачко, генер.,** началъ. артнл. учнл. 1835 г., т. LXXXVI, июнь, 652.
- Козловскій, Викент. Мих.,** ген.-отъ инф., † 1871 г., т. LXXXVI, май, 394, 405.
- Козловскій, кв., П. Б.** т. LXXXVI, июнь, 456, 457.
- Козловъ, Ив. Ив.,** ген.-рекегмейст. 1767 г., т. LXXXVIII, нояб., 424.
- Ководавалевъ, Осниъ Петров,** писат., тов. ми-ра вн. дѣл., род. 1752 г., † 1819 г., т. LXXXV, мартъ, 437, 430, т. LXXXVIII, окт., 208.

- Ковошникъ**, Серг. Алексан., ген.-ад., спб. полиціймейст. 1830 г. т. LXXXV, февр., 242, т. LXXXVIII, окт., 79.
- Коломадинковъ**, Василий Яковл., масонъ, † 1792 г., т. LXXXVIII, нояб., 321—323, 336, 337, 360, 361.
- Коломольцова**, послед. да секты Татариновой, т. LXXXV, февр., 235.
- Колосовъ**, Ив. Петров., ст. сов. рол. 1775 г., † 1819 г., т. LXXXVI, май, 298.
- Копатовскій**, Ив. Петров., его восп. о Шевченко, т. LXXXV, мартъ, 655—658.
- Коллексо**, ген. польск. войскъ 1890 г., т. LXXXVII, авг., 373, 392, 396, 397.
- Колубажскъ**, Н. В., актеръ 1885 г., т. LXXXVI, апр., 46.
- Комовская**, А. А., сообщ. „Письмо крестьянъ графини Орловой—Чесменской“, т. LXXXVII, сент., 527—529.
- Комовскій**, А. Д., чиновн. 1837 г., т. LXXXVIII, окт., 175.
- Комисскій**, А., сообщ. „Поправка къ статьѣ: Т. Гр. Шевченко въ Астрахани“, т. LXXXVII, авг., 449, 450.
- Коновницкнъ**, генер. 1813 г., т. LXXXV, мартъ, 600, т. LXXXVI, апр., 18, т. LXXXVIII, окт., 102.
- Константикъ Николаевичъ**, великій князь, р. 1827 г., † 1892 г., томъ LXXXV, февр., 284, т. LXXXVI, май, 358, июнь, 452, 585—627, 664.
- Константикъ Павловичъ**, вел. кн., цесаревичъ. р. 1779 г. † 1831 года, т. LXXXV, янв., 165—180, февр., 314, 381—393, мартъ, 489, томъ LXXXVI, апр., 163, 164, 181, май, 307, 308, 370, 398, 399, 400, 401, июнь, 510, т. LXXXVII, июль, 5—12, авг., 372, 445, сент., 604, 636, т. LXXXVIII, окт., 20, 44, 53, 68—94, 165—169, нояб., 451, 462, 474, 475, декаб., 664, 675.
- Копшннъ**, директ. тверск. гимназ. 1846 г., т. LXXXVIII, окт. 185.
- Копшннъ**, сенат., 1822 года, томъ LXXXVIII, декаб., 679.
- Копьевъ**, писат., т. LXXXVIII, нояб., 304.
- Кориковъ**, Дм., † 1866 г., томъ LXXXVIII, декаб., 528—534.
- де-Корберона**, фр. послан. въ Спб. 1778 г., т. LXXXV, февр., 406, 409, 410, т. LXXXVI, апр., 143, 151.
- Коржевскій**, Млх. Коржев., ген. 1829 г. т. LXXXVI, апр., 155, 172—179, май, 393, т. LXXXVII, авг., 381—391.
- Корнилицкнъ**, А. М., конвозаводч. 1850 г., т. LXXXVI, май, 361.
- Корниловичъ**, декабр., т. LXXXVI, июнь, 461.
- Корниловъ**, Влад. Алексѣев., адмир. † 1854 г., т. LXXXVI, июнь, 674.
- Корниловъ**, Ив. Петров., почетн. Виленск. учебн. окр., 1863 г., т. LXXXVIII, 545—560.
- Корниловъ**, Фед. Петр., чл. Госуд. Сов. † 1895 г. т. LXXXVI, апр., 214.
- Корсаковъ**, Дм. Алексан., профес. казанск. унив. 1895 г., т. LXXXVII, июль, 125.
- Корсаковъ**, генер. 1812 г., т. LXXXV, февр., 306—312, мартъ, 489, томъ LXXXVII, сент., 606.
- Корфъ**, бар., впол. гр., Молесть Анд., чл. Госуд. Сов., т. LXXXVI, июнь, 452, 463, 472, т. LXXXVII, авг., 339.
- Корфъ**, генер. 1812 г., т. LXXXVII, сент., 606.
- Коршъ**, Вал. Фед., р. 1828 г., † 1883 г., т. LXXXVIII, декаб., 643.
- Корытовскій**, полковн. 1829 г., томъ LXXXV, янв., 175, 176.
- Косоинъ**, Каэт. Андреев., санскриптологъ, библ. спб. публ. библиот., т. LXXXVIII, окт., 185, 186, декаб., 641.
- Косоинъ**, Фед. Андреев., штаб-лекаръ. л.-гв. Егерск. пол. 1824 г., т. LXXXV, янв., 225—242.
- Костомаровъ**, Никол. Ив., род. 1817 г., † 1885 г., т. LXXXV, мартъ, 656, т. LXXXVII, авг., 449, 450, сент., 617.
- Костюшко**, Фадей, генер. польск. служб., т. LXXXVIII, окт., 165—167, декаб., 654.
- Котельниковъ**, Петръ Ив., академ. 1782 г., т. LXXXVII, сент., 470—490.
- Кокоскнъ**, Екатеринославск. губери. 1792 г., т. LXXXVII, авг., 269.
- Кохоскнъ**, декабр., т. LXXXVI, июнь, 459.
- Кохъ**, Фридрихъ, поруч. „Голштинскаго отряда“, 1763 г., т. LXXXVIII, нояб., 465.
- Коцебу**, гр., Пав. Евстафьев., ген.-губ. Ц. Польскаго, род. 1801 г., † 1884 г., т. LXXXVI, апр., 174, июнь, 529.
- Кочетовъ**, Іакии. Сем., протоіер., чл. Акад. наукъ, † 1854 г., т. LXXXVII, июль, 182, сент., 583.
- Кочубей**, кн., Викт. Павл., мн. вв. дѣл., впол. канцл., род. 1768 г., † 1834 г. т. LXXXVI, апр., 199, 200, май, 228—306, т. LXXXVII, авг., 275, сент., 621, т. LXXXVIII, окт., 47, 174, нояб., 422.

- Кочубей, гр. ня, Наталья Викторовна, т. LXXXVIII, окт., 47, 48.
- Котляковскій, преподават. парскос. лицей 1823 г., т. LXXXVIII, окт., 174.
- Кошелевъ, Александр. Ив., земскій дѣят. р. 1807 г., † 1833 г., т. LXXXVI, май, 352, т. LXXXVIII, окт., 57.
- Кошка, Фед. Андреев., бояринъ, т. LXXXVII, июль, 114.
- Краевскій, Андрей Александр., надат. „Голова“, род. 1810 г., † 1869 г., т. LXXXV, мартъ, 564.
- Крамской, Ив. Никол., художн., т. LXXXVIII, декаб., 585, 596—597.
- Красавицкій, Матв. Ив., педагогъ, миров. посредн. 1-го призыва, томъ LXXXV, мартъ, 518—539, томъ LXXXVI, апр., 62—78.
- Красиковая, гр.-ня, рожд. княжна Радзивилль, † 1822 г., т. LXXXVIII, окт., 164, 168.
- Красинскій, гр., Викентій, ген. отъ кав., ген.-ад., чл. Госуд. Сов., род. 1783 г., † 1858 г., т. LXXXV, февр., 394, т. LXXXVIII, окт., 164, 167, 168.
- Красинскій, гр., Сигизмундъ, поэтъ, р. 1811 г., † 1859 г., т. LXXXVIII, окт., 164.
- Красовскій, Александр. Ив., цензоръ, род. 1776 г., † 1857 г., т. LXXXV, февр., 279.
- Красовскій, Аванас. Ив., ген.-лейт., 1831 г., т. LXXXVI, апр., 193.
- Красовскій, поруч., польск. войскъ 1830 г., т. LXXXVIII, окт., 225.
- Крафтъ, акад. 1782 г., т. LXXXVII, сент., 481.
- Крафтъ, преподават. имп. Николая I, т. LXXXVI, июнь, 452.
- Кращенинниковъ, Степ., профес. 1750 г., т. LXXXVIII, окт., 170.
- Крейцъ, генер. 1830 г., т. LXXXVII, сент., 652, 659.
- Кристинъ, преподаватель воен. наукъ швед. кор. Густаву IV, т. LXXXVI, апр., 81—96, май, 369, 373.
- Кропотовъ, Пав., лейт. 1787 г., томъ LXXXVIII, нояб., 445.
- Крыжановскій, ген.-ад., Варшавск. воен. ген.-губ., 1862 г., т. LXXXV, янв., 53.
- Крыловъ, Ив. Андр., баснописецъ, род. 1768 г., † 1844 г., т. LXXXV, янв., 88, февр., 267—283, мартъ, 564, 565, т. LXXXVI, июль, 655, 663, т. LXXXVIII, нояб., 304, 309.
- Крыловъ, Никита Ив., профес., томъ LXXXV, янв., 200.
- Крыловъ, генер., 1877 г., т. LXXXV, янв., 71.
- Крымовскій, Козрачь Григ., членъ духовн. миссiи въ Пекинѣ 1827 г., † 1863 г., т. LXXXV, февр., 336, мартъ, 590, 602, 608.
- Крысьяевскій, генер. 1830 года, томъ LXXXVII, сент. 655, 659.
- Крюднеръ, баронесса, Юліана, рожд. Фитингофъ, штегства, род. 1766 г., † 1824 г., т. LXXXV, февр., 235, т. LXXXVII, авг., 406, т. LXXXVIII, окт. 35, 51.
- Крюлеперъ, бар., генер. 1878 г., т. * LXXXV, февр., 298, 308, мартъ, 465, 467.
- Крюковъ, адм. 1721 г., т. LXXXVII, июль, 111.
- Крюковецкій, офиц. польск. войскъ. 1830 г., т. LXXXVIII, 671.
- Крюковской, генер. польск. войскъ 1830 г., т. LXXXVIII, окт., 215.
- Кудрявцевъ, М. П., сообщ.: „Кулавіада“, поэма К. Ф. Рыльева, томъ LXXXV, мартъ, 506—510.
- Кудрявцевъ, Петръ Никол., профес. московск. унив., т. LXXXV, янв., 202.
- Кузнецовъ, Е. В., сообщ.: „Два письма, вызванныя событіями 14 дек. 1825 г.: письму Петра Капцелича Евгению арх. Тобольскому и Сибирскому и отвѣтъ арх. Евгения“, т. LXXXV, февр., 314, 315.
- Кузнецовъ, подполковн. 1820 г., т. LXXXVI, май, 406.
- Кузовлевскій, поруч. 1831 года, томъ LXXXVI, июнь, 462.
- Кузольникъ, Нестор. Васил., писат., р. 1809 г., † 1868 г., т. LXXXV, мартъ, 564, т. LXXXVI, июль, 655, т. LXXXVII, сент., 661, 662.
- Кузольникъ, Пав. Вас., т. LXXXVI, июнь, 655.
- Кузольникъ, преподават. имп. Николая I, т. LXXXVI, июнь, 452, 453.
- Кулина, Юлія Александров., томъ LXXXVIII, декаб., 554.
- Кулинь, Васил. Петров., окружн. инспект. школъ Виленск. губ. 1863 г., т. LXXXVIII, декаб., 554.
- Куломанъ, А. Н., томъ LXXXVI, апр., 213.
- Кульневъ, Яковъ Петр., герой отеч. войны, род. 1763 г., † 1812 г., томъ LXXXV, мартъ, 482.
- Кумани, контр.-адм., томъ LXXXV, февр., 445, т. LXXXVI, июль, 673.
- Купреяковъ, Пав. Яковлев., генер., род. 1789 г., † 1874 г., т. LXXXV, февр., 446, 447, т. LXXXVI, июль, 520.
- Куракинъ, кн. А. Б., послан. во Франц. 1716 г., т. LXXXVI, апр., 25.
- Куракинъ, кн., предсѣд. деп. экономин Госуд. Сов. 1821 г., т. LXXXVI, май, 298.

Куражинъ, вв., 1790 г., т. LXXXVIII, нояб., 304.
Куржалъ, Игнатій, офицер. польск. войскъ 1830 г., т. LXXXVIII, декаб., 661—669.
Куржалъ, Мих., офиц. польск. войскъ 1830 г., т. LXXXVIII, декаб., 654, 660.
Курликиъ, Меркурій Кузъм., генер. 1837 г., т. LXXXVI, июнь, 526.
Куропаткиныъ, генер. 1878 года, томъ LXXXV, янв., 73, февр. 237, 294, 295, т. LXXXVI, май, 251.
Курута, Владимірск. губернат., 1837 г., т. LXXXV, февр., 418.
Курута, генер. 1829 г., т. LXXXV, янв., 165.
Кутейниковъ, Дм., ген.-м. 1820 г., т. LXXXVI, май, 408.
Кутневичъ, Васи. Ив., об.-свящ. арміи и флота 1830 г., т. LXXXV, янв., 29, 32.
Куторга, М. С., профес. 1837 г., томъ LXXXVI, июнь, 573.
Кутузовъ, Алексѣй Мих., масонъ 1775 г., т. LXXXVIII, нояб., 321, 323—365.
Кутузовъ-Осмоленскій, вв., см. Голенищевъ-Кутузовъ.
Кутелевъ, Григ., 1793 г., т. LXXXVIII, нояб., 461.
Кюхельбегеръ, Мих. Карлов, декаб., † 1859 г., т. LXXXVI, июнь, 460.

Л.

Лабаннъ, Александр. Фед., вице-през. акад. худож., 1812 г., мартовск., т. LXXXVII, авг. 424, 425, 427, 433, т. LXXXVIII, нояб., 301.
Лаваль, гр.-ня, послѣд.-да севты Татариновой, т. LXXXV, февр., 235.
Лавричъ, Егоръ, лейтен. 1767 г., т. LXXXVIII, нояб., 441.
Лагарпъ, Фредерикъ-Сезаръ, воспитат. имп. Александра I, р. 1754 г., † 1838 г., т. LXXXVIII, нояб. 459—461.
Ладыженскій, М. В., подполковн., 1830 г., т. LXXXV, мартъ, 592, 595, 596, 602, 608.
Ладыженскій, вв., Никол., подпоруч. 1762 г., т. LXXXVIII, нояб., 393.
Лажечниковъ, Ив. Ив., писат., род. 1794 г., † 1869 г., т. LXXXVIII, декаб. 585, 594—599.
Лазаревъ, Мих., Петров. адмир., † 1852 г., т. LXXXVI, июнь, 664, 668, 673, 674.
Лайонъ, Евгения Васильевн., няня имп. Николая I, т. LXXXVI, июнь, 450—452.
Лажсманъ, Эрнстъ, естествоиспытат., акад. 1791 г., т. LXXXVII, июль, 28—30, сент., 462, 463.
Ламбертусъ, поруч. «Голштинскаго отряда» 1763 г. т. LXXXVIII, нояб., 466.
Ламбертъ, гр., 1794 г., т. LXXXV, мартъ, 570.
Ламедорфъ, гр., Матв. Ив., ген. отъ кав., воспитат. имп. Николая I, р. 1745 г., † 1828 г. т. LXXXV, февр. 377, 380, т. LXXXVI, июнь, 450—452.
Ланголь, Никол. Андреев., ген.-лейт. Воронежск. воен. губернат., 1847 г., т. LXXXV, февр., 369.
Лангъ, Моисей, подполковн. «Голштинскаго отряда» 1763 г., т. LXXXVIII, нояб., 465.
Лангъ, Фридрихъ, капит. „Голштинскаго отряда“ 1763 г., т. LXXXVIII, нояб., 465.
Ланжеронъ, гр., Александръ Фед., одес. ген.-губ., род. 1763, † 1831 г., т. LXXXVI, май, 316, 317, июнь, 476.
Ланская, Александра Мих., рожд., Ханькова, т. LXXXV, мартъ, 501.
Ланской, Дм. Серг., управл. департ. госуд. имущ., сенат. 1817 г., томъ LXXXVI, май, 292, 346.
Ланской, Пав. Серг., 1812 г., томъ LXXXV, мартъ, 501.
де-Лафонъ, Софія, статсъ-дама, начальница Смольна инст., † 1797 г., т. LXXXVIII, нояб., 395, 402, 409.
Лачиновъ, В. сообщ.: „Я. К. Гротъ и П. А. Плетневъ. Ихъ отношенія и переписка“, т. LXXXVIII, окт., 171—191.
Лашкаревъ, генералъ 1830 г. томъ LXXXVII, сент., 648, 650, 651.
Лебедева, Прасковья Прохоровна, танцовщица 1855 г., т. LXXXVII, июль, 207.
Лебедевъ, Петръ Семен., ген.-лейт., профес. воен. акад., т. LXXXV, мартъ, 643.
Левашевъ, гр., Василій Васильев., предсѣд. Госуд. Сов. и комит. мин., род. 1783 г., † 1843 г., т. LXXXVI, май, 313, 314.
Левашовъ, гр., Влад. Васильев., одес. градонач. 1878 г., т. LXXXV, мартъ. 459, 460, 461.
Левашовъ, ген.-м., 1816 г., томъ LXXXVI, июнь, 632, т. LXXXVII, авг., 403.
Левандскій, Θεодосій, священ. города Балты, 1818 г., т. LXXXVII, авг., 431.

- Левинскій**, генер. 1877 г., т. LXXXV, янв., 56, мартъ, 465, 467, т. LXXXVI, май, 251, 254.
- Левковичъ**, Граціанъ, волынск. предвод. двор. 1829 г., т. LXXXVI, апр., 172, 173, 174.
- Левъева**, актриса, т. LXXXVI, апр., 51.
- Левшинъ**, Алексѣй Иракліев., одес., градонач. 1831—1837 гг., т. LXXXVI, апр., 191—192, 199.
- Легатовъ**, Антонъ Мих., художн. 1834 г., т. LXXXV, мартъ, 596.
- Ледоховскій**, Викентій, маршалокъ 1829 г., LXXXVI, апр., 155.
- Ледоховскій**, Иванъ, ваштеланъ, т., LXXXVIII, декаб., 675.
- Лексель**, астрономъ 1777 г., томъ LXXXVII, сент., 463, 467, 481.
- Лексъ**, Мих. Ив., тов. мин. вн. дѣлъ, т. LXXXV, мартъ, 664, т. LXXXVI, апр., 193.
- Лелевъ**, профес. Виленск. универ., 1830 г., т. LXXXVIII, окт., 81, 82.
- Лекротъ**, финск. писат., 1840 г., т. LXXXVIII, окт., 179—181.
- Леонскій**, Дм. Тимѳ., артистъ моск. театр. р. 1805 г., † 1860 г., томъ LXXXVI, апр., 42, т. LXXXVII, июль, 213, 217.
- Леонидовъ**, Леонидъ Львов., артистъ спб. театр. род. 1821 г., † 1889 г. т. LXXXVII, июль, 217.
- Леонидъ**, Красовскій, игумень Седмиоверск. пустыни съ 1767—1776 г. игум. Охорскаго Преображенскаго монасты. Могилев. губ. съ 1775—1784 г. г. LXXXVIII, нояб., 469.
- Леонтьевскій**, З. О., членъ русск. миссін въ Пекинѣ 1827 г., томъ LXXXV, мартъ, 590.
- Леонтьевъ**, Пав. Мих., профес. московск. унив., т. LXXXV, янв., 202, 203.
- Лепарскій**, Станиславъ Романов., ген. м. военд. Нерчинск. рудник. съ 1826 г., род. 1754 г., † 1838 г., т. LXXXV, мартъ, 610, т. LXXXVI, июнь, 462—464, 511—517, 632.
- Лепехинъ**, Ив. Ив., акад. 1776 г., † 1802 г., т. LXXXVII, сент., 462—482, т. LXXXVIII, окт., 158.
- Лермонтовъ**, Мих. Юрьев., писат., р. 1814 г., † 1841 г., т. LXXXV, февр., 315, 316, т. LXXXVI, апр., 41, май, 357, июль, 645—649, томъ LXXXVIII, окт., 131, 188.
- Леслій**, Фел., мячманъ 1787 г., томъ LXXXVIII, нояб., 445
- Лесозскій**, ген.-лейт., нач. 2-го окр. корп. жанд. 1833 г., т. LXXXV, янв., 41, 42, 45.
- Лесотскъ**, генер. 1807 г., т. LXXXVIII, декаб., 494.
- Лешковъ**, Васил. Никол., профес., т. LXXXV, янв., 200, 201.
- Ливенъ**, княг., рожд. Бенкендорфъ, супруга послан. 1840 г., т. LXXXVI, июнь, 602, т. LXXXVIII, окт., 72.
- Ливенъ**, Шарлотта Карлов., статсъ-дама, воспитат. да в. княж. Александръ Павловичъ, т. LXXXV, февр. 365, мартъ, 582, июнь, 450, томъ LXXXVII, сент., 641, т. LXXXVIII, окт., 16, 22, 199.
- Ливенъ**, вн., Христоф. Андр., послан. въ Лондонѣ съ 1812—34 гг., род. 1777 г., † 1838 г., т. LXXXVIII, окт., 72, 74.
- Ливенъ**, вн., Карлъ Андреев., ген.-лейт., мин. нар. просв., род. 1767 г., † 1845 г., т. LXXXV, мартъ, 479, 480.
- Лидерсъ**, Аана Ив., въ зам. Фокъ, т. LXXXVIII, декаб., 485.
- Лидерсъ**, ген. отъ инф. 1849 г., томъ LXXXVI, июнь, 520, т. LXXXVIII, окт., 116.
- Лилде**, профес. Гельсингфор. унив. 1841 г., т. LXXXVIII, окт., 176, 178.
- де-Линъ**, вн., Карлъ, фельдмаршалъ, род. 1735 г., † 1814 г., т. LXXXVIII, нояб., 279, 375, 376, 377, 444.
- Липаевъ**, Ив., сообщ.: „Петръ Ильичъ Чайковскій“, т. LXXXVII, сент., 545—552.
- Литке**, Карлъ, лейт. 1787 г., томъ LXXXVIII, нояб., 445,
- Литта**, гр.-ня, см. Энгельгардъ.
- Литта**, гр.-ня, послѣд.-на секты Татариновой, т. LXXXV, февр., 235.
- Лобановъ**, кн., Александр., фл.-ад. 1818 г., т. LXXXVIII, окт., 45.
- Лобановъ**, вн., Яковъ, об.-перемоніймейст. 1818 г., т. LXXXVIII, окт., 45.
- Лобановъ**, вн., предсѣдат. гражданскаго деп. Госуд. Совѣта 1820 г., т. LXXXVI, май, 298.
- Лобановъ-Ростовскій**, кн., Алексѣй Борисов., мин. вн. дѣлъ, р. 1824 г., † 1896 г., т. LXXXVIII, декаб., 677—692.
- Лобановъ-Ростовскій**, кн., Дм. Ив., ген. отъ инф., мин. юстиціи съ 1817—1827 г., род. 1752 г., † 1838 года, т. LXXXVI, май, 308, 312, т. LXXXVIII, декаб., 652.
- Ловичъ**, княгиня, Жанета Антонов. (Юанна Грузинская), супруга цесарев. Константина Павловича, р. 1795 г., † 1831 г., т. LXXXV, февр., 387, т. LXXXVII, июль, 6, 9, 11, т. LXXXVIII, окт., 87, 94.

Догановскій, скульпт. 1837 г., томъ LXXXVI, июль, 661.

Догвиновъ. Назаръ, лейтен. 1767 г., т. LXXXVIII, нояб. 441.

Домокозовъ, Григ. Андреев., ген.-м., род. 1767 г., † 1810 г., т. LXXXV, мартъ, 477, 478.

Домокозовъ, Мих. Вас., акад. писат. р. 1711 г., † 1765 г., т. LXXXVI, апр., 38, т. LXXXVIII, нояб., 309—311.

Допухина, Анна, 1800 годъ, томъ LXXXVIII, нояб., 480.

Допухинъ, Ив. Влад., ст. сек., сенат., масонъ, род. 1756 г., † 1816 г., т. LXXXVIII, нояб., 821—361.

Допухинъ, вв., Петръ Васил., мнн. юстиціи съ 1803—1810 г., предсѣд. Госуд. Сов. и комит. мнн-въ съ 1816 г., род. 1741 г., † 1827 г., т. LXXXVI, май, 297, 301, 312, томъ LXXXVII, авг., 258, 277, 279, т. LXXXVIII, декаб., 649.

Допухинъ, Петръ Владим., томъ LXXXVIII, нояб., 328, 335.

Дореръ, Никол. Ив., декабристъ, т. LXXXVII, сент., 562, 564.

Дохвицкий, чиновн. 1842 г., томъ LXXXV, мартъ, 655, т. LXXXVII, авг., 450.

Дошкаревъ, генер. 1878 г., томъ LXXXVI, май, 264, 266.

Дубкинъ, директ. Пензенск. гимназій 1860 г., т. LXXXVIII, 528.

Дубиновскій, Фед. Петров., сенат. род. 1777 г., † 1869 г., т. LXXXV, мартъ, 546, 547, т. LXXXVI, май, 304.

Душкинъ, сенаторъ 1879 г., томъ LXXXVII, июль, 66, 67.

Душадинъ, Лаврентій, морск. офиц., 1767 г., т. LXXXVIII, нояб., 441.

Дюбенскій, вв., мнн. финанс. П. Польскаго 1830 г., т. LXXXVIII, окт., 82, 88, 164.

Дюбимовъ, Никол. Алексѣев., проф. физик. мословск. унив. 1862 г., т. LXXXV, мартъ, 680.

Дюбонский, презид. полиц. въ Варшавѣ 1830 г., т. т. LXXXVIII, окт., 80.

Дядковъ, И., общ.: „Экспромить актера П. Григорьева Е. С. Вахрину 1842 г., т. LXXXV, февр., 366.

Дягуновъ, полковн. 1800 г., томъ LXXXV, мартъ, 477.

Дячковскій, профес. московск. унив., т. LXXXV, янв., 202.

Дяченко, т. LXXX, февр., 272—280.

Дьяковъ, Алексій Фед., директ. пѣвчesk. капел., композ., сенат., томъ LXXXVI, май, 318, июль, 454, т. LXXXVIII, декаб., 587.

М.

Магницкій, Мих. Леонтьев., почечит. Казанск. учеб. окр., ст.-секрет., род. 1778 г., † 1844 г., т. LXXXVI, апр., 20, т. LXXXVII, июль, 180, авг., 338, 436, 438.

Мадатовъ, вв., генер. 1813 г., т. LXXXV, февр., 447, т. LXXXVI, апр., 16, июль, 480.

Майковъ, Апол. Александр., директ. театровъ 1825 г., писат., т. LXXXVI, май, 310, т. LXXXVIII, окт., 187.

Майковъ, Леонидъ Никол., акад., сообщ.: „Какъ понимать басню Крылова „Водолазы“, т. LXXXV, февр., 267—283.

Майковъ, П. М. сообщ.: „Сношенія Екатерины II съ Неккеромъ и съ Сенатъ де-Мельяномъ“, т. LXXXV, янв., 145—161. „Замѣтка о семействѣ Шкуринныхъ“, т. LXXXVIII, нояб., 421—422. „Записки графа Л. I. Беннигсена о войнѣ съ Наполеономъ 1807 г.“, т. LXXXVIII, дек., 481—518.

Майртней, Дж., англ. послан. въ Спб. 1765 г., т. LXXXV, янв., 133, февр., 399, 403, 407, 410, 411.

Маирицкий, писат., художн. т. LXXXVI, июль, 655.

Мажинковичъ, Ив. Корнильев. ген.-лейт., 1855 г., т. LXXXVII, июль, 225, 226.

Мажинъ, актеръ 1835 г., т. LXXXVI, апр., 45—49.

Малаховскій, Станисл., генер. польск. войскъ 1816 г., т. LXXXVIII, окт., 165.

Мальцева, Софья Серг., см. Начаева. Мамонова, гр., 1770 г., т. LXXXVIII, нояб., 374, 376.

Манганари, Мих. Павлов., каунт. 1847 г., т. LXXXVI, июль, 665—673.

Мандтъ, лейбъ-мед. 1854 г., т. LXXXVI, июль, 611—628.

Мансуровъ, полковн. 1836 г., т. LXXXVI, май, 414, 415.

Мансуровъ, Б. П., директ. деп. мнн. нар. проsv., 1861 г., т. LXXXVIII, декаб., 523.

Маринъ, Пав. Яковлев., чиновн. особ. поруч. при Новорос. ген.-губ. 1837 г., т. LXXXVI, апр., 200.

Маринъ, фл.-ад. 1809 г., т. LXXXV, мартъ, 485.

Марія Александровна, императрица, род. 1824 г., † 1880 г., т. LXXXV, мартъ, 558, т. LXXXVI, июль, 587, 591, 592, 593.

- Марія Николаевна**, вел. княг., въ супруж. герцогиня Лейхтенбергская, р. 1819 г., † 1876 г., т. LXXXV, янв., 93, т. LXXXVI, июнь, 494, 603, 620, 631, т. LXXXVIII, окт., 55.
- Марія Павловна**, вел. княгиня, въ зам. великая герцогиня Саксен-Веймарская, р. 1786 г., † 1859 г., т. LXXXVI, июнь, 629, т. LXXXVII, июль, 15, т. LXXXVIII, окт., 44.
- Марія Феодоровна**, императрица, род. 1759 г., † 1828 г., т. LXXXV, мартъ, 501, 504, т. LXXXVI, апр., 9, 130, 131, 146—152, май, 308, 309, 387, июнь, 450, 452, 472, 491, 508—510, 627, 632, т. LXXXVII, авг., 329, 334, сент., 576, 643, 645, т. LXXXVIII, окт., 14—60, 182, 203—207, нояб., 378, 451, 475—480.
- Маркелъ**, полковн. 1802 г., преподават. имп. Николай I, т. LXXXVI, июнь, 452.
- Марковъ**, гр., Аркадій Ив., полномочн. мнн. въ Стокгольмѣ, р. 1747 г., † 1827 г., т. LXXXV, февр., 362—361, мартъ, 563—582, т. LXXXVI, май, 370—388, т. LXXXVII, июль, 154—161, авг., 351—366, сент., 627—642, т. LXXXVIII, окт., 195—205, нояб., 267.
- Марковъ**, Ираклій Ив., ген. 1812 г., т. LXXXVIII, декаб., 648.
- Маркусъ**, лебѣ-мед. 1854 г., т. LXXXVI, июнь, 628.
- Марпергеръ**, нѣмецк. писат., привлеченіе въ его соч. „Московский купецъ“ 1705 г., т. LXXXVI, май, 431—441.
- Мартиновъ**, Александр. Евстафьев., артистъ, род. 1816 г., † 1860 г., т. LXXXV, февр., 366, т. LXXXVI, апр., 51—54, май, 358, 360.
- Мартиновъ**, Никол., офиц. 1841 г., т. LXXXV, февр., 316.
- Марченко**, Васил. Романов., государств. секретарь, род. 1782 г., † 1838 г., т. LXXXV, мартъ, 471—505, т. LXXXVI, апр., 3—20, май, 291—317, т. LXXXVII, авг., 257, 445, 446.
- Марченко**, Марья Осипов., по перв. браку Шмидтъ, т. LXXXV, мартъ, 479, 481, т. LXXXVI, апр., 15, май, 303.
- Масальскій**, кн., редакт. „Современника“ 1846 г., т. LXXXVIII, дек., 645.
- Масловъ**, капит. 1878 г., т. LXXXV, февр., 309.
- Медведева**, артистка московск. театр., 1855 г., т. LXXXVII, июль, 218.
- Мейеръ**, Карлъ Андреев., директ. слоб. ботанич. сада 1751 г., род. 1796 г., † 1855 г., т. LXXXV, мартъ, 678.
- Мейнандеръ**, ген.-л., директ. Павлов. кадет. корп. 1857 г., т. LXXXVIII, декаб., 540.
- Мелетій**, митроп. софійск. 1878 г., т. LXXXVII, авг., 240, 241.
- Мелниковъ**, М. Е., сообщ.: „Замѣтки и воспоминанія художника живописца“, т. LXXXVI, июнь, 643—674.
- Мелниковъ**, Пав. Моисеев., полковн., коменд. въ Баку, † 1848 г., т. LXXXVI, июнь, 643—646.
- Меллеръ-Закомельскій**, т. LXXXVIII, окт., 101.
- Мельгуновъ**, писатель, 1844 г., томъ LXXXIII, декаб. 622—646.
- Мельниковъ**, художн. 1837 г., т. LXXXVI, июнь, 661.
- Меншиковъ**, кн., Александр. Серг., морск. мнн., род. 1787 г., † 1869 г., т. LXXXVI, июнь, 475, 489—499, 535, т. LXXXVII, июль, 27, авг., 314, т. LXXXVIII, окт., 76, 88, 133.
- Меншиковъ**, профес., т. LXXXV, янв., 201.
- Мердеръ**, Карлъ Карл., ген.-ад., воспитат. царевъ Александра Николаевича, р. 1787 г., † 1834 г., т. LXXXVII, июль, 90., 91, 96.
- Мерзляковъ**, Алексѣй Фед., проф., писатель, † 1830 г., т. LXXXVIII, окт., 187.
- Мерцаловъ**, А. Е., сообщ.: „Къ характеристикѣ правовъ въ VIII вѣкѣ“, т. LXXXVII, авг., 444.
- Мессершмитъ**, полковн., преподават. артил. учил. 1835 г., т. LXXXVI, июнь, 652.
- Метальскій**, офиц. 1829 г., т. LXXXV, янв., 171.
- Мещерякова**, Елис. Петров., рожд. Собакина, т. LXXXVI, июнь, 647, 648.
- Мещеряковъ**, Петръ Аванасьев., подполковн. 1840 г., т. LXXXVI, июнь, 647.
- Мещеровскій**, кн., Петръ Серг., об-прокур. Синода съ 1817—1833 г., т. LXXXVI, июнь, 554, т. LXXXVII, авг. 422.
- Мещерскій**, вв. Саратовск. губернат. 1894 г., т. LXXXVI, апр., 113.
- Мессодій**, игуменъ Новгород. монаст. 1827 г., т. LXXXV, янв., 12.
- Миддендорфъ**, Ив. Ив., при посольствѣ въ Стокгольмѣ 1794 г., т. LXXXVI, апр., 84, 88, 89.
- Мизульскій**, офиц. 1829 г., т. LXXXV, янв., 164.
- Миллеръ**, Герардъ Фридерикъ, историографъ, р. 1705 г., † 1783 г., т. LXXXVII, сент., 626.

- Милоновъ**, Мих. Васильевъ, поэтъ-сатирикъ † 1821 г., т. LXXXV, янв. 142—144.
- Милорадовичъ**, гр., Мих. Андреев., спб. ген.-губ. съ 1813 г., род. 1770 г., † 14 дек. 1825 г., т. LXXXVI, май, 308—315, т. LXXXVII, июль, 176, сент., 589, т. LXXXVIII, окт., 118, 119.
- Милорадовичъ**, капит. 1829 г., т. LXXXV, янв., 164.
- Милотичъ**, гр., Дм. Алексѣевъ, воеп. ивв. 1864 г., ген.-ад., т. LXXXV, мартъ, 467, 468, 643, т. LXXXVI, май, 225—261, т. LXXXVII, июль, 49, 50, 80, авг., 237—251, т. LXXXVIII, окт., 107.
- Милотичъ**, Никол. Алексѣевъ, ст.-секрет., род. 1818 г., † 1872 г., т. LXXXVI, май, 259, т. LXXXVII, июль, 48, сент., 560.
- Милотичъ**, Юрій Николаев., т. LXXXVI, апр., 216.
- Минихъ**, гр., Бурхардъ Христофъ, ген.-фельдм. р. 1683 г., † 1767 г., т. LXXXVIII, нояб., 2:2.
- Минихъ**, Фед., флотск. офиц. 1767 г., т. LXXXVIII, нояб., 441.
- Минихъ**, гр., 1768 г., т. LXXXVIII, нояб., 392—412.
- Минкина**, (Шумская), Настасья Фед., домоправит. на гр. Аракчеева, т. LXXXVI, май, 299, 308, 309.
- Мировичъ**, В. Я., поручикъ, † 1764 г., т. LXXXV, янв., 136, 137.
- Митровъ**, Федотъ, лейтен. 1767 г., т. LXXXVIII, нояб., 435, 441.
- Митковъ**, Платовъ Фотиев., декабр., т. LXXXV, мартъ, 610.
- Михаилъ Десвильскій**, митроп., новгород. и спб. съ 1818 г., р. 1761 г., † 1821 г., т. LXXXV, февр., 335, т. LXXXVIII, нояб., 310.
- Михаилъ Николеевичъ**, вел. князь, т. LXXXV, янв., 81, т. LXXXVI, апр., 214, июнь, 623, 627, т. LXXXVII, авг., 292, т. LXXXVIII, окт., 183.
- Михаилъ Павловичъ**, вел. князь, род. 1798 г., † 1849 г., т. LXXXV, янв., 92, февр., 234, 239, 369, 374, мартъ, 564, 565, т. LXXXVI, апр., 18, 44, 157, 158, май, 303—313, июнь, 450—632, т. LXXXVII, июль, 18, 19, сент., 572, т. LXXXVIII, окт., 14, 25, 44, 50, 55, 82, 83, 109, 131.
- Михаилъ Феодоровичъ**, каръ, род., 1506 г., † 1645 г., т. LXXXVII, июль, 103—122, т. LXXXVIII, декаб., 650.
- Михайловскій-Дажилевскій**, Александр. Ив., ген.-лейт., воен. историкъ, † 1848 г., т. LXXXV, мартъ, 499, 500.
- Михайловъ**, художн., т. LXXXVI, июнь, 660.
- Мицкевичъ**, Адамъ, польск. писатель, род. 1798 г., † 1855 г., т. LXXXV, февр., 386, т. LXXXVI, апр., 163.
- Мицкевичъ**, профес. Виленск. унив., т. LXXXVI, июнь, 581.
- Моденъ**, гр., маршалъ двора в. кн. Николая Павловича, 1819 г., т. LXXXVIII, окт., 35, 46.
- Модзалевскій**, Б., сообщ.: «Письма архіепископа Могилевскаго Георгія Конисскаго къ В. С. Рубану 1778—1780 гг.», т. LXXXVIII, нояб., 467—471.
- Можаровскій**, Апол., сообщ.: «Архимандритъ Петръ Каменскій, начальникъ десятой Россійско-Императорской миссии въ Пекинъ», т. LXXXV, февр., 317—342, мартъ, 585—609, т. LXXXVI, апр., 97—108.
- Моисеичъ**, художн., т. LXXXVIII, дек., 636.
- Молдавскій**, Конст. Андреев., художн. 1837 г., т. LXXXVI, июнь, 661, 662.
- Молдавъ**, бар., Осипъ Ив., почета. любитель Акад. художн. 1767 г., т. LXXXVIII, нояб., 391.
- фонъ-Моллеръ**, Пав. Антонов., вице-адм. 1880 г., т. LXXXVI, июнь, 610, т. LXXXVIII, нояб., 421.
- Моллеръ**, Фед. Антонов., художн., † 1875 г., т. LXXXVI, июнь, 655, 656.
- Молчановъ**, Петръ Степ., ст.-секрет., род. 1760 г., † 1837 г., т. LXXXVI, апр., 19.
- Моравскій**, докт. 1857 г., т. LXXXV, мартъ, 656.
- Морошкинъ**, М. Я., священ. т. LXXXVII, июль, 178.
- Морошкинъ**, Фед. Лукичъ, профес., т. LXXXV, янв., 201.
- Мосальскій**, вв., генер. 1878 г., т. LXXXV, мартъ, 467.
- Мордвинковъ**, Александр. Семенов., полномоч. мн. въ Генуѣ и Венеціи 1792 г., т. LXXXV, янв., 149.
- Мордвинковъ**, гр., Никол. Семенов., морск. мн., предсѣд. деп. экономіи, род. 1754 г., † 1845 г., т. LXXXVI, апр., 190, май, 298.
- Мочаловъ**, Пав. Степ., артистъ, † 1847 г., т. LXXXVI, апр., 40—48, май, 359.
- Мудровъ**, Матв. Яковлев., профес. московск. унив., медикъ, род. 1772 г., † 1831 г., т. LXXXV, мартъ, 611—617.
- Музольскій**, священ., духовникъ ииш. Николая I. т. LXXXVI, июнь, 628, т. LXXXVIII, окт., 18.
- Муравьева**, Варвара Александровна, въ замуж. Валуишна, т. LXXXVIII, декаб., 599.

Муравьева, полков-ца, послѣд-
нат-ца секты Татариновой т.
LXXXV, февр, 235.

Муравьевъ, Андрей Никол., писат.,
† 1876 г., т. LXXXVIII, дек., 577.

Муравьевъ, гр., Мих. Никол., ми-ръ
госуд. ямуш., ген.-губ. Зап. края
1863 г., род. 1796 г., † 1866 г., т.
LXXXVI, апр., 76, т. LXXXVIII,
декаб., 541, 544.

Муравьевъ, Никол. Назарьев., нов-
город. губернат. 1820 г., т. LXXXVI,
май, 323, 325.

Муравьевъ, гр. Амурскій, Никол.
Нпол., р. 1809 г., † 1881 г., т.
LXXXV, февр., 445, 446, т. LXXXVIII,
декаб., 608.

Муравьевъ, Никол. Никол. Карскій,
род. 1793 г., † 1867 г., т. LXXXVIII,
декаб., 576—582.

Муравьевъ, Никита Мих., декабр.,
род. 1796 г., † 1843 г., т. LXXXVI,
июль, 459, 460.

Мушинъ-Пушкинъ, гр., Валентинъ
Платонов., род. 1736 г., † 1804 г.,
т. LXXXVIII, нояб., 258, 461.

Муравьевъ-Апостолъ, Серг. Ив., де-
кабр., р. 1796 г., † 13 июля 1826 г.,
т. LXXXVI, июль, 459.

Муравьевъ-Апостолъ, севат., 1817 г.,
т. LXXXVII, июль, 175.

Муратовъ, харьковск. губернат. 1817 г.,
т. LXXXVI, май, 295.

Мухановъ, т. LXXXVIII, декабрь,
679, 681.

И.

Иагаткинъ, Ив., кап.-лейт. 1767 г.,
т. LXXXVIII, нояб., 441.

Иагель, Лифлянд. и Эстлянд. губер-
нат. 1800 г., т. LXXXVII, сент.,
543, 544.

Иагель, генер. 1829 г., т. LXXXV,
февр., 447.

Иахимовъ, Влад. Ив., ген.-ад., по-
печ. московск. унив. 1855 г., ген.-
губ. С.-З. края 1860 г., род. 1802 г.,
† 1874 г., т. LXXXV, мартъ, 639,
642, 643.

Иаполеонтъ I, импер., т. LXXXVIII,
декаб., 481—518.

Иарановичъ, К. сообщ.: „Попытки
къ заведенію торговли Россіи съ
Явоніей въ 1791 г.“, т. LXXXVII,
июль, 28—30.

Иартовъ, Андрей, 1774 года, томъ
LXXXVIII, нояб., 421.

Иарышкина, рожд. Балъ, 1750 г.,
т. LXXXVIII, нояб., 370.

Иарышкина, Марья Антонов., рожд.
княжна Четвертинская, фрейлина
Екатерины II, т. LXXXVII, авг., 410.

Иарышкина, Марія Яков., томъ
LXXXVIII, окт. 35.

Иарышкина, Наталья Фел., рожден.
Ростопчина, томъ LXXXVI, апр.,
195—197, т. LXXXVII, авг., 410,
411, 419.

Иарышкинъ, Александр. Александр.,
камергеръ 1788 г., т. LXXXVIII,
нояб., 457, 458.

Иарышкинъ, А. А., чл. славянск.
комит. 1877 г., т. LXXXV, янв., 75.

Иарышкинъ, Александр. Львов., об-
камерг., род. 1760 г., † 1826 г., т.
LXXXV, мартъ, 494.

Иарышкинъ, Дм. Васильев., томъ
LXXXVI, апр. 195.

Иарышкинъ, Дм. Львовичъ, томъ
LXXXVII, авг. 410.

Иарышкинъ, Кирилъ А., маршалъ
двора в. кн. Николая Павловича
1817 г., томъ LXXXVI, июль, 553,
554, т. LXXXVIII, окт., 25, 34, 35, 46.

Иарышкинъ, об-егермейст. 1750 г.
LXXXVIII, нояб., 370, 373.

Иагалия Алексіевна, вел. княг. пер-
вая супруга цесарев. Павла Пег-
ровича, род. 1755 г., † 1776 г., т.
LXXXVI, апр., 120, 126, 127, 129,
130, 148, 152, томъ LXXXVIII,
нояб., 378.

Иахимовъ, Пав. Степ., адмир., род.
1803 г., † 1853 г., томъ LXXXVI,
июль, 603.

Иахимовъ, Платонъ Степ., инспект.
студ. московск. унив., т. LXXXV,
мартъ, 640.

Иачевичъ, 1878 г., томъ LXXXVII,
июль, 64.

Иевворсовъ, Максимъ Ив., директ.
типогр. моск. унив., масонъ, род.
1762 г., † 1827 г., томъ LXXXVIII,
нояб., 321—323, 336, 337, 360, 361.

Иевверъ, ми-ръ финанс. во Франціи,
род. 1731 г., † 1804 г., т. LXXXV,
янв., 145—161.

Иежаудовъ, Петръ Васильев., секрет.
князя В. А. Черкаскаго по дѣламъ
Креста 1877 г., вислѣд.
Орловск. губернат., томъ LXXXV,
янв., 56, томъ LXXXVI, май, 263,
264, т. LXXXVII, авг. 244—252.

Иежрасовъ, Никл. Алексѣев., писа-
тель, род. 1821 г., † 1877 г., томъ
LXXXV, мартъ, 558, т. LXXXVIII,
декаб., 640.

Иеладнскій, Алексѣй, кап.-лейт.
1787 г., т. LXXXVIII, нояб., 444.

Иеладнскій - Мелепкій, сенаторъ
1801 г., т. LXXXVII, авг., 258, 279,
т. LXXXVIII, нояб., 262, 444.

- Нелидова, Екат. Ив., фрейлина, т. LXXXVIII, окт. 16, декаб., 691.
- Нелидова, Марія, въ зам. гр-ня Ад-дербергъ, т. LXXXVIII, окт., 26.
- Нелидовъ, Агей, лейт. 1787 г., томъ LXXXVIII, нояб., 445.
- Нелидовъ, А. И., директ. диплома-тлч. канц. главноком-го 1878 г., т. LXXXV, мартъ, 463, т. LXXXVI, май, 253—261, т. LXXXVII, авг. 239.
- Неплюевъ, Ив. Ив., Оренб. ген. губ. съ 1742—1758 г. г., род. 1693 года, † 1773 г., т. LXXXVI, май, 411, июнь, 550.
- Непономычский, Артуръ Адамовичъ, генер., род. 1803 г. † 1881 г., т. LXXXV, янв., 61—70, февр., 288, 290, 304—309, мартъ, 455, 465—467, т. LXXXVI, май, 234—262, томъ LXXXVII, авг., 245, 247.
- Неросъ, католикосъ всѣхъ армянъ 1854 г., т. LXXXVII, сент., 590.
- Нессельроде, гр., Карлъ Васильев., канцл., род. 1780 г., † 1862 г., т. LXXXV, янв., 188, мартъ, 588, т. LXXXVI, апр., 16, 18, 199, май, 421, июнь, 476, 490, 604, т. LXXXVII, июль, 24—38, 84, авг., 314—316, 394, 408, 409, сентября, 674, томъ LXXXVIII, окт., 74, 230, декаб., 682.
- Нечаева, Софья Серг., рожд. Маль-цева, т. LXXXVII, авг., 422.
- Нечаевъ, А. П., т. LXXXV, февр., 267 278.
- Нечаевъ, Степ. Дм., об-прокур. си-нода 1833 г., сенат., т. LXXXV, янв., 32, 43—46, томъ LXXXVII, авг. 422.
- Нидецкій, майоръ 1830 года, томъ LXXXVIII, окт. 213.
- Никитенко, Александр. Вас., профес., акад., род. 1804 г., † 1878 г., томъ LXXXVI, май, 362, т. LXXXVIII, декаб., 585—597, 645.
- Никитичъ, Василій Поликарповичъ. тн. сов. † 1876 г., т. LXXXVI, май, 306, т. LXXXVII, авг., 445—447.
- Никитичъ, Никол. Дм., профессоръ ават., т. LXXXV, янв. 193.
- Никитичъ, Пав. Ефимов., ст. сов., 1832 г., т. LXXXVII, авг., 445—447.
- Николаевъ, Ив. Самойлов., воевода столяникъ 1700 г., т. LXXXVIII, окт., 123, 124, 125, 129.
- Николаевъ, профес. медикъ, томъ LXXXV, янв., 199.
- Николай I, императоръ, р. 1796 г., † 1855 г., т. LXXXV, янв., 16, 18, 163, 183, 233—255, мартъ, 564, 565, 676, т. LXXXVI, апр., 18, 39, 168, 171—181, 201, май, 286, 300—315, 400, 410, 411, 425, июнь, 449—642, т. LXXXVII, июль, 3—27, 42, 201—203, авг., 255, 256, 309, 314, 363, 395, 415, 417, 428, 443, 445, сент., 565, томъ LXXXVIII, окт., 5—236, декаб., 608, 639, 686.
- Николай II, императ., т. LXXXVII, сент., 619.
- Николай Николаевичъ, вел. князь фельдмаршалъ, род. 1831 г., † 1891 г., т. LXXXV, янв., 55—78, мартъ 465—470, т. LXXXVI, май, 235—266 июнь, 623, 637, т. LXXXVII, июль 47—79, авг., 236—254, т. LXXXVIII окт., 92
- Николаевій, Андрей, сообщ.: «Коз-ловскій однопоредъ П. М. Захарь-инъ», т. LXXXVI, апр., 183—190.
- Никоновъ, архiep. варшавск. 1849 г., т. LXXXVII, сент., 558.
- Нижокъ, патриархъ, т. LXXXVIII, нояб., 243.
- Никулкина-Босшиная, артистка мо-сков. театр. 1855 г., т. LXXXVII, июль, 218.
- Новикова, Александра Егоровна, т. LXXXVIII, нояб., 356, 357.
- Новиковъ, Никол. Ив., писат., род. 1744 г., † 1818 г., томъ LXXXVII, сент., 459, т. LXXXVIII, нояб., 265, 308—365.
- Новиковъ, шт.-ротм. 1855 г., томъ LXXXVII, июль, 210.
- Новицкий, Теофила Марковичъ, про-тоиер. 1837 года, томъ LXXXVII, сент., 558.
- Новицкий, генер. 1830 года, томъ LXXXVIII, окт., 80.
- Новосельскій, тн. сов. 1878 г., томъ LXXXV, февр., 299.
- Новосильцовъ, гр. Никол. Николаев. предсѣд. Госуд. Сов. род. 1761 г. † 1838 г., т. LXXXVI, май, 306 июнь, 558, т. LXXXVII, авг., 448 т. LXXXVIII, декаб., 565.
- Новосильцовъ, Петръ Петров., моск. вице-губернат., 1844 г., вполн. яван. губерни, т. LXXXVIII, декаб., 622
- Новосій, священ. 1833 г., т. LXXXV, янв., 44.
- Нольментъ бар. шведск. послан. въ Сиб. 1780 г., т. LXXXVII, сент 466—469.
- Нордстремъ, И. Л., пензоръ 1849 г., т. LXXXVI, апр., 55.
- Норовъ, Авраамъ Серг., ми-ръ на-родн. просв., чл. Госуд. Сов., † 1869 г., т. LXXXV, мартъ, 541, 542, 557—560, 647, т. LXXXVII, июль, 211, 212, т. LXXXVIII, декаб., 592, 593, 635, 637, 642.
- Нумчиновъ, капит. 1830 года, томъ LXXXV, янв., 119.

-
- Оберинженеръ, лейбъ-мед.**, 1878 г., т. LXXXV, мартъ, 452—454, томъ LXXXVI, май, 251, т. LXXXVII, авг., 243—246, 252, 253.
- Оболязинковъ, ген.-прокур.**, 1800 г., т. LXXXVIII, декаб., 652.
- Обручевъ, Влад. Аванасъевъ, оренб. ген.-губернат. съ 1842—1851 г.**, т. LXXXVI, май, 416, июнь, 523—536.
- Обуховичъ, полковн.** 1830 г., томъ LXXXVIII, декаб., 654, 659, 660.
- Оверъ, Александръ. Ин., директ. клиники московск. унив.** т. LXXXV, янв., 198, 199.
- Огаревъ, Никол. Плат., писат.** р. 1815 г., † 1877 г., томъ LXXXV, февр., 416—419, т. LXXXVIII, декаб., 610, 613.
- Огаревъ, ген.-м.** 1854 г., т. LXXXVI, июнь, 610.
- Огинскій, польск. патриотъ** 1812 г., т. LXXXVII, август., 344, томъ LXXXVIII, окт., 147, 166.
- Оглобинъ, Н., сообщ.**, „Бунтъ и побѣгъ на Амуръ воровскаго полка Н. Сорокина“, т. LXXXV, янв., 205—224, «Нерчинскій заговоръ о побѣгъ на Амуръ и на острова Восточнаго океана. Очеркъ изъ жизни XVII в.», т. LXXXVIII, окт., 121—129.
- Одоевская, княг. Ольга Степ., рожд. гр. Ланская, † 1872 г.**, т. LXXXVI, апр., 207.
- Одоевскій, кн., Влад. Фед., писат.**, т. LXXXVI, апр., 201—212.
- Одоевскій, кн., 1790 г.**, т. LXXXVIII, нояб., 262.
- Ожаровскій, полковн.** 1829 г., томъ LXXXVI, апр., 161, 162.
- Оже-де-Ранжуръ, Н. Ф., сообщ.** „Въ двухъ университетахъ“. Воспоминанія 1837—1843 гг., т. LXXXVI, июнь, 571—582.
- Озерцовскій, докт. медиц.** 1781 г., т. LXXXVII, сент., 464—470.
- Озеровъ, Владиславъ Алексан., писат.** т. LXXXV, мартъ, 544, 545, т. LXXXVI, апр., 40.
- Озеровъ, сенат., шталмейст.** 1833 г., т. LXXXV, янв., 42, 48.
- Ожъ, авгл. повѣрен. въ дѣлахъ въ Спб.** 1776 г., т. LXXXVI, апр., 129—153.
- Окумевъ, Н. А., ген.-м. почечт. варшав. учебн. окр.** 1838 г., томъ LXXXVII, сент., 567, 571.
- Оладкивъ, Богданъ, воевода вилн-скій** 1655 г., томъ LXXXV, янв., 207—222.
- Олеиниъ, Алексѣй Никол., директ., публичн. библ., презид. акад. худ.-род.** 1763 г., † 1843 г., т. LXXXV, февр., 278—282, мартъ, 555, томъ LXXXVI, май, 299—301, июнь, 661.
- Олсуфьевъ, гр. ген.-лейт.** 1877 г., ген. огъ кав., почетн. онекувъ, 1894 г., т. LXXXVI, май, 254, 255, 256.
- Ольга Николаевна, вел. княгиня, въ супруж. королев. Виртембергскаго, род.** 1822 г., т. LXXXVI, июнь, 630, т. LXXXVIII, окт., 182, 183.
- Ольга Феодоровна, вел. княгиня (принцесса Баденская), род.** 1839 г., † 1891 г., т. LXXXV, янв., 81.
- Ольденбургскій, принцъ, Георгій, новгор., тверск. и ярослав. ген.-губ.** съ 1809—1812 г., т. LXXXV, мартъ, 546.
- Омелинскій, Викентій, офиц. польск. войскъ** 1829 г., т. LXXXV, мартъ, 622, 632.
- Омелинскій, Ин., офиц. польск. войскъ** 1829 г., т. LXXXV, янв., 166, мартъ, 622—636, т. LXXXVI, апр., 171, т. LXXXVII, авг., 369, 383, 388, 401, т. LXXXVIII, окт., 211, 219, дек., 658, 661, 667.
- Онопrienko, В., ген.-лейт., сообщ.:** „Къ характеристикѣ гр. Я. И. Ростовеца“, т. LXXXVIII, дек., 540.
- Опперманъ, инж. генер.** 1830 г., т. LXXXVI, июнь, 452, т. LXXXVIII, окт., 89.
- Ордынь-Нашокинъ, бояринъ,** 1667 г., т. LXXXVII, июль, 105, 106, томъ LXXXVIII, нояб., 243.
- Орликовскій, началн. штаба польск. войскъ** 1829 г., т. LXXXV, февр., 393, т. LXXXVII, авг., 392.
- Орлова, княгиня, см. Зпновьева.**
- Орлова-Чесменская, графиня, Анна Алексѣевна, † 1848 г.** т. LXXXVII, июль, 179, 197, авг., 428, 429, сент., 527—540, т. LXXXVIII, окт., 16, 33.
- Орловъ-Чесменскій, гр., Алексѣй Григ., ген.-аншефъ,** р. 1737 г., † 1807 г., т. LXXXV, янв., 129, февр., 400, т. LXXXVI, апр., 146, май, 361, 362, т. LXXXVIII, нояб., 306, 414, 415.
- Орловъ, гр., вполн. кн., Алексѣй Фед., шефъ жанд.** род. 1787 г., † 1862 г., т. LXXXV, февр., 261, т. LXXXVI, май, 311, 312, июнь, 473, 474, 590, 602—612, 624, т. LXXXVII, июль, 13, 23, 27, т. LXXXVIII, окт., 85—91, декаб., 608, 682, 684.

- Орловъ, гр., Влад. Григ.,** презид. акад. наукъ 1766 г., род., 1743 г., † 1831 г., т. LXXXV, янв. 129, т. LXXXVII, сент., 457, 458, 459, 463, 468, 485, т. LXXXVIII, нояб., 441.
- Орловъ, кн., Григ. Григ.,** ген.-фельдцейхмейст. род. 1734 г., † 1783 г., т. LXXXV, янв., 129—135, февр., 396—407, т. LXXXVI, апр., 116—135, т. LXXXVII, сент.; 458, томъ LXXXVIII, нояб., 249, 441.
- Орловъ, Григ. Никитичъ,** гофмарш. 1767 г., т. LXXXVIII, нояб., 441.
- Орловъ, гр., Ив. Григ.,** 1767 г., т. LXXXVIII, нояб., 432, 441.
- Орловъ-Денисовъ-Никитинъ,** графъ, Григ., полковн. д.-гв. казач. полка 1829 г., т. LXXXVI, апр., 157, т. LXXXVIII, декаб., 576.
- Орловъ-Злотопольскій,** офиц. 1829 г., т. LXXXVI, апр., 157.
- Орловскій-Пашеновъ,** скульпт., т. LXXXVI, июнь, 661.
- Ориатскій, Серг. Никол.,** профес. юриск., род. 1806 г., † 1884 г., т. LXXXV, янв., 200.
- Осиновъ, подполковн.** 1837 г., томъ LXXXVI, июнь, 629.
- Осколковъ, Григ.,** купецъ 1713 г., т. LXXXV, февр., 320, 321.
- Остенъ-Савенъ, см. Савенъ.**
- Остервальдъ сенат.,** 1778 г., томъ LXXXVI, апр., 147.
- Остерманъ, гр., И. А.,** послан. въ Стокгольмъ съ 1761—1774 г., томъ LXXXV, мартъ, 574—581, томъ LXXXVI, апр., 85, 126, май, 373—381, т. LXXXVIII, авг., 350, 352, сент., 629, 634—641, т. LXXXVIII, окт., 195—199, нояб., 303, 448.
- Остерманъ-Толстой, ген.** 1812 г., т. LXXXVII, сент., 604.
- Островскій, Алексд. Никол.,** писат., род. 1823 г., † 1886 г., т. LXXXVI, апр., 56, май, 358.
- Островскій, предсѣд. сената Царс. Польскаго** 1816 г., т. LXXXVIII, окт., 164.
- Остроградскій, Мих. Васил.,** математикъ, род. 1801 г., † 1861 г., т. LXXXV, янв., 195.
- окт., 51, 156, 203—207, нояб., 284, 297, 308, 317, 319, 368, 375—379, 422, 433, 451, 472—480, декаб., 483, 506, 691.
- Павличева, Ольга Серг.,** рожд. Пушкينا, т. LXXXVII, сент., 563—561, 565, 567.
- Павличевъ, Левъ Николаев.,** сообщ.; „Изъ семейной хроники“, томъ LXXXVII, сент., 553—572.
- Павличевъ, Никол. Ив.,** писатель, об.-прокур. общ. собр. варшавск. деп. въ сената, 1849 г., т. LXXXVII, сент., 560—572.
- Павлова, Каролина Карлов.,** рожд. Яншиъ, т. LXXXVIII, декаб., 640.
- Павловъ, Алексѣй Александ.,** чин. особ. поруч. при мин-въ вн. дѣлъ 1822 г., т. LXXXVII, июль, 179, 180.
- Павловъ, Никол. Филиппов.,** писат. 1854 г., т. LXXXV, мартъ, 562—564, т. LXXXVI, май, 352, 354, дек., 640.
- Павскій, Герасимъ,** свящ. 1824 г., т. LXXXVII, авг., 440.
- Паглиновскій, Дм. Моисеев.** директ. воен.-походн. канц. Е. И. В., 1808 г., LXXXV, мартъ, 480, 481.
- Падуровъ, ген.-м.,** наказн. атаманъ оренб. войска 1853 г., т. LXXXVI, май, 415, 416, июнь, 537.
- Палежъ, гр., Петръ Петров.,** генер. род. 1777 г., † 1864 г., т. LXXXVI, апр., 163, 172—176, т. LXXXVII, сент., 591, 604, 605, т. LXXXVIII, окт., 81.
- Палежъ, гр., Ѳ. П.,** т. LXXXVII, июль, 23.
- Палеологъ, Софія,** супруга Іоанна III, т. LXXXVIII, декаб., 649—651.
- Палибинъ, Никифоръ,** канц.-лейт. 1767 г., т. LXXXVIII, нояб., 441.
- Палицынъ, тамбовск. губернаторъ** 1802 г., т. LXXXVII, авг., 275.
- Палицынъ, декабр.,** т. LXXXVI, июнь, 461.
- Палласъ, акад.** 1776 г., т. LXXXVII, сент., 462, 463, 464, 468, 470, 472.
- Панаева, Екатерина,** губернанта имп. Николая I, т. LXXXVI, июнь 450.
- Панаевъ, Владим. Ив.,** ст.-секрет. и управл., канц. деп. имп. двора, р. 1792 г., † 1859 г., т. LXXXV, февр., 367.
- Панаевъ, Иванъ Ив.,** т. LXXXVIII, декаб., 602.
- Панинъ, гр., Викторъ Никит.,** мин. юстиціи, род. 1801 г., † 1874 г., т. LXXXV, мартъ, 540, 542, томъ LXXXVI, июнь, 473.
- Панинъ, гр., Никита Иван.,** канц., воспитатель вел. кн. Павла Петровича, род. 1718 г., † 1783 г., томъ

II.

Павелъ I, императоръ, р. 1754 г., † 1801 г., т. LXXXV, февр., 343, 356, 377—380, 403—406, мартъ, 481, 569, т. LXXXVI, апр., 117—152, май, 387, июнь, 453, 604, т. LXXXVII, сент., 591, 642, 645, т. LXXXVIII,

- LXXXV, янв., 127, 131—134, февр., 397, 398, 401—406, т. LXXXVI, апр., 120, 126, 132—153, т. LXXXVIII, нояб., 249, 272, 385, 287, 430.
- Панкратьевъ**, генералъ 1835 г., томъ LXXXVIII, декаб., 574.
- Пановъ**, дек., т. LXXXVI, май, 312.
- Пановъ**, писат., т. LXXXVIII, декаб., 640, 641.
- Панчуладзеъ**, А. Д., Саратовскій губернат. 1814 г., т. LXXXV, март., 490, апр., 113, т. LXXXVI, апр., 113.
- Пасеневъ**, Петръ Степ., спб. губерв. 1806 г., т. LXXXVII, сент., 621, 646.
- Пареній**, Сопковскій, ениск. смол., р. 1717 г., † 1795 г., т. LXXXVIII, нояб., 470.
- Пасовичъ**, кн. Елисаветъ Алексеевна, рожд. Грибоѣдова, т. LXXXVII, сент., 556, 557.
- Пасовичъ**, кн. Варшавскій, графъ Эриванскій, Ив. Фед., ген.-фельдм., род. 1781 г., † 1856 г., т. LXXXVI, май, 430, июль, 506, 517—519, 629, т. LXXXVII, июль, 22, сент., 556, 561—572, т. LXXXVIII, окт., 86, 92, 93, декаб., 567, 671,
- Пасочничъ**, Ив., лейт. 1787 г., томъ LXXXVIII, нояб., 444.
- Пассекъ**, Вадимъ Васильев., этногр., † 1842 г., т. LXXXV, февр., 417.
- Пассекъ**, Петръ Богданов., ген.-губ. могилевск. намѣстничества, родился 1736 г. † 1804 г., LXXXV, мартъ, 472, 473.
- Пассекъ**, Татьяна Петров., рожден. Кучина, писат., р. 1810 г., † 1889 года, т. LXXXV, февр., 415, 416, т. LXXXVIII, декаб., 610, 613.
- Пастуховъ**, д. ст. сов. 1782 г., томъ LXXXVII, сент., 490.
- Паташюги**, капит. 2-го ранга 1828 г., т. LXXXVI, июль, 485.
- Паулуччи**, маркизъ, генер.-майоръ 1861 г., т. LXXXV, янв., 52, 53, т. LXXXVII, сент., 595.
- Пашковъ**, Василій Алексан., 1832 года, т. LXXXVII, июль, 84.
- Перваго**, М. В., т. LXXXVI, май, 360, 361.
- Первошниковъ**, В. М., профес. казан. унив. 1812 г., т. LXXXV, мартъ, 544, 551—553.
- Перовская**, Анна Мих., т. LXXXVI, май, 409.
- Перовскій**, Алексѣй, т. LXXXVII, июль, 83.
- Перовскій**, гр., Василій Алексѣев., орелб. ген.-губернат., † 1857 г., т. LXXXVI, май, 409—429, июль, 521—551.
- Перовскій**, гр., Левъ Алексѣев., мнн. вн. дѣлъ, † 1856 г., т. LXXXVI, май, 409, т. LXXXVIII, окт., 89.
- Перовскій**, Алексѣй Ив., помощн. ст.-секрет. собствен. Е. И. В. казн. р. 1770 г., † 1842 г., т. LXXXV, мартъ, 487, т. LXXXVI, май, 291, 296.
- Персиковскій**, М., сообщ.: „На рубежѣ двухъ эпохъ. Изъ личныхъ воспоминаній“, LXXXV, мартъ, 511—539, т. LXXXVI, апр., 57—78. „На службѣ“, т. LXXXVIII, дек., 541—563.
- Пестель**, Ив. Борисов., ген.-губерн. Восточн. Сибири, род. 1765 г., † 1844 г., т. LXXXV, февр., 331, мартъ, 486, 487, т. LXXXVIII, нояб., 321—358.
- Петерозъ**, подполковн. 1830 г., томъ LXXXVII, сент., 648.
- Петровъ**, В., поэтъ 1792 г., томъ LXXXVIII, нояб., 458.
- Петровъ**, П. Н., писат., т. LXXXVII, июль, 118.
- Петръ I**, императ., р. 1672 г., † 1725 г., т. LXXXV, февр., 321, 322, т. LXXXVI, апр., 21—29, май, 432, 433, июль, 493, томъ LXXXVII, июль, 99—112, томъ LXXXVIII, нояб., 242—432.
- Петръ II**, императоръ, † 1730 г., т. LXXXVIII, нояб., 253.
- Петръ III**, императоръ, р. 1728 г., † 1762 г., т. LXXXV, февр., 403, т. LXXXVIII, нояб., 245, 463, 476, 477.
- Петръ Каменскій**, архимандр., начальн. 10-й русск. миссiи въ Пекинѣ р. 1765 г., † 1845 г., т. LXXXV, февр., 317—342, мартъ, 585—609, т. LXXXVI, апр., 97—108.
- Пилецкій**, М. С., 1825 г., т. LXXXV, февр., 234, 242, 244, 252, 253, 261, 262.
- Пилларъ-фонъ-Пильхау**, ген.-лейт. 1854 г., т. LXXXVI, июль, 616.
- Пиль**, ген.-поруч. псковск. губернат. 1787 г., т. LXXXVIII, нояб., 320, 366, 380, 446, декаб., 564, 598.
- Пимо**, Ив. Алферьев., ген.-поручикъ Иркутск. ген.-губ. 1791 г. томъ, LXXXVII, июль, 29.
- Пирлингъ**, о. Павелъ, т. LXXXVIII, декаб., 651.
- Пироговъ**, Никол. Ив., хирургъ, проф. род. 1800 г., † 1881 г., т. LXXXV, янв., 194, мартъ, 452, 454.
- Писемскій**, Алексѣй Теофилакт., писат., род. 1820 г., † 1881 г., томъ LXXXVI, апр., 56.
- Плотовскій**, Лудвигъ, поруч. 1828 г., т. LXXXV, янв., 171, т. LXXXVI, май 395.

- Писункио, И. А.**, 1864 года, томъ LXXXVI, апр., 76.
Плавильниковъ, актеръ 1790 г., т. LXXXVIII, нояб., 304.
Платовъ, гр., Матв. Ив., наказной атам. войска донск. 1799 г., томъ LXXXVI, апр., 12, 113, 167, томъ, LXXXVIII, окт., 102, 103.
Платовъ, (Петръ Левшинъ), митроп. моск. 1787 — 1794 г., р. 1737 г., † 1812 г., т. LXXXV, февр., 446, т. LXXXVI, май, 410, т. LXXXVIII, нояб., 310, 377 — 379.
Платовъ, святи. яросл. кафедр. собора 1822 г., управл. московск. Знамен. монаст. 1832 г., рект. нижегород. семин. 1833 г., арх. казанскій, † 1866 г., т. LXXXV, янв., 5—45.
Плетневъ, Петръ Александр., акад., рект. слб. унив. писатель. † 1864 г., т. LXXXV, янв., 195, февр., 269, т. LXXXVI, апр., 200 — 203, томъ LXXXVII, сент., 555, т. LXXXVIII, окт., 171—191, дек., 588—591, 644.
Плещеевъ, Настасья Ив., рожд. Протасова, т. LXXXVIII, нояб., 315, 328.
Плещеевъ, Алексѣй Александр., 1790 г., LXXXVIII, нояб., 315, 328, 333.
Плещеевъ, Алексѣй Никол., писат., р. 1825 г., † 1893 г., т. LXXXVI, июнь, 545, т. LXXXVIII, окт., 187.
Плещеевъ, † 1809 г., т. LXXXVIII, декаб., 678.
Плетьеръ, гр., помѣщ. 1830 г., томъ LXXXVII, сент., 648.
Погодина, Елиз. Васил., † 1844 г., т. LXXXVIII, декаб., 627, 628.
Погодинъ, Мих. Петров., акад. проф., род. 1800 г., † 1875 г., т. LXXXVI, июнь, 556, 557, т. LXXXVII, июль, 207, 208, т. LXXXVIII, окт., 98, дек., 620—646.
Поддубинскій, А., сообщ.: «Къ биографіи Θεодосія архіепископа новгородскаго. Указы изъ канцелярш тайн. розыскн дѣлъ архангл. губернатору Имамалову», т. LXXXVII, авг., 312.
Поддѣвъ, подполковн. 1820 г., томъ LXXXVI, май, 407.
Поддѣловъ, ген.-м., наказн. атам. уральскаго войска 1837 г., томъ LXXXVI, июнь, 524, 527, 528.
Пожарскій, Никифоръ Фед., попеч. Рязельск. лицей 1829 г., попеч. одесск. учебн. окр. 1831 г., томъ LXXXVI, апр., 193, 194.
Покровскій, полковн., членъ коммисаріат. комис. 1800 г., т. LXXXV, мартъ, 477.
Полевой, Ксенофонтъ, писатель т. LXXXVI, апр., 202.
Полевой, Никол. Алексѣев., писат., р. 1796 г., † 1846 г., т. LXXXVI, апр., 40, 194, 202, июнь, 555, 556, 568, 569.
Полжаревъ Тугариновъ, архимандр., началн. 12-й русск. миссін въ Пекинѣ 1839 г., т. LXXXV, февр., 318.
Политковский, Александр. Гаврил., директ. канц. комит. инвалидовъ, † 1863 г., т. LXXXVI, июнь, 610.
Политковский, сенат., † 1824 г. т., LXXXVIII, декаб., 652.
Половцевъ, А. А., редакт. „Русск. Библиогр. Слов.“, томъ LXXXVIII, декаб., 591.
Полонскій, писат., т. LXXXVIII, декаб., 629.
Полукинъ, профес. медикъ, томъ LXXXV, янв., 199.
Поль, Андрей Ив., профес. московск., унив. 1855 г., т. LXXXV, янв., 199, 200, т. LXXXVII, июль, 212.
Померанцевъ, актеръ 1790 г., томъ LXXXVIII, нояб., 301.
Понатовскій, Станиславъ - Августъ, король польскій, † 1798 г., томъ LXXXVIII, нояб., 372.
Поповъ, Васи. М., тн. сов., директ. деп. мн-ва народн. просв., вполн. членъ сов. главноначальств. надъ почтов. ведомствомъ, мистикъ, † 1842 г., т. LXXXV, февр., 226 — 251, т. LXXXVII, авг., 424.
Поповъ, Васи. Степ., д. тн. сов. съ 1819 г., предсѣд. деп. гражд. и духовн. дѣлъ госуд. Сов. род. 1743 г., † 1822 г., т. LXXXV, мартъ, 480.
Поповъ, Г. С., т. LXXXV, янв., 188.
Поповъ, Мих. Максим., тайн. сов., старш. чиновн. III отд. собств. е. в. канц., † 1872 г., сообщенные имъ „Мелкіе рассказы“, т. LXXXV, мартъ, 543—565, т. LXXXVI, июнь, 597—614, упом. т. LXXXV, февр., 248.
Поповъ, адмир., 1890 г., т. LXXXVIII, декаб., 609.
Поповъ, профес., медикъ 1878 г., т. LXXXV, мартъ, 452.
Потановъ, А. Н., ген.-ад. 1825 г., т. LXXXVI, май, 314, июль, 555.
Потемкинъ-Тавричскій, кн., Григ. Александр., ген.-фельдм., р. 1738 г., † 1791 г., т. LXXXV, янв., 159, 161, т. LXXXVI, апр., 119 — 153, томъ LXXXVI, июль, 479, 494, томъ LXXXVII, сент., 458, 632, томъ LXXXVIII, окт., 56, нояб., 254—274, 349, 365, 374—469.
Потоцкій, гр., Станиславъ, генералъ 1830 г., т. LXXXVI, апр., 172, 177, июль, 476, 490, т. LXXXVIII, окт., 80, 89, 165.

*

- Потѣкинъ, Алексѣй Антиповъ,** писат., т. LXXXVI, апр., 56.
- Похвисневъ, цензоръ** 1855 г., томъ LXXXVIII, декаб., 594.
- Поярковъ, Василій,** сибирскій служилый человекъ, соверш. походъ на Амуръ 1643 г., т. LXXXV, янв., 205.
- Празевскій, офиц.,** послѣдов. секты Татариновой, т. LXXXV, февр., 235.
- Приклонскій, жандарм. полковникъ,** 1827 г., т. LXXXV, янв., 15. 16.
- Приклонскій, 1790 г.,** т. LXXXVIII, нояб., 304.
- Приседловъ, главн. медикъ. писмевт. дѣйств. арміи** 1878 г., т. LXXXV, мартъ, 452—454, т. LXXXVII, авг., 245.
- Прозоровскій, кн.,** Алексан. Александр., фельдмарш., р. 1732 г. † 1809 г., т. LXXXVIII, окт., 104, нояб., 319, 321, 343, 357.
- Прокоповичъ - Антоновскій, профес. моск. унив.,** т. LXXXVIII, нояб., 299.
- Пронданинскій, генер. польск. войскъ,** 1830 г., т. LXXXVIII, декаб., 664.
- Протасова, камеръ-фрейл. 1796 г.,** т. LXXXVIII, нояб., 475.
- Протасова, гр.-ня., камеръ-фрейлина** 1826 г., т. LXXXVI, июнь, 553, 554.
- Протасовъ, гр.,** Никол. Александр., об.-прокур. синода 1848 г., † 1855 г., т. LXXXV, февр., 242—258, томъ LXXXVII, авг., 422.
- Протасовъ, Александр. Яковл., генер.** 1778 г., т. LXXXVI, май, 369, т. LXXXVIII, нояб., 454, 455.
- Протасовъ, академикъ** 1780 г., томъ LXXXVII, сент., 488, 489.
- Протасьевъ, предсл. востром. гражд. палаты** 1842 г., т. LXXXV, февр., 253.
- Протопоповъ, Д. С., чиновн.** 1832 г., т. LXXXVIII, окт., 174.
- Протопоповъ, Ив. Евдоким., студ. медикъ** 1820 г., т. LXXXV, февр., 415, 416.
- Правиншижковъ, И. П., арг. пѣвецъ** 1892 г., т. LXXXVII, сент., 546.
- Пугачевъ, Емельянъ Ив., † 1774 г.,** т. LXXXVI, апр., 118, 124, 142, т. LXXXVIII, декаб., 524.
- де-Пуле, М. Ф., препод. Воронежск. вадет. корп.** 1847 г. т. LXXXV, февр., 369.
- Путятинъ, кн., А. А.,** т. LXXXVI, май, 411.
- Путятинъ, Фед., мичм.** 1767 г., томъ LXXXVIII, нояб., 441.
- Пушкина, Надежда Осиповна,** томъ LXXXVII, сент., 566.
- Пушкина, Наталья Николаевъ. рожд. Гончарова, во второмъ бракѣ** Ланска, р. 1812 г., † 1863 г., томъ LXXXVII, сент., 566.
- Пушкинъ, Александр. Серг., поэтъ,** род. 1798 г., † 1837 г., т. LXXXV, мартъ, 613—616, 660, т. LXXXVI, апр., 163, 201—207, май, 231, 355, 357, 411, июнь, 455, т. LXXXVII, июль, 83, 84, авг., 415—418, сент., 553—566, 661, т. LXXXVIII, окт., 131, 173—185, 236, декаб., 645.
- Пушкинъ, Василій Львов., писатель,** род. 1779 г., † 1830 г., т. LXXXVIII, нояб., 300, 309.
- Пушкинъ, Левъ Серг.,** т. LXXXVII, сент., 561—566.
- Пушкинъ, Серг. Львов.,** т. LXXXVII, сент., 564, 567.
- Пушкинъ, Петръ Ив., вице-адм., ген. интенд.,** 1784 г., р. 1728 г., † 1812 г., т. LXXXVIII, нояб., 434—444.
- Пфуль, генер.** 1812 г., т. LXXXVII, сент., 592, 593.
- Пыпинъ, Александръ Никол., проф., писат.,** т. LXXXVIII, декаб., 601.
- ды-Пюже, преподават. имп. Николая I,** т. LXXXVI, июнь, 452.

Р.

- Радецкий, генер.,** 1878 года, томъ LXXXV, февр., 304—310, томъ LXXXVI, май, 251, 254, 255.
- Радевицкй, кн., Мих., диктаторъ польскихъ войскъ** 1830 года, томъ LXXXVIII, окт., 83, 213.
- Радищевъ, Александр. Никол., писат.,** р. 1749 г., † 1802 г., т. LXXXVIII, нояб., 265—347.
- Радтъ, ген.-лейт.** 1820 года, томъ LXXXVI, май, 299.
- Радченко, московск. почтдиректоръ** 1895 г., т. LXXXV, мартъ, 459, т. LXXXVI, май, 228, 229, 230.
- Раевскій, Ник. Никол., генер.** 1813 г., т. LXXXVI, апр., 16, т. LXXXVII, сент., 565, 566, т. LXXXVIII, окт., 108, 114.
- Разумовскій, гр., Алексѣй Григ., ген.-фельдм.,** род. 1709 г., † 1771 г., т. LXXXVI, май, 409, т. LXXXVIII, нояб., 332.
- Разумовскій, гр., Алексѣй Бяриз.,** т. LXXXVIII, декаб., 584.
- Разумовскій, графъ, Андрей,** томъ LXXXVI, апр., 117, 148.
- Разумовскій, гр., Кириалъ Григ., гетманъ, ген.-фельдм., презид. Акад. наукъ,** род. 1728 г., † 1783 г., т. LXXXV, янв., 131, т. LXXXVII, сент., 457, 626, т. LXXXVIII, нояб., 303.

- Рамазановъ, скульпт. 1837 г., томъ LXXXVI, июнь, 661.
- Расгворовскій, гр., помѣщ 1830 г., т. LXXXVII, авг., 399, 400.
- Рашель, актриса † 1858 года, томъ LXXXVI, июнь, 601.
- Радъ, фл.-ад. † 1828 г., т. LXXXVI, июнь, 487.
- Рабиндѣрь, Васи. Мих.. 1767 г., т. LXXXVIII, нояб., 441.
- Рабиндѣрь, гр., Робертъ Из., ст.-секрет. финляндіи 1811 г., чл. гос. сов. . р 1777 г., † 1841 года, томъ LXXXVII, июль, 123, 139—149, авг., 325, 331, т. LXXXVIII, окт., 154, 155.
- Рабиндѣрь, бар. ст.-секрет. мнв. нар. просв. 1820 г., т. LXXXVII, сент., 589.
- Рабиндѣрь, шталмейст. 1787 г., томъ LXXXVIII, нояб., 445.
- Райнгольцъ, лейбъ-мед. 1854 г., томъ LXXXVI, июнь, 628.
- Райслейнъ, лейбъ-хир. 1767 г., томъ LXXXVIII, нояб., 441.
- Райтеръ, подполковн. 1833 г., томъ LXXXVII, июль, 88—96.
- Райтеръ, худож. 1840 года, томъ LXXXVIII, окт., 188.
- Райвенкамфъ, полковн., 1829 г., т. LXXXVI, апр., 168.
- Райвинъ, кн., Никол. Васи, фельд-марш., т. LXXXV, мартъ, 546, 573, т. LXXXVI, апр., 132, т. LXXXVIII, окт., 61—64, нояб., 258, 364, 365.
- Ражевскій, ген.-поруч. 1790 г., томъ LXXXVIII, нояб., 263.
- Ражевускій, Генрихъ, ремонтѣрь польск. войска 1829 г., т. LXXXVI, апр., 164, 166, 170, 180.
- Ражевускій, Флоріанъ, полковникъ 1830 г., т. LXXXVIII, окт., 214—221, декаб., 654, 664.
- Ражевускій, гр., ген.-ад. 1854 г., т. LXXXVI, июнь, 609.
- де-Рибасъ, Настасья Ив., см. Соколова.
- де-Рибасъ, О. М., адмиралъ † 1800 г., томъ LXXXV, мартъ, 570, томъ LXXXVIII, нояб., 382, 384, 409.
- Рибольеръ, гр., т. LXXXVIII, окт., 45, 46, декаб., 492.
- Ридигеръ, гр., Фед. Васильев., ген.-ад. род., 1783 г., † 1856 г., томъ LXXXV, февр., 264, 265, томъ LXXXVI, июнь, 480, 520, томъ LXXXVII, июль, 226, авг., 371—373, сент., 652, 659, т. LXXXVIII, окт., 106, 213—220, дек., 654—671.
- Римордъ, Петръ Из., адм. р 1779 г., † 1855 г., т. LXXXVI, июнь, 609, т. LXXXVIII, окт., 72, 158.
- Римскій-Корсаковъ, Н. А., композиторъ, т. LXXXVII, сент., 550.
- Римскій-Корсаковъ, П. П., томъ LXXXVII, июль, 219, 220.
- Рихтеръ, генер. 1878 г., т. LXXXV, февр., 308.
- Роговскій, полковн. 1828 года, томъ LXXXVI, июнь, 480.
- Родионовъ, послѣдоват. секты Татариновой, т. LXXXV, февр., 241, 243, 247.
- Родосфинкивъ, Конст. Конст., чл. сов. мнв-ва ин. дѣл., вполн. директ. азиатск. деп., † 1838 г., томъ LXXXV, мартъ, 606, т. LXXXVI, апр., 199, т. LXXXVII, авг., 409, 419, 421, сент., 662.
- Рождерсонъ, лейбъ-мед. 1787 г., томъ LXXXVIII, нояб., 445.
- Рождицкій, генер. 1829 г., томъ LXXXV, янв., 165—175.
- Розбергъ, Мих. Петров., преподават. Ришельевск. лицея 1830 года, томъ LXXXVI, апр., 192—195.
- Розенкамфъ, ст. сов., секретарь русск. законодат. комис. въ финляндіи 1811 г., т. LXXXVII, июль, 140, 148, авг., 338, 339.
- Розенъ, бар. команд. Литовск. корп. 1829 г., т. LXXXVII, июль, 8, томъ LXXXVIII, окт. 81, 103, декаб., 568 575.
- Романовъ, Никита Ив., бояринъ, т. LXXXVII, июль, 99, 105.
- Романовскій, субъ-инспект. студен. московск. унив., томъ LXXXV, мартъ, 651.
- Романуозъ, московск. почтдиректоръ 1875 г., т. LXXXV, мартъ, 457, 459.
- Ромарино, гр. начал. польск. отряда 1831 г., т. LXXXVIII, декаб., 664, 671, 674.
- Россоетъ, А. О., т. LXXXVIII, декаб., 624.
- Россицкій, интендантъ 1877 г., т. LXXXV, янв., 73, февр., 288, 290, т. LXXXVI, май, 234.
- Ростовцевъ, гр., Яковъ Ив., ген.-лейт., началъ штаба военно-учебн. завед. † 1860 г., т. LXXXV, февр., 369—376, мартъ, 564, 565, 643, томъ LXXXVIII, декаб., 540.
- Ростопчина, гр-ня, Евдокія Петровна, рожд. Сушкова, писательн., † 1858 г., т. LXXXVIII, окт., 99, 179, декаб., 585, 691—595.
- Ростопчинъ, гр., Фед. Вас., москов. главнокоманд. 1812 г., т. LXXXVI, апр., 195, т. LXXXVII, авг., 337, сент., 543, 642, т. LXXXVIII, дек. 691.
- Ротиръкъ, Фелиціана Адамовна, т. LXXXVII, сент. 567.
- Ротъ, генер. 1830 г., томъ LXXXV, янв., 187, февр., 445, т. LXXXVI,

апр., 176, 181, т. LXXXVII, авг., 372, 392, 398, сент., 649.

Рубанъ, Васил. Грнгорьев. писатель, род. 1742 г., † 1795 г., т. LXXXVIII, нояб., 467—471.

Рудевичъ, генер. 1828 года, томъ LXXXVI, июнь, 480, 483, 484.

Ружницкій, Карлъ, полковн. 1830 г., т. LXXXV, янв., 164, 165, февр., 381, 383, мартъ, 630, т. LXXXVI, май, 394—402, т. LXXXVII, авг., 376—403, сент., 647—659, томъ LXXXVIII, окт., 209—224, декаб., 654—675.

Ружницкій, Самуилъ, генер. 1830 г., томъ LXXXVIII, окт., 224, декаб., 654—675.

Рулъе, Карлъ Франц., профес. зоологн., т. LXXXV, янв., 202, мартъ, 680.

Румовскій, акад. 1776 года, томъ LXXXVII, сент., 462, 484, 490.

Румянцевъ, гр., Никол. Петр., послан. при равн. дворахъ, внос. канцл., р. 1754 г., † 1826 г., т. LXXXV, февр., 358, 362, мартъ, 485, 496, 576—580, т. LXXXVII, июль, 133, авг., 336, 338, сент., 592, 595, 596, т. LXXXIII, декаб., 584.

Румянцевъ-Задунайскій, гр., Петръ Алексан., фельдм. род. 1725 года, † 1796 г., т. LXXXVI, апр., 131, 132, томъ LXXXVIII, нояб., 273, 465, 466, декаб., 481.

Рунчъ, Дм. Павл., попечит. слб. учебн. окр., † 1860 г., т. LXXXVII, сент., 581, томъ LXXXVIII, окт., 135—138, нояб., 281—319.

Рутье, подполковн. 1829 года, томъ LXXXV, янв., 176.

Руденъ, рожд. Потемкина, помѣщнца 1840 г., т. LXXXVI, май, 346.

Рыдванскій, надв. сов. 1767 г., т. LXXXVIII, нояб., 443.

Рыдловскій, майоръ 1829 года, томъ LXXXV, янв., 170.

Рылъева, Наталья Мих. 1825 г., во втор. бракѣ Куколевская, томъ LXXXVI, июнь, 461, 462.

Рылъевъ, Коандр. Оед., декабр., писатель, род. 1795 г., † 13 июля 1826 г., т. LXXXV, мартъ, 506—510, томъ LXXXVI, июнь, 459, 461, 462.

Рѣдвинъ, Петръ Григ., профессоръ, род. 1808 г., † 1891 г., т. LXXXVIII, декаб., 626.

Рѣшнскій, Григ. Козьмичъ, сенат., сообщ.: „Н. В. Калаачовъ и его журналъ“, т. LXXXV, мартъ, 540—542.

С.

Сабатье, французск. послан. въ Слб. 1770 г., т. LXXXV, февр., 404—406, 412.

Сабурова, артистка московск. театр. 1855 г., т. LXXXVII, июль, 218.

Савенъ, Евдокія Николаевна, томъ LXXXVI, стр., 109.

Савенъ, Никол. Андреев., офиц. армн. Наполеона I, род. 1768 г., † 1894 г., т. LXXXVI, стр., 109—114.

Савина, Марья Гавриловна, артист. 1895 г., т. LXXXVI, май, 360.

Садолокій, Провъ Мих., артистъ московск. театр., † 1873 года, томъ LXXXVI, апр., 40—45, май, 356—360, т. LXXXVII, июль, 212—218.

Савичъ, Алексій Николаевичъ, астрономъ, акад., род. 1810 г., † 1883 г., т. LXXXV, февр., 417.

Садомовъ, Алексій Ив., директоръ народн. учил. Влнск. губ. 1863 г., т. LXXXVIII, декаб., 553.

Сажень, Адольфъ, кав.-лейт. 1787 г., т. LXXXVIII, нояб., 444.

Сажень, кн., Фабянъ-Готлибъ, фельдмарш., род. 1752 г., † 1837 г., томъ LXXXVI, апр., 6, 172—178, май, 298, 403, т. LXXXVII, июль, 19, авг., 368, т. LXXXVIII, окт., 225, дек., 436.

Салтыковъ, гр., Ив. Петров., ген.-фельдмарш., р. 1790 г., † 1805 г., т. LXXXVII, сент., 542, т. LXXXVIII, нояб., 258.

Салтыковъ, гр., Никол. Ив., фельдмарш., воспитат. имп. Александра I, р. 1736 г., † 1816 г., т. LXXXVII, сент., 641, т. LXXXVIII, ноябрь, 451—475.

Салтыковъ, камергеръ 1787 г., томъ LXXXVIII, нояб., 445.

Самаринъ, П. О., т. LXXXV, февр., 226, т. LXXXVI, май, 232.

Самаринъ, Юрн Оед., писат. род. 1819 г., † 1876 г., т. LXXXV, мартъ, 535, т. LXXXVII, июль, 48, авг., 254.

Самаринъ, артистъ московск. театр. 1855 г., т. LXXXVII, июль, 212, 217.

Самборскій, Андрей Аонасьевичъ, протоиер., духовн. Павла I, род. 1732 г., т. LXXXVIII, нояб., 451—456.

Самойлова, Вѣра Васил., артистка, въ зам. Мичуряна, т. LXXXVI, апр., 51, 52, 54.

Самойлова, Надежда Васил., артистка, т. LXXXVI, апр., 51, 55.

Самойловъ, гр., Алексан. Никол., ген.-прокур., † 1812 г., т. LXXXVII, сент., 637.

- Самойловъ, Вас. Васил., артистъ, р. 1813 г., † 1887 г., т. LXXXVI, июль, 661.
- Де-Сантленъ, Яковъ Иван., правит. канц. ми-ра полиціи 1802 г., род. 1776 г., † 1864 г., томъ LXXXVI, июль, 561—564.
- Сажушко, кн., Романъ, т. LXXXVI, май, 402.
- Сандухова, артистка 1790 года, т. LXXXVIII, ноябрь, 304.
- Сандуновъ, актеръ, 1790 года, томъ LXXXVIII, ноябрь, 304.
- Санюковская, танцовщица, 1835 года, т. LXXXVI, апр., 42.
- Саношниковъ, Александр. Алексѣев., рѣбопромышлен. 1850 года, томъ LXXXV, мартъ, 656—658.
- Сатинъ, Нивол. Мих., т. LXXXV, февр., 417, 418, т. LXXXVIII, декабрь, 600.
- Сафоновъ, В. И., директ. московск. консерваторіи, т. LXXXVII, сент. 552.
- Сахаровъ, Никол., священ. 1833 г., т. LXXXV, янв., 44.
- Свербеевъ, т. LXXXVIII, декаб., 636.
- Свиньинъ, Пав. Петр., издат. «Отеч. Зап.», т. LXXXV, февр., 262.
- Свиньинъ, Петръ Петров, помощн. статсъ-секрет. 1825 г., вполн. сенат., т. LXXXVI, май, 310, т. LXXXVII, сент., 580, 581.
- Свѣчкина, Прасковья Аггеевна, въ зам. Теплякова, т. LXXXV, февр., 441.
- Свѣчинъ, Аггей Логинов., р. 1733 г., † 1797 г., т. LXXXV, февр., 441.
- Свѣчинъ, полковн. 1878 года, томъ LXXXV, февр., 297.
- Святотополь-Мирскій, генер. 1878 г., т. LXXXVI, май, 251.
- Северинъ, Дм. Петров., чрезвѣч. послан. и полномоч. министр при Баварск. дворѣ, род. 1792 года, † 1865 г., т. LXXXV, янв., 79—104, т. LXXXVII, июль, 83—98.
- Селюфонтовъ, Н. Н., сообщ.: «Письмо Платона, митрополита московскаго, къ императору Павлу», т. LXXXV, февр., 448, упом. томъ LXXXVII, июль, 113.
- Селзвинъ, полков. 1813 года, томъ LXXXV, мартъ, 500.
- Сенавъ-де-Мельякъ, † 1803 г., объ его сношеніяхъ съ Екатериною II, т. LXXXV, янв., 145—161.
- Семшовскій, Осипъ Ив., (бар. Брамбеусъ), профес., писатель † 1858 г., т. LXXXVI, апр., 206, июль 568.
- Серафимъ, (Степ. Глаголевскій), съ 1814 г. архіеп. тверск., съ 1819 г. митроп. московск., съ 1821 г. митроп. спб. и повгород., р. 1759 г., † 1843 г., т. LXXXV, янв., 7, 12, 43, мартъ, 612, т. LXXXVI, май, 313, т. LXXXVII, июль, 173—199, авг., 428—441.
- Серафимъ, митроп. славенск. 1878 г., т. LXXXVII, авг., 240, 241.
- Сербюковичъ, Бонст. Степ., директ. канц. оберъ-прокур. свят. синода, 1837 г., † 1847 г., т. LXXXV, янв., 162, т. LXXXVII, сент., 573—577.
- Сестреницкичъ-Вогунъ, Станислав., митроп. всѣхъ римско-католич. церквей въ Россіи, род. 1731 г., † 1827 г., т. LXXXVII, сент., 587, т. LXXXVIII, нояб., 471.
- Сибирскій, кн., ген.-крюгъ-коммис. 1800 г., т. LXXXV, мартъ, 476.
- Сиверсъ, гр., Баръ Ефимов., ген.-аншефъ 1763 года, т. LXXXVIII, нояб., 464.
- Сиверсъ, гр., Яковъ Ефимов., тверск. и новгородск. ген.-губерн. съ 1776—81 гг., р. 1731 г., † 1808 года, томъ LXXXVIII, нояб., 257, 260, 448, 449.
- Сиверсъ, сенат. 1814 г., т. LXXXVI, апр., 20.
- Ситиуеусъ, спб. евангелич. еписк. 1819 г., т. LXXXVII, сент., 588, 589.
- Скиаковъ, подполковн. 1866 года, т. LXXXVI, май, 328.
- Скиадкина, Екатерина, гувернантка имп. Николая I, т. LXXXVI, июль, 450.
- Скиакинъ, адмир. 1852 года, томъ LXXXVI, июль, 673.
- Скиаковская, артистка 1890 года, т. LXXXVIII, нояб., 304.
- Славинская, графиня, Екат. Вас., см. Энгельгардъ.
- Складовъ, Д. А., адъют. главнокоман. 1878 г., т. LXXXVI, май, 254, т. LXXXVII, авг., 246, 247.
- Слободскій, Дм. Ив., генер. 1877 г., т. LXXXV, янв. 58, мартъ, 469, 470, т. LXXXVI, май, 235, 251, 253, 254.
- Слободскій, Мих. Дм., ген.-адм., р. 1843 г., † 1882 г., т. LXXXV, февр., 292, 294, т. LXXXVI, май, 251.
- Служинскій, генер. польск. войскъ 1830 г., т. LXXXV, февр., 394, томъ LXXXVII, сентябр. 656, 657, томъ LXXXVIII, окт., 215, декаб., 663, 671.
- Славинъ, актеръ 1842 г., т. LXXXV, февр., 366.
- Слезинскій, А., сообщ.: «Графиня Анна Орлова-Чесменская и архимандритъ Фотій. Къ биографіи Фотія», т. LXXXVII, сент., 529—540.

- Слотвинскій, генер., 1830 г. томъ I. XXXVII, сент., 650, т. LXXXVIII, декаб., 654, 656, 666.
- Смирнова, Александра Осипов., рожд. Россетъ, т. LXXXVIII, дек., 637—639.
- Смирновъ, Н. П., приватъ-доц. Казанск. унив. 1874 г., т. LXXXVIII, декаб., 598.
- Соболевъ, Леонидъ Николаев., полковн. 1878 г., т. LXXXVI, май, 246.
- Соколова, Настасья Ив., камеръ-юнгера Екатерины II. въ замуж. д. Рябасъ. т. LXXXVIII, нояб., 382, 384, 399.
- Соловч. Ив. Матв., профес., томъ LXXXV, янв., 193.
- Соколовъ, Никита Петров., докторъ акад. 1787 г., т. LXXXVII, сент., 463—466.
- Соколовъ, артистъ московск. театр. 1855 г., т. LXXXVII, июль, 219, 213.
- Содольницкій, воен. писат., археол. 1816 г., т. LXXXVIII, окт., 164.
- Сологубъ, гр., Влад. Александров., писатель, р. 1814 г., † 1882 г., т. LXXXV, янв. 139—141.
- Соллогубъ, камеръ-юнкеръ, 1817 г., т. LXXXVIII, окт., 13.
- Соллогубъ, полк. 1878 года, томъ LXXXV, мартъ, 465, 468.
- Солдатовъ, Фед. Григ., проф. археол. живописи, р. 1801 г., † 1892 г., т. LXXXVI, июнь, 661.
- Соловьевъ, Серг. Мих., академикъ, проф., историографъ, р. 1820 года, † 1879 г., т. LXXXV, янв., 202, томъ LXXXVII, июль, 118—124, сент., 584, т. LXXXVIII, нояб., 387.
- Соловницкій, Александр. Степан. учт. рисов. 1840 г., т. LXXXVI, июнь, 650.
- Солтыковъ, В. П., камергеръ, томъ LXXXVIII, нояб., 300.
- Солтыкъ, гр., фл.-ад., 1849 года, т. LXXXVIII, окт. 114.
- Солданыъ, генер. 1829 г., т. LXXXV, февр., 447.
- Сомовъ, Орестъ Мих., литераторъ, † 1833 г., т. LXXXV, мартъ, 659—662.
- Сорокинъ, М., предводитель шайки илимскихъ служилыхъ людей, совершившей поѣздъ на Амуръ въ 1655 г., т. I. XXXV, янв., 205—224, т. LXXXVIII, окт., 122.
- Сосницкій, А. И., членъ русск. миссiи въ Пекинѣ 1830 г., впоследствии лекторъ китайск. яз. въ казанск. унив., т. I. XXXV, мартъ, 608.
- Сосницкій, Ив. Ив., артистъ, томъ LXXXVI, июнь, 661.
- Софiя Александровна, царевна-правительница, род. 1657 г. † 1704 г., т. I. XXXVIII, нояб., 269.
- Софромiя, Гривовскiй архим., началъ миссiи въ Пекинѣ 1809 года, томъ LXXXV, февр., 325, 338.
- Спада, Антошiй Францискъ, цензоръ, 1812 г., библиотечаръ Одесск. публичн. библ. 1827 г., т. LXXXV, мартъ, 670.
- Спарре, графиня, 1704 года, томъ LXXXVIII, нояб., 382.
- Спасокая, Марiя, сообщ. поправку къ ст.: „Воспоминанiя, мысли и признанiя человѣка, доживающаго свой вѣкъ смоленскаго дворянина“, т. LXXXV, мартъ, 679, 680.
- Спасскiй, Мих. Фед., докт. физики и химiи, † 1859 г., т. LXXXV, янв., 191, мартъ, 679, 680.
- Сперанскiй, гр., Мих. Мих., родился 1772 г., † 1839 г., т. LXXXV, февр., 339, мартъ, 485, 495, 546, 591, томъ LXXXVI, апр., '20, 103, май, 259, 304, 325, 327, т. LXXXVII, июль, 136—447, сент., 611, 616, томъ LXXXVIII, окт., 158, нояб., 301, 308.
- Спокойскiй-Францевичъ, шт.-офиц. 1877 г., т. LXXXV, янв., 74.
- Спренгпортъ, бар., Георгъ-Магвусъ, ген.-отъ-инф., 1808 года, т. LXXXV, мартъ, 482, т. LXXXVIII, окт., 152.
- Ставицкiй, Максимъ Фед., ген.-лейт., сенат., р. 1778 г., † 1841 года, томъ, LXXXV, мартъ, 489.
- Станкевичъ, Никол. Владим., писат., р. 1813 года, † 1840 г., т. LXXXV, февр., 417—419, томъ LXXXVIII, декаб., 600.
- Стариковъ, купецъ 1817 года, томъ LXXXVI, май, 294, 295.
- Стаховичъ, А., сообщ.: „Ключки воспоминанiя“, т. LXXXVI, апрѣль, 39—56, май, 347—368.
- Стаховичъ, М. А., томъ LXXXVI, апр., 40, 45, 55.
- Стедлеръ, Ф. Ф., попечит. казанск. учеб. окр. 1861 г., т. LXXXVIII, декаб., 523.
- Степановъ, артистъ москов. театра 1855 г., т. LXXXVII, июль, 213.
- Стефанъ, майоръ „Голштинскаго отряда“, 1763 г., т. LXXXVIII, нояб., 465.
- Стефанъ, митроп., томъ LXXXVIII, нояб., 244.
- Степнiй, Юсифъ, маршалокъ 1830 г., т. LXXXVII, авг., 401, 402.
- Столыпинъ, Аркад. Дм., генераль 1849 г., т. I. XXXV, янв., 121, мар., 462, 463, т. LXXXVII, июль, 52.
- Столыпинъ, комендантъ Севастоп. 1830 г., т. LXXXVIII, окт., 73.
- Столытовъ, Никол. Григ., ген.-лейт., род. 1833 г., т. LXXXV, февраль,

304—313, т. LXXXVI, май, 256, 257.
Стожанинъ, В. Д., педагогъ, томъ LXXXV, февр., 269.
Стояновскій, Някол. Ив., чл. Госуд. Совѣта, т. LXXXVI, апр., 213—216.
Стрелковъ, Степ. Фед. тайн. совѣт., 1787 г., т. LXXXVIII, ноябр. 445, декаб., 584.
Строганова, баронеса, 1793 года, т. LXXXVIII, ноябрь, 480.
Строганова, графиня, рожд. Воронцова, т. LXXXV, февр., 398.
Строгановъ, гр., Серг. Григ., попеч. московск. унив., т. LXXXV, мартъ, 639, т. LXXXVIII, окт., 136.
Строль, профес. Казанск. унвер. † 1814 г., т. LXXXV, мартъ, 547—549.
Струмилло, Игнатій, помѣщ. 1829 г., т. LXXXV, мартъ, 621, 632, томъ LXXXVI, апр., 169, 170.
Струмилло, Тадеушъ, 1830 года, т. LXXXVII, авг., 388, 389.
Студежницъ, Гавриилъ Ильичъ, сообщ. „Наставленія по поводу сбора милцинъ въ 1806 году“ т. LXXXVII, сент., 621—625, „Рескриптъ импер. Александра I слб. гражд. губернат. Пасевьеву о свободныхъ хлѣбопашцахъ“, 646, „По поводу толковъ объ освобожденіи крестьянъ въ 1830 г.“, т. LXXXVIII, окт., 130.
Стурдза, Александр. Скарлат., писат. духов. нравств. сочин., 1849 г., т. LXXXV, февр. 261, т. LXXXVII, авг., 406, 413, 420.
Стурдза, Скарлатъ Дм., молдавскій господарь 1786 года, т. LXXXVII, авг., 405.
Стурдза, Султана, рожд. княжна Мургузи, † 1839 г. т. LXXXVII, авг., 405, 422.
Суворовъ, В. И., ген.-поруч. 1763 г., т. LXXXVIII, нояб. 463, 464.
Суворовъ-Рымникскій, кн. Италійскій, Александр. Вас., фельдмарш., р. 1729 г., † 1800 г., т. LXXXVIII, окт., 102, нояб., 244.
Суворовъ-Рымникскій, кн., юнкеръ л.-гв. кон. пол. 1823 г., т. LXXXVI, июнь, 458.
Суворовъ, кн., фл.-ад. 1830 года, т. LXXXVIII, окт., 92.
Сужикъ, А. Я., ген.-ад., военд. Петропавл. крѣпости 1825 года, томъ LXXXVI, июнь, 459.
Сулима, генер. 1830 г., т. LXXXVII, августъ, 401.
Сумароковъ, Александр. Петровичъ, писат., директ. имп. театровъ, род. 1718 г., † 1777 г., т. LXXXV, мартъ, 545.

Сумароковъ, Пав., т. LXXXV, февр., 265, 266.
Сумароковъ, сенат. 1817 года, томъ LXXXVII, июль, 175.
Сундгровъ, помѣщ. 1825 года, томъ LXXXV, февр., 417.
Суровицковъ, т. LXXXVI, май, 293.
Сухоржевскій, генераль 1829 года, т. LXXXV, янв., 175.
Сухтеленъ, гр., Пав. Петров., ген.-адм., Орелб. ген.-губернат., род. 1783 г., † 1833 г., т. LXXXV, янв., 111, т. LXXXVI, май, 410, томъ LXXXVIII, декаб., 484.
Сѣверцовъ, Н. А., художникъ, томъ LXXXV, янв., 203.
Сѣрашовскій, (Доленго) Сигизмундъ предвод. повст. въ Ляत्वѣ, † 1863 г. т. LXXXV, янв., 166, 170.
Сѣрова, В., т. LXXXVII, сент., 546.
де-Сверженъ, Карлъ. 1794 года, томъ LXXXVI, апр., 87, 89.

Т.

Талыкинъ, адмир., 1762 года, томъ LXXXVIII, нояб., 463.
Танъевъ, Алекс. Серг., статск. секрет., род. 1785 г., † 1866 г., томъ LXXXV, мартъ, 497.
Тарачковъ, Н. С., ученый, натуралистъ, 1860 г., т. LXXXV, февр., 370.
Татарикова, Екат. Филин., основ.-ца секты, † 1856 г., т. LXXXV, янв., 5—51, февр., 225—263, т. LXXXVII, авг., 424, 425.
Татариковъ, Мих. М., т. LXXXV, февр., 232—259.
Татищевъ, гр., А. И. воен. министр. 1820 г., т. LXXXVI, май, 300, 313, 346.
Таубе, докт. 1847 г., томъ LXXXVI, июнь, 665.
Тебенъковъ, М., сообщ. «Духоборцы, ихъ ученіе, организація и настоящее положеніе», т. LXXXVII, авг., 257—293, сент., 493—526.
Тебенъковъ, морск. офиц. 1840 г. томъ LXXXVI, июль, 577.
Тейльсъ, сенат., 1811 г., т. LXXXVIII, декаб., 483.
Теохаровъ, товар. прокур. Полтав. окр. суда 1878 г., томъ LXXXVII, июль, 66.
Теплякова, Софья Алексѣев., томъ LXXXV, янв., 177.
Теплякова, Юлія Алекс., т. LXXXV, янв., 177.

- Тепляковъ, Аггей Григ. р. 1808 г., офиц., т. LXXXV, февр., 440.
- Тепляковъ, Алексѣй Григ., р. 1806 г., † 1872 г., т. LXXXV, февр., 440, мартъ, 659, 661, 662, 669.
- Тепляковъ, Григорій Алексѣев., томъ LXXXV, февр., 441.
- Теплякъ, Внѣт. Григ., писат., род. 1804 г. † 1842 г., т. LXXXV, янв., 177 — 189, февр., 425 — 447, мартъ, 659—677, т. LXXXVI, апр., 191—212, т. LXXXVII, авг., 405 — 422, сент., 661—672, т. LXXXVIII, окт., 227—236.
- Терещенковъ, Иванъ Ив., живопис. и скульпт., р. 1780 г., † 1815 г., томъ LXXXVI, июнь, 652.
- Терлецкій, Владим., докт. богослов. и медицины, бывш. греко-уніатск. миссіонеръ, т. LXXXVII, авг., 385.
- Терновскій, свящ., т. LXXXV, янв., 197.
- Тивонгаузенъ, гр., Фед. Ив., † 1805 г., т. LXXXVII, авг., 417.
- Тивонгаузенъ, полковн. 1825 г., декабр., т. LXXXVI, июнь, 461.
- Тилло, преподават. Царское Лицея 1823 г., т. LXXXVIII, окт., 174.
- Тиманъ, поруч. гвард. артил. 1813 г., т. LXXXVI, апр., 4.
- Тимошукъ, Вѣра Вас., перев. съ польскаго записки Мих. Чайковского, т. LXXXV, мартъ, 619—636, томъ LXXXVI, апр., 155—181, май, 391—405, томъ LXXXVII, авг., 367—404, сент., 647—659, т. LXXXVIII, окт., 209—225, декаб., 653—676, съ франц.; «Императрица Александра Федоровна въ своихъ воспоминаніяхъ», томъ LXXXVIII, окт., 5—60; составила «азбучный указатель», т. LXXXVIII, вн. дек.
- Титовъ, Пав. Петров., ориенталистъ 1830 г., т. LXXXV, мартъ, 660, 661.
- Титовъ, полковн. 1812 г., т. LXXXV, мартъ, 502.
- Толстой, гр., Александр. Петров. ген-м., воен. губернат. въ Одессѣ съ 1837—1840 г. г., т. LXXXVII, авг., 419, 421.
- Толстой, гр., Дм. Андреев., министр. народн. просв., род. 1823 г., умеръ 1889 г., т. LXXXVIII, 588.
- Толстой, гр., Ив., Матвѣев., главноначальств. надъ почтов. деп. 1863 г., род. 1806 г., † 1867 г., т. LXXXV, янв., 139—141.
- Толстой, И. П. т. LXXXVIII, дек., 623, 630, 632.
- Толстой, гр., Левъ Николаев., томъ LXXXVI, май, 335, томъ LXXXVII, июль, 220.
- Толстой, гр., Петръ Александр. Спб. воен. губернат., предсѣдат. воен. деп. Государств. Сов., род. 1769 г., † 1844 г., т. LXXXVI, май, 301, томъ LXXXVII, июль, 26, 27, т. LXXXVIII, окт., 79, 87, нояб., 300.
- Толстой, гр., Серг. Васильев., нижегород. вице-губернат. 1810 г., томъ LXXXV, мартъ, 495, 504.
- Толстой, гр., Фед. Петров., художн. медальеръ, вице-презид. акад. худ., род. 1783 г., † 1873 г., т. LXXXV, мартъ, 554, 555, т. LXXXVI, июнь, 661.
- Толстой, гр., фл. ад. 1878 г., томъ LXXXV, февр., 305.
- Толстой, гр., об.-марш. 1825 г., томъ LXXXVI, май, 309.
- Толстой, офиц. 1828 г., т. LXXXVI, июнь, 492.
- Толъ, гр., Карлъ Фед., ген.-лейт., р. 1777 г., † 1842 г., т. LXXXVI, апр., 16, июнь, 552, т. LXXXVIII, окт., 103, декаб., 565.
- Томашевскій, Іосифъ, офиц. польск. войскъ 1830 г., т. LXXXVII, авг., 369, 373.
- Томинскій полковн. 1829 года, томъ LXXXV, янв., 171.
- Томищій, полк. 1829 г., т. LXXXV, янв., 175.
- Томковичъ, Викентій, помѣщ. 1829 г., т. LXXXVI, апр., 169.
- Томъ, К. А. архитект. 1837 г., томъ LXXXVI, июнь, 661, т. LXXXVIII, декабрь, 626.
- Топоровъ, профес., мед., т. LXXXV, янв., 199.
- Торшковъ, Александр. Петров., ген-отъ-кав., род. 1736 г., † 1819 г., т. LXXXV, май, 295, 296, т. LXXXVII, сент., 542.
- Тумашевъ, А. Е., мнн. внутр. дѣлъ, т. LXXXVIII, декаб., 521—525.
- Толдобенъ, гр., Эдуаръ Ив., инженер., ген.-ад., р. 1818 г., † 1884 г., т. LXXXV, февр., 286, мартъ, 466 т. LXXXVIII, окт., 116.
- Траханьковъ, грекъ, ведшій переговоры о бракѣ Іоанна III съ Софією Палеологъ, т. LXXXVIII, дек., 651.
- Трембицкій, генер. 1830 г., томъ LXXXVIII, окт., 80.
- Трескинъ, Н. И., Иркутск. губернат. 1817 г., т. LXXXV, февр., 326, 330.
- Тришатинскій, генер., 1838 года, томъ LXXXVI, июнь, 580.
- Тройницкій, Александр. Григ., тов. мнн. вн. дѣлъ, 1857 г., † 1871 г., т. LXXXV, мартъ, 666—669.
- Тропининъ, т. LXXXVI, май 362.
- Трошинскій, Дм. Прокоф., мнн. удѣловъ, † 1829 г., т. LXXXVI, май, 362.

Трубачевъ, Смоленск. почтдирект. 1877 г., т. LXXXV, мартъ, 459, т. LXXXVI, май, 228—232.

Трубецкая, княг., Екат. Ив., рожд. гр-ня Лаваль, супруга декабриста, † 1853 г., т. LXXXV, мартъ, 610.

Трубецкая, княг., Екат. Петровна, 1791 г., т. LXXXVIII, нояб., 345, 347, 364.

Трубецкая, княг., Соф., т. LXXXVIII, окт., 16, 33, 39.

Трубецкой, кн., Д. Ю., 1790 г., томъ LXXXVIII, нояб., 305.

Трубецкой, кн., Ив. Юрьев., фельдм. 1700 г., т. LXXXVIII, нояб., 382.

Трубецкой, кн., Никита Юрьевичъ фельдмарш. 1762 г., т. LXXXVIII, нояб., 447.

Трубецкой, кн., Николай Никитичъ, масонъ 1775 г., т. LXXXVIII, нояб., 321—365.

Трубецкой, кн., ген.-ад. 1830 г., т. LXXXVIII, окт., 89.

Трухесъ, гр-ня, об.-гофмейстерна пи-цы Александры Феодоровны, 1817 г., т. LXXXVIII, окт., 17.

Тургеневъ, Александр. Ив., директ. деп-а духов. дѣлъ, писат., † 1845 г., т. LXXXVI, июнь, 566, 567, 568, т. LXXXVII, авг., 425, т. LXXXVIII, дек., 630, 632.

Тургеневъ, Ив. Петров., масонъ, род. 1752 г., † 1807 г., томъ LXXXVIII, нояб., 321, 357, 359.

Тургеневъ, Ив. Серг., писатель, род. 1818 года, † 1833 г., т. LXXXVIII, декаб., 585—589, 602, 645.

Турюковъ, Яковъ Nikol., писатель, 1840 г., т. LXXXV, янв., 162.

Турцевичъ, перев. записки М. Чайковского, т. LXXXV, янв., 163—176, февр., 381—394.

Турчинновъ, ген.-лейт. 1800 г., т. LXXXV, мартъ, 476.

Тутолминъ, Тимое. Ив., ген.-губери. волынск. и подольскій, р. 1740 г., † 1809 г., т. LXXXV, мартъ, 472.

Тухолка, ст. сов. Видавск. губери. 1878 г., т. LXXXVII, июль, 62, 66.

Тучковъ, ген. 1812 г., т. LXXXVII, сент., 602.

Тучковъ, Измаильскій комендантъ 1829 г., т. LXXXVI, июнь, 479.

Тышневичъ, Викентій, офиц. польск. войскъ 1830 г., т. LXXXVI, май, 391—394, 405, т. LXXXVII, авг., 369.

Тышневичъ, Генрихъ, ген., кievск. губери. предвод. дворян. 1829 г., т. LXXXVI, май, 404, 405.

Тютчевъ, Фед. Ив., писатель, † 1873 г., т. LXXXV, янв., 90.

У.

Уваровъ, гр., Серг. Семен., министръ народн. просв., † 1855 года, томъ LXXXV, янв., 88, февр. 280, 282, мартъ. 648, т. LXXXVI, июнь, 571, LXXXVII, сентябрь, 569, 571, томъ LXXXVIII, окт., 158, 184, 230

Уваровъ, Ф. П., генер.-ад. 1824 г., т. LXXXV, янв., 226, т. LXXXVII, июль, 164, 179, авг. 424.

Урбановичъ - Пшелецкій, Мартынъ Степан., директ. инст. глухонѣм. въ Спб., 1825 г., послѣдов. секты Татариновой, т. LXXXV, февр., 231, 232, 247.

Устинова, Прасковья Васил., 1825 г., т. LXXXVI, июнь, 461.

Устраловъ, Никол. Герасим., проф. акад., историкъ, р. 1805 г., † 1870 г., т. LXXXV, январь, 162, 195, томъ LXXXVI, июнь, 575, 576, томъ LXXXVII, июль, 118, т. LXXXVIII, окт., 184, декаб., 589.

Уткинъ, гравьеръ, 1837 г., т. LXXXVI, июнь, 661.

Ушакова, Варвара, фрейл., 1817 г., т. LXXXVIII, окт., 13.

Ушаковъ, Андрей Ив., ген.-аншефъ, начальн. тайной канцел., † 1747 г., томъ LXXXVII, августъ, 312.

Ушаковъ, генер., шталмейст. двора в. кн. Николая Павловича, 1817 г., томъ LXXXVI, июнь, 451, 452, 480, т. LXXXVIII, окт., 25, 28.

Ушаковъ, Николай, его письмо къ Д. Н. Бантышъ-Каменскому, 1840 г., т. LXXXVI, май, 430.

Ушаковъ, П. Н., т. LXXXVI, май, 361.

Ф.

Фабръ, Андр. Яковъ, членъ Одесск. общ-ва Исторіи и Древностей, томъ LXXXVI, апр., 199, 200

Фальконецъ, сеульнт., т. LXXXVIII, нояб. 388, 414—417.

Фалькъ, акад., † 1780 г., т. LXXXVII, сент., 463.

Фельдвелъ, препода. нѣмецк. литер., т. LXXXV, янв., 192.

Фервезъ, ген. 1792 г., т. LXXXVIII, декаб. 481.

Ферморъ, гр., 1767 г., т. LXXXVIII, нояб., 424.

Феретеръ, Ив., ген.-м., начальн. оруженфауиск. арсенала 1763 г., томъ LXXXVIII, нояб., 464—466.

Феретеръ, капит. „Голштинскаго отряда“, 1763 г., т. LXXXVIII, нояб., 465.

Фигнеръ, Александр. Самойл., партизанъ, 1812 г., р. 1787 г., † 1813 г., т. LXXXVIII, окт., 103, 104.

Филаретъ (Василій Дроздовъ), митр. москов., р. 1782 г., † 1867 г., томъ LXXXV, янв., 6—47, 196, 197, томъ LXXXVI, апр., 103, июнь, 558—560, т. LXXXVII, июль, 113—118, 174, 181, 204—210, авг., 255, 256, 440, т. LXXXVIII, декаб., 594, 618.

Филаретъ, архип. Казанск. и Свиляжск., 1829 г., томъ LXXXV, янв., 27, 111.

Филипповъ, ген., 1860 г., т. LXXXVIII, окт., 118.

Филтумъ, фонъ-Эмштедтъ, Александр. Ив., писател. студ. Спб. унив. 1837 г., т. LXXXVI, июнь, 574, 575, томъ LXXXVII, июль, 223, 224, томъ LXXXVIII, ноябр., 472, 474.

Финчеръ, Александр. Григ., профес. москов. унив. 1855 г., т. LXXXV, янв., 191, т. LXXXVII, июль, 213.

Флейшеръ, кап., 1878 г., т. LXXXVII, июль, 61.

Фонъ, Александр. Александр., 1890 г., т. LXXXVIII, декаб. 485, 487.

Фонъ, Александр. Андреев., полковн., т. LXXXVIII, декаб., 485.

Фонъ, Александр. Борисов., ген.-м., начальн. артиллер. въ Финляндии 1799 г., предводит. дворян. въ Выборгъ, 1811 г., ген.-лейт. 1812 г., † 1825 г., томъ LXXXVII, июль, 147, т. LXXXVIII, декаб., 482—487.

Фонъ, Анна Ив., см. Лидеръ.

Фонъ, Борисъ, служ. въ канц. строевн. и садовъ при Елисаветѣ Петровнѣ 1760 г., т. LXXXVIII, декаб. 492.

Фонъ, Борисъ, уланск. офиц. † 1829 г., т. LXXXVIII, декаб., 485.

фонъ-Фонъ, Мих. Максимов., директ. нац. шафа жанд., 1830 г., томъ LXXXV, янв., 13, мартъ, 489, томъ LXXXVI, июнь, 562, т. LXXXVIII, окт. 89.

Фолькенштейнъ, графъ, т. LXXXVI, май, 368.

Фонвизинъ, Денисъ Ив., писател., т. LXXXVIII, нояб., 304, 307.

Фондъ (Петръ Никитичъ Спасскій), архип., настоят. Новгород. Юрьев. монаст., р. 1792 г., † 1838 г., томъ LXXXV, февр., 230—247, 261, томъ LXXXVI, май, 309, т. LXXXVII,

июль, 163—199, авг., 423—443, сент., 527—540.

Франковский, полковн., 1837 г., томъ LXXXVII, сент., 554.

Фредериксъ, бар., адъют. в. кн. Никол. Павлов., 1817 г., т. LXXXVIII, окт., 25.

Фрейгангъ, А. В., сообщ. „Два письма князя Александра Ивановича Чернышева къ В. И. Фрейгангу. 1817 г.“ т. LXXXVII, сент. 673, 674.

Фрейгангъ, В. И., 1817 г., томъ LXXXVII, сент., 673, 674.

Фрисе, офиц. польск. войскъ 1830 г., т. LXXXVIII, декаб., 661.

Фрихтъ, Г. М., 1817 г., т. LXXXVI, май, 322.

Фроловъ, генер., 1838 г., т. LXXXVIII, декаб., 575.

Фрявникъ, Ив., т. LXXXVIII, декаб., 651.

Фуссъ, акад., 1782 г., т. LXXXVII, сент. 470.

X.

Хабаровъ, Ерофей, 1649 г., томъ LXXXV, янв., 203, т. LXXXVIII, окт., 121, 122.

Халчинскій, генеральн. консулъ въ Бухарестъ, 1853 г., т. LXXXVII, авг., 314, 315.

Ханьковъ, Яковъ Влад., Оренб. губерн. съ 1849—1855, т. LXXXVI, июнь, 547.

Хвостова, А. П., писательница, т. LXXXVIII, нояб. 309.

Хвостова, генеральша, послѣд.—на секты Татариновой, томъ LXXXV, февр., 235, т. LXXXVII, августъ, 424, 425.

Хвостовъ, гр., Дмитрій Ив., об.-прок., спвода, 1802 г., писател., р. 1757 г., † 1835 г., т. LXXXVI, апр. 33—38, т. LXXXVIII, декаб., 585—588.

Херасковъ, Мих. Матв., писател., т. LXXXVI апр., 187, т. LXXXVIII, нояб., 299—364.

Хилковъ, кн., М. Я., 1790 г., томъ LXXXVIII, нояб. 305.

Хитрово, Елис. Мих., рожд. Голенищевъ—Кутузова—Смоленская, въ перв. бракъ гр-ня Тизенгаузень, 1836 г., т. LXXXVII, авг., 417.

Хитрово, Никол. Фѣдор., послан. во Флоренцію, † 1819 г. т. LXXXVII, авг., 417.

Хлопяцкій, Юсифъ, польскій генералъ, диктаторъ 1830 г., р. 1771 г.,

- † 1854 г., т. LXXXV, февр. 384, 393, т. LXXXVI, май, 396—404, т. LXXXVII, августъ, 379, 404, томъ LXXXVIII, окт., 81—87.
- Жытлевскій**, офиц. польск. войскъ 1830 г., т. LXXXVIII, дек., 661, 673.
- Жованскій**, кн., 1790 г., т. LXXXVIII, нояб., 262.
- Жовряна**, Варвара Ив. † 1552 г., т. LXXXVII, июль, 115.
- Жомяновъ**, Алексѣй Степ., профес. московск. унив., писат., † 1860 г., т. LXXXV, мартъ, 641, т. LXXXVI, май, 349—354, т. LXXXVII, авг., 254, томъ LXXXVIII, декаб., 601, 629, 636.
- Жорватъ**, Осипъ Ив., екатеринслав. губернат. 1796 г., томъ LXXXVII, авг., 353.
- Жраповицкій**, Александр. Васильев., ст.-секрет., † 1801 г., т. LXXXVIII, нояб., 445.
- Жраповицкій**, ген.-ад. 1830 г., томъ LXXXVIII, окт., 79.
- Жрабовскій**, польск. генер. 1830 г., т. LXXXVII, сент., 652—659, томъ LXXXVIII, окт., 299—221, декаб., 664, 670, 671.
- Жриповъ**, Александр. Дм., художн., 1845 г., т. LXXXVIII, декаб., 636.
- Жрузевъ**, ген.-м. 1853 г. т. LXXXVI, июнь, 537, 611.
- Жруцкиевскій**, майоръ, 1830 г., т. LXXXVII, авг., 367, 368, 369.

Ц.

- Цайтаевъ**, Дм., профес., сообщ.: „Дѣло объ ограбленіи въ 1861 г. анатомическаго театра Варшавской Медико-Хирургической академіи“, т. LXXXV, янв., 52—54, „Основаніе русскаго флота“, т. LXXXVII, июль, 99—112.
- Цайциковскій**, ген.-м., 1878 г., томъ LXXXV, февр., 310.
- Цеймеръ**, Максимъ Карлов, сенат., съ 1853 г. почетный опекунъ, томъ LXXXVII, авг., 446.
- Цементовскій**, генер., 1830 г., томъ LXXXVIII, окт., 80.
- Церетелевъ**, кн., генер., 1878 г., т. LXXXV, февр., 304.
- Циновскій**, москов. об.-полиціймейст., 1835 г., т. LXXXVI, апр., 42.
- Цицановъ**, кн., генер. 1860 г., т. LXXXVIII, декаб., 583.
- Цюлковскій**, генер., 1839 г., томъ LXXXVI, июнь, 530.
- Цывырева**, Екатерина, 1825 г., томъ LXXXV, февр., 235, 261.
- Цыловъ**, Никол. Ив., капит. 1837 г., LXXXVI, июнь, 652.

Ч.

- Чаадаевъ**, генер. отъ инф. 1849 г., т. LXXXVI, июнь, 520.
- Чаадаевъ**, Петръ Яковлев., масонъ, 1862 г., т. LXXXV, мартъ, 611—617.
- Чайковскій**, Петръ Ильичъ, компо-зиторъ, род. 1840 г., † 1893 г., томъ LXXXVII, сент., 545—552.
- Чайковскій**, Мих. (Мехмедъ-Салтыкъ паша), † 1886 г., его записки, томъ LXXXV, янв., 163—176, февр., 381—494, мартъ, 619—636, томъ LXXXVI, апрѣль, 155—181, май, 391—405, т. LXXXVII, авг., 367—404, сент., 647—659, т. LXXXVIII, окт. 209—225, декаб., 653—676.
- Чайковскій**, Симѣонъ, полковн., т. LXXXV, мартъ, 626—629.
- Чарторыйскій**, князь, Адамъ, томъ LXXXV, янв., 173, февр., 382, т. LXXXVI, апр., 165, май, 391, 399, т. LXXXVII, июль, 13, авг., 394, сент., 632, 656, т. LXXXVIII, окт., 69 81, 82, 167, 211, 214, 221, декаб., 610, 663, 671, 675.
- Чапскій**, Мих., офиц. польск. войскъ, 1830 г., т. LXXXVII, авг., 374.
- Чевкинъ**, Конст. Владим., ген.-ад., главноуправл. пут. сообщ., р. 1803 г., † 1875 г., т. LXXXV, мартъ, 550, 551.
- Челищевъ**, подполковн. 1828 г., томъ LXXXVI, май, 395.
- Черевковъ**, генер.-м., 1820 г., томъ LXXXVI, май, 407, 408.
- Чернасская**, кн., Е. А., рожд. Ва-симъичинова, томъ LXXXVII, авг., 245, 254.
- Чернаскій**, кн., Влад. Александр., управл. гражд. частью въ Волгарин, 1877 г., † 1878 г., т. LXXXV, янв., 55—78, февраль, 285—313, мартъ, 449—470, т. LXXXVI, май, 225—266, т. LXXXVII, июль, 45—81, августъ, 281—254, сент., 560.
- Чернасовъ**, Борисъ Ив., полевой ген.-контролеръ арміи, 1877 г., томъ LXXXV, янв., 61—73.
- Черлицинъ**, Ив. Карлов, учит. муз., 1827 г., т. LXXXV, янв., 8—39.
- Черникова** П. М. помѣщица 1817 г., т. LXXXVII, июль, 82.
- Чернышевъ**, гр., Александр. Ив., ген.-ад., воен. мнн., † 1852 г., т. LXXXV, мартъ, 499, т. LXXXVI, май, 314,

- 342, 406—408. июнь, 530, т. LXXXVII, сент. 673, 674, т. LXXXVIII, окт., 154.
- Чернышевъ, Алексѣй**, художн.-акад., 1856 г., т. LXXXVI, июнь, 551.
- Чернышевъ, гр. Захарь Григ.**, ген.-пор., москов. ген.-губерн., р. 1722 г., † 1784 г., т. LXXXV, февр., 400, т. LXXXVI, апр., 120, 123, томъ LXXXVIII, нояб. 441, 468.
- Чернышевъ, графъ, Захарь**, оберъ-мундшенкъ, 1817 г., т. LXXXVIII, окт., 13.
- Чернышевъ, гр., Изъ Григ.**, презид. адмиралт.-кол., 1767 г., т. LXXXVI, 132, томъ LXXXVIII, ноябрь, 370, 430—445.
- Чернышевъ, гр., П. Григ.**, 1767 г., LXXXVIII, нояб. 389.
- Чернышевъ, любит.-актеръ**, 1855 г., т. LXXXVII, июль, 208, 209, 210.
- Чертковъ, Никол. Дм.**, ген.-м. 1847 г., т. LXXXV, февр., 369.
- Чертковъ, фл.-адъют.** 1855 г., томъ LXXXVIII, декаб., 579.
- Чертковъ, тайн. сов.**, 1787 г., томъ LXXXVIII, нояб., 444.
- Чечеринъ, Никол. Изъ**, 1767 г., томъ LXXXVIII, 441.
- Чечеринъ, генер.-ад.**, 1828 г., томъ LXXXVI, апр., 157, июнь, 497.
- Чешинкинъ, Е. В.**, сообщ.: „Три рескрипта императора Павла, дѣйст. тайн. сов. Нагелю 1800 года“, томъ LXXXVII, сент., 543, 544
- Чижовъ, писат.**, т. LXXXVIII, дек., 630, 640, 642.
- Чихачевъ, Сиб. полиціймейст.** 1810 г., т. LXXXV, мартъ, 482, 491, томъ LXXXVI, май, 309, 313.
- Чичаговъ, генералъ**, 1812 г., томъ LXXXV, мартъ, 503, 504.
- Чугуновъ, А. К.**, профес. Казанск., унив., 1873 г., т. LXXXVIII, дек., 532.
- Чулковъ, Васил. Васильевъ**, масодъ. 1775 г., т. LXXXVIII, нояб., 321.
- Шамшевъ, подполковн.** 1820 г., томъ LXXXVI, май, 407, 408.
- Шаповалово, Д. Ф.**, прапорщикъ 1824 г., т. LXXXV, февр., 234.
- Шарбе, директ.** Пензенск. гимназ. 1867 г., т. LXXXVIII, дек., 529.
- Шаховская, княжна**, въ зам. Римская-Корсакова, томъ LXXXVII, июль, 219, 220.
- Шаховъ, Изъ**, мичм. 1767 г., томъ LXXXVIII, нояб., 441.
- Шварцъ, Н. Г.**, профес. московск. унив., т. LXXXVIII, нояб., 313.
- Шедуевъ, художн.** 1837 года, томъ LXXXVI, июнь, 661.
- Шевченко, Тарасъ Григорьев.**, поэтъ, род. 1814 г., † 1861 года, томъ LXXXV, мартъ, 655—658, томъ LXXXVI, июнь, 655.
- Шенгровъ, Степ. Петров.**, его стихотв.: „Строфы Влади́миру Ивановичу Назимову, читанныя 6 февр. 1855 г.“, т. LXXXV, мартъ, 637, 638; упом.: янв., 197, мартъ, 641, 642, т. LXXXVII, июль, 208—210, т. LXXXVIII, окт. 184—186, дек., 594, 619,—645.
- Шембевъ, ген.** 1830 г., т. LXXXVIII, декаб., 670, 675, 676.
- Шембевъ, гр.**, настоят. римско-католич. церкви въ Саратовѣ 1894 года, т. LXXXVI, апр., 114.
- Шенкоровъ, В.**, сообщ.: „Письма Н. М. Языкова къ Н. В. Гоголю“, томъ LXXXVIII, декаб., 617—647.
- Шенелевъ, А. А.**, полковн., Филиппов. губернат. 1878 г., томъ LXXXVII, июль, 53, 63, авг., 241, 242.
- Шенелевъ, генер.** 1828 года, томъ LXXXV, февр., 436.
- Шенцицкий, генер.** польск. войскъ 1830 г., томъ LXXXVIII, окт., 213, 217, 219, 224, декаб., 658, 670, 676.
- Шервудъ-Върный, Изъ**, прапорщ. 1-гв. драгунск. пол. 1826 г., томъ LXXXVII, июль, 200.
- Шереметова, гр-ни**, въ зам. гр-ня Панина, т. LXXXV, февр., 398.
- Шереметова, Надежда** Никол., т. LXXXVIII, декаб., 618, 624—647.
- Шереметьевъ, гр.**, об.-камерг. 1780 г., т. LXXXVIII, нояб., 303.
- Шериваль, Ф.**, ген.-губ. въ Нюландѣ 1812 г., т. LXXXVII, июль, 141—152, авг., 324—335, т. LXXXVIII, окт., 149.
- Шеръ, скульпт.** 1850 года, томъ LXXXVI, июнь, 654.
- Шестаковъ, П. Д.**, попочит. казанск. учебн. окр., † 1890 г., сообщ.: „Тяжелые дни казанск. универс.“, т. LXXXVIII, декаб., 519—539.
- Шеферъ, гр.** Ульрихъ, сенат. 1780 г., т. LXXXVII, сент., 466, 467, 468, 471.

III.

- Шабельский, Изъ** Петров., ген. отъ кав., род. 1795 г., † 1874 г., томъ LXXXV, февр., 436—441.
- Шайевъ, профес.** 1840 года, томъ LXXXVI, июнь, 573.
- Шалковъ, кн.** Петръ Изъ, писат., род. 1767 г., † 1852 г., т. LXXXVI, июнь, 554, 555.
- Шамхалъ** имамъ Чечни и Дагестана, т. LXXXVIII, декаб., 577, 581.

- Шидловскій, А. Ѳ.**, сообщ.: „Изъ бумагъ Влкт. Григ. Теплякова“, т. LXXXV, янв., 177—189, февр., 425—447, мартъ, 659—677, т. LXXXVI, апр., 191—212, т. LXXXVII, сент., 661—672, т. LXXXVIII, окт., 227—236. «Богъвъ и кончина императора Николая Павловича», июнь, 615—631, „Графина Р. С. Эдлингъ въ письмахъ къ В. Г. Теплякову“, т. LXXXVII, авг., 405—422.
- Шидлингъ-фонъ-Кайштадтъ**, баронесса, въ зам. гр-на Бенкендорфъ, т. LXXXVI, июнь, 471.
- Шидлеръ, Карлъ Андреевичъ**, ген.-ад. инжен., р. 1785 г., † 1854 г., т. LXXXVI, июнь, 499.
- Шидлеръ, Никол. Карлов**, ген.-лейт., начальникъ инж. акад. и учил. воен. писатель-историкъ, сообщ.: „Императоръ Николай I въ 1828—1831 г.г.; изъ записокъ графа А. Х. Бенкендорфа“, т. LXXXVI, июнь, 471—510, т. LXXXVII, июль, 3—27, т. LXXXVIII, окт., 65—96, «Собственноручныя письма императора Николая I», томъ LXXXVI, июль, 511—520; „Двѣ характеристики. Изъ записокъ граф Ѳ. Г. Головкина“, томъ LXXXVIII, нояб., 367—379; „Кончина Екатерины II и водаре-нiе Павла“, 472—480.
- Шидль**, генералъ 1763 года, томъ LXXXVIII, нояб., 463.
- Шиповъ, С. П.**, ген.-ад. 1838 г., т. LXXXV, янв., 9, томъ LXXXVII, сент., 567.
- Ширинскій-Шихматовъ, кн.**, Платонъ Александр., директ. канц. ми-ра народн. проsv., 1826 г., влос. ми-ръ нар. проsv., род. 1790 г., † 1853 г., т. LXXXVII, июль, 176—178, 211.
- Ширлей**, послан. въ Слб. 1768 г., т. LXXXV, февр., 404, 408.
- Ширяевъ**, княгопродав. 1827 г., т. LXXXVI, июнь, 555.
- Шихинъ, Петръ**, мичм. 1767 г., т. LXXXVIII, нояб., 441.
- Шиховъ, Александр. Ардалионов.** писат., т. LXXXVII, сент., 577.
- Шиховъ, Александр. Семенов.** ми-ръ народн. проsv., род. 1763 г., † 1841 г., т. LXXXV, февр., 226, 261, 280, 281, мартъ, 543, 545, т. LXXXVI, апр., 5—13, 33—38, т. LXXXVII, июль, 171—179, авг., 426, 428, сент., 573—589, т. LXXXVIII, нояб., 473.
- Шиховъ, Н. П.**, помѣщ. 1860 г., т. LXXXVI, май, 354.
- Шмуринъ, Марья Васильев.** фрей-лина 1769 г., род. 1755 г., † 1824 г., т. LXXXVIII, нояб., 422.
- Шмуринъ, Наталія Васил.** фрейлина 1770 г., т. LXXXVIII, нояб., 422.
- Шмуринъ, Васил. Григ.** гардероб-мейст. Екатерины II, т. LXXXVIII, нояб., 393, 396, 418, 419, 420.
- Шмуринъ, Серг. Васильев.** ст. сов. 1805 г., т. LXXXVII, сент., 646, т. LXXXVIII, нояб., 421.
- Шмитъ, Марья Осип.** см. Марченко.
- Шостаковский, профес.** 1829 г., т. LXXXVI, апр., 170.
- Шостакъ, Пав.** мичманъ 1787 г., т. LXXXVIII, нояб., 445.
- Шнейеръ**, инспект. студ. московс. унив., томъ LXXXV, мартъ, 639, 640, 643.
- Шпиръ, Александр. Александр.** докт. медиц. 1832 г., т. LXXXVI, июнь, 597, 598.
- Шредеръ, бар.** масонъ 1791 г., томъ LXXXVIII, нояб., 361—3638.
- Штадъ, инж.-ген.** 1878 г., т. LXXXV, мартъ, 456, 457.
- Штадтъ, Антонъ**, майоръ „Голштинскаго отряда“, 1763 года, томъ LXXXVIII, нояб., 466.
- Штейнгель, бар.** Влад. Ив., декабр., р. 1784 г., † 1862 г., т. LXXXVI, июнь, 460.
- Штейнгель, гр.** Фабянъ, ген. губер. Финляндіи 1811 г., т. LXXXVII, июль, 129, 130, авг., 323—327, сент., 611, 612, т. LXXXVIII окт., 152, декаб., 484.
- фонъ-Штейнъ, бар.** прусск. госу-дарств. дѣятель 1812г., т. LXXXVII, авг., 343.
- Штейнъ, генер.** 1878 г., т. LXXXV, мартъ, 464.
- Штелингъ, акад.** 1782 г., т. LXXXVII, сент., 484, 488, 490, т. LXXXVIII, нояб., 421.
- Шторкъ, преподават. имп. Николая I**, т. LXXXVI, июнь, 452, 453.
- Шторкъ, почетн. опекунъ** 1840 г., т. LXXXVIII, окт., 182.
- Шубертъ, Ѳ. И.**, 1804 г., т. LXXXVII, авг., 448.
- Шубинъ, скульпт.** 1767 года, томъ LXXXVIII, нояб., 389.
- Шуваковъ, гр.** Андр. Петров., поэтъ, р. 1744 г., † 1789 г., т. LXXXVIII, нояб., 441, 450, 451.
- Шуваковъ, гр.** Ив. Ив., сенат., р. 1727 г., † 1798 г., т. LXXXV, янв., 146, т. LXXXVIII, нояб., 472.
- Шуваковъ, гр.** об.-штаб-мейст., 1787 г., т. LXXXVIII, нояб., 444.
- Шуйский, Василій Ивановичъ**, царь, † 1612 г., т. LXXXVII, июль, 119, 123, 124, т. LXXXVIII, декаб., 650.
- Шуйские**, князя, замѣтка объ ихъ родѣ, т. LXXXVII, июль, 118—125.

Шульгинъ, И. П., профес., ректоръ сиб. унв. 1837 г., томъ LXXXVI, июнь, 573, т. LXXXVIII, окт., 174.
Шульгинъ, сиб. об. полиціймейст. 1817 г., т. LXXXV, янв., 18, томъ LXXXVI, май, 295, 315.
Шумигорскій, Евгений Севастіанов, историкъ, т. LXXXVIII, декаб., 690, 691.
Шумлянокій, поруч. польск. войскъ 1830 г., т. LXXXVIII, окт., 213.
Шумскій, Серг. Васильевъ, артистъ т. LXXXVI, май, 356, 359, томъ LXXXVII, июль, 212—218.
Шушеринъ, актеръ 1790 года, томъ LXXXVIII, нояб., 304.
Штакельбергъ, гр., послан. въ Швецію 1792 г., т. LXXXV, февр., 347, 353, мартъ, 570, 577, т. LXXXVI, май, 371, 382, 390, т. LXXXVIII, окт., 205.

Щ.

Щеголовъ, шт.-кап. 1854 г., томъ LXXXVI, июнь, 610.
Щепицъ-Ростовскій, кн., декабр., т. LXXXVI, май, 315, июнь, 461.
Щепицъ, Мих. Сем., артистъ, род. 1788 г., † 1863 г., томъ LXXXVI, апр., 39—43, 52, май, 355—368, т. LXXXVII, июль, 212—214, томъ LXXXVIII, декаб., 628.
Щербатова, княж., фрейлина 1770 г., т. LXXXVIII, нояб., 422.
Щербатовъ, кн., В. Н., 1796 г., томъ LXXXVIII, нояб., 304.
Щербатовъ, кн., Григ. Алексѣевъ, попечит. сиб. учебн. окр., 1858 г., т. LXXXV, мартъ, 559, 640.
Щербиницъ, Мих. Павловъ, чиновн. при канцел. графа М. С. Воронцова 1835 г., т. LXXXVII, авг., 409.
Щербинскій, кам.-юнк., Тырновскій ген.-губ. 1878 г., томъ LXXXVII, июль, 63.
Щуровскій, Григ. Ефимовъ, профес., т. LXXXV, янв., 192.

Э.

Эвальдъ, Вл. Э., преподават. исторіи 1856 г., т. LXXXVII, сент., 617.
Эдлинъ, гр-ня, Роксандра Скарлатовна, рожд. Стурдла, род. 1786 г., † 1846 г., т. LXXXVII, авг., 405—422, т. LXXXVIII, нояб., 472.

Эйлеръ, I. A., академикъ конференцъ-секрет. Акад. наукъ 1775 г., томъ LXXXVII, сент., 458, 460, 466, 467, 468, 470, 481, 482.
Эйлеръ, Леонардъ, акад. 1782 г., т. LXXXVII, акад., 470, 471, 478.
Эйхенъ, Александръ Фел., художникъ 1837 г., т. LXXXVI, июнь, 662, 663.
Эйхенъ, Фел., генер., Петергофскій комендантъ, т. LXXXVI, июнь, 662.
Эвемпларскій, А. В., писатель, т. LXXXVII, июль, 118, 119, 120.
Энгель, Федоръ, управл. мин-тъ вн. дѣлъ 1830 г., т. LXXXVIII, окт., 130.
Энгельгардтъ, Екат. Вас., въ замуж-гр-ня Савронская, во втор. бракъ гр-ня Литта, т. LXXXVIII, октаб., 56, нояб., 444.
Энгельгардтъ, Серг. Петровъ, чиновн. особ. поруч. при новорос. я бессараб. ген.-губ. 1834 г., т. LXXXVI, апр., 198—200.
Энке, помѣщ. 1860 г., томъ LXXXV, 515—518, т. LXXXVI, апр., 57.
Энжуель, А. ст. сов. 1782 г., томъ LXXXVII, сент., 490.
Эртель, Фел., генер., р. 1768 г., † 1825 г., т. LXXXV, мартъ, 499.
Эссель, П. К., ген.-ад., оренб. ген.-губ. 1824 г., сиб. воен. ген.-губернат. 1830 г., т. LXXXVI, май, 422, июнь, 532, т. LXXXVIII, окт., 88, 89, 204, 205, декаб., 497.

Ю.

Юдинъ, П. Л., сообщ.: „Въ Сыртовскихъ дѣбряхъ. Очеркъ изъ прошлаго уральскаго старообрядчества“, т. LXXXV, янв., 105—121, „Графъ В. А. Перовскій въ Оренбургскомъ краѣ“, т. LXXXVI, май, 409—429, июнь, 521—551.
Юсифовичъ, ген.-м. 1820 года, томъ LXXXVI, май, 337.
Юрковъ-Захаръничъ, Пьетла Романовичъ, боярничъ 1552 года, томъ LXXXVII, июль, 115—122.
Ютченко, офиц. польск. войскъ 1830 г., т. LXXXVIII, 661.
Юшкова, Анна Петр., см. Зонтагъ.

Я.

Ягановъ, штабъ-офиц. 1877 г., томъ LXXXV, янв., 74.
Явлькова, Ел. П., т. LXXXVIII, дек., 646.

- Языковъ**, Никол. Мих., т. LXXXVIII, декаб., 617—647.
- Языковъ**, Петръ Мих., т. LXXXVIII, декаб., 646.
- Яковл. Б. С.**, акад. 1852 года, томъ LXXXV, мартъ, 553—557.
- Яковл. И. В.**, т. LXXXVI, май, 411.
- Яковлевъ**, Ив. Алексѣев, помѣщ. 1812 г., т. LXXXV, февр., 414.
- Якубовскій**, Феліксъ, офиц. 1829 г., т. LXXXV, янв., 171.
- Якушкина**, Настасья Васильевна, жена декабр., т. LXXXVIII, дек., 642.
- Якушинъ**, Ив. Дм., декабр., томъ LXXXVIII, декаб., 642.
- декаб., 658, 663, 666, 672.
- Якузь**, Ив., академикъ, сообщ.: „Московскій купецъ конца 17 вѣка“ по отзывамъ иностранца-современника, т. LXXXVI, май, 431—441.
- Яковлевскій**, генер. 1830 года, томъ LXXXVII, сент., 652.
- Ягдальцовъ**, декабр., т. LXXXVI, июнь, 461.
- Янушевичъ**, Евстафій, офиц. польск. войскъ 1830 г., томъ LXXXVIII, окт., 224, декаб., 658, 663, 666, 672.

О.

- Ододоровъ**, Борисъ Мих., писатель 1847 г., т. LXXXVI, июнь, 569.
- Ододоровъ**, Плинта, тит. сов., послѣдоват. секты Татаршиной, томъ LXXXV, февр., 241—251.
- Одотовъ**, художн., томъ LXXXVI, июнь, 655.
- Ододосій**, архиманд. 1837 года, томъ LXXXVII, сент., 529, 530, 531, 536, 537.
- Омнинъ**, штабъ-офиц. 1877 г., томъ LXXXV, янв., 74.
- Омнинъ**, ген.-лейт. 1878 года, томъ LXXXV, февр., 293.

Указатель составила Вѣра Васильевна ТИМОЩУКЪ.

XXVIII г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1897 г.
на иллюстрированный журналъ

Н И В А

выходящій еженедѣльно, со многими бесплатными приложеніями.

Гг. подписчики „НИВЫ“ получаютъ въ теченіе 1897 года:

52 №№ художественно-литературнаго журнала „Нива“, заключающаго въ себя въ теченіе года около 1500 строкъ текста и 500 гравюръ и рисунковъ.

12 ТОМОВЪ СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ
П. Д. БОБОРЫКИНА.

выбранныхъ авторомъ и „Нивомъ“ изъ числа лучшихъ его произведеній и представляющихъ все наиболее выдающееся и дѣльное, что было написано П. Д. Боборыкинымъ въ послѣднія 25 лѣтъ, начиная съ появленія его известнаго романа „Китай-городъ“.

Собраніе романовъ, повѣстей и рассказовъ П. Д. Боборыкина будетъ отпечатано на хорошей глазированной бумагѣ, въ 12 томахъ, которые, подъ заглавіемъ „Сборникъ Нивы“, будутъ выходить въ началѣ каждого мѣсяца и заключать въ себя:

ТОМЪ I. Китай-городъ. Романъ въ 5-ти книгахъ. **ТОМЪ II.** Безъ мужей. Повѣсть царя. Рассказъ. Умереть—уснуть. Рассказъ. Пристроилась. Повѣсть. Безыменная. Рассказъ. **ТОМЪ III.** По чужимъ людямъ. Рассказъ. За красную. Рассказъ. Последняя депеша. Рассказъ. Три афиши. Рассказъ. Голубой лѣвъ. Рассказъ. У планеты. Рассказъ. Изъ новыхъ. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Часть I. **ТОМЪ IV.** Изъ новыхъ. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Части II и III. **ТОМЪ V.** На ущербѣ. Романъ въ трехъ частяхъ. **ТОМЪ VI.** Обречена. Повѣсть. Проѣздомъ. Повѣсть. Вторая отъ воды. Рассказъ. Въ отъѣздъ. Рассказъ. **ТОМЪ VII.** Переваль. Романъ въ трехъ частяхъ. Части I и II. **ТОМЪ VIII.** Переваль. Романъ въ трехъ частяхъ. Часть III. Съ убійцей. Повѣсть. Горлема. Рассказъ. **ТОМЪ IX.** Ходоиъ. Романъ въ трехъ частяхъ. **ТОМЪ X.** Поумтилъ. Повѣсть. Изъ новыхъ. Повѣсть. Морзъ и Юзъ. Рассказъ. **ТОМЪ XI.** Разные выходы. Повѣсть. Трунь. Рассказъ. Василий Теркинъ. Романъ въ трехъ частяхъ. Часть I. **ТОМЪ XII.** Василий Теркинъ. Романъ въ трехъ частяхъ. Части II и III.

При первомъ томѣ будетъ приложенъ гравированный на стали Ф. А. Бронгаузомъ въ Лейпцигѣ портретъ съ автографомъ П. Д. Боборыкина.

12 КНИГЪ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ“, которыя будутъ выходить при „Нивѣ“ въ серединѣ каждаго мѣсяца и содержать въ себѣ романы, повѣсти, рассказы и проч. современныхъ авторовъ.

12 №№ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“, выходящихъ еженѣдно и содержащихъ до 300 модныхъ гравюръ.

12 ЛИСТОВЪ рукодѣльныхъ и вышальныхъ работъ (около 300) и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину, выходящихъ еженѣдно.

„СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ“ на 1897 г., печатанный красками.

Подписная цѣна на годовое изданіе „Нивы“ со всѣми вышеозначенными приложеніями: Безъ доставки въ Спб. 5 руб. Съ доставкою въ Спб. 6 руб. 50 коп. Безъ доставки въ Москвѣ (въ конторѣ Н. Н. Печковской) 6 руб. Съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи 7 руб. За границу 10 руб.

Требованія просятъ адресовать въ С.-Петербургъ, въ главную контору журнала „НИВА“ (А. Ф. МАРКСЪ), Малая Морская, д. № 22.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ПРИРОДА И ЛЮДИ

Издается съ 1889 г.—Издавія годъ VIII.

Пробный № высылается за 7 коп. марку.

Подписной годъ начинается съ 1 ноября, № 1-й выйдетъ 7 ноября 1896 г.

Содержаніе: Фригофъ Хансенъ и его путешествія (съ рис.). В. Семенова.—Русская колонія на Тихомъ океанѣ. Ром. Н. Соколова.—Въ странѣ полумѣсяца. Очерки Турціи Юрія Казн-Бека (съ рис.).—Алжирія. Д. Сославина.—Фотографія души (съ рис.). Очеркъ В. Витгера.—Исторія одного русскаго эмигранта въ Америкѣ. Рассказъ Г. Сѣверцова.—Со всѣхъ концовъ свѣта.—Изъ области естествознанія.—Изъ области техники.—Хроника путешествій.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
5 РУБ. безъ доставки.
Съ доставкой
и пересылкою во всѣ
города Россіи. 6 руб.
за границу 8 рублоѣ.

Журналъ Природа и Люди знакомитъ читателей, въ живомъ и занимательномъ изложеніи, съ чудесами природы и подвигами человѣческаго ума, въ различныхъ отрасляхъ науки и промышленности; сообщаетъ, въ общедоступной формѣ, точныя свѣдѣнія о всѣхъ замѣчательныхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ; раскрываетъ прошлое человѣчества и рисуетъ картины будущаго прогресса людей; наконецъ, служитъ общеполитичнымъ истолкователемъ современной жизни.

Годовые подписчики въ теченіе 1897 года получаютъ:

52 еженедѣльныхъ №№, каждый номеръ, въ размѣрѣ 2 листовъ большаго формата (16 страницъ плотной печати) заключаетъ въ себѣ 6—8 большихъ статей, не помявучая мелкихъ, и 8—12 художественныхъ рисунковъ.
12 ежегодныхъ книгъ, шестико отпечатанныхъ на газетной бумагѣ, съ иллюстраціями, объемомъ каждая отъ 160 до 200 страницъ убоистой печати.

Какъ по содержанію, такъ и по иллюстраціямъ журналъ Природа и Люди—единственное изданіе въ русской печати, и цѣна въ однихъ приложеній равняется подписной цѣнѣ на журналъ Природа и Люди, такъ что только при большомъ количествѣ подписчиковъ редакція имѣетъ возможность дать безплатно столь цѣнное приложеніе, которое выходитъ подъ общимъ названіемъ

„ПОЛЕЗНАЯ БИБЛИОТЕКА“

и въ наступающемъ году будетъ состоятъ изъ слѣдующихъ популярныя сочиненій:

1. «На вѣрблюдѣхъ». Очерки конг. изъ жизни въ Средней Азійи. Н. Уралова.
2. «Какъ узнать характеръ человѣка». Опредѣленіе характера по чертамъ лица (физиогномія), по почерку (графологія), по рукамъ (хиромантія), по головѣ (краниологія) и т. д. Очерки Гр. Ф.—та. 3 и 4. «Натуральность на Ла-Платѣ». У. Г. Хадсона. Съ рис. Перев. съ послѣдн. англійск. изд. 5. «Наши родичи». (Изъ воспомин. о славянск. земляхъ). Очерки и рассказы В. П. Желяховской. 6. «Естественная исторія въ рассказахъ». А. Милъса. 7. «Общедоступная пиротехника». Руководство къ приготавленію домашними средствами фейерверковъ. Д. Оверкова. Со мног. рис. 8. «Современная Турція». Очерки и рассказы о царствѣ османовъ. Ю. Казн-Бека. 9. «Исторія электричества». Д. Менро. Пер. съ англ. подъ ред. Нв. Святскаго. 10. «Во льдахъ и свѣтахъ». (Путешествіе на о-въ Колгуевъ). Перев. съ англійск. А. Фляшова. 11. «Исторія воздухоплаванія». По Л. Фиглье и др. источникамъ сост. Гр. Ф.—тъ. 12. «Въ дебряхъ Азіи». Очерки экспедиціи ген.-м. Пѣцова. Обработ. Н. Соколовъ.

Контора и редакція журнала Природа и Люди: С.-Петербургъ, Стремянная, № 12, соб. л.

Распродажа допускается не иначе какъ: при подпискѣ 3 р. и въ 1 мал. остальные.

Для гг. служащихъ какъ въ казенныхъ, такъ и въ частныхъ учрежденіяхъ, допускается распродажа за ручательствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ.

За 1889—1890 и 1896 г. журналъ বেশ разошелся: за 1891, 1892, 1893, 1894 и 1895 гг. остались въ небольшомъ колич. экзempla., цѣна которыхъ въ брошюров. видѣ, со всѣми приложеніями 4 руб. за каждый годъ, а въ роскошн. переплетѣ 5 руб. Перев. за 10 фунт.

Издатель П. Сейминъ.

по вѣсу и разстоянію.

Редакторъ С. Грудозовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА
„ИЛЛЮСТРИРОВАННУЮ БИБЛИОТЕКУ НИВЫ“,

СОДЕРЖАЩУЮ ВЪ СЕБѢ на 1897-й годъ

ИСТОРИЮ ИСКУССТВЪ

(архитектуры, скульптуры, живописи и проч., и проч.)

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ,

ВЪ ПОПУЛЯРНОМЪ, ОБЩЕДОСТУПНОМЪ ИЗЛОЖЕНІИ П. П. ГНѢДИЧА.

„Исторія Искусствъ“ выйдетъ въ свѣтъ въ теченіе 1897 г., въ видѣ 12-ти ежемѣсячныхъ выпусковъ,—по одному выпуску въ началѣ каждаго мѣсяца,—которые составятъ три большихъ тома in quarto, заключающихъ въ себѣ около 2000 гравюръ и 30 хромофотографій.

Исторія искусствъ служитъ необходимымъ дополненіемъ къ общей исторіи человѣчества и не только пополняетъ намъ сухіе факты политической вѣдѣи жизни народа болѣе вѣскими и болѣе важными фактами его внутренней, духовной жизни, которая выразилась въ цѣломъ рядѣ величавыхъ памятниковъ водчества, въ живой лѣтописи произведеній скульптуры и живописи. Поэтому знаніе исторіи искусствъ является въ настоящее время одною изъ главныхъ основъ общаго образованія, а иллюстрированное изданіе «Исторіи Искусствъ» — настоятельною книгою, необходимою въ библиотекѣ каждаго образованнаго человѣка.

Изданіе наше въ свое время «Исторіи Искусствъ съ древнѣйшихъ временъ» въ талантливомъ изложеніи П. П. Гнѣдича разошлось до послѣдняго экземпляра, сдѣлалось почти библиографическою рѣдкостью. Между тѣмъ потребность въ такой книгѣ возрастала болѣе и болѣе, соразвѣрно съ быстрымъ развитіемъ вкуса къ художествамъ, такъ осязательно проявившагося въ нашемъ обществѣ за послѣднее время. Притомъ и у насъ и за границею за это время появилось много новаго матеріала, въ высшей степени важнаго для изученія и пониманія различныхъ эпохъ развитія искусства. Поэтому мы нашли вполне своевременнымъ и отвѣчающимъ насущной потребности — выпустить новое изданіе «Исторіи Искусствъ», но въ совершенно переработанномъ и обновленномъ видѣ. — Матеріалъ оказался въ такой степени обильнымъ и богатымъ, что изъ одного тома (дѣйствительно изданнаго нами) образовалось цѣлыхъ ТРИ ТОМА, а вмѣстѣ прежнихъ 430 рисунковъ въ новое изданіе вошло около 2000 снимковъ и, сверхъ того, около 30 художественно-исполненныхъ хромофотографій, печатанныхъ въ 18—25 красокъ.

Благодаря такому увеличенію въ объемѣ и по количеству рисунковъ, новое изданіе «Исторіи Искусствъ» въ мнѣномъ и доступномъ для каждаго изложеніи даетъ ПОЛНУЮ И ШИРОКО НАПИСАННУЮ КАРТИНУ развитія различныхъ отраслей художества на всемъ пространствѣ историческаго міра: на дальнемъ Востокѣ — въ Египтѣ, Индїи, Вавилоніи и Персіи; въ Греціи и Римѣ; древне-христіанское искусство; средне-вѣковое христіанское искусство съ византийскимъ, романскимъ и готическимъ періодами; древне-русскіе церковные памятники; эпох. Возрожденія; голландская и фламандская школы; искусство въ Испаніи, Германіи и Франціи; современное русское искусство; живопись декоративная, исторія костюма въ Европѣ и проч. Наряду съ характеристиками различныхъ эпохъ, «Исторія Искусствъ» даетъ подробныя біографіи наиболее выдающихся художниковъ и копій съ ихъ лучшихъ произведеній.

Такому богатому и разнообразному содержанию текста вполне соответствует роскошная и изящная внешность издания, которую мы постарались приравнять къ подобнымъ же художественнымъ изданиямъ европейскимъ. Въ то же время, назначивъ весьма умеренную цѣну и допустивъ разсрочку платежа, мы сдѣлали приобретение этого роскошнаго изданія доступнымъ каждому, желающему пополнить пробѣлы своего образования такую важною областью знанія, какъ исторія искусствъ съ древнѣйшихъ временъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ВСЕ ИЗДАНИЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургъ.....	12 руб.		Съ доставкою въ СПб. и съ перес. въ Москву и во всѣ города и мѣстности Россіи.....	14 руб.
Безъ доставки въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печовской, Петровскія линіи.....	13 руб.		Съ пересылкою за границу..	16 руб.

Допускается разсрочка платежа на 2, 3, 4 и 6 сроковъ

Первый выпускъ, который выйдетъ въ свѣтъ въ серединѣ декабря 1896 г., для ознакомленія съ изданіемъ продается отдѣльно въ конторѣ изданій А. Ф. МАРКСА и высылается иногороднимъ за 1 руб., который можно прислать почтовыми марками въ закладныхъ письмахъ.

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ на „Исторію Искусствъ“, украшенное многими гравюрами, высылается вѣсьмъ интересующимся изданіемъ бесплатно

Требованія и деньги адресовать **ВЪ КОНТОРУ ИЗДАНИЙ А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ, Малая Морская, № 22.**

1—1

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“
(34-й годъ изданія).

Въ Москвѣ	На города	За границу
съ доставкой:	съ пересылкой:	съ пересылкой:
на 12 мѣсяцевъ 10 р. — к.	на 12 мѣсяцевъ 11 р. — к.	на 12 мѣсяцевъ 18 р. — к.
„ 6 „ 5 „ 50 „	„ 6 „ 6 „ — „	„ 6 „ 9 „ — „
„ 3 „ 3 „ — „	„ 3 „ 3 „ 50 „	„ 3 „ 4 „ 80 „
„ 1 „ 1 „ — „	„ 1 „ 1 „ 20 „	„ 1 „ 1 „ 90 „

„Русскія Вѣдомости“ будутъ выходить ежедневно, не исключая дней послѣ-праздничныхъ, листами большаго формата, съ приложеніемъ, по мѣрѣ надобности, добавочныхъ листовъ.

Составъ постоянныхъ сотрудниковъ и программа газеты остаются прежніе.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями о подпискѣ въ Москву въ контору „Русскихъ Вѣдомостей“, Никитская, Чернышевскій пер., д. № 7.

Для гг. иногороднихъ подписчиковъ, затрудняющихся единовременнымъ взносомъ годовой платы, допускается разсрочка при непремѣнномъ условіи непосредственнаго обращенія въ контору газеты, а не черезъ книжные магазины: а) при подпискѣ 6 р. и къ 1-му іюня 5 руб. или б) при подпискѣ 5 руб., къ 1-му марта 3 руб. и къ 1-му августа 3 р. Въ случаѣ невноса денегъ въ срокъ, дальнѣйшая высылка газеты приостанавливается.

Для воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, учителей и учительницъ городскихъ и сельскихъ школъ въ Москвѣ съ доставкой на 1 мѣсяць — 85 коп., съ пересылкой въ другіе города на 1 мѣсяць — 1 руб. 2—1

О ПОДПИСКѢ на 1897 г.

на еженедѣльный художественный и юмористическій журналъ каррикатуръ

Условія подьяски
съ перес. и доставк.:
На годъ..... 7 руб.
На 6 мѣс..... 4 »
За границу..... 10 »
Разсрочка по соглаше-
нію съ конторою.

ШУТЬ

Условія подьяски безъ
перес. и доставк.:
На годъ... 6 р. 50 к.
На 6 мѣс.. 3 » 50 »
Адресъ редакціи:
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СПАСНАЯ, 17.

Въ теченіе года журналъ „ШУТЬ“ помѣщаетъ:

Болѣе трехсотъ раскрашенныхъ рисунковъ (хромолитографія). Болѣе тысячи каррикатуръ—перомъ и карандашомъ. Не менѣе семисотъ столбцовъ разнообразнаго юмористическаго текста. Тысячи стихотвореній, разсказы, анекдотовъ, курьезовъ, шарадъ, задачъ, ребусовъ и т. п. Каррикатуры-рецензіи на всѣ новыя пьесы, даваемыя на сценахъ столичныхъ театровъ. Каррикатуры на худож. выставки, скачки, маскарады, гонки и т. п. Портреты выдающихся дѣятелей.

Въ каждомъ № журнала, въ теченіе года, будутъ помѣщаться:
ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ ГЕРОЕВЪ И ГЕРОИНЬ ДНЯ.

3—1

За редактора—издатель Р ГОЛМКЕ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА на 1897 годъ

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются: I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученныя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученнымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованныя факультетами труды постороннихъ лицъ. II. Въ отдѣлѣ критики и библиографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертации, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе награды; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и заграничній книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библиографическіе отамвы и замѣтки. III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспугахъ, статьи, посвященныя обзорѣю коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, биографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, состоявшихъ близко къ Казанскому университету; обзорѣи преподаванія, распределенія лекцій, актовъ отчетъ и проч. IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературныя съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованныя. Ученныя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній. Подлинная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета. Редакторъ В. Мищенко.

3—1

1835

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

1897

на большой семейный иллюстрированный и литературный журнал
ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ
 ШЕСТЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Возрастающая съ каждымъ годомъ распространенность журнала Живописное Обозрѣніе, даетъ возможность въ 1897 г. сдѣлать важныя и существенныя улучшения въ издаваніи, не бывавшія до сихъ поръ ни въ одномъ журналѣ, заключающіеся въ увеличеніи литературнаго матеріала для чтенія въ четыре раза болѣе противъ прежнихъ лѣтъ и въ усовершенствованіи внѣшняго вида до изящества дорогихъ заграничныхъ изданій, не возвышая прежней скромной подписной платы, что въ общемъ дастъ гг. подписчикамъ

ДВА САМОСТОЯТЕЛЬНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ИЗДАНІЯ

I) ЕЖЕМѢДѢЛЬНЫЙ, СЕМЕЙНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

52 иллюстрированныхъ номера изящной литературы исключительно известныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Каждый номеръ **52** состоитъ, въ общемъ, изъ 2¹/₂—3 листовъ большаго формата, отпечатанныхъ на роскошной бѣлой бумагѣ съ 7—10 рисунками.

При номерахъ журнала, между прочимъ, въ теченіе года выдается:

1. 52 номера—Хроника событій за недѣлю.—2. 12 номеровъ «Парижскихъ новѣйшихъ модъ» съ рисунками.—3. 12 раскрашенныхъ картинъ (модные дамскіе костюмы и рукодѣлія).—4. рисунки для вышивки бѣзья, платяевъ, костюмовъ, шерстянъ, суриками, шелкомъ, золотомъ и проч.—5. 12 выроекъ въ натуральную величину.—6. Рисунки для выпиванія (оригинальные) разныхъ изящныхъ предметовъ, полезныхъ въ хозяйствѣ.—7. 12 новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ (романы, танцы и проч.).—8. Стѣнной календарь, отпечатанный пѣтлыми красками и золотомъ.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ НОВОСТЬ ПРИ ЖУРНАЛѢ
 ЕЖЕМѢСЯЧНО БУДЕТЪ ВЫДАНЪ ОДИНЪ НУМЕРЪ ЖУРНАЛА

СЪ КАРТИНАМИ ИЗВѢСТНЫХЪ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ
 ОТПЕЧАТАННЫХЪ ВЪ НѢКОЛЬКО ТОНОВЪ ЦВѢТН. КРАСКАМИ
 по образцу дорогихъ заграничныхъ иллюстрированныхъ изданій

II) ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

ДВѢНАДЦАТЬ БОЛЬШИХЪ ТОМОВЪ

Въ составъ которыхъ входятъ: Новые историческіе, этнографическіе и современные романы, повѣсти, рассказы русскихъ и иностранныхъ писателей, а также стихотворенія, научныя, сельско-хозяйственныя статьи, сѣтсѣ и проч.

Ежегодно выходитъ одинъ томъ (между 1 и 10 числами), изящно отпечатанный, въ форматѣ книгъ «Вѣстника Европы» и другихъ большихъ дорогихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, въ размѣрѣ отъ 20 до 25 листовъ. Въ каждомъ томѣ помѣщаются только новыя литературныя произведенія, а не перепечатка старыхъ сочиненій. Въ каждомъ томѣ помѣщается обязательно одинъ или два законченныхъ романа, нѣтъ концы въ некоторые будутъ съ иллюстраціями и портретами.

ПОДПИСНАЯ ГОДОВАЯ ЦѢНА ПРЕЖНЯЯ.

НА ГОДЪ съ доставкой и по Имперіи: 8 р.—Безъ доставки въ Спб. 7 р.—въ Москвѣ 7 р. 75 к. На полгода (съ доставкой по Имперіи) 4 р.—На три мѣсяца 2 р. За границу: на годъ—16 р. Разорочка вносится на другіе сроки донючается, но по соглашенію съ Главною Конторою.

Годовые подписчики журнала «Живописное Обозрѣніе», желающіе приобрести новое художественное изданіе—«Библия въ картинкахъ знаменитаго художника Г. Дорэ» (200 картинъ съ текстомъ и въ оберткѣ), улачиваютъ 1 р. 50 к. за экземпляръ съ доставкой, а за прежнія изданія: портреты Имъ Величествъ, «Вурлаки на Волгѣ», «Аеоль» и проч., улачиваютъ за каждый экземпляръ картины (съ доставкой)—ОДИНЪ РУБЛЬ. Безъ доставки въ Спб.—75 коп.

Главная контора журнала: Спб. Невскій проспектъ, д. № 68—40.

Иллюстрированное объявленіе и списокъ изданій высылаются безплатно. 3—1

годъ изд. 85-й.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

годъ изд. 85-й.

1812

Большая ежедневная политическая и литературная газета
(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

1897

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

ПЕЧАТАЕТСЯ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ ДВУХЪ ИЗДАНИЯХЪ

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ЛИСТАМИ БОЛЬШОГО ФОРМАТА

СЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНИЯМИ

Въ ежедневныхъ номерахъ газеты сообщается о всѣхъ выдающихся событіяхъ въ придворной, духовной и военной сферахъ, а также всѣ важныя новости для столичной, внутренней и иностранной жизни, по свѣдѣніямъ специальныхъ корреспондентовъ газеты и телеграммъ, одновременно съ другими дорогими изданіями, а потому газета «Сынъ Отечества» въ первомъ (большомъ) изданіи

ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЕТЪ ДОРОГОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ

Кромѣ ежедневныхъ номеровъ газеты, годовые подписчики получаютъ:

1) 52 номера воскресныхъ приложеній, печатаемыхъ на велевой глазированной бумагѣ, въ видѣ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала, гдѣ помѣщаются романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и болѣе 300 художественныхъ рисунковъ. 2) 12 номеровъ «моды и рукодѣлія», замѣняющіе «модный журналъ». 3) стѣнный календарь рассылается какъ прибавленіе при первомъ номерѣ газеты.

НОВОЕ БЕСПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Въ числѣ 52-хъ бесплатныхъ приложеній всѣ годовые подписчики газеты «Сынъ Отечества» (первое изданіе), въ 1897 году, получаютъ:

ТРЕТІЙ ТОМЪ ИЗБРАННЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ИЗВѢСТНАГО ПИСАТЕЛЯ**А. МИХАЙЛОВА — «ГРѢХИ ПРОШЛАГО»**

Большой романъ, не вошедшій въ «Полное собраніе сочиненій».

Подписная цѣна на первое изданіе (съ доставкой): На годъ 8 р. — На полгода 4 р. — На три мѣсяца 2 р. — На одинъ мѣс. 1 р. Разсрочка взносовъ допускается, но по соглашенію съ главнымъ конторою.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

выходитъ ежедневно. Въ номерахъ газеты помѣщаются всѣ выдающіяся новости, а также придворныя, административныя, военныя и научныя извѣстія и телеграммы

ОДНОВРЕМЕННО СО ВСѢМИ ДРУГИМИ ДОРОГИМИ ИЗДАНИЯМИ

Каждый воскресный номеръ въ 1897 году будетъ выходить въ развѣрѣ отъ 12 до 16 страницъ, отпечатанныхъ на глазированной бумагѣ, съ художественно выполненными портретами Высочайшихъ особъ, современныхъ (русскихъ и иностранцевъ) государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, а также иллюстраціями торжествъ и событій, сосредоточивающихъ на себѣ, въ извѣстный моментъ, особое вниманіе русскаго общества.

Подписная цѣна на второе изданіе (съ доставкой и пересылкою по Россіи): На годъ 4 р. На полгода 2 р. На три мѣсяца 1 р.

Годовые подписчики газеты „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“, въ 1897 году могутъ получить новое роскошное изданіе, необходимое для каждой семьи, а именно:

НОВЫЙ БОЛЬШОЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ**„БИБЛИЯ ВЪ КАРТИНАХЪ ЗНАМЕНИТАГО ХУДОЖНИКА Г. ДОРЭ“**

(200 картинъ съ пояснительнымъ текстомъ и въ изящной оберткѣ).

Цѣна альбома для подписчиковъ (съ доставкой) 1 руб. 50 к.

Желающіе приобрести, вмѣсто премій, художественныя изданія (портреты Ихъ Императорск. Величествъ, «Аевъ», «Бурлаки на Волгѣ», «Жертва Волги» и другіе за прежніе года), уплачиваютъ за каждый экземпляръ съ доставкой—1 РУБЛЬ. Безъ доставки—75 коп.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: СЛБ., НЕВСКІЙ ПР., У АНИЧКИНА МОСТА, Д. № 68—40.

Иллюстрированное объявленіе и списокъ художественныхъ изданій высылаются бесплатно.

Годъ изд. 3-й.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1897 г.

Годъ изд. 3-й.

общее еженесячное литературное издание выходитъ въ форматъ и объемъ болшихъ дорогихъ литературныхъ еженесячныхъ журналовъ подъ названіемъ:

ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА

ВЪ СОСТАВЪ КНИЖЕКЪ ИХОДЯТЪ:
НОВЫЕ РОМАНЫ, ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ (ИСТОРИЧЕСКІЕ И СОВРЕМЕННЫЕ)
РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Книжки «Домашней библиотеки» выходятъ еженесячно аккуратно между первымъ и десятимъ числами, въ форматъ болшихъ журналовъ, какъ напечатать: «Вѣстникъ Европы», и др. въ размѣрѣ 20—25 листовъ (отъ 320—400 страницъ) убогой печати, что составитъ въ годъ болше 5.000 страницъ интереснаго чтенія, въ изящномъ изданіи. «Домашняя библиотека» даетъ обильный и полезный матеріалъ для семейнаго чтенія, какъ для городскихъ и сельскихъ подписчиковъ, такъ и вообще для лицъ, не имѣющихъ возможности выписывать дорого стоящие журналы. Въ книжкахъ «Домашней библиотеки» помѣщаются только новыя литературныя произведенія (русскихъ и иностранныхъ) писателей, а не перепечатки старыхъ сочиненій, какъ это практикуется въ нѣкоторыхъ изданіяхъ. Въ каждой книгѣ обязательно помѣщаются одинокіе или два законченныхъ романа, а также научныя, сельско-хозяйственныя статьи и смѣсь. Встрѣтивъ со стороны читателей какъ матеріальную поддержку, такъ и выраженіе сочувствія въ многочисленныхъ письмахъ, мы не оставили и въ дальнѣйшихъ расходахъ, чтобы поставить журналъ въ рядъ лучшихъ и полезныхъ изданій. Съ этою цѣлью мы пригласили къ участию въ нашемъ изданіи извѣстныхъ писателей и журналистовъ, новыя литературныя произведенія которыхъ начнутъ печатаніемъ съ первыхъ же книжекъ журнала.

Для книгъ «ДОМАШНЕЙ БИБЛИОТЕКИ» приобретены слѣдующія новыя оригинальныя произведенія, извѣстныхъ и любимыхъ публикою русскихъ писателей:

Михайловъ, А. (А. К. Шеллеръ). «Лѣвъ дремучій», большой романъ. — Соловьевъ, Вс. С. (авторъ романовъ «Сергій Горбатовъ» и др.) «Угасшая звезда», романъ. — Полевой, П. Н. «Странный анекдотъ», большая повѣсть. — Яценскій, І. І. («Максимъ Бѣлинскій»). «Ясное утро». Большой романъ. — Случевскій, Н. К. «Мой дядя», рассказъ. — Голицынъ, Д. П. князь («Муравьевъ») «Рѣзаниновъ». Ром. изъ больш. свѣта. — Гитдинъ, П. П. «Чужое», повѣсть. — Волковскій, М. И. князь (бывшій редакторъ «Нивы»). «Дуэль», повѣсть. — Станюковичъ, К. М. Рассказъ. — Баранцевичъ, Н. С. Большой рассказъ. — Тихановъ, В. А. (бывшій редакторъ «Сѣвера») «Нехорошее дѣло», романъ. — Щегловъ-Леонтьевъ, М. А. «Неудача», повѣсть. — Станційскій (А. Е. Головачева). «Любимница», повѣсть. — Величъ В. Л. «Принципы», рассказъ. — Башкинъ, Н. Ф. «Часъ», повѣсть. — Мерещиковскій Д. С. «Святой городъ», повѣсть. — Назарова, Н. В. «Болотные огоньки», большой романъ. — Рышниковъ, В. А. «Старыя дѣвы», повѣсть. — Тамбова, Е. А., книжкина. «Чужая тайна», большой романъ. — Лебедевъ, В. П. «Стрѣлецъ царя Алексія Михайловича», историческая повѣсть. — Леманъ, А. М. «Подвигъ», больш. ром. — Федоровъ, А. М. «Въ степи», больш. романъ. — Яковлева, З. Ю. «Кто виноватъ?», романъ. — Чумина, О. Н. «Злая чары», пов. — Красновъ, П. Н. «Между двухъ огней», романъ. — Максимовъ, А. К. «Такъ суждено», большой ром. — Свѣтловъ, В. А. «Черный прирастъ», повѣсть. — Заринъ, А. Е. «Призваніе», больш. романъ. — Будищевъ, А. Н. «Рѣка Калканскъ», пов. — Ежовъ, М. Н. «Случайные гости», повѣсть. — Меньшиковъ, Н. «Игра судьбы», ром. — Уманецъ, Е. О. «За что?», повѣсть. — Гербановскій, Т. М. «Солнышко пригрѣло», рассказъ. — Янушинъ-Захарычъ, М. Н. «Сюда» рассказъ — Леонтьевъ, Н. В. «Вроджжакъ» рассказъ. — Гиппиусъ, З. Н. «Неудовимая», рассказъ. — Майковъ, М. «Друзья-соперники», рассказъ. — Измайловъ («Смоленскій»), А. А. «На зарѣ жизни». — Миловайскій, П. І. «Дочь ростовщика», романъ — Створцовъ, Г. Т. «Нравственнымъ калѣки», повѣсть. — Казимовъ, Юрій. Рассказы изъ жизни черкесовъ до ихъ покоренія. — Анонасьевъ, М. М. «Поворное наследство», романъ и проч.

Въ приложеніяхъ журнала «ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА» будетъ, между прочимъ, напечатанъ новый большой романъ ЖЮЛЯ ВЕРНА.

Подписная цѣна на «Домашнюю библиотеку» (съ доставкою по Имперіи). На годъ (за 12 книгъ) 4 р. На полгода (за 6 книгъ) 2 р. 50 к. За границу (на годъ) 8 р. съ подинской просятъ обращаться къ главной конторѣ:

С.-Петербургъ, Невскій пр., у Аничкина моста, д. № 68—40.

За редактора А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ).

Издатель С. Добродневъ.

XIII г. изд.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

XIII г. изд.

„ВОКРУГЪ СВѢТА“

на иллюстрированный журналъ путешествій и приключеній на сушѣ и на морѣ

въ теченіе года подписчики получаютъ:

50 еженедѣльн. иллюстрирован. №№, содержаніе которыхъ составляютъ романы, повѣсти, путешествія, популярно-научныя статьи и многочисленные рисунки.

БЕЗПЛАТНО

12 томовъ, иллюстр. знамен. художн., Эмилемъ Байлардомъ, Собраніе сочиненій

Жюль Верна

Собраніе это будетъ состоять изъ 12 томовъ большаго формата, и въ него войдутъ восемь слѣдующихъ романовъ, переведенныхъ съ полныхъ французскихъ изданій безъ всякихъ измѣненій и сокращеній:

I. 80,000 верстъ подъ водою 2 т. II. Дѣти капитана Гранта 2 т. III. Таинственный островъ 3 т. IV. Воздушный корабль. V. Зеленый лучъ. VI. Вокругъ свѣта въ 80 дней. VII. Вверхъ дномъ. VIII. Путешествіе къ центру земли.

Кромѣ того подписчики при доплатѣ одного рубля получаютъ

2 РОСКОПНЫЯ ПРЕМІИ,

состояція изъ двухъ художествен. картинъ (олеографій).

Картини, размѣромъ каждая 20^{1/2} вершковъ въ длину и 13^{1/2} вершковъ въ ширину, исполнены въ артистическомъ заведеніи братьевъ Науфманъ въ Берлинѣ.

Съ оригинала художника Кодратенко.

1. ЮЖНЫЙ БЕРЕГЪ КРЫМА

Съ видомъ Ялты.

2. Видъ Днѣпра у Кіева.

Оригиналы этихъ картинъ специально заказаны для премій 1897 года.

Подписная цѣна на журналъ остается прежняя:

НА ГОДЪ съ собран. соч. Жюль Верна съ доставк. и перес. **4 Р.**

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., къ 1-му апрѣля и 1-му іюля по 1 р.—За премію—при послѣднемъ взносѣ.

Адресъ редакціи: Москва, Валовая ул., д. Т-ва И. Д. Сытина.

Кромѣ того подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы, Петербурга и другихъ городовъ Россіи.

Журналъ издается Высочайше утвержд. Т-мъ И. Д. СЫТИНА.

3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЬ,

посвященный разработкѣ и возможно болѣе всестороннему восстановленію и выясненію мѣстной исторіи, характеристическихъ особенностей народнаго міровоззрѣнія и вѣками выработавшихся бытовыхъ отношеній въ южной Руси. Выполненію этихъ задачъ будутъ посвящены всѣ три главныя отдѣла журнала: 1) оригинальныя статьи; 2) документы, извѣстія и замѣтки; 3) критика и библиографія. Сверхъ того, редація постарается расширить отдѣлъ библиографическихъ справокъ и отдѣлъ приложеній, въ который войдутъ: а) рисунки, исполненные фотографіей и б) не менѣе одного печатнаго листа въ каждомъ номерѣ цѣнныхъ научныхъ матеріаловъ.

Объемъ каждой книжки журнала не менѣе 12 листовъ.

Въ 1897 году журналъ будетъ издаваться при участіи слѣдующихъ лицъ: Проф. В. Б. Антоновича, А. А. Андріевского, Н. Ф. Бѣлашевскаго, проф. Д. И. Багалъя, Н. П. Василенка, В. П. Горленка, проф. П. В. Голубовскаго, проф. Н. П. Дашкевича, П. С. Ефименка, А. Я. Ефименко, П. И. Житецкаго, И. П. Житецкаго, проф. В. С. Иконникова, И. М. Каманна, Е. А. Кавлицкаго, Ф. А. Кудринскаго, прот. П. Г. Лебединцева, О. И. Левицкаго, А. М. Лазаревскаго, проф. И. В. Лучицкаго, Л. С. Личкова, В. Г. Ляскаронскаго, проф. Ф. Г. Мищенко, Н. В. Молчановскаго, К. П. Михальчука, В. А. Микотина, Ф. Д. Николаичика, прот. П. Орловскаго, проф. Н. И. Петрова, В. К. Пискорскаго, В. С. Познанскаго, Л. В. Падалки, А. А. Русова, проф. Н. Ф. Сумцова, проф. Н. И. Стороженка, Н. В. Стороженка, А. В. Стороженка, А. І. Степовича, Б. Н. Сторожева, Л. Д. Синицкаго, проф. Ф. Титова, М. К. Чалаго, Я. Н. Шульгина, Н. В. Шугурова, В. И. Щербини, В. Н. Ястребова и др.

Получивъ разрѣшеніе напечатать составленный подъ редакціей В. Науменка и Е. Тимченка „Малороссійскій Словарь“, который въ полномъ видѣ займетъ болѣе 100 печатныхъ листовъ въ 2 столбца, редація „Кіевской Старины“ рассчитываетъ въ теченіе 1897 г. выпустить въ свѣтъ 2-й томъ этого словаря, объемомъ до 25 печатныхъ листовъ. Этотъ томъ составитъ безплатное приложеніе для подписчиковъ журнала „Кіевская Старина“ въ 1897 году.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

	на годъ.
Съ пересылкой и доставкой.	10 р. — к.
Безъ доставки и пересылки.	8 » 50
За границу.	12 » —

Разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей.

Въ редакціи продаются полныя экземпляры „Кіевской Старины“ за всѣ прежнія годы, кромѣ 1882 и 1886, по 8 р. годъ, а отдѣльныя книжки журнала по 1 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи.

(Кіевъ, Кузнечная ул., 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Издатель К. М. ГАМАЛѢЙ.

Редакторъ В. П. НАУМЕНКО.

3—1

Открыта подписка на 1897 годъ

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ЮЖНЫЙ КРАЙ

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: 1. Дѣйствія правительства. 2. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внешней политики и общественной жизни. 3. Обзорные газеты и журналы. 4. Телеграммы специальныхъ корреспондентовъ «Южнаго Края» и «Россійскаго Телеграфнаго Агентства». 5. Последнія извѣстія (сообщеніе собственныхъ петербургскихъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ). 6. Мѣстная хроника. 7. Наука и искусство. 8. Театръ и музыка. 9. Отголоски (маленькій фельетонъ). 10. Вѣсти съ юга, корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. 11. Со вѣтъ концовъ Россіи: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. 12. Вишнія извѣстія, заграничная жизнь, послѣдняя почта. 13. Фельетонъ: научный, литературный, художественный и общественной жизни. Баллетристика. 14. Судобная хроника. 15. Критика и библиографія. 16. Смѣсь. 17. Виржевая хроника и торговый отдѣлъ. 18. Почтовый ящикъ. 19. Календарь. 20. Справочныя свѣдѣнія: дѣла, назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. Свѣдѣнія о прибывшихъ грузахъ на ст. Харьковъ и другія. 21. Сторонніе сообщенія. 22. Объявленія. Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

Въ «Южномъ Краѣ» помѣщаются портреты особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и волатипажи, имѣющіе отношеніе къ текущимъ событіямъ.

Съ конца текущаго 1896 года «Южный край» будетъ печататься новыми, болѣе удобными шрифтами, что дастъ возможность значительно увеличить объемъ содержания газеты.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1897 Г.

съ пересылкой иногороднимъ:

На 12 мѣс. 11 р., на 11 мѣс. 10 р. 50 к., на 10 мѣс. 10 р., на 9 мѣс. 9 р. 20 к., на 8 мѣс. 8 р. 50 к., на 7 мѣс. 7 р. 80 к., на 6 мѣс. 7 р., на 5 мѣс. 6 р., на 4 мѣс. 5 р., на 3 мѣс. 4 р., на 2 мѣс. 3 р., на 1 мѣс. 1 р. 50 к

съ доставкой въ Харьковѣ:

На 12 мѣс. 10 р., на 11 мѣс. 9 р. 50 к., на 10 мѣс. 9 р., на 9 мѣс. 8 р. 25 к., на 8 мѣс. 7 р. 50 к., на 7 мѣс. 6 р. 75 к., на 6 мѣс. 6 р., на 5 мѣс. 5 р. 25 к., на 4 мѣс. 4 р. 50 к., на 3 мѣс. 3 р. 40 к., на 2 мѣс. 2 р. 40 к., на 1 мѣс. 1 р. 20 к

Допускается разсрочна платежа за годовую экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ Харьковѣ — въ главной конторѣ газеты «Южный Край», на Николаевской площади, въ Городекомъ домѣ.

Редакторъ-издатель А. А. ЮЗЕФОВИЧЪ.

3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ТРИ ИЗДАНИЯ 1897 Г.:

I.

НОВОСТИ ДНЯ

издания годъ XV-й

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

съ портретами государственныхъ и общественныхъ дѣятелей

Подписная цѣна въ Москвѣ и на города: съ доставкою на годъ—8 р., на шесть мѣсяцевъ—5 р. 50 к., на три мѣсяца—3 р., на одинъ мѣсяць—1 руб.

II.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Выходятъ ежемѣсячными книжками и даютъ въ русскомъ переводѣ лучшія произведенія иностранныхъ писателей: французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, итальянскихъ, шведскихъ и проч.

Подписная цѣна на годъ 8 р. Выходитъ съ ежемѣсячнымъ литературнымъ приложениемъ «СЕМЬЯ» на годъ 4 рубля.

III.

Ежедневное иллюстрированное литературное изданіе

СЕМЬЯ

Выходитъ по слѣдующей программѣ, называя литература (романы, повѣсти, рассказы, очерки, стихотворенія, драматическ. произведенія—оригинальныя и переводныя); научныя обзорныя, литературная, театральная, музыкальная и художественная критика; историческіе очерки и путешествія; біографія; спортъ всѣхъ видовъ; изобрѣтенія, хозяйственныя сообщенія, моды, сѣть; задачи, шарады, ребусы, игры, музыкальныя ноты; почтовый ящикъ; иллюстраціи ко всѣмъ отдѣламъ, портреты выдающихся дѣятелей, рисунки, посвященія къ рисункамъ, вышетки и преміи.

Подписная цѣна 2 руб. въ годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ВСѢ ТРИ ИЗДАНИЯ 12 РУБ.

За эту сумму подписчикъ, слѣдовательно, получаетъ: 1) годовой экземпляръ газеты «Новости Дня»; 2) ежемѣсячный журналъ «Новости Иностранной Литературы»; 3) ежемѣсячное иллюстрированное приложение «Семья».

«Новости Дня» и «Новости Иностранной Литературы» въ годъ—11 р. «Новости Дня» и «Семья»—10 р. Адресъ: Москва, «Новости Дня».

Въ главной конторѣ газеты «НОВОСТИ ДНЯ» продается АЛЬБОМЪ

КОРОНАЦИОННЫЯ ТОРЖЕСТВА

(Изданіе «НОВОСТЕЙ ДНЯ» и «СЕМЬИ»).

Альбомъ отпечатанъ на хорошей бумагѣ и заключенъ въ изящную обложку, украшенную акварельнымъ рисункомъ Л. О. Пастернака. Текстъ альбома заключаетъ въ себѣ историческую часть и подробное описаніе коронационныхъ торжествъ въ май 1896 г. Въ альбомѣ помѣщено 90 рисунковъ и 100 портретовъ и группъ.

Цѣна альбому 2 руб., съ пересылкой 2 руб. 50 коп.

1897.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

1897.

Открыта подписка на 1897 годъ
на ежемѣсячный ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

ВѢСТНИКЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Въ 1897 году „ВѢСТНИКЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“ будетъ издаваться въ своемъ обычномъ объемѣ. Въ составъ журнала войдутъ: Классическія произведенія.— Романы, повѣсти и разсказы.— Маленькая юмористика.— По вопросамъ общественнымъ и нравственнымъ.— Критическіе этюды.— Новое о знаменитыхъ писателяхъ.— Россія за границей.— Научныя новости.— Историческіе очерки разсказы и анекдоты.— Изъ заграничной хроники.— Стихотворенія.— Мелочи.

Съ января 1897 года въ приложеніи будетъ печататься историко-литературная монографія

ГЕОРГА БРАНДЕСА ВИЛЛЯМЪ ШЕКСПИРЪ.

Исторія его жизни и дѣятельности по его твореніямъ и на основаніи критическаго изслѣдованія наилучшихъ источниковъ Шекспировой литературы.

Въ трехъ частяхъ своею труда Георгъ Брандесъ прослѣживаетъ жизнь и творчество Шекспира въ условіяхъ его времени изъ года въ годъ, отъ сочиненія къ сочиненію, и возсоздаетъ яркій образъ этого величайшаго изъ писателей всемірной литературы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1897 ГОДЪ ПРЕЖНЯЯ.

съ доставкою 4 р. || безъ доставки и пересылки 3 р. 50 к.

Подписка на 1897 продолжается по той же цѣнѣ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ—въ Конторѣ Редакціи, ГОСТИННЫЙ ДВОРЪ, Зеркальная лѣвѣя, № 63, магазинъ ПАНТЕЛЕВВА (противъ Пажескаго Корпуса); въ Москвѣ—въ Конторѣ Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ, Петровскія лѣвѣя, а гг. иногородніе благоволятъ адресоваться въ Редакцію, С.-Петербургъ, Верейская ул., д. № 16, собств.

Редакторъ **Ф. И. Булгаковъ.**

Издатель **Г. Ф. Пантелеевъ.**

„Вѣстникъ Иностранной Литературы“ за 1891, 1892, 1894 и 1895 гг.

продается по 4 р. годъ съ пересылкою

до всѣхъ станцій желѣзныхъ дорогъ товаромъ малой скорости, а съ пересылкою по почтѣ за каждый годъ 2 рубля дороже.

ТАМЪ ЖЕ ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА 144 ТОМА СОЧИНЕНІЙ СЛѢДУЮЩИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ:

Э. Зола, Бальзана, Флобера. Ж. Занда, Динненса, Вальтеръ Скотта, Бреть-Гарта, М. Твэна, Эдгара Поэ, Шпильгагена, Гофмана и Эбера.

ВСѢ 144 ТОМА будутъ изданы въ теченіе трехъ лѣтъ, по 48 том. въ годъ, т. е. по 4 тома ежемѣсячно, по 320 стр. въ каждомъ томѣ въ 8 д. листа, четкимъ шрифтомъ. Форматъ и шрифтъ—собранія сочиненій Гюи де Мопасана.

По 15 Ноября 1896 г. вышло 48 томовъ.

ЦѢНА ТОЛЬКО ПО ПОДПИСКѢ:

за всѣ 144 тома безъ доставки **36 р.**, съ доставкою въ Петербургъ и доставкой **48 р.**, съ пересылкою въ другіе города

РАЗСРОЧКА ДОПУСКАЕТСЯ НА СЛѢДУЮЩИХЪ ОСНОВАНИЯХЪ:

Подписчикамъ безъ доставки: при подпискѣ вносится 15 руб., къ 15 декабря 1896 г. 3 руб. а затѣмъ каждые 3 мѣсяца, считая съ 15 декабря 1896 г. по 3 р. Подписчикамъ съ доставкой и пересылкой: при подпискѣ вносится 20 руб., къ 15 декабря 1896 г. 4 р., а затѣмъ каждые три мѣсяца, считая съ 15 декабря 1896 г., вносится по 4 р.

По этой цѣнѣ подписка принимается только на 5000 экземпляровъ а затѣмъ, ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ПОВЫСИТСЯ, о чемъ будетъ объявлено своевременно.

ТАМЪ ЖЕ можно получить СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ:

ГЮИ ДЕ МОПАСАНА. 2-е изданіе. 12 томовъ. Цѣна 6 р. съ перес. 7 р. 50 к.

АЛ. ДОДЭ. 12 томовъ Цѣна 6 р., съ пересылкой 7 р. 50 к.

В. ТЕККЕРЕЯ. 12 томовъ. Цѣна 6 р., съ пересылкой 7 р. 50 к.

ИЗЯЩНЫЕ КОЛЕНКОРОВЫЕ ПЕРЕПЛЕТЫ:

Цѣна 6 переплетовъ на 12 томовъ А. Додэ. 1 р. 80 к., на 12 том. В. Теккеря 1 р. 80 к. и на 12 том. Гюи де Мопасана 1 р. 80 к. Перес. 6 перепл. за 3 ф., по разстояніямъ.

Адресоваться: къ редакцію «Вѣстникъ Иностранной Литературы», Спб., Врейская, 16 или въ Контору, Гостиный дворъ, магазинъ П. О. Пантелеева, № 63.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ.

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ**Вольшой еженедѣльный художественно-литературный журналъ****1897 г.**

занимаетъ первое мѣсто среди всѣхъ иллюстрированныхъ изданій Россіи и одно изъ первыхъ мѣстъ среди иллюстрированныхъ журналовъ всей Европы.

29 годъ изданія.**НИ ОДИНЪ ЖУРНАЛЪ ВЪ РОССІИ НЕ МОЖЕТЪ**

сравниться со „Всемирной Иллюстраціей“ ни по количеству, ни по полнотѣ, ни по объему.

Въ будущемъ, 1897 году „ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“ останется вѣрна своему высокому призванію—быть строго художественнымъ изданіемъ и являясь вѣрнымъ отраженіемъ жизни всего міра—и будетъ издаваться по прежней программѣ, на прежнихъ основаніяхъ, въ томъ же направленіи и при прежнемъ стремленіи къ постоянному улучшенію въ всѣхъ отношеніяхъ, при участіи лучшихъ литературныхъ и художествен. омы.

„ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“ обратитъ особенное вниманіе на иллюстрированныя описанія болѣе или менѣе выдающихся мѣстъ нашего отечества и постарается по возможности расширить этотъ отдѣлъ. Отъ времени до времени она будетъ давать странички, посвященныя „Живописному Петербургу“, изъ которыхъ впоследствии составится цѣлый альбомъ. Точно также она будетъ отдавать болѣе мѣста воспроизведенію художественныхъ сокровищъ обихъ столицъ. Литературный отдѣлъ ея будетъ заключать въ себѣ, кромѣ пояснительнаго текста къ рисункамъ, картинамъ и портретамъ, романы, повѣсти, рассказы, очерки, драматическія произведенія, стихотворенія наиболее выдающихся писателей русскихъ и иностранныхъ, статьи по этнографіи, исторіи, естествознанію, археологіи, сельскому хозяйству, искусству и проч., рядъ фельетоновъ, посвященныхъ обзоранію общественной жизни, науки и литературы какъ въ отечествѣ, такъ и за границей. Валлетристическія произведенія, даваемые въ прибавленіяхъ къ номерамъ журнала, попрежнему будутъ помѣщаться болѣею частью съ иллюстраціями. Какъ и прежде, отдѣлу „Спортъ“, богатому и разнообразному, будутъ отдаваться отдѣльныя странички въ журналѣ.

„НАТАНЪ МУДРЕЦЪ“ драматическая поэма Готгольда-Эфраима Лессинга въ нем., вомъ переводѣ В. С. Лихачова, известнаго переводчика произведеній Мольера и Корнеля, переводы котораго были неоднократно переизданы.

„ДЕКАМЕРОНЪ-БОККАЧІО“ избранныя новеллы въ переводѣ русскихъ писателей.

Обѣ книги съ великолѣпными иллюстраціями знаменитыхъ европейскихъ художниковъ.

„Натанъ-Мудрецъ“ представляютъ собою источникъ эстетическаго наслажденія, источникъ мудрости, изъ котораго могутъ черпать и люди преклоннаго возраста, и юности, желающіе жить осмысленной жизнью.

Избранныя новеллы изъ „Декамерона“ Боккаччо блестяще оцѣнены, совершенно своеобразнымъ юморомъ, брызжутъ веселостью, способной расшевелить самаго серьезнаго человека. Кромѣ того будутъ даны **ОТДѢЛЬНЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ** разнообразнаго содержанія.

Такимъ образомъ „Всемирная Иллюстрація“ за 1897 г. будетъ драгоценнымъ и вполне современнымъ изданіемъ для каждой русской семьи, интересъ котораго будетъ прогрессивно увеличиваться.

15 р.

Подписная цѣна журнала «Всемирная Иллюстрація»

на 1897 г.: со всѣми приложеніями и преміей. **18 р.**

безъ дост.

СЪ ДОСТАВКОЙ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ 17 руб. съ перес.

При подпискѣ безъ доставки въ МОСКВѢ, въ отдѣльныхъ конторахъ: 1) въ книжномъ магазинѣ А. Лавга, Кузнецкій Мостъ, № 15, 2) въ конторѣ Н. Н. Печковой, Петровскія лавки, и 3) въ книжномъ магазинѣ М. В. Клякина, Моховая, д. Бенкендорфъ. Въ ОДЕСѢ, въ отдѣленіи конторы при редакціи журнала «Вѣстникъ Выводѣйя» В. Е. Тамрова, Канатная. 13.

Цѣна роскошному изданію (на вѣлосеивой бумагѣ) безъ дост. 20 р., съ дост. и перес. 25 р.; въ Москвѣ безъ дост. 22 р.; за границу 30 р. Допускается рассрочка при подпискѣ 7 руб., затѣмъ къ 1 мая 6 руб. и къ 1 сентябрю остальные 5 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи „Всемирной Иллюстраціи“ : СПб. Садовая, 22.

Открыта подписка на 1897 годъ на

ежемесячный литературно-научный и политическій журналъ

СЪВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

(ГОДЪ ИЗДАНИЯ XII).

Въ 1896 г. въ «Сѣв. Вѣстн.» было, между проч., напечатано: Карьера Струнова. Пов. А. Эртели. — О развитіи русскаго народнаго хозяйства. Проф. А. Исаева. — Трильби. Ром. Ж. де-Морье. — Изъ писемъ Г. Н. Грановскаго. Любовь и ревность у дѣтей. Драма В. Якубовича. — Въ дудѣ. Пов. Вас. Немировича-Дапченко. — О направленіяхъ современной эстетикѣ. Э. Радлова. — Quo vadis. Ром. Ген. Сенкевича. — Воспоминанія о А. М. Герцентѣ. Н. Тучковой-Огаревой. — Любовь. Ром. О. Шапиръ. — Наслѣдственность пола. Е. Чижова. — Въ нанантѣ. Пов. П. Боборыкина. — Дѣтство и отрочество П. И. Чайковскаго. М. Чайковскаго. — Дѣѣ ковалы: а) «Наука любви и б) Любовь сильнѣе смерти». Д. Мережковскаго. — Новѣйшая испанская литература. Проф. А. Шепелевича. Зеркала. Пов. Э. Гиннисуэ. — Сѣверный полюсъ и путешествіе Нансена. М. Венякова — Фридрихъ Ницше. Отч. Д. А. Салоха. — Жилищная нужда рабочихъ классовъ. Д. Герценштѣяна. — Гоголь и А. О. Смирнова въ 1842—44 гг. В. Шевроха. — Новая французская школа въ музыкѣ и ново-германская музыка. А. Копляева. — Александръ Дюма и Новыя теченія во французскомъ романѣ. З. Венгеровой. — Новая побѣда науки. А. Гершуна. — Бѣгъ театра. Уазск. Я. Кривоскаго. — Идея Мллады. Н. Минскаго — Тамомноемное разооруженіе. В. Вирковича. — Исторія одного идейнаго преступленія. Проф. И. Оршаковского. — Письма изъ п-те Варде и Г. Флоберу. И. С. Тургенева. — Искусство и дѣйствительность. Изъ соч. Дж. Рескина. — Реорганизация С.-Петербургскаго и Московскаго комитетовъ грамотности. Н. Арфьева. — Изъ вѣздамъ. Раз. О. Сологуба. — Москва и Римъ. Проф. А. Врикзера. — Польскій публицистъ-художникъ. К. Льдова. — Тургеневъ и Толстой. Проф. Д. Овсянко-Куликовскаго. — Новая женщина и разводъ. П. Тверского. — Женские типы въ трагедіяхъ Расина. Проф. Э. Ватушкова. — Сельско-хозяйственные отхожіе промыслы. В. Вирковича. — Плесогорье. Ром. Л. Гуревичъ. — Изъициій студентъ конца вѣка. Проф. А. Трачевскаго. — Атомизмъ и энергетизмъ. Проф. А. Введенскаго. — На кошурѣ. Раз. А. Стерля, и мн. друг. — Стихи: Н. Минскаго, Д. Мережковскаго, Э. Гиннисуэ, К. Льдова, К. Фофанова, К. Вальмонта, Э. Сологуба, О. Чуминой и др.

Постоянные отдѣлы въ журналѣ:

- 1) Вопросы самообразованія (статьи проф. Н. Воргмана, проф. А. Козлова, проф. В. Шинкевича, проф. К. Поссе, проф. И. Шепелевича, Н. Усова, проф. А. Брикзера и друг.).
- 2) Областной отдѣлъ. 3) Земскій отдѣлъ. (Статьи: «Земское и городское самоуправленіе». М. Стивала, «Земскіе финансы». В. Вирковича, «Взаимное земское страхованіе». П. Скаскаго. «Земское и городское самоуправленіе». П. Кузнецова и др.).
- 4) Провинціальная печать. Л. Горева.
- 5) Внутреннее обозрѣніе.
- 6) За предѣлами Европейской Россіи. (Статьи: «Въ Сибири», «Кому просвѣщать Сибирь?», «Земство въ Сибири», «Смысла въ отдаленныхъ мѣстахъ Сибири», «Земская школа въ Сибири» и др. Н. Арфьева. «Кавказъ». М. П., «Прибалтійскій край». П. К., «Приволжскій край». М. П., «Финляндскія дѣла». П. Кузнецова).
- 7) Корреспонденціи изъ-за границы.
- 8) Изъ жизни и литературы. 9) Критика. 10) Библиографія. 11) Литературныя замѣтки. А. Волмесскаго. (Статьи: «Власть тьмы», «Современная русская баллетротика», «Философія теченія въ русской поэзіи», «Книга Куно-финера о Шопенгауэрѣ», «Два послѣднихъ романа Золя», «Польскій романистъ, Сенкевичъ» и др.).

Подписная цѣна на журналъ понижена (безъ измѣненія объема и состава мнѣмекъ). Разсрочка для иногороднихъ приспособлена къ удобствамъ почтовой пересылки денегъ.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И :

	Годъ.	Полгода.	Четверть.	1 мѣс.
Для иногороднихъ . . .	12 р. — к.	6 р. — к.	3 р. — к.	1 р. — к.
» городск. (съ дост.).	11 » — »	5 » 50	2 » 75	» — 90 »
» заграницы . . .	14 » — »	7 » — »	4 » — »	

Подписка принимается: въ главн. конторѣ, Сиб., Троицкая, 9; въ Москвѣ, въ отдѣл. кооп. книжн. маг. К. Тихомирова. Кузнецкій мостъ; въ книжн. магаз. Карбасникова, «Новое Время», Н. Печковской и др.

Редакторъ-издательница Л. Я. Гуревичъ. 3—1

1897 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1897 г.

НА ИЗДАЮЩУЮСЯ ВЪ РОСТОВЪ НА ДОНУ

ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

ПРИАЗОВСКІЙ КРАЙ

VII годъ изданія.

На основаніи и въ предѣлахъ разрѣшенной правительствомъ программы, содержаніе газеты раздѣляется на слѣдующіе отдѣлы:

1. Дѣйствія правительства. 2. Телеграммы «Россійскаго Телеграфнаго Агентства» и собственныхъ корреспондентовъ. 3. Специальныя телеграммы, курсовыя и фондовыя С.-Петербургской биржи. 4. Руководящія статьи по внутреннимъ вопросамъ. 5. Политическое обозрѣніе. 6. Иностранныя извѣстія. 7. Заграничная жизнь. 8. О чемъ пишутъ. 9. Злобы дни. 10. Общая хроника. 11. Летучіе листки. 12. Мѣстная хроника и изъ отдѣленій. 13. Арабески (Таганрогъ). 14. Пестрыя замѣтки (Новочеркасскъ). 15. Кубанскія письма (Екатеринодаръ). 16. Письма изъ Мариуполя. 17. Театръ и музыка. 18. Маленькій фельетонъ. 19. Изъ залы суда. 20. Наука, искусство и литература. 21. Библиографія. 22. Корреспонденція. 23. По Россіи. 24. Сжѣсь. 25. Фельетонъ литературный, научный, беллетристическій и др. 26. Торговья извѣстія. Биржа. 27. Справочный отдѣлъ. 28. Объясненія и рекламы.

Въ «Приазовскомъ Краѣ» помѣщаются портреты и рисунки, имѣющіе отношеніе къ текущимъ выдающимся событіямъ.

Условія подписки въ Россіи:

Съ доставкой и пересылкой городскимъ и иногороднимъ подписчикамъ: на годъ 9 р., на 11 м. 8 р. 50 к., на 10 м. 8 р., на 9 м. 7 р. 25 к., на 8 м. 6 р. 50 к., на 7 м. 5 р. 75 к., на 6 м. 5 р., на 5 м. 4 р. 25 к., на 4 м. 3 р. 50 к., на 3 м. 2 р. 75 к.; на 2 м. 2 р., на 1 м. 1 р.

Безъ доставки для городскихъ подписчиковъ: на годъ 8 р., на 11 м. 7 р. 50 к., на 10 м. 7 р., на 9 м. 6 р. 50 к., на 8 м. 6 р., на 7 м. 5 р. 25 к., на 6 м. 4 р. 50 к., на 5 м. 3 р. 75 к., на 4 м. 3 р., на 3 м. 2 р. 25 к., на 2 м. 1 р. 50 к. на 1 м. 80 к.

За пересылку газеты за границу взимается сверхъ подписной цѣны 60 коп. въ мѣсяць. За перемѣну адреса платится 60 коп.

Подписка принимается исключительно съ каждаго 1-го числа.

Подписка принимается въ Ростовѣ-на-Дону въ главной конторѣ газеты «Приазовскій Краѣ»

ВЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ КОНТОРЫ:

въ Таганрогѣ—у А. Б. Тараховскаго и П. Ф. Каменева, типо-литографія, по Итальянскому пер., № 19; въ Новочеркасскѣ—у Н. В. Туряева, Комитетская улица; въ Екатеринодарѣ—въ Кубанской книжной торговлѣ П. Т. Галаджанца; въ Мариуполѣ—у П. Н. Фалькевича; въ Ейскѣ—у Ф. С. Кудева; въ Новороссійскѣ—у Э. А. Маринаки; въ Азовѣ—у В. В. Золотарева; въ Луганскѣ—у П. Е. Кочетова; въ Александровскѣ-Грушевскомъ—у Б. М. Файншевскаго, типографія; въ Пятигорскѣ—у А. М. Мануилова, типографія; въ Грозномъ—у Е. П. Садовникова; въ Бакумѣ—у И. Р. Грмлахесъ; въ Армавирѣ—у Р. Ф. Уманцевой; на ст. Каменской—у В. И. Волокитина, типографія; на ст. Константиновской—обл. в. Д.—у М. И. Кучерова.

Редакторъ-надатель С. Х. АРУТЮНОВЪ.

Вольная ежедневная, политико-общественная и литературная газета

XXIII-й годъ
изданія въ
Н.-Новгородѣ.**ВОЛГАРЬ**Полнымъ 360
выпускомъ
ежегоднѣ.

Нижнегородскій Биржевой Листокъ

Въ 1897-мъ году

газета «Волгарь» будетъ выходить въ свѣтъ въ томъ же объемѣ и по той же обширной программѣ, какъ въ 1896-мъ выставочномъ году.

«Волгарь» представляетъ собою одно изъ старыхъ периодическихъ изданій въ Поволжье; кромѣ общихъ вопросовъ и событій русской жизни и текущихъ событій заграничныхъ, «Волгарь» отмѣчаетъ на своихъ столбцахъ еще событій изъ жизни Поволжья.

Въ 1897 г. организуется обширное получение изъ Петербурга важнѣйшихъ извѣстій, интересующихъ Поволжскій край, по телеграфу, отъ специальныхъ корреспондентовъ. Редакция надѣется такимъ образомъ установить быструю осведомленность поволжской публики о выдающихся событіяхъ данного момента.

Въ литературномъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, очерки и стихотворенія, оригинальныя и переводныя.

Подписная цѣна на газету „ВОЛГАРЬ“ на 1897 годъ.

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Многочисленнѣ.....	8 р.	7-50	7 р.	6-50	6 р.	5-50	5 р.	4-50	4 р.	3-50	2-50	1-50

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Нижнемъ Новгородѣ; въ Главной Конторѣ „Волгара“.

» С.-Петербургѣ. у Д. и Э. Метцль, въ магазинѣ „Новаго Времени“ и др.

» Москвѣ: у Метцль, Шабертъ, Редикова, Печковской, Сень-Мартенъ и Гляеровскаго

» городахъ Поволжья у комиссіонеровъ „Волгара“.

Новые подписчики на 1897 годъ, сдѣлавшіе подписку заблаговременно получаютъ **БЕЗПЛАТНО**: 1) „Волгара“ за ноябрь и декабрь мѣсяцы текущаго года.Редакторъ-Издатель „Волгара“. **СЕРГѢЙ МУКОВЪ**.

Открыта подписка на 1897 г. (IV г. изданія) на ежемѣсячный обще-научный журналъ.

НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ 1887 году „Научное Обозрѣніе“ будетъ выходить по расширенной программѣ, включающей отдѣлы наукъ физико-химическихъ, естественныхъ, антропологій, географій и этнографій, исторій литературы, социологій, статистики, археологій и исторій культуры, а также отдѣлы библиографій, научной хроникъ, научныхъ новостей, изобрѣтеній и открытій, биографій научныхъ дѣятелей и статей, относящихся къ исторіи науки.

Въ 1897 году въ приложенія будутъ даны капитальныя научныя сочиненія, частью изъ новѣйшихъ, еще не переведенныхъ на русскій языкъ трудовъ, частью изъ извѣстныхъ важное историческое значеніе.

Въ редакціи издѣются комплекты за 1895 г. (ц. 5 р. съ пер.) и за 1896 г. (ц. 6 р. съ пер.). Редакція высылаетъ также книги своего изданія (подписчики за пересылку не платятъ) въ томъ числѣ „Сочиненія Дарвина“ въ 4 томахъ, съ рисунками подлинника, ц. три рубля. (Т. I. Происх. видовъ, т. II. Происх. человека, т. III. Путешествіе на кор. Бигль и Автобиографія, т. IV. Выраженіе душевныхъ влеченій, всего около 2000 стр.).

При редакціи принимается подвѣскъ на сочиненіе М. Филиппова, Философія дѣятельности (Исторія и критика научно-философскихъ мировоззрѣній отъ древности до нашихъ дней). Большой томъ (800 стр. большого формата) съ табл. рис. Подписная цѣна съ перес. шесть рублей. Первая половина высылается немедленно. Изданіе это закончится въ 1897 году.

Подписная цѣна на „Научное Обозрѣніе“ 12 книгъ въ годъ:

На годъ	семь рублей (съ пер.).
За границу	десять рублей.
Полгода	четыре рубля.
Четверть года	два рубля.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Екатерининская, д. 6, кв. 8.

Ред.-над. д-ръ философіи М. Филипповъ. 3—

ПОДПИСКА, НА 1897 Г., НА ИЛЛЮСТ. ЛИТЕРАТ.-ПОЛИТИЧ. ЖУРНАЛЪ:

НАБЛЮДАТЕЛЬ и ГАЗЕТУ ГЛАСНОСТЬ

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, перваго числа, книгами отъ 25—30 печатныхъ листовъ, безъ предварительной цензуры (т. XVI).

Газета будетъ выходить съ 1 января ежедневно, по программѣ и въ форматѣ большихъ газетъ безъ предварительной цензуры, съ иллюстраціями.

Редакція газеты ГЛАСНОСТЬ—общая съ редакціей НАБЛЮДАТЕЛЯ. Это обстоятельство избавляетъ насъ отъ необходимости выяснять подробно направленіе газеты. Скажемъ только, что мы стоимъ за прогрессивное развитіе нашей государственной и общественной жизни, на національной почвѣ, въ сторону свѣта, правды, нравственнаго развитія и экономическаго благосостоянія.

Годовая цѣна газеты ГЛАСНОСТЬ: съ доставкою въ Петербургъ 12 р., съ пересылк. иногороднымъ 12 р., съ перес. за гран.—22 р. За полгода: съ дост. 7 р., съ перес. 8 р., за гран. 12 р. За три мѣсяца: съ дост. 4 р. съ перес. 5 р., за гран. 7 р. За 1 мѣсяць: съ дост. 2 р., съ перес. 3 р. 50 к. за гран. 3 р.

Годовая цѣна НАБЛЮДАТЕЛЯ: съ доставкою въ Петербургъ и пересылкою иногороднымъ 12 р., за границу 14 р. За полгода: 6 р. съ дост. и перес. въ Россіи, за гран. 7 р. За три мѣсяца: 3 р. съ перес. въ Россіи, за гран. 4 р. Гг. служащимъ расценка (мѣсячная и по третямъ) за поручительство назначены. Книгопродавцамъ уступка: 50 коп. съ годового экземп. При подпискѣ полугодовой, уступки не полагаются.

Въ первомъ полугодіи НАБЛЮДАТЕЛЯ за 1897 г. будутъ напечатаны романы: «Сѣтя поколѣній» А. Михайлова (А. К. Шеллера), «Отравленная совѣсть» А. В. Амфитеатрова и пр.

При совмѣстной подпискѣ на НАБЛЮДАТЕЛЬ и ГЛАСНОСТЬ, годовая цѣна: съ дост. 20 р., съ перес. и иногор. 22 р., за гран.—32 р. За полгода съ дост. 12 р. съ перес. 13 р., за гран. 17 р. За три мѣсяца: съ доставк. 7 р. съ перес. 8 р., за гран. 10 р. Книгопродавцамъ, за совмѣстную годовую подписку на журналъ и газету, уступка—1 р., за полугодовую—50 коп. Главная контора журнала и газеты: Сиб. Пушкинская, № 8 (бливъ Невского).

2—1

Редакторъ-издатель А. И. ПЯТКОВСКІЙ.

МИХАИЛЬ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ОСНОВАТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА «РУССКАЯ СТАРИНА»

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ. 1837—1892

Съ двумя портретами и письмами Благосвѣтлова, Модзалевскаго, Ушинскаго и другихъ.

Цѣна безъ пересылки 3 руб.

Для подписчиковъ «Русской Старины» 2 р.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Складъ изданія въ Сиб. на Большой Подъяческой, д. 7, кв. 3, у издательницы. Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ.

Продается бібліотека М. И. Семевского, гравюры, портреты, изданія.

разбора ми, между прочимъ, читаемъ: „Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ былъ всю свою жизнь нелюдимъ, — это человекъ гордый, неуязвимый, вызывающій, колкій, задорный, который, повидимому, и не привязывался ни къ кому особенно крѣико, даже къ женщинамъ“. Заканчивается эту статью г. Спасовичъ такими словами: „Значеніе Лермонтова и вліяніе его поэзіи еще не дошли до своего апогея; они усиливаются, растутъ, и на нашихъ глазахъ этотъ колючій и неукоренный титанъ сталъ заслонять собою Пушкина, котораго онъ. быть можетъ, выше по росту, хотя къ нему-то именно и не идетъ то, что Пушкину ставитъ себѣ въ заслугу въ „Памятникѣ“, — что онъ „чувства добрыя“ въ народѣ пробуждалъ. По даннымъ жизни и по поэзіи Лермонтова, воображеніе наше не можетъ его представить себѣ инымъ, какъ только непреклонно гордымъ, вѣчно мятежнымъ, презирающимъ людей и злословящимъ судьбу“.

Значительный интересъ представляетъ рѣчь В. Д. Спасовича, произнесенная имъ 8-го іюня 1890 года въ залѣ Дворянскаго собранія на IV международномъ пенитенциарномъ конгрессѣ, по поводу исполнявшагося столѣтія со дня смерти Джона Гарварда.

Въ статьѣ „Новыя направленія въ наукѣ уголовнаго права“, которая была читана въ С.-Петербургскомъ Педагогическомъ Музеѣ въ началѣ 1891 г., — г. Спасовичъ утверждаетъ: „несомнѣнно, что въ не очень продолжительномъ времени вся область уголовного права и процесса явится въ совсѣмъ отличномъ отъ настоящаго и до неузнаваемости новымъ видѣ“.

Далѣе въ 8-мъ томѣ напечатана рѣчь Владиміра Даниловича, произнесенная въ мартѣ 1894 года, на юбилей А. М. Скабичевскаго, известнаго литератора и критика. „Я ему особенно признателенъ, — говорилъ ораторъ, — за его „Исторію новейшей русской литературы“ (1848—1890), безъ которой намъ пришлось бы блуждать по нашей современности и, какъ говорить, „въ-за-дерева не видѣть лѣса“.

За этою рѣчью слѣдуетъ: письмо къ редактору „Новостей“ отъ 22-го марта 1894 года, озаглавленное — „Памяти А. П. Платонова“, и рѣчь, сказанная г. Спасовичемъ на кладбищѣ Новодевичьяго монастыря,

надъ могилою известнаго присяжнаго повѣреннаго Е. И. Утна.

Заканчивается этотъ послѣдній томъ большою, блестящимъ азыкомъ написанною статьєю „Дружба Шиллера и Гёте“, состоящею изъ трехъ частей. Эта статья была напечатана въ „Вѣстникѣ Европы“ (февраль—апрѣль 1894 г.).

Вотъ въ общихъ чертахъ содержаніе 8-го тома сочиненій В. Д. Спасовича.

Н. И-ш-ъ.

Достопримѣчательныя села Тульской губерніи. Выпускъ II. Село Гремляче-бывшій городъ-крѣпость государства Московскаго. Историческій очеркъ А. И. Миловидова. Тула. 1895 г., 82 стр. Цѣна 35 коп.

Въ небольшой брошюрѣ, заглавіе которой ми выписали выше, А. И. Миловидовъ знакомитъ насъ съ исторією одного изъ городовъ, которые, сыгравъ свою историческую роль, сошли со сцены и обратились въ простыя села, сохранивъ свое старинное названіе.

По словамъ г. Миловидова, въ первый разъ городъ Гремлячій упоминается въ рядныхъ росписяхъ 1615 года, среди городовъ рязанскихъ. Созданный исключительно для военныхъ цѣлей, этотъ городъ съ его деревяннымъ острогомъ и земляными валами, первоначально былъ и по населенію, и по внутреннему устройству своему военнымъ, хотя данныя служилымъ людямъ помѣстья заставляли ихъ заниматься земледѣліемъ и соединить военный свой бытъ съ земледѣльческимъ. По мѣрѣ того, какъ юго-восточная русская граница углублялась въ степь, уменьшалась опасность отъ набѣговъ, — термилось вмѣстѣ и значеніе Гремлячаго какъ крѣпости, вслѣдствіе чего онъ первоначально обращается въ земледѣльческій, безъузданный городъ, а затѣмъ — въ село съ пашенными солдатами. Изучал его исторію, мы знакомимся съ цѣлою серією подобныхъ городовъ-крѣпостей, которые, исполнивъ свое историческое назначеніе влѣ обратились въ села, или совсѣмъ прекратили свое существованіе.

Н. И-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
РУССКАЯ СТАРИНА
1897 г.

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАВІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **ГОРОДСКИХЪ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Фонтанка, д. № 145, и въ книжную магазинъ А. Ѳ. Цинвердинга (бывшій Молье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Коха), Н. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

Гр. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала «Русская Старина», Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Живеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, записки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторѣ редакціи слѣдующія изданія журнала:

«Русская Старина» 1876 г., второе изд. (35 экз.), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1877 г., 12 книгъ (24 экз.), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1878 г., 12 книгъ (20 экз.), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1879 г., второе изд. (1 экз.), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1880 г., 12 книгъ (40 экз.), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1881 г., 12 кн., изд. второе (13 экз.), съ портр., 9 руб.
«Русская Старина» 1884 г., 12 книгъ (38 экз.), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1885 г., 12 книгъ (38 экз.), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1888 г., 12 книгъ (45 экз.), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1889 г., 12 книгъ (206 экз.), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1890 г., 12 книгъ (144 экз.), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1891 г., 12 книгъ (25 экз.), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1892 — 1896 гг., 12 книгъ, съ портретами, 9 руб.

